

Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления

На правах рукописи

Дудин Павел Николаевич

БУФЕРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
ЯПОНСКИЕ МОДЕЛИ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
В СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В 1935-1945 ГГ.

Научная специальность

5.5.1. История и теория политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени

доктора политических наук

Научный консультант:

доктор политических наук, доцент

Алексей Викторович Михалев

Улан-Удэ – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	27
1.1. Основы регионального политического порядка в зоне российско-китайского фронта в первой половине XX в.	27
1.2. Буферные зоны на границах империй Восточной Азии.....	67
1.3. Концепт буферной государственности в политической истории и теории.....	94
ГЛАВА 2. КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕОЛОГИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.	127
2.1. Буддийский фактор и теократические тенденции в конструировании регионального политического порядка в Восточной Азии.....	127
2.2. «Экспорт революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния.....	167
2.3. Японская доктрина регионального политического порядка и идеология паназиатизма.....	198
ГЛАВА 3. БУФЕРНЫЕ АВТОНОМИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА СЕВЕРНОГО КИТАЯ В 1935–1938 ГГ.	236
3.1. Моделирование автономизации Северного Китая и Регион пяти провинций.....	236
3.2. Региональная автономия Восточного Хэбэя в демилитаризованной зоне.....	262
3.3. Региональная автономия Хэбэя и Чахара в зоне совместного китайско-японского присутствия	306

ГЛАВА 4. БУФЕРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В 1937–1945 ГГ.	358
4.1. Временное правительство Китайской Республики и буферная государственность Северного Китая.....	358
4.2. Формирование буферной государственности и региональный политический порядок Восточного Китая.....	406
4.3. Создание Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя как альтернативной модели китайской государственности.....	427
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	485
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	491
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	531

ВВЕДЕНИЕ

В последние полтора десятилетия для нашей страны стало реальностью образование и существование буферных зон, которые в одних случаях способствовали замораживанию конфликтов на южных рубежах, а в других – их провоцировали. Речь идет о таких буферных зонах, как Южная Осетия и Абхазия¹, Донецкая и Луганская народные республики². Создание буферных территорий – явление не уникальное. В начале XX в. такие территории между Западом и Востоком, между немцами и русскими обозначали термином *Zwischeneuropa* («Междуевропа», «Промежуточная Европа»)³. В Азии в силу ее геостратегического положения в роли буфера между Индией и Китаем в вопросе взаимных территориальных претензий выступает Непал⁴.

Однако временем чрезвычайно бурных в этом плане событий были 1930–1940-е гг. на Дальнем Востоке, когда вслед за юридическим крахом империи Цин и фактическим распадом республиканского Китая, вызвавшего внутри страны чувство глубокого национального унижения⁵, Россия пыталась выстроить «красный», или «коммунистический», а Япония «антикоммунистический» пояс на территориях российско-цинского фронта.

В начале 1930-х гг. в сложившейся в регионе международной обстановке создание и сохранение буферных государств служило целям обеспечения как безопасности держав, так и их стратегического присутствия, с чем они в итоге и справились. Дальнейшие процессы формирования политического порядка

¹ Лукьянов Ф. А. Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил. М., 2015. С. 67.

² Русин А. О. Буферная Украина – 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/10/08/426> (дата обращения: 24.12.2017).

³ Косов Ю. В., Фокина В. В. Политическая регионалистика. СПб.: Питер Пресс, 2009. 67 с.; Левандовский В. Украина в геополитических концепциях первой трети XX столетия // Политическая мысль. 1994. № 3. С. 59–69.

⁴ Харина О. А. Конфликт интересов Индии и Китая в Непале // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 1. С. 127.

⁵ Dudin P. The world of the past century and modern China (on the basis of scientific materials Russian Faculty of Law in Harbin) // Social Science. 2016. Vol. 11. Is. 21. P. 5116–5122.

протекали в условиях военного напряжения и предполагали подключение совершенно иных механизмов.

Россией, сначала имперской, а затем советской, была выстроена эффективная государственная система, которая, несмотря на революционные потрясения и военные конфликты, сумела сохранить жизнеспособность и безопасность своих государственных границ, а сами буферные государства либо получили статус суверенных и признанных среди других стран (как, например, Монголия), либо выполнили свою задачу и вошли в состав Советской России (как, например, Тува или Дальневосточная республика).

Однако помимо России в регионе существовала другая сила – Японская империя, которая на рубеже XIX–XX вв. приобретала огромные территории в Восточной Азии с разными международно-правовыми статусами (от многих из них страна вынуждена была отказаться по Сан-Францисскому договору 1951 г.)⁶. С занятием японцами Маньчжурии и созданием Маньчжоу-Го ситуация в регионе существенно изменилась. Начался аналогичный советскому процесс создания буферных зон и государств, решающих схожие стратегические задачи, но, в отличие от советских, прекративших свое существование в августе 1945 г. Схожесть советской и японской моделей создания и функционирования буферных территорий подвигает к необходимости исследовать государственную природу тех политических образований, которые создавались при участии Японии. Начав свое победоносное шествие с Маньчжурии в 1931 г., руководство этой страны образовало цепь буферных государств, модели, которые затем были использованы в Южной и Юго-Восточной Азии при создании Великой восточноазиатской сферы взаимного процветания.

Восточная Азия с ее национальным, культурным и религиозным разнообразием привлекала внимание крупных западных держав и Советского

⁶ *Ахметова Б. З., Карабулатова И. С., Дудин П. Н., Доржиев Ж. Б.* Напряжение вокруг проблемы Южно-Китайского моря как фактор геополитического противоборства и трансформации современного мирового порядка // *Центральная Азия и Кавказ*. 2016. Т. 19, вып. 4. С. 55–63.

Союза как экспериментальная площадка для отработки определенных подходов и технологий, выявления возможности их применения в других регионах. Фактически же в рассматриваемый период в заявленном пространстве Восточной Азии буферную государственность при конструировании регионального политического порядка удалось использовать только СССР при так называемом «экспорте революции»⁷, формировании «коммунистического пояса» и Японии. В данной работе мы разберем японский опыт.

Политическая модальность, акцентируя внимание на региональном доминировании государств-гегемонов, подчиняет этой идее экономические и культурные институции. Именно поэтому после рассмотрения теоретических посылов и категорий мы проанализируем идеологические установки регионального политического порядка, а затем опыт их практического воплощения.

Степень изученности проблемы. Изучению и описанию становления России и Японии в качестве региональных держав в первой половине XX в. посвящено немало работ, но предметных исследований процесса государственного строительства и формирования регионального политического порядка в Восточной Азии в заявленные хронологические рамки практически нет. Условно можно выделить несколько категорий работ, в той или иной мере освещающих исследуемые явления, события и процессы.

Так, первую категорию составляют работы мемуарного характера. Одним из первых отечественных исследователей Внутренней Азии был Николай Рерих. В своих работах он⁸ приводит весьма полезные данные относительно границ китайских провинций. Будучи лично знаком с главами монгольских хошунов, он присутствует при некоторых событиях, связанных с движением

⁷ Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф. Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Ч. 1 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14(1). № 1. С. 8–23; *Они же*. Там же. Ч. 2 // Там же. Т. 14(2). 226–237.

⁸ Рерих Н. Врата в будущее. Рига: Угунс, 1936; *Его же*. Листы дневника. Т. 1 / сост. Н. Г. Михайлова. М.: МЦР; Бисан-Оазис, 1995; *Его же*. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) / сост., вступ. ст., коммент. О. А. Лавреновой. М.: Международный центр Рерихов, 2015. 518, [1] с.

за автономию в Северном Китае, описывает их, в том числе княжеские ставки, обычаи и устои того времени. Вместе с тем многие данные нуждаются в уточнении в силу того, что они излагаются не научным, а художественным языком. Автор не вдаётся в изучение причин и факторов автономистского движения, лишь торжественно приветствует его, имея при этом в виду только Внутреннюю Монголию. Весьма интересный взгляд на роль японского военно-морского флота и отчасти военного командования представлен Томиокой Садатоси⁹, который занимал важные должности в морском ведомстве Японии, а после окончания войны, будучи директором музея, написал по заказу США полумемуарные обзоры с богатым документальным приложением.

Вторую категорию составляют отечественные научные работы исследователей советской эпохи или изданные в Советском Союзе в 1930–1990-х гг. (часть из них выполнена иностранными авторами, но за рубежом не издавалась). Особенности научной литературы советского периода о Китае в целом и китайско-японских отношениях, в частности¹⁰, является классовый подход¹¹, акцент на неверной национальной политике центрального правительства¹², военные¹³ и экономические¹⁴ интересы и ресурсы Японии и западных держав¹⁵, фактическое игнорирование возникающих на этих территориях в исследуемый период политических институций¹⁶, со свойственной тому времени риторикой и такими хлесткими определениями, как «японская военщина», «очередная японская марионетка» и т. п. Для нас

⁹Томиока Садатоси. Политическая стратегия Японии до начала войны: моногр. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 217.

¹⁰Бурлингас И. Я. Китай и Япония // Китай и соседи в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1982. С. 396–452.

¹¹Новейшая история Китая. 1928–1949 / под ред. М. И. Сладковского. М.: Наука, 1984. 440 с.

¹²Богословский В. А., Москалев А. А. Национальный вопрос в Китае (1911–1949). М.: Наука, 1984. 264 с.

¹³Военно-экономические ресурсы Японии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Информ.-стат. управление РККА, 1934. 87 с.; Биссон Т. А. Военная экономика Японии / пер. с англ. Г. В. Конюшкова; под ред. проф. К. М. Попова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. 308 с.

¹⁴Виолис А. Япония и ее империя. М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. 133 с.; Аварин В. Независимая Манчжурия. 2-е доп. изд. Л.: Партиздат, 1934. 152 с.

¹⁵Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 51 с.

¹⁶Титова С. Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг. М.: Наука, 1981. 216 с.

интерес представляют работы, в которых дается общая характеристика процессов, событий или явлений в регионе, возможность сопоставить эти данные с данными источников, используемых при написании настоящей работы.

Современная российская научная литература весьма обширна, но сосредоточена либо на общих аспектах японского вторжения, либо только на Маньчжоу-Го. Один из крупнейших современных специалистов по региону В. Г. Дацышен рассматривает отдельные аспекты формирования политического порядка в Восточной Азии с исторических позиций. Так, начальный этап развития регионального порядка и японское участие в этом вскользь затронуты в работе «Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг.»¹⁷, поскольку именно по результатам Боксерского протокола европейские державы и Япония получили возможность экономических и военных действий в пределах своих концессий, которые и становились опорными точками их присутствия на континенте. Кроме того, В. Г. Дацышен занимается исследованием роли КВЖД в русско-японских отношениях как основы стратегического присутствия на северо-востоке Китая, а позднее – угрозы японскому влиянию и, как следствие, участия Японии в вытеснении СССР из региона¹⁸, в закреплении ее на континенте до начала конфликта с Китаем¹⁹, советско-японского противостояния в Монголии²⁰, военных действий на финальном этапе Второй мировой войны²¹. Тему советского присутствия и японских интересов

¹⁷Дацышен В. Г. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск, 2001.

¹⁸Дацышен В. Г. Конфликт на КВЖД 1929 года. Материалы сибирских региональных архивов о ситуации в воинских частях и взаимодействии с местным населением // Военно-исторический журнал. 2009. № 12. С. 22–28; *Его же*. Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 г. на КВЖД // Российская история. 2011. № 5. С. 51–62.

¹⁹Он же. Япония и гражданская война в Туве // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 44–54; *Его же*. Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.) // Ежегодник Японии. 2014. № 43. С. 192–209; *Его же*. «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 126–133; *Его же*. Консульства Маньчжоу-Го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. // Там же. 2013. № 5. С. 135–143.

²⁰Он же. «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности // Родина. 2009. № 8. С. 17–19.

²¹Он же. Советско-японская война 1945 г. (к проблеме исторической литературы и источников) // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы Междунард. науч. конф., посвящ. 70-летию

исследует М. В. Кротова в статье «К вопросу о продаже КВЖД СССР Маньчжоу-Го в 1935 г.»²²

Маньчжоу-Го как объект японских интересов и успешный результат внешней политики этой страны рассматривается множеством авторов под разными углами зрения. Так, значительный интерес вызывает непосредственное участие японской стороны в конструировании маньчжурской государственности²³ и ее институтов²⁴, вопрос о статусе этого политического образования²⁵ и переосмыслении категорий, характеризующих его в прошлом и настоящем²⁶, а также роль эмигрантских кругов в обеспечении японских интересов в регионе²⁷.

Вопросы истории развития Северо-Восточного Китая, его экономики, внешней политики Японии в отношении Китая анализируются работах

Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. В 2 ч., ч. 1 / под ред. Е. В. Дроботушенко. Чита, 2015. С. 81–90.

²²Кротова М. В. К вопросу о продаже КВЖД СССР Маньчжоу-Го в 1935 г. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1(41). С. 105–111.

²³Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) // Власть. 2014. № 9. С. 143–147.

²⁴Кейдун И. Б., Елисеева Я. А. Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-Го // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 48. С. 31–36.

²⁵Максимович М. Н. Внешнеполитические аспекты образования государства Маньчжоу-Го // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2017. № 17. С. 143–146.

²⁶Кузьмин Ю. В. История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квазигосударство? // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2(26). С. 179–186; Дацышен В. Г. СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства // Eurasia: Statum et Legem. 2018. № 10. С. 38–52.

²⁷Гайкин В. А. Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-Го (1931–1945 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 5. С. 123–131; Наземцева Е. Н. Японские оккупационные власти и российская эмиграция в Маньчжоу-Го в 30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 163–170.

А. К. Жабицкого²⁸, В. А. Паськова²⁹, Ю. В. Ордынской³⁰, Г. Н. Романовой³¹, В. В. Досовицкой³².

Современная зарубежная литература по этому периоду выходит под грифом ведущих мировых учебных центров: Оксфорда, Кембриджа, токийских университетов. В своих трудах Уильям Бизли³³, Паркс Кобл³⁴, Эдвин Мойз³⁵, Сара Кросби, Мэллори Пэйн³⁶, Марк Элиот³⁷, Цинь Юянь³⁸ и другие³⁹ не изучают именно коллаборационистские режимы, а японско-китайское противостояние, тогда как конструируемые при участии японской стороны буферные государства упоминаются при описании событий на севере Китая или так, как они обозначены в нашем исследовании, или в качестве провинций Китая, перешедших на сторону врага. Тем не менее даже этот мизерный объем материала позволяет дополнить имеющиеся данные.

²⁸Жабицкий А. К. Разведка Японии в Северо-Восточном Китае и Монголии в 1905–1914 гг. // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 4(53). С. 197–202.

²⁹Паськов В. А. Северо-Восточный Китай в рамках политической концепции кабинета Танака // *Filo Asiaticum*. 2016. № 1. С. 108–118.

³⁰Ордынская Ю. В. Территориальное освоение Северо-Восточного Китая в период образования государства Маньчжоу-Го [Электронный ресурс] // Новые идеи нового века: мат-лы Международ. научн. конф. ФАД ТОГУ. 2016. Т. 1. С. 258–262. Режим доступа: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/fad/science/nionc/nionc-2016/

³¹Романова Г. Н. Экономика Северо-Восточного Китая накануне и в период его оккупации Японией [Электронный ресурс] / отв. ред. А. П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2003. С. 244–249. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454494>; *Он же*. Усиление экономических позиций Японии в Северо-Восточном Китае в период оккупации (30-е годы XX в.) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3(72). С. 104–112; Досовицкая В. В. Установление власти Японии в Северо-Восточном Китае в первой половине XX в. // Власть и насилие в незападных обществах. Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения. М., 2016. С. 300–309.

³²Досовицкая В. В. Указ. соч.

³³Beasley W. G. Japanese imperialism 1894–1945. Oxford: Oxford University Press, 1987. 296 p.

³⁴Coble P. M. Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991. 475 p.

³⁵Moise E. Modern China: A History. London; N. Y.: Longman, 1986. 256 p.

³⁶Paine S. C. M. The Wars for Asia, 1911–1949. Cambridge University Press, 2012. xv+487 p.

³⁷Elliott M. C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000. Vol. 59. No. 3. P. 603–646.

³⁸Цинь Юянь. Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. 2-е изд. Токио: Изд. объединение высших учебных заведений, 2005. 256 с.

³⁹The Modernization of Inner Asia / С. Е. Black, L. Dupree, E. E. West, E. Naby. N. Y.: M. E. Sharpe, 1991. 407 p.; *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information [Электронный ресурс] // *Twentieth-Century China*. 2000. No. 25(2). P. 75–113. Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/issue/44349> (дата обращения: 01.08.2022); *Narangoa L., Cribb R. B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // *Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series*. Routledge, 2003. 384 p.

Отдельные попытки исследования в интересующем нас ракурсе предпринимаются в томах 12 и 13 «Кембриджской истории Китая»⁴⁰, где буферная государственность, включая и Регион пяти провинций (устоявшееся и используемое в исторических документах, дипломатической переписке, материалах средств массовой информации исследуемого периода и зарубежной исторической науке название региона на севере Китая, в который входят провинции Чахар, Суйюань, Хэбэй, Шаньси и Шаньдун, в 1933–1937 г. представлявшие для Японии особый интерес⁴¹. Он был обусловлен удобством географического расположения провинций, наличием залежей полезных ископаемых и расположением на их территории крупнейших политических, финансовых и торговых центров – Пекина (Бэйпин) и Тяньцзиня), рассматривается, с одной стороны, в русле советских национальных стратегических интересов в Китае, прежде всего во Внешней Монголии, с другой – в русле советско-японских отношений. О южном буфере размышляет и Лин Сяотин в работе «Этнические границы современного Китая: путешествие на Запад»⁴². Военную структуру коллаборационистских режимов рассматривают английские исследователи Филипп Джоуэтт и Стефан Эндрю⁴³. Среди работ, в той или иной связи упоминающих о коллаборационистах и их режимах, особый интерес представляют монографические⁴⁴ и диссертационные исследования⁴⁵ об опиумной политике Японии на континенте.

Причинам политического и экономического давления Японии на Китай посвящен сборник научных работ «Япония, Китай и развитие азиатской

⁴⁰ The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 1. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. P. XX, 1120; The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 2. ... P. XX, 1108.

⁴¹ Dudin P. N. The Policy of Japan Concerning Natural Resources of Mengjiang: Legal Aspects // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome, Italy. 2015. Vol. 6. No 3. P. 131–137.

⁴² Hsiao-ting Lin. Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. Abingdon, Oxon; N. Y.: Routledge, 2011. P. XXX, 192.

⁴³ Jowett Ph., Andrew St. Chinese Civil War Armies 1911–49. Osprey Marketing Publishing, Oxford, 1997. P. 48.

⁴⁴ Brook T., Wakabayashi B. T. Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952. London: University of California Press, 2000. P. 456.

⁴⁵ Kingsberg M. L. The poppy and the acacia: opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945 / PhD diss. University of California, Berkeley, Spring, 2009. P. 409.

международной экономики, 1850–1949 гг.»⁴⁶, содержащий массу отраслевых данных.

Ряд авторов концентрирует внимание на японской политике на континенте, в том числе на планах Мацуоки по превращению Северного Китая в буфер, защищающий континентальные территории японских интересов от угрозы проникновения коммунистической идеологии⁴⁷; на инструментах, к которым прибегала японская сторона при выстраивании буферной государственности на севере и востоке Китая⁴⁸; роли в этом процессе Фумимаро Коноэ⁴⁹ и идеологии японского общества и политических элит, смене политического курса и соответствующей мотивации к этому⁵⁰. Следует упомянуть некоторые издания, посвященные исследованию состояния развития Японии в XX в.⁵¹, ее влиянию на формирование паназиатских концепций⁵². В ряде работ в качестве буферных государств упоминаются Корея⁵³, Внутренняя Монголия, ее составные части⁵⁴, Внешняя Монголия (включая Кобдо и Улясутай)⁵⁵ и Синьцзян⁵⁶.

Интереснейший научный эксперимент был поставлен японским автором Минору Китамурой и китайским автором Лин Сиюнем в совместной работе «Вынужденные противники: Япония и Вторая китайско-японская война»⁵⁷. Во

⁴⁶ Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / Kaoru Sugihara. N. Y.: Oxford University Press, 2005. XV+295 p.

⁴⁷ Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization / ed. Yukie Yoshikawa. Washington, 2009. P. 145.

⁴⁸ Compellence and the strategic culture of imperial Japan: implications for coercive diplomacy in the twenty-first century / ed. by Forrest E. Morgan. Westport, Conn.: Praeger, 2003. P. XII, 294.

⁴⁹ *Yoshitake Oka*. Konoe Fumimaro: A Political Biography / trans. by Shumpei Okamoto and Patricia Murray. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. P. VIII, 214.

⁵⁰ *Yagami Kazuo*. Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: a critical appraisal of the three-time prime minister. Jefferson, N. C.: McFarland & Co., 2006. P. VII, 190.

⁵¹ *Tipton E. K.* Modern Japan: a social and political history. London; N. Y.: Routledge, 2008. P. XVII, 297.

⁵² Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders / ed. Sven Saaler and J. Victor Koschmann. N. Y.: Routledge, 2006. P. 288.

⁵³ *Liu Xiaoyuan*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge University Press, 2002.

⁵⁴ *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library). Leiden: Brill Academic Pub.; 1st ed., 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minerva-access.unimelb.edu.au/items/b77bcd18-0c7f-5ae7-804b-d75e058d9b34>.

⁵⁵ *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. BA (Hons) Adelaide, 2008.

⁵⁶ *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present. London: Ecco, an Imprint of Harper Collins Publishers, 2008. P. XLVII, 762.

⁵⁷ *Kitamura Minoru, Lin Siyun*. The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war // Connie Prener Publisher. Lanham; Maryland: University Press of America, 2014. P. 106.

вступительной статье японский автор говорит о том, что сложившийся стереотип представления Японии исключительно как агрессора и условно отрицательного персонажа, а Китая в качестве несчастной жертвы и условно положительного персонажа вынудил ученых подойти к проблеме с иных позиций. В результате отправной точкой послужила диспозиция о том, что Япония и Китай были геополитическими соперниками, которые на равных боролись и за модернизацию, и с притеснением со стороны западных держав. С этой позиции и анализировались отношения между Японией и Китаем после эпохи Мэйдзи (1868–1912), а в качестве логического продолжения пересмотрены последующие конфликты и их последствия. В результате были получены интереснейшие выводы, а ученые показали позитивный пример научной принципиальности.

Существует немало научных работ, в которых освещаются события в регионе в период, предшествующий Второй мировой войне, и военных действий на тихоокеанском театре, а также значительное количество трудов по государственному строительству, в которых исследуются политическое устройство, административно-территориальное деление, управление, правовая система, экономика и финансы, развитие государственности. При этом попытки населения более двух десятков территорий Восточной Азии получить после распада империи Цин и Российской империи государственный суверенитет до сих пор ждут своих исследователей.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что буферная государственность, равно как и в целом буферные зоны, конструируемые, с одной стороны, для недопущения проникновения в контролируемый державой регион других государств, негосударственных акторов и контридеологии, с другой – с целью закрепления и упрочения на контролируемой территории, являются проекцией мощи данной державы и индикатором ее состоятельности как актора – властного центра, способного к формированию политического порядка в соответствующем регионе.

Цель настоящей работы – на основе комплексного историко-политологического анализа сконструировать и теоретически обосновать концептуальную модель регионального политического порядка в Восточной Азии, ее специфические характеристики и на примере японской политики в регионе определить место и роль в ней буферных государств.

Для достижения этой цели **задачами** необходимо:

1. Дать определение категориям регионального политического порядка в целом и применительно к региону Восточная Азия, в частности, а также буферных зон и буферной государственности в политической истории и теории, установив между ними взаимосвязь.

2. Обосновать идеологические основы регионального политического порядка в Восточной Азии в первой половине XX в.

3. Выявить специфику японской внешней политики в регионе и характер ее взаимоотношений с другими державами для достижения желаемых результатов.

4. Определить место буферных автономий в структуре политического порядка Северного Китая и их роль в дальнейшем процессе формирования буферной государственности.

5. Дать обоснование положению буферной государственности как закономерного итога конструирования регионального политического порядка в Северном и Восточном Китае и определить его место в структуре Великой азиатской сферы взаимного процветания.

6. Оценить эффективность японской доктрины регионального политического порядка в Восточной Азии в первой половине XX в.

Объектом диссертационного исследования является политический порядок как система политических отношений в регионе Восточной Азии.

Предмет исследования – буферная государственность и буферные государства как центральный элемент регионального политического порядка Восточной Азии в разрезе их концептуальных моделей и практического

воплощения японским военным командованием на континенте в 1935–1945 гг.

Методологическая основа исследования построена на сочетании ряда подходов, методов и моделей. Компаративный подход позволил рассмотреть «конкуренцию идеологий», а также не только провести сопоставление японского и советского подходов, но и осуществить сравнение моделей выстраивания Японией регионального политического порядка как в провинциях с ханьским населением, так и национальных регионах (Маньчжоу-Го и Мэнцзян). Неинституциональный подход позволил отойти от изучения легальных институтов и сосредоточить внимание на фактической ситуации, конструируемой в регионе на тех нормах и правилах, которые задавались властными центрами даже при их непринятии международным сообществом. Исторический подход позволил сосредоточить внимание на выстраивании регионального политического порядка во времени и пространстве, поскольку развитие буферной государственности происходило не скачкообразно, а поступательно и с учетом временных, географических и прочих подобных особенностей. Кросс-исторические сравнения позволяли опираться на имеющиеся в нашем распоряжении набор теорий и знаний при учете специфики мирового и международного порядка исследуемого периода. Изучение возможных закономерностей развития политических пространств в регионе способствовало выстраиванию нескольких вероятных моделей складывания ситуации при японском участии, что, в свою очередь, позволило объяснить те шаги, которые совершало командование Квантунской армии в моменты расхождения с позицией внешнеполитического ведомства Японии. В некоторых аспектах приходилось прибегать к историческому институционализму, особенно при объяснении той роли, которая придавалась альтернативной Китайской Республике как шагу, завершающему важный этап формирования и буферной государственности, и политического порядка в регионе. Структурно-функциональный подход, несмотря на описываемые разногласия внутри японского блока по выстраиванию полученной в итоге

модели, помог взглянуть на изучаемые процессы с точки зрения ее целостности в масштабах региона, где каждый их элементов, будь то армия или группы коллаборационистов, имели определяющее назначение и выполняли соответствующие специфические роли, направленные на достижения результата. В свою очередь, функциональный подход позволил выявить зависимость между действиями японской стороны и достигаемыми ей на каждом этапе результатами. Системный метод дал возможность установить, во-первых, факт того, что Япония в течение всего периода выстраивания политического порядка и конструирования буферной государственности находилась в постоянном взаимодействии не только с китайской стороной, но и международным сообществом, несмотря на выход из Лиги наций, а также значительное внимание уделяла отражению своей позиции в СМИ, что позволяло ей легитимизировать свои действия как в отношении оппонентов, так и населения. Метод реконструкции способствовал восстановить государственные структуры, формируемые на контролируемых территориях, чтобы уяснить их функционирование; поведенческий подход – изучить как действия, так и мотивы китайских коллаборационистов и представителей сторон; деятельностный – более пристально рассмотреть участие тех лиц и процесс принятия ими политических решений, которые пытались балансировать между сторонами, чем вызывали и продолжают вызывать неоднозначную оценку современников. Геополитический подход позволил судить о конструируемом порядке не как о локальном процессе на определенной территории, а как о части грандиозного плана создания идеального общества, который отчасти был реализован. К геоэкономическому подходу мы прибегали тогда, когда речь шла о глобальных ресурсах региона, заинтересованности в них держав и Японии, механизмах установления контроля над ними и результатов в виде влияния на разрушающуюся экономику не только Китая, но и других государств. При описании геополитических амбиций Японии на Восточную Азию, исследовании ситуации в конкретном регионе мы отчасти апеллировали к модели

равноположенного развития в интерпретации А. Д. Богатурова и А. В. Виноградова, что, в свою очередь, породило необходимость в выработке специфических категорий с учетом исследуемого географического пространства. Источниковедческая критика способствовала минимизировать субъективность отношения к тем неоднозначным процессам, которые до настоящего времени вызывают споры и противоречивое отношение не только между представителями японского и китайского руководства и общества, но и внутри отечественной научной общественности. Поэтому нередко в исследовании на наиболее знаковые факты было необходимо приведение источников, что обеспечивало репрезентативность.

Территориальные рамки исследования охватывают регион Восточной Азии, в отношении пространства которого мы склонны придерживаться точки зрения И. М. Бусыгиной⁵⁸ и других отечественных ученых⁵⁹. Восточная Азия есть географическое и культурно-экономическое пространство на Востоке континента Азия, включающее Китай, Монголию, Японию, современные Корейскую Народно-Демократическую Республику и Республику Корея (в прошлом единое государство Корея), а также субъекты Российской Федерации, расположенные на востоке Сибирского и в Дальневосточном федеральных округах.

Хронологические рамки исследования включают 1935–1945 гг., где нижней границей следует определить весну-осень 1935 г., когда, во-первых, командование Квантунской армии в апреле 1935 г. принимает план реализации Доктрины внешней политики Японии, а во-вторых, генерал Кэндзи Доихара 29 сентября 1935 г. по результатам агитационной поездки по северу Китая представляет в Маньчжоу-Го командованию Квантунской армии доклад о готовности запуска процесса автономизации региона. Верхняя граница обусловлена поражением Японии во Второй мировой войне и

⁵⁸Бусыгина И. М. Политическая география. Формирование политической карты мира. М.: Проспект, 2011. 384 с.

⁵⁹ Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. чл.-кор. РАН Г. И. Чуфрин. М.: Наука, 2004. 282 с.

ликвидацией в середине августа 1945 г. всех буферных государств на занятых китайских территориях.

Теоретическую основу диссертации составили исследования, которые уместно также разделить на несколько групп: труды древних мыслителей – Платона, Аристотеля, Цицерона; мыслителей Нового времени – Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля; ученых, ставших для отечественного государствоведа классиками жанра, – К. Маркса, Ф. Энгельса, М. Вебера и др. Отечественная научная мысль представлена работами М. М. Сперанского, Н. Я. Данилевского, В. О. Ключевского, М. М. Ковалевского, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, Б. Н. Чичерина, М. А. Бакунина, В. И. Ленина, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева и ряда других государственных и политических деятелей, чьи взгляды находили отражение в многочисленных публикациях дореволюционного периода.

Опыт функционирования государства, государственности и государственного механизма оказался особенно полезным и востребованным, присутствуя в работах С. А. Авакьяна, Г. В. Атаманчука, С. Н. Бабурина, К. С. Гаджиева, В. Е. Гулиева, Р. В. Енгибаряна, И. А. Исаева, Д. А. Керимова, Ю. К. Краснова, Б. М. Лазарева, Л. В. Лазарева, Л. Е. Лаптевой, Ю. И. Лейбо, Л. С. Мамута, Б. А. Страшуна, Ю. П. Титова, В. А. Туманова, И. А. Умновой, О. И. Чистякова, В. Е. Чиркина, Т. Я. Хабриевой, Л. М. Энтина, Б. С. Эбзеева и др. К этому следует добавить теоретические разработки таких ученых, как С. С. Алексеев, А. Б. Венгеров, В. Г. Графский, Н. М. Коркунов, С. А. Котляревский, Б. А. Кистяковский, В. В. Лазарева, А. В. Малько, М. Н. Марченко, Г. Н. Муромцев, В. С. Нерсисянц, Л. И. Петражицкий, Л. Р. Сюкияйнен, А. Х. Саидов, Л. А. Тихомиров, Б. Н. Чичерин, Г. Ф. Шершеневич и др.

Категория политического порядка, его уровни и их характеристики рассматриваются в работах З. Бжезинского⁶⁰, А. А. Вартамяна⁶¹, Г. Киссинджера⁶², П. В. Панова⁶³, Ф. Фукуямы⁶⁴, С. Хантингтона⁶⁵.

Категория лимитрофа исследовалась А. А. Киреевым⁶⁶, Н. А. Комлевой⁶⁷, С. Б. Кохэном⁶⁸, Д. Ньюманом⁶⁹, Е. М. Паниным⁷⁰, А. Ю. Пикулиным⁷¹, И. В. Побережниковым⁷², Д. Рэйли⁷³, В. Н. Рябцевым⁷⁴, Б. И. Сидоренко⁷⁵, С. В. Хатунцевым⁷⁶, В. Л. Цымбурским⁷⁷, В. В. Чиркиным⁷⁸.

Категория «сателлит» описывалась О. Латтимором⁷⁹ и В. Коларц⁸⁰, квазигосударство и его воплощение – В. Ф. Баркатуновым⁸¹, Л. А.

⁶⁰Бжезинский З. Великая шахматная доска / пер. с англ. О. Уральской. М.: Изд-во АСТ, 2018. 384 с.

⁶¹Вартамян А. А. Международный политический порядок: Теоретико-методологич. аспекты: автореф. дис. ...канд. полит. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1996. 22 с.

⁶²Киссинджер Г. Мировой порядок / пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: Изд-во АСТ, 2019. 544 с.

⁶³Панов П. В. Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации: дис. ... д-ра полит. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 308 с.

⁶⁴Фукуяма Ф. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. N. Y.: Farrar, Straus and Girou, 2014. 652 p.

⁶⁵Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

⁶⁶Киреев А. А. К вопросу о типологии азиатских границ России (1 часть) / А. А. Киреев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. - 2012. - № 4 (23). С. 37-46.

⁶⁷Комлева Н. А. Лимитроф в современном геополитическом процессе // Пространство и время. 2015. № 1–2. С. 32–42.

⁶⁸Cohen S. B. Geopolitics of the World System. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. N. Y., 2003. 435 p.

⁶⁹Boundaries, Territory and Postmodernity / ed. by David Newman, Frank Cass Publ. London, 1999. 206 p.

⁷⁰Панин Е. М. Исламская ось великого лимитрофа // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2. С. 15–30.

⁷¹Пикулин А. Ю. Лимитрофы как междивизиационные пространства // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 3–7.

⁷²Побережников И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 4. С. 191–203.

⁷³Reilly David. Shatterbelts and Conflict Behavior: The Effect of Globalization on High Risk States // Geopolitics. 2000. Vol. 5. Is. 3. P. 48–77.

⁷⁴Рябцев В. Н. Геополитические и геочивилизационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции великого лимитрофа (современный контекст вопроса) [Электронный ресурс] // Инженерный вестник Дона. 2013. № 4 (27). Режим доступа: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1980>.

⁷⁵Востриков С. В. Исторические особенности формирования идентичностей в ареале российско-белорусского лимитрофа // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 52–57.

⁷⁶Хатунцев С. В. Лимитрофы – междивизиационные пространства Старого и Нового света // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 86–98.

⁷⁷Цымбурский В. Л. Остров Россия перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–53.

⁷⁸Чиркин В. В. Основные направления военно-технического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 346.

⁷⁹Lattimore O. Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism // Pacific Affairs. 1936. No. 3. P. 73–87.

⁸⁰Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East. London; N. Y., 1954. P. 128.

⁸¹Баркатунов В. Ф. Экономика теократического квазигосударства ИГИЛ, кризис международного права и национальные возможности по противодействию терроризму // Дельта науки. 2016. № 1. С. 106–113.

Бердегуловой⁸², А. Г. Гранбергом⁸³, Р. Джексоном и К. Росбергом⁸⁴, М. В. Ильиным⁸⁵, П. Колсте⁸⁶, Г. Г. Косачем⁸⁷, С. М. Маркедоновым⁸⁸, Е. Г. Пономаревой⁸⁹, А. П. Скориком и П. Н. Лукичевым⁹⁰, Ф. Е. Поповым⁹¹, В. И. Сальниковым⁹², А. В. Хозеевой⁹³, И. А. Чихаревым⁹⁴, Е. В. Шараповой⁹⁵ и др.

Понятие империи рассматривается в трудах И. И. Кузнецова⁹⁶, К. Кумара⁹⁷, Д. Лала⁹⁸, Д. Ливена⁹⁹, А. Д. Мотыля¹⁰⁰, Г. Мюнклера¹⁰¹, М. Хардта и А. Негри¹⁰² и др.

⁸²*Бердегулова Л. А.* Особенности суверенитета квазигосударственных образований // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты: сб. мат-лов Всерос. научн. конф. (Самара, 28 октября 2016 г.) / отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. С. 55.

⁸³*Гранберг А. Г.* Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. № 1. С. 57–81.

⁸⁴*Jackson R. H., Rosberg C. G.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // *World Politics*. 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24; *Jackson R. H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 519–549; *Jackson R. H.* Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world. Cambridge [England]; N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 225 p.

⁸⁵*Ильин М. В.* Альтернативные формы суверенной государственности [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2011. № 3. С. 11–19. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33823050>.

⁸⁶*Kolstø P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states // *Journal of peace research*. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.

⁸⁷*Косач Г. Г.* Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. Политология. Ближний и Средний Восток. 2012. № 1. С. 136–142. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17329047>.

⁸⁸*Маркедонов С.* СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 118–126.

⁸⁹*Пономарева Е. Г.* Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 195–204.

⁹⁰*Лукичев П. Н., Скорик А. П.* Квазигосударственность // ПОЛИС. 2001. № 2. С. 139–142.

⁹¹*Попов Ф. Е.* От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» [Электронный ресурс] // Международные процессы. Т. 9. № 2 (26). С. 16–28. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17006286>.

⁹²*Сальников В. И.* Донецкая и Луганская народные республики как квазигосударства // Вестник ВГУ. 2017. № 1. С. 34.

⁹³*Хозеева А. В.* Некоторые теоретические аспекты, связанные с провозглашением независимости государств // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 25.

⁹⁴*Чихарев И. А.* Мировая политическая динамика: концептуальные основания и движущие силы // Политическая наука. 2012. № 4. С. 9–30.

⁹⁵*Шарапова Е. В.* Консервация непризнанных квазигосударственных образований как угроза национальной безопасности // Южнороссийское обозрение. 2003. Вып. 14. С. 49–51.

⁹⁶*Кузнецов И. И.* Политическая прагматика империи. Рец. на книгу Герфрида Мюнклера «Империи: Логика господства над миром – от Древнего Рима и до США» // Международные отношения. 2015. № 4. С. 454–60.

⁹⁷*Krishan Kumar.* Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 16–17.

⁹⁸*Лал Дипак.* Похвала империи. Глобализация и порядок / М.: Новое издательство, 2010. 361 с.

⁹⁹*Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

¹⁰⁰*Motyl A. J.* Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires. N. Y.: Columbia University Press, 2001. 128 p.

¹⁰¹*Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / пер. с нем. Л. В. Ланника; под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вст. ст. Л. В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. 398 с.

¹⁰²*Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Практик, 2004. С. 12.

В политической теории глобальный порядок противопоставляется региональному, равно как глобализации – регионализации. Использование категории «порядок» в данном ракурсе отражает лишь способ рационализации политического пространства. Поэтому сегодня данный опыт по созданию и управлению буферными территориями в Восточной Азии нуждается в изучении и переосмыслении.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые:

- показана значимость выстраивания регионального политического порядка в Восточной Азии в ракурсе его целостности с японской стороны;
- предложена новая периодизация процесса формирования регионального политического порядка в Восточной Азии в первой половине XX в.;
- представлена модель конкуренции идеологий в регионе, обоснован потенциал первой четверти XX в. и неспособность к конкуренции в дальнейшем буддизма как идеологической доктрины;
- введены в научный оборот и использованы материалы средств массовой информации, полученные из архивов США, Сингапура, Малайзии и Австралии, которые освещали процесс становления буферной государственности на севере, северо-востоке и востоке Китая; на их основе доказана неспособность коллаборационистских режимов обеспечить самостоятельное существование государственности без помощи извне;
- введены в научный оборот определения регионального политического порядка, государствоподобного образования, буферной зоны и буферного государства, приведены их ключевые характеристики, проанализирован процесс появления буферных государств в Европе, Азии и Южной Америки в XIX – первой половине XX в. с его экстраполяцией на исследуемые в диссертационной работе процессы в Восточной Азии;
- восполнен исторический пробел и обосновано существование буферных автономий на севере и востоке Китая и альтернативной Китайской Республики;

– дана подробная характеристика буферных автономий и буферных государств Северного и Восточного Китая, создаваемых японской стороной и находившихся под ее контролем в 1930–1940-е гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Описание регионального порядка в Восточной Азии, обусловленного спецификой региона, потребовало выработки понятийного аппарата, сложившегося из сформированных политической наукой категорий, в отношении которых осуществлено обобщение и уточнение; это позволило определить дефиниции или ключевые признаки государствовидного образования, буферной зоны, буферного государства, буферной государственности и регионального порядка.

2. Ведущими понятиями явились буферное государство и буферная зона как часть и целое и с учетом их возникновения на стыке империй в качестве антипода лимитрофу.

3. Несмотря на разность подходов в определении политического порядка, общность большинства признаков и характеристик с опорой на категориальную рамку, заданную А. Д. Воскресенским, позволила вывести дефиницию «региональный политический порядок» со смещением восприятия этого явления сквозь призму исследуемого нами региона.

4. Определяющими факторами формирования регионального порядка в Восточной Азии явились буддизм, социализм и национализм (паназиатизм), влияющие на становление государственности с соответствующей спецификой, и трансформации ее в геополитических акторов – буферные автономии и буферные государства.

5. В первой половине XX в. политический дизайн региона претерпевает глобальные преобразования: распад Цинской и Российской империй, усиление Японии и ослабление на этом фоне западных держав (так называемый «коллективный Запад»), создание и усиление присутствия Советской России привели к тому, что властными центрами, которые могли формировать или определяющим образом влиять на региональный политический порядок,

становятся Россия/СССР и Япония, что было вызвано накоплением этими странами достаточного количества политической власти; в свою очередь Китайское государство, ненадолго объединенное усилиями Гоминьдана в 1927–1928 гг., роль властного центра к середине 1930-х гг. утрачивает.

6. На формирование регионального политического порядка влияют те политические образования, которые характеризуются наличием государственности. Исходя из чего буферные автономии и государства являлись определяющими элементами в структуре регионального политического порядка Восточной Азии, а рациональные подходы к их конструированию и переходу от одного, в форме автономии, к другому, в форме независимого государства, позволили Японии достигнуть поставленных целей.

7. Динамичность процессов, происходящих в регионе в 1935–1937 гг., привела к изменению политики Японии на континенте и взаимоотношений с Китаем, что повлекла отход от идей автономизации в пользу идеи конструирования альтернативной государственной системы, способной обеспечить достижение японской стороной не только экономических и военно-стратегических, но и политических целей, которых она не могла добиться посредством автономий, но сделала это посредством создания буферных государств, консолидированных в 1940-х г.

8. Политика Японии по формированию регионального политического порядка в Восточной Азии была направлена на развитие политических институтов, которые по результатам их функционирования к началу Второй мировой войны следует считать эффективными.

Теоретическая и практическая значимость диссертации состоит в том, что полученные в ходе исследования данные позволяют по-новому взглянуть на изучаемые события, если отойти от идеологических воззрений и вооружиться исключительно научным инструментарием. Результаты работы способствуют формированию научного представления о событиях 1900–1940-х гг. в Восточной Азии и служат подтверждением концепции особенного или

обновленного регионального политического порядка, который формировался в условиях, отличных от европоцентристских представлений, и на современном этапе развития общества имеет иную политическую и государственную природу.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты способствуют наиболее цельному представлению о генезисе современных политических институтов как у народов российского и китайского приграничья в XX–XXI вв., так и у народов Восточной Азии в целом, что необходимо для прогнозирования развития националистических настроений и выработки адекватных мер противостояния им с целью предотвращения угрозы государственного распада или дестабилизации межнациональных и межконфессиональных отношений в регионе. Полученные результаты требуют активного внедрения в учебный процесс и переработки ряда позиций в курсе сравнительного правоведения.

Апробация результатов исследования

Степень достоверности, апробация работы и личный вклад соискателя. Достоверность полученных и представленных научных результатов базируется на всестороннем анализе использованных источников и научных работ по предмету исследования, а также на рациональной опоре на заявленную методологию при достижении цели и задач представленной работы. Представленные в настоящей диссертации результаты исследования были получены, в том числе, и при реализации научных проектов под руководством соискателя: гранта Президента Российской Федерации «Квази-государства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение», 2016-2017 гг., № МК-6398.2016.6, и гранта Российского фонда фундаментальных исследований «Институты российского/ советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.», 2019-2020 гг., № 19-09-00502.

Ключевые положения и выводы исследования опубликованы соискателем в 17 научных статьях и 3 монографиях. В совместные

публикации каждый автор внес собственный и указанный в печатных листах вклад, остальные работы выполнены соискателем самостоятельно.

Также **ключевые положения и выводы прошли апробацию** в процессе участия соискателя в работе круглых столов, научных семинаров и симпозиумов, на международных, всероссийских и региональных конференциях: Международные научно-практические конференции – «Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции» (г. Иркутск, май 2014 г.); «Юридическая наука и образование в XXI в. (к 210-летию Казанского университета)» (г. Казань, сентябрь 2014 г.); «Их Засаг-ийн эхийг эрэн сурвалжлах нь» (г. Улан-Батор, Монголия, май 2015 г.); «Инновации в науке, образовании и производстве Казахстана» (г. Алматы, Казахстан, ноябрь 2015 г.); «Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций» (апрель 2022 г.); «Мир Центральной Азии-V», посвященная 100-летию Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (июнь 2022 г.); I и II Международные научно-практические конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения» (г. Москва, март 2015 г. и май 2016 г.); VII Международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке. Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность» (г. Красноярск, июнь 2015 г.); VIII Международная научно-практическая конференция «Россия и Китай: история и культура» (г. Казань, сентябрь 2015 г.); VII Межинститутская научно-практическая конференция «Российская диаспора в странах Востока» (г. Москва, май 2016 г.); VIII Международная научно-практическая конференция «Дипломатия на Востоке. Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность» (г. Улан-Батор, Монголия, июнь 2016 г.); экспертные семинары Экспертного института социальных исследований «Будущее России: государственная политика в сфере культуры (возможности и границы)» (г. Рязань, август 2017

г.); «Будущее России: формирование условий обеспечения безопасности и развития России на Дальнем Востоке» (г. Владивосток, март 2018 г.); Международный научный семинар «Социальный и культурный аспект тибетского буддизма в монголоязычном мире Внутренней Азии» (г. Варшава, Польша, июнь 2018 г.); III съезд Российского общества политологов (сентябрь 2018 г.); Международная научная конференция отдела Китая в рамках празднования 200-летия Института востоковедения РАН «Прошлое и настоящее российской синологии» (ноябрь 2018 г.); научная межинститутская онлайн-конференция «Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион: актуальные проблемы развития» (ноябрь 2020 г.); ежегодные Всероссийские научные конференции «Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК» (март 2021 г.); «Современное китайское государство» (март 2022 г.); XIV Международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура» (ноябрь 2021 г.); Международная междисциплинарная научная конференция «Империи, территориальные государства и локальные сообщества в этническом и национальном измерении» (февраль 2022 г.); IV Новосибирский международный юридический форум «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития» (май 2022 г.); Всероссийский форум историков права «Историко-правовая наука в условиях современных социальных трансформаций и новой научной рациональности» (июнь 2022 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, 4 глав, 12 параграфов, Заключения, Списка литературы и 6 приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1.1. Основы регионального политического порядка в зоне российско-китайского фронта в первой половине XX в.

Выбранный для исследования регион уникален. Во-первых, Восточная Азия – единственный регион континента, который не оказался в прямой колониальной зависимости от западных держав. К началу XX в. Великобритания, Франция, Германия, США и другие державы имели на территории Китая несколько десятков концессий и создали ряд сеттльментов, обладающих свойством экстерриториальности и существенно сужающих суверенитет страны в местах возникновения подобных экстерриториальных образований, но не покушающихся на него как целостную субстанцию. Это означало отсутствие в регионе колониального порядка, установленного для других государств Азии.

Ф. Фукуяма видит причину этого в том, что Китаю удалось создать сильное бюрократическое государство с эффективным государственным аппаратом в качестве основы экономического успеха, с необходимой степенью автономии технократической бюрократии для координации и управления экономическим развитием, избегая при этом форм грубой коррупции и хищнического поведения, которые были характерны для правительств в других частях мира¹⁰³. Что касается отсутствия коррупции, то позиция Ф. Фукуямы на этот счет проистекает из несовпадения его трактовки коррупциогенного поведения с интерпретацией древних китайских бюрократов. Однако китайские провинции и их объединения под управлением генерал-губернаторов действительно имели значительную автономию во

¹⁰³Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 32.

многих вопросах, прежде всего это касалось международных сношений. Поэтому, когда губернаторы или генерал-губернаторы подписывали «неравноправные договоры» с представителями европейских держав, у центральной власти в Пекине были и юридические, и фактические возможности ограничивать их условия территорией одной провинции, не ставя в зависимость государство в целом. В то же время провинции могли свободно торговать с представителями других стран, вести добычу полезных ископаемых и других природных богатств и т. д., что существенно влияло на экономическое благополучие прибрежных территорий, столь привлекательных как для европейцев, так позднее и японцев.

Во-вторых, в регионе имела место культурная общность живущих в его пределах народов. На причину этого явления нас опять наталкивает Ф. Фукуяма, полагая, что развитие государства, права и ответственности со временем становится универсальным требованием для всех человеческих обществ. По его мнению, происходит не просто заимствование культурных предпочтений западных обществ или какой-либо конкретной западной культурной группы, а создается ситуация, при которой «у современного безличного государства нет иной альтернативы...»¹⁰⁴ У государств Восточной Азии такая альтернатива была всегда. Она была связана с наличием собственного уникального опыта государственного строительства и, как следствие, формирования соответствующей идентичности. Прежде всего потому, что все эти страны: и Китай, и Корея, и Монголия, и Япония в разные времена и эпохи были мощными империями с сильным государственным аппаратом, глубокой традицией государственности и крепкой идеологической базой, позволяющей им считать варварами всех, кто не разделял их ценности, т. е. фактически весь оставшийся за периферией их влияния мир. И даже в конце XIX – начале XX в., заимствуя европейское право, моду и другие культурные ценности, народы Восточной Азии по-прежнему воспринимали

¹⁰⁴ Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 37.

западное общество и его ценности как нечто чуждое и навязанное. Поэтому, например, правовые институты Китая, претерпевшие серьезную модернизацию и выстроенные по европейскому образцу, остались эффективными лишь на бумаге: правоприменители продолжали опираться на сложившуюся веками традицию и не воспринимали новацию в законодательстве как нечто обязательное. Лишь после того, как европейские нормы были адаптированы, произошло их частичное восприятие и в самом Китае, и в Японии. Монголы же до конца оставались верными буддийской традиции, что отразилось в составленном сразу после объявления независимости своде законов, в основу которых были положены «Халха Джирум» и буддийские каноны. И именно в противовес западной культуре был создан конструкт «великой азиатской сферы взаимного процветания», о котором речь пойдет ниже.

В-третьих, большое значение в обособлении региона и формировании регионального политического порядка имел национализм, так или иначе проявляющийся в каждом из государств Восточной Азии. Как идеологическая основа национальной идентичности он играл важную роль в государственном строительстве и Японии (при падении системы сегуната в период реставрации Мэйдзи), и Кореи (при отражении европейской и американской агрессии в середине 1860-х – начале 1870-х гг.), и Монголии (панмонголизм), и Китая (Сунь Ятсен, гоминьдановская политика строительства государства пяти наций).

Согласно Ф. Фукуяме, при государственном строительстве, в отличие от национального, происходит «созидание материальных институтов: армии, полиции, бюрократии, министерств и т. п., что достигается путем найма персонала, обучения чиновников, предоставления им офисов и бюджетов, а также принятия законов и директив». Национальное строительство, напротив, – это формирование чувства национальной идентичности при непосредственном участии государства в отношении языка, религии и образования. Зачастую она формируется поэтами, философами, религиозными

лидерами, писателями, музыкантами и другими людьми, не имеющими отношения к политической власти. «Национальная идентичность часто строится на принципах этнической принадлежности, расы, религии или языка, принципах», согласно которым одних людей обязательно включают в свою сферу, а других – из нее исключают. Национальная идентичность часто появляется в результате преднамеренного противодействия другим группам и, следовательно, углубляя конфликт, укрепляет социальную сплоченность группы. «Национальная сплоченность может выражаться в агрессии, направленной на других. Люди сотрудничают, чтобы конкурировать, и конкурируют, чтобы сотрудничать»¹⁰⁵. К национализму в государствах Восточной Азии апеллировали, прежде всего как к силе, мобилизующей нацию на достижение (Внешняя Монголия) или обеспечение (Китай до 1930-х гг.) государственного суверенитета, а в отдельном случае (Япония) и как к инструменту конструирования единой историко-культурной общности в Азии и создания нового, идеального для сосуществования многочисленных народов пространства.

Для определения категории «региональный политический порядок» обратимся к работам зарубежных исследователей категории «политический порядок» (С. Хантингтон¹⁰⁶, Ф. Фукуяма¹⁰⁷, З. Бжезинский¹⁰⁸, Г. Киссинджер¹⁰⁹) и отечественных (П. В. Панов¹¹⁰ и А. А. Вартамян¹¹¹). Но прежде разграничим категории «мировой порядок» и «международный порядок». По мнению Г. Киссинджера, на протяжении многих лет сообщество наций, которое всемерно поддерживали Гарри С. Трумэн и все его преемники, «существовало в рамках “американского консенсуса” – государства сотрудничали, неуклонно расширяя ряды данного мирового порядка, соблюдая общие правила и нормы, развивая либеральную экономику,

¹⁰⁵ *Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 185.*

¹⁰⁶ *Хантингтон С. Указ. соч.*

¹⁰⁷ *Fukuyama F. Political Order and Political Decay...*

¹⁰⁸ *Бжезинский З. Указ. соч.*

¹⁰⁹ *Киссинджер Г. Указ. соч.*

¹¹⁰ *Панов П. В. Указ. соч.*

¹¹¹ *Вартамян А. А. Указ. соч.*

отказываясь от территориальных завоеваний в пользу уважения национальных суверенитетов и принимая представительную демократическую систему управления»¹¹². Согласно автору, норма, именно как правило, является одной из существенных отличительных особенностей «порядков» как по горизонтали, в пределах той или иной цивилизационной зоны, так и вертикали – на разных уровнях выстраивания международных отношений.

Горизонтальная система включает такие «порядки», как: (1) вестфальский, основанный на разнообразии и сдерживании; (2) российский, базирующийся на абсолютизме, монотеизме и территориальной экспансии; (3) китайский, «иерархически и теоретически универсальный», опиравшийся (и опирающийся) на «беспредельность притязаний императора», характеризующийся отсутствием концепции суверенитета и представляющий собой культурный и политический венец цивилизации; (4) исламский, идеологически подкрепленный концепцией дарованного Всевышним единоличного консолидирующего правления и (5) собственно американский, с присущим ему миссионерским предназначением, более совершенной системой государственной власти, стремлением к справедливости и т. д.¹¹³ Нам здесь видится попытка классифицировать или хотя бы географически определить региональные порядки с их особенностями, в первую очередь историческими и культурными.

Норма в качестве определяющего явления присутствует у Г. Киссинджера и в его характеристике уровней политического порядка по вертикали – мирового, международного и регионального. Называя порядок не политическим, а государственным (что, по нашему мнению, не затрудняет понимания сути исследуемого явления), автор определяет мировой порядок как «состояние конкретного региона или цивилизации, в рамках которого действует комплекс справедливых договоренностей и существует распределение власти, который считается приложимым к миру в целом».

¹¹²Киссинджер Г. Указ. соч. С. 5–6.

¹¹³Там же. С. 8–13.

Международный порядок приложим к «значительной части земного шара», региональный – к «определенной географической зоне»¹¹⁴. Каждый из уровней порядка базируется на двух компонентах: (а) «совокупность общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий»; (б) «баланс сил, необходимый для сдерживания в условиях нарушения правил»¹¹⁵. Нарушение баланса сил в таком случае исключает наличие порядка. Однако исторический опыт свидетельствует, что даже при существенных разногласиях в регионе выстроить политический порядок не только возможно, но и необходимо. И даже если он будет недолговечным, но позволит стабилизировать складывающиеся общественные отношения и конструировать новые, в том числе в условиях предвоенных переговоров или военных действий. Заметим, что автор описывает послевоенный порядок, тогда как мы ведем речь о предвоенном времени, где система международных отношений складывалась по несколько иным правилам и направлениям.

Некоторые исследователи¹¹⁶ разделяют понятия «мировой порядок» и «международный». Под мировым политическим порядком они понимают определенную закономерно развивающуюся историко-социологическую иерархическую структуру, отражающую качественную характеристику состояния всемирной макросистемы общественных отношений. Международный политический порядок трактуется ими как определенная регулятивная структура, строй международных политических отношений, оформленный (или не оформленный) в системе соответствующих принципов и норм международного права, международных договоров и соглашений, а также как систему международных организаций, учреждений и других институтов с экономической, военно-политической, политической, международно-правовой и идеологической подсистемами и совокупностью институциональных, правовых и гуманитарных норм взаимодействия в

¹¹⁴ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 17.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ См., например: Вартамян А. А. Указ. соч.

международной сфере, закрепляющих определенное распределение мировых ресурсов, благ и свобод. В таком случае понятие международного порядка предполагает дифференциацию на международные экономический, политический, информационный порядок и др.

В теоретическом плане нам представляется значимой идея Амитава Ачарьи и Барри Бузана о возможности теории незападных международных отношений¹¹⁷, в рамках которой ученые утверждают, что (1) западная теория приобрела гегемонистский статус в грамматическом смысле; (2) незападные теории существуют, но они скрыты; (3) местные условия дискриминируют теоретические разработки в этом направлении и (4) у Запада большее преимущество, однако сегодня мы наблюдаем процесс уменьшения этого разрыва¹¹⁸.

Для анализа процессов в Азиатском регионе весьма важными представляются идеи, изложенные в работе Дугласа Лемке «Регионы войны и мира»¹¹⁹, посвященной региональным режимам безопасности. В ней для нашей цели исследования особенно значимы концептуальные материалы, касающиеся региональных комплексов безопасности, концернов государств, многосторонности и геоструктурализма.

Классический термин «региональный порядок» при всем многообразии его определений – это продукт политической идеологии регионализма¹²⁰. В западной политической теории регионализм является категорией политической идеологии, которая фокусируется на интересах конкретного региона или группы регионов, с вытекающей из этого системой правил и установок – порядком. В политической теории существует разделение на старый и новый регионализм.

Старый регионализм концептуализируется в конце 1940-х гг. и связывается с послевоенной региональной интеграцией. Согласно

¹¹⁷ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. N. Y.: Routledge, 2010. 242 p.

¹¹⁸ Ibid. P. 221.

¹¹⁹ Lemke D. Regions of War and Peace. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 235 p.

¹²⁰ Regional powers and Regional orders / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. London: Routledge, 2011. 272 p.

определению немецкого справочника «Политлексикон», под регионализмом понимается: «В международных отношениях – политические действия для объединения нескольких государств одного региона (например, для развития экономических отношений)»¹²¹. Но в таком случае, во-первых, из поля зрения выпадают проекты региональной интеграции в Азии 1930-х гг. Во-вторых, в рамках конструктивистской критики понятия регионального порядка большое значение приобретают идеи и идеологии, как, например, паназиатизм¹²². Для того чтобы «вписать» Восточно-Азиатский регион в теорию регионализма, нам необходимо опереться на труды сторонников «нового регионализма». Так, в работе С. В. Севастьянова, посвященной восточноазиатскому регионализму¹²³, исследуется современная политическая ситуация в Восточной Азии, развитие интеграционных проектов, идеологий и баланс сил. Поскольку его труды посвящены новому регионализму, то они имеют для нас прежде всего теоретико-методологическое значение.

Исходя из концепции «нового регионализма», попытаемся объяснить устройство регионального порядка в наиболее значимой в политическом плане части Азии первой половины XX в. Кроме того, опора на новый регионализм дает нам основания оспорить хронологические рамки старого регионализма, отодвинув момент его возникновения как минимум на 20 лет назад: с конца 1940 – начала 1950-х до конца 1920 – начала 1930-х гг.

Изучив взгляды перечисленных авторов на предмет исследования, укажем те признаки регионального политического порядка, которые помогут нам сформулировать понятие регионального политического порядка в Восточной Азии.

Первым среди таковых является политическая организация, или, как писал С. Хантингтон, политическое сообщество, которое нуждается в

¹²¹ Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 501.

¹²² Малова К. В. Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX века) // Известия Восточного института. ДВГУ. 1996. № 3. С. 109–120.

¹²³ Севастьянов С. В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 111–122.

функционировании политических институтов¹²⁴. Ф. Фукуяма ведет речь о трех основных категориях институтов, которые являются составляющими политического порядка: государстве, верховенстве закона и механизмах ответственности. Под государством он понимал систему политических институтов, занимающихся организацией общественной жизни и обладающих монополией на применение силы на определенной территории¹²⁵.

Однако, забегаая вперед, сделаем оговорку, что не все буферы, конструируемые в выбранном нами пространстве в обозначенное время, имели статус государств. Вместе с тем они всегда представляли собой единые политические структуры, хоть и не выступающие субъектами международного права, однако организованные и являющиеся инструментами по достижению субъектами своих целей, поэтому они требуют и изучения, и описания. Применительно к ним можно использовать неустоявшийся в науке термин «государствоподобное образование». Его ключевые признаки: (1) временный статус в качестве одного из субъектов международного права как мера временного урегулирования спорного вопроса или конфликта на обозначенной территории; (2) обладание некоторыми признаками государства¹²⁶; (3) наличие международного признания¹²⁷ хотя бы одним государством – полноценным субъектом международного права (и с оговоркой о том, что речь не идет о признании в качестве государства¹²⁸); (4) самостоятельность имеет четко выраженные пределы¹²⁹ (в экономических,

¹²⁴Хантингтон С. Указ. соч. С. 28.

¹²⁵Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 25.

¹²⁶Благов Ю. В. Местное самоуправление в РФ в условиях муниципально-правовой реформы: моногр. / Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск: Проспект, 2017. С. 14.

¹²⁷Игнатенко Г. В. Международное право и общественный прогресс: моногр. / Уральский гос. юр. ун-т. Екатеринбург: Сократ, 2011. С. 14.

¹²⁸Например, Л. Оппенгейм, ведя речь о признании как об условии членства в «семье народов», помимо признания государства, писал и о признании старых и новых глав государства и правительств, (о признании) восставшей стороны, (о признании) новых территориальных и международных ситуаций, выделяя поспешное, подразумеваемое, условное признание и признание *de facto* и их последствия, его обратное действие и обязательство непризнания и т. д. См.: *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I: Мир, полутом 1 / пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; под ред. и с предисл. проф. С. Б. Крылова. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1948. С. 135–157.

¹²⁹Знаменщиков Р. В. Принципы федерализма в России и Германии: Сравнительное конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. Тюмень, 2003. С. 23.

административных и культурных международно-правовых отношениях)¹³⁰ и (5) не тождественна суверенитету, а (6) правосубъектность вторична/производна по отношению к государству/государствам¹³¹. Здесь следует также оговориться, что государствоподобное образование не следует путать с мандатными территориями, протекторатами и другими субъектами международных отношений, имеющими иной международный правовой статус.

В русле нашего исследования целесообразно опираться на категорию «полития», под которой П. В. Панов понимает политическую единицу, где происходит институционализация политического порядка¹³², или, иными словами, представляющую собой организованные политические сообщества. Для нас вызывает интерес не всякое организованное политическое сообщество и не любая полития, а только представляющая собой буфер и обладающая свойствами государственности.

Вопреки распространенной точке зрения об уменьшении роли государства как политического института, мы придерживаемся позиции, что именно государство (или государствоподобное образование, способное играть роль и выполнять функции государства без достаточной для этого статусности) в исследуемый нами период оставалось главным субъектом международных отношений, заменить который не были способны гражданские, социальные и международные институты.

Во-вторых, исследовательского внимания требует категория политической власти, способной обеспечивать управление и порядок в Восточной Азии в зоне своего влияния. С. Хантингтон называл это утверждением законного политического строя, приводя в пример высказывание Джеймса Мэдисона в «Федералисте», предупреждавшего о

¹³⁰Луковкин Е. Государственные образования: сравнительно-правовой анализ // Общие и комплексные проблемы естественных и точных наук. 2014. № 4–1. С. 40.

¹³¹Алиев Н. Нагорно-Карабахский конфликт: Правовые аспекты урегулирования: моногр. Тбилиси: Универсал, 2009. С. 24 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18777151>; Маргиев В. И. Понятие международной правосубъективности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 134–137.

¹³²Панов П. В. Указ. соч. С. 103.

немалой трудности создания системы управления одних людей другими. Это связано с тем, что нужно сначала «обеспечить власть управляющих над управляемыми, а во вторую очередь обязать их подчинить этой власти самих себя». «Главной проблемой, подчеркивает Хантингтон, является не обеспечение свободы, а утверждение законного политического строя. Порядок может, разумеется, существовать и без свободы, но свобода невозможна без порядка»¹³³. Этот тезис важен, во-первых, для определения степени управляемости теми территориями, на которые властные центры в первой половине XX в. распространяли свое влияние. Во-вторых, для объяснения причин, по которым Китай, являющийся на протяжении нескольких веков одной из главных действующих сил региона, в нашем исследовании выступает не субъектом, а объектом установления регионального политического порядка.

И, продолжая обоснование власти как одной из ключевых категорий регионального общественного порядка, обратимся к необходимости установления и наличия властных центров. По мнению П. В. Попова, «политический порядок предполагает институционализацию властного центра, способного генерировать общие культурные смыслы и модели поведения»¹³⁴. У З. Бжезинского есть похожая конструкция доминанты: геостратегические, или действующие, лица – «государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ с тем, чтобы изменить – до степени, когда это отражается на его интересах – существующее геополитическое положение»¹³⁵. Исходя из этого, для определения регионального политического порядка нам необходимо выявить властные центры, играющие роль субъектов и имеющие решающее влияние в выбранном нами для исследования регионе. Опираясь на подход З. Бжезинского, можно сказать,

¹³³Хантингтон С. Указ. соч. С. 27.

¹³⁴Панов П. В. Указ. соч. С. 114.

¹³⁵Бжезинский З. Указ. соч. С. 74.

что властные центры – субъекты, осуществляющие геостратегическую политику – стратегическое управление геополитическими интересами¹³⁶. При этом он отмечает, что не все важные и мощные страны автоматически становятся геостратегическими акторами¹³⁷, представляя собой геополитические центры, о которых, как и о ресурсах, речь пойдет ниже. По мнению П. В. Панова, конфигурация центров и диспозиция иерархий обеспечивается и легитимируется соответствующими коллективными представлениями о социальной реальности. Представляется важным исследовать видение социальной реальности властными центрами, что позволит нам составить представление о целях, мотивах и иных побуждающих факторах политики того или иного властного центра в границах нашего региона.

Эффективными политическими институтами С. Хантингтон считал институты, способные обеспечивать порядок и управлять¹³⁸. В качестве примера можно привести историческую иллюстрацию, использованную З. Бжезинским, когда к 1914 г. «несколько тысяч британских военнослужащих и гражданских служащих контролировали около 11 миллионов квадратных миль и почти 400 млн небританцев»¹³⁹. О категории эффективности политических институтов для характеристики регионального политического порядка мы скажем ниже.

В определении институтов мы будем исходить из заимствованной Ф. Фукуямой у С. Хантингтона трактовки, согласно которой институты – это «стабильные, ценные, периодически повторяющиеся модели поведения», сохраняющиеся за пределами полномочий отдельных лидеров и являющиеся постоянными правилами, формирующими, ограничивающими и направляющими поведение человека¹⁴⁰. В силу того, что институционализация политического порядка является результатом социальных взаимодействий и

¹³⁶ Бжезинский З. Указ. соч. С. 13.

¹³⁷ Там же. С. 76.

¹³⁸ Хантингтон С. Указ. соч. С. 28.

¹³⁹ Бжезинский З. Указ. соч. С. 42.

¹⁴⁰ Фукуяма F. Political Order and Political Decay... P. 10.

включает в себя совокупность взаимосвязанных процессов (что порождает необходимость существования соответствующих правил и норм)¹⁴¹, представляется необходимым исследовать социальные регуляторы, используемые властными центрами в качестве инструментов достижения своих целей.

На первое место среди регуляторов Ф. Фукуяма выдвигает верховенство права. Признавая его многогранность, ученый ведет речь о наборе правил поведения, нацеленных на формирование консенсуса в обществе, следование им обязательно для всех членов общества, включая влиятельных политических деятелей. Ф. Фукуяма различает право и закон. Закон может быть неправовым, как, например, акты правительства, которым он сам не следует. При этом он добавляет, что эффективность законов обеспечивается независимостью судебной власти от власти исполнительной¹⁴².

Не отрицает важной роли норм во взаимодействии между государствами по «расширению норм данного мирового порядка» и Г. Киссинджер, подчеркивая в своей работы важность соблюдения общих правил и норм¹⁴³. Далее он конкретизирует этот посыл в разделе «Легитимность и власть» главы 1 утверждением о том, что «мировой порядок подразумевает состояние конкретного региона или цивилизации, в рамках которого действует комплекс справедливых договоренностей»¹⁴⁴, что наталкивает нас на мысль: а что такое международное право, как не комплекс справедливых договоренностей между государствами? И, наконец, завершая свою мысль о нормах и правилах, он говорит, что независимо от того, о каком уровне порядка идет речь, о мировом или международном, каждый из них базируется на двух компонентах: балансе сил и «совокупности общепринятых правил, определяющих пределы допустимых действий».¹⁴⁵ Безусловна в этом процессе роль государства, поскольку право, будь то национальное или международное, есть не что иное,

¹⁴¹ Панов П. В. Указ. соч. С. 267.

¹⁴² Фукуяма Ф. *Political Order and Political Decay...* P. 25.

¹⁴³ Киссинджер Г. Указ. соч. С. 5–6.

¹⁴⁴ Там же. С. 17.

¹⁴⁵ Там же.

как санкционированные правила, разрешающие или предотвращающие конфликты между различными субъектами, а санкционируются они именно государством. Об этой роли государства писал и С. Хантингтон, когда определял политическую организацию как «средство для установления порядка, разрешения споров, выдвижения авторитетных лидеров и тем самым для установления общности между теми или иными общественными силами»¹⁴⁶. Схожих позиций придерживается и П. В. Панов, когда ведет речь о том, что политический порядок предполагает и разрешение присущих политиям и властным центрам конфликтов¹⁴⁷. Под регуляторами мы будем понимать любой закон как акт высшей юридической силы, исходящий от уполномоченного на то государственного органа без углубления в сферу обеспечения общественных интересов, прав и свобод и т. д.

По мнению некоторых европейских ученых, региональный порядок представляет собой «набор формальных или неформальных соглашений, которые поддерживают регулируемые взаимодействия между различными частями региональной системы в их стремлении к индивидуальным и коллективным целям»¹⁴⁸. Российский исследователь А. Д. Богатуров считает, что порядок определяется не только соотношением потенциалов стран-участников, но и «наличием у них фонда общих этических, моральных ценностей и основанных на них устойчивых моделей взаимного поведения»¹⁴⁹. Он приводит позицию Р. Купера, предложившего свои варианты интерпретации порядка в международных отношениях. Во-первых, это преобладающий тип внешнеполитического поведения государств; во-вторых, определенная степень стабильности и целостности системы; в-третьих, порядок можно понимать как правила, которые управляют системой и

¹⁴⁶Хантингтон С. Указ. соч. С. 28.

¹⁴⁷Панов П. В. Указ. соч. С. 269.

¹⁴⁸Methodology and Concept Papers. Re-conceptualizing Orders in the MENA Region / ed. by E. Soler i Lecha (coordinator), S. Colombo, L. Kamel, J. Quero [Электронный ресурс] // The Analytical Framework of the MENARA Project. 2016. No. 1. 114 p. Режим доступа: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf.

¹⁴⁹Богатуров А. Д. Международный порядок в наступившем веке // Международные процессы. 2004. № 3. С. 6–23.

поддерживают ее в состоянии стабильности¹⁵⁰. Похожим образом рассуждает и профессор кафедры востоковедения Московского государственного института международных отношений МИД России А. Д. Воскресенский. По его мнению, региональный порядок – это способ организации внутренней структуры региональной подсистемы или регионального комплекса¹⁵¹. В результате обобщения исследованных позиций у нас накапливается достаточный набор признаков, позволяющих вывести универсальную категорию эффективности политических институтов, под которой мы понимаем разницу между декларируемыми целями и достигнутыми результатами, обеспечивающимися за счет соответствующих регуляторов, при этом чем меньше разница, тем больше эффективность.

Четвертая составляющая – идеология, посредством которой очерчивается миссия того или иного властного центра по конструированию соответствующего политического порядка в зоне своего влияния. В этой связи З. Бжезинский, размышляя об американско-советской борьбе за мировое господство, писал: «Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укрепившим их убежденность в неизбежной победе»¹⁵². В рассматриваемом нами историческом контексте Восточной Азии 1930-х гг. фиксируются две конкурирующие модели регионального порядка: паназиатская и социалистическая. Необходимо оговориться, что региональный порядок в Восточной Азии имеет давнюю историческую традицию, весьма насыщенную в первой четверти XX в.: поражение ихэтуаней и подписание Боксерского (Заключительного) протокола, ряд тайных соглашений России с Японией по итогам Русско-японской войны, казалось, цементировали его. Однако кризис и распад империи Цин в 1911–1912 гг., в котором косвенно участвовала

¹⁵⁰ Цит. по: Богатуров А. Д. Указ. соч.

¹⁵¹ Воскресенский А. Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 53.

¹⁵² Бжезинский З. Указ. соч. С. 20.

Российская империя, подписав соглашения с Монголией и Китаем, регулирующие международно-правовое положение Халха-Монголии (вывод ее не только из сферы китайского влияния, но и из состава Китайского государства), а также известные события в нашей стране после марта 1917 г. привели к трансформации конструируемого регионального порядка. Начиная с 1920-х гг. в регионе складывается новый региональный порядок с новыми сильными акторами и идеологическими установками.

Во второй четверти XX в. на этой территории столкнулись интересы СССР и Японской империи. Каждая из держав видела будущее региональное устройство по-своему. СССР – через призму коммунистического глобализма, Япония – паназиатского регионализма. Обе идеологии исходили из разных уровней интеграции, в частности, социалистическая модель по своим амбициям была ближе к современному концепту глобального порядка. Борьба за регион находила отражение в политических доктринах. Речь идет о работе Окакура Какудзо «О пробуждении Японии» (1904) и диссонирующим с ней труде В. И. Ленина «О пробуждении Азии» (1913). Если, согласно В. И. Ленину, «буржуазия Европы, испуганная силой рабочего движения, бросилась в объятия реакции, военщины, поповщины и мракобесия. Но на смену этой, заживо гниющей буржуазии, идет пролетариат европейских стран и молодая, полная веры в свои силы и доверия к массам демократия азиатских стран»¹⁵³, то Окакура Какудзо утверждает: «Азия одна. Гималаи ее делят, только чтобы подчеркнуть две могучие цивилизации, китайскую со своим коммунизмом по Конфуцию и индийскую с ее индивидуализмом в Ведах. Снежные преграды не могут ни на мгновение прервать широкое пространство любви к Предельному и Вселенскому, которое является общим интеллектуальным наследием каждой их азиатских рас, позволяя им создавать все великие религии мира и отличая их от морских народов Средиземноморья и Балтии, которые любят останавливаться на частном и искать средства, а не смысл

¹⁵³ Ленин В. И. Пробуждение Азии // Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973.

жизни»¹⁵⁴. Легитимация реальной политики осуществлялась посредством идеологии, что было особенно важно, когда действия представителей сторон сталкивались с моральными установками, бытующими до этого момента в монгольском, китайском и любом ином обществе.

Так, по мнению П. В. Панова, политический порядок, который воспроизводится в разнообразных институциональных политических практиках и связывает, таким образом, не только социальные порядки, которые институционализируются в отдельных социальных группах микроуровня, но и множественные институциональные политические практики представляют собой совокупность взаимосвязанных процессов разнообразных институциональных политических практик. Фундаментальная особенность политического порядка заключается в том, что он основывается на сочетании внутренних и внешних гарантий легитимности¹⁵⁵.

С. Хантингтон был убежден, что «коммунистические режимы не эффективнее свободных стран в борьбе с голодом, развитии здравоохранения, обеспечении роста национального производства, создании новых отраслей и повышении благосостояния. Зато они обеспечивают эффективное государственное управление. Их идеология служит основой легитимности, а их партийная организация обеспечивает институциональные механизмы мобилизации поддержки и осуществления политических стратегий. Реальный коммунистический вызов модернизирующих стран состоит не в том, что коммунистам так хорошо удается свержение правительств (это легко), а в том, что им так хорошо удается организация; они создают правительства, способные управлять». И в этом случае можно даже опустить вопрос об эффективности достижения тех или иных социальных благ¹⁵⁶. Это утверждение справедливо и применительно к нашему региону, который в исследуемый период не отличался эффективностью в области социальной

¹⁵⁴Okakura Tenshin and the ideal of pan-asianism. Shadow of the Past / ed. by Brij Tankha. London: Global Oriental, 2008. 236 p.

¹⁵⁵Панов П. В. Указ. соч. С. 264, 281.

¹⁵⁶Хантингтон С. Указ. соч. С. 28.

политики (а зачастую, напротив, доказывал ее несостоятельность: массовый голод во Внешней и Внутренней Монголии, легализация оборота наркотиков в Маньчжурии, репрессии в отношении духовенства и других слоев общества в Халхе и Туве или массовое истребление мирных жителей в Восточном Китае), но, безусловно, был эффективен с точки зрения политического управления, о чем свидетельствовали экономические показатели по региону.

Третьей составляющей политического порядка Ф. Фукуяма считал подотчетность, под которой понимал способность правительства реагировать на интересы всего общества, очевидно, имея в виду Аристотеля и его «общее благо»¹⁵⁷, но в более широком ее понимании. Предостерегая читателя от соблазна свести подотчетность к процедурам современной демократии, он напоминает, что хорошие процедуры не всегда дают надлежащие результаты. И, безусловно, подотчетность в современном либеральном ее понимании как права и возможности любого гражданина как части народа, выступающего источником власти, обратиться в любой орган государственной власти, который обязан дать адекватную «обратную связь», то говорить о подотчетности ни в зоне российского/советского, ни в зоне японского влияния не приходится.

Однако, если рассматривать данный вопрос с точки зрения конечного результата – создания сильного государства, то оно безоговорочно стоит на страже интересов своих даже не граждан, а подданных, как это, например, в 1915–1916 гг. предусматривалось тремя договорами между Российской империей и китайской стороной о статусе Хулунбуира (Барги); или в китайских провинциях, ставших позднее буферными государствами, когда Япония требовала и добивалась и от китайской стороны, и от западных держав защиты интересов своих подданных на континенте.

В рамках обсуждаемой проблематики необходимо подробным образом рассмотреть ресурсы, за которые шла борьба властных центров в Восточной

¹⁵⁷*Fukuyama F. Political Order and Political Decay ... P. 26.*

Азии. Так, по мнению П. В. Панова, политизация отдельных социальных групп обусловлена неравномерностью доступа к ресурсам, борьба за них являлась основной целью деятельности, а в случае необходимости и взаимодействия властных центров региона¹⁵⁸. Сразу оговоримся, что особенностью Восточно-Азиатского региона и, соответственно, регионального политического порядка было участие в борьбе за ресурсы в большинстве случаев не только властных центров, но и третьей стороны. Так, например, раздел сфер влияния в Северо-Восточном Китае между Японией и Россией еще не означал, что Китай принял эти условия и взялся их обеспечивать: позволять сторонам по своему усмотрению прокладывать железнодорожные ветки, предоставлять независимость Монголии, Барге и Туве, расширять пространство иностранных концессий и выделять участки под открытие новых и т. д.

В нашей работе мы будем пользоваться категорией «геополитический центр», под которой понимаются «государства (сюда же мы включаем и буферные политии. – П. Д.), чье значение вытекает не из их силы и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц»¹⁵⁹.

И, наконец, в связи с тем, что: (а) политический порядок представляет собой не «состояние», а «процесс», который никогда «не завершается»¹⁶⁰; (б) «перечень геостратегических акторов и геополитических центров не является ни постоянным, ни неизменным»¹⁶¹; (в) при смене политических лидеров и изменении законов именно институциональные правила, по которым организуются общества, определяют политический порядок¹⁶², наше исследование характеризует региональный политический порядок в динамике: каждые 5–8 лет в регионе происходили существенные сдвиги в конфигурации сил как властных центров или геостратегических акторов, так и

¹⁵⁸Панов П. В. Указ. соч. С. 269–270.

¹⁵⁹Бжезинский З. Указ. соч. С. 75.

¹⁶⁰Панов П. В. Указ. соч. С. 84.

¹⁶¹Бжезинский З. Указ. соч. С. 88.

¹⁶²Фукиутама F. Political Order and Political Decay... P. 25.

геополитических центрах, что отражалось на региональном политическом порядке и на всех участниках этого процесса.

Задачами властного центра, или геостратегического актора, при формировании регионального политического порядка являются: (1) отвоевание географического (территориального) пространства для обеспечения контроля и реализации политической власти; (2) укрепление своего стратегического присутствия на занятой территории посредством выстраивания институтов; (3) обеспечение единства как реализуемой политики, так и норм в отношении присутствующих на территории субъектов; (4) недопущение на данное пространство контрагентов – властных центров или минимизация и контроль их присутствия. В совокупности эти задачи призваны обеспечить необходимые инструменты создания регионального политического порядка. В соответствии с выдвинутой нами гипотезой ими могут выступать государственные буферные территории.

Далее нам необходимо определить круг политических акторов, которые могли бы, но на практике не способны принимать участие в формировании регионального политического порядка, несмотря на обладание таким свойством, как государственность. Первым среди них выступает лимитроф.

В статье «Лимитроф в современном геополитическом процессе» профессор кафедры теории и истории политической науки Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина Н. А. Комлева рассматривает проблемы сущности, структуры и функций лимитрофов в рамках современного геополитического процесса. Автор пишет об изначальном римском происхождении термина и его использовании для обозначения мест дислокации пограничных войск. Однако в начале XX в. он стал применяться ситуативно и узко специально для обозначения некоторых приграничных государств – соседи Советской России (преимущественно государства Прибалтики и Финляндия)¹⁶³. Согласно Н. А. Комлевой, «лимитрофом в

¹⁶³Комлева Н. А. Указ. соч.

обществе Постмодерна является не просто совокупность приграничных государств, географически прилежащих к определенной державе и зависимых от нее, но совокупность государств и негосударственных акторов, геополитические пространства которых прочно контролируются мощным актором, выступающим в данном случае в роли геополитического тьютора. (Тьютор – англ. *tutor* – тот, кто поучает, а также руководит занятиями, обучает.) Тьютором может быть как государство, так и мощный актор негосударственной природы (глобальная корпорация). Одна из основных закономерностей осуществления геополитической экспансии состоит в формировании предельно объемного лимитрофа для получения наибольшего количества и качества ресурсов развития, а также для обеспечения оптимального уровня защиты от уязвимостей как реального, так и потенциального геополитического противостояния»¹⁶⁴. Здесь налицо экспансионистский характер лимитрофа, что придает ему более конкретные и осязаемые черты.

Е. М. Панин считает, что термин «лимитроф» приобрел современное значение в качестве объединяющего понятия, во-первых, для совокупности государств, образовавшихся после распада Российской империи в 1917 г. применительно к новым прибалтийским государствам, а также к Польше и Финляндии; во-вторых, для Литвы и Латвии после разгрома Польши и их оккупации немецкими войсками, что раскрывалось в утвержденной 11 апреля 1939 г. А. Гитлером «Директиве о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.»; и, в-третьих, для государств, образовавшихся после распада СССР в 1991 г.¹⁶⁵

Геополитический аспект проблемы в контексте места и роли России в системе евразийского миропорядка раскрывает В. Л. Цымбурский, исходя из понятия «великого лимитрофа» и вкладывая в него оградительный смысл. Автор ведет речь о «дуге территорий, обособляющей платформу, базовое ядро

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Панин Е. М. Указ. соч.

российской цивилизации от платформ других цивилизационных миров»¹⁶⁶. Таким образом, на первый план выводятся географический фактор и фактор цивилизационных различий.

Иную позицию занимает политолог С. В. Хатунцев, определяя лимитроф как место столкновения цивилизаций, районы соприкосновения – «узлы скучивания», оперировал дефиницией «лимбовая область» как пространством меньшим, чем лимитроф, незначительной, второстепенной «контактности» или «пограничности»¹⁶⁷, чем лимитроф (в отличие от него, принимает «сигналы», не препятствуя их проникновению на свою территорию.) А. Ю. Пикулин, говоря о цепи регионов со специфическим характером и исторической судьбой, задаваемыми окружающими цивилизациями, использует термин лимитрофа-мембраны, выделяя в качестве определяющего разграничительный аспект, он характеризует территорию и как барьер, и как «достаточно проницаемую структуру»¹⁶⁸.

Ряд авторов говорят о категории «лимитроф» с цивилизационных позиций. Так, И. В. Побережников пишет о лимитрофах «как о территориях, отделяющих друг от друга крупные, исторически сложившиеся историко-культурные регионы и этногеографические массивы – цивилизации»¹⁶⁹. Развивая данное положение, А. А. Киреев пишет: «Понятие “лимитроф” скорее относится не к границам в собственном смысле слова, но к явлениям более высокого географического ранга – пространствам, а точнее – к промежуточным социальным пространствам, разделяющим более крупные и плотнее структурированные»¹⁷⁰. В. Н. Рябцев в этических образах «столкновения литосферных плит», «землетрясений и вулканических извержений» описывает лимитроф как ослабленное и нестабильное промежуточное геополитическое пространство между крупными

¹⁶⁶Цымбурский В. Л. Указ. соч.

¹⁶⁷Хатунцев С. В. Указ. соч.

¹⁶⁸Пикулин А. Ю. Указ. соч.

¹⁶⁹Побережников И. В. Указ. соч.

¹⁷⁰Киреев А. А. Указ. соч.

государствами, владение которым может оспариваться¹⁷¹. С. В. Востриков приводит доводы в пользу скорее фронтальной зоны, нежели лимитрофа, ведя речь о сложном комплексе историко-политических и этнокультурных факторов, которыми и обусловлен приграничный характер и территории, и ее жителей: «...близкородственное комплиментарное население без особых языковых и культурных различий... которое так и не смогло до конца разделиться и остается более близкими друг к другу, чем к жителям центральных районов своих государств». Далее автор ссылается на мнение белорусского ученого Б. И. Сидоренко, который в описании российско-белорусской границы говорит не о линии, разделяющей два государства, а о линии, представляющей собой протяженную буферную зону, чем запутывает читателя¹⁷².

Из работ иностранных авторов интерес представляют работы Дэвида Ньюмана, который подчеркивает, что концепция лимитрофа по-прежнему основывается на традиционной геополитике силы и зоны влияния и зависит от геополитических игроков и реалий геополитического сближения пространства-времени¹⁷³. Дэвид Рейли и С. Б. Коэн описывают схожий с лимитрофом термин *shatterbelt*. Этим понятием обозначают географическое пространство (зону), из-за которого между ведущими державами, стремящимися к расширению своих полномочий, разворачивается противостояние¹⁷⁴. Зона характеризуется неустойчивой геополитической ориентацией, слабо консолидированными политическими силами, слабой социальной и экономической базой¹⁷⁵.

Наиболее удачным представляется определение генерал-полковника, главнокомандующего сухопутными войсками Российской Федерации Владимира Валентиновича Чиркина, согласно которому лимитроф – это совокупность государств, где определенная держава доминирует и реализует

¹⁷¹Рябцев В. Н. Геополитические и геочивилизационные особенности...

¹⁷²Востриков С. В. Указ. соч.

¹⁷³Boundaries, Territory and Postmodernity...

¹⁷⁴Reilly David. Shatterbelts and Conflict Behavior...

¹⁷⁵Cohen S. B. Geopolitics of the World System...

собственные интересы за счет расширения своего геополитического пространства, доступа к новым ресурсам собственного развития и дополнительных гарантий своей безопасности. Составляющие лимитроф страны-сателлиты снижают объемы потенциально или реально затрачиваемых державой ресурсов борьбы с геополитическими противниками¹⁷⁶.

Подводя промежуточный итог, отметим резко антагонистический характер категории «лимитроф», обусловленный его ролью не просто границы, а блокирующей силы на стыке цивилизационных зон. В противовес лимитрофу фронтир представляет собой «плавильный котел», в котором происходит слияние не только народов, проживающих в представленной зоне, но и их языка, культуры, веры и т. д. Задача фронта, в отличие от лимитрофа, – не препятствовать, а смягчать взаимодействие.

Вместе с тем ни лимитрофу, ни фронтису не присущи политические обособленность, централизация и единство. Как правило, лимитроф – это несколько государств или регионов, могущих иметь собственное историческое прошлое и связанные с этим ценностные и идеологические установки, различный этно-конфессиональный состав населения, разное видение своей судьбы среди политических лидеров. Данные факторы не способствуют обеспечению управляемости лимитрофом и поэтому не представляют собой надежного инструмента для властного центра по обеспечению устойчивого присутствия на территории. Поэтому, по нашему мнению, с такой задачей, исходя из исторического опыта исследуемого нами региона, более успешно справляются буферные зоны.

Оуэн Латтимор, выдающийся американский китаист и монголовед, родоначальник концепции сателлитизма, в исследованиях советско-монгольских отношений широко использовал понятие «сателлит» применительно к Внешней Монголии для характеристики монгольской государственности исследуемого и последующего исторического периода¹⁷⁷. Исследователь

¹⁷⁶Чиркин В. В. Указ. соч. С. 346.

¹⁷⁷Lattimore O. Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism...

отождествлял Монголию со спутником, который при конструировании собственной экономической и социальной политики был вынужден опираться на экономические ресурсы страны-доминанты (в данном случае – Советского Союза) и на ее идеологию¹⁷⁸. «...Внешняя Монголия никогда не была и не станет партнером первостепенной важности, писал Латтимор, в военной стратегии или в качестве экспериментальной модели революционных методов для СССР. В кратком, но разгромном участии России в войне против Японии Внешняя Монголия использовалась для фланговых маневров, но главный удар из Сибири был сосредоточен непосредственно на Маньчжурии. Нет никаких признаков того, что русские организовали линию снабжения именно через Монголию, чтобы помочь китайским коммунистам; и, безусловно, это можно сказать совершенно определенно, китайские коммунисты никогда не создавали свои ячейки структурно или процедурно схожими с аналогичными во Внешней Монголии. Даже во Внутренней Монголии нынешняя структура управления и организации коммунистической партии полностью обеспечена китайскими коммунистами, а не монголами из Внешней Монголии»¹⁷⁹. Автор указывал на заблуждение многих западных ученых, которые пренебрегали изучением специфики данных отношений и в качестве примера ошибочности такого суждения он ссылался на известного британского советолога Вальтера Коларца. Этот ученый придерживался мнения о том, что все советские республики хоть и не подвергались завоеванию или захвату с точки зрения международного права, однако же контролировались Москвой и при этом не представляли собой каких-то особенных (уникальных, исключительных) государственных образований, хоть и играли важную роль в советской политике¹⁸⁰.

Латтимор писал о склонности сателлитов к быстрым политическим изменениям в ответ на аналогичные перемены в стране-доминанте, что

¹⁷⁸ *Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. N. Y.: Oxford University Press, 1955. P. 3.*

¹⁷⁹ *Ibid.*

¹⁸⁰ *Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East... P. 128.*

отличает данный тип государств от стран, находящихся в колониальной зависимости, или от марионеточных государств, к числу которых он относил Маньчжоу-Го. В числе прочего отличие заключалось и в том, как доминанта рассматривает сателлита: если британская политика в Тибете была направлена на расширение зоны влияния, то политика России всегда была направлена на создание из Внешней Монголии буферной зоны с целью противостояния возможной японской или китайской экспансии. Ни торговые, ни какие-либо другие интересы в этом случае не были решающими или определяющими, они были лишь сопутствующими. В итоге выстраивается так называемый инертный, или статичный, буфер с двойной системой управления, где церковные институты делили власть с наследственными князьями¹⁸¹. Еще одним фактором формирования модели сателлита советского образца ученый называл национализм, который в случае с обоими монгольскими государствами приобрел характер панмонголизма.

Несмотря на то что с начала 1920-х гг. общественные и государственные структуры Халха-Монголии и Внутренней Монголии становятся все более разными, а к началу 1930-х гг. существенно различались их общественно-государственные уклады, тем не менее их политические судьбы оказались во многом похожими, разными были лишь «патроны» и их методы, а целью тех и других было использование монгольской земли одними в качестве буфера, другими – в качестве плацдарма. Таким образом, категория сателлита очень близка к категории буферного государства. Однако сателлит не обладает достаточной устойчивостью, подвержен внешнему одностороннему воздействию и потому слишком слаб для решения стоящих перед властными центрами задач по формированию регионального политического порядка.

Наконец, третий термин – квазигосударство. В научный оборот этот термин был введен учеными Бостонского университета Р. Джексоном и К. Росбергом в 1982 г. на основе изучения процессов деколонизации в

¹⁸¹*Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia...* P. 82.

Африке¹⁸² и в течение нескольких лет прочно укоренился в научном сознании. Так, авторы указывают, что с 1945 г. мир формально перешел в единственную легально признаваемую категорию международного взаимодействия и признал в качестве полноценных участников международных отношений исключительно суверенные государства.

Основная идея концепции квазигосударства кратко укладывается в их понимание политий, которые имеют международные права и обладают теми же внешними прерогативами, что и все другие суверенные государства (так называемый отрицательный суверенитет), однако у большинства из них отсутствуют реальные черты государственности в обеспечении граждан общественными благами и гарантиями (так называемый положительный суверенитет). Например, бывшие колонии, получившие независимость скорее по необходимости, а не по причине наличия соответствующих предпосылок формирования у них государственности и государственных институтов, после приобретения государственного суверенитета полноценные данные институты создать не смогли.

Вместе с тем, несмотря на военную и экономическую слабость, они стали равноправными с другими державами и получили от них политическую и иную поддержку, позволяющую обеспечить выживание. Отныне слабость перестала быть угрозой суверенитету, теперь это повод для международной помощи, а международная недееспособность/ недосубъектность и неравенство превращаются в позитивные международные права. Ученые указывают, что система мандатов, которую сменила система протекторатов, в отношении этих акторов фактически продолжала существование с единственной оговоркой, что персональная «ответственность» какой-либо державы за конкретную территорию теперь является международным «бременем»¹⁸³, а Р. Джексон

¹⁸²Jackson R. H., Rosberg C. G. Why Africa's Weak States Persist...; Bull H., Watson A. The Expansion of International Society. Oxford: Clarendon Press, 1984. 430 p.

¹⁸³Jackson R. H., Rosberg C. G. Why Africa's Weak States Persist... P. 1–24.

ехидно подмечает, что, вероятно, впервые в современной международной истории ситуация благоприятствует слабым игрокам¹⁸⁴.

Таким образом, права и обязанности государств, обладающих правовой государственностью, или статусностью, признанной другими суверенными государствами – полноценными участниками международных отношений, и вытекающее отсюда право вступать в отношения с этими государствами, по замыслу Р. Джексона, ничем не отличаются от прав и обязанностей квазигосударств. Однако, несмотря на формальную статусность и признание за квазигосударством права на полноценное существование, без участия международного сообщества реализовать это право в полной мере невозможно ни во внешней, ни во внутренней политике. Парадокс заключается в том, что внутренняя неустойчивость подобных политических конструкций зачастую сильнее, чем внешняя, на международной арене, поэтому и Р. Джексон ведет речь о своеобразной компенсации подобных недостатков со стороны все того же международного сообщества¹⁸⁵: поддержание порядка внутри страны за счет военных контингентов ООН или стран-соседей, распределение с участием международных сил гуманитарной помощи и воды, прививочные кампании и другие меры медицинской помощи, обеспечение иных социальных обязательств в отношении граждан этого квазигосударства и т. п. Поэтому здесь речь также ведется об «отрицательном», или «негативном», а не «положительном», или «позитивном», суверенитете¹⁸⁶, который сохраняет формальную статусность, но не позволяет реализовывать социальные обязательства государства.

Следует отметить, что в отечественном научном сообществе характеристика квазигосударства как особой формы политики принципиально отличается от характеристики западных ученых. Первая группа отечественных ученых определяющими характеристиками квазигосударства

¹⁸⁴ *Jackson R. H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory ...

¹⁸⁵ *Jackson R. H.* Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world...

¹⁸⁶ *Kolstø P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states ...

считает незрелость государственных институтов, и в этом они являются сторонниками теории Р. Джексона. М. В. Ильин, например, в русле джексоновской теории ведет речь о симуляции обязательных характеристик и функций государства (выстраивании необходимых институтов) и призывает отличать ее от имитации – воспроизведения необходимых действий (или алгоритмов)¹⁸⁷.

По мнению П. Н. Лукичева и А. П. Скорика, квазигосударство является одним из этапов движения к такому многомерному, сложному образованию, как государство, через который проходят прежде всего степные и горские, а также некоторые другие народы. В качестве «живого» примера квазигосударственности авторы ссылаются на большинство политических режимов национально-государственных образований бывшего СССР. Раскрывая его недогосударственность, как бы государственность, они пишут об особом типе властных отношений, «который возникает при отсутствии, недостаточности исторического опыта бюрократического функционирования государственных органов, при патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, отсутствии общегражданской самоидентификации, неразвитости права и правового сознания, авторитарности политических отношений, преимущественно географической обусловленности существования данного политического образования. Квазигосударство может даже иметь внешние формы современного государства, но при этом основные ориентиры и структуры его политики носят «общинный характер»¹⁸⁸.

Для первой группы ученых квазигосударство есть «бывшие колониальные страны, которые представляли собой международную франшизу и обладали теми же внешними правами и обязанностями, как и другие суверенные государства, имеющие юридическую государственность,

¹⁸⁷Ильин М. В. Указ. соч. С. 11–19.

¹⁸⁸Лукичев П. Н., Скорик А. П. Указ. соч.

полученную из права на самоопределение или отрицательного суверенитета»¹⁸⁹.

Вторая, самая многочисленная, группа ученых в качестве приоритетного заявляет факт международного признания или отсутствия такового. Так, Ф. Е. Попов утверждает, что квазигосударства – это образования, сформированные в ходе сецессии и «обладающие всеми атрибутами нормального государства, власти которого полностью контролируют свою территорию». Квазигосударства отличаются от «повстанческого» стремлением к международному признанию и вступлению в ООН. Они «де-юре признаны ограниченным числом стран или вообще не имеют признания»¹⁹⁰. В работе «География сецессионизма в современном мире»¹⁹¹ Ф. А. Попов, апеллируя к В. А. Колосову и Р. Ф. Туровскому, отчетливо «разводит» понятия квазигосударства и повстанческого государства. Не вдаваясь в терминологические нюансы, отметим, что в представленном дискурсе по-прежнему фигурирует не только вопрос об отсутствии международного признания, но и указывается на такую способность непризнанного государства, как осуществление эффективного контроля над основной своей территорией¹⁹². Сам же автор отдает предпочтение формально-юридической стороне вопроса, отмечая в качестве причины возникновения квазигосударства дезинтеграционные стремления и их результат в виде фактической, а не юридически признанной сецессии¹⁹³.

Противоречивой в своей постановке и обосновании является позиция Е.В. Шараповой, согласно которой квазигосударства – это «самопровозглашенные государства, не признаваемые ни мировым сообществом, ни тем государством, от которого они отделились. Обычно это спорные территории, объекты территориальных конфликтов между двумя или

¹⁸⁹ Николаев Д. Г. Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 64-81.

¹⁹⁰ Попов Ф. А. От «безгосударственной территории» к «государству де-факто»...

¹⁹¹ *Он же*. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 671 с.

¹⁹² Там же. С. 77.

¹⁹³ Там же. С. 78.

несколькими странами. Например, Ватикан тоже считается квазигосударством, он обладает только некоторыми признаками полноценного государства»¹⁹⁴. Данное утверждение вызывает недоумение не только с формально научной, но и с правовой точки зрения: признание за Ватиканом статуса суверенной территории, управляемой Святым Престолом, предусматривается Латеранскими соглашениями, подписанными 11 февраля 1929 г., поэтому относить его к «самопровозглашенным» или «непризнаваемым» нельзя; Ватикан и в 1929 г., и сегодня является полноценным субъектом международного права.

Норвежский эксперт П. Колсте не «загоняет себя в угол» однобокой трактовкой данной дефиниции. Квазигосударство для него, с одной стороны, – это «признанное государство, но которому еще не удалось создать необходимые структуры, для того чтобы функционировать как полноценное государство», с другой – этот термин применяется для государства, «отделившегося от другого государства, но не получившего международного признания. Для преодоления путаницы автор предлагает следующее решение: для обозначения признанных, но неэффективных государств следует использовать термин “несостоятельное государство”, для обозначения непризнанных и неэффективных государств – “квазигосударство”»¹⁹⁵.

Некоторые авторы исходят из весьма спорного тезиса о том, что «поскольку до середины XX века отсутствовали универсальные нормы международного права, позволяющие объявить определенное государствовподобное образование “вне закона” с точки зрения общепринятых международно-правовых норм», то суверенитет квазигосударства термин относительно новый, но при этом смешивают его с понятием «непризнанное государство»¹⁹⁶.

¹⁹⁴Шарапова Е. В. Консервация непризнанных квазигосударственных образований...

¹⁹⁵Чихарев И. А. Указ. соч. С. 9–30.

¹⁹⁶Бердегулова Л. А. Особенности суверенитета ... С. 55.

Ряд авторов, обращая внимание на такие факторы, как особенности возникновения государственности, специфика политических, экономических и социокультурных систем, период существования и т. п., предлагают объединить квазигосударства, непризнанные, повстанческие, несостоявшиеся государства и др. в так называемую зону проблемной государственности, «где отсутствуют основные признаки государственности и существуют проблемы с контролем входящих в их границы территорий», включая в череду подобных политий, например, ДНР и ЛНР и обозначая при этом в качестве главного признака отсутствие международного признания¹⁹⁷. Похожей позиции придерживаются исследователи современной палестинской государственности¹⁹⁸, или государственности ИГИЛ, аргументируя ее тем, что «[д]окументы, используемые в деятельности лидерами ИГИЛ, по своей форме практически не отличаются от аналогичных документов, используемых в деятельности международно-признанных государств»¹⁹⁹.

Сторонники данного подхода из числа иностранных ученых пишут, что слабые экономически, с неустойчивой государственной структурой подобные образования вынуждены добиваться международного признания, в противном случае они обречены на поглощение государством-покровителем и получение автономного статуса в рамках федерального соглашения²⁰⁰. Зачастую им выгоден «международный тупик» в вопросе разрешения статуса, поскольку в этом случае они получают политические и экономические «бонусы». Пример тому Курдистан, где местные лидеры после войны в Персидском заливе 1990 г. получили возможность для экономической помощи, направляемой с целью восстановления и реформ, а также политической поддержки, необходимой для обеспечения безопасности²⁰¹.

¹⁹⁷ Сальников В. И. Указ. соч. С. 34.

¹⁹⁸ Косач Г. Г. Указ. соч. С. 136–142.

¹⁹⁹ Баркатунов В. Ф. Указ. соч. С. 106–113.

²⁰⁰ Hayes J. 'Review of Robert Jackson Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World' // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 1994. No. 32(1). P.144–145.

²⁰¹ Natali Denise. *The Kurdish Quasi-State: Development and Dependency in Post-Gulf War Iraq*. Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 2010. 158 p.

И, наконец, третья группа ученых придерживается точки зрения, согласно которой именно процессы распада держав приводят к образованию квазигосударств, обозначая в качестве ведущей причины этого неспособность «родительского государства» контролировать свою территорию. Е. Г. Пономарева, ссылаясь на известного британского социолога З. Баумана и его трактовку квазигосударств как слабых, но полезных или нужных/необходимых более сильным²⁰², называет этот феномен «фантомным», или «призрачным», связывая их существование с глобальными процессами и интересами держав или международных организаций и «наднациональных структур... или нелегальных (криминальных и террористических) сил»²⁰³.

О роли международных организаций в конфликтах между державами и квазигосударствами рассуждает А. В. Хозеева, говоря о факторе внешнего покровительства, об использовании в своих интересах и прорабатывая сценарии возможного преобразования квазигосударственного статуса²⁰⁴.

По мнению Л. А. Бердегуловой, квазигосударственные образования не обеспечивают должного уровня соблюдения прав и свобод человека, потому что, с одной стороны, нелегитимный статус не позволяет им присоединиться к соответствующим международным конвенциям и тем самым взять на себя соответствующие обязательства, а с другой – у них недостаточно для этого реальных возможностей²⁰⁵. Однако известный отечественный юрист А. Б. Венгеров считает, что, помимо отсутствия легитимного статуса и реальных возможностей, в квазигосударственных образованиях «не слишком развито правосознание и правовая культура»²⁰⁶. Точка зрения весьма спорная, особенно если исходить из понимания квазигосударства как политики с отсутствием государственного суверенитета и международной

²⁰²Bauman Z. *Globalization: Human Consequences*. Liquid Modernity, Cambridge: Polity Press, 2000. 786 p.

²⁰³Пономарева Е. Г. Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 195–204.

²⁰⁴Хозеева А. В. Указ. соч. С. 25.

²⁰⁵Бердегулова Л. А. Права человека в квазигосударственном образовании // Символ науки. 2016. № 9. С. 187–189.

²⁰⁶Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. М.: Новый юрист, 1998. С. 95.

правосубъектности, формируемой в пределах неконтролируемой территории²⁰⁷.

Сопутствующие понятия «непризнанное государство» и «самопровозглашенное государство», «серая зона» и «повстанческое государство» и их основные адепты детально анализируются Ф. А. Поповым. По его мнению, термины «непризнанное» и «самопровозглашенное государство» практически идентичны. Под ними в самом общем смысле имеется в виду любая полития, которая сумела обеспечить фактическую сецессию и добивается сецессии юридической²⁰⁸. Однако заметим, что полития не может называться государством без государственного суверенитета, одним из атрибутов которого и является способность вступать в международные сношения, т. е. есть фактическое или формально юридическое признание. Во всех остальных случаях речь идет о проявлении той или иной формы государственности. Что же касается термина «непризнанное государство», то, на наш взгляд, он некорректен. На подобную, но менее резкую и более завуалированную позицию, высказанную А. Г. Большаковым, ссылается Ф. А. Попов: «Непризнанным может быть названо государственное образование, лишённое международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности»²⁰⁹. В целом и в отношении международного признания вообще, и в отношении его реализации в исследуемый нами исторический период мы опираемся на подход Л. Оппенгейма²¹⁰ о множественности признаний.

Ф. А. Попов, ссылаясь на основного разработчика этой категории американского политгеографа Роберта Маккола, определяет повстанческое государство как «территориально определенное антигосударство-в-государстве», возникающее в процессе развития масштабного движения за свержение центральной власти в стране («национальной революции»),

²⁰⁷Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

²⁰⁸Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире... С. 81.

²⁰⁹ Там же. С. 82.

²¹⁰Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 135–157, 163–173.

обеспечивающее контроль над занимаемой территорией и населением, имеющее «сеть собственных опорных баз и административных единиц, а также силовую поддержку в лице партизанской армии»²¹¹.

Под «серыми зонами» автор понимает «территории, выводимые из-под контроля государства путем фактической сецессии»²¹², основной характеристикой которых является неспособность центрального правительства контролировать периферийные зоны, переходящие в руки преступных или иных формирований с явной антиправовой направленностью.

Поскольку обозначенные выше понятия рассматриваются разработчиками и примыкающими к их позиции учеными как временные, промежуточные состояния, в круг наших интересов и предмет исследования они также не входят, а в исследуемый нами исторический период в Восточной Азии отсутствовали и на становление регионального политического порядка не влияли.

В научной литературе встречаются попытки придать околосударственный статус иностранным поселениям, образованным на территории империи Цин европейскими державами, а также США и Японией, и характеризовать их в качестве актора или иного субъекта влияния на формирование политического порядка в регионе. Территории этих поселений, равно как и население, граждане представленных стран, обладали особым статусом и обеспечивали определенное влияние на политический порядок региона, характер которого предстоит определить. Для стран Восточной Азии юрисдикционные отношения в исследуемом регионе всегда представляли особый интерес, поскольку были связаны с феноменом политического присутствия, под которым А. В. Михалев понимает «способность одного из политических акторов формировать институциональные условия в пределах юрисдикции другого актора с целью защиты и продвижения своих политических интересов»²¹³.

²¹¹ *Попов Ф. А.* География сецессионизма в современном мире ... С. 75–76.

²¹² Там же. С. 70.

²¹³ *Михалев А. В.* Политическое присутствие – генеалогия концепта // *Мировая политика.* 2019. № 2. С. 33–42.

Крупнейший специалист в области административного права Китая своего времени профессор В. В. Энгельфельд²¹⁴ со ссылкой на известного французского сиолога и монголиста Жоржа Сюли де Морана²¹⁵ делил иностранные поселения в Китае на четыре вида: дипломатический квартал Пекина; арендные территории и временные колонии, уступленные иностранным державам на определенный срок; концессии в открытых портах, существовавшие на основании договоров, где владение землей не ограничено сроком; и коммерческие концессии (сеттльменты), или кварталы, предоставленные китайским правительством для поселения иностранцев, где аренда земли (юридически) носила срочный характер.

Дипломатическим кварталом (Дун цзяоминь сянь) назывался особый район Пекина, в котором с середины XIX и до середины XX в. располагался основной состав иностранных (посольств) миссий (за исключением на 1926 г. Швеции, Норвегии и Кубы). Его особый статус закреплялся статьей 7 Заключительного протокола между Китаем и иностранными державами от 7 сентября 1901 г.²¹⁶ и Протоколом о квартале миссий в Пекине от 31 мая 1904 г.²¹⁷ Однако квартал не представлял собой единого иностранного поселения: каждая миссия сохраняла свой экстерриториальный статус, присущий дипломатическому представительству, но целиком они его не формировали.

Что касается арендных территорий, к числу которых относились Цзяочжоу (или Киаочао), Гуанчжоувань, Порт-Артур, Вэйхайвэй и прилегающие к Гонконгу острова, то, по мнению Э. Д. Гримма, с ними следует согласиться. В отличие от Гонконга, все перечисленные территории не уступались Китаем другим странам в вечное и неограниченное владение, а

²¹⁴Энгельфельд В. В. Юридическое положение иностранных концессий в Китае (Juridical Status of Foreign Concessions in China). Харбин: Заря, 1927. С. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/3516/23539>.

²¹⁵Soulié de Morant G. Extériorité et Intérêts Étrangers en Chine. Paris: Paul Geuthner, 1925. P. 251.

²¹⁶Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М.: Издание Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, 1927. С. 150.

²¹⁷Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны. М.: Литиздат НКВД, 1925. С. 316–317.

сдавались им в аренду на разные сроки: «Цзяочжоу, Гулун и Гуанчжоу-ван – на 99 лет каждый, Порт-Артур – на 25 лет, Вейхайвэй – на тот срок, в течение которого Россия будет владеть Порт-Артуром и на разных условиях»²¹⁸. Таким образом, речь шла лишь о зоне влияния одного государства на относительно небольшом участке другого: «...Россия превратила в свою сферу влияния Маньчжурию, Германия – провинцию Шаньдун... Англия также навязывает Китаю в 1898 г. соглашение о неотчуждении территории в бассейне Янцзы... [и]... расширяет британскую территорию на полуострове Коулун, навязав Китаю договор об “аренде” полуострова, и занимает Вэйхайвэй»²¹⁹. Л. Оппенгейм еще более конкретен, называя подобную государственную территорию фикцией, поскольку за Китаем сохранялось право расторжения арендных договоров, чем он и воспользовался в начале – середине 1930-х гг.²²⁰

Таким образом, в отношении арендных территорий можно утверждать, что они представляли собой особую юридическую природу стратегического присутствия в регионе и именно поэтому не попадают в предмет нашей работы.

Доктор Дяо²²¹ также исключал арендные территории как обладающие иным характером по сравнению с прочими иностранными поселениями в Китае, но следом выделял: концессию или участок земли, переданный по договору в бессрочную аренду арендующему государству для проживания его подданных; сэттльмент или место, отведенное для проживания всех иностранцев, где они могут организовываться в муниципалитет; добровольный сэттльмент, или сэттльмент в порту, добровольно открытом самим Китаем для проживания иностранцев, контроль над муниципальным управлением которых и полицией которого остается в руках местных властей; и сэттльмент по допущению, или сэттльмент, внутри которого резиденты

²¹⁸Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке... С. 17.

²¹⁹Гальперин А. Л. Англо-японский союз: 1902–1921 годы. М.: Госполитиздат, 1947. С. 43.

²²⁰Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 31.

²²¹Дяо. Положение иностранцев в Китае (Что готовит Китай к мирной конференции народов) // Вестник Азии. 1918. № 46. С. 1–138.

приобретают, без формального соглашения со стороны территориального суверена, молчаливое согласие осуществлять управление на муниципальных началах.

И первыми со времен «открытия» Китая иностранному присутствию территориальными образованиями с особым (отличным от провинций и других территорий) статусом были именно концессии. После подавления Боксерского восстания в 1900 г. общее число городов с присутствием в них концессий превысило 70. В связи с этим возникновение концессий в памяти китайского народа связывается с эпохой военного разгрома и национального унижения страны. Сложившаяся юридическая практика предполагала режим экстерриториальности, создавались собственные органы управления, а население переходило под их юрисдикцию. Территория концессии экспроприировалась у прежних китайских собственников на правах вечной аренды и предоставлялась в хозяйственное распоряжение, переходя под юрисдикцию правительства государства, получившего концессию.

В отличие от концессии, сэтльмент передавался не правительству, а отдельным гражданам другого государства или государств, что исключает его из поля нашего научного интереса, поскольку он не порождает продолжения государственной юрисдикции. В. В. Энгельфельд ссылается на работу известного американского таможенного работника и исследователя Хоси Баллу Морса “Trade and administration of China”²²², в которой он определил основные признаки сэтльментов, называя их резервированными районами, в пределах которых иностранцам разрешалось приобретать землю, но при этом китайцы могли продолжать владеть земельными участками, а получение земли иностранцами совершалось «путем непосредственных переговоров с первоначальными владельцами», сэтльмент пользовался «полными правами самоуправления, включая сюда обложение налогами и полицией»²²³. Согласно

²²²Morse H. B. The trade and administration of the Chinese empire. Shanghai: Kelly and Walsh, 1908. P. 266.

²²³Энгельфельд В. В. Указ. соч. С. 6.

выводам Дяо²²⁴, под сеттльментами понимались «кварталы, резервированные для поселения иностранцев в некоторых портах не на основании международного договора, а самим Китаем по его собственной воле на известных условиях, которые отличают их от концессий в открытых портах и прочей территории государства»²²⁵. В итоге сам доктор Дяо пишет о том, что сеттльмент не предполагал передачи земли, на которой он располагался, тому или иному государству²²⁶, поскольку и земля, и связанные с ней права и обязанности сохраняли китайский суверенитет.

Таким образом, наибольший интерес с точки зрения права и международного статуса представляли собой именно концессии, в связи с тем, что, несмотря на их формально целевой, коммерческий характер, данные иностранные поселения решали важные стратегические задачи представляемых ими государств, связанные с политическим присутствием в регионе. Имея всегда строго правовой договорный характер, создавался фактически и как бы государственный статус, который мы и называем квазигосударственным, однако сами концессии квазигосударствами не являлись. Поэтому в качестве актора или иного относительно самостоятельного субъекта влияния на формирование регионального политического порядка ни одно из перечисленных иностранных поселений не выступало.

Исходя из перечисленных признаков и приведенных к ним характеристик, констатируем, что под региональным политическим порядком Восточной Азии в первой половине XX в. мы понимаем сформированную и поддающуюся управлению властными центрами или геостратегическими акторами эффективную и динамичную систему геополитических центров и политических организаций – буферных государств, основанную на определенной идеологии и борьбе за ресурсы влияния, опирающуюся на

²²⁴Дяо. Указ. соч. С. 71.

²²⁵*Soulié de Morant G. Exterritorialité et Intérêts Étrangers en Chine...* P. 273.

²²⁶Дяо. Указ. соч. С. 72–73.

достигнутые соглашения и установленные нормы, определяющие гегемонию и право на нее в пределах четко очерченного географического, этнорелигиозного и историко-культурного пространства. В нашем случае в качестве такового выступали Китай (так называемый Внутренний Китай), Корея (современные Корейская Народно-Демократическая Республика и Республика Корея), Монголия, Япония, а также российский Дальний Восток (в границах современных субъектов Российской Федерации, расположенных на востоке Сибирского и в Дальневосточном федеральных округах).

В дальнейшем мы сосредоточимся на тех категориях, которые более успешно, чем уже рассмотренные нами (лимитроф, сателлит, квазигосударство), позволяют, на наш взгляд, решать стоящие перед властными центрами задачи с опорой на достигнутые результаты: (1) дополнен сложившийся категориальный аппарат дефиницией «государствоподобное образование»; (2) охарактеризована сущность властных центров, осуществлено его соотнесение с равнозначным понятием геостратегического актора и доказана несостоятельность Китая в качестве такового в заявленных хронологических рамках, допуская при этом его участие в борьбе за ресурсы с властными центрами в лице России и Японии; (3) обобщены задачи властного центра при формировании регионального политического порядка; (4) конкретизирована категория эффективности политических институтов; (5) дополнена категория З. Бжезинского о геополитических центрах буферными политиями; (7) выявлена динамика статусов властных и геополитических центров региона; на основе этого (8) сформулирована дефиниция регионального политического порядка, способная существовать и как универсальное определение, и применительно к Восточной Азии.

1.2. Буферные зоны на границах империй Восточной Азии

Прежде чем приступить к рассмотрению буферных зон, необходимо сделать оговорку, что они возникали и возникают на стыке границ крупных политических со своими интересами и ресурсами, выступающих главными акторами в регионе. В нашем случае таковыми в первой декаде XX в. были Россия, Япония и Китай, которые, как империи, формировали политический порядок в Восточной Азии²²⁷. В этой связи нам необходимо определить черты, характерные для империй интересующего нас периода – первой половины XX в.

Майкл Хардт и Антонио Негри в своей работе «Империя» выделяют в качестве предпосылки образования и одновременно важнейшего признака становления империи «слабеющий суверенитет национальных государств и их возрастающая неспособность к регулированию экономических и культурных обменов»²²⁸. Помимо этого, одной из определяющих отличительных характеристик империи авторы называют границы национальных государств, позволяющие определить «центр власти, из которого осуществлялось управление внешними территориями», тогда как сами империи не имеют четких привязок к государственной границе, они не создают «территориальный центр власти» и не опираются на жестко закрепленные границы. Лишенный центра и привязки к территории управленческий аппарат постепенно включает в свои открытые расширяющиеся границы все глобальное пространство²²⁹. Называя империю цивилизационным образованием, М. Хардт и А. Негри характеризуют ее не как способ правления, а как форму политического порядка, закрепляющего и фиксирующего сложившееся положение вещей. Владычество империи распространяется «на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального

²²⁷ Дудин П. Н. Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского/советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2019. № 4. С. 44–62.

²²⁸ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 46–47.

²²⁹ Хардт М., Негри А. Указ. соч. С. 46–47.

мира»²³⁰.

Британский социолог и заведующий кафедрой социологии в Университете Вирджинии Кришан Кумар предпринял попытку ограничить понимание термина «империя». Опираясь на определение профессора Колумбийского университета Майкла Дойла, согласно которому «империя... это отношения, официальные или неформальные, в которых эффективный политический суверенитет находится под контролем другого государства», Кумар вносит уточнения, касающиеся транснационального характера общественных отношений, экспорта метрополией своих институтов на периферию и тем самым выстраивает «мост между ними», подчеркивая, что всегда доминирующее положение институтов и идей метрополии гарантирует общая культура²³¹. Как М. Хардт и А. Негри, но уже в противовес М. Дойлу, Кришан Кумар ведет речь о прозрачности имперских границ, выделяя их сухопутную и морскую разновидности²³², обращая внимание на то, что у морской империи более четкие контуры метрополии и периферии.

Похожим образом рассуждает и Г. Мюнклер, выделяя три ключевые характеристики империи. Во-первых, он говорит о том, что «имперские границы не разделяют равные по статусу политические образования, а скорее представляют разные ступени власти и влияния. К тому же, в отличие от государственных границ, они полупроницаемы: тот, кто хочет попасть в имперское пространство, должен удовлетворять иным условиям, нежели тот, кто его покидает». И далее: «В этом и проявляется статусная разница: граничащие с империей общности не имеют того же статуса, что и империя»²³³. Во-вторых, он разделяет категории «империя» и «гегемония», предполагая, что «гегемония представляет собой преобладание в рамках группы формально равных по правам политических сил; имперскость же прекращает это, пусть и формальное, равенство, низводя подчиненных до

²³⁰ Там же. С. 14.

²³¹ *Krishan Kumar. Visions of Empire...*

²³² *Ibid.*

²³³ *Мюнклер Г. Указ. соч. С. 23.*

статуса зависимых государств или же сателлитов, которые находятся в более или менее очевидной зависимости от центра»²³⁴. И в-третьих, он четко разграничивает понятия империи и империализма²³⁵. Здесь и далее мы не будем вдаваться в детали этого разграничения, поскольку оно находится за рамками нашего исследования.

Дипак Лал классифицирует империи по их влиянию на социальные устои. Например, мультикультурные империи не прилагали серьезных усилий к изменению культурных обычаев составляющих империю групп и обеспечивали им доступ к рычагам управления. Гомогенизирующие, напротив, стремились сформировать у наличествующих на их территории многообразных этнических и культурных групп общую национальную идентичность и исключали подконтрольное население из управленческих процессов; империи – гражданские ассоциации не навязывали своему населению какую-либо предпочтительную систему целей, но заботились о поддержании гражданского порядка, тогда как империи – ассоциации-предприятия стремились использовать имеющиеся у них ресурсы для достижения сущностных или материально-правовых целей, и в качестве примера приводились китайская и «неудачная попытка создания империи в... Японии при премьер-министре Тодзио»²³⁶. Как и Г. Мюнклер, он отграничивает гегемонию, контролирующую только внешнюю политику, от империи, управляющей и внутривнутриполитическими процессами. Объяснение этому лежит в стремлении к самосохранению при формулировании принципа «не брать с населения слишком много за предоставление основных общественных благ – мира и порядка». В качестве сопутствующих признаков Д. Лал приводит необходимость создания гражданской администрации, правового регулирования, развития средств коммуникации, а также поддержания лингва франка – внутреннего языка межэтнического общения, способствующих устойчивому политическому порядку и единству экономического пространства²³⁷.

²³⁴ Там же. С. 27.

²³⁵ Там же. С. 29.

²³⁶ Лал Дипак. Указ. соч. С. 87.

²³⁷ Лал Дипак. Указ. соч. С. 88.

Американский исследователь, профессор Университета Рутгерса Александер Джон Мотыль в своей работе «Имперский финал: распад, крах и возрождение империй» определяет империю как «иерархически организованную политическую систему, которую можно уподобить колесу – колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно»²³⁸. Таким образом, он выделил категории узла (или завязки) и ресурсов, ядра и периферии, основных и периферийных элит, государства и периферийных обществ.

Подразделяя империи на сплошные и перемежающиеся (водоразделами) с точки зрения целостности территории, формальные и неформальные – с точки зрения полномочий основной элиты по вмешательству в политические процессы периферии, автор использует категории распада как ослабления власти ядра по отношению к периферии, и спада как уменьшения власти имперского государства в целом и военного потенциала в частности²³⁹, дополняя их категориями «разборка», «истощение», «крах» и «возрождение».

С точки зрения обобщения позиций относительно признаков и сущности империй интересен проект «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма», осуществленный в 2010 г. под эгидой авторитетного журнала “Ab Imperio”. Во введении приводится «формула» британского историка Доминика Ливена, который, отказавшись от определения империи через оппозицию «центр – периферия», «выделяет четыре универсальные характеристики: обширность, многонародность, насильственное покорение подданных (что стало проблемой лишь в период новой истории, поскольку ранее любые государственные образования редко строились на основе согласия всех подданных) и региональное могущество»²⁴⁰. В своей

²³⁸ Мотыль А. Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа полит. исслед., 2004. С. 12.

²³⁹ Там же. С. 4.

²⁴⁰ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.

помещенной в этом сборнике статье «Империя, история и современный мировой порядок» Д. Ливен противопоставляет империю демократии, народному суверенитету и национальному самоопределению. А далее следуют спорные позиции о разных языках правителя и его народов, принадлежности иной культуре, различному вероисповеданию²⁴¹, с чем, безусловно, нельзя согласиться, но важно учитывать.

Поскольку в нашей работе речь идет об империях Нового и Новейшего времени, сосредоточенных в Азии, обратимся к утверждению автора, что «в Японии словом “император” стали называть наследственного первосвященника, тэнно, дабы возвысить его в глазах западных великих держав»²⁴², а китайские империи Тан и Сун не вписывались в традиционную европейскую, вестфальскую, систему политического порядка, поскольку «с юридической точки зрения они не признавали никакое другое государство равным себе», называя их варварскими, являясь империями «по сути» с характерным разветвленным и эффективным бюрократическим аппаратом и глубоким проникновением имперских воззрений «в толщу тех обществ»²⁴³, которые входили в структуру империи.

Для Китая, по мнению Д. Ливена, был характерен «долговременный эффект» воздействия, способный изменить само сознание, определять культурное и идеологическое развитие²⁴⁴. И хотя на определенном этапе исторического развития и в Европе, и в Азии с одинаковой степенью успешности господствовали две империи – Римская и Ханьская – принципиально значимым для ученого является факт дальнейшего расхождения в развитии политического порядка: «...в то время как на протяжении большей части последних двух тысячелетий в Восточной Азии преобладала империя, в Европе в этот период установилась многополюсная система»²⁴⁵. И далее, путем противопоставления одних признаков империй и

²⁴¹ Там же. С. 286.

²⁴² Там же. С. 290.

²⁴³ Там же. С. 292.

²⁴⁴ Там же. С. 293.

²⁴⁵ Там же. С. 294.

их исторических этапов развития другим он выводит собственный набор признаков, призванных избежать «самого рассмотрения вопроса о соотношении метрополии и периферии»: (1) империя должна быть обширной; (2) империя включает в себя многие народы; (3) империя не строится с прямого согласия ее подданных; (4) империя должна обладать большим могуществом, играть ключевую роль в региональной или глобальной политике своего времени²⁴⁶.

Свой раздел «Траектории империи» в проекте “Ab Imperio” профессора истории Нью-Йоркского университета Джейн Бурбанк и Фредерик Купер начинают с противопоставления империй национальному государству, отмечая их экспансионистский характер, разветвленную иерархию и разнородность систем управления различными народами, а идеологическая канва сводится «к подчеркиванию различий и неравенства своего разнородного населения»²⁴⁷. Уделяя значительное внимание европейским империям Средневековья, ученые анализируют сущность Китайской империи, ведя речь о «более пластичной сакральной легитимности», которая в качестве основы использовала все тот же бюрократический аппарат, право и противопоставление себя варварам, эффективно используя механизм преемства власти²⁴⁸.

Профессор Принстонского университета Марк Р. Бейсингер называет империи XX в. политической патологией²⁴⁹ в связи с тем, что признаки и действия государств, выступающих ранее империями, больше не составляют политических практик: исчезли завоевания, оказались утраченными колонии, изменился характер военной оккупации и интервенции, государственные границы приобрели охраняемую международным правом статичность, гегемония используется в первую очередь для удовлетворения пусть и

²⁴⁶ Там же. С. 298–299.

²⁴⁷ Бурбанк Дж., Купер Ф. Траектории империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во; Ab Imperio, 2010. С. 331–332.

²⁴⁸ Там же. С. 346.

²⁴⁹ Бурбанк Дж., Купер Ф. Указ. соч. С. 370.

декларируемых, но общественных потребностей²⁵⁰.

Более романтическая картина представлена в работе британского историка, профессора Гарвардского университета Ниала Кэмпбелла Дугласа Фергюсона «Империя: чем современный мир обязан Британии»²⁵¹. Не вдаваясь в детальное или сколько-нибудь приблизительное определение империи, автор придает этой категории политики миссионерский характер, ставя во главу угла распространение языка, различного рода общественных отношений, характерных для родительского государства, права, религии, культуры и идеологии (либерально-капиталистический уклад)²⁵². Отмечается экономическое превосходство империи, более совершенная модель управления, приверженность высшим идеалам без экономической выгоды (политический альтруизм) и стремление привить определенную систему ценностей другим народам (экспорт викторианцами их «цивилизации») при наличии достаточных финансовых и военных ресурсов²⁵³. По мнению Н. Фергюсона, «в современном мире есть только одна держава, способная играть роль империи, и это Соединенные Штаты. Фактически в некоторой степени США уже играют эту роль»²⁵⁴, во главу угла он ставит их финансовое благополучие.

Наконец, профессор МГУ И. И. Кузнецов подвергает сомнению состоятельность позиции об отсутствии способности империи к политической реконструкции общества со строительством имперской структуры власти²⁵⁵. Он ссылается на пример России и Китая, во многом отличным по типу государственного развития, которым удавалось сочетать модернизацию с ростом мощи своих империй. Это указывает на то, что большие континентальные империи имели возможность совершенствоваться, но только в условиях цикла укрепления центральной власти и формирования потенциала

²⁵⁰ Там же. С. 371.

²⁵¹ *Ниала Фергюсон*. Империя: чем современный мир обязан Британии. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 560 с.

²⁵² Там же. С. 28.

²⁵³ Там же. С. 479–491.

²⁵⁴ Там же. С. 493–494.

²⁵⁵ *Кузнецов И. И.* Указ. соч.

для дальнейшей экспансии. Экстраполируя свою позицию на современное состояние международной политики с участием США, ученый пишет: «Этот взгляд не оставляет шанса на то, что Соединенные Штаты будут делать ставку только на экономическую интеграцию или на цивилизационную привлекательность. Рано или поздно *soft power* как инструмент политического воздействия превратится в *hard power*, а американский цикл (как и британский) заканчивается войнами на периферии и усилившимся применением военных»²⁵⁶. Здесь, с одной стороны, следует согласиться с ученым, однако в качестве примера привести Японскую империю, которая не только оказалась способна к модернизации, но трижды осуществив ее (в 1860-е, 1920–1930-е и 1950–1970-е гг.), каждый раз благодаря этому выбивалась в лидеры и главные политические акторы если и не мира, то региона Восточной Азии и Тихого океана.

В целом же набор характеристик империй предполагает такую специфическую политическую форму, которая, в отличие от государственно-политической, не нуждается в международной легитимации²⁵⁷: большие территории и наличие зависимых или колониальных владений, вычленение метрополии и периферии, а также прозрачность или условность государственной границы. Исходя из последнего, формируется особая категория пограничных или межграницных пространств, которые именуются фронтами. Мы в своей работе опираемся на устоявшееся восприятие этой дефиниции и солидарны с датским ученым, профессором Орхусского университета Майклом Эйленбергом и доцентом Техасского университета в Остине Джейсоном Консом, которые, рассуждая о ресурсных границах в Азии²⁵⁸, характеризуют приграничные территории как пространства с особым культурным, материальным, экологическим, политическим и экономическим

²⁵⁶ Там же. С. 274.

²⁵⁷ Филиппов А. Ф. Смысл империи: к социологии политического пространства // Сообщество профессиональных социологов. Принципиальные публикации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 01.03.2020).

²⁵⁸ Frontier Assemblages: The Emergent Politics of Resource Frontiers in Asia / ed. by Jason Cons, Michael Eilenberg. Publisher John Wiley and Sons Ltd. Hoboken, 2019. 256 p.

восприятием, те процессы, которые в определенные моменты времени превращают конкретные места в границы ресурсов; или с организаторами масштабного исследования, завершившегося в 2016 г. изданием сборника материалов под названием «Транснациональные границы Азии и Латинской Америки с 1800 года»²⁵⁹, в котором исследованы различные аспекты фронта и фронтального взаимодействия, от проблемы маньчжурского инцидента и его последствий для эмигрантского сообщества бывшей Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД, бывшей до 1906 г. частью КВЖД) до транснациональных общин в приграничных районах Юньнани.

В первой четверти XX в. в Восточной Азии сложилась уникальная в области государствовоительства ситуация. В регионе присутствовали три крупные империи, при распаде одной из них (империи Цин) две другие, Российская и Японская, создали два блока политических образований, игравших роль буферов в их противостоянии на протяжении всей первой половины XX в. Это были традиционные империи с классическим стремлением сформировать собственный региональный политический порядок. Фронтальные зоны, о которых речь пойдет ниже, и буферные пространства, которые или имели необходимые признаки государственности (и в этом случае выступали буферными государствами), или не имели таковых (и в этом случае выступали буферными зонами), но обладали тем не менее политическим и организационным единством, и это становится очевидным при их рассмотрении в русле региональной безопасности. На уровне теоретической модели таких комплексов можно выделить два: советский и японский. Каждый из них представлял вполне самостоятельный способ структуризации геополитического пространства. С одной стороны, это была сеть народных республик, а с другой – региональных автономий. В сущности, они представляли два противоборствующих региональных комплекса.

²⁵⁹ Transnational Frontiers of Asia and Latin America since 1800 / ed. by Jaime Moreno Tejada, Bradley Tatar. Routledge Publ. London, 2016. 290 p.

Под региональным комплексом А. Д. Воскресенский понимал группу государств, обладающих достаточно высокой степенью функциональной и географической комплексной взаимозависимости, отграничивающей ее от других регионов и определяющей тип регионального комплекса. Иными словами, региональный комплекс – это многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера всевозможного типа (политических, экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени цельности по отношению к международной среде²⁶⁰. В этой ситуации системный подход рассматривает региональные порядки как подсистемы в рамках более крупных систем. На наш взгляд, подобная точка зрения отражает лишь современное положение вещей в условиях глобальной экономики. Однако, если обратиться к историческому материалу начала XX в., то оказывается наиболее релевантным институционалистский (нормативитский) подход и категории буферов – буферных зон и буферных государств.

В исследуемую нами историческую эпоху свои претензии на господство заявляла, с одной стороны, Япония, на протяжении нескольких лет выстраивающая «антикоммунистический пояс» на территории Северного, Северо-Восточного и Восточного Китая. Начав свое победоносное шествие с Маньчжурии в 1931 г., она создала эффективно функционирующую буферную зону, включавшую цепь буферных государств, отличных по своей природе, политической судьбе и роли в судьбе региона, но объединенных общими чертами и механизмами, которые затем были использованы при аналогичных процессах в Юго-Восточной Азии.

²⁶⁰Воскресенский А. Д. Указ. соч. С. 53.

С другой – Россия, оправившаяся от разрушительной гражданской войны и выбравшая социалистический путь развития, отказавшаяся от правопреемства Российской империи, но фактически следовавшая ее пути в вопросе сохранения своего присутствия на Дальнем Востоке. В числе инструментов такового также выступала конструируемая Советами буферная зона, включавшая, помимо буферных государств, ряд политических образований с поддерживаемыми в них лояльными политическими режимами, которые пытались самостоятельно обеспечить свою независимость (например, Советская Китайская республика или Восточно-Туркестанская республика).

Для формирования целостной картины регионального политического порядка в Восточной Азии нам необходимо провести терминологические отграничения, начав со схожих по характеру, но различных по сути понятий и категорий. Далее мы будем вести речь о формализованной буферной зоне и других территориях, имеющих соответствующий юридический (международно-правовой) статус, и не будем касаться культурных, религиозных и тому подобных пространств, что значительно сужает исследовательское поле.

Во-первых, речь идет об анклавах и эксклавах, подробный анализ природы которых был дан еще в 1968 г. в работе Б. М. Клименко «Транзит через иностранную территорию», не утратившей своей актуальности до настоящего времени. Так, автор указывает, что под анклавом понимается территория, целиком окруженная территорией другой страны с ее подчинением центральным органам власти своего государства и соответствующим распространением государственного суверенитета. Это, по мнению автора, порождает потребность в политических, экономических, правовых и других связях анклава с основной территорией государства, а в качестве примера он называет бельгийские территории в Голландии Бэрл-Дю и Бэрл-Нассау, германскую (ФРГ) территорию Бюси-н-ген и Ференахоф и итальянскую территорию Кампионе в Швейцарии, а также испанскую Льивия

– во Франции²⁶¹. Данные территория являются эксклавом для «родительского» государства, каким, например, была Восточная Пруссия по отношению к Германии до 1939 г., отделенная так называемым Польским или Данцигским коридором, или Поморским воеводством, переданным Польше после Первой мировой войны по Версальскому мирному договору²⁶². При этом если обособленная территория не полностью окружена территорией другого государства и имеет выход к морю, то она называется полуанклавом²⁶³, в роли которого выступает современная Калининградская область. Следовательно, анклав/эксклав не предполагает ни юридического обособления, ни особого статуса, а зависимость от «родительского» государства не отличается от зависимости любой другой его административно-территориальной единицы, в связи с чем данные территории не представляют интерес для нашего исследования.

Во-вторых, речь идет о мандатных территориях и территориях, находящихся под международной опекой. В ракурсе юридического статуса и политических последствий современные друг другу советская и зарубежная (западная) научные точки зрения, не совпадая в характеристике последствий установления данного режима, идентичны в его формальной части.

Советская позиция по этому вопросу излагается в соответствующих статьях двухтомного дипломатического словаря, изданного в 1948 и 1950 гг. под редакцией академика А. Я. Вышинского. В словаре раскрывается содержание мандатной системы и указывается, что она была создана в 1919 г. «... державами Антанты для управления захваченными ими бывшими германскими колониями и отошедшими от Османской империи

²⁶¹Клименко Б. М. Транзит через иностранную территорию // Советский ежегодник международного права. 1966–1967 (Soviet year-book of international law. 1966–1967). 1968. С. 155 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55705/55329>.

²⁶²Нюрнбергский процесс: протоколы допросов главных военных преступников [Электронный ресурс] / сост. и пер. с англ. С. Мирошниченко. Новочеркасск, 2017. С. 69. Режим доступа: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/45726>.

²⁶³Краткий политический словарь. Изд. 6-е, доп. / В. П. Абаренков, Т. Е. Абова, А. Г. Аверкин и др.; общ. ред. Л. А. О니кова, Н. В. Шишлина. М.: Политиздат, 1989. С. 22.

территориями»²⁶⁴ и закреплена статьей 22 Пакта Лиги наций. В отличие от прямой аннексии, которую пытались обеспечить Англия и Франция, что исключило бы возможность проникновения на данные территории других государств, например США, была выработана система мандатов, «... предусматривающую равенство прав и привилегий всех членом Лиги наций в подмандатных территориях»²⁶⁵. Было осуществлено разделение мандатов на классы «сообразно степени развития народа», где «...к классу А были отнесены мандаты, применяемые к бывшим владениям Оттоманской империи. Мандаты класса В, применяемые к бывшим германским колониям в Центральной Африке, передавали эти территории под непосредственное управление мандатария, при соблюдении ряда условий... Мандаты класса С, применяемые к Юго-Западной Африке и о-вам Тихого океана, представляли собой ничем не ограниченную аннексию с прямым указанием, что эти территории будут управляться “по законам мандатария, в качестве составной части его территории...” Мандаты были выданы следующим державам: Великобритания получила мандаты А на Палестину (из состава которой была затем выделена мандатная территория Трансиордания) и на Месопотамию... мандаты В на Танганайку и части Того и Камеруна; Франция – мандат А на Сирию и Ливан, мандаты В на части Того и Камеруна; [при этом британский и французский мандаты на Того, принятые Великобританией и Францией, предусматривали создание смешанной комиссии для разграничения обоюдных зон]»²⁶⁶; Бельгия получила «мандат В на Руанда-Урунди; Япония – мандат С на Маршалские, Каролинские и Марианские о-ва; Южно-Африканский союз – мандат С на Юго-Западную Африку; Австралия – мандат С на о. Науру, на бывшую немецкую Новую Гвинею и о-ва Тихого океана к югу от экватора; Новая Зеландия – мандат С на о-ва Западные Самоа. Всего в руки держав Антанты на основе м.[андатной] с.[истемы] попали территории

²⁶⁴Дипломатический словарь. Т. II: Л–Я / глав. ред. акад. А. Я. Вышинский. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. Стб. 96.

²⁶⁵Там же.

²⁶⁶*Сатой Э.* Руководство по дипломатической практике / пер. с англ. под ред. и со вступ. ст. А. А. Трояновского. М.: Госполитиздат, 1947. С. 77.

общей площадью 2 930 тыс. квадратных км с населением 17 млн. чел.»²⁶⁷

Как указывал Л. Оппенгейм, «...отторгнутые территории не являются собственностью какого-либо государства, но определенным государствам, называемым государствами-мандатариями, от имени Лиги доверено управление ими на условиях, установленных в письменных соглашениях, именуемых мандатами, между Лигой и каждым мандатарием»²⁶⁸. Он же приводит отличительные от аннексии черты, среди которых: (1) действие от имени Лиги наций; (2) отсутствие права на территориальные приращения за счет подмандатных территорий; (3) запрет на ее уступку или иное действие, которое может совершать суверенное государство в отношении собственной территории; (4) ряд ограничений в отношении местных жителей и их участия в военных формированиях мандатариев; (5) жители подмандатных территорий не приобретают *ipso facto* подданства мандатария; (6) в области экономики – политика «открытых дверей»²⁶⁹. Для контроля над выполнением своих обязательств мандатариями создавалась специальная комиссия из десяти ординарных и одного экстраординарного члена, которая заслушивала годовые отчеты мандатариев о своем управлении. Признавалось право жителей подмандатной территории обращаться с петициями в Лигу наций²⁷⁰. Таким образом, была выстроена система управления колониями, имевшими на тот период времени безгосударственный статус, главным действующим лицом которой было международное сообщество в лице Лиги. Деление на категории соответствовало разграничению сфер влияния, а их ограничения в своей политике на подконтрольных территориях, как показало время, носили формальный характер.

Забегая вперед, оговоримся, что в Азии мандат над Палестиной привел к созданию в 1920-е гг. государства Иордания, а в конце 1990-х гг. было образовано государство Палестина, аналогичным образом были созданы

²⁶⁷Дипломатический словарь... Стб. 97.

²⁶⁸Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 203.

²⁶⁹Там же. С. 205.

²⁷⁰Там же. С. 206.

государства Ирак, Сирия и Ливан, в Африке и Океании мандатная система привела к появлению известных государств. Однако, по нашему мнению, несмотря на то что многие регионы, где формировалась система мандатов, и имеют глубокие и древние традиции государственности, было бы ошибочным считать упомянутые государства преемниками государств древности в том или ином виде. В связи с этим констатируем, что режим мандатов не был связан с конструированием государственных институтов, а имел иные цели, преследуемые и достигаемые колонистами. Тот факт, что границы государств, созданных на бывших подмандатных территориях, в большинстве своем совпадают с границами мандатов, также не должен вводить в заблуждение, поскольку он не исключает искусственного характера создаваемых в данных регионах государств.

Неэффективность мандата как инструмента по сохранению стабильности и развития в регионе доказала Япония. Выйдя из Лиги наций и продемонстрировав неэффективность этой организации, страна отказалась вернуть мандат на Каролинские, Марианские и Маршалловы острова, превратив их в своеобразный плацдарм и одновременно – буфер. Этот плацдарм-буфер позволил обеспечить японское присутствие в Тихоокеанском регионе, равно как и занятые ей позднее китайские территории в Восточной Азии. После окончания Второй мировой войны система мандатов была заменена на систему опеки, которая в «Дипломатическом словаре» характеризуется как система управления некоторыми несамоуправляющимися территориями, созданная Организацией Объединенных Наций²⁷¹. В Уставе ООН эта система нашла отражение в главе XII. Среди новаций была предусмотрена новая система классификации, включавшая: (1) бывшие подмандатные территории; (2) территории, отторгнутые от вражеских государств в результате Второй мировой войны; (3) территории, добровольно включенные в систему опеки государствами, ответственными за их

²⁷¹Дипломатический словарь... Стб. 263.

управление²⁷². Установление опеки обеспечивалось соглашениями непосредственно заинтересованных государств, включая страны-мандатарии, утверждаемыми Генеральной ассамблеей, за исключением соглашений, касающихся стратегических районов подопечных территорий, которые утверждаются Советом безопасности ООН. На смену мандатной комиссии приходил Совет, право населения на подачу петиций было сохранено, а почти все подмандатные территории получили статус территорий под международной опекой, за исключением японских мандатов, переданных США, и некоторых британских мандатов, получивших независимость.

Л. Оппенгейм говорил, что смена системы мандатов на систему международной опеки была обусловлена органической связью мандатной системы с Лигой наций, а «...основные принципы системы мандатов выдержали испытание... и вполне соответствовали великим принципам гуманности...»²⁷³ Что касается государственного суверенитета, то, по его мнению, государства-опекуны хотя и не включали данные территории в состав своей, но обладали полной юрисдикцией, равно как и правом внутренней и внешней защиты жителей территорий под опекой при отсутствии у жителей этих территорий гражданства государства-опекуна²⁷⁴. Таким образом, система международной опеки в большинстве моментов оказалась схожей с системой мандатов при допущении потенциальной возможности получения этой территорией независимости.

Следовательно, мандатная система, равно как и система международной опеки, предполагала и юридическое обособление тех или иных территорий, и придание им особого статуса. Однако их зависимость от «родительского» государства определялась теми целями, ради которых создавались мандаты и территории под международной опекой. Также следует обратить внимание на тот факт, что данные территории получали свой статус посредством участия

²⁷²Там же. Стб. 264.

²⁷³Оппенгейм Л. Указ. соч. С. 216.

²⁷⁴Там же. С. 223.

международного сообщества и односторонние действия какого-либо государства в этом направлении, равно как и аналогичные дву- или многосторонние действия других государств получение соответствующего статуса обеспечить не могли. В связи с вышеперечисленным данные территории также не представляют интереса для нашего исследования, в связи с чем нам необходимо выявить характерные черты и дать определение дефиниции «буферная зона».

Категорию буферной зоны следует рассматривать в широком и узком смысле. Узкое, или милитаристское, понимание стало доминирующим после окончания Второй мировой войны, когда буферная зона выступала как средство погашения военных конфликтов и их последствий. Исследователь из Йельского университета Эйтан Кац²⁷⁵ считает буферные зоны давним средством погашения конфликта, будь то испанская и британская стороны на Гибралтаре в XVIII в., Рейнская область в рамках Версальского мира, демилитаризованная зона в Хэбэе по условиям перемирия Тангу в 1933 г. и т. д.²⁷⁶ Ученый обращает внимание на соответствие установления режима буферной зоны международному праву, ограничение гражданских прав местного населения, соблюдение законов войны и средства правовой защиты²⁷⁷. Ряд авторов рассматривает буферные зоны с точки зрения инструмента защиты территории государства от вторжения соперника, обеспечения безопасности и обороноспособности страны и т. п.²⁷⁸ В этой связи имеет место негативное восприятие буферной зоны: она всегда в зоне конфликта и противостояния и ассоциируется с демилитаризованной, беспилотной и прочими зонами.

Широкий подход доминировал на рубеже XIX–XX вв., в разгар «большой игры», и позволял взглянуть на буферную зону не только с позиции военных

²⁷⁵ *Katz E.* Between Here and There: buffer zones in international law // *University of Chicago Law Review*. 2017. Vol. 84. Is. 3. Article 7. P. 1379–1423.

²⁷⁶ *Ibid.* P. 1380.

²⁷⁷ *Ibid.* P. 1382.

²⁷⁸ *Hafeznia M. R., Ahmadi S., Hourcad B.* Explanation of the structural and functional characteristics of geographical buffer spaces // *Geopolitics Quarterly*. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 1–40.

задач, но и ее идентичности фронтиру, который, с одной стороны, смягчает соприкосновение тех или иных государств (держав) между собой, с другой – служит своеобразным «плавильным котлом» народов, языков и культур пограничной зоны, местом для диалога культур. Одновременно с этим буфер обеспечивал продвижение того или иного государства вглубь интересующей территории, причем не всегда военными методами (например, японская сторона в 1935–1937 гг. контролировала территорию с населением около 100 млн человек, не прибегая к военной силе, хотя и активно ею угрожая). Буфер может использоваться в роли соответствующего плацдарма для решения геополитических, экономических, культурных и прочих задач. Такая буферная зона воспринимается позитивно, поскольку посредством создания комфортной среды взаимодействия живущих в ее пределах людей способствует укреплению мира и стабильности в пространстве государственных границ держав.

В своей речи о границах, произнесенной 2 ноября 1907 г. по приглашению вице-канцлера университета в Оксфорде, бывший вице-король Индии маркиз Д. Н. Керзон²⁷⁹, горячий защитник теории буферных государств, подробнейшим образом охарактеризовал как сами буферные зоны в их исторической ретроспективе, так и их признаки.

Маркиз Керзон упоминает о концепции нейтральной полосы (пояса) и современной ему идее намеренно нейтрализованной территории: зоны или государства. В качестве цели он обозначает разделение двух держав, чей контакт может спровоцировать столкновение, и иллюстрирует ее опытом первобытной общины, создававшей специальную зону для предотвращения захвата ее территории до современных государств, которые с этой же целью создают буферную с помощью дипломатических конвенций и добиваются соответствующих санкций в формате международного права.

²⁷⁹Curzon G. N. *Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston...* Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 1907. November 2 / 2d ed. Oxford Clarendon Press, 1908. 58 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers/Front_and_end_matter.

Н. Д. Керзон не сомневается, что создающие буферные зоны современные державы, декларируя необходимость избегания контакта или столкновения, на самом деле стараются избежать дипломатических трудностей или отложить решение проблемы на будущее. В качестве примера британский государственный деятель приводит 25-километровую полосу на правом берегу р. Меконг в Юго-Восточной Азии, от которой Сиам вынужден был отказаться в пользу Франции по итогам Франко-сиамской войны 1893 г. В изданной в 1896 г. книге «Сквозь буферные государства: отчет о недавних путешествиях по Борнео, Сиаму и Камбодже»²⁸⁰, Джеймс МакГрегор, не вдаваясь в теории и концепции, охарактеризовал политику французских властей на занятых ими территориях как оккупационную и высмеял преследование ими представителей местной политической элиты, аристократии и принцев крови «за страшное преступление защиты своей Родины»²⁸¹. Подобные действия Керзон называл дипломатической фикцией, временной мерой, препятствующей эффективному решению проблемы²⁸². Схожими по своему характеру и результату он указывает (1) буферную зону, созданную Великобританией и Германией во внутренних районах современной Ганы (тогда – Золотого Берега) в 1888 г.; (2) небольшую буферную зону, которую А. Ф. Примроуз, граф Роузбери, пытался создать в 1893–1895 гг. на границе Индии и Французского Индокитая в верховьях Меконга с прицелом на преобразование ее в подконтрольное британцам буферное государство; (3) буферную зону между центрально-африканскими территориями Великобритании и ее европейскими соперниками, созданную соглашением 1894 г. между бельгийским королем Леопольдом II и свободным государством Конго, с одной стороны, и властями английских владений, примыкающих к нему, – с другой; а также группу из 6 мелких государств под общим названием Сис-Сатледж (*Cis-Sutlej*), существовавшую в 1809–1862 гг., на которые

²⁸⁰ MacGregor J. Through the buffer state: a record of recent travels through Borneo, Siam and Cambodia. London: F. V. White, 1896. XV, 290 p.

²⁸¹ Ibid. P. VI.

²⁸² Curzon G. N. Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston... P. 28.

формально распространялся суверенитет империи сикхов, но которым было запрещено иметь вооруженные силы, что и привело к нарушению соглашения 1809 г. и к очередной волне сикхских войн²⁸³.

Об искусственности и недолговечности буферных зон маркиз Керзон говорит, касаясь политики США в отношении индейцев. Он называет ее экспансионистской, а работу по созданию подобных буферов – бесполезной²⁸⁴. Аргументируя свою позицию, он ссылается на Прокламацию Георга III 1763 г. и попытки построить буфер вдоль индейской границы путем покупки индейских земель и расселения на них европейских колонистов. Буфер, создаваемый англичанами прежде всего с целью защиты территории коренных жителей континента от колониального посягательства европейцев, и одновременно с этим защищал европейских поселенцев от набегов индейцев. Систему конструирования буферов позднее переняли американцы при продвижении вглубь континента и создании индейских резерваций²⁸⁵. Однако теперь он служил не инструментом защиты индейских территорий, а наоборот, – инструментом оттеснения их вглубь континента, где позднее стали формироваться резервации, и закрепления на занятых землях. Поэтому, забегая вперед, подчеркнем, что и в исследуемый нами период в Восточной Азии, и на рубеже XVIII–XIX вв. в Северной Америке буфер выступал не только для защиты, но и закрепления на занятых территориях. Искусственность и недолговечность буферных зон Н. Д. Керзон объясняет отсутствием понятных принципов их создания, системы обеспечения их существования в виде установленных гарантий и властных структур.

Весьма любопытной с точки зрения идеологического посыла создания буферного государства представляется брошюра «Финляндия: буферное государство Европы»²⁸⁶, написанная на основе выступления врача финского происхождения Йоханнеса Вальтера Вильгельма Ховинга (1868–1954) и

²⁸³ *Curzon G. N. Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston...* P. 29.

²⁸⁴ *Ibid.*

²⁸⁵ *Ibid.* P. 30.

²⁸⁶ *Hoving J. Finland, the buffer-state of Europe / authorized transl. by F. C. DeWalsh, Ph. D.; Published and distributed by the German-American Literary Defense Committee. N. Y., 1915. 16 p.*

изданная в 1915 г. в Нью-Йорке.

Проследив историю страны, Ховинг предсказывает «[к]ровопротитие грядущей революции в России» и «русскую ненависть к иностранцам – европейцам и американцам» и, ошибаясь относительно победы Германии, Австро-Венгрии и Турции, заключает, что «...одно несомненно: ситуация в России будет способствовать значительным изменениям после заключения мира. Сомнительно, мягко говоря, чтобы нынешний царь, великий князь [Финляндский] и остальные члены династии Романовых сохранили свое влияние в государственных делах после революции. Кроме того, невозможно заранее узнать, какая партия окажется самой сильной, но известно, что самая радикальная, как всегда в случае революции, имеет лучшие шансы на победу. ...Как бы то ни было, панславистское движение связано с возможностью пережить настоящую войну, и пока оно существует, будет продолжать угрожать Европе. Единственная возможность... подавления этого движения на долгие десятилетия состоит в том, чтобы отделить российскую границу от европейской нейтральными государствами. Опасность для Швеции и Норвегии существует до тех пор, пока их территория граничит с Россией, но [эту опасность] можно ликвидировать, только сделав великое княжество Финляндское нейтральным государством»²⁸⁷.

Автор констатирует: упование на франко-британских союзников есть серьезная ошибка, поскольку «...правительства этих так называемых “либерально мыслящих борцов за свободу” никогда не делали ничего для других стран. Наоборот, британская политика побеждала и подавляла малые и слабые нации всякий раз, когда была возможность возвысить себя, а на французскую любовь к свободе, когда-то известную во всем, сегодня полагаться нельзя»²⁸⁸, и далее: «До установления постоянного международного мира ряд преступлений и ошибок [против поработанных рас и народов], присутствующих в истории последних несколько веков, должны

²⁸⁷ Ibid. P. 14.

²⁸⁸ *Hoving J. Finland, the buffer-state of Europe ...* P. 15.

быть исправлены, и сохранившиеся расы должны снова получить независимость. Финляндия не должна быть исключением из этого правила. Есть много рас, которые веками жили бок о бок без объединения. Они сохранили свой язык и обладают древней идентичностью, а также собственными интересами. Все они или, по крайней мере, подавляющее большинство из них, должны получить независимость от своих соседей. Поэтому, если условия мира способны положить конец нынешнему мировому пожару и включают радикальное изменение карты Европы, они будут благословением для всего человечества»²⁸⁹.

В работе превалирует идея превращения территории страны в своеобразный санитарный буфер, без учета интересов населения, которое, по замечанию самого же автора, «...было куплено русским золотом... и будет выступать против нейтральной и независимой Финляндии. Все жители страны всегда были и остаются лояльными [России]...»²⁹⁰ Автор не анализирует государственное устройство, государственные институты независимой Финляндии, приоритеты внутренней и внешней политики, в связи с чем страна рассматривается им не столько в качестве буферного государства, сколько в качестве буферной зоны.

Переходя к практической стороне вопроса и анализу процесса создания и поддержания существования буферных зон, обратимся к Японии и ее опыту создания так называемого тихоокеанского буфера. Е. Всегов в журнале «Международная жизнь» пишет, что начиная с 1914 г. и до окончания Первой мировой войны Япония приняла и обеспечила выполнение ряда судостроительных программ, венцом которых стала так называемая двойная восьмикорабельная программа, приведшая к 1927 г. страну к созданию крупнейшего в регионе флота: «Фактические “жертвы” Японии в Вашингтоне выразились в 24-х боевых единицах... Согласие Японии на “тройку” в вашингтонской пропорции 5:5:3 было куплено будто бы американцами ценой

²⁸⁹Ibid.

²⁹⁰Ibid.

отказа от модернизации баз на Филиппинах и о. Гуам и создания посреди Тихого океана разоруженной островной буферной зоны. Выполнив свои Вашингтонские обязательства, Япония без замедления продолжала строить легкие крейсера, миноносцы и подводные лодки»²⁹¹. Таким образом, японцы, как позднее на занятых и подконтрольных им китайских территориях, «убивали двух зайцев»: создавали точку опоры и формировали своеобразный «санитарный барьер». 6 февраля 1922 г. на Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. представителями США, Великобритании, Японии, Франции и Италии подписан Вашингтонский военно-морской договор, который ограничивал возможности США и Великобритании в строительстве и укреплении военных баз на Тихом океане, обеспечивая Японии значительные стратегические преимуществ в этом регионе. В результате, обеспечив себе к концу 1920-х гг. буфер-плацдармом в центре Тихого океана, Япония приступила к формированию аналогичного буфера на континенте.

После окончания Второй мировой войны подобные крупномасштабные невоенные буферные зоны создавались обеими сторонами в пределах восточного блока просоветских стран Центральной и Восточной Европы и западного блока проамериканских государств Западной Европы. На фоне этих событий советская сторона активно критиковала систему «равновесия сил» или «атомного равновесия»²⁹², где «[в] качестве методов поддержания наряду с союзами и блоками указываются гонка вооружений, вмешательство во внутренние дела других государств, создание буферных зон, осуществление политики “разделяй и властвуй” и др.»²⁹³

В то же время в период «холодной» войны официальными властями отдельные территории Финляндии рассматривались не в качестве объекта посягательства со стороны других держав, а в качестве плацдарма для атаки

²⁹¹ *Всегов Е.* Вашингтон и Лондонская морская конференция // *Международная жизнь.* 1930. № 3. С. 23–24.

²⁹² *Захарова Н. В.* О так называемой теории «равновесия сил» // *Советский ежегодник «Международного права».* 1959 (*Soviet year-book of international law.* 1959). М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 272.

²⁹³ Там же. С. 280.

на силы противника между вооруженными силами СССР и НАТО, что позволяло рассматривать их при соответствующем укреплении и повышении обороноспособности в качестве буферной зоны. Представители финского военного командования расценивали нападение на свою страну как оправданное только с военно-стратегической точки зрения, а захват ее территории – как потенциально возможный для обеспечения транзитного движения вооруженных сил конфликтующих сторон. Среди территорий, потенциально рассматриваемых в качестве буфера, вплоть до середины 1980-х гг. выступала Лапландия, обеспечивающая доступ силам НАТО при вторжении на территорию Мурманской области либо советским войскам при попытке оккупировать Северную Норвегию. Однако для союзников сухопутная операция представляла значительные трудности, поэтому финские военные традиционно считали подходящей для сдерживания нападения широкую буферную зону, образуемую примыкающими друг к другу финским и шведским воздушными и водными пространствами, при этом время полета атакующего самолета до потенциальной цели увеличивалось, а боевое время тем самым сокращалось. Однако после развертывания в 1980-х гг. крылатых ракет необходимость вторжения на сушу или в территориальные воды отпала, а угроза неприкосновенности финского воздушного пространства приобрела осязаемый характер. Теперь в качестве наиболее вероятной буферной зоны выступала Южная Финляндия и Аландские острова, поскольку эта территория обеспечивала вторжение и в Южную Норвегию через Швецию, и на территорию Ленинградской области через Балтийское море²⁹⁴.

Другие государства также не избежали участи создания буферных зон при иных обстоятельствах, но с аналогичной целью – противостояния открытым вооруженным конфликтам. Так, например, соглашением о прекращении военных действий во Вьетнаме от 20 июля 1954 г.

²⁹⁴ Finland: A Country Study / ed. by Eric Solsten and Sandra W. Meditz. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. P. 300.

устанавливалась временная военная демаркационная линия, по обе стороны которой размещались после их отхода вооруженные силы обеих сторон: силы народной армии Вьетнама – на север от этой линии; силы Французского союза – на юг от этой линии. С каждой стороны от этой демаркационной линии была создана демилитаризованная зона шириной максимум в 5 километров от этой линии, для того чтобы служить буферной зоной и избежать всяких инцидентов, которые могли бы привести к возобновлению военных действий²⁹⁵.

Недолговечной буферной или своего рода «санитарной» зоной выступала и часть алжирской территории, созданная между относительно самостоятельными мусульманскими регионами и территориями, находящимися под властью колонистов, которые собирали информацию о коренных народах и осуществляли административные функции²⁹⁶. Когда в июле 1974 г. турецкие войска установили контроль над главными стратегическими объектами Северного Кипра и выдвинулись к Никосии, для урегулирования конфликта было принято решение о создании патрулируемой силами ООН буферной зоны между подконтрольными киприотами и турками²⁹⁷, после чего достигнуто соглашение о встрече представителей сторон в Женеве, а конфликт разрешился фактическим разделением острова на греческую и турецкую зоны. Буферная зона, включавшая стратегически важные перевалы Митла и Гиди, в соответствии с подписанным 4 сентября 1975 г. в Женеве соглашением о разъединении египетских и израильских войск на Синайском полуострове устанавливалась между Египтом и Израилем при активном участии государственного секретаря США Г. Киссинджера²⁹⁸. Таким образом, во второй половине XX в. буферная зона использовалась как

²⁹⁵Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1954 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1957. С. 22–24.

²⁹⁶ Algeria, a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1994. P. 27.

²⁹⁷ Turkey: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, D.C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1996. P. 53.

²⁹⁸Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: сб. документов. 1976 год. М.: Международные отношения, 1977. С. 205.

инструмент пресечения и погашения военных конфликтов, в отличие от первой половины века, когда она являлась еще и зоной влияния великих держав, и плацдармом для достижения ими своих геополитических целей.

Таким образом, наиболее типичными и часто встречающимися признаками буферных зон являются:

- обязательное наличие конкретной цели, которая в самом общем виде обозначается как сглаживание имеющихся между государствами противоречий;

- гибкость в определении размеров буферной зоны, которая зависит от преследуемой цели ее создателей, что позволяет ей быть относительно небольшой, в пределах нескольких километров, или включать в себя большие пространства и другие политии;

- международно-правовая регламентация в формате дву- или многостороннего соглашения с участием государств и/или международного сообщества;

- уступка договаривающимся государством части государственного суверенитета над своей территорией, попадающей в пределы буферной зоны при одновременном учете интересов сторон;

- искусственность, отсутствие государственности и ее традиций для всей зоны целиком, слабая историческая «подпорка». В отличие от политии, претендующей на статус государства, буферные зоны не нуждаются в государственных атрибутах, однако это не означает, что территорию буферной зоны не могут включать в себя государства или его часть с признаками государственности (например, область или регион, который когда-то в прошлом обладал независимостью);

- возможность и достаточность условий предгосударственного состояния, позволяющих в обозримом будущем осуществить преобразование в «искусственное» государство;

- временный инструмент стабильности, «замораживание» проблемы и необходимость в обозримом будущем принимать более радикальные и

действенные шаги по разрешению имеющихся противоречий;

– фронтальный характер, предполагающий наличие в пределах буферной зоны множество народов, культур, ценностей и т. д.;

– наличие достаточного количества и набора инструментов, позволяющих обеспечивать политическое единство в своих пределах, включая единство институтов, норм и их применения.

Итак, под буферной зоной следует понимать конкурентное политико-географическое пространство, создаваемое международным сообществом или государствами в зоне потенциального или реального геополитического или локального конфликта с целью недопущения столкновения двух государств, локализации или погашения конфликта. При этом, по нашему мнению, важное значение имеет наличие у буферной зоны признаваемого сторонами конфликта (а, возможно, и другими акторами, которые выступают союзниками той или иной стороны или привлечены для разрешения или недопущения конфликта) юридического статуса. Данный статус закрепляется, как правило, в международном соглашении и имеет временные и пространственные ограничения своего действия в связи с временными пределами действия конфликта и/или пространственными пределами интересов его сторон. Не исключено, что юридический статус буферной зоны может иметь не столь однозначный, спорный характер при отсутствии соглашения между сторонами конфликта или его противоречивом содержании. Отсюда буферная зона может рассматриваться и как международно-правовой режим с соответствующими правами, обязанностями и последствиями не только в отношении субъектов его установления и обеспечения, но и других лиц (например, местных жителей, иностранных граждан, юридических лиц и т. д.).

Очевидно, что применительно к региону Восточной Азии и в пределах конкретного исторического периода данные признаки и дефиниции могут быть определенным образом скорректированы с учетом исторических, культурных, этнических и прочих особенностей региона, но в сути своей они,

как показало время и опыт, сохраняют устойчивость.

1.3. Концепт буферной государственности в политической истории и теории

Создание и существование буферных государств – это историческое наследие некоторых регионов Земного шара, переживших эпоху колониальных войн, международных и межэтнических конфликтов, «старую» и «новую» большую игру и т. д. Вместе с тем буферные государства – неременный атрибут современной внешней политики отдельных стран, которые некогда называли великими державами. Особенно активно данный вопрос стал обсуждаться после августа 2008 и марта 2014 гг., когда ряд исследователей, вдохновленных антиросийской риторикой²⁹⁹, стали активно позиционировать в качестве буфера Грузию, Украину³⁰⁰ и некоторые другие страны бывшего социалистического блока. Так, например, работа известного грузинского ученого и политического деятеля Торнике Турманидзе «Буферные государства: политика влияния, внешняя политика и концептуализация»³⁰¹, написанная с позиций теории реализма и геополитического подхода, содержит исследование географических и этнокультурных аспектов, геополитических факторов прошлого и настоящего, места буферных государств в международной иерархии власти и политики «великих держав». (Автор активно использует антиросийскую риторику, например, термин «росийская оккупация» и

²⁹⁹Menon R., Snyder J. Buffer zones: Anachronism, power vacuum, or confidence builder? // Review of International Studies. 2017. No. 43. P. 1–25.

³⁰⁰Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. P. 77–89 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://acamedia.info/politics/ukraine/Mearsheimer_2014.pdf.

³⁰¹ Buffer states: power policies, foreign policies and concepts / ed. by Tornike Turmanidze. Hauppauge, N. Y.: Nova Science Publishers, 2009. XI, 147 p.

подобные.) Поэтому для нас дефиниция «буферное государство» имеет важное как теоретическое, так и практическое значение³⁰².

При определении допустимости отнесения того или иного государства к статусу буферного необходимо учитывать баланс сил в рассматриваемом регионе, поскольку именно силовой, военной, экономической, а в ряде случаев, как, например, это было с китайскими буферными государствами 1930-х гг., и психологический метод давления является неотъемлемой частью исследуемой политики региональных держав по выстраиванию в Восточной Азии буферных территорий. А объем ресурсов властных центров, стремящихся обеспечить контроль над необходимым им пространством в конечном счете обеспечивает возможность размеров контролируемой территории, освоения необходимых для поддержания функционирования государственной системы и достижения поставленных целей ресурсов.

Термин «буферное государство» активно исследуется западными учеными, которые, используя различные подходы, стремятся объяснить как политику западных держав в отношении когда-то подконтрольных им территорий, так и действия современных государств, соперничающих друг с другом за влияние на международной арене.

Так, Майкл Гринфилд Партем в статье «Буферная система в международных отношениях»³⁰³ анализирует буферные государства с точки зрения зарождения, развития и разрешения конфликта. Автор рассматривает международно-правовой статус, внешне- и внутривнутриполитические условия, географические и прочие факторы в отношении Афганистана с 1868 г., когда эмир Шир-Али-хан воссоединил страну под своей властью, и до свержения режима Мухаммеда Дауда; Камбоджи – с момента получения независимости и до прихода к власти «Красных кхмеров»; Ливана – с момента

³⁰² Дудин П. Н. Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2018. № 6. С. 50–65; *Его же*. Буферные государства Северо-Восточной Азии. Северный и Восточный Китай. Пенза: Социосфера, 2018. 474, XXXIII с.

³⁰³ Partem M. G. The Buffer System in International Relations // The Journal of Conflict Resolution. 1983. Vol. 27. No. 1. P. 3–26.

провозглашения независимости и до локализации инцидента, организованного сирийскими военными в декабре 1980 – июне 1981 г., включая и кратковременный период существования свободного Ливанского государства; а также Бельгии – с момента провозглашения независимости до восстановления в феврале 1945 г. полномочий национального правительства. Среди основных выводов ученого – стремление буферных государств к нейтралитету и его поддержка противоборствующими сторонами.

Признанные авторитеты в исследуемом вопросе Джон Чей и Томас Э. Росс в своей книге «Буферные государства в мировой политике»³⁰⁴ в середине 1980-х гг. на волне антисоветских и антисоциалистических настроений обратили внимание на экономическую сторону вопроса. В этой связи авторы констатировали, во-первых, возрастающую активность социалистических стран по продвижению своих идей в мире, во-вторых, ссылаясь на статистические данные, слабость их экономик, низкую конкурентоспособность Афганистана и Венгрии, традиционно воспринимаемых в качестве буферных. Следует отметить, что авторы не дали четкого определения буферному государству, рассматривая в качестве примеров страны, которые находились скорее в переходном или близком к переходному состоянию, или политическая обстановка в которых была близка к дестабилизации, что снижает объективность и достоверность некоторых заявленных позиций.

Само по себе расположение между великими державами или крупными государствами не предполагает статуса буферных государств для их менее крупных соседей. Здесь следует обратить внимание на страноведческий проект “Country Studies”, реализовывавшийся в 1980–1990-е гг. под эгидой библиотеки Конгресса США и до 1997 г. финансировавшийся Федеральным исследовательским управлением. Результатом проекта стала серия из полусотни книг, содержащих богатейший материал по истории и культуре

³⁰⁴ Buffer states in world politics [Электронный ресурс] / ed. by John Chay and Thomas E. Ross. Boulder: Westview Press, 1986. Режим доступа: <https://archive.org/details/bufferstatesinwo0000unse/page/n7/mode/2up>.

наиболее знаковых государств современности. Авторы материалов использовали термин «буфер» применительно ко многим государствам Южной Америки, Азии и Европы.

Еще одно исследование под названием «Геополитика буферных пространств: характеристика буферной ситуации в Иране между великими державами в XIX и XX вв.»³⁰⁵, раскрывающее как теоретическую основу концепта буферного государства, так и его практическое воплощение, принадлежит перу Сайруса Ахмади, Мохаммада Резы Хафезни и Бернарда Хоуркада. Данная работа интересна предпринятыми попытками детального анализа признаков и функций буферного государства и его научного определения.

В начале работы авторы предлагают общую и весьма упрощенную модель функционирования буфера, которая сводится к тому, что среди потенциальных «игроков» в структуре регионального политического порядка присутствуют две сверхдержавы, стремящиеся обеспечить контроль над миром и его геополитическими регионами, конкурируя друг с другом на этих уровнях. Их цель – управление и доминирование на определенном географическом пространстве, где между зонами их влияния находится территория, именуемая «вакуумом пространства». Именно она и выступает буфером.

Противостоящие друг другу державы считают буфер важным звеном системы международных отношений, а потому стремятся контролировать его, одновременно изучая и прогнозируя поведение контрагента. Сам же буфер из-за своей слабости не в состоянии обеспечить контроль над собственной территорией. Предотвращение конфликта, который может перерасти в военные действия, осуществляется самими державами путем сдерживания своих действий при одновременном ограничении деятельности контрагента и

³⁰⁵*Ahmadi S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces: Characteristics of Iran's Buffer Situation Between Great Powers in the Nineteenth Century and Twentieth Century / Science International. Lahore, 2013. P. 1019–1030 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sci-int.com/pdf/888971359-1019-1030-%20Syrus%20AhmadiGeopolitics%20of%20Buffer%20Spaces%20-%20IRAN%2025-3-13.pdf>.*

стремлении обеспечить переход руководства (правительства) буфера на свою сторону, что усугубляет его слабость при одновременном расширении влияния держав на буферное государство.

Затем, используя структурно-функциональный подход к определению буферного состояния, авторы переходят к рассмотрению Ирана в качестве буферного пространства в исторической ретроспективе и на современном этапе, однако нам в приведенной работе интересен общетеоретический посыл.

Концепция буферного пространства основывается на системном взгляде на геополитическую ситуацию, производном от региональной и глобальной системы конкуренции, и предполагающем «динамичное соперничество между державами»³⁰⁶. Исходя из этого подхода, авторы (со ссылкой на соответствующие источники) устанавливают наиболее важные характеристики буферных состояний.

1. Буферное государство – это слабое государство небольшого размера, вероятно, без собственной позиции во внешней политике в отношении двух или более мощных соседей и, таким образом, служащее для подавления международной агрессии.

2. Буферное государство – это своеобразный баланс между двумя или более сильными державами, поддерживаемое или даже созданное с целью ослабления конфликта между ними.

3. Буферное государство – это маленькое независимое государство, лежащее между двумя большими, обычно соперничающими державами, выступающее инструментом снижения степени опасности конфликта между ними.

4. Буферное государство – это слабое государство, созданное главным образом для предотвращения конфликтов и борьбы между двумя мощными государствами.

³⁰⁶ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1019.*

5. Буферное государство – это небольшая политическая единица, расположенная между большими государствами.

6. Для обеспечения баланса между двумя крупными государствами, малое, буферное, государство должно быть независимым и нейтральным и т. п.

Представленный авторами работы перечень признаков и характеристик свидетельствует о стереотипном подходе к исследованию буферных государств. Исходя из используемого большинством исследователей определения буферного государства авторы анализируемой статьи приводят стандартный набор его признаков, «кочующий» из одной работы в другую. Попытаемся там, где это возможно, и соотнести эту точку зрения с точкой зрения других ученых.

Обратимся к тем из признаков, которые наиболее часто упоминаются в работах известных ученых и являются типичными или наиболее повторяемыми.

1. Географический признак: расположение буферного государства между двумя конкурирующими. В связи с тем что территория имеет определяющее значение для любой политической единицы, претендующей на наличие государственности, территориальное пространство буферного государства нуждалось в дополнительных характеристиках, которые авторами статьи³⁰⁷ и были приведены. В их числе местоположение, которое обозначалось как одно из самых важных условий для создания буфера, поскольку пространственные границы определяются территорией, на которой происходит конфликт. Спорность данного тезиса подтверждалась соперничеством большинства великих держав прошлого и сверхдержав настоящего – они редко имели и имеют общую границу.

2. Наличие стратегических путей для транспортировки тех или иных ресурсов³⁰⁸. Однако, на наш взгляд, речь здесь идет о ресурсах, за которые

³⁰⁷ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1019–103.*

³⁰⁸ *Buffer states in world politics...*

борются державы, и если бы их не было, то не было бы причин для конфликта и поиска выхода из него и, соответственно, для придания той или иной политике статуса буфера.

3. Цель создание геополитического баланса – снижение остроты конфликта между двумя державами-агрессорами. Под этим тезисом подразумевалось, что буферное государство должно обладать специальным географическими, этническими, стратегическими и военными ресурсами, которые привлекают интерес великих держав.

4. Размер: само буферное государство есть маленькое государство и слабый игрок в структуре мирового политического порядка. Авторы констатируют, что с середины XX в. буферные состояния были изучены в рамках малых и слабых стран. Этот признак вызывает сомнение, поскольку, во-первых, необходимо понимание сферы «слабости» (военная, экономическая, политическая и т. п.) и, во-вторых, слабость – это оценочная категория, которая рушится самими же сторонниками этой характеристики, как только они приступают к приведению примеров, в числе которых обязательно присутствует Монголия между Россией и Китаем³⁰⁹: известно, что эта страна на протяжении полутора десятков лет реализует концепцию «третьего соседа» и делает это весьма успешно, а существующий контроль над значительной частью экономики этой страны со стороны Китая может рассматриваться и как тактический ход. Слабость заявленного тезиса компенсируется попыткой его конкретизации: сами же авторы обращают внимание на то, что размер не влияет на состояние буферного государства и что для его самоопределения ключевым является достаточность сил и средств, в противном случае соседние державы вмешиваются в дела буферного государства или захватывают его.

5. Международный статус: нейтралитет во внешней политике, обладание политической независимостью и способность самостоятельно, без участия

³⁰⁹Макошев А. П. Политическая география и геополитика. Горно-Алтайск, 2007.

третьей стороны, реализовывать внутреннюю политику и осуществлять внутреннее управление (идет ли речь здесь о государственном суверенитете, авторы не поясняют). Исследователи считают, что буферное государство должно быть полностью независимым или автономным и иметь возможность обеспечивать национальный суверенитет, и приводят в пример Бельгию, чей суверенитет на основании Лондонского договора от 15 ноября 1831 г. признали Великобритания, Австрия, Франция, Пруссия и Россия³¹⁰. Подобной точки зрения придерживаются Джон Чей и Томас Росс, относящие к признакам буферного государства небольшие размеры и нейтральный статус³¹¹, с чем сложно согласиться, во-первых, из-за оценочности категории размера, а во-вторых, из-за нейтрального статуса, который юридически может провозглашаться, но на практике в ряде случаев невозможен.

6. Особый способ образования: буферные государства иногда создаются путем применения силы. «Спасает» этот признак только уточнение «иногда» в связи с имеющимися в истории примерами насильственного создания исследуемых нами политических образований. В качестве примера эффективности договорного создания буферного государства следует привести порт Фиуме, получивший независимость посредством международного договора, процесс выработки которого, как и процесс формирования политической воли договаривающихся сторон, нагляднее всего иллюстрирует решение «адриатического вопроса», связанного с политическим и территориальным урегулированием отношений между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев (будущая Югославия). Все его результаты были задокументированы³¹² и включали совместный Меморандум от 9 декабря 1919 г., пересмотренные британо-французские предложения от 14 января 1920 г., заявление министров Франции и Великобритании от 23 января 1920 г., записку Президента Вильсона от 10

³¹⁰ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1021.*

³¹¹ *Buffer states in world politics... P. 91.*

³¹² *The Adriatic Question // Present. by mr. Hitchcock, February 27.1920 / Ordered to be printed. Washington Government Printing Office, 1920.*

февраля 1920 г., ответ французских и британских премьер-министров 17 февраля 1920 г. и записку Президента Вильсона от 24 февраля 1920 г.

Для нас значительный интерес представляет совместный Меморандум от 9 декабря 1919 г., проект которого был подготовлен Госдепартаментом США, подписан в Париже премьер-министром Франции Ж. Клемансо, главой британской делегации на Парижской мирной конференции Айрой Александром Кроу и главой американской делегации, заместителем госсекретаря Фрэнком Лайоном Полком. Меморандум был представлен для публичного ознакомления 26 февраля 1920 г. В преамбуле отмечалось, что правительства Великобритании и Франции изложили свое мнение в записке Президенту США В. Вильсону 10 сентября 1919 г., и хотя единодушия достигнуть пока не удалось, стороны согласовали свои позиции по ключевым моментам – создания буферных государств в целях обеспечения мира и безопасности в регионе. Согласованные пункты были изложены в американском меморандуме, переданном итальянской делегации в Париже 27 октября 1919 г. Меморандум включал следующие позиции по созданию сети буферных территорий вдоль итальянско-югославской границы.

Во-первых, речь шла о пограничной исторической области Истрия, которую предполагалось передать Италии и для которой предлагалось зафиксировать новую границу не в ее исторических пределах, а в расширенном варианте, что позволило бы сконцентрировать на данной территории более 300 тыс. «югославов». Учитывая интересы Италии, географическое и экономическое положение региона, стороны, в нарушение этнического баланса, согласились на увеличение территории нового политического образования на восток таким образом, чтобы дать включить в него регион Альбона (совр. город Лабин в Хорватии), что существенно увеличивало численность этнического славянского населения в регионе.

Во-вторых, предполагалось объявить район Асслинга (современная коммуна в федеральной земле Тироль, община в Германии, в земле Бавария) постоянно демилитаризованной зоной, создать группу наблюдателей с

полномочиями непосредственных контактов с итальянскими правительственными структурами³¹³. В отношении этой территории ситуация осложнялась тем, что район был населен преимущественно славянскими народами (18 тыс. против 1500 немцев)³¹⁴.

В-третьих, буферный статус получил г. Зара, который наделялся автономией в таможенных и ряде других вопросов при сохранении его в составе Королевства сербов, хорватов и словенцев и под наблюдением Лиги наций³¹⁵.

В-четвертых, для укрепления стратегической безопасности Италии В. Вильсон, по соглашению с правительством Италии, поддержал идею создания буферного государства на базе г. Фиуме и его округа между итальянскими территориями на Адриатике и Королевством сербов, хорватов и словенцев, в котором около 200 тыс. населения были этническими славянскими народами в противовес 40 тыс. итальянцев. Для поддержания порядка новое государство предполагалось поставить под контроль Лиги наций³¹⁶. Для защиты интересов этнического большинства на территории проектируемого буферного государства предполагалось организовать плебисцит, чтобы обеспечить населению возможность для самоопределения, а степень самостоятельности Фиуме была такой же, как в период существования Австро-Венгерской империи³¹⁷. Вслед за этим Италия попыталась добиться исключения из зоны буферного государства непосредственно территории самого города, за исключением порта, однако добиться этого не смогла, и статус нового буферного государства был подкреплён Рапалльским договором 1920 г., действовавшим до 1924 г., когда политическая воля двух сторон, Италии и Королевства сербов, хорватов и словенцев, позволила ликвидировать данную политическую структуру без

³¹³ The Adriatic Question... P. 4.

³¹⁴ Baerlein H. The Birth of Yugoslavia. London, 1922.

³¹⁵ The Adriatic Question ... P. 5.

³¹⁶ Ibid. P. 4.

³¹⁷ The Adriatic Question ... P. 5.

угрозы военного или иного конфликта, что было закреплено Римским договором 1924 г.

В то же время приходится констатировать, что буферные государства не всегда создаются по договоренности, в ряде случаев это происходит по иным причинам.

Названный набор признаков буферного государства приводится в исследовании С. Ахмади, М. Р. Хафезни и Б. Хоуркада, посвященном буферной ситуации Ирана между великими державами в XIX–XX вв.³¹⁸ И далее авторы предлагают определять буферное государство как географическое пространство, на котором находится одно или несколько независимых, соблюдающих нейтралитет политических единиц, которые соседствуют либо с двумя и более соперничающими сверхдержавами, либо с другими государствами и находятся в сфере их влияния, либо с двумя соперничающими политическими блоками, разделяя их и снижая вероятность конфликта или борьбы между ними при условии, что обе стороны согласны на существование буферного государства³¹⁹.

Еще один спорный тезис: о влиянии на «буферную» среду, например природных особенностей, трудно возделываемой земли или расселенного по территории население. Приведенные учеными примеры Афганистана, Австрии и Югославии хоть и имеют под собой реальные исторические условия состояния буферности, однако вряд ли можно говорить об этих государствах в качестве таковых на протяжении всей их истории – каждая из этих стран на определенном историческом этапе могла претендовать на статус империй. Однако пояснения причин отнесения их к буферам авторы не раскрывают.

И, наконец, тезис о буферном пространстве как фронтире, контактной зоне, «плавильном котле» культур и идеологий, «зоны культурного перехода»³²⁰. Данный тезис можно развить. Безусловно, державы имели и

³¹⁸ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces...*

³¹⁹ *Ibid.* P. 1020.

³²⁰ *Van Valkenburg S., Stotz C. L. Elements of Political Geography. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1955.*

имеют возможность перестраивать или влиять на изменение государственной границы, однако этот вопрос из юридического трансформируется в политический, а видоизменение границ приводит именно к политическим последствиям, поэтому к данной мере державы стараются не прибегать. По справедливому утверждению лорда Дж. Керзона, конструирование жесткой границы невозможно³²¹. Однако это и не требуется, гораздо важнее соблюдать простое условие о ненарушении зоны преимущественных интересов или влияния контрагента, сама собственно формальная линия проведения государственной границы и размежевания территории важна, но не играет определяющей роли. Буферное государство создается не на пустом месте: спорная территория, ее статус и ресурсы имеют давнюю историю, давнюю историю имеют и сложившиеся границы, изменение которых и может приводить к конфликту.

Американский политолог К. Боулдинг еще в 1962 г. выделил особый вид границ между макрорегионами – «критические границы»³²², которые очерчивают сферы влияния, а не пространственные пределы осуществления государством его суверенитета как государственная граница в ее традиционном понимании. Свидетельство тому – заключение Россией и Японией в 1907–1912 гг. уже после подписания Портсмутского мира нескольких соглашений, юридически изменивших государственную границу Российской империи на Сахалине. 3 февраля 1932 г. газета «Сингапур фри пресс» поведала об этом целую историю, а новость под заголовком «Эксклюзив» была опубликована в издании «Дэйли Экспресс», где сообщается о заключении важного секретного русско-японского соглашения, по условиям которого Японии было предоставлено значительное превосходство над огромными территориями Маньчжурии и Монголии. Предполагаемые конкретные пункты предусматривали покупку Японией

³²¹Керзон Г. Индия между двумя огнями // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. IV. СПб., 1893; *Его же*. Положение, занимаемое Индией в Британской империи. Ташкент, 1911.

³²²Boulding K. E. Conflict and defense: a general theory. N. Y.: Harper & Brothers, 1962.

российских активов в южной части КВЖД и невмешательство России в дела Китая, каким-либо образом связанные с побережьем Тихого океана. Однако уже 13 февраля газета «Дэйли Экспресс» сообщила об опровержении новости и расторжении русско-японского договора, а Советское посольство в Лондоне заявило, что нет никаких оснований для утверждений, опубликованных в газете, и тому подобной информации³²³, хотя она оказалась правдивой.

Значительно больший интерес вызывает исследование феноменов приграничья, приграничной территории как интеграционной зоны и приграничного населения, которые неоднократно становились объектом исследований и описаний³²⁴. Безусловный интерес вызывает инфраструктура приграничного региона³²⁵, поскольку именно она позволяет или налаживать «мосты» между державами, или использоваться ими в случае, если конфликта избежать не удалось.

Несмотря на то что существование буферных государств зачастую обусловлено конъюнктурными соображениями держав, сами буферные государства выполняют «обычные» общегосударственные функции, которые преобразуются в ходе изменения аппарата государства, возникающих перед ним задач и прочих факторов. Вернемся к работе С. Ахмади, М. Р. Хафезни и Б. Хоуркада, завершающая часть общетеоретических рассуждений которой посвящена внутренним и внешним функциям буферного государства и, на наш взгляд, является наиболее сильной частью всей работы. К внешним функциям буферных государств относятся:

1. Поддержание мира и разделение конфликтующих сторон таким образом, чтобы уменьшить вероятность физического (военного) контакта. Причем от эффективности реализации этой функции зависит выживаемость и самого буферного государства. Примером буферного государства,

³²³Russia's denial // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1932. Feb. 15. P. 9.

³²⁴Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: проблемы и предпосылки устойчивого развития / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 124.

³²⁵Turmanidze T. Buffer States: Power Policies, Foreign Policies and Concepts. Nova Science Publishers, Inc., 2012. P. 23.

реализующего данную функцию, служит Армения и окружающие ее исторические территории. Эта страна еще на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. защищала восточные границы Римской империи от набегов персов, равно как и курды защищали Антропатену³²⁶. Сегодня эти территории принадлежат преимущественно Ирану и Турции. Армения и некоторые из других образованных на осколках Антропатены государства упоминаются, в частности, в среде турецкого военного командования в качестве буферов, способных обеспечить безопасность северных территорий этой страны от российского влияния на Кавказе³²⁷.

2. Обеспечение соперничества политических элит в формировании региональных и глобальных альянсов, когда на межрегиональном уровне буферное государство испытывает давление соседних государств в вопросе создания союзов и коалиций. Здесь в качестве примера можно привести Непал, чья умелая внешняя политика лавирования обеспечила относительно стабильное положение в условиях явных территориальных претензий двух держав. Своеобразное положение Непала занимало умы его создателей еще в середине XVIII в., когда основатель ныне прекратившей свое правление династии Шах называл свое государство «ямой между двумя глыбами». Сегодня Непал является старейшим национальным государством Южной Азии, он никогда не подвергался колонизации, и даже англичане, не сумев поставить его под свой контроль в 1814–1816 гг., признали его суверенитет. Спустя три с половиной десятка лет основатель династии премьер-министров Джан Бахадур Рана получил от королевы Виктории официальное приглашение на посещение Великобритании. В ходе визита он не только вернул захваченные территории, но и добился от Британской империи значительных гарантий и военной помощи. Отныне Непал балансировал между индийскими националистами и британским присутствием в регионе. На британскую

³²⁶ Turkey: a country study... P. 9.

³²⁷ Ibid. P. 314.

военную помощь представители клана опирались вплоть до 1947 г., когда была провозглашена независимость Индии.

Далее начинается период баланса между другими участниками так называемой новой Большой игры. Новая Большая игра (англ. The New Great Game), по мнению большинства экспертов, началась в первом десятилетии XXI в. и характеризуется политическим противостоянием крупнейших мировых держав за контроль и влияние в Центральной Азии. От аналогичного процесса конца XIX – начала XX в. новая Большая игра отличается характером, задачами и количеством участников. Однако неизменным остается регион – «Большая Центральная Азия», включающая и Монголию. Если 100 лет назад противоборство между Британской и Российской империями носило преимущественно военно-политический характер, то сегодня в основе Большой игры борьба за контроль над природными ресурсами, прежде всего над углеводородами (нефть и газ)³²⁸.

В речи перед парламентом в 1950 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру, затронув вопрос о безопасности Индии и взаимоотношениях с Непалом, заявил о том, что с давних времен Гималаи представляли собой надежную естественную границу, защищающую его страну. В связи с этим Индия была крайне заинтересована в обеспечении независимости Непала и не намерена была допустить его ослабления, что создавало угрозу для безопасности Индии. Позднее и сам Неру, и его преемники заявляли, что любое нападение Китая на Непал будет рассматриваться как агрессия против Индии. Одной из причин столь резких заявлений послужило установление КНР контроля над Тибетом, который также считался буфером, обеспечивающим защиту от реального или потенциального китайского вторжения. Для более надежной защиты в том же 1950 году страны подписали договор о мире и дружбе, который включал

³²⁸ Михалев А. В. «Новая Большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. Т. 9. № 2(191). С. 35.

Непал в орбиту индийской системы национальной безопасности³²⁹. Непродолжительное вооруженное столкновение из-за спорных территорий в 1962 г., не затронувшее непосредственно Непал, укрепило его статус буферного государства³³⁰. Махендра в полной мере воспользовался последовавшим охлаждением отношений между своими соседями, умело маневрируя между ними и выторговывая своей стране новые дороги, мосты и гидроэлектростанции, используя в качестве «лакмусовой бумажки» подконтрольных ему премьер-министров, симпатизирующих то Индии, то Китаю.

Безусловно, зависимость маленького королевства ощущалась во многих аспектах: особенно четко это было заметно в 1989–1990 гг., когда возникшие разногласия из-за некоторых торговых и транзитных вопросов хоть и удалось разрешить посредством подписания соответствующего договора, однако они оставили все более укореняемое в массовом сознании восприятие Индии как властного и жесткого соседа. При этом Китай рассматривался как отдаленная, но более мягкая держава-противовес предполагаемым гегемонистским амбициям Индии в регионе³³¹.

Смена формы правления не оказала существенного влияния на внешнеполитическую ситуацию, однако сегодня руководство Непала не настроено играть на противоречиях между своими соседями. Перед страной открываются новые возможности для развития при использовании своего положения буфера и заинтересованности и Индии, и Китая в устойчивой политической системе Непала, поскольку ни тому, ни другому государству не нужна страна, управляемая режимом, действия которого не поддаются ни влиянию, ни прогнозам.

3. Обеспечение баланса сил между сторонами и «баланса тенденций и интересов» великих держав. Внешняя политика может быть: (а) нейтральной;

³²⁹ Nepal and Bhutan: country studies / ed. by Andrea Matles Savada. 3 rd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1993. P. 233.

³³⁰ Ibid. P. 234.

³³¹ Nepal and Bhutan... P. 197–198.

(б) ориентированной на одну из держав и (в) опирающейся на третью сторону (силу). Первая и третья модель помогают обеспечить сохранение статуса буфера, тогда как вторая превращает государство в «полубуфер»³³², причем сам термин не раскрывается.

Примером нейтрального буферного государства может служить Иордания. Так, еще в 722 г. до н. э., когда Израиль выступил против Ассирии и проиграл, определенная часть современной Иордании была выделена в особую область и служила буфером, контролируемым ассирийской стороной³³³, использовалась в качестве такового и при всех последующих завоеваниях и возникновении многочисленных империй и государств. В Новейшее время Иорданское Хашимитское королевство продолжает играть роль своеобразного буфера. Созданное на основе Британского мандата в Палестине в 1921 г. оно изначально было искусственным образованием: северные территории тяготели к Сирии, юго-восточные – к Аравии, а западные – к палестинским землям на западном берегу р. Иордан³³⁴.

В свою очередь иорданское руководство рассматривало соседний Ирак (искусственно созданный тогда же, когда и Трансиордания) как буфер против радикальной исламской политики Ирана и выстраивало тесные отношения с соседними иракскими властями (управлявшие Ираком до 1958 г. короли были близкими родственниками иорданских монархов). И хотя с середины 1980-х гг. Иордания воспринимала своего северного соседа как потенциальную угрозу, она оказывала ему ощутимую военную поддержку³³⁵.

Примером буферного государства, опирающегося на третью силу, по крайней мере, в процессе своего создания, может служить Уругвай, играющий роль буфера сначала между испанским и португальским вице-королевствами, а затем – между независимыми государствами Аргентиной и Бразилией. Основание в 1720 г. испанскими колонистами крепости Монтевидео положило

³³² *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces...* P. 1022.

³³³ *Jordan: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 4 th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1991. P. 7.*

³³⁴ *Ibid.* P. XXI.

³³⁵ *Jordan: a country study ... P. 226.*

конец португальскому присутствию в этой части материка³³⁶. Работоторговля, снабжение экипажей судов и прочая смежная с этим деятельность обеспечили создание новых поселений в глубине страны. Это привело к появлению обширного естественного буфера между испанскими и португальскими территориями³³⁷. К 20-м гг. XIX в. в «Объединенных провинциях» обостряются противоречия между Буэнос-Айресом и «регионами», начинается гражданская война. В 1821 г. Уругвай входит в состав Бразилии, ставшей в 1822 г. Бразильской империей. Многие представители «уругвайской элиты» восприняли «бразильское господство» с удовлетворением. Среди них были те, кто призывал «самоопределиться» в составе Бразилии, получив «относительную независимость». Но нашлись и те, кто не желал мириться с «иноязычными оккупантами», найдя свое прибежище в Буэнос-Айресе. Этот город воспринимался как «символ освобождения от европейских колонизаторов» и центр, объединивший вокруг себя «испано-язычные независимые провинции». В конечном итоге «уругвайский вопрос» привел к войне между Аргентиной и Бразилией. Она продолжалась до 1828 г. Ни одна из сторон не могла одержать решительной победы. В результате свою роль в разрешении вопроса вновь сыграло «европейское вмешательство», но на этот раз не военное, а дипломатическое. Последовало оно со стороны Великобритании, которая также имела свои торговые и политические интересы в южной части независимой Америки, и ей было на руку создание буферного государства между Аргентиной и Бразилией. С таким предложением к воюющим латиноамериканским державам и обратился лорд Дж. Понсонбли. В сложившейся ситуации это было единственно верным решением. Так что своей независимостью уругвайцы во многом обязаны именно Великобритании.

3 октября 1828 г. между Бразилией и Аргентиной подписан мирный

³³⁶ Uruguay: a country study / ed. by Rex A. Hudson and Sandra W. Meditz. 2nd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1992. P. 204.

³³⁷ Ibid. P. 7–8.

договор, по которому они отказывались от всех претензий на территории, а в 1830 г. новое государство утвердило Конституцию. Оба «больших соседа», согласно условиям договора, получали право на одобрение этой Конституции. Маленькое государство с населением 150 тыс. человек обрело независимость, но, играя роль буфера, осталось под влиянием двух латиноамериканских держав³³⁸. Связано это было с тем, что по объективных оценкам страна была не в состоянии самостоятельно сдерживать вторжение одного из двух граничащих с ней государств, в результате с ними были достигнуты договоренности, в рамках которых Уругвай получил гарантии предоставления помощи от одного из них в случае нападения на него другого³³⁹.

Примером буфера в Южной Азии может служить политическая судьба Бутана, граничащего, как и его «собрат» Непал, с Индией и Китаем, однако имеющего ряд отличительных черт если не в формально-юридическом и политическом, то в прикладном ракурсе. Во-первых, в Бутане значительную роль играл буддизм, именно поэтому страна имела многовековые тесные связи с Тибетом и Китаем. Во-вторых, уже в Новейшее время Бутан стал первым государством, признавшим независимость Бангладеша, в результате чего экономические, культурные и социальные связи Бутана с Бангладешем оказались куда более выгодными, чем связи Бутана с Индией. В-третьих, в своей внешней политике Бутан опирался преимущественно на Индию, хотя его руководство, как и руководство Непала, не стремится использовать противоречия, стараясь сделать свою внешнюю политику сбалансированной и предсказуемой, чему способствовал многолетний опыт вынужденного лавирования между крупными державами.

Как и Непал, Бутан не был захвачен европейскими колонистами и, несмотря на имевшие место несколько военных конфликтов, умело

³³⁸ См.: Ягодкин А. История Уругвая. Начало. Как возникло Уругвайское независимое государство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gumanitarmedia.ru/istoriauruguay/>; см.: Пунакхский договор от 8 января 1910 г. как поправка к Синчиласкому договору 1865 г. См.: Uruguay: a country study ... P. 203.

³³⁹ Nepal and Bhutan... P. 265.

использовал британские позиции в регионе для обеспечения собственной безопасности, став буфером между британскими владениями и империей Цин (1904–1910), Тибет формально не входил в ее состав. После объявления независимости Индии в 1947 г. и провозглашения КНР в 1949 г. страна сохранила свой буферный статус, поскольку территориальные разногласия двух ведущих держав Азии не были урегулированы. Территориальные претензии Китая имели место и в отношении Бутана, защитником интересов которого выступала Индия, заключившая с Бутаном в 1949 г. договор о мире и сотрудничестве. Во время индийско-китайского конфликта 1962 г. король разрешил индийским войскам передвижение по территории Бутана. Премьер-министр Индии Д. Неру в 1958 г. подтвердил, что любой акт агрессии против Бутана будет воспринят как акт агрессии против самой Индии.

К внутренним функциям буферного государства С. Ахмади, М. Р. Хафезни и Б. Хоуркада причисляют:

1. Возможность получения экономической выгоды за счет наличия широких торговых отношений с обоими соседями.

2. Относительную стабильность политической системы при сохранении тенденций к народному недовольству политикой великих держав, росту национализма, наличию освободительного движения, противоборствующей оппозиции и других сепаратистских действий.

3. Профессионализм политической элиты и руководства буферного государства, необходимость контроля ситуации, высокий уровень разведки при потенциальной или реальной угрозе постоянного вмешательства со стороны держав в управление страной и т. д. При этом отмечается высокая социальная, политическая, экономическая и культурная уязвимость, циничное отношение жителей буферного государства к великим державам и собственному правительству, растущий национализм и радикальные движения, подавление оппозиции и т. д.

Проблема буферных государств затрагивается в работе французского исследователя, профессора Университета Нотр-Дам Таниши Фазаль «Гибель

государств: политика и география завоеваний, оккупации и аннексии»³⁴⁰. Автор рассматривает «буферное состояние» как состояние политического образования, расположенного между двумя соперничающими государствами, которое, вероятнее всего, прекратит свое существование на исходе соперничества.

Состояние буфера заставляет противоборствующие государства обеспечивать суверенитет буферного государства, что продиктовано опасностью перехода контроля над данным политическим образованием в руки противника и получения за счет этого значительного стратегического преимущества и снижает вероятность военного конфликта или развязывания войны. По мнению Т. Фазаль, такие действия могут привести к изменению состояния буферного государства. Нечто похожее произошло с Парагваем. В отличие от Уругвая, Парагвай не был столь привлекателен для третьих стран. Его границы изначально примыкали к португальским владениям на севере, к владениям иезуитов до их изгнания – на юге и территориям традиционного расположения индейских поселений – на западе. Парагвай, расположенный на периферии империи, стал играть роль естественного буфера после многочисленных административных преобразований и создания в 1776 г. вице-королевства Рио-де-ла-Плата³⁴¹. Заинтересованные в сохранении этой естественной границы Бразилия и Аргентина в качестве определяющей политической силы Южно-американского континента обеспечивали его буферный статус и государственный суверенитет, который страна использовала в полной мере. Так, внешняя политика Парагвая традиционно была направлена на установление баланса между двумя влиятельными соседями и придерживалась определяющих принципов: (1) невмешательства в дела других стран и (2) избегание отношений со странами социалистического лагеря, единственным исключением была Югославия. При этом Парагвай не

³⁴⁰ *Fazal Tanisha M. State Death – The Politics and Geography of Conquest, Occupations and Annexation. 2007 [Электронный ресурс].* Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7t119>.

³⁴¹ *Paraguay: a country study / ed. by Dennis M. Hanratty and Sandra W. Meditz. 2th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. P. 15.*

признал Маньчжоу-Го; в 1959 г. разорвал дипломатические отношения с Кубой, в связи с чем правительство Ф. Кастро оказывало поддержку парагвайским радикалам; в 1971 г. в качестве легитимного китайского правительства признал гоминьдановский Тайвань и не признавал КНР; выстраивал дипломатические отношения с ЮАР и избегал их с социалистическими Анголой или Мозамбиком; разорвал дипломатические отношения с Никарагуа в 1980 г. после убийства в Асунсьоне Анастасио Сомосы Дебайле³⁴². Таким образом, Парагвай и выступал, и выступает скорее нетипичным буферным государством, в чьем суверенитете заинтересованы обе противоборствующие стороны, что позволяет стране вести в достаточной степени самостоятельную политику.

В качестве факторов, влияющих на сдержанность в определенных маневрах, исходя из аргументации Т. Фазаль, можно вычленить факторы неучастия соперничающих за влияние на него государств в его ликвидации или ликвидации его буферного статуса. Во-первых, фактор «связанных рук», когда ресурсы соперников равнозначно ограничены в таком объеме, что ни одна из сторон не способна захватить буферное государство. Во-вторых, фактор «отвлекающего соперника», когда оппоненты вынуждены стать временными союзниками против угрозы в лице другого государства и поэтому прекращают взаимное противоборство для сохранения ресурсов. В-третьих, фактор заинтересованности более сильной третьей стороны в сохранении статуса буферного государства, угрожающей крупными издержками, стремящимся завоевать его соперничающим оппонентам³⁴³. Таким образом, третья держава выступает, по мнению ученого, своего рода гарантом сохранения буферным государством своей самостоятельности и независимости после окончания конфликта.

³⁴² Ibid. P. 192.

³⁴³ *Fazal T. M. State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation, and Annexation.* Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 6.

Т. Фазаль выделяет три условия, в которых был возможен подобный сценарий в исторической ретроспективе: (1) мировая война; (2) революция и (3) формирование нового мирового порядка.

Что касается методов «захвата» (или занятия), то они достаточно разнообразны и не сводятся исключительно к физическому вторжению и установлению контроля. Так, Т. Фазаль указывает, что после окончания Второй мировой войны США выступали против непосредственного захвата той или иной территории, в результате на смену военному вторжению и захвату пришли иные способы вмешательства во внутреннюю политику чужих государств³⁴⁴.

В одной из глав книги Т. Фазаль рассматривает примеры буферных государств, в числе которых указывается Польша, с XVIII в. и до окончания Второй мировой войны представлявшая собой «классический случай длительной... и мучительной гибели в состоянии буфера»; Доминиканская Республика, оккупация которой Соединенными Штатами с 1870 до 1916 г. «была вызвана страхом немецкого авантюризма на Карибах»; Персия конца XIX – начала XX в., являющаяся «исключением из правила о наиболее вероятном сценарии гибели буферного государства»³⁴⁵. В послевоенный период в качестве буфера рассматриваются Польша и Венгрия³⁴⁶. К сожалению, некоторые выводы автора, например, о том, что буферные государства гибнут чаще небуферных³⁴⁷, представляются не вполне обоснованными.

Итак, в современных теоретических подходах к изучению буферных государств, представлено разное понимание их смысла и цели. В предлагаемых исследователями характеристиках буферного государства не в полной мере или вовсе не учитываются исторические, идеологические, экономические условия формирования «буферности».

³⁴⁴ Ibid. P. 2.

³⁴⁵ Ibid. P. 7.

³⁴⁶ *Fazal T. M. State Death...* P. 9.

³⁴⁷ *Fazal T. M. State Death in the International System // International Organization. 2004. Vol. 58. No. 2. P. 311.*

Согласно идеям лорда и маркиза Дж. Керзона, перу которого принадлежит едва ли не первый труд по проблемам границ (1907), под буферным государством следует понимать достаточно искусственное образование, но имеющее собственное национальное бытие, которое подкрепляется наличием территории и политическими гарантиями, обеспеченными любой из двух держав, чьи владения оно разделяет, или некоторым числом третьих стран, заинтересованных в его существовании. А смысл этого чаще всего состоит в том, что более сильные державы взаимно удерживают друг друга от захвата тех пунктов или территорий, обладание которыми дало бы значительный перевес над остальными³⁴⁸. Он приводит примеры буферных стран Южной и Юго-Восточной Азии: (1) сямская государственность в долине Менама (совр. р. Чаупхрая), обеспеченная гарантиями Великобритании и Франции; (2) Абиссиния, чей статус поддерживался, помимо Великобритании и Франции, еще и Италией; (3) целостность и независимость Персии гарантировалась Великобританией, Францией и Англо-русской конвенцией, подписанной в Санкт-Петербурге 18(31) августа 1907 г. Эта Конвенция, в отличие, например, от соглашений 1906–1912 гг. о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке, заключенных между Россией и Японией, содержала две новации. Суть первой сводилась к тому, что стороны находятся в пределах сфер своих взаимных интересов на севере и востоке, сохраняя при этом остальную территорию страны в качестве свободной зоны «равных возможностей» для обеих держав. Керзон подчеркивает, что подобного рода согласительные механизмы требуют целесообразности, постоянства и учета преимущественных интересов каждой из сторон.

Суть второй новации сводилась к тому, что, помимо персидских дел, отдельные ее положения касались дел Китая с Тибетом, т. е. непосредственно

³⁴⁸ *Рябцев В. Н.* Переговорный процесс по Нагорному Карабаху в современных условиях: адекватен ли его формат [Электронный ресурс] // *Философия права.* 2008. № 4/8. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12919256>.

Британии или России не касались, но затрагивали их интересы в регионе. При этом, как заметил Керзон, «Тибет не является буферным государством между Великобританией и Россией, а продолжение недавней экспедиции состояло лишь в том, чтобы вновь сделать его тем, чем он в последнее время перестал быть, а именно “маркой” или пограничным протекторатом Китайской империи»³⁴⁹. Таким образом, Дж. Керзон формулировал состояние буферного государства «второго порядка», которое существует не на границе между державами, а на границе сфер их взаимных интересов и на которое одна из двух держав оказывает преобладающее политическое влияние. Здесь примерами служат (4) Корея, перешедшая от Китая под неоспоримое влияние Японии, а также (5) Афганистан, находящийся в равностатусном положении между Великобританией и Россией.

Исходя из этого, Н. Д. Керзон проводил аналогию буферного государства с системой марок – пограничных областей, которые создавались вдоль рубежей Франкского государства в эпоху Карла Великого для защиты от угрозы, исходившей от арабов, датчан, других франкских, немецких и славянских племен, во главе которой становился маркграф со значительным объемом полномочий (включая и гражданские отношения) и военными ресурсами, обеспечиваемыми франкскими королями. Особенностью этой области, в отличие от тех, что располагались «внутри» государства, был целевой, оборонительный характер, однако позднее, когда угроза нападения исчезала, эти марки становились вассальными или независимыми герцогствами/графствами/княжествами и т. д. Франки же, в свою очередь, позаимствовали данную практику у Римской империи, которая стремилась защитить свои границы с помощью ряда зависимых королевств или государств-клиентов.

Природу государств-клиентов и отсутствие в Римской империи системы протекторатов или подобных им способов обеспечения своего присутствия и

³⁴⁹Curzon G. N. *Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston...* P. 31.

влияния на занятой контролируемой территории на западном направлении лорд Керзон объясняет как различием в культуре, военной и гражданской организации, так и в численном превосходстве, в связи с чем против него использовались исключительно военные методы. Но на восточном направлении Рим соседствовал с державами, равными ему по силе, статусу и возможностям, поэтому приходилось прибегать не только к военной силе, но и другим инструментам достижения цели. Между Римской империей, Парфянским и Персидским царствами был создан барьер из государств, большинство из которых находилось под римским сюзеренитетом. Среди них особое место занимала Армения³⁵⁰. С точки зрения современной политической науки, вряд ли эти государства можно назвать буферными, но то, что они были предтечей буферной системы, значительным этапом в эволюции регионального политического порядка, сомнений не вызывает.

Продолжая свою мысль, Н. Д. Керзон говорит, что позднее Османская империя в Европе переняла аналогичную политику государств-клиентов на христианских территориях Трансильвании, Молдавии, Валахии и Рагузы, а Индийская империя добилась столь выдающихся успехов на контролируемых территориях, в том числе и благодаря политике протекторатов. Сначала был создан пояс из национальных государств, с которыми заключались союзы и договоры, чтобы противостоять правителям Маратхи, аналогичная ситуация на северо-западной границе превратила Синд и Пенджаб в буферы, предохраняющие от Белуджистана и Афганистана, тогда как Сатледж сдерживал столкновения с Пенджабом. После того как эти основные противники, кто военным поражением, кто продажей своих прав, попали под контроль Англии, возникла новая проблема с обеспечением безопасности границ, поэтому было сформировано новое кольцо протекторатов³⁵¹. Англия рассматривала решение вопроса о спорной территории афганских независимых племен в свою пользу «как неперемнную предпосылку для

³⁵⁰ Curzon G. N. *Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston...* P. 38.

³⁵¹ *Ibid.* P. 39.

возможного урегулирования не только англо-афганских отношений, но и англо-русских споров в Средней Азии. Англо-индийское правительство считало свое требование настолько важным, что грозило Афганистану войной в случае отказа эмира Абдуррахмана подписать соглашение о границах»³⁵².

В 1893 г. секретарь по иностранным делам англо-индийского правительства Мортимер Дюранд заключил в Кабуле два соглашения. В первом из них подтверждалась русско-афганская граница 1873 г., установленная по Аму-Дарье, причем Афганистан обязывался передать Бухаре (фактически России) свои владения, лежащие на правом берегу Аму-Дарьи (Рушан и Шугнан), взамен бухарских владений на левом берегу (часть Дарваза).

Во втором соглашении Дюранд добился согласия эмира на установление новой индо-афганской границы (так называемой линия Дюранда)³⁵³. Граница была проведена между территориями племен, находящихся под британским и афганским контролем на всем расстоянии от Читрала до Систана на границе с Ираном, а Афганистан сохранял свою формальную независимость, помогая Британии обеспечивать присутствие в тех регионах, где она была не в состоянии осуществлять контроль. В контексте описываемых процессов следует упомянуть работу отставного офицера, служившего переводчиком в индийской армии, Джеймса Лайонса «Афганистан: государство-буфер. Великобритания и Россия в Центральной Азии: всеобъемлющий трактат по центрально-азиатскому вопросу», изданную в 1910 г. в Мадрасе и задуманную как краткое введение в сложную проблему, дающее представление об особенностях британского имперского мышления, которое преобладало вплоть до Первой мировой войны. Цитируя Н. Д. Керзона, автор пишет, что Афганистан, похожий на крепость, окруженный горами, представляет собой «Уэльс Индии»³⁵⁴.

³⁵² Дипломатический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https:// dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/508/%D0%94%D0%AE%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/508/%D0%94%D0%AE%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90).

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ Lyons J. G. Afghanistan: The Buffer State: Great Britain and Russia in Central Asia: A Comprehensive Treatise on the Entire Central Asian Question. Madras: Higginbotham&Co.; London: Luzac&Co., 1910. P. 166.

«Моя собственная политика в Индии состояла в том, чтобы уважать внутреннюю самостоятельность этих племен и находить в их собственных интересах и в качестве пограничной милиции гарантию как безопасности нашей внутренней или административной границы, так и спокойствие вдоль самой пограничной зоны. Далее, на Востоке и на Севере, цепь протекторатов продолжилась в сторону Непала, Сиккима и Бутана, а на крайнем северо-востоке аннексия Верхней Бирмы принесла нам ряд охраняемых государств, известных как государства Верхнее Шан. На обоих концах своей границы Индийская империя, ныне более обширная и более густонаселенная, чем когда-либо прежде... отделена только от сфер двух других великих европейских держав – России и Франции: от первой – буфером из Персии и Афганистана и буферной зоной в районе Вахана; от последней – буферным государством Сиам и буферными протекторатами государств региона Шан», – писал Керзон³⁵⁵.

В результате Великобритания сформировала тройной пояс границ зон своего влияния в Азии: (1) административную границу Британской Индии; (2) линию Дюранда, или границу активной защиты и (3) афганскую границу, выступающую внешней или передовой стратегической границей. Но далекий от эйфории успеха вверенного ему дела, Керзон и здесь подчеркивает искусственность такого способа обеспечения взаимных интересов, а продолжительность его существования связывает со статусом буферного государства, который выражается в степени стабильности его правительства и других государственных институтов. Он сетует на то, что исторические примеры ничему не научили европейское общество и подобные эксперименты всегда заканчивались провалом.

Также Н. Д. Керзон был склонен разграничивать государственную природу европейских и азиатских буферов в связи с тем, что в Европе буферные государства, как правило, не располагались на стыке великих

³⁵⁵Curzon G. N. Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston... P. 40.

держав, обладающих превосходящей их силой и более высокой цивилизацией. В качестве примера Керзон приводил (1) «...довольно необычный тип буферного государства, существовавший с небольшими перерывами в течение более 1100 лет в форме папских владений. Его границы постоянно менялись, и оно не претендовало на то, чтобы они совпадали с естественными или географическими границами. Но это государство фактически разделило континентальную и полуостровную части Италии на те территории, которые всегда смотрели на Запад, и те территории, которые постоянно подвергались греческому или восточному влиянию»³⁵⁶.

Характеризуя европейскую буферную государственность, Керзон упоминает (2) Швейцарию, акт относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета, неприкосновенности территории которой 27 мая 1815 г. подписали Австрия, Франция, Великобритания, Россия, Португалия и Пруссия; (3) Бельгию, постоянный или «вечный» нейтралитет которой был провозглашен 20 января 1831 г. в ходе Лондонской конференции пяти держав, куда входили Россия, Великобритания, Франция, Австрия и Пруссия и (4) Люксембург, постоянный нейтралитет которого был подтвержден на Лондонской конференции в 1867 г. Учитывая стратегическое положение этих стран, монархические европейские государства стремились их использовать в качестве буфера. И хотя буферное государство не обеспечивает защиту в полной мере, оно делает потенциальную агрессию менее вероятной, превращая ее в международную проблему: «...желание расширить границу за счет нейтрального государства может быть удовлетворено только по довольно дорогой цене»³⁵⁷. В качестве дополнительных гарантий Н. Д. Керзон называл Гаагский международный трибунал и династические альянсы, предупреждая при этом потомков о возможности неразрешенных критических пограничных проблем в будущем, что и произошло менее чем через три десятилетия с приходом к власти Германии нацистов.

³⁵⁶Curzon G. N. *Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston...* P. 32.

³⁵⁷Ibid. P. 33.

Проблемы буферных государств, их роли при формировании регионального политического порядка не утратили своей актуальности по сей день.

Анализ точек зрения и научных позиций позволяет выделить группу устойчивых характерных признаков буферных государств.

Во-первых, основу буферного государства образует нация или народ, объединенный общей культурой, историческим прошлым и т. д. Отсюда появляется опора на местную политическую и военную элиту в лице, как правило, этнолидеров, без участия которых создание буфера невозможно, но степень самостоятельности которых либо минимизирована, либо ничтожна.

Во-вторых, как правило, наличие основных признаков государства, полноценных органов государственной власти и собственной армии, если с территории буферного государства выведены иностранные вооруженные силы.

В-третьих, наличие международных (двусторонних) актов контрагентов, незаинтересованных в широком международном признании буферного государства.

В-четвертых, четкие интересы контрагентов и, как следствие, круг держав или властных центров, заинтересованных в существовании буферного государства, относительно узкий и, как правило, сводится к соседствующим державами (или соседствующим территориально, как Индия и Китай, сохраняющие Непал и Бутан в качестве таковых, или соседствующие интересами, как Россия и Япония в конце XIX – начале XX в. в Восточной Азии, конструирующие государственность на монгольских и маньчжурских землях как защиты своих интересов, так и для избегания прямого контакта/столкновения). В дальнейшем из них выделяется государство-патрон – более сильное и влиятельное, к которому будет довлеть буферное государство, и государство-контрагент, стремящееся заполучить позицию влияния.

В-пятых, вполне определенная, осязаемая и достижимая конкретная цель, необходимая для выживания или нормального существования конструирующего ее государства. Отсюда вытекают конкретные задачи (экономические, военные, политические, финансовые, воспитательные и т. д.), к решению которых прибегает страна-патрон и которые во многом могут совпадать на разных территориях и в различных ситуациях.

В-шестых, идеологическая заданность (в нашем случае – антикоммунистическая), которая делает действия и страны-патрона, и руководства буферного государства понятными, линейными и не предполагающими отклонений.

В-седьмых, статус буферного государства не предполагает длительности политического существования и, как правило, имеет краткосрочный характер при достаточно четком видении политического будущего: приобретение полной независимости в связи с ослаблением страны-патрона; трансформация статуса, например, в широкую автономию; ликвидация буфера как субъекта каких-либо отношений и включение его территории в состав территории страны-патрона с перераспределением земель, переоформлением статуса политического центра и пересмотром статуса политических лидеров.

В-восьмых, следует с осторожностью отнестись к утверждению о том, что буферные государства издревле присутствовали в мировой истории. Безусловно, методы, к которым прибегали державы для достижения своих целей, предполагали нейтрализацию соперника и превращение подконтрольных территорий в систему защиты, если ее по тем или иным причинам не удавалось присоединить или установить над ней иную правовую форму властвования (протекторат, вассалитет и т. п.). Но поскольку в контексте нашей концепции речь идет не только о фактическом положении вещей, но и их юридическом воплощении, которое требует придания данной территории правового статуса (читаем: международного признания), то говорить о буферных государствах как об участниках международных процессов и международных отношений становится возможным только в XX

в., соответственно, буферные государства в международно-правовом статусе есть преимущественно продукт XIX–XX вв.

И, наконец, в-девятых, дефиниция «буферное государство» не является монокатегорией, что означает возможность определения в качестве буферного государства или иной политики, которая одновременно может быть сателлитом или квазигосударством, и наоборот. Определяющее значение будет иметь наличие перечисленных выше восьми признаков, которые не являются, на наш взгляд, альтернативными ни по отношению друг к другу, ни по отношению к признакам других описанных в настоящей главе состояний.

Отсюда следует необходимость определить дефиницию буферной государственности, близкую по значению, но не идентичную ни государству, ни буферному государству. Социальную основу буферного государства образует нация или народ, объединенный общей культурой, историческим прошлым и в этом – ключевое отграничение от понятия буферной зоны, поскольку, на наш взгляд, именно наличие государственности в итоге влияет на отличие исследуемых нами политий от других смежных понятий: зоны, территории, пространства или состояния.

В нашей диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук (2012) было дано определение монгольской государственности, которое в основе своей не может и не должно отличаться от общего определения государственности вообще и буферной государственности, в частности: государственность, по нашему мнению, необходимо рассматривать не только как понятийную категорию, включающую разномасштабные понятия статусность (*statehood*) и состоятельность (*stateness*), но прежде всего как результат исторической, экономической, политической и внешнеполитической деятельности определенного общества, объединенного единой территорией, историческим прошлым, культурной и этнической общностью по созданию относительно устойчивой, прочной политической организации, обеспечивающей территориальное, институциональное и функциональное единство, свойство и

важнейший элемент общественной структуры, включающий в себя не только те или иные государственные учреждения, но и значительно более широкие моменты, такие как идеология, взаимоотношения государства и общества, связи с другими государствами и т. п. Изучение же государственности предполагает исследование, во-первых, исторических предпосылок, условий и факторов, в которых формируется новая политическая организация, во-вторых, структуры государственно-правовых организаций и институтов; в-третьих, содержания национально-государственной идеи и практики ее реализации; в-четвертых, принципов отношений государства и человека, государства и общества, государства и природной среды, государства и мирового сообщества³⁵⁸.

Исходя из этого, буферная государственность предполагала смысловую «нагрузку» в виде определенных выше признаков, сохраняя и допуская при изменении внешних условий возможность формирования «небуферной» государственности и создания либо независимого государства, либо территорий с той или иной степенью автономии в его составе.

³⁵⁸Дудин П. Н. Становление государственности Монголии: первая половина XX в.: дис. ... канд. полит. наук / Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012. С. 58–59.

ГЛАВА 2. КОНКУРЕНЦИЯ ИДЕОЛОГИЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В статье А. В. Михалева «Политическое присутствие – генеалогия концепта»³⁵⁹ автор приходит к выводу, что одним из главных контекстов политического присутствия выступает конкуренция идеологий. А поскольку региональный политический порядок и его формирование предполагают однозначное присутствие нескольких властных центров в регионе, то для Восточной Азии в заданных нами хронологических рамках высказанный А. В. Михалевым вывод не является исключением. Более того, данная позиция позволит нам определить круг властных центров. Рассмотрим наиболее важные ценностно-идеологические установки, которые получили свое оформление в виде завершенных концепций по собственному представлению о политическом порядке и были использованы для его конструирования на национальном и/или региональном уровне.

2.1. Буддийский фактор и теократические тенденции в конструировании регионального политического порядка в Восточной Азии

Первая половина XX в., особенно события 1910-х гг., оказали огромное влияние на мировую историю, прежде всего революционным движением, разрушившим европейские империи. Вместе с этим произошла перемена в отношении прежней системы ценностей, установок и институтов, как государственных, так и социальных. Этим событиям и процессам не уступали, а возможно, даже превосходили их по масштабам, последствиям и

³⁵⁹Михалев А. В. Политическое присутствие...

потенциальным возможностям³⁶⁰ трансформации мирового порядка события, происходившие в Восточной Азии в 1930-е гг. Однако в силу европоцентризма тех, кто формировал и формирует научные тренды тогда и сейчас, эти события не получили должной оценки и требуют переосмысления.

В первой четверти XX в. в западных окраинах исследуемого нами региона наблюдаются устойчивые процессы теократизации, приведшие к созданию ряда буддийских государств³⁶¹.

Стереотипное представление обывателя сводится к тому, что буддизм аполитичен, это в корне неверно. Напомним, что само учение зародилось в Индии и распространялось представителями королевской семьи, и в дальнейшем наиболее могущественные правители региона «огнем и мечом» отстаивали буддийские ценности, в том числе и миролюбие.

Долгое время буддизм был и продолжает оставаться одной из важнейших религий на Азиатском континенте. Сегодня общая численность его последователей превышает полмиллиарда человек. Буддизм – это прежде всего философское учение. Многие его постулаты имеют вполне рациональное объяснение, поэтому, куда бы ни проникал буддизм, он всегда перестраивал социальную структуру общества (даже в современном мире, например, в отношении к абортам и проституции³⁶², инвалидности и людям с ограниченными возможностями³⁶³ и т. д.), государственную систему отдельных стран и даже мировой порядок³⁶⁴, а его последователи были готовы к межконфессиональному диалогу³⁶⁵, укрепляя старые или задавая новые социально ориентированные этические ценности. Индийский историк и

³⁶⁰ Например, о потенциале Японии в зените своего могущества можно судить по приведенным данным о численном составе вооруженных сил стран-сателлитов. См.: *Pettibone Ch. D. The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. VII: Germany's and Imperial Japan's Allies&Puppet States.* Trafford Publishing, 2012. 504 p.

³⁶¹ *Дудин П. Н.* Буддизм и региональный политический порядок. Общий контекст для Восточной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 64–76.

³⁶² *Buddhism and Abortion / ed. by D. Keown.* Palgrave Macmillan Publ., UK, 1998. XI, 222 p.

³⁶³ *Disability and world religions: an introduction / ed. by D. Y. Schumm, M. Stoltzfus.* Waco, Texas: Baylor University Press, 2016. XVII, 258 p.

³⁶⁴ *Buddhism in the Modern World / ed. by D. L. McMahan.* Routledge: London; N. Y., 2012. XIV, 329 p.

³⁶⁵ *Gassner F.* The comparative study between Buddhism and Christianity on peace and war / Dissertação final. Universidade Católica Portuguesa, Faculdade De Teologia, Lisboa, 2015. 75 p.

культуролог Балкришна Говинд Гохале называл Будду Шакьямуни первым великим реформатором в социальной истории Индии, стремящимся уничтожить кастовую систему, игнорируя ее различия внутри сангхи, но действуя весьма прагматично, если не амбивалентно, за ее пределами³⁶⁶. Наш обзор мы построим на основе учета ряда особенностей этого мировоззренческого учения.

Во-первых, отличие буддизма от других мировых религий заключается в отсутствии концепции единого бога, что порождает множество божественных или полубожественных существ и обитающих в мире людей и воплощающихся в них, в том числе и в правителях. Таким образом, отсутствует «хозяин» – созидатель мира, чья воля – закон и непреложная истина.

Во-вторых, буддизм проявляется в ином цивилизационном и культурном восприятии власти. Здесь многие исследователи замечены в стремлении с помощью категорий, выработанных другими цивилизациями в другие исторические эпохи, описать существующий порядок вещей и в Восточной Азии вообще и в буддийских государствах, в частности. Так, по мнению французского дипломата и исследователя Тьерри Мату, изучающего политические реформы в современном Бутане, у большинства наблюдателей возникнет соблазн описать происходящие процессы современными западными категориями, которые не соответствуют сложившемуся порядку вещей в регионе³⁶⁷. Специалист по государственным и политическим системам Юго-Восточной Азии Тони Дэй в своей книге «Жидкое железо: государственное образование в Юго-Восточной Азии»³⁶⁸ утверждает, что если понятие государства в течение последних полусотни лет стало относительно универсальным, то культурные различия сохраняют свою силу, и именно они

³⁶⁶*Gokhale B. G.* Early Buddhism and the Urban Revolution // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 19.

³⁶⁷*Mathou T.* Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy // Journal of Bhutan Studies. 1999. No. 1(1). P. 114–145.

³⁶⁸*Day T.* Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 339 p.

препятствуют выработке универсальных подходов к изучению и политических систем конкретных государств, и самих регионов.

Исследуя процесс трансформации родоплеменных институтов в государственные, Т. Дэй доказывает, что древние государства региона управлялись благодаря сложному процессу регулирования, который включает в себя распределение силы, морали и даже пространства, времени и личности подданных в приемлемых для правящего режима формах и методах. Автор демонстрирует, что бюрократический аппарат, несмотря на имеющуюся специфику, мало чем отличался от западных бюрократий соответствующих периодов, а так называемые традиционные государства Юго-Восточной Азии, несмотря на изобилие ритуалов и активное участие религиозных институтов в процессе управления государством, были рациональными и эффективными. Т. Дэй с помощью массы примеров демонстрирует, что культура и политика в регионе всегда существовали неразрывно, а традиционные и современные формы этого взаимодействия являются отражением друг друга, влияя и дополняя каждую из субстанций. Поэтому, с его точки зрения, например, надписи в храмах и произведения литературы являются более достоверными источниками в этой области, чем различного рода документы, по крайней мере, до XIX в., когда происходит трансформация исторических источников, свершившаяся под воздействием западной традиции научного (письменного) рассуждения о государстве.

Дэй утверждает, что государство в регионе Юго-Восточной Азии включает в себя власть и борьбу за нее, предполагая непрерывный процесс, связывающий между собой древние цивилизации и государства современности. Поэтому и в нашей работе мы старались соотносить те или иные политические категории между собой, а не подменять их. Наконец, отметим, что большинство государств Восточной Азии, где буддизм был государственной или доминирующей религией, в разгар Второй мировой войны оказались оккупированы Японией, чему в значительной или

незначительной мере способствовала и деятельность японской буддийской сангхи.

В-третьих, в буддизме отсутствует претензия на монополию истины, что в отношении других верований воплощалось в отрицании «конкурирующих» постулатов других религий. Это, по мнению тайского ученого Сомпонга Сучариткуля, говорит о том, что человек, придерживающийся буддийской веры, также может учиться и ценить или терпеть и практиковать другие верования без нарушения буддийских канонов³⁶⁹. Подобный подход имеет весьма специфические воплощения. Так, например, Непал считается индуистским государством, как и его король, бывший главой государства до недавнего времени и придерживавшийся соответствующей религиозной традиции. Вместе с тем в лице буддийской общины монарх имел мощную социальную опору и, в свою очередь, уважал ее традиции, что позволяло воспринимать его так, как это предписывают буддийские каноны. Так продолжалось до 2005 г., когда король Гьянендра утратил доверие и политической элиты, и народа, и сангхи: в числе прочего, он перестал действовать в соответствии с буддийской философией управления, стал игнорировать буддийские принципы царствования. Непальский ученый Тина Мамандар пишет об этих ошибках так: «Будда стоял за равенство всех людей... Король, наоборот, игнорировал равенство политических партий, представляющих народ, и действовал исключительно по совету тех, кто служил его личным интересам... Будда создал правила для идеального правительства, известного как Даша Раджа Дхарма, но нынешнее королевское правительство не смогло их исполнять. Будда назначил царю множество наказаний, если он окажется негодным и некомпетентным. В Непале люди отреагировали, лишив короля всех его полномочий и, наконец, предложив положить конец самой монархии. Непальский народ с большим уважением относится к институту монархии, но политика короля, направленная на

³⁶⁹*Sompong Sucharitkul. Thai Law and Buddhist Law // The American Journal of Comparative Law. 1998. Vol. 46. Is.1 P. 69–86.*

отчуждение людей от управления, вынудила их восстать против своего короля»³⁷⁰. Подобные несправедливые поступки главы государства привели не только к утрате поддержки разных слоев населения, но и к упразднению монархии. Таким образом, даже исповедующий другую религию монарх, в представлении буддистов, может быть их идеальным правителем, если будет соблюдать буддийские каноны и не будет нарушать права сангхи и своего народа.

Подобный симбиоз не был исключением, но не являлся правилом комфортного сосуществования во всех странах региона, где имела сангха. Почетный профессор Вашингтонского университета Чарльз Кейс пишет, что буддисты чувствовали себя не очень комфортно при правителях с другой верой, приводя в пример Афганистан, Пакистан и Индонезию, где последователи буддизма практически исчезли, а также Китай, Японию, Корею и Вьетнам, где буддизм был подчинен указам и действиям правителей в рамках синкретической религии, в результате чего буддийские монахи оказались в маргинальном положении³⁷¹.

О последствиях подобной маргинализации сангхи и ее противоречивом отношении к войне пишет в своей работе китайский ученый Дон Чжао³⁷², доцент в Школе английского языка и международных исследований Пекинского университета международных исследований. Ученый противопоставляет китайскую буддийскую сангху японской и приходит к выводу, что в отношении войны ее представители не были окончательно миролюбивы: в Китае сангха не стояла в стороне от процессов реформирования государственных и политических институтов и способствовала укреплению националистических взглядов и в «бэйянский» период, и в период прихода к власти Гоминьдана. С началом Второй китайско-

³⁷⁰*Manandhar T.* Buddhist Perception of Monarchy and its Relevance in Nepal's Politics // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. P. 3.

³⁷¹*Keyes Ch. F.* Buddhists Confront the State / Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement / ed. by J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–41.

³⁷²*Dong Zhao.* Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937–1945) // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. P. 12.

японской войны (1937–1945) патриотически настроенные буддийские монахи, исследовав каноны, пришли к выводу, что убийство врагов для защиты страны не идет вразрез с буддийской доктриной, одновременно пытаясь совместить свою приверженность ненасилию с обязанностью гражданина защищать Родину во время национального кризиса.

В противоположность китайской, японская сангха всегда была вовлечена в политические процессы, и защита Родины от внешних угроз являлась для нее основной задачей. Идея о том, что буддизм играет особую роль в деле защиты и сохранения Японского государства, была характерной чертой буддийской мысли еще до установления власти сёгунов в XII в. Священники и ученые школы Дзен были одними из самых ревностных сторонников и энергичных апологетов японских войн. Дзен-буддизм стал самым агрессивным и заметным защитником имперской Японии и ее священной национальной политики.

В течение Второй китайско-японской войны различные японские буддийские секты поддерживали правительственный курс по вторжению в Китай, создавая свои ячейки и храмы и проповедуя свои учения в разных районах Китая. Сами же японцы опирались на традиционные буддийские институты, которые Нанкинскому правительству оказались не нужны. В начале 1930-х гг. дацаны и ламы по-прежнему служили символами реальной, хотя и отрицаемой многими в последнее время власти. По-прежнему поддерживался обычай, согласно которому старшего сына в большинстве семей готовили для религиозной деятельности и в возрасте 6 или 7 лет отдавали в монастырь, где он оставался до конца жизни, посвящая все время молитвам, изучению тибетского языка. В исследуемый период церковь многими воспринималась как бесполезная с экономической точки зрения и паразитирующая организация, а ее служители – «интеллектуальными наркоманами». Учитывая эти и многие другие факторы, японцы подходили к религиозному вопросу очень умело и расчетливо. Можно сделать вывод, что согласно одному из кардинальных принципов всей паназиатской политики

Японии, по крайней мере, в той части, в которой она была сформулирована, одним из эффективных механизмов, способных выиграть соперничество в Азии, является религия. Такая установка давала японцам явные преимущества в борьбе за лояльность народов Центральной и Восточной Азии, поскольку Советы открыто пропагандировали антирелигиозную политику.

В Маньчжурии японская сторона стала проводить умеренную политику, призванную сохранить церковь, произвести необходимые преобразования (наладить информационную политику и сократить число священнослужителей), что должно было позволить объединить под религиозной канвой значительную часть населения. Эксперты делали прогнозы о появлении в регионе собственного духовного лидера, «ручного Панчен-ламы», престиж которого мог бы сослужить службу не только внутри Маньчжоу-Го, но и за его пределами³⁷³.

Таким образом, пространство и народы Восточной Азии оказались не только восприимчивы к буддизму, но и во многом развитие государств и формирование как регионального, так и местного политического порядка осуществлялось при его непосредственном влиянии. Значимость буддизма определялась тем, что, во-первых, регион отличался от других национальным, культурным и религиозным разнообразием. Во-вторых, в указанные временные рамки здесь концентрировались интересы крупных западных держав, Японии и Советской России, поэтому в значительной мере Восточная Азия могла выступать и выступала экспериментальной площадкой для отработки определенных подходов и технологий, успешность которых позволяла этим державам тиражировать полученный опыт на другие пространства. Не последнюю роль в этом процессе играли мировоззренческие взгляды, доминирующие в регионе и выражающиеся либо в религиозном движении, влияющем на формирование регионального политического порядка, либо в его светском «преломлении» – идеологии, однако суть

³⁷³ An Eye-witness in Mongolia II. Priests and politics // The Times. 1935. Mar. 26.

процессов от этого не менялась: культурная общность живущих в его пределах народов делала свое дело.

Для более объективного решения поставленных нами задач исследуем особенности восприятия власти в двух основных буддийских направлениях: Хинаяне и Махаяне и начнем с представителей древнейшей школы – Тхеравады³⁷⁴. Британский ученый, основатель Ассоциации буддийских исследований Великобритании Ян Чарльз Харрис считает, что едва ли не с момента своего возникновения буддизм отдавал явное предпочтение монархической форме правления, однако традиции передачи власти и добродетелей в различных странах течений Тхеравады различались³⁷⁵. Так, принцип первородства трактовался неоднозначно, что приводило к кровавым конфликтам претендентов на престол, а победитель компенсировал совершенные при этом грехи выполнением сложных буддийских обрядов и крупных пожертвований.

Второй особенностью был этнонационализм. Как утверждает американский исследователь Джерри Мюллер, есть два основных способа восприятия национальной идентичности. Во-первых, все люди, которые живут в пределах границ конкретной страны, являются частью нации, независимо от их этнической, расовой или религиозной принадлежности. Этот либеральный или гражданский национализм, воплощающийся в концепции, благодаря которой сформировалась и существует американская нация. Но ему противостояли этнонационалистические идеи, которые заключаются в том, что нация определяется общим наследием, которое обычно включает в себя общий язык, общую веру и общую этническую родословную³⁷⁶. Таковым, например, выступает тайский буддийский этнонационализм, в ряде случаев

³⁷⁴ Дудин П. Н. Буддизм Тхеравады и региональный политический порядок Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 1. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru>.

³⁷⁵ Harris I. Introduction – Buddhism, Power and Politics in Theravada Buddhist lands // Buddhism, power and political order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 2.

³⁷⁶ Muller J. Z. Us and Them: the enduring power of ethnic nationalism // Foreign Affairs. 2008. March-April. P. 18–35.

весьма агрессивный³⁷⁷, или национализм в других государствах Юго-Восточной Азии, например, в Мьянме, Шри-Ланке и др.

Что касается основных субъектов, воплощающих власть, то это монахи и цари, которые строят (или не строят) идеальное буддийское государство. Обращаясь к источникам, новозеландский исследователь Бенджамин Шонталь выделяет четыре модели их взаимоотношений, которые и устанавливают политический порядок в стране.

Первая модель предполагает сильную фигуру монарха, который определяет положение сангхи, а вместе с ними – и всех других своих подданных. Во-первых, Виная, или Свод буддийских правил для монашеской общины, сангхи, в интерпретации Тхеравады требует от монахов соблюдать царские указы. Б. Шонталь пишет, что палийская версия Винаи, используемая буддистами Тхеравады, ограничивает доступ к монашеству должникам, призывникам на военную службу, заключенным, рабам, осужденным и другим лицам, имеющим и не погасившим обязательства перед царем (и, соответственно, перед государством). Им запрещено принимать монашеский обет. Во-вторых, особое положение царя было изначально продиктовано той ролью, которая ему отводилась в начале времен: он был поставлен для искоренения насилия среди первых в мире людей. Не без иронии автор отмечает, что измученное гоббсовской войной всех против всех и хаосом население собирается вместе, чтобы выбрать наиболее достойного и харизматичного человека, которому суждено стать «Великим Избранным», вершить правосудие и за это получать часть урожая. Постепенно эта легенда стала инструментом легитимации правящих монархов Южной Азии, которые объявляли себя потомками Махасамматы, первого царя рода Шакья, предка Шакьямуни (Гаутама), чьи указы и действия соответствовали дхарме Будды. Отдельные монархи объявляли себя живыми бодхисаттвами, существами, которым благодаря их добродетелям в прошлых жизнях и заслугам суждено

³⁷⁷*McCargo D.* The Politics of Buddhist identity in Thailand's deep south: The Demise of civil religion? // *Journal of Southeast Asian Studies.* 2009. No. 40(1). P. 13.

было возродиться в роли Будды будущего. В-третьих, сохранились каменные столбы времен индийского императора Ашоки, где упоминается право царей периодически очищать сангху от нечестивцев и раскольников, грозя монахам и мирянам суровым наказанием³⁷⁸, что возлагало на монарха также ответственность за праведность монахов и истинность веры.

Вторая модель – сильная сангха, которая направляет и поддерживает царя, при которой монахи выступали олицетворением и защитниками порядка, установленного Буддой, и должны были иметь власть над царями. Б. Шонталь и тут иронизирует, говоря, что подобный посыл вполне понятен в свете того, что хоть и при царской поддержке, но именно монахи писали и расшифровали ранние буддийские тексты и не могли, таким образом, обойти свое положение в системе политического порядка своей страны, придавая ему больше веса и влияния. Вместе с тем имеется значительный ряд источников, восхваляющих идею, согласно которой монахи должны контролировать деятельность царей и определять, какие из правителей соответствуют буддийским канонам и чья власть является легитимной.

Так, в буддийских текстах образ правителя зачастую идеализировался, ему приписывался определенный набор добродетелей: мудрость, справедливость, милосердие, нравственность, щедрость, честность, терпение, благочестие, сдержанность, ненасилие, терпение, отсутствие агрессивности и способность обеспечить законность и правопорядок, что задавало своего рода стандарты соответствия/несоответствия буддийским канонам. Эти же тексты возводили монахов в ранг своеобразных судей праведности правителей. Сюжетные линии священных текстов, когда цари падали ниц перед обычным буддийским монахом, подкреплялись неординарными практиками, когда, например, в Древнем Китае с его почти сакральным статусом вана (царя) и других правителей буддийские монахи были освобождены от

³⁷⁸*Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Is. 3. P. 710.

коленипреклонения и других демонстраций уважения к ним³⁷⁹. Имелись стандарты праведности царей в ракурсе благополучия монахов, в связи с чем процветающая и богатая сангха свидетельствовала о праведности, законности и благочестии правителя. Подобные практики приводили к тому, что сангха получала не только уважение, но и землю и рабочую силу, увеличивая свое влияние и богатство. Так, в Шри-Ланке, Таиланде, Бирме и других буддийских государствах с сильными правителями во главе сангха в период своего расцвета контролировала огромное количество обрабатываемых земель и имела ряд других льгот и привилегий в отношении воинской повинности, торговли и т. д. Это в свою очередь обеспечивало альтернативные способы влияния и покровительство людям, живущим вдали от столиц.

Третья модель, при которой царь и сангха существуют во взаимной поддержке и согласии, предполагала создание институтов, которые могли бы обеспечить гармонию между царской властью и сангхой. По мнению Б. Шонталя, наиболее распространенная стратегия для этого заключалась в уточнении границ между обязанностями и доменами царей и сангхи. Так, ранние буддийские тексты рассматривают эти сферы как взаимодополняющие друг друга, но поздние тексты предлагают более подробно проработанную юрисдикцию, разделение между двумя «колесами»: колесом силы и колесом учения Будды. Создавались так называемые альтернативные светские и духовные бюрократические иерархии: на вершине первой был царь (раджа) с властью над делами государства, а на вершине второй был «духовный царь» (сангха-раджа) с властью над делами монахов и юрисдикцией в отношении учения Будды³⁸⁰. Таким образом, отношения между царями и сангхой строились на принципах взаимной выгоды и взаимоподдержки. Монахи помогали царям, освящая их правление, выполняя государственные ритуалы, действуя в качестве советников и выступая в роли пропагандистов (в Шри-Ланке имелось значительное количество текстов с подобными примерами), а

³⁷⁹ *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 711.

³⁸⁰ *Ibid.* P. 712.

цари обеспечивали монахам средства для существования, защиту и не вмешивались во внутренние дела сангхи.

И, наконец, четвертая модель, при которой эти субъекты представляют собой антагонистический симбиоз. Переходя к ней, Б. Шонталь предлагает не идеализировать взаимоотношения между светской и духовной властью. В древних южноазиатских государствах ни одна из приведенных выше моделей не воплощалась в жизнь в чистом виде, всегда это был симбиоз приемов и практик, при котором имела место и взаимозависимость, и политическая борьба, причем не просто борьба за идеалы, а за землю, налоги и автономию. Ученый пишет, что даже без больших ресурсов буддийские монахи могли сплотить своих сторонников, используя харизму и моральное убеждение, а восстания под руководством монахов были обычным явлением в материковой части Юго-Восточной Азии, особенно в периоды консолидации королевской власти и колонизаторов.

В Южной Азии до XVIII в. отношения между сангхой и светской властью характеризовались как взаимопониманием, так и борьбой, что было подробно описано заслуженным профессором истории в Параденийском университете Шри-Ланки Ранавирой Гунаварданой³⁸¹, охарактеризовавшим это процесс как «антагонистический симбиоз». Под этим термином ланкийский ученый понимал динамичную взаимозависимость и соперничество между политическими элитами и сангхой, что явилось одной из ключевых дилемм оживления буддийского нормативного регулирования (Б. Шонталь называет это конституционализмом, что, по нашему мнению, не отражает сути явления) в XX в.³⁸² В результате формы буддийского нормативного регулирования, которые условно допустимо определить как буддийское право³⁸³, сегодня можно увидеть в Южной Азии, были сформированы в XIX – начале XX в. при

³⁸¹Gunawardana R. A. L. H. *Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka* (Monographs of the Association for Asian Studies, No. 35). Tucson: University of Arizona Press, 1979. P. XII, 377.

³⁸²Schonthal B. *Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia...* P. 713.

³⁸³Дудин П. Н., Шемелин А. В. Политический опыт государственного строительства и формирование понятия «буддийское право» в странах Азии в период XX в. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 2(117). С. 96–102.

участии колониальных властей на почве противоборства между монахами и светскими властями, использующими инструменты современного права и бюрократического управления. При разработке и развертывании этих формальных институтов законодатели стран Южной Азии выработали и утвердили две нормативные стратегии, заимствованные из буддийской истории: одна из них заключалась в обеспечении баланса при противоборстве между гражданской и монашеской властью путем расширения государственного контроля над сангхой, а вторая предполагала юрисдикционное разграничение между гражданской и монашеской властью, определив для каждой конкретной зоны влияния соответствующий круг полномочий. Подобная схема взаимоотношений, утвердившаяся в Шри-Ланке, Таиланде, Мьянме, Камбодже и Лаосе, «подпитывается» особой правовой и институциональной средой современного национального государства.

При этом Таиланд воспринял форму буддийского нормативного регулирования, которая вобрала в себя максимальное количество инструментов для обеспечения реализации первой модели³⁸⁴. Монарх всегда стремился предстать перед своими подданными в образе бодхисаттвы. Так, монарх Сукотайского царства Литхай (1347–1368) публично в настенных надписях объявил о своем стремлении к состоянию Будды, вывести всех существ из круга страданий, а другие надписи восхваляли его мудрость и нравственность. Правители Аютии также придерживались идеалов бодхисаттвы. Преамбула к закону от 1433 г. гласила, что царь прилагает усилия к тому, чтобы привести все существа к свободе от страха циклического бытия и страданий. Эпитеты Будды регулярно использовались в прозвищах, даваемых царям³⁸⁵, а их образ чакравартина с присущими ему «семью сокровищами» присутствовал во многих царских трактатах³⁸⁶. Монарх должен

³⁸⁴ *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 714.

³⁸⁵ *Skilling P.* King, Sangha and Brahmins: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam // *Buddhism, power and political order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 192.

³⁸⁶ *Ibid.* P. 193.

был обладать пятью регалиями (корона, меч победы, плащ и т. д.). Рама V ввел практику дарения мечей губернаторам провинций. Рама IX положил начало новому обычаю дарить губернаторам образы Будды. В Аютии цари представляли себя в виде божества, был установлен священный набор терминов для обозначения его статуса, рождение короля представлялось как спуск или вхождение в мир живых, а его смерть – как возвращение на небеса. Идеалы королевской политики были прописаны в самых разных текстах, в том числе заимствованных из Шри-Ланки, например, своеобразным кодексом поведения были «Десять обязанностей царя»³⁸⁷. Подобный набор характеристик праведной монаршей власти присутствовал и в других государствах региона, а образ идеального правителя в связи с использованием одних и тех же религиозных текстов и активным взаимодействием между государствами стал практически универсальным.

В 1977–1978 гг. на страницах кембриджского «Журнала азиатских исследований» развернулась полемика между американским антропологом Милфордом Элиотом Спиро и известным антропологом, профессором Гарвардского университета Стэнли Джерардом Тамбией³⁸⁸. Поводом для полемики послужила объемная работа С. Дж. Тамбии «Завоеватель мира и отречение от мирского: изучение буддизма и политики в Таиланде на историческом фоне»³⁸⁹ и рецензия М. Э. Спиро на нее «Буддийская концепция царствования и ее исторические проявления: ответ профессору Тамбии»³⁹⁰. В своей работе профессор Тамбия подробно раскрывает героические образы в буддизме, связывая их с концепцией власти и управления. Используя обширный и труднодоступный широкому кругу ученых материал, автор в первой части работы исследует генезис власти буддийских правителей, раскрывает брахманическую теорию общества и царствования, раннюю

³⁸⁷ Ibid. P. 195.

³⁸⁸ *Tambiah S. J. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro // The Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 801–809.*

³⁸⁹ *Tambiah S. J. World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background. Cambridge: University Press, 1976 (2007). VIII, 557 p.*

³⁹⁰ *Spiro M. E. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah // The Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 809–812.*

буддийскую концепцию мирового порядка, дхармы и окружения монарха, исследует природу и сущность власти правителя государства Маурьев Ашоки и постепенно переводит ракурс повествования на Тайское королевство и его государственность в исторической ретроспективе. Акцентируя внимание на образе монарха и тайской королевской традиции, С. Дж. Тамбия анализирует законодательные акты XX в. и постепенно переходит к раскрытию природы королевской власти в современный период. Несмотря на неоднозначную реакцию научной общественности, ситуативно весьма жесткой³⁹¹, работа представляет значительный научный интерес, продиктованный следующими факторами.

Во-первых, предпринята попытка концептуализации авторской модели политического (или социально-политического) порядка, в основе которой было особое положение сангхи и царя. С. Дж. Тамбия пишет, что тайские представления о государстве и политической организации родились во времена первого независимого тайского государства Сукотай в XI в., развивались в периоды расцвета другого государства Аюття в XIV–XVIII вв. и окончательно оформились к концу XVIII в. после формирования единого государства Сиам под влиянием учений, распространенных на Цейлоне, в царстве Мон и Камбуджадеша. Монарх считался посредником между социальным беспорядком и порядком, хранителем и очистителем сангхи, монашество было одним из наиболее сильных и влиятельных сословий, и, в отличие от Европы, регион не испытал на себе феодальной системы.

Во-вторых, опровергается точка зрения М. Вебера о том, что древний буддизм имел неполитический (или даже антиполитический) характер и соответствующее этому положение. Исследователь пишет, что именно во времена Ашоки он впервые сформировался именно как политическая теория, а «Палийский канон» (или Трипитака) содержал достаточное количество

³⁹¹*Macdonald A. W. World Conqueror and World Renouncer / by S. J. Tambiah // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 99–101.*

позиций для описания государства и монарха³⁹². Характеристика и обоснование легитимности буддийского праведного царя, по мнению ученого, не имеет тех существенных последствий для институционализации его функций, которые важны и необходимы для западной концепции «рациональной политики».

С. Дж. Тамбия говорит о том, что в идеологическом плане традиционный буддийский правитель не является «конституционным правителем», а его действия могут периодически не подкрепляться согласием управляемых или верностью его ближайших сподвижников, отсутствует категория естественных прав, основанных на человеческой природе. Цари как приверженцы дхармы, которая существует как вечная сущность, могут по-разному представлять ее воплощение и, следовательно, испытывают различные степени успеха своего царствования. Каждое правление создает собственный мировой порядок, который обуславливается деятельностью монарха, а идеологическая основа также обеспечивает стабильность³⁹³. В связи с этим многие «позитивные» цари время от времени выступали и в роли угнетателей, и в роли героев. Буддийские цари разрешали дилемму нарушения этики ненасилия тем, что делили свое правление на несколько последовательных этапов, на начальном из которых они должны были совершить военные походы и завоевания, после чего обратиться к благочестию³⁹⁴. И, наконец, согласно закону 1962 г., во главе сангхи находится верховный патриарх (тайск.: сангхарат; пали: сангха-раджа), который назначается королем из списка наиболее квалифицированных кандидатов и возглавляет Совет старейших буддийских монахов³⁹⁵. Таким образом, несмотря на свой высокий, божественный статус, главы тайских государств не возглавляли сангху: даже самый популярный из монархов, недавно ушедший Рама IX, был лишь светским правителем. В рамках описанной выше

³⁹²Tambiah S. J. The Buddhist Conception... P. 802.

³⁹³ Ibid. P. 805.

³⁹⁴ Ibid. P. 807.

³⁹⁵Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 716.

Б. Шонталем системы взаимоотношений власти и сангхи Мьянма, равно как и Таиланд, всегда стояла на позициях сильной политической власти монарха.

К этой же модели на разных этапах своего существования можно отнести и Мьянму/Бирму. В книге «Буддизм, политика и политическая мысль в Мьянме» канадский исследователь Мэтью Дж. Уолтон подробно описывает влияние буддийских идей на политическое мышление и, как следствие, на политические практики в Мьянме. Религия являлась и продолжает являться критерием не только морали и нравственности отдельных граждан, но и рамкой формирования политической власти в стране³⁹⁶. Само восприятие политики исходило из упора на королевскую власть и отграничение сферы «высокой» политики, доступной только для элиты. Исходя из этой концепции и выстраивался политический порядок, зависящий от узкой группы лиц, принимающих решения, при котором моральные недостатки народа делали его неспособным осуществлять политическую власть.

Политический порядок Камбоджи раскрывает в ряде своих трудов основатель и исполнительный директор кхмерско-буддийского проекта по оказанию образовательной помощи, ученый и активист Питер Гьяллай-Пап. С его точки зрения, можно выделить три константы, которые характеризуют политический порядок в этой стране. Во-первых, это буддийская монархия; во-вторых, сангха; и, в-третьих, национализм в среде сельского населения страны, составляющим 80–85 % населения современной Камбоджи и своеобразный лозунг «Нация, религия, король»³⁹⁷.

Таким образом, кхмерский вариант буддийской государственности также склоняется к первой модели. П. Гьяллай-Пап пишет, что древняя камбоджийская государственность восприняла классическую политическую систему региона в форме мандалы и в виде концентрических кругов вокруг священной горы Меру, вокруг которой вращаются солнце, луна и звезды,

³⁹⁶Walton M. J. *Buddhism, Politics and Political Thought In Myanmar*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XV, 226 p.

³⁹⁷Gyallay-Pap P. *Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, Kingship and the Quest for Legitimacy // Buddhism, Power and Political Order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 72.

выступающая магическим центром Кхмерской империи. Царский дворец занимал центральное место и отождествлялся с горой Меру, где монарх, его двор и правительство исполняли космические роли, управляющие четырьмя частями королевства, соответствующими четырем сторонам света. В индуизме на вершине Меру жил Вишну, а в буддийской концепции Махаяны – Бодхисаттва Локешвара (или Авалокетишвара). Таким образом, теория божественного воплощения служила оправданию легитимности власти царя³⁹⁸. Исследователь говорит о том, что большая часть брахманической космологии была перенесена и инкорпорирована в новую веру, а буддийская концепция политического порядка была построена на индуистской концепции царствования. И поскольку буддизм Тхеравады вытеснил систему буддийских верований индуистской Махаяны в промежутке между XIII и XV вв., он отверг ангорскую и доангорскую теорию божественной санкции как оправдание правления и заменил его учением о карме и религиозных достоинствах. Как человек, который благодаря образцовому поведению заслуживал права на управление, царь считался лучшим человеком, который отстаивал буддийские учения и законы посредством практики десяти добродетелей, перечисленных в «Палийском каноне».

Царь был праведным правителем, образцом морали, отцом своего народа, гарантируя счастье при соблюдении буддийских законов. В глазах простых людей царь, который не придерживался канонов, считался недостойным править и приводил свое царство к гибели³⁹⁹. В буддийской космологии чакраватин создал справедливое общество, основанное на десяти царских добродетелях, и явился их воплощением. Традиция Тхеравады предполагала избрание короля-правителя путем консенсуса людей, стремящихся к порядку в беззаконном обществе. Этот принцип был выдвинут в Аганья-сутре, входящей в свою очередь в Дигха-никаю, первую из пяти сутр из трех корзин «Палийского канона». Он постулирует буддийскую теорию общественного

³⁹⁸ *Gyallay-Pap P. Reconstructing the Cambodian Polity... P. 76.*

³⁹⁹ *Ibid. P. 77.*

договора о происхождении царствования и политического порядка⁴⁰⁰. Однако, несмотря на столь воодушевляющую позицию, политические события в Юго-Восточной Азии в 1970-х гг., начиная от серии народных протестов в Таиланде до массовых убийств «красных» кхмеров в Камбодже, вселили сомнения в устойчивости данной концепции. Директор Северного института азиатских исследований и профессор политологии в Копенгагенском университете Дункан МакКарго говорит о том, что политическое поведение высокообразованных городских жителей в таких городах, как Бангкок, Рангун и Пномпень, не соответствовали поведению сельских жителей и крестьян. Ученый пишет, что радикально настроенные студенты, элита, получившая образование в западных университетах, и профсоюзные работники явно обладали разными ценностями и устремлениями. Он ссылается на известного американского историка Майкла Викери, который предостерегал своих коллег от упрощенного взгляда на камбоджийский буддизм: о буддизме на Западе было написано больше всякой ерунды, чем о любом другом аспекте жизни Юго-Восточной Азии, и то, что буддисты могут пытаться и убивать, не более удивительно, чем то, что инквизиция сжигала людей, а ярые католики и протестанты присоединялись к нацистским режимам⁴⁰¹.

Шри-Ланка восприняла вторую модель, и данная ситуация отражает историческое наследие и продуманный политический расчет⁴⁰². Буддийские институты в этой стране всегда были децентрализованными и автономными, и даже во время разработки первой республиканской Конституции Шри-Ланки развернулась бурная дискуссия о том, как закрепить особый статус буддизма в стране. Буддизм не был объявлен государственной религией в связи с дальновидностью сангхи, которая посчитала, что таким образом правительство получит возможность контроля над общиной. В результате в статье 9 буддизму было отведено особое значение и первостепенное место, а

⁴⁰⁰ *Gyallay-Pap P.* Reconstructing the Cambodian Polity... P. 78.

⁴⁰¹ *McCargo D.* The Politics of Buddhism in Southeast Asia // *The Politics of Buddhism in Southeast Asia* / Haynes J. (eds) Religion, Globalization and Political Culture in the Third World. Palgrave Macmillan, London, 2009. P. 214.

⁴⁰² *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 714.

также установлена обязанность государства «защищать и поощрять» буддийские учения и учреждения. Б. Шонталь пишет, что сангха оказалась весьма стойкой к попыткам со стороны государства регулировать ее деятельность: в Шри-Ланке никогда не создавался эквивалент тайского совета старейшин, отсутствуют религиозные иерархические институты при наличии трех основных независимых братств острова⁴⁰³.

В Лаос буддизм Тхеравады пришел позже, чем в любую другую страну региона, о чем подробно пишет профессор Университета Гамбурга, крупный исследователь в области культуры и истории стран Юго-Восточной Азии Фолькер Грабовски. Ученый говорит о том, что, вопреки утверждению традиционной лаосской историографии, в этом процессе не прослеживалось камбоджийского влияния. Специфической чертой политического порядка в стране было особое, привилегированное положение сангхи в традиционном лаосском обществе, а во времена политических кризисов ей даже удавалось эффективно вмешиваться в светские дела⁴⁰⁴. Все цари Лансанга, первого лаосского царства, должны были обладать десятью добродетелями и олицетворять идеал праведного буддийского монарха, а ряд из них имел статус чакравартина. В 1566 г. для укрепления концепции праведного царя как основы лаосского царствования во Вьентьяне была построена «великая ступа» Тхат Луанг⁴⁰⁵, главный шпиль которой представлял гору Меру. Легитимность короля проистекала из заслуг за многие предыдущие царствования. Он должен был и в своей нынешней жизни совершать добрые дела, в том числе пожертвования сангхи⁴⁰⁶. В популярных концепциях, а также во многих учебниках истории Лаос рассматривается как современное продолжение древнего царства Лансанг, которое было заложено при попытке, предпринятой французами восстановить «первоначальное» лаосское государство после того,

⁴⁰³ *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 723.

⁴⁰⁴ *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political Order in pre-twentieth Century Laos [Электронный ресурс] // Buddhism, Power and Political Order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 130. Режим доступа: http://www.ahandfulofleaves.org/documents/Buddhism%20Power%20and%20Political%20Order_Harris.pdf.

⁴⁰⁵ *Ibid.* P. 126–127.

⁴⁰⁶ *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political ...P. 127.

как они создали здесь свой протекторат и стали использовать буддизм в качестве эффективного средства консолидации народа и формирования единой нации⁴⁰⁷.

Таким образом, буддизм Тхеравады был склонен к монархической форме правления во главе с царем, воплощающим все основные идеалы человеческого существования и сосуществования, что было обусловлено тем историческим периодом, в котором данное направление буддизма переживало свое становление и расцвет. В современном мире ряд государств, которые обеспечили устойчивость монархической формы правления, сделали это в том числе и благодаря буддизму. У главы государства сохранилось стремление следовать заповедям и предписаниям идеального правителя, что находит отражение и в народной поддержке института монархии (например, в Камбодже при восстановлении института монархии или в современном Таиланде при преемстве королевской власти).

Взаимоотношения монарха с сангхой в зависимости от истории и политической традиции разнились. Также необходимо констатировать, что традиция Хинаяны практически не знает буддийских теократий, а монарх и в древности, и в современных государствах региона выступал прежде всего как светский правитель.

Буддизм и как религия, и как философское учение имел и имеет большое значение для формирования политического порядка в регионе, а наиболее авторитетные монахи вне зависимости от характера взаимоотношений с центральной властью и главой государства являлись ключевыми политическими фигурами. Во многом это объясняется тем мощным экономическим потенциалом, которым всегда обладала сангха, – во всех без исключения государствах ее благополучие – эквивалент успеха государства и его главы. В ряде случаев это повод для ее тесного взаимодействия а в ряде случаев – противоборства с монархом. Ключевую роль в этом вопросе играют

⁴⁰⁷*Kourilsky G.* From Muang Lao to Laos: Creation of a Nation, Nationalization of a Religion // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. P. 11.

монастыри – не только религиозные и экономические, но и политические, культурные и образовательные центры. Таким образом, и монастыри, и их настоятели, и сангха выступали эффективным средством борьбы за власть.

Традиция Махаяны, наоборот, не только допускала значительную степень теократизации государственных институтов, но и сохранила их вплоть до середины XX в. При этом была создана дуальная система управления Чо-Сид-Ньи, при которой во главе государства находился духовный лидер с представительными функциями и гражданской администрацией⁴⁰⁸. Сами же монархи представляли идеалистическим воплощением мудрого правителя, благочестивого монаха и храброго воина – единственным отождествлением подобного полуполюгендарного статуса являются древние короли Ирландии⁴⁰⁹, а наиболее показательна в этом случае история, предшествующая созданию государства Бутан, равно как и история его становления и развития.

В период зарождения теократических тенденций в регионе основу экономического и политического влияния составляли монастыри, земли вокруг которых им подчинялись, а управление осуществляли религиозные иерархи – представители различных буддийских школ. Так, линия Друкпа Кагью – одна из «восьми малых» школ Кагью – подшколы Пагдру Кагью, которая, в свою очередь, является одной из «четырех великих» школ Кагью. Ее представители на рубеже XII–XIII вв. заложили традицию восхождения на престол в одном из самых почитаемых монастырей современности Ралунг, расположенном в историческом местности У-Цанг. Как правило, это были кровные родственники и духовные сыновья основателя школы Центральной Друкпы. И хотя У-Цангом правили собственные монархи, в близлежащих к монастырю землях власть иерархов была практически абсолютной. На рубеже XVI–XVII вв. определить перерождение Гьялванга Друкпа IV оказалось проблематично, возник конфликт, в который вмешался правитель У-Цанга, в

⁴⁰⁸ Дудин П. Н. Буддизм Махаяны и региональный политический порядок Северо-Восточной Азии // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 61–79.

⁴⁰⁹ Бирн Ф. Д. Короли и верховные правители Ирландии. СПб.: Евразия, 2006. 368 с.

результате один из претендентов на престол, Шабдрунг Нгаванг Намгьял, переселился в Западный Бутан и стал основателем линии Друкпа Кагью (Южная Друкпа) и первым светским и духовным монархом Бутана. В этот период буддизм Махаяны был признан государственной религией, местные группировки лам, которые выступали против Шабдрунга, были в конечном счете побеждены, а основой территориально-государственного устройства Бутана стали области или районы, администрация которых размещалась в крепостях, именуемых дзонги. Помимо своего непосредственного назначения, дзонги выступали как экономические, образовательные и религиозные центры.

Профессор политологии Университета Оклахомы Майкл Гивел в соавторстве с Лаурой Фигероа дают подробную характеристику не только государственным, но и правовым институтам этой страны на ранних этапах ее формирования, а их работа «Политика заблаговременного счастья как правительственная миссия Бутана: обзор неписаной конституции Бутана с 1619 по 1729 год» содержит интересный материал, на основе которого выстраивается понимание природы политической власти и ее место в структуре политического порядка нового государства.

В 1651 г. была создана государственная система, просуществовавшая до 1907 г., когда светские вопросы контролировались Друк Деши (или Деб Раджой), избиравшийся на 3 года, а духовные вопросы – Дже Кхенпо (или Дхарма Раджа), занимавший этот пост в результате процедуры признания перерождения. Первым Друк Деши был Умзей Тензин, а первым Дхарма Раджой – сам Шабдрунг⁴¹⁰. Однако ключевым можно считать 1619 г., когда молодая государственность получила юридическое оформление в виде первой Конституции Бутана – Нга Чудрума. В данном акте, изданном Шабдрунгом после его военной победы над своим давним врагом – правителем У-Цанга Деши Пхунцхо Намгьялом, из-за которого он проиграл реинкарнацию Друкпа,

⁴¹⁰*Givel M., Figueroa L. Early Happiness Policy as a Government Mission of Bhutan: A Survey of the Bhutanese Unwritten Constitution from 1619 to 1729 // Journal of Bhutan Studies. 2014. Vol. 31. P. 6.*

бутанский монарх закрепляет свой статус в качестве того, «кто поворачивает колесо двойной системы», объявляет о готовности дать убежище нуждающимся, провозглашает себя обладателем драгоценного учения Палдена Друкпы и борцом с Лжедрукпами, чья власть безгранична, заявляет о себе как об источнике морали и борце с несправедливостью и злом, лучший в дискуссиях, первый среди ученых и т. д., всего 16 позиций⁴¹¹. Давая разъяснения каждому из этих заявлений-постулатов, М. Гивел и Л. Фигероа сопоставляют их с буддийскими канонами. Так, речь о колесе относится к Золотому Колесу, последнему из восьми благоприятных символов, который представляет собой буддийский канон восьмеричного пути. Под убежищем понимается один из фундаментальных обрядов для буддистов, с помощью которого они укрываются в Трех Драгоценностях: Будде, Сангхе и Дхарме, что также является воплощением одного из восьми символов буддизма: зонтика⁴¹², а заявление о том, что он – источник морали, есть его претензия на статус Будды Сострадания (Авалокитешвары)⁴¹³. После смерти Шабдрунга в 1652 г. исследуемый текст был выгравирован на черных сланцах и доведен до всеобщего ведения⁴¹⁴.

Анализ данного текста показывает, что ценности, присутствующие у идеального монарха в Тхераваде, имели место и в махаянской традиции, в связи с чем можно говорить об их условной универсальности. Вместе с тем, обращаясь к предложенной Б. Шанталем модели взаимодействия монарха и сангхи, применительно к Бутану и его политическому порядку, приходится констатировать приверженность четвертой модели. Так, в своей работе М. Гивел и Л. Фигероа приводят четыре аргумента в пользу этого: (1) Шабдрунг как духовный лидер обладал незначительной властью в связи с тем, что его регенты, даже после достижения им совершеннолетия, продолжали удерживать в своих руках рычаги управления важными государственными

⁴¹¹ Ibid. P. 7.

⁴¹² Ibid. P. 9.

⁴¹³ Ibid. P. 10.

⁴¹⁴ Ibid. P. 14.

сферами; (2) как между Шабдунгом и Друк Дези, так и между их преемниками существовало постоянное соперничество, которое переросло в соперничество с мирянами и ламами; (3) администрация, ранее представленная монахами, все более секуляризировалась, и к XIX в. Друк Дези избирался исключительно из мирян, как и его ближайшее окружение; (4) после смерти Шабдунга страна погрузилась в длительную гражданскую войну, а к XIX в., несмотря на поддержание внешней стабильности, статус Друк Дези утратил свое величие, а его носители менялись раньше установленного срока, что М. Гивел и Л. Фигероа характеризуют как главный признак децентрализации политической власти⁴¹⁵. К этому следует добавить низкую квалификацию представителей сангхи по управлению государством, что также не способствовало стабильности политического порядка, а особый порядок замещения поста Дхарма Раджи посредством реинкарнации провоцировал политическую элиту к новым конфликтам. Таким образом, роль Друк Дези стала номинальной, а его избрание обеспечивалось влиянием того или иного губернатора дзонга.

Парадокс заключался в том, что именно слабость центральной власти позволила в итоге объединить Бутан семье Вангчук, которая до этого монополизировала власть в дзонге Тронгса. В это же время становится очевидной неэффективность данной системы управления, которую удалось модифицировать в 1907 г.: в декабре собрание наиболее важных гражданских и религиозных государственных деятелей провозгласило Угьена Вангчука первым единым королем, должность Дже Кхенпо была сохранена в качестве главы сангхи, а титулы и должности Шабдунга и Друк Дези были упразднены⁴¹⁶. Но буддийская теократическая традиция не была полностью ликвидирована.

Во-первых, в этот же период Дже Кхемпо XLIX Ригзина Ньингпо, духовного лидера страны, одного из двух правителей Бутана, сменил новый

⁴¹⁵ Ferrero M. The Rise and Demise of Theocracy: Theory and Some Evidence [Электронный ресурс] // Public Choice. 2013. Vol. 156. Is. 3–4. P. 723–750. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/42003181>.

⁴¹⁶ Ferrero M. The Rise and Demise of Theocracy...

Дже Кхемпо Л Джампел Шеньен, который больше не выступал главой государства. Он провел церемонию коронации нового монарха⁴¹⁷. Во-вторых, королевская семья была твердым сторонником традиций буддизма Друкпа Кагью, Пелинга и Ньингмы⁴¹⁸, а Угьен Вангчук признан реинкарнацией Додрупчен Ринпоче I Джикме Тринле Озера⁴¹⁹, перерождением главного держателя линии Джигме Лингпы. В-третьих, хотя монарх и перестал быть духовным главой государства, династия Вангчук использовала различные символы, ранее связанные с Шабдрунгом⁴²⁰. Появилась и своеобразная королевская присяга, данная новым монархом в присутствии наиболее важных гражданских и религиозных деятелей, а также представителей народа, которые заявили о своей поддержке Угьена Вангчука и объявили его первым королем Бутана⁴²¹. Подобная новация усиливала связь между королем и народом, делая характер их взаимоотношений договорным, что полностью согласуется с буддийской традицией, в которой короли часто упоминаются как «правитель по соглашению».

Схожая с бутанской политическая система была создана в этот же период в Тибете. Как и в Бутане, социальная структура, политический порядок и обычаи в регионе во многом определялись той ролью, которую играл в нем буддизм с момента своего появления. Сангха в Тибете всегда была многочисленна и влиятельна: как правило, старшего мальчика в семье отдавали в монахи, а примерно треть взрослого мужского населения жила в монастырях, разбросанных по всей стране и служащих не только духовными центрами, но и структурами управления, крепостями, зернохранилищами, культурными и образовательными центрами⁴²². Отдельное направление тибетского буддизма – Ваджраяна зародилось в V в. и адаптировало местную

⁴¹⁷ *Dorji Lham*. The Wangchuck Dynasty: 100 Years of Enlightened Monarchy. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies, 2008. P. 13.

⁴¹⁸ *Ibid.* P. 20.

⁴¹⁹ *Dorji Lham*. The Wangchuck Dynasty ... P. 2.

⁴²⁰ *Mathou T.* Bhutan... P. 141.

⁴²¹ *Ibid.* P. 129.

⁴²² The Question of Tibet and the Rule of Law. Commission Internationale. De Juristes. Geneve. Suisse. International Commission of Jurists. Geneva, 1959. P. 1.

религию Бон с ее многочисленными духами и жестокими демонами к институту Будд Махаяны, которые в Ваджраяне действуют не столько как добрые существа, сколько как могущественные духи, которые своим превосходством могут подчинять демонов и заставлять их служить человеку, а не ранить его. На рубеже XIV–XV вв. монахом Дже Цонкапой осуществлена масштабная духовная реформа, в результате которой появилась школа Новый Кадам (Гелуг/Гелугпа). Со временем в школе Новый Кадам появляются институты далай-лам и панчен-лам, ставшие не только духовными лидерами, но и светскими правителями сначала отдельных княжеств, а затем – всего Тибета.

Термин «теократия» обычно определяется как форма правления, в которой «бог» или «божество» признается в качестве верховного правителя. В тибетской теократии Далай-лама считается воплощением Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания. Доктор Эми Келлам из Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета полагает, что технически Тибет не был теократией, поскольку монастыри не играли существенной формальной роли в центральном правительстве. Она пишет, что настоятели более крупных монастырей вокруг Лхасы действительно пользовались определенным влиянием, но по сути обладали лишь совещательными полномочиями, хотя и признает, что монастыри оказывали значительное неофициальное влияние на политические дела, в которых они сохраняли значительный интерес⁴²³. Согласиться с этим утверждением можно лишь частично, поскольку религиозные институты так или иначе были прочно встроены в сложившийся политический порядок и определяли его характер и содержание.

В результате ряда военных кампаний в 1635–1642 гг. коалиции во главе с Гуши-ханом, ойратским тайшей племени хошутов и первым правителем Хошутского (Кукунорского) ханства, и с участием Далай-ламы V удалось победить правителей близлежащих княжеств и заявить свои права на

⁴²³*Kellam A. Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet. Ph Dthesis. SOAS, University of London, 2013. P. 32.*

верховную власть над большей частью Тибета. При этом его светские полномочия были подтверждены и фактически переданы ему Гуши-ханом. Была сформирована гражданская администрация во главе с дези (аналогом премьер-министра), первым среди которых стал предполагаемый сын нового правителя Тибета Сангье Гьямцо. Процесс передачи верховной власти также был связан с процессом реинкарнации, поиска и признания перевоплощения, которое осуществлялось с участием Панчен-ламы (так Далай-ламу VI признавал Панчен-лама V). При Далай-ламе VII должность дези была упразднена, учрежден Кашаг – Кабинет в составе четырех калонов (министров), назначаемых пожизненно, один из которых обязательно должен был быть монахом, а три остальных – светскими лицами⁴²⁴, и Цонгду (Национальное собрание), объединенные в правительственную структуру – Ганден Побран. Правительство обеспечивало прохождение государственной службы, содержало небольшую армию, установило систему налогообложения, валюту, а позднее – почтовую и телеграфную службу⁴²⁵. Как и в Бутане, после смерти основателя государства, здесь после смерти Далай-ламы V началась борьба за власть, как внутри монашеской общины, так и между сангхой и мирянами.

Э. Келлам пишет, что местная аристократия регулярно вступала в конфликт с церковными элитами, и эти два института действовали как сдерживающие и уравновешивающие друг друга⁴²⁶. Таким образом, и здесь мы наблюдаем четвертую модель взаимоотношений, предложенную Б. Шонталем. Это привело не только к ослаблению политической власти внутри страны, но и особым взаимоотношениям с империей Цин, которая, располагая достаточным арсеналом военных, экономических и дипломатических ресурсов, фактически установила контроль над Тибетом, а

⁴²⁴Кычанов Е. И., Мельниченко Б. Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. С. 149.

⁴²⁵Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M. The case concerning Tibet: Tibet's sovereignty and the Tibetan people's right to self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary & Policy Research Centre, 1998. P. 13.

⁴²⁶Kellam A. Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet... P. 33.

характер отношений двух государств по сей день остается предметом политических и юридических споров. К XIX в. политическая и государственная система оформилась окончательно, при этом почти половина всех государственных служащих была монахами, но их должности не зависели от того, прошли ли они монашескую систему академических экзаменов. Э. Келлам пишет, что фактически монахи проходили лишь поверхностное религиозное обучение, и в начале XX в. это были типичные «образованные представители среднего класса, которые брали необходимые монашеские обеты при вступлении в должность просто для того, чтобы продвигать свою карьеру. Это было необходимо, потому что миряне были привлечены исключительно из дворянства»⁴²⁷, и далее: «...несмотря на то, что они были вынуждены принять обет безбрачия... жили так же, как и их миряне, занимая дома в городе, а не в монастырях, и работая на ежедневной государственной администрации, а не на религиозных обрядах и молитвенных церемониях. Они действовали в преимущественно светском регионе, не принадлежа ни к какому монастырю, и на них распространялся ряд официальных правил, разработанных для предотвращения произвольного использования и злоупотребления властью, которые обеспечивали возможность подачи жалоб гражданам, требующим возмещения. По этим причинам чиновники-монахи были известны как «формальные монахи»⁴²⁸. Кризис империи Цин конца XIX – начала XX в. отразился и на политическом порядке региона. Ситуация совпала с приходом к власти молодого и амбициозного государственного деятеля, одного из выдающихся правителей Тибета Далай-ламы XIII, и характеризовалась следующим.

Вторжение английских войск в Тибет в 1904 г. не только привело к бегству его главы, но и имело гораздо более глубокие политические последствия для всей Восточной Азии. Далай-лама XIII прибыл в Халху и это обстоятельство сыграло важнейшую роль в деле укрепления и роста

⁴²⁷ Ibid. P. 34.

⁴²⁸ Ibid. P. 35.

авторитета ламаистской церкви в национальных процессах, возвышении личности Богдо-гэгэна и тем самым способствовало объявлению независимости Внешней Монголии через 7 лет и становлению теократической власти. Глава Тибета находился в Халхе с ноября 1904 до конца 1906 г., что позволило российскому пограничному комиссару А. Д. Хитрово установить тайную связь с ним, а «Записка подполковника генерального штаба Хитрово о Далай-Ламе и его деятельности 1906 г.», хранящаяся сегодня в Архиве внешней политики Российской империи, представляет уникальный документ, раскрывающий взгляды одной из влиятельнейших политических фигур региона того времени на его обустройство.

Так, Далай-лама сообщил комиссару, что «Пекинское Правительство попирает его права и права Монголии, что он консульству документально и исторически доказывал права своей светской власти над Тибетом, что Маньчжурский дом числится на бумаге, а его фактически нет, и что китайская сильная партия под покровительством японцев намерена в ближайшем будущем свергнуть и эту существующую ныне номинальную Маньчжурскую династию и восстановить вновь китайскую, выдвинув имеющихся потомков Минов. Ввиду того что Тибет и Монголия никогда не были под владычеством Китая, более того, Монголия сама владела Китаем, то с упразднением Маньчжурской династии стало очевидно, что Монголия и Тибет должны стать столь же самостоятельными, как до Маньчжурского дома, коему они добровольно подчинялись (как оплот маньчжуров против ненавистного Китая) на правах, подобных более союзников, чем подвластных народов, добавив, что монголы это сознают и еще более ненавидят китайцев, ослабивших Маньчжурский дом и попирающих их родовые права на свою землю и самоуправление... Руководимый исключительно справедливостью и, следуя на встречу нужд и естественных исторических желаний обширной паствы ламаитов, Далай-Лама с единомышленниками, монгольскими князьями и влиятельными Хутухтами гегенами, в принципе бесповоротно решили отделиться от Китая в самостоятельное союзное Государство, совершив эту

операцию под покровительством и поддержкою России, избежав при этом кровопролития. Если же Россия откажется, то не изменит решения отделения от Китая совершить эту операцию под покровительством иной великой державы, в крайнем случае даже и Англии, предлагающей всякие свои услуги Далай-Ламе... Поддержка и покровительство России в мнении Далай-Ламы должны выразиться в том, чтобы Россия, признав справедливость требований Монголии и Тибета, приняла бы от Далай-Ламы его представления по этому вопросу и внесла их на обсуждение и решение всех великих европейских держав, которые, как уверен Далай-Лама, не могут не согласиться с законностью сих требований»⁴²⁹. Таким образом, речь шла о создании объединенного теократического Тибето-Монгольского государства, что в литературе получило название панбуддизм⁴³⁰.

В развитие этих договоренностей 11 января 1913 г. (29 декабря 1912 г. по ст. ст.)⁴³¹ представители Далай-ламы XIII и Богдо-гэгэна VIII подписали в Урге совместный Монголо-тибетский договор о дружбе и союзе⁴³². Первая и вторая его статьи взаимно признавали независимость обоих государств, устанавливались отношения между странами, духовно и политически близкими, единоверными и одинаково тяготившимися китайским владычеством, теократиями с высоким авторитетом религиозного лидера, что, помимо международно-правового, предполагало некий сакральный смысл и содержание договоренностей. При этом положений о создании единого государства договор не предусматривал, однако он играл важную роль в процессе переформатирования регионального политического порядка, необходимость в котором была вызвана Синьхайской революцией 1911–1912 гг. и распадом империи Цин.

⁴²⁹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Chitrovo/zapiskaodalajlame.htm> (дата обращения: 12.06.2019).

⁴³⁰ *Rupen R.* How Mongolia is really ruled: a political history of the Mongolian Peoples Republic, 1900–1978. Hoover Institution Press. Stanford University, 1979. P. 108.

⁴³¹ *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Нартанг, 2005. С. 200.

⁴³² *Barkmann U. B.* Geschichte der Mongolei. Bonn, 1999. P. 119–122.

В продолжение панбуддийской темы уже в 1921 г. известный бурятский и тибетский религиозный и общественный деятель, воспитатель и наставник Далай-ламы XIII Агван Доржиев выдвигает еще более интересную идею создания колоссального в территориальном отношении «буфера». Являясь представителем Тибетского правительства в РСФСР, он пишет в наркоматы иностранных дел и по делам национальностей: «Земли, населенные монгольскими племенами – Прибайкалье, Забайкалье, Монголия – оказались в положении буфера между главными политическими факторами на Дальнем Востоке – Россией, Японией и Китаем, а если присоединить еще и Тибет, объединенный с монголами многообразными связями, то получится громадный центральноазиатский буфер, разъединяющий кроме названных держав еще и Англию. Вполне понятно все значение этого буфера, усиливаемое еще особенностями его природы, и в связи с ходом событий на Дальнем Востоке он сделался в настоящее время одной из центральных осей в мировой политике»⁴³³. Однако действительность диктовала совершенно иные условия: советская власть укрепилась настолько, насколько ей хватило сил прийти на смену царской России в Восточную Азию и диктовать свои условия. В результате на смену панбуддизму приходит еще более смелая идея, вошедшая в историю под названием панмонголизма, имевшего зачастую весьма полярные взгляды на развитие национальной государственности.

В связи с этим обратимся к еще одному теократическому государству региона, созданному на осколках бывшей империи Цин – Внешней или Халха-Монголии. Высшим религиозным иерархом в стране были хубилганы Джебцзун-дамба-хутухты, имеющие титул Богдо-гэгэн. При вхождении монгольских земель в состав империи Цин в XVII в. маньчжурские власти не только сохранили первоначальные реинкарнации и титулы, но и создали новые инкарнации, присваивая им как новые титулы, так и старые. Были введены 4 новых титула ламы, а также 4 хутухты Тибета, Монголии и

⁴³³ Цит. по: Дамдинов А. В. Агван Доржиев: политический, общественный и религиозный деятель: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1996. С. 127.

Маньчжурии, а затем установлены 8 пекинских хутухт. Кроме них в Халхе существовали еще 2. Следом шли хубилганы, которых в конце XVIII в. насчитывалось 55, а к концу XIX в. – уже 243. Маньчжурские правители оказывали им особые почести, повышая их социальное положение и предоставляя экономические льготы, обеспечивая им наличие собственных владений, учеников и пастбищ. Благодаря такому подходу цинские власти могли контролировать как сам буддизм, так и территории его распространения⁴³⁴.

В иерархии северного буддизма Богдо-гэгэн занимает 3-е место после Далай-ламы и Панчен-ламы и пользуется авторитетом как наставник монгольских народов. Джебцзун-дамба-хутухтой XV был Дзанабазар⁴³⁵, представитель рода Чингисхана, который стал первым Богдо-гэгэном. Джебцзун-дамба-хутухтой XXII стал Богдо-гэгэн VIII, или Богдо-хан, последний великий хан Монголии. Со временем маньчжурские правители осознали, что существует возможность объединения монголов под эгидой данного религиозного деятеля, и чтобы исключить эту возможность, было принято решение искать реинкарнацию не в Монголии, тем более в семье дворян, а в Тибете. Также был изменен метод признания реинкарнаций, который ранее сводился к ее признанию со стороны Далай-ламы и Панчен-ламы. Однако император Цяньлун ввел процедуру вытягивания жребия из золотой урны⁴³⁶.

В начале XX столетия церковь уже играла огромную политическую и культурную роль в жизни монгольского общества, она располагала экономическим могуществом и политическим влиянием. Поэтому институт «живых богов», уже сложившийся к тому времени в тибетском буддизме, привился и в Монголии, стал важной объединяющей политической силой, что

⁴³⁴*Uranchimeg Boijigin Ujeed*. Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism. Exemplified by the Mergen Tradition. Department of the Study of Religions, SOAS, University of London, 2009. P. 55 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eprints.soas.ac.uk/28766/1/10672934.pdf>.

⁴³⁵*Croner D.* Zanabazar's First Trip to Tibet // *The Life of Zanabazar: The First Bogd Gegeen of Mongolia*. Polar Star Books Publ., 2022. P. 9.

⁴³⁶*Uranchimeg Boijigin Ujeed*. Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism... P. 56–57.

отмечается многими исследователями. Духовный и светский глава Монголии Богдо-гэгэн VIII Джебзун-дамба-хутухта XXII был самым уважаемым в стране человеком, к нему верующие массы испытывали глубочайшее благоговение, и в ходе национального движения все монголы почитали его как «живого Будду». В сознании монголов Богдо-гэгэн был олицетворением и символом монгольского национального единства и самобытности, и только вокруг него в то время могли объединиться все монгольские народы⁴³⁷. Таким образом, к началу XX в. институт теократической власти у монголов сформировался и играл определяющую организационную роль в жизни общества, ему оставалось придать лишь государственный статус.

К началу XX в. в данной политической ситуации ключевой фигурой, воплощающей антикитайские настроения освободительного движения, вызванного Синьхайской революцией, стал молодой Богдо-гэгэн, прибывший в Ургу в 1875 г.⁴³⁸ Высокий авторитет Богдо-гэгэна был и у соседних народов, исповедовавших буддизм. Так, в 1910 г. он был приглашен в Туву, где его уважали и почитали ничуть не меньше, чем в Монголии. Здесь он воспринимался не только как духовный наставник, но и как глава всех тувинских монастырей. В самой Монголии он был крупнейшим собственником земли, скота и людей (около 100 тыс. зависимых крестьян-аратов). В этот период в стране насчитывалось 747 больших и малых монастырей и храмов и около 100 тыс. монахов. Монастыри стали центрами организации социальной и культурной жизни монгольского общества, центрами просвещения, накопления и развития научных и философских знаний в стране. И именно здесь с провозглашением независимости начинает формироваться собственный государственный аппарат. Власть нового главы государства имела прочную экономическую, социальную и духовную основу. Сословные привилегии, которыми обладали буддийские дацаны, обусловили

⁴³⁷ Dudin P. N., Shemelin A. V., Pavlov A. K. Formation of the nationhood of the Mongolian-speaking peoples of Innermost Asia // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing. 2015. Vol. 6. № 6. P. 46–50.

⁴³⁸ Позднеев А. М. Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб., 1880. С. 230.

политическое возвышение их глав. Все эти факторы, а также лидерские качества самого Богдо-гэгэга VIII способствовали тому, что первой формой государства монголов стала теократия.

При восшествии на престол были использованы традиционные буддийские символы: соёмбо на флаге, семь драгоценностей Чакравартина, торжественная церемониальная одежда, восстановленная ханская печать и корона, а также титул царствования «Многими возведенный», заимствованный из древних буддийских легенд об индийском царе Махасамати, от которого монголы вели род Чингисхана⁴³⁹. Первым же указом Богдо-гэгэна, объявленным в день его восшествия на ханский престол, было образовано правительство Монголии в составе пяти министров, в ведение которых был передан относительно широкий спектр дел государственного управления. Это были Министерства иностранных дел, внутренних дел, военное, финансов и юстиции. Богдо-гэгэн издал указ, которым предписывал, что правительственными чиновниками могут быть только ламаисты, «с требованием ламаизма будет согласовываться весь образ государственного управления Монголии». Таким образом, установление теократической монархии стало закономерным явлением и было обусловлено всей совокупностью культурно-исторических и социально-экономических факторов, объективного и субъективного порядка. Еще советские исследователи признавали, что религиозный авторитет Богдо-гэгэна среди аратов чрезвычайно велик, а во время антиманьчжурского движения он повысился еще больше⁴⁴⁰. Поскольку родовая аристократия желала видеть во главе страны потомка Чингисхана, Богдо-гэгэн был вынужден опираться на выходцев из незнатной среды, выступавших за централизацию страны вокруг его фигуры. Но, несмотря на это, монашество было самой просвещенной,

⁴³⁹ Кузьмин С. Л. Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. 2016. № 9(57). С. 136–148.

⁴⁴⁰ Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: Наука, 1957.

сплоченной и организованной социальной группой монгольского общества, а буддийские монастыри – центрами общественной и культурной жизни народа.

Вместе с тем, по мнению известного монгольского ученого О. Батсайхана, Богдо-гэгэн VIII считался принадлежащим к чингисидам, поскольку рассматривался как реинкарнация Дзанабазара⁴⁴¹. Среди особенностей монгольской теократии было его конституционно-правовое закрепление, осуществленное в 1921 г. после так называемой «народной революции». Новый социалистический режим формально не упразднял прерогатив Богдо-гэгэна, хотя последний фактически лишился власти⁴⁴². 1 ноября 1921 г. его вынудили подписать так называемый «Клятвенный договор», которым он лишался права влиять на важные государственные решения. «Клятвенный договор между народно-революционным правительством Монголии и Богдо-гэгэном» от 1 ноября 1921 г. предписывал оставить за Богдо-гэгэном функции главы ламаистской церкви, но ограничить его светские функции. Он признавался в качестве конституционного монарха с довольно ограниченными правами. Оговаривалось, что он «не должен касаться дел государственных, в отношении же всех дел религиозных пользуется неограниченными правами». Вводилось понятие «конституционной монархии», которая предполагала наличие института хана, действующего через председателя народного правительства. В качестве прерогативы за Богдо-гэгэном оставались «согласительные» функции по утверждению законов, однако ни изменять, ни отвергать, ни аннулировать их он не мог. Он наделялся правом «отлагательного вето» в отношении законов, не касающихся укрепления и улучшения основ Монгольского народного государства⁴⁴³. Клятвенный договор утратил силу в 1924 г. после смерти Богдо-гэгэна (20 мая) и провозглашения Монгольской Народной Республики.

⁴⁴¹ *Batsaihan Oohnoin. The Last Emperor of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu. The Life and Legend.* Ulaanbaatar: Admon, 2011. XX+707 p.

⁴⁴² Современная история международных отношений. В 4 т. 1918–1991. Т. 1. События 1918–1945 / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. С. 224.

⁴⁴³ См.: Современная Монголия. 1934. № 1. С. 23.

В рассматриваемый нами период следует выделить еще две попытки создания буддийских теократий на территории Восточной Азии, которые были менее успешными, чем описанные выше.

Во-первых, речь идет о создании Кудунского государства – теократического политического образования, существовавшего в апреле-мае 1919 г. на территории нескольких современных районов Республики Бурятия. Исследователь этого вопроса, отечественный историк Н. В. Цыремпилов пишет, что поводом к провозглашению независимости стали «административные и экономические реформы, проводимые Бурятской народной думой в первые месяцы ее существования, неспособность властей установить жесткий контроль на местах», а также требование «атамана Семенова провести мобилизацию бурятского мужского населения в возрасте от 22 до 25 лет в ряды народной милиции»⁴⁴⁴. Сам ученый характеризует данный теократический проект как уникальное явление, совмещавшее в себе принципы европейского государственного устройства и буддийской идеи идеального дхармического государства. Главой государства Йогачари Номун Ханом, Цог Тугульдур Дармаранзой становится лама Лубсан-Самдан Цыденов. 14 мая 1919 г. принимается проект Конституции теократического государства Кудунской долины «Эрхэтэ Балгасан Улус», состоящий из 36 пунктов. Цыденов управлял государством по праву человека, реализовавшего в себе тантрийское божество Ямантака и выполняющего волю последнего. Создавалось представительное собрание Великий суглан, а в непосредственном подчинении у Дармаранзы находились президент, вице-президент и министры. Формировался балагатский суд, который возглавлялся главой администрации балагата и двумя выборными судьями-шуленгами. В состав теократии входило 11 балагатов (районов). Существование государства было недолгим, и через несколько дней после церемонии интронизации

⁴⁴⁴Цыремпилов Н. В. Конституционная буддийская теократия Лубсан-Самдан Цыденова (1918–1922): основной закон и структура государства // Eurasia: Statum et Legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1(4). 61–70 с.

С. Цыденов и члены его правительства были арестованы представителями Бурятской народной думы и атамана Г. М. Семенова, хотя фактически, как пишет Н. В. Цыремпилов, до мая 1920 г. органы власти теократического государства действовали параллельно с местными администрациями Бурнардумы и Бурят-Монгольской автономной области ДВР.

Во-вторых, речь идет о теократических тенденциях и попытке создания теократического государства на хорчинских землях Внутренней Монголии в 1930-е гг., параллельно с образованием Мэнцзяна. Этот процесс был тесно связан с фигурой Панчен-ламы IX и линией реинкарнаций Торгут-ламы Нейчи Тойина VIII. После смерти Далай-ламы XIII позиции Панчен-ламы IX, поддерживаемого китайскими властями, укрепились. В октябре 1933 г. он получил со стороны правительства 1 млн юаней, был направлен в Монголию для организации агитации против японского посягательства на эти территории⁴⁴⁵, а также с целью убедить автономистов отказаться от своих требований, поскольку считалось, что это движение поддерживалось японской стороной. В начале ноября представитель Панчен-ламы прибыл в Пекин и сообщил о том, что, несмотря на отсутствие полного понимания между автономистами и представителями Нанкина, взаимодействие между ними становится более тесным. Панчен-лама, который в 1932 г. старался отговорить князей от вступления в Маньчжоу-Го, пока не был привлечен к развернувшимся спорам между автономистами и Нанкином⁴⁴⁶. В конце 1933 г. он отправился в путь для участия в религиозных встречах во Внутренней Монголии и собирался посетить Нанкин⁴⁴⁷, куда он прибыл 19 ноября 1933 г.⁴⁴⁸ Свое турне он повторил летом следующего года по дороге в Кукунор и Тибет⁴⁴⁹. Между тем ряд политических активистов создали теократическое

⁴⁴⁵ Powell J. Mongolians Declare Independence. Inner Mongolia Declares Itself free from China // Chicago Daily Tribune. 1933. Oct. 14. P. 13.

⁴⁴⁶ Negotiations aid Mongol autonomy // The New York Times. 1933. Nov. 6. P. 13.

⁴⁴⁷ Future of Tibet // The Manchester Guardian. 1933. Dec. 22. P. 9.

⁴⁴⁸ The Mongols proceed to Nanking shortly // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Nov. 20. P. 1.

⁴⁴⁹ The Panchan Lama // The Straits Times. 1934. Aug. 13. P. 11.

правительство по примеру Халха-Монголии⁴⁵⁰, но в силу малочисленности сторонников движение быстро сошло на нет.

Наиболее полно потенциал теократических институтов был реализован в буддийских государствах течения Махаяны на рубеже XIX–XX вв. Именно в этот период происходит образование государств-наций, однако политическая судьба северных и южных государств Восточной Азии оказывается различной. Так, страны с традицией Тхеравады попадали в колониальную зависимость от европейцев и хотя зачастую именовались протекторатами, сути колониальной политики на данных территориях это не меняло: в регионе развивалась колониальная система управления, язык, религиозные институты, право, торговые отношения и т. д., и местные политические структуры не могли избежать их влияния. Руководителями этих стран выступали, как правило, наиболее лояльные или полезные колонизаторам деятели. А страны с традицией Махаяны, наоборот, либо избежали колониального влияния полностью, как Монголия или Бутан, либо испытали его в незначительной сфере, как Тибет в начале XX в., что позволило им сохранить и с опорой исключительно на собственные традиции и потребности формировать собственные государственные институты и устанавливать собственный политический порядок. Руководители этих стран – лидеры, способные в силу своего авторитета объединить народ.

И, наконец, теократия приживается и развивается там, где она была наиболее оправдана и востребована, но в связи с отсутствием политической и духовной централизации при столкновении с более радикальными идеологическими течениями, способными подкрепить свои политические амбиции военными, экономическими и более радикальными идеологическими инструментами, переживает процесс трансформации: в классическую конституционную монархию, как в Бутане или Камбодже, в

⁴⁵⁰ *Uranchimeg Boijigin Ujeed. Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism... P. 92.*

социалистическую республику, как в Халха-Монголии, или сходит с политической арены, как в других государствах исследуемого региона.

Именно этим и объясняется тот факт, что буддизм, имеющий в регионе огромное число последователей, не смог составить конкуренцию социалистическим воззрениям, ставшими доминирующими во всех буддийских государствах и государственных образованиях Восточной Азии во второй четверти XX в., или паназиаатской идеологии, с помощью которой Японии сумела подчинить Южную и Юго-Восточную, а также значительную часть Северо-Восточной Азии.

2.2. «Экспорт революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния

Социалистические идеи стратегического присутствия в регионе и формирования регионального политического порядка претворялись на практике молодым Советским государством в отношении своих восточных соседей – Монголии, Китая и Японии. Здесь уместно говорить о трех моделях претворения в жизнь социалистических идей по выстраиванию буферной государственности и регионального политического порядка: модели взаимоотношений с братским народом, сильным соседом и противником. Однако отношения с Японией и ее военными соединениями на континенте начиная с 5 апреля 1918 г., когда «буржуазная Япония» была объявлена «смертельным врагом Советской республики»⁴⁵¹, и заканчивая 20 января 1925 г., когда была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией⁴⁵², не предполагали социалистической риторики, обращения к японскому народу и т. п., а

⁴⁵¹ Сообщение Советского правительства о японском выступлении во Владивостоке / Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I: 1917–1920 гг. // Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотрудник Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М., 1944. С. 67–68.

⁴⁵² Там же. С. 3–5.

выстраивались исключительно в отношении руководства страны или ее военного командования.

К концу первого десятилетия существования первого в мире социалистического государства в регионе сложилась относительно устойчивая и стабильная ситуация: (а) Советское государство было признано государствами региона; (б) знаковые разногласия и ключевые международные вопросы были разрешены двусторонними соглашениями с Монголией, Китаем и Японией; (в) прежние лидеры к марту 1925 г. умерли (Д. Сухэ-Батор, Такаси Хара, В. И. Ленин, Богдо-Хан, Сун Ятсен), оставив идеологическое наследие, а новые главы государств и ключевые функционеры находились в состоянии перманентной политической борьбы либо болели, как японский монарх Иосихито, что позволило регенту и будущему императору Хирохито обеспечить контроль над внутривластной ситуацией в своей стране; (г) в государствах региона принимаются новые Конституции (Китай 1923 г., СССР 1924 г., Монголия 1924 г. и РСФСР 1925 г.), являющиеся своего рода программными документами и своеобразными «сигналами» для ближайших соседей; (д) Советский Союз и его руководство переходят к укреплению советской государственности и политике поддержки дружественных режимов и буферных государств, служащих защитой как в военном, так и идеологическом плане. Так, 2 июля 1925 г. в ходе интервью Г. В. Чичерина об отношении СССР к событиям в Китае, нарком заявил, что Советское правительство и общественность сочувствуют борьбе китайского народа за полное свое освобождение и независимость и создание у себя централизованного демократического строя и что «грубейшей ложью является утверждение, что будто бы наше правительство хочет создавать или поддерживать в Китае состояние хаоса»⁴⁵³.

⁴⁵³ Интервью народного комиссара по иностранным делам Чичерина об отношении СССР / Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. III: 1925–1934 гг. // Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотрудник Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М., 1945. С. 21–24.

Дипломатические сношения Союза ССР и входящих в состав Союза республик с другими государствами возлагались на Народный комиссариат иностранных дел СССР⁴⁵⁴. Безусловно, молодому Советскому государству требовался яркий пример взаимоотношений с другим государством и таким примером стала Монголия, «первый в мировой истории образец межгосударственных отношений социалистического типа, получивших свое дальнейшее воплощение и развитие в мировом социалистическом содружестве»⁴⁵⁵.

Взаимодействие предполагалось по нескольким направлениям: во-первых, двустороннее, включающее в себя «экспорт идеологии» и соответствующие инструменты его обеспечения:

1. Отмежевание от прежнего режима: «прежнее царское правительство»⁴⁵⁶, «царский режим»⁴⁵⁷ и т. д.

2. Поддержка антиколониальных (в первую очередь антикитайских) настроений. Советско-монгольская пропаганда регулярно извещала о том, что накануне «Народной революции» «феодално-теократическая» Монголия находилась в полуколониальной зависимости от Китая, являлась объектом жестокой эксплуатации со стороны империалистических держав.

Так, Д. Сухэ-Батор в беседе с начальником караула Худэр Цэдэнбалжиром о привлечении аратов пограничных хошунов к революционной борьбе обращал внимание на то, что китайские военные, захватив силой монгольскую землю, подвергли монгольских народ горю и лишениям, что заставило его вступить в борьбу и добиться в ней поддержки

⁴⁵⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 года // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; собран и отредактирован: А. В. Сабанин, М. М. Воскресенский. М., 1924. С. 29–30.

⁴⁵⁵ Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. В 2-х т. Т. 1: 1921–1940 / Главное архивное управление при Совете Министров СССР; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт востоковедения АН СССР; Министерство иностранных дел СССР и др. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. XVIII, 589 с.

⁴⁵⁶ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 года / СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; под ред.: А. В. Сабанин, В. О. Броун. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-е НКВД, 1935. С. 52.

⁴⁵⁷ Там же. С. 53.

от Советской России⁴⁵⁸. Во внешнеполитическом отношении страна находилась, по существу, в полной изоляции⁴⁵⁹. Это необходимо было для того, чтобы монгольская сторона не предпринимала попыток искать альтернативу советским отношениям во взаимодействии с китайскими властями и представителями других держав, как это делает современная Монголия, выстраивая концепцию «третьего соседа». На этой почве, когда любое сотрудничество с китайской стороной автоматически возводило сотрудничающих в ранг предателей, было удобно объяснять глубоко верующему народу с глубокими традициями почитания власти, почему прежний режим был губительным для страны и народа, а новый – благодатный и необходимый.

3. Так, советская сторона, предлагая равноправное сотрудничество и взаимодействие, видела его базирующимся на ленинских принципах политики мира и мирного сосуществования государств с различными общественно-социальными системами, тогда как позиция прежнего теократического режима, «напуганного революционными событиями в России», сводилась к сохранению своих прав, интересов и привилегий, что и подтолкнуло его встать «на путь предательства национальных интересов страны» и согласиться на оккупацию страны китайскими военными, в результате страна потеряла самостоятельность, была установлена диктатура, а ситуацию усугубили вторгшиеся на территорию Монголии «остатки белогвардейских банд барона Унгерна, отступавшие под ударами Красной Армии»⁴⁶⁰. Об этом говорилось в Постановлении I съезда Монгольской народной партии от 22 марта 1921 г.: «...никакого примирения с русскими белогвардейцами, вторгнувшимися в настоящее время в пределы Монголии... и призывающими за собой врагов нашей страны. Установление и непрестанное укрепление дружественных отношений с Советской Россией пойдет только на благо нашему великому

⁴⁵⁸ Из беседы Д. Сухэ-Батора с начальником караула Худэр Цэдэнбалжиром о привлечении аратов пограничных хошунов Монголии в Народную армию 14 февраля 1921 г. // Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. В 2-х т. Т. 1: 1921–1940... С. 3.

⁴⁵⁹ Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. X.

⁴⁶⁰ Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. XI.

делу сейчас и в будущем, ибо заявления Советской России о том, что ее политика не преследует других целей, кроме оказания помощи народным массам, полностью соответствуют действительности»⁴⁶¹, а неделей ранее в обращении ЦК МНП и командования Народной армии к Советскому правительству и Коминтерну с заверениями в дружбе и солидарности от 15 марта 1921 г. говорилось, что «ЦК... и Главное управление войсками партии приложат все усилия к тому, чтобы... изолировать монголов, находящихся в войсках Унгерна, и других русских белогвардейцев... наша Монгольская народная армия ни при каких обстоятельствах не допустит измену и переход на сторону русских белогвардейцев и монголов, присоединившихся к ним»⁴⁶².

Регулярно делались акценты на том, что Советское правительство отказалось от всех старых, неравноправных и кабальных договоров, «навязанных царизмом», и аннулировало долги Монголии по займам царской России. Аналогичная позиция прослеживается и в советско-китайских отношениях несколькими годами позднее.

4. Совместная борьба. Несмотря на то что дать отпор оккупантам и интервентам поднимаются монгольские народные массы, руководство которыми берет на себя Монгольская народно-революционная партия⁴⁶³, борьба ведется и с участием советских граждан, которые так же, как и монголы, отдают своих жизни за правое дело. При этом подчеркивалось, что без помощи частей Красной армии, откликнувшихся на просьбу Временного народного правительства, добиться успеха было бы невозможно. Рефреном шла мысль о том, что «весь путь развития Монголии после 1921 г., путь прогресса во всех областях жизни общества, подтвердил мысль В. И. Ленина о том, что переход от феодализма к социализму, минуя капитализм, возможен только при братской помощи пролетариата страны победившего

⁴⁶¹ Из Постановления I съезда Монгольской народной партии по отчету делегации монгольских революционеров, вернувшихся из Советской России после завершения переговоров о помощи 22 марта 1921 г. // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 4.

⁴⁶² Обращение ЦК Монгольской народной партии и командования Народной армии к Советскому правительству и Коминтерну с заверениями в дружбе и солидарности 15 марта 1921 г. // Там же. С. 4–5.

⁴⁶³ Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. XII.

социализма»⁴⁶⁴. И это, безусловно, было так: советская сторона предпринимала все необходимые меры для того, чтобы монгольские товарищи имели возможность беспрепятственного участия в военных кампаниях. Так, за № 487/к от 20 января 1921 г. монгольскому революционеру, а в дальнейшем – главному герою всех описываемых событий Д. Сухэ-Батору был выдан мандат пограничного отряда на право пересечения границы и получения помощи со стороны гражданских и военных организаций РСФСР, дающий право беспрепятственного перемещения и пересечения границы в обе стороны и на любом участке, право на ношение оружия, запрещающий досмотр и конфискацию его имущества и обязывающий гражданские и военные учреждения оказывать ему необходимое содействие⁴⁶⁵.

Все эти составляющие нашли свое отражение в обращении Реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной армии на территорию Монголии от 21 июня 1921 г.⁴⁶⁶, как и всякий подобный акт, преисполненный торжественности и восторженных эпитетов и разящих фраз. С первых строк монгольский народ, «угнетенный до сих пор», объявлялся другом рабоче-крестьянского народа России, которому протянута «рука братской симпатии». Объявлялась цель, преследуемая РККА, которая исключала завоевательные помыслы и стремилась установить мир и дружбу со всеми другими народами земли. Говорилось о том, что «[в]ойска рабоче-крестьянской России и Дальневосточной республики не останутся в Монголии больше, чем это будет нужно для нанесения окончательного удара общему врагу, царскому генералу, кровожадному барону Унгерну», осуществив помощь в налаживании собственного монгольского свободного управления. Формировался позитивный образ борца с угнетателем и готовность делиться этим опытом со своими соседями: «...свергнув у себя, в своих собственных пределах, гнусное иго кровавого царизма – этого врага и угнетателя

⁴⁶⁴ Советско-монгольские отношения 1921–1974...

⁴⁶⁵ Там же. С. 1.

⁴⁶⁶ Обращение Реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной Армии на территорию Монголии 21 июня 1921 г. // Там же. С. 14–17.

собственного народа, как и всех живших под его властью, свергнув точно также иго кровопийцев и эксплуататоров помещиков и капиталистов. Рабочие и крестьяне России желают видеть братский монгольский народ свободным от всякого иностранного гнета».

Перечислялись империалистические державы (Англия, Франция, Япония и др.), которые оказывали помощь прежним угнетателям, особый акцент делался в отношении Японии, чьи генералы и капиталисты стремились «поработить монгольский народ». Перечислялись ужасы (вести войну против братского трудящегося народа России, проливать свою кровь, платить подати, терпеть военных инструкторов с бичами в руках и т. д.), которые монгольскому народу пришлось пережить, прежде чем ему на помощь пришли освободительные силы, а также рисовались страшные перспективы (ее агенты и слуги будут вас обирать и истязать, будут подвергать вас и ваши семейства насилию сделают из вас своих рабов. Они захватят недра Монголии, отберут у вас лучшие земли и поселят там своих разжиревших японских капиталистов. Из родной вам Монголии они сделают вторую Корею и т. д.), которые грозили бы Монголии от Японии, не приди ей на помощь Советы.

Упоминание Народного монгольского правительства также было облечено торжественностью, а само оно названо избавителем от всех притеснений, тягот и иностранного ига. Используя давнее стремление монголов к самостоятельности и независимости, обращение особенно подчеркивало отсутствие намерения посягать на монгольскую самостоятельность и уважение их желания жить и развиваться «у себя в своих собственных хошунах».

Одновременно с этим шла работа с сознанием солдат Красной армии в части не только укрепления их духа и боеспособности, но и понимания ситуации и ее глубинного, идеологического смысла. 25 июня 1921 г. за подписью члена Революционного военного совета 5-й армии, начальника политуправления РВС войск Сибири В. Мулина было выпущено обращение политуправления Реввоенсовета войск Сибири к личному составу

экспедиционного корпуса в связи со вступлением советских войск в пределы Монголии⁴⁶⁷. С первых же строк обозначалась задача уничтожения живых сил Унгерна, для чего необходимо было взять Ургу (совр. Улан-Батор), завоеванную бароном. Сам Р. Ф. Унгерн объявлялся бандитом и врагом трудового народа. И действительно, ликвидация сил этого противника обеспечила бы контроль не только над приграничными областями, но и всей Монголией: было известно, насколько велик авторитет Р. Ф. Унгерна у Богдохана, а значит, и среди монгольского населения. Войска барона были хорошо подготовлены и вооружены, а для личного состава Красной армии ситуация усугублялась тем, что объявленные врагами трудового народа белогвардейцы зачастую были их земляками и родственниками, поскольку и с той, и с другой стороны отряды формировались из местных жителей. Поэтому операция должна была быть реализована не только молниеносно, но и жестко, для обеспечения чего и было выпущено обращение, объявлявшее борьбу с врагом справедливой и священной, а врага – инициатором развязывания войны.

Имеет место апелляция к международному сообществу, которому неоднократно заявлялось и подтверждалось на деле стремление Советов со всеми жить в мире. Любопытно, что «бандита и вешателя крестьян и рабочих Сибири» Р. Ф. Унгерна обвиняют в монархизме, стремлении «спасти Россию под скипетром императора Михаила II». Возможно, это был косвенный выпад против власти и статуса Богдохана, также абсолютного монарха, которого барон всячески поддерживал и получал в ответ все необходимое – помощь и поддержку.

Необходимость захода на иностранную территорию объясняется тем, что Монголия во власти белых представляет собой удобную базу для подготовки наступления на Советскую Россию, помощь в котором оказывает Г. М.

⁴⁶⁷ Обращение Политуправления Реввоенсовета войск Сибири к личному составу экспедиционного корпуса в связи со вступлением советских войск в пределы Монголии // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 20–25.

Семенов, опирающийся, в свою очередь, на таких же бандитов и японских империалистов.

Красной армии налагалась миссионерская, «священная, историческая» функция освобождения «многострадального монгольского народа», подтверждением чему служила совместная борьба, в которой принимали участие и сами монголы в лице своих военизированных, правительственных и партийных структур. В очередной раз подтверждалось решение о том, что советские войска намерены были покинуть территорию Монголии после успешного завершения операции, в связи с чем на них возлагались особые моральные обязательства. Так, воин Красной армии должен был являть собой «высокий образец настоящих воинов-освободителей», с уважением относящихся к местным обычаям и нравам, религиозным убеждениям, храмам, реликвиям и национальным чувствам: «Нужно помнить, что быт народа складывается столетиями и не в нашей воле изменить сразу в несколько месяцев то, что въелось в плоть и кровь народа», а «[м]онгольский народ на деле должен убедиться, что мы пришли как друзья, а не как враги». Особо оговаривался строгий запрет к мародерству, поскольку в этом виделось уподобление барону Унгерну и его соратникам, чего следовало избегать.

Отдельной строкой оговаривалось: «Во избежание всяких трений и нежелательных недоразумений между Красной Армией и монгольским народом при всех крупных воинских соединениях будут следовать официальные представители Народно-революционного правительства Монголии и представители Народного комиссариата иностранных дел. Все сношения с местным населением должны вестись через названных представителей». Предписывалось воздерживаться от участия в смене власти на местах, предоставляя эту задачу представителям Народно-революционного правительства Монголии, равно как и меры, принимаемые для обеспечения снабжения военных. Одновременно с этим политработникам и комиссарам предписывалось «развить... самую энергичную агитацию среди красноармейских масс», искать «толковых коммунистов», способных

разъяснить красноармейцам цель и задачи монгольской операции, и далее шло детальное разъяснение тактики ведения агитации и обеспечения снабжения. В итоге поставленная задача была выполнена, ближайшее окружение Р. Ф. Унгерна было ликвидировано, сам он захвачен в плен, предан суду, приговорен к расстрелу и казнен⁴⁶⁸, а Монголия «вырвана из враждебных рук... [и] передана дружественному Народно-революционному монгольскому правительству»⁴⁶⁹.

В свою очередь, в самой Монголии пропагандистская и идеологическая работа также велась по нескольким направлениям. Так, в ответ на обращение Реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной армии на территорию Монголии Центральный комитет Монгольской народной партии 25 июня 1921 г. обратился к своему народу. В нем, во-первых, подтверждалась цель Красной армии оказать помощь «угнетенным народам всего мира в деле их национального освобождения» и намерение вернуться в Россию, «...как только покончит с унгерновскими и другими бандами». Во-вторых, она противопоставлялась белогвардейцам барона Унгерна, китайцам, «которые занимаются только грабежами и убийствами», и армиям империалистических государств, «которые стремятся лишь к хищническому захвату чужих земель, имущества, людей и скота». Таким образом, предполагалось внести порядок и успокоить население и со стороны своего же партийного руководства. После разгрома Р. Ф. Унгерна и окончательного утверждения так называемого «Народного правительства» настала очередная фаза идеологической работы на государственном уровне. Было инициировано и приказом Д. Сухэ-Батора № 51 от 4 ноября 1922 г.⁴⁷⁰ 7 ноября 1922 г. впервые проведен военный парад. Было детально регламентировано построение, порядок движения родов войск, подача

⁴⁶⁸ Донесение члена Реввоенсовета войск Сибири А. Д. Давыдова в Реввоенсовет Республики о суде над Унгерном и его расстреле // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 52.

⁴⁶⁹ Донесение штаба 5-й армии и ВСВО в Полевой штаб Республики о разгроме Унгерна в Монголии и его пленении // Там же. С. 41.

⁴⁷⁰ Приказ военного министра и главкома НРА Монголии Д. Сухэ-Батора о праздновании впервые в Монголии годовщины Великой Октябрьской социалистической революции // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 81–82.

рапортов и т. д., закреплено произведение салюта, 7 и 8 ноября объявлялись выходными праздничными днями, а личному составу монгольских и советских частей предписывалось выдавать на три праздничных дня дополнительный паек.

5. В этот же период формируется еще одно направление для идеологической работы – планомерная, поступательная и эффективная политика по привлечению на свою сторону жителей подконтрольных буферных государств посредством образования и просвещения, или то, что сейчас называется «мягкой силой». Так, по условиям Советско-китайского соглашения 1924 г. и Декларации к нему оговаривали: «Русская доля боксерского возмещения, от которой Правительство Союза Советских Социалистических Республик отказалось, будет, после удовлетворения всех прежних обязательств, направлена исключительно и полностью на создание фонда улучшения просвещения китайского народа»⁴⁷¹, – и далее шло разъяснение о порядке его образования, управления и т. д.

В Монголии 8 марта 1922 г. Народным правительством было принято решение с целью улучшения работы школ поручить Министерству внутренних дел пригласить из Советской России двух педагогов-консультантов, хорошо знающих монгольский язык⁴⁷², что и было сделано. Ситуация в сфере начального образования была крайне тяжелая, о чем можно судить из переписки монгольского педагога Д. Эрдэни-Батухана⁴⁷³, направленного для изучения немецкого опыта в СССР и Германию, и А. М. Горького⁴⁷⁴.

Распространение образования в Монголии, по мнению Д. Эрдэни-Батухана, усложнялось кочевым образом монгольской жизни и тем, что

⁴⁷¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II... С. 54.

⁴⁷² Из постановления Народного правительства Монголии о приглашении советских педагогов-консультантов для оказания помощи в постановке народного образования // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 73.

⁴⁷³ Письмо Д. Эрдэни-Батухана А. М. Горькому от 12 мая 1925 г., г. Берлин // Там же. С. 107–111.

⁴⁷⁴ Письмо А. М. Горького Д. Эрдэни-Батухану от 19 мая 1925 г., Италия, Сорренто // Там же. С. 113–114.

основными культурными и образовательными центрами долго время были (и продолжали оставаться на момент написания письма) монастыри, а ламы – ключевыми носителями знаний, констатируя, что 40 % мужского населения получали воспитание в низших, средних и высших буддийских школах. И несмотря на многие таланты, которыми обладало духовенство, в настоящее время оно находилось в упадке, равно как и система образования, где материальное победило духовное, по меткому замечанию Д. Эрдэни-Батухана, «...духовенство в массе своей превратилось давно в мирян, которым ничто человеческое не чуждо. Они не прочь “защищать” материальные интересы своей касты в ущерб интересам народа и тянутся к власти над народом, привыкшим им верить, и окружать их ореолом носителей заветов высоких буддийских принципов»⁴⁷⁵. Таким образом, здесь буддийская философия имела определяющее значение, о чем мы писали выше.

По мнению Д. Эрдэни-Батухана, для закрепления и углубления реформ, подвигнутых «народной революцией», недостаточно мероприятий политико-экономического характера, нужно «направить по надлежащему руслу» «народное сознание и воспитание подрастающего поколения, а для этого государство должно было изъять из рук клерикалов могучее орудие – школу и взять ее в свое исключительное ведение. Школа должна быть светская, и в ней подрастающее поколение и даже взрослые будут обучаться точным знаниям, являющимся основой современной материальной и духовной культуры»⁴⁷⁶. При этом он признавал, что объективные условия по закрытию всех буддийских школ на данный момент отсутствуют. Он подчеркивал, что светская школа должна отвечать требованиям, «предъявляемым к ней духом времени, жизнью и современным педагогическим и методическим положениям и этим в глазах населения стояла бы на голову выше старых школ». Для молодежи это обстоятельство будет служить бесспорным аргументом в пользу ее светского обучения. Для того чтобы выстроенная

⁴⁷⁵ Письмо Д. Эрдэни-Батухана А. М. Горькому от 12 мая 1925 г. ... С. 108.

⁴⁷⁶ Тамм же. С. 109.

образовательная система была эффективной, Монголии необходимо было, по мнению педагога, обратиться к опыту советской школы, равно как и к опыту «других народов, достигших высокой степени развития наук и искусств».

В качестве примера по возрождению древних познаний в языке и культуре Д. Эрдэни-Батухан приводил Бурят-Монгольскую автономную Советскую Социалистическую Республику (БМАССР): «Зарубежные монголы с глубоким интересом следят, как их сородичи бурят-монголы, входящие в состав Союза советских республик, до революции в большинстве своем забывшие свою грамоту вследствие русификации и почти предавшие забвению свою литературу, теперь свободно учатся на своем языке. Развивается у них пока что учебная литература в связи с национализацией школ. Молодежь со свойственным ей энтузиазмом ведет политико-просветительную работу и попутно закладывает основу бурят-монгольского театра. Пишутся пьесы, которые с успехом ставятся в народных театрах»⁴⁷⁷. В ответном письме Д. Эрдэни-Батухану А. М. Горький ратует за активную гражданскую позицию: «...именно активному отношению к жизни Европа обязана всем тем, что в ней прекрасно и достойно уважения всеми расами. “Желание – суть источник страдания”, – учил Будда. Европа ушла вперед других народов мира в области науки, искусства и техники именно потому, что она никогда не боялась страдать, всегда желая лучшего, чем то, чем она уже обладает. Она сумела пробудить в массах своего народа стремление к справедливости, к свободе, и за одно это мы должны простить ей множество ее грехов и преступлений. Мне кажется, что, знакомя монгольский народ с духом Европы и современными нам желаниями ее масс... Вам следует переводить именно те европейские книги, в которых наиболее ярко выражен принцип активности, напряжения мысли, стремящейся к деятельной свободе, а не к свободе бездействия»⁴⁷⁸. И уже 26 августа 1925 г. Правительство БМАССР приняло решение о предоставлении пяти мест монгольским

⁴⁷⁷ Там же. С. 110.

⁴⁷⁸ Письмо А. М. Горького Д. Эрдэни-Батухану от 19 мая 1925 г., Италия, Сорренто...С. 114.

гражданам в своей партийной школе, где «обучение для бурят и монголов будет вестись на монгольском языке. Срок обучения в советско-партийной школе один год. Окончившие школу могут быть работниками худонов в качестве пропагандистов идей и мероприятий своего правительства и по поднятию культурного уровня монгольского трудового народа. Обучение, содержание проводится за счет нашей республики...»⁴⁷⁹ Об этом в письме Правительству МНР сообщает председатель ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР М. Ербанов.

Развивая тезис В. И. Ленина о «пробуждающейся Азии», автор письма подчеркивает, что культурно-национальное пробуждение малых народностей ведет к безболезненному единению «их с другими через красивое разнообразие форм единого содержания». «Вообще пробуждение восточных народов в 20-м веке, когда в странах Запада поговаривают о переоценке ценностей, очень интересно. Теперь только начало этого пробуждения, и как быстро оно пойдет вперед, что для этого нужно, составляет для нас проблему (методическую)»⁴⁸⁰. Очень верное и своевременное замечание, актуальное и сегодня.

Складывающаяся система советско-монгольских отношений была удобна и советской, и монгольской стороне: монголы получали кадры для развития и укрепления одной из важнейших сфер общественной жизни, а СССР – еще один инструмент укрепления своего влияния в контролируемом буферном государстве.

Вслед за письмом Центрального комитета Монгольского революционного союза молодежи от 6 декабря 1923 г. было принято решение направить «10 преданных делу революции, талантливых молодых людей на учебу в Институт Востока в Москве» с тем, чтобы по ее окончании они могли оказывать «содействие воспитанию и обучению молодого поколения партии и

⁴⁷⁹ Из письма Председателя ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР Ербанова правительству Монгольской Народной Республики о предоставлении мест в партийной школе Бурят-Монгольской АССР для учащихся МНР // Там же. С. 116.

⁴⁸⁰ Письмо Д. Эрдэни-Батухану А. М. Горькому от 12 мая 1925 г. ... С. 111.

народа»⁴⁸¹, а спустя год Комитетом по заведованию ученой, учебной и литературно-издательской частью учреждений ЦИК СССР правлению Ленинградского института живых восточных языков имени А. С. Енукидзе было дано распоряжение о приеме на рабочий факультет 15 монгольских студентов⁴⁸². Этим была заложена прочная традиция приглашения советских научных и образовательных работников в Монголию и обучения монгольских работников в Советском Союзе, позднее воспринятая другими социалистическими государствами и режимами. Взаимодействие предполагало также обеспечение безопасности советской территории и советских границ и, как следствие, территории и границ партнеров.

Первым актом официального военного присутствия Советской России в регионе стало решение об оказании помощи монгольским товарищам в борьбе с белогвардейцами. Оно явилось ответом на обращение монгольской стороны за военной помощью против вооруженных отрядов Унгерна, Шмакова, Комаровского, Сухарева и др. Эксплуатируя образ убийц и грабителей («производя неслыханные насилия, отбирая у мирного населения лошадей, скот и имущество, производят убийства и грабежи как среди монголов, так и среди русских и китайцев»), использовались и более весомые аргументы, как то угроза национальным интересам России («вмешиваются в дела управления Монголии, пытаются направить монгольский народ против великой РСФСР и сделать его слепым орудием в руках чужеземных насильников»).

Аргументируя свою просьбу тем, что белогвардейцы одинаково угрожают мирному населению как Монголии, так и России, Временное народное правительство Монголии обращалось к Правительству РСФСР с просьбой о предоставлении военной помощи⁴⁸³, что было особенно актуально,

⁴⁸¹ Письмо Центрального Комитета Монгольской народной партии Народному правительству Монголии о необходимости отправки на учебу в Москву группы ревсомольцев // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 88–89.

⁴⁸² Нота Народного комиссариата по иностранным делам СССР Полномочному представительству МНР в СССР о приеме на рабфак Ленинградского института живых восточных языков 15 монгольских студентов // Там же. С. 133.

⁴⁸³ Обращение Временного народного правительства Монголии к правительству РСФСР с просьбой об оказании военной помощи для борьбы с белогвардейцами 16 марта 1921 г. // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 7–8.

поскольку в этот период широко распространялась информация о японском участии в освещаемых процессах. Японцы, известные своей жестокостью, уже успели оставить о себе худую память у жителей Читы и Верхнеудинска, в связи с чем подобного рода сообщения вызывали бурную реакцию среди населения.

Так, 31 марта 1921 г. в иркутской газете «Власть труда» была помещена заметка от интервью барона Унгерна иностранным корреспондентам, в котором он заявил, что «ноябрьские операции против Урги были предприняты с ведома и поддержки японцев. По мнению пекинских газет, планы Семенова в Монголии совпадают со стремлениями японцев образовать буфер из Маньчжурии и Монголии, а также планами Чжан Цзолия восстановить Маньчжурскую династию. В Урге состоялось совещание японских, белогвардейских, монгольских командиров под председательством хутухты, между прочим, обсуждалось предложение Семенова направить силы в Читу. Монгольские белогвардейцы готовят захват Хайларского района посылкой туда войск. Прибывшие из Урги иностранцы сообщают о расстрелах Унгерном коммунистов, евреев и военнопленных немцев»⁴⁸⁴. В целом события и процессы, описанные в заметке, имеют соответствующую подоплеку. Так, известно, что Богдо-хан симпатизировал Унгерну, равно как известно о попытке Г. М. Семенова в 1919 г. организовать «Великое Монгольское государство», для чего в Хайларе и Чите были проведены съезды монгольской знати, военных и прочих неравнодушных к этим идеям. Известны также планы японцев по выстраиванию буферной государственности на монгольско-маньчжурской территории, о чем речь пойдет ниже, и о дискуссиях с участием японских и китайских военных о восстановлении династии Цин, которым суждено было воплотиться, правда, в иной форме и на ином географическом пространстве.

⁴⁸⁴ Пресс-сводка штаба Восточно-Сибирского военного округа о планах японских империалистов и белогвардейцев в отношении Монголии. № 22 от 2 апреля 1921 г. // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 9–10.

Эти же события отслеживало командование Народно-революционной армии Дальневосточной республики – другого буферного государства. Так, в сводках от 3 апреля⁴⁸⁵ и 1 мая 1921 г.⁴⁸⁶ сообщалось об успехе поднятого монголами восстания и взятии ими ряда ключевых населенных пунктов, об образовании революционного правительства, в числе задач которого – тесное сотрудничество с Советской Россией и ДВР, а также со ссылкой на зарубежную прессу сообщалось о волнениях в Западной Монголии и занятии белогвардейцами Кобдо и Уланкома. В этих же сводках говорилось о тесной связи атамана Анненкова с бароном Унгерном и Богдо-гэгэном, что ставило последнего в один ряд с предателями народных интересов, противопоставляя его позиции позиции других монгольских аристократов: в частности, говорилось, что князь Ахайгун перешел на сторону «красномонголов» и объявил мобилизацию своего хошуна. Таким образом, Советы получали оперативную информацию и имели возможность своевременного на нее реагирования не только посредством собственных ресурсов, но и через создаваемые ими буферные структуры. В дальнейшем такой механизм будет использован при попытке «эксперта революции» в Китай, однако окажется менее успешным, в силу как объективных, так и субъективных характеристик.

12 июля 1921 г. Народное революционное правительство Монголии обратилось к Правительству РСФСР с просьбой не выводить части Красной армии с территории Монголии до окончательной ликвидации угрозы «со стороны общего врага, в настоящее время укрепившегося в восточных степях»⁴⁸⁷. Обращение было вынужденным, «потому что Монгольское Правительство еще не закончило организации аппарата новой власти.

⁴⁸⁵ Из военно-политического обзора Управления политической инспекции Народно-революционной армии ДВР о положении в Монголии за период с 15 марта по 1 апреля 1921 г. № 1386/с // Там же. С. 10.

⁴⁸⁶ Из обзора штаба главкома НРА Дальневосточной республики о боевых действиях Монгольской народно-революционной армии // Там же. С. 11.

⁴⁸⁷ Обращение Временного народно-революционного правительства Монголии к Правительству РСФСР с просьбой не выводить частей Красной Армии из пределов Монголии до момента окончательной ликвидации угрозы со стороны общего врага // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 28.

Оставление советских войск диктуется обстоятельствами в целях сохранения безопасности на территории Монголии и на границах РСФСР»⁴⁸⁸.

10 августа 1921 г. советское руководство в лице народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина ответило согласием на просьбу монгольской стороны⁴⁸⁹, однако ответ интересен не этим, а рядом весьма любопытных моментов. Во-первых, он давался от лица не только РСФСР, но и союзного правительства «братской» Дальневосточной республики.

Во-вторых, Монголия называлась автономной, таким образом, советское руководство не торопилось признавать страну независимой, речь шла лишь о «создании нового свободного строя», а не государства с точки зрения его государственного суверенитета.

В-третьих, взаимодействие предполагало «вступление советских войск на территорию автономной Монголии», которое имело «исключительной целью сокрушение общего врага, устранение постоянной опасности, угрожающей советской территории, и обеспечение свободного развития и самоопределения автономной Монголии».

Однако после окончательного устранения угрозы свободному развитию монгольского народа и безопасности Российской и Дальневосточной республик войска РККА по просьбе Правительства Монголии должны были оставаться на ее территории вплоть до 1926 г. 26 ноября 1924 г. была провозглашена Монгольская Народная Республика и принята первая Конституция нового государства. И только после формирования новых органов государственной власти и окончательного укоренения социалистической идеологии среди нового руководства страны, устранения угрозы со стороны Японии и присоединения к РСФСР одного из буферных государств региона, Дальневосточной республики, руководство РСФСР считало возможным осуществить вывод своих войск с территории другого

⁴⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. С. 259.

⁴⁸⁹ Нота народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина Монгольскому народному правительству о согласии правительства РСФСР оставить советские войска в Монголии до полного разгрома банд Унгерна // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 35–37.

государства, по-прежнему признавая за ним автономный статус в составе Китайской республики.

24 января 1925 г. нотой Правительства СССР, председатель Совета министров МНР Б. Цэрэндорж был уведомлен о выводе советских войск с монгольской территории. «Правительство СССР считает, что пребывание советских войск в пределах Монгольской Народной Республики уже не вызывается необходимостью»⁴⁹⁰. Нота воспроизводила причины и условия сохранения советского присутствия на территории буферного автономного государства, а его длительность обосновывалась необходимостью защиты монгольских и советских военных частей, установления «действительного порядка» и «обеспечения условий для дальнейшей демократизации страны». При этом СССР был объявлен правопреемником РСФСР в вопросе «ведения внешних сношений Российской Республики». Складывалась новая система национальной безопасности на основе созданного регионального политического порядка. Эта система показала свою эффективность после вторжения японских войск на территорию Маньчжурии, создания Маньчжоу-Го и попыток проверить ее на прочность событиями на р. Хасан и оз. Халхин-Гол в 1938–1939 гг.

Поскольку СССР признавал суверенитет Китая над Монголией, 10 марта 1925 г. советский посол уведомил руководство в Пекине о завершении вывода частей Красной армии из Внешней Монголии⁴⁹¹. Нота была составлена без идеологического флера и оставляла китайскому правительству надежду «разрешить путем мирного соглашения с монгольским народом вопрос о взаимоотношениях между двумя братскими народами».

В-четвертых, в качестве одного из направлений советско-монгольского взаимодействия предполагалось, безусловно, экономическое сотрудничество, именно наша страна была основным источником финансовой и

⁴⁹⁰ Нота народного комиссара по иностранным делам СССР Г. В. Чичерина Председателю Совета Министров Монгольской Народной Республики Б. Цэрэндоржу о выводе советских войск с территории Монголии // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 103–104.

⁴⁹¹ Нота советского посла в Китае, посланная китайскому Министерству иностранных дел // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. III: 1925–1934 гг. ... С. 13.

экономической помощи при строительстве заводов и комбинатов, разработке месторождений полезных ископаемых и создании социальной инфраструктуры, но и Монголия оказывала помощь нашей стране. В 1921 г. заместитель полпреда РСФСР в Монголии А. Я. Охтин (1921–1922) благодарил премьер-министра Монголии Д. Бодо за то, что правительство монгольской стороны «широко пошло навстречу смягчения великого бедствия Русского Советского государства и пожертвовало тысячу... голов скота, а также издало обращение ко всему монгольскому народу, призывающее помочь дружественному народу Советроссии, жертвуя в пользу голодающих кто что может»⁴⁹². Для современных российско-монгольских взаимоотношений это имеет ключевое значение.

И, наконец, в-пятых, совместные действия на международной арене, борьба за укрепление мирового коммунистического рабочего движения. События 1920-х гг. в регионе и активное участие в них советской стороны имели важное идеологическое значение: отныне в основе заключаемых союзов советского и монгольского или советского и китайского народов лежала не только общность интересов трудящихся, но и человеческие потери в ходе совместной революционной борьбы.

В октябре 1921 г. в Москву прибыла Чрезвычайная монгольская миссия. 5 ноября 1921 г. глава и основатель МНРП и Монгольского народного государства Д. Сухэ-Батор был принят В. И. Лениным в Кремле⁴⁹³. В ходе беседы вождь советского народа заявил, что «единственно правильным путем для всякого трудящегося вашей страны является борьба за государственную и хозяйственную независимость в союзе с рабочими и крестьянами Советской России. Эту борьбу изолированно вести нельзя, поэтому создание партии монгольских аратов является условием успешности их борьбы», отметил особое географическое положение Монголии и стремление других стран

⁴⁹² Письмо председателя Комиссии по оказанию помощи голодающим России при Представительстве РСФСР в Монголии А. Я. Охтина Председателю Совета Министров Монголии Д. Бодо о деятельности Комиссии // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 55–56.

⁴⁹³ Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. VI.

захватить МНР и превратить ее в плацдарм борьбы против Советской России⁴⁹⁴. Исходя из этой вполне реальной на тот момент угрозы, советское руководство включило Монголию в сферу своих политических и идеологических интересов. Данная установка определила политическое развитие Монголии на ближайшие два десятка лет и стала определяющим инструментом в политической борьбе конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. в стране. 5 ноября 1921г. между Народным правительством Монголии, с одной стороны, и Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики – с другой, было заключено Соглашение об установлении дружественных отношений.

Обе стороны заявляли о взаимном признании, обязывались не допускать по отношению друг к другу враждебных актов и согласились применять принцип наибольшего благоприятствования в политических и экономических взаимоотношениях. Называли его первым равноправным договором в истории Монголии, фундаментом дальнейшего развития взаимоотношений Советской России и Монголии.

Второй, более сложной задачей стало установление нормальных отношений с Китаем⁴⁹⁵. Прекрасно осознавая невозможность полноценного развития без признания в той или иной форме самостоятельности Монголии, руководство этой страны обратилось к Советам с соответствующей просьбой в оказании содействия. Подчеркнули свое стремление к утверждению «мира и мирного содружества пограничных народов», сетуя на невозможность налаживания нормальной жизни и международного товарообмена, «в котором в равной степени заинтересованы и монгольский, и китайский, и русский народы». Монголы уверяли международное сообщество в отсутствии агрессивных намерений и уповали на то, что «Китай внимет... авторитетному

⁴⁹⁴ Ленин В. И. Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики, 5 ноября 1921 года // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 232–233.

⁴⁹⁵ Дудин П. Н. Региональный политический порядок в зоне советских интересов в Восточной Азии (Ч. 1: Китай) // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2021. № 2. С. 49–61; *Его же*. Региональный политический порядок в зоне советских интересов в Восточной Азии (Ч. 2: «Бэйянское наследство») // Там же. № 3. С. 67–78.

голосу [советской стороны и лично народного комиссара] и предложению о посредничестве»⁴⁹⁶. В ответной ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина председателю Совета министров и министру иностранных дел Народно-революционного правительства Монголии от 14 сентября 1921 г. говорится: «Российское Правительство вполне разделяет убеждение Монгольского Народно-Революционного Правительства в необходимости установления мирных и деловых взаимоотношений Монголии с Китаем, при одновременном осуществлении права монгольского народа на самоопределение»⁴⁹⁷. Г. В. Чичерин напомнил, что нашей стороной уже предпринимались неоднократные попытки в этом направлении, хотя, учитывая ситуацию, добиться благосклонности китайского руководства было невозможно. Дальневосточный секретариат Коминтерна характеризовал действия Советской России как бескорыстные, противопоставляя их явно «корыстным интересам старого своего властителя Китая, хищной Японии и даже далекого, могущественного, выступающего во всемирном масштабе американского капитала», подкрепляя это сведениями о прибытии в монгольскую столицу американского консула в Чжанцзякоу (Калгане), который также предпринимал попытки «взять на себя, то есть на Америку, задачу посредничества между революционной Монголией и Китаем»⁴⁹⁸. Подобные действия не были единичными, советская и монгольская стороны приняли решение форсировать события.

14 сентября 1921 г. опубликовано «Обращение председателя Совета министров и министра иностранных дел Монголии Д. Бодо ко всем иностранным государствам о провозглашении независимости Монголии и предложением об установлении равноправных отношений», в котором

⁴⁹⁶ Обращение Народно-революционного правительства Монголии к правительству РСФСР с просьбой о посредничестве в установлении мирных отношений с Китаем // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 43–44.

⁴⁹⁷ Нота народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичерина Председателю Совета Министров и министру иностранных дел Монголии Д. Бодо о согласии Советского правительства быть посредником в установлении мирных отношений Монголии с Китаем // Там же. С. 44–46.

⁴⁹⁸ Из информационного бюллетеня Дальневосточного секретариата Коминтерна о положении в Монголии // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 51.

превалировала социалистическая риторика, а из самого обращения было понятно, на чью сторону встает Народное правительство. Помимо традиционной апелляции к событиям, которые предшествовали революционным событиям 1921 г. в виде разрухи, потери имущества, многочисленных беспорядков и человеческих жертв, вызванных действиями Р. Ф. Унгерна и китайских милитаристов, которые назывались оккупантами, Д. Бодо заявил, что данные действия исходили «от самого китайского правительства... от отдельных коварных лиц, заинтересованных в наживе», однако «...народное правительство не питает чувства мести и не намерено пойти на столкновение с Китаем, но оно заявляет, что сюзеренитет Китая не будет больше признаваться». В обращении сообщалось об изменении статуса Богдо-хана и определении его в качестве конституционного монарха, учреждении конституционно-демократического строя и разграничении функций управления страной. Новое монгольское руководство подтверждало стремление «поддерживать дружеские отношения с Китаем и восстановить торговые отношения между Китаем и Монголией» и готовность Советского правительства установить торговые отношения с Монголией⁴⁹⁹. Безусловно, после подобных речей ни о какой нормализации отношений с китайским руководством не могло быть и речи. И поэтому был сделан поворот в сторону Советской России, подкрепленный рядом договоров и соглашений: Соглашением с правительством РСФСР об установлении дружественных отношений, которое означало взаимное признание правительств двух сторон; Протоколом между РСФСР и Монголией о принадлежности различных имуществ⁵⁰⁰ об имуществе, принадлежащем императорскому правительству и аффилированным с ним структурам и учреждениям; Соглашением с СССР о телеграфных сношениях с дополнительным протоколом⁵⁰¹; Соглашением о

⁴⁹⁹ Из обращения Председателя Совета Министров и министра иностранных дел Монголии Д. Бодо ко всем иностранным государствам о провозглашении независимости Монголии и предложением об установлении равноправных отношений // Советско-монгольские отношения 1921–1974... С. 46–47.

⁵⁰⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I... С. 264–265.

⁵⁰¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II...

телеграфных сношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой⁵⁰²; Протоколом о продлении действия Соглашения о телеграфных сношениях между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой и дополнительного Протокола к нему⁵⁰³. В дальнейшем, провозгласив курс на развитие страны по некапиталистическому пути, Монголия пережила и аналогичные НЭПу процессы, и ужасы репрессий, и войну. Наконец, 12 марта 1936 г. был подписан Протокол взаимопомощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой⁵⁰⁴, ставший основным актом, обеспечившим обороноспособность Советского Союза в регионе Восточная Азия в преддверии Великой Отечественной войны и его победу в ней, не позволив японской стороне открыть второй фронт. Вместе с тем за относительно короткий промежуток времени удалось построить эффективную государственную и партийную систему, наладить производство и укрепить обороноспособность страны, а также в дальнейшем добиться ее независимости и международного признания.

В отношении китайской стороны использовалась та же риторика, что и в отношении монгольской, с единственной оговоркой: советские руководители четко разделяли собственно китайский народ и Китайское государство. Особенно отчетливо это прослеживается в обращении Совета народных комиссаров к китайскому народу (его называют братским) и правительствам Южного и Северного Китая, опубликованном 20 августа 1919 г.⁵⁰⁵

⁵⁰² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 года и 1 февраля 1928 года // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; собр. и ред.: А. В. Сабанин, В. Т. Крупский. М.: Издание литиздата НКВД, 1928. С. 138–141.

⁵⁰³ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 г. и 1 февраля 1928 г. // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; под ред. А. В. Сабанина, П. А. Хрисанфова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1936. С. 73.

⁵⁰⁴ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. // СССР. Народный Комиссариат по иностранным делам. М.: Изд. НКВД, 1938. С. 43–44.

⁵⁰⁵ Обращение Совета Народных Комиссаров к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая. Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I: 1917–1920 гг. // Высшая партийная школа

И здесь провозглашалась миссионерская задача для всего Дальнего Востока, куда Советская армия направлялась «...не для насилия, не для порабощения, не для завоеваний... Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат порабощенные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ. Мы несем помощь не только нашим трудящимся классам, но и китайскому народу, и мы еще раз напоминаем то, о чем говорили ему со времени Великой Октябрьской революции 1917 года, но что, может быть, было скрыто от него продажной американско-европейско-японской печатью». Таким образом, с одной стороны, вырисовался четкий образ врага в лице западных держав, Японии и правительства Российской империи, подкупом закабалившее народы Востока, главным образом китайский, ради выгод русских капиталистов, русских помещиков, русских генералов, а с другой – объявлялся мирный характер Советского государства, «отказ от всяких захватов чужих земель, отказ от всякого насильственного присоединения чужих народностей, от всяких контрибуций». Это было особенно важно именно для Китая, связанного несколькими десятками «неравноправных договоров», выделением среди китайских земель территорий в статусе экстерриториальности (концессии и селтльменты) и приданием соответствующего статуса гражданам девяти держав. Именно поэтому в связи с необходимостью заручиться поддержкой китайского народа, осознающего пагубность иностранного присутствия, советское руководство в 1919 г. заявило, а соглашением 31 мая 1924 г. подтвердило готовность отказаться от обременительных договоров.

Общность судеб советского и китайского народов, пострадавших от рук империалистов уже после Октября 1917 г., обеспечивалась посредством обращения к событиям годичной давности, когда было осуществлено вторжение на Дальний Восток и в Сибирь, что равным образом пагубно

отразилось и на китайской стороне, поскольку не позволило Советам обеспечить отказ от «неравноправных договоров». Данный шаг имел не только идеологическое, но и практическое значение, в том числе и за счет взыскания боксерской контрибуции существовала в Пекине и Маньчжурии русская «белая» эмиграция, включая и дипломатических представителей, обладавшая достаточным влиянием и ресурсами для причинения серьезного беспокойства советским руководителям на Дальнем Востоке. Данный шаг, наравне с закрытием русских концессий в Тяньцзине и Ханькоу и нескольких факторий, должен был лишить противников советской власти на китайской территории финансовой основы и неприкосновенности. Советский народ объявлялся «единственным союзником и братом» китайского народа в борьбе за свободу, что должно быть подтверждено «официальными сношениями» через своих представителей.

Однако на этом братская риторика заканчивается: Китай не повторил судьбу Халхи, и советская позиция по выстраиванию регионального политического порядка во взаимоотношениях со своим южным соседом становится сугубо формальной. В сообщении о восстановлении дипломатических отношений с Китаем присутствует сюжет, произошедший 24 апреля 1920 г. в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ, столица Республики Бурятия, в тот период – Дальневосточной республики), куда прибыла официальная китайская и монгольская военно-дипломатическая миссия. Была озвучена официальная китайская позиция о признании этим государством преемства нового правительства ДВР на КВЖД, в свою очередь китайскими властями был отдан приказ «о недопущении банд Семенова в Китай и Монголию»⁵⁰⁶. В развитие данного вопроса 10 и 27 ноября 1920 г. в адрес китайской стороны были направлены две ноты, в первой из которых говорилось о том, что «разбойничьи шайки Семенова... разбитые и рассеянные... начали отступать на территорию Китайской республики,

⁵⁰⁶ Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I... С. 442–443.

направляясь, главным образом, в Монголию, где ими занята Урга и где они присоединились к местным элементам, враждебным Китайской республике, равно как и Дальневосточной республике и Советской России. Китайские войска, находящиеся в области Урги, не могут своими собственными силами уничтожить белогвардейские банды, которые хозяйничают там, а поэтому обратились к нашему военному командованию, равно как и к командованию Дальневосточной республики с просьбой оказать им помощь в борьбе с этими разбойничьими шайками. Советское правительство считает, что общие интересы требуют быстрой ликвидации этого вторжения в Монголию, и готово оказать содействие китайским войскам для уничтожения белых банд в Урге»⁵⁰⁷. Вторая нота была направлена в связи с отсутствием реакции китайской стороны на предыдущую и, среди прочего, гласила: «...мы с большим удовлетворением можем констатировать, что китайские военные силы сумели выгнать семеновские банды из Урги и прилегающей территории... Ввиду этого считаем необходимым сообщить китайскому правительству, что Российская республика, ставящая выше всего неприкосновенность чужой территории, находит возможным задержать вступление своих военных сил на территорию Монголии, будучи уверена, что китайское правительство примет срочные энергичные меры к полной и быстрой ликвидации указанных враждебных России разбойничьих отрядов»⁵⁰⁸.

Из изученного нами материала мы можем сделать ряд промежуточных выводов. Во-первых, нет речи о «братских» народах и их крепких отношениях, отсутствуют прочие восторженные эпитеты, которые мы наблюдали во взаимоотношениях с монгольской стороной, все это заменено на фразы наподобие: «рабоче-крестьянская Россия по-прежнему питает чувства исключительной симпатии и дружелюбия к борющемуся за свое

⁵⁰⁷ Нота народного комиссара по иностранным делам китайскому министерству иностранных дел в Пекине // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I... С. 525.

⁵⁰⁸ Нота китайскому министерству иностранных дел в Пекине // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I... С. 525–526.

освобождение китайскому народу». Во-вторых, советская сторона не очень-то спешила выгнать «китайских оккупантов» с монгольской территории, хотя именно эти войска, которые изгоняли «семеновские шайки», годом ранее ликвидировали монгольскую автономию, что через год после описываемых нами событий будет подчеркиваться в советских нотах «Народному правительству» Монголии. В-третьих, сохраняется риторика по поводу того, что «[р]абоче-крестьянское правительство России с первого же момента своего возникновения стремилось доказать китайскому народу и правительству свою готовность... не проводить в отношении Китая агрессивной империалистической политики царского правительства...», что свидетельствует о политическом прагматизме по установлению между двумя государствами «добрососедских отношений, соответствующих тем чувствам, которые питают оба народа в отношении друг друга»⁵⁰⁹. В-четвертых, китайские политические элиты как в лице «Бэйянского правительства», так и в лице руководства партии Гоминьдана, несмотря на предсмертное обращение Сун-Ятсена к ЦИК СССР⁵¹⁰, который едва ли не единственный среди скольких-нибудь влиятельных китайских руководителей верил в идеи социализма, не рассматривали его в качестве вероятного вектора развития китайской внутренней политики.

В результате советское руководство, отошедшее от идей мировой революции, сосредоточилось на укреплении ранее достигнутых результатов по формированию политического порядка в Восточной Азии, Северной Маньчжурии и западных монгольских землях, т. е. той части континента, которая досталась нашей стране еще в 1906 г. по условиям Портсмутского мира. Проиграв Русско-японскую войну 1905–1906 гг., наша страна была вынуждена пойти на уступки по ряду принципиальных вопросов, однако значительную часть своих интересов России удалось отстоять и сохранить до

⁵⁰⁹ Меморандум чрезвычайного полномочного представителя РСФСР в Китае // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. II... С. 616.

⁵¹⁰ Предсмертное обращение Сун-Ятсена к ЦИК СССР 11 марта 1925 года // Там же. Т. III... С. 14.

окончания Второй мировой войны. Это особенно четко видно из текстов секретных соглашений с Японией, которые стали доступны широкому кругу ученых после Октябрьского переворота. И, безусловно, определяющей здесь стала секретная часть Русско-японской конвенции от 13 февраля 1907 г., в которой стороны провозглашали намерение устранить все причины трений или недоразумения в отношении Маньчжурии, Кореи и Монголии, договорились о ключевом разделении сфер интересов и влияния, предопределившее судьбу региона на последующие 40 лет.

Разработчики конвенции осознавали присутствие у каждой стороны собственных интересов и понимали, что любое открытое или тайное противостояние может привести к нежелательным последствиям, поэтому дополнительной статьей установили демаркационную линию между Северной и Южной Маньчжурией, начинающуюся в северо-западной точке русско-корейской границы и идущей через современный Хуньчунь и крайний северный пункт оз. Биртэн на Сюшуйган, откуда она проходила по р. Сунгари до устья р. Наньцзянь (не путать с современным уездом в провинции Юннань) и, поднимаясь вверх по течению до устья р. Толахо, также следует по течению вверх до пересечения ее со 122-м меридианом к востоку от Гринвича⁵¹¹. По обеим сторонам этой линии Россия и Япония были свободны в получении железнодорожных и телеграфных концессий в Маньчжурии. Помимо этого, Япония признавала за Россией все права на КВЖД северней обозначенной демаркационной линии, а также обязывалась не вмешиваться в ситуацию во Внешней Монголии, а Россия – не вмешиваться в корейско-японские отношения с гарантией предоставления российским консулам в Корее прав наиболее благоприятствуемой нации.

В отношении Внутренней Монголии сферы влияния были поделены в рамках Русско-японской конвенция от 25 июня 1912 г., по условиям которой Внутренняя Монголия делилась на восточную (японская сфера интересов) и

⁵¹¹Гримм Э. Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке... С. 170.

западную (русская сфера интересов) части от пекинского меридиана 116°27' в. д., границей между которыми служила условная линия, проходящая от точки пересечения р. Толахо и 122-го меридиана к востоку от Гринвича по течению р. Улунчурх и Мушиша до водораздела р. Мушиш и Халдайтай, откуда она проходила по границе провинции Хэйлунцзян Внутренней Монголии до крайнего пункта границы между Внутренней и Внешней Монголией⁵¹².

21 июня (4 июля) 1910 г. между Российской империей и Японией в развитие достигнутых договоренностей по разделу сфер влияния было заключено новое Соглашение, которое в духе русско-японских традиций включало публичную и секретную части. Общественности были представлено две позиции, первая из которых подчеркивала стремление к усовершенствованию железнодорожного сообщения и избеганию соревнования в этом вопросе, вторая обязывала стороны поддерживать и уважать *status quo* в Маньчжурии и принимать меры к его сохранению⁵¹³.

Секретная часть подтверждала разграничение сфер специальных интересов в Маньчжурии, признавала за каждой из сторон право принимать меры защиты своих интересов⁵¹⁴. В довершение процесса раздела русских и японских сфер влияния 20 июня (3 июля) 1916 г. был заключен Русско-японский союзный договор, который налагал на стороны обязанности: воздержаться от участия в соглашениях или альянсах, направленных против другой стороны; принять меры поддержки для охраны и защиты оговоренных прав и интересов (публичная часть), включая военную поддержку (вооруженную помощь) (секретная часть). Срок действия договора определялся 21 июля 1921 г.⁵¹⁵ С одной стороны, эти соглашения позволили распространить русское влияние на Внешнюю Монголию и обеспечить ей

⁵¹² Там же. С. 180.

⁵¹³ Там же. С. 176–177.

⁵¹⁴ *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке... С. 177.

⁵¹⁵ Там же. С. 191–192.

фактическую независимость, с другой – укрепить позиции в уже оформившихся регионах присутствия, где имелись русские концессии.

В итоге зона российских, а позднее – советских стратегических интересов в Восточной Азии носила договорный характер и определялась секретными соглашениями с Японией. Несмотря на то что СССР не признавал себя преемником Российской империи, взятые ею на себя обязательства в отношении сфер влияния Советский Союз стремился соблюдать, сохраняя выгодный ему баланс сил и тем самым обезопасив свои восточные рубежи.

Несмотря на негативные оценки Портсмутского мирного договора, он обеспечивал России одно существенное преимущество – появлялась бесспорная сфера российского влияния и русских национальных интересов на Дальнем Востоке (Северная Маньчжурия, Барга, Халха), Япония строго соблюдала взятые на себя обязательства не вмешиваться в дела нашей страны в этом регионе: с формально-юридической точки зрения события на оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г. были действиями не Японии против СССР, а Маньчжоу-Го против МНР, т. е. конфликтом их сателлитов.

Вместе с тем, осознавая важность контроля СССР над Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД), японская сторона была заинтересована в овладении ею. Такая возможность появилась с образованием Маньчжоу-Го и снижением участия нашей страны в событиях в этой части региона: вслед за отменой экстерриториальности в сентябре 1920 г. и заключением в мае 1924 г. Советско-китайского соглашения, по которому СССР отказывался от всех прав по условиям неравноправных договоров, возникла необходимость обсуждения статуса КВЖД. 20 сентября 1924 г. в Мукдене было заключено Соглашение автономного провинциального правительства особого района трех восточных провинций Китайской республики с правительством СССР, которое подтверждало исключительно коммерческий характер КВЖД и вытекающую из этого советскую юрисдикцию. Окончательно перейти на тот момент в ведение Китайской республики помешал военный конфликт с Японией, который привел к отпадению Маньчжурии и образованию

государства-сателлита Маньчжоу-Го. И у новых властей, и у японских оккупационных сил было свое видение будущего КВЖД.

Осознавая высокую вероятность потери дороги в результате военного конфликта и желая избежать его любой ценой, советские власти приняли решение о продаже дороги. 23 марта 1935 г. в Токио между СССР и Маньчжоу-Го было подписано Соглашение об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Северо-Маньчжурской железной дороги (Китайской Восточной железной дороги). По условиям Соглашения сумма сделки составила 140 млн японских иен, из которых 46,7 млн иен должно было быть выплачено наличными через Акционерное общество «Промышленный Банк Японии», при этом 23,3 млн иен выплачивалась вместе с подписанием Соглашения, а оставшаяся часть с начислением 3 % годовых в виде казначейских обязательств: 6,3765 млн. иен – на 23 декабря 1935 г., 6,244875 – на 23 сентября 1936 г., 6,11325 – на 23 июня 1937 г., 5,981625 млн. иен – на 23 марта 1938 г. Курс иены привязывался к швейцарскому франку⁵¹⁶. Но здесь мы переходим от идеологических к экономическим и геополитическим интересам и инструментам их обеспечения.

2.3. Японская доктрина регионального политического порядка и идеология паназиатизма

В вопросе паназиатизма, его зарождения, развития и становления обопремся на позицию ряда американских, немецких и других ученых. Американская исследовательница японского происхождения Эри Хотта, выпускница Принстона и диссертант Оксфорда, в своей работе «Паназиатизм

⁵¹⁶ Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Вып. 4 / пер. с кит. М. Огуси; ред. Е. С. Павликовский. Харбин, 1937. С. 74.

и японская война 1931–1945 гг.»⁵¹⁷ воспроизводит стандартное японское восприятие термина «паназиатизм» – это утверждение о том, что азиатские страны должны объединиться под руководством Японии, чтобы противостоять вторжению западных великих держав в Азию, дополняя его своим комментарием о том, что на разных исторических этапах паназиатизм представлял собой историческую и ценностную категорию, которая отличалась от традиционной попытки свести воедино ряд признаков и тем самым вывести приемлемое определение.

Эри Хотта полагает, что дефиниция, в которой японское лидерство является неотъемлемым компонентом паназиатизма, размывает концептуальную направленность этой парадоксальной и «транснациональной и националистической» идеологии. Предположение о том, что все азиаты составляют единую общность, в значительной степени проистекало из либеральной интернационалистской идеи, популярной в 1870–1880-е гг. и на рубеже конца XIX – начала XX в. – в движении за демократические права в стране, а также из эстетического и художественного стиля, доминирующего среди азиатских интеллектуалов, повлиявшего на политические элиты Японии в период после победы над Россией в Русско-японской войне, которая многими влиятельными представителями японского общества как внутри страны, так и за ее пределами рассматривалась как победа азиатского народа над европейским⁵¹⁸. Ученый приводит две точки зрения: согласно либеральной точке зрения, паназиатизм никогда не создавался как концепция, оправдывающая *ex post facto* экспансионистскую войну, начавшуюся в 1931 г. и называемую «пятнадцатилетней войной» или «войной без альтернатив» (для Японии).

Уникальное положение Японии обуславливалось тем, что она была едва ли не единственным азиатским государством, которое избежало колонизации и у которого есть особая миссия по спасению других, более слабых азиатских

⁵¹⁷ Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. XII, 387 p.

⁵¹⁸ Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War ... P. 2.

народов от западного влияния⁵¹⁹. Здесь уместно вспомнить американского ученого, директора Центра азиатских исследований Университета штата Нью-Йорк в Буффало Томаса В. Брукамана, который в своем труде «Япония и Лига Наций: империя и мировой порядок в 1914–1938 гг.»⁵²⁰ в параграфе «Федерация Великой Азии» называет ряд паназиатских политических группировок, таких как Гэньёся (Общество черного океана), действовавшая в 1881–1946 гг. на территории Японской империи. «После крушения самурайских восстаний на заре периода Мэйдзи, основатели общества отказались от своих изначальных идей (возвращение к старым феодальным порядкам Японии с особыми привилегиями и государственными выплатами для класса самураев) и присоединились к антиправительственному общественному Движению за свободу и народные права (яп. 自由民権運動, *Дзию Минкэн ундо*), сформировало политическую организацию, выступавшую за создание национального парламента»⁵²¹. Кокурюкай, или Амурский союз (возник в 1901 г.), и Дабункай, или Ассоциация общей культуры (возник в 1898 г.), у истоков которых стоял Ацумаро Коноэ, чей сын Фумимаро занимал пост вице-президента этой организации с 1922 г. и президента с 1936 г. Их сторонники полагали, что Китай и Япония должны сформулировать общие цели, чтобы азиатская цивилизация могла процветать в Китае под руководством Японии.

За месяц до своего отъезда в качестве помощника главы японской делегации на Парижской мирной конференции Сайонзди Киммоти, молодой Фумимаро опубликовал статью, содержащую резкую критику Лиги наций. Т. В. Брукман подмечает, что его мысли приобретут особое значение 20 лет спустя, когда Коноэ, будучи премьер-министром, окончательно разорвет отношения с Лигой наций⁵²². И уже после начала военного конфликта 1 марта

⁵¹⁹ Ibid. P. 3.

⁵²⁰ *Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938.* Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. XV + 289 p.

⁵²¹ Гэньёся [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁵²² Гэньёся... P. 56.

1933 г. создается новая организация Дай Аджия Кюкай, или Дай Аджия Шуги (Ассоциация Великой Азии), одним из учредителей которой был принц Коноэ⁵²³. Ее целью объявлялось продвижение идеала восточноазиатского регионального единства, а миссией Японии – приведение азиатских народов к независимости и солидарности, переориентация и отход от европейских международных институтов, создание нового мирового порядка, основанного на расовом равенстве и справедливом доступе к ресурсам. Для этого Япония должна была сначала сформировать Великую азиатскую коалицию. Ассоциация великой Азии вносила свой вклад в заявленную миссию, изучая азиатскую культуру, политику, экономику, стремилась улучшить отношения между Японией и другими азиатскими странами и познакомить Японию с культурой этих стран⁵²⁴. Ассоциация организовала семинары и выступления по распространению паназиатизма, основала свой журнал “Dai Ajia Shugi”, чтобы знакомить широкую японскую общественность с ситуацией не только в Маньчжурии и Китае, но и в Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии, а также в странах Ближнего Востока⁵²⁵.

Конструируемый по инициативе Японии международный союз государств «Федерация Великой Азии» рассматривался как один из наиболее эффективных механизмов защиты Восточной Азии от культурного порабощения и со стороны Запада, и со стороны коммунистов. В уставе организации в качестве ее основной цели обозначалось обеспечение единства в культуре, политике, экономике, географии и др., а подлинный мир, процветание и развитие азиатских народов провозглашались возможными только на основе осознания Азии как единого целого и органического союза ее народов. Большая ответственность за восстановление и упорядочение Азии возлагалась на плечи Японии. Далее следовала инфраструктуризация: с целью расширения культурных связей правительство в 1934 г. учредило «Общество

⁵²³ Ibid. P. 201.

⁵²⁴ Japan's Asianism 1868–1945... 2009.. P. 59.

⁵²⁵ Ibid. P. 60.

международных культурных связей», чьей задачей было способствовать изучению и знанию японской культуры и интеллектуальному обмену с другими странами. Среди его активных деятелей был известный политик и дипломат Сигэмицу Мамору⁵²⁶. Уже в бытность свою премьер-министром, в 1938 г., Коноэ на базе Исследовательской ассоциации Шова создал своеобразный интеллектуальный центр, который к концу 1938 г. сформулировал концепцию «Нового порядка в Восточной Азии» в качестве определяющей доктрины японской политики в Китае. Сам премьер-министр считал, что создание восточноазиатского регионального блока и его эффективность зависят от того, как и когда Япония станет региональным лидером⁵²⁷. Именно этот фактор Эри Хотта связывала с тем, что в описываемый период времени наблюдался процесс интенсивной интеллектуализации в высших слоях японской политической элиты. По ее мнению, несмотря на то что отождествление японским правительством своей внешней политики с паназиатизмом началось в первые 5 лет «пятнадцатилетней войны», паназиатский подтекст стал более выраженным и радикальным к концу 1930-х гг.: «Утверждая, что война за Китай велась за более нравственный и справедливый мир, они [избранные интеллектуалы] фактически загнали Японию глубже в болото... [и в этом ракурсе]... мало чем отличались от неоконсерваторов в Соединенных Штатах в XXI в., сыграв решающую роль в придании еще большей идеализации японской [внешней] политики»⁵²⁸.

Среди молодых радикалов был и главный идеолог японского паназиатизма Кита Икки (1883–1937), который в 1919 г. опубликовал работу, известную под названием «Общий план реорганизации Японии», где он высмеивал и Лигу наций, и позицию В. Вильсона, а также призывал к радикальным изменениям, в том числе к лидерству Японии в

⁵²⁶*Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order...* P. 202.

⁵²⁷*Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War ...* P. 141.

⁵²⁸ *Ibid.* P. 142.

консолидирующемся обществе возрождающихся азиатских народов и подавлению «действенного пацифизма». Т. В. Брукман пишет, что книга Киты была запрещена властями, но оставалась популярной из-за призывов к соотечественникам поднять добродетельное знамя азиатского единства и взять на себя лидерство во всемирной федерации, которая должна быть создана Японией⁵²⁹.

Как писал профессор Гавайского Тихоокеанского университета Джон Дэвидан, военные радикализировались, что было вызвано сильным влиянием работ Киты Икки. Д. Дэвидан характеризует его взгляды как «марксистско-азиатскую спайку»: Кита Икки писал о капиталистической эксплуатации трудящихся и полагал, что именно западное влияние лежит в ее основе⁵³⁰, хотя известно, что японское руководство всегда и всеми способами стремилось пресечь распространение социалистических идей и на своей, и на подконтрольных территориях.

Консерваторы же настаивали на том, что Япония всегда была миролюбивой державой, окруженной в начале XX в. западными странами и втянутой ими в опустошительную войну. У них есть свое определение этой войны: «Дайто-сэнсо», или «Война в Большой Восточной Азии»⁵³¹. В целом без оценки тех ужасов войны, которые являются хрестоматийными и приводятся в качестве аргумента, определяющего Японию в качестве агрессора, мы отнесем свою позицию к точке зрения консерваторов, поскольку считаем, что именно позиция западных стран, подогревающих с разной степенью интенсивности развивающийся японско-китайский конфликт, и их активность в противопоставлении позиции Китая японским пожеланиям и требованиям заставила эти страны занять непримиримую позицию, которая в 1937 г. привела к полномасштабной войне.

⁵²⁹*Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order...* P. 99.

⁵³⁰*Davidann J. Th. Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations, 1919–1941.* N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 149–150.

⁵³¹*Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War ...* P. 4.

На примере кайзеровской Германии верность этой точки зрения подтверждают немецкий ученый Кристиан Спанг, профессор японского Университета Дайто Бунка (г. Токио) и профессор Рольф-Гарольд Виппич из Софийского университета в Токио в работе «Японско-германские отношения в 1895–1945 гг.: война, дипломатия и общественное мнение»⁵³². Эти ученые равным образом, как и Джон Дэвидан, полагали, что рубежным моментом в переосмыслении своего места если и не в системе мирового, то однозначно в системе регионального политического порядка Японии стала Русско-японская война. К. Спанг и Р.-Г. Виппич пишут: «С началом военных действий распространение идеи “Желтой угрозы” достигло новых высот. В частности, русские, французские и немецкие писатели и политики пытались убедить Запад, что, если Японии удастся разгромить Россию и контролировать Восточную Азию, она станет главой паназиатского блока, угрожающего Западу. Некоторые даже утверждали, что именно победа Японии над Россией сделает “желтую опасность” реальностью»⁵³³. Более прагматичным в этих вопросах оказался дипломат и историк Макс фон Брандт (1835–1920), пребывающий в тот момент в статусе дипломатического советника по делам Восточной Азии. Ему удалось убедить императора, что паназиатские претензии Японии удастся сдерживать истощением страны из-за войны и с учетом безопасности восточных границ и колоний Германии, именно Русско-японская война давала немцам политические и стратегические преимущества. Поэтому для уменьшения угрозы как со стороны России, так и Японии наиболее удобным сценарием была бы затяжная война на истощение без явного победителя⁵³⁴. К тому же здесь разыгрывалась беспроегрешная карта ослабления России, позволяющая западным державам обеспечивать свое доминирование и в регионе Восточной Азии. И японская политическая элита прекрасно понимала это. Так, премьер-министр Кацура Таро принял решение

⁵³² Spang Chr. W., Wippich R.-H. Japanese-German Relations, 1895–1945: War, Diplomacy and Public Opinion // Routledge Studies in the Modern History of Asia. N. Y.: Routledge, 2006. P. 88.

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ Spang Chr. W., Wippich R.-H. Japanese-German Relations, 1895–1945... P. 89.

не подвигать империю Цин к альянсу с Японией, чтобы не провоцировать Запад и не убеждать его в правдивости своих опасений «желтой угрозы».

По мнению К. Спанга и Р.-Г. Виппича, представители японских бизнес-элит не поддерживали идей паназиатизма, а, наоборот, подталкивала руководство страны к сотрудничеству с западными державами. Однако такие попытки и усилия сходят на нет к началу 1920-х гг.⁵³⁵ Ситуацию не улучшила, а скорее, наоборот, Вашингтонская конференция 1921 г., по итогам которой Япония на Дальнем Востоке становилась все более изолированной в международных отношениях, что в итоге толкало ее в сторону стран, проигравших Первую мировую не только в военном, но и в политическом плане.

Паназиатизм имел важное экономическое значение. По словам австралийского профессора Университета Мёрдока Сандры Уилсон, «чтобы прокормить растущее население, Японии пришлось искать новые рынки и осваивать новые территории. Японские претензии на Маньчжоу-Го были четко обозначены. Далее пришло время двигаться во Внешнюю Монголию, и затем – через Персию в Среднюю Азию. Шаг за шагом “Дальневосточная Япония” (kyokuto no Nippon) настоящего времени могла бы таким образом стать “Паназиатской Японией” (zen-Ajia no Nippon)»⁵³⁶. В продолжение этой мысли Д. Дэвидан писал, что в это же время МИД под руководством Сидехары Кидзюро продолжил сотрудничество с западными державами исключительно из-за необходимости обеспечивать исполнение торговых обязательств⁵³⁷. В течение непродолжительного времени были заключены договоры о торговле с Персией и Турцией, а затем, Япония совершила, по словам Д. Дэвидана, «драматичный шаг и официально признала большевистское правительство Советского Союза в 1925 г.»⁵³⁸ Этому предшествовала череда драматических событий на Дальнем Востоке и в Сибири, получивших в отечественной

⁵³⁵ Ibid. P. 93.

⁵³⁶ Wilson S. *The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33* / Routledge. London, 2002. P. 66–67.

⁵³⁷ Davidann J. *Th. Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations...* P. 105.

⁵³⁸ Ibid.

историографии название иностранной интервенции 1918–1920-х гг. Начало интервенции представители дипломатического корпуса Японии объясняли необходимостью защиты своих подданных, в отношении которых совершались убийства и другие неправомерные действия⁵³⁹. Япония называла себя дружественной России страной, страной, заинтересованной в ее развитии и не намеренной вмешиваться во внутривосточную ситуацию⁵⁴⁰. Командующий японской эскадрой во Владивостоке в обращении к жителям города объявлял о желании «немедленного искоренения междоусобиц и блестящего осуществления революции». Обосновывая свое участие защитой японских подданных, он заявлял о «глубокой дружбе и сочувствии русским властям и русскому народу»⁵⁴¹. А уже 2 августа 1918 г. к заявлению присоединилось Чпонское правительство. Подтверждая «чувство искренней дружбы к русскому народу [и]... самые горячие надежды на быстрое восстановление порядка в России и на здоровое и беспрепятственное развитие ее национальной жизни», японское руководство не преминуло оговориться, что «центральные европейские державы, используя хаотическое и беззащитное положение, в котором оказалась в последнее время Россия, закрепляют свою власть над этой страной и постепенно распространяют свою деятельность на Дальневосточное владение России»⁵⁴². В это же период зарождались разногласия между японской стороной и коммунистами, которые в дальнейшем переросли в открытое противостояние. Так, 3 июля 1920 г. японское правительство называло местных большевиков жестокими убийцами, говоря о том, что в настоящее время на Дальнем Востоке и в Забайкалье нет законного правительства⁵⁴³. Несмотря ни на заключенную 20 января 1925 г. Конвенцию об основных принципах взаимоотношений между

⁵³⁹ Сообщение японского генерального консула во Владивостоке председателю Приморской областной земской управы // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I ... С. 392–393.

⁵⁴⁰ Нота японского генерального консула во Владивостоке Владивостокскому городскому самоуправлению // Там же. С. 392.

⁵⁴¹ Объявление командующего японской эскадрой во Владивостоке, расклеенное в городе для всеобщего сведения // Там же. С. 393.

⁵⁴² Декларация японского правительства // Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I ... С. 394–395.

⁵⁴³ Декларация японского правительства... С. 385.

Союзом ССР и Японией, о которой речь шла в предыдущем параграфе, ни на то, что альянса с Советами у японского руководства не вышло и не могло выйти, японской стороне удалось выстроить эффективное взаимодействие с другими державами, которые в итоге и составляли так называемую «ось». Блок отдельных азиатских государств и политий впоследствии составил «Антикоммунистический пояс», Советский Союз сформировал «красный пояс» из государств-сторонников и сателлитов, а третью группу государств составляли Китай и поддерживающие его западные державы.

Американский исследователь Лю Сяюань, который значительное время провел во Внутренней Монголии и континентальном Китае, считает, что для китайского руководства выражение поддержки со стороны западных союзников в пользу уничтожения Японии имело гораздо большее значение, чем ее фактическое уничтожение. При этом лидеры Гоминьдана отчетливо понимали, что японский экспансионизм исторически поощрялся западными державами и по существу был продолжением западного империализма⁵⁴⁴. Профессор Лю пишет о том, что китайские руководители долгое время испытывали разочарование в связи с отказом Японии присоединиться к усилиям Китая против западного империализма, в итоге коалиции были составлены по весьма странному и противоречивому сценарию.

Национализм вообще и паназиатизм, в частности, назывались наследием доктора Сун Ятсена, в связи с этим члены Гоминьдана разделились в своем отношении к Японии. Так, один из его ярых сторонников Ху Ханьминь яростно критиковал позицию Чан Кайши, обвиняя его в нарушении принципов Сун Ятсена: политика Китайского правительства на тот момент была направлена на поиск путей урегулирования ситуации посредством переговоров с Японией и финансовой помощи от западных держав, в то время как доктор Сун предлагал объединение азиатских народов и избавление Азии от эксплуатации западных держав. Переговоры правительства Китая с

⁵⁴⁴*Xiaooyuan Liu. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 39.*

Японией были равносильны капитуляции перед японской «Доктриной Монро для Азии», и поиск западной помощи был не лучше, чем повторение старой самоубийственной практики «использования варваров против варваров»⁵⁴⁵.

Помимо меркантильной стороны, не меньшее, а может быть, и большее значение имела культурно-идейная основа. Во-первых, после инцидента в Маньчжурии правительственная комиссия рекомендовала изменить название «Япония» на «Ниппон», был осуществлен переход от китайского написания, принятого на Западе, на традиционное японское⁵⁴⁶.

Во-вторых, фактически осуществлена ревизия общественных ценностей, на основе которых приступили к формированию собственной пропагандистской политики посредством радио, печатных средств массовой информации и кино. Так, в 1933 г. при согласии министра армии Садао Араки создан фильм под названием «Япония в беде», наполненный клише в отношении западного образа жизни и мысли. Д. Дэвидан, интерпретируя его смысловую нагрузку, пишет: «В одной драматической сцене молодая японская девушка стоит на улице Токио в зимний вечер, продавая газеты, чтобы заработать деньги, необходимые для выживания своей семьи. В то время как японские солдаты-патриоты страдают за свою страну в Маньчжурии, другая сцена показывает японскую пару, танцующую в поздний час. Одетые в модные западные костюмы, под джазовую музыку, пара садится в автомобиль. В неожиданном и буквальном столкновении безудержного западничества и патриотизма пара мчится сквозь тьму и случайно совершает наезд на молодую девушку. На смертном одре умирающая девушка увещевает виновников к большему патриотизму и самоотверженности, в то время как и парень, и его девушка демонстрируют глубокий стыд. Иллюстрируя опасность наполненного удовольствиями эгоизма западной жизни, фильм произвел сильное впечатление на представителей японского общества»⁵⁴⁷.

⁵⁴⁵ *Xiaoyuan Liu*. A Partnership for Disorder ... P. 40.

⁵⁴⁶ *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations... P. 149–150.

⁵⁴⁷ *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations... P. 161.

В-третьих, используя корейский опыт, после начала военных действий в июле 1937 г. и занятия обширных территорий на севере и востоке Китая Совет по развитию Восточной Азии в сотрудничестве с Министерством образования в период с 1938 по 1941 г. проводил политику активного внедрения на занятых территориях японского языка. В 1941 г. его сменила Ассоциация по продвижению японского языка. Профессор Университета Нагоя Хаттори Мина пишет, что люди были вынуждены изучать японский язык не только в школах, но и на предприятиях и фабриках. Было осуществлено деление территорий на четыре уровня владения японским языком: 1) территории, в которых были учителя и школы с хорошим качеством преподавания, часто связанные с буддийскими сектами; 2) территории, где японский язык от 3 до 6 месяцев преподавали переводчики, тогда как школьные учителя не владели языком; 3) территории, где японский язык преподавали полицейские, пока они не были на службе; 4) территории, в которых отсутствовала система обучения японскому языку. В итоге те, кто хорошо владел японским языком, работали в правительственных структурах или в престижных, например железнодорожных компаниях⁵⁴⁸.

Что касается политического порядка, который Япония выстраивала, опираясь на паназиатское видение развития этой части земного шара, то здесь следует учитывать ряд моментов. Во-первых, ведущая роль в этом процессе принадлежала военным и имела глубокие исторические корни. Во-вторых, хотя бы внешне она носила плановый характер: континентальная политика была сформулирована в «Двадцати одном требовании Китаю» в 1915 г., где «красной нитью» проходила необходимость признания за Японией ее особого положения в Маньчжурии и Северном Китае, которое она поступательно усиливала и увеличивала. В-третьих, после того как в 1931 г. были присоединены северо-восточные провинции, созданные некоторое

⁵⁴⁸*Hattori Mina*. National and Colonial Language Discourses in Japan and its Colonies, 1868–1945 [Электронный ресурс] // Bachelor of Music. McGill University, 2008. P. 40. Режим доступа: <https://open.library.ubc.ca/media/stream/pdf/24/1.0072364/1>.

время назад на базе Маньчжурии, Япония сумела предотвратить активное международное вмешательство в этот процесс, а в 1933 г. присоединила Жэхэ.

Существовала потенциальная вероятность реставрации императорской власти в Пекине посредством возведения на «Трон Дракона» находящегося у японцев Пу Йи. Монгольские территории могли быть консолидированы в полусамостоятельную структуру с надеждой на присоединение Внешней Монголии, подогреваемые национализмом и идеей возрождения империи великого Чингисхана. При этом основные цели сводились к увеличению власти для обеспечения новых рынков и нового сырья для отраслей японской промышленности, а также для выстраивания буфера в противостоянии распространению коммунизма и влиянию Советской России. Поэтому здесь уместно будет рассмотреть идеологическую основу «антикоммунистического буфера».

Японские идеологи, конструировавшие внешнюю политику своей страны, были убеждены, что только формирование полунезависимых государств позволит предотвратить советскую угрозу. Желаемую модель преобразования СССР выражала формула «Великобритания – Европа: островное государство и равновесие сил»⁵⁴⁹. По этой причине Япония стремилась сокрушить коммунистов в Китае и обеспечить двойной контроль над Монголией, ведь она сохраняла равновесие российского и японского присутствия, а ее обширные равнины могли бы послужить стратегическим ключом к победе одной державы над другой. Но главное место в паназиатских планах на континенте занимал все-таки Северный Китай.

Идейным вдохновителем изменения его политической карты можно считать генерал-майора Хаяо Таду, командующего японскими войсками в Северном Китае, а непосредственным исполнителем стал Кэндзи Доихара, о котором речь пойдет ниже. Но для претворения его плана в жизнь требовались необходимые условия, к чему и приступила японская сторона. С этого

⁵⁴⁹ Japan and Norht China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 8.

момента четко прослеживается намерение создать буферную зону из Шаньдуна, Хэбэя, Шаньси и Чахара в качестве особой политической единицы между Маньчжоу-Го и Китаем⁵⁵⁰. Идея сводилась к установлению ряда подконтрольных режимов на территориях с преимущественно китайским населением, администрации которых принимали бы предложенные условия, как это было сделано в рамках аналогичного режима в Шанхае.

Затем, на фоне грядущих беспорядков, родился план автономизации не четырех, а пяти провинций с прилегающей к ним демилитаризованной зоной. Комментируя эти события постфактум, собственный корреспондент газеты «Вашингтон Пост» в Шанхае Марк Дж. Гинсбург в своем обзоре событий на северо-востоке Китая в феврале 1936 г. писал о том, что Доихара в течение 5 месяцев 1935 г. изменил всю политическую ситуацию в Северном Китае и установил, казалось бы, неразрывную связь между северными провинциями Китая и Японией. Все это он проделал, не потеряв ни одного солдата и не нарушив ни одной буквы международного права того времени и не ведя активных военных действий⁵⁵¹, которые сопровождали захват Маньчжурии в 1931 или формирование «новой Китайской Республики» под управлением в 1940 г. Разумная расстановка и распределение сил вдоль Великой китайской стены, глубокие знания китайских условий и умение командовать в полевых условиях, а также постоянная готовность Квантунской армии к любой чрезвычайной ситуации позволили Ван Цзинвэю или, как называло его экспертное сообщество и иностранные СМИ, «маньчжурскому Лоуренсу» добиться желаемых уступок от китайских генералов.

24 сентября 1935 г. генерал-майор Тада дал интервью, в котором образно обрисовал японскую политику создания автономии в Северном Китае. К нему прилагалась небольшая брошюра с кратким изложением основных позиций. Интервью и брошюра вызвали большую тревогу в китайском обществе и серьезные волнения в Японии. Тада попытался разъяснить свою позицию,

⁵⁵⁰ Japan's role in China // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.

⁵⁵¹ Ginsbourg M. J. North China "autonomy" // The Washington Post. 1936. Feb. 28. P. 9.

приведя некоторые соображения о китайско-японских отношениях и мнение на этот счет японских военачальников, а также высказал идею создания новой государственной организации на севере, политически и экономически независимой от правительства Нанкина.

Брошюра начиналась с изложения ряда положений, главное из которых состояло в том, что Китай стал жертвой «Западного империализма», и только Японская империя способна встать на защиту Китая и своих соотечественников, придерживаясь позиции уважения территориальной целостности Китая и поддержания дружбы и сотрудничества с Китаем ради сосуществования и взаимного процветания между двумя странами. Тада признавал, что Япония некоторое время была расположена следовать примеру Европы и Америки и даже громко защищала так называемую аннексию Китая, но эта политика не встречала понимания. Японская миссия, определенная Небесами, сводилась к тому, чтобы освободить азиатские народы от притеснения, но при наличии и другой божественной миссии – обеспечить ее собственное расширение.

В некоторых разделах брошюры очень точно использовался своеобразный социалистический стиль, который в определенной мере поддерживался в военных учреждениях Японии. Там говорилось о том, что Китай оказался не только под тиранией Запада, но его народные массы притесняются их собственными правящими классами, а последние правители – не что иное, как новый тип милитаристов, состоящих из гоминьдановцев и плутократов. Чан Кайши и его окружение объявлялись общим врагом Японии и китайского народа, потому что не в состоянии понять очевидный факт: Китай не может существовать без Японии и всегда был ареной для собственного обогащения за счет эксплуатации народных масс.

Значительная часть материала касалась экономических вопросов, зависимости Китая от западных техники и трудовых резервов, обеспечения средств к существованию и покупательской способности. Утверждалось, что для китайского народа понятными, привычными и лучшими являются

экономические отношения с Японией, которая готова предоставить свои рынки в обмен на поставку из Китая сырья.

Одним из важнейших принципов был объявлен принцип независимости, который сводится к обеспечению самостоятельности территорий японских интересов на континенте, после чего присутствие японских вооруженных сил будет уменьшено. Это же касалось и Маньчжоу-Го. Далее следовал подробный анализ китайской политики в отношении Японии, который заканчивался выводом, что у народа Китая с такими кликами и военачальниками нет никакой надежды на развитие. Здесь же упоминалось и о китайских коммунистах, которые использовали страну в своих целях для безопасности Внешней Монголии.

И, наконец, следовал вывод о том, что Япония должна действовать независимо. Сначала для сосуществования и взаимного благополучия двух стран необходимо создать на севере Китая, где политика комфортного сосуществования двух народов, японского и китайского, может быть наиболее легко и быстро реализована, своего рода зону процветания. Это послужит примером для других регионов распадающегося Китая. Китайские массы остро нуждаются в помощи и если в ближайшее время надлежащие меры не будут приняты, они окажутся в непоправимо бедственном положении. Подобная ситуация станет началом краха мира на Востоке. С этой точки зрения основной принцип новой политики Японии по отношению к Китаю заключался в тщательном искоренении подобных зачатков бедствия и спасении китайского народа с конечной целью совместного сосуществования и взаимного процветания народов.

Таким образом, первый шаг, который позволит воплотить в жизнь паназиатскую идею, заключается в превращении территории Северного Китая в землю мира, где китайцы и японский язык могли бы сосуществовать, а сами народы – жить в согласии и просвещении. Помимо культурного взаимодействия предполагались важные шаги и в области экономики, например создать единый рынок, где китайские и японские предметы

потребления и капитал не будут подвергаться опасности, а использоваться свободно. Такой шаг мог помочь развитию Маньчжоу-Го и продемонстрировать той части Китая, что лежала на юге, возможность создания счастливого общества при участии Японии, Китая и Маньчжоу-Го. Это, в свою очередь, гарантировало бы мир в Восточной Азии. Поэтому, делал вывод Тада, от решения «северо-китайского вопроса» зависел успех всего плана⁵⁵². Предложение Тады быстро нашло отклик как в среде военных, так и столице: военное ведомство методично добивалось пересмотра политического устройства. С началом реализации этого плана предлагалось расширить полномочия командования Квантунской армией для самостоятельного управления подконтрольными территориями пяти провинций Северного Китая.

Процесс автономизации выработывался японской стороной с 1933 г. Предлагалось несколько вариантов. В итоге был запущен проект создания автономного буферного государства из пяти северных провинций: Чахара, Суйюани, Шаньси, Хэбэя и Шаньдуна с прилегающими крупными политическими и экономическими центрами – Пекином, Тяньцзинем, Циндао.

Японская сторона под словом «автономия», в отличие от высокой степени автономии, на которую в это же время претендовала Внутренняя Монголия, понимала те взаимоотношения, в которых до 1931 г. находились власти Маньчжурии и Нанкинское правительство, а в исследуемый период – Нанкинское правительство и администрация в Кантоне. Кантон сохранял административный контроль над территорией и своими собственными доходами, но отчислял в адрес Нанкина необходимые средства для обслуживания внешнего долга⁵⁵³. Поэтому японская позиция в отношении статуса автономии состояла в сохранении в структуре Китая Региона пяти провинций с особым статусом. Особый статус предусматривал максимальное ослабление контроля центральной власти над автономным государством,

⁵⁵² A "Paradise" for North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 6. P. 22.

⁵⁵³ The misfire in N. China // *The Times*. 1935. Nov. 23.

смену ключевого кадрового состава, наличие во всех органах государственной власти японских советников, контроль над логистическими путями и таможенными пунктами, закрепление всех налоговых и прочих доходов за автономией, за исключением соляных, таможенных и железнодорожных сборов, которые будут направляться на погашение иностранных займов. Признание Маньчжоу-Го было скорее раздражающим фактором, призванным натолкнуть руководство Китая на мысль, что ситуация может быть еще хуже и сложнее.

Китайская же сторона настаивала на праве назначать своих чиновником без вмешательства третьих стран, распоряжаться финансовыми средствами по собственному усмотрению, соблюдать достигнутые международные обязательства, а военные, юрисдикционные и международные вопросы оставить в ведении центральной власти Нанкина.

Параллельно с этим шла методичная и аккуратная работа по внедрению в умы общественности единства двух наций и невозможности полноценного развития региона без их плодотворного взаимодействия. Так, в конце ноября 1935 г. в одном из газетных интервью японский представитель отмечал, что расовое и культурное единство Китая, которое способно победить все перипетии и неприятности и противостоять превратностям и угрозам остального мира, возможно при условии предоставления северу страны автономии. Он подчеркнул, что культурное единство признают и Маньчжоу-Го, и правительство в Кантоне, а потому японцы не так уж и не правы, а предлагаемая ими схема допускает различную степень самостоятельности регионов⁵⁵⁴. Такая позиция явно свидетельствовала о намерении сторонников идеи автономизации разделить Китай как минимум на три полунезависимых региона с признанием со стороны северных территорий наличия общности интересов с Маньчжоу-Го и Японией.

⁵⁵⁴ New turn in China // The Times. 1935. Nov. 21.

В результате «дипломатических маневров, давления на представителей местной власти и угрозы применения военной силы» к середине февраля 1936 г. территория площадью 154185 кв. миль с населением около 50 млн человек перешла под окончательный контроль Японии. В орбите японского влияния только Хэбэй как одна из самых образованных и богатых провинций Китая насчитывала около 39 млн человек. Внешняя торговля здесь через ключевые порты составляла 175 млн долларов США ежегодно, а большая часть бизнеса, основанного на импорте и экспорте, была связана с Соединенными Штатами.

Такой результат был достигнут фактически без единого выстрела и привлечения широкого внимания других держав. Студенты были единственной группой граждан, которая высказала открытые возражения против того, что происходило на севере. Япония же извлекла урок, как приобрести новую территорию, не привлекая излишнего внимания таких людей, как комиссары Литтона, которые, в свою очередь, «спрятали» свое «маньчжурское приключение» и больше вопросов о законности отделения Маньчжурии открыто не поднимали. А укрепление позиций в Хэбэе и Чахаре позволило консолидировать военные круги внутри страны и сформировать аналогичные задачи в отношении других китайских провинций к северу от Хуанхэ.

Еще одним результатом было то, что японские советники были направлены в каждую создаваемую правительственную структуру, а представители китайского правительства хоть время от времени и посещали Северный Китай, но подвергались обстрелу, угрозам и оскорблениям. Японские СМИ и японские издания в Китае регулярно публиковали повторяющиеся сообщения о том, что лидеры автономии намерены убивать представителей Нанкина по их прибытии в Северный Китай, поэтому они там надолго не задерживались.

Автономизация осуществлялась в условиях противостояния военного и дипломатического ведомств, что внесло существенные коррективы и в проект, и результаты его реализации. Однако на этом этапе Министерство

иностранных дел оказалось более способным к конструктивным действиям без силового давления: несмотря на желание и стремление военных прибегнуть к силе в ходе продвижения вглубь континента, она не применялась за исключением некоторых случаев, называемых инцидентами. И во многом благодаря этому противостоянию полноценную автономию на заявленных Японией территориях пяти провинций создать на этапе 1935–1937 гг. так и не удалось.

Поэтому Япония перешла к реализации плана создания отдельных автономных буферных режимов, не являвшихся абсолютно независимыми от Китая, но контролировавшихся японской стороной. Аналогом послужила модель Внешней Монголии, которую СССР признавало китайской территорией, но официально обозначало зоной своих интересов, имея при этом свободный выход и контакты с Маньчжоу-Го и Японией.

Нанкинское правительство никогда не было ни популярным, ни сколько-нибудь влиятельным в Северном Китае, который всегда рассматривался военачальниками как собственная вотчина. Незадолго до описываемых событий по региону прокатилась серия крестьянских восстаний, которые были организованы под руководством местных общин, служили демонстрацией отчаянного положения крестьянства и почти наверняка подстрекались японскими агентами. Что касается Чахара и Суйюани, то в них движение за автономию носило характер националистический и направленный и против Китая, и против Японии.

Японии же за относительно короткий срок удалось отторгнуть Маньчжурию, Жэхэ, Чахар и Хэбэй. На этом продвижение замедлилось, уступая место политической игре, сутью которой было создание сети автономных правительств, когда политическая карта Китая должна была чем-то напоминать карты ранних периодов его истории. В краткосрочной перспективе сохранение такой раздробленности создавало благоприятные условия для японского доминирования в регионе; в долгосрочной – дезорганизованная в административном плане огромная территория,

перегруженная военными, охваченная бесчинствами бандитов, принесла бы мало пользы японской торговле. В связи с этим основная задача, помимо наведения порядка, заключалась в реорганизации китайской промышленности и добычи⁵⁵⁵, а также в формировании более-менее устойчивых политических институтов на подконтрольных территориях.

Движение за автономию без отделения от Китайской Республики и юридического провозглашения независимости показало эффективность на примере Восточного Хэбэя. Маленький прибрежный участок земли имел договорные гарантии о демилитаризации, по которым китайские войска не могли присутствовать на провозгласившей автономию территории, поэтому здесь и удалось сформировать автономное правительство во главе с этническим китайцем, лояльным Японии.

Движение за автономию пяти провинций с населением 75 млн человек не могло быть успешным из-за нелояльного отношения губернаторов к Японии, оправдывающихся якобы запретом Нанкина взаимодействовать как с японской стороной, так и с коллаборационистами. Естественно, что это был лишь формальный повод, ведь Нанкин вывел со спорных территорий национальные войска и не имел фактической возможности оказывать давление на губернаторов⁵⁵⁶. В итоге к 1937 г. было создано около дюжины автономных или полуавтономных буферных зон как на севере от Хуанхэ, так и к югу от нее. При этом процесс автономизации не прекратился, а развивался по разным сценариям.

Первый сценарий предусматривал присоединение к провинциям Хэбэй и Чахар с административным «автономным» органом, созданным в декабре 1935 г. главой Хэбэйско-Чахарского политического совета Сун Чжэюанем, Шаньдуна, Шаньси и Суйюани, о чем заявил генерал Доихара в середине февраля 1936 г.⁵⁵⁷ Забегая вперед, скажем, этот план не удался.

⁵⁵⁵ Two theories in Japan Pan-Asia and beyond. Chinese resistance // The Times. 1936. Jun 12.

⁵⁵⁶ What Japan does want the situation in North China // The Times. 1937. Jan. 5.

⁵⁵⁷ North China autonomy // Ibid. 1936. Feb. 18.

Второй сценарий касался развития автономии на востоке Хэбэя.

Третий предусматривал создание нового государства Монгол-Го (Монгольское государство), охватывающего значительную часть Внутренней Монголии. Менее чем за год до этого Политический совет в Байлинмяо принял резолюцию, свидетельствующую о его лояльности к правительству Нанкина, но спустя непродолжительное время монголы перешли под контроль японских офицеров. Чахар практически полностью контролировался Монгол-Го, а несколько хошунов в Суйюани готовы были уйти из-под власти не столько Нанкина, сколько генерала Фу Цзои, губернатора этой провинции, которого они обвиняли в многочисленных преступлениях⁵⁵⁸. Данный сценарий, как и следующие два, в связи с его явно этнической окраской выходит за пределы предмета нашего исследования.

Четвертый касался востока Чахара, где генерал Лю Квейтан и генерал Ли Шоусин, возглавлявшие командование вооруженных сил Маньчжоу-Го, должны были возглавить «Восточно-Чархарское антикоммунистическое автономное правительство»⁵⁵⁹. Автономизацию Восточного Чахара предполагалось осуществить до марта 1936 г., после чего японская сторона намеревалась включить Маньчжоу-Го, Восточный Хэбэй, Восточный Чахар и Внутреннюю Монголию в Объединенную конфедерацию государств под японским контролем⁵⁶⁰. Однако на практике все вышло несколько иначе: Восточный Чахар вошел в состав Монгол-Го, а Восточный Хэбэй оставался в составе Китая до 1940 г.

Пятый сценарий предполагал автономизацию Шаньси и был реализован к осени 1937 г. Японские войска быстро захватили столицу провинции Тайюань, генерал Янь Сишань вместе с правительством покинули город и обосновались в Линьфэнь – в южной части провинции⁵⁶¹, а в северной части

⁵⁵⁸ Japanese domination in N. China // The Straits Times. 1936. Feb. 18. P. 20.

⁵⁵⁹ Rebels advance on Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1935. Dec. 29. P. 1.

⁵⁶⁰ Confederation of states in North China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 8. P. 15.

⁵⁶¹ Japanese advance in Shantung. A daring pilot // The Times. 1937. Oct. 5.

территории было создано автономное правительство Цзиньбэя, ставшее частью монгольской конфедерации и южной окраиной Мэнцзяна⁵⁶².

В качестве шестого сценария к середине января 1936 г. была предложена идея создания автономного правительства в Шаньдуне⁵⁶³. Чтобы создать между верными Нанкину провинциальными властями и командованием Квантунской армии напряженные отношения, которые позволили бы установить контроль над этой территорией, японцы потребовали от местных властей разрешения разместить вблизи столицы провинции полк своих военных, чтобы обеспечить защиту японских жителей. Губернатор провинции генерал Хань Фучу это требование отклонил⁵⁶⁴. Несмотря на провал идеи автономизации Шаньдуна, остальные районы успешно решали поставленную задачу. Однако вопрос об установлении контроля над Шаньдуном был лишь отложен. Уже 3 октября 1937 г. японцы захватили несколько мелких населенных пунктов в провинции и двинулись по железной дороге с целью захватить столицу Цзинань и добились своего. Властям было предложено сформировать совместную комиссию для защиты своих интересов и развития ресурсов. Провинциям, находившимся в центральном подчинении, было предложено продолжить сотрудничество с японцами, «принять» японских советников и допустить японский капитал участвовать в процессе экономического развития региона. В ответ Япония обещала продлить железнодорожную ветку от Жэхэ в направлении Западной и Внутренней Монголии, а также построить линии, соединяющие железные дороги Тяньцзинь – Пукоу и Пекин – Ханькоу⁵⁶⁵. Вопрос о признании Маньчжоу-Го с повестки обсуждения был снят, все усилия были направлены на нормализацию торговли, сокращение таможенных пошлин и др.

⁵⁶² Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна / науч. ред. К.Б.-М. Митупов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014. С. 193–199.

⁵⁶³ Shantung to become autonomous state? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 16. P. 1.

⁵⁶⁴ Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 17. P. 1.

⁵⁶⁵ New plan North China cooperation with Japanese // The Times. 1936. Aug. 14.

Седьмой сценарий разворачивался в другой части региона, в Шанхае, где японская ассоциация жителей города выделила 140 тыс. долларов США на организацию движения за автономию с привлечением местных жителей. Ситуация вызревала с 1932 г. После Китайско-японской войны различные сомнительные личности начали в Шанхае якобы на японские средства движение за самоуправление, рухнувшее после оперативных мер со стороны китайской полиции, а зачинщик и ряд его подчиненных были арестованы и казнены. В итоге у японской стороны созрел план создания автономной зоны в духе Восточного Хэбэя с постоянным размещением японских войск⁵⁶⁶, который был вскоре реализован.

Восьмым сценарием предусматривалось создание аналогичных режимов в занимаемых регионах по мере продвижения Японии вглубь континента, например в провинции Фуцзянь⁵⁶⁷, которая в описываемый нами период все еще контролировалась гоминьдановской администрацией.

Наконец, девятый сценарий предполагал воссоздание цинской государственности с участием бывшего императора Пу Йи, особенно много сторонников этой идеи оказалось на севере, где институт монархии был традиционным. Впервые об этом заговорили в середине декабря 1935 г. после получения информации из Мукдена об идее генерала Дохихары осуществить насильственную оккупацию пяти северных провинций, прежде чем предпринять необходимые шаги по возведению Пу Йи на императорский трон в Пекине⁵⁶⁸. Спустя почти год, 18 октября 1936 г., племянник премьер-министра Маньчжоу-Го Чжан Цзинхуэя прибыл в Тунчжоу, чтобы встретиться с Инь Жугэном с целью получить поддержку прояпонских китайских чиновников, которые считали, что восстановление монархической формы правления для Китая является наиболее желательным⁵⁶⁹, одновременно добившись от японцев заверения о целесообразности восстановления Пу Йи в

⁵⁶⁶ Diplomatic Dinner Party Parleys // The Straits Times. 1936. Oct. 13. P. 11.

⁵⁶⁷ War clouds over orient // The New York Sun. 1936. Aug. 13. P. 4.

⁵⁶⁸ Situation Worsens In East Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 13. P. 10.

⁵⁶⁹ Monarchy again in China // Ibid. 1936. Oct. 19. P. 9.

качестве императора Китая с резиденцией в Пекине. В феврале 1937 г. часть коллаборационистов в Восточном Хэбэе открыто поддержала план создания нового режима в Северном Китае во главе с бывшим китайским императором Пу Йи⁵⁷⁰. Уверенности в успехе данного плана прибавляла смена политического руководства Японии.

По мнению экспертов, новый кабинет генерала Хаяси оказался решительней, чем кабинет Хироты⁵⁷¹: даже несмотря на то что в течение многих месяцев Северный Китай был спокоен, самые умеренные прогнозы говорили о возобновлении японской кампании на севере по установлению автономного или независимого режима во главе с Пу Йи. В связи с этим под прямым ударом из Маньчжоу-Го потенциально находились Пекин и Тяньцзинь. Именно через них японская сторона смогла бы расширить сферу влияния за счет укрепления автономного режима Восточного Хэбэя и далее – присоединив весь Чархар, Шаньдун, Шанси и Суюань. Но японцы в качестве итоговой модели обустройства политического порядка выбрали и республиканскую форму правления, и другого лидера – изгнанного гоминьдановца Ван Цзинвэя.

Таким образом, к началу 1937 г. главным стал вопрос не только об автономизации северных провинций в рамках расширения возможностей экономического сотрудничества между китайской и японской стороной, но и об их консолидации. Попытки сформировать единую автономную власть на севере пока не имели успеха в связи с нежеланием различных провинциальных лидеров пожертвовать своей самостоятельностью. В итоге предложенная схема переформатировалась в сеть, состоящую из несколько мелких режимов с разгулом преступности и контрабандной. Тем не менее японцы не отказались от планов объединения территорий.

Трансформация политической системы в Северном Китае предопределила дальнейшую судьбу региона, который к 1937 г. находился в

⁵⁷⁰New regime in North China? // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 7. P. 18.

⁵⁷¹Malaya and China Parley // Ibid. Feb. 14 P. 5.

стадии консолидации. Были названы основные направления государственной политики нового образования, способствующие миру и процветанию на Дальнем Востоке: полное уничтожение коммунистической агитации и антияпонской идеологии в Северном Китае; обеспечение автономии учебных заведений; сохранение традиционной культуры; создание механизма китайско-японского культурного сотрудничества для вытеснения антияпонской пропаганды⁵⁷². Японцы намерены были консолидировать в автономную республику пять северных провинций – Хэбэй, Шаньси, Шаньдун, Чахар и Суйюань. Японские правящие круги заявили, что планируют сделать Бэйпин/Пекин столицей с резиденцией нового правительства и вернуть ему прежнее название – Пекин, учредить должность президента и созвать парламент.

Одной из важнейших идеологических составляющих обеспечения японского присутствия в этой части Китая была политика по пресечению антияпонских выступлений и заключение Антикоммунистического пакта со своими сторонниками. Для националистического правительства Китая коммунистическая опасность стала реальной в начале апреля 1935 г., когда появилась информация о том, что Чан Кайши побежден коммунистами в области Гуйчжоу, и хотя позже было сообщено, что эта была проверка сил китайской армии, правительство понимало, что коммунистическая опасность сохранялась. Кроме того, коммунистические войска были окружены в крепости в Цзянси осенью 1934 г., но им было позволено уйти без серьезных потерь на запад, а коммунистические ячейки сохранялись на обширной области приблизительно в пяти провинциях, а две многочисленные группировки были расположены в Сычуани, на севере Янцзы, и две – в Гуйчжоу и Юньнани, на юге. До сих пор они оказывались слишком сильными для провинциальных сил, поэтому Чан Кайши был вынужден преследовать их с войсками центрального правительства. Следуя вдоль Янцзы, он

⁵⁷² *Sheba K.* Japs plan to set up a new puppet state in N. China // *Chicago Daily Tribune*. 1937. Oct. 7. P. 3.

предотвратил продвижение коммунистов, но их рассеянные по округе силы продолжали демонстрировать боевую готовность. Затем они устремились на север Янцзы, по направлению к Ганьсу и Внутренней Монголии⁵⁷³.

К июлю 1936 г. многие из отдельных групп еще раз объединялись в пределах Ганьсу и Шэнси⁵⁷⁴, получив, таким образом, возможность угрожать японцам в Маньчжоу-Го и подкрепить советское влияние во Внешней Монголии. Коммунисты перешли к тактике единого фронта всей нации. На первоначальном этапе это предложение было отклонено, что поставило Чан Кайши в трудное положение, поскольку некоторые представители китайской политической элиты были склонны к принятию японской военной и финансовой помощи в борьбе с коммунистами. И несмотря на недопустимость этой мысли самим генералиссимусом и его окружением, японцы фактически сумели устранить всех, кто был настроен против них в Северном Китае⁵⁷⁵. В итоге требование автономии для региона стало звучать в унисон с призывами к борьбе с коммунизмом.

Схема, предложенная японской армией для военного антикоммунистического сотрудничества, представлялась для Китая совершенно несостоятельной, прежде всего потому, что пришлось бы открыть доступ японским войскам к внутренним районам Китая. На это предложение руководство Китайской Республики заявило, что с удовольствием поучаствовало бы в предложенной японцами схеме, но не в центральных районах, а в Маньчжурии, провинции Жэхэ, в Восточном Хэбэе и Северном Чахаре. Да и в целом Китай смог бы справиться со своими проблемами без посторонней помощи в остальной части страны. Японцы юмор не оценили и уклонились от дальнейших переговоров. Между тем Чан Кайши дал нации торжественное обещание, что он восстановит власть центрального правительства над Хэбэем и Чахаром⁵⁷⁶. Уже к началу 1937 г.

⁵⁷³ The Communists in China // The Manchester Guardian. 1935. Apr. 5. P. 10.

⁵⁷⁴ Chinese Puzzle // Ibid. 1936. July 15. P. 10.

⁵⁷⁵ Japan's military politicians // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 22. P. 5.

⁵⁷⁶ Abend H. Chinese beat back allies of Japanese // The New York Times. 1936. Nov. 12. P. 1.

антикоммунистическое движение настолько окрепло, что помимо Хэбэя и Чахара вовлекло в свою орбиту Шаньдун⁵⁷⁷ и несколько других провинций, попавших в сферу японского влияния. В числе этих провинций оказались и те, что сегодня составляют автономный район Внутренняя Монголия в составе КНР.

С началом Синьхайской революции осенью 1911 г. монгольские земли попытались объявить независимость и не признали за Китайской Республикой правопреемства от распадающейся империи Цин. Северной, или Халха-Монголии удалось обеспечить самостоятельность сначала при участии Российской империи, затем – молодого Советского государства. К ней попытались присоединиться многие княжества (хошуны) Внутренней Монголии. Основным инструментом вовлечения их в объединительный процесс выступал национализм, принявший характер панмонголизма. Но по ряду объективных и субъективных причин консолидации монгольских земель не произошло.

Вместе с тем панмонголистские настроения не утратили своей актуальности и в 1930-е гг., чем умело воспользовались японцы. Несмотря на то что в Европе национализм не доказал свою жизнеспособность, в Восточной Азии, как на севере, так и на юге, ситуация с этим вопросом развивалась совсем по другому сценарию, поэтому японская сторона рассчитывала на то, что союз монгольских племен мог стать крупным политическим игроком на Дальнем Востоке⁵⁷⁸. А тот факт, что Япония следовала каждой детали плана барона Танаки по завоеванию Северной и Центральной Азии, демонстрировало недавнее прибытие ряда японских военных офицеров в китайский Туркестан для организации провокаций среди мусульманских лидеров и подстрекательства их к установлению независимого государства в Туркестане⁵⁷⁹.

⁵⁷⁷ Anti-Red pact in N. China? // The Straits Times. 1937. Jan. 13. P. 19.

⁵⁷⁸ Mongolian Manoeuvres // The Manchester Guardian. 1936. Jan 14. P. 8.

⁵⁷⁹ Carrying out tanaka plan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Oct. 10. P. 2.

Однако известный исследователь Оуэн Латтимор автор более 100 работ, посвященных главным образом Китаю и Монголии, среди которых «Маньчжурия – колыбель конфликта», «Пустынная дорога в Туркестан», «Монголы Маньчжурии» и др., считал, что японское продвижение в сторону места проживания китайских мусульман на северо-западе, к жизненно важным воротам в сторону советского Дальнего Востока утратило актуальность: японцы застряли на долгие месяцы во Внутренней Монголии, пытаясь достигнуть прогресса в продвижении по узкому коридору в западном направлении. Быстро передвигающиеся японские соединения в первые месяцы войны захватили всю железную дорогу на северо-западе от Пекина вдоль границы с Внутренней Монголией и г. Баотоу, на северном берегу Хуанхэ. Именно там они и застряли, не в состоянии сделать рывок более чем на 50 миль дальше от железной дороги, при этом прекрасно понимая, что они не смогут пробраться дальше, если не подчинят полунезависимых китайских мусульман, которые всегда стоят на страже у ворот в Центральную Азию.

В 1937 г. Латтимор был в этой стране и видел мусульманских коммунистов, готовых бороться вместе с Красной армией. С тех пор при помощи постоянных поставок из Советской России, проходящих через мусульманские территории, Китайское правительство улучшило отношения с местным населением. Мусульмане стали получать от китайцев то, что японцы только обещали дать. Кроме того, они могли видеть, что независимо от обещаний, данных Японией, масштабное движение в поддержку японской политики отсутствовало во Внутренней Монголии⁵⁸⁰. Поэтому перспективы продвижения Японии от Внутренней Монголии и далее по мусульманским территориям на северо-запад были неясны.

Еще одной серьезной проблемой было потенциальное соглашение о союзе с Советской Россией против Японии, выдвинутое коммунистами Китая, а также допущение со стороны властей возможности коммунистам бежать в

⁵⁸⁰ Inner Mongols will not joint Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. July 6. P. 8.

Северо-Западный Китай, что создавало бы угрозу безопасности внутренних провинций. Однако руководство Китая не считало необходимой помощь СССР в разрешении японской угрозы и не собиралось потворствовать усилению коммунистического влияния.

Среди внешних условий, стоявших на пути японских планов по установлению контроля над монгольскими территориями, можно назвать прежде всего ситуацию с Советской Россией на Дальнем Востоке. По мере исхода советских граждан из Маньчжоу-Го отношения между Японией и Россией становились все более напряженными. Населению, проживающему вдоль границы Маньчжоу-Го и Сибири было приказано эвакуироваться, подготовка к войне продолжалась непрерывно⁵⁸¹. Протокол о взаимопомощи, заключенный между СССР и МНР 12 марта 1936 г., был встречен резким осуждением Японии, Маньчжоу-Го и теперь уже Китая. Однако для Советского Союза заключение протокола имело важнейшее стратегическое значение, поскольку Маньчжоу-Го, прилегающее своей протяженной северной границей к советским дальневосточным регионам, имело большую армию, одной из целей которой является поглощение Внешней и Внутренней Монголии как прелюдия ко второй русско-японской войне.

Для Советской России угроза была реальной и объясняет, почему И. В. Сталин дал такое откровенное интервью Рою Говарду, знаменитому американскому журналисту. В интервью Иосиф Виссарионович сообщил без колебаний, что Советская Россия будет бороться за независимость Внешней Монголии. Россия осознает, что это вопрос жизни и смерти, что «божественная миссия» Японии должна, в конце концов, быть остановлена. В силу определенных причин Россия видит возможность прекращения осуществления данной миссии в решении проблем, связанных с Внешней Монголией.

⁵⁸¹Nanking-Mongol clash feared // The Straits Times. 1933. Nov. 2. P. 11.

У Китая обида, даже более законная, но его протесты выглядят жалко с тех пор, как он абсолютно не в силах ни на что повлиять. Номинально Внешняя Монголия – часть республики, признанная Российской в 1924 г., но Маньчжурия – тоже часть республики. Китай за прошедшее с 1924 г. время был неспособен осуществлять контроль над Внешней и Внутренней Монголией, не в состоянии удержать любую власть на монгольских территориях, и российское участие на данной территории является предупреждением не Китаю, а Японии. Япония намерена завоевать или другим путем приобрести эту территорию, создав там марионеточное государство, чтобы включить местное население в орбиту влияния Маньчжоу-Го, чтобы широкие равнины Внешней Монголии обеспечили защиту от врага. Но к этому времени А. Гитлер, скорее всего, будет готов вторгнуться на запад России, поскольку серия пактов о ненападении пока еще недостаточно эффективна, чтобы исключить этот вариант. Любая агрессия Германии против России в соответствии с заключенным договором вынудит вмешаться в этот процесс Францию. Французская атака против Германии вовлечет в борьбу уже Великобританию, вопрос только, на чьей она будет стороне. Именно поэтому Монголия, которая сейчас кажется такой далекой, представляет жизненно важный интерес. Военный министр США напомнил, что «война в любой части мира может вовлечь в нее даже те страны, которые территориально удалены», что является только более широкой трактовкой утверждения М. Литвинова: «Мир неделим»⁵⁸².

Что касается открытия российско-японских переговоров по торговому соглашению, «Таймс» говорит, что трудно понять, какую компенсацию Япония может предложить России за отказ от своих политических и коммерческих интересов в Китае, но даже в этом случае есть и другие державы, которые не склонны уходить с Дальнего Востока. Американское правительство дало понять, что отмена их договора о торговле с Японией

⁵⁸²The Soviet-Mongol Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 9. P. 8.

является ответом как на нарушение Японией Договора о девяти державах, так и на многочисленные нарушения американских прав в Китае. Очевидно, что экономический конфликт между Японией и Америкой будет иметь катастрофические последствия для японских финансов⁵⁸³. Таким образом, борьба с коммунизмом вообще и коммунистическим движением, будь то во Внешней Монголии или на китайских окраинах, имела для Японии важное политическое и идеологическое значение.

Действенным инструментом такой политики стали ведомственные или межведомственные конференции и заседания совещательных структур при японском императоре, на которых принимались ключевые политические и военные решения действий японской стороны на континенте. В ряде случаев конференции заканчивались принятием тех или иных документов, именно поэтому мы и говорим о доктринальном характере политики Японии по формированию регионального политического порядка. Приведем основные результаты наиболее знаковых мероприятий.

Так, 15 августа 1936 г. императору Хирохито неофициально была доложена национальная и международная политика кабинета премьер-министра Хироты, где целью империи объявлялось стремление стать стабилизирующей силой, гарантирующей мир в Восточной Азии, а основой национальной политики – обеспечение прочной дипломатической и военных позиций на восточноазиатском континенте и расширение национального влияния до самых Южных морей. К докладу прилагался краткий план реализации этих задач⁵⁸⁴. Внешняя политика империи должна быть направлена на поддержку Маньчжоу-Го, продвижения мирным путем в районы Южных морей, разрушение агрессивных советских планов в отношении Дальнего Востока и т. д.⁵⁸⁵ Одним из основных положений плана значилось превращение Северного Китая в особый район, где Япония,

⁵⁸³Wang Ching Wei regrets first rush at The Bait // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Nov. 26. P. 1.

⁵⁸⁴Томиока Садатоси. Указ. соч. С. 217.

⁵⁸⁵ Там же. С. 219.

Маньчжоу-Го и Китай объединятся для совместной обороны против коммунистического нашествия Советского Союза⁵⁸⁶. Заявленные планы были полностью реализованы.

Состоявшаяся в середине марта 1937 г. в Шанхае конференция японских военных атташе в Китае приняла ряд принципиальных решений: во-первых, о совместных действиях против любых шагов по отмене автономии в Восточном Хэбэе, препятствуя таким образом каким бы то ни было действиям против Японии и Маньчжоу-Го в Северном Китае; во-вторых, о необходимости активизировать усилия по закреплению на участках в долине Янцзы, которые планируется занять под нужды военно-морских баз в случае чрезвычайной ситуации; в-третьих, о необходимости ускорить создание антикоммунистического блока Китая, Японии и Маньчжоу-Го. Следом за этим в марте 1937 г. в Тяньцзине открылась новая конференция японских военных атташе⁵⁸⁷.

16 апреля 1937 г. Кабинетом нового премьер-министра Хаяси была сформулирована политика и руководящие принципы в отношении Северного Китая. Главной целью политики объявлялось превращение этого района в антикоммунистическую, прояпонскую и проманьчжурскую зону и одновременно овладение национальными оборонительными ресурсами и развитие транспортных структур⁵⁸⁸. Для этого предусматривались преимущественно экономические меры. Главной целью политики по отношению к местным режимам являлось налаживание практического сотрудничества для расширения японских прав и интересов, а также одновременное формирование прояпонских тенденций во всем Китае. Главная цель политики по отношению к Внутренней Монголии – завоевание доверия монголов к Японии⁵⁸⁹. Далее отмечалась позиция, которую следует принять для руководства Северным Китаем. В частности, говорилось, что японская

⁵⁸⁶ Там же. С. 220.

⁵⁸⁷ East Hopei regime's future // The Straits Times. 1937. Mar. 18. P. 16.

⁵⁸⁸ Томиока Садатоси. Указ. соч. С. 223.

⁵⁸⁹ Там же. С. 224.

политика по отношению к Северному Китаю из-за географических особенностей данного региона часто вызывает у Китая и других держав предположение, что Япония пытается расширить буферную зону, отодвинуть границы Маньчжоу-Го и добиться независимости Северного Китая. Поэтому в осуществлении своей политики по отношению к Северному Китаю в будущем необходимо было строго воздерживаться от любого поведения, которое могло создать нежелательное непонимание, и сосредоточить усилия на культурных и экономических мерах, направленных на обеспечение мирной и удобной жизни населения региона. Это поспособствует достижению главной цели. В руководстве восточно-хэбэйско-чахарским режимом должна была быть принята справедливая позиция, сводящаяся к завоеванию доверия населения путем уничтожения влияния военных клик в финансовой, экономической, военной и других сферах. В руководстве Восточно-Хэбэйским автономным правительством японцы должны были бороться за улучшение его внутреннего управления, сделав эту территорию образцовым местом, где люди смогли бы жить мирно и удобно, свободные от эксплуатации со стороны военных клик⁵⁹⁰. Основной целью политики в провинциях Шаньдун, Шаньси и Суйюань являлось их сближение с Японией путем постепенного осуществления культурных и экономических мер, направленных на установление дружественных взаимоотношений и сотрудничества между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем⁵⁹¹.

Уже в разгар военных действий, 11 января 1938 г., в присутствии императора была принята «Фундаментальная политика в отношении Китайского инцидента». Ее фундаментальным принципом объявлялось «[с]оздание совместно с Маньчжоу-Го и Китаем оси сотрудничества для мира на Востоке... Эта ось, в свою очередь, послужит ядром для установления глобального мира»⁵⁹². В Приложении «Го» оговаривались особые условия

⁵⁹⁰ Томиока Садатоси. Указ. соч. С. 225.

⁵⁹¹ Там же. С. 226.

⁵⁹² Там же. С. 241.

мирных переговоров между Японией и Китаем, среди которых на первом месте значилось признание Китаем Маньчжоу-Го, и далее объявлялись условия о создании в Северном Китае и Внутренней Монголии демилитаризованных зон; формирование для Северного Китая «под руководством китайского правительства подходящих структур, которые сделают реальностью сопроцветание Японии, Маньчжоу-Го и Китая, и наделит эти структуры обширными полномочиями с целью удовлетворительного осуществления трехстороннего экономического сотрудничества»; Внутренняя Монголия должна была получить автономное антикоммунистическое правительство, наделенное международным статусом, эквивалентным статусу нынешнего правительства Внешней Монголии; в оккупированных районах Центрального (в нашей работе и географически верно – Восточного) Китая должны были быть созданы демилитаризованные зоны, а поддержание общественного порядка и развитие экономики в районе Большого Шанхая должно было осуществляться совместно Японией и Китаем⁵⁹³.

На конференции пяти министров, проходившей с 24 июня по 19 июля 1938 г., когда стало очевидно, что с правительством Чан Кайши договориться не получится, был принят ряд ключевых решений, оформленных и претворяемых далее в жизнь. Во-первых, оговаривалось: «Если существующее китайское центральное правительство предложит капитулировать, Империя примет это предложение в соответствии с принципом, принятым на Совете в присутствии Императора: Империя присоединит это правительство к новому китайскому центральному режиму в качестве регионального правительства»⁵⁹⁴, – при условии отстранения Чан Кайши от власти. Если Китайское центральное правительство не заявит о капитуляции, предлагалось среди антияпонских элементов формировать «стремление к миру путем подрыва финансовых основ, что поможет вызвать

⁵⁹³ Томиока Садатоси. Указ. соч. С. 242.

⁵⁹⁴ Там же. С. 244.

раскол в существующем центральном правительстве, чтобы оно развалилось или, по крайней мере, в возможно короткий срок низвело себя до уровня локального режима»⁵⁹⁵. Далее объявлялось: «Прояпонские режимы будут увеличены, усилены и, в конце концов, в минимально возможный срок консолидированы в единый режим, полностью заслуживающий того, чтобы называться центральным правительством Китая. Ни китайцы, ни другие народы не смогут отказать ему в признании в качестве китайского правительства. Хотя момент признания такого правительства Империей будет во многом зависеть от обстоятельств, оно будет осуществлено насколько возможно быстро после того, как названный режим получит статус, достойный имени»⁵⁹⁶

И, наконец, 8 января 1940 г., в преддверии провозглашения нового режима альтернативной «Китайской Республики» под руководством Ван Цзинвэя в Нанкине, на заседании Кабинета министров Японии был принят План урегулирования отношений между Японией и Китаем. Оговаривались условия урегулирования дипломатических отношений между двумя странами, определялся порядок слияния местных коллаборационистских режимов, подчеркивалась особая роль Маньчжоу-Го, Северного Китая и Внутренней Монголии, формулировалась политика в отношении Южного Китая⁵⁹⁷. Отдельный раздел был посвящен принципам осуществления объединенной обороны против Коминтерна и заключению Антикоминтерновского оборонительного пакта⁵⁹⁸.

Подводя итог, отметим, что после Русско-японской войны паназиатские идеи заметно радикализировались. Война не только показала явные военные слабости одной из ведущих держав того времени, но и продемонстрировала проигрыш Запада в вопросах идей и идеологии Японии с ее стремлением занять лидирующие позиции если и не на международной арене, то на ее

⁵⁹⁵ Там же. С. 245.

⁵⁹⁶ Там же. С. 246.

⁵⁹⁷ Томиока Садатоси. Указ. соч. С. 250.

⁵⁹⁸ Там же. С. 251.

восточноазиатской и тихоокеанской части. Опасность этого констатировали руководители западных держав и их ближайшее окружение, поэтому на протяжении первой декады XX в. предпринимались усилия с целью ослабить Японию, в том числе и за счет военных действий с ее ближайшими соседями: Россией и Китаем. В свою очередь, японское руководство четко осознавало это и принимало адекватные контрмеры: поддерживало преимущественно экономические отношения с западными державами, выстраивала отношения с китайскими лидерами, в том числе посредством «мягкой» силы (обучение их детей в лучших учебных заведениях Японии, создание благотворительных, языковых, культурных и прочих организаций), активно использовало в этом процессе негосударственные институты. Этому в немалой степени способствовал национализм, распространившийся практически повсеместно в Азии, уставшей от европейского участия и ожидающей повода к активным действиям. Таким образом, идеологические установки, присутствующие в культуре азиатских народов вкупе с позициями наиболее талантливых японских мыслителей современности, оформленные в соответствующие документы – меморандумы, посредством которых осуществлялась политика обеспечения японского присутствия на континенте после начала военных действий, дали соответствующий положительный результат.

В целом же необходимо констатировать, что идеология и сопутствующие ей религиозно-ценностные установки для формирования регионального политического порядка в Восточной Азии, равно как и при выстраивании государственности (как естественной, так и буферной), играли определяющую роль. На разных исторических этапах использовались различные механизмы обеспечения процесса государственностроительства соответствующей идеологией, в связи с чем успех в этом деле был прямо пропорционален не только военной силе, экономическим инструментам вовлечения подконтрольных территорий в орбиту властных центров и т. д., но и в немалой степени глубине и всесторонности идеологического содержания их политики

в регионе, уступая место даже политической воле глав государств и прочих субъектов принятия решений.

И именно поэтому идеологические основы китайской государственности и после провозглашения республики в 1912 г., и после установления властной монополии партии Гоминьдана во главе с Чан Кайши, были не конкурентоспособными, уступая место буддийской, коммунистической и паназиатской. Множество группировок провинциальных политиков препятствовали центральной власти в административной, военной, правоприменительной и других сферах, чем подрывали единство страны и способность к отражению японской агрессии, давая при этом японцам действенные инструменты конструирования альтернативных форм государственности, которыми те с успехом пользовались.

ГЛАВА 3. БУФЕРНЫЕ АВТОНОМИИ В СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА СЕВЕРНОГО КИТАЯ В 1935–1938 ГГ.

3.1. Моделирование автономизации Северного Китая и Регион пяти провинций

Обращаясь к инструментарию нашего исследования и составляющим регионального политического порядка в Восточной Азии, прежде всего определим пределы того пространства, на котором он формировался при непосредственном японском участии. Ключевыми пространственными категориями здесь выступают Северный и Северо-Восточный Китай, поэтому мы поясним их географическое положение, состав, юридический статус и политическую судьбу.

Китай в первой половине XX в. сохранил границы, установленные в XVIII в., и распространял свою власть на Внутренний Китай, включавший 18 традиционных провинций (*шэн*), а также так называемый Внешний Китай, куда входили территории Внутренней и Внешней Монголии, Синьцзяна (Восточный Туркестан) и Тибета. Для эффективного управления и контроля страна была разделена на девять генерал-губернаторств (или вице-королевств), во главе которых маньчжурские власти старались держать своих ставленников⁵⁹⁹. Высшим представителем власти в регионе в этот период являлся генерал-губернатор (*цзун-ду*). Под его начальством могло находиться от одной до трех провинций: во Внутреннем Китае таких генерал-губернаторов было 8 и один управлял Маньчжурией.

Маньчжурия (или Дунбей) имела особый статус как родовая вотчина правящей династии, и именно она в современной научной литературе именуется Северо-Восточным Китаем. В общей сложности эти территории

⁵⁹⁹ Виленский-Сибиряков В. Д. Современный Китай. М., 1925. С. 22.

составили 13 млн. км², и в 1907 г. на их основе были созданы 3 провинции: Хэйлунцзян (который объединял и восточную часть современного автономного района Внутренняя Монголия, а также городские округа Тунляо, Чифэн, Хулун-Буир и аймак Хинган), Фэнтянь (совр. Ляонин) и Гирич (совр. Цзилинь). Северный Китай, в свою очередь, включал провинции Хэбэй и Шаньси, центральную часть современного автономного района Внутренняя Монголия (без указанных выше территорий), а также Пекин и Тяньцзинь.

На исходе 1931 г. на базе провинций Хэйлунцзян, Фэнтянь и Гирич образована полития под названием Маньчжу-Монгольское государство, преобразованная в марте 1932 г. в Маньчжурское государство и вошедшая в историю как Маньчжоу-Го. Данное политическое образование послужило опорой для дальнейшего японского продвижения, экспериментальной площадкой для отработки различных приемов государство- и нациестроительства, а также моделью для конструирования аналогичных государственных систем уже после начала крупномасштабных боевых действий как на китайских территориях, так и за их пределами – в Таиланде, Камбодже, Вьетнаме и т. д. Однако воспроизвести полученный опыт оказалось весьма трудной и практически невыполнимой задачей, поэтому дальнейшие усилия японской стороны носили в каждом случае весьма отличный характер, что и обусловило необходимость рассмотрения опыта создания буферных политий в каждом случае отдельно. А в связи с тем, что феномен Маньчжоу-Го в научной литературе присутствует в достаточной степени и с достаточной интенсивностью, мы сосредоточимся на менее известных, но не менее знаковых буферах, расположившихся в Северном Китае.

Как было отмечено в главе 1 нашей работы, важным элементом регионального политического порядка является его идеологическая основа, которую на данном этапе концептуализировала Доктрина внешней политики Японии, принятая в середине октября 1933 г. Кабинетом Макото Сайто. В этом документе говорилось о том, что необходимо обеспечить разделение материкового Китая и удалить влияние гоминьдановского правительства за

пределы Северного Китая. В 1934 г. кабинет Кэйсукэ Окады сформулировал «новую политику Японии в отношении Китая» и решил активизировать экономическую экспансию своего соседа, ослабляя власть Гоминьдана в Северном Китае и уменьшая ее. Был высказан посыл о необходимости создания новой прояпонской политической системы в Северном Китае, к конструированию которой японская сторона и приступила посредством формирования новых автономистских институтов. Главным действующим лицом процесса автономизации, а затем и отделения этой территории от Китая в середине 1930-х гг. был начальник секретной службы японской Квантунской армии генерал-майора Кэндзи Доихара, основная задача которого – установить автономию в Северном Китае, с чем он в итоге с разной степенью успешности справился.

Нормативную основу политической институционализации составили два японско-китайских документа, первым из которых стало Соглашение о Перемирии Тангу» от 31 мая 1933 г. По его условиям боевые действия, начавшиеся с маньчжурского инцидента, с двух сторон прекращались, устанавливалась 100-километровая демилитаризованная зона южнее Великой стены от Пекина и до Тяньцзиня, японская сторона брала на себя роль гаранта безопасности, сформировав гражданские силы по поддержанию порядка. В преддверии этого, 22 февраля 1933 г., на фоне уже состоявшегося отделения не только самой Маньчжурии, но и провинции Жэхэ, чтобы успокоить китайское руководство и добиться от него вывода своих войск со спорных территорий, японская сторона заявляла об отсутствии опасности войны в Северном Китае. Японские военные ставили своей целью создание нейтральной зоны по обе стороны от Великой стены с целью сведения к минимуму вероятности развертывания военных действий в регионе. Министр иностранных дел Японии Косай Утида заявил, что войны не будет до тех пор, пока китайцы не нападут на японские гарнизоны в Пекине и Тяньцзине⁶⁰⁰. В

⁶⁰⁰ Peace overtures // The Straits Times. 1933. Feb. 22. P. 17.

результате к концу июля 1933 г. в соответствии с условиями Перемирия Тангу ряд северных районов Китая был демилитаризован⁶⁰¹. Меры предосторожности, схожие с теми, что были установлены в демилитаризованной зоне, осуществлялись армией, отправленной в Пекин, где китайские полицейские особого назначения вели наблюдение за всеми подозреваемыми лицами в развлекательных местах и на улицах.

В октябре 1933 г. командование Квантунской армии и военных соединений, дислоцированных в Тяньцзине, провело совещание для обсуждения реализации конкретных мер воплощения в жизнь установок Доктрины внешней политики Японии и в апреле 1935 г. был утвержден конкретный план. В мае японская сторона перешла к активным действиям, спровоцировав инцидент, в результате которого потери с китайской стороны составили 1 тыс. человек. Японцы предъявили Китаю ультиматум и попытались разорвать Соглашение Тангу, что вынудило национальное правительство в Нанкине отправить представителей во главе с военным министром и командующим армией в Северном Китае генералом Хэ Иньцинем для переговоров. В итоге было подписано второе соглашение, вошедшее в историю как Хэ-Умэдзу, вследствие чего произошла не только смена губернатора Хэбэя, но и потеря национальным правительством всяких рычагов управления этой важной провинцией, чему предшествовала серия инцидентов, спровоцированных японцами.

29 мая 1935 г. представители Квантунской армии и Маньчжоу-Го выдвинули перечень требований в адрес китайских властей в Пекине, Тяньцзине и Хэбэе. Во-первых, прекращение использования Пекина и Тяньцзиня в качестве плацдарма антияпонской и антиманьчжурской политики; во-вторых, объявление национального правительства Китая нарушителем спокойствия, включая угрозу прекращения статуса демилитаризованной зоны, в результате чего входящие в нее области могли

⁶⁰¹ Neutral zone // The Straits Times. 1933. Jul 24. P. 11.

бы быть оккупированы японскими войсками. Генерал Хэ Иньцин пошел на встречу этим требованиям, сменил состав администрации Чахара, а 19 июня Сун Чжэюань был освобожден от обязанности губернатора⁶⁰². Ему на смену пришел гражданский комиссар Чахара Цин Дэчун, который уже принял меры по урегулированию инцидента с японской армией. Другое важное назначение – Ван Кэминь, бывший министр финансов Бэйянского правительства (1917–1918) и будущий глава Временного правительства Китайской Республики (1937–1940) стал исполняющим обязанности председателя Пекинского политического совета⁶⁰³. Таким образом, спустя непродолжительное время, без военных ударов или выстрелов, участия иностранных наблюдателей, японцы добились принятия Нанкинским правительством своих условий.

Что касается организационной стороны институционализации, то прежде чем выстраивать собственные институты, японской стороне необходимо было ослабить китайские, а также обезопасить себя от иностранного вмешательства. Поэтому переговоры китайской стороны с Доихарой были намеренно заведены в тупик⁶⁰⁴, после чего последовала административная «чехарда» со сменой глав регионов и городов⁶⁰⁵, суть которых состояла в том, чтобы уменьшить все еще существенный контроль правительства в Нанкине над Северным Китаем и, соответственно, увеличить влияние японских военных. На этом фоне в Пекине ситуация продолжала оставаться напряженной, сообщалось об эвакуации частных лиц и предприятий, предпринятой из Пекина на юг. Государственные и муниципальные служащие получили необходимые инструкции, школы и университеты – предписание к закрытию и роспуску учащихся по домам, валютные операции и продажа серебра приостановлены, тысячи людей готовы были бежать на юг⁶⁰⁶. Иностранные дипломатические миссии выразили свое беспокойство тем, что боевые действия могут развернуться на улицах Тяньцзиня и Пекина, несмотря на то

⁶⁰² Suspense in China // The Manchester Guardian. Jun. 14. 1935. P. 9.

⁶⁰³ China meeting demands // Ibid. Jun 19. P. 11.

⁶⁰⁴ Deadlock in Chahar // The Observer. 1935. Jun 23. P. 18.

⁶⁰⁵ Japan's hold on North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 8. P. 14.

⁶⁰⁶ The Japanese programme // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.

что они имели необходимый минимум военных для собственной защиты: в распоряжении Британской миссии, которая по условиям Боксерского мирного соглашения размещалась только в Пекине и отсутствовала в Тяньцзине или других городах, находился 2-й батальон полка Вустершира, у Французской – 1500 военных, у итальянцев – 300 военных в Тяньцзине, у американцев – 800 пехотинцев также в Тяньцзине и 500 морских пехотинцев – в Пекине⁶⁰⁷. Американцы были намерены вывести пехотный полк, расквартированный в Тяньцзине, чтобы опередить японское требование об этом.

В это же время Комитет по иностранным делам Сената США приступил к изучению вопроса о нарушении политики Японии Пакта Кэллога, или Договора девяти держав. 17 июня 1935 г. сделано заявление о том, что политика «открытых дверей» Маньчжоу-Го привела к обратному результату: были установлены правительственные монополии на многие виды деятельности, включая добычу нефти, в связи с чем крупные американские компании начали подготовку по выводу своих активов из региона и закрытию бизнеса⁶⁰⁸. Министр иностранных дел Великобритании Сэмюэль Хор сделал заявление в Палате общин, напомнив о Договоре девяти держав, участником которого была и Япония. Державы согласились уважать территориальную целостность и независимость Китая, но Японией был выдвинут второй состав устных требований: удаление из региона войск Юй Сючана (бывш. губернатора Хэбэя) и двух подразделений национальной армии, подавление всех антияпонских выступлений и запрещение партии Гоминьдана на территории Хэбэя. Китайское правительство согласилось и на эти требования. Для подтверждения этого японский посол в США Саито даже сделал заявление о том, что ситуация в Северном Китае не будет иметь неблагоприятных последствий для американских коммерческих интересов⁶⁰⁹.

⁶⁰⁷ Chinese government unqediced // The Manchester Guardian. 1935. Jun 14. P. 13.

⁶⁰⁸ Kwantung army discover two more “incidents” // Ibid. Jun 18. P. 6.

⁶⁰⁹ Chinese still hesitate to sign Japanese agreement // The Manchester Guardian. 1935. Jun 17. P. 12.

Казалось, что кризис в регионе завершен, о чем японский премьер-министр доложил Кабинету.

Однако 11 июня 1935 г. полковник Такахаси потребовал от китайской стороны, чтобы эти договоренности были немедленно закреплены в письменной форме. Далее прозвучало требование, чтобы именно японская армия приступила к назначению провинциальных и муниципальных властей в Хэбэе, таким образом создав из Северного Китая демилитаризованную зону под управлением японских властей. И, наконец, озвучены условия относительно контроля над ситуацией на границе Чахара и Шаньси, что предоставило бы в распоряжение Японии ряд крупных каменноугольных бассейнов в области Шаньси так, же как контроль над железной дорогой от Датуна до Пекина, в управлении которого она уже участвовала на тот момент⁶¹⁰. Эти требования Китаем были отклонены, в связи с чем в регионе вновь возникла напряженность. Причина, по которой китайская сторона не торопилась идти на письменное подтверждение условий японских военных, сводилась к тому, что возникло опасение о намерении Японии заменить им Соглашение о перемирии Тангу. Такое странное поведение высокопоставленного военного чиновника, идущее вразрез с заявлением другого, гражданского, представителя Японии, выглядело более чем странно, тем более на фоне информации о том, что командование Квантунской армии оказалось против придания Японской дипломатической миссии в Пекине статуса посольства.

Приведенные выше случаи расхождения в позициях японского военного и дипломатического ведомств были особенностью недавней политики министра иностранных дел Коки Хироты, которая явно отличалась от менее продуманных методов военных. Но знание японской истории показывает, что, возможно, разногласия между военными и гражданскими были куда более существенными, чем могло показаться на первый взгляд. Хотя Хирота достиг

⁶¹⁰ Crisis in the Far East // The Observer. 1935. Jun 16. P. 17.

определенного успеха в Китае, а Нанкинское правительство было слишком слабым для продолжения борьбы, Китай не сдавался, что порождало вопрос: стоит ли продолжать относительно мирную политику на континенте, когда небольшое военное давление могло бы обеспечить достижение всего, что было необходимо в настоящий момент? Появилась даже расхожая присказка: имелось много случаев, когда армия начинала действовать без ведома правительства, но не было ни одного случая, когда такое действие не нашло бы поддержки со стороны Кабинета⁶¹¹. Да и Доихара не выражал единого мнения относительно политики Японии на севере Китая. Его идея подчинить все занятые территории Квантунской армии сталкивалась с более умеренной позицией других политических деятелей. Общественное же мнение склонялось к тому, что китайские власти зашли слишком далеко в вопросах потакания захватчикам⁶¹², однако и сопротивление на данном этапе могло только усугубить положение китайцев.

Поэтому отныне политика Японии сводилась к тому, что, во-первых, признавая наличие торговых и политических интересов других держав в регионе, не допускалась коллективная система влияния на процессы на Дальнем Востоке, так называемые «неазиатские полномочия для Востока». Во-вторых, Япония намерена была и впредь действовать в одностороннем порядке в Китае, и не была намерена вступать ни в какое соглашение с другими державами, которые не признавали ее политическое первенство в этой части мира. Именно поэтому любые переговоры западных держав в отношении Китая и помощи ему вызывали молниеносную отрицательную реакцию Японии, так как японские ресурсы были незначительными, по сравнению с таковыми из Великобритании и Америки. А экономические интересы в Китае Япония намерена была претворять посредством развития системы поставок китайского сырья для японской промышленности. Япония на тот момент обладала значительной долей в экономике Северного Китая,

⁶¹¹ Japan moves again // The Manchester Guardian. 1935. Jun 11. P. 8.

⁶¹² Japan Insists // Ibid. Jun 13. P. 8.

оцениваемой 183 млн иен. В-третьих, настойчивость Японии на военноморском паритете с Западом составляла неотъемлемую часть восточноазиатской политики этой страны.

При этом Япония отрицала, что имелись планы по восстановлению Пу Йи в качестве императора в Пекине. Наоборот, с этого момента четко прослеживается намерение организовать буферную зону из Шаньдуна, Хэбэя, Шаньси и Чахара в качестве особой политической единицы и между Маньчжоу-Го и Китаем⁶¹³. С этого времени идея о создании ряда подконтрольных режимов на территориях с преимущественно китайским населением, администрации которых принимали бы предложенные условия, как это было сделано в рамках аналогичного режима в Шанхае, обретает осязаемые черты, а японская сторона приступает к ее воплощению в жизнь, действуя тонко и аккуратно.

На первом этапе генерал Доихара, пытаясь смягчить ситуацию, выразил глубокое удовлетворение шагами, сделанными китайскими властями правительства Хэбэя в ответ на японские требования. Столь мягкая позиция могла быть причиной того, что в распоряжении Сун Чжэюаня по-прежнему оставались 30 тыс. хорошо вооруженных солдат армии Чахара⁶¹⁴. 28 июня Доихара предпринял попытку занять Пекин, используя войска, дислоцированные в Фэнтае и снарядив их двумя бронетранспортерами, но план потерпел неудачу, потому что национальные войска, дислоцированные в городе, быстро отреагировали и отразила атаку.

30 июня 1935 г. некоторые японские информационные агентства Шанхая сообщили, что из Пекина получена информация о том, что власти в Северном Китае обратились к генерал-майору Доихаре с просьбой назначить японского советника в военных, политических и экономических вопросах для Хэбэя, Шаньси, Шаньдуна и Чахара. Генерал Доихара заявил, что располагает

⁶¹³ Japan's role in China // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.

⁶¹⁴ North China as protectorate // The Manchester Guardian. 1935. Jun 22. P. 17.

подходящей кандидатурой⁶¹⁵. Японской стороной были запущены слухи о том, что китайские силы в лице нерегулярных войск под командованием Лю Квэйтана и генерала Тан Юйлина, принявшего командование так называемой национальной армией, создали альянс и теперь надвигаются на Пекин, а на их сторону переходят другие генералы. Одновременно с этим наблюдалось формирование военизированных групп бандитов, которые, как сообщалось, финансировались повстанческими силами, чтобы создать смуту в районах, контролируемых китайцами⁶¹⁶.

На втором этапе генералом Доихарой была организована агитационная поездка по северным провинциям, в ходе которой он подготовил почву для продвижения идеи об автономии, о чем и доложил командованию Квантунской армии 29 сентября 1935 г., прибыв в Маньчжоу-Го. В своем заявлении он сообщил, что считает организацию автономной администрации, охватывающей пять провинций Северного Китая, той мерой, которая значительно облегчит восстановление мира и порядка. Пространство стало обретать осязаемые черты.

На третьем этапе была сформулирована стратегия превращения Северного Китая в Китайско-японскую область сотрудничества – финансово и административно автономный регион, что нашло отражение в решении совещания японского военного командования, проведенного в середине октября 1935 г. в Даляне. Учитывая недавние заявления генерала Тады, некоторые китайские военачальники, которым был выгоден перевод доходов тяньцзиньских таможен в автономное существование, уже успели высказаться в пользу развития событий по описанному сценарию. Представители внешнеполитического, морского и военного министерств, а также японский посол высказали намерение прибыть в Нанкин, чтобы убедить Китайское правительство, даже под угрозой военных действий, отказаться от западной помощи в пользу японской помощи в форме инвестиций для развития

⁶¹⁵ Japan and North China // The Observer. 1935. Jun. 30. P. 25.

⁶¹⁶ Peitaiho threatened by huge bandit army // The Straits Times. 1933. Sep. 23. P. 11.

железных дорог, добычи полезных ископаемых и промышленности⁶¹⁷, однако, быстро разуверившись в предложенном способе, предпочли действовать иначе. 22 октября был спровоцирован *casus belli*, когда фермеры одного из уездов демилитаризованной зоны Хэбэя в 40 милях от Пекина подняли восстание и потребовали автономии, в рамках которой необходимо организовать собственные судебные органы и отмену новых дополнительных земельных налогов. Восстание, по словам британских источников из Тяньцзиня, было организовано двумя японскими агентами из Пекина при активной помощи японских гражданских лиц. Инициаторами были найдены удобные участники акции неповиновения в лице фермеров, страдающих от чрезмерных налогов. Попытки подавить восстание силой были немедленно пресечены японской армией, которая указала, что нахождение китайских войск в демилитаризованной зоне будет нарушением перемирия Тангу 1933 г. и, таким образом, угрожает миру на Дальнем Востоке. Подобные бунты вспыхивали в последующие дни в ряде других уездов, чем удалось создать общее чувство незащищенности и автономии как единственного выхода из подобной бедственной для простых жителей ситуации.

Четвертый этап начался в начале ноября, когда Доихара вернулся в Северный Китай с заданием сформировать устойчивое стремление к автономии. Первой задачей было найти лидера с китайской стороны, который был бы готов работать с Квантунской армией. К сожалению, для Доихары число таких людей было очень невелико. Генерал Шан Чэнь был «проверен» в ноябре, результат оказался неудовлетворительным и тот удалился вместе со своими войсками из Северного Китая. Губернатор Шаньси генерал Янь Сишань и «христианский генерал» Фэн Юйсян, крестивший свои войска водой из резиновых шлангов, были «выбиты» из рук японцев Китайским правительством, пригласившем их в Нанкин и тем самым перехватившем инициативу в самый последний момент. Генерал Фэн был рад покинуть

⁶¹⁷ Japan's ambitions in China // The Manchester Guardian. 1935. Oct. 18. P. 12.

монастырь Тайшань, где он писал стихи, и решил обосноваться в Нанкине. Губернатор Суйюани Фу Цзои уже имел успешный опыт борьбы с маньчжурской армией. Таким образом, выбирать было практически не из кого. Генерал Инь Жугэн – один из немногих, кто счел целесообразным «сотрудничать» с Квантунской армией, однако он выполнял функции администратора демилитаризованной зоны и на него у японской стороны были другие планы. По некоторым данным, предложение возглавить новую политическую единицу поступило маршалу Дуань Цижую, который от этого отказался⁶¹⁸. Таким образом, выбор Доихары наконец пал на генерала Сун Чжэюаня, отставки которого летом 1934 г. с поста губернатора Чахара добивались сами представители японской стороны. По настоянию японской стороны 15 ноября 1935 г. Сун Чжэюань был назначен командующим войсками области Пекин-Тяньцзинь с существенным расширением полномочий⁶¹⁹. Одновременно с этим 3 тыс. японских военных, включая бронированный поезд и конный полк, прибыли из Цзиньчжоу и организовали штаб-квартиру в Шанхайгуани. В интервью японский военный представитель отрицал любые обвинения в попытке перейти Великую стену, однако прибытие в район генерала Доихары косвенным образом подтверждало вероятность наступления в скором времени важных политических изменений в Северном Китае.

Планы Доихары, казалось, осуществляются в соответствии с графиком, и 16 ноября в прессе в Токио было объявлено, что через 4 дня 5 северных провинций провозгласят автономию⁶²⁰. Эту информацию с разных позиций обсуждали мировые СМИ. Серьезные опасения высказывала советская пресса, еще в июне делая уверенный прогноз развития событий на континенте и неустанно сообщая о планах новых завоевательных кампаний Японии, которые, как покажет время, полностью оправдались. Так, газета «Правда» в

⁶¹⁸ Japanese ultimatum to China expires to-day // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 20. P. 9.

⁶¹⁹ Japanese tactics in N. China // *Ibid.* Nov. 16. P. 10.

⁶²⁰ *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy" // *The Washington Post*. 1936. Feb. 28. P. 9.

качестве главного органа Коммунистической партии обвиняла Японию в планах создать новую империю из Маньчжоу-Го, Северного Китая и Внутренней Монголии и использовать ее в качестве основы для более обширных завоеваний. Японские милитаристы, утверждала «Правда», долго все планировали и теперь полным ходом продвигаются в Северный Китай. Как было сказано, программа разделена на три части, первая из которых включает занятие Маньчжурии, Северного Китая и Внутренней Монголии; вторая – оккупацию Центрального Китая; третья – продвижение вглубь континента после того, как японские войска укрепят позиции на недавно оккупированной территории⁶²¹. Анализ развития событий демонстрирует нам, что этот прогноз в точности сбылся, а планы японских оккупационных сил были сосредоточены именно на этих направлениях.

Китайская пресса также не питала оптимизма. 13 ноября китайские информационные агентства сообщили, что, вероятно, обширная область в Северном Китае может быть объявлена автономным государством, схожем с Маньчжоу-Го, уже в следующем месяце. Одним из доказательств этого являлся резкий сброс китайских денег и покупка иены при обвале китайской валюты⁶²². Вместе с тем отдельные источники заявили, что информация по установлению отдельного правительства Северного Китая, независимого от Нанкина, может быть преждевременной⁶²³: было подтверждено присутствие китайского военного контингента в Хэнани для пресечения попыток японцев надавить на власти ряда провинций Шаньси и Суйюань, которые не были готовы присоединиться к Хэбэю, Чахару и Шаньдуну в предлагаемую японцами федерацию.

В ответ на намечающееся противодействие планам по автономизации севера страны Япония заявила о своей готовности предотвратить любую китайскую помеху движению за автономию в Северном Китае⁶²⁴. Процесс этот

⁶²¹ New Chinese Empire seen // The Los Angeles Times. 1935. Jun 17. P. 3.

⁶²² New China state seen // Ibid. Nov. 13. P. 3.

⁶²³ North China rift banned // Ibid. Nov. 17. P. 2.

⁶²⁴ Japan hurls war threat // Ibid. Nov. 18. P. 3.

выглядел аналогичным маньчжурским событиям трехгодичной давности, единственная разница заключалась в том, что заявленные территории оказались более богатыми и густонаселенными. Большая их часть находилась в демилитаризированной зоне, и Япония объявила, что любой маневр, угрожающий ей, будет расценен как нарушение Соглашения Тангу. Японской же стороной было заявлено, что структура нового Северо-китайского правительства уже определена декларацией независимости, принятие которой ожидается в ближайшее время, а основной задачей будет создание безопасной зоны, улучшение финансовой системы и т. д.⁶²⁵

По сообщениям агентства «Рейтер» британские наблюдатели высказывали мнение о том, что движение в Северном Китае Японии вызвано стремлением причинить ущерб финансовому состоянию Китая, а также нанести решительный удар по авторитету Нанкина до того, как Северный Китай почувствует последствия нового режима. Национальная валюта, равно как и финансовая реформа, проведенная не так давно правительством Нанкина, сохранили свое действие на занятых Японией территориях. Высказывалось также мнение, что так называемая политическая преданность новому режиму Нанкина, номинально сохраняя целостность Китая, будет оставаться лишь формальностью, поскольку она несовместима с финансовой автономией, выстраиваемой оккупационными силами.

Ситуация вышла на международный уровень, когда посол Великобритании Рональд Линдсей посетил Государственный департамент США и обсудил ситуацию в Северном Китае с заместителем госсекретаря У. Филиппсом, хотя сам У. Филиппс позднее заявил, что Р. Линдсей ничего официального не представил⁶²⁶. Иностранные дипломаты ссылались на неофициальные беседы с послом Японии Шигэру Каваго, который призывал предоставить северным регионам независимость и создать китайско-японский антикоммунистический фронт. На это, в частности, посол Франции в Китае

⁶²⁵ A new Manchukuo // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 4.

⁶²⁶ Japan's move // Malaya Tribune. 1935. Nov. 20. P. 11.

неофициально заявил, что данное предложение Японии равнозначно открытой оппозиции Французско-советскому военному пакту, который был заключен некоторое время назад⁶²⁷.

19 ноября 1935 г. появилось официальное подтверждение того, что генерал-майор Доихара ведет переговоры с местными китайскими властями по созданию автономной области в Северном Китае. Японские военные власти предъявили Китайскому правительству ультиматум, время на принятие решения по которому истекало 20 ноября в 4:00 по Гринвичу. Япония потребовала установление автономного правительства в Северном Китае. В случае отказа предполагалось выдвинуть на Пекин силы, сосредоточенные у Великой стены. Пекинской общественности казалось маловероятным, что Центральное правительство сумело бы оказать достойное сопротивление на севере, однако у него имелись достаточные силы в провинции Хэнань. Общее мнение сводилось к тому, что регион должен или молчаливо принять требования японских военных властей или столкнуться с «убийственной войной»⁶²⁸.

В связи с этим было организовано локальное совещание, в котором приняли участие генерал Сяо Чэн и губернатор Чахара. Он сообщил китайским журналистам, что 5 северных провинций объявят о своем новом статусе после того, как Конгресс Гоминьдана согласится на условия, согласно которым Япония не будет вмешиваться во внутренние дела Северного Китая и вторгаться на эту территорию, сохранит подчинение Центральному правительству, но все органы государственной власти должны будут замещаться при участии японских советников.

Учитывая не очень богатый выбор, сводящийся либо к принятию выдвинутых Доихарой условий, либо к немедленному военному вторжению в Северный Китай, китайская сторона в лице губернатора и нескольких военных смирилась с объявлением автономного режима в течение ближайших

⁶²⁷ Monarchy again in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Oct. 19. P. 9.

⁶²⁸ Japanese ultimatum to China expires to-day // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 9.

нескольких дней. Было заявлено, что попытка выиграть время не увенчалась успехом из-за отсутствия какого-либо внятного ответа на их телеграммы в адрес Нанкинского правительства, и в этой ситуации плохой мир оказался лучше угрозы полной потери Северного Китая.

Кроме того, скорейшему принятию решения в пользу автономии способствовало приведение в боевую готовность крупных военных соединений в районе г. Шаньхайгуань и отправка дополнительных войск ко всем главным проходам вдоль Великой стены. Сообщения из столицы Маньчжоу-Го подтвердили готовность японской армии противостоять любым попыткам вмешиваться в создание новых политических структур на севере со стороны Нанкина. Эксперты подтвердили, что, скорее всего, войска Центрального правительства, которые к тому времени были сосредоточены вдоль нескольких железнодорожных линий, не будут предпринимать никаких военных действий к северу от реки Хуанхэ.

Японская армия в лице генерала Доихары, желая усилить эффект, заявила о том, что может направить 11 дивизий в Северный Китай на рассвете 20 ноября, если китайские лидеры на севере не объявят создание автономного государства. Командование Квантунской армии готово было переместить 5 дивизий в Хэбэй и 6 – в Шаньдун. Если предложение об автономии будет отклонено, то японская сторона готова аннексировать Северный Китай и присоединить его к Маньчжоу-Го. Эту информацию подтвердил в своем обращении Сун Чжэюань, кандидатура которого в качестве главы автономии еще 7 ноября была согласована Нанкином.

Новый автономный режим заявлялся подчиненным Нанкина, образуя при этом федерацию в составе пяти провинций (Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Чахар и Суйюань), трех специальных муниципальных районов (Пекин, Тяньцзинь и Циндао) и, возможно, области, которая включала бы демилитаризованную зону на границе с Хэбэем и Чахаром. Административным центром объявлялся Пекин, а главной задачей стало противостояние коммунистической угрозе. Предполагалось, что будет сформировано автономное правительство,

зависимое от японской армии посредством японских советников, по аналогии с Маньчжоу-Го⁶²⁹. Японские советники должны были назначаться без участия Нанкина и помогать каждому китайскому чиновнику, как это происходило в Маньчжурии. За исключением заявления генерала Сяо Чэна, вся информация об упреждении автономии в Северном Китае поступала от японской стороны.

Народ в основной своей массе не имел большого желания к отделению, в то время как чиновники проявляли большую решимость разорвать отношения с центром из-за доходов, которые можно было бы перенаправить с почтовой связи, соляных месторождений, запасов серебра и таможенных сборов⁶³⁰, несмотря на то что японская сторона об этом не заявляла, и, как показал опыт, не стремилась к этому. В итоге алчность местных чиновников-коллорабационистов победила здравый смысл.

Японцы к этому времени уже сосредоточили свои войска в Шанхайгуани – проходе между Северным Китаем и Маньчжурией, а также готовы были выступить на Тяньцзинь и Пекин. Было заявлено, что новое государство будет управляться автономным советом, а на должность его председателя рассматривается кандидатура генерала Сун Чжэюаня. Новый режим должен оставаться полностью независимым в гражданских, военных и финансовых делах. Китайские чиновники, состоящие на государственной службе, получили заверения их сохранения на прежних должностях, а армия Японии должна была контролировать предлагаемое автономное государство⁶³¹ в Северном Китае, при этом представитель Министерства иностранных дел заверил общественность в том, что Северный Китай не намерен провозглашать независимость. Японские советники, как ожидалось, займут ключевые места в создаваемой автономии, одновременно с официальным назначением командующего Пекин-Тяньцзиньским гарнизоном генерала Сун Чжэюаня с

⁶²⁹ Japanese army prepared for invasion of North China // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 1.

⁶³⁰ “Autonomy” in N. China. Japanese terms. Acceptance or invasion? Anti-communist pretexts // The Times. 1935. Nov. 22.

⁶³¹ Дудин П. Н. Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия // Политэкс. 2020. Т. 16. № 1. С. 40–57.

самыми широкими полномочиями, призванного сделать все возможное, чтобы не допустить отделение этого региона от Нанкина.

Уверенность китайской стороны объяснялась отчасти предположением о том, что японская армия будет двигаться осторожно, пользуясь полученным опытом в создании Маньчжоу-Го, и не расстроит своей агрессией нормальные экономические отношения в регионе⁶³². Еще в конце 1932 г. внешний долг Японии оценивался в 3,5 млрд долларов при соотношении иены к золоту, самый крупный долг в национальной истории, а финансовое ведомство вырабатывало план по займу в ближайшее время приблизительно 200 млн долларов, чтобы свести концы с концами на момент окончания бюджетного года. Тяжелое для Японии бремя, острая нехватка ресурсов – все это указывало на несостоятельность новых военных кампаний, которые могли бы быть оплачены в конечном счете, но чья себестоимость представлялась для страны очень обременительной⁶³³. Поэтому Япония в лице Министерства иностранных дел была крайне заинтересована в стабилизации экономической ситуации и через свои дипломатические каналы и посла в Китае предпринимала к этому необходимые шаги.

Японская сторона, в свою очередь, стремилась, во-первых, укрепить свое присутствие в монгольских регионах, предполагая включить в зону своего влияния Чахар и Суйюань, а также убрать любые политические или общественные организации из Пекина в связи с тем, что они потенциально могли взаимодействовать с патриотически настроенными бандитами, которые наводнили приграничные с Китаем районы Маньчжоу-Го и являлись для японских военных практически неуловимыми. Множество проблем создавали китайские военные и чиновники, перешедшие на сторону японцев, не подчиняясь им в полном объеме. Еще одной задачей было укрепиться не только в центральных провинциях, но и богатых регионах южнее Хуанхэ⁶³⁴.

⁶³² Japan forces rule on China today // The Washington Post. 1935. Nov. 20. P. 1–2.

⁶³³ Another bite of China? // The Los Angeles Times. 1932. Dec. 22. P. 4.

⁶³⁴ “Autonomy” in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // The Times. 1935. Nov. 22.

Это нужно было для того, чтобы пресечь проникновение коммунистических группировок из Сычуани и Ганьсу.

Японская пресса уже объявила об автономизации северных провинций Китая. Казалось, что при решении всех задач уже ничто не могло помешать реализовать задуманный Доихарой план, однако 20 ноября это случилось: посол Японии Акира Ариёси выехал в Нанкин, где он должен был решить важную задачу – обеспечить сохранение лица Нанкинского правительства в связи с событиями в Северном Китае. На обеспечение этой задачи были нацелены все, включая и командование Квантунской армии, которое изменило риторику на относительно миролюбивую⁶³⁵. Ариёси провел 4-часовую беседу с генералом Чан Кайши. То, что произошло на встрече, вероятно, никогда не будет известно, но тут же тайные приказы Нанкина были срочно направлены на север. Иностранные эксперты полагали, что несостоявшееся провозглашение автономии не могло быть объяснено простым отказом в последнюю минуту двух из пяти китайских губернаторов провинций, составляющих ядро политической элиты Северного Китая. Не было отмечено никакой попытки оказать на них давление, в том числе и посредством угрозы применения вооруженных сил. Командование Квантунской армии также не могло внезапно отказаться поддерживать своего представителя, но допускалось, что в ходе беседы Ариёси предложил компромиссный план по северокаитайской проблеме, который позволил бы Китайскому национальному правительству сохранять значительную степень власти в пяти северных провинциях и подтвердил, что Токио не будет поддерживать генерал-майора Доихару.

Сложившаяся на тот момент практика взаимоотношений между гражданской и военной администрацией свидетельствовала о том, что правительство Японии, хотя часто и не соглашалось с политикой командования Квантунской армии, редко вмешивалось в принятые им

⁶³⁵Nanking's attitude. Attempts to find a formula // The Times. 1935. Nov. 22.

решения и уж тем более начавшиеся реальные шаги. И еще более странным это казалось на фоне недавно проведенной в Даляне координационной конференции представителей Японии, Маньчжоу-Го и Северного Китая⁶³⁶. Японская пресса предполагала, что автономный режим будет сформирован лишь в границах Хэбэя и Чахара, а временная приостановка процесса автономизации была вызвана тем, что Чан Кайши убедил повременить с ее объявлением некоторых военных лидеров севера. При этом японская сторона в лице военного, внешнеполитического и финансового ведомства настаивала бы на следовании Китая трем основным принципам: во-первых, в вопросах сотрудничества отдать приоритет Японии в ущерб западным державам; во-вторых, признать автономный режим в Северном Китае; в-третьих, допустить японское подавление коммунистических действий в Северном Китае⁶³⁷.

Этот план и был представлен Ариёси при беседе с Чан Кайши, который сразу же организовал со своими сторонниками консультации по этому вопросу в Тяньцзине⁶³⁸: из Нинкина поступила инструкция, в рамках которой Сун Чжэюань отбыл из Пекина в Тяньцзинь. Его примеру последовали и другие генералы, а также губернаторы Шаньдуна и Хэбэя⁶³⁹. После консультаций генерал Шан Чэнь «простудился» и не встретился с Доихарой. Через день или два он стал жертвой другой «болезни» – отравления газовой плитой, что заставило его отправиться в больницу. Генерал Хань Фучу, губернатор провинции Шаньдун, на неопределенный срок отложил свою поездку на север из-за «сильного тумана», который сделал рейс в Пекин опасным. Сам генерал Сун исчез. По мнению японцев, генерал Янь Сишань оставил Шаньси Нанкину в обмен на 6 млн долларов и ежемесячное содержание в 700 тыс. Сун Чжэюань созвал конференцию в Тяньцзине для своего командного состава, о чем сообщала Асахи Симбун. Среди обсуждаемых тем звучали итоги переговоров, прекращение антияпонской кампании, признание особого статуса Северного

⁶³⁶ A Check in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 8.

⁶³⁷ Japanese hopes dwindling // The Observer. 1935. Nov. 24. P. 22.

⁶³⁸ British foil China coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 22. P. 3.

⁶³⁹ A sudden change in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 9.

Китая и независимости Маньчжоу-Го⁶⁴⁰. Таким образом, своими действиями Чан Кайши в одночасье уничтожил блестящую схему генерал-майора Доихары, который вынужден был оставить Пекин⁶⁴¹ и вернуться на север, перейдя к политике информационной войны.

21 ноября 1935 г. о том, что в процессе провозглашения автономии возникла заминка, связанная с переговорами, которые были организованы между японским послом Ариёси и Чан Кайши, стало известно СМИ. Военные силы Квантунской армии были приведены в состояние боевой готовности, а японское военное командование поспешило заявить, что о переговорах не могло быть и речи. Как сообщали китайские СМИ, Чан Кайши проинформировал Ариёси, что Центральное правительство готово принять «соответствующие меры» в случае неожиданных событий в Северном Китае, однако, какие действия он имел в виду, не пояснялось.

Одновременно с этим появилась информация, тут же опровергнутая японской стороной, что генерал Доихара в скором времени вступит в новую должность в Японии в наказание за то, что у него не было официальных полномочий по автономизации Северного Китая. Сбавили обороты и местные лидеры, которые, пусть и ненадолго и не всерьез, но задумывались о выходе из-под контроля Нанкина. Несмотря на японские сообщения о популярности идеи движения, и политические деятели, и простые граждане проявляли равнодушие, что лишний раз давало им повод для суждений о том, что генерал Доихара все-таки превысил свои полномочия в попытке решить проблему выбранными методами, и они теперь с нетерпением ждали надвигающегося возмездия.

Японские представители в Тяньцзине опровергали эти догадки. Во-первых, они пояснили, что генерал Доихара изо всех сил старается помочь лидерам Северного Китая в связи с образованием автономного режима, и если правительство в Нанкине не будет противодействовать этому процессу, то

⁶⁴⁰ Lull in North China // *Ibid.* Nov. 23. P. 17.

⁶⁴¹ *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy" ...

Япония и Китай будут связаны дружбой с этим режимом, что подкрепляется и общими целями в борьбе с коммунизмом. Во-вторых, они опровергли вероятность появления в Северном Китае собственной валюты⁶⁴².

Пресс-секретарь Сун Чжэюаня в Пекине заявил, что провозглашение автономного режима на территориях, включающих Хэбэй, Чахар, Пекин и Тяньцзинь, отложено на неделю из-за внезапных изменений в китайско-японских переговорах в Нанкине. Губернатор Чахара генерал Чжан Цзучун, мэр Пекина Цин Дэчун и мэр Тяньцзиня Чэн Го подтвердили свое участие в процессе, а сам Сун Чжэюань 23 ноября 1935 г. объявил в Тяньцзине военное положение⁶⁴³. Чан Кайши телеграфировал приказ о прекращении переговоров в Пекине и Тяньцзине с генералом Доихорой. В свою очередь, Министерство иностранных дел Японии предложило установить прямую связь Токио с Нанкином аналогично той, что существуют между Нанкином и Гуанчжоу⁶⁴⁴. Вследствие сложившихся обстоятельств день, назначенный для провозглашения автономии пяти провинций Северного Китая, прошел без каких-либо политических событий и эксцессов.

В противовес оптимизму МИД Японии, военное командование было раздражено тем, что процесс провозглашения автономии в Северном Китае затягивается. Неудача была приписана нежеланию китайских военачальников присоединиться к предложенному плану, в свою очередь, японские источники возложили ответственность на Нанкинское правительство. Японские военные чиновники в Тяньцзине заявили о своей обеспокоенности тем, что движение за автономию превращается в личный спор между китайскими лидерами и если такие интриги нарушают мир Северного Китая, то японская армия может быть вынуждена взять территорию под свой контроль. Подобная позиция была высказана японским министром армии Ёсиюки Кавасимой, который заявил, что, если правительство Нанкина пошлет войска в Северный Китай, чтобы

⁶⁴²Hope and anxiety in China. A waiting the next move. General Doihara`s position // The Times. 1935. Nov. 22.

⁶⁴³New tension in China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 25. P. 12.

⁶⁴⁴Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1-2.

попытаться подавить движение за автономию, такой шаг повлечет за собой серьезные последствия⁶⁴⁵.

Движение японской армии было отмечено вблизи Великой стены, что совпадало с новым этапом агитации за автономию Северного Китая. Китайские источники выразили обеспокоенность этим и указали на скопление японских кавалерийских и пехотных войск в 70 милях к северу от Пекина⁶⁴⁶. В самом Пекине руководители государственных и частных университетов, директора библиотек и другие культурные деятели в ответ на появившуюся информацию о намерении провозгласить автономию подписали циркулярную телеграмму, адресованную Чан Кайши, объявив, что выступают категорически против любого движения, направленного на попытку вывести любой регион Китая из-под юрисдикции Центрального правительства. Министерство иностранных дел в Нанкине телеграфировало сообщение всем китайским дипломатам за рубежом, давая понять, что Нанкин никогда не будет терпеть любое движение за автономию на севере или где-либо⁶⁴⁷.

Предугадывая развитие событий в других провинциях, военный министр, между прочим выпускник Военной академии Токио, генерал Хэ Инцинъ оставил Нанкин, и 30 ноября отправился для участия в переговорах с маньчжурским Лоуренсом. Генерал-майор Доихара перед встречей сказал корреспонденту агентства «Рейтер» в Пекине, что поставил перед собой задачу выиграть для Японии огромный кусок территории без военных действий. Он намеревался бороться дипломатическим путем, поскольку уже имел успешные результаты в подобных сражениях.

Первая встреча отличалась многочисленными перипетиями с китайскими генералами и драматическими междугородными телефонными разговорами со своими советниками, которые завершились компромиссом, тем самым давая Нанкину моральную победу: японцы оставили за собой только две

⁶⁴⁵ China hitch vexes Japan // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 21. P. 3.

⁶⁴⁶ Japan's policy in North China splits cabinet // The Washington Post. 1935. Nov. 23. P. 1–2.

⁶⁴⁷ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // Ibid. Nov. 25. P. 1–2.

провинции⁶⁴⁸. Китайская сторона позиционировала действия японских военных по провозглашению автономии как неспособность правительства Японии контролировать своих военных лидеров, что было вновь продемонстрировано при захвате стратегических железнодорожных центров в Северном Китае. Буквально за неделю до этого генерал Доихара заявил, что Токио не предоставил ему никаких полномочий по созданию независимого государства в области Пекин-Тяньцзиньской железной дороги, а Министерство иностранных дел отрицало, что Япония оказывала помощь «движению за автономию».

Вместе с тем, как обычно, военное командование нашло предлог, чтобы упредить мирное разрешение проблемы и предпринять ряд действий без согласия внешнеполитического ведомства на основании данных, что пустые поезда были направлены на юг для транспортировки китайских войск в бунтующую провинцию Хэбэй. Армия была намерена форсировать отделение северных провинций независимо от внешнеполитического ведомства.

Японский военный атташе в Шанхае генерал-майор Рэнсукэ Исогаи информировал китайских чиновников, что японская армия не одобряет программу Нанкина по урегулированию кризиса в Северном Китае, после чего японские войска, проводя учения, захватили китайский склад в Фэнтае. Таким образом, стало очевидным, что Япония более не могла эффективно информировать мир о собственной однозначной позиции по этому вопросу, поскольку заявления ее представителей больше не вызывали доверия, а ее политика диктовалась неконтролируемыми милитаристами⁶⁴⁹. Поскольку вопрос об автономизации сразу пяти провинций Северного Китая оказался «заморожен», японская сторона перешла к процессу постепенной автономизации региона через отдельные провинции при существенных разногласиях военной и гражданской власти.

⁶⁴⁸ *Ginsbourg M. J.* North China “autonomy”...

⁶⁴⁹ Double-dealing with China // *The Washington Post*. 1935. Nov. 30. P. 8.

С одной стороны, японские военные продолжали оказывать давление на местные институты власти с целью принятия ими решения разорвать отношения с Нанкином. Так, 21 декабря 1935 г. пришло подтверждение, что японские силы в районе Великой стены были увеличены в несколько раз. С другой – генерал Доихара, пытаясь отвлечь внимание от болезненного вопроса, потребовал создания китайско-японского фронта против коммунистического влияния в Северном Китае⁶⁵⁰, а уже 27 декабря 1935 г. вылетел из Пекина на самолете в Чанчунь⁶⁵¹ для проведения консультаций с командованием Квантунской армии. Их результат – поддержка отдельных автономных режимов.

12 января 1936 г., вслед за возвращением Доихары из поездки в Чанчунь, высокопоставленный японский военный офицер в Тяньцзине заявил, что обладает информацией, что власти в Северном Китае тайно направили в адрес Нанкина письмо с просьбой подготовиться к вооруженному сопротивлению. Судя по всему, это явилось следствием прибытия в Тяньцзинь 9 японских военных самолетов, в результате чего общее количество самолетов достигло 15. В течение грядущей недели ожидалось проведение японской военной конференции, которая должна была пройти на территории японской концессии, где Доихара обязан был изложить программу действий, утвержденную командованием Квантунской армии⁶⁵², но довести ее до логического завершения у генерала не получилось: 2 марта 1936 г. стало известно, что он получил звание генерал-лейтенанта и покидает регион. В итоговом заявлении для прессы в день отставки генерал выразил удовлетворение ситуацией в Северном Китае, подтвердив мнение, что японская армия перестала настаивать на отделении от Китая пяти северных провинций и активно работает с созданным в середине декабря Хэбэйско-Чахарским политическим советом. Доихара подчеркнул, что Совет должен

⁶⁵⁰ Japanese Increase Forces Inside Great Wall // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 21. P. 10.

⁶⁵¹ Doihara returns to Manchukuo // The Straits Times. 1935. Dec. 26. P. 11.

⁶⁵² Order for armed resistance // Ibid. 1936. Jan. 13. P. 11.

сохранить собираемые налоговые поступления у себя для удовлетворения местных нужд, и заявил, что Центральное правительство согласилось субсидировать в адрес Совета 1 млн долларов в месяц от доходов Тяньцзиньской таможни.

Китайская же сторона сообщала об улучшении отношений между Центральным правительством и Советом после визита в Пекин Сюй Шиина⁶⁵³, недавно назначенного в качестве посла Китая в Японии, который вернулся в Нанкин 2 марта после обсуждения положения в Северном Китае с генералом Сун Чжэюанем.

Таким образом, попытка командования Квантунской армии повторить успех Маньчжоу-Го и продолжить конструирование регионального политического порядка посредством создания обширной буферной зоны успеха не возымела. Четко очерченные контуры формируемой новой политики так и остались контурами, несмотря на выверенный план, до последнего момента претворяемый в действительность, четко выстроенный идеологический ракурс миротворческой миссии, активную военную поддержку и лояльность части политических элит. Таким образом, так называемый Регион пяти провинций как фактор возымел три из пяти признаков, обозначенных нами в главе 1 настоящей работы. Сложнее оказалось с обеспечением управляемости и эффективными институтами. Причин тому оказалось несколько. Во-первых, в отличие от Маньчжурии, Регион пяти провинций не был монолитным политическим, экономическим или административным пространством: кроме этноконфессионального единства и географической близости других институтов объединения на данном этапе у провинций не нашлось, не сумели их создать и японцы. Изначально масштабный план автономизации региона оказался не состоятельным, в том числе из-за недооценки ситуации в отношении местных политических элит, не всегда готовых на прямую конфронтацию с

⁶⁵³ Lull in North China. "Stormy Petrel" to leave. Future of customs // The Times. 1936. Mar. 3.

Центральным правительством и из-за переоценки тех благ, которые сулило сотрудничество с японской стороной. Этот фактор будет учтен японцами при их дальнейшем продвижении вглубь континента. Во-вторых, Нанкинское правительство, а в его лице и Китайская Республика пока не утратили окончательно статус властного центра и оказалось способно влиять на расстановку сил. Японцы недооценили умение нанкинских властей и лично Чан Кайши к эффективным политическим комбинациям, однако данная способность «доживала» последние дни. В-третьих, японская сторона в лице официального Токио, хоть и выступая доминирующим властным центром и проявляя волю в навязывании своих условий контрагенту, не была консолидирована ни в своих планах относительно будущего Северного Китая, ни в своей внешней политике, ни в способности обеспечить управленческое единство среди высшего руководства страны. В ближайшие несколько месяцев внутривнутриполитические события в Японии решат эту проблему самым радикальным образом. В итоге дальнейшая работа по формированию регионального политического порядка строилась с учетом этих просчетов и ошибок и двигалась по куда менее амбициозным и масштабным параллельным сценариям двух автономий, о которых речь пойдет дальше.

3.2. Региональная автономия Восточного Хэбэя

в демилитаризованной зоне

Неудачный опыт формирования буферного Региона пяти провинций не был бесполезным: на очередном витке автономизации новая полития, которая вошла в историю под названием Автономия Восточного Хэбэя получала четкие очертания и относительно устойчивую политическую организацию. Провинция Хэбэй, огибающая современный Пекин, – молодая административно-территориальная единица, образованная на закате цинского правления с названием Чжили, тогда как нынешнее название ей было дано

после установления власти Гоминьдана в 1928 г. Близость к бывшей столице определяла геополитическое значение этой территории, чем и объяснялся повышенный интерес японцев к ней. Юрисдикция новой автономии не только распространялась на 22 хэбэйских уезда, большинство из которых находилось в демилитаризованной зоне, образованной в 1933 г. после захвата Жэхэ, но и, имея фактически экстерриториальный статус, получала гарантии невмешательства в ее внутренние дела со стороны китайского руководства. Далее последовало присоединение к режиму в Хэбэе территории четырех сопредельных районов (Сяньхо, Баоти, Чанпин и Нинхо) общей площадью 4 тыс. км² и населением 5 млн человек⁶⁵⁴, что было осуществлено на основании требования о ее расширении, сделанного японской армией еще в октябре 1935 г. в дополнение к перемирию Тангу. Общая площадь зоны теперь расширилась до 10 тыс. км². Превратить присоединенные территории в демилитаризованную зону оказалось легче, так как перемирие Тангу являлось военным договором о прекращении боевых действий, а не международным договором⁶⁵⁵, и не требовало длительных внутри-государственных согласительных и утверждающих процедур. И хотя в сопоставлении с Регионом пяти провинций с населением около 9,5 млн человек новый проект выглядел намного скромнее, он имел важное стратегическое значение: китайские войска, действительно, лишились возможности войти туда в соответствии с условиями перемирия Тангу 1933 г. Конструируемая автономия, таким образом, не могла быть ликвидирована военной силой, а японские войска не могли быть вытеснены из нее без согласия Квантунской армии⁶⁵⁶.

Заявление посла Японии Акира Ариёси об отсутствии у генерала Доихары поддержки со стороны высшего политического руководства, отказ от встречи с ним со стороны части местных китайских лидеров и прекращение с

⁶⁵⁴ An "autonomy" government set up in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 26. P. 9.

⁶⁵⁵ North China // Ibid. Nov. 26. P. 8.

⁶⁵⁶ Autonomy regimes to be merged? // The Straits Times. 1936. Feb. 11. P. 11.

ним переговоров со стороны Чан Кайши, его поспешный отъезд из Пекина и информационные вбросы о смене им места службы, случившиеся в первые 5 дней после провала плана автономизации Региона пяти провинций не прошли для такого опытного стратега даром. В ответ на противодействие своим планам как со стороны китайского руководства, так и от лица МИД Японии, Доихара уже организовывал выступление генерала Инь Жугэна с заявлением о формировании Автономного антикоммунистического совета Восточного Хэбэя. Условно политическая судьба этого буфера пережила три этапа своего развития, на каждом из которых японцам при участии местных политических элит и зачастую без применения военной силы удалось заложить основы эффективной модели подобных политий на будущее.

Первый этап, «основание», продлился с ноября 1935 г. по январь 1936 г. В это время наблюдается институционализация нового режима, которая проходила куда интенсивней и результативней предыдущего. В ночь на 24 ноября 1935 г. идеологи и сторонники отделения Восточного Хэбэя от Китая тайно встречались в доме бывшего губернатора провинции Аньхой генерала Ши Юйсяна⁶⁵⁷, где обсуждался финальный этап установления контроля над Хэбэем. Утром 24 ноября будущий глава режима Инь Жугэн направил в адрес японской стороны телеграмму с предложением автономизации этой части Северного Китая и уже в 6 часов вечера опубликовал декларацию, объявляющую образование автономного режима в демилитаризованной зоне, которая отныне, по его словам, будет разделена на 17 префектур⁶⁵⁸. В документе новая политическая организация называлась Антикоммунистическим автономным Советом Восточного Хэбэя с провозглашением полной самостоятельности и разрывом всех отношений с национальным правительством в Нанкине. Хотя обозначенная зона включала в себя богатые города Пекин и Тяньцзинь, но не было никаких признаков того, что Инь намерен немедленно приложить усилия, чтобы захватить эти

⁶⁵⁷ Rebel regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 10. P. 19.

⁶⁵⁸ China-Japan: Preparations for Force // Time. 1935. Nov. 25.

экономические и политические центры: сторонники автономии ограничились лишь рассылкой телеграмм председателям пяти северных провинций, убеждая их последовать за Хэбэем.

В Тяньцзине агитаторы предприняли попытку раздачи листовок на улицах города, в которых Нанкинское правительство подвергалось нападкам, что спровоцировало стычки⁶⁵⁹, поэтому пропагандисты расклеивали их только в ночь на 25 ноября 1935 г. В листовках появилась информация об отделении от Центрального правительства Китая и утверждалось, что генерал Инь был в союзе с лидерами японской армии и имел их поддержку⁶⁶⁰. Позднее в Северном Китае даже будет выработана система, при которой множество японцев, выдававших себя в качестве наемных агентов японской армии, будут получать деньги от местных китайских властей в качестве цены воздержания от совершения беспорядков в пользу автономии⁶⁶¹.

Следующим утром, 25 ноября 1935 г., в конфуцианском храме в г. Тунчжоу состоялась инаугурация автономного правительства Восточного Хэбэя. Поспешность такого акта читалась очень хорошо: церемония не сопровождалась никакими помпезными мероприятиями, а новое политическое руководство к тому времени не обзавелось даже флагом.

Режим должен был функционировать под руководством избранного главы, который брал на себя и функционал военного лидера. Инаугурация должностных лиц состоялась в тот же день на первом заседании правительства. В своем интервью Инь Жугэн как временный глава автономии заявил, что выступает за спасение Китая и добавил, что намерен тесно сотрудничать с Японией⁶⁶². Генерал Инь не был случайной фигурой. Он учился в Японии и женился на сестре майора японской армии, в период разрешения Шанхайского инцидента 1932 г. выступал в качестве переводчика китайско-японских переговоров, позже отправился на север и был назначен,

⁶⁵⁹ Autonomy in N. China // The Times. 1935. Nov. 25.

⁶⁶⁰ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.

⁶⁶¹ Abend H. Smuggling of silver from China halted // The Los Angeles Times. 1936. Jan. 12. P. 4.

⁶⁶² No flag raising // The Straits Times. 1935. Nov. 26. P. 12.

по японской рекомендации, комиссаром демилитаризованной зоны. Он считал крайне важным обеспечить международное признание Восточного Хэбэя, иначе идея будет разбита вооруженными силами Китая⁶⁶³. В газете «Малайя Трибьюн» от 26 февраля 1937 г. был размещен портрет нового восточно-хэбэйского лидера⁶⁶⁴.

Правительство состояло из девяти должностных лиц, и в обиходе получила название Совет Девяти. В его структуре были учреждены секретариат, главное управление, департаменты общественной безопасности, гражданских, иностранных дел, финансов, строительства и образования, два бюро: по контролю над налогами и железными дорогами, а также несколько вспомогательных органов. Административными вопросами ведал генеральный секретарь. Департамент безопасности имел юрисдикцию в отношении военнослужащих, обеспечения боеприпасами и ремонтных работ. Департамент по гражданским вопросам координировал деятельность органов управления 22 уездов и в целом муниципального управления общественной безопасности, включая муниципальную полицию Таншани, полицию Шаньхайгуани, Тангу и Бэйдайхэ⁶⁶⁵. Позднее был организован Департамент промышленности, а в состав самого правительства вошли мэр Тунчжоу и глава Инспекции по проверке грузов китайских таможен региона.

Тунчжоу (в настоящее время – район городского подчинения) в качестве административного центра был выбран не случайно. Именно этот город, а не сам Пекин, был определен как столица автономии. С одной стороны, он располагался вблизи одного из ключевых политических центров страны, с другой – можно было не рисковать возможным осложнением отношений с иностранными державами, которые в Пекине имели дипломатических представителей, аккредитованных при Центральном китайском правительстве и, безусловно, обратились бы к руководству своих государств с целью внести

⁶⁶³ Notes & Comments. Peace Or War? // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 10.

⁶⁶⁴ Mr. Yen Yu Keng Head of the East Hopei autonomous regime, which the Central Government decided to suppress at the Third Plenary Session of the C. E. C. // Ibid. 1937. Feb. 26. P. 13.

⁶⁶⁵ Autonomy regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 17. P. 19.

ясность в ситуацию. Небольшой по площади этот населенный пункт хорошо поддавался контролю: когда движение за автономию вызвало серию протестов, то все они были пресечены, демонстранты разошлись в результате мирных переговоров, а митингующие, угрожавшие разрушить важные здания, были задержаны полицией⁶⁶⁶.

Идеологическая основа нового буфера выстраивалась в антикоммунистическом и экономическом русле: Инь Жугэн заявил, что первостепенной задачей его правительственной программы будет немедленное уничтожение всех коммунистов. Для этих целей он приказал окружным властям Восточного Хэбэя сохранить у себя все доходы (которые обычно передавались провинциальному правительству), так как должностным лицам округа понадобятся эти деньги, чтобы подавить деятельность коммунистических банд. Также было заявлено, что новый режим будет поддерживать всех сочувствующих ему, независимо от национальности, стремиться к сохранению законных прав и интересов иностранных держав в Северном Китае и принимать все меры для защиты жизни и имущества иностранцев. Религиозные учреждения должны были отныне осуществлять свою деятельность под наблюдением администрации. С целью усиления своего влияния в регионе и доведения информации об успехах режима до населения администрация Восточного Хэбэя,= учредила газету «Еженедельные новости Восточного Хэбэя» с размещением редакции в г. Таншань⁶⁶⁷, что также свидетельствовало о серьезности подхода с точки зрения влияния на проживающие в регионе массы.

12 декабря 1935 г. японским военным представителем в Тяньцзине было сделано заявление, что Восточный Хэбэй должен оставаться автономным государством за пределами ведения создаваемого одновременно с этим Хэбэйско-Чахарского политического совета, о котором речь пойдет в следующем параграфе нашей работы. Из этого следовало, что ни одна часть из

⁶⁶⁶ Swift developments are expected in China // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 11.

⁶⁶⁷ East Hopei regime has own newspaper // The Straits Times. 1936. Mar. 17. P. 19.

его доходов не будет переведена в Нанкин, за исключением, возможно, пропорциональной доли на обслуживание иностранных займов. Генерал Инь также заявил, что администрации ряда горных предприятий, чьим собственником являются британцы, будут платить налоги новому режиму⁶⁶⁸. Таким образом, вырисовывалась четкая экономическая линия сохранения Хэбэйской автономии под контролем японцев, а полномочия автономного правительства в этом вопросе распространялись на территорию к югу от Великой китайской стены до моря и Тангу, включая в себя солончаки и важные участки крупных железнодорожных путей.

Несмотря на то что повстанцы не предприняли никаких действий в связи с их заявленным планом захвата контроля железной дороги, а поезда, почта и телеграф функционировали в нормальном режиме⁶⁶⁹, интерес к железнодорожному сообщению предполагал в ближайшее время переход к более активным действиям со стороны руководства автономии. Благодаря выгодной позиции, новые власти могли рассчитывать на годовой доход в 18 млн долларов и армию в 100 тыс. человек⁶⁷⁰. Сам Инь Жуген выступил с информацией о том, что Пекин-Мукденская железная дорога согласилась платить его правительству 100 тыс. долларов в месяц для обеспечения сохранения своей самостоятельности⁶⁷¹.

Динамика событий, как уже было отмечено, представляла собой череду интенсивных встреч и переговоров, основное участие в которых принимали японцы, в то время как китайская сторона к этому процессу допущена не была. Таким образом, Япония вставала на путь обладания статусом доминирующего властного центра, представлять интересы которого по-прежнему намеревался генерал Доихара, прибывший в Тунчжоу из Тяньцзиня в полдень 25 ноября 1935 г. Этот шаг вызвал раздражение и возмущения среди чиновников⁶⁷², которые рассчитывали управлять созданной автономией без явного

⁶⁶⁸ Chinese resisting Japanese // *Malaya Tribune*. 1935. Dec. 13. P. 14.

⁶⁶⁹ Nanking acts boldly // *The Straits Times*. 1935. Nov. 27. P. 11.

⁶⁷⁰ Autonomy regimes to be merged? ...

⁶⁷¹ Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy" // *The Times*. 1936. Jan. 15.

⁶⁷² No flag raising ...

вмешательства со стороны японцев, однако у тех было другое видение ситуации: японская сторона стала активно вмешиваться в ключевые процессы и заявила, что отделение Хэбэя от Нанкина было вызвано беспорядком, царящим в управлении страной со стороны Гоминьдана⁶⁷³, а любые решительные действия, предпринятые против режима автономистов в демилитаризованной зоне в Восточном Хэбэе будут означать войну с Японией⁶⁷⁴, дав понять тем самым, что все ключевые решения в регионе будут приниматься при непосредственном участии японских представителей.

5 декабря 1935 г. поступила информация о том, что урегулирование северокайского вопроса находится на завершающей стадии, но ситуация оставалась серьезной, поскольку все исследуемые процессы происходили на фоне продолжающихся китайских военных приготовлений. В свою очередь, и автономисты Восточного Хэбэя укрепляли свои позиции в демилитаризованной зоне: в распоряжение Совета Девяти стали поступать доходы от железных дорог, таможен и телеграфов, а для обеспечения единства юрисдикции объявлялось о создании собственной правоохранительной и судебной системы⁶⁷⁵. Таким образом, Доихара, с опорой на местный генералитет, направил все усилия на создание автономной буферной государственной структуры, хоть и меньшей по размеру, но игравшей в последующие 2 года важную роль в международных отношениях и экономике региона.

Прояпонские агитаторы распространяли информацию, что автономисты приступили к подготовке выпуска собственных банкнот и почтовых марок, которые должны увидеть свет 1 января 1936 г.⁶⁷⁶ Между тем Инь Жугэн принял решение об изъятии всех местных доходов в пользу новой администрации, что явилось заявлением о непризнании достигнутых договоренностей и неподчинении власти Нанкина. Исходя из этого, эксперты

⁶⁷³ Demand for military action against the North China rebels // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 2. P. 1.

⁶⁷⁴ Four men wanted by police // Ibid. Dec. 5. P. 10.

⁶⁷⁵ East Hopei area of Northern China secedes in coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 25. P. 1–2.

⁶⁷⁶ North China lull // The Straits Times. 1935. Dec. 5. P. 11.

делали вывод, что Восточный Хэбэй и выдвинутые условия были лишь частью японского плана обеспечения полного политического и экономического контроля над Северным Китаем. Они же уверяли, что если не будет оказано существенного сопротивления, то этот небольшой, но важный регион будет потерян для центральной китайской власти, что создаст опасный прецедент и его повторение будет только вопросом времени для других провинций региона⁶⁷⁷. Дальнейшие события показали правоту данных опасений.

На этом фоне нанкинское руководство явно и стремительно теряло рычаги давления и на местные элиты, и на своих контрагентов со стороны Японии, поэтому на этом обстоятельстве следует остановиться более подробно. Так, по прогнозам экспертов, затягивание Чан Кайши принятия жестких мер против режима повстанцев в демилитаризованной зоне в Восточном Хэбэе грозило серьезными последствиями⁶⁷⁸, однако китайская сторона отреагировала на эти события вяло, ограничиваясь лишь административными действиями: во-первых, Исполнительный Юань Китайской Республики распорядился арестовать Инь Жугэна, хотя реальных попыток претворить приказ в жизнь предпринято не было; а во-вторых, принято решение об упразднении существовавшего ранее Военного совета попечителей над демилитаризованной зоной, функции которого были переданы новому органу – Комиссии по военным вопросам.

Представительство Комиссии было решено открыть в Пекине, а военный министр Китая генерал Хэ Иньцин назначен в качестве ее главы, несмотря на его явную непопулярность среди некоторых военных⁶⁷⁹. Противники генерала Хэ даже запустили слух о том, что он уже назначен послом в Японии, в связи с чем представитель Министерства иностранных дел Китая вынужден был давать опровержение⁶⁸⁰. Получив назначение, новый представитель Нанкина в

⁶⁷⁷ As You were // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 12.

⁶⁷⁸ Demand for military action against the North China rebels ...

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 9. P. 11.

регионе незамедлительно покинул столицу на самолете и вылетел на север для изучения ситуации, которая развивалась уже без участия китайской стороны.

Прибыв 4 декабря 1935 г. из Баодин в Пекин, генерал Хэ провел долгую конференцию с генералом Доихарой, результат которой удовлетворил обе стороны. По сообщениям китайских информационных агентств, китайские власти приняли некоторые из предложений японского командования, которое намерено было сформировать полуавтономное правительство пяти провинций на северном берегу Хуанхэ. Представитель японских военных властей сообщил, что в июне 1934 г. в ходе переговоров между представителями японского военного командования и Хэ Иньцинем достигалось устное соглашение о разрешении японским самолетам свободно летать над Хэбэем⁶⁸¹, которое было подтверждено. В свою очередь, бывший министр иностранных дел Китая Ван Цзинвэй, находившийся в Токио, 4 декабря 1935 г. провел беседу с министром иностранных дел Японии Коки Хиротой и обсудил три основных момента, почему Япония и Китай должны быть друзьями⁶⁸². Это был знаковый момент как в связи с той ролью, которую сыграет Ван Цзинвэй в истории своей страны, так и в связи с теми аргументами, к которым он будет прибегать для оправдания своей политики, чему мы уделим особое внимание в следующей главе нашей работы.

Одним из самых удачных решений Нинкина по разразившемуся кризису стало назначение 27 ноября 1935 г. генерала Сун Чжэюаня координатором по вопросам достижения мира в регионе и принятие им 1 декабря этого же года присяги в новом статусе. Делегаты V пленарного съезда Гоминьдана незамедлительно направили к нему совместное обращение, призывающее генерала начать боевые действия против повстанцев в Восточном Хэбэе⁶⁸³. Однако генерал Сун и мэр Пекина Цин Дэчжун не спешили этого делать, а решили принять все меры предосторожности против восстаний в бывшей

⁶⁸¹ Chinese resisting Japanese ...

⁶⁸² Four men wanted by police...

⁶⁸³ Demand for military action against the North China rebels ...

столице. В результате была приостановлена связь между Пекином и Тунчжоу, чтобы предотвратить появление шпионов в город, тем более туда накануне уже прибыл контингент численностью 100 японских офицеров.

Одновременно с этим китайской стороной велась подготовка общественного мнения относительно ситуации в Хэбэе. Так, представители частных и государственных школ в Баодине выпустили заявление, обвиняющее Инь Жугэна в государственной измене, и выразили надежду на то, что Центральное правительство сделает все возможное для поддержания национальной целостности⁶⁸⁴, а жители Восточного Хэбэя, временно проживающие в Тяньцзине, отправили петицию в Нанкин, в которой настоятельно призывали центральные власти Китая предпринять немедленные шаги для подавления автономного режима⁶⁸⁵. Пыталась повлиять на ситуацию и местная политическая элита. Так, губернатор Хэбэя Шан Чжэн предпринял попытку подать в отставку из-за его неспособности предотвратить создание автономии в Восточном Хэбэе⁶⁸⁶, однако Центральное правительство призвало его оставаться на своем посту. Что касается более весомых фигур, то, несмотря на длительное молчание со стороны Фэн Юйсяна и его последователей, губернатора Шаньдуна Хань Фучу и губернатора Шаньси генерала Янь Сишаня, позже они публично высказали лояльность Нанкину.

Власти Тяньцзиня, как и население одного из крупнейших городов Китая и экономического центра страны, оказались в гуще событий. В день провозглашения автономии по городу прокатилась волна беспорядков. Автономистские агитаторы, которые называли себя Армия самосохранения Хэбэя, захватили несколько муниципальных зданий и оказали сопротивление попыткам властей изгнать их из Управления по сбору налогов и Верховного суда⁶⁸⁷. Демонстранты прошли сотнями по улицам города, оглашая требование

⁶⁸⁴ Panic in North China // *Malaya Tribune*. 1935. Nov. 27. P. 13.

⁶⁸⁵ East Hopei regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. May 7. P. 7.

⁶⁸⁶ Nanking acts boldly ...

⁶⁸⁷ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // *The Washington Post*. 1935. Nov. 25. P. 1-2.

немедленного введения самоуправления в Тяньцзине. По некоторым данным, 2 тыс. наемных агитаторов, каждый из которых, как сообщалось, получал 40 центов за свои труды, а лидеры – по 1 доллару в день – двинулись к Управлению полиции, с целью захвата. Они были доставлены туда японскими военными грузовиками, часть из сторонников автономии переделалась в полицейскую форму и безуспешно попыталась проникнуть в здание через черный ход. Уличные торговцы также получали свой барыш, продавая прокламации автономистов по 2 цента за штуку⁶⁸⁸. Полиции, однако, удалось отвоевать Управление общественной безопасности, где провокаторы уже успели расставить своих людей на выгодные позиции. Город оказался в замешательстве. Тысячи богатых китайцев сбежали в иностранные концессии. Улицы были переполнены рикшами, грузовыми и легковыми автомобилями, загруженными женщинами, детьми и семейным имуществом. Все дома в британских и японских концессиях были забиты беженцами. Полиция позволила некоторым людям, которые покинули свои дома, расположиться в общественных парках⁶⁸⁹. Мэр Тяньцзиня Чэн Хэ направил в адрес Нанкинского правительства сообщение о своем намерении оказать сопротивление движению за независимость⁶⁹⁰. Таким образом, основные политические деятели региона сохранили верность Центральному правительству.

Тем не менее это не лишило успеха план Доихары на конструирование буферной автономии по задуманной модели, в том числе и потому, что японцы приступили к стравливанию местных китайских лидеров между собой. Так, в качестве меры по урегулированию ситуации было принято решение о подключении к этому процессу недавно созданного Хэбэйско-Чахарского политического совета, и сразу стало очевидно, что формат работы Совета был неприемлем как для Нанкина, так и японских властей. Поскольку новая

⁶⁸⁸ *Ginsbourg M. J.* North China “autonomy”...

⁶⁸⁹ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state...

⁶⁹⁰ Four men wanted by police...

администрация заняла активную и временами открыто прокитайскую позицию, командующий войсками режима генерал Чун Лянчэн пригрозил поднять восстание против Хэбэйско-Чахарского политического совета в случае его отказа от признания хэбэйского режима⁶⁹¹. Воспользовавшись раздором в китайском лагере, 15 декабря 1935 г. войска автономного режима заняли самый близкий порт к Тяньцзиню – Тангу. Первый китайский гарнизон под руководством Сун Чжэюаня оказал серьезное сопротивление, но вынужден был отступить. В ходе боевых действий с войсками нового губернатора Хэбэя обе стороны понесли крупные потери⁶⁹². Вслед за этим так называемый Отдел по сохранению мира и нерегулярные силы в Восточного Хэбэя были реорганизованы в 3 дивизии⁶⁹³, что означало начало милитаризации гражданских сил и преобразование их в регулярную и боеспособную армию. Вооруженные силы Восточного Хэбэя к концу декабря 1935 г. сосредоточились в Тангу, где ожидалась поставка крупной партии тяжелых японских вооружений и дальнейшее продвижение к Тяньцзиню⁶⁹⁴. Таким образом, японская сторона предоставила возможность решать военные задачи местным военным, перешедшим на ее сторону, без риска серьезных потерь своего состава в случае военного столкновения.

Уже 20 декабря 1935 г. Инь Жугэн совершил визит в Пекин, где он присутствовал на конференции, организованной японскими представителями, а также провел длительную встречу с членом Хэбэйско-Чахарского политического совета и экс-президентом Китая Гао Линвэем, на которых обсуждались условия преобразования администрации Восточного Хэбэя⁶⁹⁵. Не достигнув желаемых целей, он объявил о подготовке к провозглашению независимости, назначенной на 1 января 1936 г.⁶⁹⁶, и принятию нового флага

⁶⁹¹ East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh // The Straits Times. 1935. Dec. 29. P. 1.

⁶⁹² Fighting in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 16. P. 13.

⁶⁹³ Japanese Demand A Military Base Near Amoy // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 17. P. 10.

⁶⁹⁴ East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh...

⁶⁹⁵ Japanese increase forces inside Great Wall...

⁶⁹⁶ Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 30. P. 10.

государства, хотя обеспечить полную самостоятельность было невозможно и это понимала и китайская, и японская сторона, и даже сами автономисты.

В этих условиях наступает второй этап развития буферной Восточно-Хэбэйской автономии, продлившийся с января по апрель 1936 г., который характеризуется относительной стабилизацией обстановки вокруг новой политики, позволившей уделить внимание как внутренней политике и ее ключевым направлениям, так и отдельным шагам в сторону международного признания, на чем остановимся более подробно.

1 января 1936 г. Автономное правительство Восточного Хэбэя приступило к работе в полном составе и ее первыми шагами во внутренней политике стала институционализация и милитаризация, начавшаяся с поручения властям в уездах прекратить ассигнования военных расходов на 32-ю армию Китайской Республики с текущего месяца⁶⁹⁷. Эти действия дали повод экспертам говорить о том, что захват Тангу осуществлялся независимо от японских военных⁶⁹⁸. Далее администрация режима перешла к строительству казарм в этом населенном пункте для размещения в них своих ополченцев и других военных подразделений и объявила о том, что с целью удовлетворения потребностей японских фабрик посадка хлопка отныне должна была стать обязательной в демилитаризованной зоне⁶⁹⁹. Потеряв надежду перебраться в Пекин, правительство приступило к возведению новых казарм и для японского гарнизона⁷⁰⁰, в связи с чем Министерство иностранных дел Китая даже подавало протест против сноса части Великой стены находящимися в этом районе японскими войсками: японцы использовали старые кирпичи Великой стены для строительства барачков⁷⁰¹. В итоге вооруженные силы Восточного Хэбэя в составе более 100 тыс. человек включали в себя три соединения: Корпус безопасности, полицию и милицию.

⁶⁹⁷ The attack on Suiyuen // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 11. P. 13.

⁶⁹⁸ Sino-Japanese talks break down // *The Straits Times*. 1936. Jan. 2. P. 5.

⁶⁹⁹ North China // *Morning Tribune*. 1936. Apr. 17. P. 23.

⁷⁰⁰ East Hopei seeks to upset Nanking // *The New York Times*. 1937. Mar. 25. P. 6.

⁷⁰¹ Agreement at Tientsin // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. May 16. P. 9.

Череда шагов по милитаризации морского побережья и прилегающей акватории⁷⁰² привела к установлению контроля со стороны подчиненных Инь Жугэну сил иностранного судоходства⁷⁰³, равно как и месяцем ранее, в начале декабря 1935 г., милиция Восточного Хэбэя провела мероприятия по фактическому расширению зоны своей юрисдикции⁷⁰⁴ и установила контроль над важным проходом Купейкоу в Великой стене⁷⁰⁵, что вдохновило автономистов на план аннексировать еще несколько районов: 17 декабря японское военное командование потребовало от китайских властей уступки шести районов на границе Чахара и Жэхэ. Его представители заявили, что уже заняли Куйюань и Пучан⁷⁰⁶, а 60 японских военных были переброшены воздухом в Чжанцзякоу (Калган), будущую столицу монгольского прояпонского государства Мэнцзян, где они должны были оставаться до разрешения кризиса. Цель расширения подконтрольного пространства имела перед собой вполне осязаемую цель – при передаче Восточному Хэбэю требуемых японцами территорий новая автономная структура должна была представлять собой крупнейшую опорную точку на побережье, играя роль одного из ключевых элементов выстраиваемой буферной сети вместе с шестью другими прилегающими к автономии районами под управлением монгольского военного союзника генерала Ли Шоусиня Цзо Шихая⁷⁰⁷.

В связи с этим военные подразделения генерала Сун Чжэюаня были усилены на переправах и в местах добычи соли, которые вооруженные силы автономистов уже пытались захватить⁷⁰⁸. Мера оказалась своевременной, поскольку уже 5 февраля 1936 г. полиция Восточного Хэбэя предприняла попытку захвата ряда соляных компаний⁷⁰⁹.

⁷⁰² “Special zone” in the luanlung sought // The Straits Times. 1936. Apr. 22. P. 18.

⁷⁰³ North China autonomy // The Times. 1935. Dec. 23.

⁷⁰⁴ A race for Tientsin // Ibid.

⁷⁰⁵ Demand for military action against the North China rebels...

⁷⁰⁶ Japanese tactics in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 18. P. 14.

⁷⁰⁷ Autonomy regimes to be merged? ...

⁷⁰⁸ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China...

⁷⁰⁹ Chinese Resistance to Japanese. Tada Threatens Action // Malaya Tribune. 1936. Feb. 6. P. 12.

12 февраля 1936 г. было объявлено, что все правительственные полномочия были возложены на Инь Жугэна в качестве уже не временного, а постоянного главы Восточно-Хэбэйской администрации⁷¹⁰. А с 1 апреля 1936 г. Автономное правительство Восточного Хэбэя взяло на себя управление всеми судебными органами в демилитаризованной зоне. Верховный суд Хэбэя сообщил об этом Министерству юстиции в Нанкине и ждал инструкций⁷¹¹. Наконец, генерал Инь обратился к мэру Пекина Цин Дэчуну с предложением о создании представительства Восточного Хэбэя в Пекине, которое по статусу напоминало нечто среднее между дипломатическим представительством иностранного государства и филиалом административного учреждения на подконтрольной территории. Предложение было немедленно отклонено⁷¹², однако под давлением японской стороны 29 февраля 1936 г. объявлено о его открытии, одновременно с этим была достигнута договоренность об установлении беспроводной линии связи между Пекином с Тунчжоу⁷¹³. Инь Жугэн также уведомил представителей держав о своем намерении осуществлять сношения с дипломатическими представителями в Пекине напрямую от лица подконтрольных ему районов, минуя официальные дипломатические институты нанкинской администрации⁷¹⁴, что для руководства Китайской Республики означало покушение уже на государственный суверенитет и целостность страны. Данный шаг не входил в планы японской стороны и на следующем этапе развития Восточно-Хэбэйской автономии потребовал их решительного участия, на чем мы остановимся ниже.

Пока же исследуем характер японского присутствия и участия в политической, экономической и военной сферах новой политики. Заявление Инь Жугэна о том, что он будет работать в тесном согласии с Японией, было

⁷¹⁰ East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 13. P. 2.

⁷¹¹ East Hopei regime seizes control of courts // The Straits Times. 1936. Apr. 1. P. 11.

⁷¹² Statement by Mr. H. Arita // Malaya Tribune. 1936. Feb. 28. P. 14.

⁷¹³ East Hopei regime opens office in Peiping // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 9.

⁷¹⁴ Japan tightening her grip on Hopei & Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 11. P. 9.

отмечено противниками Японии в качестве основы для подтверждения своих опасений⁷¹⁵: после того как глава автономии был приведен к присяге, он незамедлительно обратился к Японии за военной помощью⁷¹⁶ и следом, как мы уже отметили, приступил к формированию собственных вооруженных сил. Японцы на инициативу откликнулись незамедлительно, и уже через день после инаугурации направили в Пекин 500 солдат, формально увеличив вооруженный отряд для защиты японского посольства до 800 человек⁷¹⁷. Следом японские войска заняли две стратегические точки – станцию Чанчжимен на юго-западе Пекина, и Фэнтай, важный пригород к югу от бывшей столицы, который дал им контроль над железнодорожными путями Северного Китая. Они также контролировали железнодорожное сообщение между Тяньцзинем и Шанхаем, объясняя это необходимостью предотвращения переброски подвижного состава на юг, который мог бы прервать связь и изолировать японские войска в Пекине. В Тяньцзине японские войска прибыли со стороны Шанхайгуани, а местный аэродром был занят для сооружения аэродрома. Около 300 военных прибыло в Купейкоу⁷¹⁸, откуда 9 декабря они были переброшены в Тунчжоу для защиты демилитаризованной зоны⁷¹⁹. На эти действия Министерство иностранных дел Китая направило протест⁷²⁰, оставшийся без внимания. Более того, спустя несколько дней 10 поездов, заполненных японскими военными, прибыло в Шанхайгуань из Мукдена, а японские военные власти в Тяньцзине обратились в адрес местных китайских властей с просьбой предоставить жилье для расквартирования войск в Тяньцзине со штаб-квартирой на центральном железнодорожном вокзале⁷²¹.

Далее администрация Инь Жугэна обзавелась японскими военными советниками, инфраструктура которых формировалась на основе плана

⁷¹⁵ U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.

⁷¹⁶ North China asks Japan army's help // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 26. P. 1.

⁷¹⁷ Future of North China // The Times. 1935. Nov. 27.

⁷¹⁸ More Japanese inroads // Ibid. Nov. 28.

⁷¹⁹ "Autonomy" in North China // Ibid. Dec. 10.

⁷²⁰ Chinese protest to Japan // The Times. 1935. Nov. 30.

⁷²¹ Tension in North China // Ibid. Dec. 2.

генерала Тасиро. В соответствии с ним японские советники должны были быть назначены в каждый отдел и каждую наиболее важную правительственную структуру⁷²². План был озвучен на заседании правительства Маньчжоу-Го, а его широкое обсуждение указывало на решимость Японии сохранить автономный режим и обеспечить еще более пристальный контроль над тремя общественными сферами: образованием, экономикой (где существенную долю доходов составляла контрабанда) и финансами.

И, наконец, ей был приобретен воздушный флот из 17 японских бомбардировщиков, одновременно с чем начались активные переговоры с Маньчжоу-Го о взаимном признании и удалении таможенных барьеров⁷²³. Таким образом, новый режим был защищен от возможного вооруженного противодействия со стороны официальных китайских властей и у его лидеров появилась возможность перейти от защитных мер к формированию собственной наступательной армии.

В середине января 1936 г. генерал-майор Итагаки посетил Тунчжоу, чтобы встретиться с Инь Жугеном и выразить поддержку его режиму⁷²⁴, воспользовавшись приостановлением до окончания китайского Нового года переговоров между китайскими делегатами и представителями японского северо-восточного командования⁷²⁵ относительно будущего режима в Восточном Хэбэе, которые возобновились лишь в середине марта, и то крайне неудачно для китайской стороны⁷²⁶. А пока на утверждение командующему составу Квантунской армии и японскому военному ведомству генералом Хаяо Тадой был представлен программный документ, содержащий в себе идею расширения влияния путем усиления или объединения буферных режимов. Под их контроль предполагалось поставить два ключевых порта – Хулудао и Циньхуандао⁷²⁷, а также Чанпина и примыкающих к нему территорий и

⁷²² Japanese demands rejected // *Malaya Tribune*. 1936. Jun 3. P. 11.

⁷²³ *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy"...

⁷²⁴ Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy"...

⁷²⁵ Conflict between mongolian princes likely // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 21. P. 9.

⁷²⁶ Japanese attitude "Evasive" // *The Straits Times*. 1936. Mar. 17. P. 8.

⁷²⁷ North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 10. P. 11.

провинции Чархар. 6 февраля 1936 г. повстанческие войска автономного восточно-хэбэйского режима предприняли попытку реализовать этот план, но были уничтожены⁷²⁸. Ситуация заставила многих представителей руководства Северного Китая, верных Нанкину, обсудить обстановку, что и было сделано 11 февраля 1936 г. На встрече северокитайских лидеров были выработаны основные принципы совместной обороны Северного Китая⁷²⁹, ненадолго стабилизировавшие ситуацию.

Между тем вице-адмирал Митиаки Камада, на тот момент командующий военно-морскими силами в Порт-Артуре, посетил с официальным визитом Северный Китай и встретился с Инь Жугэном, в том числе и по вопросу оказания военной поддержки⁷³⁰. Далее японские военные власти в Синьцзине (Чанчунь) высказались о том, что на фоне недавно заключенного Советско-монгольского (с МНР) договора для Хэбэйско-Чахарского политического совета является целесообразным заключить аналогичное соглашение с Квантунской армией о взаимной помощи⁷³¹. Позиция Сун Чжэюаня, ориентированного на Нанкин, не позволяла сделать это, что порождало напряженность не только во взаимоотношениях с командованием Квантунской армии, но и руководством Восточного Хэбэя. Инь Жугэн заявлял о готовности к сотрудничеству с Сун Чжэюанем, но указывал на невозможность этого в силу лояльности последнего Нанкину⁷³².

Уже 16 июля 1936 г. представители японского военного командования Северного Китая сформулировали окончательное видение относительно объединения режимов Восточного Хэбэя во главе с Инь Жугэном и Восточного Чархара во главе с Ли Шоусинем⁷³³, которое незамедлительно было публично озвучено и на которое Сун Чжэюань немедленно запросил у

⁷²⁸ East Hopei rebels // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 8. P. 1.

⁷²⁹ The attack on Suiyuen ...

⁷³⁰ Japanese advisers in N. China // The Times. 1936. Feb. 10.

⁷³¹ North China area tied to Manchukuo // The New York Times. 1936. Apr. 13. P. 1.

⁷³² Suiyuan reports conflict // Ibid. Nov. 22. P. 36.

⁷³³ Hopei & Charhar To Merge With Independent Regimes // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jul 17. P. 9.

официального Нанкина соответствующих инструкций⁷³⁴. Окончательное обсуждение плана по включению районов вокруг Тяньцзиня в сферу японского влияния состоялось в Тунчжоу⁷³⁵, где и был определен перечень мероприятий, направленных на одновременное принятие скоординированных мер силами Квантунской армии для расширения своего влияния в Северном Китае. Однако сделать это без участия уже созданных опорных институций, в частности Маньчжоу-Го, было невозможно, поэтому интеграция режима Инь Жугэна с этим государством приобретала характер одной из важнейших дипломатических задач.

Прежде всего необходимо было военное взаимодействие, поэтому 25 февраля 1936 г. в Циньхуандао инкогнито прибыл генерал Лю Квейтан, после чего отправился в Тунчжоу для встречи с Инь Жугэном и переговоров о совместном маньчжурско-хэбэйском плане борьбы против коммунистов⁷³⁶.

Важным виделось и экономическое взаимодействие, однако несмотря на установившиеся дружеские отношения между правительствами Маньчжоу-Го и Восточного Хэбэя, к весне 1936 г. они так и не обменялись торговыми соглашениями и дипломатическими представителями⁷³⁷. Между тем грузы с оружием и боеприпасами стали подвозить в Тунчжоу из Шанхайгуани. Премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзинхуэй отправил несколько делегатов в Танчжоу, чтобы помочь автономистам с денежными средствами⁷³⁸, а в ответ на это Инь Жугэн объявил о рассмотрении вопроса о признании администрацией Восточного Хэбэя Маньчжоу-Го⁷³⁹, что существенно усложняло и без того практически нерешаемую проблему китайско-японского взаимодействия в Северном Китае на ближайшее время.

13 апреля 1936 г. представитель высшего руководства Восточного Хэбэя и его будущий глава Чи Цонмо из столицы Тунчжоу направился в Чанчунь,

⁷³⁴ Japanese demand // *The Straits Times*. 1936. Jul 17. P. 9.

⁷³⁵ North China peace parley suspended // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Aug. 11. P. 9.

⁷³⁶ Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 25. P. 14.

⁷³⁷ Hopei to pay share on loans to China // *The New York Times*. 1936. May 17. P. 36.

⁷³⁸ Panic in North China ...

⁷³⁹ Shantung to become autonomous state? ...

где предполагалась организация ряда официальных встреч с участием японского советника Фусутаро Канаи. Программа визита включала вручение верительных грамот, встречу с маньчжурским императором Кан-Дэ, премьер-министром, министром иностранных дел и командующим Квантунской армией генералом Кэнкити Уэдой, одновременно являющимся послом Японии в Маньчжоу-Го. В ходе встречи Чи Цонмо пояснил степень опасности для Восточного Хэбэя рейдов китайских коммунистов и официально попросил помощи Квантунской армии, перенеся тем самым ответственность за нахождение японских военных на восточно-хэбэйскую администрацию. Квантунская армия в результате переговоров согласилась принять необходимые меры для защиты Восточного Хэбэя и получила легальное основание для своего присутствия в регионе.

К середине апреля администрация Восточного Хэбэя и правительство Маньчжоу-Го завершили подготовку к заключению военного и коммерческого договоров⁷⁴⁰, в которых прописывались меры для помощи друг другу в вопросах экономики и обороны. Проект договора был окончательно согласован 28 апреля 1936 г. По его условиям Япония приобретала ключевые позиции в регионе, а японские войска получали возможность на размещение на границе Хэбэя и Чахара и в районе стратегических железнодорожных узлов. Поскольку формальный статус Восточного Хэбэя предполагал административную подчиненность Нанкинскому правительству при верховенстве последнего в международных вопросах, то соглашение требовало одобрения со стороны китайского руководства и в политических кругах этой страны вызвало большие сомнения в состоятельности.

В итоге для обеспечения возможности заключения договора без официального уведомления Нанкина в начале мая 1936 г. в Танчжоу был направлен представитель Маньчжоу-Го⁷⁴¹, результатом усилий которого стало подписание 26 мая 1936 г. Договора о дружбе и Пакта о борьбе с

⁷⁴⁰ East Hopei and Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 21. P. 9.

⁷⁴¹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

коммунистами между автономным правительством Восточного Хэбэя в лице Инь Жугэна и руководством Маньчжоу-Го в лице представителя маньчжурского Министерства иностранных дел Гао Сунлина. Соглашения вступали в силу с 1 июля 1936 г. и должны были регулировать отношения между двумя режимами в течение последующих 3 лет. В тот же день в Тунчжоу прибыл дополнительный отряд японских военных⁷⁴², тем самым обеспечив для командования Квантунской армии беспрепятственный доступ к границам китайской сферы влияния.

Помимо военной и дипломатической работы новый режим и его японские покровители уделяли значительное внимание идеологическому наполнению своей институционализации, поскольку одной из ключевых целей японской политики в регионе было установление полного контроля над Северным Китаем, который можно было бы обеспечить не только посредством контроля ресурсов, но и не в последнюю очередь посредством эффективного управления населением. Для этого были предприняты соответствующие шаги, начиная с закрепления за каждым ведомством новой администрации японского советника, как это было сделано в 1931–1932 гг. в Маньчжоу-Го.

Особое внимание было уделено воспитанию подрастающего поколения, ведь при общей численности населения в количестве 6247590 человек, из них 816488 являлись детьми школьного возраста, а 269621 – дошкольного, что составляло едва ли не пятую часть всего населения региона. Поэтому работа в этом направлении была последовательной и жесткой.

Для начала властями автономного режима были запрещены прежние учебники и другие книги по истории. Подобная литература рассматривалась японцами как чрезвычайно вредная для использования в школах, потому что она, как правило, формировала у детей антияпонские настроения. Была создана группа ученых, по итогам работы которой вскоре планировалось заменить запрещенную литературу на 78 единиц новых печатных книг⁷⁴³. С 1

⁷⁴² Financial autonomy of North China. Hopel Bank's new status // The Times. 1936. May 26.

⁷⁴³ Ban on Chinese books // The Straits Times. 1936. Jan. 29. P. 19.

марта 1936 г. учебные заведения Восточного Хэбэя были переведены на учебники, составленные японскими авторами, а старые сожжены⁷⁴⁴. Все, кто не сдал старые книги, могли быть подвергнуты суровому наказанию. Напечатанные в Маньчжоу-Го учебники доставлялись в Восточный Хэбэй через Ассоциацию развития восточноазиатской культуры. Эти действия были фрагментами масштабной кампании за распространение японской культуры в Китае, Монголии, Сиаме, Индо-Китае, Индии и Филиппинах, инициированной в конце апреля 1936 г. Министерством иностранных дел Японии. Им же было принято решение о направлении японских студентов во Внешнюю и Внутреннюю Монголию для изучения монгольских обычаев и особенностей быта. Японским консулам в Китае, Сиаме, Индо-Китае, Индии и на филиппинских островах было поручено составление отчетов об отношении народов этих стран к японской культуре⁷⁴⁵. Автономный режим при участии японцев в качестве инспекторов организовал проверку учебных заведений с целью положить конец студенческим движениям в районах, находящихся под его контролем⁷⁴⁶.

Далее настала очередь учителей. Вслед за введением новой учебной литературы преподавательский состав пополнился японскими педагогами – общий тренд по замене местных кадров японскими, который коснулся таможенных органов, большинство должностей в которых заняли японцы, и муниципалитетов, где были установлены новые правила развития муниципальных органов в ряде городов⁷⁴⁷. Для формирования собственной образовательной политики автономное правительство взяло под контроль филиал одного из пекинских университетов в г. Таншань и реорганизовало его, преобразовав в Университет Восточного Хэбэя⁷⁴⁸. Не обошлось и без драматических событий. Так, 28 февраля 1936 г. по приказу Инь Жугэна в отношении двух учителей, Чан Титяна и Вон Тадао, был приведен в

⁷⁴⁴ Statement by Mr. H. Arita ...

⁷⁴⁵ Cyprus aerodrome // The Straits Times. 1936. May 2. P. 9.

⁷⁴⁶ Japanese engaged by E. Hopei regime // Ibid. Apr. 16. P. 19.

⁷⁴⁷ Ginger-Headed // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 16. P. 6.

⁷⁴⁸ Domination of North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 20. P. 2.

исполнение смертный приговор. В обвинительном акте значилось, что эти люди открыто противились введению в образовательных учреждениях новых учебников, составленных японцами. Вслед за казнью многие ученики начали забастовку⁷⁴⁹, а их коллегами была проведена секретная встреча в одной из начальных школ Тунчжоу с целью обсуждения мер по смещению Инь Жугэна. Однако информация о мероприятии поступила в полицию, которая задержала 5 человек⁷⁵⁰. Эта акция вызвала возмущение еще большего числа людей, многие из которых оказались готовы поддержать учителей. 7 марта 1936 г. учителя были казнены по личному распоряжению Инь Жугэна⁷⁵¹. На какое-то время наступает затишье. В регионе появляются японские классы, японцы направляются на работу в качестве преподавателей. В Таншани создан филиал Корейской ассоциации японского языка и литературы и Японский институт подготовки учителей японского языка. В каждом округе появились японские школы.

В сентябре 1936 г. правительство обнародовало «Перспективы и рекомендации по внедрению образования в Восточном Хэбэе», где приоритетами были содействие присущей нравственности, поддержание физической формы, обогащение уровня образования и приобщение к восточноазиатской культуре. Для этого в систему общего и среднего образования вводились древние учения о сыновнем благочестии, лояльность к власти, поддержание веры, вежливости, справедливости, честности, стыде и т. д. Важное место имело внедрение антикоммунистических настроений, а образование женщин должно было выражать добрую женскую мораль, чтобы развивать идеальный семейный фундамент и осознавать достоинство хорошей жены и хорошей матери.

Наконец, особого внимания заслуживает финансово-экономическая политика автономного режима. Манипулируя стремлением к независимости,

⁷⁴⁹ 2 teachers executed in East Hopei // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 16.

⁷⁵⁰ Plot to overthrow E. Hopei leader // Ibid. Mar. 6. P. 5.

⁷⁵¹ 5 teachers executed in East Hopei // Ibid. Mar. 8. P. 8.

японцы обеспечивали в рамках хэбэйско-маньчжурского сотрудничества управление ключевыми отраслями экономики как залога бесперебойного снабжения армии необходимыми ресурсами. Поэтому руководство Восточного Хэбэя в короткий срок приняло необходимые меры к установлению экономической и финансовой самостоятельности региона. Процесс был начат в рамках подготовки к провозглашению полной независимости, которое намечалось на 24 ноября 1936 г.⁷⁵², в первую годовщину автономии.

В числе первостепенных задач – сохранение всех доходов Хэбэя, направляемых до этого времени в Нанкин, за автономным правительством⁷⁵³. Во-первых, речь шла о сбережении всех доходов от железной дороги и соледобычи. Поначалу посягательства автономистов сводились лишь к перенаправлению не очень богатого потока доходов в размере 11 тыс. долларов США от железнодорожных чеков⁷⁵⁴, однако, поскольку ежемесячный объем поступлений составлял 250 тыс. долларов от добычи соли и 100 тыс. долларов США – от эксплуатации железных дорог⁷⁵⁵, ситуация требовала более решительных мер.

Во-вторых, необходимо было обеспечить контроль над топливными ресурсами. В начале декабря 1935 г. китайскими таможенными органами проведены консультации с техасскими и азиатскими нефтяными компаниями, которые добились от Нанкинского правительства обещания, что в период повышения пошлин на нефть и нефтепродукты дополнительные налоги устанавливаться не будут⁷⁵⁶. Однако в свете декабрьских решений (1936 г.) Хэбэйско-Чахарского политического совета по снижению тарифов администрацией Восточного Хэбэя было озвучено намерение присоединиться к маньчжурской нефтяной монополии для ограничения на своих рынках американских и британских нефтяных компаний. В связи с этим Инь Жугэн в

⁷⁵² Suiyuan reports conflict ...

⁷⁵³ Cyprus aerodrome // The Straits Times. 1936. Jan. 17. P. 11.

⁷⁵⁴ Demonstrations in Peking // The Times. 1935. Dec. 17.

⁷⁵⁵ Gen. Sung gives way // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 18. P. 10.

⁷⁵⁶ Double tax on oil threatens in Hopei // The New York Times. 1935. Dec. 4. P. 15.

начале декабря 1936 г. официально уведомил их о том, что они будут вынуждены закрыть свои представительства в Северном Китае после того, как оборот нефти в Маньчжоу-Го будет монополизирован, а с текущего момента должны будут платить ввозную пошлину.

В-третьих, в орбите интересов автономистов оказалась угольная промышленность. В середине декабря 1935 г. японская сторона высказала ожидание, что шахты британского концерна «Кайлан Минин» (Kailan Mining) будут платить налоги в адрес Хэбэйско-Чахарского политического совета⁷⁵⁷. Поскольку компания выплачивала налоги в Тяньцзине, ее интересы на этом этапе преобразований не пострадали⁷⁵⁸. Право взимать консолидированный налог в демилитаризованной зоне за Хэбэйско-Чахарским политическим советом было закреплено при условии, что автономистам Восточного Хэбэя будет предоставлено 30 % всех прежних налоговых поступлений⁷⁵⁹. В связи с этим руководство шахт «Кайлан Минин» провело необходимую реорганизацию. Однако затем последовало заявление Инь Жугэна о намерении администрации Восточного Хэбэя оставить за собой все доходы от налоговых поступлений⁷⁶⁰. 6 марта 1936 г. администрация концерна приостановила работу на шахтах в Таншани, расположенных по линии железной дороги Пекин – Шанхайгуань. Этот шаг был ответом на решение новой администрации, потребовавшей платить налоги непосредственно в ее адрес, а не направлять их в адрес Политического совета⁷⁶¹. Тысячи горняков лишились работы, в результате чего возникла угроза того, что они займутся бандитизмом.

Руководство Южно-Маньчжурской железной дороги предложило купить готовую продукцию, но по очень низкой цене. Таншанские шахты возобновили работу лишь 9 марта 1936 г. после того, как руководство автономии пошло на уступки и вернулось к первоначальной

⁷⁵⁷ North China // The Times. 1935. Dec. 13.

⁷⁵⁸ Demonstrations in Peking

⁷⁵⁹ The Kailan mines // Malaya Tribune. 1936. Mar. 10. P. 23.

⁷⁶⁰ North China autonomy...

⁷⁶¹ British mines closed down // The Straits Times. 1936. Mar. 6. P. 5.

договоренности⁷⁶². Однако год спустя, 22 мая 1937 г., спор разгорелся вновь. На этот раз Автономное правительство Восточного Хэбэя потребовало от «Кайлан Минин» осуществлять выплаты своим сотрудникам в валюте Восточного Хэбэя, но руководство концерна отказалось выполнять это требование.

«Война банкнот» вышла на межгосударственный уровень, когда под давлением японских советников правительство Восточного Хэбэя, мелкие китайские торговцы в Таншане были вынуждены перейти от расчетов в валюте Центрального правительства Китая на банкноты, выпущенные банками Восточного Хэбэя и Маньчжоу-Го⁷⁶³, в связи с чем попыткам создания собственной валютной и банковской системы нужно уделить особое внимание. Так, 8 января 1936 г. в Тяньцзине со стороны коллаборационистов предпринята попытка заставить торговцев принять банкноты, выпущенные автономным режимом Восточного Хэбэя. В итоге магазины вынуждены были приостановить свою деятельность, а китайские власти немедленно подали протест генералу Таде с требованием заставить провокаторов вернуться в японскую концессию⁷⁶⁴. Вслед за этим Инь Жугэн заключил контракт с японцами в размере 4 млн долларов США, половина средств от которого намерена была использоваться для финансирования Банка Восточного Хэбэя, а другая – поддержания повстанческой армии⁷⁶⁵. В середине января 1936 г. Японское правительство предоставило субсидию, увеличенную до 10 млн долларов⁷⁶⁶, которые были пущены на обозначенные цели и принесли свой результат 16 мая 1936 г., когда Инь Жугэн официально сообщил, что инициировал процедуру создания собственного национального банка и планирует начать выпуск собственной бумажной валюты в течение месяца⁷⁶⁷. Но текущие трудности внутри режима, отсутствие квалифицированного

⁷⁶² British mines reopen // Ibid. Mar. 10. P. 9.

⁷⁶³ E. Hopei demand to British mine // Ibid. 1937. May 24. P. 18.

⁷⁶⁴ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China ...

⁷⁶⁵ Sino-Japanese talks break down ...

⁷⁶⁶ Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 17. P. 1.

⁷⁶⁷ Hopei to pay share on loans to China ...

персонала и необходимых условий не позволили плану осуществиться так быстро.

Лишь осенью 1936 г. пришлось вернуться к данному вопросу и объявить о завершении подготовки к открытию Банка Восточного Хэбэя, начало работы которого было запланировано на февраль 1937 г.⁷⁶⁸ Однако и здесь успеть вовремя не получилось. С месячным запозданием, в середине марта, было объявлено, что Восточный Хэбэй прекратил обращение китайских денежных знаков на своей территории и создал собственную денежную единицу, направленную на вытеснение китайской национальной валюты в этом районе. Общий фонд составил сумму 26 млн долларов, 5 млн были подготовлены и ожидали пуска в оборот в течение двух недель, а остальные – в ближайшее время. Банкноты были напечатаны, а монеты отчеканены в Японии. Предполагалось, что денежные знаки будут поддержаны Банком Восточного Хэбэя, но их обеспечение взялся гарантировать Банк Чосон (Банк Кореи), в поддержку которого были выпущены облигации, гарантированные капиталом Маньчжоу-Го и Японии⁷⁶⁹. Таким образом, спустя более чем год с момента объявления о переходе с собственной валютной системе, казалось, Инь Жугэну способствовала удача, что на деле обернулось конфузом.

Новые монеты имели штамп с датой «Двадцать шестой год Китайской Республики», тем самым подтверждая японское заверение о том, что Восточный Хэбэй продолжает оставаться неотъемлемой частью Китая, хоть и не хочет иметь ничего общего с нынешним правительством в Нанкине. Однако китайская сторона не была так оптимистична в своих оценках выпуска Восточным Хэбэем собственной, пусть и ассоциированной с Китаем, валюты, полагая, что данный шаг еще больше усложнил задачу восстановления суверенитета и власти Центрального правительства Нанкина на этой важной территории⁷⁷⁰.

⁷⁶⁸ Student groups banned // The New York Times. 1936. Nov. 10. P. 16.

⁷⁶⁹ East Hopei seeks to upset Nanking ...

⁷⁷⁰ Puppet region cuts another Chinese tie // The New York Times. 1937. Mar. 21. P. 36.

Причина присутствия на монетах упоминания о Китайской Республике стала ясна спустя несколько дней и оказалась куда более глобальной, чем демонстрация лояльности: Япония высказала намерение восстановить положение Восточного Хэбэя в составе Китая при условии достижения соглашения об экономическом сотрудничестве с ним. В результате и международное сообщество, и руководство Китая, и автономное правительство во главе с Инь Жугэном получили отчетливый сигнал о том, что Восточный Хэбэй никогда не станет независимым государством и не разделит судьбу ни Внутренней Монголии, ни Маньчжоу-Го.

Данное обстоятельство не помешало японской стороне сохранять неопределенный статус для региона вплоть до конца 1937 – начала 1938 г., когда ситуация изменилась и вместо Нанкинского (на тот момент Чунцинского) правительства контроль над ним перешел к Временному правительству Китайской Республики во главе с Ван Кэмином. О валютной политике нового государственного образования, в том числе и на территории Восточного Хэбэя, получившего позднее особый статус, будет изложено в главе 4 настоящей работы.

Пока же обратимся к еще одной важной части финансово-экономической политики – контролю границ и их таможенному сопровождению. Дело в том, что территория автономии Восточного Хэбэя включала важную часть побережья к северу от Тяньцзиня. Вдоль этой береговой линии по направлению к Маньчжоу-Го и начинает выстраиваться система контрабандной торговли в объеме, равном примерно 6 млн фунтов стерлингов в год⁷⁷¹. Данная политика имела характер экономических санкций в отношении Китая, разработанных для ослабления Нанкинского правительства. Забегая вперед, скажем, что попытка разрушить финансовую систему Китая посредством контрабанды главной цели так и не достигла, однако причинила этой стране ущерб в размере примерно 50 млн долларов⁷⁷²

⁷⁷¹ Japan and China // The Manchester Guardian. 1936. May 20. P. 10.

⁷⁷² For ten years China has defied Japan // The Observer. 1943. Mar. 28. P. 1.

посредством двух основных инструментов. Во-первых, это касалось драгоценных металлов, прежде всего серебра⁷⁷³, при этом в Маньчжоу-Го серебряной валюты не было, а экономика страны была привязана к курсу иены, что также породило большое количество контрабандистов. Любопытно, что, по мнению экспертов⁷⁷⁴, если бы в долине Янцзы использование иены приобрело бы массовый характер, то территории, вызывающие интерес у Японии, перешли бы под ее контроль мирным путем.

Во-вторых, контрабандные схемы затрагивали товарооборот в других сферах производства. В декабре 1935 г. новые власти, отвергая обвинения с китайской стороны, постановили, что перемещаемые через Восточный Хэбэй товары декларируются и по ним платятся таможенные пошлины, которые в 4 раза меньше тех, что взимает Нанкин. Это было сделано для того, чтобы погасить иностранные кредиты, оставшиеся после нанкинского правления. Но сделать это пока не было возможности, поскольку в распоряжении новой администрации находилось всего 5 таможенных постов, которые собрали только 2 млн долларов США против 3 млн, собранных до провозглашения автономии. С целью перенаправления таможенных поступлений в пользу новой администрации и постепенного увеличения их доходности 11 декабря 1935 г. Инь Жугэн приказал должностным лицам по всей демилитаризованной зоне установить контроль над таможенными и солеными доходами⁷⁷⁵, что и было сделано, а войска Маньчжоу-Го вытеснили китайские вооруженные силы и заняли Куюань в Восточном Чархаре⁷⁷⁶. Сун Чжэюаню пришлось согласиться на данные меры⁷⁷⁷ и, хотя в начале 1936 г. таможенная система работала по прежним правилам и таможенные отчеты других пропускных пунктов Хэбэя за январь и февраль 1936 г. по-прежнему отправлялись в

⁷⁷³ Japan to invade China tomorrow if new state is not set up in North // The Washington Post. 1935. Nov. 19. P. 1–2.

⁷⁷⁴ Japans conquest of China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 28. P. 5.

⁷⁷⁵ North China rebels to seize customs // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 12. P. 10.

⁷⁷⁶ As You Were ...

⁷⁷⁷ Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime ...

Нанкин⁷⁷⁸, администрация Восточного Хэбэя стремилась взять власть над всеми таможенными пунктами контролируемого ей региона демилитаризованной зоны, что в итоге и было осуществлено. Одним из основных центров японской контрабанды стал порт Дайрен (бывш. Далянь, Дальний), инфраструктура которого обеспечила японцам и их сторонникам практически свободный доступ на рынки Северного Китая⁷⁷⁹.

Переговоры, начавшиеся 10 февраля 1936 г. по пересмотру таможенного тарифа⁷⁸⁰, равно как и о возобновлении работы прежних таможенных пунктов в Северном Китае⁷⁸¹, японцами и автономистами были отклонены, а в середине мая Инь Жугэн заявил о намерении снизить тарифы в Восточном Хэбэе с одной четвертой до одной десятой от обычной китайской ставки, что обеспечило бы ему доход в более чем 200 тыс. юаней в месяц. Сделав регион специальным районом с особой системой тарифных ставок в размере хотя бы на 50 % ниже предыдущих, автономисты собирались обеспечить крах китайских таможен. Данная схема фактически разрушила нормальную работу таможенных пунктов Тяньцзиня. Для разрешения проблемы Нанкином предлагалось установить таможенный барьер через Китай с востока по течению Хуанхэ⁷⁸², однако нужно было, во-первых, договариваться с местными властями и губернаторами, а во-вторых, это могло еще больше усугубить внешнюю торговлю и финансовое положение Китая.

Ситуация оказалась критичной, в первую очередь для европейских держав. Министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден в мае 1936 г. был вынужден выступать в Палате общин⁷⁸³. Об огромных объемах контрабанды в Северном Китае было заявлено на встрече директоров

⁷⁷⁸ East Hopei rebels and the customs // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 16.

⁷⁷⁹ China tariff war // Morning Tribune. 1936. May 21. P. 8.

⁷⁸⁰ The attack on Suiyuen...

⁷⁸¹ North China to be dominated by armed force // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 20. P. 9.

⁷⁸² Smuggling in China // The Manchester Guardian. 1936. Aug. 15. P. 12.

⁷⁸³ China: Homeless Smuggler // Time. 1936. May 11.

Манчестерской торговой палаты 15 июня 1936 г.⁷⁸⁴, где говорилось, что в числе наиболее популярных товаров был шелк и сигареты⁷⁸⁵.

Для более успешного претворения в жизнь политики по искоренению контрабанды китайский Военно-морской департамент выделил 2 оснащенных оружием корабля и отправил их в Тяньцзинь для поддержки морских таможенных пунктов⁷⁸⁶. Министерство финансов направило на пристани, железнодорожные вокзалы и гавани в Северном и Центральном Китае десятки специальных сотрудников таможни с полномочиями по поиску и задержанию любых незаконных товаров без апелляции к Департаменту морской таможни⁷⁸⁷. Данные меры не решили проблему и привели лишь к ряду инцидентов, и без того усугубивших ситуацию. Так, в феврале 1937 г. Китайская морская таможенная служба в Циньхуандао отказалась освободить два судна с контрабандой, задержанные за пределами гавани несколько дней назад, несмотря на давление со стороны японцев⁷⁸⁸. Японские дипломаты в вопросе работы китайских таможенников стояли на страже интересов своих граждан⁷⁸⁹, а протесты приграничных таможенных органов оставались без ответа⁷⁹⁰, в то время как Министерство финансов Китая заявляло об огромных убытках от организованной контрабанды⁷⁹¹. В официальном докладе руководства Северного Китая от 17 мая 1936 г. говорилось, что организованная контрабанда распространилась на столь многие части Северного и Центрального Китая, что необходимо принятие решительных мер со стороны Центрального правительства в Нанкине⁷⁹². Проблема стала политическим вопросом Китая и Японии⁷⁹³.

⁷⁸⁴ Smuggling into N. China // *The Manchester Guardian*. 1936. Jun 16. P. 14.

⁷⁸⁵ China appeals to Britain // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jun. 23. P. 9.

⁷⁸⁶ China's satisfactory finances // *Ibid.* May 12. P. 9.

⁷⁸⁷ Japanese take up positions along great wall // *Ibid.* May 18. P. 9.

⁷⁸⁸ Reds in Shensi // *Morning Tribune*. 1937. Feb. 2. P. 28.

⁷⁸⁹ Japanese demands rejected ...

⁷⁹⁰ China Wants Manchuria Returned // *Morning Tribune*. 1937. Feb. 26. P. 3.

⁷⁹¹ China's satisfactory finances

⁷⁹² Japanese take up positions along great wall...

⁷⁹³ Financial autonomy of North China...

Аналогичная ситуация складывалась и на железной дороге, где также наблюдался рост контрабанды. Представители Хэбэйско-Чахарского политического совета в ряде заявлений подчеркивали данный факт, ссылаясь на нежелание должностных лиц железной дороги участка Пекин – Мукден к сотрудничеству. Будучи заранее предупрежденными о возможной контрабанде, китайские таможенники в мае 1937 г. перестали получать соответствующие уведомления от железнодорожных служащих или получали их слишком поздно⁷⁹⁴, что было связано с политикой руководства автономии. При этом, несмотря на дешевый товар, пересекающий границу автономии, налоговая политика местной администрации к июню 1937 г. достигла своего предела: даже ежедневные продажи мелких товаров стоимостью более 1 доллара подлежали налогообложению в размере 10 %⁷⁹⁵, в связи с чем многие жители региона предпочитали покинуть место жительства и уехать для постоянного проживания в Тяньцзинь.

В начале июня 1936 г. спекулянты распространяют слухи о войне между Нанкином и Гуаньчжоу (Кантоном), что вызвало скачок стоимости китайской валюты в Гонконге до 70 %. Юго-Западный политический совет в Кантоне отправил циркуляционную телеграмму в адрес Нанкина и провинциальных органов власти, в которой содержался настоятельный призыв немедленно начать подготовку к войне против Японии с целью спасения Северного Китая⁷⁹⁶.

Для хоть какого-то выправления ситуации Хэбэйско-Чахарский политический совет приступил к сокращению ставок на импортируемые товары в размере от половины их стоимости до одной восьмой от официальных тарифов в Китае, что создало конкуренцию с тарифами Восточного Хэбэя⁷⁹⁷, а генеральный инспектор китайской таможни Фредерик Мазе в своем последнем докладе заявляет, что единственным решением

⁷⁹⁴ Smuggling problem in North China // The Straits Times. 1937. May 24. P. 19.

⁷⁹⁵ East Hopei // Morning Tribune. 1937. Jun 28. P. 24.

⁷⁹⁶ Japanese demands rejected...

⁷⁹⁷ Smuggling in China // The Straits Times. 1936. Jun 25. P. 10.

проблемы контрабанды на севере является упразднение автономного режима Восточного Хэбэя⁷⁹⁸. Данная позиция, в числе прочих, не была определяющей, но и не могла быть проигнорирована японской стороной, которая осознавала проблематичность дальнейшего полусамостоятельного существования Восточного Хэбэя, но до последнего надеялась «выменять» его на экономические преференции от Китая.

Когда же ситуация вышла на уровень военных действий, необходимость в существовании автономии отпала, в связи с чем перейдем к третьему, завершающему, этапу Восточно-Хэбэйской автономии. Он наступил весной 1937 г. и сначала вновь обозначил расхождения позиций между японской гражданской и военной властями.

В мае 1937 г. партия японских военных подкреплений, насчитывающая 1 700 человек, прибыла в Тяньцзинь: военное ведомство считало, что этим шагом японское правительство окажется в состоянии корректировать отношения между Японией, Севером Китая, Маньчжоу-Го и другими иностранными державами⁷⁹⁹. Несмотря на заверения Японии в обратном, японские военные не были намерены упразднить автономистский режим Восточного Хэбэя, вызывающий так много проблем с китайской стороны.

Следующим шагом в японской программе подрыва влияния Нанкина в регионе должно было стать заключение подобных соглашений между Маньчжоу-Го и Восточным Чахаром⁸⁰⁰ (режим которого в ряде СМИ ошибочно именовался «Монгол-Го» и который находился под контролем Ли Шоусиня и Цзо Шихая).

Военный атташе японской миссии в Пекине признал, что правительство Маньчжоу-Го настроено на взаимную помощь и поддержку со стороны автономии Восточного Хэбэя, но отрицал, что для этого был заключен какой-либо военный договор⁸⁰¹. Ситуация внутри самого правительства не была

⁷⁹⁸ New China-Japan parleys // Ibid. 1937. Mar. 16. P. 4.

⁷⁹⁹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

⁸⁰⁰ Manchu-E. Hopei pacts // The Straits Times. 1936. May 27. P. 8.

⁸⁰¹ Japanese offers turned down by Shantung governor // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Sep. 12. P. 9.

такой спокойной и однозначной, как это преподносилось. Еще 7 апреля 1936 г. поступили сообщения о попытке свержения режима в Восточном Хэбэе. Против восставших были направлены карательные силы⁸⁰² для его подавления. Вслед за этим 11 сентября 1936 г. часть Корпуса по сохранению мира под командованием полковника Чан Йентяна подняла мятеж и объединила свои силы с добровольцами антиавтономистской коалиции. Мятежники взяли с собой большое количество пулеметов, винтовок и боеприпасов⁸⁰³ и отступили в безопасные районы. 2 октября 1936 г. на заседании экстренной конференции японского командования Квантунской армии было принято решение отправить две дивизии, маньчжурская сторона пообещала помочь в подавлении движения в регионе за свержение Инь Жугэна, что китайская сторона расценила как помощь японскому командованию Северного Китая захватить Тяньцзинь и Пекин в удобный момент⁸⁰⁴. 21 ноября 1936 г. стало известно о захвате двух японских пленников, которые оказались в руках мятежных боевиков Восточного Хэбэя, бежавших на север от Таншаня, преследуемые 300 японскими военными⁸⁰⁵. Мятежники принадлежали к полку милиции Восточного Хэбэя и подняли бунт против власти Инь Жугэна за несколько дней до этого⁸⁰⁶. Японские власти в Тяньцзине объявили, что 12 тыс. японских военнослужащих вскоре придут в Хэбэй из Маньчжоу-Го, чтобы заменить гарнизонные войска в Тяньцзине и Пекине, что вызвало тревогу среди местных жителей, которая усилилась благодаря объявлению о намерении разместить в Циндао и Шаньдуне в марте 1937 г. 60 японских военных кораблей⁸⁰⁷. А в конце марта 1937 г. Маньчжоу-Го и Восточный Хэбэй обменялись так называемыми специальными посланниками, которые воспринимались в качестве послов, хоть таковыми не являлись. Предполагалось, что аналогичный специальный посланник скоро

⁸⁰² Uprising in East Hopei // The Straits Times. 1936. Apr. 7. P. 11.

⁸⁰³ Japanese offers turned down by Shantung governor...

⁸⁰⁴ Japan's reply to Demands // The Straits Times. 1936. Oct. 2. P. 11.

⁸⁰⁵ East Hopei mutiny: Japanese captives // Ibid. Nov. 23. P. 11.

⁸⁰⁶ Untitled // Morning Tribune. 1936. Nov. 23. P. 6.

⁸⁰⁷ Recovery of East Hopei our immediate aim // The Straits Times. 1937. Feb. 25. P. 5.

будет направлен в Токио. Чун Тунфу высказал уверенность в том, что монгольская сторона также в ближайшее время станет тесно сотрудничать с Восточным Хэбэем⁸⁰⁸.

Слабость позиции автономного режима Восточного Хэбэя была очевидна по многим признакам, начиная от неясного статуса на внутривосточной и международной арене, который влек за собой менее трепетное к нему отношение со стороны Японии, нежели, например, к маньчжурскому или монгольскому вопросу; отсутствие уверенной опоры внутри Хэбэя, слабый авторитет Инь Жугэна, в противовес тому же Сун Чжэюаню или Ян Сишаню; а также сохранение потребности Японии в нормальном и стабильном сотрудничестве хоть с какими-то представителями китайской стороны, чего сформированный режим обеспечить не мог, а нынешнее руководство Китая, которое так упорно игнорировалось военным командованием Квантунской армии, не хотело этого делать без решения хэбэйского вопроса. Таким образом, несмотря на достижение перечисленных целей по укреплению своего присутствия в этой части материка, Япония не рассматривала Восточный Хэбэй как долгосрочный проект, и это понимали все участники изучаемых процессов.

В начале февраля 1937 г. коррективы состава администрации Восточного Хэбэя позволили Инь Жугэну сохранить председательство, но его ближайшие советники лишились многих должностей⁸⁰⁹. Обстоятельства заставляли все стороны готовиться к изменениям, которые наступили быстрее, чем ожидалось. 24 февраля 1937 г. правительство Японии заявило, что существование режима в Восточном Хэбэе является внутренним делом Китая, и он имеет право объявить о его упразднении⁸¹⁰. Правда, к этому пришлось добавить посыл в адрес китайского руководства о том, что если это будет сделано в одностороннем порядке, то Япония не сможет сохранять

⁸⁰⁸ East Hopei seeks to upset Nanking ...

⁸⁰⁹ Reds in Shensi ...

⁸¹⁰ China's new charter // Malaya Tribune. 1937. Feb. 24. P. 13.

равнодушие в связи с наличием в регионе ее интересов. Однако факт возможности дискуссии по этому вопросу уже вселял надежду. Поводом для подобного смягчения ситуации явилась тянувшаяся еще с осени прошлого года неопределенность в наметившихся к обновлению японско-китайских отношениях. Так, еще в начале октября 1936 г. японский дипломатический корпус сформулировал своими взгляды на ситуацию⁸¹¹, а китайская сторона – свои⁸¹², ситуация зашла в тупик, и Чан Кайши созвал конференцию военных лидеров провинций долины р. Янцзы⁸¹³. Во время проведения очередных переговоров 11 ноября 1936 г. посол Японии взамен существующей схемы организации автономного режима для пяти провинций в Северном Китае предложил их иную вариацию, а Китай потребовал ликвидации режима в Восточном Хэбэе⁸¹⁴. Для Японии в этом обсуждении определяющее значение имело заключение экономического соглашения и формирование антикоммунистической коалиции. Для Китая принципиальным являлся вопрос ликвидации автономии Восточного Хэбэя и японского присутствия на территории северных провинций.

Уже 13 апреля 1937 г. японская сторона выразила готовность к принятию китайских условий о начале переговоров об упразднении автономного правительства Восточного Хэбэя. Вместе с тем сделан намек, что японцы готовы пойти на этот шаг только при условии участия в переговорах с китайской стороны Хэбэйско-Чахарского политического совета, чьи полномочия должны были быть признаны и подтверждены Нанкином. Помимо этого, китайская сторона должна была признать существование приоритетных японских интересов в Северном Китае и принять участие в создании антикоммунистической буферной зоны для защиты Маньчжоу-Го от проникновения коммунистов. Предварительные переговоры по этому вопросу с участием миссии Политического совета должны были состояться в Токио⁸¹⁵.

⁸¹¹ Diplomatic Dinner Party Parleys ...

⁸¹² Negotiations still deadlocked // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Nov. 12. P. 9.

⁸¹³ Japan's reply to demands ...

⁸¹⁴ Negotiations still deadlocked ...

⁸¹⁵ Japan & E. Hopei Abolition // The Straits Times. 1937. Apr. 13. P. 9.

Таким образом, японская сторона занимала позицию, согласно которой ситуация вокруг Восточного Хэбэя не должна стать проблемой для заключения соглашения между Японией и Китаем, поскольку Япония не была заинтересована в осложнении двусторонних отношений, а лишь испытывала озабоченность по поводу поддержания мира и порядка в районах, прилегающих к Маньчжоу-Го.

Руководство автономии также косвенно подтвердило информацию о ретроцессии, хотя в интервью изданиям «Тайм» и «Нью-Йорк Таймс» напомнило, что Сун Чжэюань когда-то согласился сотрудничать с Восточным Хэбэем в создании автономного режима в северных провинциях, но в последний момент передумал⁸¹⁶. С целью определения дальнейшей судьбы Инь Жугэна в Японию был направлен комиссар по иностранным делам автономного правительства⁸¹⁷, а 27 апреля 1937 г. сам Инь Жугэн организовал свое обращение на японском языке к руководству Японии о поддержке и сотрудничестве⁸¹⁸, что было воспринято китайской стороной как оскорбление. Эксперты все чаще сходились во мнении, что регион ожидают кардинальные изменения, которые, с одной стороны, вероятно, приведут к упразднению автономного режима Восточного Хэбэя, но, с другой – заставят Японию применить другие методы для укрепления ее присутствия в северных провинциях⁸¹⁹. Одновременно с переговорами руководство автономии готовило общественное мнение посредством агитации и провокаций⁸²⁰, на что китайские власти регулярно заявляли протесты⁸²¹.

2 мая 1937 г. с целью стабилизации ситуации японский посол Каваго прибыл в Тунчжоу и сделал заявление о том, что режим Восточного Хэбэя может быть отменен, если эти действия в конечном итоге приведут к урегулированию всех китайско-японских проблем, не ставя под угрозу какие-

⁸¹⁶ East Hopei seeks to upset Nanking ...

⁸¹⁷ North Hopei regime // *Malaya Tribune*. 1937. Apr. 22. P. 11.

⁸¹⁸ Chinese protest to Japan // *The Straits Times*. 1937. Apr. 27. P. 9.

⁸¹⁹ *Ibid.* P. 20.

⁸²⁰ Autonomy move in N. China revived? // *Ibid.* Jan. 6. P. 9.

⁸²¹ New Attack To Be Launched On East Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. Jan. 6. P. 1.

либо интересы Японии в Китае⁸²². Желая смягчить ситуацию и успокоить общественность, главный секретарь администрации Восточного Хэбэя Мунезумэ Ике объявил корреспонденту «Домэй», что он намерен организовать визит восточно-хэбэйской делегации в Японию грядущим летом для укрепления дружеских отношений⁸²³. Сам глава автономии регулярно выступал на страницах газет⁸²⁴ и даже совершил поездку в Японию⁸²⁵, а по возвращении распорядился о наборе нескольких тысяч рабочих для строительства системы обороны под руководством японских экспертов⁸²⁶ и обратился к двум банкам с предложением предоставить средства для расширения сил в Восточном Хэбэе⁸²⁷, однако ситуация явно была дестабилизирована.

14 мая 1937 г. в Японии состоялась межминистерская конференция для принятия решения о выработке единой дипломатической политики в отношении Китая. На ней принято решение, что вопрос об упразднении автономии Восточного Хэбэя не должен официально обсуждаться до тех пор, пока китайско-японские отношения не будут надлежащим образом выверены, однако подтвердила потенциальную возможность такого исхода несмотря на то, что китайское предложение о коллективной безопасности в Тихом океане в представленном виде должно было быть отвергнуто. Японский представитель в Нанкине озвучил намерение о возобновлении китайско-японских переговоров, однако Центральное правительство пока оказалось не готово к дальнейшим обсуждениям до тех пор, пока не произойдет глобальных изменений в японской политике на континенте⁸²⁸.

Любой сценарий со статусом автономии не должен был бы ослабить японское присутствие в регионе, поэтому командованием Квантунской армии было принято решение японский гарнизон в районе Тяньцзиня

⁸²² East Hopei // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 4. P. 9.

⁸²³ No responsibility for East Hopei // The Straits Times. 1937. May 5. P. 8.

⁸²⁴ Ibid.

⁸²⁵ State control in Shansi // Sunday Tribune (Singapore). 1937. May 16. P. 1.

⁸²⁶ E. Hopei defences // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.

⁸²⁷ War-lord's deposits held // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 15. P. 11.

⁸²⁸ China and Japan // Malaya Tribune. 1937. May 15. P. 11.

укомплектовать в полноценную дивизию, силы, дислоцированные между Фэнтаем и Пекином, равно как и силы в Тунчжоу, также увеличить до размера дивизии, а еще одной дополнительной дивизией и бригадой обеспечить защиту пока еще функционирующего автономного режима⁸²⁹. В дополнение к этому в начале июня 1937 г. японское командование Квантунской армии собиралось оказать большую военную помощь Восточному Хэбэю в объеме нескольких тысяч винтовок, 30 легких танков и 5 млн долларов США, которые должны были быть потрачены на расширение военных подразделений в регионе под контролем японских офицеров – советников Инь Жугэна⁸³⁰, а дополнительный авиационный корпус из Дайрена получил распоряжения о дислоцировании в районе Тунчжоу⁸³¹. Таким образом, под предлогом замены гарнизонных сил в Восточном Хэбэе японское командование Северного Китая завершило мероприятия по увеличению вооруженных сил в 2 раза, поэтому любой исход ситуации гарантировал сохранение японского контроля в этой точке Китая.

С целью пресечения антияпонских настроений были организованы повсеместные обыски среди гражданского населения, проводимые представителями японского гарнизона, которые арестовывали всех, кто владел огнестрельным оружием без разрешения⁸³². Затем Инь Жугэн опубликовал декларацию, запрещающую подпадающим под его юрисдикцию людям, жителям Восточного Хэбэя, участвовать в выборах делегатов на предстоящий Национальный конгресс⁸³³.

Подготовкой к военным действиям процесс укрепления вооруженных сил не завершился, и в конце мая 1937 г. прояпонские элементы с участием ряда китайских военачальников и политиков, в том числе из Пекина, предприняли попытку создать еще один автономный режим в Северном Китае. В планах

⁸²⁹ More Japanese troops Eor Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 26. P. 9.

⁸³⁰ More Japanese support for East Hopei...

⁸³¹ Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 14. P. 9.

⁸³² Martial Law Proclaimed In North Charhar // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jun 14. P. 9.

⁸³³ North Charhar // Morning Tribune. 1937. Jul 2. P. 19.

значилось осуществить объединение режимов Восточного Хэбэя и Северного Чахара, а новая структура должна была получить название «Автономное правительство Хэбэя и Чахара». Китайские официальные лица на севере заявляли, что японцы могут отказаться продолжать переговоры по обсуждаемым проблемам под предлогом того, что так называемое правительство Хэбэя и Чахара должно будет взять на себя эту функцию, и это позволит им более свободно осуществлять проникновение на север Китая⁸³⁴.

Сам Инь Жугэн, которого поддерживали 10 тыс. военнослужащих во главе с генералом Лю Квейтаном, заявил о готовности вскоре распространить свою юрисдикцию на Тяньцзинь и Пекин, куда в начале июля 1937 г. началось переселение из Восточного Хэбэя значительного количества японских и корейских мирных жителей, где они, как утверждалось, занимались контрабандой и другими подобными делами⁸³⁵. Японцы первоначально предлагали создать отдельный режим в Северном Хэбэе, но Инь Жугэн попросил данный район передать под его юрисдикцию⁸³⁶. Тем не менее такая активность автономистов и близкие контакты с японской стороной не переубедили экспертов о том, что один из вопросов, который будет обсуждаться на грядущих китайско-японских переговорах, возобновление которых ожидалось в начале июня, коснется упразднения автономного правительства Восточного Хэбэя⁸³⁷.

А затем произошло событие, которое вошло в китайскую историю под названием инцидент в Тунчжоу, что фактически положило конец восточно-хэбэйской администрации. 27 июля 1937 г. японская армия выступила против 29-й армии Китая в окрестностях Тунчжоу, а жертвы привели к тому, что доверие Японии к автономному правительству было подорвано. В итоге Инь Жугэн был вынужден уйти в отставку, а резиденция правительства в начале августа была перемещена в Таншань. Во главе автономии встал генеральный

⁸³⁴ New Puppet state in North China? // The Straits Times. 1937. Jun 9. P. 19.

⁸³⁵ New ominous moves by Japan // Ibid. Jul 24. P. 11.

⁸³⁶ Yin Yu Keng to take over Peiping and Tientsin? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 9. P. 9.

⁸³⁷ E. Hopei regime to be Abolished? // The Straits Times. 1937. Jun 1. P. 9.

секретарь правительства Чи Цонмо. Японская сторона заявила, что следует признать неспособность автономного правительства Восточного Хэбэя существовать в одиночку. С 30 по 31 января 1938 г. в Пекине Ван Кэминь и Чи Цонмо организовали обсуждение процесса слияния, в итоге обе стороны подписали Соглашение между Временным правительством Китайской Республики и Автономным правительством Восточного Хэбэя, которое прекращало текущий статус данного политического образования с 3 февраля и объединяло его с Временным правительством Китайской Республики. 22 округа, включая город Таншань, 1 февраля были административно переподчинены органам Временного правительства. 1 апреля регион получил статус особого района, речь о котором пойдет в следующей главе. 5 февраля 1938 г. Чи Цонмо был объявлен главой Временного правительства⁸³⁸, а после ухода с этого поста возглавлял несколько корпораций⁸³⁹. Вслед за поражением Японии в августе 1945 г. он был арестован, заключен под стражу, 20 мая 1951 г. приговорен к немедленной смертной казни⁸⁴⁰. История Автономного правительства Восточной Хэбэя и этой буферной политики завершилась.

Подводя итог изучению феномена автономии Восточного Хэбэя, отметим, что, с одной стороны, его создание было менее амбициозным и, очевидно, менее эффективной институцией, по сравнению с проектом автономии Региона пяти провинций. С другой – оно вписывалось в скорректированный план Кэндзи Доихары по автономизации региона, который он намеревался воплотить в жизнь с учетом допущенных промахов. Продолжительность (1935–1938) существования данного проекта и поддержки его японцами была незначительной на фоне успеха с Маньчжоу-Го. Невелики, по сравнению с Маньчжоу-Го, были и пространства, перешедшие под контроль японской стороны. Однако сам проект решал важные стратегические задачи, чем и объясняется его жизнеспособность.

⁸³⁸ Асахи Симбун // Токио. 1938. 7 февраля.

⁸³⁹ Там же. 9 апреля.

⁸⁴⁰ Жэньминь Жибао. 1951. № 5. 23 мая.

Во-первых, он имел точные границы, «вписанные» в демилитаризованную зону, что четко определяло сферу японских интересов и исключало из нее китайскую сторону. Во-вторых, были созданы работоспособные политические институты, имевшие ощутимую военную, политическую и экономическую поддержку со стороны японцев. Их эффективность можно оценивать по-разному, однако новая политическая структура обеспечивала тактическую задачу в присутствии японских вооруженных сил на побережье и вблизи Пекина, а заодно рассматривалась и как средство торга с китайской стороной на предмет заключения двустороннего соглашения о сотрудничестве, идея которого не утрачивала своей актуальности даже после начала военных действий летом 1937 г. Автономия решала важную военную задачу – обеспечивала легальность присутствия японских вооруженных сил в регионе и тем самым превращала Японию в доминирующий властный центр региона, исключая их числа таковых Китая. В-третьих, с этого времени и далее в отношении всех буферных режимов идеологическая компонента обретает осязаемые черты: антикоммунистический характер существования, контроль над воспитанием и образованием молодежи и населения в целом, заложенный в школьные учебники новый взгляд на место и роль Японии в регионе и т. д.

Наконец, опробованы и доказали свою действенность экономические инструменты давления на нанкинское руководство: экономический подрыв нанкинского влияния успешно осуществлялся через таможенные органы и новую валюту: именно на опыте Восточного Хэбэя японская сторона «опробовала» эффективность самостоятельной валютной политики с выпуском денежных знаков свободного курса. Режим формировался в удобном месте, служившем своеобразным логистическим центром с железнодорожными и морскими путями, таможнями и соляными копиями и при результативном управлении, которое японская сторона демонстрировала в ряде занятых ей регионов (например, во Внутренней Монголии) мог быть одним из катализаторов экономического развития контролируемых ею

обширных китайских пространств. Проявляя инициативу в управлении экономикой, принимая собственные нормативные правовые акты, устанавливая государственную атрибутику и пытаясь добиться независимости от Нанкина, автономия приобрела значительные признаки государства, но суверенитет по-прежнему сохранялся за Центральным китайским правительством и это также было важным инструментом поддержания хрупкого международного равновесия в регионе.

Таким образом, Восточный Хэбэй в структуре формируемого регионального политического порядка выполнял роль буфера и с точки зрения разделения сфер влияния (к северу – командование Квантунской армии, к югу – власть Нанкинского правительства), в то же время была опорной точкой для продвижения японцев вглубь региона. А демилитаризованная зона служила разделительной линией, по которой проходила юридическая граница интересов двух держав. Несмотря на урезанные территории создаваемой автономии, экономических рычагов, предоставленных в распоряжение ее руководства, было достаточно, чтобы ослабить влияние Центрального правительства в регионе и подорвать его в отдельных областях. Также следует подчеркнуть, что японцы в своем стремлении заручиться участием Китайского правительства в экономическом сотрудничестве проявили волю и не допустили отделения автономии и провозглашения независимости. Вместо этого автономия использовалась в качестве действенного инструмента давления и раздражения. Только непреклонная позиция китайского руководства заставила японскую сторону отказаться от своих умеренных шагов, однако к этому времени уже начались военные действия, да и территория вокруг Хэбэя заявила о своей альтернативности центральной власти во главе с Чан Кайши. Методы же были выбраны экономические и идеологические с поддержкой региональных лидеров, получивших в дальнейшем статус коллаборационистов и вошедших в историю Китая в качестве предателей.

3.3. Региональная автономия Хэбэя и Чахара в зоне совместного китайско-японского присутствия

Одновременно с конструированием Восточно-Хэбэйской автономии на северо-западе от нее аналогичный процесс выстраивался вокруг контролируемого японцами пространства на стыке границ провинций Хэбэй и Чахар, давших название и самой политике, и главному органу управления ею, вошедшему в историю как Хэбэйско-Чахарский политический совет. Провинция Чахар, на которую предполагалось распространение его юрисдикции, была одной из самых молодых провинций тогдашнего Китая. Его территория охватила собственно Чахар, чье название было унаследовано от обитавших здесь монгольских племен и древнего Чахарского ханства, ставшего особой административно-территориальной единицей, находившейся в прямом подчинении столичных пекинских властей с момента включения Внутренней Монголии в состав империи Цин в середине XVII в., а также аймаки Шилин-Гольского сейма и пастбища Дариганга. Изначально район делился на 4 уезда, 5 аймаков и 10 хошунов, а перед преобразованием в провинцию – на 9 уездов. Реформа 1914 г., помимо Чахара, создала на территории Внутренней Монголии специальные районы: 1) Коубэй-дао со столицей в г. Чжанцзякоу (Калган), который стал ядром сначала автономного государства Чанань (Южный Чахар, в 1937 г.), а затем – государства Мэнцзян (в 1939 г.); 2) Суйюань со столицей в г. Гуйсуй (совр. Хух-Хото, столица Мэнцзяна в 1937–1939 гг.), после провозглашения независимости – центральная часть Мэнцзяна; 3) Жэхэ со столицей в г. Чанжэ (ныне располагается на территории провинции Хэбэй), с 1933 г. в составе государства Маньчжоу-Го. В 1928 г. после крупной административной реформы Чахар, Суйюань и Жэхэ стали провинциями, чей статус был восстановлен после поражения Японии и возвращения этих территорий Китаю. После образования КНР территория Чахара в 1952 г. была включена в состав Автономного района Внутренняя Монголия, а Калган под

наименованием Чжанцзякоу с окружающей его территорией включен в состав провинции Хэбэй.

Именно на земли с такой богатой историей и претендовала новая автономия. Оговоримся сразу, что эти претензии фактически ограничивались более скромной территорией: западная часть Чахара оказалась под властью монгольских лидеров Юнь Вана и Дэ Вана, которые при участии Японии формировали сначала Монгольскую автономию во главе со своим Политическим советом, а затем – Монгольское государство (Монгол-Го). Восточная часть Хэбэя и ее статус были описаны в предыдущем параграфе.

Тем не менее Хэбэйско-Чахарская автономия даже в усеченном виде представляла и реальную силу (ею управлял командующий расквартированной на этих землях 29-й китайской армии генерал Сун Чжэюань), и реальный политический вес – тот же Сун Чжэюань оказался едва ли не единственным политическим и военным лидером того времени, способным наладить эффективный диалог и с японской, и китайской стороной, что позволило отодвинуть военные действия между этими странами на 1,5 года.

Продолжая раскрывать ситуацию, связанную с провалом идеи автономизации Региона пяти провинций, сосредоточимся на второй модели ее альтернативы, формируемой параллельно, основных этапах ее развития и ключевых направлениях институционализации, поэтому многие события в нашем исследовании будут пересекаться, и в нашем изложении возможны некоторые повторения.

Первый этап, подготовка к провозглашению автономии и созданию Политического совета, берет начало на исходе осени 1935 г. Возвращение генерала Доихары в Пекин после провала идеи автономизации Региона пяти провинций, о чем мы уже писали, явилось поводом для размышлений о том, что планы по автономизации всего региона, скорее всего, будут продолжены. Так и произошло: 27 ноября 1935 г. японские войска заняли ключевые железнодорожные узлы в Северном Китае, включая и примыкающие к

Пекину, что явилось реакцией на решение Нанкина о мерах по ликвидации автономного правительства в демилитаризированной зоне Северного Китая и приказе арестовать его лидера Инь Жугэна.

Задача японцев заключалась в том, чтобы установить контроль над всеми путями доступа железнодорожного транспорта с юга для предотвращения возможности использования вагонов при перевозке китайских войск к северу для подавления автономного движения, а также обеспечить политическую преемственность в регионе, как того требовали обстоятельства. Дело в том, что накануне в отставку подал губернатор Хэбэя генерал Шэн Чжэна, который находился на этом посту с июня 1935 г. Он взял на себя ответственность за происходящие события. Немедленно Нанкинское правительство назначило Сун Чжэюаня новым главой провинции и уполномоченным миротворческой миссии в Хэбэе и Чахаре⁸⁴¹. В распоряжении генерала оказалось 60 тыс. лучших китайских военных, что придавало ему не только политический вес, но и значительную военную силу, использовать которую потенциально могла как китайская, так и японская сторона. Поэтому представители последней организовали информационный вброс, распространяя слухи о высокой вероятности того, что именно генерал Сун Чжэюань возглавит новую структуру и сразу же сможет подписать с Японией пакт о независимости и военном сотрудничестве, по условиям которого японские войска и войска 29-й армии будут взаимодействовать в подавлении распространения коммунизма в Северном Китае⁸⁴². Тем самым была обозначена идеологическая составляющая и определены контуры институциональных преобразований.

Китайской стороной незамедлительно было заявлено о намерении предотвратить создание «очередного Маньчжоу-Го», при этом Нанкин осознавал опасность затягивания прямых политических действий. Необходимость срочных шагов понимал и Сун Чжэюань, поэтому 1 декабря 1935 г. он срочно телеграфировал в Нанкин, что назревает ситуация

⁸⁴¹ Japanese seize Chinese railway junctions // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 28. P. 12.

⁸⁴² Demand For Military Action against the North China rebels...

провозглашения автономного режима не только в Хэбэе, но и Чахаре⁸⁴³. 2 декабря 1935 г. была направлена еще одна циркулярная телеграмма. В ней говорилось, что провинции Хэбэй и Чахар, а также города Пекин и Тяньцзинь готовы войти в состав возможного автономного государства. По примеру Сун Чжэюаня аналогичные телеграммы были направлены от лица мэров Пекина и Тяньцзиня с просьбой незамедлительно принять необходимые меры на севере страны, в противном случае они вынуждены будут объявить автономию в районах, находящихся под их контролем.

Понимая, что случившееся нельзя предотвратить, нанкинское руководство поставило перед собой задачу «сохранения лица», ограничив автономизирующуюся территорию только этими двумя, а не пятью, провинциями⁸⁴⁴. В числе наиболее важных китайских провинций обозначались Хэбэй и Чахар, вместе с которыми два важных города, Пекин и Тяньцзинь, составляли наиболее желательные для дальнейшего японского продвижения объекты. Важность этих территорий общей площадью 37 тыс. км² определялась той стратегической и экономической ролью, которую они играли на пересечении торговых путей из Китая в Монголию⁸⁴⁵. И именно они, как уже было сказано, стали своего рода шлюзом, через который удобнее всего оказалось осуществлять контрабандные операции, умело используемые японскими властями для пополнения военного бюджета и подрыва китайской экономики.

Вечером 2 декабря военный министр Хэ Иньцинъ прибыл из Нанкина в Баодин и встретился с председателем Временного правительства Шаньси генералом Шан Чэном (губернатор в 1929–1930 гг.) и другими политическими деятелями, а сопровождающий его губернатор Фуцзяни генерал Чэнь И предварительно в Тяньцзине провел беседу с китайскими и японскими официальными лицами, после чего отбыл в Пекин. Последнее обсуждаемое

⁸⁴³ Chinese War minister // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 2. P. 14.

⁸⁴⁴ *Ginsbourg M. J.* North China “autonomy”...

⁸⁴⁵ Tokyo ultimatum reported in China // *The New York Times*. 1936. Jan. 8. P. 9.

предложение строилось вокруг вероятности формирования политического совета северных провинций⁸⁴⁶, подобного Юго-западному политическому совету в Кантоне, в значительной степени автономному в своих вопросах, но подконтрольному Нанкину.

Конструирование автономии Хэбэя и Чахара началось на следующий день, 3 декабря 1935 г., когда под руководством генерала Хэ Иньцина политические и военные лидеры северных провинций выступили в Пекине с совместным заявлением. Согласно предложенному плану двум провинциям предлагалось предоставить статус, аналогичный статусу Внутренней Монголии, с большой степенью самоуправления, но с сохранением в составе Китая⁸⁴⁷. Управлять новым политическим образованием должен был Политический совет Северного Китая с контрольными полномочиями фактически только на территории двух северных провинций – Хэбэя и Чахара с населением около 3 млн человек⁸⁴⁸, номинально подчиняющийся Сун Чжэюаню, но фактически находящийся под контролем Хэ Иньцина. Таким образом, суть заявления сводилась к опубликованию нового плана автономизации, согласованного японской и китайской сторонами. Этот вариант был поддержан на конференции при участии Чан Кайши и других нанкинских лидеров. В итоге Центральное правительство не только возвращалось к обсуждению вопроса об автономии, замороженного двумя неделями ранее, но и приняло решение предоставить ее с известной долей условности в отношении части территории Северного Китая.

Пока официальные лица договаривались об институтах, их агенты вели борьбу за умы населения региона: японская сторона всеми возможными способами старалась накалить обстановку, создавая различные провокационные ситуации как среди молодежи⁸⁴⁹, так и в среде высокопоставленных лиц: так, генерал Тада заявил, что он выступает за

⁸⁴⁶ Diplomacy in N. China // The Times. 1935. Dec. 3.

⁸⁴⁷ A Compromise in North China? // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 4. P. 14.

⁸⁴⁸ China bows to demands // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 3. P. 7.

⁸⁴⁹ Diplomacy in N. China ...

объединение всех пяти северных провинций как составных частей нового государства⁸⁵⁰. Это свидетельствовало о сохранении намерения у японского руководства завершить начатый процесс автономизации Северного Китая по обозначенному ранее сценарию, в котором лишь менялись сроки исполнения. Китайская сторона стремилась снять эту напряженность, в первую очередь умирением собственных студентов⁸⁵¹, с этого времени ставших одной из политических проблем.

Сам Сун Чжэюань тоже предпринял, правда, весьма неудачно, попытку взять под контроль информационные потоки, запретив выпуск в Пекине влиятельной газеты «Тяньцзинь Тагунбао» за высказанные ее авторами комментарии против установления автономии⁸⁵², однако обращение редактора газеты напрямую в Нанкин сняло данный запрет, что было встречено пекинской общественностью с ликованием и продемонстрировало незрелость северокитайского лидера в этих делах.

Перед правительством в Нанкине, в свою очередь, стояла еще одна задача по разъяснению сложившейся ситуации с помощью своих дипломатов за рубежом, в частности руководству Соединенных Штатов и Великобритании. Поводом для беспокойства стали заявления представителей этих стран об угрозе своим интересам в регионе, в связи с чем китайско-японские переговоры получили еще один фактор их осложнения, однако в итоге, учтя доводы китайской стороны, британские и американские официальные лица сошлись во мнении, что их интересы при образовании автономии не пострадают⁸⁵³.

Установление автономного Совета был согласовано в ходе конференции с участием губернатора провинции Чахар, командующего японскими войсками в Северном Китае генерал-майора Хаяо Тады и при активном пособничестве Кэндзи Доихары. Определенные шаги предполагалось

⁸⁵⁰ Powell J. New state born in North China // Chicago Daily Tribune. 1935. Dec. 8. P. 5.

⁸⁵¹ Chinese anxiety // The Times. 1935. Dec. 6.

⁸⁵² North China // Ibid. Dec. 7.

⁸⁵³ Japan and China ...

осуществить в отношении администрации северных провинций, которая должна была претерпеть серьезные изменения с предоставлением ей Центральным правительством более широких государственных полномочий, а также в отношении проводимой ранее на севере финансовой политики, против которой особенно возражала японская сторона, предполагая ее сворачивание. Так, японская газета «Шанхай Майничи» сообщила о том, что китайско-японское соглашение должно предусматривать отмену недавно введенного положения о национализации серебра.

7 декабря 1935 г. было официально объявлено, что сторонам удалось выработать схему разрешения северокитайского кризиса, приемлемую для обеих сторон. Имя Сун Чжэюаня как предполагаемого главы Совета, впервые прозвучало в качестве согласованной кандидатуры, а остальной состав Совета включал ряд отставных политиков и военных, имеющих опыт работы в составе правительственных структур. Затруднения вызывал лишь неясный статус Пекина, который должен был стать столицей нового образования.

Вслед за этим Сун Чжэюань, Хэ Иньцин и представитель Пекинской администрации Сяо Чэнинь провели встречу, на которой договорились о мерах преобразования администрации двух провинций. Сам Сяо Чэнинь вернулся из Тяньцзиня и доложил генералу Хэ Иньциню о беседе с генералом Тадой, в результате которой практически все вопросы по урегулированию спора в Северном Китае были сняты.

Японская пресса приветствовала решение как победу автономистов, но японский военный представитель указывал, что Япония больше озабочена политикой и персоналом новой администрации, чем внешним форматом его существования. Высокопоставленный японский гражданский служащий, по сообщению агентства «Рейтер», заявил, что Япония приветствует любую администрацию, которая гарантирует более тесное экономическое, социальное и культурное сотрудничество между Северным Китаем и

Маньчжоу-Го и прекращение антияпонской деятельности⁸⁵⁴. Японская сторона незамедлительно стала использовать в отношении новой политической структуры термин «государство»⁸⁵⁵ и позволяла себе провокационные заявления, что это государство не будет зависеть от правительства в Нанкине в политических, экономических, финансовых и дипломатических вопросах, а финансовая система будет привязана к японской и маньчжурской валютам.

8 декабря было официально заявлено, что новая администрация будет называться Хэбэйско-Чахарский политический совет в количестве, не превышающем 19 человек, в состав которого в ближайшее время будут выбраны 16 членов. Японские власти потребовали от генерала Хэ, чтобы половина членов Совета была назначена японцами, но это требование было отклонено. В предложенном японской стороной варианте в его состав должны были войти Инь Жугэн, бывший диктатор Бэйянского правительства маршал У Пэйфу и китайский политик Чао Юй⁸⁵⁶, который частично отвечал за выполнение «Двадцати одного требования» японцев в 1915 г. Обе стороны сошлись на том, что в его ряды должны присоединиться генералы, мэры Пекина и Тяньцзиня, глава провинции Хэбэй и некоторые другие политические деятели, в том числе представители давно несуществующей так называемой Аньхойской клики, такие как Ван Итан и Цао Кунь и др., тесно связанные с японским военным командованием⁸⁵⁷, кандидатура Инь Жугэн, которого Нанкинское правительство приказало арестовать, также была согласована и одобрена. Губернатору провинции Цзянси генералу Сюнь Шихуэю и губернатору провинции Фуцзянь генералу Чэнь И была поручена задача доработки деталей будущей администрации с представителями итогов северокитайскому японскому командованию.

⁸⁵⁴ Peaceful Settlement in N. China // Malaya Tribune. 1935. Dec. 9. P. 11.

⁸⁵⁵ Powell John. New state born in North China; Japs in Control // Chicago Daily Tribune. 1935. Dec. 8. P. 5.

⁸⁵⁶ Clamour for war in North China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 10. P. 10.

⁸⁵⁷ Powell John. New state born in North China...

Стороны договорились о соблюдении следующих принципов: во-первых, Центральное правительство в Нанкине сохранит свои полномочия в отношении военных, судебных, иностранных и финансовых вопросов на территории автономии; во-вторых, вопрос о независимости в Северном Китае более обсуждаться не должен; в-третьих, все назначения будут осуществляться Центральным правительством в Нанкине; в-четвертых, таможенные, солевые и почтовые доходы должны будут по-прежнему поступать в адрес Нанкина, тогда как прочие смогут быть перенаправлены в пользу Политического совета; в-пятых, оборот валюты будет осуществляться на тех же условиях, что и в других частях страны⁸⁵⁸.

Правительство Китая подчеркивало три основных условия предоставления автономии: Нанкин будет продолжать контролировать иностранные дела, финансовые и военные вопросы, а также детальность судебных органов; не будет никакой фактической автономии или независимости для этого региона; все назначения в новую структуру будут сделаны Нанкином. Наблюдатели, однако, отметили, что предоставленные на этих условиях гарантии носили бы чисто номинальный характер, так как у Центрального правительства отсутствовали механизмы, которые помешали бы Совету поступать именно так, как ему заблагорассудится, находясь под японской защитой и покровительством⁸⁵⁹. В дальнейшем Центральное правительство неоднократно возвращалось к обсуждению вопроса об усилении контроля над регионом⁸⁶⁰, однако без каких-либо серьезных последствий для сторон. Китайская сторона не только верила в реалистичность этих условий, но и не скрывала надежды на то, что автономный Восточный Хэбэй будет поглощен новой администрацией. Для Нанкина это была своеобразная точка опоры на севере, хотя сохранялась вероятность ослабления его влияния в результате японского давления⁸⁶¹. Свое

⁸⁵⁸ Agreement in N. China // The Times. 1935. Dec. 9.

⁸⁵⁹ Japan grips North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 9. P. 3.

⁸⁶⁰ Hopei and Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. July 31. P. 9.

⁸⁶¹ The North China compromise // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 9. P. 22.

мнение имели по этому вопросу и китайские военные. По сообщению «Юнион Таймс», полковник Ван Чунъю и еще два представителя китайских добровольцев в Восточной и Северной Маньчжурии 8 декабря 1935 г. прибыли в Пекин и провели переговоры с Хэ Инцинем, в ходе которой просили Центральное правительство отказаться от японских условий создания Хэбэйско-Чахарской администрации. Сделав подробный отчет о деятельности китайских нерегулярных соединений в северо-восточных регионах, полковник Ван призвал увеличить военные поставки для добровольцев, которые еще держали некоторые определенные горные районы в Гирине и Хэйлуцзяне.

У японской стороны было свое видение событий. Проект манифеста о самостоятельности должен был предусматривать совместную защиту территории автономии с участием Японии и Маньчжоу-Го от коммунистов в провинциях Северного Китая; обновление внутренней политики; установление дружеских связей с Японией и Маньчжоу-Го; развитие финансов, экономики и промышленности на севере Китая⁸⁶². В официальных японских кругах было высказано мнение, что у предложения есть хороший шанс на успех, однако внутри японского руководства мнения по этому вопросу, по-видимому, разделились. Дипломаты и отставные офицеры выражали точку зрения в пользу нанкинского варианта автономизации, объясняя это тем, что Нанкину необходимо было «сохранить лицо». Действующие офицеры были настроены более радикально. Они заявляли о несостоятельности такого подхода, ратуя за претворение идеи абсолютной автономии региона⁸⁶³ и, если это будет необходимо – с помощью военной силы. Поэтому, несмотря на казалось бы достижение заявленной цели и согласование позиций, агитация за большую автономизацию региона не прекращалась, явно подстегиваемая японской стороной. Помимо агитации имелись и более радикальные случаи, как, например, вооруженная акция неустановленных личностей в Тяньцзине, среди которых было несколько

⁸⁶² Powell John. New state born in North China...

⁸⁶³ Nanking offers near autonomy to North China // The Washington Post. 1935. Dec. 3. P. 3.

японских граждан. Вечером 8 декабря они захватили офисы полицейского бюро Тангу и Дагу, но были удалены оттуда в результате вмешательства японских властей⁸⁶⁴. Подобные инциденты с вытеснением китайской администрации из занимаемых правительственных помещений наблюдались и в других районах. Японцы, зачастую специально провоцируя китайскую нервозность по данному поводу, настоятельно добивались признания режима со стороны Китая, регулярно поднимая эту проблему по поводу и без. Так, в конце декабря группа китайских войск была перехвачена на пути в Тяньцзинь японскими военными, которые озвучили требование, что пока Китай не признает автономный режим в Восточном Хэбэе, глава режима Инь Жугэн намерен удерживать Тяньцзинь. В подтверждение этого значительные силы Восточного Хэбэя заняли северные пригороды⁸⁶⁵.

Между тем провозглашение создания новой структуры было назначено на 10 декабря 1935 г.⁸⁶⁶ По сообщению агентства «Рейтер», каждая из сторон была удовлетворена достигнутым результатом, но китайские правительственные круги заявляли именно о своей дипломатической победе, поскольку изначальные японские предложения были серьезно скорректированы⁸⁶⁷. Однако накануне случились события, которые едва не сорвали в очередной раз японские планы. 9 декабря 1935 г. произошли военные столкновения между силами Маньчжоу-Го и мирного корпуса Чахара на юго-востоке провинции, о чем сообщили китайские источники. Столкновение произошло, когда отряд Маньчжоу-Го из 1 тыс. военных вторгся в район к востоку от Калгана. Вслед за этим в Пекине прошла демонстрация 6 тыс. студентов, выступивших против движения за автономию на севере Китая и требовавших мобилизацию армии и флота для войны с Японией. Студенческая демонстрация была первым, но далеко не последним подобным мероприятием за предыдущие годы, которые в дальнейшем

⁸⁶⁴ Clamour for war in North China ...

⁸⁶⁵ Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo...

⁸⁶⁶ Japan grips North China ...

⁸⁶⁷ Peaceful Settlement in N. China ...

использовались в качестве инструмента для давления на стороны при принятии тех или иных решений в области автономизации и военных действий. Японская сторона для «сохранения своего лица» посредством военного представителя в Тяньцзине заявила о намерении признать независимость Восточного Хэбэя и о готовности обеспечить ему этот статус⁸⁶⁸.

Воспользовавшись обострением ситуации, японская армия приступила к сосредоточению своих войск на стратегических северных позициях, а правительство Нанкина заявило об организации карательной экспедиции против Восточного Хэбэя⁸⁶⁹, но радикализации не произошло, и уже 12 декабря Китайское центральное правительство выпустило мандат, санкционирующий создание автономии Хэбэя и Чахара и формирование Политического совета⁸⁷⁰. Мандат приобрел юридическую силу после его опубликования в качестве органического закона этого Совета. Таким образом, решение о создании Политического совета явилось своего рода компромиссом с автономистами Северного Китая.

Итоговый состав Политического совета был объявлен 12 декабря и включал 17 политических деятелей северных провинций Хэбэя и Чахара, при этом ряд высокопоставленных лиц Северного Китая, осознавая политические риски, публично заявил о своем отказе войти в состав Хэбэйско-Чахарского политического совета⁸⁷¹. Генерал Сун Чжэюань, командующий Тяньцзинь-Пекинским гарнизоном, как и предполагалось ранее, был объявлен его председателем⁸⁷². Его позиции не были такими уж однозначными и прочными, как это пыталась представить китайская сторона. Вопрос о председательстве от лица японских военных изначально велся с маршалом У Пэйфу, который предварительно дал на это свое согласие. Китайцы верили, что японская армия

⁸⁶⁸ *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy"...

⁸⁶⁹ 1,000 Manchus invade Chahar // *The Washington Post*. 1935. Dec. 10. P. 6.

⁸⁷⁰ The North China settlement // *Malaya Tribune*. 1935. Dec. 16. P. 16

⁸⁷¹ The North China settlement ...

⁸⁷² Manchukuo from North China // *The New York Times*. 1935. Dec. 13.

одобрит его назначение и что он уже согласился приехать в Пекин⁸⁷³, но они просчитались – маршал никогда не сотрудничал с японцами, напротив, всегда старался сохранять связи с Центральным правительством в Нанкине и его сторонниками. Так, на свой 65-летний юбилей в апреле 1937 г. Тяньцзине он пригласил губернатора Суйюани генерала Фу Цзои, Сун Чжэюаня, а также Хэ Иньциня⁸⁷⁴. Поэтому не удивительно, что старый маршал отказался от сотрудничества с японцами в деле создания Хэбэйско-Чахарской автономии, что не повлияло на дальнейший процесс автономизации, но существенно укрепило позиции Сун Чжэюаня.

19 декабря 1935 г. японская сторона впервые прокомментировала создание Политического совета. Поводом к этому стало обращение пронанкинских членов Совета, которые хотели инициировать перед Доихарой переговоры об упразднении автономного режима Восточного Хэбэя, но получили встречный запрос о необходимости изменения статуса Совета, чтобы сделать его более независимым от Нанкина. Доихара предположил, что Совет должен стать антикоммунистической опорой и иметь значительный объем полномочий в области самоуправления, тем самым подтвердив его лояльность двум японским целям: созданию единого китайско-японского фронта против коммунистов и дальнейшего отмежевания северо-китайского региона от власти Центрального правительства⁸⁷⁵. Японское военное командование регулярно требовало, во-первых, подавления антияпонской деятельности в Китае; во-вторых, установления более тесных договорных связей Китая и Японии с правительством Маньчжоу-Го; в-третьих, совместных мер этих трех стран против распространения коммунизма.

Об этом же 15 января 1936 г. Сун Чжэюань говорил в сопровождении нескольких прояпонски настроенных китайских чиновников во время неофициальной встречи с делегатами японского командования и Автономного

⁸⁷³ Wu chosen to head new regime for North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 22. P. 2.

⁸⁷⁴ Untitled // The Straits Times. 1937. Apr. 19. P. 11.

⁸⁷⁵ Miscellaneous Column 1 // Ibid. 1935. Dec. 21. P. 18.

правительства Восточного Хэбэя, на которой обсуждали несколько вопросов, касающихся будущего администрации Северного Китая. Противная сторона предложила к обсуждению меры против распространения коммунистического влияния в Северном Китае Японии, Китая и Маньчжоу-Го; выведения Хэбэйско-Чахарского политического совета из-под контроля Нанкина; размещения японских, монгольских и маньчжурских войск в провинциях Суйюань и Чахар; экономического развития и использования природных ресурсов в пяти провинциях к северу от р. Хуанхэ при участии японского и китайского капитала⁸⁷⁶.

Парадокс ситуации заключался в том, что новая политическая структура не получила широкой поддержки ни японских военных властей, ни Китайского центрального правительства. Японская сторона рассчитывала на создание самоуправляющейся территории пяти северных провинций – Хэбэй, Чахар, Шаньдун, Шаньси и Суйюань⁸⁷⁷ с формальным подчинением правительству Китая, однако в итоге получила лишь две из них. Китайская сторона стремилась сохранить контроль над ситуацией, но автономия фактически не подчинялась Нанкину, как было заявлено ранее. «Компромисс» по созданию Хэбэйско-Чахарского политического совета не получил одобрения ни с одной из сторон и сопровождался улюлюканием и выступлениями разъяренных студентов. Это было нечто среднее между независимым правительством Доихары в пяти провинциях и Хэбэйской автономной администрацией, а Доихара становился высшим советником новой политической структуры⁸⁷⁸, что подтвердил и сам генерал⁸⁷⁹. В итоге, критикуемая с обеих сторон автономия Хэбэя и Чахара, тем не менее, выполнила роль буфера и предотвратила почти на полтора года время начала боевых действий.

⁸⁷⁶ Shantung to become autonomous state? ...

⁸⁷⁷ China gives Japan reply // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 12. P. 2.

⁸⁷⁸ Japanese "Adviser" to N. China council // The Times. 1936. Feb. 5.

⁸⁷⁹ Japanese advisers in N. China ...

Второй этап становления Хэбэйско-Чахарской автономии начинается в декабре 1935 г. и, аналогично событиям в Восточном Хэбэе, связан с институционализацией и определением направлений внутренней и внешней политики этой структуры. Уже 17 декабря 1935 г. члены Хэбэйско-Чахарского политического совета были утверждены официально в своих полномочиях в присутствии небольшого числа представителей нанкинской администрации⁸⁸⁰, а 18 декабря 1935 г. состоялось его официальное открытие. Столицей новой автономии стал Пекин. С приходом войск генерала Сун Чжэюаня новый режим укрепил свои позиции и в Тяньцзине⁸⁸¹, где он сменил бывшего губернатора Хэбэя Шан Чжэня. Исходя из этого рассмотрим основные направления внутренней политики новой Хэбэйско-Чахарской администрации, прежде всего ее финансово-экономического сегмента.

Напомним, что для региона принципиальное значение имели логистические пути, поэтому еще 24 декабря 1935 г. генерал Доихара прибыл в Пекин, чтобы встретиться с генералом Сун Чжэюанем, в результате чего японская сторона обеспечила смычку железных дорог Северного Китая с железными дорогами Маньчжурии и теперь поезда, следующие из Южной Маньчжурии и от линии Мукден – Шанхай, должны были получить возможность доступа в любую часть Северного Китая, включая дороги Пекин – Шанхайгуань и Пекин – Суйюань. Японская сторона также потребовала обеспечить совместное финансирование строительства двух железнодорожных веток в Шаньдуне и Южном Хэбэе, одна из которых позволила бы обеспечить доступ в порт Чифу в северо-восточной части провинции, другая ветка – соединение шанхайгуаньского железнодорожного узла с торговыми центрами юга и доступ к северному берегу р. Хуанхэ⁸⁸². Строительство этих путей имело во многом определяющее значение для

⁸⁸⁰ Japanese Demand A Military Base Near Amoy ...

⁸⁸¹ Hopei-Chahar regime installed // The New York Times. 1935. Dec. 18. P. 1.

⁸⁸² Japanese Warships threaten to fire on students // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 24. P. 10.

японских торговцев при отправке ими своих товаров либо из Циндао во все части Хэбэя, либо из Тяньцзиня в любую точку Шаньдуна.

Вторым важным направлением, как в случае с Восточным Хэбэем, стала концентрация в границах новой политики управления всеми таможами и их доходами. В связи с этим было принято решение, оформленное в виде распоряжения Совета и направленное в адрес комиссара таможни в Тяньцзине, предполагающее перенаправление всех сборов с 1 января 1936 г. в доход Хэбэйско-Чахарской автономии. По заявлениям экспертов, между Сун Чжэюанем и Инь Жугэном уже были достигнуты договоренности о распределении доходов Тяньцзинской таможни⁸⁸³, которые на тот момент составляли 41 млн долларов (или 3 млн фунтов стерлингов) в год⁸⁸⁴, из которых 1 млн долларов в месяц выплачивался в адрес Политического совета⁸⁸⁵, из которых, в свою очередь, в адрес режима Инь Жугэна – 250 тыс. долларов от доходов с копей и 100 тыс. – от железных дорог⁸⁸⁶. 17 января 1936 г. японский представитель в Тяньцзине подтвердил факт финансирования режима Восточного Хэбэя из этих средств и озвучил намерение Совета передать получение доходов от этих отраслей из ведения Нанкина в адрес Пекина⁸⁸⁷.

Уступая желаниям японцев, а может быть и воспользовавшись ситуацией, которая так или иначе не позволяла Нанкину сохранить финансовые потоки региона в своем распоряжении, Сун Чжэюань принял решение о прекращении направления в адрес Центрального правительства доходов от соляных копий Чанлу и вблизи Тангу, которые находились в демилитаризованной зоне и являлись крупнейшим в Китае местом добычи этого ресурса, обеспечивая поступление в бюджет около 27 млн долларов ежегодно.

Японская сторона изначально была настроена заставить Хэбэйско-Чахарский политический совет отрезать Нанкин от доходов с соляных копий

⁸⁸³ The Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Feb. 10. P. 13.

⁸⁸⁴ Fresh Japanese demands. Fiscal severance of N. China. Salt tax detained // The Times. 1936. Jan. 31.

⁸⁸⁵ Revenues withheld in North China // The Times. 1936. Feb. 1.

⁸⁸⁶ Chinese apology to Japan. Tientsin conference // Ibid. Jan. 17.

⁸⁸⁷ New regime in N. China. Retaining revenues. Japanese plans for wider autonomy // Ibid. Jan. 18.

вблизи Танги и от железных дорог в Северном Китае, имея намерение в ближайшее время заставить владельцев соляных копий передать основной пакет своих акций японским представителям. Забегая вперед, отметим, что, например, в отношении копий в Тяньцзине это удалось сделать лишь в марте 1937 г. сроком на 1 год. Согласно условиям контракта, японцы обязались поставить оборудование и специалистов для увеличения производства. В то же время ожидалось заключение контракта на строительство железной дороги из Циндао для обеспечения доставки соли⁸⁸⁸. Нормальному исполнению и пролонгации контракта помешала случившаяся через 4 месяца война.

В целом же ситуация складывалась в сторону установления полного финансового контроля со стороны Политического совета в Северном Китае⁸⁸⁹.

Третьим направлением был подрыв китайской экономики посредством создания обширной контрабандной инфраструктуры. К весне 1936 г. нелегальные товары достигли Шанхая, и экономика данного региона оказалось под угрозой дестабилизации⁸⁹⁰, равно как и вся система китайского налогообложения и торговли – из-за поступления огромного количества японских товаров, завозимых через Дайрэн. Ситуация стала настолько острой, что в Шаньхайгуани и Тяньцзине таможенные поступления сократился на 40 %, в то время как доход Восточного Хэбэя увеличился до 3 млн мексиканских долларов в течение последних 3 месяцев. Политическим советом было объявлено, что таможенные пошлины на шелк, сахар и другие предметы, вероятно, будет резко снижается с 1 мая 1936 г., чтобы обеспечить приток японских товаров в Северный Китай через Восточный Хэбэй⁸⁹¹. По данным японских источников, японская сторона в начале июня 1936 г. провела переговоры с Сун Чжэюанем по вопросу создания отдельной таможни в двух северных провинциях⁸⁹², а в конце августа было заявлено об очередном

⁸⁸⁸ Sino-Japanese co-operation // The Straits Times. 1937. Mar. 11. P. 5.

⁸⁸⁹ Japanese advisers in N. China ...

⁸⁹⁰ Abend H. Japanese seeking North China pact // The New York Times. 1936. May 7. P. 14.

⁸⁹¹ Inner Mongolia wavers // The New York Times. 1936. May 1. P. 13.

⁸⁹² N. China customs authorities a Japanese denial // The Times. 1936. Jun 4.

сокращении таможенных процедур для японских товаров⁸⁹³. А 1 сентября 1936 г. было принято решение о введении специального налога в размере одной восьмой от национальных тарифов на все товары, ввозимые контрабандным путем через пропускные пункты бывшей провинции Хэбэй к югу от Тяньцзиня, после чего всем товарам, за которые уплачены сборы, будет предоставляться официальная защита⁸⁹⁴. Это решение имело эффект легализации контрабанды, поскольку была создана независимая линия таможенных пунктов вдоль побережья Хэбэя, откуда товары попадали в Чахар и далее в Китай⁸⁹⁵. Помимо этого, управление налоговой политикой взяла на себя новая структура – Генеральная инспекция Национального таможенного управления⁸⁹⁶, приступившая к формированию своего представительства в Тяньцзине и других приграничных районах по всему Хэбэю. Данное решение разрывало остатки связей Северного Китая и Нанкина и фактически завершало реализацию японской программы создания буферного государства в Северном Китае, аналогичном режиму в Маньчжоу-Го⁸⁹⁷. Вместе с тем оно наносило тяжелый удар по экономике подконтрольных Японии прибрежных областей, таких как Восточный Хэбэй, поскольку до этого тарифы хэбэйской администрации составляли одну четвертую национальных ставок⁸⁹⁸. Таким образом, система показала свою жизнеспособность и стала приносить плоды.

Четвертым направлением стали попытки к выходу экономики региона на международный рынок. Безусловно, речь в первую очередь шла о японских предприятиях, но и к европейским инвесторам наблюдался пристальный интерес. Так, 16 февраля 1936 г. представители немецкого бизнеса посетили Пекин и встретились с Сун Чжэюанем⁸⁹⁹. Японскими финансистами при поддержке японских советников экономической комиссии политического совета был разработан инвестиционный план освоения ресурсов и развития

⁸⁹³ Sino-Japanese talks to be resumed // *The Straits Times*. 1936. Aug. 27. P. 5.

⁸⁹⁴ Provincial bank clearings // *The Times*. 1936. Sep. 2.

⁸⁹⁵ Eparate customs in North China // *Ibid*.

⁸⁹⁶ China's customs barriers // *The Manchester Guardian*. 1936. Sep. 1. P. 12.

⁸⁹⁷ Income-Tax for Hopei and Chahar // *The Straits Times*. 1937. Jun 16. P. 19.

⁸⁹⁸ Hopei "legalizes" smuggling // *The New York Times*. 1936. Sep. 1. P. 17.

⁸⁹⁹ German trade mission in Peiping // *The Straits Times*. 1936. Feb. 17. P. 11.

Северного Китая стоимостью 300 млн иен⁹⁰⁰. В октябре 1936 г. главой Экономической комиссии был назначен Ли Сыхао. При вступлении в должность он заявил, что будет стремиться обеспечить укрепление экономического сотрудничества между Японией и Китаем⁹⁰¹, о чем ранее договорились Сун Чжэюань и генерал Тасиро.

Наконец, свою лепту в увеличение доходности новой политики вносил плановый оборот наркотиков, приносивший немалую прибыль японской стороне в Маньчжоу-Го и Внутренней Монголии. В свете этого Сун Чжэюань обратился к правительствам провинций Чахар и Хэбэй с просьбой о вынесении смертной казни тем лицам, кто был признан виновным в производстве или контрабанде наркотиков, таких как героин и опиум⁹⁰². Торговцев лекарственными средствами и незарегистрированных курильщиков опиума, арестованных после Нового 1936 года, предлагалось предавать смертной казни, о чем соответствующее заявление было выпущено 30 декабря 1936 г. от имени Политического совета⁹⁰³. Однако в целом в Китае существовало немало влиятельных структур, которые выступали против государственной монополии на наркотические средства. Так, например, Антиопиумная компания в Шанхае еще в 1932 г. телеграфировала свой протест маршалу Чжан Сюэляну, выступая против монополии на наркотики в Северном Китае⁹⁰⁴, что делало борьбу с наркобизнесом и наркоманией практически бесполезной и в итоге принесло Китаю немало бед и жертв, которые удалось преодолеть только на рубеже 1950–1960-х гг.

Отдельного внимания заслуживает финансовая политика новой автономии. Так, 25 мая 1936 г. все финансовые учреждения в зоне влияния Хэбэйско-Чахарского политического совета решением его руководства были переподчинены Банку Хэбэя, который отныне становился единственным эмиссионным банком в регионе. Экономическая комиссия Совета приступила

⁹⁰⁰ Ready to invest in N. China // Ibid. Mar. 12. P. 11.

⁹⁰¹ Economic plans in North China // Ibid. Oct. 16. P. 12.

⁹⁰² New Japanese demand // Malaya Tribune. 1936. Feb. 21. P. 11.

⁹⁰³ Death penalty for opium smokers // The Straits Times. 1936. Dec. 30. P. 11.

⁹⁰⁴ Opium in North China // The Straits Times. 1932. May 9. P. 11.

к разработке механизмов этого решения. Часть экспертов была уверена в том, что это первый шаг к созданию собственной валюты в Северном Китае, тогда как другая часть прогнозировала введение на этой территории иены и включение региона в финансовую система Маньчжоу-Го и Японии⁹⁰⁵. Забегая вперед отметим, что ни один из этих прогнозов не сбылся в связи с образованием альтернативной Китайской Республики и введением в ней собственной валюты, о чем мы поведем речь в главе 4 нашей работы.

Не оставался без внимания и идеологический сегмент, прежде всего это касалось антикоммунистической политики. К началу 1936 г. большинство членов Политического совета склонялось в пользу принятия регулярно озвучиваемых японцами предложений-требований о формировании антикоммунистического блока при условии, что режим повстанцев в Восточном Хэбэе будет упразднен, даже несмотря на то, что это влекло за собой назначение Инь Жугэна мэром Тяньцзиня⁹⁰⁶. Затем в отношении руководства автономии Хэбэя и Чахара японцами была запущена резонансная история о том, что 27 апреля 1936 г. Политический совет заключил с японской стороной устный пакт, направленный на противостояние коммунистической угрозе. Условия соглашения включали активную помощь японских вооруженных сил в случае необходимости; предоставление в распоряжение японцев железнодорожных путей для скорейше переброски войск в случае чрезвычайной ситуации, вызванной вторжением; принятие необходимых мер по подавлению радикальных антияпонских взглядов в регионе⁹⁰⁷. Представители Политического совета заявили, что не обладают информацией о заключении антикоммунистического пакта с японской стороной⁹⁰⁸, однако доказать или опровергнуть слухи оказалось практически невозможно, чего и добивались японцы, компрометируя Совет, его членов и председателя как в глазах нанкинского руководства, так и в глазах местных жителей. Более того,

⁹⁰⁵ Financial autonomy of North China...

⁹⁰⁶ 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 25. P. 9.

⁹⁰⁷ Anti-Red Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 2. P. 9.

⁹⁰⁸ Anti-Red pact terms // The Straits Times. 1936. May 1. P. 11.

японская сторона не отрицала факта наличия договоренностей, хотя документального подписания не подтверждала. «Живым доказательством» наличия Пакте послужили 4 японских эсминца и 2 крейсера, вставшие 3 мая 1936 г. на рейд в Тангу для оказания помощи местным войскам в рамках антикоммунистического пакта⁹⁰⁹.

Далее японцы избывались от всех нанкинских кадров, замеченных в антияпонских настроениях⁹¹⁰. Подобное давление медленно, но верно приносило желаемый результат: 9 ноября 1936 г. Хэбэйско-Чахарский политический совет издал приказ для всех провинциальных и муниципальных органов власти о подавлении всех движений и организаций, которые могут повлечь за собой разжигание антияпонских или прокоммунистических лозунгов и деятельности, включая и университетские акции⁹¹¹. Антияпонские настроения в студенческой среде стали системой с 1933 г.⁹¹², когда молодежь либо мирно шествовала с плакатами и лозунгами⁹¹³, либо переходила к более радикальным шагам и останавливала поезда⁹¹⁴. После создания автономии власти запретили демонстрации из-за опасности инцидентов и провокаций⁹¹⁵, но инциденты даже со смертельным исходом⁹¹⁶ не прекратились. Хэ Иньцинь советовал студентам возобновить обучение⁹¹⁷, а Министерство образования Китая поручило университетам и властям колледжей во всех частях страны запретить им проводить какие-либо патриотические демонстрации⁹¹⁸, придя ко мнению, что студенческое движение должно придерживаться мирной политики, не должно быть забастовок, а подстрекательства к этому должны пресекаться⁹¹⁹.

⁹⁰⁹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

⁹¹⁰ Japanese pressure in North China // The Straits Times. 1936. May 11. P. 5.

⁹¹¹ Student groups banned ...

⁹¹² At the gates of Peking // The Times. 1933. May 26. 1933.

⁹¹³ Clamour for war in North China ...

⁹¹⁴ Shanghai students seize a train // The Times. 1934. Dec. 24.

⁹¹⁵ "Autonomy" in North China...

⁹¹⁶ Unrest in Shanghai // The Times. 1935. Dec. 27.

⁹¹⁷ The North China settlement ...

⁹¹⁸ Japanese Increase Forces Inside Great Wall...

⁹¹⁹ The North China settlement ...

Прекратить выступления новым властям так и не удалось. Например, реакцией на провозглашении автономии 16 декабря 1935 г. в Пекине стала организация демонстрации в количестве примерно 5 тыс. студентов, которая была разогнана полицией. Сун Чжэюань принял решение выслать нескольких профессоров, наиболее активно подстрекающих студентов к участию в антияпонских акциях, в Южный Китай. Среди подлежащих высылке значился доктор Ху Ши – один из самых крупных мыслителей современного Китая, а также ряд руководителей учебных заведений, включая и ректора Национального университета в Пекине⁹²⁰. В ответ на это несколько тысяч студентов в Пекине, подбадриваемые своими товарищами в Шанхае, Кантоне и других местах, организовали протесты⁹²¹, которые должны были перерасти в широкое народное выступление⁹²² с требованием о принятии Центральным правительством действенных мер против организаторов Хэбэйско-Чахарского политического совета и автономного правительства Восточного Хэбэя⁹²³. Генерал Сун Чжэюань направил студентам открытое письмо, в котором пытался убедить их в том, что в создании Политического совета не было ничего экстраординарного и нет никакой разницы между этой структурой здесь и Политическим советом в Кантоне⁹²⁴. Китайские эксперты говорили о том, что бесконечные студенческие демонстрации против независимости северо-восточных провинций вовлекли страну в конфликт с Японией.

Не имея реальной возможности остановить студенческие выступления, правительство Китая предприняло беспрецедентный шаг, пригласив в Нанкин ректоров вузов со всего Китая вместе с представителями студентов для переговоров. Для пресечения студенческих выступлений Чан Кайши отдал распоряжение организовать встречу с представителями движения с целью рассказать о государственной политике и недавних событиях на севере страны. Были приглашены студенческие лидеры из Шанхая, Нанкина,

⁹²⁰ "Autonomy" in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 17. P. 14.

⁹²¹ Demonstrations in Peking ...

⁹²² Hopei-Chahar regime installed ...

⁹²³ Chinese act in protest // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 19. P. 3.

⁹²⁴ New Japanese warning to North China // The Times. 1935. Dec. 19.

Сучжоу, Ханькоу, а также небольшая часть студентов из Пекина и Тяньцзиня, основная же масса от участия во встрече отказалась⁹²⁵. 16 января 1936 г. студенческие делегаты встретились с Чан Кайши, в ходе 3-часовой беседы с которым в качестве одного из вопросов обсуждалась ситуация на севере страны⁹²⁶. Обращаясь специально к учащимся, он сказал, что должен быть дисциплинированным и ответственным, чтобы не быть введенным в заблуждение предательскими элементами⁹²⁷. Этот шаг со стороны руководства Китая внес раскол в студенческое движение⁹²⁸, часть представителей которого выступала за прекращение демонстраций, а часть настаивала на их продолжении и не допускала мысли начать переговоры с правительственными структурами до тех пор, пока официальный Нанкин не объявит о принятии радикальных мер по отношению к Японии.

В свою очередь, Хэбэйско-Чахарский политический совет приступил к созданию в своей структуре Комиссии по образованию⁹²⁹, которая должна была не только отвечать за все образовательные вопросы в регионе, но и обеспечивать полный контроль над учебными заведениями. Японские же власти не шли на уступки. Вместо этого они призвали Ван Итана, чтобы колледжи и университеты в Пекине активнее привлекали к работе японских профессоров. Далее генерал Тада потребовал депортации некоторых известных деятелей образования в Пекине, включая доктора Ху Ши и доктора Чан Монлина, которых японцы рассматривали в качестве зачинщиков антияпонских выступлений⁹³⁰, с чем Сун Чжэюаню пришлось согласиться. Но на этом японцы не успокоились, и 20 февраля 1936 г. Тада в телефонном разговоре с Сун Чжэюанем потребовал немедленного удаления антияпонских пропагандистских текстов из школьных учебников⁹³¹. Генерал Сун после непродолжительных консультаций ответил, что значение «антияпонский»

⁹²⁵ Students` meeting with general Chiang // Ibid. Jan. 14.

⁹²⁶ Nanking anxious about Japanese thrust // Ibid. 1936. Jan. 18.

⁹²⁷ Cyprus aerodrome

⁹²⁸ North China autonomy // The Times. 1936. Feb. 18.

⁹²⁹ North China accepts half Japanese demands separate money policy ...

⁹³⁰ Chinese resistance to Japanese. Tada threatens action...

⁹³¹ Japanese demand // The Straits Times. 1936. Feb. 25. P. 8.

звучит слишком расплывчато, поэтому необходимо уточнение возможных мер для его определения и пресечения⁹³². В ответ на попытку японцев контролировать учебный процесс школы в Пекине начали движение против «порабощения» образования⁹³³, став, таким образом, очередным звеном противостояния интеллигенции японской агрессии, наравне со студентами и учителями Восточного Хэбэя, о чем мы уже писали. Констатируем, что в результате совместных действий японского военного командования и Хэбэйско-Чахарского политического совета студенческие волнения сбавили оборот, однако в тех регионах, которые находились под контролем Нанкина, они не только не принесли желаемого результата, но и подтолкнули власти страны к формированию антияпонского блока.

Что же касается статуса Северного Китая и японского присутствия в регионе, то остановимся на этом вопросе более подробно, учитывая при этом, что японцы были настроены весьма радикально. Это заключалось в идее, предложенной Министерством иностранных дел Японии, о пересмотре Договора девяти держав, по крайней мере в отношении статуса Северного Китая, и была обличена в крылатую фразу: «Мир продвигается вперед, но договор стоит на месте»⁹³⁴. Чтобы изменить ситуацию, 14 декабря 1935 г. организована конференция японского военного командования в регионе, на которой были заявлены следующие стратегические позиции: во-первых, необходимость увеличения численности японского гарнизона для удовлетворения новым условиям; во-вторых, впредь вести переговоры не с Центральным правительством Китая в Нанкине, а с Хэбэйско-Чахарским политическим советом; в-третьих, предпринять попытку добиться китайско-японского взаимодействия в вопросе противостояния коммунистам⁹³⁵. Исходя из содержания повестки становилось очевидным, что японцы конструируют

⁹³² Expulsion threat to Peiping student agitators // Ibid. Mar. 8. P. 5.

⁹³³ New Japanese demand ...

⁹³⁴ Comedy in North China // The Times. 1935. Dec. 18.

⁹³⁵ Japan in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 14. P. 19.

альтернативу Нанкинскому правительству в регионе и на эту роль примеряют администрацию Хэбэйско-Чахарской автономии.

Японские войска продолжали полностью контролировать железнодорожные линии от Шаньхайгуани на границе с Маньчжоу-Го в сторону Тяньцзиня и Пекина. На упоминаемой выше встрече 24 декабря 1935 г. генерал Доихара добился от Сун Чжэюаня права на размещение японских войск в любом месте Хэбэя и Чахара⁹³⁶. Далее были организованы переговоры с представителями японского военного командования, которые завершились 2 января 1936 г. нулевым результатом «из-за неискренности со стороны японских военных», по мнению Сун Чжэюаня, вернувшегося в этот же день в Пекин, а также из-за того, что некоторые из последних требований были абсолютно неприемлемыми⁹³⁷. Генерал Сун обратился к Центральному правительству с призывом принять «новую политику» в отношении японцев. Между тем провинциальные войска Хэбэя сосредоточились на железной дороге Пекин – Тяньцзинь в ожидании окончания переговоров⁹³⁸.

8 января 1936 г. генеральный консул Японии Каваго представил на имя Сун Чжэюаня перечень из шести требований, которые включали в себя официальные извинения за недавние инциденты; арест 50 солдат, которые якобы обыскали японский магазин в Дагу 3 января 1936 г., сбросив японский флаг; увольнение командира китайских войск в Дагу, а также начальника Бюро общественной безопасности и других должностных лиц; выплата компенсации владельцу магазина; немедленное прекращение антияпонской деятельности войск генерала Сун Чжэюаня; гарантия пресечения подобных инцидентов. В этот же день возле одних из пекинских ворот завязалась перестрелка между японскими и китайскими солдатами, а на имя главы Совета был заявлен протест, в дополнение к которому последовала нота⁹³⁹. При этом китайские эксперты опасались, что в результате перестрелки между

⁹³⁶ Japanese warships threaten to fire on students

⁹³⁷ Gen. Sung orders his troops to prepare // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 3. P. 1.

⁹³⁸ Sino-Japanese talks break down ...

⁹³⁹ Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 9. P. 12.

китайскими и японскими солдатами количество требований могло увеличиться⁹⁴⁰.

Очередной виток активизации японской стороны по автономизации Северного Китая пришелся на середину января. 15 января 1936 г. переговорный процесс о конкретных шагах и полномочиях Политического совета между Доихарой и Сун Чжэюанем вступили в открытую фазу. Японская сторона отрицала слухи о намерении присоединить провинции к Маньчжоу-Го, когда же в китайской прессе появилась информация о формализации сотрудничества между Северным Китаем, Японией и Маньчжоу-Го, заместитель министра иностранных дел Маньчжоу-Го Охаша не раз обращал внимание на необходимость доброй воли⁹⁴¹, призывая китайских лидеров в Пекине, Тяньцзине, Тайюани и Цзинани к сотрудничеству. Помимо этого, японская сторона подтвердила, что перемирие Тангу не планируется заменить другим соглашением между японской стороной и Хэбэйско-Чахарским политическим советом, но подтвердила начало грузовых транзитных перевозок через территорию, контролируемую Советом⁹⁴². В ходе переговоров японской стороне были принесены извинения за ряд инцидентов, Сун Чжэюань, командующий 29-й армии, пообещал сдерживать действия в вопросах антияпонских выступлений, также обсуждались вопросы таможенного досмотра, поставок соли и железнодорожного сообщения. Японская сторона подтвердила статус своих представителей в регионе в качестве консультантов, обозначалась важность сохранения демилитаризованной зоны в Хэбэе, тогда как вопросы автономизации региона не обсуждались.

Когда в середине января 1936 г. в Тяньцзинь из Маньчжурии прибыл генерал Доихара, а одновременно с этим в Циндао приехал заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Итагаки, появились

⁹⁴⁰ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China...

⁹⁴¹ Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // The Times. 1936. Jan. 14.

⁹⁴² Future of North China. Japanese statement. "Education insincerity" // The Times. 1936. Jan. 16.

предположения, что истинная цель японских визитов – оказать давление на губернатора Шаньдун Хань Фучу и губернатора Шаньси генерала Янь Сишаня с целью вовлечения их в деятельность Хэбэйско-Чахарского политического совета⁹⁴³. Японские офицеры в Северном Китае получили указание повлиять на китайское руководство с целью увеличить полномочия Хэбэйско-Чахарского политического совета, чтобы сделать его более независимым от Нанкина⁹⁴⁴. Это позволило бы вернуться к решению вопроса автономизации пяти северных провинций.

21 января 1936 г. японская сторона сформулировала и объявила в ультимативной форме новый перечень требований. Во-первых, генерал Сун Чжэюань в течение двух недель должен был не только согласиться на все японские условия, озвученные ранее, но и назначить главу правительства Восточного Хэбэя Инь Жугэна мэром Тяньцзиня. Высокопоставленный чиновник посольства Японии заявил, что если генерал Сун не имеет полномочий от Нанкина назначить Инь Жугэна мэром, то необходимо объявить полную независимость территорий, подконтрольных Хэбэйско-Чахарскому политическому совету для достижения этой цели⁹⁴⁵, подкрепляемые слухами о присоединении к Маньчжоу-Го⁹⁴⁶. Во-вторых, речь шла о полном разрыве финансовых отношений Северного Китая и Нанкина. Основная цель этих требований сводилась к тому, чтобы перенаправить финансовые потоки от таможенных поступлений, налогов на соль, сборов за почтовую, телеграфную и телефонную связь, а также от железнодорожных перевозок в занятых районах. С целью заинтересовать северных лидеров, японцы даже были готовы упразднить автономию Восточного Хэбэя⁹⁴⁷, о чем говорилось выше. По сообщениям пропагандистских СМИ как с китайской, так и японской стороны, по меньшей мере, половина требований японцев была устно принята Сун Чжэюанем как условие о проведении дальнейших

⁹⁴³Japanese designs in North China...

⁹⁴⁴Japanese pressure in N. China. Further move towards “autonomy”...

⁹⁴⁵North China gets Tokyo ultimatum to push “reforms” // The New York Times. 1936. Jan. 22. P. 1.

⁹⁴⁶Ginsbourg M. J. North China “autonomy”...

⁹⁴⁷Fresh Japanese demands...

переговоров в Пекине⁹⁴⁸. Последние включали установление собственной валюты для региона и учреждение независимой структуры для управления экономикой Северного Китая⁹⁴⁹, однако носили, скорее, устрашающий характер и играли роль разменной монеты в случае начала торга за условия.

В конце февраля 1936 г. японские войска приступили к расширению своего гарнизона путем воздушной переброски своих сил⁹⁵⁰. Сун Чжэюань заявил представителям СМИ, что увеличение японского гарнизона в Северном Китае не должно вызывать тревоги у местного населения. Японское правительство неоднократно заверяло его об отсутствии намерений к агрессии⁹⁵¹.

Опасаясь утраты даже видимости контроля над территориями двух провинций, министр иностранных дел Китая генерал Чан Чун обратился к Сун Чжэюаню с просьбой предоставить информацию о намерении расширения полномочий Комиссии по дипломатическим вопросам Хэбэйско-Чахарского политического совета в части возможности его выступления от лица северных территорий. По мнению министра, этот вопрос должен был обсужден и утвержден Центральным правительством⁹⁵². Но японская сторона стремилась не допустить этого, поэтому 2 марта Доихара заявил, что отныне будет вести переговоры только с Хэбэйско-Чахарским политическим советом и не рассматривать Нанкин в качестве контрагента⁹⁵³. Это означало фактическое устранение Центрального правительства от процесса управления Северным Китаем.

В обмен на предоставление полной автономии для Хэбэя и Чахара с возможностью передачи Совету властных полномочий в области гражданских, финансовых, дипломатических вопросов и вопросов коммуникаций японская сторона, в свою очередь, не раз подчеркивала

⁹⁴⁸ North China accepts half japanese demands separate money policy ...

⁹⁴⁹ Gen. Sung accepts more demands? // The Straits Times. 1936. Feb. 10. P. 11.

⁹⁵⁰ Danger Has Not Yet Passed // Ibid. Feb. 22. P. 11.

⁹⁵¹ Sino-Japanese Complications // Morning Tribune. 1936. Jun 2. P. 2.

⁹⁵² New Japanese demand ...

⁹⁵³ Tokyo revolt and China // Malaya Tribune. 1936. Mar. 2. P. 11.

готовность упразднить Автономное правительство Восточного Хэбэя, однако настаивала на том, чтобы Инь Жугэн был назначен на высокий пост в демилитаризованной зоне⁹⁵⁴. Такой поворот был вполне ожидаем, поскольку еще при обсуждении условий создания Совета земли Восточно-Хэбэйской автономии предполагалось включить в состав подконтрольных Совету территорий⁹⁵⁵. Но сделать это японская сторона собиралась на взаимовыгодных условиях, в числе которых – право разместить свои войска на границах Хэбэя и Чахара и на определенных железнодорожных узлах, чтобы противостоять коммунистам на северо-западе⁹⁵⁶. При этом делалась оговорка, что японцы готовы пойти навстречу относительно ситуации в Восточном Хэбэе и отозвать некоторые из своих требований в обмен на большую сговорчивость генерала Суна, который тут же этим и воспользовался.

3 марта 1936 г. состоялась встреча главы Совета с генералом Хаяо Тадой, одобренная Чан Кайши⁹⁵⁷. В повестке значилось обсуждение условий взаимного сотрудничества: китайская сторона предложила провести реорганизацию административных структур Северного Китая по аналогии с Внутренней Монголией: Хэбэйско-Чахарский политический совет должен был называться Автономным политическим советом Хэбэя и Чахара, в котором будет задействовано несколько японских военных, советников и генералов для оказания помощи в административных делах, а Совет – иметь полную власть для решения вопросов о подавлении коммунистического движения в Северном Китае.

На следующий день, 4 марта 1936 г., стало известно, что в ходе своего визита в Токио для сообщения о ситуации в Северном Китае генерал Доихара был назначен полномочным представителем японской стороны для решения всех вопросов, затрагивающих интересы Японии в Северном Китае, и для

⁹⁵⁴ Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 11.

⁹⁵⁵ Japan grips North China ...

⁹⁵⁶ East Hopes autonomous area // The Manchester Guardian. 1936. Apr. 30. P. 7.

⁹⁵⁷ Chinese resistance to Japanese. Tada threatens action...

участия в предстоящей конференции в Токио от имени правительства Японии. Китай должен был представлять Сюй Шиин⁹⁵⁸. Следовательно, давление на руководство Хэбэйско-Чахарского политического совета продолжалось и имело в качестве цели окончательный разрыв отношений с Нанкином.

Для этого были подключены военные, административные и общественные силы. Японская сторона по-прежнему настаивала на начале совместной антикоммунистической кампании силами армий Хэбэя, Чахара, Суйюани и Шанси с привлечением японских военных и на сохранении высокого статуса Инь Жугэна. При этом было озвучено согласие на возвращение китайской юрисдикции в отношении шести округов в Восточном Чахаре и юрисдикции Политического совета Внутренней Монголии в отношении маньчжурско-монгольских сил под командованием генералов Ли Шоусиня и Цзо Шихая⁹⁵⁹. Таким образом, значение переговоров заключалось в наметившейся готовности обеих сторон прислушиваться к аргументам друг друга: генерал Тада принял большинство китайских предложений. Уже 5 марта китайский посол в Японии Сюй Шиин доложил об этом Чан Кайши, который одобрил полученный результат⁹⁶⁰ о расширении функций Хэбэйско-Чахарского политического совета во внешнеполитических, финансовых, образовательных, гражданских и строительных вопросах в регионе, о привлечении к вопросам управления регионом японских военных, в итоге в состав Совета все же были включены пять японских представителей⁹⁶¹, рекомендованных генерал-майором Тадой. Однако вопросы о Восточном Хэбэе и Восточном Чахаре не были окончательно решены, что дало повод для претворения и японцами, и Центральным правительством Китая самостоятельных мер по обеспечению собственных интересов.

Нанкин в принципе принял предложения, но настаивал на сохранении за собой права отклонить любые вопросы, которые могли бы каким-либо

⁹⁵⁸ North China settlement much nearer // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 4. P. 9.

⁹⁵⁹ N. China terms revealed // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 11.

⁹⁶⁰ British mines closed // Malaya Tribune. 1936. Mar. 7. P. 12.

⁹⁶¹ More Japanese advisers for N. China // The Straits Times. 1936. Apr. 27. P. 19.

образом поставить под угрозу территориальный суверенитет Китая⁹⁶². Переговоры завершились 7 марта⁹⁶³: отныне решением Хэбэйско-Чахарского политического совета все военные и административные структуры двух провинций должны были быть укомплектованы кадрами при участии японских военных и политических советников. Совет обратился к генералам Таде и Доихаре с просьбой направить 20 военных и административных советников для службы в Северном Китае⁹⁶⁴.

28 апреля 1936 г. в Тяньцзине состоялось совещание японских военных атташе, по итогам которого было решено увеличить число японских советников в различных структурах Хэбэйско-Чахарского политического совета⁹⁶⁵. Сун Чжэюань принял требование Японии расширить состав Совета, чтобы включить в него ряд советников из числа представителей автономного режима в Восточном Хэбэе, который предполагалось упразднить, как только генерал Сун выполнит японские условия, что рядом экспертов трактовалось как конец контроля Нанкина над Северным Китаем⁹⁶⁶, поскольку до этого военные, финансовые и административные вопросы уже были сконцентрированы в руках Сун Чжэюаня.

Таким образом, к маю 1936 г. японская сторона оказалась в состоянии полной готовности для того, чтобы добиться от Сун Чжэюаня провозглашения независимости автономии от Нанкина. Все важные станции были заняты японцами. Участок линии между Тяньцзинем и Тангу, поврежденный взрывом, был отремонтирован. Японцы заявили, это было сделано китайскими агентами, которые надеялись предотвратить передвижение японских войск. Студенческие демонстрации в Тяньцзине и Пекине окончательно подавлены, а в посольский квартал Пекина были отправлены подкрепления для охраны Японского посольства.

⁹⁶² North China settlement much nearer ...

⁹⁶³ Tokyo revolt and China...

⁹⁶⁴ Japan tightening her grip on Hopei & Charhar ...

⁹⁶⁵ Japanese troops for Hopei borders // The Straits Times. 1936. Apr. 29. P. 12.

⁹⁶⁶ Japanese take up positions along Great Wall ...

После беседы между китайскими чиновниками и генерал-майором Мацумиро, который сменил генерал-майора Доихару в качестве главного политического агента японской армии в Северном Китае, японские военные власти предоставили Сун Чжэюаню время до полуночи 5 июня, чтобы определить свое отношение к независимости Северного Китая, однако процесс затянулся. Предполагая подобное развитие событий месяцем ранее, 7 мая, Чан Кайши созвал конференцию, чтобы обсудить ситуацию и разработать меры по предотвращению намечающегося провозглашения независимости Северного Китая, в числе которых – возможное назначение высокопоставленного уполномоченного лица в качестве представителя Нанкинского правительства на севере страны⁹⁶⁷.

В конце июня 1936 г. по итогам совместной конференции командования Квантунской армии и штаба командования гарнизонной армией Северного Китая под руководством генерала Тасиро военный атташе японской миссии в Пекине направил в адрес генерала Сун Чжэюаня новый запрос о готовности объявления независимости провинций на северном берегу Хуанхэ. В обмен на это было обещано, что автономный режим в Восточном Хэбэе будет упразднен⁹⁶⁸. Спустя несколько дней, Сун Чжэюань, посетивший накануне Чанчунь, сообщил японской прессе о завершении договоренностей с правительством Маньчжоу-Го об установлении дипломатических отношений и учреждении дипломатических представительств в Пекине и Чанчуне⁹⁶⁹, однако о независимости ни упомянул ни слова.

Попытки оказать давление на генерала были предприняты и со стороны его соотечественников. Так, он получил телеграмму от одного из своих коллег по Хэбэйско-Чахарскому политическому совету⁹⁷⁰. Ли Тинью, лидер Народной ассоциации за автономию в Китайской Республике, телеграфировал требование о немедленном объявлении автономии Северного Китая. В ней

⁹⁶⁷ Confused State in North // The Straits Times. 1936. May 8. P. 11.

⁹⁶⁸ China Appeals to Britain ...

⁹⁶⁹ Recognition for Manchukuo? // The Straits Times. 1936. Jun 26. P. 9.

⁹⁷⁰ Independent North China is demanded of Nanking // The Washington Post. 1936. Jun 1. XI.

утверждалось, что Центральное правительство в Нанкине давно оставило интерес к Северному Китаю и настало время выполнить план относительно автономии, который слишком долго затягивается.

Британские официальные источники полагали, что телеграмма является первой открытой инициативой об объявлении независимости северокаитайскими провинциями с населением больше чем 10 млн человек и что она предвещает создание режима на севере при доминировании японских военных⁹⁷¹. Но эффект оказался обратным противоположным. 3 июня 1936 г. появилась информация о секретном совещании, организованном Сун Чжэюанем с участием ближайшего круга своих советников в числе генералов Фэн Цзяня и Лю Юмина, а также других военачальников, которые настояли на принятии против японцев решительных действий. В итоге было решено, во-первых, отклонить требования Японии, предъявленные в течение последних трех месяцев, а именно: реорганизация комиссий Хэбэйско-Чахарского политического совета и подчинение их японскому Бюро по сохранению мира; увольнение всех антияпонски настроенных чиновников; создание отдельной валюты в Северном Китае, которая бы конвертировалась в Тяньцзине, Циньхуандао и Калгане; подавление всех антияпонских движений. Во-вторых, решено начать подготовку к вооруженному сопротивлению и обратиться к Нанкину за оказанием поддержки. Таким образом, японцы и их сторонники допустили серьезную промашку и спровоцировали политический кризис Хэбэйско-Чахарской автономии и японской стороны.

Начало третьего этапа развития Хэбэйско-Чахарской буферной автономии, характеризующегося сохранением хрупкого баланса между китайской и японской стороной в условиях угрозы полномасштабных военных действий, было вызвано утечкой информации о мерах, которые Сун Чжэюань и его сторонники предприняли в отношении новых японских требований, что вызвало серьезные последствия со стороны японских кругов. 16 июня 1936 г.

⁹⁷¹ China split plea made // The Los Angeles Times. 1936. Jun 1. P. 1.

Сун Чжэюань, возвращаясь из поездки в Цзинань, прибыл в Тяньцзинь, где у него состоялась секретная конференция с губернатором Шаньдуна генералом Хань Фучу, который выступил за решительные меры в отношении ситуации в Северном Китае и предложил единый план действий с участием властей Хэбэя, Чахара, Суйюани, Шанси и Шаньдуна⁹⁷². 19 июня поступило сообщение о том, что генерал Сун Чжэюань вышел в отставку с поста председателя Политического совета⁹⁷³. С этого периода началась кадровая чехарда в составе Совета, когда японская и китайская стороны старались избавиться от удобных противнику кадров, что существенно усугубило двусторонние отношения.

На смену Сун Чжэюаню должен был прийти Ши Юйсян, находившийся в Японии в течение некоторого времени. Он должен был вступить в должность вместе с Цао Юйлином и Тан Эрхэ, однако не спешил принимать должность из-за получения писем с угрозами в свой адрес. Китайские власти опубликовали заявление о том, что назначение генерала Ши носило временный характер и было обусловлено необходимостью обеспечения перезагрузки китайско-японских отношений⁹⁷⁴. В связи с этим требует некоторого разъяснения личность Ши Юйсяна. Занимая различные государственные посты до японского вторжения, этот человек получил всеобщую известность, когда широкомасштабное негодование во всему Хэбэю вызвало его назначение командующим корпусом по охране мира в Пекине в январе 1936 г. Поводом для этого послужили его радикальные прояпонские настроения, в связи с чем общественные учреждения призывали генерала Суна отменить это назначение. Японцы, однако, потребовали, чтобы он также был утвержден командующим специальной полицией в порту Тяньцзиня⁹⁷⁵. 8 февраля 1936 г. Сун Чжэюань согласился на назначение Ши Юйсяна, который был известен своими антиправительственными

⁹⁷² China appeals to Britain...

⁹⁷³ Untitled ...

⁹⁷⁴ East Hopei regime to end // The Straits Times. 1936. Jul 24. P. 9.

⁹⁷⁵ Shantung to become autonomous state? ...

выступлениями, в качестве командира Корпуса по сохранению мира в Пекине (аналога пекинской полиции). Это было вызвано тем, что в новом статусе Ши Юйсян способен был причинить меньше вреда, чем в качестве командира бандитских группировок, которые, получив легальный статус, вошли в демилитаризованную зону в ожидании включения их в армию Восточного Хэбэя⁹⁷⁶. Общественное возмущение продолжилось и после сообщения о назначении Ши главой Политического совета, в связи с чем смена руководителя автономии не состоялась.

На фоне неподтвержденной информации о грядущих кадровых перестановках в составе Совета и об обновлении руководства Пекина и Тяньцзиня генерал Ши Юйсян был помилован за измену и назначен членом Политического совета, что многими было воспринято как карт-бланш на занятие должности мэра Тяньцзиня⁹⁷⁷. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении двух других высокопоставленных чиновников: Чэн Чунафу и Ван Кэминя. Чэн Чунафу, который возглавлял Комиссию по иностранным делам Политического совета, в начале июня подал в отставку и, по прогнозам, его место должен был занять Го Чунву⁹⁷⁸. Но отставка не состоялась в связи с тем, что фигура нового главы Комиссии была крайне противоречивой. 23 июля 1936 г. Чэн Чунафу был переназначен на свою должность, в том числе и в условиях возможного объединения с Восточным Хэбэем⁹⁷⁹. Ван Кэминь в сентябре 1936 г. должен был стать председателем Финансовой комиссии, но отказался вступить в должность из-за неоднократных нападок на него со стороны японской прессы. Японские журналисты отмечали, что Ван Кэминь привлек большие суммы денег, для поддержания различных китайских банков в Северном Китае, и его действия, как правило, усиливали антияпонские движения в пику тем, кто предлагал экономическое сотрудничество Японии, Маньчжоу-Го и Северного Китая. Ван Кэминь вел переговоры с японцами в

⁹⁷⁶ Bandit as head of Peiping police // The Straits Times. 1936. Feb. 11. P. 18.

⁹⁷⁷ Japanese demands in North China // Ibid. Sep. 1. P. 8.

⁹⁷⁸ Japanese demands rejected ...

⁹⁷⁹ East Hopei regime to end ...

отношении предложения о заключении китайско-японского экономического соглашения с целью совместного использования ресурсов Северного Китая. 11 сентября 1936 г. в Тяньцзине были арестованы 30 агитаторов, которые распространяли литературу против Ван Кэминя⁹⁸⁰. И, наконец, в ноябре состоялась отставка главы финансового ведомства Совета Ли Шиху, который, как полагали эксперты, раскрыл японские планы экономического господства в Северном Китае и выступил с их осуждением⁹⁸¹. 12 июля 1936 г. Хэбэйско-Чахарский политический совет направил телеграмму в Нанкин с призывом принять определенные меры для урегулирования ситуации в Северном Китае, в противном случае положение в Хэбэе может стать необратимым⁹⁸², а сам предпринял попытку к стабилизации обстановки путем сохранения Сун Чжэюаня в качестве своего лидера, что успешно было сделано.

Между тем представители японского командования в Северном Китае 16 июля 1936 г. выдвинули требование о том, чтобы Хэбэйско-Чахарский политический совет во главе с генералом Сун Чжэюанем должен присоединиться к независимым режимам в Восточном Хэбэе и Восточном Чахаре⁹⁸³. В конце сентября 1936 г. японский посол в Китае Каваго представил Китайскому правительству серию далеко идущих требований, явившихся следствием недавних китайско-японских инцидентов. Среди них значились предоставление автономии пяти северным провинциям, включающее финансовую и налоговую автономию; создание единого экономического пространства региона с подконтрольными японскими территориями; право разместить японские войска в различных пунктах вдоль р. Янцзы для защиты японских граждан и их собственности; право контролировать школьные программы и учебники, равно как и школы для искоренения антияпонской риторики. Китайское правительство заявило, что эти требования недопустимы⁹⁸⁴. Подобное давление продолжалось, что вызывало нервозность

⁹⁸⁰ Japanese offers turned down by shantung governor ...

⁹⁸¹ Disclosed Japanese Plans To Chiang? // The Straits Times. 1936. Nov. 12. P. 17.

⁹⁸² Armed resistance against Japan // Ibid. Jul 12. P. 5.

⁹⁸³ Japanese demand // Ibid. Jul 17. P. 9.

⁹⁸⁴ New demands to China // The Manchester Guardian. 1936. Sep. 28. P. 9.

в китайском лагере, в итоге японцы «перегнули палку». Чан Кайши инициировал проведение конференции с представителями пяти северных провинций, которые являлись предметом особого интереса Японии⁹⁸⁵. Фактически это означало начало формирования среди нанкинских лидеров антияпонского движения.

3 октября 1936 г. директор Бюро восточных азиатских дел японского Министерства иностранных дел Каваджима в интервью для «Асахи Симбун», попытавшись смягчить ситуацию заявлением, что Япония выдвигает Китаю не требования, а предложения, которые допускают взаимные уступки. Он подчеркнул, что от отношения к Маньчжоу-Го и Северному Китаю будет зависеть мир и экономическое развитие региона, но отметил необходимость в избавлении от антияпонской риторики, что служило бы доказательством добрых намерений и соблюдения китайско-японских договоренностей⁹⁸⁶. Изменение в статусе Северного Китая давало бы большую свободу японской экономической политики в области развития железных дорог, расширения хлопковых плантаций, добычи полезных ископаемых и товарооборота в регионе, а также предоставило бы Японии право разместить свои войска в различных пунктах на р. Янцзы и контролировать учебные заведения.

11 ноября 1936 г., вернувшись в Пекин с очередной конференции в Тяньцзине, Сун Чжэюань подтвердил свою решимость сопротивляться дальнейшей японской агрессии. В этот же день он подал в отставку с поста губернатора Хэбэя. Его место в качестве исполняющего обязанности занял генерал Фэн Шиан, командующий дивизией 29-й армии⁹⁸⁷. Более 160 тыс. китайских добровольцев, обученных Сун Чжэюанем, готовы были последовать за ним, а несколько тысяч уже отправились на фронт в северную часть провинции Суйюань⁹⁸⁸. В начале декабря 1936 г. были озвучены новые требования Японии к Китаю: свобода действий Японии в Северном Китае,

⁹⁸⁵ Japanese army Discontented // Ibid. Oct. 17. P. 17.

⁹⁸⁶ Japan's terms to China // The Observer. 1936. Oct. 4. P. 21.

⁹⁸⁷ Foreigners told to evacuate Inner Mongolia // The Straits Times. 1936. Nov. 12. P. 9.

⁹⁸⁸ Hostilities intensified in Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Nov. 12. P. 1.

преподнесенная как борьба против коммунизма и советского проникновения, и создание единого фронта-буфера против коммунистического движения в союзе Китая и Японии. В свою очередь Китай выдвинул свои условия: вывод 8-тысячной японской армии из Северного Китая и прекращение продвижения японских вооруженных сил вглубь китайской территории. Одновременно Центральным правительством в Нанкине было сделано заявление, согласно которому Китай настроен на борьбу во Внутренней Монголии и намерен сопротивляться любым попыткам нарушения его территориальной целостности⁹⁸⁹. Ситуацию удавалось удерживать на уровне, близком к конфликту, но нередкие инциденты регулярно угрожали хрупкому миру, но к началу весны 1937 г. стало очевидно, что военного кризиса избежать вряд ли удастся.

В полуофициальных заявлениях, просочившихся в прессу на начало января 1937 г., стало известно, что завершившиеся 3-месячные переговоры между Министерством иностранных дел Китая и японским послом Каваго привели к основным условиям достижения мира: об учреждении прямого воздушного сообщения между Китаем и Японией, учреждении должностей японских советников в некоторых структурах и о подавлении антияпонских действий, пересмотре импортного таможенного тарифа Китая, контроле Китайского правительства за незаконными действиями корейцев.

Ответ Китая содержался в следующих позициях. Относительно воздушного сообщения, японская сторона предложила установить гражданское сообщение Шанхая и Фукуоки в продолжение предложенного в 1936 г. Министерством транспорта Японии проекта аналогичного соглашения на принципах равенства и взаимности. Однако японские самолеты продолжали свободно летать над территорией Северного Китая, не получая на это согласия Китайского правительства. Такие незаконные полеты нарушали суверенитет Китая и препятствовали обсуждению планов об установлении

⁹⁸⁹ Reported Japanese demands // The Manchester Guardian. 1936. Dec. 5. P. 17.

гражданского сообщения между двумя странами. Пересмотр импортного тарифа объявлялся внутренним делом самого Китая и мог быть скорректирован в любое время, если того требовали национальные финансовые или коммерческие интересы, но в первую очередь они должны быть направлены на пресечение контрабанды. В отношении незаконных действий корейцев было указано, что подобные меры применяются к любым подданными из любой страны, но, в свою очередь, Японское правительство должно подавить незаконные действия, совершаемые при его защите на территории Китая корейцами, тайваньцами и подданными Японии. На вопрос об участии японских советников китайская сторона заявила, что привлечение иностранных советников Китайским правительством зависит от выдвигаемых к кандидатуре требований и квалификации тех, кто претендует на ту или иную позицию, а вопрос подданства значения не имеет. В отношении последнего условия китайская сторона придерживалась позиции необходимости поддержания дружественных отношений с иностранными подданными, пресекая противоправные действия согласно местному законодательству⁹⁹⁰. Таким образом, переговоры вновь зашли в тупик.

Хрупкий мир начал рушиться весной 1937 г. с серии инцидентов, которые и привели к войне. В ночь на 22 марта 1937 г. в китайском гарнизоне были обнаружены 2 корейца, оказавшие сопротивление при задержании и в завязавшейся борьбе китайские войска открыли огонь, ранив обоих злоумышленников⁹⁹¹. В итоге инцидент путем переговоров, казалось бы, был урегулирован. Но японская сторона выдвинула ряд требований, в соответствии с которыми 31 марта 1937 г. Хэбэйско-Чахарский политический совет объявляет о том, что китайские войска, которые были расквартированы в некоторых районах к югу от Тунчжоу, вскоре предполагалось отозвать. Это вызвало возмущение среди местного китайского населения, но дальнейших вооруженных акций не последовало. Поэтому, осмелев, японская сторона в

⁹⁹⁰ Difficulties of Sino-Japanese negotiations // The Manchester Guardian. 1937. Jan. 2. P. 16.

⁹⁹¹ Fresh pressure in N. China // The Straits Times. 1937. Apr. 1. P. 10.

адрес правительства Хэбэя выдвинула новое требование о передаче им района Наньюань в южной части Пекина для использования его японскими военно-воздушными силами⁹⁹². На это был получен жесткий отказ.

25 мая 1937 г. специальный корреспондент «Асахи Симбун» в Пекине сообщил о намерении генерала Сун Чжэюаня прибыть в Цзинань, где будет организована встреча с губернатором Шаньдуна Хань Фучу и заместителем председателя Центрального военного совета Китая Фэн Юйсяном, на которой стороны должны обсудить проблемы Северного Китая. Среди них были обозначены, во-первых, китайско-японское экономическое сотрудничество в Северном Китае; во-вторых, взаимоотношения с Автономным Восточно-Хэбэйским правительством; в-третьих, реорганизация войск Чжан Сюэяна; в-четвертых, вопрос о занятии некоторых японских объектов близ Циндао, которые охраняли замаскированные регулярные войска⁹⁹³. Незадолго до этого поступила информация о том, что часть японских советников в структуре Политического совета Сун Чжэюанем была отправлена в отставку после его встречи с губернатором Шаньдуна Хань Фучу⁹⁹⁴. Увидев в этом угрозу со стороны главы Совета, японцы 11 июня 1937 г. потребовали отставки Сун Чжэюаня, который находился в отпуске в Северном Шаньдуне. Получив известие об этом требовании, генерал Сун сообщил японцам, что китайско-японское экономическое сотрудничество невозможно, если только для этого не будут устранены существующие политические проблемы⁹⁹⁵ и уходить со своего поста отказался. Это дало японской стороне основание в своих опасениях относительно схожести взглядов и позиции на развитие ситуации у руководителя автономии и официального Нанкина.

13 июня 1937 г. генеральный секретарь Хэбэйско-Чахарского совета Го Тиньюань прибыл в Нанкин⁹⁹⁶ для обсуждения текущей ситуации на севере

⁹⁹² North China to be dominated by armed force...

⁹⁹³ Gen. Feng Yu-Hsiang for shantung // The Straits Times. 1937. May 27. P. 19.

⁹⁹⁴ Japanese advisers may resign // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.

⁹⁹⁵ Japanese pressure in north China // Ibid. Jun 11. P. 11.

⁹⁹⁶ Martial Law Proclaimed In North Charhar // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1937. Jun 14. P. 9.

Китая с представителями Министерства иностранных дел и военного министерства⁹⁹⁷, однако ситуация оказалась настолько сложной, а стороны – настолько настроенными на радикальные меры, что усилия членов Совета по предотвращению кризиса оказались напрасными. Затем последовал инцидент на мосту Марко Поло.

9 июля 1937 г. объявлено о приостановлении военного присутствия двух стран в спорных регионах Северного Китая: несмотря на сложность ситуации, и японские, и китайские войска были выведены из районов вокруг Пекина. Соглашение для приостановки военных действий и вывода войск по обоим берегам р. Юндинхэ последовало после 2-часового совещания, проведенного в Пекине между особым уполномоченным японской военной миссии полковником Такуо Мацуи и представителем Хэбэйско-Чахарского Политического совета Чан Инюнем. Японский кабинет держал идею прекращения напряжения и высказался в пользу изменения китайско-японских отношений⁹⁹⁸. Вслед за этим 13 июля 1937 г. японская сторона выдвинула четыре условия, выполнение которых должно было способствовать разрешению напряженности в зоне подчинения Хэбэйско-Чахарскому политическому совету: полный вывод китайских войск с западного берега р. Юндинхэ и эвакуация населения из окрестностей Лугоуцяо; суровое наказание всех должностных лиц, признанных виновными в столкновениях с японцами; абсолютное подавление всех антияпонских движений; сотрудничество в борьбе с коммунизмом.

В знак подтверждения добрых намерений основные японские силы из местности вблизи моста Марко Поло отошли к Фэнтаю, и ситуация быстро стабилизировалась⁹⁹⁹. В свою очередь генерал Сун Чжэюань заявил, что не было никакой возможности вернуться к нормальной жизни в Северном Китае, пока японские войска остаются к югу от Великой стены¹⁰⁰⁰, а для того чтобы

⁹⁹⁷ Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar ...

⁹⁹⁸ "Peace" again in North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 10. P. 13.

⁹⁹⁹ Troops sent from Japan // The Times. 1937. Jul 16.

¹⁰⁰⁰ Hopei chief's aide sees no basic peace // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 13.

они были выведены, необходимо было пойти на кое-какие уступки. Исходя из этого Хэбэйско-Чахарский политический совет согласился на принесение извинений за лиц, ответственных за инцидент, и их наказание. Также было дано согласие на разработку мер для тщательного контроля за синерубашечниками, коммунистами и представителями других антияпонских организаций.

Увы, но несмотря на то что Политический совет стремился любыми способами к локализации инцидента, «военная партия» одержала верх в Нанкинском правительстве¹⁰⁰¹. Нанкин отверг предложенные условия, а также выступил с официальным заявлением о том, что ни Хэбэйско-Чахарский политический совет, ни 29-я армия Китая не имеют полномочий решать какие-либо вопросы с Японией¹⁰⁰². Это решение в дальнейшем сыграет роковую роль, поскольку не позволит Сун Чжэюаню принести извинения японской стороне, не будучи официально и публично уполномоченным на этот шаг, что поставит Нанкин в патовую ситуацию, из которой руководство Китая предпочтет выбираться военными методами. Терпение Японии также оказалось не безграничным и, предположив, что только Политический совет способен контролировать регион, командующий гарнизоном в Китае генерал Киёси Кацуки посетил Сун Чжэюаня и обсудил с ним японские условия. Требования включали в себя преобразование Хэбэйско-Чахарского политического совета, обязанного бойкотировать готовящиеся выборы Национального конгресса, которые планировалось провести в октябре 1937 г. для ратификации новой Конституции Китая¹⁰⁰³. Данный шаг означал бы фактическую независимость Хэбэйско-Чахарской автономии, на что китайское руководство заявило: если японцы будут настаивать на выводе территорий, подконтрольных Хэбэйско-Чахарскому политическому совету от

¹⁰⁰¹ Nanking group favours war // The Straits Times. 1937. Jul 12. P. 11.

¹⁰⁰² Japanese present demands on China // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 14.

¹⁰⁰³ Japanese still warlike // The Manchester Guardian. 1937. Jul 16. P. 8.

Китая, Нанкинское правительство будет вынуждено вмешаться, результатом чего станет война¹⁰⁰⁴.

Японское военное министерство вечером 14 июля 1937 г. официально объявило, что в связи с серьезностью ситуации в Северном Китае было решено послать туда японские войска. Первыми нервы дрогнули у китайской стороны, и 17 июля 1937 г. войска Центрального китайского правительства вошли в Хэбэй. Отдельные части были направлены в Баодин в 100 милях к юго-западу от Тяньцзиня, что являлось нарушением перемирия Тангу 1933 г. В свою очередь, японский армейский корпус был отозван из Кореи, прибытие которого ожидалось в Туншань (совр. Суйчжоу).

На фоне обостряющейся ситуации в новую фазу вошло обсуждение создания нового независимого государства в Северном Китае, которое значилось в перечне японских требований. Была озвучена идея объединения Северного Хэбэя и всего Чахара с Восточным Хэбэем в качестве независимого государства с Тяньцзинем в качестве столицы и Тангу – японской морской базы. В Пекине предполагалось разместить японские войска для защиты своих подданных и окружающей территории со статусом демилитаризированной зоны¹⁰⁰⁵.

19 июля 1937 г. Чан Кайши заявил, что суверенные права Китая не могли быть принесены в жертву даже за счет войны и озвучил четыре условия для достижения мирного соглашения с Японией: сохранение территориальной целостности страны и ее суверенных прав; статус Хэбэйско-Чахарского политического совета должен регулироваться Центральным правительством; не допускалось внешнее давление на процесс назначения местных чиновников, определенных Центральным правительством; не должны допускаться ограничения размещения китайских войск 29-й армии на спорных территориях¹⁰⁰⁶. Контрпредложения Нанкина включали в себя установление

¹⁰⁰⁴ Japan and China // Ibid. Jul 17. P. 12.

¹⁰⁰⁵ Still waiting in China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 17. P. 13.

¹⁰⁰⁶ North China not to become a second Manchuria // Ibid. Jul 20. P. 6.

временного перемирия, в период которого противоборствующие стороны вернутся в исходное положение, а все решения северокитайского режима должны приниматься с одобрения Нанкина. После возвращения генерала Суна в Пекин состоялось совещание Политического совета, по результатам которого сообщалось, что перспективы урегулирования конфликта были достаточно четкими. Однако японский военный представитель в Тяньцзине сказал, что дата вывода японских войск не будет установлена до тех пор, пока японская сторона не будет удовлетворена имеющимися перспективами¹⁰⁰⁷. В результате удалось достичь относительного урегулирования вопроса.

Было выработано взаимное соглашение между Политическим советом и японской стороной, содержание которого не подлежало опубликованию, чтобы не спровоцировать его общественное осуждение. Из японских источников стало известно, что почти все требования Японии, выдвинутые в разгар кризиса, были выполнены, часть из которых была как раз озвучена в речи Чан Кайши.

Несмотря на фактический запрет выступать от лица китайских властей, Политический совет на имя японской стороны представил записку, подтвердив готовность удаления из поля принятия решений тех лиц, которые препятствуют китайско-японским отношениям, подавления коммунистического движения, контроля за деятельностью антияпонских организаций и пресечения антияпонского образования¹⁰⁰⁸. Сун Чжэюань пообещал отвести 37-ю дивизию, которая была вовлечена в недавние столкновения с японцами, от Пекина и заменить ее военными 29-й армии¹⁰⁰⁹. В Нанкин была направлена телеграмма для получения информации о дальнейшей судьбе соглашения¹⁰¹⁰. Также официальное сообщение Хэбэйско-Чахарского политического совета утверждало, что японцы не выдвигали требований о перестановках в Совете. Пассажирское движение по железной

¹⁰⁰⁷ Chinese report of easing tension // The Straits Times. 1937. Jul 20. P. 11

¹⁰⁰⁸ Hopei-Chahar Note // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 24. P. 2.

¹⁰⁰⁹ New hitch in N. China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 22. P. 11.

¹⁰¹⁰ Terms of agreement withheld. "Almost All" Japan's demands met // The Times. 1937. Jul 23.

дороге Пекин – Ханькоу было также возобновлено¹⁰¹¹. На это официальные представители Центрального китайского правительства в Нанкине сообщили, что решительно отрицают информацию о принятии японских условий урегулирования кризиса в Северном Китае, которые были приняты военными властями в Пекине, но не получили одобрения со стороны руководства страны¹⁰¹². На это коммюнике японского военного министерства требовало, чтобы оговоренные меры были утверждены центральным правительством, как настаивал Нанкин, без чего соглашение считалось бы ничтожным¹⁰¹³. В итоге Центральное правительство оказалось в юридической ловушке. Между тем должность мэра Пекина покинул Цин Дэчун.

К концу июля все надежды на предотвращение войны в Северном Китае исчезли и остались лишь на ее быстрое завершение. В течение нескольких дней японская армия окружила Пекин. Японские власти настаивали на позиции Хэбэйско-Чахарского политического совета без вмешательства Нанкина, но Центральное правительство сделало заявление, что оно не признает заключенных от имени Совета соглашений, которое оно не приняло, и предупредило Японию, что не одобрит соглашения, предусматривающие любые территориальные уступки в Северном Китае, поскольку японские власти тогда одержали бы очередную дипломатическую победу.

Японское руководство в лице премьер-министра Канозэ и министра иностранных дел Хироты сделало ряд заявлений об отсутствии территориальных претензий к Китаю, о стремлении к культурному развитию Восточной Азии и о нежелании войны.

Нанкин подтвердил, что с целью избежать дальнейших проблем генералу Сун Чжэюаню поручено командование правительственными войсками, которые недавно вступили в Хэбэй и были сосредоточены в окрестности Баодинфу. На него была возложена ответственность за решение этой

¹⁰¹¹ New ominous moves by Japan ...

¹⁰¹² Japan threatens to insist Chinese quit South Hopei // The New York Times. 1937. Jul 24. P. 1.

¹⁰¹³ Settlement in N. China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 24. P. 14.

проблемы, поскольку именно он контролировал большую и хорошо укомплектованную и дисциплинированную армию¹⁰¹⁴. Японцы заявили, что Сун Чжэюань обязан был вывести войска 29-й армии из прилежащей к Пекину территории. Однако военнослужащие армии отказались покинуть район, поэтому японцы начали вытеснять китайские войска силой, им было оказано сопротивление, в итоге началась война.

28 июля 1937 г. отчеты с севера сообщили, что 800 военных 29-й армии, расквартированные вблизи стен Тунчжоу, были уничтожены в результате воздушных бомбардировок после отказа сдать оружие японцам. В другом докладе говорилось, что бои развернулись во второй половине дня рядом с Наньюанем, городком в непосредственной близости к югу от Пекина, где находилась одна бригада 37-й дивизии и другие военные. Чан Кайши поручил генералу Сун Чжэюаню отступить из Пекина и Тяньцзиня, чтобы избежать жертв среди гражданского населения этих городов, хотя многие расценивали это как тактический ход. Этот шаг означал, что он приступил к организации военных сил для контрудара¹⁰¹⁵, и, как следствие, началу боевых действий.

Мировая и китайская общественность продолжала воспринимать Японию вкупе с ее имперскими амбициями, подкрепленными меморандумом Танаки, «Двадцатью одним требованием», декларацией Амо, манифестом Тады и некоторыми другими актами, в которых четко обозначалась наступательная политика Японии. К тому же, если принц Коноэ был так заинтересован в развитии восточной культуры, что он мог найти для этого лучшие способы, чем бомбежка китайских городов. Китайцы говорили: «Мировая история не знала ситуации, при которой одна страна вторгалась в другую ради дружбы и сотрудничества с ней. Японское присутствие так просто не закончится: монголы оставались в Китае в течение ста лет, а маньчжуры – три столетия»¹⁰¹⁶. И хотя Пекин больше не был столицей Китая, он все еще

¹⁰¹⁴ More fighting. 800 Chinese killed by air bombs // The Times. 1937. Jul 28.

¹⁰¹⁵ A look around // Malaya Tribune. 1937. Jul 31. P. 10.

¹⁰¹⁶ The war in China //The Manchester Guardian. 1937. Jul 29. P. 8.

воспринимался местом Нефритового скипетра и Трона дракона, поэтому бомбардировка красных и желтых крыш Запретного города должна была рано или поздно вызвать в китайском обществе ответную реакцию.

Бесполезность дальнейших усилий Хэбэйско-Чахарского политического совета в убеждении прежде всего своего руководства в Нанкине по поддержанию мира становилась все более очевидной для всех. 19 августа агентство «Домей» опубликовало объявление японской стороны об упразднении Политического совета и о том, что данная структура будет заменена на новую, в состав которой войдут представители Хэбэя и Чахара. Ее первое заседание должно состояться в ближайшее время. Таким образом, последняя административная связь многомиллионного региона с Нанкином была разорвана, а контроль над ним перешел в руки японских военных¹⁰¹⁷, куда незамедлительно выдвинулась 11-я дивизия армии Маньчжоу-Го¹⁰¹⁸.

Новый орган должен был принять резолюцию, заявляющую возражение против ввода на территорию этих двух провинций войск «южных» территорий Китая, выражающую решимость защитить население провинций от ужасов войны и подтверждающую готовность установить дружеские отношения с «соседними странами»¹⁰¹⁹. В этой связи у ситуации было два исхода. Первый сводился к тому, что Сун Чжэюань останется верным Нанкину до конца и, даже имея реальную возможность предотвратить боевые действия, выполнит все указания Чан Кайши, пусть они и приведут к катастрофе (что в итоге и произошло). Второй вариант сводился к тому, что генерал перейдет на сторону японцев и выстроит ситуацию в регионе посредством создания очередного «Го» – подконтрольного Японии государства, объединяющего пока еще контролируемые им территории под названием Хэбэй-Го.

На тот период времени Япония имела около 1200 боевых самолетов, Китай – около 400, иное оснащение для сухопутной войны было гораздо

¹⁰¹⁷ Hopei-Chahar council suspended // The Times. 1937. Aug. 20.

¹⁰¹⁸ Japan's grip on N. China // The Manchester Guardian. 1937. Aug. 20. P. 9.

¹⁰¹⁹ New government in Hopei-Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Aug. 20.

совершенней, чем у Китая, который едва ли имел боееспособные танки, хотя в отношении артиллерии силы Китая и Японии были равны. Япония имела 2,8 млн полностью вооруженных и хорошо обученных солдат при почти 7 млн из числа гражданского населения Японии, получивших обязательную военную подготовку, тогда как Китай не имел резерва из числа обученных гражданских лиц, а его так называемые 2 млн солдат были выходцами из деревень или поспешно набранной и плохо вооруженной беднотой.

По мнению некитайских военных экспертов, китайская военная машина была далека не только от полной, но даже боевой готовности: не были отстроены отношения внутри армии, немецкие лафеты не подходили к чехословацким пушкам, французские патроны были бесполезны при английских винтовках, итальянские авиационные инструкторы не знали американских самолетов, российские инструкторы не понимали тактику или стратегию, которые следовало бы использовать в этой войне, а внутри командного состава не было единства духа, и редкие высокопоставленные военные командиры могли мыслить в терминах и категориях скоординированной работы. Японский премьер-министр хорошо знал эти цифры и также хорошо понимал, что Чан Кайши тоже трезво оценивает ситуацию. Но в итоге оба лидера осознавали, что в целом человеческие ресурсы Китая и природные богатства¹⁰²⁰, могущие быть использованными в войне, практически бесконечны¹⁰²¹. В итоге меры по предотвращению военного конфликта, предложенные Сун Чжэюанем, не получили одобрения со стороны официального Нанкина, что привело к полномасштабной войне, которая за первые 6 месяцев привела к захвату 400 тыс. миль² Северного Китая, где проживают 75 млн человек, а также 65 тыс. миль² в Центральном Китае с населением 40 млн человек¹⁰²².

¹⁰²⁰ *Dudin P., Husainov Z.* Quasi-States and Autonomies of Northeast China as the Instrument of Ensuring Economic Stability of Japan (Based on the Materials of the American Mass Media the 1930s) // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. № 8S. P. 102–106.

¹⁰²¹ Japan – China: Another Kuo? // *Time*. 1937. Jul 26.

¹⁰²² Suiyuan reports Mongolians' raids // *The New York Times*. 1938. Jan. 24.

Подводя итог, отметим, что в свете реализации скорректированного Доихарой плана автономизации Хэбэйско-Чахарская автономия, наравне с автономией Восточного Хэбэя, должна была служить для японской стороны определенной компенсацией усилий ее представителей и демонстрацией того, что план по отделению Северного Китая и выведению его из-под влияния Нанкина хоть и изменился, но сохранил свое принципиальное значения. И если Восточный Хэбэй служил своеобразным раздражающим фактором для официального Нанкина, предметом торга и взаимных уступок, то автономия Хэбэя и Чахара должна была выступать как демонстрация возможности для согласования позиций и способности находить компромисс.

Рассмотренные модели показали свою схожесть как с точки зрения их конструирования и развития, так и с точки зрения внутренней политики, опирающейся на эффективные финансово-экономические, логистические и идеологические инструменты. Обе модели имели целостную политическую организацию, четко очерченные границы, набор общих признаков, свойственных политиям подобного рода, определенную самостоятельность в решении некоторых вопросов и схожий статус, не позволявший им претендовать на независимость.

Обе модели на начальном этапе своего существования показали способность к обеспечению порядка на своей территории, что, с одной стороны, было привычным делом для фактически распавшегося к середине 1930-х гг. Китая с его местными генералами и самостийными провинциальными правительствами, с другой – служило демонстрацией слабости властного центра в лице Нанкина и требовало от региональных элит переориентации на другой властный центр – Японию и ее сателлит Маньчжоу-Го, а для себя – выстраивания более эффективных институтов по аналогии с маньчжурскими и монгольскими. Крайне важными здесь нам видятся два аспекта: первый – это стремление японской стороны не только к диалогу, но и установлению порядка посредством различного рода соглашений, закрепляющих нормы, приемлемые для трех сторон: своей, нанкинской и

местной. Второй аспект – опора на местные элиты, которые (а не японские военные, например) и встают во главе новых политий. Им отводилась особая роль и значение в вопросе стабилизации ситуации в регионе: в Восточном Хэбэе – известному функционеру генералу Инь Жугэну, а в Хэбэйско-Чахарской автономии – не менее авторитетному и эффективному управленцу генералу Сун Чжэюаню. Разница между ними заключалась лишь в том, что если первый войдет в современную историю как коллаборационист, подвергнутый суду и заслуживший суровое и справедливое наказание после окончания войны, то второй останется недооцененным ни современниками, ни потомками. При этом оба генерала вряд ли руководствовались какими-то корыстными или меркантильными мотивами, в связи с чем их ключевые решения были продиктованы желанием видеть свой регион успешным, процветающим и сильным, чего не могла обеспечить политика Гоминьдана. И, очевидно, отрицать факт того, что без их участия война началась бы раньше, а при их чуть больших полномочиях и чуть более доверительных отношениях с китайским руководством она не началась бы вовсе или значительно позже, отрицать нельзя.

Обе модели воспроизводят жесткий идеологический контент в виде антикоммунистической доктрины и практики, а также обновленного восприятия места и роли Японии в регионе. Этот контент не только включается в различного рода соглашения и пакты, но и становится лейтмотивом в работе со СМИ, с педагогическим составом учебных заведений, профессурой и студентами, авторами учебных изданий и т. д. Не пройдет и двух лет, как он обретет глобальный масштаб и превратится в идеологию Азиатской федерации, в конструировании которой будут задействованы более десятка государств Восточной Азии, а в основу перестройки государственного и правового механизма самих этих стран будут положены уже упоминаемые и отчасти исследованные нами маньчжурская монархическая и монгольская республиканская модели, доказавшие свою надежность и эффективность.

Наконец, одним из выведенных нами свойств регионального политического порядка в Восточной Азии выступает динамизм тех процессов, в которых развивается политическая организация. В связи с этим констатируем, что динамизм исследованных нами процессов по конструированию как первой, так и второй модели автономии привел регион к следующему этапу своего развития – формированию полноценных государственных институтов со всеми присущими государству атрибутами. В ракурсе нашего исследования сделаем оговорку, что, безусловно, большинством признаков и свойств государственности, упомянутых в параграфе 1.3, изученные автономии не обладали, равно как и не стремились к политическому обособлению ни в пределах Китайской Республики, ни с приходом японцев: даже Восточный Хэбэй сформировал политическую оппозицию Инь Жугэну, когда его риторика стала толкать автономию к независимости. В случае же с Хэбэйско-Чахарской автономией, то независимость была навязываемая лишь частью японского военного командования и не поддерживалась Токио, поэтому не приводила и не могла привести ее к образованию независимого государства, очередного Го (по аналогии с Маньчжоу-Го и Монгол-Го).

Однако этого и не требовалось. В период 1935–1937 гг. необходима была опорная база, которую Япония и построила, успешно используя местные ресурсы и не прибегая к военным мерам. Вера военного командования Квантунской армии в свое предназначение, совершаемое благо, борьбу со злом, в том числе и для китайского народа, избавление его от врагов и бандитов в лице некомпетентного руководства Гоминьдана – важнейший элемент построения буферной государственности на севере Китая на всем этапе ее короткой, но знаковой истории.

Нельзя не отметить, что север, его население и администрация всегда ощущали свою особенность в отношении иных территорий и провинций Китая, продиктованную ощущением столичности из-за близости Пекина, и способностью контроля ключевых государственных ресурсов длительное

время в имперский и бэйянский период. Таким образом, имелся потенциальный запрос на государственность севера, который мог быть реализован либо в качестве одного из упомянутых в параграфе 2.3 сценария, либо в ином формате, но не использованный японской стороной по объективным причинам.

К этому добавлялась явная корыстность и некомпетентность представителей нанкинской администрации, которая зачастую для перехода китайских граждан в стан противника делала куда больше и действовала куда эффективней, чем любые, даже самые профессиональные японские агитаторы. Делали свое дело и неспешность, и половинчатость в принятии решений, а также фактор того, что зачастую и губернаторы, и высший командный состав региона, и сами жители провинций оставались наедине со своими проблемами, которые официальный Нанкин не мог или не хотел решать. В итоге буферные автономии должны были выступать как этап в формировании полноценной государственности региона и они с этой задачей справились.

ГЛАВА 4. БУФЕРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК СЕВЕРНОГО И ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В 1937–1945 ГГ.

4.1. Временное правительство Китайской Республики и буферная государственность Северного Китая

Попытки японцев выстроить в Северном Китае национальное государство были обречены на неудачу, и это прекрасно понимали прежде всего сами японцы. Поэтому их изначальные планы сводились к созданию сети буферных автономий, отрезающих нанкинское руководство от экономических провинций Северного и Северо-Восточного Китая. К весне 1937 г. эта задача была выполнена: под более или менее устойчивым контролем японцев оказываются провинции Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, Хэнань и Цзянсу, представляющие собой арену для будущих политических маневров. Однако дальнейшие события, поставившие Японию и Китай в условия неминуемых военных действий, заставили командование Квантунской армии пересмотреть стратегию своего присутствия в регионе и навязать ее новое видение официальному Токио.

На повестке дня возникает задача обеспечить для себя экономический контроль над самой богатой частью обширных китайских прибрежных территорий, значительный интерес к которым больше века имели и западные державы. Но к лету 1937 г. для изменения и этой диспозиции созрели необходимые условия: в Европе нарастает кризис, Советская Россия переживает период внутренней борьбы и репрессий, а силы Красной армии, неспособной на интервенцию в Северный Китай, проверены инцидентом на Амуре.

Но есть опасность внутри Китая: если Японии занять выжидательную позицию, то все приготовления могут быть уничтожены волной нарождающегося национализма¹⁰²³.

Китай постепенно набирает силу и через 5 лет она может оказаться непреодолимой, к тому же всегда существовала опасность союза с коммунистами и создание объединенного фронта.

Поэтому японские военные приступают к обсуждению создания единого режима, способного не только к занятию доминирующего положения внутри Китая силовыми методами, но и к своей легитимации в глазах международного сообщества: опыт Маньчжоу-Го многому научил японское руководство. Сосредоточим свое внимание на основных этапах реализации этого плана и его ключевых направлениях.

Первый этап начинается с весны-лета 1936 г., когда свою эффективность доказала Хэбэйско-Чахарская автономия, поэтому в составе новой китайской администрации должны были быть представлены Инь Жугэн, Ши Юйсян, Пэй Чунью, Гао Линвэй, Ван Итан, Ли Шибо, Лю Чунью и некоторые другие представители основного костяка Хэбэйско-Чахарского политического совета. Было принято решение, что Ши Юйсян направит свою так называемую антикоммунистическую автономную армию для создания беспорядков в демилитаризованной зоне, а занятая японцами территория – поставлена под контроль нового правительства.

Вслед за этим Пэй Чунью был командирован в Чанчунь для консультаций с генералом Уэдой о формировании единой армии. За день до того, 17 июня 1936 г., в Тяньцзине была озвучена угроза о военных беспорядках с участием генерала Чан Чичуна, принявшего на себя обязанности мэра и предупредившего население города о подготовке к эвакуации, после чего многие жители с семьями, опасаясь неприятностей перед Фестивалем лодок-драконов, укрылись на территории британских и французских концессий¹⁰²⁴:

¹⁰²³ North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 13. P. 10.

¹⁰²⁴ Puppet State in North China? // Malaya Tribune. 1936. Jun 18. P. 11.

как мы помним из вышеизложенного, иностранные концессии служили эффективным средством для укрытия антияпонских китайских элементов.

С началом полномасштабных военных действий в июле 1937 г. Япония имела достаточно ресурсов и в основном проводила политику борьбы с силами Чан Кайши военными средствами – сосредоточение превосходящих по численности резервов и посредством этого уничтожение основных сил гоминьдановской армии, чтобы заставить Нанкин следом за Пекином сдаться. Соотношение сил в Северном Китае представляло собой 180 тыс. японских военных и, по крайней мере, 400 тыс. военных со стороны Китая. Японцы энергично продвигались к югу и западу вдоль трех направлений железной дороги из Пекина, в итоге к 10 сентября 1937 г. сражения происходили в 35 милях к югу от Тяньцзиня¹⁰²⁵. Осознавая скорую победу, в конце июля 1937 г. в Пекине была организована конференция по вопросам обеспечения безопасности в районе столицы во главе с Цзян Чаозуном, а в начале августа аналогичная конференция во главе с Гао Лингвэем проведена в Тяньцзине.

Чтобы окончательно нарушить политическое единство Китая и ослабить военную власть, японцы полагались в основном на военно-морскую блокаду и воздушные бомбардировки: в то время как флот патрулировал побережье и блокировал устье больших рек, военно-воздушные силы безжалостно бомбили большие города в зоне боевых действий. В этих набегах военные цели были менее важными, чем центры правительственной связи и другие подобные объекты, а также уязвимость гражданского населения, поэтому в качестве методов были выбраны налеты и разрушения, а не завоевание, а японская армия играла небольшую роль. Поскольку японцы намеревались использовать эту территорию в дальнейших шагах по продвижению вглубь континента¹⁰²⁶, то они старались наносить не больше ущерба инфраструктуре регионе, чем это было необходимо. Уже к 22 октября 1937 г. японцы установили внешний контроль почтовых отделений в регионе, 12 японских советников были

¹⁰²⁵ Japanese advance in North China // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 11. P. 16.

¹⁰²⁶ The dual war // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 1. P. 10.

определены в почтовые отделения Пекина и Тяньцзиня, организовано прямое воздушное почтовое сообщение между Тяньцзинем и Японией через Дайрен¹⁰²⁷. Таким образом, управление над этой частью Китая было как экономическое, так и военное, и настала пора завершить его политическую составляющую.

Поскольку главным итогом весенне-осенней военной кампании должно было стать образование единой буферной территории, то японская сторона всерьез взялась за обсуждение плана создания Временного правительства Китая и формирования под его эгидой собственных, альтернативных Нанкинскому правительству, политических институтов, символическим апогеем чего должны были стать церемонии легитимации в Запретном городе в Пекине. Дело в том, что еще весной 1933 г. японцы чуть было не взяли бывшую столицу Китая: уже к середине мая они вплотную подошли к Великой стене и только достигнутое перемирие спасло оба государства от угрозы захвата города. С одной стороны, разбитые китайские военные концентрировались в городе, была спешно организована их отправка поездом из зоны боевых действий и защищать город было некому. С другой – японские военные не горели желанием брать город и взваливать на себя решение проблем 1 млн жителей Пекина. Таким образом, перемирие спасло японцев от неудобного успеха, а китайцев – полной катастрофы¹⁰²⁸. Сейчас ситуация изменилась. Японцы готовы были и к занятию города, и созданию на подконтрольных территориях новых политических формирований.

В состав Временного правительства должны были войти в основном пожилые государственные деятели и военачальники бывшей (до-гоминьдановской) Китайской Республики, а «главным архитектором» новой политики стал генерал-майор Сэйити Кита, который 4 сентября 1937 г. назначен главой секретной службы командующего вооруженными силами в Северном Китае. Эта служба была призвана контролировать создаваемый политический

¹⁰²⁷ Japanese plans for North China // The Times. 1937. Oct. 23.

¹⁰²⁸ At the gates of Peking // Ibid. 1933. May 26.

механизм Северного Китая, а Сейит Кита вплоть до марта 1940 г. оставался настоящим правителем севера¹⁰²⁹ и последним, вслед за Кэндзи Доихарой, кандидатом на гордый титул азиатского Лоуренса.

Предтечей провозглашения Временного правительства стало создание Народной ассоциации Китайской Республики, инициированное японской стороной, целью которого было поддержание нового политического режима в глазах широких масс населения провинций Шаньси, Хэбэй, Хэнань, Шаньдун и городах Пекин и Тяньцзинь, развитие промышленности, продвижение восточной морали и культуры и участие в антикоммунистическом альянсе. Штаб-квартира базировалась в Пекине, одновременно появились различные профессиональные и региональные отделения, к деятельности подключались общественные организации и клубы. Во главе организации были поставлены Ван Кэминь и Ян Бинь.

По оценкам экспертов, новая администрация имела потенциал для наибольшего влияния на весь Северный Китай и долину Янцзы¹⁰³⁰. Создание Временного правительства Китайской Республики было призвано заменить собой правительство в Нанкине, о чем заявил Тан Эрхэ в официальной прокламации, в которой, среди прочего, говорилось, что новая администрация ставит перед собой цель отменить однопартийную систему, принять все меры для борьбы с коммунизмом, наладить дружественные отношения с соседними странами для укрепления восточноазиатских моральных принципов и развитие ведущих отраслей промышленности. Пекин был объявлен столицей нового правительства, к которому добавилось Автономное правительство Восточного Хэбэя и ожидалось присоединение властей провинций Шанси, Хэнань и северных территорий Шаньдуна.

В декабре 1937 г. поддержку со стороны высшего руководства Японии взялся обеспечить премьер-министр принц Фумимаро Коноэ, выступивший с длинным заявлением о падении китайской столицы. В ходе выступления он

¹⁰²⁹ Nanking again bombed // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 22. P. 16.

¹⁰³⁰ New Republic of China // Malaya Tribune. 1937. Dec. 15. P. 11.

предложил принять конкретные меры для существования и процветания Китая при новом и надлежащем управлении, могущем возникнуть после краха режима в Нанкине. Проанализировав ход событий со времени начала военных действий и отдав дань уважения вооруженным силам Японии, он заявил: «Правительство Нанкина было сведено к местному военному управлению, которое не показало никаких признаков пересмотра его ошибочной политики и отказалось принять ответственность за последствия его антияпонской позиции. Япония должна пересмотреть свою китайскую политику и не смягчать наказание в отношении антияпонской администрации и армий. Мир сейчас находится в периоде перемен. В свете этой мировой тенденции национальное строительство Китая будет успешным только на основе дружественного сотрудничества с Японией. Такой новый Китай будет служить для защиты иностранных интересов на Дальнем Востоке. Падение Нанкина является лишь прелюдией к решению китайского вопроса и знаменует начало реальных и затяжных боевых действий. Иностранные державы, безусловно, поймут позицию Японии как стабилизирующей силы Восточной Азии»¹⁰³¹. С заявлениями в подобном тоне выступили также несколько высокопоставленных военных, морских и политических деятелей, общий фон которых сводился к тому, что военные действия в Северном Китае ясно продемонстрировали миссию Японии стабилизировать условия в Восточной Азии, поэтому она решительно должна стремиться помочь Северному Китаю установить новое правительство, полностью отличающееся от состава гоминьдановского режима, и призвано в конечном счете стать центральным правительством страны, тогда как японские власти полны решимости реализовать в Северном Китае свою программу, а огромные жертвы, принесенные Японией в текущих военных действиях, будут бесполезными, если это не будет выполнено.

¹⁰³¹ Japan Now Expects A Long War // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Dec. 25. P. 9.

В итоге 24 декабря 1937 г. на заседании Кабинета министров Японии был принят документ под названием «Основополагающие основы политики борьбы с военным сопротивлением в Китае», в котором прозвучала идея об игнорировании мнения правительства Чан Кайши как нелегитимного в случае, если оно не будет согласно на мир. Для преодоления противостояния со стороны Нанкина предлагалось создать новое центральное правительство возможного отдельного государства на севере Китая¹⁰³² и уже с ним подписать соглашение о налаживании дипломатических отношений между двумя странами. В январе 1938 г. Японское правительство публично выступило с заявлением, что страна не будет тратить основные силы на борьбу с бывшим национальным правительством Чан Кайши, сосредоточившись, таким образом, на укреплении создаваемых ей режимов на занятых территориях и их объединении с опорой на Маньчжоу-Го¹⁰³³. Предлагалось опираться на местные силы и ресурсы, в том числе и политические, поэтому в большинстве случаев лидерами режимов становились местные известные личности, которые зачастую не отличались примерным поведением и хорошей репутацией в предыдущую эпоху, а иногда это были обычные бандиты и мародеры, которые использовали слабость Центрального правительства и центробежные тенденции провинциальных властей в своих интересах.

Таким образом, к зиме 1937–1938 гг. созрели все необходимые внешние условия для институционализации новой политической структуры и придания ей международно-правового статуса, что и знаменует собой начало второго этапа развития этой буферной государственности.

Временное правительство Китайской Республики в Пекине многими было воспринято именно как та самая правильная администрация, о которой говорил Коноэ, однако Токио пока воздерживался от признания этого правительства *де-юре*. Разочарование в среде коллаборационистов ощущалось и в связи с тем, что японская сторона не смогла пока обеспечить поддержку

¹⁰³² Great battle for shanghai continues // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 26. P. 14.

¹⁰³³ Eventful year in Japan // The Observer. 1938. Jan. 2. P. 10.

многих жаждущих перейти на сторону Японии китайских лидеров. Поэтому сначала необходимо было решать организационные и кадровые вопросы.

В структуре Временного правительства были созданы три Юаня: административный, политический и судебный. Административный возглавил Ван Кэминь. Личность этого политического деятеля вызывает неподдельный интерес по ряду причин, но прежде всего – как крупного государственного функционера, перешедшего на сторону неприятеля. Причины этого, на наш взгляд, кроются, отчасти, в том, что он в молодости, как и большинство его соратников по коллаборационистскому лагерю, отправился в Японию, где обучался и служил на различных должностях, впитывая культуру и ценности этой страны. Вернувшись домой, продолжил дипломатическую карьеру в Министерстве иностранных дел, а в 1908 г. возглавил Департамент иностранных дел провинции Чжили (Хэбэй). В 1913 г. отправился во Францию и вернулся в Китай в качестве директора Китайско-французского промышленного банка, а в 1917 г. стал президентом Банка Китая и ненадолго – министром финансов во Временном кабинете Ван Шичжэня (до февраля 1918 г.), продолжив затем карьеру в банковском секторе. В 1923 г. снова ненадолго занял пост министра финансов в Кабинете Гао Линвэя, проработав на нем около недели, но вернулся на пост в 1924 г. по решению президента Цао Куня, опять же на очень короткое время. В период президентства Чжан Цзолиня был членом Комитета по таможенным вопросам. После прихода к власти Гоминьдана удалился на север, работая на финансовых должностях, а в июне 1935 г. назначен мэром Тяньцзиня. С установлением Временного правительства Ван Кэминь утвержден председателем Административного Юаня и административного департамента в структуре этого Юаня, а также постоянным членом Политического Юаня, став фактическим главой правительства и верховным лидером новой политики. В следующем году он начал переговоры с Лян Хунчжи, который основал Реформаторское правительство Китая по слиянию двух режимов. 22 сентября 1938 г. возглавил Объединенный комитет правительств Китайской Республики, а в июне 1939 г.

начал переговоры с Ван Цзинвэем о консолидации всех антигоминьдановских сил и достиг в этом успеха. С образованием в 1940 г. Национального правительства Китайской Республики возглавил Административный комитет Северного Китая, а также занимал ряд других государственных должностей. 6 декабря 1945 г. Ван Кэминь был арестован, помещен в тюрьму предателей и умер или из-за болезни, или в результате самоубийства.

Председателем Политического Юаня и начальником Департамента образования стал Тан Эрхэ, окончивший Японский имперский университет в Токио, равно как и глава Судебного Юаня Дон Кан. На тот момент Тан Эрхэ уже перешагнул 60-летний рубеж и имел богатый послужной список и заслуженный авторитет. Прожив длительное время в Японии, после своего возвращения на родину доктор Тан был назначен президентом Государственного медицинского колледжа в Пекине. Позже он поочередно занимал посты министра образования, внутренних дел и финансов, а также генерального директора Управления соляными промыслами в правительстве Китайской Республики, служил в качестве редактора журнала «Независимый критик», известного еженедельника, издаваемого в Пекине под общей редакцией доктора Ху Ши, автор нескольких научных работ по медицинской науке на китайском языке.

В состав Административного Юаня входили четыре департамента – Административный, который, как уже было сказано, возглавил Ван Кэминь; Департамент безопасности, который возглавил Ци Циюань, явившийся одновременно главнокомандующим армией Северного Китая; Правовой департамент во главе с выпускником юридического факультета Токийского императорского университета, бывшим министром юстиции и внутренних дел Бэйянского правительства Чжу Шэном; и Департамент финансов во главе с Ван Итаном, который также возглавил созданный позднее Департамент внутренних дел. Через некоторое время был образован Департамент промышленности, который возглавил Ван Йинтай. Бывший 2-недельный премьер-министр в июне 1917 г. Цзян Чаоцзун стал мэром Пекина, а бывший

президент Китая Гао Линвэй – мэром Тяньцзиня с одновременным исполнением обязанностей премьер-министра. Правительство Японии делегировало трех старших советников: по административным, правовым и военным вопросам, а также 15 помощников в министерства и ведомства. Сразу же после своего утверждения в текущем составе весь состав Временного правительства отправился на поезде в Тяньцзинь, чтобы поблагодарить главнокомандующего Северо-Китайским фронтом генерала Хисаити Тэраути за его помощь в создании нового режима – своеобразный церемониал коленопреклонений.

А гражданские власти Японии тем временем искали способ остановить военные действия или минимизировать их ущерб, поскольку ясно осознавали катастрофические последствия войны для слабой экономикой Японии. К тому же на данном этапе новая буферная политика столкнулась с той проблемой, которая японская сторона старалась всеми силами избежать – международное сообщество в лице ряда западных держав, имеющих наибольший экономический интерес в регионе, проявило, наконец, ту активность, которой не наблюдалось при создании автономии Восточного Хэбэя и Хэбэйско-Чахарской.

Как уже упоминалось, гражданские власти Японии с началом обострения ситуации на северо-востоке были обеспокоены мировой реакцией на дальнейшее завоевание Китая. Ее интересы затрагивали не только китайскую сторону, но и других участников экономических отношений в регионе. Так, определенные коммерческие интересы имели британцы, которым принадлежали горнорудные шахты, чья судьба оказалась в подвешенном состоянии и на которые свои претензии высказало руководство Восточного Хэбэя.

Советники императора Хирохито всерьез опасались возможного международного экономического бойкота Японии, но ситуация предполагалась аналогично той, как развивались события между Италией и Лигой наций в отношении Эфиопии. Напомним: французская сторона по

урегулированию итало-эфиопской войны, ошибочно подпитывая веру императора Абиссинии в то, что Лига наций поддержит его, если он проявит стойкость в отказе от предложений итальянского руководства по уступке некоторых территорий и т. д., предпринимала меры или высказывала предложения, не учитывающие реальные события. К чему это привело – известная история. В итоге итальянцы провели быстротечную кампанию, которую Лига наций не смогла остановить, и к моменту описываемых в настоящем параграфе событий уже контролировали эфиопские территории на севере, востоке и юге. Местные жители надеялись на нефтяные санкции, которые могли быть наложены на Италию в начале 1936 г., но уже тогда было ясно, что Франция не согласна с этой идеей, равно как и Великобритания не была заинтересована в углублении конфликта¹⁰³⁴, поэтому Абиссинию Италии фактически простили. Ситуация в Китае разворачивалась по схожему сценарию. Из западных держав, располагающих интересами в регионе, позиции трех из них имели определяющее значение: Великобритания, США и Германия. Рассмотрим их.

Позиция Великобритании. Аналогично французам в отношении Эфиопии, Великобритания рекомендовала Чан Кайши твердо стоять на своем и предотвратить разделение провинций Северного Китая, давая надежду на свою защиту и мотивируя позицию тем, что любой новый режим в этом регионе будет контролируемым Японией¹⁰³⁵ и, соответственно, создает угрозу Нанкину. Полный захват этой области японцами имел бы негативные последствия для британцев во всем мире¹⁰³⁶, поэтому едва речь зашла об отделении, Великобритания высказалась резко против учреждения подобного статуса и сумела уверить китайскую сторону в том, что у нее нет намерения видеть проникновение Японии в Тихоокеанскую экономическую зону¹⁰³⁷. Позже министр иностранных дел Великобритании Сэмюэль Хор заявил, что

¹⁰³⁴ A look around // Malaya Tribune. 1935. Dec. 14. P. 12.

¹⁰³⁵ Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1–2.

¹⁰³⁶ Double-dealing with China // The Washington Post. 1935. Nov. 30. P. 8.

¹⁰³⁷ British foil China coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 22. P. 3.

влияние Японии на движение за самостоятельность региона может только навредить престижу этой страны¹⁰³⁸, что весьма холодно отзывалось в среде японской дипломатии и, в свою очередь, раздражало чиновников на Даунинг-стрит и заставляло их вести подготовку общественного мнения против Японии¹⁰³⁹. Однако дальше этих заявлений внешняя политика Великобритании не заходила, в чем ее упрекали наблюдатели, предрекая в дальнейшем ситуацию, схожую в Европе в 1938–1939 гг. При этом еще 19 ноября 1935 г. британский посол Рональд Линдсей встречался с заместителем государственного секретаря Уильямом Филлипсом и озвучил положения, муссировавшиеся в прессе: обе страны имели большие инвестиции и бизнес-интересы, которые могли быть затронуты японским влиянием на экономические и бюджетные дела в Северном Китае.

Но эта европейская страна на тот момент не планировала активного участия или вмешательства, за исключением принятия мер для защиты жизни и имущества своих граждан. В письме редактору «Манчестер Гардиан» приводились данные, согласно которым число британских войск в Северном Китае на июль 1937 г. составлял 1007 человек, включая 252 сотрудника охраны Британской дипломатической миссии. Численность французских войск, размещенных в Хэбэе, колебалась от 1700 до 1900 человек, большая часть которых располагалась в Тяньцзине, помимо этого 1600 человек рядового и 60 человек офицерского составов были рассредоточены между городами Шанхайшуань, Цинхуандао, Тангу и Пекином, в число которых входили 120 сотрудников охраны Французского посольства. Япония, как и все державы, подписавшие Боксерское соглашение 1900 г. и протокол к нему 1901 г., была наделена правом на размещение своих войск в определенных пунктах в Северном Китае. Пекин и Тяньцзинь относились к числу таких пунктов. Договорами не было оговорено предельное число войск, разрешенных для размещения каждой из отдельных держав, но был предусмотрен общий

¹⁰³⁸ World warned that U.S. frowns on move for autonomy // The Washington Post. 1935. Dec. 6. P. 1–2.

¹⁰³⁹ Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // The Times. 1937. Aug. 26.

максимум в 8200 человек, который неоднократно превышался во время кризисных моментов, которых в Китае в последнее время было много. Автор письма указывал, что на начало июля 1937 г. число японских войск в Северном Китае составляла примерно 7 тыс. человек¹⁰⁴⁰. Таким образом, японский военный контингент в Северном Китае, вкуче с войсками других держав, согласно соглашению и протоколу по итогам Боксерского восстания 1900–1901 гг., превышал оговоренные условия.

Договорами также учитывалось право проведения полевых учений и использование в своем арсенале винтовок, но естественно, не предусматривалось права осуществлять крупномасштабные маневры в регионе. В совокупности эти факторы, время от времени вспыхивающие провокации со стороны китайских жителей, а также подписанный за прошедшее с 1932 г. время властями в Северном Китае ряд секретных соглашений с командующими японской армии также существенно ускорили приближение войны. Официальные тексты этих документов на тот момент не были опубликованы, но было известно, что они допустили в отношении японской стороны значительные привилегии в Северном Китае. На этом основании Японское правительство могло требовать определенных преимуществ, которые, безусловно, вписывались в рамки Договора девяти держав, но оставались незаконными в глазах остального мира.

Позиция США. В 1935 г. в Хьюстоне состоялся съезд Национального совета внешней торговли США, на котором выступил генерал-губернатор Филиппин и американский посол в Японии Уильям Кэмерон Форбс, который недавно вернулся из Китая после долгого путешествия и рассказал делегатам съезда, что в интересах США нужно проводить более энергичную торговую политику на Дальнем Востоке¹⁰⁴¹. В итоге администрация Рузвельта предупредила Японское правительство, что считает экспансионистскую политику Японии на Азиатском материке противоречащей Договору девяти

¹⁰⁴⁰ Letters to the editor // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 16. P. 7.

¹⁰⁴¹ American watch on events. British ambassador's call // The Times. 1935. Nov. 20.

держав¹⁰⁴². Но на этом и американская активность угасает. Правительство США относилось с некоторым опасением к движению за автономию в Северном Китае, которое в целом воспринималось им как политика расширения японской сферы влияния к югу от Великой стены. Пекин, где находилось Американское посольство, и Тяньцзинь, важный порт Северного Китая, где всегда присутствовали американские интересы, до поры до времени не были втянуты в этот процесс. Соединенные Штаты имели войска в Тяньцзине и их статус в рамках нового режима, контролируемого Японией, оставался неясным. Два батальона 15-й пехотной дивизии США были размещены в основном северном китайском портовом городе, где последние крупные японские передвижения войск произошли одновременно с автономистской кампанией в регионе. Наличие военных на китайской земле, равно как и других иностранных отрядов, допускалось в соответствии с протоколом, подписанным в 1901 г. Китаем и США, Японией, Великобританией, Францией, Бельгией, Италией, Нидерландами и Португалией после того, как возникла необходимость прийти на помощь своим гражданам во время Боксерского восстания, а позднее – охранять железную дорогу из Пекина к морю. Батальоны 15-й пехотной дивизии включали в себя 48 офицеров, 2 прапорщиков и 700 нижних чинов под командованием полковника Джорджа А. Линча, уроженца штата Айова. В дополнение к этим силам, отряд морской пехоты от 500 до 600 человек дислоцировался в Пекине как охрана посольства под командованием полковника Пресли М. Рикси-мл. из штата Вирджиния, в то время как более 1 тыс. морских пехотинцев составляли американскую часть международных поселений в Шанхае под командованием полковника Джона С. Бомонта из Вашингтона. Азиатский флот под командованием контр-адмирала Орина С. Мартина был расквартирован в Маниле, к этому добавлялись еще 6 патрульных канонерских лодок на р. Янцзы. Впечатление, преобладающее в

¹⁰⁴² U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov 25. P. 1–2.

среде американских военных, сводилось к тому, что независимо от осложнений, могущих возникнуть между противоборствующими китайскими политическими фракциями, японская армия, которая поддерживала автономистов, не будет препятствовать предотвращению любого инцидента. Поэтому представители Военного министерства США заявили, что *статус-кво* ими будет поддерживаться при любом сценарии. Но никаких инцидентов, которые могли бы вовлечь американских солдат в конфликт, не возникало, поэтому они участвовали совместно с военными подразделениями других иностранных государств в охране линии связи между Пекином и морем.

Между тем Пекин-Тяньцзиньская железная дорога перешла под полный контроль японской армии, которая уже принимала участие с войсками других стран в ее охране, поэтому не было никаких оснований для дальнейшего присутствия других иностранных войск в этой области¹⁰⁴³. Однако если в начале декабря 1935 г. Япония и остальные страны мира были поставлены в известность госсекретарем Халлом, что правительство Соединенных Штатов наблюдает за движением автономии в Северном Китае¹⁰⁴⁴, то спустя 6 месяцев американская риторика изменилась и события на Севере Китая представители США едва ли не в открытую называли процессом создания Японией нового Маньчжоу-Го¹⁰⁴⁵. В официальном заявлении, которое последовало за более резким предупреждением Японии в британской Палате общин, госсекретарь призвал все народы уважать существующие договоры. Договор девяти держав стал главным инструментом, которым руководствовалась американская политика на Дальнем Востоке. Хотя Япония не упоминалась в заявлении секретаря, «японская деятельность» отмечалась в предисловии, подчеркивая, что заявление было сделано в ответ на запрос корреспондентов¹⁰⁴⁶. Такие деликатные вопросы сделали дипломатов в Токио очень осторожными. Очевидно, что они хотели бы установить фактический контроль над этими

¹⁰⁴³ Future status of U.S. troops in North China is uncertain // The Washington Post. 1935. Nov. 29. P. 9.

¹⁰⁴⁴ America warns Japan on China autonomy moves // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 6. P. 1–2.

¹⁰⁴⁵ A new Manchukuo // Ibid. 1936. Jun 2. A4.

¹⁰⁴⁶ World warned that U. S. frowns on move for autonomy...

богатыми китайскими провинциями, не вызывая враждебности и не попирая открыто Договор девяти держав вообще и американские интересы, в частности.

Позиция Германии. Инаугурация Временного правительства позволила японскому послу Коваго сделать заявление, что отныне Японское правительство не будет признавать администрацию Чан Кайши в связи с тем, что она не может представлять всю китайскую нацию в целом. Официально власти Японии объявили о готовности рассматривать новый режим в Северном Китае как рождение нового правительства в Китае, представляющего волю народа и исправление гоминьдановского ошибочного курса. В связи с этим любопытна позиция Германии как одной из участниц будущей коалиции стран под названием «ось». Германия, которая должна была бы найти с новым режимом общий язык куда быстрее других западных держав, но сначала заняла позицию, при которой на фоне принятия гоминьдановским режимом новой Конституции, он оставался единственно легитимным. «Конституция нового правительства Китайской Республики, – говорилось в официальном коммюнике Германии, – не изменяет отношения Германии с генералом Чан Кайши, чье правительство по-прежнему считается единственным законным в Китае. Германия будет по-прежнему представлена перед правительством генерала Чан Кайши доктором Оскаром Трутманном, послом Германии в Китае»¹⁰⁴⁷. Но уже в конце февраля 1938 г. официальный Берлин заявил о том, что готов признать Маньчжоу-Го и в скором времени выполнил свое намерение. Незадолго до этого министр иностранных дел Японии Хирота сделал заявление, что «все сомнения относительно надежности Германии как соратника Японии по Антикоминтерновскому пакту необходимо развеять. Правительство Германии уже запретило прямой экспорт товаров в Китай и решило признать в ближайшее время Маньчжоу-Го»¹⁰⁴⁸.

¹⁰⁴⁷ Notes & Comments. The "Provisional Government" // Malaya Tribune. 1938. Jan. 18. P. 10.

¹⁰⁴⁸ Recognition of Manchukuo // Malaya Tribune. 1938. Feb. 21. P. 10.

Спустя год власти Маньчжоу-Го уже размещало в Пекине офис с тремя должностными лицами: специальным комиссаром по борьбе с Коминтерном и двумя помощниками, что явилось результатом договоренностей между правительством Маньчжоу-Го и Временным правительством Китайской Республики¹⁰⁴⁹. Японские информационные агентства на этой волне, переходя в режим информационного противостояния, сообщали, что Италия и Германия намерены полностью признать пекинское Временное правительство как единственно легитимное, поскольку обе страны уже признали Маньчжоу-Го. Другие источники выразили убежденность, что США Великобритания и Франция будут продолжать признавать нанкинский режим (к тому времени уже перебравшийся в Чунцин) в качестве законного правительства всего Китая, сохраняя лицо, но, поддерживать *de facto* контакт с пекинским режимом через свои посольства. Перед международным сообществом стояла сложная задача мирного урегулирования или полного прекращения китайско-японской войны.

Позиция Китая. Китайское же правительство старалось использовать ситуацию в своих интересах, по возможности рассорив Японию с европейскими державами. Так, один из лидеров Гоминьдана Ху Ханьмин в конце апреля 1934 г. уже заявлял, что Япония готовится потеснить интересы Великобритании, США и России в Китае, кроме того, подогревая идеи независимости Индии и Сиам и планируя «... сделать из Филиппин вторую Формозу»¹⁰⁵⁰. В то же время китайская сторона понимала, что надежды на Лигу наций были маловероятными, учитывая, что на западе Китая Советская Россия проводила схожую политику, усиливая свое влияние в Восточном Туркестане, правда, с меньшей публичностью, но с большими успехами и результативностью. В этих условиях все, что эта страна могла бы сделать для улучшения ситуации, – это выдвинуть условие в адрес отделяющихся провинций о признании ими своей доли внешнего долга Китая, погашая его за

¹⁰⁴⁹ Anti-Red agent for Peiping // The Straits Times. 1939. Apr. 15. P. 4.

¹⁰⁵⁰ Warning to powers // The Straits Times. Apr. 28. 1934. P. 11.

счет таможенных поступлений, хотя Маньчжоу-Го к тому времени уже отказалось от этих обязательств и все усилия отныне должны были быть направлены на недопущение повторения этого акта. Вторым требованием могло бы стать равенство возможностей в Северном Китае: политика «открытых дверей» в Маньчжоу-Го до сих пор буксовала¹⁰⁵¹, а это наносило серьезный ущерб для иностранной торговли.

Японская армия представила серию жестких и практически невыполнимых ответных требований к администрации Чан Кайши. Мирные условия были вручены представителям Чан Кайши через немецкого посла Оскара Траутмана при участии итальянцев и включали следующие требования: во-первых, заключение китайско-японского экономического соглашения, предоставляющего участие Японии в коммуникациях Китая, транспортном сообщении, таможенных отношениях и развитии природных ресурсов; во-вторых, приверженность Китая антикоминтерновским договоренностям; в-третьих, размещение постоянных японских гарнизонов в стратегически важных регионах Китая; в-четвертых, создание демилитаризированных зон в областях, определенных Японией; в-пятых, формирование независимого правительства во Внутренней Монголии; в-шестых, возмещение военных затрат, понесенных Японией. Расчет был сделан на то, что, если бы Гоминьдан отклонил эти требования, новый режим в Пекине провозгласил бы себя национальным правительством всего Китая и подписал бы эти условия. Определенной гарантией продолжения сопротивления японской агрессии и исполнения приказов Чан Кайши стало заявление, сделанное 29 сентября 1937 г. губернатором Шаньдуна генералом Хан Фучу¹⁰⁵², который опроверг слухи о том, что он собирался спасти свою провинцию от вторжения, присоединяясь к японским планам создать федерацию северных провинций. Более того, в генерале местные жители видели своего ярого защитника: ряд общественных организаций обратился к

¹⁰⁵¹ “Autonomy” in North China...

¹⁰⁵² Big battle in North China // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 30. P. 14.

Хан Фучу с просьбой защитить провинцию от японского террора¹⁰⁵³. Однако уже 15 октября 1937 г. появилось сообщение, что каждая из пяти северных провинций, которые являлись объектом агрессии Японии, оказалась занята японскими войсками. Шаньдун к северу от Хуанхэ также был в японских руках, но южная часть получила возможность передышки, поскольку японцы надеялись обеспечить от Хан Фучу хотя бы нейтралитет¹⁰⁵⁴. Чувствуя слабый авторитет японцев в среде северных губернаторов, руководство Китая в Чунцине решительно отклонило японские требования, которые на практике означали преобразование Китая в сферу влияния Японии.

И вот теперь перед новым государственным образованием во главе с Временным правительством Китая и его деятелями появилась сверхзадача – продемонстрировать свою полезность и необходимость в данном вопросе. За исключением последнего, все японские условия были им обещаны для скорейшего выполнения. Однако даже при этом благоприятном положении японцы продолжали испытывать трудности с тем, чтобы убедить важных политических деятелей предыдущих режимов либо присоединиться к ним, либо отойти от дел, а призывы генерала, командующего Северо-Китайским фронтом, Хасаити Тэраути к китайским гражданам подчиниться приказам японской армии неизбежно лишили новое правительство Ван Кэминя народного доверия, поэтому ему по-прежнему приходилось опираться на военную силу извне, которая оказывалась не так уже и эффективна.

Как и в случае с исследованными выше буферными автономиями, создание действенных военных институтов, не наносящих серьезного урона слабой экономике Японии и при сохранении международного баланса сил в регионе стало приоритетной задачей для японской стороны, однако добиться этого удалось лишь к июню 1939 г., когда Временное правительство решило организовать свою собственную регулярную армию. Пока же в установлении режима в Пекине армия придерживалась оппортунистической

¹⁰⁵³ Threat to provincial capitals // Ibid.. Oct. 14. P. 6.

¹⁰⁵⁴ The Chinese retreat // Ibid. Oct. 15. P. 10.

политики, выбрав среди влиятельных политиков севера наиболее лояльных Японии. Ее военные соединения предполагалось разместить во всех пунктах вдоль железных дорог Пекин – Ханькоу и Тяньцзинь – Пукоу. Они состояли из 20 тыс. бывших гоминьдановских солдат¹⁰⁵⁵, которые присягнули новому пекинскому режиму. К ним также примыкали соединения, действовавшие в различных регионах Северного Китая против коммунистов.

По оценкам зарубежных военных наблюдателей, с октября 1937 г. из Северного Китая было переброшено 75 тыс. японских войск для использования в других местах, до 200 тыс. человек – в Хэбэй, Шаньси и Северный Шаньдун, а японское продвижение в Центральный Китай по железной дороге Пекин – Ханькоу оказалось невозможным без крупных подкреплений и обеспечения безопасности на юге Шаньси. Однако с военной точки зрения достижения Японии в создании нового режима были менее убедительными, чем в Шанхае и Нанкине, где она все еще находилась на подъеме. В Западном Хэбэе и Шаньси японская армия стояла в обороне, недавно потеряв некоторую территорию за счет усиления китайской партизанской войны, против которой было трудно выстраивать длинную защиту. Тяньцзинь-Пукоуская железная дорога до Хуанхэ находилась в руках японцев, но контроль над железной дорогой Пекина – Ханькоу был нестабилен. Захватчики продвинулись на юг, окончательно закрепив за собой присутствие на севере Хэнани, но фактически контроль ограничивался только полосой пространства вдоль железной дороги шириной от 1 до 10 миль. Их гарнизоны подвигались нападению со стороны партизан, и хотя жертв было мало, нападения были регулярными. В некоторых случаях гарнизон предпочитал уйти с железной дороги в окруженные стеной города, поскольку к востоку от железной дороги создавалось множество свободно перемещаемых партизанских группировок, а к западу от железной дороги до Утайшаня вся территория от железной дороги находилась в руках китайских

¹⁰⁵⁵ Puppet Regime's Own Army // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 16. P. 2.

коммунистических войск, которые в районе Утайшаня создали правительство, почтовое отделение и даже стали выпускать собственные марки.

Китайские войска безуспешно пытались отстоять участок железной дороги Пекин – Ханькоу и Шаньси. В самой Шаньси японская позиция была далека от комфорта, а весь юг и запад провинции находились в руках китайцев. Несмотря на то что поход на Датун и захват Северо-Восточной Шаньси был успешно осуществлен, что обеспечило японский тыл и возможность продвижения на юг¹⁰⁵⁶, Тайюань был почти полностью разрушен бомбардировками, в результате чего на начало 1938 г. там проживали лишь 400 из 80 тыс. человек. Новое автономное правительство Шаньси на тот момент управляло этими 400 жителями.

Японский военный представитель подтвердил, что в Шаньси дислоцировалось слишком малое количество японских войск, чтобы держать под контролем большие территории и что их линия фронта была переведена в режим активной обороны. К середине декабря 1938 г. японцы захватили сначала Фупин, куда переехало правительство Шаньси, а затем и Утайшань, однако ввиду развертывания широкомасштабной партизанской войны эти меры результата не дали, поскольку правительство просто переехало из этого населенного пункта в другое место. Японцы оказались заложниками ситуации: если они уйдут, оставив маленький гарнизон, то он будет уничтожен, если они оставят большой гарнизон, то должны будут строить бараки, организовать подвоз еды, оружия и обмундирования, что несло за собой серьезные расходы. С китайской точки зрения, эта война была также и экономической. Китайской стороне будет трудно одержать окончательную победу, пока экономическое напряжение не ослабит японскую военную машину настолько, что ведение войны будет невозможным. Таким образом, партизаны определили себе задачу, чтобы препятствовать получению японцами любой экономической прибыли от севера, а для этого необходимо было разрушить японские

¹⁰⁵⁶ Biggest battle since The Great War // The Observer. 1937. Sep. 19. P. 17.

коммуникации¹⁰⁵⁷. Таким образом, финансово-экономическая сторона нового режима значилась даже куда более важной, чем военная, поэтому на этом аспекте деятельности Временного правительства остановимся более подробно.

Есть некий символизм в том, что внешнее оформление нового режима и новой политики в Пекине началось с принятия старого республиканского пятицветного флага, который люди были вынуждены держать во время церемонии инаугурации Временного правительства¹⁰⁵⁸. 16 декабря 1937 г. новый флаг был установлен на всех государственных учреждениях, включая и таможенную палату, на что японская сторона заявила об ожидании резкого оживления торговли в Северном Китае, поскольку специальные торговые правила для японцев теперь будут ликвидированы. В одном из своих первых выступлений в качестве нового лидера Ван Кэминь заявил, что ситуацию в области таможенных вопросов он взял под личный контроль¹⁰⁵⁹. Выражая высокую оценку нового режима, Таможенный комиссар в Тяньцзине г-н Майерс безоговорочно обеспечил мирную передачу местных таможенных дел Временному правительству Китая, которое, по его словам, будет выгодно Великобритании, защищая права британцев в этом регионе. Японская сторона высказала мнение, что выстроенная таможенная система Восточного Хэбэя должна быть ликвидирована одновременно с сокращением высоких тарифов на японские товары, в связи с чем агентство «Домей» в Пекине прогнозировало принятие тарифных ставок образца 1931 г. Агентство «Домей» в Шанхае объявило, что самое пристальное внимание будет уделено переговорам между Шанхайской таможней и японскими властями, инициировавшими пересмотр всех таможенных тарифов в регионе. Следовательно, экономическая сторона институционализации и ее

¹⁰⁵⁷ North China // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 14. P. 11.

¹⁰⁵⁸ Japan sets up new China government // The Straits Times. 1937. Dec. 15. P. 11.

¹⁰⁵⁹ N. China puppet state takes customs // Ibid. Dec. 17. P. 11.

таможенная составляющая были в числе приоритетов и у японцев. Однако таможенными инструментами дело не ограничивалось.

Еще в 1936 г. японская сторона планировала организовать скупку всех облигаций, принадлежащих иностранцам, и конвертацию их в собственные займы¹⁰⁶⁰. В свою очередь Китайская ассоциация производителей Шанхая объявила о начале всеобщего бойкота японской валюты и японских финансовых махинаций, которые противник использовал в качестве контрмеры против валютной реформы, проводимой Китайским правительством. Японская политика в этом вопросе была поддержана Японской торговой палатой в Шанхае, приступившая к увеличению объема японской валюты в регионе¹⁰⁶¹. С установлением Временного правительства условиями первостепенной важности для стабилизации экономики нового политического образования и укрепления позиций Японии на континенте могли стать, в первую очередь, унификация валютного обращения и стабилизация финансов на подконтрольных территориях¹⁰⁶². В связи с этим потребовались определенные меры правового и структурного характера по реорганизации финансовой системы в Северном Китае. При данных обстоятельствах первым шагом явилось создание 10 марта 1938 г. Федерального резервного банка Китая, вслед за чем была опубликована программа денежно-кредитной и финансовой политики нового правительства. О создании банка было объявлено 4 января 1938 г.¹⁰⁶³ и на него была возложена функция унификации валюты и финансового контроля в регионе¹⁰⁶⁴.

Вторжение японцев в Китай и регулярные попытки Японии подорвать ценность валюты Китая не принесли до этого момента желаемого эффекта: денежная система Китая оставалась относительно стабильной, что

¹⁰⁶⁰ North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 10. P. 11.

¹⁰⁶¹ Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 17. P. 1.

¹⁰⁶² Japanese start new bank in China // *Ibid.* 1938. Jan. 5. P. 2.

¹⁰⁶³ *Stop Press* // *Morning Tribune*. 1938. Jan. 5. P. 21.

¹⁰⁶⁴ *Central Bank* // *Morning Tribune*. 1938. Jan. 5. P. 12.

обеспечивалось участием США и других западных держав. Эксперты заявляли, что недавно объявленный грандиозный японский план по замене китайской валюты на банкноты, выпущенные Временным правительством в Пекине, вероятнее всего, провалится.

Япония предполагала создать блок государств, в границах которых иена будет иметь свободное хождение: Япония, Маньчжоу-Го и Внутренняя Монголия. На этом фоне создание Федерального резервного банка Китая замыкало бы всю цепочку обращения континентальной валюты и позволило бы контролировать денежный рынок на территории, находящейся под юрисдикцией Временного правительства Китайской Республики, в том числе и при расширении зоны влияния до Центрального и Южного Китая. Банк был капитализирован на уровне 50 млн юаней, половина средств которого должна была быть инвестирована новым режимом, а половина – существующими китайскими банками. Предполагалось, что все банки в Пекине и Тяньцзине со всеми резервами будут замкнуты на новом банке в качестве резерв-держателя, но оставался вопрос о паритете юаня с иеной, который хоть и провозглашался на данном этапе, но фактически не был исполним, а валютный обмен был запрещен везде, кроме самой Японии¹⁰⁶⁵. В этом отношении иена уже находилась под жестким ограничением и не соответствовала китайскому юаню, который в свою очередь не мог быть обеспечен ничем, кроме китайского серебра, и то не принадлежавшего банкам. Иными словами, новая валюта не имела обеспечения ни в Китае, ни в Японии, ее нельзя было использовать при покупке японских товаров, и, как следствие, никто не желал принимать такую валюту.

Для преодоления этой ситуации вторым шагом новых властей стало принятие Законов «О Федеральном резервном Банке Китая» (далее – Закон о Банке) и «Об обороте старой валюты» (далее – Закон об обороте). Были опубликованы Примечания к этим нормативным правовым актам (далее –

¹⁰⁶⁵ China's Monetary System // Malaya Tribune. 1938. Mar. 5. P. 16.

Примечания к Закону), которые регламентировали использование новой национальной валюты (далее – новый юань) в качестве единственного законного платежного средства. В отличие от него, старые банкноты, выпущенные банками в прежнее время (далее – старый юань), впоследствии были запрещены к обороту за исключением случаев, предусмотренных в законодательстве об обороте валюты.

Третьим шагом стала маркировка старых банкнот посредством штамповки с помощью красной печати с изображением иероглифов и соответствующей нумерации. Статьи 2 и 3 Закона об обороте на первоначальном этапе финансовой реформы позволяли использование старого юаня наравне с новым, но период его обращения был ограничен предусмотренным законом сроком. Так, статья 2 гласила, что банкноты, эмитированные как самим Банком Китая, так и региональными банками (Банком связи, который обслуживал Тяньцзинь, Циндао и Шаньдун, и Провинциальным банком Хэбэя, а позднее – Банком Восточного Хэбэя), могли находиться в обороте в течение 1 года со дня вступления в силу этого закона. Статья 3, в свою очередь, гласила, что банкноты, имевшие хождение в других провинциях (например Хэнань), продолжали обращение на севере страны в течение 3 месяцев¹⁰⁶⁶. Соотношение первого и второго номинала определялось 1:1. Таким образом, в первом случае после 10 марта 1939 г., а во втором – после 10 июня 1938 г. старые юани Временным правительством были запрещены.

Для того чтобы обеспечить приемлемый оборот, в два этапа была осуществлена девальвация: на первом в размере 10 %, произведенная 8 августа 1938 г., на втором – 30 %, произведенная 20 февраля 1939 г., что в сумме составило снижение стоимости нового юаня на 40 %. Так, 3 января 1939 г. был обнародован указ Временного правительства, который и предоставлял 50-дневный срок для перехода на новый режим, привязанный отныне к лунному

¹⁰⁶⁶ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China // Economic Review. Memoirs of the Department of Economics in the Imperial University of Kyoto. 1940. Vol. XV. P. 72.

календарю¹⁰⁶⁷. Однако в фактическом обороте с иностранными контрагентами старый и новый юань соотносились как 1:4¹⁰⁶⁸ и прежде всего это касалось иностранных концессий, что потребовало дальнейших мер для поддержки нового юаня.

В отношении других провинций региона действовали специальные валютные правила. Так, статус банкнот (*бяо*), выпущенных ранее Народным банком Шаньдуна, Провинциальным банком Шаньси, Банком местных железных дорог Шаньси и Суйюани, сельскохозяйственный банком «Суй-Си» и соляным банком Цзиньбэя (коллорационистский режим в Северной Шаньси в 1937–1939 гг.), регулировался статьей 4 Закона об обороте, которая гласила, что те денежные знаки, которые не были упомянуты в статьях 2 и 3, имеют хождение в течение 3 месяцев в соответствии с положениями, изложенными в статье 3, однако для указанных выше территорий имелись изъятия, изложенные в Примечаниях к Закону, в связи с отсутствием в гражданском праве норм и правил их обращения при отсутствии норм у банков-эмитентов.

Необходимость в снабжении Примечаний к Закону дополнениями в отношении Шаньси, Суйюани и Шаньдуна объяснялась тем, что ресурсы банков этих провинций были скудными и из-за длительного фактического простоя отсутствовала перспектива их повторного открытия и востребованности в обозримом будущем. В соответствии с упомянутыми выше статьями Закона об обороте курс их обмена соответствовал номиналу, т. е. 1:1. Однако он был явно завышен к реальной стоимости этих банкнот, что грозило серьезными проблемами для экономики региона¹⁰⁶⁹, в связи с чем было установлено, что они должны обменены на новый юань по отдельному курсу. Для этого 31 января 1939 г. был издан Указ Временного правительства «О корректировке валютных курсов» (далее – Указ о корректировке) для

¹⁰⁶⁷ Paul Einzig // World Finance. 1938–1939. P. 151–152.

¹⁰⁶⁸ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China ... P. 73.

¹⁰⁶⁹ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 80.

непосредственного применения статьи 4 Закона об обороте. Было установлено, что шаньдунский и шаньсийский бяо должны быть подлежать обмену наравне в размере 90 % первоначальной стоимости – до 19 февраля 1939 г., а после этой даты – в размере 60 % до полного запрета оборота старого юаня 10 марта 1939 г. С учетом того факта, что общий объем выпущенных в оборот бяо в Шаньси на исследуемый период достигал около 25 млн, а в Шаньдуне – 8 млн юаней и что период, предшествующий исполнению Указа о корректировке был чрезвычайно коротким, Временное правительство продлило льготный период 90 % до 10 марта 1939 г.

10 марта 1939 г., в первую годовщину создания Федерального резервного банка Китая, истек срок обращения старой китайской валюты на территории Северного Китая. Учитывая тот факт, что Банк Восточного Хэбэя взаимодействовал с Федеральным резервным и что его денежным знакам был присвоен статус, аналогичный новой валюте, было принято решение, что валюта Восточного Хэбэя может оставаться в обращении в пределах своей территории до 15 июня 1939 г. в соотношении к новым и старым юаням 1:1:1. Позже этот срок продлевался дважды. Право на эмиссию облигаций, осуществленное вышеупомянутыми двумя банками, было передано Временному правительству в форме покупки, а ценные бумаги обеспечены кредитами Федерального резервного банка, равными сумме, оплаченной последним в течение 2 месяцев после принятия решения. Общий выпуск валюты Провинциального банка Хэбэя и Банка Восточного Хэбэя составил около 65 и 8,5 млн юаней соответственно¹⁰⁷⁰.

Отдельным блоком задач возникала необходимость упорядочения денежных знаков малым номиналом и монет, объем которых на тот момент, по оценкам экспертов, составлял от 30 до 40 млн юаней. Таким образом, четвертый шаг был направлен на решение этой задачи. В статье 5 Закона об обороте предусматривается, что регулирование оборота банкнот номиналом

¹⁰⁷⁰ Ibid. P. 79.

менее 1 юаня и монет должно осуществляться посредством отдельного нормативного правового акта, в связи с чем 31 мая 1938 г. был принят Закон «О банкнотах с малым номиналом и монетах» (далее – Закон о монетах), который допускал оборот этих денежных знаков в течение 3 лет с даты вступления закона в силу, т. е. до 31 мая 1941 г., однако денежные знаки, которые могли выпускаться после вступления в силу закона, кроме эмитированных Федеральным резервным банком, были запрещены.

Номинал монет, выпущенных Федеральным резервным банком, включал 10, 20 и 50 фэн¹⁰⁷¹ при структуре: 1 юань = 10 цзяо = 100 фэн. При этом, в отличие от банкнот, находившихся на тот момент в обращении в Восточном Хэбэе, медные и медно-никелевые монеты номиналом 5 ли (0,5 фэн), 1 и 5 фэн и 1 и 2 цзяоп под действием статьи 5 Закона об обращении и о монетах не попадали. Первая и вторая волна девальвации коснулись денежных знаков северных провинций, за исключением хэбэйских монет, объем которых на внутреннем валютном рынке был незначительным, в итоге они обменивались по номиналу Федерального резервного банка.

Поскольку Закон об обороте не предусматривал каких-либо изъятий для мелкой валюты, выпущенной банками Шаньси и Шаньдуна, основным нормативным правовым актом для них был Указ о корректировке, который также предоставлял возможность для их обмена на новые деньги до 31 мая 1941 г.

Номинальная стоимость всех мелких банкнот и монет до 19 февраля 1939 г. составляла 90 % стоимости новой валюты, а при более позднем обмене – 60 %¹⁰⁷². В итоге к 1940 г. в обороте оставались монеты в 5, 10 и 20 фэн, мелкая хэбэйская, японские и маньчжурские монеты и монеты номиналом 5 фэн Банка Мэнцзяна.

Для этого в качестве пятого шага Временное правительство 10 февраля 1939 г. приняло ряд нормативных правовых актов на уровне закона,

¹⁰⁷¹ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 81.

¹⁰⁷² Ibid. P. 82.

правительственного указа и инструкции Министерства финансов, которые запрещали заключение новых договоров обеспечивать старыми юанями, обязывали осуществлять займы и выплаты по депозитным договорам и договоры, подлежащие оплате исключительно в новой валюте, и устанавливали, что с 20 февраля 1939 г. все суммы прежних договоров, не скорректированные в соответствии с новым законодательством, обеспечивались Федеральным резервным банком в размере 60 % первоначальной суммы¹⁰⁷³. Таким образом, к 10 марта 1939 г. мероприятия по унификации валюты в Северном Китае были завершены.

Шестой шаг заключался в корректировке государственной политики в отношении отказа от старой валюты в тех частях новой политики, которые не подчинялись или не полностью подчинялись новым властям¹⁰⁷⁴. В связи с этим, за 2 дня до наступления полного запрета оборота старого юаня, 8 марта 1939 г., в Закон об обороте были внесены некоторые изменения. Северный Китай был разделен на две области: районы, перешедшие на новую валюту, где нормативные предписания были полностью или в основной части исполнены, и районы, охваченные бандитизмом. Контроль над исполнением этих предписаний ложился на командующих гарнизонными войсками в каждой местности, которые были уполномочены на издание приказов, регулирующих порядок перехода на новую валюту в зависимости от особенностей местности с 2-месячным предупредительным сроком и в размере 60 % первоначальной стоимости¹⁰⁷⁵.

И, наконец, седьмым шагом стало установление санкций за нарушение принятых правовых предписаний. С этой целью 11 марта 1939 г. принят Закон «О финансовых беспорядках», в развитие которого были утверждены правила полицейского контроля над запрещенной старой валютой, которые налагали на граждан и организации соответствующие правовые ограничения и санкции,

¹⁰⁷³ Ibid. P. 74.

¹⁰⁷⁴ Ibid. P. 76.

¹⁰⁷⁵ Ibid. P. 77.

равно как и для иностранных граждан, значительные трудности с которыми возникали в концессиях. Основным источником проблем выступали иностранные (в первую очередь, британские и французские) поселения в Тяньцзине, которые с конца 1938 г. стали постепенно осуществлять оплату налогов и сборов в новой валюте, но здесь речь шла, скорее, о соглашательстве, чем об активной поддержке реформы¹⁰⁷⁶.

Таким образом, план унификации валюты в Северном Китае по выпуску нового юаня к моменту объединения подконтрольных Японии территорий в начале 1940 г. был реализован, и перед правительственными структурами возникла следующая задача по контролю над ценными бумагами, оборотом иностранной валюты и сопутствующими операциями.

К тому времени в экономике по-прежнему было мало позитива. И хотя существовал большой приток японских инвестиций, но новые предприятия были ограничены ресторанами, танцевальными залами и сферами, которые привлекали только японцев, что не позволяло обеспечить надежные показатели японской торговли в Северном Китае и выдавали меньшие результаты, чем до военных действий¹⁰⁷⁷.

Чтобы хоть как-то стабилизировать экономику, 26 мая 1938 г. Временное правительство Китайской Республики легализовало оборот наркотиков введением общего налога на прибыль в размере 20 центов за унцию опиасырца, продаваемого в пекинских наркотических лавках. Далее последовало распоряжение об освобождении наркоторговцев, заключенных под стражу по решению Хэбэйско-Чахарского политического совета, и объявление 11 мая 1938 г. о предоставлении возможности открыть в Пекине 300 притонов для употребления опиума, при условии, что минимальный капитал каждого притона составлял не менее 1 тыс. долларов, а 100 лавкам будет разрешено продавать опиасырца с учетом, что каждый будет иметь минимальный

¹⁰⁷⁶ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China ... P. 78.

¹⁰⁷⁷ Japan in North China // Malaya Tribune. 1938. Jan. 22. P. 3.

капитал не менее 10 тыс. долларов¹⁰⁷⁸, при этом притоны могли преобразовываться в лавки и, наоборот, в случае изменения своего уставного капитала.

Еще одной важной мерой, необходимой для обеспечения консолидации нового юаня и контроля над экономикой региона была концентрация иностранной валюты в руках Федерального резервного банка и монополизация его конвертации в иностранную валюту. С этой целью банк 5 октября 1938 г. создал валютный фонд из части своих валютных запасов. Одновременно с этим он принимает более жесткие меры валютного контроля¹⁰⁷⁹, суть которых была изложена в выступлении главы банка Ван Шицзина накануне этих событий. Он заявил, что государство придерживается политики по поддержанию национальной валюты наравне с японской, а в отношении других государств будут предприняты усилия по увеличению валютных резервов, часть из которых будет направлена на поддержку внешней торговли. Правовой основой для этих задач послужил указ Временного правительства от 11 марта 1939 г., регулирующий вопросы экспорта определенных товаров, призванный сыграть на повышение внешней стоимости нового юаня. С этой целью 2 марта 1939 г. выпущено уведомление о прохождении товаров через таможню с уведомлением об этом уполномоченных Федеральным резервным банком структур. Федеральный резервный Банк создал отдел по обмену иностранной валюты в своем главном офисе в Пекине с филиалами в Тяньцзине, Циндао, Яньтае, Вэйхайвэе и некоторых более мелких населенных пунктах. Экспортер должен был представить свидетельство о продаже, утвержденное Федеральным резервным банком, или разрешение на экспорт, выданное органом по наблюдению за морскими обычаями.

Все поступления от экспорта должны были направляться для оплаты импорта в Северный Китай. Товары, которые были помещены под этот

¹⁰⁷⁸ Opium traffic in North China legalized by Japan // The Times. 1938. May 27.

¹⁰⁷⁹ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 84.

жесткий контроль, включал 12 наименований, по каждому из которых иностранные компании были монополистами в Китае: яйцо и яичные продукты, грецкий орех (в том числе в скорлупе), арахисовое масло, арахис, абрикос, хлопковое семя, листовой табак, вермишель и макароны, уголь, шерстяные ковры (включая шерстяные и хлопчатобумажные ткани и ковры), соломенные косы и соль¹⁰⁸⁰.

Следует отметить, что помимо перечисленных товаров существовали определенные группы (железо, хлопок-сырец и шерсть), которые, будучи свободными в отношении экспорта, находились под контролем специального правительственного органа. При их экспорте или перемещении в Центральный или Южный Китай для вывоза или в любое другое место назначения, кроме Японии и Маньчжоу-Го, должны были иметь разрешение органа по наблюдению за морскими обычаями. Если такой документ отсутствовал, то стоимость товара рассчитывалась как коэффициент 2. В случае вывоза товаров в Японию или Маньчжоу-Го, в пересчете на японскую или маньчжурскую валюту, стоимость товара определялась по коэффициенту 1¹⁰⁸¹.

При продаже валюты иностранцам банку необходимо было направить заявку об обмене в Федеральный резервный банк при возможности ограничивать объемы предоставляемой другим банкам иностранной валюты в пределах имеющихся у него резервов. Эти меры обусловлены тем фактом, что позволяли посредством иностранной валюты обеспечивать поставки необходимых импортных материалов, что не избавило новую власть от иностранной критики, а в ряде случаев – и бойкота.

Вслед за этими мерами в дело вступили как валютные, так и товарные спекулянты, что привело к росту цен, в первую очередь на хлопчатобумажные изделия и ткани, муку и другие основные продукты потребления. Так, цены в Тяньцзине выросли на 40 %, по сравнению с Шанхаем. Эта ситуация, наряду с

¹⁰⁸⁰ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 85.

¹⁰⁸¹ Ibid. P. 86.

прекращением продажи британскими и американскими табачными трастами табака, представляла серьезную угрозу для населения Северного Китая.

К 10 июля 1939 г. очередная экономическая мера предполагала определить пересмотренный перечень товаров, подлежащих валютному контролю и содержащий около 300 наименований, из которых 50 являлись основным экспортом из Северного Китая, составляющим 70 % всего объема экспорта¹⁰⁸².

В то время как свободная экспортная торговля требовала низких внутренних цен, снижение импорта привело к их росту, в первую очередь на сырье, что противоречило интересам иностранных инвесторов, и держатели нового юаня были вынуждены нести убытки. Перед лицом таких недостатков иностранные банки и предприниматели отказывались сотрудничать с Федеральным резервным банком. В стремлении достичь поставленной цели по управлению экономикой ретроцессия иностранных поселений или блокада порта Тяньцзинь казались совершенно адекватными, о чем будет рассказано ниже.

Учитывая эти проблемы, Федеральный резервный банк 17 июля 1939 г. пошел на дальнейшее ослабление контрольных мер и поддержку мелких предпринимателей, установив правила, согласно которым соблюдение всех описанных выше формальностей после таможенной экспертизы исключалось в отношении экспорта, не попадавшего под 12 категорий товара стоимостью менее 1 юаня; транзитных грузоперевозок и предметов домашнего обихода; доставки предметов снабжения, таких как топливо, провизия, инструменты и т. п.; скоропортящихся товаров (овощи, фрукты, рыба и т. п.); книг; картин и примеров каллиграфии, за исключением антиквариата; газет и периодических изданий; и часто используемых упаковочных материалов¹⁰⁸³. Помимо этого, экспорт в Мэнцзян осуществлялся без ограничений. Однако оставался важный

¹⁰⁸² Exchange control on N. China Exports // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.

¹⁰⁸³ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 93.

внешнеэкономический фактор в лице иностранных поселений, существующих в Китае с 1840-х гг. и не попадавших под его национальную юрисдикцию.

С этим-то вопросом новые власти и их японские патроны намерены были разобраться в первую очередь, что ознаменовало собой начало третьего этапа развития исследуемой нами буферной государственности и представляло собой японско-британскую экономическую войну. К концу 1937 – началу 1938 г. Япония установила полный контроль над всем Северо-Востоком Китая, а создаваемые ей режимы уже в открытую вытесняли иностранный капитал из региона, как это происходило в Восточном Хэбэе. Более того, министр внутренних дел Японии адмирал Нобумаса Суэцугу до своего назначения на высокий пост заявлял в одном из интервью о необходимости изгнания представителей белой расы из Азии и о предвидении им конфликта между Англией и Японией. В результате представитель Министерства иностранных дел Японии вынужден был даже оправдываться, заявляя, что это – частное мнение и оно не отражает взгляды правительства Японии. Между тем адмирал сообщил, что белое доминирование над другими расами нуждается в преобразовании, чтобы обеспечить реальный мир между народами мира, а его ссылки на помощь, оказанную Китаю Великобританией и Советским Союзом, не должны интерпретироваться как создающие проблемы в отношении с Японией, поскольку он хотел только подчеркнуть важность прекращения поставок оружия Китаю и не говорил, что хочет сражаться с Великобританией. Мнение адмирала Суэцугу привлекло внимание, потому что оно появилось в одном из популярных журналов вскоре после его назначения в качестве министра внутренних дел, тогда как само заявление было им сделано задолго до назначения¹⁰⁸⁴. Остроты проблеме добавлял тот факт, что его кандидатура рассматривалась на пост премьер-министра, а эта фигура не могла выражать откровенные националистические взгляды. Вместе с тем эксперты заявляли, что высокопоставленный японский чиновник лишь озвучил то, что давно

¹⁰⁸⁴ White races in Asia // The Times. 1938. Jan. 8.

витало в среде истеблишмента и уже приобретало форму некоей национальной доктрины.

Между тем решение Великобритании бойкотировать высокие тарифы и взять под личный контроль их исполнение было продиктовано отнюдь не обидой на японского чиновника. Хотя Япония не имела намерения нарушать права и интересы других держав, о чем было официально заявлено ее представителями, она считала, что контроль в этом вопросе должен оставаться за ней, поскольку она получила власть над «большим» Шанхаем¹⁰⁸⁵ и всеми концессиями на его территории, в том числе и Британской, что вызвало существенные осложнения для британской стороны.

Вслед за этим произошла серия инцидентов, еще более усугубивших ситуацию и показавших международному сообществу невозможность урегулирования ситуации дипломатическим путем. Для начала еще 5 октября 1937 г. около Фушуня были похищены американский священник отец Джерард Донован с китайским алтарником, которые были освобождены 22 октября за выкуп в размере 50 тыс. долларов США, или 2950 фунтов стерлингов¹⁰⁸⁶. Затем в июле 1939 г. по подозрению в работе на третье государство был арестован пожизненный шведский резидент во Внутренней Монголии Джордж Содербом, который содержался в японском военном штабе в Калгане и был освобожден 19 октября 1939 г., при этом ему сразу же было предложено возглавить японскую экспедицию во Внутреннюю Монголию на поиски свидетельств о пребывании несторианцев, о которых он особенно хорошо знал¹⁰⁸⁷. Британский подданный Алан Бэнсон был арестован в Калгане 27 августа, а Дэвид Дави – спустя неделю в Цзэчжоу (современный уезд в Шаньси) и до конца октября удерживались японцами¹⁰⁸⁸. Наконец, британский военный атташе С. Р. Спир был задержан японской военной разведкой, 7

¹⁰⁸⁵ More trade in North China // *Malaya Tribune*. 1937. Dec. 17. P. 12.

¹⁰⁸⁶ Japanese plans for North China ...

¹⁰⁸⁷ Japanese arrest man, and give him a job // *The Straits Times*. 1939. Oct. 21. P. 13.

¹⁰⁸⁸ Missionaries still held by Japanese // *Ibid.* 1940. Oct. 26. P. 12.

сентября 1939 г. переведен из Калгана в Пекин¹⁰⁸⁹, но позже также был отпущен.

8 февраля 1939 г. опубликовано письмо, подписанное 482 видными китайскими жителями Тяньцзиня и передано посещающему Тяньцзинь и Пекин британскому послу в Китае Арчибальду Кларку Керру. В нем говорилось, что так называемое мирное движение за установление новой власти в Северном Китае абсолютно не имеет общественной поддержки, является спектаклем, поставленным марионетками, руководимыми японцами. В письме выражалось отношение местных жителей к марионеточному режиму в Северном Китае и подтверждалась лояльность Северного Китая Китайскому правительству и генералиссимусу Чан Кайши: «...народ Северного Китая последовательно поддерживал правительство Чан Кайши, упорно отказывался сдаваться японцам или признавать марионеточные режимы, и решил подвергнуться любым трудностям, чтобы поддержать священную войну сопротивления Китая. Несмотря на все людские ресурсы, деньги и оружие, затраченные японцами в Северном Китае, они контролируют только ряд городов и поселков вдоль железных дорог, большая часть сельской местности все еще находится в китайских руках. Между тем Китайская армия и вооруженные китайские массы постепенно расширяют свое военное влияние. Банкноты “Федерального Банка Китая”, выпущенные японцами на Севере Китая, становятся бесполезной бумажной валютой, стоит только отступить на пять километров от железной дороги»¹⁰⁹⁰.

В письме, иллюстрирующем патриотизм северокитайского населения, говорилось: «...только в прошлом месяце 120 крупных денежных переводов были сделаны в Чунцин для китайских ВВС. Деньги приходили как от богатых купцов, так и от бедных рабочих, студентов, женщин. Японский контроль над Севером Китая является слабым... хорошо оснащенные китайские войска находятся вблизи Пекина, вдоль границы Жэхэ – Чахар и в зоне

¹⁰⁸⁹ Col. Spear moved // Ibid. 1939. Sep. 8. P. 14.

¹⁰⁹⁰ N. China's loyalty to Chiang // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Feb. 9. P. 6.

железнодорожных направлений Пекин – Ханькоу и Тяньцзиня – Пукоу в Хэбэе. Ни один уезд не находится под абсолютным японским контролем в восточной и южной части Хэбэя или в северной и западной частях Шаньдуна, а хорошо организованные китайские войска активны в провинциях Шаньси и Хэнань»¹⁰⁹¹.

Письмо завершалось словами: «...Теперь, когда вы вступили в Тяньцзинь, вы в состоянии наблюдать на месте японское варварское отношение и зверства, их стремление вытеснить европейскую и американскую торговлю с момента начала инцидента на мосту Марко Поло... Если вы проведете краткую проверку Британской концессии, то убедитесь в серьезности ситуации, в которой оказались несколько сотен тысяч британских концессионеров и 1000 британских военнослужащих...» и призывало к дальнейшей британской помощи: «Китай уверен, что он может победить Японию в одиночку, но прежде чем преуспееет в преследовании японцев, британские интересы, возможно, уже будут уничтожены японцами»¹⁰⁹².

Сожалая о том, что китайцы не смогли оказать официальный прием британскому посланнику во время его первого визита в Тяньцзинь, подписанты обещали сэру Арчибальду, что если он вернется в Тяньцзинь через 2–3 года, он получит впечатляющий прием Китайского правительства, а также увидит повсюду голубое небо и белые флаги солнца – официальные флаги легитимного Китайского правительства¹⁰⁹³.

В итоге заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. А. Батлер в марте 1939 г. вынужден был выступить в Палате общин с заявлением о политике Японии против Британской концессии в Тяньцзине и жалобой на регулярные инциденты, которые произошли с сентября 1938 г.

4 марта 1939 г. посол Великобритании в Японии сэр Роберт Крейги сделал заявление в адрес Японского правительства относительно объявления

¹⁰⁹¹ People of North China loyal to chungking // The Straits Times. 1939. Feb. 9. P. 17.

¹⁰⁹² Ibid.

¹⁰⁹³ Chinese in North China appeal to British Ambassador // MorningTribune. 1939. Feb. 13. P. 11.

Временного правительства Китайской Республики о том, что с 11 марта экспорт 12 видов определенных товаров, которые в совокупности составляют значительную долю экспортной торговли Северного Китая, не будет разрешен, если расчеты иностранной валюты не будут соответствовать счетам Федерального резервного банка Китая. И, наконец, британский генеральный консул в Тяньцзине Д. Джеймсон обратился к японским властям с протестом в отношении недавнего возведения проволочных заграждений вокруг Британской концессии¹⁰⁹⁴. 13 марта 1939 г. Британское генеральное консульство в Тяньцзине получило письменный ответ от местных японских властей на протесты, которые были сделаны им в связи с постройкой этих заграждений¹⁰⁹⁵, который повторял их позицию относительно присутствия на континенте, озвученную ранее, а также требование отказаться от помощи в адрес правительства Чан Кайши. В свою очередь, китайский министр иностранных дел накануне заявил, что реальная цель Японии состоит в том, чтобы узнать, насколько далеко она может зайти в выполнение ее общепризнанной политики захвата всех иностранных концессий¹⁰⁹⁶.

10 мая 1939 г. в Палате общин Великобритании Р. У. Соренсен задал вопрос: будет ли премьер-министр принимать незамедлительные шаги, чтобы предложить Японскому правительству прекратить его агрессивные действия в Китае, вывести свои войска и немедленно провести дальневосточную конференцию между всеми участвующими в этом процессе государствами в связи с недавним решением правительства Японии не вступать в союз с Италией и Германией для военных и других целей? Целью конференции, по мнению Соренсена, должно было стать заключение соглашения о ненападении и справедливом экономическом сотрудничестве. Заместитель министра иностранных дел Р. А. Батлер ответил, что министр иностранных дел Великобритании Эдуард Фредерик Линдли Вуд, лорд Галифакс видел только

¹⁰⁹⁴ Japanese Reply Being Considered // Ibid. Mar. 15. P. 11.

¹⁰⁹⁵ Ibid.

¹⁰⁹⁶ Chinese view of tientsin // The Manchester Guardian. 1939. Jun 15. P. 11.

газетные сообщения о таком решении. Взгляды правительства Его Величества были полностью изложены в ноте 14 января 1939 г. правительству Японии, в которой протест против политики Японии в Китае был сформулирован более жестким тоном, чем любой тон, использованный Британским правительством с начала китайско-японского конфликта¹⁰⁹⁷. Нота получила поддержку в Соединенных Штатах и Франции, согласившихся с тем, что Британское правительство не может одобрить любое одностороннее изменение условий Договора девяти держав, гарантировавший национальную независимость Китая и его территориальную целостность. Великобритания не готова была принять или признать любые изменения в Китае, вызванными применением силы. Особое внимание было уделено японскому плану – отделить Внутреннюю Монголию от Китая как особый антикоммунистический район.

Великобритания угрожала организовать экономическую блокаду Японии, однако, по оценкам экспертов, делать это ей пришлось бы в одиночку, поскольку ни Соединенные Штаты, ни Франция не присоединились бы к ней. При этом сама Япония пострадала бы от нее в не большей степени, чем сама Великобритания, и у последней имелась реальная угроза потерять все свои права и интересы не только в Китае, но и в целом на Дальнем Востоке. Японская сторона озвучила условия отмены изоляции Британской концессии в Тяньцзине: во-первых, совместные меры против антияпонских выступлений и совместный англо-японский контроль над новыми инцидентами в будущем; во-вторых, лица с антияпонскими настроениями в Британской концессии должны контролироваться должным образом; в-третьих, все попытки нарушить экономические операции, проводимые Временным правительством Китайской Республики в Северном Китае, необходимо было прекратить; в-четвертых, серебро, которое, по оценкам специалистов, оценивается в 50 млн юаней, удерживаемое китайскими банками в Британской концессии, должно было быть передано Временному правительству Китайской Республики. В

¹⁰⁹⁷ Great Britain stands by her pledge to China // The Straits Times. 1939. May 11. P. 9.

поддержку этой позиции на заседании Кабинета министров в Токио 17 июня 1939 г. было принято решение не только отстаивать озвученные меры, но и продолжить твердую политику правительства в отношении этой проблемы, что подтвердил военный министр Японии генерал-лейтенант Сэйсио Итагаки. Официальный представитель пресс-службы МИД заявил, что Япония помогает Китаю построить новый порядок в Восточной Азии и поэтому готова оказать ему помощь в восстановлении прав, переданных ранее иностранным державам, но этот вопрос касается исключительно Китайского правительства¹⁰⁹⁸.

19 июня 1939 г. японские военные власти подтвердили, что изоляция Британской концессии в Тяньцзине привела к попытке побудить Соединенные Штаты вмешаться в процесс и заявили о готовности добиваться понимания с американскими властями в отношении принимаемых японской стороной мер. Согласно заявлению, японцы делали все возможное, чтобы свести к минимуму неудобства для американской стороны, добавив, что Япония и Великобритания могут успешно сотрудничать друг с другом в Китае. Японский представитель категорически опроверг слухи о несоответствии мнений между военными властями в Тяньцзине и правительством в Токио. При этом эксперты заявляли, что любое экономическое давление, которое Великобритания может попытаться оказать на Японию, будет работать против самой Великобритании и лишь в незначительной степени – против Японии, тем более, если Вашингтон не будет готов их поддержать. В случае совместного экономического давления со стороны Великобритании и британских доминионов на Японию, Индия и Австралия будут вынуждены отказаться от поставок хлопка и шерсти в Японию, в чем обнаруживалось достаточное количество аргументов «против» со стороны доминионов¹⁰⁹⁹. Следом настала очередь и Французской концессии в Тяньцзине¹¹⁰⁰, но это был

¹⁰⁹⁸ Defiance now voiced through Tokyo Press // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 17. P. 1.

¹⁰⁹⁹ Japan says action only against Britain // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 20. P. 1.

¹¹⁰⁰ Tientsin // The Times. 1939. Jun 19.

скорее шаг к демонстрации адекватных мер, чем реальное желание изолировать это иностранное поселение.

Минимально приемлемыми условиями для урегулирования вопроса вокруг Британской концессии, выдвинутыми со стороны Японии, обозначались пересмотр политики Великобритании в Северном Китае в целом и в отношении к Чан Кайши, в частности. Представители японского военного командования считали, что ввиду особой роли и значения Северного Китая для Японии, Великобритания должна была изменить свое отношение к ситуации и воздержаться от принятия мер, рассчитанных на противодействие Японии в отношении данного региона в политической, экономической и военной областях. Вместе с тем Японское правительство высказывалось о готовности к обсуждению двусторонних отношений.

В свою очередь лорд Галифакс не подтвердил сообщение, промелькнувшее в японской прессе, что в Британской концессии был спущен государственный флаг, а также опроверг заявления японских властей в Тяньцзине о том, что концессия будет полностью закрыта с грядущей субботы, т. е. 6 июля¹¹⁰¹. Данные события происходили на фоне назначения дипломата Сотомацу Като на пост японского посла в Китае, в связи с чем предполагалось, что именно он вместе с консулом в Тяньцзине Хикозо Танкой примет участие в англо-японских переговорах¹¹⁰².

В итоге переговоры начались в Токио между министром иностранных дел Хатино Аритой и послом Великобритании сэром Робертом Крейги без участия представителей Временного правительства Китайской Республики¹¹⁰³. С самого начала наблюдались попытки их дестабилизации как со стороны японской армии в Северном Китае, так и некоторыми японскими экстремистскими организациями. В самой Японии, несмотря на типичные заявления министров в Палате общин японского парламента о том, что у них

¹¹⁰¹ Anglo-Japanese Negotiations // The Straits Times. 1939. Jul 1. P. 9.

¹¹⁰² Tokio talks confined to heads // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.

¹¹⁰³ Settlement in hands of craigie and aria. Japanese Attitude // Ibid. Jul 1. P. 2.

нет информации, имелись достоверные доказательства ужесточения ограничений блокады Британской концессии на фоне антибританских демонстраций, проводимых как в Северном Китае, так и Японии. К выдвинутым ранее условиям урегулирования кризиса японская сторона добавила вопрос о признании статуса созданных ей на континенте режимов, что было необходимо в связи с формально односторонней отменой договоров и передачей иностранных территорий Реформаторскому правительству. Экспертам, в свою очередь, было очевидно, что японцы не будут удовлетворены ничем, кроме полного контроля над всей занятой ими территорией, на которой британцы на протяжении нескольких поколений до этого осуществляли торговлю на китайских условиях.

Для Великобритании ситуация с концессией была чревата тем, что ее уступка японцам по этому вопросу привела бы к требованию Японии вернуть Гонконг Китаю в лице как раз Реформаторского или Временного правительства, о чем японские военачальники в Кантоне уже говорили в открытую. Единственным фактором, который делал такие требования возможными, было отсутствие достаточной силы для поддержки британского присутствия на Дальнем Востоке. Многие аналитики считали, что если Британское правительство не будет готово направить свой военный флот в Сингапур или основать флот на этом острове, то ему следовало бы инициировать вывод своих людей из региона, что выглядело бы гораздо более достойно, чем военное поражение и капитуляция. Но для этого оно должно было договориться с СССР в некоторых вопросах безопасности в Европе, что позволило бы ему высвободить некоторые военные ресурсы для обеспечения адекватной защиты своих интересов на Дальнем Востоке, а у себя дома убедило бы своих граждан в том, что контроль над ситуацией пока еще не потерян¹¹⁰⁴.

¹¹⁰⁴ To-day's News Review // Malaya Tribune. 1939. Jul 5. P. 12.

24 июля 1939 г. Невилл Чемберлен сделал заявление в Палате общин, которое должно было положить конец спекуляциям относительно итогов англо-японских переговоров в Токио. Этому заявлению с нетерпением ждали как китайцы, так и британские подданные, живущие на востоке. До заявления эксперты сходились во мнении, что немислимо ожидать, чтобы Британское правительство согласилось бы с крайне жесткими требованиями, упомянутыми в японской прессе, хотя попутно отмечали, что не было никаких доказательств того, что газетные публицисты точно отразили пожелания Японского правительства. Для Великобритании не могло быть и речи о признании нового порядка в Восточной Азии со всеми вытекающими из этого последствиями. Сделать это было бы не столько предательством Китая, но, в первую очередь, тяжелым ударом по британским и другим иностранным правам и интересам в регионе.

Официальная позиция Британского правительства сводилась к сохранению нейтралитета, однако, независимо от исхода переговоров оно по-прежнему намерено было оказывать помощь Китаю. Дорога из Бирмы оставалась открытой для передачи боеприпасов китайской армии, и британские концессии в Китае, оставаясь под британской юрисдикцией, служили убежищами для политических беженцев. Великобритания не признавала марионеточные режимы в Северном Китае и притязания японцев на установление блокады китайского побережья. Самое большее, что она могла сделать, – это официально признать, что Китай находился в состоянии войны, и пообещать, что британские концессии не будут использоваться в качестве основы для антияпонской деятельности.

Оставалось не ясным, решила ли Великобритания прекратить поддерживать курс китайской валюты, о чем говорило недавнее падение его биржевой стоимости, но который по-прежнему базировался на балансе импорта и экспорта из гоминьдановского Китая.

Великобритания была крайне заинтересована в победе Китая, а этого лучше всего можно было достичь, помогая ему продолжать свою

долгосрочную политику сопротивления, тем самым доводя японцев до изнеможения, но было бы уже слишком просить Британское правительство постоянно покрывать за свой счет потери Китая от экономических санкций.

Великобритания признавала, что Китай вел борьбу за демократию на Дальнем Востоке¹¹⁰⁵, но она также понимала, что будущее Востока определялось не только в японо-китайской войне: Германия, контролировавшая Европу, обдумывала свою будущую политику, так как ей было отказано в военном союзе с Японией.

2 августа 1939 г. представитель Министерства иностранных дел Японии заявил, что на англо-японской конференции было достигнуто понимание в отношении большинства вопросов, касающихся ситуации в Тяньцзине, положительно был решен вопрос о деятельности полиции. Британская делегация, однако, выступила против японских предложений о запрете оборота чунцинской валюты на территории своей концессии¹¹⁰⁶, поскольку он означал бы британское признание Временного правительства в Пекине. Японская сторона потребовала передачи китайского серебряного запаса Временному правительству в Пекине. Основанием для этого служил тот факт, что Китай национализировал оборот серебра в 1935 г. после реализации плана валютной реформы, но серебряные запасы из Северного Китая не были перенаправлены в Нанкин¹¹⁰⁷. Вместо этого они были задержаны Хэбэйско-Чахарским политическим советом, а когда он был распущен, власть перешла к Временному правительству Китайской Республики.

По завершении длящейся почти месяц англо-японской конференции представитель Министерства иностранных дел Японии заявил, что было достигнуто понимание почти во всех вопросах, касающихся Британской концессии в Тяньцзине. Британская же делегация выступала против японских предложений о запрете на конвертацию чунцинского доллара в Британской

¹¹⁰⁵ Tokio Talks // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 24. P. 6.

¹¹⁰⁶ British objections to silver proposals // Ibid. Aug. 3. P. 2.

¹¹⁰⁷ Progress made in Tokio talks ... P. 6.

концессии в Тяньцзине и передаче китайских серебряных запасов Временному правительству. Не добившись желаемого, Япония отныне выстраивала антибританскую риторику таким образом, что во всех неудачах обвинялась Великобритания¹¹⁰⁸.

Подводя промежуточный итог характеристики новой политики и той буферной государственности, которую отныне возглавляло Временное правительство Китайской Республики в Пекине, следует подчеркнуть, что начало полномасштабных военных действий внесло существенные коррективы в дизайн выстраиваемого Японией регионального политического порядка. Во-первых, отпали условности и необходимость маскировки своих намерений за пусть и формальной, но все же готовностью диалога с гоминьдановскими руководителями. Отныне они объявляются нелегитимной властью, любое взаимодействие с которой не имеет ни смысла, ни перспектив. Во-вторых, меняется масштаб задач. Если раньше речь шла о поддержке лояльных японцам провинциальных режимах, то теперь – о новом альтернативном общенациональном правительстве. В-третьих, отныне военная конъюнктура определяет исход любого события и влияет на принятие какого угодно решения не только в среде командования Квантунской армией, но и гражданской части Японского правительства. Этому способствовали и политические обстоятельства внутри самой Японии. Наконец, в-четвертых, экономическая сторона вопроса влияет на качество политических решений, поскольку любая война – дело весьма затратное.

В этих условиях выстраиваемый политический порядок в регионе на данном этапе существенно отличается от того, что имело место быть в период его автономизации. К уже имеющимся лояльным режимам добавляются новые территории близлежащих провинций, а контролируемое пространство приобретает еще более осязаемые черты. Японцы не изменяют выбранной ранее стратегии и по-прежнему на ключевые посты ставятся более-менее

¹¹⁰⁸ Colonel spear set free // The Manchester Guardian. 1939. Sep. 9. P. 9.

авторитетных представителей местных элит, однако их статус куда выше, чем у лидеров исследованных нами автономий: это общенациональные лидеры и функционеры, бывшие и министрами, главы правительства и даже президенты этой страны. Создание Временного правительства фактически (хотя и не юридически) заменило собой Хэбэйско-Чахарский политический совет, но, несмотря на «смену вывески», институционально сохранялись не только традиции и внешние атрибуты самого Совета, но во многом Бэйянского правительства. И здесь, на севере, подход дает свой эффект именно потому, что эти функционеры – из представителей так называемой «бэйянской» эпохи, когда столица и все рычаги управления государством находилась в Пекине. Отчасти поэтому они и могут претендовать и на толику политической преемственности, и на пусть и условную, но легитимность. Отчасти поэтому позиция на международной арене вызывает чуть меньше раздражения, чем малопонятные автономистские режимы, со стороны западных держав, заинтересованных прежде всего в своих торговых и геополитических интересах. Тем более что основной дипломатический корпус сохраняет свое присутствие в дипломатическом квартале Пекина, и ему ни японцы, ни новая временная верховная власть Китая не угрожают. У нового правительства было серьезное оправдание его существования. Как справедливо заметил М. Гинзбург, независимо от того, что может быть сказано о расовом и культурном родстве этих двух стран, Япония не могла управлять 100 млн жителями Северного Китая иначе как через китайских представителей¹¹⁰⁹. Любой новый режим мог быть абсолютно подвластен японским военным, но он не мог надеяться ни на какой успех, если его корни не были возвращены на китайской почве. Аналогичная ситуация складывалась и во Внутренней Монголии, где строптивые князья не были так уж покладисты в стремлении реализовать японские цели. Следовательно, местная политическая элита японцам была куда более необходима, чем природные ресурсы, шерсть и еда, поскольку их

¹¹⁰⁹ *Ginsbourg M. J. North China today // The Washington Post. 1938. Feb. 3. P. XII.*

можно было отобрать у местного населения или завести посредством наземного или воздушного транспорта, тогда как без лояльности местного населения долго управлять этой территорией было бы невозможно. Поэтому в целом выстроить единую политическую организацию у японцев и местных элит удастся.

Что касается самой политической власти в качестве второй составляющей регионального политического порядка, то и здесь наблюдаются существенные отличия от предыдущего опыта. Дискредитация руководства Гоминьдана, потеря им Нанкина как столицы, неспособность при явном численном превосходстве оказать достойный военный отпор и другие обстоятельства окончательно исключают Китай из числа властных центров региона. В то же время западные державы хоть и заставляют японское руководство оглядываться на свое мнение, но собственного властного центра, так называемый «коллективный Запад», образовать так и не сумели: слишком большие противоречия у британцев, американцев и французов, не готовых поступиться собственными интересами даже ради общей цели. Поэтому в данном ракурсе Временное правительство по своей природе выступало хорошо организованной административно-управленческой системой все того же буферного государства, которое японцы пытались выстроить сначала на базе Региона пяти провинций, а затем – посредством автономии Хэбэя и Чахара. Северный Китай под властью Временного правительства оказывался схожей с автономиями региона политической единицей, основное отличие которой состояло в том, что отныне она не признавала над собой верховную власть и государственный суверенитет Нанкинского правительства, а, наоборот, – стремилось заменить его. Сделать это, как покажет время и наше исследование, не удалось, поскольку базой для консолидации коллаборационистских режимов выступило Реформаторское правительство и территория Восточного Китая, но Северный Китай сохранил свой особый статус и самостоятельность. Однако на этом успехи и заканчиваются: законность политического строя вызывает серьезные нарекания как у

местного населения, так и международного сообщества, а способность без военного вмешательства обеспечивать порядок ограничивается пределами доступа военных.

И если идеологическая канва характеризуется преемственностью поглощенных автономистских режимов и продолжает ставить во главу угла борьбу с коммунизмом, то эффективность политических институтов тоже вызывает сомнения. Экономическая составляющая и создание эффективных финансово-экономических институтов приобретают приоритетное значение, поскольку очевидно, что экономика Японии не способна в одиночку справиться с грузом и гражданского управления на подконтрольных территориях, и решением военных задач. Северный Китай представлял панацею для «экономических болезней» Японии – источник сырья для ее текстильных и металлургических комбинатов, богатого рынка для ее товаров. Однако зона контроля над занятыми территориями была не шире прилегающей к железной дороге полосы, тогда как военные нуждались в более серьезной ресурсной подпитке, а гражданские власти рассчитывали на более внушительный итог своей политики на континенте. Поэтому и результат был соответствующим. Ведь если выстраивать финансово-экономические отношения в пределах небольших буферных пространств автономий было относительно несложной задачей, то с расширением географического пространства это становится куда труднее. Отсюда и устанавливаемые нормы – они не для общественной пользы и развития, они – для контроля и обеспечения управляемости, что также не прибавляет лояльности со стороны местного населения. Следовательно, нужны новые резервы, которые можно получить, расширяя сферу своего влияния и включая в нее куда более богатые провинции Восточного Китая, что и происходит на очередном витке развития буферной государственности.

4.2. Формирование буферной государственности и региональный политический порядок Восточного Китая

Восточный и Центральный Китай в 1930-х гг. были основной экономической политики Гоминьдана, поскольку эти территории были богаты ресурсами, имели большое количество населения, удобную транспортную сеть, развитую промышленность и торговлю и играли важную роль в политике, экономике и военной сфере. Для Японии этот регион является не только важной областью обеспечения ее трудовыми резервами и материальными ресурсами, но и для осуществления политики «война кормит войну», при которой можно было бы в относительно короткие сроки установить контроль над всем Китаем. Поэтому, когда Япония в 1926 г. формулировала комплексный оперативный план установления совместного контроля над Китаем с участием России и Соединенных Штатов, было предложено направить военные силы не только на север, но и в район Шанхая и Ханкоу. И события после инцидента 18 сентября 1931 г. подтвердили это намерение.

Однако в связи с особым положением, которое занимал регион во внутренней политике страны, ситуация здесь была сложнее, чем в других районах. Поэтому в начальный период вторжения в регион японская армия не спешила создавать единый политический режим, подобный Северному Китаю. Вместо этого возникла идея создать местное временное правительство для сохранения сложившейся ситуации и обеспечения возможности ее усиления.

Прежде чем перейти к консолидации, Япония на востоке страны готовит почву, используя четыре инструмента для обеспечения своего присутствия в регионе. Во-первых, японская армия во главе с Мацуи создала организацию, посредством которой шел подкуп старых полевых командиров и переманивание к себе разочарованных в прежнем режиме политиков, в том

числе и бывших министров. Аналогичная описанному выше плану по управлению севером схема японской стороной была отработана и в Восточном Китае, когда после занятия Нанкина были найдены сторонники режима в лице местных политических и общественных деятелей. Во-вторых, японские военно-морские силы сосредоточились на военном занятии Шанхая, который занял особое место в экономике Китая с конца 1920-х – начала 1930-х гг. Здесь летом 1927 г. был образован собственный муниципалитет с традиционными для западных моделей местного самоуправления институтами и паритетным разделением власти между местным и провинциальными правительствами¹¹¹⁰, а также еще с 1840-х гг. сохранились иностранные поселения в форме концессий и международного сэттльмента. Исходя из той роли, которую город играл в жизни страны, а также его выгодного географического положения, задачи японцев были сосредоточены на обеспечении контроля над ним, что автоматически давал доступ к контролю над экономикой всего региона. В-третьих, памятуя об активных студенческих демонстрациях в 1935–1936 гг. в Пекине и Тяньцзине, фашистская группировка армии организовала Демократическую ассоциацию Шанхая для привлечения в ее ряды молодежи. Наконец, в-четвертых, так называемая дипломатическая группировка выступала за расширение полномочий муниципального правительства района Пудун на основе антикоммунистического соглашения. Остановимся на включении Шанхая в орбиту японских интересов и формировании здесь особой политики более подробно.

В разгар военного кризиса сотни богатых граждан из Северного Китая бежали в Шанхай, где из-за угрозы военного вторжения празднование 10-й годовщины создания особого муниципалитета «большого» Шанхая были отменены¹¹¹¹. Спустя несколько дней, японская армия начала продвижение и спустя 3 месяца город перешел в руки японцев. Вероятность внутренних

¹¹¹⁰ *Munkueva S. A., Dudin P. N. Interaction of state authorities in Russia and foreign countries // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. № 11. P. 2513–2517.*

¹¹¹¹ "Peace" again in North China // *The Manchester Guardian. 1937. Jul 10. P. 13.*

беспорядков была сведена к минимуму за счет привлеченных добровольцев, однако во время налетов серьезно пострадали университеты и школы¹¹¹². Бомбардировка Шанхая означала потерю этого города и для Китая, и Великобритании¹¹¹³, поскольку Шанхай был краеугольным камнем британской торговой структуры в этой стране. Но город имел и важное стратегическое значение: японские войска после перелета через море должны были безопасно приземляться. На севере они могли спокойно это делать, не встретив сопротивления ни в Корее, ни в Маньчжоу-Го, ни в прибрежных районах Хэбэя и Шаньдуна, теперь такая же задача стояла и в отношении враждебного побережья Восточного Китая.

К тому моменту в регионе у японцев не было авиабаз на земле, и их бомбардировщики должны были взлетать или с судов, или с отдаленного острова Формоза, что подтвердил в своем выступлении японский военный министр маршал Сугияма, заявив зарубежной прессе, что Япония намерена нанести сокрушительный удар по стратегическим объектам противника и прогнозировал дальнейшее расширение операций в этом направлении¹¹¹⁴. Следовательно, Шанхай становился одним из главных направлений японского наступления, а вероятность того, что японская армия должна будет захватить этот один из крупнейших портов Китая, после чего двинуться на Нанкин, резко возрастала.

К началу октября 1937 г. японцы значительно продвинулись на север, в то время как Шанхай продолжал испытывать тяжелые артиллерийские обстрелы¹¹¹⁵. 4 октября 1937 г. японская армия в составе 50 тыс. человек с танками, пулеметами, артиллерией захватила северный вокзал Шанхая, десятки японских бомбардировочных самолетов атаковали китайские укрепления¹¹¹⁶. Китайцы построили оборону на границах Французской концессии, а японские войска приблизились к району, охраняемому

¹¹¹² Japanese transports driven from Shanghai // Ibid. 1937. Sep. 4. P. 11.

¹¹¹³ Japan's drive into North China // The Observer. 1937. Aug. 22. P. 13.

¹¹¹⁴ Japanese strategy // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 14. P. 8.

¹¹¹⁵ The Japanese advances in The North // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 1. P. 15.

¹¹¹⁶ Nippon Army Repulsed At Shanghai // Syracuse Journal. 1937. Oct. 4. P. 1.

британскими войсками, но не решились атаковать ни те, ни другие иностранные соединения. Руководству иностранных поселений ранее было предложено эвакуироваться из районов, где существовал риск сражений¹¹¹⁷. В начале ноября 1937 г. город пал. Начались переговоры для создания временной нейтральной зоны в историческом районе Наньдао, где традиционно проживали китайцы и который граничил с Французской концессией. В случае успеха предполагалось эвакуировать на ее территорию остатки китайских войск, а французские должны были предпринять охрану зоны¹¹¹⁸. От результатов переговоров зависела судьба тысяч китайских беженцев и жителей района, но прежде всего – безопасность французских войск во Французской концессии и лояльность этой страны.

Вслед за занятием города возникла необходимость в его эффективном управлении, обеспечение которого и должна была осуществить японская сторона. Поэтому 5 декабря 1937 г. был обнародован органический Закон «О создании временного автономного правительства Шанхая» во главе с мэром, должность которого занял Суй Синвэй, обеспечивший 28 марта 1938 г. признание верховной юрисдикции Реформаторского правительства Китайской Республики. В тот же день Автономное правительство Шанхая было переименовано в Главное управление Шанхайского муниципалитета. В структуре правительства были созданы Секретариат, Комитеты по социальным вопросам, полиции, финансов, образования, здравоохранения, земли и транспорта, в составе которых были образованы департаменты. Правительство города распространяло свою власть на районы Пудун, Чжабэй, Баошань, Фэнсянь, Цядин и Чунмин, бывшие районы Наньчэн, Хуси, Вусон, Бэйцяо, Чжуанша и Наньхуэй и центр города. В связи с приданием Шанхаю особого статуса в формируемой буферной государственности Восточного Китая 15 октября 1938 г. Главное управление Шанхайского муниципалитета было переведено в новое здание в новом городском районе и реорганизовано

¹¹¹⁷ Japanese warning // The Times. 1937. Oct. 30.

¹¹¹⁸ Japanese to capture fourth provincial capital? // The Manchester Guardian. 1937. Nov. 4. P. 13.

в правительство города с особым статусом Шанхай. На следующий день, 16 октября 1938 г., в должность мэра вступил Фу Вэй, исполнявший свои обязанности до момента убийства 11 октября 1940 г., когда руководящие полномочия вновь ненадолго были возвращены Суй Сивэню.

3 мая 1938 г. был принят новый флаг с одновременным запрещением гоминьдановского флага Китайской Республики и прочих атрибутов государственности, включая символику самой партии Гоминьдан. Наглядной иллюстрацией запретительной атрибутивной политики могут послужить события 6 мая 1939 г., когда небольшая демонстрация, проведенная на территории международного селтльмента и Французской концессии, использовала гоминьдановские флаги, что было воспринято японской стороной как одобрение антияпонских настроений. События демонстрантов были связаны с юбилейной датой вступления Сунь Ятсена в должность временного президента Китайской Республики в Кантоне в 1912 г. Генеральный консул Японии Йошиаки Миура на следующий день потребовал полного запрета на показ китайских флагов в этих двух поселениях. Протест был представлен генеральному консулу Франции М. Боудезу и председателю Шанхайского муниципального совета С. С. Франклину. Миура сообщил М. Боудезу и С. С. Франклину, что использование селтльментом и концессией флагов правительства Гоминьдана в дни китайских национальных праздников являются неприемлемыми для Японии¹¹¹⁹. Данный инцидент заставил японцев обратить более пристальное внимание на иностранные поселения, которые с февраля текущего года стали причиной серии инцидентов. Так, 24 февраля 1939 г. Реформаторское правительство направило китайскую полицию для установления окончательного контроля над Шанхаем, в результате чего основная часть международного селтльмента оказалась занятой коллаборационистами. Этот шаг они попытались объяснить необходимостью обеспечения безопасности против дальнейших вспышек террористических

¹¹¹⁹ Japan demands Shanghai Ban on China flags // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. May 8. P. 2.

актов. По итогам события была проведена чрезвычайная конференция с участием представителей правительства города, на которой было предложено обсудить дальнейшие меры, связанные с этой проблемой¹¹²⁰. Однако диалога не получилось: к началу весны 1939 г. Шанхай напоминал вооруженный лагерь, когда японские войска и китайские солдаты под их командованием окружили город, в то время как войска держав, добровольцев и международной полиции предпринимали меры, чтобы убедить японцев этого не делать. Реформаторское правительство в Нанкине, в свою очередь, заявило, что британская и французская стороны, равно как и международные силы, будут считаться врагами режима, если Великобритания и Франция не пересмотрят и не изменят свое отношение к оказанию помощи режиму Чан Кайши.

Кризис в Шанхае был спровоцирован военными формированиями реформистов в районе Французской концессии, чем воспользовались японцы, чтобы окончательно установить контроль над долиной Янцзы и заблокировать китайское побережье в отношении торговли с другими державами. По прогнозам экспертов, следующим шагом японцев должно было стать требование об отмене экстерриториальности в пользу Реформаторского правительства Нанкина и Шанхайского городского правительства, предполагающее передачу власти от Шанхайского муниципального совета международного сэттльмента. Становилось очевидно, что дальневосточный кризис, который должен был вскоре вылиться в блокаду и возможный захват французских и британских концессий в Тяньцине. На фоне этого в Европе немцы оккупируют Чехию, а к антикоммунистическому пакту присоединяется Венгрия, о чем непрерывно сообщалось в новостях из Польши, Венгрии, Румынии и Испании¹¹²¹. Твердость, которую проявляли Великобритания, Франция и Америка, помешала японцам ввести этот план в действие силой, хотя никто и не исключал со стороны Японии радикальных мер, которые

¹¹²⁰ Puppet police for Shanghai // The Straits Times. 1939. Feb. 25. P. 14.

¹¹²¹ To-day's news Review // Malaya Tribune. 1939. Feb. 28. P. 13.

могли бы привести не только к разногласиям, но и, возможно, войне. Токио необходимо было четко понимать, что три державы готовы были объединиться, чтобы сохранить свои интересы на Дальнем Востоке любой ценой.

К лету 1939 г. терроризм, главным образом в форме убийства коллаборационистов, становится обычным явлением в Шанхае, но в первую очередь он касался китайского населения и представителей власти, перешедших на сторону японцев, тогда как британцы и все другие иностранцы избегали этой участи. Терроризм в Шанхае был направлен гораздо больше против китайцев, которые служили под руководством японцев, чем против самих японцев. Временные правительства, созданные в Нанкине, Пекине и других местах, согласно официальной японской позиции, были спонтанными движениями со стороны самих китайцев, и Япония не имела никакого отношения к их появлению, однако даже при таком раскладе само их существование зависело от защиты японским оружием. И именно должностные лица этих политических образований, начиная с высших чинов и заканчивая сотрудниками муниципальной полиции, являлись особыми объектами террористов, по-прежнему верных режиму Чан Кайши. В первом случае тот или иной чиновник или его покровитель подвергались расстрелу из огнестрельного оружия или подрыву бомбой, во втором – голова полицейского оказывалась лежащей без тела посреди моста, в третьем – внезапный пожар вспыхивал в доме какого-то китайца, перешедшего на сторону нового режима, и такие случаи происходили если не ежедневно, то, по крайней мере, еженедельно, а факт, что некоторые из них имели место в международном селтльменте, объяснялся тем, что эти должностные лица искали на его территории убежище под защитой иностранного флага. Шанхайская муниципальная полиция прилагала усилия, чтобы остановить волну насилия, но сложившиеся условия делали эту задачу почти безнадежной.

Японцы обвиняли власти международного сэттльмента в неискренности, полагая, что они потворствуют этим убийствам или что их полиция слишком неэффективна, чтобы их искоренить, даже несмотря на то что японцы являлись одними из жителей сэттльмента и составляли часть муниципальной полиции. В то же время в той части Шанхая, которая охранялась исключительно японскими солдатами и моряками, происходили не меньшие бесчинства: так, Японское генеральное консульство было сожжено дотла, а спустя неделю в том же районе был убит известный японский предприниматель.

В свою очередь японские представители направляли протесты в адрес властей международного сэттльмента, которые делали все возможное, чтобы искоренить политические убийства, чего, безусловно, в полной мере не удалось. Японская сторона на это угрожала тем, что если международные власти не прекратят эти убийства, то самим японцам придется предпринять надлежащие шаги, что бы это ни значило. Японцы выступали против предоставления убежища некоторым политикам с китайской стороны, хотя право на убежище для таких лиц давно было признано и международным правом, и самой Японией, представители которой, направляя запросы в адрес руководства международного сэттльмента о выдаче тех или иных лиц японской армии или японским гражданским властям, очевидно, забывали, что Япония сама давала такое убежище в прошлом покойному доктору Сунь Ятсену и другим китайским политическим беженцам, а в описываемое нами время – представителям Восточной Индии, бежавшим от режима британцев¹¹²².

Ситуация оставалась нестабильной и после объединения коллаборационистских режимов в 1940 г. Примечательно, что именно Чэнь Гуньбо, сменивший в 1944 г. Ван Цзинвэя на высшем государственном посту коллаборационистской Китайской Республики, 20 ноября 1940 г. вступил в

¹¹²² *Hedges F. H. Japanese & "Puppets" Fear Shanghai Terror // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 17. P. 6.*

должность мэра этого города, подчеркнув тем самым то значение, которое для японцев имел Шанхай. С 1 января по 31 мая 1941 г. городская администрация именовалась Шанхайским городским правительством. В июле 1943 г. по соглашению между Японией и Ван Цзинвэем правительство Шанхая изменило статус Международного шанхайского сэттльмента на Первую районную управу, а статус Французской концессии – на Восьмую районную управу. Между тем после внезапной смерти Ван Цзинвэя Чэнь Гуньбо 12 ноября 1944 г. покидает пост мэра, который ненадолго занимает У Сонгао. 15 января 1945 г. мэром города стал бывший заместитель председателя Исполнительного Юаня, министр финансов и глава Центрального резервного банка Чжоу Фохай, попытавшийся провести 1 июля 1945 г. некоторые административные преобразования для сохранения стабильности в рушащейся коллаборационистской «Китайской Республике», но особого значения они уже не имели: Япония проигрывала войну, что было очевидно всем, а город и его прояпонских функционеров ждали суровые послевоенные времена.

Между тем, как мы уже отмечали, практически сразу же после создания Временного автономного правительства Шанхая эта полития была включена в структуру нового буферного государственного образования на восточном побережье Китая, которым недолгое время управляло так называемое «Правительство восстановления Республики», вошедшее в историю как Реформаторское правительство Китайской Республики, характеристику которому мы и постараемся дать.

Как и в случае с Северным Китаем, здесь первоначально были выбраны наиболее подходящие лидеры, представленные молодым поколением местных жителей, которым не чужды были идеи паназиатского сообщества и хоть какой-нибудь авторитет японцев. Однако, несмотря на слабый авторитет Гоминьдана, антияпонские настроения перекрывали разочарование старым режимом, в связи с чем работать с таким контингентом оказалось затруднительно. Из-за этого японская сторона перенесла вектор усилий на старое поколение военных и политиков, с чем ей и помог Лян Хунчжи. В

деятельности по организации новой администрации он направил усилия для работы с ветеранами и старыми полевыми командирами и политиками. В результате участники движения были в основном стариками, разочарованными работой нового и молодого командного и управленческого состава. Некоторые из них не занимались политической деятельностью на протяжении многих лет, но большинство имело непродолжительный опыт работы в гоминьдановском правительстве.

Многие из организаторов нового режима родились в 1870–80-е гг. Лян Хунчжи изначально хотел создать ситуацию, в которой старая группировка Анфу обеспечила бы базу новым властям, однако это вызывало большое неудовольствие многих деятелей и породило определенные противоречия. К этому добавлялась настороженность со стороны недавно созданного Временного правительства Китая в Пекине во главе с Ван Кэмином, которое выступало против образования равного ему по статусу режима, в связи с чем было предложено в центральных районах создать «суперпровинциальное правительство», объединившее власти нескольких перешедших под японский контроль административно-территориальных единиц с сохранением в них существующей управленческой системы и с одновременным верховным подчинением его Временному правительству Китайской Республики.

Против такого двойного подчинения северу выступили военные: командование японскими силами посчитало такую модель нецелесообразной, поскольку стратегическое значение бассейна р. Янцзы превышало значимость Северного Китая, а новое Центральное правительство Китайской Республики, по мнению ряда японских военных и политиков, должно было быть расположено именно в Восточном Китае со столицей в Нанкине, а не Пекине.

Не имея возможности возражать и оказывать давление на японскую сторону, Ван Кэминь демонстративно подал в отставку. Ситуация вынудила японскую сторону 7 марта 1938 г. провести совещание представителей дипломатического корпуса, армии и флота, на котором было решено изменить название нового режима на Реформаторское правительство Китайской

Республики. Данный шаг позволил Ван Кэминю сохранить лицо и остаться во главе северного режима. 24 марта 1938 г. японцы решили, что режим временно будет являться региональным правительством над провинциями Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой и двумя городами с особым статусом – Нанкином и Шанхаем и что необходимо предоставить время для создания условий, при которых два режима можно было бы в дальнейшем объединить.

28 марта 1938 г. о создании Реформаторского правительства Китайской Республики было объявлено официально, а в качестве административного центра был выбран занятый японцами недавно Нанкине. Инаугурация была проведена в бывшей штаб-квартире бывшего Центрального правительства Чан Кайши с торжественным разворачиванием пятицветного «бэйянского» флага, после чего исполнен государственный гимн¹¹²³. На церемонии присутствовало большое количество офицеров японской армии и флота, но ни один из иностранных представителей других стран в мероприятии не участвовал, равно как и местные жители оставались в домах. Чтобы создать хоть какую-то атмосферу торжественности, в Шанхае и Нанкине были организованы парады, во время которых японские самолеты пролетели над центральными улицами с прикрепленными флагами. Улицы новой столицы по этому случаю никто не украшал, на церемонии присутствовали практически только японские чиновники.

Лян Хунчжи было сделано заявление, что договоры, заключенные после сегодняшнего дня между иностранными державами и отдельными лицами, и правительством в Ханкоу (гоминьдановское правительство, которое из Нанкина переехало в Чунцин, а оттуда – в Ханькоу) или его провинциальными органами власти признаваться не будут.

Подтверждалось положение о том, что Реформаторское правительство будет играть роль регионального органа управления, признавая центральное положение Временного правительства в Пекине и решая местные вопросы и

¹¹²³ New Nanking Government Established // MorningTribune. 1938. Mar. 29. P. 1.

задачи, но сохраняя при этом верховенство в вопросах законодательства, управления и судебной юрисдикции с учреждением соответствующих государственных органов, как и во Временном правительстве. Чтобы смягчить противоречие с Временным правительством на севере, было сделано заявление, что Реформаторское правительство было создано в соответствии с реальными потребностями жителей провинций Цзянсу, Чжэцзян и Аньхой. Подобно Временному правительству Северного Китая, Реформаторское защищает мир в Восточной Азии, а не противостоит центральным властям Китая, и в отношении вопросов, связанных с национальными интересами, оно готово к сотрудничеству и слиянию.

Административный Юань возглавил Лян Хунчжи, который стал фактическим главой новой политики. Как и другие сторонники японских властей и многие из членов Временного правительства, он в молодости некоторое время жил в Японии, после провозглашения республики работал в Государственном совете, а также был редактором «Азиатского журнала», основанного Юань Шикаем, после смерти которого вошел в состав администрации Дуань Цижуня в статусе генерального секретаря. В большую политику Лян Хунчжи вернулся только с началом военных действий.

В отличие от состава Временного правительства, практически все министры и должностные лица Реформаторского правительства имели опыт руководства профильными министерствами прежних составов правительства Китая. Главой двухпалатного Законодательного Юаня стал последний министр Цинского правительства по делам Тибета и министр нескольких провинциальных правительств Вэнь Цзунци; министром внутренних дел – бывший секретарь офиса президента Сунь Ятсена в Гуаньчжоу, заместитель министра внутренних дел и начальник Департамента полиции Нанкина в гоминьдановском правительстве Чэнь Цюнь; министром иностранных дел – бывший и. о. министра иностранных дел Бэйянского правительства, посол во Франции, представитель Китая в Лиги наций и недолгое время министр иностранных дел гоминьдановского правительства Чэнь Юй, который в

феврале 1939 г. был убит представителями одной из радикальных молодежных организаций, после чего этот пост с апреля по август 1939 г. занимал бывший председатель Верховного суда провинций Чжэцзян, Чжили (Хэбэй) и Хэнань Линь Юй, ставший позднее министром промышленности, а после него – бывший редактор ряда пекинских газет и дипломат Ся Цифэн; министром финансов – первый министр финансов Китайской Республики и один из последних министров финансов Бэйянского правительства, а также недолгое время министр финансов и и. о. министра иностранных дел в правительстве Дуань Цижун Чэнь Цзиньтао, умерший в июне 1939 г., когда ему на смену в его последней должности пришел бывший министр финансов провинций Гуаньдун и Цзяньсу Ян Цзянчи; министром промышленности – бывший журналист и редактор газеты «Бэйджин Дэйли» Ванцзы Хуэй, ушедший в отставку в июне 1939 г., когда его сменил министр иностранных дел Линь Юй; министром транспорта сначала был назначен Лян Хунчжи, который в июле 1938 г. передал этот пост бывшему послу гоминьдановского правительства в Японии Цзян Хунци; министром образования в марте-апреле 1938 г. – бывший председатель Торговой палаты Шанхая и Комитета местного самоуправления Сучжоу Чэнь Цзэминь, который затем стал губернатором провинции Цзянсу, а его обязанности с апреля по июль 1938 г. исполнял министр внутренних дел Чэнь Цюнь, затем – известный математик, бывший директор Пекинского колледжа искусств и наук и декан факультета математики Северо-Восточного университета Гу Чэн (до апреля 1939 г. в статусе и. о. министра); министром по вопросам умиротворения – кадровый военный, председатель Комитета по иностранным делам Хэбэйско-Чахарского политического совета Чжэнь Юаньтао, который в июле того же года был назначен министром юстиции; до этого данное ведомство было предложено возглавить бывшему председателю Верховного суда провинции Чжэцзян председателю Комитета по надзору и управлению торговыми компаниями Китая, председателю Центрального комитета по управлению древностями и заместителю министра внутренних дел гоминьдановского

правительства Сюй Сюнчжи, от чего он отказался; первым председателем Верховного суда, созданного в мае 1939 г., стал бывший директор Департамента по общим вопросам министерства иностранных дел, генеральный секретарь Министерства юстиции и и. о. министра юстиции гоминьдановского правительства Чжу Лухэ, который с августа 1938 г. исполнял обязанности руководителя судебного управления и которого в январе-марте 1940 г. на его посту сменил Чэн Юйжэн. Глава Судебного Юаня так и не был определен и назначен.

Был сформирован штат из 20 специальных японских советников, возглавляемых Юки Харадой, взявших под контроль все правительственные учреждения. Каждую пятницу проводились заседания Административного Юаня, а за день до этого глава корпуса советников Харада встречался для предварительного обсуждения всех вопросов с Лян Хунчжи.

Губернатором Цзянсу был назначен Хоу Юй Чэнцзюнь, которого сменил в апреле 1938 г. первый министр образования Чэнь Цзэминь, губернатором Чжэцзяна стал Ван Люй, а губернатором провинции Аньхой – Ни Даоцзюнь. Мэром Нанкина стал бывший заместитель командующего 10-й Национальной революционной армии и командир гарнизона Сюйчжоу Гао Гуаньву, а мэром Шанхая с октября 1938 г. – первый председатель Торговой палаты Шанхая Фу Вэй (Фу Сяоян), который сменил на своем новом посту главу правительства Большого пути Шанхая Суй Сивэня.

В области культуры и образования было создано Бюро пропаганды современной политики, которое в сотрудничестве с японскими спецслужбами в целях контроля над общественным мнением и культурными учреждениями, находящимися под его юрисдикцией, решительно выступало за единое культурное пространство Китая и Японии и развитие Восточной Азии. Были обнародованы идеологические установки, в соответствии с которыми от учащихся начальной и средней школы требовалось обучение японскому языку и иные подобные меры.

Реформаторское правительство предпринимало попытки к стабилизации экономики и налоговой политики. Поскольку налог на соль всегда составлял значительную часть поступлений местных властей, было организовано Главное управление по контролю над оборотом соли и химических веществ, монополизировавшее управление отраслью. Было учреждено Бюро восстановления Шанхая, задача которого – превращение города в крупный экономический центр региона. 30 октября 1938 г. в Шанхае была основана корпорация «Huazhong Zhenxing Co., Ltd.» для контроля за транспортом, электричеством, связью, полезными ископаемыми, водными ресурсами и добычей газа, президентом которой назначен известный японский бизнесмен Юй Цюань.

В сотрудничестве с японской стороной был подписан ряд документов о постройке новых железнодорожных путей, создание крупных горно- и рудодобывающих предприятий, на основе которых предполагалось обеспечить контроль над промышленностью и транспортной инфраструктурой в восточной части Китая и продвижение вглубь страны.

15 декабря 1938 г. Реформаторским правительством был принят нормативный правовой акт, который ставил целью стабилизацию финансовой ситуации. Акт вступал в силу ретроактивно с 1 ноября того же года и предполагал введение моратория на все финансовые преобразования в Шанхае до наступления улучшений¹¹²⁴, чтобы держатели оставшихся старых валютных депозитов не провоцировали финансовые беспорядки в регионе. Однако желаемого эффекта он не принес. В связи с этим 16 февраля 1939 г. пресс-атташе Министерства финансов Японии на пресс-конференции озвучил необходимость создания совместного китайско-японского банка в Восточном Китае.

После попытки японцев подорвать финансовую систему Китая путем создания Федерального резервного банка в Северном Китае было принято

¹¹²⁴ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 75.

решение предпринять аналогичные усилия по учреждению совместного китайско-японского банка на востоке страны, в перспективе создав единый Центральный банк Китая на занятых территориях. Однако, по оценкам экспертов, данная схема изначально была обречена на неудачу так же, как и первая. Было очевидно, что новая финансовая схема – часть плана по установлению контроля финансовых центров в Шанхае, в стабильности которых были заключены иностранные интересы и если бы такой контроль удалось обеспечить, то это был бы серьезный удар по иностранным интересам в регионе. С другой стороны, предлагаемая схема явно демонстрировала растущие финансовые трудности Японии: страна остро нуждалась в деньгах для финансирования своих военных операций и режимов. Японцы искали всевозможные средства для получения ресурсов в занятых регионах Китая. Федеральный резервный банк был призван решить эту задачу. Затем, когда японские вооруженные силы вышли за пределы Северного Китая, понадобилось еще больше ресурсов, поэтому и возникла идея их получения из средств самого Восточного Китая.

Обреченность предлагаемой схемы была в том, что проектируемый Банк «Хуа Син» был бы по своей природе коммерческим банком с совместным капиталом, половина которого должна была быть предоставлена японскими банками (в числе которых значились Промышленный банк Японии, Банк Тайваня, Чосон банк (Банк Кореи), Мицубиси банк, Сумитомо банк, Мицуй банк), а половина – создаваемым режимом. Учитывая опыт слабого использования выпускаемых режимом банкнот в Северном Китае, можно было прогнозировать, что ни одна схема, которая бы предполагала добровольное использование новой валюты в Восточном Китае без нажима, угроз и насилия, не сработала бы, и народ это хорошо знал.

Более того, у британцев имелся внутренний документ, утвержденный в ноябре 1935 г., который предписывал гражданам, предприятиям и государственным органам использовать лишь прежнюю китайскую национальную валюту, признаваемую единственно законной валютой в Китае.

Ожидалось, что остальные иностранцы предпримут надлежащие меры для защиты самих себя и своих интересов, пока их правительства будут протестовать против японской политики и новых японских финансовых маневров¹¹²⁵.

Банк был официально создан 1 мая 1939 г. с уставным капиталом в 50 млн юаней и по аналогии с «северным соседом» выпустил Примечания к действующему законодательству для Восточного Китая. Положения этого документа не вступали в конкуренцию с северными нормативными правовыми актами, как и ни вступали в конкуренцию со старым юанем новые банкноты, поскольку предполагалось воспользоваться преимуществом позиций старой валюты, прежде чем переходить на новую. Поэтому Восточный Китай, в котором новый юань должен был функционировать как основная валюта во внешней торговле, сохраняя во внутренних вопросах положение старого юаня, должен был быть четко отделен от финансовой системы Северного Китая, где валюта была унифицирована¹¹²⁶. Следовательно, между этими двумя валютами не было связующего звена, что было официально закреплено 10 июня 1938 г., когда курсирование старого юаня между двумя районами было запрещено в Северном Китае.

Но поскольку описанные выше шаги, применяемые в Северном Китае, были предназначены только для унификации валюты, а не изоляции региона от Восточного Китая, финансовое разделение потребовало принятия некоторых мер для восстановления финансовых и торговых отношений между регионами. В итоге регулировать поток товаров между ними было решено посредством Соглашения между Федеральным резервным банком и «Хуа Син» и плана по увязыванию двух валют, который был заслушан на VI совместной конференции двух правительств в конце сентября 1939 г. и утвержден VII совместной конференцией¹¹²⁷.

¹¹²⁵ China's warning to "Traitors" // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Feb. 17. P. 2.

¹¹²⁶ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 99.

¹¹²⁷ Ibid. P. 100.

Министерство финансов гоминьдановского Китая, комментируя создание китайско-японского банка в Восточном Китае, заявило: «... После неудачной попытки Японии подорвать валютную систему Китая, создав марионеточный Федеральный резервный банк в северной части страны, финансовые стратеги Японии перебросили свои усилия в центральную часть, создавая аналогичную структуру, но она обречена на неудачу так же, как и первая... Федеральный резервный Банк в Северном Китае был создан для того, чтобы навязать общественности бесполезную и неконвертируемую валюту. Теперь же, когда такая политика исчерпала себя и приближается к своим пределам в Северном Китае, а денег нужно еще больше, японцы обращают внимание на Восточный Китай. И, несмотря на внешне коммерческие атрибуты, новая схема потерпит неудачу, потому что общественность слишком хорошо знает истинную ситуацию. В то время как китайскому правительству придется принимать встречные меры, иностранные банки просто-напросто не будут принимать новые банкноты и в целом иметь другие дела с новым банком»¹¹²⁸.

Тогда же все коммерческие банки Восточного Китая были объединены в единую финансовую организацию, был организован выпуск собственной валюты, ваучеров и облигаций. 30 августа 1939 г. Реформаторское правительство Китайской Республики выпустило прокламацию, согласно которой все пошлины на импорт и экспорт, подлежащие взиманию в таможенных пунктах Шанхая, с 1 сентября 1939 г. должны осуществляться в валюте Федерального резервного банка Китая, в то время как чунцинская валюта подлежит обороту только по ставкам, которые будут ежедневно объявляться таможенными органами Шанхая¹¹²⁹. В январе 1941 г., после создания Центрального резервного банка Китая, «Хуа Син» был переведен в статус обычного коммерческого банка.

¹¹²⁸ Hua Hsing Bank Scheme Will Fail // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 12. P. 8.

¹¹²⁹ Customs payments in new currency // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Aug. 31. P. 2.

В области экономики ситуация по-прежнему концентрировалась вокруг Великобритании. 24 марта 1939 г. и. о. министра иностранных дел в Реформаторском правительстве Китайской Республики Чэнь Юй заявил, что если Британское правительство признает новое правительство в Нанкине, то оно сможет и в дальнейшем обеспечивать свой рынок в Восточной Азии¹¹³⁰. Чэнь Юй отметил, что с момента создания нового правительства Великобритания продолжала расширять помощь режиму Чан Кайши в надежде сохранить свои права и интересы в Китае и напомнил, что эта страна недавно предоставила нанкинским властям крупный заем для приобретения оружия¹¹³¹. Он настоятельно призвал Великобританию признать тот факт, что восстановление мира и порядка в Восточной Азии является необходимым условием для возвращения бизнеса в нормальное состояние, а продолжение помощи режиму Чан Кайши вызвано отсутствием правильной оценки фактической ситуации в Восточной Азии¹¹³².

Незадолго до этого Реформаторское правительство заявило, что готово пойти на объявление войны Великобритании и Франции, если они не пересмотрят и не изменят своего отношения к режиму Чан Кайши¹¹³³.

19 июня 1939 г. министр иностранных дел Реформаторского правительства Китайской Республики Чэнь Юй опубликовал заявление в отношении ситуации в Тяньцзине. Суть сводилась к тому, что в тех регионах, где генерал Чан Кайши утратил управленческие рычаги, представителям держав следовало бы поддерживать рациональные связи с новыми режимами. Он высказал сожаление, что британские власти в Шанхае и Тяньцзине проявили враждебное отношение к Реформаторскому и Временному правительствам, но новые власти сохраняли надежду на то, что недоразумения разрешатся дружеским путем, а державы смогут изменить свою дальневосточную политику в отношении концессий и приостановят помощь

¹¹³⁰ China puppet appeals for British recognition // Ibid. Mar. 25. P. 1.

¹¹³¹ Ibid.

¹¹³² Puppet regime's plea to Britain // The Straits Times. 1939. Mar. 25. P. 9.

¹¹³³ Stanley Jones C. H. Showdown in Far East Is Very Near // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Mar. 5. P. 12.

режиму Чан Кайши¹¹³⁴. В целом же экономика остро нуждалась в ресурсах, часть из которых представляла из себя организованный японцами наркотрафик.

В начале января 1940 г. опубликован доклад, сделанный американским преподавателем-миссионером доктором М. С. Бейтсом из Нанкинского университета, составленный на основе рассказов британских миссионеров о политике, проводимой японскими и подконтрольными им китайскими чиновниками по полулегальному обороту наркотиков, продававшихся после захвата Нанкина в городе и провинциях Цзянсу, Аньхой и Чжэцзян почти свободно. Основной трафик был налажен из Маньчжоу-Го, а доход от оборота опиума являлся одним из основных источников пополнения бюджета Реформаторского правительства и необходимым условием поддержки других режимов. В 1939 г. составленный на основе данных его доклад уже содержал сведения об обороте наркотиков в Центральном Китае¹¹³⁵. Как видно из докладов, эта сфера экономики стала одной из самых доходных для новых прояпонских властей.

В первую годовщину со дня своего основания Реформаторское правительство Китайской Республики опубликовало Манифест, в котором обязалось создать «новый Китай»¹¹³⁶, однако новость, очевидно, впечатлила не всех, поскольку незамедлительно активизировались партизанские отряды, и был разработан план ликвидации и руководства китайских коллаборационистов, и высшего командного состава японской армии в регионе. В результате 12 июня 1939 г. была совершена неудачная попытка отравить вином ключевых членов Реформаторского правительства и высокопоставленных японских военных и дипломатических должностных лиц во время приема в Генеральном консульстве Японии. Гостями мероприятия были председатели Исполнительного и Законодательного Юаня, министры

¹¹³⁴ Japan Says Action Only Against Britain ...

¹¹³⁵ The opium evil in occupied China // Malaya Tribune. 1940. Jan. 9. P. 14.

¹¹³⁶ Puppet Government Issues Manifesto // The Straits Times. 1939. Mar. 29. P. 10.

(общественной безопасности, образования и юстиции), а также мэр Нанкина. Агентство «Рейтер» сообщило об аресте одного китайского подозреваемого¹¹³⁷. Китайский служащий Чжан Чанлинь из Японского консульства и 2 японских клерка умерли в результате отравления, однако большая часть гостей серьезно не пострадала, поскольку медицинская помощь подоспела вовремя. Уже 13 июня, оправившись от последствий отравления, заместитель министра иностранных дел Японии Томусабуру Симидзу отбыл из Нанкина в г. Фукуоку¹¹³⁸, а Лян Хунчжи выписан из больницы и вернулся к исполнению своих обязанностей¹¹³⁹, примерный срок завершения которых был к тому времени уже определен: было очевидно, что либо в конце текущего года, либо в начале следующего консолидация режимов неизбежна. Япония прочно закрепилась в регионе, а структура Реформаторского правительства Китайской Республики и его кадровый состав соответствовали разработанной модели объединения.

Таким образом, констатируем, что в формировании обновленного регионального политического порядка Япония сделала еще один уверенный шаг к обеспечению контроля над регионом. Новые политики в лице Автономного правительства Шанхая и Реформаторского правительства трех восточных провинций, несмотря на формально подчиненное положение в отношении к Северному Китаю и Временному правительству в Пекине, в период с 1938 по 1940 г. выступали своеобразной моделью автономии с более широкими полномочиями и задачами. Обладая организационным единством, признаваемые единственным на тот момент властным центром, сохраняя, покуда это было возможно, баланс с другими геополитическими акторами в лице западных держав, чьи интересы присутствовали в регионе и были оформлены в виде прав иностранных поселений, эти политики выполняли функции амортизатора, стараясь погасить претензии участников Договора

¹¹³⁷ “Puppet” Officials Given Poisoned Wine At Banquet // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 13. P. 2.

¹¹³⁸ Puppet President Leaves Hospital // The Straits Times. 1939. Jun 15. P. 9.

¹¹³⁹ Japanese Consul's Guests Recovering // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 15. P. 1.

девяти держав непосредственно к японской стороне, с чем успешно справились – ни военного конфликта, ни сколько-нибудь значимых последствий японская политика в регионе не спровоцировала.

Играя роль буфера не только между японской стороной и Центральным правительством Китая (бывшим Нанкинским, ныне – Чунцинским), но и между северными регионами, Центральным и Южным Китаем, особенно в валютной политике, Восточной Китай под управлением Лян Хунчжи оказался более удобной базой и в географическом, и в экономическом, и в политическом плане, поскольку японцам договариваться с этой частью китайской политической элиты оказалось проще, чем с северянами, чем была доказана эффективность выбранной модели. В остальных аспектах ситуация была схожей с Северным Китаем. В итоге именно команда Лян Хунчжи и составила костяк высших управленческих кадров новой Китайской Республики во главе с Ван Цзинвэем, а территория Восточного Китая – центром альтернативной китайской государственности со столицей в Нанкине.

4.3. Создание Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя как альтернативной модели китайской государственности

Инцидент на мосту Марко Поло в июле 1937 г. вблизи Пекина привел к глубокому кризису между Японией и Китаем и стал предлогом к началу крупномасштабных военных действий, однако истинная причина противоречий крылась в той экономической ситуации, в которой оказалась Япония на рубеже 20–30-х гг. XX в. Военные действия на континенте и сложная международная обстановка, в которой все более увязала эта страна на исходе первого года Второй японской-китайской войны (лето 1938 г.), заставляли часть политической элиты искать способы прекращения конфликта с Китаем, однако и среди гражданских чинов, и в значительно большей

степени в числе военных перевес был на стороне тех, кто призывал страну к продолжению реализации намеченных планов на континенте¹¹⁴⁰.

Между тем на всех территориях, которые занимали японские вооруженные силы и где они создавали региональные правительства на уровне провинций и областей, патриотические риторика против Гоминьдана не работали, а в большинстве случаев лишь только худшие элементы местных обществ готовы были занять государственные пост. После занятия японскими войсками китайских городов устанавливалась информационная блокада этих объектов. Не поступало никаких новостей из радио и прессы, везде устанавливались плакаты, демонстрирующие рукопожатие китайских и японских граждан, китайских фермеров и зло китайских милитаристов. Планы японцев, стремившихся получить доступ к поставкам сырого хлопка из Северного Китая, и сделанные на начало весны указания со стороны коллаборационистских властей в адрес фермеров закончились полным провалом, потому что партизаны в течение всего сезона посева устраивали диверсии.

Поэтому в качестве возможной альтернативы прекращения Китайской-японской войны без серьезных имиджевых и внутривластных осложнений был предложен план раздела Китая, по меньшей мере на пять полусамостоятельных единиц, разработка которого началась сразу же после установления режима Временного правительства в Пекине. Европейским державам были предложены сферы влияния, представляя схему, сходную с планами империалистов 40-летней давности, когда после окончания Первой японско-китайской войны распад Китая казалась неизбежным. Согласно нынешнему плану, страна могла быть поделена следующим образом: 1) Северный Китай со столицей в Пекине под властью Временного правительства; 2) Внутренняя Монголия со столицей в Хух-Хото под управлением Дэ Вана, возглавляющего на тот момент Монгольскую

¹¹⁴⁰ Peiping drafting China peace plan // The New York Times. 1938. Jul 2.

Федерацию; 3) Восточный Китай со столицей в Нанкине во главе с Реформаторским правительством; 4) Центральный Китай со столицей в Чунцине под управлением нынешнего гоминьдановского правительства; 5) Южный Китай со столицей в Кантоне под управлением коалиции провинциальных лидеров Гуандуна и Гуанси.

Таким образом, проект плана обеспечивал соответствующие сферы влияния: Японии – в Северном Китае и Внутренней Монголии; Германии – в Шаньдуне, где у нее были экономические позиции перед Первой мировой войной; Великобритании – в долине нижнего течения Янцзы, включая Шанхай; Франции – на юге Китая¹¹⁴¹. Япония была готова признать Чан Кайши в качестве главы режима в Чунцине, если он примет план раздела, при этом командование Квантунской армии прекрасно понимало, что этого не будет, в связи с чем в ультимативной форме предоставляло лидеру Гоминьдана 5 дней для его одобрения, чего, конечно же, не произошло.

Политический расклад относительно внешней политики Японии на континенте внутри самой Японии обозначил три группировки. Они расходились во взглядах о политической судьбе Китая, присутствии Японии в регионе и в направлениях продолжения войны. Так называемая Южно-китайская группировка не допускала мысли о заключении мира до тех пор, пока весь Китай не будет находиться под контролем Японии, что означало вызов Великобритании и Соединенным Штатам, подданных которых группировка требовала удалиться из страны, одновременно с этим продолжить наступательную политику, захватить Сингапур и, возможно, голландскую Ост-Индию с целью обеспечить безопасную регулярную поставку нефти, резины и амуниции из Италии и Германии. В условный состав Северо-китайской группировки входили генерал-майор Доихара, военный министр Итагаки, командующий войсками в Шанхае генерал Мацуи, министр образования генерал Араки, руководитель общего отдела Комитета по

¹¹⁴¹ Tokio even willing to give Chiang piece of his own country // New York Post. 1938. Jul 2. P. 2.

развитию Восточной Азии и будущий министр юстиции генерал-лейтенант Янагава, морской министр адмирал Йонаи и некоторые другие политики. Эта группа лиц стояла на позиции мира с Китаем, уходе из Центрального и Южного Китая и концентрации исключительно на севере, Внутренней Монголии и Маньчжоу-Го. Третья, Антисоветская группировка, с позицией которой в определенной мере соотносится позиция Северо-китайской, настаивала на расторжении всех соглашений с Советской Россией, подготовке и молниеносном вторжении, которое позволило бы решить все имеющиеся у страны проблемы¹¹⁴². В итоге победила Южно-китайская группировка, которая обеспечила и военное продвижение вглубь континента, и втягивание Японии во Вторую мировую войну, и ее поражение.

Для реализации плана Южной группировки 22 сентября 1938 г. в Пекине был образован Объединенный комитет правительств Китайской Республики, целью которого стало создание необходимых условий для объединения. Временное правительство делегировало в состав Комитета Ван Кэминя, который стал его председателем, а также Ван Итана и Чжу Шэна. Реформаторское правительство направило Лян Хунчжи, Вэнь Цзунси и Чэнь Цюня. Комитет с заданной периодичностью проводил конференции, на которых принимались все ключевые политические решения, требующие обоюдного согласия.

4 января 1939 г. было объявлено о формировании единой политической структуры, которая должна была занять место Центрального правительства и представлять Китай как внутри страны, так и на международной арене. Новое правительство, по планам, должно было быть встроено в пеструю политическую систему нескольких местных режимов, созданных в результате японского вторжения. Хотя точная модель единой администрации не была объявлена, предполагалось, что это будет федеративная система региональных правительств, связанная с центральными главными руководящими органами.

¹¹⁴² Japanese sharply divided on policy in China // The Manchester Guardian. 1939. Feb. 22. P. 6.

Новое правительство должно было занять позицию сотрудничества по отношению к Японии и враждебности – по отношению к коммунистам, для чего и должно было быть признано Японией как законный преемник правительства Чан Кайши и Гоминьдана. Обратим внимание на основные направления претворения в жизнь этого плана.

Среди ключевых возникал вопрос о наличии сильного и влиятельного человека, способного возглавить новую правительственную структуру. Первое, что приходило на ум и экспертам, и обывателям – это маршал У Пэйфу, чье гипотетическое право на президентский пост поддерживали многие государственные и политические деятели. К исследуемому нами периоду ему был 61 год, из которых уже более 10 лет он находился на пенсии. В свое время это был одним из самых могущественных военных правителей в Китае, но в 1928 г. в результате Северного похода его правление прекратил Чан Кайши. С тех пор, живя спокойно в Пекине, он до недавнего времени был равнодушен к японским движениям в его сторону, однако незадолго до описываемых событий японская пресса сообщила, что маршал У отправил циркулярные телеграммы некоторым китайским политикам, в которых описывалась кампания Японии как «священная война» и имелись такие слова: «Я убежден, что план создания нового порядка в Китае спасет Китай и избавит людей от страданий. Появилась возможность объединить нацию и обеспечить мир. Не упустите его!» Так ли это было на самом деле? Была ли эта телеграмма подлинником или очередным инструментом японской пропаганды – для нас принципиального значения не имеет, поскольку маршал У действенного желания к сотрудничеству с японцами никогда не проявлял, результатом чего стал новый поиск кандидата, остановившийся, как известно, на фигуре Ван Цзинвэя, будучи человеком, на которого Япония рассчитывала в вопросе формирования нового центрального правительства, способного заключить мирный договор на ее условиях, и которому были бы переадресованы возражения и обращения иностранных держав при формальном сохранении за

Китаем всех его территорий. На его личности и причинах, побудивших его к предательству, стоит остановиться более подробно.

Постепенно признаваемому главами органов власти, которые Япония создала некоторое время назад в Пекине, Нанкине и других частях Китая, ему вверили решение всех проблем и, будучи поддержанным японской армией, он, казалось, был способен найти компромисс со своими «гибкими» соотечественниками. Сам Ван Цзинвэй был готов пригласить Чан Кайши занять один из постов в новой политике. Уверенность в этом подкреплял настрой отдельных слоев обществ: например, бизнесмены и даже некоторые официальные лица все чаще задавались вопросом об утечке огромного количества сил и ресурсов на войну с Японией, о растущих экономических трудностях и бесконечности этого процесса.

Ван Чжаомин родился в 1883 г. Его прадед был губернатором Хунани на рубеже XVIII–XIX вв. Как и многие его сподвижники, молодой Ван учился в Японии, по возвращении включился в революционное движение, сделал блестящую карьеру в Южном правительстве в Гуанчжоу, взяв псевдоним Цзинвэй, а затем и в новом правительстве после Северного похода.

Ван Цзинвэй объявил о своей отставке с постов премьер-министра и министра иностранных дел по причине плохого здоровья¹¹⁴³, хотя в значительной мере на этот шаг повлияло заявление о своей мирной позиции в отношении Японии и последовавшее за этим покушение группы китайских патриотов, в результате которого погиб его заместитель. На III пленарной сессии Центрального исполнительного комитета Гоминьдана в Нанкине 15 февраля 1937 г. он рассматривался в качестве председателя гостоянного Центрального исполнительного комитета¹¹⁴⁴, однако его лояльность японской стороне осложняла и без того непростое положение.

24 февраля 1937 г. в интервью французским представителям прессы Ван Цзинвэй заявил, что Центральное правительство отныне будет

¹¹⁴³ Chinese war minister // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 2. P. 14.

¹¹⁴⁴ Malaya and China Parley // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 14. P. 5.

концентрировать свои усилия на восстановлении утраченных территорий, и в первую очередь внимание будет сосредоточено на Автономном правительстве Восточного Хэбэя. Япония же, по его мнению, должна осознать, что этот шаг находит поддержку со стороны всего населения страны. Спустя год после этого, разрешая проблему юга страны, он выступил с заявлением о необходимости созыва Конференции национального примирения с участием высшего руководства Гуанси – политического центра южно-китайского региона, который доставлял центральным властям немало хлопот. В свою очередь китайские коммунистические лидеры в союзе с командованием армии Гуанси и Сычуани потребовали от него провести совместную Национальную конференцию спасения с участием всех заинтересованных сторон для борьбы с агрессией Японии, которое было отклонено¹¹⁴⁵. Вместо этого Ван Цзинвэй снова вернулся к вопросу о восстановлении утраченных территорий в Маньчжурии и Жэхэ¹¹⁴⁶. В августе и сентябре 1938 гг. в Гонконге состоялся ряд встреч помощника Ван Цзинвэя Чжоу Фохая с представителем японского премьер-министра Мацумото, на которых японская сторона предложила отказаться от своих территориальных претензий, компенсации и выводе в течение 2 лет основного состава своих войск при поддержке мирного движения во главе с Ван Цзинвэем, однако на этом этапе перехода одного из гоминьдановских лидеров в стан врага не происходит.

Непосредственным поводом к дискуссии внутри высшего руководства Китая о дальнейших взаимоотношениях с Японией, приведших к разрыву отношений Чан Кайши и Ван Цзинвэя, можно считать выступление 22 декабря 1938 г. премьер-министра Японии со своим третьим, резюмирующим заявлением по Китаю, в котором тот обозначил в качестве основы для дальнейших взаимоотношений добрую волю и дружбу между двумя странами, отказ Японии от территориальных претензий к Китаю и компенсации понесенных в ходе войны затрат, возвращение иностранных концессий и

¹¹⁴⁵ Recovery Of East Hopei Our Immediate Aim // The Straits Times. 1937. Feb. 25. P. 5.

¹¹⁴⁶ China Wants Manchuria Returned // Morning Tribune. 1937. Feb. 26. P. 3.

отмену экстерриториальной юрисдикции, предлагая в соответствии с духом «оси» и антикоминтерновским пактом совместную защиту от коммунизма и экономическое сотрудничество.

Реакция международного сообщества оказалась быстрее, чем китайского правительства. Так, английский посол в Токио озвучил коммюнике, в котором говорилось: «Правительство Его величества оказалось в недоумении и не может понять, как позиция, озвученная принцем Коноэ о том, что Япония не имеет территориальных претензий и уважает суверенитет Китая, может быть соотнесена с заявленным намерением японского правительства заставить китайских граждан силой оружия принять условия, влекущие отказ от их политической, экономической и культурной свободы, предоставленной под японский контроль. Неопределенность в сроках пребывания в Китае значительных японских вооруженных сил и фактическое отделение Внутренней Монголии заставляют Великобританию настаивать на том, чтобы Япония придерживалась принципов Договора девяти держав. Великобритания не может принять позицию Японии о том, что Соглашение устарело или что часть его условий больше не соблюдается никем, кроме Японии. Великобритания не утверждает, что соглашения вечны, поэтому если у Японии имеются конструктивные предложения относительно изменений, касающихся Китая, Великобритания готова обсудить их»¹¹⁴⁷. Относительно заявления Японии о готовности рассмотреть отмену экстерриториальности в Китае, британская позиция сводилась к тому, что если Япония преуспевает в ее планах относительно контроля страны, отказ от экстерриториальности не будет частью значительных уступок. Великобритания будет готова возобновить обсуждение этого вопроса с полностью независимым Китайским правительством после восстановления мира. Таким образом, Запад в очередной раз подталкивал Китай к жесткому отказу от заявленных предложений.

¹¹⁴⁷ Japan's peace terms // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 27. P. 14.

Спустя неделю, 29 декабря 1938 г., с ответной речью относительно взаимоотношений и мира с Японией выступил и Ван Цзинвэй, адресовав Чан Кайши и Гомиьндану обращение¹¹⁴⁸, опубликованное прессой Гонконга. Из-за этого выступления он и был освобожден ото всех должностей и снят со всех постов, включая пост вице-президента Гомиьндана. Впоследствии военные и гражданские лидеры и общественные организации решительно осудили его действия как предательство. «Стрейтс Таймс» от 12 января 1939 г. под портретом Ван Цзинвэя приводит основные тезисы этого обращения. В Манифесте экстренного съезда Гомиьндана есть раздел, касающийся причин войны и сопротивления: «Причина, почему после заключения Соглашения Тангу в 1934 г. мы продолжали, несмотря на все унижения, вести переговоры с Японией в том, что мы желали избежать военных действий и решать мирными средствами двойную задачу: во-первых, обеспечить безопасность северных провинций, а затем, принять разумное решение вопроса о четырех северо-восточных провинциях. Политически наши минимальные условия включают в себя неприкосновенность наших суверенных прав и поддержание нашей юрисдикционной независимости и целостности, тогда как экономически нашим руководящим принципом является взаимность и равенство».

С возникновением инцидента на мосту Лугоуцяо (Марко Поло) в июле 1937 г. Китай увидел, что вышеупомянутая надежда на мирное урегулирование не может быть реализована и был вынуждена прибегнуть к вооруженному сопротивлению.

В заявлении 22 декабря, однако, правительство Японии изложило его фундаментальную политику восстановления китайско-японских отношений...

Первым делом был подчеркнут принцип добрососедства и любезности. Япония торжественно заявила, что она не требует ни территории, ни возмещения расходов от Китая, и что Япония не только уважает суверенитет

¹¹⁴⁸ "Peace offer" to China // Ibid. 1940. Jan. 17. P. 9.

Китая, но и для того, чтобы обеспечить полную его независимость, она будет также следовать принципам реформы Мэйдзи, а именно – в обмен на свободу предоставить японцам возможность жить и заниматься бизнесом в Китае, Япония, на условиях взаимной выгоды, вернет Китаю концессии и согласится на отмену экстерриториальности.

С тех пор, как правительство Японии торжественно выдвинуло такое заявление, стало возможно мирным путем не только обеспечить безопасность северных провинций, но и восстановить территории, утерянные в ходе нынешней войны и сохранить национальный суверенитет Китая и его юрисдикционную независимость и целостность. Поэтому мы должны принять решение и решиться на меры в соответствии с манифестом, чтобы принять разумное решение вопроса о четырех северо-восточных провинциях.

Второй момент заключается в антикоминтерновском сотрудничестве. Этот вопрос неоднократно поднимался правительством Японии в течение последних нескольких лет, но мы подозревали, что такое сотрудничество приведет к вмешательству в наши военно-политические дела. Это подозрение может быть снято с учетом однозначного заявления о том, что предлагаемый Антикоминтерновский пакт между Китаем и Японией будет заключен в том же духе, как аналогичные пакты сейчас связывающие Японию, Германию и Италию.

Целью Антикоминтерновского Пакта является сдерживание губительного международного тайного сговора коммунистов, и по этой причине пакт не должен включать участие Советской России.

Кроме того, поскольку Коммунистическая партия Китая уже взяла на себя ответственность за реализацию “Трех народных принципов”, она должна полностью отказаться от своей партийной организации и от пропагандистской работы, упразднить передовое правительство, а также его специальные военные структуры и полностью подчиняться правовым институтам Китайской Республики....

Следует отметить, что “Три народных принципа” являются основополагающими принципами китайской нации и, следовательно, выполняя нашу обязанность защищать страну, мы должны автоматически и незамедлительно пресекать все организации и пропаганду, которые противоречат им.

Третий момент состоит в экономическом сотрудничестве. Оно неоднократно предлагалось правительством Японии в течение последних нескольких лет, но пока в стране сохраняется политическая неразбериха, об этом не может быть речи.

Правительство Японии теперь торжественно объявило, что оно будет уважать суверенитет и юрисдикционную независимость и целостность Китая и что ее экономические цели не направлены на осуществление монопольного контроля Китая, она не потребует, чтобы Китай ограничил интересы третьих держав, а будет придерживаться принципа равенства для того, чтобы реализовать экономическое сотрудничество между Китаем и Японией. В таком случае мы должны согласиться с принципом и на этой основе сформулировать конкретные предложения...

После тщательного обдумывания я пришел к убеждению, что Национальное Правительство должно незамедлительно на основе этих трех пунктов обменяться мнениями с правительством Японии в целях восстановления мира. Здесь вполне можно напомнить, что правительство Японии в своем заявлении от 3 ноября уже изменило свое отношение, как указано в Декларации от 16 января, и если национальное правительство принимает вышеуказанные три пункта в качестве основания для мира, путь к переговорам открыт.

Объектом вооруженного сопротивления Китая является обеспечение его национального существования и независимость. В ходе настоящей войны, которая длится уже более года, большие страдания были нанесены стране. Если мы в состоянии установить мир в соответствии со справедливостью,

тогда существование и независимость нации могут быть сохранены и цель вооруженного сопротивления оправдана.

Эти три пункта составляют принципы мира. Что касается условий мира, мы внимательно рассматриваем их, чтобы удостовериться в их соответствии.

Особое значение имеет вывод из Китая японской армии, который должен быть быстрым и всеобщим во всех направлениях.

Кроме того, так называемые особые территории, где японские войска могут разместиться на некоторое время на условиях, оговариваемых в предполагаемым Антикоминтерновским пакте, должны быть ограничены только Внутренней Монголией. Это влияет на суверенитет Китая и его юрисдикционную независимость и целостность, и только в силу этого ограничения Китай сможет выполнять работу послевоенного восстановления и реконструкции в духе современного государства.

Ввиду нашей близости, добрососедство и дружественные отношения между Китаем и Японией естественны и необходимы. Настоящее, отклоняющееся от того, что должно быть, состояние требует тщательной повторной проверки и каждая из сторон должна попытаться осознать свою ответственность.

Для установления основы прочного мира между двумя странами не только Китай должен сделать ее просветительскую политику, соответствующей принципам добрососедства, – это также в большей степени необходимо Японии, чтобы ее народ отказался от своих традиционных пренебрежительных захватнических идей в отношении Китая и вместо этого вел про-китайскую просветительскую политику.

Это то, к чему мы должны стремиться для благосостояния Восточной Азии. В то же время в целях обеспечения мира и безопасности на Тихом океане и в мире в целом мы также должны сотрудничать на международном уровне для реализации взаимных интересов.

Я пользуюсь этой возможностью, чтобы сделать вышеизложенные предложения и искренне надеюсь на их принятие»¹¹⁴⁹.

Руководство Гоминьдана публично высказало свое возмущение по этому поводу, а наиболее авторитетные лидеры – даже сожаление о времени совместной с Ван Цзинвэем работы.

В ходе анализа ситуации выяснилось, что его скорое вслед за выступлением отбытие из Чунцина было тайно и тщательно спланировано: перед отъездом в Ханой семья, персонал и багаж были вывезены заблаговременно, что свидетельствует о решимости Ван Цзинвэя никогда не возвращаться обратно. Китайская пресса единодушно приветствовала его высылку, а правительство Китая выдало официальный мандат, предписывающий арест и наказание всех лиц, участвующих в деятельности созданных японцами режимов.

Надежды на мир, которые возникли после отбытия Ван Цзинвэя из Чунцина, окончательно рассеялись вслед за его изгнанием из правительства. Таким образом, перед Китаем год 1939-й представал без сколько-нибудь четких перспектив прекращения боевых действий. Один из руководителей Коммунистической партии Китая Чжоу Эньлай заявил, что дезертирство Вана не повлияет ни на внутреннюю солидарность Китая, ни на войну или сопротивление. Он указал, что за 20 лет его знакомства с Ван Цзинвэем он всегда был трусом, который в ходе своей политической карьеры часто менял свои мнения и суждения, всегда предавал своих коллег, как только возникала трудность, и, будучи оппортунистом, всегда придерживался линии наименьшего сопротивления¹¹⁵⁰.

Сам Ван Цзинвэй был уверен, что отношения между ним и Японией будут походить на отношения между Великобританией и Францией. При этом у Японии и во Внутренней Монголии, и в четырех провинциях Северного Китая

¹¹⁴⁹ Mr. Wang Ching-wei States His Case For Opening Of Peace Talks // The Straits Times. 1939. Jan. 12. P. 5.

¹¹⁵⁰ Wang Flees From China // Malaya Tribune. 1939. Jan. 3. P. 11.

оставался гарнизон с «особым статусом», войска по всей стране предполагалось отозвать в рамках заключенного мира и сохранить в отдельных регионах для поддержания порядка, а параллельно планировалось создание объединенного учреждения по вопросам экономического сотрудничества с Японией. Еще один вопрос, который легко можно было решить: антикоминтерновский пакт с участием «нового» Китая, поскольку сам Ван Цзинвэй был ярким антикоммунистом. Таким образом, и Внутренняя Монголия, и Северный Китай получат статус антикоммунистического пояса и территории, которую японский гарнизон должен защитить от атак коммунистов.

Но Ван Цзинвэй или не понимал, или не хотел понимать, что надежды японцев сводились к продолжению борьбы внутри китайского общества, которую тогда можно будет назвать гражданской войной, хотя по сути это была бы фактически та же самая война между Китаем и Японией, которую последняя вела, но уже «чужими руками». К тому же и внутри коллаборационистов его позиция не была такой уж однозначной и безальтернативной едва ли не до середины 1939 г. Так, в апреле 1939 г. глава Пекинского правительства Ван Кэминь по возвращении с заседания Объединенного комитета, проведенного в Нанкине, отрицал наличие какой-либо связи между своим правительством и Ван Цзинвэем. Ван Кэминь заявил, что возможность создания нового центрального правительства в Нанкине не обсуждалась, а вопрос о приглашении на должность главы объединенного правительства У Пэйфу даже не был удостоен ответа¹¹⁵¹.

Усиление позиций будущего лидера коллаборационистов начинается после провала попыток прояпонски настроенной Ассоциации национального спасения в Пекине мирными средствами добиться прекращения войны. Поэтому японцы принимают решение организовать Всемирное движение за мир, возглавляемое Ван Цзинвэем со штаб-квартирой в Шанхае и

¹¹⁵¹ Puppet government and Wang Ching-Wei // The Straits Times. 1939. Apr. 13. P. 9.

представительствами в Пекине и Тяньцзине. Целью движения должна была стать разработка мер по скорейшему прекращению войны и развитию шанхайско-японской дружбы. Аналогичную организацию предполагалось создать и в Японии, которая взяла на себя расходы по содержанию китайского дублера, открытие которого было запланировано на начало июня¹¹⁵². Для обсуждения этих вопросов с представителями Японского правительства в середине мая 1939 г. Ван Цзинвэй отправился в Фукуоку, где заручился их поддержкой. Вслед за этим его представители в конце мая 1939 г. в Пекине при участии японской стороны обсудили возможности слияния режимов, однако результат обсуждения остался неизвестен. Было лишь известно, что переговоры касались иностранных инвестиций, автономии Внутренней Монголии, особых экономических прав, которыми должна была пользоваться Япония в Китае после установления единого правительства, включая вопрос размещения японских войск на китайской территории¹¹⁵³.

Лишь 20 августа 1939 г. договоренности о создании центрального правительства в Нанкине были завершены. Лян Хунчжи и Чэнь Чун выступили за то, чтобы предварительной датой объединения стало 10 октября, однако официальные лица в Пекине не поддержали этот шаг¹¹⁵⁴. Вслед за этим, в ответ на попытку установить в Кантоне прояпонский режим, группа военных направила на имя президента Китая Линь Сэня и генералиссимуса Чан Кайши телеграмму о необходимости приложить максимальные усилия в антияпонском сопротивлении под руководством генералиссимуса Чан Кайши. Подписавшимися явились исполняющий обязанности главнокомандующего Гуандуна генерал Чжан Факуй, командующий 4-м армейским корпусом в Гуандуне генерал Ю Ханмоу, губернатор Гуандуна генерал Ли Лянцзюн, губернатор Гуанси Хуан Сючу, военный командир Гуанси Ся Вэй и генерал Цай Тинкай и бывший командир 19-го сухопутной армии Чан Кваннай¹¹⁵⁵.

¹¹⁵² Wang Ching-Wei May head new peace movement // Ibid. May 27. P. 14.

¹¹⁵³ Wang's peace movement // Ibid. May 30. P. 11.

¹¹⁵⁴ China puppet regimes to merge soon? // Ibid. Aug. 21. P. 9.

¹¹⁵⁵ Southerners Denounce Wang's Secession Plan // Malaya Tribune. 1939. Aug. 23. P. 18.

13 сентября 1939 г. правящие круги в Пекине сообщили о том, что в октябре этого года планируется провозгласить единую Китайскую Республику во главе с Ван Цзинвэем¹¹⁵⁶. Между тем Ван Кэминь с целью обсуждения этого вопроса запланировал поездку в Шанхай на 17 сентября 1939 г., в ходе которой обсуждался вариант включения в состав нового правительства пяти министров Временного правительства и трех министров Реформаторского. Ван Кэминь оставался бы при этом в Пекине в качестве главы полунезависимого Политического совета, который должен был управлять территориями к северу от р. Хуанхэ по аналогии к Хэбэйско-Чахарским советом¹¹⁵⁷.

В итоге 22 сентября 1939 г. было достигнуто соглашение между Ван Цзинвэем, который не так давно возглавил прояпонский Центральный исполнительный комитет Гомиьдана, Ван Кэминем и Лян Хунчжи в отношении создания нового центрального правительства в Китае и заключения мира с Японией. Руководители двух режимов одобрили мирные предложения Ван Цзинвэя и японской стороны и обещали расширить свою поддержку по организации Центрального политического комитета, который станет ядром нового центрального правительства.

Все созданные Японией режимы на занятых территориях, включая Уханьский специальный муниципальный район, Амой и остров Хайнань, присоединялись к новому Центральному правительству в Китае¹¹⁵⁸. Уважение иностранных интересов в Китае, приглашение иностранного капитала и привлечение технологий для стабилизации и развития экономики должны были стать основными пунктами национальной политики, которые будут утверждены новым Центральным правительством¹¹⁵⁹. Соответствующее заявление было одновременно опубликовано Реформаторским правительством в Нанкине и Временным – в Пекине¹¹⁶⁰.

¹¹⁵⁶ New Chinese government // The Straits Times. 1939. Sep. 14. P. 10.

¹¹⁵⁷ Troop movements in Manchukuo. Reported Russian break through // The Times. 1939. Sep. 14.

¹¹⁵⁸ China puppet regimes to merge? // The Straits Times. 1939. Sep. 23. P. 7.

¹¹⁵⁹ Puppet Regimes to Merge? // Ibid. P. 7.

¹¹⁶⁰ Statements by China puppet regimes // Ibid. Sep. 25. P. 7.

Реакция официального Китая не заставила себя долго ждать. 2 октября 1939 г. Чан Кайши выступил с заявлением о том, что Китайское правительство не признает ни одно учреждение, которое бы претендовало на роль центральной структуры в партии Гоминьдана, или так называемое новое Центральное правительство, а что касается Ван Цзинвэя, то единственным благоприятным для него исходом генералиссимус назвал его самоубийство¹¹⁶¹. Он добавил, что теперь вся китайская нация, вне зависимости от партийной и политической принадлежности, сосредоточилась на одной единственной цели – «перегруппироваться и не сдаваться!»¹¹⁶² Генералиссимус утверждал, что только Китайское центральное правительство имеет правовую основу для решения вопроса войны или мира и оно вряд ли будет относиться всерьез к решениям, которые исходят от предателей, поскольку слишком очевидно, что такие решения и режимы, их принимающие, финансируются японцами. В заключение он привел в качестве примера проблемы Маньчжоу-Го, которая, несмотря на все усилия, угрозы и обещания, оставалась неразрешенной¹¹⁶³.

По данным хорошо информированных китайских политических кругов, уже 6 октября 1939 г. в среде коллаборационистов стало понятно, что вероятность появления нового центрального правительства к 10 октября 1939 г., в годовщину основания Китайской Республики, свелась к нулю. К этому добавлялся «полусаботаж» Временного правительства, которое настаивало на сохранении своей полной власти к северу от Хуанхэ и после объединения¹¹⁶⁴. По поводу состава и характера создаваемой администрации также не было единого мнения¹¹⁶⁵. Эти сложности в совокупности с другими факторами не позволили реализовать план в намеченные сроки.

В связи с этим 30 октября 1939 г. под председательством министра иностранных дел адмирала Китасабуро Номуры официальные представители

¹¹⁶¹ Chiang Denounces Wang Ching Wei // Morning Tribune. 1939. Oct. 4. P. 5.

¹¹⁶² “Wang Had Better Commit Suicide” – Chiang Kai Shek // Ibid. Oct. 3. P. 3.

¹¹⁶³ China will not surrender // The Straits Times. 1939. Oct. 3. P. 9.

¹¹⁶⁴ Puppet move fails again in N. China // Malaya Tribune. 1939. Oct. 6. P. 11.

¹¹⁶⁵ Hitch in puppet regime plans. Japanese Concerned Over Lack of Unity // The Straits Times. 1939. Oct. 6. P. 9.

японского Министерства иностранных дел, японский посол Като и пресс-секретарь Министерства иностранных дел Японии Сума присутствовали на конференции, на которой обсуждались вопросы, связанные с созданием центрального правительства в Китае. Позднее Сума сообщил, что новое правительство будет создано через месяц. Он подчеркнул, что переговоры между китайскими руководителями относительно создания нового правительства продолжаются, а заключительная встреча между Ван Кэмином, Лян Хунчжи и Ван Цзинвэем будут проходить в Циндао с 8 ноября по 10 ноября текущего года¹¹⁶⁶.

1 ноября 1939 г. секретарь Кабинета министров Японии Рюснку Эндо выступил с заявлением, что в конце октября была проведена конференция Совета по делам Китая, на которой более детально обсуждался вопрос о создании центрального правительства и дальнейшем ходе войны с учетом интересов третьих держав в Китае¹¹⁶⁷. На заседании присутствовали сам премьер-министр, который являлся его председателем, министр иностранных дел адмирал Номура, министр армии генерал Суюроку Хата, министр флота вице-адмирал Дзэнго Ёсида, министр финансов Кадзуо Аоки, будущий министр по делам Восточной Азии и единственный из них, кто не совмещал эту должность с должностью министра иностранных дел. В своем заявлении он сообщил, что движение за создание нового центрального правительства в Китае проходит по заданному плану. Вслед за этим премьер-министр генерал Нобуюки Абэ доложил императору о решениях, достигнутых на заседании Совета о позиции Японии по созданию нового правительства в Китае перед утверждением одобренного плана Кабинетом министров.

На следующий день, 2 ноября 1939 г., в Нанкине Ван Цзинвэй официально посетил главнокомандующего японским флотом в водах Китая вице-адмирала Косиро Ойкаву, а также главнокомандующего группой японских экспедиционных сил в Китае генерала Тосизо Нисио и подтвердил

¹¹⁶⁶ Puppet regimes in China to merge // Ibid. Oct. 31. P. 9.

¹¹⁶⁷ Tokio discussions to end The China War // Ibid. Nov. 2. P. 14.

твердую решимость организовать новое центральное правительство в Китае¹¹⁶⁸. Но наблюдатели считали, что режимы, созданные японцами, были бы не в состоянии пережить уход японских сил в случае отступления, а Ван Цзинвэй не обладает теми личными качествами и способностями, которые позволят ему оправдывать надежды своих покровителей¹¹⁶⁹. В народе посмеивались, говоря о нем, что японцы, если даже они зацепили свою «рыбу», еще не поймали ее. Условия, выдвигаемые Ваном, его требования о роли в политической ситуации, степени авторитета и независимости, которых он требовал от японцев, а те не готовы были предоставить, могли означать, что Ван Цзинвэй сожалел о своем первом порыве поддаться «на приманку» и теперь готов сделать все возможное, чтобы избежать окончательной «поимки в сеть»¹¹⁷⁰.

В конце ноября 1939 г. уже сам Ван Цзинвэй в интервью немецкому журналисту, опубликованном в одной из газет в Шанхае, открыто заявил, что учреждение нового центрального правительства Китая путем слияния всех режимов на занятых Японией территориях сталкивается со значительными трудностями. Между тем он вкратце изложил свое видение в вопросе создании прогнозируемого правительства. Он заявил, что дата инаугурации пока не может быть определена, поскольку обсуждение приемлемых и конкретных мирных условий, удовлетворяющих как Китай, так и Японию, займет некоторое время, даже если нынешние переговоры будут проходить гладко, и считал, что Китай не может довести свой конфликт до победного конца военными средствами, но и Япония никогда не сможет стать неоспоримым победителем в войне с Китаем. Поэтому обе страны должны пойти на жертвы ради взаимопонимания и мира.

Один из главных пунктов противоречий – это настойчивое требование Ван Цзинвэя о полном выводе японских войск из Китая. Соответствующая

¹¹⁶⁸ Tokio talks on new China puppet regime // The Straits Times. 1939. Nov. 3. P. 14.

¹¹⁶⁹ The Drama of the Far East // Morning Tribune. 1939. Nov. 27. P. 4.

¹¹⁷⁰ Wang Ching Wei regrets first rush at The Bait ...

статья об этой позиции в одном из китайских журналов вызвала ответ представителя посольства Японии в Шанхае, в соответствии с которым полный вывод японских войск из Китая мог быть обсужден только тогда, когда будет заключен мир и Ван Цзинвэй сам заявил в августе об этом. Далее японский представитель подчеркнул, что поскольку формируемое центральное правительство под руководством господина Вана не сможет противостоять силам Чунцина, японские войска будут необходимы для поддержания мира и порядка на территориях, над которыми устанавливаемый режим будет претендовать на юрисдикцию. Однако постепенный вывод японских войск станет возможным, когда новое правительство получит достаточное количество войск, ведь Японское правительство не намерено содержать японские гарнизоны во всех частях Китая¹¹⁷¹.

Политические наблюдатели в Токио полагали, что руководящим принципом политики Японии в отношении нового центрального правительства в Китае станет заявленное уважение Японии к независимости и свободе Китая, хотя она будет готова расширить возможную помощь новому режиму в полицейском, финансовом, промышленном, культурном и других вопросах без истребования территориальных уступок или возмещения понесенных ей расходов¹¹⁷². В то же время придется обратиться к новому китайскому режиму, присоединиться к процессу создания нового порядка в Восточной Азии и помочь ему наладить управление подконтрольными территориями. А данная задача казалась наименее достижимой, поскольку результатом 2-летней кампании явилось то, что граждане все больше консолидировались против захватчика. Очередным разочарованием явилось Советско-немецкое соглашение, поскольку фактически исключало Германию из антикоммунистического пакта.

Япония имела обширный перечень побед, но ее армии так и не удалось окончательно ликвидировать вооруженные силы Китая. Были заняты самые

¹¹⁷¹ Wang Ching-Wei Regime Plan Hitch // The Straits Times. 1939. Nov. 26. P. 3.

¹¹⁷² Tokio talks on new China puppet regime ...

большие из городов Китая и его главные коммуникации, но она эффективно управляла только теми территориями, где стояли ее войска¹¹⁷³. В итоге победы армии привели к массовому бегству миллионов граждан из их домов и беспорядкам во всех занятых районах. В противовес этому Чан Кайши и Мао Цзэдуну все же удалось договориться, что было бы невозможно без японского вторжения. До последнего Япония не теряла надежды на крах правительства Чан Кайши, прекращение иностранной помощи со стороны Великобритании и Франции ввиду их собственных проблем. Но открытие бирманской дороги Великобританией, не получившийся вариант пресечения поставок из Советской России и невозможность ослабить Соединенные Штаты перед угрозой Берлинского договора заставили обратить более пристальное внимание на Ван Цзинвэя.

Ван Цзинвэй должен был играть роль правителя «независимого» Китая, в задачу которого входило окончательное прекращение действия неравноправных договоров и удаление западных иностранцев из Китая, а японцы, в свою очередь, готовы были помогать в решении этой задачи, но намерены были отрицать, что данная политика имела какое-либо отношение к ним. Переезд главы нового правительства в Нанкин состоялся, но это не означало установление контроля над всем Китаем или какой-либо из его частей. Один из американских журналистов получил возможность взять «независимое и неограниченное» интервью у Ван Цзинвэя. Издание «Чайна Уикли Ревью» опубликовало его под названием «Нанкинский заключенный», где новая политическая фигура была представлена беспомощным и наивным человеком. Японцы были возмущены этим образом и их представитель объявил, что Ван Цзинвэй был столь же свободен, как и император Маньчжоу-Го, на что издание тут же отреагировало ухмылкой: «Бедный Генри Пу-И, “Император” Маньчжоу-Го, меланхолический иждивенец на японском содержании! Бедный Ван Цзинвэй, который столь же свободен, как и Генри

¹¹⁷³ The war in China // The Manchester Guardian. 1939. Dec. 30. P. 6.

Пу-И!»¹¹⁷⁴ Именно этот образ и закрепился за двумя государственными деятелями, которые хотели видеть свою страну свободной и процветающей, но в достижении этой цели выбрали неправильные методы.

К началу 1940 г. Япония уже не ожидала победы над Китаем посредством сражения или конфискации его территорий: идея была в том, что Китай падет в результате истощения ресурсов и отсутствия единства. Однако у Японии тоже было все не очень хорошо. Во-первых, в конце января 1940 г. закончилось свое действие Торговое соглашение между США и Японией, что заставило некоторые политические круги говорить об обсуждении нового соглашения или полном отказе от обязательств Договора девяти держав. Во-вторых, оценка человеческих жертв показала, что любое крупномасштабное наступление обходилось Японии в 25 тыс. человек в месяц, или 300 тыс. в год. В-третьих, имело место быть увеличение налогообложения. Нехватка риса в Японии и Корее заставляла завозить его из-за границы, что влекло за собой потребность в иностранной валюте. Это, в свою очередь, подрывало уровень производства и потребления сои, на который Япония обычно полагалась в вопросе экспорта и получения иностранной валюты за этот товар¹¹⁷⁵. Все это вкупе не означало, что Япония дрогнула в ее решении так или иначе добиться своего в Китае, но Японское правительство стало более осмотрительным и осторожным, что заставляло форсировать ситуацию, в которой ей очень нужно было получить центральное правительство, через которое она надеется, наконец, закончить утомительную войну. В этом случае она снимала бы с себя всякую ответственность за последующую ситуацию в Китае, хотя и намерена была управлять значительной его частью.

23 января 1940 г. в Циндао открылась конференция по созданию нового центрального правительства Китая. Повестка мероприятия включала определение статуса нового режима, его столицы, отношения с существующими органами власти, выстраивание системы взаимодействия

¹¹⁷⁴ The prisoner of Nanking // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 2. P. 4.

¹¹⁷⁵ Tug-of-War in The Far East // *ibid.* Feb. 15. P. 6.

между центральным правительством и органами местного самоуправления, а также встреча Ван Цзинвэя с представителем Федерального автономного правительства Внутренней Монголии¹¹⁷⁶.

Предполагалось, что официальным флагом должен стать флаг Гоминьдана (белое солнце на синем фоне), однако против этого выступала Япония, поскольку этот флаг являлся символом противостояния ее силам на континенте. В итоге был принят флаг: красное поле с синим полем в левом верхнем углу, в центре которого белое солнце, а над флагом – желто-черный вымпел. 5 февраля 1943 г вымпел был отменен, а государственным гимном стал официальный гимн партии Гоминьдана.

В качестве столицы нового режима предлагалось определить Кантон, который был наиболее удачен и с точки зрения внутригородской организации, и с точки зрения географического положения¹¹⁷⁷. Однако 7 марта в Гонконге опубликовано итоговое решение конференции о создании нового центрального правительства Китая, в рамках которого столицей определялся Нанкин; новое правительство признавало независимость Маньчжоу-Го, а Северный Китай становился областью с широкой степенью автономии при сохранении юрисдикции, валютного оборота и иностранных вопросов под контролем нового правительства; Внутренняя Монголия также становилась особым районом с оборотом на ее территории единой китайской валюты и предоставлением Японии права размещения там 100 тыс. солдат на срок не более 10 лет; японцы получили право размещения 5 тыс. военных в Шанхае и 2 тыс. в Ханькоу, при этом со стабилизацией ситуации в стране японские войска будут выведены из всех других территорий; новое правительство в Нанкине соглашалось на использование японским флотом военно-морских баз в Китае и их акватории для защиты общих интересов Китая и Японии¹¹⁷⁸; Япония отказывалась от своих экстерриториальных прав и возвращала

¹¹⁷⁶ Puppet leaders meet to-day // The Straits Times. 1940. Jan. 23. P. 9.

¹¹⁷⁷ New Regime in Canton? // Malaya Tribune. 1940. Feb. 24. P. 11.

¹¹⁷⁸ Nanking Puppets // The Times. 1940. Feb. 2.

территорию своей концессии Китаю; Япония предоставляла новому правительству советников для формирования правительственных органов и работы в них, которые обязаны были следовать китайскому законодательству; все торговые и промышленные предприятия, в которых присутствовали японцы, получили право создавать совместные китайско-японские концерны с 51 %-ным китайским участием, за исключением жизненно важных отраслей экономики и промышленности в Северном Китае, где предполагалось только японское участие; иностранные компании обязаны были обеспечить сотрудничество с китайской стороной на основе 51 %-ного доминирования последней, иначе они лишались права на ведение дел на территории страны; создавалось Китайско-японское кооперативное общество, состоящее из японских офицеров и гражданских лиц, призванных вырабатывать рекомендации об экономической политике в нижнем течении Янцзы; иностранные займы, предоставленные до декабря 1938 г., не призывались, а возлагались на правительство Чан Кайши, с которым запрещалось поддерживать любые отношения¹¹⁷⁹. Именно на этих условиях и происходит окончательное оформление новой политики и превращение ее в альтернативную гоминьдановскому режиму Китайскую Республику.

Второй насущный вопрос заключался в стабилизации экономики и региона, и новой политике, и Японии. Последняя была не в состоянии в финансовом отношении вынести всю нагрузку по управлению занятыми регионами в одиночку. В связи с этим было очевидно, что новый Китай не был готов немедленно приступить к осуществлению программы вытеснения иностранных интересов со своей территории: вопросы о экстерриториальности и об иностранных концессиях, решение которых ожидалось в течение нескольких лет, замедляли свое движение и отныне должны были рассматриваться медленно и осторожно¹¹⁸⁰, а окончательный

¹¹⁷⁹ Terms of wang's reported pact with the Japanese // The Straits Times. 1940. Mar. 7. P. 14.

¹¹⁸⁰ Plan for new central government in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jan. 5. P. 2.

формат предлагаемого нового центрального правительства должен был быть определен Объединенным комитетом правительств Китайской Республики.

Уже в марте 1939 г. на совместном заседании Объединенного комитета был поставлен вопрос о расширении сферы влияния Федерального резервного банка на другие районы Китая¹¹⁸¹ и соединении сети железных дорог севера с дорогами северо-востока. К началу июля 1939 г. японские вооруженные силы получили полный контроль над всеми существенными средствами сообщения в Северном Китае, которыми управляла Южно-Маньчжурская железная дорога. В некоторых местах новые дороги были построены при помощи принудительного труда, но значительная часть усилий была направлена на восстановление дорог, поврежденных китайскими партизанами. Телефонная и телеграфная связь также сохранялись значительными усилиями японцев. Вдоль железных дорог каждая станция представляла собой миниатюрную крепость. По оценкам экспертов, на тот момент в Северном Китае оказалось сосредоточено около 30 дивизий численностью 500 тыс. чел., из которых 18 – на охране линий связи и занятых населенных пунктов¹¹⁸². Однако военными методами наладить экономику было невозможно и все, включая японскую сторону, это отчетливо понимали. Требовались дипломатические инструменты, добрая воля и участие крупного бизнеса в лице западных компаний, которые без соответствующих гарантий со стороны официальных властей вливать свои капиталы в регион ни за что бы не стали и не делали этого.

Между тем 26 января 1940 г. истек срок действия упоминаемого выше Торгового соглашения между Соединенными Штатами и Японией – основного договора относительно торговли и навигации, заключенного в 1911 г., который регулировал все торговые отношения между странами. Уведомление о его истечении было направлено Соединенными Штатами за 6 месяцев до этого, 26 июля 1939 г., и сознательно или нет, это было сделано в тот момент,

¹¹⁸¹ Puppet regime envoys to meet // Ibid. Mar. 31. P. 7.

¹¹⁸² North China // The Manchester Guardian. 1939. Jul 7. P. 11.

когда Япония предпринимала попытки надавить на Великобританию по Тяньцзиньскому инциденту. 22 ноября 1939 г. японский премьер-министр выражал надежду, что безоговорной ситуации можно было бы избежать и высока вероятность нового договора, однако из этого ничего не вышло.

Американское правительство официально высказало волнение по этому поводу, вслед за которым неофициально обратилось к производителям не экспортировать в Японию самолеты, их части или машины, необходимые для производства специального жидкого топлива для самолетов. Таким образом, было установлено так называемое «моральное эмбарго», но вопрос остался за официальным эмбарго. Моральный аргумент был подкреплён обращением к американскому народу 11 января 1940 г. Генри Стимсоном, занимавшем до Корделла Халла должность государственного секретаря. Он не только был убежден, что правительство должно было отговорить экспортеров железной руды и других важных полезных ископаемых, но также поддерживал идею общего эмбарго в отношении военных материалов и оружия¹¹⁸³.

Безусловно, торговые сделки не были остановлены, и фактическая торговля между Японией и Соединенными Штатами продолжилась, однако возникла ситуация неуверенности по поводу будущего, поскольку у правительства Соединенных Штатов оказались развязаны руки, способные осложнить (посредством саморегулирования тарифов) или остановить (посредством эмбарго) торговлю с Японией. Американское правительство и общественность никогда не скрывали своего мнения о войне Японии с Китаем. Они всегда настаивали на соблюдении условий Договора девяти держав, которые были оговорены и согласованы, чтобы обеспечить независимость и территориальную целостность Китая и гарантировать равные возможности всем странам, но в итоге большую часть желаемых ресурсов получила Япония.

Третий, самый главный вопрос касался институционализации новой политики. В самом Нанкине в день инаугурации были приняты необходимые

¹¹⁸³ Questions in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Jan. 26. P. 6.

меры предосторожности против акций протеста и выступлений, однако никаких общественных мероприятий не было¹¹⁸⁴. На следующий день состоялось его первое заседание¹¹⁸⁵. За неделю до этого, 24 марта 1940 г., был объявлен состав и структура нового правительства.

Центральный политический комитет, согласно положениям Органического закона и Закона «О Центральном политическом комитете», являлся высшим руководящим органом обновленного государственного аппарата. В отличие от чунцинского Китая и Политического комитета Центрального комитета Гоминьдана, государственная система режима Ван Цзинвэй не была замкнута на партийной организации. В структуре Комитета значились действительные члены (*ex officio*), представлявшие «ближний круг», члены с правом совещательного голоса, назначенные, приглашенные члены, а также вводилась должность генерального секретаря и трех его заместителей (кроме 5-го созыва, в котором был 1, и 6-го, в котором были 2 заместителя). Первый состоялся 24 марта 1940 г. и включал в состав Комитета 40 членов, 2-й (5 апреля 1941 г.), 3-й (26 марта 1942 г.), 4-й (1 апреля 1943 г.), 5-й (29 марта 1944 г.) и 6-й (5 апреля 1945 г.) созывы уже не предполагали действительных членов, количество членов было 39 человек. Как и Чан Кайши, председателем Центрального политического совета был Ван Цзинвэй, генеральным секретарем до 23 декабря 1944 – Чжоу Фохай, затем Дин Мосунь, а с 7 июня 1945 г. – Сэн Дэгуан.

В январе 1943 г. Китайская народная политическая консультативная конференция приняла решение о создании Высшего совета национальной обороны, которая стала высшим органом государственной власти в период между созывами Центрального политического комитета.

Следующим звеном государственной системы был Национальный правительственный комитет. В соответствии с Органическим законом и Законом «Об организации национального правительства Китайской

¹¹⁸⁴ China's puppet regime inaugurated // The Straits Times. 1940. Mar. 31. P. 2.

¹¹⁸⁵ Meeting of Chinese puppets // Ibid. Apr. 2. P. 11.

Республики» данный орган состоял из президента страны и членов Национального правительственного комитета, которые избирались Центральным политическим комитетом. В соответствии с указанным выше законом президент не участвовал в фактическом управлении государством, не нес за свои действия политической ответственности и не мог занимать других официальных должностей.

Как и в Китайской Республике под управлением Чан Кайши, президентом был провозглашен Линь Сэнь и, как и в предыдущем случае, он не имел реальной политической власти. В связи с этим 28 ноября 1940 г. было проведено заседание Центрального политического комитета для внесения поправок в Закон «Об организации национального правительства Китайской Республики», в котором были исключены ограничительные положения, после чего Комитет избрал Ван Цзинвэя в качестве президента.

Смерть Ван Цзинвэя оказалась не только внезапной, но и еще менее славной, чем его карьера. В конце 1943 г. после участия во Всемирной конференции по Восточной Азии во главе с Японией его здоровье ухудшилось и 22 марта 1944 г. он отбыл в Токио, после чего Центральный политический комитет провел специальное заседание, на котором было озвучено его предложение избрать президентом Чэня Гунбо, что и было сделано поздней осенью текущего года. 10 ноября 1944 г. Ван Цзинвэй поступил в больницу Императорского университета в Нагое и умер 12 ноября. Среди возможных причин смерти назывались его убийство посредством маленькой свинцовой пули членом патриотической организации «Корпус железа и крови», однако проведенное Чжан Сюэляном расследование показало, что используемые в то время пули были стальными, а не свинцовыми. Среди других версий – вина жены Ван Цзинвэя в неправильном лечении или убийство самими японцами, для которых он становился обузой, что отвергали его дочери в ходе нескольких расследований и бесед с ними. В Нанкине Центральный политический комитет провел экстренное совещание и решил возложить обязанности главы государства на Чэнь Гунбо, официально вступившего в

должность 20 ноября 1944 г., в то время как Чжоу Фохай стал мэром Шанхая, о чем говорилось выше. 23 ноября 1944 г. в соответствии с его последним желанием он был похоронен на южном склоне горы Цзыцзиньшань недалеко от места упокоения Сунь Ятсена. 21 января 1946 г., уже после победы над Японией, главнокомандующему Национальной революционной армией Хэ Иньцину было приказано взорвать гробницу Ван Цзинвэя. Когда гроб был открыт, присутствующие увидели, что тело в гражданском облачении, покрытое национальным флагом, из-за использования химикатов не подверглось разложению. Был отдан приказ отправить его в крематорий Цинляншань для сожжения, а пепел был выброшен в р. Янцзы. В 1994 г. на месте размещения гробницы установлена статуя Ван Цзинвэя, которая была повреждена туристами и убрана в 1997 г., а оценка деятельности Ван Цзинцэя на позициях лидера коллаборационистов и в самом Китае, и в международном научном сообществе остается в целом универсально отрицательной с небольшими изъятиями в качестве объяснения тех или иных поступков, заявлений или решений.

Помимо Национального правительственного комитета, государственная система включала 5 Юаней (Палат), ведущая роль была за Исполнительным во главе все с тем же Ван Цзинвэем. Он имел двух заместителей, а структура этого органа власти предполагала наличие следующих министерств: иностранных дел, финансов, внутренних дел, образования, юстиции, промышленности и торговли, путей сообщения, связи, социальной политики, строительства, военное и морское министерства, а также комитетов на правах министерств: пропаганды, по чрезвычайным ситуациям, вопросам эмигрантов, ирригации и пограничный комитет.

Во главе Законодательного Юаня встал Чэнь Гуньбо.

Судебный Юань (Верховный суд) возглавил бывший министр по вопросам Тибета Цинского правительства и председатель Законодательного Юаня Реформаторского правительства Вэн Цзуньяо. Палату общей юрисдикции возглавил Чжан Тао, Административную палату

(Административный суд) – Линь Бяо, а Дисциплинарный комитет гражданской службы – председатель Судебного Юаня (Верховного суда) Реформаторского правительства Чжу Люхэ в статусе заместителя председателя Юаня.

Главой Экзаменационного Юаня стал Ван Итан, которого в марте 1942 г. сменил основатель Социалистической партии Китая, крупный ученый, доктор философии Цзян Канху, бывший до этого заместителем председателя Юаня; ему в свою очередь в ноябре 1944 г. на смену пришел министр внутренних дел и образования Реформаторского правительства, а также бывший министр внутренних дел и губернатор Цзянцзу нынешнего правительства Чэнь Цюнь. Комитет государственной службы возглавил Цзян Канху, Комитет по отбору кандидатов до 1942 г. – Цзяо Ин.

Во главе Контрольного Юаня стал Лян Хунчжи, а Комитет проверок – заместитель министра иностранных дел Реформаторского правительства Ся Цифэн.

Военный блок формировался в составе Генерального штаба, Высшего военного консультативного совета, Управления политической подготовки и Управления по расследованию и статистике (Служба внутренней разведки).

Правительственный аппарат подчинялся непосредственно Ван Цзинвэю и состоял из Военного совета, Комитетов конституционного контроля, помощи в чрезвычайных ситуациях, планированию, учету материальных ресурсов, составлению официальной истории и Национального экономического комитета.

Особое место в аппарате принадлежало Комитету по поддержанию правопорядка в сельской местности. Его создание 22 мая 1941 г. было вызвано активизацией движения антияпонского сопротивления в центральных провинциях. Председателем комитета был Ван Цзинвэй, а заместителями – Чэнь Гуньбо и Чжоу Фохай. В соответствии с положением о Комитете он был высшим органом власти на подконтрольных территориях и имел право отдавать распоряжения по наведению порядка. Комитет состоял из четырех

отделов: первый решал организационные вопросы управления делами, документооборота и подбора персонала, второй ведал административными вопросами, третий управлял группами по обеспечению безопасности и полицией, четвертый – социальными вопросами. В связи с тем что полномочия Комитета пересекались с другими органами власти, учреждениями и местными структурами, это приводило к противоречиям внутри структуры, в результате в мае 1943 г. Высший совет национальной обороны принял решение его упразднить.

Торжественное открытие правительства Ван Цинвэя в Нанкине прошло практически незаметно. В отличие от инаугурации Временного правительства в Пекине, в этот раз не было никаких публичных торжеств и плакатов, лишь несколько общественных зданий разместили у себя официально утвержденный флаг Гоминьдана с желтым вымпелом наверху, тогда как японские общественные и частные здания по-прежнему сохраняли на своих фасадах старый пятицветный флаг. Ван Цзинвэй зачитал инаугурационную речь, в которой объявил, что двумя странами будут поддерживаться мир и обеспечиваться соблюдение конституционного строя. Он также призвал должностных лиц в Чунцине признать Нанкинское правительство. Церемония длилась 20 минут, безопасность обеспечивала вооруженная охрана. Позже состоялось массовое собрание, парад в честь нового флага и бесплатные театральные представления, самолеты сбросили 100 тыс. листовок, а ночью организована процессия фонарей.

Эксперты высказывались о составе правительства скептически, называя его не впечатляющим и состоящим из старых приспешников Ван Цинвэя и других неизвестных лиц. Только Чэнь Гуньбо, занявший пост председателя Законодательного Юаня обладал достаточным весом и авторитетом, что и позволило ему в дальнейшем занять пост главы государства.

Территориальная организация «новой» Китайской Республики опиралась на прежнее административно-территориальное деление Китайской Республики, лишь отчасти преобразуя его под насущные задачи и меняя статус

тех или иных территорий или объектов. Несмотря на претензию управлять всем Китаем, и Внутренним, и Внешним, фактически государство было разделено на три зоны: 1) зона подчинения Центральному правительству Ван Цзинвэя; 2) зона подчинения Политического совета Северного Китая и 3) Мэнцзян. Поэтому далее мы отразим ситуацию в отношении тех территорий, которые находились под контролем японцев.

Нанкин 2 марта 1939 г. получил особый статус и муниципальное правительство, а 20 марта 1940 г. на заседании Центрального политического комитета было принято решение сделать Нанкин столицей и сформировать городское правительство. Шанхай в составе 7 округов получил статус города центрального подчинения в 1940 г. Третьим городом центрального подчинения стал Амой (совр. Сямынь) в составе Центрального округа и 4 районов.

С 30 марта по 5 октября 1940 г. и 2 января 1943 по август 1945 г. во главе провинций находились губернаторы, а с 5 октября 1940 по 2 января 1943 г. – провинциальное правительство. Что касается организации провинциальной власти, то каждое из административно-территориальных образований пережило свою короткую историю политической трансформации. Так, впервые попытка организовать автономную политическую структуру под контролем японцев в провинции Гуандун была предпринята еще в феврале 1936 г. Тогда группа агитаторов из числа японских военных пыталась побудить к этому представителей местных властей¹¹⁸⁶, однако успеха удалось достичь лишь 28 декабря 1938 г. В этот день на митинге в количестве от 5 до 30 тыс. человек во главе с адмиралом Пан Тунюанем, в прошлом – специальным комиссаром на Пекин-Мукденской железной дороге, и было провозглашено создание временного правительства. Его заместителем был назначен генерал Лу Чунь, ранее командующий 4-й армией¹¹⁸⁷. После установления власти Ван Цзинвэя 24 апреля 1940 г. на заседании

¹¹⁸⁶ Japan in North China // The Observer. 1936. Feb. 2. P. 21.

¹¹⁸⁷ Reported offer of terms to China // The Times. 1938. Dec. 28.

Исполнительного Юаня было принято решение о создании провинциального правительства провинции Гуандун со столицей в Гуанчжоу в составе 4-х, а с 8 сентября 1944 г. – 5 уездов.

В тот же день на заседании Центрального политического комитета утвержден статус провинции Цзянсу в составе 61 уезда и провинции Аньхой в составе 7 уездов.

Чжэцзян получил статус провинции со столицей в Ханчжоу и составе 16 уездов, которые в 1944 г. преобразованы в 33 уезда, 2 административных района и 1 город провинциального подчинения. Для получения доступа к добыче соли и хлопка 4 июня 1942 г. на востоке провинции создан специальный уезд, Чжэдун, под непосредственным управлением Центрального правительства в составе 7 районов, который 30 июля 1943 г. был включен в состав провинции.

3 октября 1940 г. утвержден провинциальный статус Хубэя, в составе которого 19 октября 1943 г. выделялся особый город Ханькоу; сентябре 1941 г. – особый военный район Северной Цзянсу, возвращенный назад 27 мая 1943 г.

В январе 1942 г. принимается решение о выделении из провинции Цзянсу и создании специального административного района Сухуай, который 25 июля 1943 г. стал восьмым уездом провинции Аньхой.

6 мая 1943 г. из состава Хубэя выделяется провинция Цзянси.

23 ноября 1943 г. на территории Северного Китая создан первый административный район центрального подчинения.

3 января 1944 г. на базе бывшего специального административного района Сухуай образована новая провинция Хуайхай со столицей Суйчжоу в составе 6 уездов.

Отдельно следует рассмотреть институционализацию еще ряда политических образований внутри альтернативной Китайской Республики под руководством Ван Цзинвэя. Одним из таких политических образований с

особым статусом стало автономное Монгольское государство¹¹⁸⁸. Далее Национальное правительство в Нанкине восстановило часть японских концессий в Сучжоу, Ханчжоу, Тяньцзинь и еще в восьми городах, а также Французскую концессию и международный селтльмент в Шанхае. Наконец, особый статус получил Северный Китай под общим управлением Политического совета, председателем которого стал Ван Кэминь. Прокламацией, опубликованной Ван Кэмином, заявлялось, что «политическая, экономическая и валютная политика Временного правительства будет продолжена Политическим советом Северного Китая, который сегодня сменил Временное правительство»¹¹⁸⁹. Тем самым подтверждалась его *de facto* самостоятельная политика, а создание правительства Ван Цзинвэя фактически не повлияло на статус региона, который и в дальнейшем будет пользоваться полной автономией.

Был принят Закон «О Политическом совете Северного Китая», на основании которого к полномочиям Совета были отнесены вопросы поддержания законности и правопорядка, реализации экономической политики, а также контроля провинциальных и муниципальных органов власти на территории Хэбэя, Шаньдуна, Шаньси и трех городов: Пекина, Тяньцзиня и Циндао. Фактические полномочия Политического совета распространялись на провинцию Хэнань и территорию специального административного района Сухуай до января 1942 г., когда он стал непосредственно подчиняться администрации Ван Цзинвэя. Формально под юрисдикцию Политического совета попадал и Мэнцзян, хотя фактически он управлялся собственной администрацией¹¹⁹⁰ и изначально реализовывал собственную экономическую политику¹¹⁹¹, представляющую особый интерес для японского присутствия.

¹¹⁸⁸ Дудин П.Н. Политическая история Мэнцзяна / науч. ред. К.Б.-М. Митупов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014. С. 85-86.

¹¹⁸⁹ America takes the lead in denouncing wang regime // The Straits Times. 1940. Apr. 1. P. 7.

¹¹⁹⁰ Dudin P. The new political elite of Inner Mongolia and its role in Mengjiang state creation // Brukenthal. Acta Musei. 2017. Vol. 12. Is. No. 1. P. 151–160.

¹¹⁹¹ Дудин П. Н. Государственная экономическая политика Мэнцзяна и ее правовое закрепление // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 11. С. 44–55.

В качестве официального флага использовалось пятицветное полотнище Китайской Республики периода Бэйянского правительства вплоть до 9 февраля 1943 г., когда был утвержден флаг, используемый администрацией Ван Цзинвэя.

Во главе Политического совета находились поочередно Ван Кэминь (с 30 марта по 5 июня 1940 г. и со 2 июля 1943 по 8 февраля 1945 г.), Ван Итан (с 5 июня 1940 по 8 февраля 1943 г.), Чжу Шэн (с 8 февраля по 2 июля 1943 г.) и Ван Ынтай (с 8 февраля по август 1945 г.). Всего в состав входило от 17 до 21 человека, из которых в качестве действительных членов – 8 (1941–1942 гг.), 9 (1943 г.), 7 (1944 г.) или 11 (1945 г.), двое из которых (Ван Шижэнь и Ван Ынтай) были таковыми с момента создания до поражения Японии и ликвидации структуры, а остальные члены варьировались.

После создания Политического совета Северного Китая к ноябрю 1943 г. сложилась устойчивая структура, которая включала в себя 6 комитетов (внутренних дел, финансов, общественного порядка, образования строительства и производственно-промышленный комитет), Управления делами, Секретариат и ряд смежных структур, а также Северокитайское отделение Верховного суда. Комитет возглавлял председатель, имевший, как правило, одного заместителя в статусе руководителя главного управления.

Северокитайское отделение Верховного суда, фактически являвшееся самостоятельным учреждением, состояло из Гражданской и Уголовной палат, а также прокуратуры.

10 ноября 1943 г. Политический совет принял решение о проведении структурных преобразований и кадровых перестановках, которые были утверждены на следующий день решением Центрального политического комитета. Упразднены Комитет внутренних дел и Секретариат, а другие ведомства подверглись структурным или кадровым изменениям. Из сохранивших свой статус и кадровый состав осталось лишь Северо-Восточное отделение Верховного суда.

Финансовый комитет не утратил свои полномочия, не претерпел структурных изменений и Комитет общественного порядка, новой структурой стал Экономический комитет. Комитет образования, к имеющимся трем отделам, общих вопросов, образования и культуры, прирос отделом здравоохранения. Производственно-промышленный комитет был реорганизован в Земельный, а Комитет по строительству был преобразован в Комитет по организации работ и строительству. Управление делами ведало отныне вопросами иностранных сношений, статистики и информации. Вновь созданное Управление внутренних дел стало осуществлять полномочия в области гражданской юстиции и правоохранительной деятельности, а его руководителями были руководителями Управления делами. Таким образом, формировалась полноценная правительственная система, которая управляла подконтрольной территорией и могла реализовывать возложенные на нее полномочия в полном объеме.

Под управлением Политического совета Северного Китая находились 3 города центрального подчинения – Пекин, Тяньцзинь и Циндао. Провинциями были Хэбэй в составе 9 уездов, столицей сначала в Тяньцзинь, а с 29 мая 1940 г. – Цинъюань (ныне – Баодин); Хэнань в составе двух уездов со столицей в Кайфыне; Шаньдун – 10 уездов со столицей в Цзинани; Шаньси – 4 уездов со столицей в Тайюани; а также созданная 25 марта 1945 г. в приграничной зоне Хэнань, Шаньси и Хубэй провинция Чжунюань с центральным подчинением правительству Ван Цзинвэя. В июле 1944 г. на территории бывшего Восточного Хэбэя создан особый район, а в октябре 1944 г. – особый района на севере Цзянсу.

Таким образом, территориальная организация новой политики оказалась полностью сформированной.

Наконец, четвертый вопрос касался международного признания нового режима. Сначала к декабрю 1939 г. сами японцы, наконец, «признали» Ван Цзинвэя правителем Китая, что произошло после терпеливого ожидания окончательного решения о добровольной сдаче со стороны Чан Кайши.

Процесс организации политической и государственной платформы Ван Цзинвэя был долгим и включал подписание в конце декабря 1939 г. соглашения, установление в конце марта 1940 г. в Нанкине правительственных учреждений и оформление заключительных условий новых отношений между Национальным правительством Китая, Японией и Маньчжоу-Го.

Аналогичную готовность осуществить его юридическое признание в лице министра иностранных дел Галеаццо Чиано ранее уже высказала Италия, подчеркнув важность для этой страны антикоммунистического союза и дружбы с Японией. В свою очередь, Ван Цзинвэй сердечно поблагодарил графа Чиано и заявил, что желает, чтобы начало правления антикоминтерновцев в Китае наступило как можно раньше и выразил свою готовность оказать помощь в построении нового порядка в Восточной Азии. Затем он вылетел в Циндао, куда уже прибыли Ван Кэминь и Лян Хунчжи для участия с 23 по 30 января 1940 г. в конференции, которая должна была решить вопрос о создании единого центрального правительства. Ван Цзинвэй отметил, что из-за сложной европейской ситуации японская дипломатия столкнулась с деликатной задачей поддержания равных отношений не только с Советским Союзом, но и Великобританией, США и Францией. Он заявил, что могут возникнуть ситуации, которые могут вызвать недовольство японцев, в то время как китайский народ может быть недоволен другими событиями, однако решение китайско-японских вопросов будет возможным, если люди обеих стран будут думать о союзе с Японией и относиться к нему добросердечно. В то же время была высказана уверенность, что мир с Чунцином не будет достигнут, пока Чунцин придерживается своей антияпонской политики. В завершении Ван Цзинвэй сказал: «Мы собираемся в Циндао не для обсуждения мирных условий. Мы собираемся туда, чтобы объединить нацию» и подтвердил свое намерение установить конституционный режим на основе позиций Сунь Ятсена о «трех народных принципах», любые доктрины, за исключением коммунистической, будут

заслуживать его внимания¹¹⁹². Как уже было сказано, данный лейтмотив станет главной идеологической опорой новой политики, претендующей на преэминентность институтов и идей Сунь Ятсена.

Таким образом, к началу января 1940 г. становится очевидным, что союзники Японии, такие как Германия и Италия, могут обеспечить международное признание нового режима, чего нельзя было сказать о других державах, таких как США, Великобритания, Франция и некоторые другие. Советское правительство также заявило о том, что не будет признавать правительство Ван Цзинвэя¹¹⁹³. Поэтому Япония, получившая богатый опыт в вопросе создания Маньчжоу-Го, сделав необходимые выводы, соблюдала максимум осторожности и не спешила оказывать давление на международное сообщество. Сложность заключалась еще и в том, что у третьих стран инвестиции были сосредоточены как раз в предполагаемых к реорганизации территориях, тогда как в Маньчжурии их не было.

Чунцинское правительство также не собиралось сдаваться: 10 января 1940 г. китайским министром иностранных дел Ван Чунхуэем посредством Генерального консульства Китая в Сингапуре было выпущено коммюнике для дипломатических представительств других стран о методах, к которым намерена прибегнуть японская сторона для признания нового режима Центрального правительства. Ван Чунхуэй подчеркивал тот факт, что японцы, не сумев добиться желаемого с помощью силы, вынуждены прибегать к политическим инструментам. Уверенность в окончательной победе министр подкреплял утверждением о том, что китайская нация выступает против Ван Цзинвэя и других предателей и завершил тем, что Центральное правительство Китая является единственно законным правительством этой страны, а его целостность и суверенитет не допускает оспаривания этого факта или вмешательства третьих сил¹¹⁹⁴. Коммюнике явилось реакцией на заявление

¹¹⁹² Italy and new regime in occupied China // The Straits Times. 1940. Jan. 21. P. 2.

¹¹⁹³ New China puppet regime // Ibid. Jan. 28. P. 2.

¹¹⁹⁴ Recognition of puppets an unfriendly act // Malaya Tribune. 1940. Jan. 11. P. 2.

представителей Ван Цзинвэя о том, что решение об объединении Пекинского и Нанкинского правительств в единую централизованную структуру с предполагаемой столицей в Кантоне было окончательно принято под руководством Ван Цзинвэя¹¹⁹⁵.

Сам Ван Цзинвэй, обращаясь к сопротивлению и правительству в Чунцине, выражал сожаление в связи с тем, что именно это правительство несет ответственность за потерю нескольких миллионов солдат в боевых действиях, кроме того, оно лишило Китай 13 провинций, включая Суйюань, Чахар, Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, Цзянсу, Сикан, Аньхой, Хунань, Хубэй, Гуаньдун, Гуанси и Цзянси вкупе с важнейшими городами, как Пекин, Нанкин, Тяньцзинь, Шанхай и Циндао. Было заявлено, что остается надежда на то, что правительство Чунцина вскоре увидит реальную ситуацию и откажется от своей политики сопротивления Японии, добьется мира в Китае в сотрудничестве с новым Центральным правительством. В конце речи Ван Цзинвэй заявил, что мир между Японией и Китаем будет служить цели мира в Восточной Азии и фундаментом мира во всем мире, а разрушение или восстановление Китая зависит от позиции властей Чунцина¹¹⁹⁶. Было очевидно, что договориться двум лидерам уже не удастся, поэтому в дело вступала инструменты информационной войны.

Так, 22 января 1940 г. в Гонконге бывшим директором китайского Бюро по делам Азии Гао Цунву и членом Центрального политического совета Тай Сишэном был опубликован текст так называемого Шанхайского пакта, заключенного 30 декабря 1939 г. между Ван Цзинвэем и японской стороной. Оба источника заявили, что к данному шагу их подтолкнула непомерная жадность японцев в своих требованиях, в результате им удалось раздобыть печатные копии пакта, один из которых был отправлен Национальному правительству в Чунцин, а другой опубликован. Пакт включал в себя обеспечение признания Китаем Маньчжоу-Го; сотрудничество между

¹¹⁹⁵ Three Puppet Governments // Ibid. Jan. 12. P. 1.

¹¹⁹⁶ Wang Ching-wei's Statement // The Straits Times. 1940. Mar. 14. P. 14.

Японией, Китаем и Маньчжоу-Го, отдельно оговаривалось экономическое сотрудничество; совместную борьбу против коммунизма; придание Северному Китаю и Внутренней Монголии статуса особой зоны для обороны и защиты экономики; экономические преференции для Японии в нижнем течении Янцзы и приоритетное положение на островах вдоль побережья Южного Китая, включая Сямэнь и Хайнань; право Японии на размещение своих войск в стратегических точках в Северном Китае, Внутренней Монголии и долине Янцзы, а также на островах Южного Китая; контроль железных дорог, воздушного сообщения, почтовых и телеграфных средств связи, а также важных портов и водных артерий в районах наибольшего благоприятствования, где численность китайских войск необходимо было сократить; обязанность нового Центрального правительства возместить все потери, понесенные японской нацией в борьбе с Китаем с начала войны¹¹⁹⁷.

На фоне подобных условий представителями западных и прозападных СМИ во многих отношениях Китай сравнивался с Финляндией, которая на тот период времени, по их мнению, находилась в аналогичных условиях: обе страны боролись против контроля со стороны агрессора, Китай – против Японии, Финляндия – против Советской России. Будучи слабее своих противников, они были во многом зависимы от внешних факторов, а их способность к сопротивлению определяли симпатии и помощь дружественных и поддерживающих их международных сил. Вторгающиеся государства применяли аналогичное политическое давление на своих жертв: их военные атаки и политическая пропаганда сводились к созданию марионеточных режимов. Например, как только Россия ступила на финскую землю, она создала на занятых территориях просоветский режим как прямой вызов центральной власти. СССР выдвинул список требований к правительству Финляндии и предоставил срок, в течение которого необходимо было принять по нему решение, что означало потерю

¹¹⁹⁷ Japan's aims revealed // Ibid. Jan. 22. P. 9.

территориальной целостности, а отклонение – дальнейшие жертвы и большие трудности для защиты страны¹¹⁹⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в отношении японско-китайского конфликта и сопутствующих процессов.

20 марта 1940 г. на пресс-конференции в Шанхае японский представитель заявил, что после формирования нового центрального правительства военные вопросы должны оставаться в ведении Токио. Между тем Ван Цзинвэй встретился с бывшим премьер-министром генералом Нобуюки Абэ, уполномоченным в вопросах переговоров о будущем нового правительства. Было принято решение о роспуске Временного правительства в Пекине и Реформаторского – в Нанкине 28 марта 1940 г. и открытия Центрального правительства 1 апреля 1940 г., церемонию инаугурации которого было поручено провести Абэ. Бывший министр иностранных дел Кентики Ёсизава был назначен на пост японского посла в обновленном Китае. Новыми властями приняты меры предосторожности, чтобы защитить жизнь прибывающих в Шанхай японских политиков, которые прибыли туда на совещание¹¹⁹⁹. Таким образом, все предварительные мероприятия как внутри занятых территорий, так и на международной арене были осуществлены, и стороны были готовы к созданию новой политической структуры и дальнейшему решению вопроса о международном признании.

Однако Великобритания, строго следуя положениям Договора девяти держав, продолжала считать Чунцинское правительство в качестве единственно легитимного, придерживалась позиции, что новая власть была не чем иным, как марионеточной организацией, созданной и контролируемой японскими милитаристами, лишь инструментом для приобретения суверенных прав Китая и уничтожения его независимости, территориальной и административной целостности. При этом британцы всячески старались скрыть от широкой общественности свои усилия по формированию альянса с США и выработке с ними единой позиции. Так, намерение Роберта Крейги

¹¹⁹⁸ Will China Follow Finland's Example? // *Malaya Tribune*. 1940. Mar. 13. P. 8.

¹¹⁹⁹ Powers must deal with new regime // *Ibid.* Mar. 21. P. 12.

провести консультации с Франклином Рузвельтом и Корделлом Халлом по поводу англо-американского отношения к правительству Ван Цзинвэя категорически отрицалось в официальных кругах Лондона, утверждалось, что Р. Крейги едет в Америку исключительно по частному вопросу.

Позиция США была схожей с британской, ее озвучил Корделл Халл во время очередного брифинга в Вашингтоне: «Соединенные Штаты будут продолжать признавать китайское национальное правительство в Чунцине, а не японский режим в Нанкине. В свете того, что произошло в разных частях Китая с 1931 г., создание нового режима в Нанкине стало еще одним шагом по демонстрации вооруженной силы, навязывающей свою волю соседней стране и блокирующей ее от большей части мира в политических и экономических вопросах. Последние события проходили по схеме создания аналогичных режимов и систем, которые были созданы до этого в Китае и которые в своем функционировании предпочитают следовать интересам этой внешней силы, отказывая гражданам Соединенных Штатов и других стран в использовании давно установленных прав на равное и справедливое обращение, которое юридически принадлежит им.

Заявления высокопоставленных должностных лиц этой внешней державы сводились к тому, что их страна намерена уважать политическую независимость и свободу другой страны и что с установлением мира в Восточной Азии это намерение будет продемонстрировано. Но обстоятельства, как военные, так и дипломатические, которые имели место быть в создании нового режима в Нанкине, похоже, не согласуются с таким намерением. Отношение Соединенных Штатов к использованию вооруженной силы как инструмента национальной политики хорошо известно, а позиция в отношении различных аспектов ситуации на Дальнем Востоке неоднократно разъяснялась. Это отношение и позиция остаются неизменными....

Двенадцать лет назад правительство Соединенных Штатов признало, как и другие правительства, Национальное правительство Китайской Республики.

У правительства Соединенных Штатов есть достаточные основания полагать, что это правительство со столицей в Чунцине имело и по-прежнему имеет поддержку большинства китайского народа. Правительство Соединенных Штатов, конечно, продолжает признавать это правительство как правительство всего Китая»¹²⁰⁰.

Германия, несмотря на все уверения и публичные заявления ее дипломатов, тоже не спешила признавать новый режим, о чем сообщил представитель немецкого агентства новостей в Чунцине: «Отношения между Японией и Германией определенно остывают, поскольку немцы понимают, что Япония имеет свои интересы в Китае и не может оказать Германии помощь в европейской войне». Он добавил, что Германия не признает режим Ван Цзинвэя, а немецкая пресса была создана не для того, чтобы поддерживать «нанкинскую марионетку»¹²⁰¹.

На фоне этой весьма неоднозначной ситуации 31 августа 1940 г. Японская империя и Национальное правительство Нанкина подписали договор о базовых взаимоотношениях между двумя странами, на основании которого 10 декабря 1940 г. Ван Цинвэй направил специального посланника Сюй Ляна в Маньчжоу-Го для обмена верительными грамотами и, как это не удивительно, лед тронулся: 1 июля 1941 г. с режимом Ван Цзинвэя дипломатические отношения установила Германия, за ней последовали страны «оси»: Италия, Румыния, Болгария, Словакия и Хорватия, а в начале августа – Испания и Дания. К концу 1941 г. года к ним присоединились Таиланд, Индия, Мьянма и Филиппины.

30 ноября 1940 г. в здании Национального правительства, «в тени Фиолетовой горы, где покоилось тело Сунь Ятсена, новым правительством Ван Цзинвэя и послом Японии генералом Нобуюки Абэ был подписан кистью и ручкой соответственно»¹²⁰² мирный договор, завершающий войну с Китаем

¹²⁰⁰ America takes the lead in denouncing wang regime ...

¹²⁰¹ German view of Japan // The Straits Times. 1940. May 2. P. 10.

¹²⁰² Wang Signs Peace Pact with Japan // Rome Daily Sentinel. 1940. Nov. 30. P. 1.

и провозглашающий начало эры военного и экономического сотрудничества. Таким образом, Япония добилась поставленной цели. Основные положения мирного договора включали 10 статей и протокол, содержательно сводившиеся к следующему: провозглашалось взаимное уважение суверенитета двух государств; объявлялось политическое, экономическое и культурное сотрудничество; заявлялось о формировании совместного оборонного блока против коммунизма и для ликвидации и размещения с этой целью необходимых вооруженных сил в определенных районах Мэнцзяна и Северного Китая на необходимый срок; Китаю давалось специальное разрешение Японии на размещение военно-морских сил в китайских акваториях; Японии предоставлялись все необходимые ресурсы для развития экономики в регионе и содействия торговле с Японией, а Япония обязывалась оказать финансовую помощь в восстановлении китайской экономики; Япония отказывалась от дальнейших территориальных претензий в Китае, а Китай предоставлял японским подданным свободу для въезда в страну и проживания.

В протоколе оговаривалась обязанность Японии вывести свои войска из Китая в течение 2 лет после окончания боевых действий, за исключением войск, дислоцированных в оговоренных местах. Правительство Китая обязалось компенсировать Японии нанесенный ущерб, размер и порядок возмещения которого будут оговорены позднее. Маньчжоу-Го признавалось правительством Ван Цзинвэя в качестве государства – полноценного субъекта международных отношений¹²⁰³. Весьма символичным при этом оказалось крушение поезда, произошедшее в тот же день, в котором находились приглашенные на торжества по поводу подписания договора официальные лица из числа представителей местных элит¹²⁰⁴, из которых 73 человека погибли, а 110 оказались ранены¹²⁰⁵. Тем не менее трагедия не помешала

¹²⁰³ Jap Guns And Planes Guard Signing Of Pact With Nanking Government // The Evening Leader Coming. 1940. Nov. 30. P. 1.

¹²⁰⁴ 73 Lose Lives in Train Dynamiting // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.

¹²⁰⁵ Chiang Flouts New Peace Treaty Signed by Chinese Puppet Ruler // The Leader-Republican, Saturday. 1940. Nov. 30.

празднованию: в Нанкине был дан салют, и в небо были выпущены огромные воздушные шары, караван из пяти японских самолетов пролетел над головами собравшихся, а японский флагман на р. Янцзы выпустил 21 пушечный залп. Аналитики при этом говорили, что Япония будет продолжать военные операции до тех пор, пока не будет достигнута полная победа над Чан Кайши и его сторонниками¹²⁰⁶. В свою очередь Кордэлл Халл заявил, что Соединенные Штаты продолжают признавать единственно законным правительство в Чунцине и готов выделить 2 млн долларов для укрепления китайской валюты¹²⁰⁷.

Несмотря на казалось бы достигнутую цель, оглашенную японской стороной еще в 1937 г., договор демонстрировал сложную ситуацию, в которой оказались японцы на континенте. Он как бы подчеркивал степень неудачи Японии в китайской кампании, поскольку был несравнимо малым вознаграждением за те жертвы, которые Япония принесла в борьбе с Китаем, исчисляемые только человеческими жертвами в размере 400 тыс. погибших японцев, тогда как руководство Китая и сам Чан Кайши все еще представляли из себя серьезную силу. Их боевой дух был подкреплён недавним кредитом в 100 млн долларов. В договоре меньше внимания, чем ожидалось, было уделено борьбе с коммунизмом, хотя общий антикоммунистический тон был сохранён¹²⁰⁸. Однако это было лучше, чем ничего, поскольку Чан Кайши, несмотря на сложность своего политического, экономического и военного положения, сдаваться не собирался.

Более конкретные шаги и достижения Японии в территориальном вопросе были предприняты в конце сентября 1942 г., когда барон Киитиро Хиранума и Ван Цзинвэй подписали договор, по условиям которого остров Хайнань был передан Японии в долгосрочную аренду¹²⁰⁹. На южном побережье острова предполагалось строительство японской военно-морской

¹²⁰⁶ Pledge Compensation // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.

¹²⁰⁷ Japan and Nanking Faction Sign Treaty Ending Long War // The Poughkeepsie Eagle-News. 1940. Nov. 30. P. 8.

¹²⁰⁸ Japan's Weaknesses // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1940. Dec. 2. P. 4.

¹²⁰⁹ Nanking puppet's secret treaty // The Times. 1942. Oct. 9.

базы¹²¹⁰. Другие положения документа предусматривали признание правительством Ван Цзинвэя автономии Северного Китая и Внутренней Монголии, размещение китайских вооруженных сил и других ресурсов на территориях других государств, занятых японцами. Так, сообщалось, что часть войск уже была отправлена в Индокитай¹²¹¹. Таким образом, были добавлены последние штрихи в четко выстроенный план Японии по созданию альтернативы бывшему Нанкинскому, а ныне – Чунцинскому правительству, способной подписать мирный договор и выступить базой для консолидации сил в Китае, готовых идти на сближение с Японией.

Завершить анализ создания «альтернативной Китайской Республики», а вместе с ней и формирования политического порядка в зоне японского влияния Северного и Восточного Китая мы хотели бы, опираясь на заметку, опубликованную в конце августа 1940 г. известной американской писательницей и журналисткой Агнес Смедли. В ее заметке очень точно обрисовала отдельные аспекты ситуации в Северном Китае. Статья начиналась с того, что «блицкриг Германии против небольших нейтральных стран и Франции стимулировал новый японский двигатель в Китае...» Но Китай – не Франция, он оставался обширной аграрной децентрализованной страной с большими горными цепями, в которых не могли эффективно функционировать механизированные вражеские установки; землей, где шедшие в течение многих недель проливные дожди превращали даже то небольшое количество дорог, которые существовали, в болота, делающие танки и грузовики бесполезными. И даже несмотря на успех в вопросе занятия городов, китайцы по-прежнему контролировали сельскую местность даже в пределах мили или двух от вражеских гарнизонных пунктов. Сельская местность была удобна и тем, что всегда предоставляла китайской стороне еду, одежду и удовлетворение других потребностей, включая амуницию.

¹²¹⁰ Japan leases island from puppet China // The Morning Herald. 1942. Oct. 9. P. 10.

¹²¹¹ Nanking Puppet's secret treaty. Hainan "ceded" to Japan // The Times. 1942. Oct. 9.

Смедли пишет, что Япония пыталась подражать нацистскому блицкригу с его политическим настроем, попытками сломать объединенный фронт между коммунистами и Гоминьданом, провокациями внутри политических элит, пропагандистской политикой посредством митингов, газет и угрозами длительного террора против гражданского населения. Одновременно отмечалось возобновление предложений о перемирии на умеренных условиях.

Отмечая доминирующий интерес в экономической кооперации Японии и нового режима, являющегося одним из мирных условий, Смедли называла сей прием ловушкой, или «предложением морковки перед ослом китайского капитализма», поскольку до 49 % акций на предприятиях в различных отраслях промышленности в Центральном и Южном Китае принадлежало японцам.

Главной целью японского военного и политического наступления к описываемому моменту Смедли видела в том, чтобы договориться с Китаем, вынудить его сдаться на японских условиях так, чтобы Япония могла иметь возможность войти в мировую войну на стороне Германии и Италии и занять европейские колонии в Азии. Японские интересы были сосредоточены на голландской Ост-Индии, которая могла снабжать японскую военную машину нефтью и другими ресурсами. Японцы использовали французскую капитуляцию и британскую занятость военными вопросами в Европе, чтобы заключить соглашение с французским Индокитаем, дающим японской армии право на некоторый контроль над железной дорогой Хайфын – Юньнань, одной из главных коммуникаций Китая с внешним миром, и соглашение с местными британскими властями, чтобы получить подобные права на бирманскую дорогу в Китай. Они угрожали Гонконгу и иностранным концессиям в Шанхае, и уже иметь действительный контроль над иностранными концессиями в Тяньцзине. Ничто не препятствовало японцам в занятии иностранных колоний, кроме флота Соединенных Штатов, но японский флот находился в прекрасном состоянии, и это снимало в определенной мере угрозу поражения, но ситуацию осложняло американское

эмбарго на военные материалы и большие экономические и финансовые затруднения в самой Японии.

В свою очередь в своей недавней речи Чан Кайши заявил, что Китай не будет обсуждать мирные условия, пока японцы не покинут территорию страны, тем самым как бы заявляя, что обстоятельства на Дальнем Востоке являются не только важным фактором в европейской войне, но также выступают в авангарде всего движения за освобождение от японской угрозы для всех стран региона. Однако в составе Китайского правительства имелась «пятая колонна», работающая на капитуляцию, сетующая на неспособность Китая в скором будущем получать оружие и боеприпасы, медикаменты, удовлетворять другие потребности из-за границы или экспортировать продукты, если Япония займет юго-западные маршруты коммуникации с внешним миром. Смедли говорит о том, что многие из этих людей занимают высокое положение среди элит, а японские шпионы держат свое правительство в курсе почти каждого шага китайского руководства (иронизируя о том, что они знали даже место и время государственных похорон для покойного генерала Чжан Цзычжуна, который погиб в бою в мае 1940 г. в Центральном Китае, поэтому бомбили в течение 3 дней небольшую деревню, где должны были состояться похороны).

В завершении Смедли пишет о том, что даже в Китайском правительстве имелась фашистская тенденция и было большое количество людей, предпочитавших свое существование в качестве «японских рабов – хорошо оплачиваемых рабов», чем сотрудничество с Советским Союзом. С другой стороны, было и большое число тех, кто готов был противостоять любому миру с японцами, и если бы такой мир был объявлен, то они отказались бы принять его и в сотрудничестве с коммунистической армией продолжили бы борьбу до полной победы¹²¹². Многие из приведенных тезисов кажутся нам

¹²¹² *Smadley A. Resistance or surrender in China? // The Manchester Guardian. 1940. Aug. 22. P. 4.*

спорными, но общий тон передавал ту политическую и экономическую атмосферу, которая сложилась на тот момент в регионе.

Заявленные принцем Коноэ условия перемирия предполагали зафиксированные в ноябрьском договоре 1940 г. и развитые в сентябрьском договоре 1942 г. дружественные отношения, которые указывали на принятие японских условий: экономическое сотрудничество означало торговую и финансовую зависимость Китая от Японии, а совместные действия против коммунизма являлись непременным условием японского военного командования, ради достижения которого они были даже согласны на перемирие с Россией, но при этом Коминтерн все равно оставался противником. Принятие условий также означало, что Япония держала необходимый контингент войск в Китае в ключевых провинциях для косвенного управления, но Северный Китай и Внутреннюю Монголию оставляла под непосредственным управлением.

Президент США Ф. Рузвельт объявил, что правительство Чунцина получит новый американский кредит в объеме, равном 25 млн фунтов, а японская пресса поделила иностранные державы на два класса: к первому относились страны «оси» и те, кто признал Ван Цзинвэя, ко второму – те, кто поддерживал Чан Кайши.

Япония стремилась использовать войну в Европе, поскольку видела в этом шанс закрепить свое положение в Тихом океане. Чтобы освободить себе руки, она должна была, во-первых, удостовериться, что отсутствовала угроза со стороны СССР, и, во-вторых, закончить войну в Китае. Подписав Берлинский Договор, Советская Россия избавила себя от опасности вести войну на два фронта, получив возможность продолжить оказывать помощь Китаю, своего рода моральный долг, поскольку в соглашении Японии с Ван Цзинвэем был пункт, предусматривающий объединение усилий в борьбе против коммунизма. Японское правительство заявило в адрес России, что этот пункт не имеет к ней никакого отношения, а касается только внутренних вопросов Китая. Но советское руководство прекрасно понимало, что это не

так, а присутствие в Северном Китае и Внутренней Монголии было частью именно антисоветской политики¹²¹³. В ответ Советское правительство заявило Японии, что политика СССР по отношению к Китаю остается неизменной. Это было серьезной проблемой: хотя у Японии и имелся договор с Германией, Пакт о ненападении с Германией был подписан и с СССР, Соединенные Штаты и Советы оставались на этой позиции, США предоставляли крупную ссуду Китаю и СССР продолжал оказывать ему помощь.

Корделл Халл 15 января 1941 г. заявил, что Япония приводит в действие масштабный и амбициозный план по установлению своего доминирующего положения на всем пространстве западной части Тихого океана. Ее лидеры открыто объявили свое намерение достигнуть этой цели и закрепить ее, хотя пределы интересов обозначены не были, в своих заявлениях японское руководство рассматривало как часть сферы своего влияния и французский Индокитай, и голландскую Ост-Индию, что порождало разговоры о создании коалиции стран Юго-Восточной Азии, стремящихся к выходу из-под европейского влияния с населением около 500 млн человек и с перспективами на Таиланд, Бирму, Индию и Филиппины. И хотя японцы настаивали на мирном течении этих процессов, они не возражали против возможности применения силы в случае необходимости. Так, министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока в отношении голландской Ост-Индии допускал возможность отказа признавать лидерство Японии и в этой связи не готов был сказать однозначно, будет ли применяться вооруженная сила или вопрос будет решаться мирно, но настаивал на необходимости принятия таких мер, какие Япония сочтет для этого надлежащими. Для успокоения общественности Адмирал Номура, новый японский посол в Вашингтоне, вынужден был даже заявить о готовности Японии принять все усилия, чтобы избежать применения силы.

¹²¹³ Russia, Japan, and China // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 7. P. 6.

Заклученный накануне договор Японии с Советской Россией в значительной степени смягчил японское беспокойство относительно военного участия Советов на Дальнем Востоке, хотя вопрос о продолжении поддержки Чан Кайши в борьбе против Японии так и не был решен в пользу последней. Это существенно мешало продвижению на юг японской армии, многочисленной и дорогостоящей, оказавшейся в заложниках ситуации в Китае, поскольку советский договор не ограничивал СССР в его политике в Северном Китае¹²¹⁴. Вместе с тем имели место быть интересы Соединенных Штатов, которые пока не были готовы к любым договорным отношениям с Японией. Да и внутри этой страны имелась влиятельная группа лиц, которые считали обременительной затянувшуюся войну в Китае и опасность, которую несла с собой тихоокеанская кампания, в связи с чем предлагалось сначала решить все вопросы с Северным Китаем и Внутренней Монголией, а уже потом строить «большую Восточную Азию».

27 ноября 1941 г. президент США Франклин Рузвельт и госсекретарь Корделл Халл встретились с японским послом адмиралом Номурой и представителем по особым поручениям Курузу. И хотя результаты переговоров оставались неизвестными, а их участники говорили об их успехе, посольство Соединенных Штатов в Пекине разослало уведомление, рекомендуя американским гражданам в Северном Китае, Синьцзяне и во Внутренней Монголии покинуть эту территорию. Генеральный консул США в Гонконге выступил с аналогичной рекомендацией¹²¹⁵, а 10 тыс. японских солдат выдвинулись по направлению к Ханькоу, открыв тем самым новый этап в развитии военных действий, на этот раз в Центральном Китае¹²¹⁶. Далее последовали известные военные события, воспроизводить которые мы не видим смысла, потому что они ни в кое мере не влияли на характер буферной

¹²¹⁴ Japan's dilemma // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 30. P. 4.

¹²¹⁵ Negotiations over? // The Manchester Guardian. 1941. Nov. 28. P. 5.

¹²¹⁶ Japanese in China // Ibid. 1942. May 9. P. 7.

государственности альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя, равно как и успехи и поражения Японии в ходе этой войны.

Что же касается Ван Цзинвэя и его режима, то в мировой, в первую очередь в китайской истории, он закрепился в качестве «марионеточного» или «псевдонационального» правительства. Однако следует признать, что, во-первых, дефиниция «марионеточный» не является научной, а воспроизводит лишь политическую позицию, в связи с чем использование ее в научном обороте представляется нам нецелесообразным. Во-вторых, требуется применять комплексный категориальный аппарат, не ограничиваясь лишь только, например, международно-правовой или политологической терминологией. В-третьих, дефиниции и категории в современной науке существенно отличаются от тех, что были в обиходе в начале – середине XX в., поэтому определение состоятельности государств и характеристики их «международной полноценности» следует использовать с учетом их обычного понимания¹²¹⁷.

15 августа 1945 г. Япония объявила о безоговорочной капитуляции. В этот же день в 16:16 состоялось заседание Центрального политического комитета, который объявил об упразднении Национального правительства и всех его учреждений, о создании Временного правительственного комитета и Комитета общественной безопасности во главе с Чэнь Гуньбо. Буферная государственность, создаваемая японцами с весны-осени 1935 г., выполнила свою задачу в полном объеме и с поражением империи во Второй мировой войне оказалась не жизнеспособна.

Подводя итог процессу моделирования и практического воплощения Японией своих замыслов в виде буферных государств на севере и востоке Китая, своеобразным венцом которого стала альтернативная Китайская Республика под управлением Ван Цзинвэя, а также общей характеристике формирования регионального политического порядка в Восточной Азии,

¹²¹⁷ Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас и др.; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. С. 10.

важно обратить внимание на то, что они создавались не на случайных территориях, а в так называемых «зонах фронтальности», где переплетались религиозные взгляды, культура, обычаи многих народов и складывался собственный набор правил и моделей, в том числе государственных. Возможно поэтому Северный Китай, где традиция государственности была не менее богата, чем в других регионах Евразии, испытал на себе ее кочевую и статичную форму, опробовав ханьскую, маньчжурскую, монгольскую традицию политической организации, чувствуя свою особость и особенность, стал местом апробации моделей буферной автономии и буферной государственности в Новейшее время.

Сам же выстраиваемый буфер в лице разностатусных, но подконтрольных территорий не позволял японской армии непосредственно столкнуться с коммунистическими военными соединениями, будь это отряды партизан или потенциальная советская армия, решившая через Внешнюю Монголию перейти в наступление. Задача отражения агрессии возлагалась на занятые китайские территории с их ресурсами и их жертвами, местные элиты должны были обеспечить лояльность для японцев и легитимность – для себя. В результате не очень слаженных на первоначальном этапе действий японской стороне удалось выстроить систему буферных территорий, которые обеспечивали уверенное присутствие на континенте, управляемость региона и снабжение армии всем необходимым. Эффективность выстраиваемых политик не вызывала сомнений, поэтому шаги Квантунской армии и ее генералов были быстрыми и жесткими.

Поскольку главными природными ресурсами Северного Китая выступали уголь, железо, хлопок, шерсть и соль, а все пять северных провинций в итоге попали под японский контроль, японские экономисты прогнозировали быстрое покрытие расходов от своих вложений. Увеличение производства хлопка, выращенного в Хэбэе, Шаньдуне и Шаньси, было направлено на освобождение Японии от зависимости от британской Индии и Соединенных Штатов. Таким же образом Внутренняя Монголия исключала зависимость от

поставок шерсти от Австралии и Новой Зеландии, Шаньси – поставок угля, Чахар – железа, а большая часть прибрежной территории решала проблему обеспечения соли.

Но был ряд препятствий в реализации этих планов. Так, северокитайский хлопок был груб и неподходящий для любого производства, монгольская шерсть путаной и объемной, что представляло небольшую коммерческую ценность, и к тому же не было понятно, смогут ли кочевники выращивать более продуктивные породы овец и делать это в долгосрочной перспективе. К этому следовало добавить тот факт, что хотя японские войска и заняли крупные города и главные пути сообщения во всех пяти провинциях севера и прибрежные объекты востока, их контроль сельской местности был очень слабым, а бандитизм и партизанская война также не способствовали крупномасштабному экономическому росту.

Огромные трудности у японской стороны вызывала и политическая ситуация в регионе. На первоначальном этапе стремления создать формально независимую государственность не проявляли ни японское военное командование, ни коллаборационисты, поскольку они, во-первых, боролись не за независимость, а за смену неэффективной власти; во-вторых, признавали государственный суверенитет Китайской Республики с соответствующими, пусть и существенно урезанными, полномочиями государственных структур Китая, армии и юстиции, общенациональным законодательством, оборотом денежных средств и т. д. Данное признание в случае с Восточным Хэбэем обеспечивалось именно японской стороной, хотя сама автономия и стремилась к самостоятельности. При этом восточные буферы играли, скорее, вспомогательную роль, чем имели первостепенное значение. Для Японии сохранялась вероятность войны с Советской Россией, поэтому ее первой задачей являлась необходимость вбить клин между Россией и Китаем и обеспечить защиту со стороны горных острогов китайского северо-запада. Имеющийся опыт показал, что север предлагает Японии намного больше возможностей и удобных условий, чем юг.

Международная обстановка также не располагала к оптимизму – Япония фактически оказалась в международной изоляции. Такой исход был очевиден и прогнозируем: агрессор рано или поздно всегда проигрывает, добро побеждает зло, а несправедливость восполняется отмщением. Однако по ходу исследования мы могли наблюдать некоторые обстоятельства, которые позволяют нам обратиться к причинам подобной японской политики, ведь еще в 1935 г. японское руководство, памятуя сложную международную ситуацию вокруг Маньчжоу-Го, делало все возможное, чтобы не обострять отношения со своими западными (на тот момент еще) партнерами. А обстоятельства эти свидетельствуют о том, что именно западные партнеры и Японии, в первую очередь Китая, больше других были заинтересованы в развязывании крупномасштабной войны, которая, с одной стороны, позволила бы ослабить или ликвидировать основного их конкурента в акватории Тихого океана, а с другой – не позволить возникнуть подобному конкуренту на базе хоть и развалившегося, но подающего уверенные признаки к объединению Китая при сохранении его практически бесконечных рынков.

И уже к середине 1937 г. японское военное командование потеряло надежду на мирный исход событий из-за невозможности остановиться на достигнутых результатах. К этому добавлялась угроза «потери лица» перед мировым сообществом и потенциального экономического краха в случае отступления. Во-многом поэтому военные действия оказались вынужденной мерой, в которой ни сама японская сторона, ни Китай заинтересованы не были.

Поводом к такому измышлению для нас послужили отдельные заметки, так сказать от первого лица, которые мы приведем в приложениях к настоящей работе без существенных изъятий и лишних комментариев. Уже в разгар военных действий британским аналитиком К. Стэнли Джонсом, следуя «оптимизму» своего премьера, прогнозировалось близкое завершение войны на Дальнем Востоке (Приложение 1). Таким образом, автор выводил на первый план экономические мотивы и говорил о том, что основная задача Японии сводилась к выдавливанию европейцев из региона. А далее за

авторством этого же человека происходит попытка убедить читателя в том, что перемирие с Японией необходимо хотя бы для предотвращения войны в Европе. Утверждая, что миротворческий процесс уже запущен, даже несмотря на кризис вокруг Британской концессии в Тяньцине, а для достижения цели необходимо действовать слаженно и вместе, последовав примеру американского президента Ф. Д. Рузвельта, денонсировавшего торговые договоры с Японией (Приложение 2). Таким образом, внутри европейского общества имелись сторонники не только признания за Японией всех ее завоеваний, но и того, чтобы убедить Чан Кайши пойти на уступки и сформировать подконтрольную ему государственность только на юго-западных территориях Китая. И это при том, что именно британцы убеждали его в своей помощи и поддержке, американцы давали кредиты на покупку оружия, а все вместе прилагали все возможные усилия, чтобы не допустить заключения с Японией экономического соглашения, когда под властью Гоминьдана все еще находился весь Китай.

Учитывая этот фактор, становится понятным, почему руководство Китая было не способно пойти на мирные переговоры, во многом благодаря постоянно ощущаемой «поддержке западных держав», как моральной, так и финансовой (Приложение 3).

Бывший министр иностранных дел Франции Ивон Дельбос, характеризуя действия японской стороны, заявил, что подобные методы являются обычными для тоталитарных государств (Приложение 4). Таким образом, западными державами открыто признавалось, что проблема заключается не в сохранении мира, не в защите мирного населения Китая, а в том, что от действий Японии страдают экономические и финансовые интересы великих держав в том регионе, который они примерно таким же способом приобрели некоторое время назад. В этой связи очень познавательным будет изучение японской позиции, которая 28 апреля 1934 г. была озвучена в лице Ёсукэ Мацуоки (Приложение 5), в которой он пространно и убедительно заявляет о следовании Японией тем же курсом, которым европейские державы

осуществляли управление регионов в течение последних 300 лет с поправкой на то, что европейцы в Восточной Азии были лишь «гостями», тогда как японцы были «у себя дома».

И напоследок следует обратить внимание на одно письмо, составленное 13 декабря 1937 г. Е. М. Гуллом на имя главного редактора газеты «Таймс», в котором он изложил некоторые соображения относительно политики Японии на севере Китая. Между строк прослеживались и британские интересы, которые могли быть решены путем умелого манипулирования. Одним из главных тезисов явилось то, что Маньчжоу-Го создавалось вовсе не из-за страха Японии перед растущей силой Китая в Маньчжурии, а как раз наоборот – из-за его слабости в этом регионе. Главной опасностью, причем как для Японии, так и Британии, стала вновь набирающая силу Россия, чье продвижение вдоль береговой линии Тихого океана имело место в течение четверти века. СССР, хотя и не продвигается дальше на юг, ниже Владивостока, но в скором времени может снова достичь Дайрена и единственный способ это остановить – организовать 30 млн человек в сильное буферное государство с новым руководством во главе. При этом буфер необходимо было создавать обманным путем, поставив его в позицию марионетки, но марионетки, готовой к восстанию против японских властей, когда появится удобная возможность¹²¹⁸. Только эта модель способна была стать действительно эффективным барьером против России и именно она должна была в случае проигрыша Японии в войне на Дальнем Востоке остановить и усиление в регионе Советской России. А до этого времени монстр должен был спать.

Если допустить истинность данного утверждения, то напрашивается сенсационный вывод: в процессе конструирования регионального политического порядка в Восточной Азии существовал еще один, скрытый, властный центр – Великобритания (или концентрированный союз западных

¹²¹⁸ *Gull E. M. Japanese action in China. The Doctrine of force // The Times. 1937. Dec. 15.*

держав, так называемый «коллективный Запад»), а в идеологическом противостоянии – четвертый «конкурент» – либеральная концепция обустройства региона на основе сугубо рыночных отношений со свободным рынком и свободным доступом на него западных держав и США. В этом случае попытка международного сообщества привлечь Японию к ответу за ситуацию 1931 г. в Маньчжурии кажется блестящей многоходовой игрой, в которой японская сторона выступала не агрессором, а жертвой.

Анализируя приведенные в приложениях тексты и сопоставляя их содержание с современной ситуацией, в которой коалиционные войска западных держав действовали и действуют в Центральной Америке, на Ближнем Востоке, в Северной Африке, а также в нынешнее время – в Восточной Европе, невольно приходишь к выводу, что используемые ими методы не возникли неоткуда, они применялись и ранее, правда, в отношении других держав и уже приводили к печальным последствиям и многочисленным жертвам. Китай сделал надлежащие выводы из слов Мацуоки – сегодня это и уровень образования, и уровень жизни, и коммуникации, которые шагнули значительно вперед. А вот Россия подобных выводов не сделала и во многом напоминает своего южного соседа времен 1920–1930-х гг.

Что касается международной модели поведения западных держав в исследуемый период времени, то опять же, наблюдался процесс, аналогичный многим современным, когда в отношении конкретной державы выстраивался «санитарный пояс», которому противопоставлялась альтернатива. Поэтому мы с уверенностью можем говорить о так называемом «антикоммунистическом поясе», который выстраивала Япония на занятых или подконтрольных ей территориях, и «коммунистическом», выстраиваемом Советским Союзом и его сторонниками, причем как на Западе, так и Востоке, будучи «звеньями одной цепи». В целом же, как и сегодня, шла борьба за ресурсы и рынки сбыта, в которой Япония проиграла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматривая Восточную Азию сквозь призму противостояния держав, которым не удалось поставить регион в прямую колониальную зависимость, но вместе с тем получилось навязать континентальным государствам выгодные для себя правила игры, следует констатировать, что региональный политический порядок здесь сложился в начале XX в. и подвергался наиболее существенной трансформации в период между двумя мировыми войнами. Именно в то время формируется состав ключевых игроков, включающих Японию, Россию и Китай, причем только первым двум державам удалось устояться в качестве властных центров, конструирующих буферные зоны, эффективность которых обеспечила равновесие сил и отодвинула военное столкновение до августа 1945 г.

Удивительной особенностью является факт того, что ни в Японии, ни в нашей стране данные процессы не нашли своего теоретического осмысления ни в тот период времени, ни сейчас. Отдельные аспекты исследований касались всегда либо вопросов безопасности государственных границ, борьбы за Маньчжурию и КВЖД, военных провокаций и столкновений в преддверии Второй мировой войны, разведки, либо послевоенного устройства региона в ракурсе противостояния вокруг четырех островов Южной Курильской гряды с ретроспективной правовой стороны возникших разногласий. Значительное внимание проблеме регионального порядка уделяли ученые из США, однако и здесь это касалось в первую очередь послевоенного периода.

Исходя из обозначенного выше посыла, большое значение приобретает понятие регионального политического порядка, т. е. системы распределения политических ресурсов, которая обеспечивает стабильность отношений в регионе. Данный концепт предполагает асимметрию распределения таким образом, что она гарантирует признание справедливости подобного порядка другими геополитическими акторами. При этом признание несправедливости распределения политических ресурсов формирует потенциал для распада

порядка и формирования ситуации беспорядка. Под значимыми политическими ресурсами мы понимаем совокупность всех ключевых типов власти: жесткой, мягкой и умной, что обеспечивает распределение статуса региональной державы, обладающей ресурсом для лидерства в регионе.

Интерес выбранного нами региона и развития в его пределах политического порядка вызывает тот факт, что для этого необходимы, как минимум, два властных центра, поскольку порядок предполагает соглашение, которое при доминировании одного субъекта невозможно. В связи с этим определяющее значение приобретают буферные зоны, выступающие и как инструмент сдерживания контрагента, и как механизм закрепления в регионе. На наш взгляд, дальнейшие исследования в этом направлении могли бы подтвердить или опровергнуть идею их дихотомии, которая проявляется не только в сдерживании/закреплении, но и в чередовании военных/невоенных инструментов достижения поставленных целей, что наглядно демонстрировала, например Япония, которая, несмотря на превосходящие вооруженные силы, в период с 1933 по 1937 г. установила контроль над территорией почти в 1,5 млн км² с населением около 100 млн человек, ни прибегая к силе, но затем при продвижении в Юго-Восточную Азию активно ее используя.

Еще одним фактором, заслуживающим внимания и требующим дальнейшего изучения, выступает идеологизация, которая в пределах каждой из буферных зон принимала многовекторный характер. Объясняется это разнообразием территорий: многонациональное и поликонфессиональное, но концентрированное в границах определенных политий население; различия в историческом прошлом и его трактовках (как бы мы сейчас сказали, игра с исторической памятью); различное восприятие властных центров и формата взаимоотношений с ними и т. д. И это не мешало региональным империям в предшествующие исторические периоды использовать это разнообразие в качестве ресурса и с собственной выгодой (например, империя Цин столь

долгое время эффективно управляла монгольскими землями не без помощи игры на противоречиях внутри кланов).

Однако на рубеже XIX–XX вв. на первый план выходит национализм, способный не только задать доминирующую идеологическую рамку, но и создать целый ряд национальных государств. В свою очередь буферные зоны этому не препятствовали, а наоборот – способствовали активизации национально-государственного строительства, давшее региону Танну-Тувинскую и Монгольскую Народные Республики, Маньчжоу-Го и Мэнцзян. И даже автономизация провинций Северного и Восточного Китая, а затем и их отделение и формирование альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя тоже носили национальный характер, опираясь на доктрину Сунь Ятсена (юридически преемником которого на посту главы правительства в Гуаньчжоу в 1925 г. и стал Ван Цзинвэй). В результате был создан ряд буферных государств, консолидированных в буферные зоны – антикоммунистический пояс с доминированием Японии и «красный» – Советов, эффективность которых за пределами событий Второй мировой войны, без учета военных побед и поражений, была равнозначной.

При этом, несмотря на старания как советской, так и японской стороны, не произошло лимитрофизации территорий, ее полной и окончательной изолированности и недоступности как для военных соединений противника, так и населения приграничных территорий. И для одной, и для второй стороны конструирование лимитрофа было и затратно, и неэффективно: огромные пространства поддавались весьма условному контролю, а родственные чувства народов, населяющих данную территорию, грозились спровоцировать молниеносный переход на сторону противника. К тому же Японии лимитроф выстроить было затруднительно, так как борьба с Китаем велась не только в зоне боевых действий, но и в первую очередь на занятых пространствах, где присутствовали значительные военные силы: партизанское движение и пассивное сопротивление местного населения делали свое дело. Таким

образом, буферная организация при фронтальном характере взаимоотношений была единственным возможным и наиболее эффективным выходом.

Еще одной важной особенностью регионального политического порядка становится результативность тех моделей, методов и приемов, которые внедряет Япония для обеспечения своего присутствия на континенте. Упомянутая нами категория эффективности, по С. Хантингтону, как способность создавать такие институты, которые в состоянии управлять, необходимо дополнить утверждением Ф. Фукуямы о том, что «эффективное» государство – есть сильное государство¹²¹⁹. Что ж, разве мог этнический японец с американским гражданством рассуждать по-другому?

И используемые Японией подходы по конструированию буферов тому наглядное подтверждение. Так, значение буферных автономий (автономии Хэбэя и Чахара и автономии Восточного Хэбэя) в качестве буфера проистекало из их успешной деятельности по предотвращению войны и того, что каждая из противоборствующих сторон рассматривала эти автономии на первоначальном этапе как неудачный проект, а на завершающем – как важный ресурс, за который стоит побороться. И в целом процесс автономизации региона представлял не только борьбу за материальные ресурсы в виде полезных ископаемых, доступа к портам и рынкам и т. д., а, в первую очередь, борьбу «за умы». Именно поэтому Япония и ее представители каждый раз обращали внимание на культурную идентичность, общие интересы и возможности, построение идеального общества с собственной, а не навязанной системой ценностей. Во многом эта позиция не утратила своей актуальности и сегодня, когда так называемые «западные» ценности плохо укладываются в мировоззрение жителей, например Ближнего Востока.

Значение буферных государств, процесс конструирования которых завершился созданием в 1940 г. объединенной политики – Китайской Республики, также выливался в ряд принципиальных моментов. Во-первых,

¹²¹⁹ Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.

была продемонстрирована лояльность не только нескольких слабых и случайных политиков, но и крупных государственных деятелей, которых удалось привлечь под данный проект – от губернаторов провинций и парламентариев, включая высший военный состав, до отставных министров, премьер-министров и президентов Китая. Во-вторых, было продемонстрировано встречное движение китайским требованиям, выразившееся в умеренной кадровой и финансово-экономической политике. Японцам было важно показать, что при адекватном отношении с ними можно договариваться. В-третьих, именно поэтому военные методы уступали дипломатическим, хотя была и экономическая подоплека: война была крайне затратным и не всегда эффективным средством.

Тот факт, что она разразилась летом 1937 г., еще не говорил о том, что японцы предпочитали решать свои задачи в регионе таким способом – это была вынужденная мера, поскольку упорство (или даже упрямство) нанкинских властей не оставили другого пути. На определенном этапе, когда договариваться оказалось невозможно, был сделан ход по отторжению не столько территорий, номинально находящихся под контролем у Центрального правительства, сколько по привлечению на свою сторону части политической элиты, которая многими членами китайского общества поддерживалась. Именно поэтому японская сторона и заявляла о своем намерении с какого-то периода вести переговоры только с представителями коллаборационистов, минуя официальное правительство в Нанкине (позднее – в Ханькоу, Чунцине). На наш взгляд, этому могло быть следующее объяснение: японцы тем самым пытались показать региональный характер и местное (может быть даже местечковое) значение самого Центрального правительства под управлением Чан Кайши, которое к тому времени фактически контролировало лишь небольшую часть Центрального и Восточного Китая. Одновременно это могла быть и долгоиграющая попытка перевода автономной политической структуры в новый статус – официальный статус правительства другого (или очередного, еще одного) «Го» – срединного государства (中国, Чжунго), по

аналогии с Маньчжоу-Го (Маньчжурское государство) или Монгол-Го (Монгольское государство).

Но реализовать этот действенный план при столь успешном развитии ситуации в 1931–1940 гг. в полной мере помешала война, вынужденная и катастрофическая для Японии и ее геополитических замыслов. В этом смысле милитаристское правительство Японии показало свой непрофессионализм, допустив три стратегические ошибки: оз. Хасан в 1938 г., р. Халхин-Гол в 1939 г. и гавань Перл-Харбор в 1941 г. После этого, получив столь мощных противников, рассчитывать на успех даже эффективных политий без соответствующего военного обеспечения было невозможно. В результате ресурсы исчерпывались раньше, чем успевали восстанавливаться, вести войну по нескольким направлениям оказалось невозможно, а буферные зоны и государства, не рассчитанные на прямые военные столкновения между властными центрами, не сумев оказать сопротивления, были ликвидированы. Однако эффективность их определялась прежде всего тем, что созданный Японией буфер в виде так называемого «антикоммунистического пояса» сделал возможным не допустить проникновения на контролируемую территорию враждебной идеологии и агентов, что, в свою очередь, позволило сохранить и государственную границу, и границу сферы японского влияния, расширив и укрепив ее за счет других присоединяемых территорий, а также не вступить после войны 1905–1906 гг. в прямой военный конфликт с Советской Россией вплоть до августа 1945 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А) ИСТОЧНИКИ:

А.1) Диссертации и авторефераты:

1. *Вартанян А. А.* Международный политический порядок: Теоретико-методологич. аспекты: автореф. дис. ...канд. полит. наук / А. А. Вартанян; Моск. пед. ун-т. М., 1996. 22 с.
2. *Дамдинов А. В.* Агван Доржиев: политический, общественный и религиозный деятель: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Дамдинов. Иркутск, 1996. 144 с.
3. *Дудин П. Н.* Становление государственности Монголии: первая половина XX в.: дис. ... канд. полит. наук / П. Н. Дудин; Бурят. гос. ун-т. Улан-Удэ, 2012. 170 с.
4. *Знаменщиков Р. В.* Принципы федерализма в России и Германии: Сравнительное конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук / Р. В. Знаменщиков. Тюмень, 2003. 230 с.
5. *Панов П. В.* Политический порядок: проблема концептуализации и институционализации: дис. ... д-ра полит. наук / П. В. Панов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2011. 308 с.

А.2) Источники личного происхождения и мемуарного характера:

6. *Ленин В. И.* Беседа с делегацией Монгольской Народной Республики, 5 ноября 1921 года / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 232–233.
7. *Ленин В. И.* Пробуждение Азии / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 595 с.
8. *Рерих Н.* Врата в будущее / Н. Рерих. Рига: Угунс, 1936. 326 с.
9. *Рерих Н.* Листы дневника. Т. 1 / Н. Рерих; сост. Н. Г. Михайлова. М.: МЦР; Бисан-Оазис, 1995. 672 с.
10. *Рерих Н.* Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935) / Н. К. Рерих; сост., вступ. ст., коммент. О. А. Лавреновой. М.: Международный центр Рерихов, 2015. 518, [1] с.

А.3) Сборники документов и справочные издания и материалы:

А.3.1) На русском языке:

11. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: сб. документов. 1976 год. М.: Международные отношения, 1977. 224 с.

12. Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. I: 1917–1920 гг. // Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотрудник Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М., 1944. 571 с.
13. Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. II: 1921–1924 гг. / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотрудник Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А.С. Тисминец. М., 1944. 978 с.
14. Внешняя политика СССР: сб. документов. Т. III: 1925–1934 гг. // Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотрудник Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М., 1945. 800 с.
15. Военно-экономические ресурсы Японии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Информ.-стат. управление РККА, 1934. 87 с.
16. Гэньёся [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.03.2020).
17. *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925) / Э. Д. Гримм. М.: Издание Института востоковедения им. Н. Н. Нариманова, 1927. 219, III с.
18. Дипломатический словарь. Т. II: Л–Я / глав. ред. акад. А. Я. Вышинский. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950. XXXIV с., 996 стб.
19. Документы внешней политики СССР. Т. 4. М.: Госполитздат, 1960. 836 с.
20. Краткий политический словарь. Изд. 6-е, доп. / В. П. Абаренков, Т. Е. Абова, А. Г. Аверкин и др.; общ. ред. Л. А. О니кова, Н. В. Шишлина. М.: Политиздат, 1989. 367 с.
21. Нюрнбергский процесс: протоколы допросов главных военных преступников [Электронный ресурс] / сост. и пер. с англ. С. Мирошниченко. Новочеркасск, 2017. 4035 с. Режим доступа: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/45726> (дата обращения: 01.03.2020)
22. Политлексикон: понятия, факты, взаимосвязи. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 783 с.
23. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1954 года / Министерство иностранных дел СССР. М.: Госполитиздат, 1957. 608 с.
24. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 года // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; собран и средактирован: А. В. Сабанин, М. М. Воскресенский. М., 1924. 371 с.
25. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II: Действующие

договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 года / СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; под ред.: А. В. Сабанин, В. О. Броун. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-е НКВД, 1935. 484 с.

26. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 года и 1 февраля 1928 года // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; собр. и ред.: А. В. Сабанин, В. Т. Крупский. М.: Издание литиздата НКВД, 1928. 252 с.

27. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IV: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 г. и 1 февраля 1928 г. // СССР. Народный комиссариат по иностранным делам; под ред. А. В. Сабанина, П. А. Хрисанфова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1936. 119 с.

28. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. IX: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. // СССР. Народный Комиссариат по иностранным делам. М.: Изд. НКВД, 1938. 507 с.

29. Сборник законов и распоряжений Маньчжу-Ди-Го на русском языке. Вып. 4 / пер. с кит. М. Огуси; ред. Е. С. Павликовский. Харбин, 1937. 129 с.

30. Советско-монгольские отношения 1921–1974: документы и материалы. В 2-х т. Т. 1: 1921–1940 / Главное архивное управление при Совете Министров СССР; Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт востоковедения АН СССР; Министерство иностранных дел СССР и др. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. XVIII, 589 с.

31. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

А.3.2) На английском языке:

32. Algeria, a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1994. xxxvii, 342 p.

33. Finland: A Country Study / ed. by Eric Solsten and Sandra W. Meditz. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. xxxiii, 446 p.

34. Jordan: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 4 th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1991. xxxi, 330 p.

35. Nepal and Bhutan: a country studies/ ed. by Andrea Matles Savada. 3rd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1993. 424 p.
36. Paraguay: a country study / ed. by Dennis M. Hanratty and Sandra W. Meditz. 2th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. xxxi, 288 p.
37. The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 1. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. XX, 1120 p.
38. The Cambridge History of China. Vol. 13. P. 2. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. XX, 1108 p.
39. Turkey: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1996. xxxix, 458 p.
40. Uruguay: a country study / ed. by Rex A. Hudson and Sandra W. Meditz. 2nd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1992. xxxv, 302 p.

А.4) Средства массовой информации:

А.4.1) На японском языке:

41. Асахи Симбун // Токио. 1938. 7 февраля.
42. Асахи Симбун // Токио. 1938. 9 апреля.

А.4.2) На китайском языке:

43. Жэньминь Жибао. 1951. № 5. 23 мая.

А.4.3) На монгольском языке:

44. Современная Монголия. 1934. № 1.

А.4.4) На английском языке:

45. *Abend H.* Chinese beat back allies of Japanese // The New York Times. 1936. Nov. 12. P. 1.
46. *Abend H.* Japanese seeking North China pact // The New York Times. 1936. May 7. P. 14.
47. *Abend H.* Smuggling of silver from China halted // The Los Angeles Times. 1936. Jan. 12. P. 4.
48. A Check in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 8.
49. A Compromise in North China? // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 4. P. 14.

50. Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.
51. Agreement at Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 16. P. 9.
52. Agreement in N. China // The Times. 1935. Dec. 9.
53. A look around // Malaya Tribune. 1935. Dec. 14. P. 12.
54. A look around // Malaya Tribune. 1937. Jul 31. P. 10.
55. Anglo-Japanese Negotiations // The Straits Times. 1939. Jul 1. P. 9.
56. Another bite of China? // The Los Angeles Times. 1932. Dec. 22. P. 4.
57. Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 14. P. 9.
58. Anti-Red agent for Peiping // The Straits Times. 1939. Apr. 15. P. 4.
59. Anti-Red Pact in N. China? // The Straits Times. 1937. Jan. 13. P. 19.
60. Anti-Red pact terms // The Straits Times. 1936. May 1. P. 11.
61. Anti-Red Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 2. P. 9.
62. America takes the lead in denouncing wang regime // The Straits Times. 1940. Apr. 1. P. 7.
63. America warns Japan on China autonomy moves // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 6. P. 1–2.
64. American watch on events. British ambassador`s call // The Times. 1935. Nov. 20.
65. An “autonomy” goverment set up in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 26. P. 9.
66. A new Manchukuo // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 4.
67. A new Manchukuo // The Los Angeles Times. 1936. Jun 2. A4.
68. An Eye-witness in Mongolia II. Priests and politics // The Times. 1935. Mar. 26.
69. A “Paradise” for North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 6. P. 22.
70. A race for Tientsin // The Times. 1935. Dec. 23.
71. Armed resistance against Japan // The Straits Times. 1936. Jul 12. P. 5.
72. A sudden change in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 9.
73. As You were // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 12.
74. At the gates of Peking // The Times. 1933. May 26.
75. “Autonomy” in N. China. Japanese terms. Acceptance or invasion? Anti-communist pretexts // The Times. 1935. Nov. 22.
76. “Autonomy” in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 17. P. 14.
77. Autonomy in N. China // The Times. 1935. Nov. 25.
78. “Autonomy” in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // The Times. 1935. Nov. 22.
79. “Autonomy” in North China // The Times. 1935. Dec. 10.

80. Autonomy move in N. China revived? // The Straits Times. 1937. Jan. 6. P. 9.
81. Autonomy regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 17. P. 19.
82. Autonomy regimes to be merged? // The Straits Times. 1936. Feb. 11. P. 11.
83. Bandit as head of Peiping police // The Straits Times. 1936. Feb. 11. P. 18.
84. Ban on Chinese books // The Straits Times. 1936. Jan. 29. P. 19.
85. Big battle in North China // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 30. P. 14.
86. Biggest battle since The Great War // The Observer. 1937. Sep. 19. P. 17.
87. British foil China coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 22. P. 3.
88. British mines closed down // The Straits Times. 1936. Mar. 6. P. 5.
89. British mines closed // Malaya Tribune. 1936. Mar. 7. P. 12.
90. British mines reopen // The Straits Times. 1936. Mar. 10. P. 9.
91. British objections to silver proposals // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Aug. 3. P. 2.
92. Carrying out tanaka plan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1933. Oct. 10. P. 2.
93. Central Bank // Morning Tribune. 1938. Jan. 5. P. 12.
94. Chiang Denounces Wang Ching Wei // Morning Tribune. 1939. Oct. 4. P. 5.
95. Chiang Flouts New Peace Treaty Signed by Chinese Puppet Ruler // The Leader-Republican, Saturday. 1940. Nov. 30.
96. China and Japan // Malaya Tribune. 1937. May 15. P. 11.
97. China appeals to Britain // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jun. 23. P. 9.
98. China bows to demands // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 3. P. 7.
99. China gives Japan reply // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 12. P. 2.
100. China tariff war // Morning Tribune. 1936. May 21. P. 8.
101. China hitch vexes Japan // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 21. P. 3.
102. China: Homeless Smuggler // Time. 1936. May 11.
103. China meeting demands // The Manchester Guardian. 1935. Jun 19. P. 11.
104. China puppet appeals for British recognition // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Mar. 25. P. 1.
105. China puppet regimes to merge soon? // The Straits Times. 1939. Aug. 21. P. 9.
106. China puppet regimes to merge? // The Straits Times. 1939. Sep. 23. P. 7.
107. China split plea made // The Los Angeles Times. 1936. Jun 1. P. 1.

108. China's customs barriers // The Manchester Guardian. 1936. Sep. 1. P. 12.
109. China's Monetary System // Malaya Tribune. 1938. Mar. 5. P. 16.
110. China's new charter // Malaya Tribune. 1937. Feb. 24. P. 13.
111. China's puppet regime inaugurated // The Straits Times. 1940. Mar. 31. P. 2.
112. China's satisfactory finances // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 12. P. 9.
113. China's warning to "Traitors" // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Feb. 17. P. 2.
114. China Wants Manchuria Returned // Morning Tribune. 1937. Feb. 26. P. 3.
115. China will not surrender // The Straits Times. 1939. Oct. 3. P. 9.
116. China-Japan: Preparations for Force // Time. 1935. Nov. 25.
117. Chinese act in protest // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 19. P. 3.
118. Chinese anxiety // The Times. 1935. Dec. 6.
119. Chinese apology to Japan. Tientsin conference // The Times. 1936. Jan. 17.
120. Chinese government unqedided // The Manchester Guardian. 1935. Jun 14. P. 13.
121. Chinese in North China appeal to British Ambassador // Morning Tribune. 1939. Feb. 13. P. 11.
122. Chinese protest to Japan // The Times. 1935. Nov. 30.
123. Chinese protest to Japan // The Straits Times. 1937. Apr. 27. P. 9.
124. Chinese Puzzle // The Manchester Guardian. 1936. July 15. P. 10.
125. Chinese report of easing tension // The Straits Times. 1937. Jul 20. P. 11.
126. Chinese Resistance to Japanese. Tada Threatens Action // Malaya Tribune. 1936. Feb. 6. P. 12.
127. Chinese resisting Japanese // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 14.
128. Chinese still hesitate to sign Japanese agreement // The Manchester Guardian. 1935. Jun 17. P. 12.
129. Chinese view of Tientsin // The Manchester Guardian. 1939. Jun 15. P. 11.
130. Chinese War minister // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 2. P. 14.
131. Clamour for war in North China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 10. P. 10.
132. Colonel spear set free // The Manchester Guardian. 1939. Sep. 9. P. 9.
133. Col. Spear moved // The Straits Times. 1939. Sep. 8. P. 14.
134. Comedy in North China // The Times. 1935. Dec. 18.
135. Confederation of states in North China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 8. P. 15.
136. Conflict between mongolian princes likely // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 21. P. 9.

137. Confused State in North // *The Straits Times*. 1936. May 8. P. 11.
138. Crisis in the Far East // *The Observer*. 1935. Jun 16. P. 17.
139. Cyprus aerodrome // *The Straits Times*. 1936. Jan. 17. P. 11.
140. Cyprus aerodrome // *The Straits Times*. 1936. May 2. P. 9.
141. Customs payments in new currency // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Aug. 31. P. 2.
142. Danger Has Not Yet Passed // *The Straits Times*. 1936. Feb. 22. P. 11.
143. Deadlock in Chahar // *The Observer*. 1935. Jun 23. P. 18.
144. Death penalty for opium smokers // *The Straits Times*. 1936. Dec. 30. P. 11.
145. Defiance now voiced through Tokyo Press // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 17. P. 1.
146. *Delbos Y.* Japan's seizure of Hainan & its lesson to the powers / Y. Delbos // *The Straits Times*. 1939. Mar. 9. P. 17.
147. Difficulties of Sino-Japanese negotiations // *The Manchester Guardian*. 1937. Jan. 2. P. 16.
148. Demand for military action against the North China rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 2. P. 1.
149. Demonstrations in Peking // *The Times*. 1935. Dec. 17.
150. Diplomatic Dinner Party Parleys // *The Straits Times*. 1936. Oct. 13. P. 11.
151. Diplomacy in N. China // *The Times*. 1935. Dec. 3.
152. Disclosed Japanese Plans To Chiang? // *The Straits Times*. 1936. Nov. 12. P. 17.
153. Doihara returns to Manchukuo // *The Straits Times*. 1935. Dec. 26. P. 11.
154. Domination of North China // *Morning Tribune*. 1936. Apr. 20. P. 2.
155. Double-dealing with China // *The Washington Post*. 1935. Nov. 30. P. 8.
156. Double tax on oil threatens in Hopei // *The New York Times*. 1935. Dec. 4. P. 15.
157. East Hopei autonomous area // *The Manchester Guardian*. 1936. Apr. 30. P. 7.
158. East Hopei and Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Apr. 21. P. 9.
159. East Hopei area of Northern China secedes in coup // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 25. P. 1–2.
160. East Hopei // *Morning Tribune*. 1937. Jun 28. P. 24.
161. East Hopei mutiny: Japanese captives // *The Straits Times*. 1936. Nov. 23. P. 11.
162. East Hopei rebels and the customs // *The Straits Times*. 1936. Mar. 5. P. 16.
163. East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh // *The Straits Times*. 1935. Dec. 29. P. 1.

164. East Hopei rebels // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 8. P. 1.
165. East Hopei regime has own newspaper // The Straits Times. 1936. Mar. 17. P. 19.
166. East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 13. P. 2.
167. East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 7. P. 7.
168. East Hopei regime opens office in Peiping // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 9.
169. East Hopei regime seizes control of courts // The Straits Times. 1936. Apr. 1. P. 11.
170. East Hopei regime's future // The Straits Times. 1937. Mar. 18. P. 16.
171. East Hopei regime to end // The Straits Times. 1936. Jul 24. P. 9.
172. East Hopei seeks to upset Nanking // The New York Times. 1937. Mar. 25. P. 6.
173. East Hopei // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 4. P. 9.
174. Economic plans in North China // The Straits Times. 1936. Oct. 16. P. 12.
175. E. Hopei defences // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.
176. E. Hopei demand to British mine // The Straits Times. 1937. May 24. P. 18.
177. E. Hopei regime to be Abolished? // The Straits Times. 1937. Jun 1. P. 9.
178. Eparate customs in North China // The Times. 1936. Sep. 2.
179. Eventful year in Japan // The Observer. 1938. Jan. 2. P. 10.
180. Exchange control on N. China Exports // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
181. Expulsion threat to Peiping student agitators // The Straits Times. 1936. Mar. 8. P. 5.
182. Fighting in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 16. P. 13.
183. Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 11.
184. Financial autonomy of North China. Hopel Bank`s new status // The Times. 1936. May 26.
185. Foreigners told to evacuate inner Mongolia // The Straits Times. 1936. Nov. 12. P. 9.
186. For ten years China has defied Japan // The Observer. 1943. Mar. 28. P. 1.
187. Four men wanted by police // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 5. P. 10.

188. Fresh Japanese demands. Fiscal severance of N. China. Salt tax detained // *The Times*. 1936. Jan. 31.
189. Fresh pressure in N. China // *The Straits Times*. 1937. Apr. 1. P. 10.
190. Future of North China. Japanese statement. "Education insincerity" // *The Times*. 1936. Jan. 16.
191. Future of North China // *The Times*. 1935. Nov. 27.
192. Future of Tibet // *The Manchester Guardian*. 1933. Dec. 22. P. 9.
193. Future status of U.S. troops in North China is uncertain // *The Washington Post*. 1935. Nov. 29. P. 9.
194. Gen. Feng Yu-Hsiang for shantung // *The Straits Times*. 1937. May 27. P. 19.
195. Gen. Sung accepts more demands? // *The Straits Times*. 1936. Feb. 10. P. 11.
196. Gen. Sung gives way // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 18. P. 10.
197. Gen. Sung orders his troops to prepare // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 3. P. 1.
198. German trade mission in Peiping // *The Straits Times*. 1936. Feb. 17. P. 11.
199. German view of Japan // *The Straits Times*. 1940. May 2. P. 10.
200. Ginger-Headed // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Apr. 16. P. 6.
201. *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy" / M. J. Ginsbourg // *The Washington Post*. 1936. Feb. 28. P. 9.
202. *Ginsbourg M. J.* North China today / M. J. Ginsbourg // *The Washington Post*. 1938. Feb. 3. P. XII.
203. Great battle for shanghai continues // *The Manchester Guardian*. 1937. Oct. 26. P. 14.
204. Great Britain stands by her pledge to China // *The Straits Times*. 1939. May 11. P. 9.
205. *Gull E. M.* Japanese action in China. The Doctrine of force / E. Gull // *The Times*. 1937. Dec. 15.
206. Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // *The Times*. 1937. Aug. 26.
207. *Hedges F. H.* Japanese & "Puppets" Fear Shanghai Terror / F. H. Hedges // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 17. P. 6.
208. Hitch in puppet regime plans. Japanese Concerned Over Lack Of Unity // *The Straits Times*. 1939. Oct. 6. P. 9.
209. Hope and anxiety in China. A waiting the next move. General Doihara's position // *The Times*. 1935. Nov. 22.
210. Hopei & Charhar To Merge With Independent Regimes // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jul 17. P. 9.
211. Hopei-Chahar council suspended // *The Times*. 1937. Aug. 20.

212. Hopei-Chahar Note // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 24. P. 2.
213. Hopei-Chahar regime installed // The New York Times. 1935. Dec. 18. P. 1.
214. Hopei and Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. July 31. P. 9.
215. Hopei chief's aide sees no basic peace // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 13.
216. Hopei "legalizes" smuggling // The New York Times. 1936. Sep. 1. P. 17.
217. Hopei to pay share on loans to China // The New York Times. 1936. May 17. P. 36.
218. Hostilities intensified in Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Nov. 12. P. 1.
219. *Huang E. T.* Powers Checked Red Influence in China / E. T. Huang // Malaya Tribune. 1939. Mar. 21. P. 10.
220. Hua Hsing Bank Scheme Will Fail // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 12. P. 8.
221. Income-Tax for Hopei and Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 16. P. 19.
222. Independent North China is demanded of Nanking // The Washington Post. 1936. Jun 1. XI.
223. Inner Mongolia wavers // The New York Times. 1936. May 1. P. 13.
224. Inner Mongols will not joint Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. July 6. P. 8.
225. Italy and new regime in occupied China // The Straits Times. 1940. Jan. 21. P. 2.
226. Jap Guns And Planes Guard Signing Of Pact With Nanking Government // The Evening Leader Corning. 1940. Nov. 30. P. 1.
227. Japan and China // The Manchester Guardian. 1936. May 20. P. 10.
228. Japan and China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 17. P. 12.
229. Japan & E. Hopei Abolition // The Straits Times. 1937. Apr. 13. P. 9.
230. Japan and Nanking Faction Sign Treaty Ending Long War // The Poughkeepsie Eagle-News. 1940. Nov. 30. P. 8.
231. Japan and Norht China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 8.
232. Japan and North China // The Observer. 1935. Jun. 30. P. 25.
233. Japan demands Shanghai Ban on China flags // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. May 8. P. 2.
234. Japan forces rule on China today // The Washington Post. 1935. Nov. 20. P. 1-2.
235. Japan grips North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 9. P. 3.
236. Japan hurls war threat // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 18 P. 3.
237. Japan in North China // Malaya Tribune. 1938. Jan. 22. P. 3.

238. Japan in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 14. P. 19.
239. Japan in North China // The Observer. 1936. Feb. 2. P. 21.
240. Japan Insists // The Manchester Guardian. 1935. Jun 13. P. 8.
241. Japan leases island from puppet China // The Morning Herald. 1942. Oct. 9. P. 10.
242. Japan moves again // The Manchester Guardian. 1935. Jun 11. P. 8.
243. Japan Now Expects A Long War // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Dec. 25. P. 9.
244. Japan says action only against Britain // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 20. P. 1.
245. Japan sets up new China government // The Straits Times. 1937. Dec. 15. P. 11.
246. Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 17. P. 1.
247. Japan threatens to insist Chinese quit South Hopei // The New York Times. 1937. Jul 24. P. 1.
248. Japan tightening her grip on Hopei & Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 11. P. 9.
249. Japan – China: Another Kuo? // Time. 1937. Jul 26.
250. Japan to invade China tomorrow if new state is not set up in North // The Washington Post. 1935. Nov. 19. P. 1–2.
251. Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1–2.
252. Japan's peace terms // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 27. P. 14.
253. Japan's reply to Demands // The Straits Times. 1936. Oct. 2. P. 11.
254. Japanese "Adviser" to N. China council // The Times. 1936. Feb. 5.
255. Japanese advance in North China // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 11. P. 16.
256. Japanese advance in Shantung. A daring pilot // The Times. 1937. Oct. 5.
257. Japanese advisers in N. China // The Times. 1936. Feb. 10.
258. Japanese advisers may resign // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.
259. Japanese army Discontented // The Manchester Guardian. 1936. Oct. 17. P. 17.
260. Japanese army prepared for invasion of North China // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 1.
261. Japanese arrest man, and give him a job // The Straits Times. 1939. Oct. 21. P. 13.
262. Japanese attitude "Evasive" // The Straits Times. 1936. Mar. 17. P. 8.
263. Japanese Consul's Guests Recovering // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 15. P. 1.
264. Japanese demand // The Straits Times. 1936. Feb. 25. P. 8.
265. Japanese demand // The Straits Times. 1936. Jul 17. P. 9.

266. Japanese Demand A Military Base Near Amoy // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 17. P. 10.
267. Japanese demands in North China // The Straits Times. 1936. Sep. 1. P. 8.
268. Japanese demands rejected // Malaya Tribune. 1936. Jun 3. P. 11.
269. Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // The Times. 1936. Jan. 14.
270. Japanese domination in N. China // The Straits Times. 1936. Feb. 18. P. 20.
271. Japanese engaged by E. Hopei regime // The Straits Times. 1936. Apr. 16. P. 19.
272. Japanese hopes dwindling // The Observer. 1935. Nov. 24. P. 22.
273. Japanese in China // The Manchester Guardian. 1942. May 9. P. 7.
274. Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 9. P. 12.
275. Japanese Increase Forces Inside Great Wall // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 21. P. 10.
276. Japanese offers turned down by Shantung governor // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Sep. 12. P. 9.
277. Japanese plans for North China // The Times. 1937. Oct. 23.
278. Japanese present demands on China // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 14.
279. Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy" // The Times. 1936. Jan. 15.
280. Japanese pressure in North China // The Straits Times. 1936. May 11. P. 5.
281. Japanese pressure in north China // The Straits Times. 1937. Jun 11. P. 11.
282. Japanese Reply Being Considered // Morning Tribune. 1939. Mar. 15. P. 11.
283. Japanese seize Chinese railway junctions // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 28. P. 12.
284. Japanese sharply divided on policy in China // The Manchester Guardian. 1939. Feb. 22. P. 6.
285. Japanese start new bank in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. Jan. 5. P. 2.
286. Japanese still warlike // The Manchester Guardian. 1937. Jul 16. P. 8.
287. Japanese strategy // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 14. P. 8.
288. Japanese tactics in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 18. P. 14.
289. Japanese tactics in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 16. P. 10.
290. Japanese take up positions along great wall // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 18. P. 9.

291. Japanese to capture fourth provincial capital? // The Manchester Guardian. 1937. Nov. 4. P. 13.
292. Japanese transports driven from Shanghai // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 4. P. 11.
293. Japanese troops for Hopei borders // The Straits Times. 1936. Apr. 29. P. 12.
294. Japanese ultimatum to China expires to-day // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 9.
295. Japanese ultimatum to China expires to-day // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 9.
296. Japanese warning // The Times. 1937. Oct. 30.
297. Japanese Warships threaten to fire on students // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 24. P. 10.
298. Japan's aims revealed // The Straits Times. 1940. Jan. 22. P. 9.
299. Japan's ambitions in China // The Manchester Guardian. 1935. Oct. 18. P. 12.
300. Japans conquest of China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 28. P. 5.
301. Japan's dilemma // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 30. P. 4.
302. Japan's drive into North China // The Observer. 1937. Aug. 22. P. 13.
303. Japan's grip on N. China // The Manchester Guardian. 1937. Aug. 20. P. 9.
304. Japan's hold on North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 8. P. 14.
305. Japan's military politicians // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 22. P. 5.
306. Japan's move // Malaya Tribune. 1935. Nov. 20. P. 11.
307. Japan's policy in North China splits cabinet // The Washington Post. 1935. Nov. 23. P. 1-2.
308. Japan's role in China // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.
309. Japan's terms to China // The Observer. 1936. Oct. 4. P. 21.
310. Japan's Weaknesses // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1940. Dec. 2. P. 4.
311. Kwantung army discover two more "incidents" // The Manchester Guardian. 1935. Jun 18. P. 6.
312. Letters to the editor // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 16. P. 7.
313. Lull in North China. "Stormy Petrel" to leave. Future of customs // The Times. 1936. Mar. 3.
314. Lull in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 23. P. 17.
315. Malaya and China Parley // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 14 P. 5.
316. Manchu-E. Hopei pacts // The Straits Times. 1936. May 27. P. 8.
317. Manchukuo from North China // The New York Times. 1935. Dec. 13.

318. Martial Law Proclaimed In North Charhar // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jun 14. P. 9.
319. Matsuoka Says Japan Opposes White Peril // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1934. Jun 16. P. 4.
320. Meeting of Chinese puppets // The Straits Times. 1940. Apr. 2. P. 11.
321. Miscellaneous Column 1 // The Straits Times. 1935. Dec. 21. P. 18.
322. Missionaries still held by Japanese // The Straits Times. 1940. Oct. 26. P. 12.
323. Monarchy again in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Oct. 19. P. 9.
324. Mongolian Manoeuvres // The Manchester Guardian. 1936. Jan 14. P. 8.
325. More fighting. 800 Chinese killed by air bombs // The Times. 1937. Jul 28.
326. More Japanese advisers for N. China// The Straits Times. 1936. Apr. 27. P. 19.
327. More Japanese inroads // The Times. 1935. Nov. 28.
328. More Japanese troops for Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 26. P. 9.
329. More trade in North China // Malaya Tribune. 1937. Dec. 17. P. 12.
330. Mr. Wang Ching-wei States His Case For Opening Of Peace Talks // The Straits Times. 1939. Jan. 12. P. 5.
331. Mr. Yen Yu Keng Head of the East Hopei autonomous regime, which the Central Government decided to suppress at the Third Plenary Session of the C. E. C. // Malaya Tribune. 1937. Feb. 26. P. 13.
332. N. China customs authorities a Japanese denial // The Times. 1936. Jun 4.
333. N. China puppet state takes customs // The Straits Times. 1937. Dec. 17. P. 11.
334. N. China terms revealed // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 11.
335. N. China's loyalty to Chiang // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Feb. 9. P. 6.
336. Nanking acts boldly // The Straits Times. 1935. Nov. 27. P. 11.
337. Nanking again bombed // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 22. P. 16.
338. Nanking anxious about Japanese thrust // The Times. 1936. Jan. 18.
339. Nanking group favours war // The Straits Times. 1937. Jul 12. P. 11.
340. Nanking offers near autonomy to North China // The Washington Post. 1935. Dec. 3. P. 3.
341. Nanking Puppet's secret treaty. Hainan "ceded" to Japan // The Times. 1942. Oct. 9.
342. Nanking puppet's secret treaty // The Times. 1942. Oct. 9.
343. Nanking Puppets // The Times. 1940. Feb. 2.

344. Nanking's attitude. Attempts to find a formula // *The Times*. 1935. Nov. 22.
345. Nanking-Mongol clash feared // *The Straits Times*. 1933. Nov. 2. P. 11.
346. Negotiations aid Mongol autonomy // *The New York Times*. 1933. Nov. 6. P. 13.
347. Negotiations over? // *The Manchester Guardian*. 1941. Nov. 28. P. 5.
348. Negotiations still deadlocked // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Nov. 12. P. 9.
349. Neutral zone // *The Straits Times*. 1933. Jul 24. P. 11.
350. New Attack To Be Launched On East Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. Jan. 6. P. 1.
351. New China puppet regime // *The Straits Times*. 1940. Jan. 28. P. 2.
352. New China state seen // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 13. P. 3.
353. New China-Japan parleys // *The Straits Times*. 1937. Mar. 16. P. 4.
354. New Chinese Empire seen // *The Los Angeles Times*. 1935. Jun 17. P. 3.
355. New Chinese government // *The Straits Times*. 1939. Sep. 14. P. 10.
356. New demands to China // *The Manchester Guardian*. 1936. Sep. 28. P. 9.
357. New government in Hopei-Chahar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. Aug. 20. P. 7
358. New hitch in N. China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 22. P. 11.
359. New Japanese demand // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 21. P. 11.
360. New Japanese warning to North China // *The Times*. 1935. Dec. 19.
361. New Nanking Government Established // *Morning Tribune*. 1938. Mar. 29. P. 1.
362. New ominous moves by Japan // *The Straits Times*. 1937. Jul 24. P. 11.
363. New plan North China cooperation with Japanese // *The Times*. 1936. Aug. 14.
364. New Puppet state in North China? // *The Straits Times*. 1937. Jun 9. P. 19.
365. New Regime in Canton? // *Malaya Tribune*. 1940. Feb. 24. P. 11.
366. New regime in N. China. Retaining revenues. Japanese plans for wider autonomy // *The Times*. 1936. Jan. 18.
367. New regime in North China? // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1937. Feb. 7. P. 18.
368. New Republic of China // *Malaya Tribune*. 1937. Dec. 15. P. 11.
369. New tension in China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 25. P. 12.
370. New turn in China // *The Times*. 1935. Nov. 21.
371. Nippon Army Repulsed At Shanghai // *Syracuse Journal*. 1937. Oct. 4. P. 1.
372. No flag raising // *The Straits Times*. 1935. Nov. 26. P. 12.

373. No responsibility for East Hopei // The Straits Times. 1937. May 5. P. 8.
374. North Charhar // Morning Tribune. 1937. Jul 2. P. 19.
375. North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 17. P. 23.
376. North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 26. P. 8.
377. North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 13. P. 10.
378. North China // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 14. P. 11.
379. North China // The Manchester Guardian. 1939. Jul 7. P. 11.
380. North China // The Times. 1935. Dec. 13.
381. North China // The Times. 1935. Dec. 7.
382. North China accepts half Japanese demands separate money policy // Malaya Tribune. 1936. Feb. 10. P. 11.
383. North China area tied to Manchukuo // The New York Times. 1936. Apr. 13. P. 1.
384. North China as protectorate // The Manchester Guardian. 1935. Jun 22. P. 17.
385. North China asks Japan army's help // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 26. P. 1.
386. North China autonomy // The Times. 1935. Dec. 23.
387. North China autonomy // The Times. 1936. Feb. 18.
388. North China gets Tokyo ultimatum to push "reforms" // The New York Times. 1936. Jan. 22. P. 1.
389. North China lull // The Straits Times. 1935. Dec. 5. P. 11.
390. North China not to become a second Manchuria // The Manchester Guardian. 1937. Jul 20. P. 6.
391. North China peace parley suspended // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Aug. 11. P. 9.
392. North China rebels to seize customs // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 12. P. 10.
393. North China rift banned // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 17. P. 2.
394. North China settlement much nearer // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 4. P. 9.
395. North China to be dominated by armed force // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 20. P. 9.
396. North Hopei regime // Malaya Tribune. 1937. Apr. 22. P. 11.
397. Notes & Comments. Peace Or War? // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 10.
398. Notes & Comments. The "Provisional Government" // Malaya Tribune. 1938. Jan. 18. P. 10.
399. Opium in North China // The Straits Times. 1932. May 9. P. 11.
400. Opium traffic in North China legalized by Japan // The Times. 1938. May 27.
401. Order for armed resistance // The Straits Times. 1936. Jan. 13. P. 11.

402. Panic in North China // *Malaya Tribune*. 1935. Nov. 27. P. 13.
403. Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 25. P. 14.
404. Partem M. G. The Buffer System in International Relations // *The Journal of Conflict Resolution*. 1983. Vol. 27. No. 1. P. 3–26.
405. Paul Einzig // *World Finance*. 1938–1939. P. 151–152.
406. “Peace” again in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 10. P. 13.
407. “Peace offer” to China // *The Manchester Guardian*. 1940. Jan. 17. P. 9.
408. Peace overtures // *The Straits Times*. 1933. Feb. 22. P. 17.
409. Peaceful Settlement in N. China // *Malaya Tribune*. 1935. Dec. 9. P. 11.
410. Peiping drafting China peace plan // *The New York Times*. 1938. Jul 2.
411. Peitaiho threatened by huge bandit army // *The Straits Times*. 1933. Sep. 23. P. 11.
412. People of North China loyal to Chungking // *The Straits Times*. 1939. Feb. 9. P. 17.
413. Plan for new central government in China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jan. 5. P. 2.
414. Pledge Compensation // *The Niagara Falls Gazette*. 1940. Nov. 30. P. 2.
415. Plot to overthrow E. Hopei leader // *The Straits Times*. 1936. Mar. 6. P. 5.
416. *Powell J.* Mongolians Declare Independence. Inner Mongolia Declares Itself free from China / J. Powell // *Chicago Daily Tribune*. 1933. Oct. 14. P. 13.
417. *Powell J.* New state born in North China / J. Powell // *Chicago Daily Tribune*. 1935. Dec. 8. P. 5.
418. *Powell J.* New state born in North China; Japs in Control / J. Powell // *Chicago Daily Tribune*. 1935. Dec. 8. P. 5.
419. Powers must deal with new regime // *Malaya Tribune*. 1940. Mar. 21. P. 12.
420. Progress made in Tokio talks // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Aug. 3. P. 2.
421. Provincial bank clearings // *The Times*. 1936. Sep. 2.
422. Puppet government and Wang Ching-Wei // *The Straits Times*. 1939. Apr. 13. P. 9.
423. Puppet Government Issues Manifesto // *The Straits Times*. 1939. Mar. 29. P. 10.
424. Puppet leaders meet to-day // *The Straits Times*. 1940. Jan. 23. P. 9.
425. Puppet move fails again in N. China // *Malaya Tribune*. 1939. Oct. 6. P. 11.
426. “Puppet” Officials Given Poisoned Wine At Banquet // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 13. P. 2.
427. Puppet police for Shanghai // *The Straits Times*. 1939. Feb. 25. P. 14.

428. Puppet President Leaves Hospital // The Straits Times. 1939. Jun 15. P. 9.
429. Puppet regime envoys to meet // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Mar. 31. P. 7.
430. Puppet Regime's Own Army // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 16. P. 2.
431. Puppet regimes in China to merge // The Straits Times. 1939. Oct. 31. P. 9.
432. Puppet regime's plea to Britain // The Straits Times. 1939. Mar. 25. P. 9.
433. Puppet Regimes To Merge? // The Straits Times. 1939. Sept. 23. P. 7.
434. Puppet region cuts another Chinese tie // The New York Times. 1937. Mar. 21. P. 36.
435. Puppet State in North China? // Malaya Tribune. 1936. Jun 18. P. 11.
436. Questions in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Jan. 26. P. 6.
437. Ready to invest in N. China // The Straits Times. 1936. Mar. 12. P. 11.
438. Rebel regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 10. P. 19.
439. Rebels advance on Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1935. Dec. 29. P. 1.
440. Recognition of Manchukuo // Malaya Tribune. 1938. Feb. 21. P. 10.
441. Recognition for Manchukuo? // The Straits Times. 1936. Jun 26. P. 9.
442. Recognition of puppets an unfriendly act // Malaya Tribune. 1940. Jan. 11. P. 2.
443. Recovery of East Hopei our immediate aim // The Straits Times. 1937. Feb. 25. P. 5.
444. Reds in Shensi // Morning Tribune. 1937. Feb. 2. P. 28.
445. Reported Japanese demands // The Manchester Guardian. 1936. Dec. 5. P. 17.
446. Reported offer of terms to China // The Times. 1938. Dec. 28.
447. Revenues withheld in North China // The Times. 1936. Feb. 1.
448. Russia, Japan, and China // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 7. P. 6.
449. Russia's denial // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1932. Feb.15. P. 9.
450. Settlement in hands of craigie and aria. Japanese Attitude // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
451. Settlement in N. China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 24. P. 14.
452. Shanghai students seize a train // The Times. 1934. Dec. 24.
453. Shantung to become autonomous state? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 16. P. 1.
454. *Sheba K.* Japs plan to set up a new puppet state in N. China / *K. Sheba* // Chicago Daily Tribune. 1937. Oct. 7. P. 3.

455. Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China // *Malaya Tribune*. 1936. Jan. 9. P. 11.
456. Sino-Japanese Complications // *Morning Tribune*. 1936. Jun 2. P. 2.
457. Sino-Japanese co-operation // *The Straits Times*. 1937. Mar. 11. P. 5.
458. Sino-Japanese talks break down // *The Straits Times*. 1936. Jan. 2. P. 5.
459. Sino-Japanese talks to be resumed // *The Straits Times*. 1936. Aug. 27. P. 5.
460. Situation Worsens In East Charhar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 13. P. 10.
461. *Smadley A.* Resistance or surrender in China? / A. Smadley // *The Manchester Guardian*. 1940. Aug. 22. P. 4.
462. Smuggling in China // *The Manchester Guardian*. 1936. Aug. 15. P. 12.
463. Smuggling in China // *The Straits Times*. 1936. Jun 25. P. 10.
464. Smuggling into N. China // *The Manchester Guardian*. 1936. Jun 16. P. 14.
465. Smuggling problem in North China // *The Straits Times*. 1937. May 24. P. 19.
466. Southerners Denounce Wang's Secession Plan // *Malaya Tribune*. 1939. Aug. 23. P. 18.
467. Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 30. P. 10.
468. "Special zone" in the luantung sought // *The Straits Times*. 1936. Apr. 22. P. 18.
469. State control in Shansi // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1937. May 16. P. 1.
470. Statement by Mr. H. Arita // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 28. P. 14.
471. Statements by China puppet regimes // *The Straits Times*. 1939. Sep. 25. P. 7.
472. *Stanley Jones C. H.* Appeasement is not yet completed / C. H. Stanley Jones // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1939. Jul 30. P. 12.
473. *Stanley Jones C. H.* Showdown in Far East Is Very Near / C. H. Stanley Jones // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1939. Mar. 5. P. 12.
474. Still waiting in China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 17. P. 13.
475. Stop Press // *Morning Tribune*. 1938. Jan. 5. P. 21.
476. Student groups banned // *The New York Times*. 1936. Nov. 10. P. 16.
477. Students` meeting with general Chiang // *The Times*. 1935. Jan. 14.
478. Suiyuan reports conflict // *The New York Times*. 1936. Nov. 22. P. 36.
479. Suiyuan reports Mongolians' raids // *The New York Times*. 1938. Jan. 24.
480. Suspense in China // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun. 14. P. 9.
481. Swift developments are expected in China // *Malaya Tribune*. 1935. Nov. 26. P. 11.
482. Tension in North China // *The Times*. 1935. Dec. 2.

483. Terms of agreement withheld. "Almost All" Japan's demands met // The Times. 1937. Jul 23.
484. Terms of Wang's reported pact with the Japanese // The Straits Times. 1940. Mar. 7. P. 14.
485. The Adriatic Question // Present. by mr. Hitchcock, February 27.1920 / Ordered to be printed. Washington Government Printing Office, 1920.
486. The attack on Suiyuen // Malaya Tribune. 1936. Feb. 11. P. 13.
487. The Chinese retreat // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 15. P. 10.
488. The Communists in China // The Manchester Guardian. 1935. Apr. 5. P. 10.
489. The Drama of The Far East // Morning Tribune. 1939. Nov. 27. P. 4.
490. The dual war // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 1. P. 10.
491. The Japanese advances in The North // The Manchester Guardian. 1937/ Oct. 1. P. 15.
492. The Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Feb. 10. P. 13.
493. The Japanese programme // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.
494. The Kailan mines // Malaya Tribune. 1936. Mar. 10. P. 23.
495. The misfire in N. China // The Times. 1935. Nov. 23.
496. The Mongols proceed to Nanking shortly // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Nov. 20. P. 1.
497. The North China compromise // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 9. P. 22.
498. The North China settlement // Malaya Tribune. 1935. Dec. 16. P. 16
499. The opium evil in occupied China // Malaya Tribune. 1940. Jan. 9. P. 14.
500. The Panchan Lama // The Straits Times. 1934. Aug. 13. P. 11.
501. The prisoner of Nanking // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 2. P. 4.
502. The Soviet-Mongol Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 9. P. 8.
503. The war in China // The Manchester Guardian. 1939. Dec. 30. P. 6.
504. The war in China //The Manchester Guardian. 1937. Jul 29. P. 8.
505. Threat to provincial capitals // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 14. P. 6.
506. Three Puppet Governments // Malaya Tribune. 1940. Jan. 12. P. 1.
507. Tientsin // The Times. 1939. Jun 19.
508. Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.
509. To-day's news Review // Malaya Tribune. 1939. Feb. 28. P. 13.
510. To-day's News Review // Malaya Tribune. 1939. Jul 5. P. 12.
511. Tokio discussions to end The China War // The Straits Times. 1939. Nov. 2. P. 14.

512. Tokio even willing to give Chiang piece of his own country // New York Post. 1938. Jul 2. P. 2.
513. Tokio talks // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 24. P. 6.
514. Tokio talks confined to heads // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
515. Tokio talks on new China puppet regime // The Straits Times. 1939. Nov. 3. P. 14.
516. Tokyo revolt and China // Malaya Tribune. 1936. Mar. 2. P. 11.
517. Tokyo ultimatum reported in China // The New York Times. 1936. Jan. 8. P. 9.
518. Troop movements in Manchukuo. Reported Russian break through // The Times. 1939. Sep. 14.
519. Troops sent from Japan // The Times. 1937. Jul 16.
520. Tug-of-War in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Feb. 15. P. 6.
521. Two theories in Japan Pan-Asia and beyond. Chinese resistance // The Times. 1936. Jun 12.
522. U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1-2.
523. U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov 25. P. 1-2.
524. Unrest in Shanghai // The Times. 1935. Dec. 27.
525. Untitled // Morning Tribune. 1936. Nov. 23. P. 6.
526. Untitled // The Straits Times. 1937. Apr. 19. P. 11.
527. Uprising in East Hopei // The Straits Times. 1936. Apr. 7. P. 11.
528. Wang Ching Wei regrets first rush at The Bait // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Nov. 26. P. 1.
529. Wang Ching-Wei May head new peace movement // The Straits Times. 1939. May 27. P. 14.
530. Wang Ching-Wei Regime Plan Hitch // The Straits Times. 1939. Nov. 26. P. 3.
531. Wang Ching-wei's Statement // The Straits Times. 1940. Mar. 14. P. 14.
532. "Wang Had Better Commit Suicide" – Chiang Kai Shek // Morning Tribune. 1939. Oct. 3. P. 3.
533. Wang Flees From China // Malaya Tribune. 1939. Jan. 3. P. 11.
534. Wang Signs Peace Pact with Japan // Rome Daily Sentinel. 1940. Nov. 30. P. 1.
535. Wang's peace movement // The Straits Times. 1939. May 30. P. 11.
536. War clouds over orient // The New York Sun. 1936. Aug. 13. P. 4.
537. War-lord's deposits held // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 15. P. 11.
538. Warning to powers // The Straits Times. Apr. 28. 1934. P. 11.

539. What Japan does want the situation in North China // *The Times*. 1937. Jan. 5.
540. White races in Asia // *The Times*. 1938. Jan. 8.
541. Will China Follow Finland's Example? // *Malaya Tribune*. 1940. Mar. 13. P. 8.
542. World warned that U.S. frowns on move for autonomy // *The Washington Post*. 1935. Dec. 6. P. 1–2.
543. Wu chosen to head new regime for North China // *The Los Angeles Times*. 1935. Dec. 22. P. 2.
544. Yin Yu Keng to take over Peiping and Tientsin? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. Jul 9. P. 9.
545. 73 Lose Lives in Train Dynamiting // *The Niagara Falls Gazette*. 1940. Nov. 30. P. 2.
546. 1,000 Manchus invade Chahar // *The Washington Post*. 1935. Dec. 10. P. 6.
547. 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Feb. 25. P. 9.
548. 2 teachers executed in East Hopei // *The Straits Times*. 1936. Mar. 5. P. 16.
549. 5 teachers executed in East Hopei // *The Straits Times*. 1936. Mar. 8. P. 8.

Б) НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Б.1) На русском языке:

550. *Аварин В.* Независимая Манчжурия. 2-е доп. изд. Л.: Партиздат, 1934. 152 с.
551. *Алиев Н.* Нагорно-Карабахский конфликт: Правовые аспекты урегулирования: моногр. [Электронный ресурс] / Н. Алиев. Тбилиси: Универсал, 2009. С. 027–035. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18777151> (дата обращения: 01.03.2020).
552. *Андреев А. И.* Тибет в политике царской, советской и постсоветской России / А. И. Андреев. СПб.: Нартанг, 2005. 463, [1] с.
553. *Ахметова Б. З.* Напряжение вокруг проблемы Южно-Китайского моря как фактор геополитического противоборства и трансформации современного мирового порядка / Б. З. Ахметова, И. С. Карабулатова, П. Н. Дудин, Ж. Б. Доржиев // *Центральная Азия и Кавказ*. 2016. Т. 19, вып. 4. С. 55–63.
554. *Баркатунов В. Ф.* Экономика теократического квазигосударства ИГИЛ, кризис международного права и национальные возможности по противодействию терроризму / В. Ф. Баркатунов // *Дельта науки*. 2016. № 1. С. 106–113.

555. *Бердегулова Л. А.* Особенности суверенитета квазигосударственных образований // Непризнанные государства: методологические, политические и правовые аспекты: сб. мат-лов Всерос. научн. конф. (Самара, 28 октября 2016 г.) / Л. А. Бердегулова; отв. ред. А. Н. Сквозников. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. С. 13–18.
556. *Бердегулова Л. А.* Права человека в квазигосударственном образовании / Л. А. Бердегулова // Символ науки. 2016. № 9. С. 187–189.
557. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска / З. Бжезинский; пер. с англ. О. Уральской. М.: Изд-во АСТ, 2018. 384 с.
558. *Бирн Ф. Д.* Короли и верховные правители Ирландии / Ф. Д. Бирн. СПб.: Евразия, 2006. 368 с.
559. *Биссон Т. А.* Военная экономика Японии / Т. А. Биссон; пер. с англ. Г. В. Конюшкова; под ред. проф. К. М. Попова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. 308 с.
560. *Благов Ю. В.* Местное самоуправление в РФ в условиях муниципально-правовой реформы: моногр. / Ю. В. Благов; Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск: Проспект, 2017. 171, [1] с.
561. *Богатуров А. Д.* Международный порядок в наступившем веке / А. Д. Богатуров // Международные процессы. 2004. № 3. С. 6–23.
562. *Богословский В. А.* Национальный вопрос в Китае (1911–1949) / В. А. Богословский, А. А. Москалев. М.: Наука, 1984. 264 с.
563. *Бурбанк Дж.* Траектории империи / Дж. Бурбанк, Ф. Купер // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во; Ab Imperio, 2010. С. 325–361.
564. *Бурлингас И. Я.* Китай и Япония / И. Я. Бурлингас // Китай и соседи в новое и новейшее время / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1982. С. 396–452.
565. *Бусыгина И. М.* Политическая география. Формирование политической карты мира / И. М. Бусыгина. М.: Проспект, 2011. 384 с.
566. *Венгеров А. Б.* Теория государства и права: учебник / А. Б. Венгеров. М.: Новый юрист, 1998. 621 с.
567. *Виленский-Сибиряков В. Д.* Современный Китай / В. Д. Виленский-Сибиряков. М., 1925. 22 с.
568. *Виолис А.* Япония и ее империя / А. Виолис. М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1934. 133 с.
569. *Воскресенский А. Д.* Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2012. № 2 (8). С. 30–58.
570. *Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. чл.-кор. РАН Г. И. Чуфрин.* М.: Наука, 2004. 282 с.
571. *Востриков С. В.* Исторические особенности формирования идентичностей в ареале российско-белорусского лимитрофа / С. В. Востриков // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2–1. С. 52–57.

572. *Всегов Е.* Вашингтон и Лондонская морская конференция / Е. Всегов // *Международная жизнь*. 1930. № 3. С. 23–24.
573. *Вэй Цзы-чу.* Капиталовложения империалистов в Китае (1902–1945) / Вэй Цзы-чу. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 51 с.
574. *Гайкин В. А.* Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-Го (1931–1945 гг.) / В. А. Гайкин // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 5. С. 123–131.
575. *Гальперин А. Л.* Англо-японский союз: 1902–1921 годы / А. Л. Гальперин. М.: Госполитиздат, 1947. 448 с.
576. Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас и др.; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2016. 254 с.
577. *Гранберг А. Г.* Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя / А. Г. Гранберг // *Регион: экономика и социология*. 2004. № 1. С. 57–81.
578. *Дацышен В. Г.* Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. / В. Г. Дацышен. Красноярск, 2001. 336 с.
579. *Дацышен В. Г.* «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности / В. Г. Дацышен // *Родина*. 2009. № 8. С. 17–19.
580. *Дацышен В. Г.* Конфликт на КВЖД 1929 года. Материалы сибирских региональных архивов о ситуации в воинских частях и взаимодействии с местным населением / В. Г. Дацышен // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 12. С. 22–28.
581. *Дацышен В. Г.* Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 г. на КВЖД / В. Г. Дацышен // *Российская история*. 2011. № 5. С. 51–62.
582. *Дацышен В. Г.* «Миссия Комацубары». Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х годов / В. Г. Дацышен // *Проблемы Дальнего Востока*. 2012. № 3. С. 126–133.
583. *Дацышен В. Г.* Консульства Маньчжоу-Го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931–1945 гг. / В. Г. Дацышен // *Проблемы Дальнего Востока*. 2013. № 5. С. 135–143.
584. *Дацышен В. Г.* Япония и гражданская война в Туве / В. Г. Дацышен // *Новые исследования Тувы*. 2013. № 2. С. 44–54.
585. *Дацышен В. Г.* Русско-японские отношения на Северном Сахалине в период японской оккупации (1920–1925 гг.) / В. Г. Дацышен // *Ежегодник Японии*. 2014. № 43. С. 192–209.
586. *Дацышен В. Г.* Советско-японская война 1945 г. (к проблеме исторической литературы и источников) / В. Г. Дацышен // *Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: мат-лы Международ. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом*. В 2 ч., ч. 1 / под ред. Е. В. Дроботушенко. Чита, 2015. С. 81–90.

587. *Дацышен В. Г.* СССР и Маньчжоу-Го: проблемы советского признания квазигосударства / В. Г. Дацышен // *Eurasia: Statum et Legem*. 2018. № 10. С. 38–52.

588. *Досовицкая В. В.* Установление власти Японии в Северо-Восточном Китае в первой половине XX в. / В. В. Досовицкая // *Власть и насилие в незападных обществах. Проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения*. М., 2016. С. 300–309.

589. *Дудин П. Н.* Автономное государство как политическая категория и инструмент стратегического присутствия / П. Н. Дудин // *Политэкс*. 2020. Т. 16. № 1. С. 40–57.

590. *Дудин П. Н.* Буддизм и региональный политический порядок. Общий контекст для Восточной Азии / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*. 2019. № 6. С. 64–76.

591. *Дудин П. Н.* Буддизм Махаяны и региональный политический порядок Северо-Восточной Азии / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*. 2020. № 2. С. 61–79.

592. *Дудин П. Н.* Буддизм Тхеравады и региональный политический порядок Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / П. Н. Дудин // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 1. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 01.03.2020).

593. *Дудин П. Н.* Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки*. 2018. № 6. С. 50–65.

594. *Дудин П. Н.* Буферные государства Северо-Восточной Азии. Северный и Восточный Китай / П. Н. Дудин. Пенза: Социосфера, 2018. 474, XXXIII с.

595. *Дудин П. Н.* Буферные зоны и их соотношение со схожими категориями территорий с особым режимом сквозь призму российского/советского и японского стратегического присутствия в регионе Восточной Азии / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки*. 2019. № 4. С. 44–62.

596. *Дудин П. Н.* Государственная экономическая политика Мэнцзяна и ее правовое закрепление / П. Н. Дудин // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2014. № 11. С. 44–55.

597. *Дудин П. Н.* Политическая история Мэнцзяна / науч. ред. К.Б.-М. Митупов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2014. 300 с.

598. *Дудин П. Н.* Политический опыт государственного строительства и формирование понятия «буддийское право» в странах Азии в период XX в. / П. Н. Дудин, А. В. Шемелин // *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2015. № 2(117). С. 96–102.

599. *Дудин П. Н.* Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год

1921. Ч. 1 / П. Н. Дудин, З. Ф. Хусаинов // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14(1). No 1. С. 8–23.

600. *Дудин П. Н.* Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Ч. 2 / П. Н. Дудин, З. Ф. Хусаинов // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14(2). С. 226–237.

601. *Дудин П. Н.* Региональный политический порядок в зоне советских интересов в Восточной Азии (Ч. 1: Китай) / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика*. 2021. № 2. С. 49–61.

602. *Дудин П. Н.* Региональный политический порядок в зоне советских интересов в Восточной Азии (Ч. 2: «Бэйяньское наследство») / П. Н. Дудин // *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика*. 2021. № 3. С. 67–78.

603. *Дяо.* Положение иностранцев в Китае (Что готовит Китай к мирной конференции народов) / Дяо // *Вестник Азии*. 1918. № 46. С. 1–138.

604. *Жабицкий А. К.* Разведка Японии в Северо-Восточном Китае и Монголии в 1905–1914 гг. / А. К. Жабицкий // *Власть и управление на Востоке России*. 2010. № 4(53). С. 197–202.

605. *Захарова Н. В.* О так называемой теории «равновесия сил» / Н. В. Захарова // *Советский ежегодник «Международного права»*. 1959 (*Soviet year-book of international law*. 1959). М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 272–282.

606. *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии / И. Я. Златкин. М.: Наука, 1957. 300 с.

607. *Игнатенко Г. В.* Международное право и общественный прогресс: моногр. / Г. В. Игнатенко. Уральский гос. юр. ун-т. Екатеринбург: Сократ, 2011. 151 с.

608. *Ильин М. В.* Альтернативные формы суверенной государственности [Электронный ресурс] / М. В. Ильин // *Сравнительная политика*. 2011. № 3. С. 11–19. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33823050> (дата обращения: 01.03.2020).

609. *Кейдун И. Б.* Общая характеристика системы высших государственных органов Маньчжоу-Го / И. Б. Кейдун, Я. А. Елисеева // *Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2010. № 48. С. 31–36.

610. *Керзон Г.* Индия между двумя огнями / Г. Керзон // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. IV. СПб., 1893. С. 178–190.

611. *Керзон Г.* Положение, занимаемое Индией в Британской империи / Г. Керзон. Ташкент, 1911. 44 с.

612. *Киреев А. А.* К вопросу о типологии азиатских границ России (I ч.) / А. А. Киреев // *Ойкумена. Регионоведческие исследования: научно-теоретический журнал*. 2012. № 4. С. 37–46.

613. *Киссинджер Г.* Мировой порядок / Г. Киссинджер; пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. М.: Изд-во АСТ, 2019. 544 с.
614. *Клименко Б. М.* Транзит через иностранную территорию [Электронный ресурс] / Б. М. Клименко // Советский ежегодник международного права. 1966–1967 (Soviet year-book of international law. 1966–1967). 1968. С. 149–163. Режим доступа: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55705/55329> (дата обращения: 01.03.2020).
615. *Ключников Ю. В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 1. От Французской революции до империалистической войны / Ю. В. Ключников, А. В. Сабанин. М.: Литиздат НКВД, 1925. 367 с.
616. *Комлева Н. А.* Лимитроф в современном геополитическом процессе / Н. А. Комлева // Пространство и время. 2015. № 1–2. С. 32–42.
617. *Косач Г. Г.* Палестинское квазигосударство и ближневосточная политика [Электронный ресурс] / Г. Г. Косач // Вестник МГИМО. Политология. Ближний и Средний Восток. 2012. № 1. С. 136–142. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17329047> (дата обращения: 01.03.2020).
618. *Косов Ю. В.* Политическая регионалистика / Ю. В. Косов, В. В. Фокина. СПб.: Питер Пресс, 2009. 67 с.
619. *Кротова М. В.* К вопросу о продаже КВЖД СССР Маньчжоу-Го в 1935 г. / М. В. Кротова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1(41). С. 105–111.
620. *Кузнецов И. И.* Политическая прагматика империи. Рец. на книгу Герфрида Мюнклера «Империи: Логика господства над миром – от Древнего Рима и до США» / И. И. Кузнецов // Международные отношения. 2015. № 4. С. 454–60.
621. *Кузьмин С. Л.* Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке / С. Л. Кузьмин // Научный диалог. 2016. № 9(57). С. 136–148.
622. *Кузьмин Ю. В.* История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квазигосударство? / Ю. В. Кузьмин // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 2(26). С. 179–186.
623. *Курас Л. В.* Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе) / Л. В. Курас // Власть. 2014. № 9. С. 143–147.
624. *Кычанов Е. И.* История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко. М.: Вост. лит., 2005. 351 с.
625. *Лал Дипак.* Похвала империи. Глобализация и порядок / Лал Дипак. М.: Новое издательство, 2010. 361 с.
626. *Левандовский В.* Украина в геополитических концепциях первой трети XX столетия / В. Левандовский // Политическая мысль. 1994. № 3. С. 59–69.

627. *Ливен Д.* Империя, история и современный мировой порядок / Д. Ливен // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое изд-во; Ab Imperio, 2010. С. 283–324.
628. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен. М.: Европа, 2007. 688 с.
629. *Лукичев П. Н.* Квазигосударственность / П. Н. Лукичев, А. П. Скорик // ПОЛИС. 2001. № 2. С. 139–142.
630. *Луковкин Е.* Государственные образования: сравнительно-правовой анализ / Е. Луковкин // Общие и комплексные проблемы естественных и точных наук. 2014. № 4–1. С. 37–42.
631. *Лукьянов Ф. А.* Россия в глобальной политике. Новые правила игры без правил / Ф. А. Лукьянов. М., 2015. 381 с.
632. *Макошев А. П.* Политическая география и геополитика / А. П. Макошев. Горно-Алтайск, 2007. 61 с.
633. *Максимович М. Н.* Внешнеполитические аспекты образования государства Маньчжоу-Го / М. Н. Максимович // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2017. № 17. С. 143–146.
634. *Малова К. В.* Концепции паназиатизма в Японии (30-е гг. XX века) / К. В. Малова // Известия Восточного института. ДВГУ. 1996. № 3. С. 109–120.
635. *Маргиев В. И.* Понятие международной правосубъективности / В. И. Маргиев // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 1. С. 134–137.
636. *Маркедонов С.* СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. 2005. № 1. С. 118–126.
637. *Михалев А. В.* «Новая Большая игра» в Центральной Азии: фактор Монголии / А. В. Михалев // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 9. 2013. № 2(191). С. 35.
638. *Михалев А. В.* Политическое присутствие – генеалогия концепта / А. В. Михалев // Мировая политика. 2019. № 2. С. 33–42.
639. *Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств / А. Мотыль. М.: Московская школа полит. исслед., 2004. 242 с.
640. *Мюнклер Г.* Империи. Логика господства над миром: от Древнего Рима до США / Г. Мюнклер; пер. с нем. Л. В. Ланника; под ред. Т. А. Граблевской; коммент. и вст. ст. Л. В. Ланника. М.: Кучково поле, 2015. 398 с.
641. *Наземцева Е. Н.* Японские оккупационные власти и российская эмиграция в Маньчжоу-Го в 30-е годы XX века / Е. Н. Наземцева // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 163–170.
642. *Ниала Фергюсон.* Империя: чем современный мир обязан Британии / Ниала Фергюсон. М.: АСТ: CORPUS, 2013. 560 с.
643. *Николаев Д. Г.* Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века / Д. Г. Николаев // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 12. С. 64–81.

644. Новейшая история Китая. 1928–1949 / под ред. М. И. Сладковского. М.: Наука, 1984. 440 с.
645. *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. I: Мир, полутом 1 / Л. Оппенгейм; пер. с 6-го англ. изд., доп. Г. Лаутерпахтом; под ред. и с предисл. проф. С. Б. Крылова. М.: Государственное изд-во иностранной литературы, 1948. 408 с.
646. *Ордынская Ю. В.* Территориальное освоение Северо-Восточного Китая в период образования государства Маньчжоу-Го [Электронный ресурс] / Ю. В. Ордынская // Новые идеи нового века: мат-лы Международ. научн. конф. ФАД ТОГУ. 2016. Т. 1. С. 258–262. Режим доступа: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/fad/science/nionc/nionc-2016/ (дата обращения: 01.03.2020).
647. *Панин Е. М.* Исламская ось великого лимитрофа / Е. М. Панин // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 2. С. 15–30.
648. *Паськов В. А.* Северо-Восточный Китай в рамках политической концепции кабинета Танака / В. А. Паськов // *Filo Ariadne*. 2016. № 1. С. 108–118.
649. *Пикулин А. Ю.* Лимитрофы как межцивилизационные пространства / А. Ю. Пикулин // Региональные исследования. 2008. № 2. С. 3–7.
650. *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронтир, модернизация / И. В. Побережников // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2011. № 4. С. 191–203.
651. *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта / А. М. Позднеев. СПб., 1880. 84 с.
652. *Пономарева Е. Г.* Актуальный дискурс о типах и тенденциях развития национального государства / Е. Г. Пономарева // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 195–204.
653. *Попов Ф. А.* География сецессионизма в современном мире / Ф. А. Попов. М.: Новый хронограф, 2012. 671 с.
654. *Попов Ф. А.* От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» [Электронный ресурс] / Ф. А. Попов // Международные процессы. Т. 9. № 2 (26). С. 16–28. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17006286> (дата обращения: 01.03.2020).
655. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран: проблемы и предпосылки устойчивого развития / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 598, [10] с.
656. *Романова Г. Н.* Усиление экономических позиций Японии в Северо-Восточном Китае в период оккупации (30-е годы XX в.) / Г. Н. Романова // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3(72). С. 104–112.

657. *Романова Г. Н.* Экономика Северо-Восточного Китая накануне и в период его оккупации Японией [Электронный ресурс] / Г. Н. Романова / отв. ред. А. П. Забияко // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2003. С. 244–249. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454494> (дата обращения: 01.03.2020).
658. *Русин А. О.* Буферная Украина – 2016 [Электронный ресурс] / А. О. Русин / Режим доступа: <http://www.proza.ru/2014/10/08/426> (дата обращения: 24.12.2017).
659. *Рябцев В. Н.* Геополитические и гецивилизационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции великого лимитрофа (современный контекст вопроса) [Электронный ресурс] / В. Н. Рябцев // Инженерный вестник Дона. 2013. № 4 (27). Режим доступа: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1980>.
660. *Рябцев В. Н.* Переговорный процесс по Нагорному Карабаху в современных условиях: адекватен ли его формат [Электронный ресурс] / В. Н. Рябцев // Философия права. 2008. № 4/8. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12919256> (дата обращения: 01.03.2020).
661. *Сальников В. И.* Донецкая и Луганская народные республики как квазгосударства / В. И. Сальников // Вестник ВГУ. 2017. № 1. С. 105–107.
662. *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике / Э. Сатоу; пер. с англ. под ред. и со вступ. ст. А. А. Трояновского. М.: Госполитиздат, 1947. 516 с.
663. *Севастьянов С. В.* «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты / С. В. Севастьянов // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 111–122.
664. Современная история международных отношений. В 4 т. 1918–1991. Т. 1. События 1918–1945 / под ред. А. Д. Богатурова. М.: Московский рабочий, 2000. 520 с.
665. *Титов А. С.* Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг. / А. С. Титов. М.: Наука, 1981. 216 с.
666. *Томиока Садатоси.* Политическая стратегия Японии до начала войны: моногр. / Томиока Садатоси. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 416 с.
667. *Филиппов А. Ф.* Смысл империи: к социологии политического пространства [Электронный ресурс] / А. Ф. Филиппов // Сообщество профессиональных социологов. Принципиальные публикации. Режим доступа: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (дата обращения: 01.03.2020).
668. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 220 с.
669. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтонпер; с англ. В. Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
670. *Хардт М.* Империя / М. Хардт, А. Негри; пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

671. Харина О. А. Конфликт интересов Индии и Китая в Непале / О. А. Харина // Человек. Сообщество. Управление. 2016. № 1. С. 127–134.
672. Хатунцев С. В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света / С. В. Хатунцев // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 86–98.
673. Хозеева А. В. Некоторые теоретические аспекты, связанные с провозглашением независимости государств / А. В. Хозеева // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2. С. 64–66.
674. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики / В. Л. Цымбурский // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6–53.
675. Цыремпилов Н. В. Конституционная буддийская теократия Лубсан-Самдан Цыденова (1918–1922): основной закон и структура государства / Н. В. Цыремпилов // Eurasia: Statum et Legem (Евразия: государство и право). 2015. № 1(4). 61–70 с.
676. Чиркин В. В. Основные направления военно-технического сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан / В. В. Чиркин // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 346–348.
677. Чихарев И. А. Мировая политическая динамика: концептуальные основания и движущие силы / И. А. Чихарев // Политическая наука. 2012. № 4. С. 9–30.
678. Шарапова Е. В. Консервация непризнанных квазигосударственных образований как угроза национальной безопасности / Е. В. Шарапова // Южнороссийское обозрение. 2003. Вып. 14. С. 49–51.
679. Энгельфельд В. В. Юридическое положение иностранных концессий в Китае [Электронный ресурс] / В. В. Энгельфельд // (Juridical Status of Foreign Concessions in China). Харбин: Заря, 1927. 33 с. Режим доступа: <https://www.naukarava.ru/catalog/435/840/3516/23539> (дата обращения: 01.08.2022).
680. Ягодкин А. История Уругвая. Начало. Как возникло Уругвайское независимое государство [Электронный ресурс] / А. Ягодкин. Режим доступа: <http://gumanitarmedia.ru/istoriauruguay/> (дата обращения: 01.08.2022).

Б.2) На английском и французском языках:

681. Ahmadi S. Geopolitics of Buffer Spaces: Characteristics of Iran's Buffer Situation Between Great Powers in the Nineteenth Century and Twentieth Century [Электронный ресурс] / S. Ahmadi, M. R. Hafeznia, B. Hourcad; Science International. Lahore, 2013. P. 1019–1030. Режим доступа: <http://www.sci-int.com/pdf/8889713591019-1030-%20Syrus%20AhmadiGeopolitics%20of%20Buffer%20Spaces%20-%20IRAN%2025-3-13.pdf> (дата обращения: 01.08.2022).

682. *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information [Электронный ресурс] / Chr. Atwood // Twentieth-Century China. 2000. No. 25(2). P. 75–113. Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/issue/44349> (дата обращения: 01.08.2022).
683. *Barkmann U. B.* Geschichteder Mongolei / U. Barkmann. Bonn: Bouvier, 1999. 380 p.
684. *Batsaihan Oohnoin.* The Last Emperor of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu. The Lifeand Legend / Oohnoin Batsaihan. Ulaanbaatar: Admon, 2011. XX+707 p.
685. *Bauman Z.* Globalization: Human Consequences / Z. Bauman. Liquid Modernity, Cambridge: Polity Press, 2000. 786 p.
686. *Beasley W. G.* Japanese imperialism 1894–1945 / W. G. Beasley. Oxford: Oxford University Press, 1987. 304 p.
687. *Boulding K. E.* Conflict and defense: a general theory / K. E. Boulding. N. Y.: Harper & Brothers, 1962. 349 p.
688. Boundaries, Territory and Postmodernity / ed. by David Newman, Frank Cass Publ. London, 1999. 206 p.
689. *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy / J. Boyd. BA (Hons) Adelaid, 2008.
690. *Brook T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952 / T. Brook, B. T. Wakabayashi. London: University of California Press, 2000. 264 p.
691. Buddhism and Abortion / ed. by D. Keown. Palgrave Macmillan Publ., UK, 1998. xi, 222 p.
692. Buddhism in the Modern World / ed. by D. L. McMahan. Routledge: London; N. Y., 2012. XIV, 329 p.
693. Buffer states in world politics [Электронный ресурс] / ed. by John Chay and Thomas E. Ross. Boulder: Westview Press, 1986. Режим доступа: <https://archive.org/details/bufferstatesinwo0000unse/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 01.08.2022).
694. Buffer states: power policies, foreign policies and concepts / ed. by Tornike Turmanidze. Hauppauge, N. Y.: Nova Science Publishers, 2009. XI, 147 p.
695. *Burkman Th. W.* Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938 / Th. W. Burkman. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. XV + 289 p.
696. *Bull H.* The Expansion of International Society / H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 430 p.
697. *Coble P. M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937 / P. M. Coble. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991. 512 p.
698. *Cohen S. B.* Geopolitics of the World System / S. B. Cohen. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. N. Y., 2003. 435 p.
699. Compellence and the strategic culture of imperial Japan: implications for coercive diplomacy in the twenty-first century / ed. by Forrest E. Morgan. Westport, Conn.: Praeger, 2003. XII, 294 c.

700. *Croner D. Zanabazar's First Trip to Tibet / D. Croner // The Life of Zanabazar: The First Bogd Gegeen of Mongolia. Polar Star Books Publ., 2022. 79 p.*
701. *Curzon G. N. Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston... Delivered in the Sheldonian Theatre / G. N. Curzon. Oxford, 1907. November 2 / 2d ed. Oxford Clarendon Press, 1908. 58 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers/Front_and_end_matter (дата обращения: 01.08.2022).*
702. *Davidann J. Th. Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations, 1919–1941 / J. Th. Davidann N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 262 p.*
703. *Day T. Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia / T. Day. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 339 p.*
704. *Disability and world religions: an introduction / ed. by D. Y. Schumm, M. Stoltzfus. Waco, Texas: Baylor University Press, 2016. XVII, 258 p.*
705. *Dong Zhao. Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937–1945) / Dong Zhao // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. 276 p.*
706. *Dorji Lham. The Wangchuck Dynasty: 100 Years of Enlightened Monarchy / Dorji Lham. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies, 2008. vii, 160 p.*
707. *Dudin P. N. The Policy of Japan Concerning Natural Resources of Mengjiang: Legal Aspects / P. N. Dudin // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing, Rome, Italy. 2015. Vol. 6. No 3. P. 131–137.*
708. *Dudin P. The world of the past century and modern China (on the basis of scientific materials Russian Faculty of Law in Harbin) / P. N. Dudin // Social Science. 2016. Vol. 11. Is. 21. P. 5116–5122.*
709. *Dudin P. The new political elite of Inner Mongolia and its role in Mengjiang state creation / P. N. Dudin // Brukenthal. Acta Musei. 2017. Vol. 12. Is. No. 1. P. 151–160.*
710. *Dudin P. N. K. Formation of the nationhood of the Mongolian-speaking peoples of Innermost Asia / P. N. Dudin, A. V. Shemelin, A. K. Pavlov // Mediterranean Journal of Social Sciences. MCSER Publishing. 2015. Vol. 6. № 6. P. 46–50.*
711. *Dudin P. Quasi-States and Autonomies of Northeast China as the Instrument of Ensuring Economic Stability of Japan (Based on the Materials of the American Mass Media the 1930s) / P. Dudin, Z. Husainov // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. № 8S. P. 102–106.*
712. *Dulaney A. G. The case concerning Tibet: Tibet's sovereignty and the Tibetan people's right to self-determination / A. G. Dulaney, D. M. Cusack, van Walt van M. Praag New Delhi: Tibetan Parliamentary & Policy Research Centre, 1998. 107 p.*
713. *Elliott M. C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies / M. C. Elliott // The Journal of Asian Studies. 2000. Vol. 59. No. 3.*

714. *Eri Hotta*. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945 / Eri Hotta. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. XII, 387 p.
715. *Fazal T. M.* State Death in the International System / T. M. Fazal // International Organization. 2004. Vol. 58. No. 2. P. 311–344.
716. *Fazal T. M.* State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation, and Annexation [Электронный ресурс] / T. M. Fazal. Princeton: Princeton University Press, 2007. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7t119> (дата обращения: 01.08.2022).
717. *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present / J. Fenby. London: Ecco, an Imprint of Harper Collins Publishers, 2008. XLVII, 762. p.
718. *Ferrero M.* The Rise and Demise of Theocracy: Theory and Some Evidence [Электронный ресурс] / M. Ferrero // Public Choice. 2013. Vol. 156. Is. 3–4. P. 723–750. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/42003181> (дата обращения: 01.08.2022).
719. Frontier Assemblages: The Emergent Politics of Resource Frontiers in Asia / ed. by Jason Cons, Michael Eilenberg. Publisher John Wiley and Sons Ltd. Hoboken, 2019. 256 p.
720. *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy / F. Fukuyama. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2014. 652 p.
721. *Gassner F.* The comparative study between Buddhism and Christianity on peace and war / F. Gassner. Dissertação final. Universidade Católica Portuguesa, Faculdade De Teologia, Lisboa, 2015. 75 p.
722. *Givel M.* Early Happiness Policy as a Government Mission of Bhutan: A Survey of the Bhutanese Unwritten Constitution from 1619 to 1729 / M. Givel, L. Figueroa // Journal of Bhutan Studies. 2014. Vol. 31. P. 1–21.
723. *Gokhale B. G.* Early Buddhism and the Urban Revolution / B. G. Gokhale // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 7–22.
724. *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political Order in pre-twentieth Century Laos [Электронный ресурс] / V. Grabowsky // Buddhism, Power and Political Order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 121–142. Режим доступа: http://www.ahandfulofleaves.org/documents/Buddhism%20Power%20and%20Political%20Order_Harris.pdf (дата обращения: 01.08. 2022).
725. *Gunawardana R. A. L. H.* Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka (Monographs of the Association for Asian Studies, No. 35) / R. A. Gunawardana. Tucson: University of Arizona Press, 1979. P. XII, 377.
726. *Gyallay-Pap P.* Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, Kingship and the Quest for Legitimacy / P. Gyallay-Pap // Buddhism, Power and Political Order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 71–103.

727. *Hafeznia M. R.* Explanation of the Structural and Functional Characteristics of Geographical Buffer Spaces / M. R. Hafeznia, S. Ahmadi, B. Hourcad // *Geopolitics Quarterly*. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 1–40.

728. *Harris I.* Introduction – Buddhism, Power and Politics in Theravada Buddhist lands / I. Harris // *Buddhism, power and political order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 1–9.

729. *Hattori Mina.* National and Colonial Language Discourses in Japan and its Colonies, 1868–1945 [Электронный ресурс] / Hattori Mina // Bachelor of Music. McGill University, 2008. P. 40. Режим доступа: <https://open.library.ubc.ca/media/stream/pdf/24/1.0072364/1> (дата обращения: 01.08.2022).

730. *Haynes J.* ‘Review of Robert Jackson Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World’ / J. Haynes // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 1994. No. 32(1). P.144–145.

731. *Hoving J.* Finland, the Buffer-State of Europe / J. Hoving; authorized transl. by F. C. DeWalsh, Ph. D.; Published and distributed by the German-American Literary Defense Committee. N. Y., 1915. 16 p.

732. *Hsiao-ting Lin.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West / Hsiao-ting Lin. Abingdon, Oxon; N. Y.: Routledge, 2011. 223 p.

733. *Jackson R. H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory / R. H. Jackson // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 519–549.

734. *Jackson R. H.* Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. Cambridge [England]; N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 225 p.

735. *Jackson R. H.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood / R. H. Jackson, C. G. Rosberg // *World Politics*. 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24.

736. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / Kaoru Sugihara. N. Y.: Oxford University Press, 2005. XV+295 p.

737. Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization / ed. Yukie Yoshikawa. Washington, 2009. 152 p.

738. *Jowett Ph.* Chinese Civil War Armies 1911–49 / Ph. Jowett, St. Andrew Osprey Marketing Publishing, Oxford, 1997. 48 p.

739. *Katz E.* Between Here and There: Buffer Zones in International Law / E. Katz // *University of Chicago Law Review*. 2017. Vol. 84. Is. 3. Article 7. P. 1379–1423.

740. *Kellam A.* Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet / A. Kellam. Ph Dthesis. SOAS, University of London, 2013. 335 p.

741. *Keyes Ch. F.* Buddhists Confront the State / Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement / Ch. F. Keyes; ed. by J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–41.

742. *Kingsberg M. L.* The poppy and the acacia: opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945 / M. L. Kingsberg; PhD diss. University of California, Berkeley, Spring, 2009. 409 p.

743. *Kitamura Minoru*. The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war / Kitamura Minoru, Lin Siyun // Connie Prener Publisher. Lanham; Maryland: University Press of America, 2014. 140 p.
744. *Kolarz W*. The peoples of the Soviet Far East / W. Kolarz. London; N. Y., 1954. P. 128.
745. *Kolstø P*. The sustainability and future of unrecognized quasi-states / P. Kolstø // Journal of peace research. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.
746. *Kourilsky G*. From Muang Lao to Laos: Creation of a Nation, Nationalization of a Religion / G. Kourilsky // A paper presented at the seminar “Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia”. Singapore, 2008. P. 8–19.
747. *Krishan Kumar*. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World / Krishan Kumar. Princeton: Princeton University Press, 2017. 598 p.
748. *Lattimore O*. Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism / O. Lattimore // Pacific Affairs. 1936. No. 3. P. 73–87.
749. *Lattimore O*. Nationalism and Revolution in Mongolia / O. Lattimore. N. Y.: Oxford University Press, 1955. 186 p.
750. *Lemke D*. Regions of War and Peace / D. Lemke. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 235 p.
751. *Liu Xiaoyuan*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945 / Liu Xiaoyuan. Cambridge University Press, 2002. xiii, 343 p.
752. *Lyons J. G*. Afghanistan: The Buffer State: Great Britain and Russia in Central Asia: A Comprehensive Treatise on the Entire Central Asian Question / J. G. Lyons. Madras: Higginbotham&Co.; London: Luzac&Co., 1910. 232, x p.
753. *Macdonald A. W*. World Conqueror and World Renouncer / A. W. Macdonald; by S. J. Tambiah // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 99–101.
754. *MacGregor J*. Through the Buffer state: a record of recent travels through Borneo, Siam and Cambodia / J. MacGregor. London: F. V. White, 1896. XV, 290 p.
755. *Manandhar T*. Buddhist Perception of Monarchy and its Relevance in Nepal’s Politics/ T. Manandhar // A paper presented at the seminar “Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia”. Singapore, 2008. 168 p.
756. *Mathou T*. Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy / T. Mathou // Journal of Bhutan Studies. 1999. No. 1(1). P. 114–145.
757. *McCargo D*. The Politics of Buddhism in Southeast Asia / D. McCargo // The Politics of Buddhism in Southeast Asia / Haynes J. (eds.) Religion, Globalization and Political Culture in the Third World. Palgrave Macmillan, London, 2009. 298 p.
758. *McCargo D*. The Politics of Buddhist identity in Thailand’s deep south: The Demise of civil religion? / D. McCargo // Journal of Southeast Asian Studies. 2009. No. 40(1). P. 11–32.

759. *Mearsheimer J. J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin [Электронный ресурс] / J. J. Mearsheimer // Foreign Affairs. 2014. P. 77–89. Режим доступа: https://acamedia.info/politics/ukraine/Mearsheimer_2014.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
760. *Menon R.* Buffer zones: Anachronism, power vacuum, or confidence builder? / R. Menon, J. Snyder // Review of International Studies. 2017. No. 43. P. 1–25.
761. Methodology and Concept Papers. Re-conceptualizing Orders in the MENA Region [Электронный ресурс] / ed. by E. Soler i Lecha (coordinator), S. Colombo, L. Kamel, J. Quero // The Analytical Framework of the MENARA Project. 2016. No. 1. 114 p. Режим доступа: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (дата обращения: 01.03.2020).
762. *Moise E.* Modern China: A History / E. Moise. London; N. Y.: Longman, 1986. xvi, 256 p.
763. *Morse H. B.* The trade and administration of the Chinese empire / H. B. Morse. Shanghai: Kelly and Walsh, 1908. 451 p.
764. *Motyl A. J.* Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires / A. J. Motyl. N. Y.: Columbia University Press, 2001. 128 p.
765. *Muller J. Z.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism / J. Z. Muller // Foreign Affairs. 2008. March-April. P. 18–35.
766. *Munkueva S. A.* Interaction of state authorities in Russia and foreign countries / S. A. Munkueva, P. N. Dudin // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. № 11. P. 2513–2517.
767. *Narangoa L.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 / L. Narangoa, R. B. Cribb // Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series. Routledge, 2003. XI, 371 p.
768. *Natali Denise.* The Kurdish Quasi-State: Development and Dependency in Post-Gulf War Iraq [Электронный ресурс] / Natali Denise. Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 2010. 158 p. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25325719> (дата обращения: 01.03.2020).
769. Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. Acharya, B. Buzan. N. Y.: Routledge, 2010. 242 p.
770. *Okakura Tenshin* And The Ideal Of Pan-Asianism. Shadow of the Past / ed. by Brij Tankha. London: Global Oriental, 2008. 236 p.
771. *Paine S. C. M.* The Wars for Asia, 1911–1949 / S. C. M. Paine. Cambridge University Press, 2012. xvi, 487 p.
772. Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders / ed. Sven Saaler and J. Victor Koschmann. N. Y.: Routledge, 2006. 288 p.
773. *Pettibone Ch. D.* The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. VII: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States / Ch. D. Pettibone. Trafford Publishing, 2012. 504 p.
774. *Philip Jowett.* Chinese Civil War Armies 1911–49 / Philip Jowett, Stephen Andrew. Chinese Warlord. Osprey Publishing, 1997. 48 p.

775. Regional powers and Regional orders / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. London: Routledge, 2011. 272 p.
776. *Reilly David*. Shatterbelts and Conflict Behavior: The Effect of Globalization on High Risk States // *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. Is. 3. P. 48–77.
777. *Rupen R*. How Mongolia is really ruled: a political history of the Mongolian Peoples Republic, 1900–1978 / R. Rupen. Hoover Institution Press. Stanford University, 1979. 279 p.
778. *Schonthal B*. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia / B. Schonthal // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Is. 3. P. 705–733.
779. *Skilling P*. King, Sangha and Brahmans: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam / P. Skilling // *Buddhism, power and political order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 182–214.
780. *Sompong Sucharitkul*. Thai Law and Buddhist Law / Sompong Sucharitkul // *The American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 46. Is.1 P. 69–86.
781. *Soulié de Morant G*. Exterritorialité et Intérêts Étrangers en Chine / G. Soulié de Morant Paris: Paul Geuthner, 1925. xvi, 508 p.
782. *Spang Chr. W*. Japanese-German Relations, 1895–1945: War, Diplomacy and Public Opinion / Chr. W. Spang, R.-H. Wippich // *Routledge Studies in the Modern History of Asia*. N. Y.: Routledge, 2006. 240 p.
783. *Spiro M. E*. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah / M. E. Spiro // *The Journal of Asian Studies*. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 809–812.
784. *Tambiah S. J*. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro / S. J. Tambiah // *The Journal of Asian Studies*. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 801–809.
785. *Tambiah S. J*. World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background / S. J. Tambiah. Cambridge: University Press, 1976 (2007). VIII, 557 p.
786. *The Modernization of Inner Asia* / C. E. Black, L. Dupree, E. E. West, E. Naby. N. Y.: M. E. Sharpe, 1991. xviii, 405 p.
787. *The Question of Tibet and the Rule of Law*. Commission Internationale. De Juristes. Geneve. Suisse. International Commission of Jurists. Geneva, 1959. 209 p.
788. *Tighe J*. Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library) [Электронный ресурс] / J. Tighe. Leiden: Brill Academic Pub.; 1st ed., 2005. Режим доступа: <https://minerva-access.unimelb.edu.au/items/b77bcd18-0c7f-5ae7-804b-d75e058d9b34> (дата обращения: 01.03.2020).
789. *Tipton E. K*. Modern Japan: a social and political history / E. K. Tipton. London; N. Y.: Routledge, 2008. XVII, 297 p.

790. *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China / K. Tokunaga // *Economic Review. Memoirs of the Department of Economics in the Imperial University of Kyoto.* 1940. Vol. XV. P. 71–100.
791. *Transnational Frontiers of Asia and Latin America since 1800* / ed. by Jaime Moreno Tejada, Bradley Tatar. Routledge Publ. London, 2016. 290 p.
792. *Turmanidze T.* Buffer States: Power Policies, Foreign Policies and Concepts / T. Turmanidze. Nova Science Publishers, Inc., 2012. xiv, 79 p.
793. *Uranchimeg Boijigin Ujeed.* Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism. Exemplified by the Mergen Traditio [Электронный ресурс] / Uranchimeg Boijigin Ujeed. Department of the Study of Religions, SOAS, University of London, 2009. P. 55 Режим доступа: <https://eprints.soas.ac.uk/28766/1/10672934.pdf> (дата обращения: 01.03.2020).
794. *Van Valkenburg S.* Elements of Political Geography / S. Van Valkenburg, C. L. Stotz Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1955. vii, 223 p.
795. *Walton M. J.* Buddhism, Politics and Political Thought In Myanmar / M. J. Walton Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XV, 226 p.
796. *Wilson S.* The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33 / Wilson S. Routledge. London, 2002. P. 66–67.
797. *Xiaoyuan Liu.* A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945 / Xiaoyuan Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. xiii, 343 p.
798. *Yagami Kazuo.* Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: a critical appraisal of the three-time prime minister / Yagami Kazuo. Jefferson, N. C.: McFarland&Co., 2006. VII, 190 p.
799. *Yoshitake Oka.* Konoe Fumimaro: A Political Biography / Yoshitake Oka; trans. by Shumpei Okamoto and Patricia Murray. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. VIII, 214 p.

Б.3) На японском языке:

800. *Цинь Юянь.* Основополагающие документы о конфликтах с участием японских сухопутных и военно-морских сил. 2-е изд. / Цинь Юянь. Токио: Изд. объединение высших учебных заведений, 2005. 214 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

К. Стэнли Джонс¹²²⁰

Логическим итогом политики Японии по блокаде китайского побережья в целях препятствия ее торговли с западными странами явились события в Шанхае и Тяньцзине, а также в других ключевых торговых точках страны. Отмена принципа экстерриториальности, захват селтльментов в Шанхае и концессий в Тяньцзине казались неизбежными, равно как и установление контроля над иностранным районом Кантона, который на тот момент был фактически ликвидирован. Основной лозунг сводился к тому, что эти территории были заняты иностранцами вне закона и должны быть возвращены Китаю, под которым понимались подконтрольные японцам режимы, создаваемые в Большом Шанхае, а также на Севере страны и на Юге, в Кантоне.

Высадка японских войск на несколько недель до этого на острове Хайнань, в которой не было никакой военной необходимости, атака Чунцина с юго-запада неделю спустя и «случайные» бомбардировки приграничных с британской территорией в Гонконге районов были направлены на демонстрацию англичанам и французам, что Гонконг, Сайгон и французские концессии на материке в расположении поблизости от острова Хайнань находятся в руках японских войск.

Данные шаги Японии преследуют три цели: во-первых, выражение позиции на политику финансовой помощи Чан Кайши со стороны держав; во-вторых, установление контроля над судоходством на реках Янцзы и Чжусцян, тем самым завершая окончательную блокаду побережья Китая и прекращая его торговлю с державами; в-третьих, обеспечение японского военного, военно-морского и воздушного присутствия, а значит – и экономического доминирования в Южной Азии и западной части Тихого океана. Философская идея культурного единства, которой подпитывались обычные граждане и военные, заявляла политическое и культурное господство над всем Восточно-Азиатским регионом, а в перспективе – и мировое господство, хотя на самом деле подразумевала и предполагала экономические мотивы. Торговля, контроль с помощью силы и угрозы ее применения азиатских рынков и полное удаление западного присутствия были истинными целями. Инструментами их достижения были уступки в Китае и других районах в вопросах

¹²²⁰ *Stanley Jones C. H. Showdown in Far East is very near // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Mar. 5. P. 12.*

торговли в пользу антикоминтерновских партнеров, которые помогали японцам в получении желаемого результата, создавая кризисные ситуации в других странах и предоставляя Японии моральную и материальную поддержку, хотя такие шаги были временными и действенными до тех пор, пока японская сторона не получит желаемого. Далее последует вытеснения немцев и итальянцев по схеме, по которой в данный период времени вытеснялись британцы, французы и американцы.

Одним из препятствий в достижении японцами их цели была жесткая позиция России в отношении важных рыболовецких прав в Беринговом море, на что Япония намеревалась повлиять посредством своих сторонников из фашистского лагеря, которые должны были бы организовать диверсионные акты на европейских границах СССР.

Вторым препятствием был Сингапур, дальновидное решение Британии, укрепление которого затормозило установление японского господства в Южной Азии. Именно поэтому Япония так громко протестовала, когда Сингапур по условиям Вашингтонского договора был исключен из списка дальневосточных портов, которым запрещалось иметь укрепления и именно поэтому были ускорены и захват Маньчжурии, и военная кампания в Китае, даже несмотря на то, что у британцев не было флота в Сингапуре.

Далее в прессу просочились доказательства проведения немецко-японских переговоров, по итогам которых было достигнуто секретное соглашение не только о нападении на голландскую Ост-Индию, но и о разделе Малайи.

К. Стэнли Джонс¹²²¹

Позиция Японии заключалась в том, что «... “китайский инцидент” – это действительно гражданская война, в которую японцы вмешались, чтобы навести порядок и защитить иностранные интересы... а Великобританию просили не вмешиваться в этот процесс... Однако Япония любыми возможными способами, которые смогли бы сохранить ее лицо, хотела бы закончить эту войну... даже несмотря на то, что у нее были все возможности продвинуться дальше. Со стратегической и экономической точек зрения она получила все, на что рассчитывала: контроль над побережьем, большие площади для эксплуатации и миграции и т. д. ...

В настоящее время в сознании японских государственных деятелей и под давлением британского правительства наиболее практичным решением является разделение Китая на два или несколько государств. Японские военные продвижения во внутренних районах Китая указывают на возможное усиление и укрепление определенных границ между оккупированными регионами и теми районами, которые сейчас неудобно завоевывать. Британия, как ожидается, поможет в этом драгоценном плане... Неофициально, если официальный формат не подходит для этого, Китаю будет рекомендовано признать “на данный момент” потерю побережья и других провинций. Будет дан намек на то, что британская финансовая и экономическая помощь будет возобновлена и даже значительно расширена, если военные действия будут прекращены и такая помощь будет применяться к созданию независимого и мирного государства на Юго-Западе. Таким образом, Чемберлен сможет утверждать, что не изменил своей политики в отношении Китая. Районы, покоренные Японией, не будут стилизованы на китайский манер. А японцам останется надежда на крах режима Чан Кайши и всеобщего сопротивления ее наступлению...

Чемберлен и его защитники в Малайе или вне ее могут спорить до посинения, что британская политика не меняется. Но каждый китаец в этой стране, каждый японец и... практически каждый британец знает, что она меняется, что предварительное соглашение, уже объявленное в Токио, равносильно фактическому признанию японского завоевания и обязательству помочь японцам преодолеть свои трудности на оккупированных территориях.

¹²²¹ *Stanley Jones C. H. Appeasement is not yet completed // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Jul 30. P. 12.*

Более того, существует общее подозрение ... что Федерация британской промышленности с подачи Чемберлена, за дымовой завесой токийских переговоров, проводит бизнес-сделки с японскими империалистами...»

И. Т. Хуан¹²²²

... искренность Ван Цзинвэя в своем стремлении организовать мирные переговоры не вызывала сомнений, но позиция руководства Китая и его населения сделали принятие этих предложений невозможным. Мирные предложения Вана не укладывались в китайскую психологию, но, что парадоксально, это не доказывало, что он стал предателем. Ни центральным правительством, ни недавней пятой пленарной сессией Исполнительного Комитета Гоминьдана не было принято никаких дальнейших мер в его отношении, кроме публичного осуждения со стороны отдельных политиков, включая Чан Кайши. Сама ситуация рассматривается как японский подкуп в размере 200 тыс. долларов, к которому прилагался официальный паспорт, позволивший ему выехать за границу в рамках дипломатической защиты. Однако ряд экспертов указывал, что до инцидента не было признаков желания Ван Цзинвэя покинуть страну, и, несмотря на то, что к нему много раз обращались японские агенты в Ханое, он определенно отказывался присоединиться к любому из созданных японцами режимов в Кантоне, Нанкине или Пекине. Ходили даже слухи, что в ближайшее время он намерен был вернуться к активной политической жизни в Чунцине.

Что касается Маршала Чан Кайши, то его общепризнанная политика заключалась в том, что прежде чем предпринимать какие-либо жизненно важные шаги, необходимо проконсультироваться с народом. После инцидента на мосту Марко Поло все позиции общественного мнения были представлены на конференции в Лушани, и именно эта консолидированная позиция подтолкнула его к началу боевых действий и объявлению войны. Поэтому было очевидно, что, каким бы благожелательным Чан Кайши не был в душе по отношению к мирным предложениям Ван Цзинвэя, он не мог принять их ввиду позиции, высказанной китайским народом.

Что касается советской интервенции, то аналитики сомневались в возможности вторжения в Китай со стороны советов, однако допускали вероятность объявления войны Японии. Это было возможно в том случае, если коммунистическое движение примет более обширный характер, как это было на примере Италии, оказавшей открытую поддержку режиму Франко в Испании, не будучи вовлеченной в сам конфликт. А та помощь, оказываемая советским правительством Китаю, была вызвана скорее желанием помешать

¹²²² *Huang E. T. Powers Checked Red Influence in China // Malaya Tribune. 1939. Mar. 21. P. 10.*

Японии, которую СССР считал вечным врагом со времен Русско-японской войны, чем желанием помочь администрации Чан Кайши. Другими словами, Китай и Россию на тот момент объединяла лишь ненависть к общему врагу. При такой ситуации, если бы Китай хотел получать большую помощь от Советской России, ему пришлось бы изменить свою национальную политику и способствовать более тесным отношениям с коммунистами. Таким образом, весьма своевременными оказались заключение с СССР Пакта о ненападении, объединение китайской Коммунистической партии и Гоминьдана в антияпонский блок и включение китайских красных лидеров в состав правительства. По мнению экспертов, все это указывало на то, что Китай бросался в объятия Советской России.

Своевременными оказались и кредиты, предоставленные Великобританией и Соединенными Штатами, которые могли служить поводом для ослабления влияния коммунистов. Подтверждением этого служила статья, появившаяся накануне в газете «Frankfurter Allgemeine Zeitung» за авторством швейцарской журналистки Лили Абегг, которая в тот период времени находилась в Чунцине. Она писала, что влияние Коммунистической партии в Китае шло на спад с момента предоставления кредитов Китаю Великобританией и Соединенными Штатами. Все иностранные наблюдатели были согласны с тем, что нагнетаемое негативное отношение к Коммунистической партии Китая было результатом экономической помощи, оказанной на тот момент западными державами правительству Чан Кайши, хотя эта позиция и не была такой уж однозначной

Ивон Дельбос¹²²³

Подобные методы являются обычными для тоталитарных государств, «...когда они добиваются успеха, это побуждает их продолжать свою политику. Аппетит к завоеванию сначала замаскирован какими-либо идеалистическими мотивами, например, антикоммунистической кампанией или расовым аргументами, оправдывающими жизненно важные потребности народа, а далее – уверенность в том, что они получают право брать то, что они хотят. После этого они атакуют такие страны в надежде их победить, расчлнить или свести к состоянию вассальной подчиненности. Интересы других наций здесь не учитываются... Таким образом, в качестве жертв были выбраны Австрия, Чехословакия, Испания и Китай... Италия предложила остаться на неопределенный срок в Испании или, по крайней мере, на Майорке, в то время как Япония, отнюдь не по чистому совпадению, заняла Хайнань...»

При этом захват японцами острова Хайнань он назвал «...проявлением насилия, определенно направленным против Франции, Великобритании и Соединенных Штатов, создавая серьезную угрозу их владениям и интересам на Дальнем Востоке. Расположенный в 185 милях от Хайфына и в 250 милях от Ханоя, остров Хайнань обеспечивает контроль над заливом Тонкин таким образом, что если он по-прежнему будет занят японцами, то державам будет очень трудно защитить Индокитай. Япония найдет средство либо оккупировать эту колонию, либо оказывать постоянное политическое давление на Францию. Аналогичным образом, благодаря своей позиции между Гонконгом и Сингапуром, Хайнань может отрезать британские связи с Дальним Востоком. Это справедливо и в отношении Франции, и для Соединенных Штатов, чьи тихоокеанские владения также находятся под угрозой. Таким образом, три великие демократии одновременно подвергались угрозе и приняли вызов в месте, которое образует пересечение их интересов в этой части мира. Если они не будут совместно реагировать на эту общую угрозу, они продемонстрируют слабость, которая может иметь серьезные последствия.

Франция может сослаться на франко-китайские соглашения 1897 г., франко-японские соглашения 1907 г. и все три государства – на Договор девяти держав, гарантирующий целостность Китая.... Сразу же после оккупации Япония позаботилась о том, чтобы сообщить миру, что Германия и Италия, которые ничего не говорили по этому вопросу,

¹²²³ *Delbos Y. Japan's seizure of Hainan & its lesson to the powers // The Straits Times. 1939. Mar. 9. P. 17.*

были уведомлены об оккупации, тогда как непосредственно заинтересованные государства не получили уведомления...

Неудача Брюссельской конференции, состоявшейся в октябре 1937 г. по вопросу о Договоре девяти держав, – есть отсутствие достаточной сплоченности между тремя великими демократиями. Эта конференция потерпела неудачу из-за итальянской обструкции и отсутствия сплоченности. Великие державы могли и должны, по крайней мере, согласиться на совместные действия. Это было необходимо французскому правительству и другим участникам процесса. Усилия в этом направлении потерпели неудачу, и Япония, не сталкиваясь с каким-либо серьезным препятствием, была, таким образом, мотивирована в своем упорстве при достижении своих целей. Без согласованных действий, успех которых не подлежит сомнению, единственное, что оставалось заинтересованным державам, – это принять разрозненные меры с гораздо меньшим шансом на успех для защиты своих собственных интересов. Главный момент для Франции заключался в том, чтобы обеспечить дружественное соглашение, запрещающее Японии оккупировать Хайнань. Она преуспела в этом в течение некоторого времени. Однако, бросая вызов Франции, Япония напоминает нам, что она располагает определенными средствами давления и что, если для нее ничего не будет сделано, она ничего не сделает для нас.

Французское правительство первым потребовало разъяснений от Токио, за которым последовали аналогичные требования со стороны британских и американских правительств. Но эти попытки не дали большого эффекта. Япония останется в Хайнани и заявляет, что эта оккупация носит военный и временный характер... Бескорыстное отношение японцев к Хайнани почти такое же, как у итальянцев – в отношении Майорки. Обе стороны противоречат друг другу. Они говорят то, что стороны хотят услышать, чтобы добиться временного умиротворения... Подобная тактика успешна до сих пор, потому что агрессоры гораздо более сплочены, чем их жертвы. Они знали, что они делают, борясь и издеваясь над концепцией единого миропорядка. Они выступали за систему локальных соглашений и конфликтов, то есть локализованных для своих противников, а не для самих себя в вопросе достижения цели доминировать над миром. Подписывая антикоммунистический пакт и ссылаясь на общую потребность в жизненной экспансии, они узурпировали право вмешиваться повсюду. И они монополизировали право делать это под предлогом локальных конфликтов. По их мнению, агрессия против Китая не касалась никого другого и в этом напоминала агрессию против Австрии, Чехословакии и Испанской Республики. Когда Италия заявляет о Джибути и Тунисе, это не касается Великобритании, когда она мечтает изгнать англичан из Гибралтара, это не касается Франции. Но, с другой

стороны, вполне логично, что Германия, Италия и Япония должны помогать друг другу в своих завоеваниях, и их агрессия должна быть сопряжена во времени и пространстве, чтобы парализовать любое сопротивление.

Ничто не является более значительным в этом отношении, чем параллель оккупации Майорки и Хайнани. Если бы эта тактика развивалась беспрепятственно, мир превратился бы в обширную охотничью землю, предназначенную для тоталитарных государств. Для Дальнего Востока отныне совершенно ясно, что агрессоры намереваются поделить между собой сферы интересов, если не территории, и таким образом ликвидировать Францию, Великобританию, США и Голландию из региона. Результаты хайнаньского акта покажут, можно ли это сделать или нет. Но нас интересуют не только Хайнань и Дальний Восток; на карту поставлена безопасность и мир во всем мире, защита которых возлагается на великие демократические державы. Тоталитарные государства привыкли бросать вызов им и издеваться над их усилиями. Если демократические государства не отреагируют, если они пассивно смирились с этими посягательствами и бесчинствами, это будет истолковано как доказательство не взвешенности, а трусости. Никто не может сомневаться в желании мира. Но они также должны мобилизовать свои возможности сопротивления и консолидации. Великие державы сильнее благодаря своему финансовому и экономическому превосходству и огромным сырьевым ресурсам; морально их идеал – идеал большинства человечества, чье отвращение к методам агрессоров ожидает организованного сопротивления. Демократии прилагают огромные усилия, чтобы вооружиться против агрессоров. Но никто из них не смог бы в одиночку противостоять оси «Рим – Берлин – Токио». Поэтому они должны объединяться для целей своей общей обороны и для защиты цивилизации.

К счастью, державы, похоже, все больше осознают этот факт. Весьма явным выражением этой необходимости было заявление полной солидарности, сделанное правительствами Франции и Великобритании. Итальянское правительство, которое, похоже, поставило под сомнение эту сплоченность и действовало соответственно, пока г-н Чемберлен молчал, больше не может быть неосведомленным по данному вопросу. Прозорливое и смелое отношение, проявленное Рузвельтом, также является своевременным предупреждением ситуации. Это предупреждение, предпринятые им меры перевооружения, меры предосторожности, осуществленные на тихоокеанском направлении, поставки оружия в Великобританию и Францию – гарантии необходимости сохранения мира. Но это не означает, что между Парижем, Лондоном и Нью-Йорком было создано нечто похожее на тоталитарную ось. Тем не менее эта солидарность трех демократий может и должна направлять свои силы туда, где это необходимо. Так обстоят

дела на Дальнем Востоке, поскольку агрессия против Китая и оккупация Хайнани представляют собой угрозу совместным интересам держав и Голландии, с которыми все еще приходится считаться. Поэтому есть все основания надеяться, что эта солидарность вступит в силу, тем более что риски инициативы, безусловно, меньше, чем те, которые присущи пассивному отношению или в неконфликтных действиях. Никогда не было согласованных действий, более необходимых и четко обозначенных. Но в какой момент державы согласятся объединиться, если они не смогут добиться успеха, когда их совместные обязательства и интересы разойдутся?»

Ёосукэ Мацуока¹²²⁴

Япония объявила миру, что «...сожалеет о тех действиях, которые предпринимают западные страны в отношении Китая, потому что они мешают развитию дружбы между Китаем и Японией и поддержке закона и порядка на Дальнем Востоке. Особую тревогу вызывают действия Лиги Наций, которая предпринимает попытки оказать финансовую помощь Китаю с целью его воссоединиться. Япония имеет крупные интересы в Китае и заинтересована в его восстановлении больше, чем любая другая страна. Любые внутренние проблемы Китая влияют на ситуацию в Японии, поэтому падение продаж и военные приготовления в Китае повлекли за собой немедленную японскую реакцию. Западные страны, рассматривая проблемы восстановления Китая, игнорируют интересы Японии. Китай – это ближайший и наиболее важный сосед. Однако это не учитывается, более того, представитель Лиги Людвик Райхсман, вместо своих прямых обязанностей эксперта выступил на стороне Китая, оказывая ему консультационную помощь.

Точно так же как некоторые американцы, включая крупных американских чиновников, поощряли китайское сопротивление и формирование явного предубеждения Китая по этому вопросу. Продажа американских военных самолетов, тренировки китайских авиаторов американскими военными офицерами – это одно из последних действий, предпринятых американцами для того, чтобы помочь Китаю на этом пути. Американцы, возможно, не предполагают, как много активности исходит от американских властей для поощрения китайцев в данной позиции. Этот список включает американских дипломатических представителей, судостроителей, бизнесменов производителей вооружения и миссионеров. Так покойный Пол Сэмюэль Рэнш, будучи министром США по делам Китая, убеждал китайское правительство в мобилизации армии против Японии еще в 1915 г. Президент американской судостроительной компании предложил строительство военно-морской базы для Китая в провинции Фуцзянь для производства военных кораблей, очевидно, разработанных против Японии. Американские бизнесмены рассматривали расширение торговли с Китаем как возможность противодействия японскому присутствию. Масса миссионеров участвовала в организации антияпонских митингов в китайских городах, после чего направляли своему правительству соответствующие отчеты.

¹²²⁴ Matsuoka Says Japan Opposes White Peril // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1934. Jun 16. P. 4.

Признание странами Запада японской позиции, интересов, прав и ответственности на Дальнем Востоке, дружественного сотрудничества с Японией в отношении Китая было бы встречено в Японии положительно, но даже после того, как Япония утвердилась в статусе мировой державы и была признана таковой, западные страны продолжали игнорировать этот факт, оказывая поддержку Китаю и потакая его запросам...

Если Япония рассматривается как противник западных интересов в Китае, то только потому, что она вынуждена доказывать наличие ее собственных интересов в Китае, признание которых страна долгое время пыталась получить стандартными дипломатическими способами. И независимо от того, признана ли японская позиция или нет, она есть и продиктована фактом географического положения страны в регионе, о чем заявлялось неоднократно. Япония осознает свою исключительную ответственность за мир и благосостояние ее народа. Основа этого мира и благосостояния народов – согласие и дружба между двумя великими нациями в этой части мира, между Китаем и Японией. Это согласие и дружба должны развиваться далее, вопреки действиям Запада, включая американцев, которые пытаются предотвратить это.

Если европейцы и американцы рассмотрели бы данный случай наоборот, то те, кто справедлив и открыт миру, начал бы понимать позицию Японии. Если, например, Япония проигнорировала интерес европейских государств и сотрудничала с Советской Россией, прилагала бы усилия, чтобы стать большой и грозной, европейские государства стали бы возражать и имели бы на это полное право. Если Лига Наций, игнорируя США, проводила бы свою политику в Мексике, американцы стали бы возражать, хотя Мексика сравнительно небольшая страна около США, в то время как Китай в семь раз больше по численности населения Японии.

В настоящее время, Китай, несмотря на его гигантские военные силы, не является угрозой для Японии, но он был угрозой в прошлом и может быть в будущем, при этом японцы не могут забыть прошлого или игнорировать будущее также легко, как государства, значительно удаленные от Китая или Азии, находящиеся за океаном. Обвинение, что Япония хочет взять Китай под контроль, ложные, но на Западе так долго и упорно распространяли эту мысль, что, наконец-то, поверили в нее и сами. Если бы Япония хотела этого на самом деле, она нашла бы множество возможностей за последние 23 года гражданской войны в Китае. За эти годы было множество провокаций, в которых западные страны пытались воспользоваться ситуацией к своей выгоде. Если бы Япония хотела захватить Маньчжурию, она бы с легкостью это сделала еще 2 года назад и не стала бы создавать там независимое государство. Но подобные заявления кажутся бессмысленными, поскольку западные страны отвергают очевидные факты на Дальнем Востоке. Япония

вынуждена именно поэтому время от времени игнорировать и их позицию. Проблемы Восточной Азии имеют западное происхождение. Представленный Лиге Наций отчет слишком длинный и очень неудачный, особенно неудачный для Китая.

Не Япония спровоцировала агрессию против Китая. В течение многих десятилетий Япония пыталась прекратить агрессию, в том числе ведя борьбу не на жизнь, а на смерть против России, где царь предпринял попытку завоевания китайской территории, а потом Советская Россия делала то же самое. Внешняя Монголия, граничащая с Внутренней Монголией и Маньчжурией, была включена в зону влияния Советского Союза и в 1925 г. по согласию с Сунь Ятсеном московское правительство отправляло деньги, оружие, военных преподавателей для обучения пропагандистов в Китае, чтобы они готовили страну к революции. Россия была самой передовой и самой стабильной европейской страной в завоевании Азии за последние сто лет, она расширила свои территории далеко на Восток. При царе завоевания осуществлялись интригами и силой оружия. Сейчас эта страна использует больше интриг и пропаганды, применяя при этом меньше оружия, что обусловлено сложностью финансового положения советского правительства. Российское правительство расширило область своего влияния на азиатскую территорию, которая по площади больше, чем вся Северная Америка. Русские никогда не управляли напрямую азиатскими территориями, где оставались только их люди. И с точки зрения Японии весьма странно, что в Америке и Лиге Наций не обратили внимание на аннексию, не выразили протеста против кровавой попытки подчинить влиянию Советов весь Китай семь лет назад. Запад энергично протестовал против японских действий в Маньчжурии, игнорируя характер жизненных интересов Японии, как экономических, так стратегических.

Действие Лиги Наций и американского правительства не имеют дружественный дипломатический характер, и Япония будет иметь дело с ними только при условии подобной любезности, и цели были заявлены мирные. Такова природа запугивания, которая сопровождается грохотами сабель. Люди из Лиги Наций предлагают использование экономического и финансового давления на Японию как средство борьбы, при одновременном сосредоточении американского военного флота на Гавайях. Поэтому японское правительство и народ не могут продолжать нормальные отношения при таких обстоятельствах.

Методы западных стран ведения дел с Китаем имели последние годы партизанский характер. Без протестов Германия имела право забрать территорию Китая, установить свою военно-морскую базу в Циндао и организовать концессию в Шаньдуне (как она сделала в 1898 г.), но когда Япония вытеснила немцев из этой провинции во время мировой войны, американское правительство обвинила Японию в нарушении немецких прав.

Франция имела право захватить большую территорию в Индокитае и расширить свою сферу влияния на провинцию Юньнань в самом Китае, не подвергаясь никакой критике из Европы или Америки. Но когда Япония возражает против французских претензий на два малонаселенных острова недалеко от китайского побережья, американские, европейские газеты обвинили Японию в том, что она планирует создать воздушную базу на этих островах, заявляя, что это доказательства японских агрессивных намерений.

Англия имела право на Гонконг и концессии в долине Янцзы, но, когда Япония строит железную дорогу и приобретает другие концессии меньшей важности, ее обвиняют в опасных проектах.

США получили права для христианских миссионеров владеть землей в любой провинции Китая, но если Япония попросит о подобных правах для буддистов, что тогда следует ожидать от христиан?

Америка имеет право приобрести Филиппинские острова, азиатскую территорию, находящиеся за 6 тыс. миль от своих берегов. Но когда Япония берет под свой контроль Корею, страну меньше территории, чем Филиппины, находящуюся только в 100 милях от своих берегов, то это действие осуждается.

В соответствии с западными взглядами, кажется, что Европа и Америка поступают в Азии в соответствии с природным долгом и видением человеческого прогресса, в то время как Япония, в свою очередь, подвержена природе эгоистичных интересов. Но фактически японцы, будучи азиатами, намного более способны к контактам с другими азиатами для достижения общих интересов, чем американцы и европейцы. Например, при наведении порядка при хаосе в Корее, японцы убили намного меньше людей, чем убили американцы, подавляя протестные движения на Филиппинах, и это при том, что “независимость” было ключевым словом создания Америки.

Американцы заинтересованы в настоящее время в сохранении мира. Но они заинтересованы только в международном мире и не в состоянии понять, что гражданская война может быть более разрушительной, как в случае с Россией и Китаем. Сколько убито во время российской и китайской революций? В мировой войне погибло 12 млн человек, а в России во время революции и последующей за ней резне и голоде погибли 20 млн человек. В Китае, где гражданская война только началась, приблизительно 40 млн человек погибли также от резни и голода. Американцы не кажутся взволнованными по поводу этих ужасных жертв, но несколько тысяч бандитских китайских военных формирований, которые Япония уничтожила в Маньчжурии, где бандиты уничтожали трудолюбивых крестьян, вызывают у американцев активный протест.

В Маньчжурии теперь существует правительство, которое намного эффективней, чем в любой другой части остального Китая. Ни одна из военных диктатур Китая не прислушивается так к народу, как правительство Маньчжоу-Го под руководством законного правителя – императора Кан-Дэ. Не может быть и сравнения между порядком в Маньчжоу-Го и тем террором, который господствует даже в тех областях Китая, где управляет так называемое национальное правительство.

Столица Мантчжоу-Го – процветающий город, тогда как китайская столица находится в беспорядке, где китайский банкир или важный продавец элементарно не защищен никакими правами, если не связан с правительством: так, независимые китайские банкиры, продавцы, корреспонденты при первых же волнениях пытались прорваться в защищенные территории французских и международных поселений в Шанхае, где постоянно находятся американские, британские, французские и японские военные корабли.

Факт, что за 34 года, пока поднимаются западные силы, включая США, которые держат войска на границе Китая и военные корабли на китайских реках, говорится о серьезных расстройств, происходящих в Китае. Войска национального правительства страны напали на консулов, миссионеров, а также бизнесменов в столице в 1927 г., вынуждая американские и британские военные корабли бомбардировать часть города, чтобы позволить американскому консулу, его семье и другим иностранцам убежать, во избежание любой другой подобной атаки на американцев. Европейские и японские военные корабли перестают находиться в столице Китая сегодня, в то время как иностранные войска все еще занимают город Бэйпин – прежнюю столицу страны.

Японию иностранцы часто называют милитаристской страной. Соединенные Штаты тоже были бы в таком же положении, если бы были сравнительно маленькой страной, которая граничит с двумя наибольшими странами в мире: Россией и Китаем. Америка тратит больше денег, чем любая другая страна, на военно-морскую защиту, хотя она неуязвима.

В западном обществе бытует мнение, что китайцы пацифисты, но сегодня в Китае больше вооруженных людей, чем во всей Европе, за исключением, пожалуй, только России. Их войска под руководством различных главарей и бандитских вождей оцениваются в 3–5 млн человек. Даже допуская меньшую цифру, она превосходят японскую армию в десять раз.

Удачно, что данные силы не объединены, не организованы и не оснащены для борьбы с иностранными войсками. Они используются, за исключением редких случаев, для борьбы между коммунистическими группировками и множеством китайских провинциальных

правительств. Китай в целом не так обеспокоен единством и прогрессом, как иностранцы: ситуацию определяют корыстные интересы местных правителей.

В результате гражданской войны в Китае в 1911 г. провозглашена республика, но значительное количество людей находится в безнадежном положении. Десятки миллионов людей вынуждены либо голодать, либо выживать под руководством одного из военных лидеров. А восстание граждан против этих лидеров попросту невозможно. Невооруженные, голодные мужчины не могут выстоять против настоящих войск, как было во времена Французской революции; автоматы защищают диктаторов, которые будут в безопасности, пока армия готова их поддерживать.

Это объясняет, почему сегодня, как перед провозглашением независимости Маньчжурии, китайские крестьяне стекаются в эту страну, часто на средства, вырученные от продажи своих дочерей в рабство или от занятия ими проституцией и затем отправляют своих сыновей на холодный Север за Великой Стеной, где присутствуют японские войска, которые обеспечивают спокойную и более надежную жизнь под руководством правительства Маньчжоу-Го.

Китайцы, получившие иностранное образование, – представители своей страны за границей. Это они говоря на английском языке, разбудили американское сочувствие к Китаю и подозрение к Японии. Они – продукт американских миссионеров и филантропического благодеяния, сотрудничали со своими американскими учителями и вводили их в заблуждение касательно китайского прогресса и проектов Японии. Они стыдятся правды о своей стране и стремятся прикрыть ее, притворяясь, что отсталость их народа объяснима японским вмешательством. Это ложь.

Мы – Японцы – стремимся помочь Китаю, и если даже только в наших корыстных интересах, возможно, мы достигли большего для китайского народа, то наши усилия не противоположны западным. Китай может быть мирным и правильно организованным уже сегодня, и если бы наши усилия не противопоставлялись, то выгоду получил бы не только китайский народ, но и западные страны.

Маньчжурия выступает в качестве примера, именно Япония держала здесь войска и военные корабли в последние 15 лет. Иностранцы всегда защищены японскими войсками, когда появляется необходимость. Торговля западных стран в Маньчжоу-Го ведется организованным способом и постоянно увеличивается. Начиная с изгнания Чжан Сюэяна и его армии, сократились объемы трафика американских и европейских торговцев в Маньчжурии.

В 1933 г. Маньчжоу-Го произвело покупку у США товаров в 4 раза больше, чем Америка закупила у Маньчжоу-Го, несмотря на предупреждение, часто озвучиваемое

китайскими официальными лицами, что Япония может закрыть границу для американских товаров в регионе.

Молодые китайцы, которых американские миссионеры обучили в американских колледжах, вероятно, представляют современный Китай по-другому, но они не составляют и 0,1 % всего Китая. Они заняли эту позицию, потому что имеют возможность использовать этот подлый английский язык, что является важным фактором в международных делах, но они имеют очень мало влияния на провинциальные правительства и военных командиров. А неграмотные военные часто начинают свою карьеру как преступники.

Есть три условия, преобладающих в Китае, которые бы разрушили единство и порядок Соединенных американских штатов, если бы существовали там. Первое – неграмотность: если бы 90 % американских людей не могли бы читать и писать, то, соответственно, было бы очень сложно управлять страной. Второе – бедность: если бы большинство американцев постоянно жили на грани голодания, то, вероятно, широкое распространение получили бы беспорядки и развитие диктатуры. Третье – отсутствие коммуникаций: Соединенные Штаты имеют 250 тыс. миль железных дорог и качественных дорог для автомашин, у Китая, в свою очередь, хотя ее населения больше в три раза, нежели американское, есть только 1/15 объема американских коммуникаций.

В Японии отсутствует голод, а количество неграмотных меньше, чем в США. Япония и Китай находится на разных стадиях развития. Это два абсолютно разных народа, один из которых способен к самоорганизации, а другой, как показывает время, нет. Один патриотичен: в западном понимании данного слова, другой же абсолютно не склонен принести жертву для своей страны. Если бы там не присутствовали американские, европейские и японские иностранные войска, то разве китайцам было бы возможно удержать власть? Есть ли необходимость для них оставаться там? Японцы – едины, а китайцы составляют множество национальностей, почти столько же народов проживает в Европе и говорит на разных языках, сколько китайских диалектов и народностей объединены в Китае.

Если бы китайцы обладали теми же самими характеристиками и особенностями, что и японцы, то они бы изменили свою страну так же, как японцы изменили свою, когда с Запада пришла агрессия. Популяция японцев не составляла и десятой части Китая, когда командор Перри оказался на пороге нашей двери и потребовал ее открыть. Но через 80 лет, принося жертвы и постоянно трудясь, мы сделали нашу страну современным государством, в то же самое время, когда Китай ухудшал свои позиции и распадался.

Китай нуждается в помощи, Лига Наций не готова этого признать. Но, как уже сообщалось Ассамблее Лиги год назад, методы, которые выбрала Лига, не принесут пользы.

Данные методы эффективны в цивилизованной Европе, но не в экономически отсталой Азии. В случае с Китаем они, вероятно, будут удовлетворять интересы одного или другого военного правителя из конкурирующих группировок.

Попытка создания республики в Китае имела катастрофические последствия. Коррупция и некомпетентность – это то, что из себя представляла старая маньчжурская династия, но она была понятна китайскому народу, тогда как республика осталась непонятой.

Американцы потратили сотни миллионов долларов на поддержание Китая, но условия этой поддержки оказались даже хуже, чем несколько десятилетий назад.

Американцы, ссылаясь на два сомнительных тезиса, утверждают, что японцы собираются взять под контроль Китай. Они утверждают, что японцы собираются закрыть дверь для американской торговли, что преобразуют власть Китая в угрожающий военный блок – желтую опасность. Но это не тот случай, поскольку основная задача Японии – предотвратить возвращение белой опасности на Восток.

Если быть точными, то Япония против любой военной реорганизации в Китае. Именно поэтому японцы обеспокоены советской деятельностью, действиями бывших американских военных офицеров и американских воздушных компаний на территории Китая. Развитие воздухоплавания в Китае пока только начинается, но Япония не хотела бы видеть огромные масштабы воздушной мощи Китая.

Относительно политики “открытых дверей”, следует задать вопрос: закрыта ли эта дверь для американских продуктов? Япония – самый большой потребитель американских товаров в акватории Тихого океана, занимая второе место по потреблению американских товаров и уступая в этом только Британской Империи. Тем не менее Америка постоянно акцентирует внимание на покупательской способности Китая. Но если принимать во внимание все факторы, включая стоимость защиты американских продавцов в Китае при помощи военно-морской и вооруженной силы, то Америка не получила бы ни одного доллара от торговли с Китаем начиная с 1900 г. Некоторые американские бизнесмены и частные компании получили доходы от торговли, но они ушли в карманы богачей и к американским гражданам не имеют никакого отношения.

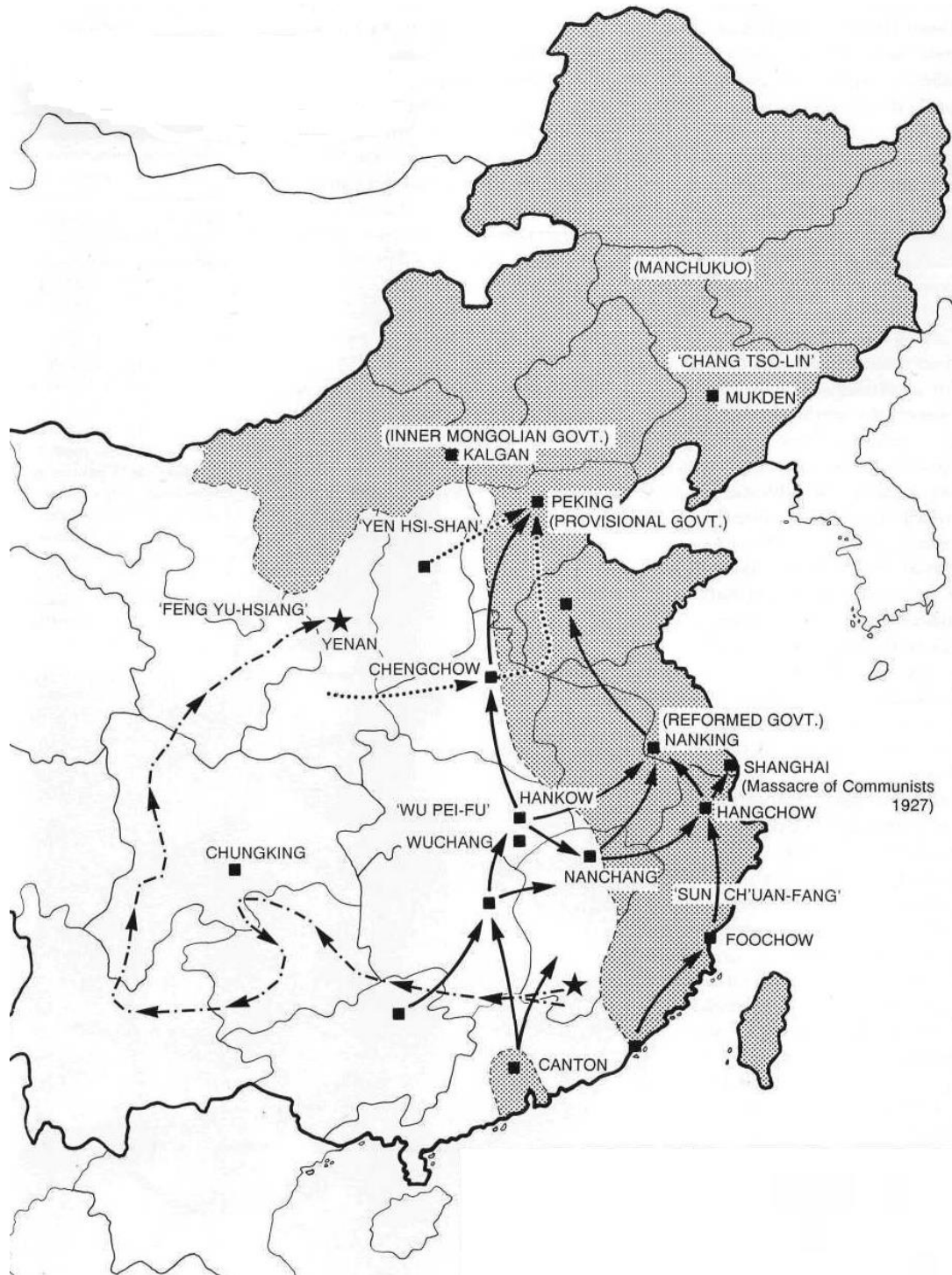
США и Япония – прогрессивные страны, соответственно, их возможности покупать друг у друга сопоставимы. Мы конкурируем в отношении некоторых продуктов, но взаимная торговля значительно перевешивает все конкурентные разногласия. Есть мнение, что в конечном счете индустриальные страны вступят в войну друг с другом и причиной станет международная торговля, тогда можно задать вопрос: за какой минимум в объеме

торговле вступят в войну между собой США и Британия? Такой же вопрос можно задать относительно США и Японии.

Япония не пытается сделать из Маньчжурии игрушку. Япония объявила войну незаконную и беспорядку, закон и порядок должны поддерживаться на Дальнем Востоке. В соответствии с данным заявлением Япония намеревается действовать только в рамках закона, но использовать надлежащие способы для достижения законных целей.

США заняли позицию относительно Китая, которую не заняли бы по отношению к европейским странам, хотя Европа значительно ближе, нежели Китай. Американское правительство не стало вносить в Сенат и ратифицировать соглашение, обеспечивающее поддержание независимости и целостности любой европейской страны, но именно это было сделано по отношению к Китаю. Мы тоже подписали соглашение, потому что мы имеем более значительные интересы в мире благосостояния Восточной Азии, мы считаем, что мы, как минимум, имеем равные на это права.

Мы никогда не позволяли себе ввязываться в политические или военные вопросы в Европе и Америке. Но западные страны не воздерживаются от вмешательства в вопросы относительно Дальнего Востока. Китай воспользовался этой заинтересованностью. Но мы заняли четкую позицию, в правильности которой мы уверены».

Карта подконтрольных японцам территорий, 1938 г.¹²²⁵

¹²²⁵ Philip Jowett, Stephen Andrew. *Chinese Civil War Armies 1911–49 / Chinese Warlord*. Osprey Publishing, 1997. P. 9.

East Siberia State University of Technology and Management

As a manuscript

Pavel Nikolaevich Dudin

BUFFER STATEHOOD AND
REGIONAL POLITICAL ORDER IN EAST ASIA:
JAPANESE MODELS AND THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION
IN NORTHERN AND EASTERN CHINA IN 1935-1945

Scientific specialty

5.5.1. History and theory of politics

DISSERTATION

for a scientific degree of

Doctor of Sciences (ScD, in Political)

Translation from Russian

Academic adviser:

Doctor of Sciences (ScD, in Political), docent

Alexey Viktorovich Mikhalev

Ulan-Ude - 2022

CONTENTS

INTRODUCTION	4
CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE REGIONAL POLITICAL ORDER IN EAST ASIA.....	25
1.1. Foundations of the regional political order in the zone of the Russian-Chinese frontier in the first half of the 20th century.	25
1.2. Buffer zones on the borders of the empires of East Asia.....	58
1.3. The concept of buffer statehood in political history and theory.....	81
CHAPTER 2. COMPETITION OF IDEOLOGIES AND THE REGIONAL POLITICAL ORDER IN EAST ASIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY	109
2.1. The Buddhist factor and theocratic tendencies in the construction of the regional political order in East Asia.....	109
2.2. "Export of revolution" in East Asia and the regional political order in the zone of Soviet influence.....	144
2.3. The Japanese doctrine of the regional political order and the ideology of Pan-Asianism.....	173
CHAPTER 3. BUFFER AUTONOMY IN THE STRUCTURE OF THE POLITICAL ORDER OF NORTHERN CHINA IN 1935–1938	206
3.1. Modeling the autonomization of Northern China and the Region of five provinces.....	206
3.2. Eastern Hebei regional autonomy in the Demilitarized Zone.....	229
3.3. Regional autonomy of Hebei and Chahar in the zone of joint Chinese-Japanese presence	267

CHAPTER 4. BUFFER STATEHOOD AND THE REGIONAL POLITICAL ORDER OF NORTHERN AND EASTERN CHINA IN 1937-1945...	314
4.1. The Provisional Government of the Republic of China and the buffer statehood of Northern China.....	314
4.2. The Formation of buffer statehood and the regional political order of East China	356
4.3. Creation of the Republic of China under Wang Jingwei as an alternative model of Chinese statehood.....	374
CONCLUSION	426
LIST OF USED LITERATURE.....	431
APPENDICES	471

INTRODUCTION

In the last decade and a half, the formation and existence of buffer zones has become a reality for our country, which in some cases contributed to the freezing of conflicts on the southern borders, and in others – provoked them. We are talking about such buffer zones as South Ossetia and Abkhazia¹, Donetsk and Lugansk people's republics². The creation of buffer territories is not a unique phenomenon. At the beginning of the XX century, such territories between West and East, between German and Russian people, were designated by the term *Zwischeneuropa* (“Inter-Europe”, “Intermediate Europe”)³. In Asia, due to its geostrategic position, Nepal acts as a buffer between India and China on the issue of mutual territorial claims⁴.

However, the 1930s–1940s were the time of extremely turbulent events in this regard when in the Far East, following the legal collapse of the Qing empire and the actual collapse of Republican China, which caused a feeling of deep national humiliation inside the country⁵, Russia tried to build a "red" or "communist", and Japan an "anti-communist" belt on the territories of the Russian-Qing frontier.

In the early 1930s in the current international situation in the region, the creation and preservation of buffer states served the goals of ensuring both the security of the powers and their strategic presence, which they eventually managed to do. Further processes of the formation of the political order took place under conditions of military tension and involved the involvement of completely different mechanisms.

Russia, first imperial and then Soviet, built an effective state system, which, despite revolutionary upheavals and military conflicts, managed to maintain the

¹ Luk`yanov F. A. Rossiya v global`noj politike. Novy`e pravila igry` bez pravil / F. A. Luk`yanov. M., 2015. S. 67.

² Rusin A. O. Bufernaya Ukraina – 2016 [E`lektronny`j resurs] / A. O. Rusin / Rezhim dostupa: <http://www.proza.ru/2014/10/08/426> (data obrashheniya: 24.12.2017).

³ Kosov Yu. V. Politicheskaya regionalistika / Yu. V. Kosov, V. V. Fokina. SPb.: Piter Press, 2009. S. 59–69.

⁴ Xarina O. A. Konflikt interesov Indii i Kitaya v Nepale / O. A. Xarina // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2016. № 1. S. 127.

⁵ Dudin P. The world of the past century and modern China (on the basis of scientific materials Russian Faculty of Law in Harbin) // Social Science. 2016. Vol. 11. Is. 21. P. 5116–5122.

viability and security of its state borders, and the buffer states themselves either received the status of sovereign and became recognized among other countries (as, for example, Mongolia), or fulfilled their task and became part of Soviet Russia (as, for example, Tuva or the Far Eastern Republic).

However, in addition to Russia, there was another force in the region - the Empire of Japan, which at the turn of the 19th - 20th centuries acquired vast territories in East Asia with different international legal statuses (the country was forced to abandon many of them under the San Francisco Treaty of 1951)⁶. With the occupation of Manchuria by the Japanese and the creation of Manchukuo, the situation in the region changed significantly. A process, similar to the Soviet one, began to create buffer zones and states solving similar strategic tasks, but, unlike the Soviet ones, ceased to exist in August 1945. The similarity of the Soviet and Japanese models for the creation and functioning of buffer territories has prompted the need to explore the state nature of those political entities which were created with the participation of Japan. Starting its victorious march from Manchuria in 1931, the leadership of this country formed a chain of buffer states, models of which were then used in South and Southeast Asia to create the Great East Asian Sphere of Mutual Prosperity.

East Asia, with its national, cultural and religious diversity, attracted the attention of major Western powers and the Soviet Union as an experimental platform for testing certain approaches and technologies, identifying the possibility of their application in other regions. In fact, in the period under review, in the declared space of East Asia, only the USSR managed to use buffer statehood in constructing a regional political order during the so-called “export of the revolution”⁷, the formation of the “communist belt” and Japan. In this paper, we will analyze the Japanese experience.

⁶ Axmetova B. Z. Napryazhenie vokrug problemy` Yuzhno-Kitajskogo morya kak faktor geopoliticheskogo protivoborstva i transformacii sovremennogo mirovogo poryadka / B. Z. Axmetova, I. S. Karabulatova, P. N. Dudin, Zh. B. Dorzhiev // *Central`naya Aziya i Kavkaz*. 2016. T. 19, vy`p. 4. S. 55–63.

⁷ Dudin P. N. Preddogovorny`e osnovy` «e`ksporta revolyucii» v Vostochnoj Azii i regional`ny`j politicheskij poryadok v zone sovetskogo vliyaniya: pozitivny`j opy`t i socialisticheskaya ideologiya v Mongolii. God 1921. Ch. 1 / P. N. Dudin, Z. F. Xusainov // *Oriental Studies*. 2021. T. 14(1). No 1. S. 8–23; *They are. There*. Ch. 2 // *Ibid*. T. 14(2). S. 226–237.

Political modality, focusing on the regional dominance of hegemonic states, subordinates economic and cultural institutions to this idea. That is why, after considering the theoretical messages and categories, we will consider the ideological guidelines of the regional political order, and then the experience of their practical implementation.

The degree of knowledge of the problem. There are a lot of works devoted to the study and description of the formation of Russia and Japan as regional powers in the first half of the twentieth century, but there are practically no subject studies of the process of state building and the formation of a regional political order in East Asia within the stated chronological framework. It is conditionally possible to single out several categories of works, to some extent covering the studied phenomena, events and processes.

Thus, the first category consists of memoirs. One of the first domestic explorers of Inner Asia was Nicholas Roerich. In his works⁸, he provides very useful data regarding the boundaries of Chinese provinces. Being personally acquainted with the heads of the Mongolian khoshuns, he was present at some events related to the movement for autonomy in North China, described them, including princely rates, customs and foundations of that time. At the same time, many data need to be clarified due to the fact that they are presented not in scientific, but in artistic language. The author did not go into the study of the causes and factors of the autonomist movement, only solemnly welcomed it, having in mind only Inner Mongolia. A very interesting look at the role of the Japanese navy and partly the military command is presented by Tomioka Sadatoshi⁹, who held important positions in the Japanese maritime department, and after the end of the war, as director of the museum, wrote semi-memoir reviews commissioned by the United States with a rich documentary appendix.

⁸ *Rerix N. Vrata v budushhee* / N. Rerix. Riga: Uguns, 1936. 326 s.; *He is*. Listy` dnevnika. T. 1 / N. Rerix; sost. N. G. Mixajlova. M.: MCzR; Bisan-Oasis, 1995. 672 s.; *He is*. Dnevnik Man`chzhurskoj e`kspedicii (1934–1935) / N. K. Rerix; sost., vstup. st., komment. O. A. Lavrenovoj. M.: Mezhdunarodny`j centr Rerixov, 2015. 518, [1] s.

⁹ *Tomioka Sadatosi. Politicheskaya strategiya Yaponii do nachala vojny`*: monogr. / Tomioka Sadatosi. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniju i nauke, 2016. S. 217.

The second category consists of domestic scientific works of researchers of the Soviet era or published in the Soviet Union in the 1930s–1990s (some of them were created by foreign authors, but were not published abroad). The features of the scientific literature of the Soviet period about China in general and Sino-Japanese relations, in particular¹⁰, are the class approach¹¹, the emphasis on the wrong national policy of the central government¹², the military¹³ and economic¹⁴ interests and resources of Japan and the Western powers¹⁵, the actual ignoring of emerging in these territories in the period of political institutions under study¹⁶, with the rhetoric characteristic of that time and such biting definitions as “Japanese military”, “another Japanese puppet”, etc. We are interested in the works that give a general description of the processes, events or phenomena in the region, the ability to compare these data with the data of the sources used in writing this work.

Modern Russian scientific literature is quite extensive, but focuses either on the general aspects of the Japanese invasion, or only on Manchukuo. One of the leading contemporary experts on the region, V.G. Datsyshen, examines certain aspects of the formation of the political order in East Asia from a historical standpoint. Thus, the initial stage of the development of the regional order and Japanese participation in it are touched upon in passing in the work “The Boxer War. Military campaign of the Russian army and navy in China in 1900–1901¹⁷, since it was precisely according to the results of the Boxer Protocol that the European powers and Japan received the opportunity for economic and military actions within their concessions,

¹⁰ *Burlingas I. Ya. Kitaj i Yaponiya / I. Ya. Burlingas // Kitaj i sosedi v novoe i novejshee vremya / otv. red. S. L. Tixvinskij. M.: Nauka, 1982. S. 396–452.*

¹¹ *Novejschaya istoriya Kitaya. 1928–1949 / pod red. M. I. Sladkovskogo. M.: Nauka, 1984. 440 s.*

¹² *Bogoslovskij V. A. Nacional'nyj vopros v Kitae (1911–1949) / V. A. Bogoslovskij, A. A. Moskaliev. M.: Nauka, 1984. 264 s.*

¹³ *Voенно-ekonomicheskie resursy Yaponii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Inform.-stat. upravlenie RKKA, 1934. 87 s.; Bisson T. A. Voennaya ekonomika Yaponii / T. A. Bisson; per. s angl. G. V. Konyushkova; pod red. prof. K. M. Popova. M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1949. 308 s.*

¹⁴ *Violis A. Yaponiya i ee imperiya / A. Violis. M.: OGIZ-SOCzE`KGIZ, 1934. 133 s.; Avarin V. Nezavisimaya Manchzhuriya. 2-e dop. izd. L.: Partizdat, 1934. 152 s.*

¹⁵ *Ve`j Czzy`-chu. Kapitalovlozheniya imperialistov v Kitae (1902–1945) / Ve`j Czzy`-chu. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 51 s.*

¹⁶ *Titov A. S. Bor`ba za edinyj nacional'nyj front v Kitae 1935–1937 gg. / A. S. Titov. M.: Nauka, 1981. 216 s.*

¹⁷ *Dacyshen V. G. Bokserskaya vojna. Voennaya kompaniya russoj armii i flota v Kitae v 1900–1901 gg. / V. G. Dacyshen. Krasnoyarsk, 2001. 336 s.*

which became the strongholds of their presence on the continent. In addition, V. G. Datsyshen is studying the role of the Chinese Eastern Railway in Russian-Japanese relations as the basis for a strategic presence in the northeast of China, and later the threat to Japanese influence and, as a result, Japan's participation in ousting the USSR from the region¹⁸, in securing it on continent before the start of the conflict with China¹⁹, the Soviet-Japanese confrontation in Mongolia²⁰, hostilities at the final stage of World War II²¹. The topic of the Soviet presence and Japanese interests is explored by M. V. Krotova in the article “ On the issue of the sale of the Chinese Eastern Railway of the USSR to Manchukuo in 1935”²².

Manchukuo as an object of Japanese interests and a successful result of the foreign policy of this country is considered by many authors from different angles. Thus, the direct participation of the Japanese side in the construction of the Manchu statehood²³ and its institutions²⁴, the question of the status of this political entity²⁵ and the rethinking of the categories that characterize it in the past and present²⁶, as

¹⁸ *Dacyshe*n V. G. Konflikt na KVZhD 1929 goda. Materialy` sibirskix regional`ny`x arxivov o situacii v voinskix chastyax i vzaimodejstvii s mestny`m naseleniem / V. G. Dacyshen // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2009. № 12. S. 22–28; *He is*. Kitajcy v Rossii i sovetsko-kitajskij konflikt 1929 g. na KVZhD / V. G. Dacyshen // Rossijskaya istoriya. 2011. № 5. S. 51–62.

¹⁹ *He is*. Yaponiya i grazhdanskaya vojna v Tuve / V. G. Dacyshen // Novy`e issledovaniya Tuvy`. 2013. № 2. S. 44–54; *He is*. Russko-yaponskie otnosheniya na Severnom Saxaline v period yaponskoj okkupacii (1920–1925 gg.) / V. G. Dacyshen // Ezhegodnik Yaponiya. 2014. № 43. S. 192–209; *He is*. «Missiya Komaczubary». Iz istorii sovetsko-yaponsko-kitajskix otnoshenij v nachale 1930-x godov / V. G. Dacyshen // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2012. № 3. S. 126–133; *He is*. Konsul`stva Man`chzhou-Go v Rossii. Iz istorii sovetsko-yaponsko-kitajskix otnoshenij v 1931–1945 gg. / V. G. Dacyshen // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2013. № 5. S. 135–143.

²⁰ *He is*. «Vojna na MNR». Xalxin-Gol v nashej povsednevnosti / V. G. Dacyshen // Rodina. 2009. № 8. S. 17–19.

²¹ *He is*. Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 g. (k probleme istoricheskoy literatury` i istochnikov) / V. G. Dacyshen // Vtoraya mirovaya vojna: predy`storiya, soby`tiya, uroki: mat-ly` Mezhdunarod. nauch. konf., posvyashh. 70-letiyu Velikoj Pobedy` nad nemeckim fashizmom i yaponskim militarizmom. V 2 ch., ch. 1 / pod red. E. V. Drobotushenko. Chita, 2015. S. 81–90.

²² *Krotova M. V.* K voprosu o prodazhe KVZhD SSSR Man`chzhou-Go v 1935 g. / M. V. Krotova // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal`nem Vostoke. 2014. № 1(41). S. 105–111.

²³ *Kuras L. V.* Yaponskaya voennaya missiya v Man`chzhou-Go: podgotovka k agresсии (k 75-letiyu soby`tij na Xalxin-Gole) / L. V. Kuras // Vlast`. 2014. № 9. S. 143–147.

²⁴ *Kejdun I. B.* Obshhaya xarakteristika sistemy` vy`sshix gosudarstvenny`x organov Man`chzhou-Go / I. B. Kejdun, Ya. A. Eliseeva // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarny`e nauki. 2010. № 48. S. 31–36.

²⁵ *Maksimovich M. N.* Vneshnepoliticheskie aspekty` obrazovaniya gosudarstva Man`chzhou-Go / M. N. Maksimovich // Chteniya pamyati Evgeniya Petrovicha Sy`chevskogo. 2017. № 17. S. 143–146.

²⁶ *Kuz`min Yu. V.* Istoriya Man`chzhurii i gosudarstva Man`chzhou-Go: marionetchnoe gosudarstvo ili kvazigosudarstvo? / Yu. V. Kuz`min // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 2(26). S. 179–186; *Dacyshe*n V. G. SSSR i Man`chzhou-Go: problemy` sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva / V. G. Dacyshen // Eurasia: Statum et Legem. 2018. № 10. S. 38–52.

well as the role of emigrant circles in ensuring Japanese interests in the region, are of considerable interest²⁷.

The issues of the history of the development of Northeast China, its economy, Japan's foreign policy towards China are analyzed in the works belonged to A. K. Zhabitsky²⁸, V. A. Paskov²⁹, Y. V. Ordynskaya³⁰, G. N. Romanova³¹, V. V. Dosovitskaya³².

Modern foreign literature on this period comes out under the stamp of the world's leading educational centers: Oxford, Cambridge, Tokyo universities. In their writings, William Beasley³³, Parks Coble³⁴, Edwin Moise³⁵, Sarah Crosby, Mallory Payne³⁶, Mark Eliot³⁷, Qin Yuyan³⁸ and others³⁹ do not study collaborationist regimes, but the Japanese-Chinese confrontation, while the buffer states constructed with the participation of the Japanese side are mentioned in the description of events

²⁷ *Gajkin V. A.* Yaponskie i korejskie kolonisty` v Man`chzhou-Go (1931–1945 gg.) / V. A. Gajkin // *Problemy` Dal`nego Vostoka*. 2010. № 5. S. 123–131; *Nazemceva E. N.* Yaponskie okkupacionny`e vlasti i rossijskaya e`migraciya v Man`chzhou-Go v 30-e gody` XX veka / E. N. Nazemceva // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2012. № 4. S. 163–170.

²⁸ *Zhabiczkiy A. K.* Razvedka Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae i Mongolii v 1905–1914 gg. / A. K. Zhabiczkiy // *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii*. 2010. № 4(53). S. 197–202.

²⁹ *Pas`kov V. A.* Severo-Vostochny`j Kitaj v ramkax politicheskoy koncepcii kabineta Tanaka / V. A. Pas`kov // *Filo Ariadne*. 2016. № 1. S. 108–118.

³⁰ *Ordynskaya Yu. V.* Territorial`noe osvoenie Severo-Vostochnogo Kitaya v period obrazovaniya gosudarstva Man`chzhou-Go [E`lektronny`j resurs] / Yu. V. Ordynskaya // *Novy`e idei novogo veka: mat-ly` Mezhdunarod. nauchn. konf. FAD TOGU*. 2016. T. 1. S. 258–262. Rezhim dostupa: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/fad/science/nionc/nionc-2016/ (data obrashheniya: 01.03.2020).

³¹ *Romanova G. N.* E`konomika Severo-Vostochnogo Kitaya nakanune i v period ego okkupacii Yaponiej [E`lektronny`j resurs] / G. N. Romanova / otv. red. A. P. Zabyako // *Rossiya i Kitaj na dal`nevostochny`x rubezhax*. 2003. S. 244–249. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454494> (data obrashheniya: 01.03.2020); *She is.* Usilenie e`konomicheskix pozicij Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae v period okkupacii (30-e gody` XX v.) / G. N. Romanova // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal`nem Vostoke*. 2015. № 3(72). S. 104–112; *Dosoviczkaya V. V.* Ustanovlenie vlasti Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae v pervoj polovine XX v. / V. V. Dosoviczkaya // *Vlast` i nasilie v nezapadny`x obshhestvax. Problemy` teoreticheskogo osmysleniya i opy`t prakticheskogo izucheniya*. M., 2016. S. 300–309.

³² *Dosoviczkaya V. V.* Ibid.

³³ *Beasley W. G.* Japanese imperialism 1894–1945. Oxford: Oxford University Press, 1987. 296 p.

³⁴ *Coble P. M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991. 475 p.

³⁵ *Moise E.* Modern China: A History. London; NY: Longman, 1986. 256 p.

³⁶ *Paine S.C.M.* The Wars for Asia, 1911–1949. Cambridge University Press, 2012. xv+ 487 p.

³⁷ *Elliott M. C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // *The Journal of Asian Studies*. 2000 Vol . 59.No. 3. P.603–646.

³⁸ *Cin` Yuyan`.* Osnovopolagayushhie dokumenty` o konfliktax s uchastiem yaponskix suxoputny`x i voennomorskix sil. 2-e izd. / Cin` Yuyan`. Tokio: Izd. ob`edinenie vy`sshix uchebny`x zavedenij, 2005. 214 s.

³⁹ *The Modernization of Inner Asia* / CE Black, L. Dupree, EE West, E. Naby. N.Y.: M.E. Sharpe, 1991. 407 p.; *AtwoodChr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information [Electronic resource] // *Twentieth-Century China*. 2000 No. 25(2). P. 75–113. Mode Access: <https://muse.jhu.edu/issue/44349> (dated circulation: 01.08.2022); *Narangoa L., Cribb R. B.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 // *Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series*. Routledge, 2003. 384 p.

in the north of China, or as they are designated in our study, or as provinces of China that have gone over to the side of the enemy. Nevertheless, even this meager amount of material makes it possible to supplement the available data.

Separate attempts to study in the perspective we are interested in are made in volumes 12 and 13 of the "Cambridge History of China"⁴⁰, where the buffer statehood, including the Region of the Five Provinces (established and used in historical documents, diplomatic correspondence, media materials of the period under study and foreign historical science), is the name region in northern China, which includes the provinces of Chahar, Suiyuan, Hebei, Shanxi and Shandong, which were of particular interest to Japan in 1933-1937⁴¹. It was due to the convenience of the geographical location of the provinces, the presence of mineral deposits and the location on their territory of the largest political, financial and trade centers - Beijing (Beiping) and Tianjin, is considered, on the one hand, in line with Soviet national strategic interests in China, primarily in Outer Mongolia, and on the other, in line with Soviet-Japanese relations. Ling Xiaoting also reflects on the southern buffer in *Ethnic Boundaries of Modern China: A Journey to the West*⁴². English researchers Philip Jowett and Stephen Andrew consider the military structure of collaborationist⁴³ regimes. Among the works that in one way or another mention collaborators and their regimes, of particular interest are monographic⁴⁴ and dissertation studies⁴⁵ on Japan's opium policy on the continent.

⁴⁰ The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 1. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. P. XX, 1120; The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 2. ... P. XX, 1108.

⁴¹ *Dudin PN* The Policy of Japan Concerning Natural Resources of Mengjiang: Legal Aspects // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSEER Publishing, Rome, Italy. 2015 Vol . 6. No 3 . P. 131–137.

⁴² *Hsiao-ting Lin*. *Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West*. Abingdon, Oxon; N. Y.: Routledge, 2011. P. XXX, 192.

⁴³ *Jowett Ph., Andrew St.* *Chinese Civil War Armies 1911–49*. Osprey Marketing Publishing, Oxford, 1997. P. 48.

⁴⁴ *Brook T., Wakabayashi BT* *Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952*. London: University of California Press, 2000. P. 456.

⁴⁵ *Kingsberg M. L.* *The poppy and the acacia: opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945 / PhD diss . University of California, Berkeley, Spring, 2009. P. 409.*

The reasons for Japan's political and economic pressure on China are discussed in the collection of scientific papers "Japan, China and the development of the Asian international economy, 1850-1949"⁴⁶, which contains a lot of industry data.

A number of authors focus on Japanese policy on the continent, including Matsuoka's plans to turn North China into a buffer that protects the continental territories of Japanese interests from the threat of penetration of communist ideology⁴⁷; with the tools that the Japanese side resorted to when building a buffer state in the north and east of China⁴⁸; the role of Fumimaro Konoe in this process⁴⁹ and the ideology of Japanese society and political elites, the change of political course and the corresponding motivation for this⁵⁰. Some publications, devoted to the study of the state of development of Japan in the 20th century, its influence on the formation of pan-Asian concepts⁵¹, should be mentioned⁵². A number of works mention Korea⁵³, Inner Mongolia, its constituent parts⁵⁴, Outer Mongolia (including Kobdo and Ulyasutai)⁵⁵ and Xinjiang⁵⁶ as buffer states.

An interesting scientific experiment was set up by Japanese author Minoru Kitamura and Chinese author Ling Xiyun in their joint work "Forced Adversaries: Japan and the Second Sino-Japanese War"⁵⁷. In the introductory article, the Japanese author says that the prevailing stereotype of representing Japan as an exclusively

⁴⁶ Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / Kaoru Sugihara. N. Y.: Oxford University Press, 2005. XV+295 p.

⁴⁷ Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization / ed. Yukie Yoshikawa. Washington, 2009. P. 145.

⁴⁸ Compellence and the strategic culture of imperial Japan: implications for coercive diplomacy in the twenty-first century / ed. by Forrest E. Morgan. Westport, Conn.: Praeger, 2003. P. XII, 294.

⁴⁹ *Yoshitake Oka*. Konoe Fumimaro: A Political Biography / trans. by Shumpei Okamoto and Patricia Murray. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. P. VIII, 214.

⁵⁰ *Yagami Kazuo*. Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: a critical appraisal of the three-time prime minister. Jefferson, NC: McFarland & Co., 2006. P. VII, 190.

⁵¹ *Tipton E. K.* Modern Japan: a social and political history. London; N.Y.: Routledge, 2008. P. XVII, 297.

⁵² Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders / ed. Sven Saaler and J. Victor Koschmann. N.Y.: Routledge, 2006. P. 288.

⁵³ *Liu Xiaoyuan*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. Cambridge University Press, 2002.

⁵⁴ *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library). Leiden: Brill Academic Pub.; 1st ed., 2005 [Electronic resource]. Mode access : <https://minerva-access.unimelb.edu.au/items/b77bcd18-0c7f-5ae7-804b-d75e058d9b34>.

⁵⁵ *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy. BA (Hons) Adelaide, 2008.

⁵⁶ *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present. London: Ecco, an Imprint of Harper Collins Publishers, 2008. P. XLVII, 762.

⁵⁷ *Kitamura Minoru, Lin Xiyun*. The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war // Connie Prener Publisher. Lanham; Maryland: University Press of America, 2014. P. 106.

aggressor and conditionally negative character, and China as an unfortunate victim and conditionally positive character forced scientists to approach the problem from other positions. As a result, the starting point was the disposition that Japan and China were geopolitical rivals who fought on equal terms for both modernization and oppression by the Western powers. Relations between Japan and China after the Meiji era (1868–1912) were analyzed from this position, and subsequent conflicts and their consequences were revised as a logical continuation. As a result, interesting conclusions were obtained, and scientists showed a positive example of scientific adherence to principles.

There are many academic papers that cover the events in the region in the period leading up to World War II and military operations in the Pacific theater as well as a significant number of works on state building, which explore the political structure, administrative-territorial division, government, legal system, economics and finance, statehood development. At the same time, the attempts of the population of more than two dozen territories of East Asia to obtain state sovereignty after the collapse of the Qing Empire and the Russian Empire are still waiting for their researchers.

The working hypothesis of the dissertation research is that buffer statehood, as well as buffer zones in general, are designed, on the one hand, to prevent the penetration of other states, non-state actors and counter-ideologies into the state-controlled region, on the other hand, in order to consolidate and strengthen on controlled territory, are a projection of this mighty power and an indicator of its viability as an actor - a power center capable of forming a political order in the corresponding region.

The goal of this research work is to construct and theoretically substantiate a conceptual model of the regional political order in East Asia, its specific characteristics on the basis of a comprehensive historical and political analysis, and, using the example of Japanese policy in the region, to determine the place and role of buffer states in it.

To achieve this goal, the **following objectives were singled out:**

1. To define the categories of regional political order in general and in relation to the East Asia region in particular, as well as buffer zones and buffer statehood in political history and theory, establishing a relationship between them.

2. To substantiate the ideological foundations of the regional political order in East Asia in the first half of the 20th century.

3. To reveal the specifics of Japanese foreign policy within region and the nature of its relations with other powers in order to achieve the desired results.

4. To determine the place of buffer autonomies in the structure of the political order of Northern China and their role in the further process of formation of buffer statehood.

5. To substantiate the position of buffer statehood as a natural result of the construction of a regional political order in Northern and Eastern China and determine its place in the structure of the Great Asian sphere of mutual prosperity.

6. To evaluate the effectiveness of the Japanese doctrine of the regional political order in East Asia in the first half of the 20th century.

The object of the dissertation research is the political order as a system of political relations in the region of East Asia.

The subject of study is buffer statehood and buffer states as a central element of the regional political order of East Asia in the context of their conceptual models and practical implementation by the Japanese military command on the continent in 1935-1945.

The methodological basis of the study is based on a combination of a number of approaches, methods and models. The comparative approach made it possible to consider the “competition of ideologies”, as well as not only to compare the Japanese and Soviet approaches, but also the models of building a regional political order by Japan both in provinces with a Han population and national regions (Manchukuo and Mengjiang). The neo-institutional approach allowed us to move away from the study of legal institutions and focus on the actual situation constructed in the region on the basis of those norms and rules that were set by the power centers even if they were not accepted by the international community. The historical approach

contributed to focus on building a regional political order in time and space, since the development of buffer statehood did not occur in leaps and bounds, but progressively and taking into account temporal, geographical and other similar features. Cross-historical comparisons made it possible to rely on the set of theories and knowledge at our disposal in terms of the specifics of the world and international order of the period under study. The study of possible patterns in the development of political spaces in the region contributed to building several likely models for the development of the situation with Japanese participation, which, in turn, helped to explain the steps that the Kwantung Army command took at the moments of disagreement with the position of the Japanese Foreign Ministry. In some aspects, it was necessary to resort to historical institutionalism, especially when explaining the role that was given to the alternative Republic of China as a step that completed an important stage in the formation of both buffer statehood and political order in the region. The structural and functional approach, despite the described disagreements within the Japanese block on building the resulting model, helped to look at the processes under study from the point of view of its integrity on a regional scale, where each of their elements, whether it be an army or groups of collaborators, had a decisive purpose and performed appropriate specific roles aimed at achieving the result. In turn, the functional approach promoted the reveal of the relationship between the actions of the Japanese side and the results it achieved at each stage. The systematic method made it possible to establish, firstly, the fact that Japan, during the entire period of building a political order and constructing a buffer statehood, was in constant interaction not only with the Chinese side, but also with the international community, despite the withdrawal from the League of Nations as well as paid considerable attention to the reflection of its position in the media, which allowed it to legitimize its actions both in relation to opponents and the population. The reconstruction method helped to restore the state structures formed in the controlled territories in order to understand their functioning; behavioral approach - to study both the actions and motives of Chinese collaborators and representatives of the parties; activity - to take a closer look at the participation of

those persons and the process of making political decisions by them who tried to balance between the parties, which caused and continued to cause an ambiguous assessment of contemporaries. The geopolitical approach made it possible to judge the constructed order not as a local process in a certain territory, but as part of a grandiose plan to create an ideal society, which was partly implemented. We resorted to the geo-economic approach when it was about the global resources of the region, the interest of the powers and Japan in them, the mechanisms for establishing control over them and the results in the form of influence on the collapsing economy not only of China, but also of other states. When describing the geopolitical ambitions of Japan in East Asia, studying the situation in a particular region, we partly appealed to the model of equal development in the interpretation of A. D. Bogaturov and A. V. Vinogradov, which, in turn, gave rise to the need of developing specific categories, taking into account the studied geographic space. Source criticism helped to minimize the subjectivity of the attitude towards those ambiguous processes that still cause disputes and contradictory attitudes not only between representatives of the Japanese and Chinese leadership and society, but also within the domestic scientific community. Therefore, in a study on the most significant facts, it was often necessary to cite sources, which ensured representativeness.

The territorial framework of the study covers the region of East Asia, in relation to the space of which we tend to adhere to the I. M. Busygina's⁵⁸ and other domestic scientists'⁵⁹ point of view. East Asia is a geographical, cultural and economic space in the East of the Asian continent, including China, Mongolia, Japan, the modern Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea (formerly the single state of Korea) as well as the subjects of the Russian Federation located in the east of the Siberian and in Far Eastern Federal Districts.

The chronological framework of the study includes 1935 - 1945, where the lower limit should be determined by the spring-autumn of 1935, when, firstly, the

⁵⁸ *Busygina I. M.* Politicheskaya geografiya. Formirovanie politicheskoy karty mira / I. M. Busygina. M.: Prospekt, 2011. 384 s.

⁵⁹ *Vostochnaya Aziya: mezhdru regionalizmom i globalizmom* / otv. red. chl.-kor. RAN G. I. Chufirin. M.: Nauka, 2004. 282 s.

command of the Kwantung Army in April 1935 adopted a plan for the implementation of the Japanese Foreign Policy Doctrine, and secondly, the general. On September 29, 1935, Kenji Doihara presented a report to the command of the Kwantung Army in Manchukuo on the readiness to launch the process of autonomization of the region based on the results of an propaganda trip through northern China. The upper limit is due to the defeat of Japan in World War II and the liquidation in mid-August 1945 of all buffer states in the occupied Chinese territories.

The theoretical basis of the dissertation was made up of studies that can also be divided into several groups: the works of ancient thinkers - Plato, Aristotle, Cicero; thinkers of the New Age - N. Machiavelli, J. Bodin, T. Hobbes, J. Locke, C. Montesquieu, J.-J. Rousseau, I. Kant, G. W. F. Hegel; scientists who have become classics of the genre for the domestic political scientist - K. Marx, F. Engels, M. Weber and others. Domestic scientific thought is represented by the works of M. M. Speransky, N. Ya. Danilevsky, V. O. Klyuchevsky, M. M. Kovalevsky, P. I. Novgorodtsev, B. A. Kistyakovsky, B. N. Chicherin, M. A. Bakunin, V. I. Lenin, I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev and a number of other state and political figures whose views were reflected in numerous publications of the pre-revolutionary period.

The experience of the functioning of the state, statehood and the state mechanism turned out to be especially useful and in demand, being present in the works of S. A. Avakyan, G. V. Atamanchuk, S. N. Baburin, K. S. Gadzhiev, V. E. Guliyev, R. V. Yengibaryana, I. A. Isaeva, D. A. Kerimova, Yu.K. Krasnova, B. M. Lazareva, L. V. Lazareva, L. E. Lapteva, Yu. I. Leibo, L. S. Mamuta, B. A. Strashuna, Yu. P. Titova, V. A. Tumanova, I. A. Umnova, O. I. Chistyakova, V. E. Chirkina, T. Ya. S. Alekseev, A. B. Vengerov, V. G. Grafsky, N. M. Korkunov, S. A. Kotlyarevsky, B. A. Kistyakovsky, V. V. Lazareva, A. V. Malko, M. N. Marchenko, G. N. Muromtsev, V. S. Nersesyants, L. I. Petrazhitsky, L. R. Syukiyainen, A. Kh. Saidov, L. A. Tikhomirov, B. N. Chicherin, G. F. Shershenevich and others

The category of political order, its levels and their characteristics are considered in the works of Z. Brzezinski⁶⁰, A. A. Vartanyan⁶¹, G. Kissinger⁶², P. V. Panov⁶³, F. Fukuyama⁶⁴, S. Huntington⁶⁵.

The limitrophe category was studied by A. A. Kireev⁶⁶, N. A. Komleva⁶⁷, S. B. Kohen⁶⁸, D. Newman⁶⁹, E. M. Panin⁷⁰, A. Yu. Pikulin⁷¹, I. V. Poberezhnikov⁷², D. Reilly⁷³, V. N. Ryabtsev⁷⁴, B. I. Sidorenko⁷⁵, S. V. Khatuntsev⁷⁶, V. L. Tsymbursky⁷⁷, V. V. Chirkin⁷⁸.

⁶⁰ *Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska / Z. Bzhezinskij; per. s angl. O. Ural'skoj. M.: Izd-vo AST, 2018. 384 s.*

⁶¹ Vartanyan A. A. *Mezhdunarodny`j politicheskij poryadok: Teoretiko-metodologich. aspekty` : avtoref. dis. ...kand. polit. nauk / A. A. Vartanyan; Mosk. ped. un-t. M., 1996. 22 s.*

⁶² *Kissindzher G. Mirovoj poryadok / G. Kissindzher; per. s angl. V. Zhelninova, A. Milyukova. M.: Izd-vo AST, 2019. 544 s.*

⁶³ *Panov P. V. Politicheskij poryadok: problema konceptualizacii i institucionalizacii: dis. ... d-ra polit. nauk / P. V. Panov; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. M., 2011. 308 s.*

⁶⁴ *Fukuyama F. Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy. N. Y.: Farrar, StrausandGirouz, 2014. 652 p.*

⁶⁵ *Xantington S. Politicheskij poryadok v menyayushhixsya obshhestvax / S. Xantingtonper; s angl. V. R. Rokityanskogo. M.: Progress-Tradiciya, 2004. 480 s.*

⁶⁶ *Kireev A. A. K voprosu o tipologii aziatskix granicz Rossii (I ch.) / A. A. Kireev // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2012. № 4. S. 37–46.*

⁶⁷ *Komleva N. A. Limitrof v sovremennom geopoliticheskom processe / N. A. Komleva // Prostranstvo i vremya. 2015. № 1–2. S. 32–42.*

⁶⁸ *Cohen S. B. Geopolitics of the World System. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. N. Y., 2003. 435 p.*

⁶⁹ *Boundaries, Territory and Postmodernity / ed. by David Newman, Frank Cass Publ. London , 1999. 206 p .*

⁷⁰ *Panin E. M. Islamskaya os` velikogo limitrofa / E. M. Panin // Yuzhno-rossijskij forum: e`konomika, sociologiya, politologiya, social`no-e`konomicheskaya geografiya. 2012. № 2. S. 15–30.*

⁷¹ *Pikulin A. Yu. Limitrof` kak mezhcivilizacionny`e prostranstva / A. Yu. Pikulin // Regional`ny`e issledovaniya. 2008. № 2. S. 3–7.*

⁷² *Poberezhnikov I. V. Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizaciya / I. V. Poberezhnikov // Izvestiya UrGU. Ser. 2. Gumanitar. nauki. 2011. № 4. S. 191–203.*

⁷³ *Reilly David. Shatterbelts and Conflict Behavior: The Effect of Globalization on High Risk States // Geopolitics. 2000. Vol. 5. Is. 3. P. 48–77.*

⁷⁴ *Ryabcev V. N. Geopoliticheskie i geocivilizacionny`e osobennosti Chernomorsko-Kaspijskogo regiona v svete koncepcii velikogo limitrofa (sovremenny`j kontekst voprosa) [E`lektronny`j resurs] / V. N. Ryabcev // Inzhenerny`j vestnik Dona. 2013. № 4 (27). Rezhim dostupa: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1980>.*

⁷⁵ *Vostrikov S. V. Istoricheskie osobennosti formirovaniya identichnostej v areale rossijsko-belorusskogo limitrofa / S. V. Vostrikov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2–1. S. 52–57.*

⁷⁶ *Xatuncev S. V. Limitrof` – mezhcivilizacionny`e prostranstva Starogo i Novogo sveta / S. V. Xatuncev // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 86–98.*

⁷⁷ *Cymburskij V. L. Ostrov Rossiya. Perspektiv` rossijskoj geopolitiki / V. L. Cymburskij // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1993. № 5. S. 6–53.*

⁷⁸ *Chirkin V. V. Osnovny`e napravleniya voenno-texnicheskogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Respubliki Tadzhiqistan / V. V. Chirkin // Vestnik Omskogo universiteta. 2012. № 1. S. 346–348.*

The category "satellite" was described by O. Lattimore⁷⁹ and V. Kolarts⁸⁰, the quasi-state and its embodiment - by V. F. Barkatunov⁸¹, L. A. Berdegulova⁸², A. G. Granberg⁸³, R. Jackson and K. Rosberg⁸⁴, M. V. Ilyin⁸⁵, P. Kolste⁸⁶, G. G. Kosachem⁸⁷, S. M. Markedonov⁸⁸, E. G. Ponomareva⁸⁹, A. P. Skorik and P. N. Lukichev⁹⁰, F. E. Popov⁹¹, V. I. Salnikov⁹², A. V. Khoseeva⁹³, I. A. Chikharev⁹⁴, E. V. Sharapova⁹⁵ and others.

⁷⁹ *Lattimore O.* Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism // Pacific Affairs. 1936. No. 3. P. 73–87.

⁸⁰ *Kolarz W.* The peoples of the Soviet Far East. London; N. Y., 1954. P. 128.

⁸¹ *Barkatunov V. F.* Ekonomika teokraticheskogo kvazigosudarstva IGIL, krizis mezhdunarodnogo prava i nacional'ny'e vozmozhnosti po protivodejstviyu terrorizmu / V. F. Barkatunov // Del'ta nauki. 2016. № 1. S. 106–113.

⁸² *Berdegulova L. A.* Osobennosti suvereniteta kvazigosudarstvenny'x obrazovanij // Nepriznanny'e gosudarstva: metodologicheskie, politicheskie i pravovy'e aspekty': sb. mat-lov Vseros. nauchn. konf. (Samara, 28 oktyabrya 2016 g.) / L. A. Berdegulova; otv. red. A. N. Skvoznikov. Samara: Samar. gumanit. akad., 2016. S. 13–18.

⁸³ *Granberg A. G.* Regional'naya ekonomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat' let spustya / A. G. Granberg // Region: ekonomika i sociologiya. 2004. № 1. S. 57–81.

⁸⁴ *Jackson R. H., Rosberg C. G.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // World Politics. 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24; *Jackson R. H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory // International Organization. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 519–549; *Jackson R. H.* Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world. Cambridge [England]; N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 225 p.

⁸⁵ *Il'in M. V.* Alternativny'e formy suverennoj gosudarstvennosti [Elektronny'j resurs] / M. V. Il'in // Sravnitel'naya politika. 2011. № 3. S. 11–19. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33823050> (data obrashheniya: 01.03.2020).

⁸⁶ *Kolstø P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states // Journal of peace research. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.

⁸⁷ *Kosach G. G.* Palestinskoe kvazigosudarstvo i blizhnvestochnaya politika [Elektronny'j resurs] / G. G. Kosach // Vestnik MGIMO. Politologiya. Blizhnij i Srednij Vostok. 2012. № 1. S. 136–142. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17329047> (data obrashheniya: 01.03.2020).

⁸⁸ *Markedonov S.* SNG-2: nepriznanny'e gosudarstva na postsovetskom prostranstve (k opredeleniyu prirody fenomena) // Gumanitarnaya my'sl' Yuga Rossii. 2005. № 1. S. 118–126.

⁸⁹ *Ponomareva E. G.* Aktual'ny'j diskurs o tipax i tendenciayah razvitiya nacional'nogo gosudarstva / E. G. Ponomareva // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4. S. 195–204.

⁹⁰ *Lukichev P. N.* Kvazigosudarstvennost' / P. N. Lukichev, A. P. Skorik // POLIS. 2001. № 2. S. 139–142.

⁹¹ *Popov F. A.* Ot «bezgosudarstvennoj territorii» k «gosudarstvu de-fakto» [Elektronny'j resurs] / F. A. Popov // Mezhdunarodny'e processy'. T. 9. № 2 (26). S. 16–28. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17006286> (data obrashheniya: 01.03.2020).

⁹² *Sal'nikov V. I.* Doneczkaya i Luganskaya narodny'e respubliki kak kvazigosudarstva / V. I. Sal'nikov // Vestnik VGU. 2017. № 1. S. 34.

⁹³ *Xozeeva A. V.* Nekotory'e teoreticheskie aspekty, svyazanny'e s provozglasheniem nezavisimosti gosudarstv / A. V. Xozeeva // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2012. № 2. S. 64–66.

⁹⁴ *Chixarev I. A.* Mirovaya politicheskaya dinamika: konceptual'ny'e osnovaniya i dvizhushhie sily / I. A. Chixarev // Politicheskaya nauka. 2012. № 4. C. 9–30.

⁹⁵ *Sharapova E. V.* Konservaciya nepriznanny'x kvazigosudarstvenny'x obrazovanij kak ugroza nacional'noj bezopasnosti / E. V. Sharapova // Yuzhnorossijskoe obozrenie. 2003. Vy'p. 14. S. 49–51.

The concept of empire is examined in the works of I. I. Kuznetsov⁹⁶, K. Kumar⁹⁷, D. Lal⁹⁸, D. Lieven⁹⁹, A. D. Motyl¹⁰⁰, G. Munkler¹⁰¹, M. Hardt and A. Negri¹⁰² and others.

In political theory, the global order is opposed to the regional, as well as globalization - regionalization. The use of the category "order" in this perspective reflects only a way of rationalizing the political space. Therefore, today this experience in the creation and management of buffer territories in East Asia needs to be studied and rethought.

The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time:

- it showed the importance of building a regional political order in East Asia from the perspective of its integrity on the Japanese side;
- a new periodization of the process of formation of the regional political order in East Asia in the first half of the 20th century was proposed;
- a model of competition of ideologies in the region was presented, the potential of the first quarter of the 20th century was substantiated, and inability to compete further with Buddhism as an ideological doctrine;
- introduced into scientific circulation and used media materials obtained from the archives of the United States, Singapore, Malaysia and Australia, which covered the process of formation of buffer statehood in the north, northeast and east of China; based on them, the inability of collaborationist regimes to ensure the independent existence of statehood without outside help was proved;
- the definitions of a regional political order, a state-like formation, a buffer zone and a buffer state were introduced into scientific circulation, their key

⁹⁶ *Kuznetsov I. I.* Politicheskaya pragmatika imperii. Recz. na knigu Gerfrida Myunklera «Imperii: Logika gospodstva nad mirom – ot Drevnego Rima i do SShA» / I. I. Kuznetsov // *Mezhdunarodny`e otnosheniya*. 2015. № 4. S. 454–60.

⁹⁷ *Krishan Kumar*. *Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World*. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 16–17.

⁹⁸ *Lal Dipak*. *Poxvala imperii. Globalizaciya i poryadok* / Lal Dipak. M.: Novoe izdatel`stvo, 2010. 361 s.

⁹⁹ *Liven D.* *Rossijskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashix dnei* / D. Liven. M.: Evropa, 2007. 688 s.

¹⁰⁰ *Motyl A.J.* *Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires*. N.Y.: Columbia University Press, 2001. 128 p.

¹⁰¹ *Myunkler G.* *Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA* / G. Myunkler; per. s nem. L. V. Lannika; pod red. T. A. Grablevskoj; komment. i vst. st. L. V. Lannika. M.: Kuchkovo pole, 2015. 398 s.

¹⁰² *Xardt M.* *Imperiya* / M. Xardt, A. Negri; per. s angl., pod red. G. V. Kamenskoj, M. S. Fetisova. M.: Praksis, 2004. S. 12.

characteristics were given, the process of the emergence of buffer states in Europe, Asia and South America in the 19th – first half of the 20th century was analyzed, with its extrapolation to the processes studied in the dissertation work in East Asia;

– the historical gap was filled and the existence of buffer autonomies in the north and east of China and the alternative Republic of China was substantiated;

– a detailed description of the buffer autonomies and buffer states of Northern and Eastern China, created by the Japanese side and under its control in the 1930s–1940s, was given.

The propositions for the defense:

1. The description of the regional order in East Asia, due to the specifics of the region, required the development of a conceptual apparatus formed from the categories formulated by the political science, in respect of which generalization and clarification were carried out; this made it possible to define definitions or key features of a state-like entity, a buffer zone, a buffer state, buffer statehood, and a regional order.

2. The leading concepts were the buffer state and the buffer zone as part and whole, and taking into account their emergence at the junction of empires as the antipode of the limitrophe.

3. Despite the difference in approaches in defining the political order, the commonality of most features and characteristics with the categorical framework set by A.D. Voskresensky contributed to derivation of the “regional political order” definition with a shift in the perception of this phenomenon through the prism of the region we have been studying.

4. Buddhism, socialism and nationalism (pan-Asianism) were the determining factors in the formation of the regional order in East Asia, influencing the formation of statehood with the corresponding specifics, and its transformation into geopolitical actors - buffer autonomies and buffer states.

5. In the first half of the twentieth century, the political design of the region was undergoing global transformations: the collapse of the Qing and Russian empires, the strengthening of Japan and the weakening of the Western powers

against this background (the so-called "collective West"), the creation and strengthening of the presence of Soviet Russia led to the fact that power centers that could form or determine in a way to influence the regional political order, Russia / the USSR and Japan became, which was caused by the accumulation of a sufficient amount of political power by these countries; in turn, the Chinese state, briefly united by the efforts of the Kuomintang in 1927-1928, the role of the power center would have been lost by the mid-1930s.

6. The formation of a regional political order was influenced by those political entities that were characterized by the presence of statehood. Based on this, buffer autonomies and states were the defining elements in the structure of the regional political order in East Asia, and rational approaches to their design and transition from one, in the form of autonomy, to another, in the form of an independent state, allowed Japan to achieve its goals.

7. The dynamism of the processes taking place in the region in 1935–1937 led to a change in Japan's policy on the continent and relations with China, which boosted a departure from the ideas of autonomization in favor of the idea of constructing an alternative state system capable of ensuring that the Japanese side achieved not only economic and military strategic, but also political goals, which it could not achieve through autonomies, but did so through the creation of buffer states, consolidated in the 1940s.

8. Japan's policy to form a regional political order in East Asia was aimed at the development of political institutions, which, according to the results of their functioning by the beginning of World War II, should be considered effective.

The theoretical and practical significance of the dissertation lies in the fact that the data obtained during the study allow us to take a fresh look at the events under study, if we move away from ideological views and arm ourselves with exclusively scientific tools. The results of the work contribute to the formation of a scientific understanding of the events of the 1900s–1940s. in East Asia and confirm the concept of a special or renewed regional political order, which was formed in

conditions different from Eurocentric ideas, and at the present stage of development of society has a different political and state nature.

The practical value of the study implies that the results obtained contribute to the most complete understanding of the genesis of modern political institutions both among the peoples of the Russian and Chinese border regions in the 20th and 21st centuries, and among the peoples of East Asia as a whole, which is necessary to predict the development of nationalist sentiments and developing adequate measures to counter them in order to prevent the threat of state collapse or destabilization of interethnic and interfaith relations in the region. The results obtained require active implementation in the educational process and processing of a number of positions in the course of comparative law.

Approbation of the research results

The degree of reliability, approbation of the work and the personal contribution of the external doctorate student . The reliability of the received and presented scientific results is based on a comprehensive analysis of the sources used and scientific papers on the subject of research as well as on the rational reliance on the stated methodology in achieving the goal and objectives of the presented work. The research results presented in this dissertation were obtained, among other things, during the implementation of scientific projects under the guidance of the external doctorate student : grant of the President of the Russian Federation "Quasi-states of Inner Asia: the problem of statehood in the context of the struggle of nations for self-determination", 2016-2017, No. MK-6398.2016.6, and Russian Foundation for Basic Research grant "Institutions of the Russian/Soviet strategic presence in East Asia in the 20th century", 2019-2020, No. 19-09-00502.

Key provisions and conclusions of the study were published by the external doctorate student in 17 scientific articles and 3 monographs. In joint publications, each author made his own contribution and indicated in the printed sheets, the rest of the work was done by the external doctorate student independently.

Also, **the key provisions and conclusions were tested** in the process of participation of the external doctorate student in the work of round tables, scientific

seminars and symposia, at international, all-Russian and regional conferences: International scientific and practical conferences - “Khalkhin-Gol 1939 in world history and international relations: history, historiography, concepts” (Irkutsk, May 2014); “Legal science and education in the XXI century (to the 210th anniversary of Kazan University)” (Kazan, September 2014); “Ikh Zasag-iin ekhiig eren survalzhikh n” (Ulaanbaatar, Mongolia, May 2015); Innovations in science, education and production of Kazakhstan” (Almaty, Kazakhstan, November 2015); “Innovations in science, education and production of Kazakhstan” (Almaty, Kazakhstan, November 2015 г.); “Problems of the implementation of human and civil rights in the context of modern social transformations” (April 2022); "The World of Central Asia-V" dedicated to the 100th anniversary of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (June 2022); I and II International Scientific and Practical Conferences "Power and Violence in Non-Western Societies: Problems of Theoretical Understanding and Experience of Practical Study" (Moscow, March 2015 and May 2016); VII International Scientific and Practical Conference “Diplomacy in the East. International Relations in Central and East Asia: History and Modernity” (Krasnoyarsk, June 2015); VIII International Scientific and Practical Conference "Russia and China: History and Culture" (Kazan, September 2015); VII Inter-Institute Scientific and Practical Conference "Russian Diaspora in the Countries of the East" (Moscow, May 2016); VIII International Scientific and Practical Conference “Diplomacy in the East. International relations in Central and East Asia: history and modernity” (Ulaanbaatar, Mongolia, June 2016); expert seminars of the Expert Institute for Social Research “The Future of Russia: State Policy in the Sphere of Culture (Opportunities and Limits)” (Ryazan, August 2017); "The Future of Russia: Shaping the Conditions for Ensuring Russia's Security and Development in the Far East" (Vladivostok, March 2018); International scientific seminar "Social and cultural aspect of Tibetan Buddhism in the Mongolian-speaking world of Inner Asia" (Warsaw, Poland, June 2018); III Congress of the Russian Society of Political Scientists (September 2018); International Scientific Conference

of the Department of China in the framework of the celebration of the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences "The Past and Present of Russian Sinology" (November 2018); scientific inter-institutional online conference "Southeast Asia and the South Pacific region: current development problems" (November 2020); annual All-Russian scientific conferences "Communist China. Goals and Objectives for the Centenary of the CCP" (March 2021); The Modern Chinese State (March 2022); XIV International Scientific and Practical Conference "Russia - China: History and Culture" (November 2021); International interdisciplinary scientific conference "Empires, territorial states and local communities in the ethnic and national dimension" (February 2022); IV Novosibirsk International Legal Forum "Law and Economics: National Experience and Development Strategies" (May 2022); All-Russian Forum of Legal Historians "Historical and Legal Science in the Conditions of Modern Social Transformations and New Scientific Rationality" (June 2022).

Dissertation structure. The dissertation consists of the introduction, 4 chapters, 12 paragraphs, c onclusion, list of references and 6 appendices.

CHAPTER 1. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE REGIONAL POLITICAL ORDER IN EAST ASIA

1.1. Foundations of the regional political order in the zone of the Russian- Chinese frontier in the first half of the 20th century

The region chosen for the study is unique. First, East Asia is the only region of the continent that has not found itself in direct colonial dependence on Western powers. By the beginning of the XX century Great Britain, France, Germany, the United States and other powers had several dozen concessions in China and created a number of settlements that have the property of extraterritoriality and significantly narrow the country's sovereignty in the places where such extraterritorial formations arise, but do not encroach on it as an integral substance. This meant the absence of the colonial order established for other Asian states in the region.

F. Fukuyama sees the reason for this in the fact that China has managed to create a strong bureaucratic state with an efficient state apparatus as the basis of economic success, with the necessary degree of autonomy for the technocratic bureaucracy to coordinate and manage economic development, while avoiding the forms of gross corruption and predatory behavior that have been characteristic of governments in other parts of the world¹⁰³. As for the absence of corruption, F. Fukuyama's position on this issue stems from the discrepancy between his interpretation of corrupt behavior and the interpretation of the ancient Chinese bureaucrats. However, the Chinese provinces and their associations under the control of governors-general did have considerable autonomy in many matters, primarily in international relations. Therefore, when governors or governors-general signed "unequal treaties" with representatives of European powers, the central

¹⁰³ *Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 32.*

government in Beijing had both legal and actual opportunities to limit their terms to the territory of one province, without making the state as a whole dependent. At the same time, the provinces could freely trade with representatives of other countries, extract minerals and other natural resources, etc., which significantly influenced the economic well-being of coastal territories, which were so attractive both for Europeans and later for the Japanese.

Secondly, in the region there was a cultural community of peoples living within its borders. F. Fukuyama again suggests the reason for this phenomenon, believing that the development of the state, rights and responsibility eventually becomes a universal requirement for all human societies. In his opinion, there is not just a borrowing of the cultural preferences of Western societies or any specific Western cultural group, but a situation is created in which “the modern impersonal state has no other alternative...”¹⁰⁴ The states of East Asia have always had such an alternative. It was associated with the presence of their own unique experience of state building and, as a result, the formation of an appropriate identity. First of all, because all these countries: China, Korea, Mongolia, and Japan at different times and epochs were powerful empires with a strong state apparatus, a deep tradition of statehood and a strong ideological base that allowed them to consider barbarians everyone who did not share their values, that is, in fact, the entire world remaining beyond the periphery of their influence. And even in the late 19th and early 20th centuries, borrowing European law, fashion and other cultural values, the peoples of East Asia still perceived Western society and its values as something alien and imposed. Therefore, for example, China's legal institutions, which underwent serious modernization and were built according to the European model, remained effective only on paper: law enforcers continued to rely on the tradition that had developed over the centuries and did not perceive innovation in legislation as something mandatory. It was only after the European norms were adapted that they were partially accepted both in China itself and in Japan. The Mongols, however,

¹⁰⁴ *Fukuyama F. Political Order and Political Deca... P. 37.*

remained faithful to the Buddhist tradition to the end, which was reflected in the set of laws drawn up immediately after the declaration of independence, which were based on the Khalkha Jirum and Buddhist canons. And it was precisely in opposition to Western culture that the construct of the “great Asian sphere of mutual prosperity” was created, which will be discussed below.

Thirdly, nationalism, one way or another manifested in each of the states of East Asia, was of great importance in the isolation of the region and the formation of a regional political order. As the ideological basis of national identity, it played an important role in state building in Japan (during the fall of the shogunate system during the Meiji Restoration), Korea (when repelling European and American aggression in the mid-1860s - early 1870s), and Mongolia (pan-Mongolism), and China (Sun Yat-sen, the Kuomintang policy of building a five-nation state).

According to F. Fukuyama, in state building, in contrast to the national one, “the creation of material institutions takes place: the army, police, bureaucracy, ministries, etc., which is achieved by hiring personnel, training officials, providing them with offices and budgets, as well as adoption of laws and directives. Nation-building, on the contrary, is the formation of a sense of national identity with the direct participation of the state in relation to language, religion and education. It is often formed by poets, philosophers, religious leaders, writers, musicians, and others who have nothing to do with political power. “National identity is often built on the principles of ethnicity, race, religion or language, principles” according to which some people are necessarily included in their sphere, while others are excluded from it. National identity often emerges as a result of deliberate opposition to other groups and, therefore, by deepening conflict, strengthens the social cohesion of the group. “National cohesion can be expressed in aggression directed at others. People cooperate to compete and compete to cooperate¹⁰⁵. ” Nationalism in the states of East Asia was appealed to, first of all , as a force, mobilizing the nation to achieve (Outer Mongolia) or ensuring (China until the 1930s) state sovereignty, and in a separate

¹⁰⁵ *Fukuyama F. Political Order and Political Deca... P. 185.*

case (Japan) as a tool for constructing a single historical and cultural community in Asia and creating a new space ideal for the coexistence of numerous peoples.

To define the category of "regional political order", let's turn to the works of foreign researchers of the category "political order" (S. Huntington¹⁰⁶, F. Fukuyama¹⁰⁷, Z. Brzezinski¹⁰⁸, G. Kissinger¹⁰⁹) and domestic (P. V. Panov¹¹⁰ and A. A. Vartanyan¹¹¹). But first, let's distinguish between the categories of "world order" and "international order". According to H. Kissinger, for many years the community of nations, which Harry S. Truman and all his successors supported in every possible way, "existed within the framework of the "American consensus" - states cooperated, steadily expanding the ranks of this world order, observing common rules and norms, developing liberal economy, abandoning territorial conquest in favor of respect for national sovereignties and adopting a representative democratic control system"¹¹². According to the author, the norm, as a rule, is one of the essential distinguishing features of the "orders" both horizontally, within a particular civilizational zone, and vertically - at different levels of building international relations.

The horizontal system includes "orders" such as: (1) the Westphalian, based on diversity and containment; (2) Russian, based on absolutism, monotheism and territorial expansion; (3) Chinese, "hierarchically and theoretically universal", based (and based) on the "infinity of the claims of the emperor", characterized by the absence of the concept of sovereignty and representing the cultural and political crown of civilization; (4) Islamic, ideologically supported by the concept of the sole consolidating government granted by the Almighty, and (5) actually American, with its inherent missionary purpose, a more perfect system of state power, the desire for

¹⁰⁶ *Xantington S.* Ibid.

¹⁰⁷ *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay...

¹⁰⁸ *Bzhezinskij Z.* Ibid.

¹⁰⁹ *Kissindzher G.* Ibid.

¹¹⁰ *Panov P. V.* Ibid.

¹¹¹ *Vartanyan A. A.* Ibid.

¹¹² *Kissindzher G.* Ibid. S. 5 - 6.

justice, etc.¹¹³ We see here an attempt to classify or at least geographically define regional orders with their features, primarily historical and cultural.

Norm as a defining phenomenon is present in H. Kissinger and in his characterization of the levels of the political order along the vertical - world, international and regional. Calling the order not political, but state (which, in our opinion, does not make it difficult to understand the essence of the phenomenon under study), the author defines the world order as "the state of a particular region or civilization, within which a set of fair agreements operates and there is a distribution of power that is considered applicable to the world as a whole." The international order is applicable to "a significant part of the globe", the regional order - to "a certain geographical area"¹¹⁴. Each of the levels of order is based on two components: (a) "a set of generally accepted rules that define the limits of permissible actions"; (b) "the balance of power required for deterrence in the face of breaking rules"¹¹⁵. Violation of the balance of power in this case excludes the existence of order. However, historical experience shows that even with significant disagreements in the region, building a political order is not only possible, but necessary. And even if it is short-lived, it will allow stabilizing existing social relations and constructing new ones, including in the conditions of pre-war negotiations or military operations. Note that the author describes the post-war order, while we are talking about the pre-war period, where the system of international relations developed according to somewhat different rules and directions.

Some researchers¹¹⁶ separate the concepts of "world order" and "international". Under the world political order, they understand a certain naturally developing historical and sociological hierarchical structure, reflecting the qualitative characteristics of the state of the global macrosystem of social relations. The international political order is interpreted by them as a certain regulatory structure, a system of international political relations, formalized (or not formalized) in the

¹¹³ Ibid. C. 8 – 13.

¹¹⁴ Ibid. C. 17.

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ See, for example: *Vartanyan A. A. Ibid.*

system of relevant principles and norms of international law, international treaties and agreements, as well as a system of international organizations, institutions and other institutions with economic, military - political, political, international legal and ideological subsystems and a set of institutional, legal and humanitarian norms of interaction in the international sphere, fixing a certain distribution of world resources, goods and freedoms. In this case, the concept of international order implies differentiation into international economic, political, information order, etc.

In theoretical terms, we find significant the idea of Amitav Acharya and Barry Buzan about the possibility of a theory of non-Western international relations¹¹⁷, in which scholars argue that (1) Western theory has acquired a hegemonic status in a grammatical sense; (2) non-Western theories exist but are hidden; (3) local conditions discriminate against theoretical developments in this direction and (4) the West has a greater advantage, but today we are seeing a process of narrowing this gap¹¹⁸.

For the analysis of processes in the Asian region, the ideas set forth in the work of Douglas Lemke "Regions of War and Peace"¹¹⁹, devoted to regional security regimes, are very important. In it, for our purpose of research, the conceptual materials relating to regional security complexes, state concerns, multilateralism and geostructuralism are especially significant.

The classic term "regional order", with all the variety of its definitions, is a product of the political ideology of regionalism¹²⁰. In Western political theory, regionalism is a category of political ideology that focuses on the interests of a particular region or group of regions, with the resulting system of rules and regulations - order. In political theory, there is a division into old and new regionalism.

Old regionalism is conceptualized in the late 1940s and is associated with post-war regional integration. According to the definition of the German reference book

¹¹⁷ Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia / ed. by A. _ Acharya, B. Buzan. N.Y.: Routledge, 2010. 242 p.

¹¹⁸ Ibid. P. 221.

¹¹⁹ Lemke D. Regions of War and Peace. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 235 p.

¹²⁰ Regional powers and Regional orders / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. London: Routledge, 2011. 272 p.

"Politlexicon", regionalism is understood as: "In international relations - political actions to unite several states of one region (for example, to develop economic relations)"¹²¹. But in this case, firstly, the projects of regional integration in Asia in the 1930s fall out of sight. Secondly, within the framework of the constructivist critique of the concept of regional order, ideas and ideologies, such as pan-Asianism, become of great importance¹²². In order to "fit" the East Asian region into the theory of regionalism, we need to rely on the works of the supporters of the "new regionalism". So, in the work of S. V. Sevastyanov, devoted to East Asian regionalism¹²³, the current political situation in East Asia, the development of integration projects, ideologies and the balance of power are studied. Since his works are devoted to the new regionalism, they are primarily of theoretical and methodological significance for us.

Based on the concept of "new regionalism", we will try to explain the structure of the regional order in the most politically significant part of Asia in the first half of the 20th century. In addition, relying on new regionalism gives us reason to challenge the chronological framework of the old regionalism, pushing back the moment of its emergence at least 20 years ago: from the late 1940s - early 1950s to the late 1920s - early 1930s

Having studied the views of these authors on the subject of the study, we will indicate those signs of a regional political order that will help us formulate the concept of a regional political order in East Asia.

The first among these is a political organization, or, as S. Huntington wrote, a political community that needs the functioning of political institutions¹²⁴. F. Fukuyama is talking about three main categories of institutions that are components of the political order: the state, the rule of law and accountability mechanisms. He

¹²¹ Politleksikon: ponyatiya, fakty, vzaimosvyazi. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. S. 501.

¹²² *Malova K. V.* Konceptii panaziatizma v Yaponii (30-e gg. XX veka) / K. V. Malova // *Izvestiya Vostochnogo instituta*. DVGU. 1996. № 3. S. 109–120.

¹²³ *Sevast'yanov S. V.* «Novy`j regionalizm» Vostochnoj Azii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty` / S. V. Sevast'yanov // *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. № 4. S. 111–122.

¹²⁴ *Xantington S.* Ibid. S. 28.

understood the state as a system of political institutions involved in the organization of public life and having a monopoly on the use of force in a certain territory¹²⁵.

However, looking ahead, we will make a reservation that not all buffers constructed in the space we have chosen at the designated time had the status of states. At the same time, they have always been unified political structures, although they are not subjects of international law, but they are organized and are tools for the subjects to achieve their goals, therefore they require both study and description. In relation to them, one can use the term “state-like formation”, which has not been established in science. Its key features are: (1) temporary status as one of the subjects of international law as a measure of temporary settlement of a dispute or conflict in a designated territory; (2) possession of some features of the state¹²⁶; (3) the presence of international recognition¹²⁷ by at least one state - a full-fledged subject of international law (and with the proviso that we are not talking about recognition as a state¹²⁸); (4) independence has clearly defined limits¹²⁹ (in economic, administrative and cultural international legal relations)¹³⁰ and (5) is not identical with sovereignty, and (6) legal personality is secondary/derivative in relation to the state/states¹³¹. It should also be noted here that a state-like entity should not be confused with mandated territories, protectorates and other subjects of international relations that have a different international legal status.

¹²⁵ Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 25.

¹²⁶ Blagov Yu. V. Mestnoe samoupravlenie v RF v usloviyax municipal'no-pravovoj reformy': monogr. / Yu. V. Blagov; Omsk. gos. un-t im. F. M. Dostoevskogo. Omsk: Prospekt, 2017. S. 14.

¹²⁷ Ignatenko G. V. Mezhdunarodnoe pravo i obshhestvenny`j progress: monogr. / G. V. Ignatenko. Ural'skij gos. jur. un-t. Ekaterinburg: Sokrat, 2011. S. 14.

¹²⁸ For example, L. Oppenheim, speaking about recognition as a condition for membership in the "family of nations", in addition to recognizing the state, wrote about the recognition of old and new heads of state and governments, (about recognition) insurgent side, (on recognition) new territorial and international situations, highlighting hasty, implied, conditional recognition and *de facto recognition* and their consequences, its retroactive effect and the obligation of non-recognition, etc. See: *Oppengejm L. Mezhdunarodnoe pravo. T. I: Mir, polutom 1 / L. Oppengejm; per. s 6-go angl. izd., dop. G. Lauterpaxtom; pod red. i s predisl. prof. S. B. Kry`lova. M.: Gosudarstvennoe izd-vo inostranoj literatury`, 1948. S. 135–157.*

¹²⁹ Znamenshhikov R. V. Principy` federalizma v Rossii i Germanii: Sravnitel`noe konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jur. nauk / R. V. Znamenshhikov. Tyumen`, 2003. S. 23.

¹³⁰ Lukovkin E. Gosudarstvenny`e obrazovaniya: sravnitel`no-pravovoj analiz / E. Lukovkin // Obshhie i kompleksny`e problemy` estestvenny`x i tochny`x nauk. 2014. № 4–1. S. 40.

¹³¹ Aliev N. Nagorno-Karabaxskij konflikt: Pravovy`e aspekty` uregulirovaniya: monogr. [E`lektronny`j resurs] / N. Aliev. Tbilisi: Universal, 2009. S. 24; Margiev V. I. Ponyatie mezhdunarodnoj pravosub`ektivnosti / V. I. Margiev // Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. № 1. S. 134–137.

In line with our research, it is advisable to rely on the category of "polity", by which P.V. Panov understands a political unit where the institutionalization of the political order takes place¹³², or, in other words, representing organized political communities. For us, not any organized political community and not any polity is of interest, but only representing a buffer and possessing the properties of statehood.

Contrary to the widespread point of view about the diminishing role of the state as a political institution, we adhere to the position that it was the state (or a state-like entity capable of playing the role and performing the functions of the state without sufficient status for this) in the period we are studying remained the main subject of international relations, which cannot be replaced. Civil, social and international institutions were capable.

Secondly, the category of political power that is capable of ensuring governance and order in East Asia in its zone of influence requires research attention. S. Huntington called this the assertion of a legitimate political system, citing as an example the statement of James Madison in *The Federalist*, who warned of the considerable difficulty in creating a system of control of some people by others. This is due to the fact that you must first "ensure the power of the rulers over the ruled, and secondly oblige them to subordinate themselves to this power." "The main problem, Huntington emphasizes, is not the provision of freedom, but the establishment of a legitimate political order. Order can, of course, exist without freedom, but freedom is impossible without order¹³³. This thesis is important, firstly, for determining the degree of controllability of those territories on which power centers in the first half of the 20th century. Spread their influence. Secondly, to explain the reasons why China, which has been one of the main actors in the region for several centuries, in our study acts not as a subject, but as an object of establishing a regional political order.

And, continuing the justification of power as one of the key categories of the regional public order, let us turn to the need to establish and have power centers.

¹³² *Panov P. V. Ibid. S. 103.*

¹³³ *Xantington S. Ibid. S. 27.*

According to P. V. Popov, "the political order involves the institutionalization of the power center, capable of generating common cultural meanings and patterns of behavior"¹³⁴. Z. Brzezinski has a similar construction of the dominant: geostrategic, or acting, persons - "states that have the ability and national will to exercise power or influence beyond their own borders in order to change - to the extent that this is reflected in their interests - current geopolitical position"¹³⁵. Based on this, in order to determine the regional political order, we need to identify power centers that play the role of subjects and have a decisive influence in the region we have chosen for study. Based on the approach of Z. Brzezinski, we can say that power centers are subjects that carry out geostrategic policy - strategic management of geopolitical interests¹³⁶. At the same time, he notes that not all important and powerful countries automatically become geostrategic actors¹³⁷, representing geopolitical centers, which, as well as resources, will be discussed below. According to P. V. Panov, the configuration of centers and the disposition of hierarchies is provided and legitimized by the corresponding collective ideas about social reality. It seems important to study the vision of social reality by power centers, which will allow us to get an idea of the goals, motives and other motivating factors of the policy of a particular power center within the boundaries of our region.

S. Huntington considered effective political institutions to be institutions capable of maintaining order and governing¹³⁸. An example is the historical illustration used by Z. Brzezinski, when by 1914 "several thousand British military and civil servants controlled about 11 million square miles and almost 400 million non-British people"¹³⁹. About the category of effectiveness of political institutions to characterize the regional political order, we will say below.

In defining institutions, we will proceed from the interpretation borrowed by F. Fukuyama from S. Huntington, according to which institutions - these are "stable,

¹³⁴ *Panov P. V.* Ibid. S. 114.

¹³⁵ *Bzhezinskij Z.* Ibid. S. 74.

¹³⁶ *Bzhezinskij Z.* Ibid. S. 13.

¹³⁷ Ibid. C. 76.

¹³⁸ *Xantington S.* Ibid. S. 28.

¹³⁹ *Bzhezinskij Z.* Ibid. S. 42.

valuable, periodically recurring patterns of behavior" that remain beyond the authority of individual leaders and are permanent rules that shape, limit and direct human behavior¹⁴⁰. Due to the fact that the institutionalization of the political order is the result of social interactions and includes a set of interrelated processes (which gives rise to the need for the existence of appropriate rules and norms)¹⁴¹, it seems necessary to study the social regulators used by power centers as tools to achieve their goals.

F. Fukuyama puts the rule of law in the first place among regulators. Recognizing its versatility, the scientist is talking about a set of rules of conduct aimed at building consensus in society, following them is mandatory for all members of society, including influential political figures. F. Fukuyama distinguishes between law and law. The law may be unlawful, as, for example, the acts of the ruler, which he himself does not follow. At the same time, he adds that the effectiveness of laws is ensured by the independence of the judiciary from the executive branch¹⁴².

G. Kissinger does not deny the important role of norms in the interaction between states in "expanding the norms of this world order", emphasizing in his work the importance of observing general rules and norms¹⁴³. He goes on to flesh out this message in the "Legitimacy and Power" section of Chapter 1 by arguing that "the world order implies the state of a particular region or civilization within which a set of just agreements operates"¹⁴⁴, which leads us to think: what is international law, how not a set of fair agreements between states? And, finally, completing his thought on norms and rules, he says that regardless of what level of order we are talking about, global or international, each of them is based on two components: the balance of power and "a set of generally accepted rules that determine the limits permissible actions"¹⁴⁵. The role of the state in this process is unconditional, since law, whether national or international, is nothing more than sanctioned rules that

¹⁴⁰ *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay... P. 10.

¹⁴¹ *Panov P. V.* Ibid. S. 267.

¹⁴² *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay... P. 25.

¹⁴³ *Kissindzher G.* Ibid. S. 5–6.

¹⁴⁴ Ibid. C. 17.

¹⁴⁵ Ibid.

resolve or prevent conflicts between various subjects, and they are sanctioned precisely by the state. S. Huntington also wrote about this role of the state when he defined political organization as “a means for establishing order, resolving disputes, nominating authoritative leaders and thereby establishing a commonality between certain social forces”¹⁴⁶. P.V. Panov adheres to similar positions when he talks about the fact that the political order also implies the resolution of conflicts inherent in politics and power centers¹⁴⁷. By regulators, we will understand any law as an act of higher legal force, emanating from an authorized state body without going deep into the sphere of ensuring public interests, rights and freedoms, etc.

According to some European scholars, the regional order is "a set of formal or informal agreements that support regulated interactions between different parts of the regional system in their pursuit of individual and collective goals"¹⁴⁸. The Russian researcher A.D. Bogaturov believes that the order is determined not only by the ratio of the potentials of the participating countries, but also by “the presence of a fund of common ethical and moral values and sustainable models of mutual behavior based on them”¹⁴⁹. He cites the position of R. Cooper, who offered his own interpretations of order in international relations. First, it is the predominant type of foreign policy behavior of states; secondly, a certain degree of stability and integrity of the system; thirdly, order can be understood as the rules that govern the system and keep it in a state of stability¹⁵⁰. A. D. Voskresensky, professor of the Department of Oriental Studies at the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs, argues in a similar way. In his opinion, regional order is a way of organizing the internal structure of a regional subsystem or regional complex¹⁵¹. As a result of the generalization of the studied positions, we accumulate

¹⁴⁶ *Xantington S.* Ibid. S. 28.

¹⁴⁷ *Panov P. V.* Ibid. S. 269.

¹⁴⁸ *Methodology and Concept Papers. Re-conceptualizing Orders in the MENA Region* / ed. by E. Soler i Lecha (coordinator), S. Colombo, L. Kamel, J. Quero [Electronic resource] // *The Analytical Framework of the MENARA Project*. 2016 No. 1. 114p. Access mode: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf.

¹⁴⁹ *Bogaturov A. D.* *Mezhdunarodny`j poryadok v nastupivshem veke* / A. D. Bogaturov // *Mezhdunarodny`e processy`*. 2004. № 3. S. 6–23.

¹⁵⁰ Cit. from: *Bogaturov A. D.* Ibid.

¹⁵¹ *Voskresenskij A. D.* *Koncepcii regionalizacii, regional`ny`x podsystem, regional`ny`x kompleksov i regional`ny`x transformacij v sovremenny`x mezhdunarodny`x otnosheniyax* / A. D. Voskresenskij // *Sravnitel`naya politika*. 2012. № 2 (8). S. 53.

a sufficient set of features that allow us to derive a universal category of the effectiveness of political institutions, by which we mean the difference between the declared goals and the results achieved, provided by the relevant regulators, while the smaller the difference, the greater the efficiency.

The fourth component is ideology, through which the mission of a particular power center is outlined to construct an appropriate political order in its zone of influence. In this regard, Z. Brzezinski, reflecting on the American-Soviet struggle for world domination, wrote: "Each of the opponents spread its ideological appeal throughout the world, imbued with historical optimism, which justified in the eyes of each of them the necessary steps and strengthened their conviction in the inevitable victory»¹⁵². In the historical context of East Asia we are considering in the 1930s two competing models of regional order are fixed: pan-Asian and socialist. It is necessary to make a reservation that the regional order in East Asia has a long historical tradition, very rich in the first quarter of the 20th century: the defeat of the Yihetuans and the signing of the Boxer (Final) Protocol, a number of secret agreements between Russia and Japan following the Russo-Japanese War, seemed to cement it. However, the crisis and disintegration of the Qing Empire in 1911-1912, in which the Russian Empire indirectly participated by signing agreements with Mongolia and China regulating the international legal status of Khalkha-Mongolia (withdrawing it not only from the sphere of Chinese influence, but also from the Chinese state), as well as the well-known events in our country after March 1917, led to the transformation of the constructed regional order. Since the 1920s a new regional order is emerging in the region with new strong actors and ideological attitudes.

In the second quarter of the twentieth century the interests of the USSR and the Empire of Japan clashed on this territory. Each of the powers saw the future regional structure in its own way. The USSR - through the prism of communist globalism, Japan - pan-Asian regionalism. Both ideologies proceeded from different levels of

¹⁵² *Bzhezinskij Z.* Ibid. S. 20.

integration, in particular, the socialist model was closer in its ambitions to the modern concept of global order. The struggle for the region was reflected in political doctrines. We are talking about the work of Okakura Kakuzo "On the Awakening of Japan" (1904) and the dissonant work of V. I. Lenin "On the Awakening of Asia" (1913). If, according to V. I. Lenin, "The bourgeoisie of Europe, frightened by the strength of the working-class movement, threw itself into the arms of reaction, militarism, priesthood and obscurantism. But this bourgeoisie, rotting alive, is being replaced by the proletariat of European countries and the young, full of faith in their own strength and trust in the masses, the democracy of Asian countries"¹⁵³, Okakura Kakuzo argues: "Asia is one. The Himalayas divide it only to emphasize two mighty civilizations, the Chinese with their communism according to Confucius and the Indian with its individualism in the Vedas. Snow barriers cannot interrupt for a moment the wide space of love for the Ultimate and the Universal, which is the common intellectual heritage of each of their Asian races, allowing them to create all the great religions of the world and distinguishing them from the maritime peoples of the Mediterranean and Baltic, who like to dwell on the particular and seek means, not the meaning of life"¹⁵⁴. The legitimization of real politics was carried out through ideology, which was especially important when the actions of the representatives of the parties collided with the moral attitudes that existed up to that moment in Mongolian, Chinese and any other society.

So, according to P. V. Panov, the political order, which is reproduced in a variety of institutional political practices and thus links not only social orders that are institutionalized in individual social groups at the micro level, but also multiple institutional political practices are a set of interrelated processes variety of institutional policy practices. The fundamental feature of the political order is that it is based on a combination of internal and external guarantees of legitimacy¹⁵⁵.

¹⁵³ *Lenin V. I. Probuzhdenie Azii / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T. 23. M.: Izd-vo politicheskoy literatury*, 1973. 595 s.

¹⁵⁴ Okakura Tenshin and the ideal of Pan-Asianism. *Shadow of the Past / ed. by Brij Tankha. London: Global Oriental, 2008. 236 p.*

¹⁵⁵ *Panov P. V. Ibid. S. 264, 281.*

S. Huntington was convinced that “communist regimes are no more effective than free countries in the fight against hunger, the development of health care, the growth of national production, the creation of new industries and the improvement of well-being. But they provide effective public administration. Their ideology serves as the basis of legitimacy, and their party organization provides the institutional mechanisms for mobilizing support and implementing political strategies. The real communist challenge of modernizing countries is not that the communists are so good at overthrowing governments (it's easy), but that they are so good at organizing; they create governments capable of governing.” And in this case, one can even omit the question of the effectiveness of achieving certain social benefits¹⁵⁶. This statement is also true in relation to our region, which during the period under study was not distinguished by its effectiveness in the field of social policy (and often, on the contrary, proved its failure: mass famine in Outer and Inner Mongolia, legalization of drug trafficking in Manchuria, repressions against the clergy and other strata of society in Khalkha and Tuva, or mass extermination of civilians in East China), but was certainly effective in terms of political management, as evidenced by economic indicators for the region.

The third component of the political order F. Fukuyama considered accountability, by which he understood the ability of the government to respond to the interests of the whole society, obviously referring to Aristotle and his "common good"¹⁵⁷, but in a broader sense. Warning the reader against the temptation to reduce accountability to the procedures of a modern democracy, he reminds us that good procedures do not always produce good results. And, of course, accountability in its modern liberal understanding as the right and opportunity of any citizen as part of the people acting as a source of power to apply to any state authority that is obliged to give adequate "feedback", then to speak of accountability neither in the zone of the Russian / Soviet, not in the zone of Japanese influence.

¹⁵⁶ *Xantington S.* Ibid. S. 28.

¹⁵⁷ *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay... P. 26.

However, if we consider this issue from the point of view of the final result - the creation of a strong state, then it unconditionally stands guard over the interests of its citizens, not even its citizens, as, for example, in 1915-1916 provided for by three treaties between the Russian Empire and the Chinese side on the status of Hulunbuir (Barga); or in the Chinese provinces, which later became buffer states, when Japan demanded and sought from both the Chinese side and the Western powers to protect the interests of their subjects on the continent.

Within the framework of the issues under discussion, it is necessary to consider in detail the resources for which the power centers in East Asia were fighting. Thus, according to P.V. Panov, the politicization of individual social groups is due to uneven access to resources, the struggle for them was the main goal of the activity, and, if necessary, the interaction of the power centers of the region¹⁵⁸. Let us make a reservation right away that the peculiarity of the East Asian region and, accordingly, the regional political order was the participation in the struggle for resources, in most cases, not only by power centers, but also by a third party. For example, the division of spheres of influence in Northeast China between Japan and Russia did not yet mean that China accepted these conditions and undertook to ensure them: to allow the parties to lay railway lines at their discretion, to grant independence to Mongolia, Barga and Tuva, to expand the space of foreign concessions and allocate plots for the opening of new ones, etc.

In our work, we will use the category “geopolitical center”, which is understood as “states (here we also include buffer polities. - *P.D.*), whose importance does not stem from their strength and motivation, but rather from their important location and implications of their potential vulnerability to action by geostrategic actors”¹⁵⁹.

And, finally, due to the fact that: (a) the political order is not a "state" but a "process" that never "completes"¹⁶⁰; (b) "the list of geostrategic actors and geopolitical centers is neither permanent nor immutable"¹⁶¹; (c) when political

¹⁵⁸ Panov P. V. Ibid. S. 269–270.

¹⁵⁹ Bzhezinskij Z. Ibid. S. 75.

¹⁶⁰ Panov P. V. S. 84.

¹⁶¹ Bzhezinskij Z. Ibid. S. 88.

leaders change and laws change, it is the institutional rules by which societies are organized that determine the political order¹⁶², our study characterizes the regional political order in dynamics: every 5–8 years, the region experienced significant shifts in the configuration of forces as power centers or geostrategic actors and geopolitical centers, which was reflected in the regional political order and in all participants in this process.

The tasks of the power center, or geostrategic actor, in the formation of the regional political order are: (1) the reconquest of the geographical (territorial) space to ensure control and exercise of political power; (2) strengthening its strategic presence in the occupied territory by building institutions; (3) ensuring the unity of both the implemented policy and the norms in relation to the entities present on the territory; (4) exclusion of counterparties - power centers from entering the given space or minimization and control of their presence. Taken together, these tasks are designed to provide the necessary tools for creating a regional political order. In accordance with our hypothesis, they can be state buffer territories.

Next, we need to define the circle of political actors who could, but in practice are not able to take part in the formation of a regional political order, despite having such a property as statehood. The first among them is the limitroph.

In the article "Limitroph in the modern geopolitical process", Professor of the Department of Theory and History of Political Science of the Ural Federal University named after M.V. B. N. Yeltsina N. A. Komleva considers the problems of the essence, structure and functions of limitrophs in the framework of the modern geopolitical process. The author writes about the original Roman origin of the term and its use to designate the places of deployment of the border troops. However, at the beginning of the XX century it began to be applied situationally and narrowly specifically to designate some border states - neighbors of Soviet Russia (mainly the Baltic states and Finland)¹⁶³. According to N. A. Komleva, "the limitrophe in Postmodern society is not just a set of border states that are geographically adjacent

¹⁶² Fukuyama F. Political Order and Political Decay... P. 25.

¹⁶³ Komleva N. A. Ibid.

to a certain power and dependent on it, but a set of states and non-state actors whose geopolitical spaces are firmly controlled by a powerful actor, acting in this case as geopolitical tutor. (A tutor - English *tutor* - one who teaches, and also manages classes, teaches.) A tutor can be both a state and a powerful actor of a non-state nature (global corporation). One of the main patterns of geopolitical expansion is the formation of an extremely voluminous limitrophe in order to obtain the greatest quantity and quality of development resources, as well as to provide an optimal level of protection against vulnerabilities of both real and potential geopolitical confrontation¹⁶⁴. Here the expansionist character of the limitroph is evident, which gives it more concrete and tangible features.

E. M. Panin believes that the term "limitroph" has acquired a modern meaning as a unifying concept, firstly, for the totality of states formed after the collapse of the Russian Empire in 1917 in relation to the new Baltic states, as well as to Poland and Finland; secondly, for Lithuania and Latvia after the defeat of Poland and their occupation by German troops, which was revealed in the "Directive on the unified preparation of the armed forces for war for 1939–1940" approved on April 11, 1939 by A. Hitler; and, thirdly, for the states formed after the collapse of the USSR in 1991¹⁶⁵.

The geopolitical aspect of the problem in the context of the place and role of Russia in the system of the Eurasian world order is revealed by V. L. Tsymbursky, proceeding from the concept of the "great limitrophe" and putting a protective meaning into it. The author is talking about "an arc of territories that separates the platform, the basic core of Russian civilization from the platforms of other civilizational worlds"¹⁶⁶. Thus, the geographical factor and the factor of civilizational differences come to the fore.

The political scientist S. V. Khatuntsev takes a different position, defining the limitroph as a place of clash of civilizations, areas of contact - "crowding nodes",

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Panin E. M. Ibid.

¹⁶⁶ Cymburskij V. L. Ibid.

operated with the definition of “limb region” as a space smaller than the limitroph, insignificant, secondary “contact” or “borderline”¹⁶⁷ than limitrophe (in contrast to it, it receives “signals” without preventing their penetration into its territory.) A. Yu. as a defining dividing aspect, it characterizes the territory both as a barrier and as a “sufficiently permeable structure”¹⁶⁸.

A number of authors speak about the category of “limitrophe” from a civilizational point of view. So, I. V. Poberezhnikov writes about limitrophs “as about territories separating from each other large, historically established historical and cultural regions and ethnogeographic arrays - civilizations”¹⁶⁹. Developing this position, A. A. Kireev writes: “The concept of “limitroph” rather refers not to borders in the proper sense of the word, but to phenomena of a higher geographical rank - spaces, or rather, to intermediate social spaces that separate larger and more densely structured»¹⁷⁰. V. N. Ryabtsev, in epic images of “collisions of lithospheric plates”, “earthquakes and volcanic eruptions”, describes the limitrophe as a weakened and unstable intermediate geopolitical space between large states, the possession of which can be disputed¹⁷¹. S. V. Vostrikov argues in favor of a frontier zone rather than a limitroph, speaking of a complex set of historical, political and ethno-cultural factors that determine the border character of both the territory and its inhabitants: “... a closely related complementary population without special linguistic and cultural differences... which have not been able to completely separate and remain closer to each other than to the inhabitants of the central regions of their states. Further, the author refers to the opinion of the Belarusian scientist B. I. Sidorenko, who in the description of the Russian-Belarusian border does not speak of a line dividing the two states, but of a line that is an extended buffer zone, which confuses the reader¹⁷².

¹⁶⁷ *Xatuncev S. V. Ibid.*

¹⁶⁸ *Pikulin A. Yu. Ibid.*

¹⁶⁹ *Poberezhnikov I. V. Ibid.*

¹⁷⁰ *Kireev A. A. Ibid.*

¹⁷¹ *Ryabcev V. N. Geopoliticheskie i geocivilizacionny'e osobennosti ...*

¹⁷² *Vostrikov S. V. Ibid.*

Among the works of foreign authors, the works of David Newman are of interest, who emphasizes that the concept of the limitrophe is still based on the traditional geopolitics of power and zone of influence and depends on geopolitical players and the realities of the geopolitical convergence of space-time¹⁷³. David Reilly and S. B. Cohen describe the term *shatterbelt*, which is similar to the *limitroph*. This concept denotes a geographical space (zone), because of which a confrontation is unfolding between the leading powers, striving to expand their powers¹⁷⁴. The zone is characterized by an unstable geopolitical orientation, weakly consolidated political forces, and a weak social and economic base¹⁷⁵.

The most successful is the definition of Colonel-General, Commander-in-Chief of the Ground Forces of the Russian Federation Vladimir Valentinovich Chirkin, according to which a limitroph is a set of states where a certain power dominates and realizes its own interests by expanding its geopolitical space, access to new resources of its own development and additional guarantees of its security. The satellite countries that make up the limitrophe reduce the amount of resources potentially or actually expended by the power in the fight against geopolitical opponents¹⁷⁶.

Summing up the intermediate result, we note the sharply antagonistic nature of the "limitroph" category, due to its role not just as a border, but as a blocking force at the junction of civilizational zones. In contrast to the limitrophe, the frontier is a "melting pot" in which not only the peoples living in the represented zone merge, but also their language, culture, faith, etc. The task of the frontier, in contrast to the limitroph, is not to hinder, but soften the interaction.

At the same time, neither the limitrophe nor the frontier is characterized by political isolation, centralization and unity. As a rule, a limitroph is several states or regions that may have their own historical past and associated value and ideological attitudes, a different ethno-confessional composition of the population, and a

¹⁷³ Boundaries, Territory and Postmodernity...

¹⁷⁴ Reilly David. Shatterbelts and Conflict Behavior...

¹⁷⁵ Cohen S. B. Geopolitics of the World System...

¹⁷⁶ Chirkin V. V. Ibid. C. 346.

different vision of their fate among political leaders. These factors do not contribute to the controllability of the limitrophe and therefore do not represent a reliable tool for the power center to ensure a sustainable presence in the territory. Therefore, in our opinion, buffer zones cope more successfully with this task, based on the historical experience of the region we are studying.

Owen Lattimore, an outstanding American Sinologist and Mongolian scholar, the founder of the concept of satelliteism, in his studies of Soviet-Mongolian relations widely used the concept of "satellite" in relation to Outer Mongolia to characterize the Mongolian statehood of the studied and subsequent historical period¹⁷⁷. The researcher identified Mongolia with a satellite, which, when designing its own economic and social policy, was forced to rely on the economic resources of the dominant country (in this case, the Soviet Union) and on its ideology¹⁷⁸. "... Outer Mongolia has never been and never will be a partner of paramount importance," wrote Lattimore, in military strategy or as an experimental model of revolutionary methods for the USSR. In Russia's brief but devastating participation in the war against Japan, Outer Mongolia was used for flank maneuvers, but the main thrust from Siberia was focused directly on Manchuria. There is no indication that the Russians set up a supply line specifically through Mongolia to help the Chinese Communists; and, of course, it can be said quite definitely, the Chinese communists never created their cells structurally or procedurally similar to those in Outer Mongolia. Even in Inner Mongolia, the current governance and organization structure of the Communist Party is entirely provided by the Chinese Communists and not by Mongols from Outer Mongolia¹⁷⁹. The author pointed out the error of many Western scientists who neglected to study the specifics of these relations, and as an example of the fallacy of such a judgment, he referred to the famous British Sovietologist Walter Kolarz. This scientist was of the opinion that all the Soviet republics, although they were not subject to conquest or capture from the point of

¹⁷⁷ Lattimore O. Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism...

¹⁷⁸ Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia. NY: Oxford University Press, 1955. P. 3.

¹⁷⁹ Ibid.

view of international law, were nevertheless controlled by Moscow and at the same time did not represent any special (unique, exclusive) state formations, although they played an important role in Soviet politics¹⁸⁰.

Lattimore wrote about the propensity of satellites to rapid political changes in response to similar changes in the dominant country, which distinguishes this type of state from countries that are in colonial dependence, or from puppet states, to which he attributed Manchukuo. Among other things, the difference lay in the way the dominant viewed the satellite: if British policy in Tibet was aimed at expanding the zone of influence, then Russian policy was always aimed at creating a buffer zone from Outer Mongolia in order to counter possible Japanese or Chinese expansion. Neither trade nor any other interests in this case were decisive or decisive, they were only concomitant. As a result, a so-called inert, or static, buffer with a dual control system is built, where church institutions shared power with hereditary princes¹⁸¹. Another factor in the formation of the Soviet-style satellite model, the scientist called nationalism, which in the case of both Mongolian states acquired the character of pan-Mongolism.

Despite the fact that since the early 1920s public and state structures of Khalkha-Mongolia and Inner Mongolia are becoming more and more different, and by the beginning of the 1930s their social and state structures differed significantly, however, their political destinies turned out to be largely similar, only the “cartridges” and their methods were different, and the goal of both was to use the Mongolian land as a buffer, others as a foothold. Thus, the category of a satellite is very close to the category of a buffer state. However, the satellite does not have sufficient stability, is subject to external unilateral influence, and therefore is too weak to solve the tasks facing the power centers in the formation of a regional political order.

Finally, the third term is the quasi-state. This term was introduced into scientific circulation by the scientists of Boston University R. Jackson and C. Rosberg in 1982

¹⁸⁰ Kolarz W. The peoples of the Soviet Far East... P. 128.

¹⁸¹ Lattimore O. Nationalism and Revolution in Mongolia... P. 82.

based on the study of the processes of decolonization in Africa¹⁸² and for several years was firmly rooted in the scientific mind. Thus, the authors point out that since 1945 the world has formally moved into the only legally recognized category of international interaction and has recognized exclusively sovereign states as full-fledged participants in international relations.

The main idea of the quasi-state concept fits briefly into their understanding of polities that have international rights and have the same external prerogatives as all other sovereign states (the so-called negative sovereignty), but most of them lack the real features of statehood in providing citizens with public goods and guarantees (the so-called positive sovereignty). For example, the former colonies, which gained independence rather out of necessity, and not because of the presence of appropriate prerequisites for the formation of their statehood and state institutions, after acquiring state sovereignty, they could not create full-fledged these institutions.

At the same time, despite their military and economic weakness, they became equal with other powers and received from them political and other support to ensure survival. From now on, weakness has ceased to be a threat to sovereignty, now it is a reason for international assistance, and international incompetence/non-subjectivity and inequality are transformed into positive international rights. Scientists point out that the system of mandates, which was replaced by the system of protectorates, actually continued to exist in relation to these actors with the only caveat that the personal “responsibility” of any power for a specific territory is now an international “burden”¹⁸³, and R. Jackson sarcastically notes that, perhaps for the first time in modern international history, the situation favors weak players¹⁸⁴.

Thus, the rights and obligations of states that have legal statehood, or status recognized by other sovereign states - full-fledged participants in international relations, and the ensuing right to enter into relations with these states, according to R. Jackson, are no different from the rights and obligations of quasi-states. However,

¹⁸² Jackson R. H., Rosberg CG *Why Africa's Weak States Persist ...*; Bull H., Watson A. *The Expansion of International Society*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 430 p.

¹⁸³ Jackson R. H., Rosberg C. G. *Why Africa's Weak States Persist...* P. 1–24.

¹⁸⁴ Jackson R. H. *Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory ...*

despite the formal status and recognition of the right of a quasi-state to a full-fledged existence, without the participation of the international community, it is impossible to fully realize this right either in foreign or domestic policy. The paradox lies in the fact that the internal instability of such political constructions is often stronger than the external one in the international arena, therefore, R. Jackson is talking about a kind of compensation for such shortcomings on the part of the same international community¹⁸⁵: maintaining order within the country at the expense of the UN military contingents or neighboring countries, the distribution of humanitarian aid and water with the participation of international forces, vaccination campaigns and other measures of medical assistance, the provision of other social obligations in relation to the citizens of this quasi-state, etc. Therefore, here we are also talking about “negative”, or “negative”, and not “positive”, or “positive”, sovereignty¹⁸⁶, which retains a formal status, but does not allow the implementation of the social obligations of the state.

It should be noted that in the domestic scientific community, the characterization of the quasi-state as a special form of polity is fundamentally different from the characterization of Western scientists. The first group of domestic scientists consider the immaturity of state institutions to be the defining characteristics of a quasi-state, and in this they are supporters of R. Jackson's theory. M. V. Ilyin, for example, in line with the Jacksonian theory, talks about the simulation of the mandatory characteristics and functions of the state (building the necessary institutions) and calls to distinguish it from imitation - the reproduction of the necessary actions (or algorithms)¹⁸⁷.

According to P.N. Lukichev and A.P. Skorik, the quasi-state is one of the stages of movement towards such a multidimensional, complex formation as the state, through which pass primarily the steppe and mountain peoples, as well as some other peoples. As a "living" example of quasi-statehood, the authors refer to most of the

¹⁸⁵ Jackson R. H. Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world...

¹⁸⁶ Kolstø P. The sustainability and future of unrecognized quasi-states ...

¹⁸⁷ *Il'in M. V.* Ibid. S. 11–19.

political regimes of the national-state formations of the former USSR. Revealing its non-statehood, as if statehood, they write about a special type of power relations, “which arises in the absence, insufficiency of historical experience of the bureaucratic functioning of state bodies, with the patriarchal nature of social organization, the amorphous socio-cultural space, the absence of general civil self-identification, the underdevelopment of law and legal consciousness, authoritarianism political relations, predominantly geographical conditionality of the existence of this political entity. A quasi-state may even have the external forms of a modern state, but at the same time, the main guidelines and structures of its policy are of a "communal nature"¹⁸⁸.

For the first group of scholars, a quasi-state is "former colonial countries that were an international franchise and had the same external rights and obligations as other sovereign states that have legal statehood derived from the right to self-determination or negative sovereignty"¹⁸⁹.

The second, most numerous, group of scientists declares the fact of international recognition or lack thereof as a priority. Thus, F. E. Popov argues that quasi-states are entities formed during secession and “possessing all the attributes of a normal state, whose authorities completely control their territory.” Quasi-states differ from the "rebel" in their desire for international recognition and entry into the UN. They are "de jure recognized by a limited number of countries or have no recognition at all"¹⁹⁰. In "The Geography of Secessionism in the Modern World"¹⁹¹ F. A. Popov, appealing to V. A. Kolosov and R. F. Turovsky, clearly “divides” the concepts of a quasi-state and a rebel state. Without going into terminological nuances, we note that the presented discourse still includes not only the issue of the lack of international recognition, but also points to such an ability of an unrecognized state as effective control over its main territory¹⁹². The author himself prefers the

¹⁸⁸ *Lukichev P. N. Ibid.*

¹⁸⁹ *Nikolaev D. G. Nepriznanny`e gosudarstva: vozmozhnosti i vy`zovy` XXI veka / D. G. Nikolaev // Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya. 2006. № 12. S. 64-81.*

¹⁹⁰ *Popov F. A. Ot «bezgosudarstvennoj territorii» k «gosudarstvu de-fakto»...*

¹⁹¹ *He is. Geografiya secessionizma v sovremennom mire / F. A. Popov. M.: Novy`j xronograf, 2012. 671 s.*

¹⁹² *Ibid. S. 77.*

formal-legal side of the issue, noting disintegration aspirations and their result in the form of actual, rather than legally recognized secession as the reason for the emergence of the quasi-state¹⁹³.

Contradictory in its formulation and justification is the position of E. V. Sharapova, according to which quasi-states are “self-proclaimed states that are not recognized either by the world community or by the state from which they separated. Usually these are disputed territories, objects of territorial conflicts between two or more countries. For example, the Vatican is also considered a quasi-state, it has only some signs of a full-fledged state¹⁹⁴. This statement is perplexing not only from a formally scientific, but also from a legal point of view: recognition for the Vatican the status of a sovereign territory administered by the Holy See is provided for by the Lateran Accords signed on February 11, 1929, therefore it cannot be classified as “self-proclaimed” or “unrecognized”; The Vatican, both in 1929 and today, is a full-fledged subject of international law.

Norwegian expert P. Kolste does not “drive himself into a corner” with a one-sided interpretation of this definition. A quasi-state for him, on the one hand, is “a recognized state, but which has not yet managed to create the necessary structures in order to function as a full-fledged state”, on the other hand, this term is used for a state that “separated from another state, but did not receive international recognition. To overcome the confusion, the author proposes the following solution: to designate recognized, but ineffective states, the term “failed state” should be used, to designate unrecognized and ineffective states, “quasi-state”?¹⁹⁵

Some authors proceed from a very controversial thesis that “since until the middle of the 20th century there were no universal norms of international law that would allow declaring a certain state-like entity “outlawed” from the point of view of generally accepted international legal norms”, then the sovereignty of a quasi-

¹⁹³ Ibid. S. 78.

¹⁹⁴ Sharapova E. V. Konservaciya nepriznanny`x kvazigosudarstvenny`x obrazovanij ...

¹⁹⁵ Chixarev I. A. Ibid. S. 9-30.

state is a relatively new term, but at the same time, they confuse it with the concept of "unrecognized state"¹⁹⁶.

A number of authors, paying attention to such factors as the features of the emergence of statehood, the specifics of political, economic and socio-cultural systems, the period of existence, etc., propose to combine quasi-states, unrecognized, rebel, failed states, etc. into the so-called zone of problematic statehood, "where the main signs of statehood are absent and there are problems with the control of the territories within their borders," including, for example, the DPR and LPR in a series of such polities, and at the same time designating the lack of international recognition as the main feature¹⁹⁷. A similar position is shared by researchers of modern Palestinian statehood¹⁹⁸, or ISIS statehood, arguing that "[d]uments used in the activities of ISIS leaders practically do not differ in form from similar documents used in the activities of internationally recognized states"¹⁹⁹.

Supporters of this approach from among foreign scientists write that economically weak, with an unstable state structure, such entities are forced to seek international recognition, otherwise they are doomed to be absorbed by the patron state and receive an autonomous status within the framework of a federal agreement²⁰⁰. They often benefit from the "international impasse" in the issue of resolving the status, since in this case they receive political and economic "bonuses". An example of this is Kurdistan, where after the 1990 Gulf War, local leaders were given the opportunity for economic assistance for reconstruction and reform, as well as political support needed for security²⁰¹.

And finally the third group of scientists adheres to the point of view according to which it is the processes of disintegration of powers that lead to the formation of quasi-states, designating as the leading reason for this the inability of the "parent

¹⁹⁶ *Berdegulova L. A.* Osobennosti suvereniteta ... S. 55.

¹⁹⁷ *Sal'nikov V. I.* Ibid. S. 34.

¹⁹⁸ *Kosach G. G.* Ibid. S. 136–142.

¹⁹⁹ *Barkatunov V. F.* Ibid. S. 106–113.

²⁰⁰ *Haynes J.* 'Review of Robert Jackson Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World' // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 1994 No. 32(1). P. 144–145.

²⁰¹ *Natalie Denis.* The Kurdish Quasi - State: Development and Dependency in Post-Gulf War Iraq. Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 2010. 158 p.

state" to control its territory. E. G. Ponomareva, referring to the well-known British sociologist Z. Bauman and his interpretation of quasi-states as weak, but useful or necessary / necessary stronger²⁰², calls this phenomenon "phantom", or "ghostly", linking their existence with global processes and interests powers or international organizations and "supranational structures... or illegal (criminal and terrorist) forces"²⁰³.

A. V. Khozeyeva discusses²⁰⁴ the role of international organizations in conflicts between powers and quasi-states, speaking about the factor of external patronage, about using it in one's own interests and working out scenarios for a possible transformation of a quasi-state status.

According to L. A. Berdegulova, quasi-state formations do not ensure the proper level of observance of human rights and freedoms, because, on the one hand, their illegitimate status does not allow them to join the relevant international conventions and thereby assume the corresponding obligations, and on the other hand, they do not have enough real opportunities for this²⁰⁵. However, the well-known domestic lawyer A. B. Vengerov believes that, in addition to the lack of a legitimate status and real opportunities, in quasi-state formations "legal awareness and legal culture are not too developed"²⁰⁶. The point of view is very controversial, especially if we proceed from the understanding of the vazistate as a polity with a lack of state sovereignty and international legal personality, formed within an uncontrolled territory²⁰⁷.

The accompanying concepts of "unrecognized state" and "self-proclaimed state", "gray zone" and "rebel state" and their main adherents are analyzed in detail by F. A. Popov. In his opinion, the terms "unrecognized" and "self-proclaimed state" are almost identical. By them, in the most general sense, we mean any polity that

²⁰² *Bauman Z.* Globalization: Human Consequences. Liquid Modernity, Cambridge: Polity Press, 2000. \$786

²⁰³ *Ponomareva E. G.* Aktual'nyj diskurs o tipax i tendenciya razvitiya nacional'nogo gosudarstva / E. G. Ponomareva // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 4. S. 195–204.

²⁰⁴ *Xozeeva A. V.* Ibid. S. 25.

²⁰⁵ *Berdegulova L. A.* Prava cheloveka v kvazigosudarstvennom obrazovanii / L. A. Berdegulova // Simvol nauki. 2016. № 9. S. 187–189.

²⁰⁶ *Vengerov A. B.* Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / A. B. Vengerov. M.: Novyj jurist, 1998. S. 95.

²⁰⁷ *Social'no-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy: slovar'-spravochnik / otv. red. A. P. Gorkin.* Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s.

has managed to secure de facto secession and is seeking legal secession²⁰⁸. However, we note that a polity cannot be called a state without state sovereignty, one of the attributes of which is the ability to enter into international relations, that is, there is actual or formal legal recognition. In all other cases, we are talking about the manifestation of one form or another of statehood. As for the term "unrecognized state", in our opinion, it is incorrect. F. A. Popov refers to a similar, but less harsh and more veiled position expressed by A. G. Bolshakov: "A state entity devoid of international legal personality, but possessing all other signs of statehood, can be called unrecognized"²⁰⁹. In general, both in relation to international recognition in general, and in relation to its implementation in the historical period under study, we rely on the approach of L. Oppenheim²¹⁰ about multiple confessions.

F. A. Popov, referring to the main developer of this category, the American political geographer Robert McCall, defines a rebel state as a "territorially defined anti-state-within-a-state", arising in the process of developing a large-scale movement to overthrow the central government in the country ("national revolution"), providing control over the occupied territory and population, having "a network of its own strongholds and administrative units, as well as power support in the face of the partisan army"²¹¹.

By "gray zones" the author understands "territories taken out of the control of the state through de facto secession"²¹², the main characteristic of which is the inability of the central government to control peripheral zones passing into the hands of criminal or other formations with a clear anti-legal orientation.

Since the above concepts are considered by the developers and scientists adjoining their position as temporary, intermediate states, they are also not included in the circle of our interests and the subject of research, and they were absent in the historical period we are studying in East Asia and did not influence the formation of the regional political order.

²⁰⁸ *Popov F. A. Geografiya secessionizma v sovremennom mire... S. 81.*

²⁰⁹ *Ibid. S. 82.*

²¹⁰ *Oppenheim L. Ibid. S. 135–157, 163–173.*

²¹¹ *Popov F. A. Geografiya secessionizma v sovremennom mire... S. 75–76.*

²¹² *Ibid. S. 70.*

In the scientific literature there are attempts to give near-state status foreign settlements formed on the territory of the Qing Empire by European powers, as well as the United States and Japan, and characterize them as an actor or other subject of influence on the formation of political order in the region. The territories of these settlements, as well as the population, citizens of the countries represented, had a special status and provided a certain influence on the political order of the region, the nature of which is to be determined. For the countries of East Asia, jurisdictional relations in the region under study have always been of particular interest, since they were associated with the phenomenon of political presence, by which A.V. Mikhalev understands “the ability of one of the political actors to form institutional conditions within the jurisdiction of another actor in order to protect and promote their political interests”²¹³.

Professor V.V. Engelfeld²¹⁴ the leading expert in the field of Chinese administrative law of his time, referring to the famous French Sinologist and Mongolist Georges Sully de Moran²¹⁵, divided foreign settlements in China into four types: the diplomatic quarter of Beijing; lease territories and temporary colonies ceded to foreign powers for a fixed period; concessions in open ports that existed on the basis of agreements where land ownership is not limited in time; and commercial concessions (settlements), or quarters granted by the Chinese government for the settlement of foreigners, where land leases were (legally) urgent.

The diplomatic quarter (Dong jiaomin xiang) was a special area of Beijing, in which from the middle of the 19th to the middle of the 20th century the main composition of foreign (embassies) missions was located (with the exception of Sweden, Norway and Cuba in 1926). Its special status was enshrined in Article 7 of the Final Protocol between China and foreign powers of September 7, 1901²¹⁶ and

²¹³ *Mixalev A. V. Politicheskoe prisutstvie – genealogiya koncepta / A. V. Mixalev // Mirovaya politika. 2019. № 2. S. 33–42.*

²¹⁴ *E`ngel`fel`d V. V. Yuridicheskoe polozhenie inostranny`x koncessij v Kitae [E`lektronny`j resurs] / V. V. E`ngel`fel`d // (Juridical Status of Foreign Concessions in China). Xarbin: Zarya, 1927. 33 s. Rezhim dostupa: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/3516/23539> (data obrashheniya: 01.08.2022).*

²¹⁵ *Soulié de Moran G. Exterritorialité et Intérêts Étrangers en Chine. Paris: Paul Geuthner, 1925. P. 251.*

²¹⁶ *Grimm E. D. Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842–1925). M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N. N. Narimanova, 1927. S. 150.*

the Protocol on the Beijing Mission Quarter of May 31, 1904²¹⁷. However, the quarter was not a single foreign settlement: each mission retained its extraterritorial status, inherent in the diplomatic representation, but they did not form it entirely.

As for the leased territories, which included Jiaozhou (or Qiaochao), Guangzhouwan, Port Arthur, Weihaiwei and the islands adjacent to Hong Kong, according to E. D. Grimm, they should be accepted. Unlike Hong Kong, all of the listed territories were not ceded by China to other countries for perpetual and unlimited possession, but were leased to them for different periods: “Jiaozhou, Gulun and Guangzhou-wang - for 99 years each, Port Arthur - for 25 years, Weihaiwei - for the period during which Russia will own Port Arthur and on different conditions²¹⁸. Thus, it was only about the zone of influence of one state in a relatively small area of another: “... Russia turned Manchuria into its sphere of influence, Germany - the province of Shandong... England also imposes on China in 1898 an agreement on the non-alienation of territory in the Yangtze basin... [and]... expands British territory on the Kowloon Peninsula by imposing an agreement on the "lease" of the peninsula on China, and occupies Weihaiwei²¹⁹. L. Oppenheim is even more specific, calling such a state territory a fiction, since China retained the right to terminate lease agreements, which he took advantage of in the early to mid-1930s²²⁰.

Thus, with regard to leased territories, it can be argued that they represented a special legal nature of the strategic presence in the region and that is why they do not fall within the scope of our work.

Dr. Diao²²¹ also excluded leased territories as having a different character from other foreign settlements in China, but then singled out: a concession or a piece of land transferred under an agreement for an indefinite lease to a leasing state for the

²¹⁷ *Klyuchnikov Yu. V. Mezhdunarodnaya politika novejshego vremeni v dogovorax, notax i deklaracijax. Ch. 1. Ot Francuzskoj revolucii do imperialisticheskoj vojny` / Yu. V. Klyuchnikov, A. V. Sabanin. M.: Litizdat NKID, 1925. S. 316–317.*

²¹⁸ *Grimm E. D. Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke (1842–1925). M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N. N. Narimanova, 1927. S. 17.*

²¹⁹ *Gal`perin A. L. Anglo-yaponskij soyuz: 1902–1921 gody` / A. L. Gal`perin. M.: Gospolitizdat, 1947. S. 43.*

²²⁰ *Oppengejm L. Ibid. S. 31.*

²²¹ *Dyao. Polozhenie inostrancev v Kitae (Chto gotovit Kitaj k mirnoj konferencii narodov) / Dyao // Vestnik Azii. 1918. № 46. S. 1–138.*

residence of its subjects; a settlement or place set aside for the residence of all foreigners, where they can organize themselves into a municipality; a voluntary settlement, or a settlement in a port voluntarily opened by China itself for the habitation of foreigners, the control of whose municipal government and the police of which remains in the hands of local authorities; and the Settlement by Assumption, or Settlement, within which the residents acquire, without formal agreement on the part of the territorial sovereign, the tacit consent to govern on a municipal basis.

And the first territorial formations with a special (different from provinces and other territories) status since China's "opening" to foreign presence were concessions. After the suppression of the Boxer Rebellion in 1900, the total number of cities with concessions in them exceeded 70. In this regard, the emergence of concessions in the memory of the Chinese people is associated with the era of military defeat and national humiliation of the country. The established legal practice assumed the regime of extraterritoriality, created their own governing bodies, and the population passed under their jurisdiction. The territory of the concession was expropriated from the former Chinese owners on the basis of perpetual lease and made available for economic disposal, passing under the jurisdiction of the government of the state that received the concession.

Unlike the concession, the settlement was transferred not to the government, but to individual citizens of another state or states, which excludes it from the field of our scientific interest, since it did not give rise to the continuation of state jurisdiction. V.V. Engelfeld refers to the work of the well-known American customs officer and researcher Hosi Ballou Mors “Trade and administration of China”²²², in which he defined the main features of settlements, calling them reserved areas, within which foreigners were allowed to acquire land, but at the same time the Chinese could continue to own land, and the acquisition of land by foreigners was carried out “through direct negotiations with the original owners”, the settlement

²²²*Morse H. B.* The trade and administration of the Chinese empire. Shanghai: Kelly and Walsh, 1908. P. 266.

used "full rights of self-government, including taxation and police"²²³. " According to Diao's conclusions²²⁴, settlements were understood as "quarters reserved for the settlement of foreigners in certain ports not on the basis of an international treaty, but by China itself of its own free will under certain conditions that distinguish them from concessions in open ports and other territory of the state"²²⁵. As a result, Dr. Diao himself writes that the settlement did not imply the transfer of the land on which it was located to one state or another²²⁶, since both the land and the rights and obligations associated with it retained Chinese sovereignty.

Thus, concessions were of the greatest interest from the point of view of law and international status, due to the fact that, despite their formally targeted, commercial nature, these foreign settlements solved important strategic tasks of the states they represent, related to their political presence in the region. Always having a strictly legal contractual character, in fact and as if a state status was created, which we call quasi-state, but the concessions themselves were not quasi-states. Therefore, none of the listed foreign settlements acted as an actor or other relatively independent subject of influence on the formation of a regional political order.

Based on the listed signs and the characteristics given to them, we state that under the regional political order of East Asia in the first half of the 20th century we understand an effective and dynamic system of geopolitical centers and political organizations - buffer states, formed and manageable by power centers or geostrategic actors, based on a certain ideology and struggle for resources of influence, based on agreements reached and established norms that determine hegemony and the right to it within clearly defined geographical, ethno-religious and historical-cultural space. In our case, China (the so-called Inner China), Korea (the modern Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea), Mongolia, Japan, and the Russian Far East (within the borders of the modern constituent entities of the Russian Federation located in the east of the Siberian and

²²³ *Engel'fel'd V. V.* Ibid. S. 6.

²²⁴ *Dyao.* Ibid. S. 71.

²²⁵ *Soulié de Morant G.* Exterritorialité et Intérêts Étrangers en Chine... P. 273.

²²⁶ *Dyao.* Ibid. S. 72–73.

in the Far Eastern Federal Districts).

In the future, we will focus on those categories that more successfully than those already considered by us (limitroph, satellite, quasi-state), in our opinion, allow us to solve the tasks facing power centers based on the results achieved: (1) the existing categorical apparatus has been supplemented with the definition "state-like education"; (2) the essence of power centers is characterized, its correlation with the equivalent concept of a geostrategic actor is carried out, and the failure of China as such in the declared chronological framework is proved, while allowing its participation in the struggle for resources with power centers represented by Russia and Japan; (3) summarized the tasks of the power center in the formation of the regional political order; (4) the category of effectiveness of political institutions was specified; (5) Z. Brzezinski's category of geopolitical centers was supplemented with buffer polities; (7) dynamics of the statuses of power and geopolitical centers of the region was revealed; on the basis of this (8) a definition of a regional political order is formulated that can exist both as a universal definition and in relation to East Asia.

1.2. Buffer zones on the borders of the empires of East Asia

Before proceeding to the consideration of buffer zones, it is necessary to make a reservation that they have arisen and are arising at the junction of the borders of large polities with their own interests and resources, which are the main actors in the region. In our case, those in the first decade of the XX century, were Russia, Japan, and China, which, as empires, shaped the political order in East Asia²²⁷. In this regard, we need to determine the features characteristic of the empires of the period of interest to us - the first half of the 20th century.

Michael Hardt and Antonio Negri in their work "Empire" identify as a prerequisite for the formation and at the same time the most important sign of the

²²⁷ *Dudin P. N. Buferny'e zony` i ix sootnoshenie so sxozhimi kategoriyami territorij s osoby`m rezhimom skvoz` prizmu rossijskogo/sovetskogo i yaponskogo strategicheskogo prisutstviya v regione Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2019. № 4. S. 44–62.*

formation of an empire "the weakening sovereignty of nation-states and their increasing inability to regulate economic and cultural exchanges"²²⁸. In addition, the authors call the borders of nation-states one of the defining distinguishing characteristics of the empire, which make it possible to determine the "center of power from which the external territories were administered", while the empires themselves do not have clear bindings to the state border, they do not create a "territorial center of power" and do not rely on rigidly fixed boundaries. Deprived of a center and attachment to a territory, the administrative apparatus gradually includes the entire global space in its open expanding borders²²⁹. Calling the empire a civilizational formation, M. Hardt and A. Negri characterize it not as a method of government, but as a form of political order that consolidates and fixes the current state of affairs. The dominion of the empire extends "to all levels of the social order, reaching to the very depths of the social world"²³⁰.

British sociologist and chair of sociology at the University of Virginia, Krishan Kumar, has attempted to limit the understanding of the term "empire". Drawing on the definition of Columbia University professor Michael Doyle, according to which "empire... is a relationship, official or informal, in which effective political sovereignty is under the control of another state," Kumar makes clarifications regarding the transnational nature of social relations, the export by the metropolis of its institutions to the periphery and thus building a "bridge between them", emphasizing that the always dominant position of the institutions and ideas of the metropolis is guaranteed by a common culture²³¹. Like M. Hardt and A. Negri, but already in opposition to M. Doyle, Krishan Kumar talks about the transparency of imperial borders, highlighting their land and sea varieties²³², paying attention to the fact that the maritime empire has clearer contours of the metropolis and periphery.

G. Münkler argues in a similar way, highlighting three key characteristics of the empire. First, he says that "imperial borders do not separate political entities of

²²⁸ *Xardt M.* Ibid. S. 46–47.

²²⁹ Ibid.

²³⁰ Ibid. S. 14.

²³¹ *Krishan Kumar.* Visions of Empire...

²³² Ibid.

equal status, but rather represent different levels of power and influence. In addition, unlike state borders, they are semi-permeable: those who want to enter the imperial space must satisfy different conditions than those who leave it. And further: "This is where the status difference manifests itself: the communities bordering on the empire do not have the same status as the empire²³³. "Secondly, he separates the categories of "empire" and "hegemony", suggesting that "hegemony is the predominance within a group of political forces formally equal in rights; imperialism, however, terminates this, albeit formal, equality, relegating subordinates to the status of dependent states or satellites, which are more or less obviously dependent on the center²³⁴. And thirdly, he clearly distinguishes between the concepts of empire and imperialism²³⁵. Here and below, we will not go into the details of this distinction, since it is outside the scope of our study.

Deepak Lal categorizes empires by their influence on social fabrics. For example, multicultural empires made little effort to change the cultural practices of the constituent groups of the empire and provided them with access to the levers of government. Homogenizing, on the contrary, sought to form a common national identity among the diverse ethnic and cultural groups present on their territory and excluded the population under their control from management processes; empires-civil associations did not impose any preferred system of goals on their populations, but cared about maintaining civil order, while empires-associations-enterprises sought to use the resources they had to achieve substantive or substantive goals, and China was cited as an example. and "an unsuccessful attempt to create an empire in... Japan under Prime Minister Tojo"²³⁶. Like G. Münkler, he delimits the hegemony, which controls only foreign policy, from the empire, which also controls domestic political processes. The explanation for this lies in the desire for self-preservation when formulating the principle "not to take too much from the population for the provision of basic public goods - peace and order." As accompanying signs, D. Lal cites the need to create a civil administration, legal

²³³ *Myunkler G.* Ibid. S. 23.

²³⁴ Ibid. C. 27.

²³⁵ Ibid. C. 29.

²³⁶ *Lal Dipak.* Ibid. S. 87.

regulation, development of means of communication, as well as maintaining the lingua franca - the internal language of interethnic communication, contributing to a stable political order and the unity of the economic space²³⁷.

American researcher, professor at Rutgers University Alexander John Motyl in his work “The Imperial Finale: The Decay, Fall, and Resurgence of Empires” defines an empire as “a hierarchically organized political system that can be likened to a wheel – a wheel without a rim. Within this system, the core elite and the state it created dominate peripheral elites and societies, acting as intermediaries in their most important interactions and managing resource flows from the periphery to the core and back²³⁸. Thus, he singled out the categories of knot (or tie) and resources, core and periphery, main and peripheral elites, state and peripheral societies.

Dividing empires into continuous and intermittent (watersheds) in terms of the integrity of the territory, formal and informal - in terms of the powers of the main elite to interfere in the political processes of the periphery, the author uses the categories of decay as a weakening of the power of the core in relation to the periphery, and recession as a decrease in power the imperial state in general and the military potential in particular²³⁹, supplementing them with the categories of "dismantling", "exhaustion", "collapse" and "revival".

From the point of view of generalizing positions regarding the signs and essence of empires, the project “Myths and Fallacies in the Study of Empire and Nationalism”, carried out in 2010 under the auspices of the authoritative journal “Ab Imperio”, is interesting. The introduction cites the “formula” of the British historian Dominic Lieven, who, having abandoned the definition of empire through the “center-periphery” opposition, “identifies four universal characteristics: vastness, multinationality, forcible subjugation of subjects (which became a problem only in the period of modern history, since earlier any state formations were rarely built on the basis of the consent of all subjects) and regional power²⁴⁰. In his article " Empire,

²³⁷ *Lal Dipak*. Ibid. S. 88.

²³⁸ *Motył A.* Puti imperij: upadok, krax i vozrozhdenie imperskix gosudarstv / A. Motył. M.: Moskovskaya shkola polit. issled., 2004. S. 12.

²³⁹ Ibid. S. 4.

²⁴⁰ *Liven D.* Rossijskaya imperiya i ee vrugi s XVI veka do nashix dnei / D. Liven. M.: Evropa, 2007. 688 s.

History and the Modern World Order" in this collection D. Liven contrasts the empire with democracy, popular sovereignty and national self-determination. And then there are controversial positions about the different languages \u200b\ u200b of the ruler and his peoples, belonging to a different culture, different religions²⁴¹, which, of course, cannot be agreed with, but it is important to take into account.

Since in our work we are talking about the empires of the New and Modern times, concentrated in Asia, let us turn to the author's statement that "in Japan, the word "emperor" began to be called the hereditary high priest, tenno, in order to elevate him in the eyes of the Western great powers"²⁴², and the Chinese the Tang and Song empires did not fit into the traditional European, Westphalian, system of political order, because "from a legal point of view, they did not recognize any other state as equal to themselves", calling them barbarian, being empires "in essence" with a characteristic ramified and efficient bureaucracy and deep penetration of imperial views "into the thickness of those societies"²⁴³ that were part of the structure of the empire.

For China, according to D. Liven, a "long-term effect" of influence was characteristic, capable of changing consciousness itself, determining cultural and ideological development²⁴⁴. And although at a certain stage of historical development both in Europe and in Asia, two empires dominated with the same degree of success - the Roman and the Han - the fact of further divergence in the development of the political order is fundamentally significant for the scientist: "... while for most of the last empire dominated East Asia for two millennia, and a multipolar system was established in Europe during this period²⁴⁵. And further, by contrasting some features of empires and their historical stages of development with others, he derives his own set of features designed to avoid "the very consideration of the question of the relationship between the mother country and the periphery": (1) the empire must be vast; (2) an empire includes many peoples; (3) an empire is

²⁴¹ *He is. Imperiya, istoriya i sovremenny`j mirovoj poryadok / D. Liven // Mify` i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M.: Novoe izd-vo; Ab Imperio, 2010. S. 283–324.*

²⁴² *Ibid. C. 290.*

²⁴³ *Ibid. C. 292.*

²⁴⁴ *Ibid. C. 293.*

²⁴⁵ *Liven D. Imperiya, istoriya i sovremenny`j mirovoj poryadok... S. 294.*

not built with the express consent of its subjects; (4) the empire must have great power, play a key role in the regional or global politics of its time²⁴⁶.

NYU history professors Jane Burbank and Frederick Cooper begin their section “Trajectories of Empire” in the “Ab Imperio” project by opposing empires to the nation state, noting their expansionist nature, branched hierarchies and the heterogeneity of government systems of various peoples, and the ideological outline is reduced “to emphasizing the differences and inequalities of their heterogeneous population²⁴⁷. Paying considerable attention to the European empires of the Middle Ages, scientists analyze the essence of the Chinese empire, talking about “more plastic sacred legitimacy”, which used the same bureaucracy, law and opposition to barbarians as a basis, effectively using the mechanism of succession of power²⁴⁸.

Princeton University professor Mark R. Basinger calls the empires of the 20th century political pathology²⁴⁹ due to the fact that the signs and actions of states that previously acted as empires no longer constitute political practices: conquests have disappeared, colonies have been lost, the nature of military occupation and intervention has changed, state borders have become static protected by international law, hegemony is used in the first place to satisfy, albeit declared, but public needs²⁵⁰.

A more romantic picture is presented in the work of the British historian, professor at Harvard University Niall Campbell Douglas Ferguson “Empire: what the modern world owes to Britain”²⁵¹. Without going into a detailed or somewhat approximate definition of an empire, the author gives this category of polity a missionary character, focusing on the spread of language, various kinds of social relations characteristic of the parent state, law, religion, culture and ideology (liberal-capitalist way of life)²⁵². The economic superiority of the empire, a more

²⁴⁶ Ibid. C. 298–299.

²⁴⁷ *Burbank Dzh.* Traektorii imperii / Dzh. Burbank, F. Kuper // Mify` i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M.: Novoe izd-vo; Ab Imperio, 2010. S. 331–332.

²⁴⁸ Ibid. C. 346.

²⁴⁹ *Burbank Dzh.* Ibid. S. 370.

²⁵⁰ Ibid. C. 371.

²⁵¹ *Niala Fergyson.* Imperiya: chem sovremenny`j mir obyazan Britanii / Niala Fergyson. M.: AST: CORPUS, 2013. 560 s.

²⁵² Ibid. S. 28.

perfect model of government, adherence to higher ideals without economic gain (political altruism) and the desire to instill a certain system of values in other peoples (the export of their "civilization" by the Victorians) are noted, given sufficient financial and military resources²⁵³. According to N. Ferguson, "in the modern world there is only one power capable of playing the role of an empire, and that is the United States. In fact, to some extent, the United States is already playing this role²⁵⁴," he puts their financial well-being at the forefront.

Finally, Professor of Moscow State University I. I. Kuznetsov questions the viability of the position about the lack of the empire's ability to politically reconstruct society with the construction of an imperial power structure²⁵⁵. He cites the example of Russia and China, which differ in many respects in terms of state development, which managed to combine modernization with the growth of the power of their empires. This indicates that the large continental empires had the opportunity to improve, but only in terms of a cycle of strengthening central power and building the potential for further expansion. Extrapolating his position on the current state of international politics with the participation of the United States, the scientist writes: "This view leaves no chance that the United States will rely only on economic integration or civilizational attractiveness. Sooner or later *soft power* how an instrument of political influence will turn into *hard power*, and the American cycle (like the British one) ends with wars on the periphery and increased use of the military²⁵⁶. Here, on the one hand, one should agree with the scientist, but as an example, give the Empire of Japan, which not only turned out to be capable of modernization, but having carried it out three times (in the 1860s, 1920s - 1930s and 1950s - 1970s)), each time thanks to this, it became a leader and main political actor, if not in the world, then in the region of East Asia and the Pacific.

In general, the set of characteristics of empires suggests such a specific political form, which, unlike the state-political one, does not need international

²⁵³ Ibid. C. 479–491.

²⁵⁴ Ibid. C. 493–494.

²⁵⁵ *Kuznetsov I. I.* Ibid.

²⁵⁶ Ibid. C. 274.

legitimation²⁵⁷: large territories and the presence of dependent or colonial possessions, the isolation of the metropolis and the periphery, as well as the transparency or conventionality of the state border. Based on the latter, a special category of border or inter-border spaces is formed, which are called frontiers. In our work, we rely on the well-established perception of this definition and are in solidarity with the Danish scientist, Professor of Aarhus University Michael Eilenberg and Associate Professor of the University of Texas at Austin Jason Kons, who, speaking about resource boundaries in Asia²⁵⁸, characterize border areas as spaces with a special cultural, material, ecological, political and economic perceptions, those processes that at certain points in time turn specific places into resource boundaries; or with the organizers of a major study, which ended in 2016 with the publication of a collection of materials entitled "The Transnational Frontiers of Asia and Latin America since 1800"²⁵⁹, which explored various aspects of the frontier and frontier interaction, from the problem of the Manchurian Incident and its consequences for the emigrant community of the former South-Manchurian Railway (SMR, which until 1906 was part of the Chinese Eastern Railway) to transnational communities in the border regions of Yunnan.

In the first quarter of the twentieth century in East Asia, a unique situation has developed in the field of state-building. Three large empires were present in the region, during the collapse of one of them (the Qing empire), the other two, Russian and Japanese, created two blocs of political formations that played the role of buffers in their confrontation throughout the first half of the 20th century. These were traditional empires with a classic desire to form their own regional political order. Frontier zones, which will be discussed below, and buffer spaces, which either had the necessary features of statehood (and in this case they acted as buffer states), or did not have them (and in this case they acted as buffer zones), but nonetheless

²⁵⁷ *Filippov A. F. Smy'sl imperii: k sociologii politicheskogo prostranstva [E`lektronny`j resurs] / A. F. Filippov // Soobshhestvo professional`ny`x sociologov. Principial`ny`e publikacii. Rezhim dostupa: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (data obrashheniya: 01.03.2020).*

²⁵⁸ *Frontier Assemblages: The Emergent Politics of Resource Frontiers in Asia / ed. by Jason Kons, Michael Eilenberg. Publisher John Wiley and Sons Ltd. Hoboken, 2019. 256 p.*

²⁵⁹ *Transnational Frontiers of Asia and Latin America since 1800 / ed. by Jaime Moreno Tejada, Bradley Tatar. Routledge Publ. London, 2016. 290 p.*

possessed political and organizational unity, and this becomes apparent when they are considered in line with regional security. At the level of a theoretical model of such complexes, two can be distinguished: Soviet and Japanese. Each of them represented a completely independent way of structuring the geopolitical space. On the one hand, it was a network of people's republics, and on the other, regional autonomies. In essence, they represented two opposing regional complexes.

Under the regional complex A.D. Voskresensky understood a group of states with a fairly high degree of functional and geographical complex interdependence, delimiting it from other regions and determining the type of regional complex. In other words, the regional complex is a multidimensional segment of the international space of the regional level, singled out on the basis of the existence of a relatively stable system of regional relationships and interdependencies of a structural-spatial nature of various types (political, economic, cultural-historical) and varying degrees of intensity, which make it possible to delimit it from the environment or act as a subsystem association of varying degrees of integrity in relation to the international environment²⁶⁰. In this situation, the systems approach considers regional orders as subsystems within larger systems. In our opinion, this point of view reflects only the current state of affairs in the global economy. However, if we turn to the historical material of the beginning of the 20th century, then the most relevant is the institutionalist (normativist) approach and the categories of buffers - buffer zones and buffer states.

In the historical era we are studying, Japan, on the one hand, claimed its claims to dominance, for several years building an “anti-communist belt” on the territory of North, Northeast and East China. Starting its victorious march from Manchuria in 1931, it created an effectively functioning buffer zone, which included a chain of buffer states, different in nature, political fate and role in the fate of the region, but united by common features and mechanisms, which were then used in similar processes in Southeast Asia.

²⁶⁰ *Voskresenskij A. D. Ibid. S. 53.*

On the other hand, Russia, which recovered from the devastating civil war and chose the socialist path of development, renounced the succession of the Russian Empire, but actually followed its path in maintaining its presence in the Far East. The buffer zone constructed by the Soviets was also among the instruments of this kind, which included, in addition to the buffer states, a number of political entities with loyal political regimes supported in them that tried to independently ensure their independence (for example, the Soviet Republic of China or the East Turkestan Republic).

To form a coherent picture of the regional political order in East Asia, we need to make terminological distinctions, starting with concepts and categories that are similar in nature, but different in essence. Further, we will talk about a formalized buffer zone and other territories that have an appropriate legal (international legal) status, and will not touch on cultural, religious and similar spaces, which significantly narrows the research field.

Firstly, we are talking about enclaves and exclaves, a detailed analysis of the nature of which was given back in 1968 in the work of B. M. Klimenko “Transit through foreign territory”, which has not lost its relevance to the present. Thus, the author points out that an enclave is understood as a territory completely surrounded by the territory of another country with its subordination to the central authorities of its state and the corresponding distribution of state sovereignty. This, according to the author, gives rise to the need for political, economic, legal and other ties between the enclave and the main territory of the state, and as an example, he calls the Belgian territories in Holland Burl-Du and Berl-Nassau, the German (FRG) territory of Busy-n- gene and Ferenahof and the Italian territory of Campione in Switzerland, as well as Spanish Llivia in France²⁶¹. These territories are an exclave for the "parent" state, which, for example, was East Prussia in relation to Germany before 1939, separated by the so-called Polish or Danzig Corridor, or Pomeranian Voivodeship,

²⁶¹ *Klimenko B. M.* Tranzit cherez inostrannuyu territoriyu [E`lektronny`j resurs] / B. M. Klimenko // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1966–1967 (Soviet year-book of international law. 1966–1967). 1968. S. 149–163. Rezhim dostupa: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55705/55329> (data obrashheniya: 01.03.2020).

transferred to Poland after the First World War under the Treaty of Versailles²⁶². Moreover, if a separate territory is not completely surrounded by the territory of another state and has access to the sea, then it is called a semi-enclave²⁶³, which is the modern Kaliningrad region. Consequently, an enclave/exclave does not imply either legal isolation or a special status, and dependence on the “parent” state does not differ from dependence on any other of its administrative-territorial units, and therefore these territories are not of interest for our study.

Secondly, we are talking about mandated territories and territories under international trust. From the point of view of the legal status and political consequences, modern Soviet and foreign (Western) scientific points of view, while not coinciding in the characterization of the consequences of the establishment of this regime, are identical in its formal part.

The Soviet position on this issue is set out in the relevant articles of a two-volume diplomatic dictionary published in 1948 and 1950 under the editorship of Academician A. Ya. Vyshinsky. The dictionary reveals the content of the mandate system and indicates that it was created in 1919 "... by the powers of the Entente to manage the former German colonies they seized and the territories that seceded from the Ottoman Empire"²⁶⁴ and is enshrined in Article 22 of the Pact of the League of Nations. In contrast to the direct annexation that England and France tried to ensure, which would exclude the possibility of other states, such as the United States, penetrating these territories, a system of mandates was developed, "... providing for the equality of rights and privileges of all members of the League of Nations in mandated territories"²⁶⁵. The division of mandates into classes was carried out “according to the degree of development of the people”, where “... the mandates applied to the former possessions of the Ottoman Empire were assigned to class A.

²⁶² Nyurnbergsij process: protokoly doprosov glavnyh voennyh prestupnikov [Electronic resource] / sost. i per. s angl. S. Miroshnichenko. Novocheckassk, 2017. S. 69. Access mode: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/45726>.

²⁶³ *Kratkij politicheskij slovar'*. Izd. 6-e, dop. / V. P. Abarenkov, T. E. Abova, A. G. Averkin i dr.; obshch. red. L. A. Onikova, N. V. Shishlina. M.: Politizdat, 1989. S. 22.

²⁶⁴ *Diplomaticheskij slovar'*. T. II: L–Ya / glav. red. akad. A. Ya. Vyshinskij. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 1950. Stb. 96.

²⁶⁵ *Ibid.*

Class B mandates, applicable to the former German colonies in Central Africa, placed these territories under the direct control of the mandate holder, subject to a number of conditions... Class C mandates, applicable to South West Africa and the Pacific Islands, were annexation with a direct indication that these territories will be governed “according to the laws of the mandate holder, as an integral part of his territory...” Mandates were issued to the following powers: Great Britain received mandates A for Palestine (from which the mandated territory of Transjordan was then allocated) and Mesopotamia... Mandates B for Tanganaika and parts of Togo and Cameroon; France - mandate A for Syria and Lebanon, mandates B for parts of Togo and Cameroon; [at the same time, the British and French mandates for Togo, accepted by Great Britain and France, provided for the creation of a mixed commission to delimit mutual zones]”²⁶⁶; Belgium received “mandate B for Ruanda-Urundi; Japan - Mandate C for the Marshall, Caroline and Mariana Islands; Union of South Africa - Mandate C for South West Africa; Australia - Mandate C on about. Nauru, the former German New Guinea and the Pacific Islands south of the equator; New Zealand - Mandate C for Western Samoa. In total, territories with a total area of 2,930 thousand square kilometers with a population of 17 million people²⁶⁷ fell into the hands of the Entente powers on the basis of the m. [andatny] village [system]. ”

As L. Oppenheim pointed out, “... the seized territories are not the property of any state, but certain states, called states-mandatory, on behalf of the League, are entrusted with managing them on the terms established in written agreements, called mandates, between the League and each mandate holder”²⁶⁸. He also cites features that are different from annexation, including: (1) acting on behalf of the League of Nations; (2) no right to territorial gains at the expense of mandated territories; (3) prohibition of its cession or other action that a sovereign state may take in relation to its own territory; (4) a number of restrictions on local residents and their

²⁶⁶ *Satou E`*. Rukovodstvo po diplomatičeskoj praktike / E`. Satou; per. s angl. pod red. i so vstup. st. A. A. Trojanovskogo. M.: Gospolitizdat, 1947. S. 77.

²⁶⁷ *Diplomatičeskij slovar'* ... Stb. 97.

²⁶⁸ *Oppengejm L.* Ibid. S. 203.

participation in mandate holders' military formations; (5) residents of mandated territories do not *ipso facto acquire the citizenship* of a mandate holder; (6) in the field of economics - the policy of "open doors"²⁶⁹. To control the fulfillment of their obligations by the mandate holders, a special commission of ten ordinary and one extraordinary members was created, which heard the annual reports of the mandate holders on their management. The right of the inhabitants of the mandated territory to petition the League of Nations was recognized²⁷⁰. Thus, a system was built to manage the colonies, which at that time had a stateless status, the main actor of which was the international community represented by the League. The division into categories corresponded to the delimitation of spheres of influence, and their restrictions in their policy in the territories under their control, as time showed, were of a formal nature.

Looking ahead, we will make a reservation that in Asia the mandate over Palestine led to the creation in the 1920s of the 1920s State of Jordan, and in the late 1990s the state of Palestine was formed, the states of Iraq, Syria and Lebanon were created in a similar way, in Africa and Oceania the mandate system led to the emergence of well-known states. However, in our opinion, despite the fact that many regions where the system of mandates was formed have deep and ancient traditions of statehood, it would be erroneous to consider the mentioned states as successors of the states of antiquity in one form or another. In this regard, we state that the regime of mandates was not associated with the construction of state institutions, but had other goals pursued and achieved by the colonists. The fact that the borders of the states established in the former mandated territories, for the most part, coincide with the borders of the mandates should also not be misleading, since it does not exclude the artificial nature of the states created in these regions.

Japan proved the ineffectiveness of the mandate as an instrument for maintaining stability and development in the region. After leaving the League of Nations and demonstrating the inefficiency of this organization, the country refused

²⁶⁹ Ibid. C. 205.

²⁷⁰ Ibid. C. 206.

to return the mandate to the Caroline, Mariana and Marshall Islands, turning them into a kind of springboard and at the same time a buffer. This bridgehead-buffer made it possible to secure the Japanese presence in the Pacific region, as well as the later occupied Chinese territories in East Asia. After the end of the Second World War, the system of mandates was replaced by a system of trusteeship, which is characterized in the "Diplomatic Dictionary" as a system of administration of some non-self-governing territories created by the United Nations²⁷¹. In the UN Charter, this system is reflected in Chapter XII. Among the innovations, a new classification system was provided, which included: (1) former mandated territories; (2) territories wrested from enemy states as a result of World War II; (3) territories voluntarily included in the trust system by the states responsible for their administration²⁷². The establishment of trusteeship was ensured by agreements of directly concerned states, including mandate holders, approved by the General Assembly, with the exception of agreements relating to strategic areas of trust territories, which are approved by the UN Security Council. The Mandatory Commission was replaced by the Council, the right of the people to petition was preserved, and almost all mandated territories received the status of territories under international trust, with the exception of Japanese mandates transferred to the United States, and some British mandates that gained independence.

L. Oppenheim said that the change in the system of mandates to the system of international trusteeship was due to the organic connection of the mandate system with the League of Nations, and "... the basic principles of the mandate system have stood the test... and are fully consistent with the great principles of humanity..."²⁷³ As for state sovereignty, then, according to him According to the opinion, the guardian states, although they did not include these territories in their composition, had full jurisdiction, as well as the right of internal and external protection of the inhabitants of the territories under trusteeship in the absence of the citizenship of the

²⁷¹ *Diplomatičeskij slovar'* ... Stb. 263.

²⁷² *Ibid.* Stb. 264.

²⁷³ *Oppengejm L.* *Ibid.* S. 216.

guardian state among the inhabitants of these territories ²⁷⁴. Thus, the system of international trusteeship in most aspects turned out to be similar to the system of mandates, with the assumption of the potential possibility of obtaining independence for this territory.

Consequently, the mandate system, as well as the system of international trusteeship, assumed both the legal isolation of certain territories and the conferral of a special status on them. However, their dependence on the "parent" state was determined by the goals for which mandates and territories under international trust were created. You should also pay attention to the fact that these territories received their status through the participation of the international community and unilateral actions of any state in this direction, as well as similar bilateral or multilateral actions of other states, could not provide the corresponding status. In connection with the above, these territories are also not of interest for our study, and therefore we need to identify the characteristic features and define the definition of "buffer zone".

The buffer zone category should be considered in a broad and narrow sense. A narrow, or militaristic, understanding became dominant after the end of World War II, when the buffer zone acted as a means of repaying military conflicts and their consequences. Yale University researcher Eitan Katz²⁷⁵ sees buffer zones as a long-standing means of resolving conflict, be it the Spanish and British sides in Gibraltar in the 18th century, the Rhineland under the Treaty of Versailles, the demilitarized zone in Hebei under the terms of the Tangu armistice in 1933, etc.²⁷⁶ The scientist draws attention to the conformity of the establishment of the buffer zone regime with international law, the restriction of the civil rights of the local population, compliance with the laws of war and legal remedies²⁷⁷. A number of authors consider buffer zones from the point of view of a tool for protecting the territory of a state from enemy invasion, ensuring the security and defense of the

²⁷⁴ Ibid. C. 223.

²⁷⁵ Katz E. Between here and there: buffer zones in international law // University of Chicago Law Review. 2017 Vol. 84 Is. 3. Article 7. P. 1379-1423.

²⁷⁶ Ibid. P. 1380.

²⁷⁷ Ibid. P. 1382.

country, etc.²⁷⁸ In this regard, there is a negative perception of the buffer zone: it is always in the zone of conflict and confrontation and is associated with demilitarized, unmanned and other zones.

A broad approach dominated at the turn of the 19th – 20th centuries, at the height of the “great game”, and made it possible to look at the buffer zone not only from the standpoint of military tasks, but also its identity as a frontier, which, on the one hand, softens the contact of certain states (powers) among themselves, on the other hand, it serves as a kind of "melting pot" of peoples, languages and cultures of the border zone, a place for a dialogue of cultures. At the same time, the buffer ensured the advancement of one or another state deep into the territory of interest, and not always by military methods (for example, the Japanese side in 1935–1937 controlled a territory with a population of about 100 million people, without resorting to military force, although actively threatening it). The buffer can be used as an appropriate springboard for solving geopolitical, economic, cultural and other problems. Such a buffer zone is perceived positively, because by creating a comfortable environment for the interaction of people living within its boundaries, it contributes to strengthening peace and stability in the space of the state borders of the powers.

In his speech on boundaries, delivered on November 2, 1907, at the invitation of the Vice-Chancellor of Oxford University, the former Viceroy of India, Marquis D. N. Curzon²⁷⁹, an ardent defender of the theory of buffer states, described in detail how the buffer zones themselves in their historical retrospective, and their signs.

Marquis Curzon mentions the concept of a neutral zone (belt) and the contemporary idea of a deliberately neutralized territory: a zone or a state. As a goal, he designates the separation of two powers whose contact could provoke a clash, and illustrates it with the experience of a primitive community that created a special zone to prevent the seizure of its territory to modern states, which for the same

²⁷⁸ *Hafeznia MR, Ahmadi S., Hourcad B.* Explanation of the Structural and Functional Characteristics of Geographical Buffer Spaces // *Geopolitics Quarterly*. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 1–40.

²⁷⁹ *Curzon G. N.* *Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston...* Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 1907. November 2/2d ed. Oxford Clarendon Press, 1908. 58 p. [Electronic resource]. Access mode: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers/Front_and_end_matter.

purpose create a buffer through diplomatic conventions and seek appropriate sanctions in format of international law.

N.D. Curzon has no doubt that the modern powers creating buffer zones, declaring the need to avoid contact or clashes, are actually trying to avoid diplomatic difficulties or postpone the solution of the problem to the future. As an example, the British statesman cites a 25-kilometer strip on the right bank of the river. The Mekong in Southeast Asia, which Siam was forced to abandon in favor of France as a result of the Franco-Siamese War of 1893. In the book *Through the Buffer States* published in 1896: an account of recent travels in Borneo, Siam and Cambodia²⁸⁰, James MacGregor, without going into theories and concepts, characterized the policy of the French authorities in the territories they occupied as occupational and ridiculed their persecution of representatives of the local political elite, aristocracy and princes of the blood "for the terrible crime of defending their homeland"²⁸¹. Curzon called such actions a diplomatic fiction, a temporary measure that impedes the effective solution of the problem²⁸². Similar in character and result, he points out (1) the buffer zone created by Britain and Germany in the hinterland of present-day Ghana (then the Gold Coast) in 1888; (2) a small buffer zone that A. F. Primrose, Earl of Rosebery, tried to create in 1893-1895 on the border of India and French Indochina in the upper Mekong with a view to transforming it into a British-controlled buffer state; (3) the buffer zone between the Central African territories of Great Britain and its European rivals, created by the agreement of 1894 between the Belgian King Leopold II and the Congo Free State, on the one hand, and the authorities of the British possessions adjoining it, on the other; as well as a group of 6 small states under the common name *Sis-Sutlej (Cis-Sutlej)*, which existed in 1809-1862, which were formally subject to the sovereignty of the Sikh Empire, but which were forbidden to have armed forces, which led to the violation of the agreement of 1809 and to the next wave of Sikh wars²⁸³.

²⁸⁰ *MacGregor J.* Through the Buffer state a record of recent travels through Borneo, Siam and Cambodia. London: F. V. White, 1896. XV, 290 p.

²⁸¹ *Ibid.* P. VI.

²⁸² *Curzon G. N.* Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston... P. 28.

²⁸³ *Curzon G. N.* Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston... P. 29.

Marquis Curzon speaks about the artificiality and fragility of buffer zones when referring to US policy towards the Indians. He calls it expansionist, and the work of creating such buffers is useless²⁸⁴. Arguing his position, he refers to the George III Proclamation of 1763 and attempts to build a buffer along the Indian border by buying Indian lands and settling European colonists on them. A buffer created by the British primarily to protect the territory of the indigenous inhabitants of the continent from the colonial encroachment of Europeans, and at the same time protected European settlers from Indian raids. The buffer construction system was later adopted by the Americans as they moved inland and created Indian reservations²⁸⁵. However, now it served not as an instrument for protecting the Indian territories, but, on the contrary, as an instrument for pushing them deep into the continent, where reservations later began to form, and securing them on the occupied lands. Therefore, looking ahead, we emphasize that both in the period we are studying in East Asia, and at the turn of the 18th - 19th centuries in North America, the buffer acted not only for protection, but also for securing the occupied territories. N.D. Curzon explains the artificiality and fragility of buffer zones by the lack of clear principles for their creation, a system for ensuring their existence in the form of established guarantees and power structures.

From the point of view of the ideological message of the creation of a buffer state, the brochure "Finland: the buffer state of Europe" is very interesting²⁸⁶, written on the basis of a speech by a doctor of Finnish origin Johannes Walter Wilhelm Hoving (1868–1954) and published in 1915 in New York.

After tracing the history of the country, Hoving predicts "[to] the bloodshed of the coming revolution in Russia" and "Russian hatred of foreigners - Europeans and Americans" and, mistaken about the victory of Germany, Austria-Hungary and Turkey, concludes that "... one thing is certain: the situation in Russia will contribute to significant changes after the conclusion of peace. It is doubtful, to put it mildly,

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Ibid. P. 30.

²⁸⁶ *Hoving J.* Finland, the Buffer-State of Europe / authorized transl. by F.C. DeWalsh, Ph. D.; Published and distributed by the German-American Literary Defense Committee. NY, 1915. 16 p.

that the current tsar, the Grand Duke [of Finland] and the rest of the members of the Romanov dynasty would retain their influence in state affairs after the revolution. Moreover, it is impossible to know in advance which party will be the strongest, but it is known that the most radical, as always in the case of a revolution, has the best chance of winning.... Be that as it may, the pan-Slavist movement is associated with the possibility of surviving a real war, and as long as it exists, it will continue to threaten Europe. The only possibility... to suppress this movement for many decades is to separate the Russian border from the European border by neutral states. The danger for Sweden and Norway exists as long as their territory borders on Russia, but [this danger] can be eliminated only by making the Grand Duchy of Finland a neutral state²⁸⁷.

The author states that relying on the Franco-British allies is a serious mistake, because "... the governments of these so-called "liberal-minded freedom fighters" never did anything for other countries. On the contrary, British policy conquered and suppressed small and weak nations whenever it was possible to exalt itself, and the French love of freedom, once known in everything, cannot today be relied upon"²⁸⁸, and further: "Before the establishment of permanent international peace, a number of crimes and the errors [against the enslaved races and peoples] present in the history of the last few centuries must be corrected, and the surviving races must regain their independence. Finland should not be an exception to this rule. There are many races that have lived side by side for centuries without uniting. They have retained their language and have an ancient identity as well as their own interests. All of them, or at least the vast majority of them, should gain independence from their neighbors. Therefore, if the conditions of peace are capable of putting an end to the current global conflagration and include a radical change in the map of Europe, they will be a blessing to all mankind²⁸⁹. "

The idea of turning the territory of the country into a kind of sanitary buffer

²⁸⁷ Ibid. P. 14.

²⁸⁸ *Hoving J.* Finland, the Buffer-State of Europe ... P. 15.

²⁸⁹ Ibid.

prevails in the work, without taking into account the interests of the population, which, according to the author himself, "... was bought with Russian gold... and will oppose a neutral and independent Finland. All the inhabitants of the country have always been and remain loyal [to Russia]..."²⁹⁰ The author does not analyze the state structure, the state institutions of independent Finland, the priorities of domestic and foreign policy, in connection with which he considers the country not so much as a buffer state, but as a buffer zone.

Turning to the practical side of the issue and analyzing the process of creating and maintaining the existence of buffer zones, let's turn to Japan and its experience in creating the so-called Pacific buffer. E. Vsegov in the journal "International Affairs" writes that from 1914 until the end of the First World War, Japan adopted and ensured the implementation of a number of shipbuilding programs, the crown of which was the so-called double eight-ship program, which led by 1927 the country to the creation of the largest in the fleet region: "The actual "victims" of Japan in Washington were expressed in 24 combat units... Japan's consent to the "troika" in the Washington ratio of 5:5:3 was allegedly bought by the Americans at the price of refusing to modernize the bases in the Philippines and Fr. Guam and the creation of a disarmed island buffer zone in the middle of the Pacific Ocean. Having fulfilled its Washington obligations, Japan continued without delay to build light cruisers, destroyers and submarines²⁹¹. Thus, the Japanese, as later in the Chinese territories occupied and controlled by them, "killed two birds with one stone": they created a foothold and formed a kind of "sanitary barrier". February 6, 1922 at the Washington Conference of 1921–1922 representatives of the USA, Great Britain, Japan, France and Italy The Washington Naval Treaty was signed, which limited the ability of the United States and Great Britain to build and strengthen military bases in the Pacific Ocean, providing Japan with significant strategic advantages in this region. As a result, having provided itself by the end of the 1920s buffer bridgehead in the middle

²⁹⁰ Ibid.

²⁹¹ Vsegov E. Vashington i Londonskaya morskaya konferenciya / E. Vsegov // *Mezhdunarodnaya zhizn`*. 1930. № 3. S. 23–24.

of the Pacific Ocean, Japan began to form a similar buffer on the continent.

After the end of World War II, similar large-scale non-military buffer zones were created by both sides within the eastern bloc of the pro-Soviet states of Central and Eastern Europe and the western bloc of the pro-American states of Western Europe. Against the backdrop of these events, the Soviet side actively criticized the “balance of power” or “atomic balance” system²⁹², where “[in] the methods of maintaining, along with alliances and blocs, an arms race, interference in the internal affairs of other states, the creation of buffer zones, the implementation of policies” divide and conquer”, etc.²⁹³

At the same time, during the Cold War, the official authorities considered certain territories of Finland not as an object of encroachment by other powers, but as a springboard for attacking enemy forces between the armed forces of the USSR and NATO, which made it possible to consider them with appropriate strengthening and increasing defense capacity as a buffer zone. Representatives of the Finnish military command regarded the attack on their country as justified only from a military-strategic point of view, and the seizure of its territory as potentially possible to ensure the transit movement of the armed forces of the conflicting parties. Among the territories potentially considered as a buffer, up to the mid -1980s Lapland acted, providing access to NATO forces when invading the territory of the Murmansk region or to Soviet troops when trying to occupy Northern Norway. However, for the allies, the land operation presented significant difficulties, so the Finnish military traditionally considered the broad buffer zone formed by the adjacent Finnish and Swedish air and water spaces to be suitable for deterring an attack, while the flight time of the attacking aircraft to a potential target increased, and the combat time the most reduced. However, after deployment in the 1980s cruise missiles, the need to invade land or territorial waters has disappeared, and the threat to the integrity of Finnish airspace has become tangible. Now, Southern Finland and the Åland Islands

²⁹² Zaxarova N. V. O tak nazy`vaemoj teorii «ravnovesiya sil» / N. V. Zaxarova // Sovetskij ezhegodnik «Mezhdunarodnogo prava». 1959 (Soviet year-book of international law. 1959). M.: Izd-vo ANSSSR, 1960. S. 272.

²⁹³ Ibid. S. 280.

acted as the most likely buffer zone, since this territory ensured the invasion of both Southern Norway through Sweden and the territory of the Leningrad Region through the Baltic Sea²⁹⁴.

Other states also did not escape the fate of creating buffer zones under different circumstances, but with a similar goal - to confront open armed conflicts. For example, the agreement on the cessation of hostilities in Vietnam of July 20, 1954 established a temporary military demarcation line, on both sides of which, after their withdrawal, the armed forces of both sides were stationed: the forces of the People's Army of Vietnam - to the north of this line; the forces of the French Union - to the south of this line. On each side of this demarcation line, a demilitarized zone has been established with a maximum width of 5 kilometers from this line, in order to serve as a buffer zone and avoid any incidents that could lead to a resumption of hostilities²⁹⁵.

A short-lived buffer or a kind of "sanitary" zone was also part of the Algerian territory, created between relatively independent Muslim regions and territories under the rule of colonists who collected information about indigenous peoples and carried out administrative functions²⁹⁶. When, in July 1974, Turkish troops established control over the main strategic objects of Northern Cyprus and advanced towards Nicosia, in order to resolve the conflict, it was decided to create a buffer zone patrolled by UN forces between Cypriots and Turks²⁹⁷, after which an agreement was reached on a meeting of representatives of the parties in Geneva, and the conflict was resolved by the actual division of the island into Greek and Turkish zones. The buffer zone, which included the strategically important Mitla and Gidi passes, was established between Egypt and Israel in accordance with the agreement signed on September 4, 1975 in Geneva on the separation of Egyptian

²⁹⁴ Finland: A Country Study / ed. by Eric Solsten and Sandra W. Meditz. Washington, DC: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., USGPO, 1990. P. 300.

²⁹⁵ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh SSSR s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. XVI: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 yanvarya i 31 dekabrya 1954 goda / Ministerstvo inostrannyh del SSSR. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 22–24.

²⁹⁶ Algeria, a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, DC: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., USGPO, 1994. P. 27.

²⁹⁷ Turkey: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, DC: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., USGPO, 1996. P. 53.

and Israeli troops in the Sinai Peninsula, with the active participation of US Secretary of State H. Kissinger²⁹⁸. Thus, in the second half of the XX century The buffer zone was used as a tool to stop and extinguish military conflicts, in contrast to the first half of the century, when it was also a zone of influence of the great powers and a springboard for them to achieve their geopolitical goals.

Thus, the most typical and frequently encountered features of buffer zones are:

- the obligatory presence of a specific goal, which in the most general form is designated as smoothing out the contradictions existing between states;

- flexibility in determining the size of the buffer zone, which depends on the intended purpose of its creators, which allows it to be relatively small, within a few kilometers, or to include large spaces and other polities;

- international legal regulation in the format of a bilateral or multilateral agreement with the participation of states and/or the international community;

- cession by the contracting state of a part of state sovereignty over its territory falling within the buffer zone, while taking into account the interests of the parties;

- artificiality, the absence of statehood and its traditions for the entire zone as a whole, a weak historical "backup". Unlike a polity that claims to be a state, buffer zones do not need state attributes, but this does not mean that the territory of a buffer zone cannot include states or part of it with signs of statehood (for example, an area or region that was once had been independent in the past);

- the possibility and sufficiency of the conditions of the pre-state state, allowing in the foreseeable future to transform into an "artificial" state;

- a temporary instrument of stability, "freezing" the problem and the need in the foreseeable future to take more radical and effective steps to resolve the existing contradictions;

- frontier character, which implies the presence within the buffer zone of many peoples, cultures, values, etc.;

- the presence of a sufficient number and set of tools to ensure political unity

²⁹⁸ Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz a i mezhdunarodny`e otnosheniya: sb. dokumentov. 1976 god. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1977. S. 205.

within its boundaries, including the unity of institutions, norms and their application.

So, a buffer zone should be understood as a competitive political and geographical space created by the international community or states in the zone of potential or real geopolitical or local conflict in order to prevent a collision between two states, to localize or extinguish the conflict. At the same time, in our opinion, it is important that the buffer zone has a legal status recognized by the parties to the conflict (and, possibly, by other actors who are allies of one side or another or are involved in resolving or preventing the conflict) legal status. This status is fixed, as a rule, in an international agreement and has temporal and spatial limitations of its action due to the time limits of the conflict and/or the spatial limits of the interests of its parties. It is possible that the legal status of the buffer zone may not be so unambiguous, controversial in the absence of an agreement between the parties to the conflict or its contradictory content. Hence, the buffer zone can also be considered as an international legal regime with corresponding rights, obligations and consequences not only in relation to the subjects of its establishment and provision, but also to other persons (for example, local residents, foreign citizens, legal entities, etc.).

Obviously, in relation to the region of East Asia and within a specific historical period, these signs and definitions can be adjusted in a certain way, taking into account the historical, cultural, ethnic and other characteristics of the region, but in essence, as time and experience have shown, they remain stable.

1.3. The concept of buffer statehood in political history and theory

The creation and existence of buffer states is a historical legacy of some regions of the globe that survived the era of colonial wars, international and interethnic conflicts, the "old" and "new" big game, etc. At the same time, buffer states are an indispensable attribute of the modern foreign policy of individual countries that were once called the great powers. This issue began to be discussed especially actively

after August 2008 and March 2014, when a number of researchers, inspired by anti-Russian rhetoric, began to actively position Georgia, Ukraine²⁹⁹ and some other countries of the former socialist bloc as a buffer³⁰⁰. For example, the work of the well-known Georgian scientist and politician Tornike Turmanidze "Buffer states: the politics of influence, foreign policy and conceptualization"³⁰¹, written from the standpoint of the theory of realism and the geopolitical approach, contains a study of geographical and ethno-cultural aspects, geopolitical factors of the past and present, the place of buffer states in the international hierarchy of power and politics of the "great powers". (The author actively uses anti-Russian rhetoric, for example, the term "Russian occupation" and the like.) Therefore, for us, the definition of "buffer state" has important both theoretical and practical significance³⁰².

When determining the admissibility of referring a particular state to the status of a buffer state, it is necessary to take into account the balance of power in the region under consideration, since it is the power, military, economic, and in some cases, as, for example, it was with the Chinese buffer states of the 1930s, and psychological the method of pressure is an integral part of the researched policy of regional powers to build buffer territories in East Asia. And the volume of resources of power centers, seeking to ensure control over the space they need, ultimately ensures the possibility of the size of the controlled territory, the development of the resources necessary to maintain the functioning of the state system and achieve the goals set.

The term "buffer state" is being actively explored by Western scholars who, using various approaches, seek to explain both the policy of Western powers in

²⁹⁹Menon R., Snyder J. Buffer zones: Anachronism, power vacuum, or confidence builder? // Review of International Studies. 2017. No. 43. P. 1–25.

³⁰⁰ Mearsheimer J. J. Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin // Foreign Affairs. 2014. P. 77-89 [Electronic resource]. Access mode: https://acamedia.info/politics/ukraine/Mearsheimer_2014.pdf.

³⁰¹ Buffer states: power policies, foreign policies and concepts / ed. by Tornike Turmanidze. Hauppauge, N. Y.: Nova Science Publishers, 2009. XI, 147 p.

³⁰² Dudin P. N. Buferny`e gosudarstva kak instrument obespecheniya strategicheskogo prisutstviya v regione Vostochnoj Azii: sovetskij i yaponskij opy`t / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2018. № 6. S. 50–65; *He is*. Buferny`e gosudarstva Severo-Vostochnoj Azii. Severny`j i Vostochny`j Kitaj / P. N. Dudin. Penza: Sociosfera, 2018. 474, XXXIII s.

relation to the territories they once controlled, and the actions of modern states that compete with each other for influence in the international arena.

Thus, Michael Greenfield Partem in his article "The Buffer System in International Relations"³⁰³ analyzes the buffer states from the point of view of the origin, development and resolution of the conflict. The author examines the international legal status, foreign and domestic political conditions, geographical and other factors in relation to Afghanistan from 1868, when Emir Shir Ali Khan reunited the country under his rule, and until the overthrow of the regime of Muhammad Daoud; Cambodia - from the moment of independence to the coming to power of the Khmer Rouge; Lebanon - from the moment of declaration of independence to the localization of the incident organized by the Syrian military in December 1980 - June 1981, including the short period of the existence of a free Lebanese state; as well as Belgium - from the moment of declaration of independence until the restoration in February 1945 of the powers of the national government. Among the main conclusions of the scientist is the desire of the buffer states for neutrality and its support by the warring parties.

Recognized authorities on the issue under study John Chey and Thomas E. Ross in their book *Buffer States in World Politics*³⁰⁴ in the mid-1980s on the wave of anti-Soviet and anti-socialist sentiments, they paid attention to the economic side of the issue. In this regard, the authors stated, firstly, the growing activity of the socialist countries in promoting their ideas in the world, and secondly, referring to statistical data, the weakness of their economies, the low competitiveness of Afghanistan and Hungary, traditionally perceived as buffer countries. It should be noted that the authors did not give a clear definition of a buffer state, considering as examples countries that were more likely in a transitional or close to a transitional state, or the political situation in which was close to destabilization, which reduces the objectivity and reliability of some of the stated positions.

³⁰³*Partem M. G.* The Buffer System in International Relations // The Journal of Conflict Resolution. 1983 Vol. 27. No. 1. P. 3 - 26.

³⁰⁴Buffer states in world politics [Electronic resource] / ed. by John Chay and Thomas E. Ross. Boulder: Westview Press, 1986. Mode Access: <https://archive.org/details/bufferstatesinwo0000unse/page/n7/mode/2up>.

By itself, being located between the great powers or large states does not imply the status of buffer states for their smaller neighbors. Here, attention should be paid to the country study project “ Country Studies ”, which was implemented in the 1980s – 1990s under the auspices of the Library of Congress and, until 1997, funded by the Federal Research Administration. The result of the project was a series of fifty books containing the richest material on the history and culture of the most significant states of our time. The authors of the materials used the term "buffer" in relation to many states of South America, Asia and Europe.

Another study titled "The Geopolitics of Buffer Spaces: A Characterization of Iran's Buffer Situation Between the Great Powers in the 19th and 20th Centuries"³⁰⁵, which reveals both the theoretical basis of the concept of a buffer state and its practical implementation, is written by Cyrus Ahmadi, Mohammad Reza Hafezni and Bernard Hourkad. This work is interesting because of the attempts made to analyze in detail the characteristics and functions of the buffer state and its scientific definition.

At the beginning of the work, the authors propose a general and very simplified model of the functioning of the buffer, which boils down to the fact that among the potential "players" in the structure of the regional political order there are two superpowers seeking to ensure control over the world and its geopolitical regions, competing with each other at these levels. Their goal is to control and dominate in a certain geographical space, where between the zones of their influence there is a territory called the “vacuum of space”. It is she who acts as a buffer.

Powers opposing each other consider the buffer an important link in the system of international relations, and therefore seek to control it, while simultaneously studying and predicting the behavior of the counterparty. The buffer itself, due to its weakness, is not able to provide control over its own territory. The prevention of a conflict that can escalate into hostilities is carried out by the powers themselves by

³⁰⁵ *Ahmadi S., Hafeznia M. R., Hourcad B.* Geopolitics of Buffer Spaces: Characteristics of Iran's Buffer Situation Between Great Powers in the Nineteenth Century and Twentieth Century / Science International. Lahore, 2013. P. 1019–1030 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.sci-int.com/pdf/888971359-1019-1030-%20Syurus%20AhmadiGeopolitics%20of%20Buffer%20Spaces%20-%20IRAN%2025-3-13.pdf>.

restraining their actions while simultaneously limiting the activities of the counterparty and striving to ensure the transfer of the leadership (government) of the buffer to their side, which aggravates its weakness while expanding the influence of the powers on the buffer state.

Then, using the structural-functional approach to the definition of the buffer state, the authors proceed to consider Iran as a buffer space in the historical retrospective and at the present stage, however, we are interested in the general theoretical message in this work.

The concept of buffer space is based on a systemic view of the geopolitical situation, derived from the regional and global system of competition, and assuming "dynamic rivalry between powers"³⁰⁶. Based on this approach, the authors (with reference to relevant sources) establish the most important characteristics of buffer states.

1. A buffer state is a weak state of small size, probably without a foreign policy position of its own towards two or more powerful neighbors, and thus serving to suppress international aggression.

2. A buffer state is a kind of balance between two or more powerful powers, maintained or even created in order to reduce the conflict between them.

3. A buffer state is a small independent state that lies between two large, usually rival powers, acting as a tool to reduce the risk of conflict between them.

4. A buffer state is a weak state created mainly to prevent conflicts and fight between two powerful states.

5. A buffer state is a small political unit located between large states.

6. To ensure a balance between two large states, a small, buffer, state must be independent and neutral, etc.

The list of features and characteristics presented by the authors of the work testifies to the stereotypical approach to the study of buffer states. Based on the definition of a buffer state used by most researchers, the authors of the analyzed

³⁰⁶ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Space... P. 1019.*

article give a standard set of its features, “wandering” from one work to another. We will try, where possible, to correlate this point of view with the point of view of other scientists.

Let us turn to those of the signs that are most often mentioned in the works of famous scientists and are typical or the most repeated.

1. Geographic feature: the location of the buffer state between two competing ones. Due to the fact that the territory is of decisive importance for any political unit that claims to have statehood, the territorial space of the buffer state needed additional characteristics, which³⁰⁷ were given by the authors of the article. Among them is location, which has been identified as one of the most important conditions for creating a buffer, since spatial boundaries are determined by the territory in which the conflict occurs. The controversy of this thesis was confirmed by the rivalry between the majority of the great powers of the past and the superpowers of the present - they rarely had and have a common border.

2. The presence of strategic routes for the transportation of certain resources³⁰⁸. However, in our opinion, we are talking about the resources for which the powers are fighting, and if they were not there, then there would be no reason for the conflict and the search for a way out of it and, accordingly, for giving this or that polity the status of a buffer.

3. The goal of creating a geopolitical balance is to reduce the severity of the conflict between the two aggressor powers. This thesis implied that the buffer state should have special geographic, ethnic, strategic and military resources that attract the interest of the great powers.

4. The buffer state itself is a small state and a weak player in the structure of the world political order. The authors state that since the middle of the XX century buffer states have been studied within small and weak countries. This sign is doubtful, because, firstly, it is necessary to understand the sphere of “weakness” (military, economic, political, etc.) and, secondly, weakness is an evaluation

³⁰⁷ *Ahmadia S., Hafeznia MR, Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1019–103.*

³⁰⁸ *Buffer states in world politics...*

category that is destroyed by the very supporters of this characteristic, as only they begin to give examples, among which Mongolia is necessarily present between Russia and China³⁰⁹: it is known that this country has been implementing the concept of a “third neighbor” for a decade and a half and has been doing it very successfully, and the existing control over a significant part of the economy of this country China's side can also be seen as a tactical move. The weakness of the stated thesis is compensated by an attempt to concretize it: the authors themselves draw attention to the fact that the size does not affect the state of the buffer state and that sufficiency of forces and means is key for its self-determination, otherwise neighboring powers interfere in the affairs of the buffer state or capture it.

5. International status: neutrality in foreign policy, political independence and the ability to independently, without the participation of a third party, implement domestic policy and exercise internal control (whether we are talking about state sovereignty, the authors do not explain). Researchers believe that a buffer state should be completely independent or autonomous and be able to ensure national sovereignty, and cite Belgium as an example, whose sovereignty was recognized by Great Britain, Austria, France, Prussia and Russia on the basis of the London Treaty of November 15, 1831³¹⁰. A similar point of view is shared by John Chey and Thomas Ross, who attribute small size and neutral status to the features of a buffer state³¹¹, which is difficult to agree with, firstly, because of the estimated size category, and secondly, because of the neutral status, which legally may be proclaimed, but in practice in some cases it is impossible.

6. A special way of formation: buffer states are sometimes created through the use of force. Only the specification “sometimes” “saves” this sign in connection with the examples in history of the forcible creation of the political formations we are studying. As an example of the effectiveness of the contractual creation of a buffer state, one should cite the port of Fiume, which gained independence through an

³⁰⁹ *Makoshev A. P. Politicheskaya geografiya i geopolitika / A. P. Makoshev. Gorno-Altajsk, 2007. 61 s.*

³¹⁰ *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B. Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1021.*

³¹¹ *Buffer states in world politics... P. 91.*

international treaty, the process of developing which, as well as the process of forming the political will of the contracting parties, most clearly illustrates the solution of the “Adriatic issue” related to the political and territorial settlement of relations between Italy and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (future Yugoslavia). All its results were documented³¹² and included the Joint Memorandum of December 9, 1919, the revised British-French Proposals of January 14, 1920, the French and British Ministerial Declaration of January 23, 1920, the Note of President Wilson of February 10, 1920, a reply from the French and British Prime Ministers on February 17, 1920, and a note from President Wilson on February 24, 1920.

Of considerable interest to us is the joint Memorandum of December 9, 1919, the draft of which was prepared by the US Department of State, signed in Paris by the French Prime Minister J. Clemenceau, the head of the British delegation at the Paris Peace Conference, Ira Alexander Crowe, and the head of the American delegation, Deputy Secretary of State Frank Lion Polk. The memorandum was submitted for public review on February 26, 1920. The preamble noted that the governments of Great Britain and France expressed their opinion in a note to US President Wilson on September 10, 1919, and although unanimity has not yet been reached, the parties have agreed on their positions on key moments - the creation of buffer states in order to ensure peace and security in the region. The agreed points were set out in an American memorandum handed over to the Italian delegation in Paris on October 27, 1919. The memorandum included the following positions on the creation of a network of buffer territories along the Italian-Yugoslav border.

Firstly, it was about the border historical region of Istria, which was supposed to be transferred to Italy and for which it was proposed to fix a new border not within its historical limits, but in an expanded version, which would allow concentrating more than 300 thousand “Yugoslavs” on this territory. Taking into account the interests of Italy, the geographical and economic position of the region, the parties, in violation of the ethnic balance, agreed to increase the territory of the new political

³¹² The Adriatic Question // Present. by mr. Hitchcock, February 27.1920 / Ordered to be printed. Washington Government Printing Office, 1920.

entity to the east in such a way as to include the Albona region (the modern city of Labin in Croatia), which significantly increased the number of ethnic Slavic population in the region.

Secondly, it was supposed to declare the Assling area (a modern commune in the federal state of Tyrol, a community in Germany, in the state of Bavaria) a permanent demilitarized zone, to create a group of observers with the authority to direct contacts with Italian government structures³¹³. In relation to this territory, the situation was complicated by the fact that the area was inhabited mainly by Slavic peoples (18 thousand against 1500 Germans)³¹⁴.

Thirdly, the city of Zara received a buffer status, which was endowed with autonomy in customs and a number of other issues while maintaining it as part of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes and under the supervision of the League of Nations³¹⁵.

Fourthly, in order to strengthen the strategic security of Italy, V. Wilson, by agreement with the Italian government, supported the idea of creating a buffer state based on the city of Fiume and its environs between the Italian territories in the Adriatic and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, in which about 200 thousand The population were ethnic Slavic peoples, as opposed to 40 thousand Italians. To maintain order, the new state was supposed to be placed under the control of the League of Nations³¹⁶. To protect the interests of the ethnic majority in the territory of the projected buffer state, it was supposed to organize a plebiscite to provide the population with the opportunity for self-determination, and the degree of independence of Fiume was the same as during the existence of the Austro-Hungarian Empire³¹⁷. Following this, Italy tried to achieve exclusion from the zone of the buffer state directly of the territory of the city itself, with the exception of the port, but could not achieve this, and the status of the new buffer state was reinforced by the Rapallo Treaty of 1920, which was in force until 1924, when the political will

³¹³ The Adriatic Question... P. 4.

³¹⁴ *Baerlein H.* The Birth of Yugoslavia. London, 1922.

³¹⁵ The Adriatic Question... P. 5.

³¹⁶ Ibid. P.4.

³¹⁷ The Adriatic Question... P. 5.

of the two sides , Italy and the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, allowed the liquidation of this political structure without the threat of military or other conflict, which was enshrined in the Treaty of Rome in 1924.

At the same time, we have to admit that buffer states are not always created by agreement, in some cases this happens for other reasons.

The named set of characteristics of a buffer state is given in the study by S. Ahmadi, M. R. Hafezni and B. Hourkad, devoted to the buffer situation of Iran between the great powers in the 19th–20th centuries³¹⁸. And further, the authors propose to define a buffer state as a geographical space in which there is one or more independent, neutral political units that are adjacent to either two or more rival superpowers, or to other states and are in their sphere of influence, or to two rival political units blocs, separating them and reducing the likelihood of conflict or struggle between them, provided that both sides agree on the existence of a buffer state³¹⁹.

Another controversial thesis: about the impact on the "buffer" environment, for example, natural features, hard-to-cultivate land or a population settled over the territory. The examples of Afghanistan, Austria and Yugoslavia cited by scientists, although they have real historical conditions for the state of buffering, it is hardly possible to speak of these states as such throughout their history - each of these countries at a certain historical stage could claim the status of empires. However, the authors do not disclose the reasons for classifying them as buffers.

And, finally, the thesis about the buffer space as a frontier, a contact zone, a "melting pot" of cultures and ideologies, a "zone of cultural transition"³²⁰. This thesis can be developed. Of course, the powers had and have the opportunity to rebuild or influence the change of the state border, but this issue is transformed from a legal one into a political one, and the modification of borders leads precisely to political consequences, so the powers try not to resort to this measure. According to the just

³¹⁸ *Ahmadi S., Hafeznia M. R., Hourcad B.* Geopolitics of Buffer Space...

³¹⁹ *Ibid.* P. 1020.

³²⁰ *Van Valkenburg S., Stotz C. L.* Elements of Political Geography. Englewood Cliffs: Prentice - Hall, Inc. , 1955.

statement of Lord J. Curzon, the construction of a rigid border is impossible³²¹. However, this is not required, it is much more important to comply with the simple condition of not violating the zone of primary interests or influence of the counterparty, the very formal line of drawing the state border and delimiting the territory is important, but does not play a decisive role. A buffer state is not being created in an empty place: the disputed territory, its status and resources have a long history, and the existing borders have a long history, the change of which can lead to conflict.

Back in 1962, the American political scientist C. Boulding singled out a special type of borders between macro-regions - "critical borders"³²², which outline spheres of influence, and not the spatial limits of the state's exercise of its sovereignty as a state border in its traditional sense. Evidence of this is the conclusion by Russia and Japan in 1907-1912 already after the signing of the Treaty of Portsmouth, several agreements that legally changed the state border of the Russian Empire on Sakhalin. On February 3, 1932, the Singapore Free Press told a whole story about this, and the news under the heading "Exclusive" was published in the Daily Express, which reports the conclusion of an important secret Russo-Japanese agreement, under the terms of which Japan was granted significant superiority over the vast territories of Manchuria and Mongolia. The proposed specific points included the purchase by Japan of Russian assets in the southern part of the CER and Russia's non-intervention in Chinese affairs connected in any way with the Pacific coast. However, already on February 13, the Daily Express newspaper reported a refutation of the news and the termination of the Russo-Japanese treaty, and the Soviet Embassy in London stated that there were no grounds for the allegations published in the newspaper and similar information³²³, although it turned out to be true.

Of much greater interest is the study of the phenomena of the border area, the border area as an integration zone and the border population, which have repeatedly

³²¹ Kerzon G. *Indiya mezdu dvumya ognjami* / G. Kerzon // *Sbornik geograficheskix, topograficheskix i statisticheskix materialov po Azii*. Vy`p. IV. SPb., 1893. S. 178–190; *He is. Polozhenie, zanimaemoe Indiej v Britanskoj imperii* / G. Kerzon. Tashkent, 1911. 44 s.

³²² *Boulding K. E. Conflict and defense: a general theory*. N. Y.: Harper & Brothers, 1962.

³²³ *Russia's denial* // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1932. Feb. 15. P. 9.

become the object of research and descriptions³²⁴. Of undoubted interest is the infrastructure of the border region³²⁵, since it is it that allows either to build "bridges" between the powers, or to be used by them if the conflict could not be avoided.

Despite the fact that the existence of buffer states is often due to the opportunistic considerations of powers, the buffer states themselves perform "usual" nationwide functions that are transformed in the course of changes in the state apparatus, the tasks that arise before it, and other factors. Let us return to the work of S. Ahmadi, M. R. Hafezni and B. Hourcade, the final part of the general theoretical discussion of which is devoted to the internal and external functions of the buffer state and, in our opinion, is the strongest part of the entire work. The external functions of buffer states include:

1. Maintaining peace and separating the conflicting parties in such a way as to reduce the likelihood of physical (military) contact. Moreover, the survival of the buffer state itself depends on the effectiveness of the implementation of this function. An example of a buffer state that implements this function is Armenia and its surrounding historical territories. This country is still at the turn of the 1st century BC e. - I century n. e. defended the eastern borders of the Roman Empire from Persian raids, just as the Kurds defended Antropatena³²⁶. Today, these territories belong mainly to Iran and Turkey. Armenia and some of the other states formed on the fragments of Anthropatene are mentioned, in particular, among the Turkish military command as buffers capable of ensuring the security of the northern territories of this country from Russian influence in the Caucasus³²⁷.

2. Ensuring the rivalry of political elites in the formation of regional and global alliances, when at the interregional level the buffer state is under pressure from neighboring states in the matter of creating alliances and coalitions. An example here is Nepal, whose skillful foreign policy of maneuvering ensured a relatively stable

³²⁴ Prigranichny`e i transgranichny`e territorii Aziatskoj Rossii i sopredel`ny`x stran: problemy` i predposy`lki ustojchivogo razvitiya / otv. red. P. Ya. Baklanov, A. K. Tuloxonov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010. S. 124.

³²⁵ *Turmanidze T.* Buffer States: Power Policies, Foreign Policies and Concepts. Nova Science Publishers, Inc., 2012. R. 23.

³²⁶ Turkey: a country study... P. 9.

³²⁷ Ibid. P. 314.

position in the face of clear territorial claims by the two powers. The peculiar position of Nepal occupied the minds of its creators as early as the middle of the 18th century, when the founder of the Shah dynasty, which has now ceased to rule, called his state "a pit between two blocks." Today Nepal is the oldest nation state in South Asia, it was never colonized, and even the British, having failed to bring it under their control in 1814-1816, recognized its sovereignty. Three and a half decades later, the founder of the dynasty of prime ministers, Jan Bahadur Rana, received an official invitation from Queen Victoria to visit the UK. During the visit, he not only returned the occupied territories, but also obtained significant guarantees and military assistance from the British Empire. Henceforth, Nepal was balancing between Indian nationalists and the British presence in the region. Representatives of the clan relied on British military assistance until 1947, when the independence of India was proclaimed.

Then begins a period of balance between other participants in the so-called new Great Game (The New Big Game, New Great Game), according to most experts, began in the first decade of the 21st century and is characterized by political confrontation between the world's largest powers for control and influence in Central Asia. From a similar process of the late XIX - early XX century the new Great Game is different in character, objectives and the number of participants. However, the region remains unchanged - "Greater Central Asia", including Mongolia. If 100 years ago the confrontation between the British and Russian empires was predominantly military-political in nature, today the Great Game is based on the struggle for control over natural resources, primarily hydrocarbons (oil and gas)³²⁸.

In a speech before Parliament in 1950, Indian Prime Minister Jawaharlal Nehru, touching upon the issue of India's security and relations with Nepal, stated that since ancient times the Himalayas have been a reliable natural border protecting his country. In this regard, India was extremely interested in ensuring the independence of Nepal and did not intend to allow its weakening, which posed a threat to India's

³²⁸ *Mixalev A. V.* «Novaya Bol'shaya igra» v Central'noj Azii: faktor Mongolii / A. V. Mixalev // Nacional'ny'e interesy: priority i bezopasnost'. T. 9. 2013. № 2(191). S. 35.

security. Later, both Nehru himself and his successors declared that any Chinese attack on Nepal would be regarded as an aggression against India. One of the reasons for such harsh statements was the establishment of PRC control over Tibet, which was also considered a buffer against real or potential Chinese invasion. For more reliable protection, in the same 1950, the countries signed a treaty of peace and friendship, which included Nepal in the orbit of the Indian national security system³²⁹. A short armed clash over disputed territories in 1962, which did not directly affect Nepal, strengthened its status as a buffer state³³⁰. Mahendra took full advantage of the ensuing cooling of relations between his neighbors, skillfully maneuvering between them and bargaining for his country new roads, bridges and hydroelectric power stations, using as a "litmus test" the prime ministers under his control, sympathetic to either India or China.

Of course, the dependence of the small kingdom was felt in many aspects: this was especially clearly seen in 1989-1990, when the disagreements that arose due to some trade and transit issues, although they were resolved by signing an appropriate agreement, however, they left more and more rooted in the mass consciousness perception of India as a domineering and tough neighbor. In doing so, China was seen as a distant but softer power as a counterweight to India's perceived hegemonic ambitions in the region³³¹.

The change in the form of government did not have a significant impact on the foreign policy situation, but today the leadership of Nepal is not in the mood to play on the contradictions between its neighbors. New opportunities for development are opening up for the country by using its buffer position and the interest of both India and China in the stable political system of Nepal, since neither state needs a country ruled by a regime whose actions are neither influenced nor predicted.

3. Ensuring a balance of power between the parties and a "balance of tendencies and interests" of the great powers. Foreign policy may be: (a) neutral; (b) oriented

³²⁹ Nepal and Bhutan: country studies / ed. by Andrea Matles Savada. 3rd ed. Washington, DC: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U.S.G.P.O., 1993. P. 233.

³³⁰ Ibid. P. 234.

³³¹ Nepal and Bhutan... P. 197–198.

towards one of the powers and (c) relying on a third party (force). The first and third models help to maintain the status of a buffer, while the second turns the state into a "semi-buffer"³³², and the term itself is not disclosed.

Jordan is an example of a neutral buffer state. So, back in 722 BC. e., when Israel opposed Assyria and lost, a certain part of modern Jordan was allocated to a special area and served as a buffer controlled by the Assyrian side³³³, was used as such in all subsequent conquests and the emergence of numerous empires and states. In modern times, the Hashemite Kingdom of Jordan continues to play the role of a kind of buffer. Created on the basis of the British Mandate in Palestine in 1921, it was originally an artificial formation: the northern territories gravitated towards Syria, the southeastern ones towards Arabia, and the western ones towards the Palestinian lands on the western bank of the river Jordan³³⁴.

In turn, the Jordanian leadership considered neighboring Iraq (artificially created at the same time as Transjordan) as a buffer against the radical Islamic policy of Iran and built close relations with the neighboring Iraqi authorities (the kings who ruled Iraq until 1958 were close relatives of the Jordanian monarchs). Although since the mid-1980s Jordan perceived its northern neighbor as a potential threat, it provided him with tangible military support³³⁵.

An example of a buffer state relying on a third force, at least in the process of its creation, is Uruguay, which plays the role of a buffer first between the Spanish and Portuguese viceroyalties, and then between the independent states of Argentina and Brazil. The foundation in 1720 by the Spanish colonists of the fortress of Montevideo put an end to the Portuguese presence in this part of the mainland³³⁶. The slave trade, the supply of ship crews and other related activities ensured the creation of new settlements in the interior of the country. This resulted in a vast

³³² *Ahmadia S., Hafeznia M. R., Hourcad B.* Geopolitics of Buffer Spaces... P. 1022.

³³³ *Jordan: a country study* / ed. by Helen Chapin Metz. 4 th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1991. P. 7.

³³⁴ *Ibid.* P. XXI.

³³⁵ *Jordan: a country study*... P. 226.

³³⁶ *Uruguay: a country study* / ed. by Rex A. Hudson and Sandra W. Meditz. 2nd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1992. P. 204.

natural buffer between the Spanish and Portuguese territories³³⁷. By the 20s 19th century in the "United Provinces" the contradictions between Buenos Aires and the "regions" escalate, a civil war begins. In 1821, Uruguay became part of Brazil, which in 1822 became the Brazilian Empire. Many representatives of the "Uruguayan elite" perceived the "Brazilian dominance" with satisfaction. Among them were those who called for "self-determination" as part of Brazil, having received "relative independence". But there were also those who did not want to put up with "foreign-speaking occupiers", finding their refuge in Buenos Aires. This city was perceived as "a symbol of liberation from European colonialists" and a center that united "Spanish-speaking independent provinces" around itself. Ultimately, the "Uruguayan question" led to a war between Argentina and Brazil. It lasted until 1828. Neither side could win a decisive victory. As a result, "European intervention" again played its role in resolving the issue, but this time not military, but diplomatic. It followed from the side of Great Britain, which also had its own trade and political interests in the southern part of independent America, and it was to its advantage to create a buffer state between Argentina and Brazil. Lord J. Ponsonbli turned to the warring Latin American powers with such a proposal. In the current situation, this was the only right decision. So the Uruguayans owe much of their independence to the UK.

On October 3, 1828, a peace treaty was signed between Brazil and Argentina, according to which they renounced all claims to the territory, and in 1830 the new state approved the Constitution. Both "big neighbors", according to the terms of the agreement, received the right to approve this Constitution. A small state with a population of 150 thousand people gained independence, but, playing the role of a buffer, remained under the influence of two Latin American powers³³⁸. This was due to the fact that, according to objective estimates, the country was not able to independently deter the invasion of one of the two states bordering it, as a result,

³³⁷ Ibid. P. 7 - 8.

³³⁸ See: *Yagodkin A. Istoriya Urugvaya. Nachalo. Kak vzniklo Urugvajskoe nezavisimoe gosudarstvo [E'lektronny`j resurs] / A. Yagodkin. Rezhim dostupa: <http://gumanitarmedia.ru/istoriauruguay/> (data obrashheniya: 01.08.2022); see: Punakha Treaty of January 8, 1910 as an amendment to the Treaty of Sinchila 1865. See: Uruguay: a country study... P. 203.*

agreements were reached with them, under which Uruguay received guarantees of assistance from one of them in the event of an attack on him another³³⁹.

An example of a buffer in South Asia is the political fate of Bhutan, which, like its “brother” Nepal, borders on India and China, but has a number of distinctive features, if not in a formal legal and political, then in an applied perspective. Firstly, Buddhism played a significant role in Bhutan, which is why the country had centuries-old close ties with Tibet and China. Secondly, already in modern times, Bhutan became the first state to recognize the independence of Bangladesh, as a result of which the economic, cultural and social ties between Bhutan and Bangladesh turned out to be much more profitable than the ties between Bhutan and India. Thirdly, in its foreign policy, Bhutan relied mainly on India, although its leadership, like the leadership of Nepal, does not seek to use contradictions, trying to make its foreign policy balanced and predictable, which was facilitated by many years of forced maneuvering between major powers.

Like Nepal, Bhutan was not captured by European colonists and, despite several military conflicts that took place, skillfully used British positions in the region to ensure its own security, becoming a buffer between British possessions and the Qing Empire (1904–1910), Tibet was not formally part of into its composition. After the independence of India in 1947 and the proclamation of the PRC in 1949, the country retained its buffer status, since the territorial disputes between the two leading Asian powers were not resolved. China's territorial claims also took place with regard to Bhutan, whose interests were defended by India, which concluded an agreement on peace and cooperation with Bhutan in 1949. During the Indian-Chinese conflict in 1962, the king allowed Indian troops to move through the territory of Bhutan. Indian Prime Minister D. Nehru confirmed in 1958 that any act of aggression against Bhutan would be perceived as an act of aggression against India itself

³³⁹ Nepal and Bhutan... P. 265.

S. Ahmadi, M. R. Khafezni and B. Hourkad include the internal functions of the buffer state:

1. The possibility of obtaining economic benefits due to the presence of extensive trade relations with both neighbors.

2. The relative stability of the political system, while maintaining popular dissatisfaction with the policies of the great powers, the growth of nationalism, the presence of a liberation movement, the opposing opposition and other separatist actions.

3. Professionalism of the political elite and leadership of the buffer state, the need to control the situation, a high level of intelligence with a potential or real threat of constant interference from the powers in the government of the country, etc. At the same time, there is a high social, political, economic and cultural vulnerability, a cynical attitude residents of the buffer state to the great powers and their own government, growing nationalism and radical movements, suppression of the opposition, etc.

The problem of buffer states is touched upon in the work of the French researcher, professor at the University of Notre Dame, Tanisha Fazal, "Death of States: The Politics and Geography of Conquest, Occupation, and Annexation"³⁴⁰. The author considers a "buffer state" as a state of a political entity located between two rival states, which, most likely, will cease to exist at the end of the rivalry.

The state of the buffer forces the opposing states to ensure the sovereignty of the buffer state, which is dictated by the danger of transferring control over this political entity into the hands of the enemy and thereby obtaining a significant strategic advantage and reduces the likelihood of a military conflict or unleashing a war. According to T. Fazal, such actions can lead to a change in the state of the buffer state. Something similar happened with Paraguay. Unlike Uruguay, Paraguay was not as attractive to third countries. Its borders originally adjoined the Portuguese possessions in the north, the possessions of the Jesuits before their expulsion - in the

³⁴⁰ *Fazal Tanisha M.* State Death – The Politics and Geography of Conquest, Occupations and Annexation. 2007 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7t119>.

south and the territories of the traditional location of Indian settlements - in the west. Paraguay, located on the periphery of the empire, began to play the role of a natural buffer after numerous administrative changes and the creation in 1776 of the viceroyalty of the Rio de la Plata³⁴¹. Interested in preserving this natural border, Brazil and Argentina, as the defining political force of the South American continent, ensured its buffer status and state sovereignty, which the country used to the full. Thus, the foreign policy of Paraguay has traditionally been aimed at establishing a balance between two influential neighbors and adhered to the defining principles: (1) non-interference in the affairs of other countries and (2) avoidance of relations with the countries of the socialist camp, the only exception was Yugoslavia. At the same time, Paraguay did not recognize Manchukuo; in 1959 he severed diplomatic relations with Cuba, in connection with which the government of F. Castro supported the Paraguayan radicals; in 1971 recognized Kuomintang Taiwan as a legitimate Chinese government and did not recognize the PRC; built diplomatic relations with South Africa and avoided them with socialist Angola or Mozambique; severed diplomatic relations with Nicaragua in 1980 following the assassination in Asuncion of Anastasio Somoza Debayle³⁴². Thus, Paraguay has acted and continues to act rather as an atypical buffer state, in whose sovereignty both opposing sides are interested, which allows the country to pursue a fairly independent policy.

As factors influencing restraint in certain maneuvers, based on the arguments of T. Fasal, one can single out the factors of non-participation of states competing for influence on him in his liquidation or liquidation of his buffer status. Firstly, the “tied hands” factor, when the resources of rivals are equally limited to such an extent that none of the parties is able to capture the buffer state. Secondly, the “distracting rival” factor, when opponents are forced to become temporary allies against the threat of another state and therefore stop mutual confrontation in order to save resources. Thirdly, the factor of the interest of a stronger third party in maintaining

³⁴¹ Paraguay: a country study / ed. by Dennis M. Hanratty and Sandra W. Meditz. 2th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. P. 15.

³⁴² Ibid. P. 192.

the status of a buffer state, threatening with large costs, striving to conquer it to rival opponents³⁴³. Thus, the third power acts, according to the scientist, as a kind of guarantor of the preservation of the buffer state of its independence and independence after the end of the conflict.

T. Fasal identifies three conditions under which such a scenario was possible in historical retrospect: (1) world war; (2) revolution and (3) the formation of a new world order.

As for the methods of "capture" (or occupation), they are quite diverse and are not limited to physical invasion and control. So, T. Fasal points out that after the end of World War II, the United States opposed the direct seizure of a particular territory, as a result, military invasion and seizure were replaced by other methods of interference in the internal politics of foreign states³⁴⁴.

In one of the chapters of the book, T. Fasal considers examples of buffer states, including Poland, from the 18th century and until the end of the Second World War, was a "classic case of a long... and painful death in a buffer state"; the Dominican Republic, whose occupation by the United States from 1870 to 1916 "was prompted by the fear of German adventurism in the Caribbean"; Persia of the late 19th - early 20th century, which is "an exception to the rule about the most probable scenario for the death of a buffer state"³⁴⁵. In the post-war period, Poland and Hungary are considered as a buffer³⁴⁶. Unfortunately, some of the author's conclusions, for example, that buffer states perish more often than non -buffer states³⁴⁷, do not seem to be entirely justified.

So, in modern theoretical approaches to the study of buffer states, a different understanding of their meaning and purpose is presented. The characteristics of the buffer state proposed by researchers do not fully or do not take into account the historical, ideological, economic conditions for the formation of "buffering".

³⁴³ *Fazal T. M. State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation, and Annexation.* Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 6.

³⁴⁴ *Ibid.* P.2.

³⁴⁵ *Ibid.* P.7.

³⁴⁶ *Fazal T. M. State Death...* P. 9.

³⁴⁷ *Fazal T. M. State Death in the International System // International Organization.* 2004. Vol. 58. No. 2. P. 311.

According to the ideas of Lord and Marquis J. Curzon, who wrote almost the first work on border issues (1907), a buffer state should be understood as a rather artificial entity, but having its own national existence, which is supported by the presence of territory and political guarantees provided by any of the two Powers whose dominions it shares, or by a certain number of third countries interested in its existence. And the meaning of this most often consists in the fact that the stronger powers mutually prevent each other from capturing those points or territories, the possession of which would give a significant advantage over the rest³⁴⁸. He gives examples of the buffer countries of South and Southeast Asia: (1) Siamese statehood in the Menama Valley (modern Chao Phraya River), secured by guarantees from Great Britain and France; (2) Abyssinia, whose status was supported, in addition to Great Britain and France, also by Italy; (3) the integrity and independence of Persia was guaranteed by Great Britain, France and the Anglo-Russian Convention signed in St. Petersburg on 18 (31) August 1907 on the division of spheres of influence in the Far East, concluded between Russia and Japan, contained two innovations. The essence of the first was that the parties were within the spheres of their mutual interests in the north and east, while maintaining the rest of the country's territory as a free zone of "equal opportunities" for both powers. Curzon emphasizes that such conciliation mechanisms require expediency, constancy and consideration of the primary interests of each of the parties.

The essence of the second innovation boiled down to the fact that, in addition to Persian affairs, some of its provisions related to the affairs of China and Tibet, that is, they did not directly concern Britain or Russia, but affected their interests in the region. At the same time, as Curzon noted, "Tibet is not a buffer state between Great Britain and Russia, and the continuation of the recent expedition consisted only in making it again what it had recently ceased to be, namely, a "mark" or border protectorate of the Chinese empire"³⁴⁹. Thus, J. Curzon formulated the state of a

³⁴⁸ Ryabcev V. N. Peregovornyy`j process po Nagornomu Karabaxu v sovremenny`x usloviyax: adekvaten li ego format [E`lektronny`j resurs] / V. N. Ryabcev // *Filosofiya prava*. 2008. № 4/8. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12919256> (data obrashheniya: 01.03.2020).

³⁴⁹ Curzon G.N. *Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston...* P. 31.

“second order” buffer state, which exists not on the border between powers, but on the border of their mutual interests and on which one of the two powers exerts a predominant political influence. Examples here are (4) Korea, which has passed from China under the undeniable influence of Japan, and (5) Afghanistan, which is in an equal position between Great Britain and Russia.

Proceeding from this, N. D. Curzon drew an analogy of a buffer state with a system of marks - border areas that were created along the borders of the Frankish state in the era of Charlemagne to protect against the threat posed by the Arabs, Danes, other Frankish, German and Slavic tribes, during which was headed by a margrave with a significant amount of authority (including civil relations) and military resources provided by the Frankish kings. The peculiarity of this area, in contrast to those that were located "inside" the state, was a targeted, defensive character, but later, when the threat of attack disappeared, these marks became vassal or independent duchies / counties / principalities, etc. Franks, in in turn, they borrowed this practice from the Roman Empire, which sought to protect its borders with the help of a number of dependent kingdoms or client states.

Explains the nature of the client states and the absence in the Roman Empire of a system of protectorates or similar means of ensuring their presence and influence in the occupied controlled territory in the western direction both by the difference in culture, military and civil organization, and in numerical superiority, in connection with which exclusively military methods were used against him. But in the eastern direction, Rome coexisted with powers equal to it in strength, status and capabilities, so it was necessary to resort not only to military force, but also to other tools to achieve the goal. A barrier of states was created between the Roman Empire, the Parthian and Persian kingdoms, most of which were under Roman suzerainty. Among them, Armenia occupied a special place³⁵⁰. From the point of view of modern political science, these states can hardly be called buffer states, but the fact

³⁵⁰ Curzon G.N. *Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston...* P. 38.

that they were the forerunner of the buffer system, a significant stage in the evolution of the regional political order, doubts does not call.

Continuing his thought, N.D. Curzon says that later the Ottoman Empire in Europe adopted a similar policy of client states in the Christian territories of Transylvania, Moldavia, Wallachia and Ragusa, and the Indian Empire achieved such outstanding successes in the controlled territories, including due to protectorate policy. First, a belt of nation-states was created with which alliances and treaties were concluded to resist the Maratha rulers, a similar situation on the northwestern border turned Sindh and Punjab into buffers protecting from Balochistan and Afghanistan, while the Sutlej held back clashes with the Punjab. After these main opponents, some by military defeat, some by the sale of their rights, fell under the control of England, a new problem arose with ensuring the security of the borders, so a new ring of protectorates was formed³⁵¹. England considered the settlement of the issue of the disputed territory of the Afghan independent tribes in its favor “as an indispensable prerequisite for a possible settlement not only of Anglo-Afghan relations, but also of Anglo-Russian disputes in Central Asia. The Anglo-Indian government considered its demand so important that it threatened Afghanistan with war if Emir Abdurrahman refused to sign an agreement on borders³⁵².”

In 1893 Mortimer Durand, secretary of foreign affairs of the Anglo-Indian government, concluded two agreements in Kabul. The first of them confirmed the Russian-Afghan border of 1873, established along the Amu Darya, and Afghanistan undertook to transfer to Bukhara (actually Russia) its possessions lying on the right bank of the Amu Darya (Rushan and Shugnan), in exchange for the Bukhara possessions on the left bank (part of Darvaz).

In the second agreement, Durand obtained the consent of the emir to establish a new Indo-Afghan border (the so-called Durand line)³⁵³. A border was drawn between tribal areas under British and Afghan control from Chitral to Sistan on the

³⁵¹ Ibid. P. 39.

³⁵² 'Diplomaticheskij slovar' [Electronic resource]. Mode access: [https:// dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/508/%D0%94%D0%AE%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90](https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/508/%D0%94%D0%AE%D0%A0%D0%90%D0%9D%D0%94%D0%90) .

³⁵³ Ibid.

border with Iran, and Afghanistan maintained its formal independence, helping Britain to establish a presence in areas where it was unable to exercise control. In the context of the processes described, the work of a retired officer who served as an interpreter in the Indian army, James Lyons, “Afghanistan: a buffer state. Great Britain and Russia in Central Asia: A Comprehensive Treatise on the Central Asian Question, published in Madras in 1910 and intended as a concise introduction to a complex problem, providing insight into the peculiarities of British imperial thinking that prevailed until the First World War. Quoting N. D. Curzon, the author writes that Afghanistan, like a fortress, surrounded by mountains, is the “Wales of India”³⁵⁴.

“My own policy in India has been to respect the internal autonomy of these tribes and to find in their own interests and as frontier militia a guarantee both of the security of our internal or administrative frontier and of tranquility along the frontier zone itself. Further, in the East and North, the chain of protectorates continued towards Nepal, Sikkim, and Bhutan, and in the far northeast, the annexation of Upper Burma brought us a series of protected states known as the Upper Shan states. At either end of its frontier, the Indian Empire, now larger and more populous than ever before... is separated only from the spheres of the other two great European powers, Russia and France: from the former by a buffer of Persia and Afghanistan and a buffer zone in the Wakhan region; from the latter - the buffer state of Siam and the buffer protectorates of the states of the Shan region, ”wrote Curzon³⁵⁵.

As a result, Great Britain formed a triple belt of boundaries for its zones of influence in Asia: (1) the administrative boundary of British India; (2) the Durand Line, or active defense boundary; and (3) the Afghan boundary, serving as the outer or forward strategic boundary. But far from being euphoric about the success of the work entrusted to him, Curzon here again emphasizes the artificiality of this method of ensuring mutual interests, and connects the duration of its existence with the status of a buffer state, which is expressed in the degree of stability of its government and

³⁵⁴ Lyons J. G. Afghanistan: The Buffer State: Great Britain and Russia in Central Asia: A Comprehensive Treatise on the Entire Central Asian Question. Madras: Higginbotham & Co.; London: Luzac & Co., 1910. P. 166.

³⁵⁵ Curzon G. N. Frontiers by the Right Honorable Lord Curzon of Kedleston... P. 40.

other state institutions. He laments that historical examples have taught European society nothing and that such experiments have always ended in failure.

Also, N.D. Curzon was inclined to distinguish between the state nature of European and Asian buffers due to the fact that in Europe buffer states, as a rule, were not located at the junction of great powers with superior strength and higher civilization. As an example, Curzon cited (1) "...a rather unusual type of buffer state that existed with small interruptions for more than 1100 years in the form of papal possessions. Its boundaries were constantly changing, and it did not pretend to coincide with natural or geographical boundaries. But this state actually divided the continental and peninsular parts of Italy into those territories that always looked to the West, and those territories that were constantly subjected to Greek or Eastern influence³⁵⁶.

Describing the European buffer statehood, Curzon mentions (2) Switzerland, an act of recognition and guarantee of permanent neutrality, the inviolability of the territory of which was signed on May 27, 1815 by Austria, France, Great Britain, Russia, Portugal and Prussia; (3) Belgium, whose permanent or "perpetual" neutrality was declared on January 20, 1831, at the London Conference of the Five Powers, which included Russia, Great Britain, France, Austria, and Prussia ; and (4) Luxembourg, whose permanent neutrality was confirmed at the London conference in 1867 Given the strategic position of these countries, the monarchical European states sought to use them as a buffer. And although the buffer state does not provide full protection, it makes potential aggression less likely, turning it into an international problem: "... the desire to expand the border at the expense of a neutral state can only be satisfied at a rather expensive price"³⁵⁷. As additional guarantees, N.D. Curzon referred to the Hague International Tribunal and dynastic alliances, while warning posterity of the possibility of unresolved critical border issues in the future, which happened less than three decades later with the rise of the Nazis to power in Germany.

³⁵⁶ Ibid. P. 32.

³⁵⁷ Ibid. P. 33.

The problems of buffer states, their role in the formation of the regional political order have not lost their relevance to this day.

An analysis of points of view and scientific positions allows us to single out a group of stable characteristic features of buffer states.

Firstly, the basis of the buffer state is formed by a nation or people united by a common culture, historical past, etc. Hence, there is reliance on the local political and military elite represented, as a rule, by ethnic leaders, without whose participation the creation of a buffer is impossible, but the degree of independence which is either minimized or negligible.

Secondly, as a rule, the presence of the main features of the state, full-fledged state authorities and its own army, if foreign armed forces are withdrawn from the territory of the buffer state.

Thirdly, the presence of international (bilateral) acts of contractors who are not interested in the broad international recognition of the buffer state.

Fourthly, the clear interests of counterparties and, as a result, the circle of powers or power centers interested in the existence of a buffer state is relatively narrow and, as a rule, comes down to neighboring powers (or territorially neighboring ones, like India and China, keeping Nepal and Bhutan in as such, or neighboring interests, like Russia and Japan in the late 19th – early 20th centuries in East Asia, constructing statehood on the Mongolian and Manchu lands both to protect their interests and to avoid direct contact/collision). In the future, a patron state is singled out from them - a stronger and more influential one, which will be dominated by a buffer state, and a counterparty state, seeking to get a position of influence.

Fifth, a well-defined, tangible and achievable specific goal, necessary for the survival or normal existence of the state constructing it. This gives rise to specific tasks (economic, military, political, financial, educational, etc.), which the patron country resorts to and which can largely coincide in different territories and in different situations.

Sixth, an ideological predestination (in our case, anti-communist), which makes the actions of both the patron country and the leadership of the buffer state understandable, linear and not suggesting deviations.

Seventh, the status of a buffer state does not imply a long-term political existence and, as a rule, has a short-term character with a fairly clear vision of the political future: the acquisition of full independence due to the weakening of the patron country; transformation of status, for example, into broad autonomy; the liquidation of the buffer as a subject of any relations and the inclusion of its territory into the territory of the patron country with the redistribution of land, the re-registration of the status of the political center and the revision of the status of political leaders.

Eighth, one should be wary of the claim that buffer states have been present in world history since ancient times. Undoubtedly, the methods used by the powers to achieve their goals assumed the neutralization of the rival and the transformation of controlled territories into a defense system, if for one reason or another it was not possible to attach it or establish a different legal form of rule over it (protectorate, vassalage, etc.). But since in the context of our concept we are talking not only about the actual state of things, but also about their legal embodiment, which requires giving this territory a legal status (we read: international recognition), it becomes possible to talk about buffer states as participants in international processes and international relations only in the 20th century, respectively, buffer states in the international legal status are mainly a product of the 19th - 20th centuries.

And, finally, ninth, the definition of "buffer state" is not a moncategory, which means the possibility of defining as a buffer state or another polity, which can simultaneously be a satellite or a quasi-state, and vice versa. Of decisive importance will be the presence of the eight signs listed above, which, in our opinion, are not alternative either in relation to each other or in relation to the signs of other conditions described in this chapter.

This implies the need to define a definition of buffer statehood, close in meaning, but not identical to either the state or the buffer state. The social basis of a

buffer state is formed by a nation or people united by a common culture, historical past, and this is the key distinction from the concept of a buffer zone, since, in our opinion, it is the presence of statehood that ultimately affects the difference between the politics we are studying from other related concepts: zones, territory, space or state.

In our dissertation for the degree of candidate of political sciences (2012), a definition of Mongolian statehood was given, which basically cannot and should not differ from the general definition of statehood in general and buffer statehood, in particular: statehood, in our opinion, must be considered not only as a conceptual category, including the multi-scale concepts of status (*statehood*) and solvency (*stateness*), but primarily as a result of the historical, economic, political and foreign policy activities of a certain society, united by a single territory, historical past, cultural and ethnic community to create a relatively stable, a strong political organization that ensures territorial, institutional and functional unity, property and the most important element of the social structure, which includes not only certain state institutions, but also much broader moments, such as ideology, relations between the state and society, relations with other states, etc. The study of statehood involves the study, firstly, of the historical background, conditions and factors in which a new political organization is formed, and secondly, the structure of state-legal organizations and institutions; thirdly, the content of the national-state idea and the practice of its implementation; fourthly, the principles of relations between the state and the individual, the state and society, the state and the natural environment, the state and the world community³⁵⁸.

Proceeding from this, buffer statehood assumed a semantic “load” in the form of the features defined above, preserving and allowing, when external conditions change, the possibility of forming a “non-buffer” statehood and creating either an independent state or territories with varying degrees of autonomy in its composition.

³⁵⁸ Dudin P. N. Stanovlenie gosudarstvennosti Mongolii: pervaya polovina XX v.: dis. ... kand. polit. nauk / P. N. Dudin; Buryat. gos. un-t. Ulan-Ude`, 2012. S. 58–59.

CHAPTER 2. COMPETITION OF IDEOLOGIES AND THE REGIONAL POLITICAL ORDER IN EAST ASIA IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

In the article by A. V. Mikhalev "Political presence - the genealogy of the concept"³⁵⁹, the author comes to the conclusion that one of the main contexts of political presence is the competition of ideologies. And since the regional political order and its formation presuppose the unequivocal presence of several power centers in the region, then for East Asia, in the chronological framework we have set, the conclusion expressed by A. V. Mikhalev is no exception. Moreover, this position will allow us to define the range of power centers. Let us consider the most important value and ideological attitudes, which received their formalization in the form of complete concepts according to their own idea of the political order and were used to construct it at the national and/or regional level.

2.1. The Buddhist factor and theocratic tendencies in the construction of the regional political order in East Asia

The first half of the 20th century, especially the events of the 1910s, had a huge impact on world history, primarily with the revolutionary movement that destroyed European empires. Along with this, there was a change in relation to the former system of values, attitudes and institutions, both state and social. The events that took place in East Asia in the 1930s were not inferior to these events and processes, and perhaps even surpassed them in scale, consequences and potential opportunities for transforming the world order³⁶⁰. However, due to the Eurocentrism of those who

³⁵⁹ *Mixalev A. V. Politicheskoe prisutstvie...*

³⁶⁰ For example, the potential of Japan at the zenith of its power can be judged from the given data on the size of the armed forces of the satellite countries. See: *Pettibone Ch. D. The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. VII: Germany's and Imperial Japan's Allies&Puppet States.* Trafford Publishing, 2012. 504 p.

formed and are shaping scientific trends then and now, these events have not been properly assessed and require rethinking.

In the first quarter of the XX century in the western outskirts of the region we are studying, steady processes of theocratization are observed, which led to the creation of a number of Buddhist states³⁶¹.

The stereotypical view of the layman is that Buddhism is apolitical, this is fundamentally wrong. Recall that the teaching itself originated in India and was spread by representatives of the royal family, and in the future, the most powerful rulers of the region defended Buddhist values, including peacefulness, with “fire and sword”.

For a long time Buddhism has been and continues to be one of the most important religions on the Asian continent. Today, the total number of his followers exceeds half a billion people. Buddhism is primarily a philosophical doctrine. Many of his postulates have a completely rational explanation, therefore, wherever Buddhism penetrated, it always rebuilt the social structure of society (even in the modern world, for example, in relation to abortion and prostitution³⁶², disability and people with disabilities³⁶³, etc.), the state system of individual countries and even the world order³⁶⁴, and his followers were ready for interfaith dialogue³⁶⁵, strengthening old or setting new socially oriented ethical values. The Indian historian and culturologist Balkrishna Govind Gokhale called Buddha Shakyamuni the first great reformer in the social history of India, seeking to destroy the caste system, ignoring its differences within the sangha, but acting very pragmatically, if not ambivalently, outside it³⁶⁶. We will build our review on the basis of taking into account a number of features of this worldview teaching.

³⁶¹ *Dudin P. N.* Buddizm i regional'ny'j politicheskij poryadok. Obshhij kontekst dlya Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2019. № 6. S. 64–76.

³⁶² *Buddhism and Abortion* / ed. by D. Keown. Palgrave Macmillan Publ., UK, 1998. XI, 222 p.

³⁶³ *Disability and world religions: an introduction* / ed. by DY Schumm, M. Stoltzfus. Waco, Texas: Baylor University Press, 2016. XVII, 258 p.

³⁶⁴ *Buddhism in the Modern World* / ed. by DL McMahan. Routledge: London; NY, 2012. XIV, 329 p.

³⁶⁵ *Gassner F.* The comparative study between Buddhism and Christianity on peace and war / Dissertação final. Universidade Católica Portuguesa, Faculdade De Teologia, Lisboa, 2015. 75 p.

³⁶⁶ *Gokhale B. G.* Early Buddhism and the Urban Revolution // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1982 Vol. 5. No. 2. P. 19.

Firstly, the difference between Buddhism and other world religions lies in the absence of the concept of a single god, which gives rise to many divine or semi-divine beings and people living in the world and incarnating in them, including rulers. Thus, there is no "owner" - the creator of the world, whose will is the law and immutable truth.

Secondly, Buddhism manifests itself in a different civilizational and cultural perception of power. Here, many researchers are seen striving, with the help of categories developed by other civilizations in other historical epochs, to describe the existing order of things both in East Asia in general and in Buddhist states in particular. Thus, according to the French diplomat and researcher Thierry Matou, who studies political reforms in modern Bhutan, most observers will be tempted to describe the ongoing processes in modern Western categories that do not correspond to the established order of things in the region³⁶⁷. Southeast Asian state and political systems specialist Tony Day, in his book *Liquid Iron: State Education in Southeast Asia*³⁶⁸, argues that if the concept of the state has become relatively universal over the past fifty years, then cultural differences remain valid, and it is they that impede the development of universal approaches to the study of both the political systems of specific states and the regions themselves.

Exploring the process of transformation of tribal institutions into state institutions, T. Day proves that the ancient states of the region were governed by a complex process of regulation, which includes the distribution of power, morality and even space, time and personality of subjects in forms and methods acceptable to the ruling regime. The author demonstrates that the bureaucracy, despite the existing specifics, did not differ much from the Western bureaucracies of the corresponding periods, and the so-called traditional states of Southeast Asia, despite the abundance of rituals and the active participation of religious institutions in the process of governing the state, were rational and efficient. T. Day, with the help of many

³⁶⁷ *Mathou T.* Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy // *Journal of Bhutan Studies*. 1999 No. 1(1). P. 114-145.

³⁶⁸ *Day T.* *Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 339 p.

examples, demonstrates that culture and politics in the region have always existed inseparably, and traditional and modern forms of this interaction are a reflection of each other, influencing and complementing each of the substances. Therefore, from his point of view, for example, inscriptions in temples and works of literature are more reliable sources in this area than various kinds of documents, at least until the 19th century, when the transformation of historical sources takes place, which took place under the influence of the Western tradition of scientific (written) reasoning about the state.

Day argues that the state in the Southeast Asian region includes power and the struggle for it, suggesting a continuous process that links ancient civilizations and modern states. Therefore, in our work, we tried to correlate certain political categories with each other, and not to replace them. Finally, we note that most of the states of East Asia, where Buddhism was the state or dominant religion, were occupied by Japan at the height of World War II, which was largely or insignificantly facilitated by the activities of the Japanese Buddhist sangha.

Thirdly, in Buddhism there is no claim to the monopoly of truth, which in relation to other beliefs was embodied in the denial of the "competing" postulates of other religions. This, according to the Thai scholar Sompong Sucharitkul, suggests that a person who adheres to the Buddhist faith can also learn and appreciate or tolerate and practice other beliefs without violating the Buddhist canons³⁶⁹. This approach has very specific implementations. So, for example, Nepal is considered a Hindu state, like its king, who was the head of state until recently and adhered to the corresponding religious tradition. At the same time, in the person of the Buddhist community, the monarch had a powerful social support and, in turn, respected its traditions, which made it possible to perceive him as prescribed by the Buddhist canons. This continued until 2005, when King Gyanendra lost the trust of the political elite, the people, and the sangha: among other things, he ceased to act in accordance with the Buddhist philosophy of governance, and began to ignore the

³⁶⁹*Sompong Sucharitkul. Thai Law and Buddhist Law // The American Journal of Comparative Law. 1998 Vol. 46. Is.1 pp. 69–86.*

Buddhist principles of kingship. The Nepalese scholar Tina Mamandar writes about these mistakes as follows: “The Buddha stood for the equality of all people... The king, on the contrary, ignored the equality of the political parties representing the people, and acted solely on the advice of those who served his personal interests... The Buddha created the rules for an ideal government, known as Dasha Raja Dharma, but the current royal government has failed to implement them. The Buddha gave many punishments to the king if he proved unfit and incompetent. In Nepal, the people reacted by stripping the king of all his powers and finally proposing an end to the monarchy itself. The Nepalese people have great respect for the institution of the monarchy, but the king's policy of alienating people from government forced them to rebel against their king³⁷⁰. Such unrighteous acts of the head of state led not only to the loss of support from different segments of the population, but also to the abolition of the monarchy. Thus, even a monarch professing a different religion, in the view of Buddhists, can be their ideal ruler if he observes Buddhist canons and does not violate the rights of the sangha and his people.

Such a symbiosis was no exception, but it was not the rule of comfortable coexistence in all countries of the region where there was a sangha. University of Washington professor emeritus Charles Case writes that Buddhists did not feel very comfortable with rulers of a different faith, citing Afghanistan, Pakistan and Indonesia, where the followers of Buddhism practically disappeared, as well as China, Japan, Korea and Vietnam, where Buddhism was subdued decrees and actions of the rulers within the framework of the syncretic religion, as a result of which the Buddhist monks found themselves in a marginal position³⁷¹.

The consequences of this marginalization of the Sangha and its controversial attitude towards war are described in his work by the Chinese scholar Dong Zhao³⁷²,

³⁷⁰ *Manandhar T.* Buddhist Perception of Monarchy and its Relevance in Nepal's Politics // A paper presented at the seminar “Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia”. Singapore, 2008. P. 3.

³⁷¹ *Keyes Ch. F.* Buddhists Confront the State / Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement / ed. by J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–41.

³⁷² *Dong Zhao.* Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937 – 1945) // A paper presented at the seminar “Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia”. Singapore, 2008. P. 12.

an assistant professor at the School of English and International Studies at Peking University of International Studies. The scientist contrasts the Chinese Buddhist sangha with the Japanese one and comes to the conclusion that in relation to the war, its representatives were not completely peaceful: in China, the sangha did not stand aside from the processes of reforming state and political institutions and contributed to the strengthening of nationalist views both in the "Beiyang" period and in the period when the Kuomintang came to power. With the outbreak of the Second Sino-Japanese War (1937–1945), patriotic Buddhist monks, having studied the canons, came to the conclusion that killing enemies to protect the country does not run counter to Buddhist doctrine, while at the same time trying to combine their commitment to non-violence with the duty of a citizen to defend the Motherland during national crisis.

In contrast to the Chinese, the Japanese sangha has always been involved in political processes, and protecting the Motherland from external threats has been its main task. The idea that Buddhism plays a special role in the protection and preservation of the Japanese state was a characteristic feature of Buddhist thought even before the establishment of the power of the shoguns in the 12th century. The priests and scholars of the Zen school were among the most zealous supporters and vigorous apologists for the Japanese wars. Zen Buddhism became the most aggressive and visible advocate of imperial Japan and its sacred national policy.

During the Second Sino-Japanese War, various Japanese Buddhist sects supported the government's course of invading China, setting up cells and temples and preaching their teachings in various parts of China. The Japanese themselves relied on traditional Buddhist institutions, which the Nanjing government did not need. In the early 1930s datsans and llamas still served as symbols of real, although denied by many in recent times, power. The custom was still maintained, according to which the eldest son in most families was prepared for religious activity and at the age of 6 or 7 was sent to a monastery, where he remained until the end of his life, devoting all the time to prayers, studying the Tibetan language. During the period under study, the church was perceived by many as an economically useless and

parasitic organization, and its ministers as “intellectual drug addicts”. Given these and many other factors, the Japanese approached the religious issue very skillfully and prudently. It can be concluded that according to one of the cardinal principles of Japan's entire pan-Asian policy, at least in the part in which it was formulated, one of the effective mechanisms that can win the rivalry in Asia is religion. Such an attitude gave the Japanese a clear advantage in the struggle for the loyalty of the peoples of Central and East Asia, since the Soviets openly promoted anti-religious policies.

In Manchuria, the Japanese side began to pursue a moderate policy designed to preserve the church, to make the necessary changes (to establish an information policy and reduce the number of clergy), which should have made it possible to unite a significant part of the population under a religious canvas. Experts made predictions about the appearance in the region of its own spiritual leader, the "tame Panchen Lama", whose prestige could serve not only inside Manchukuo, but also beyond its borders³⁷³.

Thus, the space and peoples of East Asia were not only receptive to Buddhism, but in many respects the development of states and the formation of both regional and local political order was carried out under its direct influence. The significance of Buddhism was determined by the fact that, firstly, the region differed from others in its national, cultural and religious diversity. Secondly, within the specified time frame, the interests of the major Western powers, Japan and Soviet Russia were concentrated here, therefore, to a large extent, East Asia could act and acted as an experimental platform for testing certain approaches and technologies, the success of which allowed these powers to replicate the experience gained to other spaces.. Not the last role in this process was played by worldview views that dominate in the region and are expressed either in a religious movement that influences the formation of a regional political order, or in its secular “refraction” - ideology, however, the

³⁷³An Eye-witness in Mongolia II. Priests and politics // The Times. 1935. Mar. 26.

essence of the processes did not change from this: the cultural community of those living in it within the nations did its work.

For a more objective solution of the tasks set by us, we will study the features of the perception of power in two main Buddhist directions: Hinayana and Mahayana, and we will start with representatives of the most ancient school - Theravada³⁷⁴. Ian Charles Harris, a British scholar and founder of the Association for Buddhist Studies in Great Britain, believes that almost from the moment of its inception, Buddhism gave a clear preference to a monarchical form of government, but the traditions of transferring power and virtues in different countries of Theravada movements varied³⁷⁵. Thus, the principle of primogeniture was interpreted ambiguously, which led to bloody conflicts of contenders for the throne, and the winner compensated for the sins committed at the same time by performing complex Buddhist rites and large donations.

The second feature was ethno-nationalism. According to American researcher Jerry Muller, there are two main ways of perceiving national identity. First, all people who live within the borders of a particular country are part of a nation, regardless of their ethnicity, race, or religion. This liberal or civic nationalism, embodied in the concept, thanks to which the American nation was formed and exists. But he was opposed by ethno-nationalist ideas, which is that a nation is defined by a common heritage, which usually includes a common language, a common faith, and a common ethnic ancestry³⁷⁶. Such, for example, is Thai Buddhist ethno-nationalism, in some cases very aggressive³⁷⁷, or nationalism in other states of Southeast Asia, for example, in Myanmar, Sri Lanka, etc.

As for the main subjects embodying power, these are monks and kings who build (or do not build) an ideal Buddhist state. Referring to the sources, the New

³⁷⁴ *Dudin P. N.* Buddizm Txeravady` i regional'ny`j politicheskij poryadok Yugo-Vostochnoj Azii [E`lektronny`j resurs] / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 1. Rezhim dostupa: <https://www.evestnik-mgou.ru> (data obrashheniya: 01.03.2020).

³⁷⁵ *Harris I.* Introduction – Buddhism, Power and Politics in Theravada Buddhist lands // Buddhism, power and political order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 2.

³⁷⁶ *Muller J.Z.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism // Foreign Affairs. March-April 2008. P. 18-35.

³⁷⁷ *McCargo D.* The Politics of Buddhist identity in Thailand's deep south: The Demise of civil religion? // Journal of Southeast Asian Studies. 2009 No. 40(1). P. 13.

Zealand researcher Benjamin Schonthal identifies four models of their relationship, which establish the political order in the country.

The first model assumes a strong figure of the monarch, who determines the position of the sangha, and with them - and all his other subjects. First, the Vinaya, or the Buddhist Code of Practice for the Monastic Community, the Sangha, as interpreted by Theravada, requires monks to obey royal decrees. B. Shonthal writes that the Pali version of the Vinaya, used by Theravada Buddhists, restricts access to monasticism for debtors, military conscripts, prisoners, slaves, convicts, and other persons who have and have not repaid their obligations to the king (and, accordingly, to the state). They are forbidden to take monastic vows. Secondly, the special position of the king was originally dictated by the role assigned to him at the beginning of time: he was appointed to eradicate violence among the first people in the world. Not without irony, the author notes that the population, exhausted by the Hobbesian war of all against all and chaos, gathers together to choose the most worthy and charismatic person who is destined to become the “Great Chosen One”, to administer justice and receive part of the harvest for this. Gradually, this legend became an instrument of legitimation for the ruling monarchs of South Asia, who declared themselves descendants of Mahasammata, the first king of the Shakya clan, the ancestor of Shakyamuni (Gautama), whose decrees and actions corresponded to the dharma of the Buddha. Individual monarchs declared themselves living bodhisattvas, beings who, thanks to their virtues in past lives and merit, were destined to be reborn as the Buddha of the future. Thirdly, stone pillars from the time of the Indian emperor Ashoka have been preserved, which mention the right of kings to periodically purify the sangha from wicked and schismatics, threatening monks and laity with severe punishment³⁷⁸, which made the monarch also responsible for the righteousness of the monks and the truth of the faith.

The second model is a strong sangha that guides and supports the king, in which the monks acted as the personification and protectors of the order established by the

³⁷⁸ *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia // *International Journal of Constitutional Law*. 2017 Vol. 15. Is. 3. P. 710.

Buddha, and were supposed to have power over the kings. B. Shontal is ironic here too, saying that such a message is quite understandable in the light of the fact that, although with royal support, it was the monks who wrote and deciphered the early Buddhist texts and could not, thus, bypass their position in the system of the political order of their country giving it more weight and influence. However, there is a significant number of sources praising the idea that the monks should control the activities of the kings and determine which of the rulers correspond to the Buddhist canons and whose power is legitimate.

Thus, in Buddhist texts, the image of a ruler was often idealized, a certain set of virtues was attributed to him: wisdom, justice, mercy, morality, generosity, honesty, patience, piety, restraint, non-violence, patience, lack of aggressiveness and the ability to ensure law and order, which set a kind of standards of compliance / non-compliance with Buddhist canons. The same texts elevated the monks to the rank of peculiar judges of the righteousness of the rulers. The plot lines of sacred texts, when kings prostrated themselves in front of an ordinary Buddhist monk, were reinforced by extraordinary practices, when, for example, in Ancient China, with its almost sacred status of a wang (king) and other rulers, Buddhist monks were exempted from kneeling and other demonstrations of respect for them³⁷⁹. There were standards for the righteousness of kings in terms of the well-being of the monks, in connection with which a prosperous and wealthy sangha testified to the righteousness, legitimacy and piety of the ruler. Such practices led to the fact that the sangha received not only respect, but also land and labor, increasing its influence and wealth. Thus, in Sri Lanka, Thailand, Burma and other Buddhist states with strong rulers headed by a sangha during its heyday, it controlled a huge amount of cultivated land and had a number of other benefits and privileges in relation to military service, trade, etc. This is in its the queue provided alternative means of influence and patronage for people living far from the capitals.

³⁷⁹ *Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 711.*

The third model, in which the king and the sangha exist in mutual support and harmony, involved the creation of institutions that could ensure harmony between the kingship and the sangha. According to B. Shontal, the most common strategy for this was to clarify the boundaries between the duties and domains of kings and sangha. Thus, early Buddhist texts see these realms as complementary to each other, but later texts offer a more elaborate jurisdiction, a division between two "wheels": the wheel of power and the wheel of the Buddha's teachings. So-called alternative secular and spiritual bureaucratic hierarchies were created: at the top of the first was a king (raja) with power over the affairs of the state, and at the top of the second was a "spiritual king" (sangha-raja) with power over the affairs of monks and jurisdiction over the teachings of the Buddha³⁸⁰. Thus, the relationship between the kings and the sangha was built on the principles of mutual benefit and mutual support. The monks helped the kings by consecrating their reign, performing state rituals, acting as advisers and acting as propagandists (there were a significant number of texts with similar examples in Sri Lanka), and the kings provided the monks with livelihood, protection and did not interfere in internal affairs sangha.

And, finally, the fourth model, in which these subjects represent an antagonistic symbiosis. Turning to it, B. Shontal proposes not to idealize the relationship between secular and spiritual authorities. In the ancient South Asian states, none of the above models was implemented in its pure form, it was always a symbiosis of methods and practices, in which there was both interdependence and political struggle, and not just a struggle for ideals, but for land, taxes and autonomy. The scholar writes that even without great resources, Buddhist monks were able to rally their supporters using charisma and moral persuasion, and monk-led uprisings were common in mainland Southeast Asia, especially during periods of consolidation of royal power and colonizers.

In South Asia until the 18th century the relationship between the sangha and the secular authorities was characterized by both mutual understanding and struggle,

³⁸⁰ Ibid. P. 712.

which was described in detail by the emeritus professor of history at the Paradeniya University of Sri Lanka, Ranavira Gunawardana³⁸¹, who described this process as an "antagonistic symbiosis". By this term, the Sri Lankan scholar understood the dynamic interdependence and rivalry between political elites and the sangha, which was one of the key dilemmas of the revival of Buddhist normative regulation (B. Shontal calls it constitutionalism, which, in our opinion, does not reflect the essence of the phenomenon) in the 20th century³⁸². As a result, the forms of Buddhist regulation, which can be conditionally defined as Buddhist law³⁸³, can be seen today in South Asia, were formed in the XIX - the beginning of the XX century with the participation of the colonial authorities on the basis of the confrontation between the monks and the secular authorities, using the tools of modern law and bureaucratic management. In developing and deploying these formal institutions, South Asian legislators developed and approved two normative strategies borrowed from Buddhist history: one of them was to ensure a balance in the confrontation between civil and monastic power by expanding state control over the sangha, and the second assumed a jurisdictional distinction between civil and monastic power, defining for each specific zone of influence relevant terms of reference. A similar pattern of relationships, established in Sri Lanka, Thailand, Myanmar, Cambodia and Laos, is "fueled" by the special legal and institutional environment of the modern nation-state.

At the same time, Thailand adopted a form of Buddhist regulation, which incorporated the maximum number of tools to ensure the implementation of the first model³⁸⁴. The monarch always aspired to appear before his subjects in the form of a bodhisattva. Thus, the monarch of the Sukhothai kingdom Lithai (1347 - 1368) publicly announced in wall inscriptions his desire for the state of Buddha, to lead all

³⁸¹ *Gunawardana R. A. L. H. Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka (Monographs of the Association for Asian Studies, No. 35). Tucson: University of Arizona Press, 1979. P. XII, 377.*

³⁸² *Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 713.*

³⁸³ *Dudin P. N. Politicheskij opyt gosudarstvennogo stroitel'stva i formirovanie ponyatiya «buddijskoe pravo» v stranax Azii v period XX v. / P. N. Dudin, A. V. Shemelin // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2(117). S. 96–102.*

³⁸⁴ *Schonthal B. Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 714.*

beings out of the circle of suffering, and other inscriptions praised his wisdom and morality. The rulers of Ayutthaya also held to the ideals of the bodhisattva. The preamble to the law of 1433 stated that the king was making efforts to bring all beings to freedom from the fear of cyclic existence and suffering. The epithets of Buddha were regularly used in the nicknames given to kings³⁸⁵, and their image of the chakravartin with its "seven treasures" was present in many royal treatises³⁸⁶. The monarch was supposed to have five regalia (crown, sword of victory, cloak, etc.). Rama V introduced the practice of gifting swords to provincial governors. Rama IX initiated a new custom of gifting Buddha images to governors. In Ayutthaya, kings represented themselves as deities, a sacred set of terms was established to denote their status, the birth of a king was represented as a descent or entry into the world of the living, and his death as a return to heaven. The ideals of royal policy were spelled out in a variety of texts, including those borrowed from Sri Lanka, for example, The Ten Duties of a King were a kind of code of conduct³⁸⁷. A similar set of characteristics of righteous monarchy was also present in other states of the region, and the image of an ideal ruler, due to the use of the same religious texts and active interaction between states, became almost universal.

In 1977 - 1978 On the pages of the Cambridge Journal of Asian Studies, a controversy unfolded between the American anthropologist Milford Eliot Spiro and the famous anthropologist Stanley Gerard Tambiah, a professor at Harvard University³⁸⁸. The reason for the controversy was the voluminous work of S. J. Tambiah "The conqueror of the world and the renunciation of the worldly: the study of Buddhism and politics in Thailand against a historical background"³⁸⁹ and the review of M. E. Spiro on it "The Buddhist concept of kingship and its historical

³⁸⁵ *Skilling P. King, Sangha and Brahmins: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam // Buddhism, power and political order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 192.*

³⁸⁶ *Ibid. P. 193.*

³⁸⁷ *Ibid. P. 195.*

³⁸⁸ *Tambiah S. J. The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro // The Journal of Asian Studies. 1978 Vol. 37. No. 4. P. 801 - 809.*

³⁸⁹ *Tambiah S. J. World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background. Cambridge: University Press, 1976 (2007). VIII, 557 p.*

manifestations: a response to Professor Tambia»³⁹⁰. In his work, Professor Tambiya reveals in detail the heroic images in Buddhism, linking them with the concept of power and control. Using extensive and hard-to-reach material for a wide range of scientists, the author in the first part of the work explores the genesis of the power of Buddhist rulers, reveals the brahminical theory of society and kingship, the early Buddhist concept of the world order, dharma and the environment of the monarch, explores the nature and essence of the power of the ruler of the Mauryan state Ashoka and gradually translates perspective of the story on the Thai kingdom and its statehood in a historical retrospective. Focusing on the image of the monarch and the Thai royal tradition, S. J. Tambia analyzes the legislative acts of the XX century and gradually proceeds to reveal the nature of kingship in the modern period. Despite the ambiguous reaction of the scientific community, which is situationally very tough³⁹¹, the work is of considerable scientific interest, dictated by the following factors.

First, an attempt was made to conceptualize the author's model of a political (or socio-political) order, which was based on the special position of the sangha and the king. S. J. Tambia writes that Thai ideas about the state and political organization were born during the time of the first independent Thai state of Sukhothai in the 11th century, developed during the heyday of another state of Ayutthaya in the 14th - 18th centuries and finally took shape by the end of the XVIII century after the formation of a single state of Siam under the influence of the teachings common in Ceylon, in the kingdom of Mon and Kambujadesh. The monarch was considered a mediator between social disorder and order, the guardian and purifier of the sangha, monasticism was one of the most powerful and influential classes, and, unlike Europe, the region did not experience the feudal system.

Secondly, the point of view of M. Weber that ancient Buddhism had a non-political (or even anti-political) character and the corresponding position is refuted.

³⁹⁰ *Spiro M. E.* The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah // *The Journal of Asian Studies*. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 809 - 812.

³⁹¹ *Macdonald A. W.* World Conqueror and World Renouncer / by S. J. Tambiah // *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 99 - 101.

The researcher writes that it was during the time of Ashoka that it was first formed precisely as a political theory, and the Pali Canon (or Tripitaka) contained a sufficient number of positions to describe the state and the monarch³⁹². The characterization and justification of the legitimacy of the Buddhist righteous king, according to the scientist, does not have those significant consequences for the institutionalization of his functions, which are important and necessary for the Western concept of "rational politics".

S. J. Tambiya says that, ideologically, the traditional Buddhist ruler is not a "constitutional ruler", and his actions may not be periodically supported by the consent of the governed or the loyalty of his closest associates, there is no category of natural rights based on human nature. Kings, as adherents of the dharma that exists as an eternal entity, may represent its incarnation in different ways and therefore experience varying degrees of success in their reign. Each reign creates its own world order, which is determined by the activities of the monarch, and the ideological basis also provides stability³⁹³. In this regard, many "positive" kings from time to time acted as both oppressors and heroes. Buddhist kings resolved the dilemma of violating the ethics of non-violence by dividing their reign into several successive stages, at the initial stage of which they had to make military campaigns and conquests, after which they turned to piety³⁹⁴. And, finally, according to the law of 1962, the head of the sangha is the supreme patriarch (Thai: sangharat; Pali: sangha-raja), who is appointed by the king from the list of the most qualified candidates and heads the Council of the oldest Buddhist monks³⁹⁵. Thus, despite their high, divine status, the Thai heads of state did not lead the sangha: even the most popular of the monarchs, the recently deceased Rama IX, was only a secular ruler. Within the framework of the system of relations between the government and the sangha described above by B. Shontal, Myanmar, like Thailand, has always stood on the positions of strong political power of the monarch.

³⁹² *Tambiah S. J.* The Buddhist Conception... P. 802.

³⁹³ *Ibid.* P. 805.

³⁹⁴ *Ibid.* P. 807.

³⁹⁵ *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 716.

Myanmar/Burma can be attributed to the same model at different stages of its existence. In *Buddhism, Politics and Political Thought in Myanmar*, Canadian researcher Matthew J. Walton details the influence of Buddhist ideas on political thinking and, as a result, on political practices in Myanmar. Religion has been and continues to be a criterion not only for the morality of individual citizens, but also a framework for the formation of political power in the country³⁹⁶. The very perception of politics came from the emphasis on royal power and the delimitation of the sphere of "high" politics, accessible only to the elite. Based on this concept, a political order was built, depending on a narrow group of decision-makers, in which the moral shortcomings of the people made it incapable of exercising political power.

The political order of Cambodia is revealed in a number of his writings by the founder and executive director of the Khmer-Buddhist educational aid project, scholar and activist Peter Gyallay-Pap. From his point of view, there are three constants that characterize the political order in this country. First, it is a Buddhist monarchy; second, the sangha; and, thirdly, nationalism among the rural population of the country, constituting 80-85% of the population of modern Cambodia and a kind of slogan "Nation, religion, king"³⁹⁷.

Thus, the Khmer version of Buddhist statehood also leans towards the first model. P. Gyallay-Pap writes that the ancient Cambodian statehood adopted the classical political system of the region in the form of a mandala and in the form of concentric circles around the sacred Mount Meru, around which the sun, moon and stars revolve, acting as the magical center of the Khmer Empire. The royal palace occupied a central place and was identified with Mount Meru, where the monarch, his court and government played cosmic roles governing the four parts of the kingdom, corresponding to the four cardinal points. In Hinduism, Vishnu lived at the top of Meru, and in the Buddhist concept of Mahayana, the Bodhisattva Lokeshvara (or Avaloketishvara) lived. Thus, the theory of the divine incarnation

³⁹⁶ *Walton M. J.* Buddhism, politics and political thought in Myanmar. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XV, 226 p.

³⁹⁷ *Gyallay-Pap P.* Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, Kingship and the Quest for Legitimacy // *Buddhism, Power and Political Order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 72.

served to justify the legitimacy of the power of the king³⁹⁸. The researcher says that much of the Brahminical cosmology was transferred and incorporated into the new faith, and the Buddhist concept of political order was built on the Hindu concept of kingship. And as Theravada Buddhism supplanted the Hindu Mahayana Buddhist belief system between the thirteenth and fifteenth centuries, it rejected the Angkorian and pre-Angkorian theory of divine sanction as a justification for government and replaced it with a doctrine of karma and religious merit. As a person who, through exemplary behavior, deserved the right to rule, the king was considered the best person who upheld Buddhist teachings and laws through the practice of the ten virtues listed in the Pali Canon.

The king was a righteous ruler, an example of morality, the father of his people, guaranteeing happiness while observing Buddhist laws. In the eyes of ordinary people, a king who did not adhere to the canons was considered unworthy to rule and led his kingdom to destruction³⁹⁹. In Buddhist cosmology, the chakravartin created and embodied a just society based on the ten royal virtues. The Theravada tradition involved the election of a king-ruler by consensus of people striving for order in a lawless society. This principle was advanced in the Aganya Sutra, which in turn is part of the Digha Nikaya, the first of the five sutras of the three baskets of the Pali Canon. He postulates the Buddhist social contract theory of the origin of kingship and political order⁴⁰⁰. However, despite such an encouraging stance, political events in Southeast Asia in the 1970s, from a series of popular protests in Thailand to the massacres of the Khmer Rouge in Cambodia, cast doubt on the sustainability of this concept. Duncan McCargo, director of the Nordic Institute for Asian Studies and professor of political science at the University of Copenhagen, says that the political behavior of highly educated urban dwellers in cities like Bangkok, Rangoon and Phnom Penh did not match that of rural people and peasants. The scientist writes that radical students, the elite educated in Western universities,

³⁹⁸ Gyallay-Pap P. *Reconstructing the Cambodian Polity...* P. 76.

³⁹⁹ *Ibid.* P. 77.

⁴⁰⁰ Gyallay-Pap P. *Reconstructing the Cambodian Polity...* P. 78.

and trade unionists clearly had different values and aspirations. He refers to the famous American historian Michael Vickery, who warned his colleagues against a simplistic view of Cambodian Buddhism: more nonsense has been written about Buddhism in the West than about any other aspect of Southeast Asian life, and that Buddhists can torture and kill, no more surprising than the fact that the Inquisition burned people, and ardent Catholics and Protestants joined the Nazi regimes⁴⁰¹.

Sri Lanka has embraced the second model, and this situation reflects a historical legacy and a deliberate political calculation⁴⁰². Buddhist institutions in this country have always been decentralized and autonomous, and even during the drafting of the first republican Constitution of Sri Lanka, there was a heated discussion about how to secure a special status for Buddhism in the country. Buddhism was not declared the state religion due to the foresight of the Sangha, who considered that in this way the government would be able to control the community. As a result, Article 9 gave special importance and priority to Buddhism, and established the duty of the state to "protect and promote" Buddhist teachings and institutions. B. Shonthal writes that the sangha turned out to be very resistant to attempts by the state to regulate its activities: the equivalent of the Thai council of elders has never been created in Sri Lanka, there are no religious hierarchical institutions in the presence of three main independent brotherhoods of the island⁴⁰³.

Theravada Buddhism came to Laos later than to any other country in the region, as Volker Grabowski, a professor at the University of Hamburg and a major researcher in the field of culture and history of Southeast Asian countries, writes in detail. The scientist says that, contrary to the assertion of traditional Lao historiography, there was no trace of Cambodian influence in this process. A specific feature of the political order in the country was the special, privileged position of the sangha in traditional Lao society, and in times of political crises, she even managed

⁴⁰¹ *McCargo D.* The Politics of Buddhism in Southeast Asia // *The Politics of Buddhism in Southeast Asia / Haynes J. (eds) Religion, Globalization and Political Culture in the Third World.* Palgrave Macmillan, London, 2009. P. 214.

⁴⁰² *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia... P. 714.

⁴⁰³ *Ibid.* P. 723.

to effectively intervene in secular affairs⁴⁰⁴. All the kings of Lan Xang, the first Lao kingdom, had to possess the ten virtues and personify the ideal of a righteous Buddhist monarch, and a number of them had the status of a chakravartin. In 1566, to reinforce the concept of a righteous king as the basis of Lao kingship, the "great stupa" That Luang was built in Vientiane⁴⁰⁵, the main spire of which represented Mount Meru. The king's legitimacy stemmed from the merit of many previous reigns. He had to do good deeds in his current life, including donations to the sangha⁴⁰⁶. Popular concepts, as well as many history textbooks, see Laos as a modern continuation of the ancient kingdom of Lan Xang, which was founded in an attempt made by the French to restore the "original" Lao state after they created their protectorate here and began to use Buddhism as an effective means consolidation of the people and the formation of a single nation⁴⁰⁷.

Thus, Theravada Buddhism was inclined towards a monarchical form of government headed by a king, embodying all the basic ideals of human existence and coexistence, which was due to the historical period in which this direction of Buddhism experienced its formation and flourishing. In the modern world, a number of states that have ensured the stability of the monarchical form of government have done this, among other things, thanks to Buddhism. The head of state retained the desire to follow the commandments and prescriptions of an ideal ruler, which is also reflected in popular support for the institution of the monarchy (for example, in Cambodia when the institution of the monarchy was restored or in modern Thailand with the succession of royal power).

The relationship of the monarch with the sangha varied depending on history and political tradition. It is also necessary to state that the Hinayana tradition practically does not know Buddhist theocracies, and the monarch, both in antiquity and in the modern states of the region, acted primarily as a secular ruler.

⁴⁰⁴ *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political Order in pre-twentieth Century Laos [Electronic resource] // Buddhism, Power and Political Order / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 130. Regime Access: http://www.ahandfulofleaves.org/documents/Buddhism%20Power%20and%20Political%20Order_Harris.pdf.

⁴⁰⁵ *Ibid.* P. 126-127.

⁴⁰⁶ *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political ...P. 127.

⁴⁰⁷ *Kourilsky G.* From Muang Lao to Laos: Creation of a Nation, Nationalization of a Religion // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. P. 11.

Buddhism, both as a religion and as a philosophical doctrine, was and is of great importance for the formation of a political order in the region, and the most authoritative monks, regardless of the nature of their relationship with the central government and the head of state, were key political figures. This is largely due to the powerful economic potential that the sangha has always possessed - in all states without exception, its well-being is the equivalent of the success of the state and its head. In some cases, this is a reason for her close interaction, and in some cases, confrontation with the monarch. Monasteries play a key role in this matter - not only religious and economic, but also political, cultural and educational centers. Thus, both the monasteries and their abbots, and the sangha acted as an effective means of the struggle for power.

The Mahayana tradition, on the contrary, not only allowed for a significant degree of theocratization of state institutions, but also retained them until the middle of the 20th century. At the same time, a dual system of governance of Cho-Sid-Ni was created, in which a spiritual leader with representative functions and civil administration was at the head of the state⁴⁰⁸. The monarchs themselves appeared as an idealistic embodiment of a wise ruler, a pious monk and a brave warrior - the only identification of such a semi-legendary status is the ancient kings of Ireland⁴⁰⁹, and the most significant in this case is the history preceding the creation of the state of Bhutan, as well as the history of its formation and development.

At the time of the emergence of theocratic tendencies in the region, monasteries formed the basis of economic and political influence, the lands around which were subject to them, and the management was carried out by religious hierarchs - representatives of various Buddhist schools. Thus, the Drukpa Kagyu lineage is one of the "eight small" Kagyu schools - sub-schools of the Pagdru Kagyu, which, in turn, is one of the "four great" Kagyu schools. Its representatives at the turn of the XII - XIII centuries laid the tradition of ascension to the throne in one of the most

⁴⁰⁸ *Dudin P. N.* Buddizm Maxayany` i regional`ny`j politicheskij poryadok Severo-Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2020. № 2. S. 61–79.

⁴⁰⁹ *Birn F. D.* Koroli i verxovny`e praviteli Irlandii / F. D. Birn. SPb.: Evraziya, 2006. 368 s.

revered monasteries of our time, Ralung, located in the historical area of U-Tsang. As a rule, these were blood relatives and spiritual sons of the founder of the Central Drukpa school. And although U-Tsang was ruled by its own monarchs, in the lands adjacent to the monastery, the power of the hierarchs was almost absolute. At the turn of the XVI - XVII centuries it turned out to be problematic to determine the rebirth of Gyalwang Drukpa IV , a conflict arose in which the ruler of U-Tsang intervened, as a result, one of the contenders for the throne, Shabdrung Ngawang Namgyal, moved to Western Bhutan and became the founder of the Drukpa Kagyu (Southern Drukpa) line and the first secular and spiritual monarch of Bhutan. During this period, Mahayana Buddhism was recognized as the state religion, the local groups of lamas who opposed Shabdrung were eventually defeated, and the territorial and state structure of Bhutan became the provinces or districts, the administration of which was located in fortresses called dzongs. In addition to their direct purpose, dzongs acted as economic, educational and religious centers.

Michael Givel, professor of political science at the University of Oklahoma, in collaboration with Laura Figueroa, give a detailed description of not only the state, but also the legal institutions of this country in the early stages of its formation, and their work "The Policy of Advance Happiness as a Government Mission of Bhutan: A Review of the Unwritten Constitution of Bhutan from 1619 to 1729 year" contains interesting material, on the basis of which an understanding of the nature of political power and its place in the structure of the political order of the new state is built.

In 1651, a state system was established that lasted until 1907, when secular matters were controlled by Druk Desi (or Deb Raja), who was elected for 3 years, and spiritual matters by Je Khenpo (or Dharma Raja), who held this post as a result of the procedure. rebirth recognition. The first Druk Desi was Umzey Tenzin and the first Dharma Raja was Shabdrung himself⁴¹⁰. However, 1619 can be considered the key year, when the young statehood received legal formalization in the form of the first Constitution of Bhutan - Nga Chudrum. In this act, issued by Shabdrung

⁴¹⁰ *Givel M., Figueroa L.* Early Happiness Policy as a Government Mission of Bhutan: A Survey of the Bhutanese Unwritten Constitution from 1619 to 1729 // *Journal of Bhutan Studies*. 2014. Vol. 31. P. 6.

after his military victory over his longtime enemy, the ruler of U-Tsang Desi Phuntsho Namgyal, due to which he lost the Drukpa reincarnation, the Bhutanese monarch consolidates his status as the one who turns the wheel of the dual system, declares about readiness to give shelter to those in need, proclaims himself the owner of the precious teachings of Palden Drukpa and a fighter against False Drukpas, whose power is unlimited, declares himself as a source of morality and a fighter against injustice and evil, the best in discussions, the first among scientists, etc., in total 16 positions⁴¹¹. Giving clarifications to each of these postulate statements, M. Givel and L. Figueroas compare them with the Buddhist canons. Thus, the speech about the wheel refers to the Golden Wheel, the last of the eight auspicious symbols, which represents the Buddhist canon of the eightfold path. Shelter refers to one of the fundamental rites for Buddhists, with the help of which they take refuge in the Three Jewels: Buddha, Sangha and Dharma, which is also the embodiment of one of the eight symbols of Buddhism: the umbrella⁴¹², and the statement that he is the source of morality is his claim to be the Buddha of Compassion (Avalokiteshvara)⁴¹³. After the death of Shabdrung in 1652, the text under study was engraved on black slates and brought to general knowledge⁴¹⁴.

An analysis of this text shows that the values that are present in the ideal monarch in Theravada also took place in the Mahayana tradition, in connection with which we can speak of their conditional universality. At the same time, referring to the model of interaction between the monarch and the sangha proposed by B. Chantal, in relation to Bhutan and its political order, one has to state the adherence to the fourth model. Thus, in their work, M. Givel and L. Figueroa give four arguments in favor of this: (1) Shadrung, as a spiritual leader, had little power due to the fact that his regents, even after reaching adulthood, continued to hold levers in their hands. management of important public spheres; (2) both between Shabdrung and the Druk Desi, and between their successors, there was constant rivalry, which

⁴¹¹ Ibid. P.7.

⁴¹² Ibid. P.9.

⁴¹³ Ibid. P. 10.

⁴¹⁴ Ibid. P. 14.

developed into rivalry with laymen and lamas; (3) the administration, previously represented by monks, became increasingly secularized, and by the 19th century Druk Desi was elected exclusively from the laity, like his inner circle; (4) after the death of Shabdrung, the country plunged into a long civil war, and by the 19th century, despite the maintenance of external stability, the status of Druk Desi lost its greatness, and its carriers changed ahead of schedule, which M. Givel and L. Figueroa characterize as the main sign of decentralization of political power⁴¹⁵. To this should be added the low qualification of the representatives of the sangha in governing the state, which also did not contribute to the stability of the political order, and the special procedure for replacing the post of Dharma Raja through reincarnation provoked the political elite to new conflicts. Thus, the role of Druk Desi became nominal, and his election was ensured by the influence of one or another governor of the dzong.

The paradox was that it was precisely the weakness of the central government that eventually made it possible to unite Bhutan to the Wangchuk family, which had previously monopolized power in the Trongsa dzong. At the same time, the inefficiency of this system of government, which was modified in 1907, becomes apparent: in December, a meeting of the most important civil and religious statesmen proclaimed Ugyen Wangchuk the first unified king, the position of Je Khenpo was retained as head of the sangha, and the titles and positions Shabdrunga and Druk Desi were abolished⁴¹⁶. But the Buddhist theocratic tradition was not completely eliminated.

Firstly, during the same period, Je Khempo XLIX Rigzin Nyimpö, the spiritual leader of the country, one of the two rulers of Bhutan, was replaced by the new Je Khempo L Jampyel Shenpen, who no longer acted as head of state. He performed the coronation ceremony for the new monarch⁴¹⁷. Secondly, the royal family was a

⁴¹⁵ *Ferrero M.* The Rise and Demise of Theocracy: Theory and Some Evidence [Electronic resource] // Public Choice. 2013. Vol. 156 Is. 3–4. P. 723–750. Mode Access: <https://www.jstor.org/stable/42003181>.

⁴¹⁶ *Ibid.*

⁴¹⁷ *Dorji Lham.* The Wangchuck Dynasty: 100 Years of Enlightened Monarchy. Thimphu: The Center for Bhutan Studies, 2008. P. 13.

firm believer in the Drukpa Kagyu, Peling and Nyingma traditions of Buddhism⁴¹⁸, and Ugyen Wangchuck is recognized as the reincarnation of Dodrupchen Rinpoche I Jikme Trinley Ozer⁴¹⁹, the reincarnation of the main lineage holder Jigme Lingpa. Thirdly, although the monarch ceased to be the spiritual head of state, the Wangchuck dynasty used various symbols previously associated with Shabdrung⁴²⁰. A kind of royal oath appeared, given by the new monarch in the presence of the most important civil and religious figures, as well as representatives of the people, who declared their support for Ugyen Wangchuck and declared him the first king of Bhutan⁴²¹. Such an innovation strengthened the bond between the king and the people, making the nature of their relationship contractual, which is fully consistent with the Buddhist tradition, in which kings are often referred to as "ruler by agreement."

A political system similar to that of Bhutan was established in Tibet during the same period. As in Bhutan, the social structure, political order and customs in the region were largely determined by the role that Buddhism has played in it since its inception. The Sangha in Tibet has always been numerous and influential: as a rule, the eldest boy in the family was given as a monk, and about a third of the adult male population lived in monasteries scattered throughout the country and serving not only as spiritual centers, but also as management structures, fortresses, granaries, cultural and educational centers⁴²². A separate branch of Tibetan Buddhism, Vajrayana, originated in the 5th century BC and adapted the local Bon religion, with its many spirits and cruel demons, to the institution of the Mahayana Buddhas, who in the Vajrayana act not so much as good beings, but as powerful spirits who, with their superiority, can subdue demons and make them serve a person, and not hurt him. At the turn of the XIV - XV centuries. The monk Je Tsongkhapa carried out a large-scale spiritual reform, as a result of which the New Kadam school (Gelug /

⁴¹⁸ Ibid. P. 20.

⁴¹⁹ *Dorji Lham*. The Wangchuck Dynasty... P. 2.

⁴²⁰ *Mathou T.* Bhutan... P. 141.

⁴²¹ Ibid. P. 129.

⁴²² The Question of Tibet and the Rule of Law. Commission Internationale. De Juristes. Geneve. Suisse. International Commission of Jurists. Geneva, 1959. P. 1.

Gelugpa) appeared. Over time, the institutions of the Dalai Lamas and Panchen Lamas appeared in the New Kadam school, which became not only spiritual leaders, but also secular rulers, first of individual principalities, and then of the whole of Tibet.

The term "theocracy" is usually defined as a form of government in which a "god" or "deity" is recognized as the supreme ruler. In the Tibetan theocracy, the Dalai Lama is considered the incarnation of Avalokitesvara, the bodhisattva of compassion. Dr Amy Kellam of the School of Asian and African Studies at the University of London believes that technically Tibet was not a theocracy, as the monasteries did not play a significant formal role in the central government. She writes that the abbots of the larger monasteries around Lhasa did have some influence, but essentially had only deliberative powers, although she acknowledges that the monasteries exercised considerable informal influence in political affairs in which they retained considerable interest⁴²³. One can agree with this statement only partially, since religious institutions were somehow firmly embedded in the established political order and determined its character and content.

As a result of a series of military campaigns in 1635-1642. coalitions led by Gushi Khan, the Oirat taish of the Khoshut tribe and the first ruler of the Khoshut (Kukunor) Khanate, and with the participation of the Dalai Lama V , managed to defeat the rulers of nearby principalities and claim their rights to supreme power over most of Tibet. At the same time, his secular powers were confirmed and actually transferred to him by Gushi Khan. A civil administration was formed, headed by a desi (analogous to the prime minister), the first of which was the alleged son of the new ruler of Tibet, Sangye Gyamtso. The process of transferring supreme power was also associated with the process of reincarnation, the search for and recognition of reincarnation, which was carried out with the participation of the Panchen Lama (as the Dalai Lama VI was recognized by the Panchen Lama V). Under the 7th Dalai Lama , the position of desi was abolished, the Kashag was established - a Cabinet

⁴²³ *Kellam A.* Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet. Ph Dthesis. SOAS , University of London , 2013. P. 32.

consisting of four kalons (ministers) appointed for life, one of which had to be a monk, and the other three were secular persons⁴²⁴, and Tsongdu (National Assembly), united in government structure - Ganden Pobran. The government provided for the civil service, maintained a small army, established a system of taxation, a currency, and later a postal and telegraph service⁴²⁵. As in Bhutan, after the death of the founder of the state, here, after the death of the Dalai Lama V, a struggle for power began, both within the monastic community and between the sangha and the laity.

E. Kellam writes that the local aristocracy regularly came into conflict with church elites, and these two institutions acted as checks and balances for each other⁴²⁶. Thus, here we see the fourth model of relationships proposed by B. Shontal. This led not only to the weakening of political power within the country, but also to a special relationship with the Qing Empire, which, having a sufficient arsenal of military, economic and diplomatic resources, actually established control over Tibet, and the nature of relations between the two states to this day remains the subject of political and legal disputes. By the 19th century the political and state system took shape, with almost half of all civil servants were monks, but their positions did not depend on whether they passed the monastic system of academic examinations. E. Kellam writes that, in fact, the monks underwent only superficial religious training, and at the beginning of the 20th century they were typical "educated middle-class people who took the necessary monastic vows when they took office just to advance their careers. This was necessary because the laity were drawn exclusively from the nobility⁴²⁷," and further: "...despite the fact that they were forced to take a vow of celibacy...they lived in the same way as their laity, occupying houses in the city, and not in monasteries, and by working in the day-to-day administration of the state, and not in religious rites and prayer ceremonies. They

⁴²⁴ Ky`chanov E. I. *Istoriya Tibeta s drevnejshix vremen do nashix dnei* / E. I. Ky`chanov, B. N. Mel`nichenko. M.: Vost. lit., 2005. S. 149.

⁴²⁵ *Dulaney A. G., Cusack D. M., van Walt van Praag M.* The case concerning Tibet: Tibet's sovereignty and the Tibetan people's right to self-determination. New Delhi: Tibetan Parliamentary & Policy Research Centre, 1998. P. 13.

⁴²⁶ *Kellam A.* Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet... P. 33.

⁴²⁷ *Ibid.* P. 34.

operated in a predominantly secular region, without belonging to any monastery, and were subject to a set of official rules designed to prevent arbitrary use and abuse of power, which made it possible for citizens to file complaints seeking redress. For these reasons, monk officials were known as "formal monks"⁴²⁸. The crisis of the Qing Empire in the late 19th - early 20th centuries affected the political order of the region. The situation coincided with the coming to power of a young and ambitious statesman, one of the outstanding rulers of Tibet, the Dalai Lama XIII, and was characterized by the following.

The British invasion of Tibet in 1904 not only led to the flight of its leader, but also had much deeper political consequences for the whole of East Asia. The 13th Dalai Lama arrived in Khalkha and this circumstance played an important role in strengthening and growing the authority of the lamaist church in national processes, exalting the personality of the Bogd Gegen, and thereby contributed to the declaration of independence of Outer Mongolia after 7 years and the formation of theocratic power. The head of Tibet was in Khalkha from November 1904 to the end of 1906, which allowed the Russian border commissioner A.D. Khitrovo to establish a secret connection with him, and the "Note of the Lieutenant Colonel of the Khitrovo General Staff on the Dalai Lama and his activities in 1906", stored today in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, presents a unique document that reveals the views of one of the most influential political figures in the region of that time on its arrangement.

Thus, the Dalai Lama informed the commissioner that "the Beijing Government is trampling on his rights and the rights of Mongolia, that he has documented and historically proved to the consulate the rights of his secular power over Tibet, that the Manchurian house is listed on paper, but in fact it does not exist, and that the Chinese strong party under the auspices of the Japanese, it intends in the near future to overthrow this nominal Manchurian dynasty, which now exists, and to restore the Chinese one again, putting forward the existing descendants of the

⁴²⁸ Ibid. P. 35.

Mings. In view of the fact that Tibet and Mongolia were never under the dominion of China, moreover, Mongolia itself owned China, with the abolition of the Manchurian dynasty, it became obvious that Mongolia and Tibet should become as independent as before the Manchurian house, to which they voluntarily submitted (as stronghold of the Manchus against hated China) on the rights of being more like allies than subject peoples, adding that the Mongols are aware of this and even more hate the Chinese, who have weakened the Manchurian house and trample on their tribal rights to their land and self-government... Guided exclusively by justice and, following on meeting the needs and natural historical desires of the vast flock of Lamaites, the Dalai Lama with like-minded people, the Mongol princes and the influential Khutukhts Gegens, in principle irrevocably decided to secede from China into an independent union State, having carried out this operation under the auspices and support of Russia, while avoiding bloodshed. If Russia refuses, it will not change the decision to separate from China to carry out this operation under the auspices of another great power, in extreme cases even England, offering all its services to the Dalai Lama... Support and patronage of Russia in the opinion of the Dalai Lama should be expressed in the fact that so that Russia, recognizing the validity of the demands of Mongolia and Tibet, would accept from the Dalai Lama his ideas on this issue and submit them for discussion and decision by all the great European powers, which, as the Dalai Lama is sure, cannot but agree with the legitimacy of these demands⁴²⁹. Thus, it was about creating a united theocratic Tibeto-Mongolian state, which in the literature was called pan-Buddhism⁴³⁰.

As a follow-up to these agreements, on January 11, 1913 (December 29, 1912, O.S.) , representatives of the⁴³¹ XIII Dalai Lama and the VIII Bogdo Gegen signed a joint Mongol-Tibetan Treaty of Friendship and Alliance in Urga⁴³². Its first and second articles mutually recognized the independence of both states, relations were

⁴²⁹ [Electronic resource]. Mode Access: <http://www.vostlit.info/Texts/Documenty/China/XX/1900-1920/Chitrovo/zapiskaodalajlame.htm> (date accessed: 06/12/2019).

⁴³⁰ *Rupen R.* How Mongolia is really ruled: a political history of the Mongolian Peoples Republic, 1900–1978. Hoover Institution Press. Stanford University, 1979. P. 108.

⁴³¹ *Andreev A. I.* Tibet v politike czarskoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii / A. I. Andreev. SPb.: Nartang, 2005. S. 200.

⁴³² *Barkmann U. B.* Geschichteder Mongolei. Bonn, 1999. P. 119–122.

established between countries that were spiritually and politically close, of the same faith and equally burdened by Chinese rule, theocracies with high authority as a religious leader, which, in addition to international law, implied a certain sacred meaning and content of the agreements. At the same time, the agreement did not provide for the creation of a single state, but it played an important role in the process of reformatting the regional political order, the need for which was caused by the Xinhai Revolution of 1911–1912 and the collapse of the Qing Empire.

In continuation of the Pan-Buddhist theme, already in 1921, the well-known Buryat and Tibetan religious and public figure, educator and mentor of the 13th Dalai Lama, Agvan Dorzhiev, put forward an even more interesting idea of creating a colossal “buffer” in territorial terms. As a representative of the Tibetan government in the RSFSR, he writes to the People's Commissariats for Foreign Affairs and Nationalities Affairs: “The lands inhabited by Mongolian tribes - the Baikal region, Transbaikalia, Mongolia - found themselves in a position of a buffer between the main political factors in the Far East - Russia, Japan and China, and if we also add Tibet, united with the Mongols by various ties, then we get a huge Central Asian buffer that separates, in addition to the named powers, also England. The full significance of this buffer, further enhanced by the peculiarities of its nature, is quite understandable, and in connection with the course of events in the Far East, it has now become one of the central axes in world politics⁴³³. However, reality dictated completely different conditions: the Soviet power was strengthened to the extent that it had the strength to come to replace tsarist Russia in East Asia and dictate its terms. As a result, pan-Buddhism was replaced by an even more daring idea, which went down in history under the name of pan-Mongolism, which often had very polar views on the development of national statehood.

In this regard, let's turn to another theocratic state of the region, created on the fragments of the former Qing empire - Outer or Khalkha-Mongolia. The highest religious hierarch in the country was the Khubilgans of Jebtsun-Damba-Khutukhty,

⁴³³ Cit. by: *Damdinov A. V. Agvan Dorzhiev: politicheskij, obshhestvenny'j i religiozny'j deyatel': dis. ... kand. ist. nauk / A. V. Damdinov. Irkutsk, 1996. S. 127.*

who had the title of Bogdo Gegen. With the entry of the Mongolian lands into the Qing Empire in the 17th century the Manchu authorities not only retained the original reincarnations and titles, but also created new incarnations, assigning them both new titles and old ones. 4 new lama titles were introduced, as well as 4 khutukhts of Tibet, Mongolia and Manchuria, and then 8 Beijing khutukhts were established. In addition to them, there were 2 more in Khalkha. Next came the khubilgans, who at the end of the 18th century there were 55, and by the end of the XIX century - already 243. The Manchu rulers rendered them special honors, raising their social position and providing economic benefits, providing them with their own possessions, students and pastures. Thanks to this approach, the Qing authorities were able to control both Buddhism itself and the territories of its distribution⁴³⁴.

In the hierarchy of Northern Buddhism, the Bogdo-gegen occupies the 3rd place after the Dalai Lama and the Panchen Lama and enjoys authority as a mentor of the Mongolian peoples. Dzhebtsun- damba-khutukhta XV was Zanabazar⁴³⁵, a representative of the Genghis Khan family, who became the first Bogd Gegen. Jebtsun-damba-khutukhta XXII became Bogdo-gegen VIII, or Bogdo-khan, the last great khan of Mongolia. Over time, the Manchu rulers realized that there was a possibility of uniting the Mongols under the auspices of this religious figure, and in order to exclude this possibility, it was decided to seek reincarnation not in Mongolia, especially in the family of nobles, but in Tibet. The method of recognizing reincarnations was also changed, which had previously been limited to her recognition by the Dalai Lama and the Panchen Lama. However, the Qianlong Emperor introduced the procedure of drawing lots from a golden urn⁴³⁶.

At the beginning of the 20th century, the church already played a huge political and cultural role in the life of Mongolian society, it had economic power and political influence. Therefore, the institution of "living gods", already established by

⁴³⁴ *Uranchimeg Boijigin Ujeed*. Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism. Exemplified by the Mergen Tradition. Department of the Study of Religions, SOAS, University of London, 2009. P. 55 [Electronic resource]. Access mode: <https://eprints.soas.ac.uk/28766/1/10672934.pdf>.

⁴³⁵ *Croner D. Zanabazar's First Trip to Tibet // The Life of Zanabazar: The First Bogd Gegeen of Mongolia*. Polar Star Books Publ., 2022. P. 9.

⁴³⁶ *Uranchimeg Boijigin Ujeed*. Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism... P. 56–57.

that time in Tibetan Buddhism, took root in Mongolia, and became an important unifying political force, which is noted by many researchers. The spiritual and secular head of Mongolia, Bogdo-gegen VIII Jebzun-damba-khutukhta XXII, was the most respected person in the country, the believing masses had the deepest reverence for him, and in the course of the national movement, all the Mongols revered him as a "living Buddha". In the minds of the Mongols, Bogdo Gegen was the personification and symbol of Mongolian national unity and identity, and only around him at that time could all the Mongolian peoples unite⁴³⁷. Thus, by the beginning of the XX century the institution of theocratic power among the Mongols was formed and played a decisive organizational role in the life of society, it only had to be given state status.

By the beginning of the XX century in this political situation, the young Bogdo Gegen, who arrived in Urga in 1875, became the key figure embodying the anti-Chinese sentiments of the liberation movement caused by the Xinhai Revolution⁴³⁸. So, in 1910 he was invited to Tuva, where he was respected and revered no less than in Mongolia. Here he was perceived not only as a spiritual mentor, but also as the head of all Tuvan monasteries. In Mongolia itself, he was the largest owner of land, livestock and people (about 100,000 dependent arat peasants). During this period, there were 747 large and small monasteries and temples and about 100 thousand monks in the country. The monasteries became centers for organizing the social and cultural life of the Mongolian society, centers of education, accumulation and development of scientific and philosophical knowledge in the country. And it is here, with the proclamation of independence, that its own state apparatus begins to take shape. The power of the new head of state had a solid economic, social and spiritual basis. The class privileges that Buddhist datsans possessed determined the political elevation of their heads. All these factors, as well as the leadership qualities of

⁴³⁷ Dudin P. N., Shemelin A. V., Pavlov A. K. Formation of the nationhood of the Mongolian-speaking peoples of Innermost Asia // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing. 2015. Vol. 6. № 6. P. 46–50.

⁴³⁸ *Pozdneev A. M. Urginskie xutuxy`. Istoricheskij ocherk ix proshlogo i sovremennogo by`ta / A. M. Pozdneev. SPb., 1880. 84 s.*

Bogdo-gegeg VIII himself, contributed to the fact that theocracy became the first form of the Mongols state.

During the accession to the throne, traditional Buddhist symbols were used: the soyombo on the flag, the seven jewels of Chakravartin, solemn ceremonial clothes, the restored khan's seal and crown, as well as the reign title "Erected by Many", borrowed from ancient Buddhist legends about the Indian king Mahasamati, from whom the Mongols led the clan of Genghis Khan⁴³⁹. The very first decree of the Bogdo-gegen, announced on the day of his accession to the khan's throne, formed the government of Mongolia, consisting of five ministers, to whom a relatively wide range of state administration affairs was transferred. These were the Ministries of Foreign Affairs, Interior, Military, Finance and Justice. The Bogd Gegen issued a decree, which prescribed that only Lamaists could be government officials, "the whole image of the government of Mongolia will be consistent with the demand of Lamaism." Thus, the establishment of the theocratic monarchy became a natural phenomenon and was due to the totality of cultural, historical and socio-economic factors, objective and subjective. Even Soviet researchers recognized that the religious authority of the Bogdo Gegen among the arats was extremely high, and during the anti-Manchu movement it increased even more⁴⁴⁰. Since the tribal aristocracy wanted to see a descendant of Chinggikhan at the head of the country, the Bogd Gegen was forced to rely on people from an ignorant milieu who advocated the centralization of the country around his figure. But, despite this, monasticism was the most enlightened, cohesive and organized social group of Mongolian society, and Buddhist monasteries were the centers of the social and cultural life of the people.

At the same time, according to the well-known Mongolian scholar O. Batsaikhan, Bogd Gegen VIII was considered to belong to the Genghisids, since he was considered as the reincarnation of Zanabazar⁴⁴¹. Among the features of the

⁴³⁹ Kuz`min S. L. *Koncepciya velikoxanskoj vlasti i teokraticeskaya gosudarstvennost` Mongolii v XX veke* / S. L. Kuz`min // *Nauchny`j dialog*. 2016. № 9(57). S. 136–148.

⁴⁴⁰ *Zlatkin I. Ya. Ocherki novoj i novejshej istorii Mongolii* / I. Ya. Zlatkin. M.: Nauka, 1957. 300 s.

⁴⁴¹ *Batsaihan Oohnoin. The Last Emperor of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu. The lifeand legend.* Ulaanbaatar: Admon , 2011. xx +707 p.

Mongolian theocracy was its constitutional and legal consolidation, carried out in 1921 after the so-called "people's revolution". The new socialist regime did not formally abolish the prerogatives of the Bogdo Gegen, although the latter actually lost power⁴⁴². On November 1, 1921, he was forced to sign the so-called "Oath Treaty", which deprived him of the right to influence important government decisions. The "Oath Treaty between the People's Revolutionary Government of Mongolia and the Bogd Gegen" dated November 1, 1921 ordered that the Bogdo Gegen be left with the functions of the head of the lamaist church, but to limit his secular functions. He was recognized as a constitutional monarch with rather limited rights. It was stipulated that he "should not concern state affairs, but in relation to all religious matters he enjoys unlimited rights." The concept of "constitutional monarchy" was introduced, which assumed the existence of the institution of the khan, acting through the chairman of the people's government. As a prerogative, the Bogdo Gegen had the "conciliatory" functions of approving laws, but he could not change, reject, or annul them. He was endowed with the right of "suspensive veto" in relation to laws that did not concern the strengthening and improvement of the foundations of the Mongolian people's state⁴⁴³. The oath agreement became invalid in 1924 after the death of the Bogd Gegen (May 20) and the proclamation of the Mongolian People's Republic.

In the period we are considering, two more attempts to create Buddhist theocracies in East Asia should be singled out, which were less successful than those described above.

Firstly, we are talking about the creation of the Kudun state - a theocratic political entity that existed in April-May 1919 on the territory of several modern regions of the Republic of Buryatia. The researcher of this issue, Russian historian N.V. Tsyrempilov writes that the reason for the declaration of independence was "administrative and economic reforms carried out by the Buryat People's Duma in the

⁴⁴² Sovremennaya istoriya mezhdunarodny`x otnoshenij. V 4 t. 1918–1991. T. 1. Soby`tiya 1918–1945 / pod red. A. D. Bogaturova. M.: Moskovskij rabochij, 2000. S. 224.

⁴⁴³ See: Sovremennaya Mongoliya. 1934. № 1. S. 23.

first months of its existence, the inability of the authorities to establish tight control on the ground", as well as the demand of "ataman Semenov mobilize the Buryat male population between the ages of 22 and 25 into the ranks of the people's militia⁴⁴⁴. The scientist himself characterizes this theocratic project as a unique phenomenon that combines the principles of the European state system and the Buddhist idea of an ideal dharmic state. Lama Lubsan-Samdan Tsydenov becomes the head of state of Yogachari Nomun Khan, Tsog Tuguldur Darmaranza. On May 14, 1919, the draft Constitution of the theocratic state of the Kudun Valley "Erhete Balgasan Ulus" was adopted, consisting of 36 points. Tsydenov ruled the state by the right of a person who realized the Tantric deity Yamantaka and carried out the will of the latter. A representative assembly of the Great Suglan was created, and the president, vice president and ministers were directly subordinate to Darmaranza. A balagat court was formed, which was headed by the head of the administration of the balagat and two elected judges-shulengs. The theocracy included 11 balagats (districts). The existence of the state was short-lived, and a few days after the enthronement ceremony, S. Tsydenov and members of his government were arrested by representatives of the Buryat People's Duma and ataman G. M. Semenov, although in fact, as N. V. Tsyrempilov writes, until May 1920, the authorities the authorities of the theocratic state acted in parallel with the local administrations of the Burnardum and the Buryat-Mongolian Autonomous Region of the Far East.

Secondly, we are talking about theocratic tendencies and an attempt to create a theocratic state in the Khorchi lands of Inner Mongolia in the 1930s, in parallel with the formation of Mengjiang. This process was closely associated with the figure of the Panchen Lama IX and the reincarnation lineage of the Torgut Lama Neichi Toyin VIII. After the death of the 13th Dalai Lama, the position of the 9th Panchen Lama, supported by the Chinese authorities, strengthened. In October 1933, he received 1 million yuan from the government, was sent to Mongolia to organize agitation

⁴⁴⁴ *Cyrempilov N. V. Konstitucionnaya buddijskaya teokratiya Lubsan-Samdan Cydenova (1918–1922): osnovnoj zakon i struktura gosudarstva / N. V. Cyrempilov // Eurasia: Statum et Legem (Evraziya: gosudarstvo i pravo). 2015. № 1(4). 61–70 s.*

against the Japanese encroachment on these territories⁴⁴⁵, and also to convince the autonomists to abandon their demands, since it was believed that this movement was supported by the Japanese side. In early November, a representative of the Panchen Lama arrived in Beijing and reported that, despite the lack of complete understanding between the autonomists and representatives of Nanjing, interaction between them was becoming closer. The Panchen Lama, who in 1932 tried to dissuade the princes from entering Manchukuo, until he was involved in the unfolding disputes between the autonomists and Nanjing⁴⁴⁶. At the end of 1933 he set out on a journey to participate in religious meetings in Inner Mongolia and was going to visit Nanjing⁴⁴⁷, where he arrived on November 19, 1933⁴⁴⁸. He repeated his tour in the following summer on the way to Kukulnor and Tibet⁴⁴⁹. Meanwhile, a number of political activists created a theocratic government following the example of Khalkha-Mongolia⁴⁵⁰, but due to the small number of supporters, the movement quickly died out.

The potential of theocratic institutions was most fully realized in the Buddhist states of the Mahayana movement at the turn of the 19th and 20th centuries. It was during this period that the formation of nation-states took place, but the political fate of the northern and southern states of East Asia turned out to be different. Thus, countries with the Theravada tradition fell into colonial dependence on Europeans, and although they were often called protectorates, this did not change the essence of colonial policy in these territories: a colonial system of government, language, religious institutions, law, trade relations, etc., developed in the region, and local political structures could not escape their influence. The leaders of these countries were, as a rule, the most loyal or useful figures to the colonialists. And countries with the Mahayana tradition, on the contrary, either avoided colonial influence

⁴⁴⁵ *Powell J.* Mongolians Declaration of Independence. Inner Mongolia Declares Itself free from China // Chicago Daily Tribune. 1933. Oct. 14. R. 13.

⁴⁴⁶ Negotiations aid Mongol autonomy // The New York Times. 1933. Nov. 6. P. 13.

⁴⁴⁷ Future of Tibet // The Manchester Guardian. 1933. Dec. 22. P. 9.

⁴⁴⁸ The Mongols proceed to Nanking shortly // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884 - 1942). 1933. Nov. 20. P. 1.

⁴⁴⁹ The Panchan Lama // The Straits Times. 1934. Aug. 13. P. 11.

⁴⁵⁰ *Uranchimeg Boijigin Ujeed.* Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism... R. 92.

completely, like Mongolia or Bhutan, or experienced it in an insignificant area, like Tibet at the beginning of the 20th century, which allowed them to preserve and rely solely on their own traditions and needs to form their own state institutions and establish their own political order. The leaders of these countries are leaders who, by virtue of their authority, are able to unite the people.

And, finally, theocracy takes root and develops where it was most justified and in demand, but due to the lack of political and spiritual centralization, when faced with more radical ideological currents that are able to back up their political ambitions with military, economic and more radical ideological instruments, it is experiencing the process of transformation: into a classical constitutional monarchy, as in Bhutan or Cambodia, into a socialist republic, as in Khalkha-Mongolia, or leaves the political arena, as in other states of the region under study.

This explains the fact that Buddhism, which has a huge number of followers in the region, could not compete with socialist views that became dominant in all Buddhist states and state formations in East Asia in the second quarter of the 20th century, or with the pan-Asian ideology, with the help of which Japan managed to subjugate South and Southeast, as well as a significant part of Northeast Asia.

2.2. "Export of revolution" in East Asia and the regional political order in the zone of Soviet influence

The socialist ideas of a strategic presence in the region and the formation of a regional political order were put practice by the young Soviet state in relation to its eastern neighbors - Mongolia, China and Japan. Here it is appropriate to talk about three models for the implementation of socialist ideas for building buffer statehood and a regional political order: models of relations with a fraternal people, a strong neighbor and an adversary. However, relations with Japan and its military formations on the continent, starting from April 5, 1918, when "bourgeois Japan"

was declared "the mortal enemy of the Soviet Republic"⁴⁵¹, and ending on January 20, 1925, when the Convention on the Basic Principles of Relations between the Union and Japan⁴⁵², did not involve socialist rhetoric, appeal to the Japanese people, etc., but lined up exclusively in relation to the country's leadership or its military command.

By the end of the first decade of the existence of the world's first socialist state, a relatively stable and stable situation had developed in the region: (a) the Soviet state was recognized as the states of the region; (b) landmark differences and key international issues were resolved by bilateral agreements with Mongolia, China, and Japan; (c) the former leaders had died by March 1925 (D. Sukhe-Bator, Takashi Hara, V. I. Lenin, Bogd Khan, Sun Yatsen), leaving an ideological legacy, and the new heads of state and key functionaries were in a state of permanent political struggle or were sick, like the Japanese monarch Yoshihito, which allowed the regent and future emperor Hirohito to ensure control over the domestic political situation in your country; (d) new constitutions are adopted in the states of the region (China in 1923, the USSR in 1924, Mongolia in 1924 and the RSFSR in 1925), which are a kind of program documents and a kind of "signals" for the nearest neighbors; (e) The Soviet Union and its leadership are moving towards the strengthening of Soviet statehood and the policy of supporting friendly regimes and buffer states that serve as protection both militarily and ideologically. Thus, on July 2, 1925, in the course of an interview with G. V. Chicherin about the attitude of the USSR to the events in China, the people's commissar stated that the Soviet government and the public sympathize with the struggle of the Chinese people for their complete liberation and independence and the creation of a centralized democratic system and that "The grossest lie is the assertion that our government wants to create or maintain a state of chaos in China"⁴⁵³. "

⁴⁵¹ Soobshchenie Sovetskogo pravitel'stva o yaponskom vystuplenii vo Vladivostoke / Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I: 1917–1920 gg. // Vysshaya partijnaya shkola pri CK VKP(b). Kabinet social'no-ekonomicheskikh nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social'no-ekonomicheskikh nauk VPSH pri CK VKP(b) A. S. Tisminec. M., 1944. S. 67–68.

⁴⁵² Ibid. S. 3–5.

⁴⁵³ Interv'yu narodnogo komissara po inostrannym delam Chicherina ob otnoshenii SSSR / Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. III: 1925–1934 gg. // Vysshaya partijnaya shkola pri CK VKP(b). Kabinet social'no-

Diplomatic relations of the USSR and the constituent republics of the Union with other states were entrusted to the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR⁴⁵⁴. Of course, the young Soviet state needed a vivid example of relations with another state, and Mongolia became such an example, "the first example in world history of interstate relations of the socialist type, which received its further embodiment and development in the world socialist community"⁴⁵⁵.

Interaction was supposed in several directions: firstly, bilateral, including the "export of ideology" and the corresponding tools for its provision:

1. Dissociation from the former regime: "the former tsarist government"⁴⁵⁶, "the tsarist regime"⁴⁵⁷, etc.

2. Support for anti-colonial (primarily anti-Chinese) sentiments. Soviet-Mongolian propaganda regularly reported that on the eve of the "People's Revolution" "feudal-theocratic" Mongolia was in semi-colonial dependence on China, was the object of cruel exploitation by the imperialist powers.

So, D. Sukhe-Bator, in a conversation with the head of the guard Khuder Tsedenbalzhir about attracting the arats of the border khoshuns to the revolutionary struggle, drew attention to the fact that the Chinese military, having seized the Mongolian land by force, subjected the Mongolian people to grief and deprivation, which forced them to join the struggle and obtain support in it from Soviet Russia⁴⁵⁸. In foreign policy terms, the country was, in fact, in complete isolation⁴⁵⁹. This was

ekonomicheskikh nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social'no-ekonomicheskikh nauk VPSH pri CK VKP(b) A. S. Tisminec. M., 1945. S. 21–24.

⁴⁵⁴ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. I: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1924 goda // SSSR. Narodnyj komissariat po inostrannym delam; sobran i sredaktirovan: A. V. Sabanin, M. M. Voskresenskij. M., 1924. S. 29–30.

⁴⁵⁵ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974: dokumenty i materialy. V 2-h t. T. 1: 1921–1940 / Glavnoe arhivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR; Institut marksizma-leninizma pri CK KPSS; Institut vostokovedeniya AN SSSR; Ministerstvo inostrannyh del SSSR i dr. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya; Ulaanbaatar: Ulsyn hevlelijn gazar, 1975. XVIII, 589 s.

⁴⁵⁶ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. I–II: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1925 goda / SSSR. Narodnyj komissariat po inostrannym delam; pod red.: A. V. Sabanin, V. O. Broun. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-e NKID, 1935. S. 52.

⁴⁵⁷ Ibid. S. 53.

⁴⁵⁸ Iz besedy D. Suhe-Batora s nachal'nikom karaula Huder Cedenbalzhirom o privilechenii aratov pogranychih hoshunov Mongolii v Narodnyu armiyu 14 fevralya 1921 g. // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974: dokumenty i materialy. V 2-h t. T. 1: 1921–1940... S. 3.

⁴⁵⁹ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. X.

necessary so that the Mongolian side would not attempt to seek an alternative to Soviet relations in cooperation with the Chinese authorities and representatives of other powers, as modern Mongolia does, building the concept of a “third neighbor”. On this basis, when any cooperation with the Chinese side automatically elevated those cooperating to the rank of traitors, it was convenient to explain to a deeply religious people with deep traditions of reverence for power why the former regime was disastrous for the country and people, and the new one was beneficial and necessary.

3. So, the Soviet side, offering equal cooperation and interaction, saw it based on the Leninist principles of the policy of peace and peaceful coexistence of states with different socio-social systems, while the position of the former theocratic regime, “scared by the revolutionary events in Russia”, was reduced to maintaining his rights, interests and privileges, which prompted him to take "the path of betraying the national interests of the country" and agree to the occupation of the country by the Chinese military, as a result, the country lost its independence, a dictatorship was established, and the situation was aggravated by "the remnants of the Baron's White Guard gangs" who invaded the territory of Mongolia. Ungern, retreating under the blows of the Red Army⁴⁶⁰. This was stated in the Resolution of the First Congress of the Mongolian People's Party of March 22, 1921: “... no reconciliation with the Russian White Guards, who have now invaded the borders of Mongolia... and are calling for the enemies of our country. The establishment and incessant strengthening of friendly relations with Soviet Russia will only benefit our great cause now and in the future, because the statements of Soviet Russia that its policy does not pursue other goals than helping the masses of the people are completely true⁴⁶¹, ”and a week earlier in the appeal of the Central Committee of the MNP and the command of the People's Army to the Soviet government and the Comintern with assurances of friendship and solidarity dated March 15, 1921, it was said that

⁴⁶⁰ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. XI.

⁴⁶¹ Iz Postanovleniya I s"ezda Mongol'skoj narodnoj partii po otchetu delegacii mongol'skih revolyucionerov, vernuvshihsy iz Sovetskoj Rossii posle zaversheniya peregovorov o pomoshchi 22 marta 1921 g. // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 4.

"The Central Committee... and the Main Directorate of the Party's Troops will make every effort to... isolate the Mongols who are in the troops Ungern, and other Russian White Guards... our Mongolian People's Army will under no circumstances allow treason and going over to the side of the Russian White Guards and the Mongols who have joined them⁴⁶².

Emphasis was regularly placed on the fact that the Soviet government abandoned all the old, unequal and enslaving treaties "imposed by tsarism" and canceled Mongolia's debts on loans from tsarist Russia. A similar position can be traced in Soviet-Chinese relations a few years later.

4. Joint struggle. Despite the fact that the Mongolian masses are rising to repulse the invaders and interventionists, the leadership of which is taken over by the Mongolian People's Revolutionary Party⁴⁶³, the struggle is also carried out with the participation of Soviet citizens, who, like the Mongols, give their lives for a just cause. At the same time, it was emphasized that without the help of the Red Army units that had responded to the request of the Provisional People's Government, it would have been impossible to succeed. The refrain was the idea that "the entire path of development of Mongolia after 1921, the path of progress in all areas of society, confirmed the idea of V. I. Lenin that the transition from feudalism to socialism, bypassing capitalism, is possible only with fraternal help proletariat of the country of victorious socialism⁴⁶⁴. And this, of course, was the case: the Soviet side took all the necessary measures to ensure that the Mongolian comrades had the opportunity to freely participate in military campaigns. So, under No. 487/k of January 20, 1921, the Mongolian revolutionary, and later the main character of all the events described, D. Sukhe-Bator, was issued a border detachment mandate for the right to cross the border and receive assistance from civil and military organizations of the RSFSR, giving the right to freely move and cross the border in both directions and in any area, the right to bear arms, prohibiting

⁴⁶² Obrashchenie CK Mongol'skoj narodnoj partii i komandovaniya Narodnoj armii k Sovetskomu pravitel'stvu i Kominternu s zavereniyami v družbe i solidarnosti 15 marta 1921 g. // Ibid. S. 4–5.

⁴⁶³ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. XII.

⁴⁶⁴ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974...

the search and confiscation of his property and obliging civil and military institutions to provide him with the necessary assistance⁴⁶⁵.

All these components were reflected in the appeal of the Revolutionary Military Council of the troops of Siberia to the Mongolian population in connection with the entry of the Red Army into the territory of Mongolia on June 21, 1921⁴⁶⁶, like any similar act, full of solemnity and enthusiastic epithets and stinging phrases. From the first lines, the Mongolian people, "up to now oppressed", were declared a friend of the workers' and peasants' people of Russia, to whom the "hand of fraternal sympathy" is extended. The goal pursued by the Red Army was declared, which excluded conquest thoughts and sought to establish peace and friendship with all other peoples of the earth. It was said that "[the] troops of the Workers' and Peasants' Russia and the Far Eastern Republic will not remain in Mongolia longer than it will be necessary to deliver the final blow to the common enemy, the tsarist general, the bloodthirsty Baron Ungern," helping to establish their own Mongolian free government. A positive image of a fighter against the oppressor and a willingness to share this experience with their neighbors were formed: "... having overthrown at home, within its own borders, the vile yoke of bloody tsarism - this enemy and oppressor of its own people, as well as all those who lived under its rule, overthrowing the same yoke bloodsuckers and exploiters of the landowners and capitalists. The workers and peasants of Russia wish to see the fraternal Mongolian people free from any foreign oppression.

The imperialist powers (England, France, Japan, etc.) were listed, which provided assistance to the former oppressors, special emphasis was placed on Japan, whose generals and capitalists sought to "enslave the Mongolian people." The horrors were listed (waging war against the fraternal working people of Russia, shedding their blood, paying taxes, enduring military instructors with scourges in their hands, etc.) that the Mongolian people had to endure before the liberation forces

⁴⁶⁵ Ibid. S. 1.

⁴⁶⁶ Obrashchenie Revvoensoveta vojsk Sibiri k mongol'skomu naseleniyu v svyazi s vstupleniem Krasnoj Armii na territoriyu Mongolii 21 iyunya 1921 g. // Ibid. S. 14–17.

came to their aid, and they also drew terrible prospects (its agents and servants will rob you and torture you, they will subject you to violence and your families will turn you into their slaves. They will seize the bowels of Mongolia, take away the best lands from you and settle their fat Japanese capitalists there. From your native Mongolia they will make a second Korea, etc.), which would have threatened Mongolia from Japan if the Soviets had not come to her aid.

The mention of the Mongolian People's Government was also clothed with solemnity, and it itself was called a deliverer from all oppression, hardships and foreign yoke. Using the long-standing desire of the Mongols for self-reliance and independence, the appeal especially emphasized the lack of intention to encroach on Mongolian independence and respect for their desire to live and develop "in their own khoshuns".

At the same time, work was underway with the consciousness of the soldiers of the Red Army in terms of not only strengthening their spirit and combat capability, but also understanding the situation and its deep, ideological meaning. On June 25, 1921, signed by a member of the Revolutionary Military Council of the 5th Army, the head of the political department of the Revolutionary Military Council of the troops of Siberia, V. Mulin, an appeal was issued by the political department of the Revolutionary Military Council of the troops of Siberia to the personnel of the expeditionary corps in connection with the entry of Soviet troops into Mongolia⁴⁶⁷. From the very first lines, the task of destroying the living forces of Ungern was indicated, for which it was necessary to take Urga (modern Ulaanbaatar), conquered by the baron. R. F. Ungern himself was declared a bandit and an enemy of the working people. Indeed, the elimination of the forces of this enemy would ensure control not only over the border regions, but also over the whole of Mongolia: it was known how great the authority of R.F. Ungern was with the Bogdo Khan, and therefore among the Mongolian population. The baron's troops were well trained and

⁴⁶⁷ Obrashchenie Politupravleniya Revvoensoveta vojsk Sibiri k lichnomu sostavu ekspeditsionnogo korpusa v svyazi so vstupleniem sovetskikh vojsk v predely Mongolii // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 20–25.

armed, and for the personnel of the Red Army the situation was aggravated by the fact that the White Guards declared enemies of the working people were often their countrymen and relatives, since on both sides the detachments were formed from local residents. Therefore, the operation had to be implemented not only with lightning speed, but also harshly, to ensure which an appeal was issued declaring the fight against the enemy fair and sacred, and the enemy - the initiator of the outbreak of war.

There is an appeal to the international community, which has been repeatedly declared and confirmed in practice the desire of the Soviets to live in peace with everyone. It is curious that the "bandit and hangman of the peasants and workers of Siberia" R.F. Ungern is accused of monarchism, the desire to "save Russia under the scepter of Emperor Michael II." Perhaps it was an indirect attack against the power and status of the Bogd Khan, also an absolute monarch, whom the baron supported in every possible way and received in return everything he needed - help and support.

The need to enter foreign territory is explained by the fact that Mongolia, in the power of the Whites, is a convenient base for preparing an offensive against Soviet Russia, in which G. M. Semenov, who, in turn, relies on the same bandits and Japanese imperialists, provides assistance.

The missionary, "sacred, historical" function of liberating the "long-suffering Mongolian people" was imposed on the Red Army, as evidenced by the joint struggle, in which the Mongols themselves took part in the person of their paramilitary, government and party structures. Once again, the decision was confirmed that the Soviet troops intended to leave the territory of Mongolia after the successful completion of the operation, in connection with which special moral obligations were assigned to them. Thus, a soldier of the Red Army was supposed to be a "high example of real liberators", respecting local customs and customs, religious beliefs, temples, relics and national feelings: "We must remember that the way of life of the people develops over centuries and not in our the will to change immediately in a few months what has been ingrained in the flesh and blood of the people," and "the [m]ongol people must in fact make sure that we have come as

friends, and not as enemies." A strict ban on looting was especially stipulated, since this was seen as likening to Baron Ungern and his associates, which should be avoided.

A separate line stipulated: "In order to avoid any friction and unwanted misunderstandings between the Red Army and the Mongolian people, official representatives of the People's Revolutionary Government of Mongolia and representatives of the People's Commissariat of Foreign Affairs will follow at all major military formations. All communications with the local population must be conducted through the named representatives. It was ordered to refrain from participating in the change of power on the ground, leaving this task to representatives of the People's Revolutionary Government of Mongolia, as well as measures taken to ensure the supply of the military. At the same time, political workers and commissars were instructed to "develop... the most energetic agitation among the Red Army masses", look for "intelligent communists" who could explain to the Red Army the purpose and objectives of the Mongolian operation, and then there was a detailed explanation of the tactics of conducting agitation and ensuring supplies. As a result, the task was completed, R.F. Ungern's inner circle was liquidated, he himself was captured, put on trial, sentenced to death and executed ⁴⁶⁸, and Mongolia was "torn out of hostile hands... [and] transferred to the friendly People's Revolutionary Mongolian government»⁴⁶⁹.

In turn, in Mongolia itself, propaganda and ideological work was also carried out in several directions. So, in response to the appeal of the Revolutionary Military Council of the troops of Siberia to the Mongolian population in connection with the entry of the Red Army into the territory of Mongolia, the Central Committee of the Mongolian People's Party on June 25, 1921 turned to its people. It, firstly, confirmed the goal of the Red Army to assist "the oppressed peoples of the whole world in their national liberation" and the intention to return to Russia, "... as soon as it finishes

⁴⁶⁸ Donesenie chlena Revvoensoveta vojsk Sibiri A. D. Davydova v Revvoensovet Respubliki o sude nad Ungernomi ego rasstrele // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 52.

⁴⁶⁹ Donesenie shtaba 5-j armii i VSVO v Polevoj shtab Respubliki o razgrome Ungerna v Mongolii i ego plenenii // Ibid. C. 41.

with the Ungern and other gangs." Secondly, it was opposed to the White Guards of Baron Ungern, the Chinese, "who are engaged only in robberies and murders," and the armies of the imperialist states, "who seek only the predatory seizure of foreign lands, property, people and livestock." Thus, it was supposed to bring order and calm the population on the part of their own party leadership. After the defeat of R. F. Ungern and the final approval of the so-called "People's Government", the next phase of ideological work at the state level began. It was also initiated by the order of D. Sukhe-Bator No. 51 of November 4, 1922.⁴⁷⁰ On November 7, 1922, a military parade was held for the first time. The construction, the order of movement of military branches, the submission of reports, etc., were regulated in detail, the salute was fixed, November 7 and 8 were declared public holidays, and the personnel of the Mongolian and Soviet units were ordered to issue additional rations for three holidays.

5. In the same period, another direction for ideological work is being formed - a systematic, progressive and effective policy to win over the inhabitants of controlled buffer states through education and enlightenment, or what is now called "soft power". Thus, under the terms of the Soviet-Chinese agreement of 1924 and the Declaration to it, they stipulated: "The Russian share of the boxing compensation, which the Government of the Union of Soviet Socialist Republics refused, will, after satisfaction of all previous obligations, be directed exclusively and completely to the creation of a fund for improving the education of the Chinese people"⁴⁷¹, - and then there was an explanation of the order of its formation, management, etc.

In Mongolia, on March 8, 1922, the People's Government decided, in order to improve the work of schools, to instruct the Ministry of the Interior to invite two

⁴⁷⁰ Prikaz voennogo ministra i glavkoma NRA Mongolii D. Suhe-Batora o prazdnovanii v pervye v Mongolii godovshchiny Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 81–82.

⁴⁷¹ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. I–II... S. 54.

consultant teachers from Soviet Russia who knew the Mongolian language well⁴⁷², which was done. The situation in the field of primary education was extremely difficult, as can be judged from the correspondence of the Mongolian teacher D. Erdeni-Batukhan⁴⁷³, sent to study the German experience in the USSR and Germany, and A. M. Gorky⁴⁷⁴.

The spread of education in Mongolia, according to D. Erdeni-Batukhan, was complicated by the nomadic way of Mongolian life and the fact that the main cultural and educational centers for a long time were (and continued to be at the time of writing) monasteries, and lamas were the key carriers of knowledge, stating, that 40% of the male population was educated in lower, middle and higher Buddhist schools. And despite the many talents that the clergy possessed, at present it was in decline, as well as the education system, where the material won over the spiritual, according to the apt remark of D. Erdeni-Batukhan, "... the clergy for the most part turned into laity long ago, whom nothing human is alien. They are not averse to "defending" the material interests of their caste to the detriment of the interests of the people and are drawn to power over the people who are accustomed to believing in them, and to surround them with the halo of bearers of the precepts of high Buddhist principles⁴⁷⁵. Thus, Buddhist philosophy was of decisive importance here, as we wrote about above.

According to D. Erdeni-Batukhan, in order to consolidate and deepen the reforms initiated by the "people's revolution", political and economic measures are not enough, it is necessary to "direct along the proper channel" "the people's consciousness and education of the younger generation, and for this the state had to withdraw from in the hands of the clerics, a powerful tool - the school and take it under their exclusive jurisdiction. The school should be secular, and in it the younger generation and even adults will be taught the exact knowledge that is the basis of

⁴⁷² Iz postanovleniya Narodnogo pravitel'stva Mongolii o priglazhenii sovetskikh pedagogov-konsul'tantov dlya okazaniya pomoshchi v postanovke narodnogo obrazovaniya // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 73.

⁴⁷³ Pis'mo D. Erdeni-Batuhana A. M. Gor'komu ot 12 maya 1925 g., g. Berlin // Ibid. S. 107–111.

⁴⁷⁴ Pis'mo A. M. Gor'kogo D. Erdeni-Batuhanu ot 19 maya 1925 g., Italiya, Sorrento // Ibid. S. 113–114.

⁴⁷⁵ Pis'mo D. Erdeni-Batuhana A. M. Gor'komu ot 12 maya 1925 g. ... S. 108.

modern material and spiritual culture⁴⁷⁶. At the same time, he acknowledged that at the moment there are no objective conditions for the closure of all Buddhist schools. He emphasized that a secular school must meet the requirements "made to it by the spirit of the times, life and modern pedagogical and methodological provisions, and this, in the eyes of the population, would stand head and shoulders above the old schools." For young people, this circumstance will serve as an indisputable argument in favor of their secular education. In order for the built educational system to be effective, Mongolia, according to the teacher, needed to turn to the experience of the Soviet school, as well as to the experience of "other peoples who have reached a high degree of development of sciences and arts."

As an example of the revival of ancient knowledge in language and culture, D. Erdeni-Batukhan cited the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic (BMASSR): "Foreign Mongols follow with deep interest how their relatives Buryat-Mongols, who are part of the Union of Soviet Republics, Before the revolution, most of them, who forgot their reading and writing as a result of Russification and almost consigned their literature to oblivion, now study freely in their own language. So far, their educational literature is developing in connection with the nationalization of schools. The youth, with their characteristic enthusiasm, conducts political and educational work and, along the way, lays the foundation for the Buryat-Mongolian theater. Plays are being written that are successfully staged in folk theaters⁴⁷⁷. In a response letter to D. Erdeni-Batukhan, A. M. Gorky advocates an active civic stance: "... Europe owes an active attitude to life everything that is beautiful and worthy of respect by all races in it. "Desire is the source of suffering," the Buddha taught. Europe has gone ahead of other peoples of the world in the field of science, art and technology precisely because it has never been afraid to suffer, always desiring something better than what it already possesses. She managed to awaken in the masses of her people the desire for justice, for freedom, and for this alone we must forgive her many of her sins and crimes. It seems to me that,

⁴⁷⁶ Ibid. S. 109.

⁴⁷⁷ Ibid. S. 110.

introducing the Mongolian people to the spirit of Europe and the contemporary desires of its masses... You should translate precisely those European books in which the principle of activity, tension of thought, striving for active freedom, and not for freedom of inaction, is most clearly expressed⁴⁷⁸. And already on August 26, 1925, the Government of the BMASSR decided to provide five places to Mongolian citizens in its party school, where “education for the Buryats and Mongols will be conducted in the Mongolian language. The term of study in the Soviet Party School is one year. Those who graduate from school can be hired as workers as propagandists of the ideas and activities of their government and to raise the cultural level of the Mongolian working people. Education, maintenance is carried out at the expense of our republic...”⁴⁷⁹ The chairman of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic M. Yerbanov reports this in a letter to the Government of the MPR.

Developing V. I. Lenin's thesis about "awakening Asia", the author of the letter emphasizes that the cultural and national awakening of small nationalities leads to painless unity "them with others through a beautiful variety of forms of a single content." “In general, the awakening of the Eastern peoples in the 20th century, when in Western countries they talk about a reassessment of values, is very interesting. Now only the beginning of this awakening, and how quickly it will go forward, what is needed for this, constitutes a (methodological) problem for us⁴⁸⁰. A very true and timely remark, relevant today.

The emerging system of Soviet-Mongolian relations was convenient for both the Soviet and Mongolian sides: the Mongols received personnel to develop and strengthen one of the most important areas of public life, and the USSR was another tool to strengthen its influence in a controlled buffer state.

⁴⁷⁸ Pis'mo A. M. Gor'kogo D. Erdeni-Batuhanu ot 19 maya 1925 g., Italiya, Sorrento...S. 114.

⁴⁷⁹ Iz pis'ma Predsedatelya CIK i SNK Buryat-Mongol'skoj ASSR Erbanova pravitel'stvu Mongol'skoj Narodnoj Respubliki o predostavlenii mest v partijnoj shkole Buryat-Mongol'skoj ASSR dlya uchashchih'sya MNR // Ibid. S. 116.

⁴⁸⁰ Pis'mo D. Erdeni-Batuhanu A. M. Gor'komu ot 12 maya 1925 g. ... S. 111.

Following a letter from the Central Committee of the Mongolian Revolutionary Youth Union dated December 6, 1923, it was decided to send “10 talented young people devoted to the cause of the revolution to study at the Institute of Oriental Art in Moscow” so that after graduation they could provide “assistance to education and teaching the young generation of the party and the people”⁴⁸¹, and a year later, the Committee for managing the scientific, educational, literary and publishing part of the institutions of the Central Executive Committee of the USSR ordered the board of the Leningrad Institute of Living Oriental Languages named after A. S. Yenukidze to admit 15 Mongolian students to the working faculty⁴⁸². This established a strong tradition of inviting Soviet scientific and educational workers to Mongolia and training Mongolian workers in the Soviet Union, which was later adopted by other socialist states and regimes. Interaction also assumed the security of Soviet territory and Soviet borders and, as a result, the territory and borders of partners.

The first act of the official military presence of Soviet Russia in the region was the decision to assist the Mongolian comrades in the fight against the White Guards. It was a response to the appeal of the Mongolian side for military assistance against the armed detachments of Ungern, Shmakov, Komarovskiy, Sukharev and others. Mongols, as well as among Russians and Chinese”), more weighty arguments were used, such as a threat to the national interests of Russia (“they interfere in the affairs of the government of Mongolia, trying to direct the Mongolian people against the great RSFSR and make them a blind tool in the hands of foreign rapists”).

Arguing their request by the fact that the White Guards equally threaten the civilian population of both Mongolia and Russia, the Provisional People's Government of Mongolia turned to the Government of the RSFSR with a request for military assistance⁴⁸³, which was especially relevant, since during this period

⁴⁸¹ Pis'mo Central'nogo Komiteta Mongol'skoj narodnoj partii Narodnomu pravitel'stvu Mongolii o neobходимosti otpravki na uchebu v Moskvu gruppy revsomol'cev // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 88–89.

⁴⁸² Nota Narodnogo komissariata po inostrannym delam SSSR Polnomochnomu predstavitel'stvu MNR v SSSR o prieme na rabfak Leningradskogo instituta zhivyh vostochnyh yazykov 15 mongol'skih studentov // Ibid. S. 133.

⁴⁸³ Obrashchenie Vremennogo narodnogo pravitel'stva Mongolii k pravitel'stvu RSFSR s pros'boj ob okazanii voennoj pomoshchi dlya bor'by s belogvardejtsami 16 marta 1921 g. // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 7–8.

information about Japanese participation in the covered processes. The Japanese, known for their cruelty, have already managed to leave a bad memory of themselves among the inhabitants of Chita and Verkhneudinsk, in connection with which such messages caused a strong reaction among the population.

So, on March 31, 1921, the Irkutsk newspaper *Vlast Truda* published an article from an interview with foreign correspondents by Baron Ungern, in which he stated that “the November operations against Urga were undertaken with the knowledge and support of the Japanese. According to Beijing newspapers, Semyonov's plans in Mongolia coincide with the Japanese aspirations to form a buffer from Manchuria and Mongolia, as well as Zhang Zuolin's plans to restore the Manchurian dynasty. In Urga, a meeting of Japanese, White Guard, Mongol commanders was held under the chairmanship of the Khutukhta, among other things, Semenov's proposal to send forces to Chita was discussed. The Mongolian White Guards are preparing to seize the Hailar region by sending troops there. Foreigners who arrived from Urga report the executions of Communists, Jews and German prisoners of war by Ungern⁴⁸⁴. In general, the events and processes described in the note have a corresponding background. So, it is known that Bogdo Khan sympathized with Ungern, as well as it is known about the attempt of G. M. Semenov in 1919 to organize the “Great Mongolian State”, for which congresses of the Mongolian nobility, military and other not indifferent to these were held in Hailar and Chita ideas. Also known are the plans of the Japanese to build a buffer state on the Mongolian-Manchurian territory, which will be discussed below, and discussions with the participation of the Japanese and Chinese military about the restoration of the Qing dynasty, which were destined to be embodied, however, in a different form and in a different geographical space.

The same events were monitored by the command of the People's Revolutionary Army of the Far Eastern Republic, another buffer state. So, in the

⁴⁸⁴ Press-svodka shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga o planah yaponskih imperialistov i belogvardejcev v otnoshenii Mongolii. № 22 ot 2 aprelya 1921 g. // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 9–10.

reports of April 3⁴⁸⁵ and May 1⁴⁸⁶, 1921, it was reported about the success of the uprising raised by the Mongols and the capture of a number of key settlements by them, the formation of a revolutionary government, among the tasks of which is close cooperation with Soviet Russia and the Far East, as well as with reference to The foreign press reported on unrest in Western Mongolia and the occupation of Kobdo and Ulankom by the White Guards. The same reports spoke of the close connection of Ataman Annenkov with Baron Ungern and Bogdo Gegen, which put the latter on a par with traitors to the people's interests, opposing his position to the position of other Mongolian aristocrats: in particular, it was said that Prince Akhaigun went over to the side of the "Red Mongols and announced the mobilization of his khoshun. Thus, the Soviets received operational information and were able to respond to it in a timely manner not only through their own resources, but also through the buffer structures they created. In the future, such a mechanism will be used when trying to "expert revolution" in China, but will be less successful, due to both objective and subjective characteristics.

On July 12, 1921, the People's Revolutionary Government of Mongolia turned to the Government of the RSFSR with a request not to withdraw units of the Red Army from the territory of Mongolia until the final elimination of the threat "from the common enemy, who is now entrenched in the eastern steppes⁴⁸⁷. " The appeal was forced, "because the Mongolian Government has not yet completed the organization of the apparatus of the new government. The abandonment of Soviet troops is dictated by circumstances in order to maintain security on the territory of Mongolia and on the borders of the RSFSR⁴⁸⁸.

On August 10, 1921, the Soviet leadership, represented by the People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR G.V. Chicherin, agreed to the request

⁴⁸⁵ Iz voenno-politicheskogo obzora Upravleniya politicheskoy inspekcii Narodno-revolucionnoy armii DVR o polozhenii v Mongolii za period s 15 marta po 1 aprelya 1921 g. № 1386/s // Ibid. S. 10.

⁴⁸⁶ Iz obzora shtaba glavkoma NRA Dal'nevostochnoj respubliki o boevyh dejstviyah Mongol'skoj narodno-revolucionnoy armii // Ibid. S. 11.

⁴⁸⁷ Obrashchenie Vremennogo narodno-revolucionnogo pravitel'stva Mongolii k Pravitel'stvu RSFSR s pros'boj ne vyvodit' chastej Krasnoj Armii iz predelov Mongolii do momenta okonchatel'noj likvidacii ugrozy so storony obshchego vruga // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 28.

⁴⁸⁸ Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 4. M.: Gospolitizdat, 1960. S. 259.

of the Mongolian side⁴⁸⁹, but the answer is not interesting for this, but for a number of very interesting points. Firstly, it was given on behalf of not only the RSFSR, but also the federal government of the "fraternal" Far Eastern Republic.

Secondly, Mongolia was called autonomous, so the Soviet leadership was in no hurry to recognize the country as independent, it was only about "creating a new free system", and not a state from the point of view of its state sovereignty.

Thirdly, the interaction involved "the entry of Soviet troops into the territory of autonomous Mongolia", which had "the sole purpose of crushing the common enemy, eliminating the constant danger threatening Soviet territory, and ensuring the free development and self-determination of autonomous Mongolia."

However, after the final elimination of the threat to the free development of the Mongolian people and the security of the Russian and Far Eastern Republics, the troops of the Red Army, at the request of the Government of Mongolia, were to remain on its territory until 1926. On November 26, 1924, the Mongolian People's Republic was proclaimed and the first Constitution of the new state was adopted. And only after the formation of new government bodies and the final rooting of the socialist ideology among the new leadership of the country, the elimination of the threat from Japan and the accession to the RSFSR of one of the buffer states of the region, the Far Eastern Republic, the leadership of the RSFSR considered it possible to withdraw its troops from the territory of another state, according to still recognizing its autonomous status within the Republic of China.

On January 24, 1925, by a note of the Government of the USSR, the chairman of the Council of Ministers of the MPR, B. Tserendorzh, was notified of the withdrawal of Soviet troops from Mongolian territory. "The government of the USSR considers that the presence of Soviet troops within the boundaries of the Mongolian People's Republic is no longer necessary⁴⁹⁰. " The note reproduced the

⁴⁸⁹ Nota narodnogo komissara po inostrannym delam RSFSR G. V. Chicherina Mongol'skomu narodnomu pravitel'stvu o soglasii pravitel'stva RSFSR ostavit' sovetskie vojska v Mongolii do polnogo razgroma band Ungerna // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 35–37.

⁴⁹⁰ Nota narodnogo komissara po inostrannym delam SSSR G. V. Chicherina Predsedatelyu Soveta Ministrov Mongol'skoj Narodnoj Respubliki B. Cerendorzhu o vyvode sovetskih vojsk s territorii Mongolii // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 103–104.

reasons and conditions for maintaining the Soviet presence on the territory of the buffer autonomous state, and its duration was justified by the need to protect the Mongolian and Soviet military units, establish "real order" and "provide conditions for the further democratization of the country." At the same time, the USSR was declared the legal successor of the RSFSR in the matter of "conducting foreign relations of the Russian Republic." A new system of national security was taking shape on the basis of the established regional political order. This system showed its effectiveness after the invasion of Japanese troops into the territory of Manchuria, the creation of Manchukuo and attempts to test its strength by events on the river. Hassan and lake Khalkhin Gol in 1938–1939

Since the USSR recognized Chinese sovereignty over Mongolia, on March 10, 1925, the Soviet ambassador notified the leadership in Beijing that the withdrawal of Red Army units from Outer Mongolia had been completed⁴⁹¹. The note was drawn up without an ideological veil and left the Chinese government with the hope of "resolving the issue of relations between the two fraternal peoples through a peaceful agreement with the Mongolian people".

Fourthly, as one of the areas of Soviet-Mongolian cooperation, economic cooperation was, of course, assumed, it was our country that was the main source of financial and economic assistance in the construction of factories and combines, the development of mineral deposits and the creation of social infrastructure, but Mongolia also provided assistance our country. In 1921, the Deputy Plenipotentiary of the RSFSR in Mongolia A. Ya. Okhtin (1921–1922) thanked the Prime Minister of Mongolia D. Bodo for the fact that the government of the Mongolian side "widely went towards mitigating the great disaster of the Russian Soviet state and donated a thousand... heads of cattle , and also issued an appeal to the entire Mongolian people, urging them to help the friendly people of Soviet Russia, donating whatever they

⁴⁹¹ Nota sovetskogo posla v Kitae, poslannaya kitajskomu Ministerstvu inostrannyh del // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. III: 1925–1934 gg. ... S. 13.

can to the starving"⁴⁹². For modern Russian-Mongolian relations, this is of key importance.

And, finally, fifthly, joint actions in the international arena, the struggle to strengthen the world communist workers' movement. Events of the 1920s in the region and the active participation of the Soviet side in them had an important ideological significance: from now on, the alliances of the Soviet and Mongolian or Soviet and Chinese peoples were based not only on the common interests of the working people, but also on human losses during the joint revolutionary struggle.

In October 1921, an Extraordinary Mongolian mission arrived in Moscow. On November 5, 1921, the head and founder of the MPRP and the Mongolian People's State, D. Sukhe-Bator, was received by V. I. Lenin in the Kremlin⁴⁹³. During the conversation, the leader of the Soviet people declared that “the only correct path for every working person in your country is the struggle for state and economic independence in alliance with the workers and peasants of Soviet Russia. This struggle cannot be waged in isolation, therefore the creation of a party of Mongolian arats is a condition for the success of their struggle”, he noted the special geographical position of Mongolia and the desire of other countries to seize the MPR and turn it into a springboard for the struggle against Soviet Russia⁴⁹⁴. Based on this very real threat at that time, the Soviet leadership included Mongolia in the sphere of its political and ideological interests. This attitude determined the political development of Mongolia for the next two decades and became the defining tool in the political struggle of the late 1920s - the first half of the 1930s in the country. November 5, 1921 between the People's Government of Mongolia, on the one hand, and the Government of the Russian Socialist Federative Soviet Republic, on the other, an Agreement was concluded on the establishment of friendly relations.

⁴⁹² Pis'mo predsedatelya Komissii po okazaniyu pomoshchi golodayushchim Rossii pri Predstavitel'stve RSFSR v Mongolii A. Ya. Ohtina Predsedatelyu Soveta Ministrov Mongolii D. Bodo o deyatelnosti Komissii // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 55–56.

⁴⁹³ Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S.VI.

⁴⁹⁴ *Lenin V. I. Beseda s delegaciej Mongol'skoj Narodnoj Respubliki, 5 noyabrya 1921 goda / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T. 44. S. 232–233.*

Both sides declared mutual recognition, pledged not to allow hostile acts towards each other, and agreed to apply the principle of most favored nation in political and economic relations. It was called the first equal treaty in the history of Mongolia, the foundation for the further development of relations between Soviet Russia and Mongolia.

The second, more difficult task was to establish normal relations with China⁴⁹⁵. Being perfectly aware of the impossibility of full-fledged development without recognizing Mongolia's independence in one form or another, the leadership of this country turned to the Soviets with a corresponding request for assistance. They emphasized their desire to establish "peace and a peaceful community of border peoples", lamenting the impossibility of establishing a normal life and international trade, "in which the Mongolian, Chinese, and Russian peoples are equally interested." The Mongols assured the international community of the absence of aggressive intentions and hoped that "China will heed... the authoritative voice [of the Soviet side and the people's commissar personally] and the proposal for mediation⁴⁹⁶. "The response note of the People's Commissar for Foreign Affairs of the RSFSR G. V. Chicherin to the Chairman of the Council of Ministers and Minister of Foreign Affairs of the People's Revolutionary Government of Mongolia dated September 14, 1921 says: "The Russian Government fully shares the conviction of the Mongolian People's Revolutionary Government in the need to establish peaceful and businesslike relations between Mongolia and China, while exercising the right of the Mongolian people to self-determination⁴⁹⁷. G. V. Chicherin recalled that our side had already made repeated attempts in this direction, although, given the situation, it was impossible to achieve the favor of the Chinese leadership. The Far

⁴⁹⁵ Dudin P. N. Regional'ny`j politicheskij poryadok v zone sovetskix interesov v Vostochnoj Azii (Ch. 1: Kitaj) / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika. 2021. № 2. S. 49–61; *His own*. Regional'ny`j politicheskij poryadok v zone sovetskix interesov v Vostochnoj Azii (Ch. 2: «Be`jyanskoe nasledstvo») // Ibid. № 3. S. 67–78.

⁴⁹⁶ Obrashchenie Narodno-revolucionnogo pravitel'stva Mongolii k pravitel'stvu RSFSR s pros'boj o posrednichestve v ustanovlenii mirnyh otnoshenij s Kitaem // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 43–44.

⁴⁹⁷ Nota narodnogo komissara po inostrannym delam RSFSR G. V. Chicherina Predsedatelyu Soveta Ministrov i ministru inostrannyh del Mongolii D. Bodo o soglasii Sovetskogo pravitel'stva byt' posrednikom v ustanovlenii mirnyh otnoshenij Mongolii s Kitaem // Ibid. S. 44–46.

Eastern Secretariat of the Comintern characterized the actions of Soviet Russia as disinterested, opposing them to the clearly “selfish interests of its old ruler China, predatory Japan and even distant, powerful American capital acting on a global scale”, reinforcing this with information about the arrival of the American consul in Zhangjiakou in the Mongolian capital (Kalgan), who also attempted to "take over, that is, America, the task of mediating between revolutionary Mongolia and China"⁴⁹⁸. Such actions were not isolated, the Soviet and Mongolian sides decided to force events.

On September 14, 1921, the "Appeal of the Chairman of the Council of Ministers and Minister of Foreign Affairs of Mongolia D. Bodo to all foreign states on the proclamation of the independence of Mongolia and the proposal to establish equal relations" was published, in which socialist rhetoric prevailed, and from the appeal itself it was clear whose side stands the People's Government. In addition to the traditional appeal to the events that preceded the revolutionary events of 1921 in the form of devastation, loss of property, numerous riots and human casualties caused by the actions of R.F. Ungern and the Chinese militarists, who were called invaders, D. Bodo stated that these actions came from "from the Chinese government itself... from certain treacherous individuals interested in profit", but "... the people's government does not harbor feelings of revenge and does not intend to clash with China, but it declares that China's suzerainty will no longer be recognized." The appeal reported on the change in the status of the Bogd Khan and his definition as a constitutional monarch, the establishment of a constitutional democratic system and the delimitation of the functions of governing the country. The new Mongolian leadership confirmed the desire to "maintain friendly relations with China and restore trade relations between China and Mongolia" and the readiness of the Soviet government to establish trade relations with Mongolia⁴⁹⁹. Of course, after such speeches, there could be no question of any normalization of relations with the

⁴⁹⁸ Iz informacionnogo byulletenya Dal'nevostochnogo sekretariata Kominterna o polozhenii v Mongolii // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 51.

⁴⁹⁹ Iz obrashcheniya Predsedatelya Soveta Ministrov i ministra inostrannyh del Mongolii D. Bodo ko vsem inostrannym gosudarstvam o provozglashenii nezavisimosti Mongolii i predlozheniem ob ustanovlenii ravnopravnyh otnoshenij // Sovetsko-mongol'skie otnosheniya 1921–1974... S. 46–47.

Chinese leadership. And so a turn was made towards Soviet Russia, supported by a number of treaties and agreements: an agreement with the government of the RSFSR on the establishment of friendly relations, which meant mutual recognition of the governments of the two sides; Protocol between the RSFSR and Mongolia on the ownership of various property⁵⁰⁰ on property belonging to the imperial government and its affiliated structures and institutions; Agreement with the USSR on telegraph relations with an additional protocol⁵⁰¹; Agreement on Telegraph Relations between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic⁵⁰²; Protocol on the Extension of the Agreement on Telegraph Relations between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic and an additional Protocol to it⁵⁰³. Subsequently, having proclaimed a course for the development of the country along a non-capitalist path, Mongolia experienced processes similar to the NEP, and the horrors of repression, and war. Finally, on March 12, 1936, the Mutual Assistance Protocol between the Union of Soviet Socialist Republics and the Mongolian People's Republic was signed⁵⁰⁴, which became the main act that ensured the defense capability of the Soviet Union in the East Asia region on the eve of the Great Patriotic War and its victory in it, preventing the Japanese side from opening the second front. At the same time, in a relatively short period of time, it was possible to build an effective state and party system, establish production and strengthen the country's defense capability, as well as further achieve its independence and international recognition.

⁵⁰⁰ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. I... S. 264–265.

⁵⁰¹ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. I–II...

⁵⁰² Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. IV: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 maya 1926 goda i 1 fevralya 1928 goda // SSSR. Narodnyj komissariat po inostrannym delam; sobr. i red.: A. V. Sabanin, V. T. Krupskij. M.: Izdanie litizdata NKID, 1928. S. 138–141.

⁵⁰³ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. IV: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 maya 1926 g. i 1 fevralya 1928 g. // SSSR. Narodnyj komissariat po inostrannym delam; pod red. A. V. Sabanina, P. A. Hrisanfova. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1936. S. 73.

⁵⁰⁴ Sbornik dejstvuyushchih dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchennyh s inostrannymi gosudarstvami. Vyp. IX: Dejstvuyushchie dogovory, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1937 g. // SSSR. Narodnyj Komissariat po inostrannym delam. M.: Izd. NKID, 1938. S. 43–44.

With regard to the Chinese side, the same rhetoric was used as in relation to the Mongolian side, with the only caveat: the Soviet leaders clearly separated the Chinese people proper and the Chinese state. This is especially clearly seen in the appeal of the Council of People's Commissars to the Chinese people (it is called fraternal) and the governments of South and North China, published on August 20, 1919⁵⁰⁵.

And here a missionary task was proclaimed for the entire Far East, where the Soviet army was sent "... not for violence, not for enslavement, not for conquest... We bring liberation to the peoples from the yoke of a foreign bayonet, from the yoke of foreign gold, which strangle the enslaved peoples of the East and among them them primarily the Chinese people. We bring help not only to our working classes, but also to the Chinese people, and we once again remind them of what they have been told since the Great October Revolution of 1917, but which, perhaps, was hidden from him by the corrupt American-European-Japanese press ". Thus, on the one hand, a clear image of the enemy appeared in the face of the Western powers, Japan and the government of the Russian Empire, which enslaved the peoples of the East, mainly Chinese, for the sake of the benefits of Russian capitalists, Russian landowners, Russian generals, and on the other hand, the peaceful nature of the Soviet states, "the renunciation of any seizure of foreign lands, the renunciation of any forcible annexation of foreign nationalities, of any indemnities." This was especially important for China, bound by dozens of "unequal treaties", the allocation of territories among Chinese lands in the status of extraterritoriality (concessions and settlements) and giving the corresponding status to citizens of nine powers. That is why, in connection with the need to enlist the support of the Chinese people, who are aware of the perniciousness of a foreign presence, the Soviet leadership in 1919 declared, and by an agreement on May 31, 1924, confirmed its readiness to abandon burdensome treaties.

⁵⁰⁵ Obrashchenie Soveta Narodnyh Komissarov k kitajskomu narodu i pravitel'stvam Yuzhnogo i Severnogo Kitaya. Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I: 1917–1920 gg. // Vysshaya partijnaya shkola pri CK VKP(b). Kabinet social'no-ekonomicheskikh nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social'no-ekonomicheskikh nauk VPSH pri CK VKP(b) A. S. Tisminec. M., 1944. S. 299–300.

The common destinies of the Soviet and Chinese peoples, who suffered at the hands of the imperialists already after October 1917, were ensured by referring to the events of a year ago, when the invasion of the Far East and Siberia was carried out, which equally adversely affected the Chinese side, since it did not allow Councils to ensure the rejection of "unequal treaties". This step had not only ideological, but also practical significance, including due to the collection of boxing indemnities, there was a Russian "white" emigration in Beijing and Manchuria, including diplomatic representatives, who had sufficient influence and resources to cause serious concern to Soviet leaders in the Far East. East. This step, along with the closure of Russian concessions in Tianjin and Hankow and several trading posts, was supposed to deprive the opponents of Soviet power in Chinese territory of their financial basis and immunity. The Soviet people were declared to be the "only ally and brother" of the Chinese people in the struggle for freedom, which had to be confirmed by "official relations" through their representatives.

However, this is where the fraternal rhetoric ends: China did not repeat the fate of Khalkha, and the Soviet position on building a regional political order in relations with its southern neighbor becomes purely formal. The message about the restoration of diplomatic relations with China contains a plot that took place on April 24, 1920 in the city of Verkhneudinsk (now Ulan-Ude, the capital of the Republic of Buryatia, at that time - the Far Eastern Republic), where the official Chinese and Mongolian military-diplomatic mission arrived. The official Chinese position was announced on the recognition by this state of the succession of the new government of the Far East to the CER, in turn, the Chinese authorities issued an order "to prevent Semenov's bands from entering China and Mongolia"⁵⁰⁶. In development of this issue, on November 10 and 27, 1920, two notes were sent to the Chinese side, the first of which stated that "Semenov's robber gangs... defeated and scattered... began to retreat to the territory of the Republic of China, heading, mainly thus, to Mongolia, where they occupy Urga and where they joined local elements hostile to the Republic

⁵⁰⁶ Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I... S. 442–443.

of China, as well as to the Far Eastern Republic and Soviet Russia. The Chinese troops stationed in the Urga region cannot, on their own, destroy the White Guard gangs that are in charge there, and therefore turned to our military command, as well as to the command of the Far Eastern Republic, with a request to help them in the fight against these robber gangs. The Soviet government considers that common interests require the rapid elimination of this invasion of Mongolia, and is ready to assist the Chinese troops in destroying the white bands in Urga⁵⁰⁷. The second note was sent due to the lack of reaction of the Chinese side to the previous one and, among other things, read: "... we can state with great satisfaction that the Chinese military forces managed to expel the Semenov gangs from Urga and the adjacent territory... In view of this, we consider it necessary to inform the Chinese government that the Russian Republic, which puts above all the inviolability of foreign territory, finds it possible to delay the entry of its military forces into the territory of Mongolia, being sure that the Chinese government will take urgent energetic measures to completely and quickly liquidate these robber detachments hostile to Russia⁵⁰⁸.

From the material studied by us, we can draw a number of intermediate conclusions. Firstly, there is no talk of "fraternal" peoples and their strong relations, there are no other enthusiastic epithets that we observed in relations with the Mongolian side, all this is replaced by phrases like: "workers' and peasants' Russia still harbors feelings of exceptional sympathy and friendliness to the Chinese people fighting for their liberation." Secondly, the Soviet side was in no hurry to expel the "Chinese occupiers" from the Mongolian territory, although it was these troops that drove out the "Semenov gangs" that a year earlier liquidated Mongolian autonomy, which a year after the events we describe will be emphasized in Soviet notes "People's Government" of Mongolia. Thirdly, the rhetoric remains that "the [R]worker-peasant government of Russia, from the very first moment of its

⁵⁰⁷ Nota narodnogo komissara po inostrannym delam kitajskomu ministerstvu inostrannyh del v Pekine // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I... S. 525.

⁵⁰⁸ Nota kitajskomu ministerstvu inostrannyh del v Pekine // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I... S. 525–526.

inception, sought to prove to the Chinese people and government its readiness... not to pursue the aggressive imperialist policy of the tsarist government against China... ”, which testifies about political pragmatism to establish between the two states "good-neighborly relations corresponding to the feelings that both peoples have in relation to each other"⁵⁰⁹. Fourthly, the Chinese political elites, both in the person of the "Beiyang government" and in the person of the leadership of the Kuomintang Party, despite Sun Yatsen's dying appeal to the Central Executive Committee of the USSR⁵¹⁰, which was almost the only one among any influential Chinese leaders who believed in the ideas of socialism, did not consider it as a likely vector for the development of Chinese domestic policy.

As a result, the Soviet leadership, departing from the ideas of the world revolution, focused on strengthening the previously achieved results in the formation of a political order in East Asia, Northern Manchuria and the western Mongolian lands, that is, that part of the continent that our country had inherited back in 1906. terms of the Peace of Portsmouth. Having lost the Russo-Japanese War of 1905-1906, our country was forced to make concessions on a number of fundamental issues, but Russia managed to defend and preserve a significant part of its interests until the end of World War II. This is especially clearly seen from the texts of the secret agreements with Japan, which became available to a wide range of scientists after the October Revolution. And, of course, the decisive part here was the specific part of the Russo-Japanese Convention of February 13, 1907, in which the parties proclaimed their intention to eliminate all causes of friction or misunderstanding regarding Manchuria, Korea and Mongolia, agreed on a key division of spheres of interest and influence, which predetermined the fate of the region for the next 40 years.

The drafters of the convention were aware of the presence of each side of their own interests and understood that any open or secret confrontation could lead to

⁵⁰⁹ Memorandum chrezvychajnogo polnomochnogo predstavatelya RSFSR v Kitae // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. II... S. 616.

⁵¹⁰ Predsmertnoe obrashchenie Sun-Yatsena k CIK SSSR 11 marta 1925 goda // Ibid. T. III... S. 14.

undesirable consequences, so an additional article established a demarcation line between North and South Manchuria, starting at the northwestern point of the Russian-Korean border and going through the modern Hunchun and the extreme northern point of the lake. Birten to Syushuigan, from where it passed along the river. Sungari to the mouth of the river. Nanjian (not to be confused with the modern county in Yunnan province) and, rising upstream to the mouth of the river. Tolaho, also follows the current up to its intersection with the 122nd meridian east of Greenwich⁵¹¹. On both sides of this line, Russia and Japan were free to obtain railway and telegraph concessions in Manchuria. In addition, Japan recognized for Russia all the rights to the CER north of the designated demarcation line, and also pledged not to interfere in the situation in Outer Mongolia, and Russia not to interfere in Korean-Japanese relations with a guarantee of granting Russian consuls in Korea the rights of the most favored nation.

With regard to Inner Mongolia, the spheres of influence were divided under the Russo-Japanese Convention of June 25, 1912, under the terms of which Inner Mongolia was divided into eastern (Japanese sphere of interests) and western (Russian sphere of interests) parts from the Beijing meridian 116 ° 27 'E. etc., the boundary between which was a conditional line passing from the intersection point of the river. Tolaho and the 122nd meridian east of Greenwich along the river. Ulunchurkh and Mushisha to the watershed of the river. Mushish and Haldaitai, from where it passed along the border of Heilongjiang Province of Inner Mongolia to the extreme point of the border between Inner and Outer Mongolia⁵¹².

June 21 (July 4), 1910 between the Russian Empire and Japan, in the development of the agreements reached on the division of spheres of influence, a new Agreement was concluded, which, in the spirit of Russian-Japanese traditions, included public and secret parts. The public was presented with two positions, the

⁵¹¹ Grimm E. D. *Sbornik dogovorov i drugih dokumentov po istorii mezhdunarodnyh otnoshenij na Dal'nem Vostoke...* S. 170.

⁵¹² Ibid. S. 180.

first of which emphasized the desire to improve the railway communication and avoid competition in this matter, the second obliged the parties to maintain and respect the *status quo* in Manchuria and take measures to preserve it⁵¹³.

The secret part confirmed the delimitation of spheres of special interests in Manchuria, recognized for each of the parties the right to take measures to protect their interests⁵¹⁴. To complete the process of dividing the Russian and Japanese spheres of influence, on June 20 (July 3), 1916, the Russo-Japanese Union Treaty was concluded, which imposed obligations on the parties: to refrain from participating in agreements or alliances directed against the other side; take support measures for the protection and protection of the agreed rights and interests (public part), including military support (armed assistance) (secret part). The term of the agreement was determined on July 21, 192⁵¹⁵. On the one hand, these agreements made it possible to extend Russian influence to Outer Mongolia and ensure its de facto independence, on the other hand, to strengthen its positions in the regions of presence that had already taken shape, where there were Russian concessions.

As a result, the zone of Russian, and later Soviet, strategic interests in East Asia was of a contractual nature and was determined by secret agreements with Japan. Despite the fact that the USSR did not recognize itself as the successor to the Russian Empire, the Soviet Union sought to comply with its obligations regarding spheres of influence, maintaining a favorable balance of power and thereby securing its eastern borders.

Despite the negative assessments of the Portsmouth Peace Treaty, it provided Russia with one significant advantage - an indisputable sphere of Russian influence and Russian national interests appeared in the Far East (Northern Manchuria, Barga, Khalkha), Japan strictly complied with its obligations not to interfere in the affairs of our country in this region: from a formal legal point of view, the events on the lake. Hasan in 1938 and on the river. Khalkhin-Gol in 1939 was not the actions of

⁵¹³ Ibid. S. 176–177.

⁵¹⁴ Ibid. S. 177.

⁵¹⁵ Ibid. S. 191–192.

Japan against the USSR, but Manchukuo against the MPR, that is, the conflict of their satellites.

At the same time, realizing the importance of the USSR's control over the Chinese Eastern Railway (CER), the Japanese side was interested in mastering it. Such an opportunity appeared with the formation of Manchukuo and the decrease in the participation of our country in the events in this part of the region: following the abolition of extraterritoriality in September 1920 and the conclusion in May 1924 of the Soviet-Chinese agreement, according to which the USSR waived all rights to conditions of unequal treaties, it became necessary to discuss the status of the CER. On September 20, 1924, an Agreement between the Autonomous Provincial Government of the Special Region of the Three Eastern Provinces of the Republic of China and the Government of the USSR was concluded in Mukden, which confirmed the exclusively commercial nature of the CER and the resulting Soviet jurisdiction. At that time, the military conflict with Japan prevented the final transfer to the jurisdiction of the Republic of China, which led to the falling away of Manchuria and the formation of a satellite state of Manchukuo. Both the new authorities and the Japanese occupying forces had their own vision of the future of the CER.

Realizing the high probability of losing the road as a result of a military conflict and wanting to avoid it at any cost, the Soviet authorities decided to sell the road. On March 23, 1935, in Tokyo between the USSR and Manchukuo, an Agreement was signed on the cession of Manchukuo of the rights of the Union of Soviet Socialist Republics in relation to the North Manchurian Railway (Chinese Eastern Railway). Under the terms of the Agreement, the amount of the transaction amounted to 140 million Japanese yen, of which 46.7 million yen was to be paid in cash through the Industrial Bank of Japan Joint Stock Company, while 23.3 million yen was paid along with the signing of the Agreement, and the remainder with accrual 3% per annum in the form of treasury bills: 6.3765 million yen - on December 23, 1935, 6.244875 - on September 23, 1936, 6.11325 - on June 23, 1937,

5.981625 million yen - on March 23, 1938. The yen was pegged to the Swiss franc⁵¹⁶. But here we are moving from ideological to economic and geopolitical interests and tools to ensure them.

2.3. The Japanese doctrine of the regional political order and the ideology of Pan-Asianism

On the issue of pan-Asianism, its origin, development and formation, let us rely on the position of a number of American, German and other scientists. Eri Hotta, an American researcher of Japanese origin, a graduate of Princeton and a dissertation student at Oxford, in her work "Pan-Asianism and the Japanese War 1931-1945"⁵¹⁷ reproduces the standard Japanese perception of the term "Pan-Asianism" - this is the assertion that Asian countries should unite under the leadership of Japan in order to resist the invasion of Western great powers in Asia, supplementing it with his comment that, at different historical stages, Pan-Asianism was a historical and value a category that differed from the traditional attempt to bring together a set of features and thereby arrive at an acceptable definition.

Eri Hotta believes that the definition, in which Japanese leadership is an integral component of pan-Asianism, blurs the conceptual thrust of this paradoxical and "transnational and nationalist" ideology. The assumption that all Asians are a single community stemmed in large part from the liberal internationalist idea popular in the 1870s and 1880s and at the turn of the late XIX - early XX centuries - in the movement for democratic rights in the country, as well as from the aesthetic and artistic style that is dominant among Asian intellectuals, which influenced the political elites of Japan in the period after the victory over Russia in the Russo-Japanese War, which many influential representatives of Japanese society both

⁵¹⁶ Sbornik zakonov i rasporyazhenij Man'chzhu-Di-Go na russkom yazyke. Vyp. 4 / per. s kit. M. Ogusi; red. E. S. Pavlikovskij. Harbin, 1937. S. 74.

⁵¹⁷ *Eri Hotta*. Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. XII, 387 p.

domestically and outside it was seen as a victory of the Asian people over the European⁵¹⁸. The scientist gives two points of view: according to the liberal point of view, pan-Asianism was never created as a concept that justifies *ex post facto* the expansionist war that began in 1931 and is called the "fifteen years' war" or "war without alternatives" (for Japan).

The unique position of Japan was determined by the fact that it was almost the only Asian state that escaped colonization and which has a special mission to save other, weaker Asian peoples from Western influence⁵¹⁹. Here it is appropriate to recall the American scientist, director of the Center for Asian Studies at the State University of New York at Buffalo Thomas V. Burkman, who in his work "Japan and the League of Nations: Empire and World Order in 1914-1938"⁵²⁰ in the paragraph "Federation of Greater Asia" names a number of pan-Asian political groups, such as the Genyosha (Black Ocean Society), which was active in 1881-1946 in the territory of the Japanese Empire. "After the collapse of the samurai rebellions at the dawn of the Meiji period, the founders of the society abandoned their original ideas (returning to the old feudal order of Japan with special privileges and state payments for the samurai class) and joined the anti-government social Movement for Freedom and People's Rights (Jap. 自由民権運動, *Jiyu Mingken undo*), formed a political organization that advocated the creation of a national parliament⁵²¹. Kokuryukai or Amur Union (originated in 1901) and Dabunkai or General Culture Association (originated in 1898), founded by Atsumaro Konoé, whose son Fumimaro served as vice-president of this organization since 1922 and president since 1936. Their supporters believed that China and Japan should formulate common goals so that Asian civilization could flourish in China under Japanese leadership.

⁵¹⁸ *Eri Hotta*. Pan-Asianism and Japan's War... P. 2.

⁵¹⁹ *Ibid.* P. 3.

⁵²⁰ *Burkman Th. W.* Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. XV + 289 p.

⁵²¹ Genyosha [Electronic resource]. Access mode: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

A month before his departure as assistant to the head of the Japanese delegation to the Paris Peace Conference Saionzdi Kimmochi, the young Fumimaro published an article scathingly critical of the League of Nations. T. W. Brookman notes that his thoughts will take on special significance 20 years later, when Konoe, as prime minister, finally breaks off relations with the League of Nations⁵²². And already after the start of the military conflict on March 1, 1933, a new organization was created Dai Ajiya Kyukai, or Dai Ajiya Shugi (Great Asia Association), one of the founders of which was Prince Konoe⁵²³. Its goal was to promote the ideal of East Asian regional unity, and Japan's mission was to bring the Asian peoples to independence and solidarity, reorient and move away from European international institutions, create a new world order based on racial equality and fair access to resources. To do this, Japan had to first form the Great Asian Coalition. The Greater Asia Association contributed to its stated mission by studying Asian culture, politics, economics, sought to improve relations between Japan and other Asian countries, and introduce Japan to the culture of these countries⁵²⁴. The Association organized seminars and speeches on the spread of Pan-Asianism, founded its own magazine “ Dai Ajia Shugi ” in order to acquaint the general Japanese public with the situation not only in Manchuria and China, but also in Southeast, South and Central Asia, as well as in the countries of the Middle East⁵²⁵.

The international union of states, the "Federation of Great Asia", being constructed on the initiative of Japan, was considered as one of the most effective mechanisms for protecting East Asia from cultural enslavement by both the West and the Communists. The charter of the organization stated that its main goal was to ensure unity in culture, politics, economics, geography, etc., and the true peace, prosperity and development of the Asian peoples were proclaimed possible only on the basis of understanding Asia as a single whole and an organic union of its peoples. Great responsibility for the restoration and ordering of Asia rested on the shoulders

⁵²² Genyosha... P. 56.

⁵²³ Ibid. P. 201.

⁵²⁴ Japan's Asianism 1868–1945... 2009.. P. 59.

⁵²⁵ Ibid. P. 60.

of Japan. Further infrastructuralization followed: in order to expand cultural ties, the government in 1934 established the "Society for International Cultural Relations", whose task was to promote the study and knowledge of Japanese culture and intellectual exchange with other countries. Among its active figures was the famous politician and diplomat Shigemitsu Mamoru⁵²⁶. Already during his tenure as prime minister, in 1938, Konoe, on the basis of the Showa Research Association, created a kind of intellectual center, which by the end of 1938 formulated the concept of the "New Order in East Asia" as the defining doctrine of Japanese policy in China. The prime minister himself believed that the creation of an East Asian regional bloc and its effectiveness depended on how and when Japan became a regional leader⁵²⁷. It was this factor that Eri Hotta associated with the fact that during the described period of time there was a process of intensive intellectualization in the upper strata of the Japanese political elite. In her opinion, despite the fact that the Japanese government's identification of its foreign policy with pan-Asianism began in the first 5 years of the "fifteen years' war", the pan-Asian overtones became more pronounced and radical by the end of the 1930s: "Asserting that the war for China was fought for a more moral and just world, they [chosen intellectuals] actually drove Japan deeper into the swamp... [and in this perspective]... were not unlike the neoconservatives in the United States in the 21st century, having played a decisive role in giving an even greater idealization of the Japanese [external] politics"⁵²⁸.

Among the young radicals was the main ideologist of Japanese Pan-Asianism, Kita Ikki (1883–1937), who in 1919 published a work known as the General Plan for the Reorganization of Japan, where he ridiculed both the League of Nations and the position of W. Wilson, as well as called for radical change, including Japanese leadership in a consolidating society of resurgent Asian peoples and the suppression of "effective pacifism". T. W. Brookman writes that Kita's book was banned by the authorities, but remained popular due to calls for countrymen to raise the virtuous

⁵²⁶ *Burkman Th. W. Japan and the League of Nations: Empire and World Order...* P. 202.

⁵²⁷ *Eri Hotta. Pan-Asianism and Japan's War...* P. 141.

⁵²⁸ *Ibid.* P. 142.

banner of Asian unity and take the lead in a world federation to be established by Japan⁵²⁹.

As University of Hawaii Pacific professor John Davidan has written, the military has become radicalized due to the strong influence of Kita Ikki's work. D. Davidan characterizes his views as a “Marxist-Asian spike”: Kita Ikki wrote about the capitalist exploitation of workers and believed that it was Western influence that underlies it⁵³⁰, although it is known that the Japanese leadership always and by all means sought to stop the spread of socialist ideas and to own, and in controlled territories.

Conservatives, on the other hand, insisted that Japan had always been a peace-loving power, surrounded at the beginning of the 20th century. Western countries and drawn by them into a devastating war. They have their own definition of this war: "Daito-senso", or "War in Greater East Asia"⁵³¹. In general, without assessing the horrors of the war, which are textbook and are given as an argument defining Japan as an aggressor, we will attribute our position to the point of view of conservatives, since we believe that it is precisely the position of Western countries that are heating up the developing Japanese-Chinese conflict with varying degrees of intensity. conflict, and their activity in opposing China's position to Japanese wishes and demands forced these countries to take an intransigent position, which in 1937 led to a full-scale war.

Using the example of Kaiser Germany, the correctness of this point of view is confirmed by the German scientist Christian Spang, professor at the Japanese Daito Bunka University (Tokyo) and Professor Rolf-Harold Wippich from Sophia University in Tokyo in the work “Japanese-German Relations in 1895-1945: War , diplomacy and public opinion”⁵³². These scholars, like John Davidan, believed that the Russo-Japanese War became a turning point in rethinking their place, if not in

⁵²⁹ *Burkman Th. W.* Japan and the League of Nations: Empire and World Order... P. 99.

⁵³⁰ *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in US-Japanese Relations, 1919–1941. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 149–150.

⁵³¹ *Eri Hotta.* Pan-Asianism and Japan's War... P. 4.

⁵³² *SpangChr. W., Wippich R.-H.* Japanese-German Relations, 1895–1945: War, Diplomacy and Public Opinion // Routledge Studies in the Modern History of Asia. N.Y.: Routledge, 2006. P. 88.

the world system, then definitely in the system of the regional political order of Japan. K. Spang and R.-G. Vippich writes: “With the outbreak of hostilities, the spread of the Yellow Peril idea reached new heights. In particular, Russian, French, and German writers and politicians tried to convince the West that if Japan succeeded in defeating Russia and controlling East Asia, it would become the head of a pan-Asian bloc that threatened the West. Some even argued that it was Japan's victory over Russia that would make the Yellow Peril a reality⁵³³. More pragmatic in these matters was the diplomat and historian Max von Brandt (1835–1920), who at that time was in the status of diplomatic adviser on East Asian affairs. He managed to convince the emperor that Japan's pan-Asian claims could be contained by the exhaustion of the country due to the war, and given the security of Germany's eastern borders and colonies, it was the Russo-Japanese War that gave the Germans political and strategic advantages. Therefore, to reduce the threat from both Russia and Japan, the most convenient scenario would be a protracted war of attrition without a clear winner⁵³⁴. In addition, a win-win card of weakening Russia was played here, allowing the Western powers to ensure their dominance in the East Asian region as well. And the Japanese political elite understood this very well. Thus, Prime Minister Katsura Taro decided not to push the Qing Empire towards an alliance with Japan, so as not to provoke the West and convince it of the veracity of his fears of the "yellow threat".

According to K. Spang and R.-G. Vippich, representatives of the Japanese business elites did not support the ideas of pan-Asianism, but, on the contrary, pushed the country's leadership to cooperate with Western powers. However, such attempts and efforts come to naught by the beginning of the 1920s⁵³⁵. The situation was not improved, but rather, on the contrary, by the Washington Conference of 1921, as a result of which Japan in the Far East became more and more isolated in

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ SpangChr. W., Vippich R.-H. Japanese-German Relations, 1895–1945... P. 89.

⁵³⁵ Ibid. P. 93.

international relations, which ultimately pushed it towards countries that lost the First World War not only militarily, but also in political plan.

Pan-Asianism was of great economic importance. According to Australian professor at Murdoch University Sandra Wilson, “To feed a growing population, Japan had to look for new markets and explore new territories. The Japanese claim to Manchukuo was clearly marked. Then it was time to move to Outer Mongolia, and then through Persia to Central Asia. Step by step, the "Far East Japan" (kyokuto no Nippon) of the present time could thus become "Pan-Asian Japan" (zen-Ajia no Nippon)⁵³⁶. " In continuation of this thought, D. Davidan wrote that at the same time, the Ministry of Foreign Affairs, under the leadership of Shidehara Kijuro, continued to cooperate with the Western powers solely because of the need to ensure the fulfillment of trade obligations⁵³⁷. Within a short time, trade agreements were concluded with Persia and Turkey, and then, according to D. Davidan, Japan made “a dramatic step and officially recognized the Bolshevik government of the Soviet Union in 1925”⁵³⁸. This was preceded by a series of dramatic events in the Far East and Siberia, which in Russian historiography were called the foreign intervention of the 1918–1920s Representatives of the diplomatic corps of Japan explained the beginning of the intervention by the need to protect their subjects, against whom murders and other illegal actions were committed⁵³⁹. Japan called itself a country friendly to Russia, a country interested in its development and not intending to interfere in the internal political situation⁵⁴⁰. The commander of the Japanese squadron in Vladivostok, in an address to the inhabitants of the city, announced his desire for "the immediate eradication of civil strife and the brilliant implementation of the revolution." Justifying his participation in the defense of Japanese subjects, he declared "deep friendship and sympathy for the Russian authorities and the

⁵³⁶ Wilson S. *The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33* / Routledge. London, 2002, pp. 66–67.

⁵³⁷ Davidann J. *Th. Cultural Diplomacy in US-Japanese Relations...* P. 105.

⁵³⁸ Ibid.

⁵³⁹ Soobshchenie yaponskogo general'nogo konsula vo Vladivostoke predsedatelyu Primorskoj oblastnoj zemskoj upravly // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I ... S. 392–393.

⁵⁴⁰ Nota yaponskogo general'nogo konsula vo Vladivostoke Vladivostokskomu gorodskomu samoupravleniyu // Ibid. S. 392..

Russian people"⁵⁴¹. And already on August 2, 1918, the Chpon government joined the statement. Confirming "a feeling of sincere friendship for the Russian people [and]... the most ardent hopes for the rapid restoration of order in Russia and for the healthy and unhindered development of its national life", the Japanese leadership did not fail to stipulate that "the central European powers, using a chaotic and defenseless situation, in which Russia has recently found itself, consolidate their power over this country and gradually extend their activities to the Far Eastern possession of Russia"⁵⁴². In the same period, disagreements arose between the Japanese side and the communists, which later grew into open confrontation. So, on July 3, 1920, the Japanese government called the local Bolsheviks cruel killers, saying that at present there is no legal government in the Far East and Transbaikalia⁵⁴³. Despite the Convention on Basic Principles of Relations between the USSR and Japan concluded on January 20, 1925, which was discussed in the previous paragraph, nor the fact that the Japanese leadership did not and could not form an alliance with the Soviets, the Japanese side managed to build effective interaction with other powers, which eventually made up the so-called "axis". A bloc of individual Asian states and polities subsequently constituted the "Anti-Communist Belt", the Soviet Union formed a "red belt" of supporter and satellite states, and a third group of states were China and its supporting Western powers.

The American researcher Liu Xiaoyuan, who spent considerable time in Inner Mongolia and mainland China, believes that for the Chinese leadership, the expression of support from the Western allies in favor of the destruction of Japan was much more important than its actual destruction. At the same time, the leaders of the Kuomintang clearly understood that Japanese expansionism was historically encouraged by the Western powers and was essentially a continuation of Western imperialism⁵⁴⁴. Professor Liu writes that Chinese leaders have long been frustrated

⁵⁴¹ Ob'yavlenie komanduyushchego yaponskoj eskadroj vo Vladivostoke, raskleennoe v gorode dlya vseobshchego svedeniya // Ibid. S. 393.

⁵⁴² Deklaraciya yaponskogo pravitel'stva // Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I ... S. 394–395.

⁵⁴³ Ibid. C. 385.

⁵⁴⁴ *Xiaoyuan Liu*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 39.

by Japan's refusal to join China's efforts against Western imperialism, resulting in a very strange and contradictory coalition.

Nationalism in general and pan-Asianism in particular were called the legacy of Dr. Sun Yat-sen, in connection with this, members of the Kuomintang were divided in their attitude towards Japan. Thus, one of his ardent supporters, Hu Hanmin, fiercely criticized the position of Chiang Kai-shek, accusing him of violating the principles of Sun Yat-sen: the policy of the Chinese government at that time was aimed at finding ways to resolve the situation through negotiations with Japan and financial assistance from Western powers, while how Dr. Sung proposed the unification of the Asian peoples and the deliverance of Asia from the exploitation of Western powers. The Chinese government's negotiations with Japan were tantamount to capitulation to Japan's "Monroe Doctrine for Asia" and seeking Western aid was no better than repeating the old suicidal practice of "using barbarians against barbarians"⁵⁴⁵. "

In addition to the mercantile side, the cultural and ideological basis was no less, and perhaps even more important. Firstly, after the incident in Manchuria, the government commission recommended changing the name "Japan" to "Nippon", a transition was made from the Chinese spelling adopted in the West to traditional Japanese⁵⁴⁶.

Secondly, a revision of social values was actually carried out, on the basis of which they began to form their own propaganda policy through radio, print media and cinema. Thus, in 1933, with the consent of the Minister of the Army, Sadao Araki, a film called "Japan in Trouble" was created, filled with clichés regarding the Western way of life and thought. D. Davidan, interpreting its semantic meaning, writes: "In one dramatic scene, a young Japanese girl stands on the streets of Tokyo on a winter evening, selling newspapers in order to earn the money necessary for the survival of her family. While patriotic Japanese soldiers are suffering for their country in Manchuria, another scene shows a Japanese couple dancing at the late

⁵⁴⁵ *Xiaoyuan Liu*. A Partnership for Disorder... P. 40.

⁵⁴⁶ *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in US-Japanese Relations... P. 149–150.

hour. Dressed in trendy western costumes, to jazz music, the couple gets into the car. In an unexpected and literal clash of rampant Westernism and patriotism, the couple race through the darkness and accidentally run over a young girl. On their deathbed, the dying girl admonishes the perpetrators to greater patriotism and selflessness, while both the boyfriend and his girlfriend show deep shame. By illustrating the dangers of the pleasure-filled selfishness of Western life, the film made a strong impression on Japanese society⁵⁴⁷. "

Thirdly, using the Korean experience, after the outbreak of hostilities in July 1937 and the occupation of vast territories in the north and east of China, the East Asia Development Council, in cooperation with the Ministry of Education, from 1938 to 1941 pursued a policy of actively introducing Japanese language areas. It was replaced in 1941 by the Association for the Promotion of the Japanese Language. Nagoya University professor Hattori Mina writes that people were forced to learn Japanese not only in schools, but also in businesses and factories. The territories were divided into four levels of Japanese language proficiency: 1) territories that had teachers and schools with good teaching quality, often associated with Buddhist sects; 2) territories where translators taught Japanese for 3 to 6 months, while school teachers did not speak the language; 3) territories where the Japanese language was taught by police officers while they were not on duty; 4) territories in which there was no system of teaching the Japanese language. As a result, those who spoke Japanese well, worked in government structures or in prestigious, such as railway companies⁵⁴⁸.

As for the political order that Japan built, based on the pan-Asian vision of the development of this part of the globe, a number of points should be taken into account here. First, the leading role in this process belonged to the military and had deep historical roots. Secondly, at least outwardly, it was of a planned nature: continental policy was formulated in the "Twenty-One Demands to China" in

⁵⁴⁷ *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in US-Japanese Relations... P. 161.

⁵⁴⁸ *Hattori Mina.* National and Colonial Language Discourses in Japan and its Colonies, 1868–1945 [Electronic resource] // Bachelor of Music. McGill University, 2008. P. 40. Mode Access: <https://open.library.ubc.ca/media/stream/pdf/24/1.0072364/1>.

1915, where the "red thread" was the need to recognize Japan's special position in Manchuria and North China, which she progressively intensified and enlarged. Thirdly, after the northeastern provinces created some time ago on the basis of Manchuria were annexed in 1931, Japan managed to prevent active international interference in this process, and in 1933 annexed Rehe.

There was a potential possibility of the restoration of imperial power in Beijing through the erection of Pu Yi, which was held by the Japanese, on the "Dragon Throne". Mongolian territories could be consolidated into a semi-independent structure with the hope of joining Outer Mongolia, fueled by nationalism and the idea of reviving the empire of the great Genghis Khan. At the same time, the main goals were to increase power to provide new markets and new raw materials for Japanese industries, as well as to build a buffer against the spread of communism and the influence of Soviet Russia. Therefore, it would be appropriate here to consider the ideological basis of the "anti-communist buffer".

The Japanese ideologists who designed the foreign policy of their country were convinced that only the formation of semi-independent states would prevent the Soviet threat. The desired model for the transformation of the USSR was expressed by the formula "Great Britain - Europe: an island state and a balance of power"⁵⁴⁹. For this reason, Japan sought to crush the communists in China and secure dual control over Mongolia, as it kept the balance of Russian and Japanese presence, and its vast plains could serve as a strategic key to the victory of one power over the other. But the main place in the Pan-Asian plans on the continent was still occupied by Northern China.

Major General Hayao Tada, commander of Japanese troops in Northern China, can be considered the ideological inspirer of the change in his political map, and Kenji Doihara, who will be discussed below, became the direct executor. But to put his plan into practice, the necessary conditions were required, which the Japanese side set about. From this point on, the intention to create a buffer zone of Shandong,

⁵⁴⁹ Japan and North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 8.

Hebei, Shanxi and Chahar as a special political unit between Manchukuo and China is clearly visible⁵⁵⁰. The idea was to establish a number of controlled regimes in territories with a predominantly Chinese population, whose administrations would accept the proposed conditions, as was done under a similar regime in Shanghai.

Then, against the backdrop of impending unrest, a plan was born to autonomize not four, but five provinces with a demilitarized zone adjacent to them. Commenting on these events after the fact, the *Washington Post's* own correspondent in Shanghai, Mark J. Ginsburg, in his February 1936 review of events in northeast China, wrote that Doihara changed the entire political situation in China within 5 months of 1935. North China and established a seemingly inextricable link between the northern provinces of China and Japan. He did all this without losing a single soldier or violating a single letter of the international law of that time, and without conducting active military operations⁵⁵¹ that accompanied the capture of Manchuria in 1931 or the formation of a "new Republic of China" under control in 1940. Reasonable placement and distribution forces along the Great Wall of China, deep knowledge of Chinese conditions and the ability to command in the field, as well as the constant readiness of the Kwantung Army for any emergency, allowed Wang Jingwei or, as the expert community and foreign media called him, the "Manchurian Lawrence" to achieve the desired concessions from the Chinese generals.

On September 24, 1935, Major General Tada gave an interview in which he figuratively outlined the Japanese policy of creating autonomy in North China. It was accompanied by a small pamphlet summarizing the main positions. The interview and pamphlet caused great alarm in Chinese society and serious unrest in Japan. Tada tried to clarify his position by giving some thoughts on Sino-Japanese relations and the opinion of Japanese military leaders on this matter, and also expressed the idea of creating a new state organization in the north, politically and economically independent of the government of Nanjing.

⁵⁵⁰ Japan's role in China // *The Observer*. 1935. Jun 16. P. 24.

⁵⁵¹ *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy" // *The Washington Post*. Feb. 1936. 28. P. 9.

The pamphlet began with a series of provisions, the main of which was that China became a victim of "Western imperialism", and only the Empire of Japan is able to stand up for China and its compatriots, adhering to the position of respecting the territorial integrity of China and maintaining friendship and cooperation with China for the sake of coexistence and mutual prosperity between the two countries. Tada admitted that Japan had for some time been disposed to follow the example of Europe and America and even loudly defended the so-called annexation of China, but this policy was not understood. The Japanese mission, determined by Heaven, was to free the Asian peoples from oppression, but with another divine mission, to ensure its own expansion.

In some sections of the pamphlet, the peculiar socialist style, which was supported to a certain extent in the military institutions of Japan, was very accurately used. It said that China was not only under the tyranny of the West, but its masses were being oppressed by their own ruling classes, and the last rulers were nothing more than a new type of militarists, consisting of Kuomintang and plutocrats. Chiang Kai-shek and his entourage were declared the common enemy of Japan and the Chinese people, because they were unable to understand the obvious fact: China cannot exist without Japan and has always been an arena for its own enrichment through the exploitation of the masses.

Much of the material dealt with economic issues, China's dependence on Western technology and labor reserves, livelihoods and purchasing power. It was argued that for the Chinese people, economic relations with Japan are understandable, familiar and best, which is ready to provide its markets in exchange for the supply of raw materials from China.

One of the most important principles was declared the principle of independence, which boils down to ensuring the independence of the territories of Japanese interests on the continent, after which the presence of Japanese armed forces will be reduced. The same was true for Manchukuo. What followed was a detailed analysis of Chinese policy towards Japan, which ended with the conclusion that the people of China, with such cliques and warlords, had no hope of

development. It also mentioned the Chinese Communists, who used the country for their own purposes for the security of Outer Mongolia.

And finally, the conclusion was that Japan should act independently. First for the coexistence and mutual well-being of the two countries, it is necessary to create in the north of China, where the policy of comfortable coexistence of the two peoples, Japanese and Chinese, can be most easily and quickly implemented, a sort of prosperous zone. This will serve as an example for other regions of a disintegrating China. The Chinese masses are in dire need of help, and if proper measures are not taken soon, they will find themselves in an irreparable distress. This situation will be the beginning of the collapse of the world in the East. From this point of view, the basic principle of Japan's new policy towards China was to thoroughly eradicate such germs of disaster and save the Chinese people, with the ultimate goal of common coexistence and mutual prosperity of peoples.

Thus, the first step that will make it possible to realize the pan-Asian idea is to turn the territory of Northern China into a land of peace, where the Chinese and the Japanese language could coexist, and the peoples themselves could live in harmony and enlightenment. In addition to cultural interaction, important steps were also envisaged in the field of economics, for example, the creation of a single market where Chinese and Japanese commodities and capital would not be endangered, but used freely. Such a move could help the development of Manchukuo and demonstrate to that part of China that lay in the south the possibility of creating a happy society with the participation of Japan, China and Manchukuo. This, in turn, would guarantee peace in East Asia. Therefore, Tada concluded, the success of the whole plan depended on the solution of the "North China question"⁵⁵². Tada's proposal quickly found a response both among the military and the capital: the military department methodically sought to revise the political structure. With the beginning of the implementation of this plan, it was proposed to expand the powers

⁵⁵² A "Paradise" for North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 6. P. 22.

of the command of the Kwantung Army for independent control of the controlled territories of the five provinces of North China.

The autonomization process has been developed by the Japanese side since 1933. Several options have been proposed. As a result, a project was launched to create an autonomous buffer state from five northern provinces: Chahara, Suiyuan, Shanxi, Hebei and Shandong with adjacent large political and economic centers - Beijing, Tianjin, Qingdao.

The Japanese side under the word "autonomy", in contrast to the high degree of autonomy that Inner Mongolia claimed at the same time, understood the relationship in which the authorities of Manchuria and the Nanjing government were until 1931, and in the period under study - the Nanjing government and administration in Canton. Canton retained administrative control over the territory and its own revenues, but allocated the necessary funds to Nanjing to service the foreign debt⁵⁵³. Therefore, the Japanese position regarding the status of autonomy was to maintain in the structure of China the Region of five provinces with a special status. The special status provided for the maximum weakening of the control of the central government over the autonomous state, the change of key personnel, the presence of Japanese advisers in all government bodies, control over logistics routes and customs points, securing all tax and other revenues for the autonomy, with the exception of salt, customs and railway fees that will be used to repay foreign loans. The recognition of Manchukuo was more of an irritant, designed to make the Chinese leadership think that the situation could be even worse and more difficult.

The Chinese side insisted on the right to appoint its own officials without the interference of third countries, dispose of financial resources at its own discretion, comply with international obligations achieved, and leave military, jurisdictional and international issues in the hands of the central government of Nanjing.

In parallel with this, methodical and accurate work was carried out to introduce into the minds of the public the unity of the two nations and the impossibility of the

⁵⁵³ The misfire in N. China // The Times. 1935. Nov. 23.

full development of the region without their fruitful interaction. So, at the end of November 1935, in a newspaper interview, a Japanese representative noted that the racial and cultural unity of China, which is able to overcome all the ups and downs and troubles and withstand the vicissitudes and threats of the rest of the world, is possible provided that autonomy is granted to the north of the country. He emphasized that both Manchukuo and the government in Canton recognize cultural unity, and therefore the Japanese are not so wrong, and the scheme they propose allows for varying degrees of independence of the regions⁵⁵⁴. This position clearly testified to the intention of the supporters of the idea of autonomization to divide China into at least three semi-independent regions with the recognition by the northern territories of the existence of a common interest with Manchukuo and Japan.

As a result of "diplomatic maneuvers, pressure on representatives of local authorities and the threat of the use of military force" by mid-February 1936, an area of 154,185 square meters. miles with a population of about 50 million people came under the final control of Japan. In the orbit of Japanese influence, Hebei alone, as one of the most educated and richest provinces in China, had about 39 million people. Foreign trade here through key ports amounted to 175 million US dollars annually, and most of the business based on imports and exports was with the United States.

This result was achieved virtually without firing a shot and attracting the wide attention of other powers. The students were the only group of citizens who voiced open objections to what was happening in the north. Japan, on the other hand, learned the lesson of how to acquire new territory without attracting undue attention from people like Lytton's commissars, who, in turn, "hid" their "Manchurian adventure" and did not openly raise questions about the legitimacy of the secession of Manchuria. And the strengthening of positions in Hebei and Chahar made it

⁵⁵⁴ New turn in China // The Times. 1935. Nov. 21.

possible to consolidate military circles within the country and form similar tasks in relation to other Chinese provinces north of the Yellow River.

Another result was that Japanese advisers were sent to every government structure that was created, and representatives of the Chinese government visited Northern China at least from time to time, but were subjected to fire, threats and insults. The Japanese media and Japanese publications in China regularly published repeated reports that the leaders of the autonomy intended to kill the representatives of Nanjing upon their arrival in Northern China, so they did not stay there for a long time.

Autonomy was carried out in the face of confrontation between the military and diplomatic departments, which made significant adjustments to the project and the results of its implementation. However, at this stage, the Ministry of Foreign Affairs proved to be more capable of constructive action without forceful pressure: despite the desire and desire of the military to resort to force in moving inland, it was not used except in certain cases called incidents. And largely due to this confrontation, to create full-fledged autonomy in the territories of the five provinces declared by Japan at the stage of 1935-1937 did not succeed.

Therefore, Japan moved to implement a plan to create separate autonomous buffer regimes that were not completely independent from China, but controlled by the Japanese side. An analogue was the model of Outer Mongolia, which the USSR recognized as Chinese territory, but officially designated as a zone of its interests, while having free access and contacts with Manchukuo and Japan.

The Nanjing government was never popular or in any way influential in northern China, which was always regarded by the military leaders as their own fiefdom. Shortly before the events described, a series of peasant uprisings swept through the region, which were organized under the leadership of local communities, served as a demonstration of the desperate situation of the peasantry and were almost certainly incited by Japanese agents. As for Chahar and Suiyuan, the movement for autonomy in them had a nationalist character and was directed against both China and Japan.

Japan, in a relatively short time, managed to tear away Manchuria, Rehe, Chahar and Hebei. At this, progress slowed down, giving way to a political game, the essence of which was the creation of a network of autonomous governments, when the political map of China was supposed to be somewhat reminiscent of the maps of the early periods of its history. In the short term, the persistence of such fragmentation created favorable conditions for Japanese dominance in the region; in the long run, a huge territory disorganized in administrative terms, overloaded with the military, engulfed in the outrages of bandits, would bring little benefit to Japanese trade. In this regard, the main task, in addition to restoring order, was to reorganize Chinese industry and production⁵⁵⁵, as well as to form more or less stable political institutions in the controlled territories.

The movement for autonomy without separation from the Republic of China and the legal declaration of independence has shown effectiveness in the example of Eastern Hebei. A small coastal plot of land had contractual guarantees of demilitarization, according to which Chinese troops could not be present in the territory that declared autonomy, so they managed to form an autonomous government led by an ethnic Chinese loyal to Japan.

The movement for the autonomy of the five provinces with a population of 75 million people could not be successful due to the disloyal attitude of the governors towards Japan, justifying the alleged prohibition of Nanjing to interact with both the Japanese side and collaborators. Naturally, this was only a formal pretext, because Nanjing withdrew national troops from the disputed territories and did not have the actual opportunity to put pressure on the governors⁵⁵⁶. As a result, by 1937 about a dozen autonomous or semi-autonomous buffer zones had been created both north of the Yellow River and south of it. At the same time, the process of autonomization did not stop, but developed according to different scenarios.

The first scenario involved joining Hebei and Chahar with an administrative "autonomous" body created in December 1935 by Song Zheyuan, head of the Hebei-

⁵⁵⁵ Two theories in Japan Pan-Asia and beyond. Chinese resistance // The Times. 1936. Jun 12

⁵⁵⁶ What Japan does want the situation in North China // The Times. 1937. Jan. 5.

Chahar Political Council, Shandong, Shanxi and Suiyuan, which was announced by General Doihara in mid-February 1936⁵⁵⁷ looking ahead, let's say this plan failed.

The second scenario concerned the development of autonomy in the east of Hebei.

The third provided for the creation of a new state of Mongol-Go (Mongolian state), covering a significant part of Inner Mongolia. Less than a year earlier, the Bailingmiao Political Council had passed a resolution indicating its loyalty to the Nanjing government, but a short time later the Mongols came under the control of Japanese officers. Chahar was almost completely controlled by Mongol-Guo, and several Khoshuns in Suiyuan were ready to leave not so much Nanking as General Fu Zuoyi, the governor of this province, whom they accused of numerous crimes⁵⁵⁸. This scenario, like the next two, due to its clearly ethnic coloring, is beyond the scope of the subject of our study.

The fourth concerned the east of Chahar, where General Liu Kweitang and General Li Shouxing, who led the command of the Manchukuo armed forces, were to lead the "East Charhar Anti-Communist Autonomous Government"⁵⁵⁹. The autonomy of Eastern Chahar was supposed to be carried out before March 1936, after which the Japanese side intended to include Manchukuo, Eastern Hebei, Eastern Chahar and Inner Mongolia into the United Confederation of States under Japanese control⁵⁶⁰. However, in practice, everything turned out a little differently: Eastern Chahar became part of Mongol-Guo, and Eastern Hebei remained part of China until 1940.

The fifth scenario assumed the autonomy of Shanxi and was implemented by the autumn of 1937. Japanese troops quickly captured the provincial capital of Taiyuan, General Yan Xishan, together with the government, left the city and settled in Linfen - in the southern part of the province⁵⁶¹, and the autonomous government

⁵⁵⁷ North China autonomy // *Ibid.* Feb. 1936. 18.

⁵⁵⁸ Japanese domination in N. China // *The Straits Times.* Feb. 1936. 18. P. 20.

⁵⁵⁹ Rebels advance on Tientsin // *Sunday Tribune (Singapore).* 1935. Dec. 29. P. 1.

⁵⁶⁰ Confederation of states in North China // *Malaya Tribune.* 1936. Jan. 8. P. 15.

⁵⁶¹ Japanese advance in Shantung. A daring pilot // *The Times.* 1937. Oct. 5.

of Jinbei was created in the northern part of the territory, which became part of the Mongol confederation and the southern outskirts of Mengjiang⁵⁶².

As the sixth scenario, by mid-January 1936, the idea of creating an autonomous government in Shandong was proposed⁵⁶³. In order to create tense relations between the provincial authorities loyal to Nanjing and the Kwantung Army command, which would allow them to establish control over this territory, the Japanese demanded permission from the local authorities to station a regiment of their military near the provincial capital to ensure the protection of Japanese residents. The governor of the province, General Han Fuchu, rejected this demand⁵⁶⁴. Despite the failure of the idea of autonomization of Shandong, the rest of the districts successfully solved the task. However, the issue of establishing control over Shandong was only postponed. Already on October 3, 1937, the Japanese captured several small settlements in the province and moved by rail with the aim of capturing the capital Jinan and achieved their goal. The authorities were asked to form a joint commission to protect their interests and develop resources. The provinces that were under central control were offered to continue cooperation with the Japanese, "accept" Japanese advisers and allow Japanese capital to participate in the process of economic development of the region. In response, Japan promised to extend the railway line from Rehe towards Western and Inner Mongolia, as well as to build lines connecting the Tianjin–Pukou and Beijing–Hankou railways⁵⁶⁵. The issue of recognizing Manchukuo was removed from the discussion agenda, all efforts were directed to the normalization of trade, the reduction of customs duties, etc.

The seventh scenario unfolded in another part of the region, in Shanghai, where the city's Japanese association provided \$140,000 to start an autonomy movement with local residents. The situation has been brewing since 1932. After the Sino-Japanese War, various dubious personalities started a self-government movement in

⁵⁶² *Dudin P. N. Politicheskaya istoriya Me`nczzyana / nauch. red. K.B-M. Mitupov. – Ulan-Ude` : Izdatel`stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2014. S. 193-199.*

⁵⁶³ Shantung to become autonomous state? // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 16. P. 1.

⁵⁶⁴ Japan Subsidies East Hopei Rebel Regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 17. P. 1.

⁵⁶⁵ New plan North China cooperation with Japanese // *The Times*. 1936. Aug. 14.

Shanghai, allegedly at Japanese expense, which collapsed after operational measures by the Chinese police, and the instigator and a number of his subordinates were arrested and executed. As a result, the Japanese side came up with a plan to create an autonomous zone in the spirit of Eastern Hebei with the permanent deployment of Japanese troops⁵⁶⁶, which was soon implemented.

The eighth scenario envisaged the creation of similar regimes in the occupied regions as Japan moved deeper into the continent, for example, in the province of Fujian⁵⁶⁷, which was still controlled by the Kuomintang administration during the period we are describing.

Finally, the ninth scenario assumed the restoration of the Qing statehood with the participation of the former emperor Pu Yi, especially many supporters of this idea turned out to be in the north, where the institution of the monarchy was traditional. This was first discussed in mid-December 1935 after receiving information from Mukden about General Dohihara's idea to carry out a forcible occupation of the five northern provinces before taking the necessary steps to place Pu Yi on the imperial throne in Beijing⁵⁶⁸. Almost a year later, on October 18, 1936, the nephew of Manchukuo Premier Zhang Jinghui arrived in Tongzhou to meet with Yin Rugeng in order to gain the support of pro-Japanese Chinese officials who believed that the restoration of a monarchical form of government for China was most desirable⁵⁶⁹. at the same time obtaining assurances from the Japanese about the expediency of restoring Pu Yi as Emperor of China with residence in Beijing. In February 1937, part of the collaborators in Eastern Hebei openly supported the plan to create a new regime in Northern China, headed by the former Chinese emperor Pu Yi⁵⁷⁰. Confidence in the success of this plan was added by the change in the political leadership of Japan.

⁵⁶⁶ Diplomatic Dinner Party Parleys // *The Straits Times*. 1936. Oct. 13. P. 11.

⁵⁶⁷ War clouds over orient // *The New York Sun*. 1936. Aug. 13. P. 4.

⁵⁶⁸ Situation Worsens In East Charhar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 13. P. 10.

⁵⁶⁹ Monarchy again in China // *Ibid*. 1936. Oct. 19. P. 9.

⁵⁷⁰ New regime in North China? // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1937. Feb. 7. P. 18.

According to experts, General Hayashi's new cabinet proved to be more decisive than Hirota's⁵⁷¹: even though North China was calm for many months, the most moderate forecasts spoke of a renewed Japanese campaign in the north to establish an autonomous or independent regime led by Pu Yi.. In this regard, Beijing and Tianjin were potentially under direct attack from Manchukuo. It is through them that the Japanese side could expand its sphere of influence by strengthening the autonomous regime of Eastern Hebei and further by annexing all of Charkhar, Shandong, Shanxi and Suyuan. But the Japanese chose both the republican form of government and another leader, the exiled Kuomintang Wang Jingwei, as the final model for arranging the political order.

Thus, by the beginning of 1937, the main issue was not only the autonomy of the northern provinces in the framework of expanding the opportunities for economic cooperation between the Chinese and Japanese sides, but also their consolidation. Attempts to form a single autonomous government in the north have not yet been successful due to the reluctance of various provincial leaders to sacrifice their independence. As a result, the proposed scheme was reformatted into a network consisting of several small regimes with rampant crime and smuggling. Nevertheless, the Japanese did not abandon plans for the unification of territories.

The transformation of the political system in North China predetermined the future fate of the region, which by 1937 was in the process of consolidation. The main directions of the state policy of the new formation, contributing to peace and prosperity in the Far East, were named: the complete destruction of communist agitation and anti-Japanese ideology in North China; ensuring the autonomy of educational institutions; preservation of traditional culture; establishing a Sino-Japanese cultural cooperation mechanism to oust anti-Japanese propaganda⁵⁷². The Japanese intended to consolidate into an autonomous republic five northern provinces - Hebei, Shanxi, Shandong, Chahar and Suiyuan. The Japanese ruling circles have announced that they plan to make Beiping/Beijing the capital with the

⁵⁷¹ Malaya and China Parley // Ibid. Feb. 14 P. 5.

⁵⁷² *Sheba K.* Japs plan to set up a new puppet state in N. China // Chicago Daily Tribune. 1937. Oct. 7. P. 3.

seat of the new government and return to its former name - Beijing, establish the post of president and convene a parliament.

One of the most important ideological components of ensuring the Japanese presence in this part of China was the policy of suppressing anti-Japanese speeches and the conclusion of the Anti-Communist Pact with their supporters. For the Nationalist government of China, the communist danger became real in early April 1935 when it was reported that Chiang Kai-shek had been defeated by the communists in the Guizhou area, and although it was later reported that this was a test of the strength of the Chinese army, the government understood that the communist danger was preserved. In addition, the Communist troops were surrounded in the Jiangxi fortress in the autumn of 1934, but they were allowed to leave without serious losses to the west, and the Communist cells remained in a vast area in about five provinces, and two large groups were located in Sichuan, in the north. Yangtze, and two in Guizhou and Yunnan, in the south. Until now, they had proved too strong for the provincial forces, so Chiang Kai-shek was forced to pursue them with the troops of the central government. Following along the Yangtze, he prevented the advance of the communists, but their forces scattered around the district continued to demonstrate combat readiness. Then they rushed to the north of the Yangtze, towards Gansu and Inner Mongolia⁵⁷³.

By July 1936, many of the separate groups were once again uniting within Gansu and Shengsi⁵⁷⁴, thus gaining the opportunity to threaten the Japanese in Manchukuo and reinforce Soviet influence in Outer Mongolia. The communists switched to the tactics of a united front of the entire nation. This proposal was initially rejected, which put Chiang Kai-shek in a difficult position, as some members of the Chinese political elite were inclined to accept Japanese military and financial assistance in the fight against the communists. And despite the inadmissibility of this idea by the Generalissimo himself and his entourage, the Japanese actually managed to eliminate everyone who was opposed to them in

⁵⁷³ The Communists in China // The Manchester Guardian. 1935. Apr. 5. P. 10.

⁵⁷⁴ Chinese Puzzle // Ibid. 1936. July 15. P. 10.

Northern China⁵⁷⁵. As a result, the demand for autonomy for the region began to sound in unison with calls to fight communism.

The scheme proposed by the Japanese army for military anti-communist cooperation seemed completely untenable for China, primarily because it would have to open access for Japanese troops to the interior of China. In response to this proposal, the leadership of the Republic of China stated that it would be happy to participate in the scheme proposed by the Japanese, but not in the central regions, but in Manchuria, the province of Rehe, in Eastern Hebei and Northern Chahar. And in general, China could cope with its problems without outside help from the rest of the country. The Japanese did not appreciate the humor and avoided further negotiations. Meanwhile, Chiang Kai-shek made a solemn promise to the nation that he would restore the authority of the central government over Hebei and Chahar⁵⁷⁶. Already by the beginning of 1937, the anti-communist movement had become so strong that, in addition to Hebei and Chahar, it attracted Shandong⁵⁷⁷ and several other provinces that fell into the sphere of Japanese influence into its orbit. Among these provinces were those that today make up the Autonomous Region of Inner Mongolia within the PRC.

With the beginning of the Xinhai Revolution in the autumn of 1911, the Mongolian lands tried to declare independence and did not recognize the succession from the disintegrating Qing empire to the Republic of China. Northern, or Khalkha-Mongolia, managed to ensure independence, first with the participation of the Russian Empire, then with the young Soviet state. Many principalities (khoshuns) of Inner Mongolia tried to join it. The main tool for involving them in the unification process was nationalism, which took on the character of pan-Mongolism. But for a number of objective and subjective reasons, the consolidation of the Mongolian lands did not happen.

⁵⁷⁵ Japan's military politicians // *The Manchester Guardian*. 1936. Jan. 22. P. 5.

⁵⁷⁶ *Abend H.* Chinese beat back allies of Japanese // *The New York Times*. 1936. Nov. 12. P. 1.

⁵⁷⁷ Anti-Red pact in N. China? // *The Straits Times*. 1937. Jan. 13. P. 19.

At the same time, pan-Mongolist sentiments did not lose their relevance in the 1930s, which the Japanese skillfully took advantage of. Despite the fact that nationalism did not prove its viability in Europe, in East Asia, both in the north and in the south, the situation with this issue developed in a completely different scenario, so the Japanese side expected that the union of the Mongol tribes could become a major political one. player in the Far East⁵⁷⁸. And the fact that Japan followed every detail of Baron Tanaka's plan to conquer North and Central Asia was demonstrated by the recent arrival of a number of Japanese military officers in Chinese Turkestan to organize provocations among Muslim leaders and incite them to establish an independent state in Turkestan⁵⁷⁹.

However, the well-known researcher Owen Lattimore, author of more than 100 works devoted mainly to China and Mongolia, including "Manchuria - the cradle of conflict", "Desert road to Turkestan", "Mongols of Manchuria", etc., believed that the Japanese advance towards the place of residence Chinese Muslims in the northwest, a vital gateway to the Soviet Far East, was no longer relevant: the Japanese were stuck for months in Inner Mongolia trying to make progress along a narrow corridor to the west. Fast-moving Japanese formations in the first months of the war captured the entire railway northwest of Beijing along the border with Inner Mongolia and the city of Baotou, on the northern bank of the Yellow River. That is where they are stuck, unable to make a dash more than 50 miles from the railway, knowing full well that they will not be able to get further unless they subdue the semi-independent Chinese Muslims who always stand guard at the gates to Central Asia..

In 1937, Lattimore was in this country and saw Muslim communists ready to fight alongside the Red Army. Since then, with constant supplies from Soviet Russia passing through Muslim territories, the Chinese government has improved relations with the local population. Muslims began to receive from the Chinese what the

⁵⁷⁸ Mongolian Manoeuvres // The Manchester Guardian. 1936. Jan 14. P. 8.

⁵⁷⁹ Carrying out Tanaka plan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Oct. 10. P. 2.

Japanese only promised to give. In addition, they could see that, regardless of the promises made by Japan, there was no large-scale movement in support of Japanese policies in Inner Mongolia⁵⁸⁰. Therefore, the prospects for Japan's advance from Inner Mongolia and further through Muslim territories to the northwest were unclear.

Another major problem was a potential alliance agreement with Soviet Russia against Japan put forward by the Chinese Communists, as well as allowing the authorities to allow the Communists to flee to Northwest China, which would threaten the security of the interior provinces. However, the Chinese leadership did not consider it necessary to help the USSR in resolving the Japanese threat and was not going to condone the strengthening of communist influence.

Among the external conditions that stood in the way of Japanese plans to establish control over the Mongolian territories, one can name, first of all, the situation with Soviet Russia in the Far East. As the exodus of Soviet citizens from Manchukuo, relations between Japan and Russia became increasingly tense. The population living along the border of Manchukuo and Siberia was ordered to evacuate, preparations for war continued uninterrupted⁵⁸¹. The Mutual Assistance Protocol concluded between the USSR and the MPR on March 12, 1936, was met with sharp condemnation from Japan, Manchukuo and now China. However, for the Soviet Union, the conclusion of the protocol was of major strategic importance, since Manchukuo, adjacent to the Soviet Far Eastern regions with its long northern border, had a large army, one of whose goals was the absorption of Outer and Inner Mongolia as a prelude to the second Russo-Japanese war.

For Soviet Russia, the threat was real and explains why JV Stalin gave such a frank interview to Roy Howard, the famous American journalist. In an interview, Iosif Vissarionovich said without hesitation that Soviet Russia would fight for the independence of Outer Mongolia. Russia is aware that this is a matter of life and

⁵⁸⁰ Inner Mongols will not joint Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. July 6. P. 8.

⁵⁸¹ Nanking-Mongol clash feared // The Straits Times. 1933. Nov. 2. P. 11.

death, that Japan's "divine mission" must eventually be stopped. For certain reasons, Russia sees the possibility of terminating the implementation of this mission in solving problems related to Outer Mongolia.

China has a grudge, even more legitimate, but its protests look pathetic since it has absolutely no power to influence anything. Nominally, Outer Mongolia is part of the republic, recognized as Russian in 1924, but Manchuria is also part of the republic. China since 1924 has been unable to exercise control over Outer and Inner Mongolia, unable to hold any power in the Mongolian territories, and Russian participation in this territory is a warning not to China, but to Japan. Japan intends to conquer or otherwise acquire this territory, creating a puppet state there in order to include the local population in the orbit of influence of Manchukuo, so that the wide plains of Outer Mongolia provide protection from the enemy. But by this time A. Hitler will most likely be ready to invade the west of Russia, since a series of non-aggression pacts is not yet effective enough to rule out this option. Any German aggression against Russia in accordance with the concluded treaty will force France to intervene in this process. A French attack against Germany will involve Great Britain in the fight, the only question is which side she will take. That is why Mongolia, which now seems so far away, is of vital interest. The US Minister of War recalled that "a war in any part of the world can involve even those countries that are territorially remote," which is only a broader interpretation of M. Litvinov's statement: "The world is indivisible"⁵⁸².

As for opening Russo-Japanese trade deal talks, The Times says it's hard to see what compensation Japan can offer Russia for giving up its political and commercial interests in China, but even so, there are other powers that are reluctant to leave the Far East. The American government has made it clear that the cancellation of their trade treaty with Japan is a response both to Japan's violation of the Nine Power Treaty and to the numerous violations of American rights in China. Obviously, the economic conflict between Japan and America will be disastrous for Japanese

⁵⁸² The Soviet-Mongol Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 9. P. 8.

finances⁵⁸³. Thus, the fight against communism in general and the communist movement, whether in Outer Mongolia or on the outskirts of China, was of great political and ideological significance for Japan.

Departmental or interdepartmental conferences and meetings of advisory structures under the Japanese emperor, at which key political and military decisions were made on the Japanese side's actions on the continent, became an effective tool for such a policy. In a number of cases, conferences ended with the adoption of certain documents, which is why we are talking about the doctrinal nature of Japan's policy to form a regional political order. Here are the main results of the most significant events.

So, on August 15, 1936, Emperor Hirohito was informally informed about the national and international policy of the cabinet of Prime Minister Hirota, where the goal of the empire was declared to be a stabilizing force that guarantees peace in East Asia, and the basis of national policy was to ensure a strong diplomatic and military position in East Asia. continent and the expansion of national influence to the very South Seas. A brief plan for the implementation of these tasks was attached to the report⁵⁸⁴. The foreign policy of the empire should be aimed at supporting Manchukuo, peacefully advancing to the South Seas, destroying the aggressive Soviet plans for the Far East, etc.⁵⁸⁵ One of the main provisions of the plan was to turn Northern China into a special region where Japan, Manchukuo Guo and China will unite for joint defense against the communist invasion of the Soviet Union⁵⁸⁶. The announced plans were fully implemented.

A conference of Japanese military attachés in China, held in Shanghai in mid-March 1937, adopted a number of fundamental decisions: firstly, on joint actions against any steps to abolish autonomy in Eastern Hebei, thus preventing any actions against Japan and Manchukuo -Go in Northern China; secondly, the need to intensify efforts to secure areas in the Yangtze Valley that are planned to be occupied for the

⁵⁸³ Wang Ching Wei regrets first rush at *The Bait* // *Sunday Tribune* (Singapore). 1939. Nov. 26. P. 1.

⁵⁸⁴ *Tomioka Sadatosi*. Ibid. S. 217.

⁵⁸⁵ Ibid. S. 219.

⁵⁸⁶ Ibid. S. 220.

needs of naval bases in case of an emergency; thirdly, about the need to speed up the creation of an anti-communist bloc of China, Japan and Manchukuo. Following this, in March 1937, a new conference of Japanese military attachés opened in Tientsin⁵⁸⁷.

Policies and guidelines for North China were formulated by the cabinet of the new Prime Minister Hayashi. The main goal of the policy was declared to be the transformation of this region into an anti-communist, pro-Japanese and pro-Manchurian zone and at the same time the mastery of national defense resources and the development of transport structures⁵⁸⁸. For this, mainly economic measures were envisaged. The main goal of the policy towards local regimes was to establish practical cooperation for the expansion of Japanese rights and interests, as well as the simultaneous formation of pro-Japanese tendencies throughout China. The main goal of the policy towards Inner Mongolia is to gain the confidence of the Mongols in Japan⁵⁸⁹. Further, the position that should be taken for the leadership of Northern China was noted. In particular, it was said that the Japanese policy towards Northern China, due to the geographical features of this region, often causes China and other powers to assume that Japan is trying to expand the buffer zone, push back the borders of Manchukuo and achieve the independence of Northern China. Therefore, in carrying out its policy towards Northern China in the future, it was necessary to strictly refrain from any behavior that could create unwanted misunderstandings, and focus on cultural and economic measures aimed at ensuring a peaceful and convenient life for the people of the region. This will contribute to the achievement of the main goal. The leadership of the Eastern Hebei-Chahar regime had to take a fair position, which boils down to winning the trust of the population by destroying the influence of military cliques in the financial, economic, military and other spheres. In the leadership of the East Hebei Autonomous Government, the Japanese had to strive to improve its internal administration, making this territory a model place where people could live peacefully and comfortably, free from exploitation by

⁵⁸⁷East Hopei regime's future // *The Straits Times*. 1937. Mar. 18. P. 16.

⁵⁸⁸ *Tomiooka Sadatosi*. Ibid. S. 223.

⁵⁸⁹ Ibid. S. 224.

military cliques⁵⁹⁰. The main policy goal in the provinces of Shandong, Shanxi and Suiyuan was their rapprochement with Japan through the gradual implementation of cultural and economic measures aimed at establishing friendly relations and cooperation between Japan, Manchukuo and China⁵⁹¹.

Already at the height of hostilities, on January 11, 1938, in the presence of the emperor, the “Fundamental Policy on the China Incident” was adopted. Its fundamental principle was “[to] create, together with Manchukuo and China, an axis of cooperation for peace in the East... This axis, in turn, will serve as the core for establishing global peace⁵⁹². ” The Annex “Go” stipulated special conditions for peace negotiations between Japan and China, among which China recognized Manchukuo in the first place, and then announced the conditions for the creation of demilitarized zones in Northern China and Inner Mongolia; the formation for North China “under the leadership of the Chinese government of suitable structures that will make the co-prosperity of Japan, Manchukuo and China a reality, and endow these structures with extensive powers for the satisfactory implementation of triangular economic cooperation”; Inner Mongolia was to receive an autonomous anti-communist government with an international status equivalent to that of the current government of Outer Mongolia; demilitarized zones were to be created in the occupied regions of Central (in our work and geographically correct - East) China, and the maintenance of public order and economic development in the Greater Shanghai area was to be carried out jointly by Japan and China⁵⁹³.

At the conference of five ministers, which took place from June 24 to July 19, 1938, when it became obvious that it would not be possible to agree with the government of Chiang Kai-shek, a number of key decisions were made, formalized and put into practice. First, it was stipulated: “If the existing Chinese central government offers to surrender, the Empire will accept this proposal in accordance with the principle adopted at the Council in the presence of the Emperor: the Empire

⁵⁹⁰ Ibid. S. 225.

⁵⁹¹ Ibid. S. 226.

⁵⁹² Ibid. S. 241.

⁵⁹³ Ibid. S. 242.

will annex this government to the new Chinese central regime as a regional government”⁵⁹⁴, - subject to removal Chiang Kai-shek from power. If the Chinese Central Government did not declare surrender, it was proposed to form among the anti-Japanese elements "the desire for peace by undermining the financial foundations, which will help to cause a split in the existing central government, so that it collapses, or at least reduces itself to the level of a local government in the shortest possible time. regime"⁵⁹⁵. It further announced: “The pro-Japanese regimes will be enlarged, strengthened, and eventually, in the shortest possible time, consolidated into a single regime that fully deserves to be called the central government of China. Neither the Chinese nor other nations will be able to refuse him recognition as the Chinese government. Although the moment of recognition of such a government by the Empire will largely depend on the circumstances, it will be carried out as soon as possible after the named regime has received a status worthy of the name⁵⁹⁶.

And, finally, on January 8, 1940, on the eve of the proclamation of the new regime of the alternative "Republic of China" under the leadership of Wang Jingwei in Nanjing, the Plan for the Settlement of Relations between Japan and China was adopted at a meeting of the Cabinet of Ministers of Japan. The conditions for the settlement of diplomatic relations between the two countries were stipulated, the procedure for merging local collaborationist regimes was determined, the special role of Manchukuo, Northern China and Inner Mongolia was emphasized, and the policy towards Southern China was formulated⁵⁹⁷. A separate section was devoted to the principles of implementing a united defense against the Comintern and the conclusion of the Anti-Comintern Defense Pact⁵⁹⁸.

Summing up, we note that after the Russo-Japanese war, pan-Asian ideas became noticeably radicalized. The war not only showed the obvious military weaknesses of one of the leading powers of that time, but also demonstrated the

⁵⁹⁴ Ibid. C. 244.

⁵⁹⁵ Ibid. C. 245.

⁵⁹⁶ Ibid. C. 246.

⁵⁹⁷ Ibid. C. 250.

⁵⁹⁸ Ibid. C. 251.

West's loss in matters of ideas and ideology of Japan with its desire to take a leading position, if not in the international arena, then in its East Asian and Pacific parts. The danger of this was stated by the leaders of the Western powers and their inner circle, therefore, during the first decade of the XX century efforts were made to weaken Japan, including through military action with its closest neighbors: Russia and China. In turn, the Japanese leadership was clearly aware of this and took adequate countermeasures: it maintained mainly economic relations with Western powers, built relations with Chinese leaders, including through “soft” power (educating their children in the best educational institutions in Japan, creating charitable, language, cultural and other organizations), actively used non-state institutions in this process. This was largely facilitated by nationalism, which spread almost everywhere in Asia, tired of European participation and waiting for a reason to take action. Thus, the ideological attitudes present in the culture of Asian peoples, coupled with the positions of the most talented Japanese thinkers of our time, formalized in the relevant documents - memorandums, through which the policy of ensuring the Japanese presence on the continent after the outbreak of hostilities, gave a corresponding positive result.

On the whole, it must be stated that ideology and the accompanying religious and value attitudes played a decisive role in the formation of a regional political order in East Asia, as well as in building statehood (both natural and buffer). At different historical stages, various mechanisms were used to provide the state-building process with an appropriate ideology, and therefore success in this matter was directly proportional not only to military strength, economic tools for involving controlled territories in the orbit of power centers, etc., but also to a large extent to depth and comprehensiveness of the ideological content of their policy in the region, giving way even to the political will of the heads of state and other decision-makers.

And that is why the ideological foundations of Chinese statehood, both after the proclamation of the republic in 1912, and after the establishment of the power monopoly of the Kuomintang party headed by Chiang Kai-shek, were not competitive, giving way to Buddhist, communist and pan-Asian ones. Many

groupings of provincial politicians hindered the central government in the administrative, military, law enforcement and other areas, which undermined the unity of the country and the ability to repel Japanese aggression, while giving the Japanese effective tools for constructing alternative forms of statehood, which they successfully used.

CHAPTER 3. BUFFER AUTONOMY IN THE STRUCTURE OF THE POLITICAL ORDER OF NORTHERN CHINA IN 1935–1938

3.1. Modeling the autonomization of Northern China and the Region of five provinces

Turning to the tools of our study and the components of the regional political order in East Asia, first of all, we will determine the limits of the space in which it was formed with direct Japanese participation. The key spatial categories here are North and Northeast China, so we will explain their geographical position, composition, legal status and political fate.

China in the first half of the 20th century retained the borders established in the 18th century and extended its power to Inner China, which included 18 traditional provinces (*sheng*), as well as the so-called Outer China, which included the territories of Inner and Outer Mongolia, Xinjiang (East Turkestan) and Tibet. For effective administration and control, the country was divided into nine governor-generals (or vice-kingdoms), at the head of which the Manchu authorities tried to keep their proteges⁵⁹⁹. The highest representative of power in the region during this period was the governor-general (*zong-du*). From one to three provinces could be under his command: in Inner China there were 8 such governor-generals and one ruled Manchuria.

Manchuria (or Dongbei) had a special status as the ancestral home of the ruling dynasty, and it is this region that is called Northeast China in modern scientific literature. In total, these territories amounted to 13 mln. aimag Khingan), Fengtian (modern Liaoning) and Jilin (modern Jilin). Northern China, in turn, included the provinces of Hebei and Shanxi, the central part of the modern Autonomous Region

⁵⁹⁹ *Vilenskij-Sibiryakov V. D. Sovremennyj Kitaj / V. D. Vilenskij-Sibiryakov. M., 1925. 22 s.*

of Inner Mongolia (without the territories mentioned above), as well as Beijing and Tianjin.

At the end of 1931, on the basis of the provinces of Heilongjiang, Fengtian and Jilin, a polity called the Manchu-Mongolian state was formed, which was transformed in March 1932 into the Manchurian state and went down in history as Manchukuo. This political formation served as a support for further Japanese advancement, an experimental platform for practicing various methods of state and nation-building, as well as a model for constructing similar state systems after the start of large-scale hostilities both in Chinese territories and beyond - in Thailand, Cambodia, Vietnam, etc. However, it turned out to be a very difficult and practically impossible task to reproduce the experience gained, so the further efforts of the Japanese side were very different in each case, which led to the need to consider the experience of creating buffer polities in each case separately. And due to the fact that the phenomenon of Manchukuo is present in the scientific literature to a sufficient extent and with sufficient intensity, we will focus on the less known, but no less iconic buffers located in Northern China.

As noted in Chapter 1 of our work, an important element of the regional political order is its ideological basis, which at this stage was conceptualized by the Doctrine of Japanese Foreign Policy, adopted in mid-October 1933 by the Cabinet of Makoto Saito. This document stated that it was necessary to ensure the division of mainland China and remove the influence of the Kuomintang government from the borders of Northern China. In 1934, the Keisuke Okada cabinet formulated "Japan's New China Policy" and decided to intensify its neighbor's economic expansion by weakening and reducing Kuomintang power in northern China. A message was expressed about the need to create a new pro-Japanese political system in Northern China, which the Japanese side began to construct through the formation of new autonomist institutions. The main actor in the process of autonomization, and then the separation of this territory from China in the mid-1930s was the head of the secret service of the Japanese Kwantung Army, Major General Kenji Doihara,

whose main task was to establish autonomy in Northern China, with which he eventually coped with varying degrees of success.

The normative basis for political institutionalization was formed by two Japanese-Chinese documents, the first of which was the Tangu Armistice Agreement of May 31, 1933. According to its terms, the hostilities that began with the Manchurian incident were stopped on both sides, a 100-kilometer demilitarized zone was established south of the Great walls from Beijing to Tianjin, the Japanese side took on the role of security guarantor, forming a civilian force to maintain order. On the eve of this, on February 22, 1933, against the backdrop of the already completed separation of not only Manchuria itself, but also the province of Rehe, in order to calm the Chinese leadership and get it to withdraw its troops from the disputed territories, the Japanese side declared that there was no danger of war in Northern China. The Japanese military set as its goal the creation of a neutral zone on both sides of the Great Wall in order to minimize the likelihood of military operations in the region. Japanese Foreign Minister Kosai Uchida declared that there would be no war until the Chinese attacked the Japanese garrisons in Beijing and Tianjin⁶⁰⁰. As a result, by the end of July 1933, in accordance with the terms of the Tangu Armistice a number of northern regions of China were demilitarized⁶⁰¹. Precautions similar to those in the demilitarized zone were carried out by the army sent to Beijing, where Chinese special police officers monitored all suspects in entertainment venues and on the streets.

In October 1933, the command of the Kwantung Army and military formations stationed in Tianjin held a meeting to discuss the implementation of specific measures to implement the principles of the Japanese Foreign Policy Doctrine, and in April 1935 a specific plan was approved. In May, the Japanese side began active operations, provoking an incident in which the losses on the Chinese side amounted to 1,000 people. The Japanese gave China an ultimatum and attempted to break the Tangu Agreement, which forced the national government in Nanjing to send

⁶⁰⁰ Peace overtures // The Straits Times. 1933. Feb. 22. P. 17.

⁶⁰¹ Neutral zone // The Straits Times. 1933. Jul 24. P. 11.

representatives led by the Minister of War and the commander of the army in North China General He Yinquin for negotiations. As a result, a second agreement was signed, which went down in history as He-Umezu, as a result of which there was not only a change in the governor of Hebei, but also the loss of all control levers by the national government of this important province, which was preceded by a series of incidents provoked by the Japanese.

On May 29, 1935, representatives of the Kwantung Army and Manchukuo put forward a list of demands to the Chinese authorities in Beijing, Tientsin and Hebei. First, stop using Beijing and Tianjin as a springboard for anti-Japanese and anti-Manchu policies; secondly, the declaration of the national government of China as a troublemaker, including the threat of ending the status of the demilitarized zone, as a result of which the areas included in it could be occupied by Japanese troops. General He Yinquin met these demands, changed the composition of the Chahar administration, and on June 19, Song Zheyuan was relieved of his duties as governor⁶⁰². He was succeeded by the civilian commissioner of Chahar, Qing Dechun, who had already taken steps to resolve the incident with the Japanese army. Another important appointment was that Wang Kemin, former finance minister of the Beiyang government (1917–1918) and future head of the Provisional Government of the Republic of China (1937–1940), became acting chairman of the Beijing Political Council⁶⁰³. Thus, after a short time, without military strikes or shots, the participation of foreign observers, the Japanese achieved acceptance by the Nanjing government of their conditions.

As for the organizational side of institutionalization, before building their own institutions, the Japanese side needed to weaken the Chinese ones, as well as secure itself from foreign interference. Therefore, the negotiations of the Chinese side with Doihara were deliberately deadlocked⁶⁰⁴, followed by an administrative "leapfrog" with the change of heads of regions and cities⁶⁰⁵, the essence of which was to reduce

⁶⁰² Suspense in China // *The Manchester Guardian*. Jun. 14. 1935. P. 9.

⁶⁰³ China meeting demands // *Ibid.* Jun 19. P. 11.

⁶⁰⁴ Deadlock in Chahar // *The Observer*. 1935. Jun 23. P. 18.

⁶⁰⁵ Japan's hold on North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 8. P. 14.

the still significant control of the government in Nanjing over Northern China and, accordingly, increase the influence Japanese military. Against this backdrop, the situation in Beijing continued to be tense, with reports of evacuations of individuals and businesses undertaken from Beijing to the south. State and municipal employees received the necessary instructions, schools and universities - an order to close and dismiss students from home, foreign exchange and silver sales were suspended, thousands of people were ready to flee to the south⁶⁰⁶. Foreign diplomatic missions expressed their concern that hostilities could unfold on the streets of Tianjin and Beijing, despite the fact that they had the necessary minimum military for their own protection: at the disposal of the British Mission, which, under the terms of the Boxer Peace Agreement, was located only in Beijing and was absent in In Tianjin or other cities, there was the 2nd battalion of the Worcestershire regiment, the French had 1,500 soldiers, the Italians had 300 soldiers in Tianjin, the Americans had 800 infantrymen also in Tianjin and 500 marines in Beijing⁶⁰⁷. The Americans were intent on withdrawing the infantry regiment stationed at Tianjin in order to get ahead of the Japanese demand to do so.

At the same time, the US Senate Foreign Affairs Committee began to examine the issue of Japan's violation of the Kellogg Pact, or Nine Power Treaty. On June 17, 1935, a statement was made that Manchukuo's "open door" policy had backfired: government monopolies were established on many activities, including oil production, in connection with which large American companies began preparations for the withdrawal of their assets from the region and business closure⁶⁰⁸. British Foreign Secretary Samuel Hoare made a statement in the House of Commons, recalling the Nine Power Treaty, to which Japan was also a party. The powers agreed to respect the territorial integrity and independence of China, but Japan put forward a second set of verbal demands: the removal of the troops of Yu Xuchang (former governor of Hebei) and two divisions of the national army from the region, the

⁶⁰⁶ The Japanese program // *The Observer*. 1935. Jun 16. P. 24.

⁶⁰⁷ Chinese government undecided // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun 14. P. 13.

⁶⁰⁸ Kwantung army discover two more "incidents" // *Ibid*. Jun 18. P. 6.

suppression of all anti-Japanese speeches and the prohibition of the Kuomintang party on the territory of Hebei. The Chinese government agreed to these demands. To confirm this, the Japanese ambassador to the United States, Saito, even made a statement that the situation in North China would not adversely affect American commercial interests⁶⁰⁹. It seemed that the crisis in the region was over, as the Japanese Prime Minister reported to the Cabinet.

However, on June 11, 1935, Colonel Takahashi demanded from the Chinese side that these agreements be immediately confirmed in writing. Further, the demand was made that it was the Japanese army that should proceed with the appointment of provincial and municipal authorities in Hebei, thus creating a demilitarized zone from Northern China under the control of the Japanese authorities. And, finally, conditions were announced regarding control over the situation on the border of Chahar and Shanxi, which would put at the disposal of Japan a number of large coal basins in the Shanxi region, as well as control over the railway from Datong to Beijing, in the management of which she already participated at that time moment⁶¹⁰. These demands were rejected by China, in connection with which tensions arose again in the region. The reason why the Chinese side was in no hurry to agree to a written confirmation of the conditions of the Japanese military was that there was a fear that Japan intended to replace the Tanggu Armistice Agreement with it. Such a strange behavior of a high-ranking military official, which runs counter to the statement of another, civilian, representative of Japan, looked more than strange, especially against the background of information that the command of the Kwantung Army was against giving the Japanese diplomatic mission in Beijing the status of an embassy.

The above instances of divergence in the positions of the Japanese military and diplomatic departments were a feature of the recent policy of Foreign Minister Koki Hirota, which clearly differed from the less thoughtful methods of the military. But knowledge of Japanese history shows that perhaps the differences between the

⁶⁰⁹ Chinese still hesitate to sign Japanese agreement // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun 17. P. 12.

⁶¹⁰ Crisis in the Far East // *The Observer*. 1935. Jun 16. P. 17.

military and civilians were much more significant than it might seem at first glance. Although Hirota achieved some success in China, and the Nanjing government was too weak to continue the fight, China did not give up, which raised the question of whether to continue the relatively peaceful policy on the continent, when a little military pressure could achieve everything that was needed in the present moment? There was even a common saying: there were many cases when the army began to act without the knowledge of the government, but there was not a single case when such an action would not find support from the Cabinet⁶¹¹. Yes, and Doihara did not express a unanimous opinion on Japan's policy in northern China. His idea of subjugating all the occupied territories of the Kwantung Army clashed with the more moderate position of other politicians. Public opinion, on the other hand, was inclined to believe that the Chinese authorities had gone too far in terms of indulging the invaders⁶¹², however, resistance at this stage could only aggravate the situation of the Chinese.

Therefore, from now on, Japan's policy boiled down to the fact that, firstly, recognizing the presence of trade and political interests of other powers in the region, a collective system of influence on the processes in the Far East, the so-called "non-Asian powers for the East", was not allowed. Secondly, Japan was determined to continue acting unilaterally in China, and was not going to enter into any agreement with other powers that did not recognize her political primacy in this part of the world. That is why any negotiations by the Western powers regarding China and assistance to it caused a lightning negative reaction from Japan, since Japanese resources were insignificant, compared with those from Great Britain and America. And Japan intended to realize its economic interests in China through the development of a supply chain of Chinese raw materials for Japanese industry. Japan at that time had a significant share in the economy of Northern China, estimated at 183 million yen. Third, Japan's insistence on naval parity with the West was an integral part of that country's East Asian policy.

⁶¹¹ Japan moves again // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun 11. P. 8.

⁶¹² Japan Insists // *Ibid.* Jun 13. P. 8.

At the same time, Japan denied that there were plans to restore Pu Yi as emperor in Beijing. On the contrary, from that moment on, there is a clear intention to organize a buffer zone from Shandong, Hebei, Shanxi and Chahar as a separate political unit and between Manchukuo and China⁶¹³. Since that time, the idea of creating a number of controlled regimes in territories with a predominantly Chinese population, whose administrations would accept the proposed conditions, as was done within the framework of a similar regime in Shanghai, has taken on tangible features, and the Japanese side has begun to implement it, acting subtly and neat.

At the first stage, General Doihara, in an attempt to alleviate the situation, expressed deep satisfaction with the steps taken by the Chinese authorities of the Hebei government in response to Japanese demands. Such a soft position could be the reason that Song Zheyuan still had 30,000 well-armed soldiers of the Chahar army at his disposal⁶¹⁴. On June 28, Doihara made an attempt to occupy Beijing using the troops stationed in Fengtai and equipping them with two armored personnel carriers, but the plan failed because the national troops stationed in the city reacted quickly and repelled the attack.

On June 30, 1935, some Japanese news agencies in Shanghai reported that information had been received from Beijing that the authorities in North China had asked Major General Doihara to appoint a Japanese adviser in military, political and economic matters for Hebei, Shanxi, Shandong and Chahara. General Doihara said he had a suitable candidate⁶¹⁵. The Japanese side launched rumors that the Chinese forces, represented by irregular troops under the command of Liu Kweitang and General Tang Yulin, who took command of the so-called national army, created an alliance and are now advancing on Beijing, and other generals are moving to their side. Simultaneously, the formation of paramilitary bandit groups was observed, which were reported to be funded by insurgent forces in order to create unrest in Chinese-controlled areas⁶¹⁶.

⁶¹³ Japan's role in China // *The Observer*. 1935. Jun 16. P. 24.

⁶¹⁴ North China as protectorate // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun 22. P. 17.

⁶¹⁵ Japan and North China // *The Observer*. 1935. Jun. 30. P. 25.

⁶¹⁶ Peitaiho threatened by huge bandit army // *The Straits Times*. 1933. Sep. 23. P. 11.

At the second stage, General Doihara organized a propaganda trip to the northern provinces, during which he prepared the ground for promoting the idea of autonomy, which he reported to the command of the Kwantung Army on September 29, 1935, arriving in Manchukuo. In his statement, he said that he considered the establishment of an autonomous administration covering the five provinces of North China as a measure that would greatly facilitate the restoration of peace and order. The space began to acquire tangible features.

At the third stage, a strategy was formulated for turning North China into a Sino-Japanese cooperation area - a financially and administratively autonomous region, which was reflected in the decision of the meeting of the Japanese military command held in mid-October 1935 in Dalian. Taking into account General Tada's recent statements, some Chinese military leaders, who benefited from the transfer of income from the Tianjin customs to an autonomous existence, have already spoken out in favor of the development of events according to the described scenario. Representatives of the foreign policy, maritime and military ministries, as well as the Japanese ambassador, expressed their intention to come to Nanjing to convince the Chinese government, even under the threat of military action, to abandon Western aid in favor of Japanese aid in the form of investment for the development of railways, mining and industry⁶¹⁷, however, quickly losing faith in the proposed method, they preferred to act differently. On October 22, there was provoked *casus belli*, when the farmers of one of the counties of the Hebei demilitarized zone, 40 miles from Beijing, rebelled and demanded autonomy, within which it is necessary to organize their own judiciary and the abolition of new additional land taxes. The uprising, according to British sources in Tianjin, was orchestrated by two Japanese agents from Beijing with the active assistance of Japanese civilians. The initiators found convenient participants in the action of defiance in the face of farmers suffering from excessive taxes. Attempts to put down the rebellion by force were immediately thwarted by the Japanese army, which pointed out that the presence of

⁶¹⁷ Japan's ambitions in China // The Manchester Guardian. 1935. Oct. 18. P. 12.

Chinese troops in the demilitarized zone would violate the 1933 Tanggu truce and thus threaten peace in the Far East. Similar riots broke out in the following days in a number of other counties, which managed to create a general sense of insecurity and autonomy as the only way out of a similar disastrous situation for ordinary residents.

The fourth phase began in early November, when Doihara returned to North China with the task of forging a sustainable drive for autonomy. The first task was to find a leader on the Chinese side who would be willing to work with the Kwantung Army. Unfortunately, for Doihara, the number of such people was very small. General Shang Chen was "tested" in November, the result was unsatisfactory, and he withdrew with his troops from North China. The governor of Shanxi, General Yan Xishan, and the "Christian general" Feng Yuxiang, who baptized his troops with water from rubber hoses, were "knocked out" from the hands of the Japanese by the Chinese government, which invited them to Nanjing and thereby seized the initiative at the very last moment. General Feng was glad to leave Taishan Monastery, where he wrote poetry, and decided to settle in Nanjing. The governor of Suiyuan, Fu Zuoyi, already had successful experience in fighting the Manchu army. Thus, there was practically no one to choose from. General Yin Zhugeng is one of the few who found it expedient to "cooperate" with the Kwantung Army, but he served as the administrator of the demilitarized zone and the Japanese side had other plans for him. According to some reports, Marshal Duan Qizhui received an offer to head the new political unit, who refused it⁶¹⁸. Thus, the choice of Doihara finally fell on General Song Zheyuan, whose resignation from the post of governor of Chahar in the summer of 1934 was sought by the representatives of the Japanese side themselves. At the insistence of the Japanese side, on November 15, 1935, Song Zheyuan was appointed commander of the Beijing-Tianjin region with a significant expansion of powers⁶¹⁹. At the same time, 3,000 Japanese troops, including an armored train and a cavalry regiment, arrived from Jinzhou and set up headquarters

⁶¹⁸ Japanese ultimatum to China expires to-day // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 20. P. 9.

⁶¹⁹ Japanese tactics in N. China // *Ibid.* Nov. 16. P. 10.

in Shanghaiguan. In an interview, the Japanese military spokesman denied any allegations of an attempt to cross the Great Wall, but the arrival of General Doihara in the area indirectly confirmed the likelihood of important political changes in North China soon.

Doihara's plans seemed to be proceeding according to schedule, and on November 16, it was announced in the press in Tokyo that in 4 days, the 5 northern provinces would declare autonomy⁶²⁰. This information was discussed from different positions by the world media. Serious concerns were expressed by the Soviet press, back in June making a confident forecast of developments on the continent and tirelessly reporting on Japan's plans for new conquest campaigns, which, as time will tell, were fully justified. Thus, the newspaper *Pravda*, as the main organ of the Communist Party, accused Japan of plans to create a new empire from Manchukuo, Northern China and Inner Mongolia and use it as the basis for more extensive conquests. The Japanese militarists, *Pravda* asserted, had been planning everything for a long time and were now advancing at full speed into Northern China. As said, the program is divided into three parts, the first of which includes the occupation of Manchuria, North China and Inner Mongolia; the second is the occupation of Central China; the third is an advance deep into the continent after the Japanese troops strengthen their positions in the newly occupied territory⁶²¹. An analysis of the development of events shows us that this forecast came true exactly, and the plans of the Japanese occupying forces were focused precisely on these areas.

The Chinese press was also not optimistic. On November 13, Chinese news agencies reported that it is likely that a vast area in northern China could be declared an autonomous state similar to Manchukuo as early as next month. One evidence of this was the sharp dumping of Chinese money and the purchase of the yen when the Chinese currency collapsed⁶²². At the same time, some sources said that information

⁶²⁰ *Ginsbourg MJ* North China "autonomy" // *The Washington Post*. Feb. 1936. 28. P. 9.

⁶²¹ *New Chinese Empire* seen // *The Los Angeles Times*. 1935. Jun 17. P. 3.

⁶²² *New China state* seen // *Ibid*. Nov. 13. P. 3.

on the establishment of a separate government of North China, independent of Nanjing, may be premature⁶²³: the presence of a Chinese military contingent in Henan was confirmed to suppress Japanese attempts to put pressure on the authorities of a number of Shanxi and Suiyuan provinces, which were not ready to join to Hebei, Chahar and Shandong into a federation proposed by the Japanese.

In response to the emerging opposition to plans for the autonomy of the north of the country, Japan declared its readiness to prevent any Chinese interference with the autonomy movement in North China⁶²⁴. This process looked similar to the Manchurian events of three years ago, the only difference was that the claimed territories turned out to be richer and more densely populated. Most of them were in the demilitarized zone, and Japan announced that any maneuver that threatened it would be regarded as a violation of the Tangu Agreement. The Japanese side stated that the structure of the new North Chinese government has already been determined by the declaration of independence, the adoption of which is expected in the near future, and the main task will be to create a safe zone, improve the financial system, etc.⁶²⁵

According to Reuters, British observers opined that Japan's movement in North China was driven by a desire to hurt China's financial fortunes and also deal a decisive blow to Nanjing's authority before North China felt the effects of the new regime. The national currency, as well as the financial reform carried out not so long ago by the government of Nanjing, have retained their effect on the territories occupied by Japan. The opinion was also expressed that the so-called political allegiance to the new regime of Nanjing, while nominally preserving the integrity of China, would remain only a formality, since it was incompatible with the financial autonomy being built by the occupying forces.

The situation reached the international level when British Ambassador Ronald Lindsay visited the US State Department and discussed the situation in North China

⁶²³ North China rift banned // *Ibid.* Nov. 17. P. 2.

⁶²⁴ Japan hurls war threat // *Ibid.* Nov. 18. P. 3.

⁶²⁵ A new Manchukuo // *The Los Angeles Times.* 1935. Nov. 19. P. 4.

with Deputy Secretary of State W. Philipps, although W. Philipps himself later said that R. Lindsay had not presented anything official⁶²⁶. Foreign diplomats referred to informal conversations with Japanese Ambassador Shigeru Kawago, who called for independence for the northern regions and the creation of a Sino-Japanese anti-communist front. To this, in particular, the French ambassador to China unofficially stated that this proposal by Japan was tantamount to open opposition to the French-Soviet military pact, which was concluded some time ago⁶²⁷.

On November 19, 1935, official confirmation appeared that Major General Doihara was negotiating with local Chinese authorities to create an autonomous region in North China. The Japanese military authorities issued an ultimatum to the Chinese government, with a decision time limit of November 20 at 4:00 GMT. Japan demanded the establishment of an autonomous government in North China. In case of refusal, it was supposed to advance to Beijing the forces concentrated at the Great Wall. It seemed unlikely to the Beijing public that the Central Government would be able to put up a decent resistance in the north, but it had sufficient forces in Henan province. The general consensus was that the region should either tacitly accept the demands of the Japanese military authorities or face a "killing war"⁶²⁸.

In this regard, a local meeting was organized, which was attended by General Xiao Cheng and the governor of Chahar. He told Chinese reporters that the 5 northern provinces will announce their new status after the Kuomintang Congress agrees to conditions under which Japan will not interfere in the internal affairs of North China and invade this territory, remain subordinate to the Central Government, but all organs of state the authorities will have to be replaced with the participation of Japanese advisers.

Given the not-so-rich choice of either accepting Doihara's terms or an immediate military invasion of North China, the Chinese side, represented by the governor and several military men, resigned themselves to declaring an autonomous

⁶²⁶ Japan's move // *Malaya Tribune*. 1935. Nov. 20. P. 11.

⁶²⁷ Monarchy again in China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Oct. 19. P. 9.

⁶²⁸ Japanese ultimatum to China expires to-day // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 20. P. 9.

regime within the next few days. It was stated that the attempt to buy time was not successful due to the lack of any clear answer to their telegrams to the Nanking government, and in this situation a bad peace turned out to be better than the threat of the complete loss of Northern China.

In addition, the early adoption of a decision in favor of autonomy was facilitated by the putting on alert of large military formations in the area of the city of Shanhaiguan and the dispatch of additional troops to all the main passages along the Great Wall. Reports from the capital of Manchukuo confirmed the readiness of the Japanese army to resist any attempt to interfere in the creation of new political structures in the north from Nanjing. Experts confirmed that most likely the Central Government troops, which by then were concentrated along several railway lines, would not take any military action north of the Yellow River.

The Japanese army, represented by General Doihara, wishing to increase the effect, announced that it could send 11 divisions to North China at dawn on November 20 if the Chinese leaders in the north did not declare the creation of an autonomous state. The command of the Kwantung Army was ready to move 5 divisions to Hebei and 6 to Shandong. If the proposal for autonomy is rejected, then the Japanese side is ready to annex Northern China and add it to Manchukuo. This information was confirmed in his appeal by Song Zheyuan, whose candidacy as the head of the autonomy was agreed upon by Nanjing on November 7.

The new autonomous regime was declared subordinate to Nanjing, while forming a federation consisting of five provinces (Hebei, Shandong, Shanxi, Chahar and Suiyuan), three special municipal regions (Beijing, Tianjin and Qingdao) and, possibly, an area that would include a demilitarized zone on border with Hebei and Chahar. Beijing was declared the administrative center, and the main task was to confront the communist threat. An autonomous government was supposed to be formed, dependent on the Japanese army through Japanese advisers, similar to Manchukuo⁶²⁹. Japanese advisers were to be appointed without the participation of

⁶²⁹ Japanese army prepared for invasion of North China // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 1.

Nanking and to assist each Chinese official, as was the case in Manchuria. With the exception of General Xiao Cheng's statement, all information about anticipating autonomy in North China came from the Japanese side.

The people in general had little desire for secession, while the officials showed great determination to break off relations with the center due to revenues that could be redirected from the postal service, salt deposits, silver reserves and customs duties⁶³⁰, despite the fact that the Japanese side did not declare this, and, as experience showed, did not strive for this. As a result, the greed of local collaborating officials won over common sense.

By this time, the Japanese had already concentrated their troops in Shanhaiguan - the passage between Northern China and Manchuria, and were also ready to march on Tianjin and Beijing. It was announced that the new state would be governed by an autonomous council, with General Song Zheyuan being considered for its chairman. The new regime must remain fully independent in civil, military and financial affairs. Chinese civil servants received assurances that they would remain in their positions, and the Japanese army was to control a proposed autonomous state⁶³¹ in North China, with a Foreign Ministry official reassuring the public that North China had no intention of declaring independence. Japanese advisers were expected to take key positions in the emerging autonomy, along with the official appointment of the commander of the Beijing-Tianjin garrison, General Song Zheyuan, with the broadest powers, designed to do everything possible to prevent the separation of this region from Nanjing.

The confidence of the Chinese side was partly due to the assumption that the Japanese army would move carefully, using the experience gained in creating Manchukuo, and not upset the normal economic relations in the region with its aggression⁶³². As early as late 1932, Japan's foreign debt was estimated at \$3.5 billion at a yen-to-gold ratio, the largest debt in national history, and the finance

⁶³⁰ "Autonomy" in N. China. Japanese terms. Acceptance or invasion? Anti communist _ pretexts // The Times. 1935. Nov. 22.

⁶³¹ *Dudin P. N. Avtonomnoe gosudarstvo kak politicheskaya kategoriya i instrument strategicheskogo prisutstviya / P. N. Dudin // Polite`ks. 2020. T. 16. № 1. S. 40–57.*

⁶³² Japan forces rule on China today // The Washington Post. 1935. Nov. 20. P. 1–2.

department was drawing up a plan to borrow approximately \$200 million soon to make ends meet on end of the fiscal year. The heavy burden for Japan, the acute shortage of resources - all this pointed to the failure of new military campaigns, which could be paid in the long run, but whose cost price seemed very burdensome for the country⁶³³. Therefore, Japan, represented by the Ministry of Foreign Affairs, was extremely interested in stabilizing the economic situation and, through its diplomatic channels and the ambassador in China, took the necessary steps to this end.

The Japanese side, in turn, sought, firstly, to strengthen its presence in the Mongolian regions, intending to include Chahar and Suiyuan in its zone of influence, as well as to remove any political or public organizations from Beijing due to the fact that they could potentially interact with patriotic bandits who flooded the areas of Manchukuo bordering China and were almost elusive for the Japanese military. Many problems were created by the Chinese military and officials who went over to the side of the Japanese, not submitting to them in full. Another task was to gain a foothold not only in the central provinces, but also in rich regions south of the Yellow River⁶³⁴. This was necessary in order to stop the penetration of communist groups from Sichuan and Gansu.

The Japanese press has already announced autonomization northern provinces of China. It seemed that when solving all the problems, nothing could prevent the implementation of the plan conceived by Doihara, but on November 20 it happened: Japanese Ambassador Akira Ariyoshi left for Nanjing, where he had to solve an important task - to ensure the preservation of the face of the Nanjing government in connection with the events in the Northern China. Everyone was aimed at ensuring this task, including the command of the Kwantung Army, which changed the rhetoric to a relatively peaceful one⁶³⁵. Ariyoshi had a 4-hour conversation with General Chiang Kai-shek. What happened at the meeting will probably never be known, but

⁶³³ Another bite of China? // The Los Angeles Times. 1932. Dec. 22. P. 4.

⁶³⁴ "Autonomy" in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // The Times. 1935. Nov. 22.

⁶³⁵ Nanking's attitude. Attempts to find a formula // The Times. 1935. Nov. 22.

immediately Nanjing's secret orders were rushed north. Foreign experts believed that the failed proclamation of autonomy could not be explained by a simple last-minute resignation of two of the five Chinese provincial governors, who formed the core of North China's political elite. There was no attempt to put pressure on them, including through the threat of the use of armed forces. The Kwantung Army Command also could not suddenly refuse to support its representative, but it was assumed that during the conversation, Ariyoshi proposed a compromise plan on the North China problem that would allow the Chinese National Government to maintain a significant degree of power in the five northern provinces and confirmed that Tokyo would not support the Major General Doihara.

The practice of relations between the civil and military administrations that had developed at that time testified that the Japanese government, although it often disagreed with the policy of the Kwantung Army command, rarely interfered in its decisions, much less real steps that had begun. And it seemed even more strange against the backdrop of the recently held coordination conference of representatives of Japan, Manchukuo and North China in Dalian⁶³⁶. The Japanese press assumed that an autonomous regime would be formed only within the borders of Hebei and Chahar, and the temporary suspension of the autonomization process was caused by the fact that Chiang Kai-shek persuaded some military leaders of the north to postpone its announcement. At the same time, the Japanese side, represented by the military, foreign policy and financial departments, would insist on China following three basic principles: first, in matters of cooperation, give priority to Japan to the detriment of the Western powers; second, recognize the autonomous regime in North China; thirdly, allow Japanese suppression of communist activities in North China⁶³⁷.

This plan was presented by Ariyoshi during a conversation with Chiang Kai-shek, who immediately organized consultations with his supporters on this issue in

⁶³⁶ A Check in North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 21. P. 8.

⁶³⁷ Japanese hopes dwindling // *The Observer*. 1935. Nov. 24. P. 22.

Tianjin⁶³⁸: an instruction was received from Ningking, within the framework of which Song Zheyuan left Beijing for Tianjin. Other generals followed suit, as did the governors of Shandong and Hebei⁶³⁹. After consultations, General Shang Chen "caught a cold" and did not meet with Doihara. A day or two later, he fell victim to another "disease" - gas stove poisoning, which forced him to go to the hospital. General Han Fuchu, governor of Shandong province, has indefinitely postponed his trip north due to "heavy fog" that made the flight to Beijing dangerous. General Song himself disappeared. According to the Japanese, General Yan Xishan left Shanxi to Nanjing in exchange for \$6 million and a monthly allowance of 700,000. Song Zheyuan called a conference in Tianjin for his command staff, as reported by the *Asahi Shimbun*. Among the topics discussed were the results of the negotiations, the cessation of the anti-Japanese campaign, the recognition of the special status of Northern China and the independence of Manchukuo⁶⁴⁰. Thus, by his actions, Chiang Kai-shek overnight destroyed the brilliant scheme of Major General Doihara, who was forced to leave Beijing⁶⁴¹ and return to the north, switching to a policy of information warfare.

On November 21, 1935, the mass media became aware that in the process of declaring autonomy there was a hitch related to the negotiations that were organized between the Japanese ambassador Ariyoshi and Chiang Kai-shek. The military forces of the Kwantung Army were put on alert, and the Japanese military command hastened to declare that negotiations were out of the question. According to Chinese media, Chiang Kai-shek informed Ariyoshi that the Central Government was ready to take "appropriate measures" in the event of unexpected developments in North China, however, it was not explained what action he had in mind.

At the same time, information appeared, immediately refuted by the Japanese side, that General Doihara would soon take up a new position in Japan as a punishment for the fact that he did not have official authority to autonomize North

⁶³⁸ British foil China coup // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 22. P. 3.

⁶³⁹ A sudden change in North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 21. P. 9.

⁶⁴⁰ Lull in North China // *Ibid.* Nov. 23. P. 17.

⁶⁴¹ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

China. Slowed down and local leaders, who, albeit briefly and not seriously, but thought about getting out of control of Nanjing. Despite Japanese reports of the popularity of the idea of the movement, both politicians and ordinary citizens showed indifference, which once again gave them reason to judge that General Doihara nevertheless exceeded his authority in an attempt to solve the problem by the chosen methods, and they are now with looking forward to the impending retribution.

The Japanese representatives in Tianjin denied these speculations. First, they explained that General Doihara is trying his best to help the leaders of North China in connection with the formation of an autonomous regime, and if the government in Nanjing does not oppose this process, then Japan and China will be bound by friendship with this regime, which is reinforced by common goals in the fight against communism. Second, they disproved the possibility of North China having its own currency⁶⁴².

A spokesman for Song Zheyuan in Beijing said the declaration of an autonomous regime in territories including Hebei, Chahar, Beijing and Tianjin has been delayed by a week due to sudden changes in Sino-Japanese talks in Nanjing. Chahar Governor General Zhang Zuchong, Beijing Mayor Qing Dechong and Tianjin Mayor Cheng Guo confirmed their participation in the process, and Song Zheyuan himself declared martial law in Tianjin on November 23, 1935⁶⁴³. Chiang Kai-shek telegraphed an order to terminate negotiations in Beijing and Tientsin with General Doihara. In turn, the Japanese Ministry of Foreign Affairs proposed a direct connection between Tokyo and Nanjing similar to that between Nanjing and Guangzhou⁶⁴⁴. Due to the circumstances, the day appointed for the declaration of autonomy for the five provinces of North China passed without any political events or excesses.

⁶⁴² Hope and anxiety in China. A waiting the next move. General Doihara's position // The Times. 1935. Nov. 22.

⁶⁴³ New tension in China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 25. P. 12.

⁶⁴⁴ Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1-2.

Contrary to the optimism of the Japanese Foreign Ministry, the military command was annoyed that the process of declaring autonomy in Northern China was being delayed. The failure was attributed to the reluctance of the Chinese military leaders to join the proposed plan, in turn, Japanese sources blamed the Nanjing government. Japanese military officials in Tianjin have expressed their concern that the autonomy movement is turning into a personal dispute between Chinese leaders, and if such intrigues disrupt the peace of North China, then the Japanese army may be forced to take control of the territory. A similar stance was taken by Japanese Minister of the Army Yoshiyuki Kawashima, who stated that if the Nanjing government sent troops to North China to try to suppress the autonomy movement, such a move would have serious consequences⁶⁴⁵.

The movement of the Japanese army was noted near the Great Wall, which coincided with a new stage of agitation for the autonomy of North China. Chinese sources expressed concern about this and pointed to a concentration of Japanese cavalry and infantry troops 70 miles north of Beijing⁶⁴⁶. In Beijing itself, the leaders of public and private universities, directors of libraries and other cultural figures, in response to the information about the intention to proclaim autonomy, signed a circular telegram addressed to Chiang Kai-shek, declaring that they were categorically opposed to any movement aimed at trying to remove any region of China from under the jurisdiction of the Central Government. The Ministry of Foreign Affairs in Nanjing cabled a message to all Chinese diplomats abroad, signaling that Nanjing would never tolerate any movement for autonomy in the north or anywhere⁶⁴⁷.

Anticipating developments in other provinces, the Minister of War, among other things, a graduate of the Tokyo Military Academy, General He Yingqin left Nanjing, and on November 30 went to participate in negotiations with the Manchurian Lawrence. Major General Doihara told a Reuters correspondent in

⁶⁴⁵ China hitch vexes Japan // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 21. P. 3.

⁶⁴⁶ Japan's policy in North China splits cabinet // The Washington Post. 1935. Nov. 23. P. 1–2.

⁶⁴⁷ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // Ibid. Nov. 25. P. 1–2.

Beijing before the meeting that he had set himself the task of winning a huge piece of territory for Japan without military action. He intended to fight through diplomacy, since he had already had successful results in such battles.

The first meeting featured numerous ups and downs with Chinese generals and dramatic long-distance telephone conversations with their advisers that ended in a compromise, thus giving Nanjing a moral victory: the Japanese retained only two provinces⁶⁴⁸. The Chinese side positioned the actions of the Japanese military to declare autonomy as the inability of the Japanese government to control its military leaders, which was again demonstrated by the capture of strategic railway centers in North China. Just a week earlier, General Doihara had said that Tokyo had not given him any authority to create an independent state in the area of the Beijing-Tianjin railway, and the Foreign Ministry denied that Japan had provided assistance to the "autonomy movement".

However, as usual, the military leadership found a pretext to preempt a peaceful resolution of the problem and take a series of actions without the consent of the foreign ministry on the basis of information that empty trains were sent south to transport Chinese troops to the rebel province of Hebei. The army was determined to force the secession of the northern provinces, regardless of the foreign policy department.

The Japanese military attache in Shanghai, Major General Rensuke Isogai, informed Chinese officials that the Japanese army did not approve of Nanjing's program to resolve the crisis in North China, after which Japanese troops, conducting exercises, seized the Chinese warehouse in Fengtai. Thus, it became obvious that Japan could no longer effectively inform the world of its own unambiguous position on this issue, since the statements of its representatives were no longer credible, and its policy was dictated by uncontrolled militarists⁶⁴⁹. Since the issue of autonomization of five provinces of North China at once turned out to be "frozen", the Japanese side switched to the process of gradual autonomization of the region

⁶⁴⁸ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

⁶⁴⁹ Double-dealing with China // *The Washington Post*. 1935. Nov. 30. P. 8.

through individual provinces with significant disagreements between the military and civil authorities.

put pressure on local government institutions to adopt their decision to break off relations with Nanjing. So, on December 21, 1935, confirmation came that the Japanese forces in the Great Wall area had been increased several times. On the other hand, General Doihara, trying to divert attention from a painful issue, demanded I created a Sino-Japanese front against communist influence in Northern China⁶⁵⁰, and already on December 27, 1935, I flew from Beijing by plane to Changchun⁶⁵¹ to consult with the command of the Kwantung Army. Their result is support for separate offline modes.

On January 12, 1936, following Doihara's return from a trip to Changchun, a high-ranking Japanese military officer in Tianjin claimed to have information that the authorities in North China had secretly sent a letter to Nanjing asking them to prepare for armed resistance. Apparently, this was due to the arrival of 9 Japanese military aircraft in Tianjin, bringing the total number of aircraft to 15. During the coming week, a Japanese military conference was expected to be held in the territory of the Japanese concession, where Doihara was supposed to lay out a program of action, approved by the command of the Kwantung Army⁶⁵², but the general failed to bring it to its logical conclusion: on March 2, 1936, it became known that he had received the rank of lieutenant general and was leaving the region. In a final statement to the press on the day of his resignation, the general expressed satisfaction with the situation in northern China, confirming the opinion that the Japanese army had stopped insisting on the separation of the five northern provinces from China and was actively working with the Hebei-Chahar Political Council established in mid-December. Doihara stressed that the Council should keep the collected tax revenues for local needs, and stated that the Central Government had agreed to subsidize the Council with \$1 million a month from the income of Tianjin Customs.

⁶⁵⁰ Japanese Increase Forces Inside Great Wall // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 21. P. 10.

⁶⁵¹ Doihara returns to Manchukuo // The Straits Times. 1935. Dec. 26. P. 11.

⁶⁵² Order for armed resistance // Ibid. 1936. Jan. 13. P. 11.

The Chinese side reported an improvement in relations between the Central Government and the Council after the visit to Beijing of Xu Shiying⁶⁵³, the newly appointed Chinese Ambassador to Japan, who returned to Nanjing on March 2 after discussing the situation in North China with General Song Zheyuan.

Thus, the attempt of the command of the Kwantung Army to repeat the success of Manchukuo and to continue constructing a regional political order by creating a vast buffer zone was not successful. The clearly outlined contours of the new polity being formed remained the contours, despite the well-thought-out plan, which was put into reality until the last moment, the clearly built ideological perspective of the peacekeeping mission, active military support and the loyalty of part of the political elites. Thus, the so-called Region of the Five Provinces as a factor has acquired three of the five features that we identified in Chapter 1 of this work. It turned out to be more difficult to ensure manageability and effective institutions. There were several reasons for this. First, unlike Manchuria, the Five Provinces Region was not a monolithic political, economic, or administrative space: apart from ethno-confessional unity and geographical proximity to other institutions of unification, at this stage, the provinces did not find, nor did the Japanese manage to create them. Initially, a large-scale plan for the autonomization of the region turned out to be untenable, including due to an underestimation of the situation with respect to local political elites, who are not always ready for direct confrontation with the Central Government, and due to an overestimation of the benefits that cooperation with the Japanese side promised. This factor will be taken into account by the Japanese in their further advance deep into the continent. Secondly, the Nanjing government, and in its person the Republic of China, has not yet completely lost the status of a power center and has proved capable of influencing the balance of power. The Japanese underestimated the ability of the Nanjing authorities and Chiang Kai-shek personally to make effective political combinations, but this ability "lived out" in its last days. Thirdly, the Japanese side, represented by official Tokyo, although acting

⁶⁵³ Lull in North China. "Stormy Petrel" to leave. Future of customs // The Times. 1936. Mar. 3.

as the dominant power center and showing the will to impose its conditions on the counterparty, was not consolidated either in its plans for the future of Northern China, or in its foreign policy, or in the ability to ensure managerial unity. among the top leadership of the country. In the next few months, internal political events in Japan will solve this problem in the most radical way. As a result, further work on the formation of a regional political order was built taking into account these miscalculations and mistakes and moved along much less ambitious and large-scale parallel scenarios of two autonomies, which will be discussed later.

3.2. Eastern Hebei regional autonomy in the Demilitarized Zone

The unsuccessful experience of forming the Buffer Region of the Five Provinces was not useless: at the next round of autonomization, the new polity, which went down in history under the name of the Autonomy of Eastern Hebei, received a clear outline and a relatively stable political organization. Hebei Province, which encircles modern Beijing, is a young administrative-territorial unit formed at the end of Qing rule with the name Zhili, while the current name was given to it after the establishment of Kuomintang power in 1928. Proximity to the former capital determined the geopolitical significance of this territory, which explained the increased interest of the Japanese in it. The jurisdiction of the new autonomy not only extended to 22 Hebei counties, most of which were located in the demilitarized zone formed in 1933 after the capture of Rehe, but also, having a de facto extraterritorial status, received guarantees of non-interference in its internal affairs from the Chinese leadership. This was followed by the accession to the regime in Hebei of the territory of four adjacent regions (Xianhuo, Baoti, Changping and Ningho) with a total area of 4 thousand km² and a population of 5 million people⁶⁵⁴,

⁶⁵⁴ An “autonomy” government set up in North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 26. P. 9.

which was carried out on the basis of a demand for its expansion made by the Japanese army back in October 1935 in addition to the Tanggu truce. The total area of the zone has now expanded to 10,000 km². It turned out to be easier to turn the annexed territories into a demilitarized zone, since the Tanggu truce was a military cessation of hostilities, not an international treaty⁶⁵⁵, and did not require lengthy intra-state conciliation and approval procedures. And although in comparison with the Region of the Five Provinces with a population of about 9.5 million people, the new project looked much more modest, it was of great strategic importance: the Chinese troops, indeed, lost the opportunity to enter there in accordance with the terms of the 1933 Tanggu armistice. Thus, it could not be liquidated by military force, and Japanese troops could not be forced out of it without the consent of the Kwantung Army⁶⁵⁶.

Statement by Japanese Ambassador Akira Ariyoshi about General Doihara's lack of support from the top political leadership, refusal to meet with him by some local Chinese leaders and termination of negotiations with him by Chiang Kai-shek, his hasty departure from Beijing and informational stuffing about his change of place the services that took place in the first 5 days after the failure of the autonomization plan of the Five Provinces Region were not in vain for such an experienced strategist. In response to opposition to his plans both by the Chinese leadership and on behalf of the Japanese Foreign Ministry, Doihara had already organized a speech by General Yin Zhugeng with a statement on the formation of the Autonomous Anti-Communist Council of Eastern Hebei. The conventionally political destiny of this buffer went through three stages of its development, at each of which the Japanese, with the participation of local political elites and often without the use of military force, managed to lay the foundations for an effective model of such polities for the future.

The first stage, the "foundation", lasted from November 1935 to January 1936. At this time, the institutionalization of the new regime was observed, which

⁶⁵⁵ North China // Ibid. Nov. 26. P. 8.

⁶⁵⁶ Autonomy regimes to be merged ? // The Straits Times. Feb. 1936. 11. P. 11.

was much more intensive and effective than the previous one. On the night of November 24, 1935, ideologues and supporters of the separation of Eastern Hebei from China secretly met at the house of the former governor of Anhui Province, General Shi Yuxiang⁶⁵⁷, where the final stage of establishing control over Hebei was discussed. On the morning of November 24, the future head of the regime, Yin Zhugeng, sent a telegram to the Japanese side with a proposal to autonomize this part of North China, and already at 6 pm published a declaration announcing the formation of an autonomous regime in the demilitarized zone, which from now on, according to him, will be divided into 17 prefectures⁶⁵⁸. In the document, the new political organization was called the East Hebei Anti-Communist Autonomous Council, with the declaration of complete independence and the severing of all relations with the national government in Nanjing. Although the designated zone included the wealthy cities of Beijing and Tianjin, there was no sign that Yin intended to immediately make efforts to capture these economic and political centers: the supporters of autonomy limited themselves to sending telegrams to the presidents of the five northern provinces, urging them to follow Hebei.

In Tianjin, propagandists attempted to distribute leaflets on the streets of the city, in which the Nanjing government was under attack, which provoked skirmishes⁶⁵⁹, so the propagandists posted them only on the night of November 25, 1935. The leaflets appeared information about secession from the Chinese Central Government and claimed that the general Yin was allied with the leaders of the Japanese army and had their support⁶⁶⁰. Later, a system would even be developed in North China whereby many Japanese posing as hired agents of the Japanese army would receive money from local Chinese authorities as the price of refraining from committing riots in favor of autonomy⁶⁶¹.

⁶⁵⁷ Rebel regime in East Hopei // *The Straits Times*. 1935. Dec. 10. P. 19.

⁶⁵⁸ China-Japan: Preparations for Force // *Time*. 1935. Nov. 25.

⁶⁵⁹ Autonomy in N. China // *The Times*. 1935. Nov. 25.

⁶⁶⁰ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // *The Washington Post*. 1935. Nov. 25. P. 1-2.

⁶⁶¹ *Abend H.* Smuggling of silver from China halted // *The Los Angeles Times*. 1936. Jan. 12. P. 4.

The following morning, on November 25, 1935, the inauguration of the Eastern Hebei Autonomous Government took place at the Confucian Temple in Tongzhou. The haste of such an act read very well: the ceremony was not accompanied by any pompous events, and the new political leadership by that time had not even acquired a flag.

The regime was supposed to function under the leadership of an elected head, who also took on the functions of a military leader. The inauguration of officials took place on the same day at the first meeting of the government. In his interview, Yin Zhugeng, as the interim head of the autonomy, said that he was in favor of saving China and added that he intended to work closely with Japan⁶⁶². General Yin was not a random figure. He studied in Japan and married the sister of a major in the Japanese army, acted as an interpreter for Sino-Japanese negotiations during the resolution of the Shanghai incident of 1932, later went north and was appointed, on the Japanese recommendation, commissar of the demilitarized zone. He considered it essential to secure international recognition for Eastern Hebei or else the idea would be smashed by the Chinese military⁶⁶³. The Malaya Tribune of February 26, 1937 published a portrait of the new Eastern Hebei leader⁶⁶⁴.

The government consisted of nine officials, and in everyday life was called the Council of Nine. In its structure, a secretariat, a main office, departments of public security, civil, foreign affairs, finance, construction and education, two bureaus were established: for the control of taxes and railways, as well as several subsidiary bodies. The general secretary was in charge of administrative matters. The Department of Security had jurisdiction over military personnel, provision of ammunition and repairs. The Department of Civil Affairs coordinated the governments of the 22 counties and the municipal public security department as a whole, including the Tangshan Municipal Police, the Shanhaiguan Police, Tanggu, and Beidaihe⁶⁶⁵. Later, the Department of Industry was organized, and the

⁶⁶² No flag raising // The Straits Times. 1935. Nov. 26. P. 12.

⁶⁶³ Notes & Comments. Peace or War? // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 10.

⁶⁶⁴ Mr. Yen Yu Keng Head of the East Hopei autonomous regime, which the Central Government decided to suppress at the Third Plenary Session of the C.E.C. // Ibid. Feb. 1937. 26. P. 13.

⁶⁶⁵ Autonomy regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 17. P. 19.

government itself included the mayor of Tongzhou and the head of the China Customs Regional Cargo Inspection Inspection.

Tongzhou (now - the area of urban subordination) was not chosen as the administrative center by chance. It was this city, and not Beijing itself, that was designated as the capital of the autonomy. On the one hand, it was located near one of the key political centers of the country, on the other hand, it was possible not to risk a possible complication of relations with foreign powers that had diplomatic representatives in Beijing accredited to the Central Chinese government and would certainly turn to the leadership of their states in order to bring clarity to the situation. Small in area, this settlement was well controlled: when the movement for autonomy caused a series of protests, they were all suppressed, the demonstrators dispersed as a result of peace negotiations, and the protesters who threatened to destroy important buildings were detained by the police⁶⁶⁶.

The ideological basis of the new buffer was built in an anti-communist and economic direction: Yin Zhugeng declared that the immediate destruction of all communists would be the primary task of his government program. For this purpose, he ordered the Eastern Hebei county government to keep all revenues (which were usually given to the provincial government), as the county officials would need the money to suppress the activities of the communist gangs. It was also stated that the new regime will support all its sympathizers, regardless of nationality, strive to preserve the legitimate rights and interests of foreign powers in North China, and take all measures to protect the lives and property of foreigners. Religious institutions were now to carry out their activities under the supervision of the administration. In order to strengthen its influence in the region and bring information about the successes of the regime to the population, the East Hebei administration established the East Hebei Weekly News newspaper with the editorial office located in Tangshan⁶⁶⁷, which also testified to the seriousness of the approach in terms of influencing people living in the region masses.

⁶⁶⁶ Swift developments are expected in China // *Malaya Tribune*. 1935. Nov. 26. P. 11.

⁶⁶⁷ East Hopei regime has its own newspaper // *The Straits Times*. 1936. Mar. 17. P. 19.

On December 12, 1935, the Japanese military representative in Tianjin made a statement that Eastern Hebei should remain an autonomous state outside the jurisdiction of the Hebei-Chahar Political Council, which was being created at the same time, which will be discussed in the next paragraph of our work. It followed that not a single part of his income would be transferred to Nanjing, except perhaps a proportionate share for servicing foreign loans. General Yin also said that the administrations of a number of British-owned mining enterprises would pay taxes to the new regime⁶⁶⁸. Thus, a clear economic line was emerging for maintaining the Hebei autonomy under the control of the Japanese, and the powers of the autonomous government in this matter extended to the territory south of the Great Wall of China to the sea and Tanggu, including salt marshes and important sections of major railway lines.

Despite the fact that the rebels did not take any action in connection with their declared plan to seize control of the railway, and the trains, post office and telegraph functioned normally⁶⁶⁹, the interest in the railway connection suggested a transition to more active actions on the part of the leadership of the autonomy in the near future. Thanks to its advantageous position, the new authorities could count on an annual income of \$18 million and an army of 100,000 men⁶⁷⁰. Yin Zhugeng himself came forward with information that the Beijing-Mukden Railway had agreed to pay his government \$100,000 a month to ensure its independence⁶⁷¹.

The dynamics of events, as already noted, was a series of intensive meetings and negotiations, in which the Japanese took the main part, while the Chinese side was not allowed to this process. Thus, Japan embarked on the path of possessing the status of the dominant power center, whose interests were still intended to be represented by General Doihara, who arrived in Tongzhou from Tianjin at noon on November 25, 1935. This step caused irritation and indignation among officials⁶⁷² who expected to manage the created autonomy without obvious interference from

⁶⁶⁸ Chinese resisting Japanese // *Malaya Tribune*. 1935. Dec. 13. P. 14.

⁶⁶⁹ Nanking acts boldly // *The Straits Times*. 1935. Nov. 27. P. 11.

⁶⁷⁰ Autonomy regimes to be merged ?...

⁶⁷¹ Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy" // *The Times*. 1936. Jan. 15.

⁶⁷² No flag raising...

the Japanese, however, they had a different vision of the situation: the Japanese side began to actively interfere in key processes and stated that the separation of Hebei from Nanjing was caused by the disorder reigning in the government of the country by the Kuomintang⁶⁷³, and any decisive action taken against regime of autonomists in the demilitarized zone in Eastern Hebei will mean war with Japan⁶⁷⁴, thereby making it clear that all key decisions in the region will be made with the direct participation of Japanese representatives.

On December 5, 1935, information was received that the settlement of the North China question was in its final stages, but the situation remained serious, since all the processes under study took place against the backdrop of ongoing Chinese military preparations. In turn, the autonomists of Eastern Hebei strengthened their positions in the demilitarized zone: the Council of Nine began to receive income from railways, customs and telegraphs, and to ensure the unity of jurisdiction, the creation of their own law enforcement and judicial system was announced⁶⁷⁵. Thus, Doihara, relying on the local generals, directed all his efforts to create an autonomous buffer state structure, although smaller in size, but in the next 2 years played an important role in international relations and the economy of the region.

Pro-Japanese agitators disseminated information that the autonomists had begun preparations for issuing their own banknotes and postage stamps, which should see the light of day on January 1, 1936⁶⁷⁶. Meanwhile, Yin Zhugeng decided to withdraw all local revenues in favor of the new administration, which was a statement of non-recognition of the agreements reached and disobedience to the authority of Nanjing. Based on this, the experts concluded that Eastern Hebei and the conditions put forward were only part of the Japanese plan to ensure complete political and economic control over Northern China. They also assured that if there was no significant resistance, then this small but important region would be lost to the central Chinese government, which would create a dangerous precedent and its

⁶⁷³ Demand for military action against the North China rebels // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 2. P. 1.

⁶⁷⁴ Four men wanted by police // Ibid. Dec. 5. P. 10.

⁶⁷⁵ East Hopei area of Northern China secedes in coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 25. P. 1–2.

⁶⁷⁶ North China lull // The Straits Times. 1935. Dec. 5. P. 11.

repetition would only be a matter of time for other provinces in the region⁶⁷⁷. Subsequent events showed the correctness of these fears.

Against this background, the Nanjing leadership was clearly and rapidly losing leverage both on the local elites and on its counterparts from Japan, so this circumstance should be considered in more detail. Thus, according to experts' forecasts, Chiang Kai-shek's delay in taking tough measures against the rebel regime in the demilitarized zone in Eastern Hebei threatened with serious consequences⁶⁷⁸, but the Chinese side reacted to these events sluggishly, limiting itself to administrative actions: firstly, the Executive Yuan of the Republic of China ordered to arrest Yin Zhugeng, although there were no real attempts to implement the order; and secondly, a decision was made to abolish the previously existing Military Board of Trustees over the demilitarized zone, the functions of which were transferred to a new body - the Commission on Military Affairs.

It was decided to open a representative office of the Commission in Beijing, and the Minister of War of China, General He Yinqin, was appointed as its head, despite his apparent unpopularity among some military men⁶⁷⁹. General He's opponents even started a rumor that he had already been appointed ambassador to Japan, in connection with which the representative of the Chinese Ministry of Foreign Affairs had to give a refutation⁶⁸⁰. Having received the appointment, the new representative of Nanjing in the region immediately left the capital by plane and flew north to study the situation, which was already developing without the participation of the Chinese side.

Arriving on December 4, 1935 from Baoding to Beijing, General He held a long conference with General Doihara, the result of which satisfied both parties. According to Chinese news agencies, the Chinese authorities accepted some of the proposals of the Japanese command, which intended to form a semi-autonomous government of five provinces on the northern bank of the Yellow River. A

⁶⁷⁷ As You Were // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 12.

⁶⁷⁸ Demand for military action against the North China rebels...

⁶⁷⁹ Ibid.

⁶⁸⁰ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 9. P. 11.

representative of the Japanese military authorities reported that in June 1934, during negotiations between representatives of the Japanese military command and He Yinquin, an oral agreement was reached on allowing Japanese aircraft to fly freely over Hebei⁶⁸¹, which was confirmed. In turn, the former Chinese Foreign Minister Wang Jingwei, who was in Tokyo, on December 4, 1935, had a conversation with Japanese Foreign Minister Koki Hirota and discussed three main points why Japan and China should be friends⁶⁸². This was a landmark moment both in relation to the role that Wang Jingwei will play in the history of his country, and in connection with the arguments that he will use to justify his policies, which we will pay special attention to in the next chapter of our work.

One of Ningkin's most successful decisions on the outbreak of the crisis was the appointment on November 27, 1935 of General Song Zheyuan as the coordinator for achieving peace in the region and his acceptance of the oath in a new status on December 1 of the same year. The delegates of the Fifth Plenary Congress of the Kuomintang immediately sent a joint appeal to him, urging the general to start military operations against the rebels in Eastern Hebei⁶⁸³. However, General Song and Beijing Mayor Qing Dezhong were in no hurry to do this, but decided to take all precautions against uprisings in the former capital. As a result, communication between Beijing and Tongzhou was suspended in order to prevent the appearance of spies in the city, especially since a contingent of 100 Japanese officers had already arrived there the day before.

At the same time, the Chinese side was preparing public opinion on the situation in Hebei. Thus, representatives of private and public schools in Baoding issued a statement accusing Yin Rugeng of treason and expressed the hope that the Central Government will do everything possible to maintain national integrity⁶⁸⁴, and residents of East Hebei temporarily living in Tianjin sent a petition to Nanjing, which urged the Chinese central authorities to take immediate steps to suppress the

⁶⁸¹ Chinese resisting Japanese ...

⁶⁸² Four men wanted by police...

⁶⁸³ Demand for military action against the North China rebels...

⁶⁸⁴ Panic in North China // Malaya Tribune. 1935. Nov. 27. P. 13.

autonomous regime⁶⁸⁵. The local political elite also tried to influence the situation. Thus, Governor of Hebei Shang Zheng attempted to resign due to his inability to prevent the creation of autonomy in Eastern Hebei⁶⁸⁶, but the Central Government urged him to remain in office. As for the more powerful figures, despite a long silence on the part of Feng Yuxiang and his followers, the governor of Shandong Han Fuchu and the governor of Shanxi, General Yan Xishan, they later publicly expressed their loyalty to Nanjing.

The authorities of Tianjin, as well as the population of one of the largest cities in China and the economic center of the country, were in the thick of things. On the day of the proclamation of autonomy, a wave of unrest swept through the city. Autonomist agitators who called themselves the Hebei Self-Preservation Army seized several municipal buildings and resisted the authorities' attempts to expel them from the Tax Administration and the Supreme Court⁶⁸⁷. Hundreds of demonstrators marched through the streets of the city, announcing the demand for the immediate introduction of self-government in Tianjin. According to some reports, 2,000 hired agitators, each reportedly receiving 40 cents for their labors, and leaders - \$ 1 a day - moved to the Police Department, with the aim of capturing. They were brought there by Japanese military trucks, some of the autonomy supporters changed into police uniforms and unsuccessfully tried to enter the building through the back door. Street vendors also made their money by selling autonomist proclamations for 2 cents each⁶⁸⁸. The police, however, managed to win back the Public Security Office, where the provocateurs had already managed to place their people in advantageous positions. The city was in confusion. Thousands of wealthy Chinese fled to foreign concessions. The streets were filled with rickshaws, trucks and cars loaded with women, children and family belongings. All the houses in the British and Japanese concessions were packed with refugees. The

⁶⁸⁵ East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 7. P. 7.

⁶⁸⁶ Nanking acts boldly...

⁶⁸⁷ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1-2.

⁶⁸⁸ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

police allowed some people who had left their homes to camp in public parks⁶⁸⁹. The mayor of Tianjin, Cheng He, sent a message to the Nanjing government stating his intention to resist the independence movement⁶⁹⁰. Thus, the main political figures of the region remained loyal to the Central Government.

Nevertheless, this did not deprive Doihara's plan of constructing a buffer autonomy according to the conceived model, including because the Japanese began to pit local Chinese leaders against each other. Thus, as a measure to resolve the situation, a decision was made to involve the newly created Hebei-Chahar Political Council in this process, and it immediately became obvious that the format of the Council's work was unacceptable for both Nanjing and the Japanese authorities. As the new administration took an active and at times openly pro-Chinese stance, the regime's military commander, General Chong Liangcheng, threatened to revolt against the Hebei-Chahar Political Council if it refused to recognize the Hebei regime⁶⁹¹. Taking advantage of the discord in the Chinese camp, on December 15, 1935, the troops of the autonomous regime occupied the closest port to Tianjin - Tanggu. The first Chinese garrison under the leadership of Song Zheyuan offered serious resistance, but was forced to retreat. During the fighting with the troops of the new governor of Hebei, both sides suffered heavy losses⁶⁹². Following this, the so-called Peacekeeping Division and the irregular forces in East Hebei were reorganized into 3 divisions⁶⁹³, which meant the beginning of the militarization of the civilian forces and their transformation into a regular and combat-ready army. The armed forces of Eastern Hebei were concentrated in Tanggu by the end of December 1935, where a large batch of heavy Japanese weapons was expected to be delivered and further advance to Tianjin⁶⁹⁴. Thus, the Japanese side provided the opportunity to solve military tasks to the local military who went over to her side, without the risk of serious losses of their composition in the event of a military clash.

⁶⁸⁹ Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state...

⁶⁹⁰ Four men wanted by police...

⁶⁹¹ East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh // *The Straits Times*. 1935. Dec. 29. P. 1.

⁶⁹² Fighting in North China // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 16. P. 13.

⁶⁹³ Japanese Demand A Military Base Near Amoy // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 17. P. 10.

⁶⁹⁴ East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh...

Already on December 20, 1935, Yin Zhugeng paid a visit to Beijing, where he attended a conference organized by Japanese representatives, and also held a long meeting with a member of the Hebei-Chahar Political Council and ex-president of China Gao Lingwei, at which they discussed conditions for the transformation of the administration of Eastern Hebei⁶⁹⁵. Not having achieved the desired goals, he announced preparations for the declaration of independence, scheduled for January 1, 1936⁶⁹⁶, and the adoption of a new flag of the state, although it was impossible to ensure complete independence and this was understood by both the Chinese and Japanese side, and even the autonomists themselves.

Under these conditions, there second stage of development buffer East Hebei autonomy, which lasted from January to April 1936, which is characterized by a relative stabilization of the situation around the new polity, which made it possible to pay attention to both domestic policy and its key areas, and individual steps towards international recognition, which we will dwell on in more detail.

On January 1, 1936, the Autonomous Government of Eastern Hebei began to work in full force and its first steps in domestic policy were institutionalization and militarization, which began with instructing the authorities in the counties to stop appropriating military expenses for the 32nd Army of the Republic of China from the current month⁶⁹⁷. These actions gave rise to experts to say that the capture of Tanggu was carried out independently of the Japanese military⁶⁹⁸. Further, the regime administration proceeded to build barracks in this locality to accommodate its militias and other military units and announced that, in order to meet the needs of Japanese factories, the planting of cotton was henceforth to become mandatory in the demilitarized zone⁶⁹⁹. Having lost hope of moving to Beijing, the government began building new barracks for the Japanese garrison⁷⁰⁰, in connection with which the Chinese Ministry of Foreign Affairs even filed a protest against the demolition

⁶⁹⁵ Japanese increase forces inside Great Wall...

⁶⁹⁶ Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 30. P. 10.

⁶⁹⁷ The attack on Suiyuen // Malaya Tribune. Feb. 1936 11. P. 13.

⁶⁹⁸ Sino-Japanese talks break down // The Straits Times. 1936. Jan. 2. P. 5.

⁶⁹⁹ North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 17. P. 23.

⁷⁰⁰ East Hopei seeks to upset Nanking // The New York Times. 1937. Mar. 25. P. 6.

of part of the Great Wall by Japanese troops in the area: the Japanese used the old bricks of the Great Wall to build barracks⁷⁰¹. As a result, the armed forces of Eastern Hebei, consisting of more than 100 thousand people, included three formations: the Security Corps, the police and the militia.

A series of steps to militarize the sea coast and adjacent waters⁷⁰² led to the establishment of control by foreign shipping forces subordinate to Yin Zhugeng⁷⁰³, as well as a month earlier, in early December 1935, The East Hebei militia carried out measures to actually expand the zone of their jurisdiction⁷⁰⁴ and established control over the important passage of Kupeikou in the Great Wall⁷⁰⁵, which inspired the autonomists to plan to annex several more regions: on December 17, the Japanese military command demanded that the Chinese authorities cede six regions on the border of Chahar and Rehe. Its representatives stated that they had already occupied Kuiyuan and Puchang⁷⁰⁶, and 60 Japanese troops were airlifted to Zhangjiakou (Kalgan), the future capital of the Mongol pro-Japanese state of Mengjiang, where they were to remain until the crisis was resolved. The goal of expanding the controlled space had a quite tangible goal - when transferring the territories demanded by the Japanese to Eastern Hebei, the new autonomous structure was supposed to be the largest stronghold on the coast, playing the role of one of the key elements of the buffer network being built, along with six other areas adjacent to the autonomy under control Mongol military ally General Li Shouxin Zuo Shihai⁷⁰⁷.

In this regard, the military units of General Song Zheyuan were reinforced at the crossings and in the places of salt mining, which the armed forces of the autonomists were already trying to capture⁷⁰⁸. The measure turned out to be timely, since already on February 5, 1936, the East Hebei police attempted to seize a number of salt companies⁷⁰⁹.

⁷⁰¹ Agreement at Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 16. P. 9.

⁷⁰² "Special zone" in the luan tung sought // The Straits Times. 1936. Apr. 22. P. 18.

⁷⁰³ North China autonomy // The Times. 1935. Dec. 23.

⁷⁰⁴ A race for Tientsin // Ibid.

⁷⁰⁵ Demand for military action against the North China rebels...

⁷⁰⁶ Japanese tactics in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 18. P. 14.

⁷⁰⁷ Autonomy regimes to be merged ?...

⁷⁰⁸ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China...

⁷⁰⁹ Chinese Resistance to Japanese. Tada Threatens Action // Malaya Tribune. Feb. 1936. 6. P. 12.

On February 12, 1936, it was announced that all government powers were entrusted to Yin Zhugeng as the permanent head of the Eastern Hebei Administration, rather than temporary⁷¹⁰. And on April 1, 1936, the Autonomous Government of Eastern Hebei took over the management of all judicial bodies in the demilitarized zone. The Hebei Supreme Court reported this to the Ministry of Justice in Nanjing and awaited instructions⁷¹¹. Finally, General Yin approached Beijing Mayor Qing Dechong with a proposal to establish an East Hebei office in Beijing, which in status resembled a cross between a diplomatic mission of a foreign state and a branch of an administrative institution in the territory under its control. The proposal was immediately rejected⁷¹², however, under pressure from the Japanese side, on February 29, 1936, its opening was announced, at the same time an agreement was reached to establish a wireless communication line between Beijing and Tongzhou⁷¹³. Yin Zhugeng also notified the representatives of the powers of his intention to communicate with diplomatic representatives in Beijing directly on behalf of the areas under his control, bypassing the official diplomatic institutions of the Nanjing administration⁷¹⁴, which for the leadership of the Republic of China meant an encroachment on the state sovereignty and integrity of the country. This step was not included in the plans of the Japanese side and at the next stage in the development of the East Hebei autonomy required their decisive participation, which we will discuss below.

The meantime, let us examine the nature of the Japanese presence and participation in the political, economic and military spheres of the new polity. Yin Zhugeng's statement that he would work in close harmony with Japan was noted by Japan's opponents as a basis for confirming their fears⁷¹⁵: after the head of the autonomy was sworn in, he immediately turned to Japan for military assistance⁷¹⁶

⁷¹⁰ East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. Feb. 1936. 13. P. 2.

⁷¹¹ East Hopei regime seizes control of courts // The Straits Times. 1936. Apr. 1. P. 11.

⁷¹² Statement by Mr. H. Arita // Malaya Tribune. Feb. 1936. 28. P. 14.

⁷¹³ East Hopei regime opens office in Peiping // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 9.

⁷¹⁴ Japan tightening her grip on Hopei & Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 11. P. 9.

⁷¹⁵ US Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.

⁷¹⁶ North China asks Japan army's help // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 26. P. 1.

and followed, as we have already noted, proceeded to the formation of its own armed forces. The Japanese immediately responded to the initiative, and a day after the inauguration they sent 500 soldiers to Beijing, formally increasing the armed detachment to protect the Japanese embassy to 800 people⁷¹⁷. The Japanese troops then occupied two strategic points - Changzhimen station in southwest Beijing, and Fengtai, an important suburb south of the former capital, which gave them control of the railway lines of Northern China. They also controlled the rail link between Tianjin and Shanghai, citing the need to prevent the transfer of rolling stock to the south, which could cut off communications and isolate Japanese troops in Beijing. In Tianjin, Japanese troops arrived from Shanghai, and the local hippodrome was occupied for the construction of an airfield. About 300 soldiers arrived in Kupeikou⁷¹⁸, from where they were transferred to Tongzhou on December 9 to protect the demilitarized zone⁷¹⁹. The Chinese Ministry of Foreign Affairs filed a protest against these actions⁷²⁰, which went unheeded. Moreover, a few days later, 10 trains filled with Japanese military arrived in Shangaiguan from Mukden, and the Japanese military authorities in Tianjin approached the local Chinese authorities to provide housing for the cantonment of troops in Tianjin, headquartered at the Central Railway Station⁷²¹.

Further, the Yin Zhugeng administration acquired Japanese military advisers, the infrastructure of which was formed on the basis of General Tashiro's plan. In accordance with it, Japanese advisers were to be assigned to every department and every most important government structure⁷²². The plan was announced at a meeting of the Manchukuo government, and its wide discussion indicated Japan's determination to maintain an autonomous regime and ensure even closer control over three public spheres: education, the economy (where smuggling accounted for a significant share of income) and finance.

⁷¹⁷ Future of North China // *The Times*. 1935. Nov. 27.

⁷¹⁸ More Japanese inroads // *Ibid.* Nov. 28.

⁷¹⁹ "Autonomy" in North China // *Ibid.* Dec. 10.

⁷²⁰ Chinese protest to Japan // *The Times*. 1935. Nov. 30.

⁷²¹ Tension in North China // *Ibid.* Dec. 2.

⁷²² Japanese demands rejected // *Malaya Tribune*. 1936. Jun 3. P. 11.

And, finally, she acquired an air fleet of 17 Japanese bombers, at the same time active negotiations began with Manchukuo on mutual recognition and removal of customs barriers⁷²³. Thus, the new regime was protected from possible armed opposition from the official Chinese authorities, and its leaders had the opportunity to move from defensive measures to the formation of their own offensive army.

In mid-January 1936, Major General Itagaki visited Tongzhou to meet with Yin Zhugeng and express support for his regime⁷²⁴, taking advantage of the suspension until the end of the Chinese New Year of negotiations between Chinese delegates and representatives of the Japanese northeastern command⁷²⁵ regarding the future regime in Eastern Hebei, which resumed only in mid-March, and that was extremely unfortunate for the Chinese side⁷²⁶. In the meantime, for approval by the commanding staff of the Kwantung Army and the Japanese military department General Hayao Tad oy presented a policy document containing the idea of expanding influence by strengthening or merging buffer regimes. It was supposed to put under their control two key ports - Huludao and Qinhuangdao⁷²⁷, as well as Ch'anking and the territories adjacent to it and the province of Charkhar. On February 6, 1936, the rebel troops of the autonomous Eastern Hebei regime made an attempt to implement this plan, but were destroyed⁷²⁸. The situation forced many representatives of the leadership of North China, loyal to Nanking, to discuss the situation, which was done on February 11, 1936. At a meeting of North Chinese leaders, the basic principles of the joint defense of North China were developed⁷²⁹, which briefly stabilized the situation.

Meanwhile, Vice Admiral Michiaki Kamada, then commander of the naval forces in Port Arthur, paid an official visit to Northern China and met with Yin Zhugeng, including on the issue of military support⁷³⁰. Further, the Japanese military

⁷²³ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

⁷²⁴ Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy"...

⁷²⁵ Conflict between Mongolian princes likely // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 21. P. 9.

⁷²⁶ Japanese attitude "Evasive" // *The Straits Times*. 1936. Mar. 17. P. 8.

⁷²⁷ North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune*. Feb. 1936. 10. P. 11.

⁷²⁸ East Hopei rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Feb. 8.P.1.

⁷²⁹ The attack on Suiyuen...

⁷³⁰ Japanese advisers in N. China // *The Times*. 1936. Feb. 10.

authorities in Xinjing (Changchun) spoke out that against the backdrop of the recently concluded Soviet-Mongolian (with the MPR) treaty, it would be expedient for the Hebei-Chahar Political Council to conclude a similar agreement with the Kwantung Army on mutual assistance⁷³¹. The position of Song Zheyuan, who was oriented towards Nanjing, did not allow him to do this, which created tension not only in relations with the command of the Kwantung Army, but also with the leadership of Eastern Hebei. Yin Zhugeng declared his readiness to cooperate with Song Zheyuan, but pointed out the impossibility of this due to the latter's loyalty to Nanjing⁷³².

As early as July 16, 1936, representatives of the Japanese military command of North China formulated a final vision regarding the unification of the regimes of Eastern Hebei led by Yin Zhugeng and Eastern Charhar led by Li Shouxin⁷³³, which was immediately publicly announced and for which Song Zheyuan immediately asked official Nanjing for the appropriate instructions⁷³⁴. The final discussion of the plan to include the areas around Tianjin in the Japanese sphere of influence took place in Tongzhou⁷³⁵, where a list of measures was determined aimed at the simultaneous adoption of coordinated measures by the Kwantung Army to expand its influence in Northern China. However, it was impossible to do this without the participation of the already established supporting institutions, in particular Manchukuo, so the integration of the Yin Zhugeng regime with this state acquired the character of one of the most important diplomatic tasks.

First of all, military interaction was necessary, so on February 25, 1936, General Liu Kweitang arrived in Qinhuangdao incognito, after which he went to Tongzhou to meet with Yin Zhugeng and negotiate a joint Manchu-Hebei plan to fight against the communists⁷³⁶.

⁷³¹ North China area tied to Manchukuo // *The New York Times*. 1936. Apr. 13. P. 1.

⁷³² Suiyuan reports conflict // *Ibid.* Nov. 22. P. 36.

⁷³³ Hopei & Charhar To Merge With Independent Regimes // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jul 17. P. 9.

⁷³⁴ Japanese demand // *The Straits Times*. 1936. Jul 17. P. 9.

⁷³⁵ North China peace parley suspended // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Aug. 11. P. 9.

⁷³⁶ Parley in North China // *Malaya Tribune*. 1936. Feb. 25. P. 14.

Economic interaction was also seen as important, but despite the established friendly relations between the governments of Manchukuo and Eastern Hebei, by the spring of 1936 they had not exchanged trade agreements and diplomatic representatives⁷³⁷. Meanwhile, loads of weapons and ammunition began to be brought to Tongzhou from Shanghaiguan. The premier of Manchukuo, Zhang Jinghui, sent several delegates to Tangzhou to help the autonomists with funds⁷³⁸, and in response, Yin Zhugeng announced that the issue of recognizing Manchukuo by the administration of Eastern Hebei was under consideration⁷³⁹, which greatly complicated the already almost unsolvable problem Sino-Japanese cooperation in North China in the near future.

On April 13, 1936, a representative of the top leadership of Eastern Hebei and its future head Chi Tsongmo from the capital Tongzhchou went to Changchun, where a number of official meetings were supposed to be organized with the participation of the Japanese adviser Fusutaro Kanai. The program of the visit included the presentation of credentials, a meeting with the Manchu Emperor Kang-Te, Prime Minister, Minister of Foreign Affairs and Commander of the Kwantung Army, General Kenkichi Ueda, who is also the Japanese Ambassador to Manchukuo. During the meeting, Chi Tsongmo explained the degree of danger for Eastern Hebei of the raids of the Chinese Communists and officially asked for help from the Kwantung Army, thereby transferring the responsibility for finding the Japanese military to the Eastern Hebei administration. As a result of negotiations, the Kwantung Army agreed to take the necessary measures to protect Eastern Hebei and received a legal basis for its presence in the region.

By mid-April, the administration of Eastern Hebei and the government of Manchukuo completed preparations for the conclusion of military and commercial treaties⁷⁴⁰, which spelled out measures to help each other in matters of economy and defense. The draft treaty was finally agreed upon on April 28, 1936. Under its terms,

⁷³⁷ Hopei to pay share on loans to China // *The New York Times*. 1936. May 17. P. 36.

⁷³⁸ Panic in North China...

⁷³⁹ Shantung to become autonomous state? ...

⁷⁴⁰ East Hopei and Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Apr. 21. P. 9.

Japan acquired key positions in the region, and Japanese troops were given the opportunity to deploy on the border of Hebei and Chahara and in the area of strategic railway junctions. Since the formal status of Eastern Hebei assumed administrative subordination to the Nanjing government with the latter's supremacy in international matters, the agreement required the approval of the Chinese leadership and in the political circles of this country caused great doubts about its viability.

As a result, in order to ensure the possibility of concluding a treaty without official notification of Nanjing, at the beginning of May 1936, a representative of Manchukuo was sent to Tangzhou⁷⁴¹, the result of whose efforts was the signing on May 26, 1936 of the Treaty of Friendship and the Pact against the Communists between the autonomous government of Eastern Hebei represented by Yin Zhugeng and the leadership of Manchukuo represented by the representative of the Manchurian Ministry of Foreign Affairs, Gao Songling. The agreements came into force on July 1, 1936 and were supposed to regulate relations between the two regimes over the next 3 years. On the same day, an additional detachment of the Japanese military arrived in Tongzhou⁷⁴², thereby providing the command of the Kwantung Army with unhindered access to the borders of the Chinese sphere of influence.

In addition to military and diplomatic work, the new regime and its Japanese patrons paid considerable attention to the ideological content of their institutionalization, since one of the key goals of Japanese policy in the region was to establish complete control over Northern China, which could be ensured not only through control of resources, but also not last but not least through effective population management. To this end, appropriate steps were taken, starting with assigning a Japanese adviser to each department of the new administration, as was done in 1931–1932 in Manchukuo.

Particular attention was paid to the education of the younger generation, because with a total population of 6,247,590 people, 816,488 of them were children

⁷⁴¹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

⁷⁴² Financial autonomy of North China. Hopel Bank's new status // The Times. 1936. May 26.

of school age, and 269,621 were preschool children, which accounted for almost a fifth of the entire population of the region. Therefore, work in this direction was consistent and tough.

For starters, the Autonomous Regime authorities banned the old textbooks and other history books. Such literature was viewed by the Japanese as extremely harmful for use in schools because it tended to instill anti-Japanese sentiments in children. A group of scientists was created, as a result of which it was soon planned to replace the forbidden literature with 78 units of new printed books⁷⁴³. From March 1, 1936, the educational institutions of Eastern Hebei were transferred to textbooks compiled by Japanese authors, and the old ones were burned⁷⁴⁴. Anyone who did not turn in old books could be severely punished. Textbooks printed in Manchukuo were delivered to East Hebei through the Association for the Development of East Asian Culture. These actions were part of a massive campaign to spread Japanese culture in China, Mongolia, Siam, Indo-China, India, and the Philippines, launched in late April 1936 by the Japanese Ministry of Foreign Affairs. He also made a decision to send Japanese students to Outer and Inner Mongolia to study Mongolian customs and everyday life. The Japanese consuls in China, Siam, Indo-China, India, and the Philippine Islands were charged with compiling reports on the attitude of the peoples of these countries toward Japanese culture⁷⁴⁵. The autonomous regime, with the participation of the Japanese as inspectors, organized an inspection of educational institutions in order to put an end to student movements in areas under its control⁷⁴⁶.

Next it was the turn of the teachers. Following the introduction of new educational literature, the teaching staff was replenished with Japanese teachers - a general trend to replace local personnel with Japanese ones, which affected the customs authorities, in which the majority of positions were occupied by the Japanese, and municipalities, where new rules for the development of municipal bodies were established in a number of cities⁷⁴⁷. In order to form its own educational

⁷⁴³ Ban on Chinese books // The Straits Times. 1936. Jan. 29. P. 19.

⁷⁴⁴ Statement by Mr. H.Arita...

⁷⁴⁵ Cyprus airport // The Straits Times. 1936. May 2. P. 9.

⁷⁴⁶ Japanese engaged by E. Hopei regime // Ibid. Apr. 16. P. 19.

⁷⁴⁷ Ginger-Headed // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 16. P. 6.

policy, the autonomous government took control of a branch of one of the Beijing universities in Tangshan and reorganized it, transforming it into the University of East Hebei⁷⁴⁸. There were also some dramatic events. Thus, on February 28, 1936, by order of Yin Zhugeng, two teachers, Chang Titian and Wong Tadao, were executed. The indictment stated that these people openly opposed the introduction of new textbooks compiled by the Japanese in educational institutions. Following the execution, many students went on strike⁷⁴⁹, and their colleagues held a secret meeting at an elementary school in Tongzhou to discuss measures to remove Yin Rugeng. However, information about the event was received by the police, who detained 5 people⁷⁵⁰. This action aroused the indignation of even more people, many of whom were ready to support the teachers. On March 7, 1936, the teachers were executed on the personal orders of Yin Zhugeng⁷⁵¹. There is a lull for a while. Japanese classes appear in the region, the Japanese are sent to work as teachers. A branch of the Korean Association for Japanese Language and Literature and the Japan Institute for the Training of Japanese Language Teachers have been established in Tangshan. Japanese schools appeared in every district.

In September 1936, the government promulgated "Prospects and Recommendations for the Introduction of Education in East Hebei", where the promotion of inherent morality, maintaining physical fitness, enriching the level of education, and familiarizing with East Asian culture were the priorities. For this, the ancient teachings of filial piety, loyalty to authority, the maintenance of faith, politeness, justice, honesty, shame, etc. were introduced into the system of general and secondary education. An important place was the introduction of anti-communist sentiments, and the education of women was supposed to express good female moral to develop an ideal family foundation and realize the dignity of a good wife and a good mother.

⁷⁴⁸ Domination of North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 20. P. 2.

⁷⁴⁹ 2 teachers executed in East Hopei // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 16.

⁷⁵⁰ Plot to overthrow E. Hopei leader // Ibid. Mar. 6. P. 5.

⁷⁵¹ 5 teachers executed in East Hopei // Ibid. Mar. 8. P. 8.

Finally, the financial and economic policy of the autonomous regime deserves special attention. Manipulating the desire for independence, the Japanese ensured, within the framework of Hebei-Manchu cooperation, the management of key sectors of the economy as a guarantee of an uninterrupted supply of the army with the necessary resources. Therefore, the leadership of Eastern Hebei took the necessary measures in a short time to establish the economic and financial independence of the region. The process was launched in preparation for the declaration of full independence, which was scheduled for November 24, 1936⁷⁵², the first anniversary of autonomy.

Among the primary tasks is the preservation of all the income of Hebei, sent until that time to Nanjing, for the autonomous government⁷⁵³. Firstly, it was about saving all income from the railway and salt mining. At first, the autonomists' encroachments were limited to diverting a not very rich stream of income in the amount of \$11,000 from railroad checks⁷⁵⁴, however, since the monthly volume of receipts was \$250,000 from salt mining and \$100,000 from railway operation⁷⁵⁵, the situation called for more drastic measures.

Secondly, it was necessary to ensure control over fuel resources. At the beginning of December 1935, Chinese customs authorities held consultations with Texas and Asian oil companies, who obtained a promise from the Nanjing government that no additional taxes would be imposed during the period of increased duties on oil and petroleum products⁷⁵⁶. However, in the light of the December decisions (1936) of the Hebei-Chahar Political Council to reduce tariffs, the East Hebei administration announced its intention to join the Manchurian oil monopoly in order to limit American and British oil companies in their markets. In this regard, Yin Zhugeng officially notified them in early December 1936 that they would be forced to close their representative offices in Northern China after the oil turnover

⁷⁵² Suiyuan reports conflict...

⁷⁵³ Cyprus airport // *The Straits Times*. 1936. Jan. 17. P. 11.

⁷⁵⁴ Demonstrations in Peking // *The Times*. 1935. Dec. 17.

⁷⁵⁵ Gen. Sung gives way // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jan. 18. P. 10.

⁷⁵⁶ Double tax on oil threatens in Hopei // *The New York Times*. 1935. Dec. 4. P. 15.

in Manchukuo was monopolized, and from now on they would have to pay import duties.

Thirdly, the coal industry turned out to be in the orbit of the interests of the autonomists. In mid-December 1935, the Japanese side expressed the expectation that the mines of the British concern Kailan Mining would pay taxes to the Hebei-Chahar Political Council⁷⁵⁷. Since the company paid taxes in Tianjin, its interests were not affected at this stage of transformation⁷⁵⁸. The right to levy a consolidated tax in the demilitarized zone was granted to the Hebei-Chahar Political Council on the condition that the autonomists of Eastern Hebei would be given 30% of all former tax revenues⁷⁵⁹. In this regard, the management of the Kailan Mining mines carried out the necessary reorganization. However, this was followed by Yin Zhugeng's announcement of the intention of the Eastern Hebei administration to retain all tax revenues⁷⁶⁰. On March 6, 1936, the administration of the concern suspended work at the mines in Tangshan, located along the Beijing-Shanhaiguan railway line. The move was in response to the new administration's decision to demand that taxes be paid directly to it rather than being directed to the Political Council⁷⁶¹. Thousands of miners have lost their jobs, leaving them in danger of becoming gangsters.

The leadership of the South Manchurian Railway offered to buy finished products, but at a very low price. Tangshan mines resumed work only on March 9, 1936 after the leadership of the autonomy made concessions and returned to the original agreement⁷⁶². However, a year later, on May 22, 1937, the dispute flared up again. This time, the East Hebei Autonomous Government demanded that Kailan Mining make payments to its employees in the East Hebei currency, but the concern's management refused to comply with this demand.

⁷⁵⁷ North China // *The Times*. 1935. Dec. 13.

⁷⁵⁸ Demonstrations in Beijing....

⁷⁵⁹ The Kailan mines // *Malaya Tribune*. 1936. Mar. 10. P. 23.

⁷⁶⁰ North China autonomy...

⁷⁶¹ British mines closed down // *The Straits Times*. 1936. Mar. 6. P. 5.

⁷⁶² British mines reopen // *Ibid.* Mar. 10. P. 9.

The “war of banknotes” reached the interstate level when, under pressure from Japanese advisers to the government of East Hebei, small Chinese merchants in Tangshan were forced to switch from settlements in the currency of the Central Government of China to banknotes issued by banks in East Hebei and Manchukuo⁷⁶³, in connection with which attempts creation of its own monetary and banking system should be given special attention. So, on January 8, 1936, in Tianjin, collaborators attempted to force merchants to accept banknotes issued by the autonomous regime of Eastern Hebei. As a result, the stores were forced to suspend their activities, and the Chinese authorities immediately filed a protest with General Tade demanding that the provocateurs be forced to return to the Japanese concession⁷⁶⁴. Following this, Yin Zhugeng signed a contract with the Japanese in the amount of 4 million US dollars, half of which was intended to be used to finance the East Hebei Bank, and the other to support the rebel army⁷⁶⁵. In mid-January 1936, the Japanese government provided a subsidy increased to 10 million dollars⁷⁶⁶, which were used for the designated purposes and brought their result on May 16, 1936, when Yin Zhugeng officially announced that he had initiated the procedure for creating his own national bank and plans to start issuing own paper currency within a month⁷⁶⁷. But the current difficulties within the regime, the lack of qualified personnel and the necessary conditions, did not allow the plan to be carried out so quickly.

It was only in the autumn of 1936 that we had to return to this issue and announce the completion of preparations for the opening of the Bank of Eastern Hebei, the start of which was scheduled for February 1937⁷⁶⁸. However, it did not work out on time here either. A month late, in mid-March, it was announced that Eastern Hebei had stopped the circulation of Chinese banknotes on its territory and created its own currency, aimed at displacing the Chinese national currency in the

⁷⁶³ E. Hopei demand to British mine // *Ibid.* 1937. May 24. P. 18.

⁷⁶⁴ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China...

⁷⁶⁵ Sino-Japanese talks break down...

⁷⁶⁶ Japan Subsidies East Hopei Rebel Regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser.* 1936. Jan. 17. P. 1.

⁷⁶⁷ Hopei to pay share on loans to China...

⁷⁶⁸ Student groups banned // *The New York Times.* 1936. Nov. 10. P. 16.

area. The total fund amounted to 26 million dollars, 5 million were prepared and expected to be put into circulation within two weeks, and the rest - in the near future. Banknotes were printed and coins minted in Japan. It was assumed that the banknotes would be backed by the Bank of East Hebei, but the Bank of Joseon (Bank of Korea) undertook to guarantee their security, in support of which bonds were issued guaranteed by the capital of Manchukuo and Japan⁷⁶⁹. Thus, after more than a year since the announcement of the transition from its own currency system, it seemed that Yin Zhugeng was favored by luck, which in fact turned into embarrassment.

The new coins were stamped with the date "26th year of the Republic of China", thereby confirming the Japanese assurance that Eastern Hebei continues to be an integral part of China, although it does not want to have anything to do with the current government in Nanjing. However, the Chinese side was not so optimistic in its assessment of the issuance by Eastern Hebei of its own, albeit associated with China, currency, believing that this step further complicated the task of restoring the sovereignty and authority of the Nanjing Central Government in this important territory⁷⁷⁰.

The reason for the presence on the coins of the mention of the Republic of China became clear a few days later and turned out to be much more global than a demonstration of loyalty: Japan expressed its intention to restore the position of Eastern Hebei within China, subject to an agreement on economic cooperation with it. As a result, the international community, the Chinese leadership, and the autonomous government led by Yin Zhugeng received a clear signal that Eastern Hebei will never become an independent state and will not share the fate of either Inner Mongolia or Manchukuo.

This circumstance did not prevent the Japanese side from maintaining an uncertain status for the region until the end of 1937 - beginning of 1938, when the situation changed and instead of the Nanjing (at that time Chongqing) government,

⁷⁶⁹ East Hopei seeks to upset Nanking...

⁷⁷⁰ Puppet region cuts another Chinese tie // The New York Times. 1937. Mar. 21. P. 36.

control over it passed to the Provisional Government of the Republic of China headed by Wang Kemin. The monetary policy of the new state formation, including the territory of Eastern Hebei, which later received a special status, will be discussed in Chapter 4 of this work.

In the meantime, let's turn to another important part of the financial and economic policy - border control and customs escort. The fact is that the territory of the autonomy of Eastern Hebei included an important part of the coast north of Tianjin. Along this coastline in the direction of Manchukuo, a system of smuggling trade in the amount of about 6 million pounds sterling a year is beginning to line up⁷⁷¹. This policy was in the nature of economic sanctions against China, designed to weaken the Nanjing government. Looking ahead, let's say that the attempt to destroy the Chinese financial system through smuggling did not achieve its main goal, but caused damage to this country in the amount of about \$ 50 million⁷⁷² through two main tools. Firstly, it concerned precious metals, primarily silver⁷⁷³, while there was no silver currency in Manchukuo, and the country's economy was pegged to the yen, which also gave rise to a large number of smugglers. It is curious that, according to experts⁷⁷⁴, if the use of the yen in the Yangtze Valley would become widespread, then the territories of interest to Japan would pass under its control peacefully.

Secondly, smuggling schemes affected trade in other areas of production. In December 1935, the new authorities, rejecting the accusations from the Chinese side, decided that goods transported through Eastern Hebei were declared and customs duties were paid on them, which were 4 times less than those charged by Nanjing. This was done in order to repay foreign loans left over from the Nanjing rule. But it was not yet possible to do this, since the new administration had only 5 customs posts at its disposal, which collected only 2 million US dollars against 3 million collected before the declaration of autonomy. In order to redirect customs revenues

⁷⁷¹ Japan and China // The Manchester Guardian. 1936. May 20. P. 10.

⁷⁷² For ten years China has defended Japan // The Observer. 1943. Mar. 28. P. 1.

⁷⁷³ Japan to invade China tomorrow if new state is not set up in North // The Washington Post. 1935. Nov. 19. P. 1-2.

⁷⁷⁴ Japans conquest of China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 28. P. 5.

in favor of the new administration and gradually increase their profitability, on December 11, 1935, Yin Zhugeng ordered officials throughout the demilitarized zone to establish control over customs and salt revenues⁷⁷⁵, which was done, and the Manchukuo troops ousted the Chinese armed forces and occupied Kuyuan in Eastern Charkhara⁷⁷⁶. Song Zheyuan had to agree to these measures⁷⁷⁷, and although in early 1936 the customs system worked according to the old rules and customs reports from other checkpoints of Hebei for January and February 1936 were still sent to Nanjing⁷⁷⁸, the East Hebei administration sought to take power over all customs points of the region of the demilitarized zone controlled by it, which in the end was carried out. One of the main centers of Japanese smuggling was the port of Dairen (former Dalian, Dalniy), the infrastructure of which provided the Japanese and their supporters with practically free access to the markets of Northern China⁷⁷⁹.

Negotiations, which began on February 10, 1936, on the revision of the customs tariff⁷⁸⁰, as well as on the resumption of the work of the former customs points in North China⁷⁸¹, were rejected by the Japanese and the autonomists, and in mid-May, Yin Zhugeng announced his intention to reduce tariffs in Eastern Hebei from one-fourth to one-tenth of the usual Chinese rate, which would provide him with an income of more than 200,000 yuan per month. By making the region a special area with a special system of tariff rates at least 50% lower than the previous ones, the autonomists were going to ensure the collapse of Chinese customs. This scheme has actually destroyed the normal operation of the Tianjin customs checkpoints. To solve the problem, Nanjing proposed to establish a customs barrier across China from the east along the Yellow River⁷⁸², but it was necessary, firstly, to negotiate

⁷⁷⁵ North China rebels to seize customs // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 12. P. 10.

⁷⁷⁶ As you were...

⁷⁷⁷ Japan Subsidizing East Hope Rebel Regime ...

⁷⁷⁸ East Hopei rebels and the customs // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 16.

⁷⁷⁹ China tariff war // Morning Tribune. 1936. May 21. P. 8.

⁷⁸⁰ The attack on Suiyuen...

⁷⁸¹ North China to be dominated by armed force // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 20. P. 9.

⁷⁸² Smuggling in China // The Manchester Guardian. 1936. Aug. 15. P. 12.

with local authorities and governors, and secondly, this could further aggravate China's foreign trade and financial situation.

The situation turned out to be critical, especially for the European powers. British Foreign Secretary Anthony Eden was forced to speak in the House of Commons in May 1936⁷⁸³. The huge amount of smuggling in North China was announced at a meeting of the directors of the Manchester Chamber of Commerce on 15 June 1936⁷⁸⁴, where it was said that among the most popular goods were silk and cigarettes⁷⁸⁵.

In order to more successfully implement the smuggling eradication policy, the Chinese Naval Department allocated 2 armed ships and sent them to Tianjin to support maritime customs checkpoints⁷⁸⁶. The Ministry of Finance has deployed dozens of special customs officers to wharfs, railway stations and harbors in North and Central China with the authority to search for and detain any illegal goods without appeal to the Department of Maritime Customs⁷⁸⁷. These measures did not solve the problem and only led to a number of incidents that already aggravated the situation. Thus, in February 1937, the Chinese Maritime Customs Service at Qinhuangdao refused to release two smuggling ships that had been detained outside the harbor a few days earlier, despite pressure from the Japanese⁷⁸⁸. Japanese diplomats in the matter of the work of Chinese customs officers stood guard over the interests of their citizens⁷⁸⁹, and the protests of the border customs authorities remained unanswered⁷⁹⁰, while the Chinese Ministry of Finance announced huge losses from organized smuggling⁷⁹¹. An official report by the North Chinese leadership dated May 17, 1936 stated that organized smuggling had spread to so many parts of North and Central China that decisive action was needed from the

⁷⁸³ China: Homeless Smuggler // *Time*. 1936. May 11.

⁷⁸⁴ Smuggling into N. China // *The Manchester Guardian*. 1936. Jun 16. P. 14.

⁷⁸⁵ China appeals to Britain // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jun. 23. P. 9.

⁷⁸⁶ China's satisfactory finances // *Ibid.* May 12. P. 9.

⁷⁸⁷ Japanese take up positions along great wall // *Ibid.* May 18. P. 9.

⁷⁸⁸ Reds in Shensi // *Morning Tribune*. Feb. 1937. 2. P. 28.

⁷⁸⁹ Japanese demands rejected...

⁷⁹⁰ China Wants Manchuria Returned // *Morning Tribune*. Feb. 1937. 26. P. 3.

⁷⁹¹ China's satisfactory finances....

Central Government in Nanjing⁷⁹². The issue has become a political issue for China and Japan⁷⁹³.

A similar situation developed on the railway, where smuggling also increased. Representatives of the Hebei-Chahar Political Council emphasized this fact in a number of statements, referring to the unwillingness of the officials of the Beijing-Mukden railway section to cooperate. Being warned in advance about possible smuggling, Chinese customs officers in May 1937 stopped receiving appropriate notifications from railway employees or received them too late⁷⁹⁴, which was due to the policy of the leadership of the autonomy. At the same time, despite the cheap goods crossing the border of autonomy, the tax policy of the local administration reached its limit by June 1937: even daily sales of small goods worth more than \$ 1 were taxed at a rate of 10%⁷⁹⁵, in connection with which many residents of the region preferred to leave place of residence and leave for permanent residence in Tianjin.

At the beginning of June 1936, speculators spread rumors about a war between Nanjing and Guangzhou (Canton), which caused a jump in the value of the Chinese currency in Hong Kong up to 70%. The Southwestern Political Council in Canton sent a circulating telegram to Nanjing and the provincial governments urging immediate preparations for war against Japan in order to save North China⁷⁹⁶.

In order to at least somewhat rectify the situation, the Hebei-Chahar Political Council began to reduce the rates on imported goods from half their value to one-eighth of the official tariffs in China, which created competition with East Hebei's tariffs⁷⁹⁷, and General Inspector of Chinese Customs Frederic Mazet states in its latest report that the only solution to the problem of smuggling in the north is the abolition of the East Hebei Autonomous Regime⁷⁹⁸. This position, among others, was not decisive, but could not be ignored by the Japanese side, which was aware of

⁷⁹² Japanese take up positions along great wall...

⁷⁹³ Financial autonomy of North China...

⁷⁹⁴ Smuggling problem in North China // *The Straits Times*. 1937. May 24. P. 19.

⁷⁹⁵ East Hopei // *Morning Tribune*. 1937. Jun 28. P. 24.

⁷⁹⁶ Japanese demands rejected...

⁷⁹⁷ Smuggling in China // *The Straits Times*. 1936. Jun 25. P. 10.

⁷⁹⁸ New China-Japan parleys // *Ibid.* 1937. Mar. 16. P. 4.

the problematic further semi-independent existence of Eastern Hebei, but until the last hoped to "exchange" it for economic preferences from China.

When the situation reached the level of hostilities, the need for the existence of autonomy disappeared, in connection with which we move on to the third, final, stage of the Eastern Hebei autonomy. It came in the spring of 1937 and at first again marked the differences in positions between the Japanese civil and military authorities.

In May 1937, a batch of Japanese military reinforcements, numbering 1,700 people, arrived in Tianjin: the military department believed that with this step the Japanese government would be able to correct relations between Japan, North China, Manchukuo and other foreign powers⁷⁹⁹. Despite Japan's assurances to the contrary, the Japanese military had no intention of abolishing the autonomist regime of Eastern Hebei, which has caused so many problems on the Chinese side.

The next step in the Japanese program to undermine the influence of Nanjing in the region was to conclude similar agreements between Manchukuo and Eastern Chahar⁸⁰⁰ (whose regime was erroneously called "Mongol-Guo" in some media and which was controlled by Li Shouxin and Zuo Shihai).

The military attaché of the Japanese legation in Beijing acknowledged that the Manchukuoan government was set on mutual aid and support from the East Hebei autonomy, but denied that any military treaty had been concluded for this⁸⁰¹. The situation within the government itself was not as calm and unambiguous as it was presented. As early as April 7, 1936, there were reports of an attempt to overthrow the regime in Eastern Hebei. Punitive forces were sent against the rebels⁸⁰² to suppress it. Following this, on September 11, 1936, part of the Peacekeeping Corps under the command of Colonel Chang Yentian mutinied and joined forces with volunteers from the anti-autonomist coalition. The rebels took with them a large

⁷⁹⁹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

⁸⁰⁰ Manchu-E. Hopei pacts // The Straits Times. 1936. May 27. P. 8.

⁸⁰¹ Japanese offers turned down by Shantung governor // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Sep. 12. P. 9.

⁸⁰² Uprising in East Hopei // The Straits Times. 1936. Apr. 7. P. 11.

number of machine guns, rifles and ammunition⁸⁰³ and retreated to safe areas. On October 2, 1936, at an emergency conference meeting of the Japanese command of the Kwantung Army, it was decided to send two divisions, the Manchurian side promised to help suppress the movement in the region to overthrow Yin Zhugeng, which the Chinese side regarded as helping the Japanese command of North China capture Tianjin and Beijing at a convenient moment⁸⁰⁴. On November 21, 1936, it became known about the capture of two Japanese prisoners who ended up in the hands of the rebel militants of Eastern Hebei, who fled north from Tangshan, pursued by 300 Japanese military men⁸⁰⁵. The rebels belonged to the East Hebei Militia Regiment and had mutinied against Yin Rugeng's government a few days before⁸⁰⁶. Japanese authorities in Tianjin announced that 12,000 Japanese troops would soon arrive in Hebei from Manchukuo to replace garrison troops in Tianjin and Beijing, prompting local anxiety, which was heightened by the announcement of an intention to deploy to Qingdao and Shandong in March 1937 60 Japanese warships⁸⁰⁷. And at the end of March 1937, Manchukuo and Eastern Hebei exchanged so-called special envoys, who were perceived as ambassadors, although they were not. It was expected that a similar special envoy would soon be sent to Tokyo. Chong Tongfu expressed his confidence that the Mongolian side would also begin to cooperate closely with Eastern Hebei in the near future⁸⁰⁸.

The weakness of the position of the autonomous regime of Eastern Hebei was obvious in many ways, starting from an unclear status in the domestic political and international arena, which entailed a less reverent attitude on the part of Japan than, for example, to the Manchu or Mongolian issue; the lack of a confident support within Hebei, the weak authority of Yin Zhugeng, as opposed to the same Song Zheyuan or Yang Xishan; as well as the preservation of Japan's need for normal and stable cooperation with at least some representatives of the Chinese side, which the

⁸⁰³ Japanese offers turned down by Shantung governor...

⁸⁰⁴ Japan's reply to Demands // *The Straits Times*. 1936. Oct. 2. P. 11.

⁸⁰⁵ East Hopei mutiny: Japanese captives // *Ibid*. Nov. 23. P. 11.

⁸⁰⁶ Untitled // *Morning Tribune*. 1936. Nov. 23. P. 6.

⁸⁰⁷ Recovery of East Hopei our immediate aim // *The Straits Times*. Feb. 1937 25. P. 5.

⁸⁰⁸ East Hopei seeks to upset Nanking...

formed regime could not provide, and the current leadership of China, which was so stubbornly ignored by the military command of the Kwantung Army, did not want to do this without resolving the Hebei issue. Thus, despite the achievement of the above goals to strengthen its presence in this part of the mainland, Japan did not consider Eastern Hebei as a long-term project, and all participants in the processes under study understood this.

In early February 1937, adjustments to the composition of the Eastern Hebei administration allowed Yin Rugeng to retain the presidency, but his closest advisers lost many positions⁸⁰⁹. Circumstances forced all parties to prepare for changes that came faster than expected. On February 24, 1937, the Japanese government declared that the existence of the regime in Eastern Hebei was China's internal affair and that it had the right to declare its abolition⁸¹⁰. True, this had to be supplemented by a message to the Chinese leadership that if this was done unilaterally, then Japan would not be able to remain indifferent due to the presence of its interests in the region. However, the fact of the possibility of discussion on this issue already inspired hope. The reason for this easing of the situation was the uncertainty that has been lingering since the fall of last year in Japanese-Chinese relations that have been outlined for renewal. So, back in early October 1936, the Japanese diplomatic corps formulated its own views on the situation⁸¹¹, and the Chinese side formulated its own⁸¹², the situation reached a dead end, and Chiang Kai-shek convened a conference of military leaders of the provinces of the river valley Yangtze⁸¹³. During the regular negotiations on November 11, 1936, the Japanese ambassador, in exchange for the existing scheme for organizing an autonomous regime for five provinces in Northern China, proposed their different variation, and China demanded the elimination of the regime in Eastern Hebei⁸¹⁴. For Japan, the decisive factor in this discussion was the conclusion of an economic agreement and the

⁸⁰⁹ Reds in Shensi...

⁸¹⁰ China's new charter // *Malaya Tribune*. Feb. 1937. 24. P. 13.

⁸¹¹ Diplomatic Dinner Party Parleys...

⁸¹² Negotiations still deadlocked // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Nov. 12. P. 9.

⁸¹³ Japan's reply to demands...

⁸¹⁴ Negotiations still deadlocked...

formation of an anti-communist coalition. For China, the fundamental issue was the elimination of the autonomy of Eastern Hebei and the Japanese presence in the territory of the northern provinces.

As early as April 13, 1937, the Japanese side expressed its readiness to accept the Chinese conditions on the start of negotiations on the abolition of the autonomous government of Eastern Hebei. At the same time, it was hinted that the Japanese were ready to take this step only if they participated in the negotiations with the Chinese side of the Hebei-Chahar Political Council, whose powers were to be recognized and confirmed by Nanjing. In addition, the Chinese side had to recognize the existence of priority Japanese interests in Northern China and take part in the creation of an anti-communist buffer zone to protect Manchukuo from communist infiltration. Preliminary talks on this issue with the participation of a mission of the Political Council were to be held in Tokyo⁸¹⁵. Thus, the Japanese side took the position that the situation around Eastern Hebei should not become a problem for concluding an agreement between Japan and China, since Japan was not interested in complicating bilateral relations, but was only concerned about maintaining peace and order in the areas adjacent to Manchukuo.

The leadership of the autonomy also indirectly confirmed the information about the retrocession, although in an interview with *Time* and *The New York Times* they recalled that Song Zheyuan once agreed to cooperate with Eastern Hebei in creating an autonomous regime in the northern provinces, but changed his mind at the last moment⁸¹⁶. In order to determine the future fate of Yin Zhugeng, the Commissar for Foreign Affairs of the Autonomous Government was sent to Japan⁸¹⁷, and on April 27, 1937, Yin Zhugeng himself organized his appeal in Japanese to the leadership of Japan for support and cooperation⁸¹⁸, which was perceived by the Chinese side as an insult. Experts more and more often agreed that the region was about to undergo fundamental changes, which, on the one hand, would probably lead to the abolition

⁸¹⁵ Japan & E. Hopei Abolition // *The Straits Times*. 1937. Apr. 13. P. 9.

⁸¹⁶ East Hopei seeks to upset Nanking...

⁸¹⁷ North Hopei regime // *Malaya Tribune*. 1937. Apr. 22. P. 11.

⁸¹⁸ Chinese protest to Japan // *The Straits Times*. 1937. Apr. 27. P. 9.

of the autonomous regime of Eastern Hebei, but, on the other hand, would force Japan to use other methods to strengthen its presence in the northern provinces⁸¹⁹. Simultaneously with the negotiations, the leadership of the autonomy prepared public opinion through agitation and provocations⁸²⁰, to which the Chinese authorities regularly protested⁸²¹.

On May 2, 1937, in order to stabilize the situation, the Japanese Ambassador Kawago arrived in Tongzhou and made a statement that the East Hebei regime could be abolished if these actions ultimately lead to the settlement of all Sino-Japanese problems without jeopardizing any or Japanese interests in China⁸²². Wishing to alleviate the situation and reassure the public, Munezume Ike, chief secretary of the East Hebei administration, announced to the Domei correspondent that he intended to arrange a visit of the East Hebei delegation to Japan next summer to strengthen friendly relations⁸²³. The head of the autonomy himself regularly spoke in the newspapers⁸²⁴ and even made a trip to Japan⁸²⁵, and upon his return he ordered the recruitment of several thousand workers to build a defense system under the guidance of Japanese experts⁸²⁶ and turned to two banks with a proposal to provide funds for expanding forces in Eastern Hebei⁸²⁷, however, the situation clearly destabilized.

On May 14, 1937, an inter-ministerial conference was held in Japan to decide on the development of a unified diplomatic policy towards China. It decided that the question of abolishing the autonomy of Eastern Hebei should not be officially discussed until Sino-Japanese relations were properly verified, but confirmed the potential possibility of such an outcome despite the fact that the Chinese proposal for collective security in the Pacific as presented should have been rejected. The

⁸¹⁹ Ibid. P. 20.

⁸²⁰ Autonomy move in N. China revived? // Ibid. Jan. 6. P. 9.

⁸²¹ New Attack To Be Launched On East Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jan. 6. P. 1.

⁸²² East Hopei // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 4. P. 9.

⁸²³ No responsibility for East Hopei // The Straits Times. 1937. May 5. P. 8.

⁸²⁴ Ibid.

⁸²⁵ State control in Shansi // Sunday Tribune (Singapore). 1937. May 16. P. 1.

⁸²⁶ E. Hopei defenses // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.

⁸²⁷ War-lord's deposits held // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 15. P. 11.

Japanese representative in Nanjing announced his intention to resume Sino-Japanese negotiations, but the Central Government has not yet been ready for further discussions until there are global changes in Japanese policy on the continent⁸²⁸.

Any scenario with autonomy status should not have weakened the Japanese presence in the region, so the command of the Kwantung Army decided to equip the Japanese garrison in the Tianjin region into a full-fledged division, the forces stationed between Fengtai and Beijing, as well as the forces in Tongzhou, also increase to the size of a division, and with another additional division and brigade to protect the still functioning autonomous regime⁸²⁹. In addition to this, in early June 1937, the Japanese command of the Kwantung Army was going to provide large military assistance to Eastern Hebei in the amount of several thousand rifles, 30 light tanks and 5 million US dollars, which were to be spent on expanding military units in the region under the control of Japanese adviser officers to Yin Zhugeng⁸³⁰, and the Dairen Supplementary Air Corps received orders to deploy in the Tongzhou area⁸³¹. Thus, under the pretext of replacing the garrison forces in Eastern Hebei, the Japanese command of Northern China completed measures to increase the armed forces by 2 times, so any outcome of the situation guaranteed the preservation of Japanese control in this point of China.

In order to suppress anti-Japanese sentiment, widespread searches were organized among the civilian population, conducted by representatives of the Japanese garrison, who arrested anyone who owned firearms without permission⁸³². Yin Zhugeng then issued a declaration banning the people under his jurisdiction, the people of East Hebei, from participating in the election of delegates to the upcoming National Congress⁸³³.

⁸²⁸ China and Japan // Malaya Tribune. 1937. May 15. P. 11.

⁸²⁹ More Japanese troops Eor Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 26. P. 9.

⁸³⁰ More Japanese support for East Hopei...

⁸³¹ Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 14. P. 9.

⁸³² Martial Law Proclaimed In North Charhar // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jun 14. P. 9.

⁸³³ North Charhar // Morning Tribune. 1937. Jul 2. P. 19.

The process of strengthening the armed forces did not end with preparations for hostilities, and at the end of May 1937, pro-Japanese elements, with the participation of a number of Chinese military leaders and politicians, including from Beijing, made an attempt to create another autonomous regime in North China. The plans included the unification of the regimes of Eastern Hebei and Northern Chahar, and the new structure was to be called the "Autonomous Government of Hebei and Chahar". Chinese officials in the north said that the Japanese could refuse to continue negotiations on the issues under discussion, under the pretext that the so-called government of Hebei and Chahar would have to take over this function, and this would allow them to more freely penetrate into northern China⁸³⁴.

Yin Zhugeng himself, supported by 10,000 troops led by General Liu Kweitang, declared his readiness to soon extend his jurisdiction to Tianjin and Beijing, where in early July 1937 a significant number of Japanese and Korean civilians began to be resettled from Eastern Hebei, where they were alleged to be involved in smuggling and other such activities⁸³⁵. The Japanese initially proposed the creation of a separate regime in Northern Hebei, but Yin Zhugeng asked that the area be transferred under his jurisdiction⁸³⁶. Nevertheless, such activity of the autonomists and close contacts with the Japanese side did not convince the experts that one of the issues that will be discussed at the upcoming Sino-Japanese talks, the resumption of which was expected in early June, will concern the abolition of the autonomous government of Eastern Hebei⁸³⁷.

And then there was an event that went down in Chinese history called the Tongzhou Incident, which effectively ended the eastern Hebei administration. On July 27, 1937, the Japanese army marched against the Chinese 29th Army in the vicinity of Tongzhou, and the casualties led to the fact that Japan's confidence in the autonomous government was undermined. As a result, Yin Zhugeng was forced to resign, and the seat of government was moved to Tangshan in early August. At the

⁸³⁴ New Puppet state in North China? // The Straits Times. 1937. Jun 9. P. 19.

⁸³⁵ New ominous moves by Japan // Ibid. Jul 24. P. 11.

⁸³⁶ Yin Yu Keng to take over Peiping and Tientsin? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 9. P. 9.

⁸³⁷ E. Hopei regime to be Abolished ? // The Straits Times. 1937. Jun 1.P. 9.

head of the autonomy stood the secretary general of the government Chi Tsongmo. The Japanese side stated that the inability of the autonomous government of Eastern Hebei to exist alone should be recognized. From January 30 to 31, 1938, in Beijing, Wang Kemin and Chi Congmo organized a discussion of the merger process, as a result, both sides signed the Agreement between the Provisional Government of the Republic of China and the Autonomous Government of Eastern Hebei, which terminated the current status of this political entity from February 3 and united it with the Provisional Government of the Republic of China. On February 1, 22 districts, including the city of Tangshan, were administratively reassigned to the bodies of the Provisional Government. On April 1, the region received the status of a special region, which will be discussed in the next chapter. On February 5, 1938, Chi Tsongmo was declared the head of the Provisional Government⁸³⁸, and after leaving this post he headed several corporations⁸³⁹. Following the defeat of Japan in August 1945, he was arrested, taken into custody, and on May 20, 1951, sentenced to an immediate death penalty⁸⁴⁰. The history of the Autonomous Government of Eastern Hebei and this buffer polity is over.

Summing up the study of the phenomenon of the autonomy of Eastern Hebei, we note that, on the one hand, its creation was less ambitious and, obviously, a less effective institution, compared with the autonomy project of the Five Provinces Region. On the other hand, it fit into Kenji Doihara's adjusted plan for the autonomization of the region, which he intended to implement, taking into account the mistakes made. The duration (1935-1938) of the existence of this project and its support by the Japanese was insignificant against the backdrop of success with Manchukuo. Small, compared with Manchukuo, there were also spaces that came under the control of the Japanese side. However, the project itself solved important strategic problems, which explains its viability.

⁸³⁸ Asaxi Simbun // Tokio. 1938. Feb. 7.

⁸³⁹ Ibid. April 9th.

⁸⁴⁰ Zhe'n`min` Zhibao. 1951. № 5. May. 23.

Firstly, it had precise borders "inscribed" in the demilitarized zone, which clearly defined the sphere of Japanese interests and excluded the Chinese side from it. Secondly, workable political institutions were created that had tangible military, political and economic support from the Japanese. Their effectiveness can be assessed in different ways, but the new political structure provided a tactical task in the presence of Japanese armed forces on the coast and near Beijing, and at the same time was considered as a means of bargaining with the Chinese side for the conclusion of a bilateral cooperation agreement, the idea of which did not lose its relevance. even after the outbreak of hostilities in the summer of 1937, the autonomy solved an important military task - it ensured the legality of the presence of Japanese armed forces in the region and thereby turned Japan into the dominant power center of the region, excluding them from China. Thirdly, from that time onward, in relation to all buffer regimes, the ideological component acquires tangible features: the anti-communist nature of existence, control over the upbringing and education of young people and the population as a whole, a new look at the place and role of Japan in the region embedded in school textbooks, etc. d.

Finally, the economic instruments of pressure on the Nanjing leadership were tested and proved their effectiveness: the economic undermining of Nanjing influence was successfully carried out through the customs authorities and the new currency: it was on the experience of Eastern Hebei that the Japanese side "tested" the effectiveness of an independent monetary policy with the issuance of free-rate banknotes. The regime was formed in a convenient place, which served as a kind of logistics center with railway and sea routes, customs and salt mines, and with the effective management that the Japanese side demonstrated in a number of regions occupied by it (for example, in Inner Mongolia) could be one of the catalysts for the economic development of those controlled by it vast Chinese spaces. Taking the initiative in managing the economy, adopting its own regulations, establishing state paraphernalia and trying to achieve independence from Nanjing, autonomy acquired significant features of the state, but sovereignty was still reserved for the Central

Chinese government and this was also an important tool for maintaining the fragile international balance in the region.

Thus, Eastern Hebei, in the structure of the emerging regional political order, served as a buffer in terms of the division of spheres of influence (to the north - the command of the Kwantung Army, to the south - the power of the Nanjing government), at the same time it was a reference point for the advance of the Japanese deep into the region. And the demilitarized zone served as a dividing line along which the legal boundary of the interests of the two powers passed. Despite the cut-down territories of the autonomy being created, the economic levers placed at the disposal of its leadership were enough to weaken the influence of the Central Government in the region and undermine it in certain areas. It should also be emphasized that the Japanese, in their desire to enlist the participation of the Chinese government in economic cooperation, showed their will and did not allow the secession of autonomy and the declaration of independence. Instead, autonomy was used as an effective instrument of pressure and irritation. Only the inflexible position of the Chinese leadership forced the Japanese side to abandon its moderate steps, but by that time hostilities had already begun, and the territory around Hebei declared its alternative to the central government headed by Chiang Kai-shek. The methods chosen were economic and ideological with the support of regional leaders, who later received the status of collaborators and entered the history of China as traitors.

3.3. Regional autonomy of Hebei and Chahar in the zone of joint Chinese-Japanese presence

Simultaneously with the construction of the East Hebei autonomy in the northwest of it, a similar process was built around the space controlled by the Japanese at the junction of the borders of the provinces of Hebei and Chahar, which gave the name to both the polity itself and its main governing body, which went down in history as the Hebei-Chahar Political Council. The province of Chahar,

which was supposed to extend its jurisdiction, was one of the youngest provinces of China at that time. Its territory covered the Chahar proper, whose name was inherited from the Mongol tribes that lived here and the ancient Chahar Khanate, which became a special administrative-territorial unit that was directly subordinate to the Beijing capital authorities from the moment Inner Mongolia was included in the Qing Empire in the middle of the 17th century, and also aimags of the Shilin-Gol Seim and pastures of Dariganga. Initially, the district was divided into 4 counties, 5 aimags and 10 khoshuns, and before being transformed into a province, into 9 counties. The reform of 1914, in addition to Chahar, created special regions on the territory of Inner Mongolia: 1) Koubei-dao with its capital in the city of Zhangjiakou (Kalgan), which became the core of the first autonomous state of Chang'an (Southern Chahar, in 1937), and then - the state of Mengjiang (in 1939); 2) Suiyuan with its capital in the city of Guisui (modern Hohhot, the capital of Mengjiang in 1937–1939), after independence was declared the central part of Mengjiang; 3) Zhehe with its capital in the city of Changzhe (now located on the territory of the province of Hebei), since 1933 as part of the state of Manchukuo. In 1928, after a major administrative reform, Chahar, Suiyuan, and Rehe became provinces, whose status was restored after the defeat of Japan and the return of these territories to China. After the formation of the PRC, the territory of Chahara in 1952 was included in the Autonomous Region of Inner Mongolia, and Kalgan, under the name of Zhangjiakou, with the territory surrounding it, was included in the province of Hebei.

It was the lands with such a rich history that the new autonomy claimed. Let us make a reservation right away that these claims were actually limited to a more modest territory: the western part of the Chahar fell under the rule of the Mongolian leaders Yun Wang and De Wang, who, with the participation of Japan, first formed the Mongolian autonomy headed by their Political Council, and then the Mongolian state (Mongol-Guo). The eastern part of Hebei and its status have been described in the previous paragraph.

Nevertheless, the Hebei-Chahar autonomy, even in a truncated form, represented both real power (it was controlled by the commander of the 29th Chinese army stationed on these lands, General Song Zheyuan), and real political weight - the same Song Zheyuan turned out to be almost the only political and military leader of that time, able to establish an effective dialogue with both the Japanese and Chinese sides, which made it possible to postpone hostilities between these countries by 1.5 years.

Continuing to reveal the situation related to the failure of the idea of autonomization of the Five Provinces Region, we will focus on the second model of its alternative, which is being formed in parallel, the main stages of its development and key directions of institutionalization, therefore, many events in our study will intersect, and some repetitions are possible in our presentation.

First stage, preparations for the proclamation of autonomy and the creation of the Political Council began at the end of the autumn of 1935. The return of General Doihara to Beijing after the failure of the idea of autonomizing the Five Provinces Region, which we have already written about, was a reason to think that plans to autonomize the entire region are likely to continue. And so it happened: on November 27, 1935, Japanese troops occupied key railway junctions in North China, including those adjacent to Beijing, which was a reaction to the Nanjing decision on measures to eliminate the autonomous government in the demilitarized zone of North China and the order to arrest its leader Yin Zhugeng.

The objective of the Japanese was to establish control over all railway access routes from the south to prevent the use of wagons to transport Chinese troops north to suppress autonomous traffic, and to ensure political continuity in the region, as circumstances required. The fact is that the day before, the governor of Hebei, General Sheng Zheng, who had been in office since June 1935, resigned. He took responsibility for the ongoing events. Immediately, the Nanjing government appointed Song Zheyuan as the new head of the province and authorized

peacekeeping mission in Hebei and Chahar⁸⁴¹. The general had 60 thousand of the best Chinese military at his disposal, which gave him not only political weight, but also significant military force, which both the Chinese and Japanese sides could potentially use. Therefore, representatives of the latter organized information stuffing, spreading rumors about the high probability that it was General Song Zheyuan who would head the new structure and immediately be able to sign a pact on independence and military cooperation with Japan, under which Japanese troops and troops of the 29th Army would cooperate in suppressing the spread of communism in North China⁸⁴². Thus, the ideological component was identified and the contours of institutional transformations were determined.

The Chinese side immediately announced its intention to prevent the creation of "another Manchukuo", while Nanjing was aware of the danger of dragging out direct political actions. Song Zheyuan also understood the need for urgent steps, so on December 1, 1935, he urgently telegraphed to Nanjing that a situation was brewing for declaring an autonomous regime not only in Hebei, but also in Chahar⁸⁴³. On December 2, 1935, another circular telegram was sent. It said that the provinces of Hebei and Chahar, as well as the cities of Beijing and Tianjin, were ready to become part of a possible autonomous state. Following the example of Song Zheyuan, similar telegrams were sent on behalf of the mayors of Beijing and Tianjin with a request to immediately take the necessary measures in the north of the country, otherwise they will be forced to declare autonomy in the areas under their control.

Realizing that what had happened could not be prevented, the Nanjing leadership set itself the task of "saving face", limiting the autonomizing territory to only these two, and not five, provinces⁸⁴⁴. Among the most important Chinese provinces were Hebei and Chahar, together with which two important cities, Beijing and Tianjin, constituted the most desirable objects for further Japanese advance. The

⁸⁴¹ Japanese seize Chinese railway junctions // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 28. P. 12.

⁸⁴² Demand For Military Action against the North China rebel...

⁸⁴³ Chinese War minister // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 2. P. 14.

⁸⁴⁴ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

importance of these territories with a total area of 37 thousand km² was determined by the strategic and economic role they played at the crossroads of trade routes from China to Mongolia⁸⁴⁵. And it was they, as already mentioned, that became a kind of gateway through which it turned out to be the most convenient way to carry out smuggling operations, skillfully used by the Japanese authorities to replenish the military budget and undermine the Chinese economy.

On the evening of December 2, Minister of War He Yinqin arrived from Nanjing in Baoding and met with the chairman of the Shanxi Provisional Government, General Shang Cheng (governor in 1929-1930) and other political figures, and the Governor of Fujian, General Chen Yi, accompanying him, had a preliminary conversation in Tianjin with Chinese and Japanese officials, after which he left for Beijing. The last proposal discussed centered around the possibility of forming a political council for the northern provinces⁸⁴⁶, similar to the Southwestern political council in Canton, largely autonomous in its matters but under the control of Nanjing.

The construction of autonomy for Hebei and Chahar began the next day, December 3, 1935, when, under the leadership of General He Yinqin, the political and military leaders of the northern provinces issued a joint statement in Beijing. The proposed plan proposed that the two provinces be granted a status similar to that of Inner Mongolia, with a large degree of self-government, but retained as part of China⁸⁴⁷. The new political entity was supposed to be managed by the Political Council of Northern China with control powers, in fact, only in the territory of two northern provinces - Hebei and Chahar with a population of about 3 million people⁸⁴⁸, nominally subordinate to Song Zheyuan, but actually under the control of He Yinqing. Thus, the essence of the statement boiled down to the publication of a new autonomization plan agreed upon by the Japanese and Chinese sides. This option was supported at a conference attended by Chiang Kai-shek and other

⁸⁴⁵ Tokyo ultimatum reported in China // The New York Times. 1936. Jan. 8. P. 9.

⁸⁴⁶ Diplomacy in N. China // The Times. 1935. Dec. 3.

⁸⁴⁷ A Compromise in North China? // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 4. P. 14.

⁸⁴⁸ China bows to demands // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 3. P. 7.

Nanjing leaders. As a result, the Central Government not only returned to discussing the issue of autonomy, which had been frozen two weeks earlier, but also decided to grant it with a certain degree of conditionality in relation to part of the territory of Northern China.

While officials were negotiating institutions, their agents were fighting for the minds of the population of the region: the Japanese side tried in every possible way to inflame the situation, creating various provocative situations both among young people⁸⁴⁹ and among high-ranking officials: for example, General Tada said that he was in favor of unification of all five northern provinces as constituent parts of the new state⁸⁵⁰. This testified to the preservation⁸⁵⁰ of the intention of the Japanese leadership to complete the process of autonomization of Northern China, according to the previously outlined scenario, in which the deadlines were only changed. The Chinese side sought to relieve this tension, primarily by pacifying its own students⁸⁵¹, which since that time have become one of the political problems.

himself also made, albeit very unsuccessfully, an attempt to control the flow of information by banning the publication of the influential newspaper Tianjin Tagongbao in Beijing for comments made by its authors against the establishment of autonomy⁸⁵², but the appeal of the editor of the newspaper directly to Nanjing lifted this ban, which was greeted with jubilation by the Beijing public and demonstrated the immaturity of the North Chinese leader in these matters.

The government in Nanjing, in turn, had another task to clarify the situation with the help of its diplomats abroad, in particular the leadership of the United States and Great Britain. The reason for concern was the statements of representatives of these countries about a threat to their interests in the region, in connection with which the Sino-Japanese negotiations received another factor in their complication, but in the end, taking into account the arguments of the Chinese side, British and

⁸⁴⁹ Diplomacy in N. China...

⁸⁵⁰ *Powell J.* New state born in North China // Chicago Daily Tribune. 1935 Dec. 8.P.5.

⁸⁵¹ Chinese anxiety // The Times. 1935. Dec. 6.

⁸⁵² North China // Ibid. Dec. 7.

American officials agreed that their interests in the formation of autonomy will not suffer⁸⁵³.

The establishment of an autonomous Council was agreed upon during a conference with the participation of the governor of Chahar province, the commander of Japanese troops in North China, Major General Hayao Tada, and with the active complicity of Kenji Doihara. Certain steps were supposed to be taken with regard to the administration of the northern provinces, which was to undergo serious changes with the granting of broader state powers by the Central Government, as well as with respect to the financial policy pursued earlier in the north, which was especially objected to by the Japanese side, suggesting its curtailment. Thus, the Japanese newspaper "Shanghai Mainichi" reported that the Sino-Japanese agreement should provide for the abolition of the recently introduced provision on the nationalization of silver.

On December 7, 1935, it was officially announced that the parties had succeeded in working out a scheme for resolving the North China crisis acceptable to both sides. The name of Song Zheyuan, as the proposed head of the Council, was first mentioned as an agreed upon candidate, and the rest of the Council included a number of retired politicians and military personnel with government experience. Difficulties were caused only by the unclear status of Beijing, which was to become the capital of the new entity.

Following this, Song Zheyuan, He Yinqin, and Xiao Chenying, a representative of the Beijing administration, held a meeting at which they agreed on measures to transform the administrations of the two provinces. Xiao Chenying himself returned from Tianjin and reported to General He Yinqin about the conversation with General Tada, as a result of which almost all issues regarding the settlement of the dispute in Northern China were removed.

The Japanese press hailed the decision as a victory for the autonomists, but a Japanese military spokesman pointed out that Japan was more concerned with the

⁸⁵³ Japan and China...

policies and personnel of the new administration than with the external format of its existence. A senior Japanese civil servant, Reuters reported, said Japan welcomes any administration that guarantees closer economic, social and cultural cooperation between North China and Manchukuo and an end to anti-Japanese activities⁸⁵⁴. The Japanese side immediately began to use the term “state” in relation to the new political structure⁸⁵⁵ and allowed itself provocative statements that this state would not depend on the government in Nanjing in political, economic, financial and diplomatic matters, and the financial system would be tied to the Japanese and Manchu currencies.

On December 8, it was officially announced that the new administration would be called the Hebei-Chahar Political Council, with no more than 19 members, to which 16 members would be elected in the near future. The Japanese authorities demanded from General He that half of the members of the Council be appointed by the Japanese, but this demand was rejected. In the version proposed by the Japanese side, it was supposed to include Yin Zhugeng, the former dictator of the Beiyang government, Marshal Wu Peifu and the Chinese politician Chao Yu⁸⁵⁶, who was partially responsible for the implementation of the "Twenty-One Demands" of the Japanese in 1915. Both sides agreed that in its ranks should be joined by generals, the mayors of Beijing and Tianjin, the head of Hebei Province and some other political figures, including representatives of the long-defunct so-called Anhui clique, such as Wang Yitang and Cao Kun, etc., who are closely associated with the Japanese military command⁸⁵⁷, candidacy Yin Zhugeng, who was ordered to be arrested by the Nanjing government, was also agreed and approved. The governor of Jiangxi province, General Xun Shihui, and the governor of Fujian province, General Chen Yi, were entrusted with the task of finalizing the details of the future administration with representatives of the results of the North Chinese Japanese command.

⁸⁵⁴ Peaceful Settlement in N. China // Malaya Tribune. 1935. Dec. 9. P. 11.

⁸⁵⁵ Powell John. New state born in North China; Japs in Control // Chicago Daily Tribune. 1935 Dec. 8.P.5.

⁸⁵⁶ Clamour for war in North China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 10. P. 10.

⁸⁵⁷ Powell John. New state born in North China...

The parties agreed to observe the following principles: firstly, the Central Government in Nanjing will retain its powers in relation to military, judicial, foreign and financial issues in the territory of autonomy; secondly, the question of independence in Northern China should no longer be discussed; thirdly, all appointments will be made by the Central Government in Nanjing; fourthly, customs, salt and postal revenues would still have to go to Nanjing, while the rest could be redirected to the benefit of the Political Council; fifthly, the circulation of currency will be carried out on the same terms as in other parts of the country⁸⁵⁸.

The Chinese government emphasized three main conditions for granting autonomy: Nanjing would continue to control foreign affairs, financial and military affairs, and the detail of the judiciary; there will be no actual autonomy or independence for this region; all appointments to the new structure will be made by Nanjing. Observers, however, noted that the guarantees provided on these terms would have been purely nominal, since the Central Government had no mechanisms that would prevent the Council from doing exactly as it pleased, being under Japanese protection and patronage⁸⁵⁹. Subsequently, the Central Government repeatedly returned to discussing the issue of strengthening control over the region⁸⁶⁰, but without any serious consequences for the parties. The Chinese side not only believed in the realism of these conditions, but also did not hide the hope that the autonomous Eastern Hebei would be absorbed by the new administration. For Nanjing, this was a kind of foothold in the north, although there was a possibility of a weakening of its influence as a result of Japanese pressure⁸⁶¹. The Chinese military also had their own opinion on this issue. According to the *Union Times*, Colonel Wang Chongwu and two other representatives of Chinese volunteers in Eastern and Northern Manchuria arrived in Beijing on December 8, 1935 and held negotiations with He Yingqing, during which they asked the Central Government to abandon the Japanese conditions for the creation of the Hebei-Chahar administration. After

⁸⁵⁸ Agreement in N. China // *The Times*. 1935. Dec. 9.

⁸⁵⁹ Japan grips North China // *The Los Angeles Times*. 1935. Dec. 9. P. 3.

⁸⁶⁰ Hopei and Chahar // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. July 31. P. 9.

⁸⁶¹ The North China compromise // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 9. P. 22.

giving a detailed account of the activities of Chinese irregulars in the northeastern regions, Colonel Wang called for more military supplies for the volunteers who still held certain mountainous areas in Jilin and Heilongjiang.

The Japanese side had its own vision of events. The draft manifesto of independence was supposed to provide for the joint defense of the territory of autonomy with the participation of Japan and Manchukuo from the communists in the provinces of North China; updating domestic policy; establishing friendly ties with Japan and Manchukuo; development of finance, economy and industry in northern China⁸⁶². In official Japanese circles, the opinion was expressed that the proposal had a good chance of success, but within the Japanese leadership, opinions on this issue appeared to be divided. Diplomats and retired officers expressed a point of view in favor of the Nanjing version of autonomization, explaining that Nanjing had to "save face". The active officers were more radical. They declared the failure of such an approach, advocating the implementation of the idea of absolute autonomy for the region⁸⁶³ and, if necessary, with the help of military force. Therefore, despite the seemingly attainment of the declared goal and the coordination of positions, the agitation for greater autonomization of the region did not stop, clearly spurred on by the Japanese side. In addition to agitation, there were also more radical cases, such as an armed action by unidentified persons in Tianjin, among whom were several Japanese citizens. On the evening of December 8, they seized the offices of the Tanggu and Dagu Police Bureau, but were removed from there as a result of the intervention of the Japanese authorities⁸⁶⁴. Similar incidents with the displacement of the Chinese administration from the occupied government premises were observed in other areas. The Japanese, often deliberately provoking Chinese nervousness on this issue, insistently sought recognition of the regime from China, regularly raising this problem with or without cause. Thus, in late December, a group of Chinese troops was intercepted on their way to Tianjin by the Japanese

⁸⁶² Powell John. New state born in North China...

⁸⁶³ Nanking offers near autonomy to North China // The Washington Post. 1935. Dec. 3. P. 3.

⁸⁶⁴ Clamour for war in North China...

military, who voiced the demand that until China recognizes the autonomous regime in Eastern Hebei, the head of the regime, Yin Zhugeng, intends to hold Tianjin. In support of this, East Hebei's sizable forces occupied the northern suburbs⁸⁶⁵.

Meanwhile, the proclamation of the creation of a new structure was scheduled for December 10, 1935⁸⁶⁶. According to Reuters, each side was satisfied with the result achieved, but the Chinese government circles claimed it was their diplomatic victory, since the original Japanese proposals were seriously adjusted⁸⁶⁷. However, the day before, events occurred that almost thwarted Japanese plans once again. On December 9, 1935, military clashes took place between the forces of Manchukuo and the civilian corps of Chahar in the southeast of the province, as reported by Chinese sources. The clash occurred when a Manchukuo detachment of 1,000 troops invaded the area east of Kalgan. This was followed by a demonstration in Beijing of 6,000 students who opposed the movement for autonomy in northern China and demanded the mobilization of the army and navy for the war with Japan. The student demonstration was the first, but by no means the last such event in previous years, which was later used as a tool to put pressure on the parties when making certain decisions in the field of autonomization and military operations. The Japanese side, in order to "save its face", through a military representative in Tianjin, announced its intention to recognize the independence of Eastern Hebei and its readiness to provide it with this status⁸⁶⁸.

Taking advantage of the aggravation of the situation, the Japanese army began to concentrate its troops on strategic northern positions, and the government of Nanjing announced the organization of a punitive expedition against Eastern Hebei⁸⁶⁹, but radicalization did not occur, and already on December 12, the Chinese central government issued a mandate authorizing the creation of autonomy for Hebei and Chahar and formation of the Political Council⁸⁷⁰. The Mandate came into force

⁸⁶⁵ Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo...

⁸⁶⁶ Japan grips North China...

⁸⁶⁷ Peaceful Settlement in N. China...

⁸⁶⁸ *Ginsbourg MJ* North China "autonomy"...

⁸⁶⁹ 1,000 Manchus invade Chahar // *The Washington Post*. 1935. Dec. 10. P. 6.

⁸⁷⁰ The North China settlement // *Malaya Tribune*. 1935. Dec. 16. P. 16

upon its promulgation as an organic law of this Council. Thus, the decision to establish the Political Council was a kind of compromise with the North Chinese autonomists.

The final composition of the Political Council was announced on December 12 and included 17 political figures from the northern provinces of Hebei and Chahar, while a number of high-ranking officials from Northern China, aware of the political risks, publicly announced their refusal to join the Hebei-Chahar Political Council⁸⁷¹. General Song Zheyuan, commander of the Tianjin-Beijing garrison, was announced as its chairman, as previously assumed⁸⁷². His positions were not as unambiguous and strong as the Chinese side tried to present. The issue of chairmanship on behalf of the Japanese military was initially conducted with Marshal Wu Peifu, who had previously given his consent to this. The Chinese believed that the Japanese army would approve his appointment and that he had already agreed to come to Beijing⁸⁷³, but they miscalculated - the marshal never collaborated with the Japanese, on the contrary, he always tried to maintain contact with the Central Government in Nanjing and its supporters. So, on his 65th birthday in April 1937 in Tianjin, he invited the governor of Suiyuan, General Fu Zuoyi, Song Zheyuan, as well as He Yinqin⁸⁷⁴. Therefore, it is not surprising that the old marshal refused to cooperate with the Japanese in the creation of the Hebei-Chahar autonomy, which did not affect the further process of autonomization, but significantly strengthened Song Zheyuan's position.

On December 19, 1935, the Japanese side commented for the first time on the establishment of the Political Council. The reason for this was the appeal of the pro-Nanking members of the Council, who wanted to initiate negotiations before Doihara on the abolition of the autonomous regime of Eastern Hebei, but received a counter request to change the status of the Council in order to make it more independent from Nanjing. Doihara suggested that the Council should become an

⁸⁷¹ The North China Settlement...

⁸⁷² Manchukuo from North China // The New York Times. 1935. Dec. 13.

⁸⁷³ Wu chosen to head new regime for North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 22. P. 2.

⁸⁷⁴ Untitled // The Straits Times. 1937. Apr. 19. P. 11.

anti-communist pillar and have a significant amount of power in the field of self-government, thereby confirming its loyalty to two Japanese goals: creating a united Sino-Japanese front against the communists and further dissociating the north China region from the authority of the Central Government⁸⁷⁵. The Japanese military command regularly demanded, first, the suppression of anti-Japanese activities in China; secondly, the establishment of closer contractual ties between China and Japan with the government of Manchukuo; thirdly, the joint measures of these three countries against the spread of communism.

On January 15, 1936, Song Zheyuan spoke about the same, accompanied by several pro-Japanese Chinese officials, during an informal meeting with delegates from the Japanese command and the Autonomous Government of Eastern Hebei, at which they discussed several issues related to the future administration of North China. The opposing side proposed for discussion measures against the spread of communist influence in North China by Japan, China and Manchukuo; the withdrawal of the Hebei-Chahar political council from the control of Nanjing; deployment of Japanese, Mongolian and Manchu troops in the provinces of Suiyuan and Chahar; economic development and use of natural resources in the five provinces north of the river. Huang He with the participation of Japanese and Chinese capital⁸⁷⁶.

The paradox of the situation was that the new political structure did not receive wide support from either the Japanese military authorities or the Chinese central government. The Japanese side counted on the creation of a self-governing territory of five northern provinces - Hebei, Chahar, Shandong, Shanxi and Suiyuan⁸⁷⁷ with formal subordination to the Chinese government, but in the end received only two of them. The Chinese side sought to maintain control over the situation, but the autonomy was not actually subordinate to Nanjing, as previously stated. The "compromise" to establish the Hebei-Chahar Political Council was not approved by

⁸⁷⁵ Miscellaneous Column 1 // Ibid. 1935. Dec. 21. P. 18.

⁸⁷⁶ Shantung to become autonomous state?...

⁸⁷⁷ China gives Japan reply // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 12. P. 2.

either side and was accompanied by hooting and speeches from angry students. It was a cross between the independent government of Doihara in the five provinces and the Hebei Autonomous Administration, and Doihara became the highest adviser to the new political structure⁸⁷⁸, which was confirmed by the general himself⁸⁷⁹. As a result, the autonomy of Hebei and Chahar, criticized on both sides, nevertheless fulfilled the role of a buffer and prevented the start of hostilities by almost a year and a half.

Second phase The formation of the Hebei-Chahar autonomy begins in December 1935. and, similar to the events in Eastern Hebei, is associated with the institutionalization and determination of the directions of the domestic and foreign policy of this structure. Already on December 17, 1935, the members of the Hebei-Chahar Political Council were officially approved in their powers in the presence of a small number of representatives of the Nanjing administration⁸⁸⁰, and on December 18, 1935, its official opening took place. Beijing became the capital of the new autonomy. With the arrival of the troops of General Song Zheyuan, the new regime also strengthened its position in Tianjin⁸⁸¹, where it replaced the former governor of Hebei, Shang Zhen. Proceeding from this, let us consider the main directions of the domestic policy of the new Hebei-Chahar administration, primarily in its financial and economic segment.

Recall that logistical routes were of fundamental importance for the region, therefore, on December 24, 1935, General Doihara arrived in Beijing to meet with General Song Zheyuan, as a result of which the Japanese side ensured the linkage of the railways of Northern China with the railways of Manchuria and now trains, those coming from South Manchuria and from the Mukden - Shanghai line were to be able to access any part of Northern China, including the Beijing - Shanhaiguan and Beijing - Suyuan roads. The Japanese side also demanded joint funding for the construction of two railway lines in Shandong and South Hebei, one of which would

⁸⁷⁸ Japanese "Adviser" to N. China council // The Times. Feb. 1936. 5.

⁸⁷⁹ Japanese advisers in N. China...

⁸⁸⁰ Japanese Demand A Military Base Near Amoy...

⁸⁸¹ Hopei-Chahar regime installed // The New York Times. 1935. Dec. 18. P. 1.

provide access to the port of Chifu in the northeastern part of the province, the other would connect the Shanghaiguan railway junction with the shopping centers of the south and access the northern coast R. Huanghe⁸⁸². The construction of these routes was in many ways of decisive importance for Japanese merchants when they sent their goods either from Qingdao to all parts of Hebei, or from Tianjin to anywhere in Shandong.

The second important direction, as in the case of Eastern Hebei, was the concentration within the boundaries of the new polity of management of all customs and their revenues. In this regard, a decision was made, formalized in the form of an order of the Council and sent to the customs commissioner in Tianjin, suggesting the redirection of all fees from January 1, 1936 to the income of the Hebei-Chahar autonomy. According to experts, agreements had already been reached between Song Zheyuan and Yin Zhugeng on the distribution of revenues of Tianjin Customs⁸⁸³, which at that time amounted to \$41 million (or 3 million pounds sterling) per year⁸⁸⁴, of which \$1 million per month was paid to Political council⁸⁸⁵, of which, in turn, to the regime of Yin Zhugeng - 250 thousand dollars from income from mines and 100 thousand from railways⁸⁸⁶. On January 17, 1936, the Japanese representative in Tianjin confirmed the financing of the Eastern Hebei regime from these funds and announced the Council's intention to transfer income from these industries from Nanjing to Beijing⁸⁸⁷.

Yielding to the desires of the Japanese, and perhaps taking advantage of the situation, which in one way or another did not allow Nanjing to keep the financial flows of the region at its disposal, Song Zheyuan decided to stop sending revenues from the Changlu salt mines and near Tanggu , which were in a demilitarized state, to the Central Government zone and were the largest place in China for the extraction

⁸⁸² Japanese Warships threaten to fire on students // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 24. P. 10.

⁸⁸³ The Japanese in North China // The Manchester Guardian. Feb. 1936. 10. P. 13.

⁸⁸⁴ Fresh Japanese demand. Fiscal severance of N. China. Salt tax delayed // The Times. 1936. Jan. 31.

⁸⁸⁵ Revenues withheld in North China // The Times. 1936. Feb. 1.

⁸⁸⁶ Chinese apology to Japan. Tientsin conference // Ibid. Jan. 17.

⁸⁸⁷ New regime in N. China. Retaining revenues. Japanese plans for wider autonomy // Ibid. Jan. 18.

of this resource, providing an income to the budget of about 27 million dollars annually.

The Japanese side was initially determined to force the Hebei-Chahar Political Council to cut off Nanjing from the income from the salt mines near Tangy and from the railways in Northern China, intending in the near future to force the owners of the salt mines to transfer the main block of their shares to the Japanese representatives. Looking ahead, we note that, for example, with regard to copies in Tianjin, this was done only in March 1937 for a period of 1 year. According to the terms of the contract, the Japanese undertook to supply equipment and specialists to increase production. At the same time, a contract was expected to be awarded for the construction of a railway from Qingdao to ensure the delivery of salt⁸⁸⁸. The normal execution and prolongation of the contract was prevented by the war that happened after 4 months.

In general, the situation was developing in the direction of establishing complete financial control by the Political Council in North China⁸⁸⁹.

The third was to undermine the Chinese economy through the creation of a vast smuggling infrastructure. By the spring of 1936, illegal goods had reached Shanghai, and the region's economy was under threat of destabilization⁸⁹⁰, as well as the entire system of Chinese taxation and trade, due to the huge amount of Japanese goods imported through Dairen. The situation has become so acute that in Shanhaiguan and Tianjin, customs revenues have fallen by 40%, while East Hebei's revenue has increased to 3 million Mexican dollars in the last 3 months. It was announced by the Political Council that customs duties on silk, sugar and other items were likely to be sharply reduced from May 1, 1936, to ensure the flow of Japanese goods into Northern China via Eastern Hebei⁸⁹¹. According to Japanese sources, in early June 1936, the Japanese side held talks with Song Zheyuan on the establishment of a separate customs house in two northern provinces, and at the end of August

⁸⁸⁸ Sino-Japanese co-operation // *The Straits Times*. 1937. Mar. 11. P. 5.

⁸⁸⁹ Japanese advisers in N. China...

⁸⁹⁰ *Abend H.* Japanese seeking North China pact // *The New York Times*. 1936. May 7. P. 14.

⁸⁹¹ Inner Mongolia waves // *The New York Times*. 1936. May 1. P. 13.

another⁸⁹² reduction in customs procedures for Japanese goods⁸⁹³ was announced. And on September 1, 1936, it was decided to impose a special tax of one-eighth of the national tariffs on all goods smuggled through the checkpoints of the former Hebei province south of Tianjin, after which all goods for which duties were paid would be provided official protection⁸⁹⁴. This decision had the effect of legalizing smuggling, as an independent line of customs posts was established along the coast of Hebei, from where goods entered Chahar and onward to China⁸⁹⁵. In addition, a new structure, the General Inspectorate of the National Administration of Customs, took over the management of tax policy⁸⁹⁶, and began to form its representative office in Tianjin and other border areas throughout Hebei. This decision severed the remnants of ties between North China and Nanjing and actually completed the implementation of the Japanese program to create a buffer state in North China, similar to the regime in Manchukuo⁸⁹⁷. At the same time, it dealt a heavy blow to the economy of Japanese-controlled coastal areas, such as East Hebei, since before that the tariffs of the Hebei administration were one-fourth of the national rates⁸⁹⁸. Thus, the system showed its viability and began to bear fruit.

The fourth direction was attempts to enter the region's economy into the international market. Of course, it was primarily about Japanese enterprises, but there was also keen interest in European investors. So, on February 16, 1936, representatives of German business visited Beijing and met with Song Zheyuan⁸⁹⁹. Japanese financiers, with the support of Japanese advisers to the economic commission of the political council, developed an investment plan for the development of resources and the development of Northern China worth 300 million yen⁹⁰⁰. In October 1936, Li Sihao was appointed head of the Economic Commission. Upon taking office, he stated that he would strive to ensure the strengthening of

⁸⁹² N. China customs authorities a Japanese denial // *The Times*. 1936. Jun 4

⁸⁹³ Sino-Japanese talks to be resumed // *The Straits Times*. 1936. Aug. 27. P. 5.

⁸⁹⁴ Provincial bank clearings // *The Times*. 1936. Sep. 2.

⁸⁹⁵ Eparate customs in North China // *Ibid*.

⁸⁹⁶ China's customs barriers // *The Manchester Guardian*. 1936. Sep. 1. P. 12.

⁸⁹⁷ Income-Tax for Hopei and Chahar // *The Straits Times*. 1937. Jun 16. P. 19.

⁸⁹⁸ Hopei "legalizes" smuggling // *The New York Times*. 1936. Sep. 1. P. 17.

⁸⁹⁹ German trade mission in Peiping // *The Straits Times*. Feb. 1936. 17. P. 11.

⁹⁰⁰ Ready to invest in N. China // *Ibid*. Mar. 12. P. 11.

economic cooperation between Japan and China⁹⁰¹, as previously agreed by Song Zheyuan and General Tashiro.

Finally, the planned drug trafficking, which brought considerable profit to the Japanese side in Manchukuo and Inner Mongolia, made its contribution to increasing the profitability of the new polity. In light of this, Song Zheyuan asked the provincial governments of Chahar and Hebei to impose the death penalty on those found guilty of producing or smuggling drugs such as heroin and opium⁹⁰². Drug dealers and unregistered opium smokers arrested after New Year's Day 1936 were proposed to be put to death, a statement to that effect was issued on December 30, 1936 on behalf of the Political Council⁹⁰³. However, in general, there were many influential structures in China that opposed the state monopoly on narcotic drugs. So, for example, the Anti-Opium Company in Shanghai back in 1932 telegraphed its protest to Marshal Zhang Xueliang, opposing the drug monopoly in North China⁹⁰⁴, which made the fight against drug trafficking and drug addiction practically useless and, as a result, brought China many troubles and victims that succeeded. overcome only at the turn of the 1950s-1960s.

The financial policy of the new autonomy deserves special attention. So, on May 25, 1936, all financial institutions in the zone of influence of the Hebei-Chahar Political Council were reassigned by the decision of its leadership to the Bank of Hebei, which from now on became the only issuing bank in the region. The Economic Commission of the Council has begun to develop mechanisms for this decision. Some experts were sure that this was the first step towards creating their own currency in Northern China, while another part predicted the introduction of the yen in this territory and the inclusion of the region in the financial system of Manchukuo and Japan⁹⁰⁵. Looking ahead, we note that none of these predictions came true due to the formation of an alternative Republic of China and the

⁹⁰¹ Economic plans in North China // Ibid. Oct. 16. P. 12.

⁹⁰² New Japanese demand // Malaya Tribune. Feb. 1936. 21. P. 11.

⁹⁰³ Death penalty for opium smokers // The Straits Times. 1936. Dec. 30. P. 11.

⁹⁰⁴ Opium in North China // The Straits Times. 1932. May 9. P. 11.

⁹⁰⁵ Financial autonomy of North China...

introduction of its own currency in it, which we will discuss in Chapter 4 of our work.

The ideological segment was not left without attention, first of all it concerned anti-communist policy. To In early 1936, the majority of the Political Council members leaned in favor of accepting the regularly voiced proposals-demands by the Japanese for the formation of an anti-communist bloc on the condition that the rebel regime in Eastern Hebei be abolished, even though this entailed the appointment of Yin Rugeng as mayor of Tianjin⁹⁰⁶. Then, regarding the leadership of the autonomy of Hebei and Chahar, the Japanese launched a resonant story that on April 27, 1936, the Political Council concluded an oral pact with the Japanese side aimed at countering the communist threat. The terms of the agreement included the active assistance of the Japanese military in case of need; providing the Japanese with railway lines for the speedy transfer of troops in the event of an emergency caused by the invasion; taking the necessary measures to suppress radical anti-Japanese views in the region⁹⁰⁷. Representatives of the Political Council stated that they did not have information about the conclusion of an anti-communist pact with the Japanese side⁹⁰⁸, however, it turned out to be almost impossible to prove or disprove the rumors, which was what the Japanese wanted, compromising the Council, its members and the chairman, both in the eyes of the Nanjing leadership and in the eyes of local residents. Moreover, the Japanese side did not deny the existence of agreements, although it did not confirm the documentary signing. "Living proof" of the presence of the Pact was 4 Japanese destroyers and 2 cruisers, which embarked on May 3, 1936 on a raid in Tangu to assist local troops as part of the anti-communist pact⁹⁰⁹.

Further, the Japanese got rid of all the Nanjing cadres who were noticed in anti-Japanese sentiments⁹¹⁰. Such pressure slowly but surely brought the desired result:

⁹⁰⁶ 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. Feb. 1936. 25. P. 9.

⁹⁰⁷ Anti-Red Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 2. P. 9.

⁹⁰⁸ Anti-Red pact terms // The Straits Times. 1936. May 1. P. 11.

⁹⁰⁹ Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

⁹¹⁰ Japanese pressure in North China // The Straits Times. 1936. May 11. P. 5.

on November 9, 1936, the Hebei-Chahar Political Council issued an order to all provincial and municipal governments to suppress all movements and organizations that might incite anti-Japanese or pro-communist slogans and activities, including and university promotions⁹¹¹. Anti-Japanese student sentiment has become a system since 1933⁹¹², when young people either marched peacefully with placards and slogans⁹¹³, or took more radical steps and stopped trains⁹¹⁴. After the creation of autonomy, demonstrations were banned in the government because of the danger of incidents and provocations⁹¹⁵, but even fatal incidents⁹¹⁶ did not stop. He Yinqin advised students to resume their studies⁹¹⁷, and the Chinese Ministry of Education instructed universities and college authorities in all parts of the country to prohibit them from holding any patriotic demonstrations⁹¹⁸, concluding that the student movement should adhere to a peaceful policy, there should be no strikes, but incitement to this must be stopped⁹¹⁹.

The new authorities did not manage to stop the speeches. For example, the reaction to the proclamation of autonomy on December 16, 1935 in Beijing was the organization of a demonstration of about 5 thousand students, which was dispersed by the police. Song Zheyuan decided to send several professors who were most active in inciting students to participate in anti-Japanese actions to South China. Among those to be expelled was Dr. Hu Shi, one of the greatest thinkers of modern China, as well as a number of heads of educational institutions, including the rector of the National University in Beijing⁹²⁰. In response to this, several thousand students in Beijing, encouraged by their comrades in Shanghai, Canton and elsewhere, organized protests⁹²¹ that were to develop into a widespread popular

⁹¹¹ Student groups banned...

⁹¹² At the gates of Peking // *The Times*. 1933. May 26.

⁹¹³ Clamour for war in North China...

⁹¹⁴ Shanghai students seize a train // *The Times*. 1934. Dec. 24.

⁹¹⁵ "Autonomy" in North China...

⁹¹⁶ Unrest in Shanghai // *The Times*. 1935. Dec. 27.

⁹¹⁷ The North China Settlement...

⁹¹⁸ Japanese Increase Forces Inside Great Wall...

⁹¹⁹ The North China Settlement...

⁹²⁰ "Autonomy" in N. China // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 17. P. 14.

⁹²¹ Demonstrations in Beijing...

uprising⁹²² demanding that the Central Government take effective measures against the organizers of the Hebei-Chahar Political Council and the Autonomous East Hebei government⁹²³. General Song Zheyuan sent an open letter to the students in which he tried to convince them that there was nothing extraordinary about the establishment of the Political Council and there was no difference between this structure here and the Political Council in Canton⁹²⁴. Chinese experts said that the endless student demonstrations against the independence of the northeastern provinces have drawn the country into conflict with Japan.

With no realistic option to stop student protests, the Chinese government took the unprecedented step of inviting university presidents from all over China to Nanjing, along with student representatives, for talks. In order to suppress student protests, Chiang Kai-shek ordered to organize a meeting with representatives of the movement in order to talk about state policy and recent events in the north of the country. Student leaders from Shanghai, Nanjing, Suzhou, Hankou, as well as a small number of students from Beijing and Tianjin were invited, but the majority refused to participate in the meeting⁹²⁵. On January 16, 1936, student delegates met with Chiang Kai-shek, during a 3-hour conversation with whom the situation in the north of the country was discussed as one of the issues⁹²⁶. Addressing the students specifically, he said that he must be disciplined and responsible so as not to be misled by traitorous elements⁹²⁷. This step on the part of the Chinese leadership caused a split in the student movement⁹²⁸, some of whose representatives advocated ending the demonstrations, and some insisted on their continuation and did not allow the thought of starting negotiations with government structures until the official Nanjing announced the adoption of radical measures against to Japan.

⁹²² Hopei-Chahar regime installed...

⁹²³ Chinese act in protest // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 19. P. 3.

⁹²⁴ New Japanese warning to North China // The Times. 1935. Dec. 19.

⁹²⁵ Students` meeting with general Chiang // Ibid. Jan. 14.

⁹²⁶ Nanking anxious about Japanese thrust // Ibid. 1936. Jan. 18.

⁹²⁷ Cyprus airport....

⁹²⁸ North China autonomy // The Times. Feb. 1936. 18.

In its turn, Hebei-Chahar The political council proceeded to the creation in its structure of the Commission on Education⁹²⁹, which should not only be responsible for all educational issues in the region, but also provide full control over educational institutions. The Japanese authorities did not make concessions. Instead, they urged Wang Yitan to encourage colleges and universities in Beijing to recruit more Japanese professors. Further, General Tada demanded the deportation of some prominent educators in Beijing, including Dr. Hu Shih and Dr. Chang Monling, whom the Japanese regarded as instigators of anti-Japanese protests⁹³⁰, to which Song Zheyuan had to agree. But the Japanese did not rest on this, and on February 20, 1936, Tada, in a telephone conversation with Song Zheyuan, demanded the immediate removal of anti-Japanese propaganda texts from school textbooks⁹³¹. General Song, after some consultation, replied that the meaning of "anti-Japanese" sounds too vague, so that it is necessary to clarify possible measures for its definition and suppression⁹³². In response to the Japanese attempt to control the educational process, schools in Beijing began a movement against the "enslavement" of education⁹³³, thus becoming another link in the intelligentsia's opposition to Japanese aggression, along with the students and teachers of Eastern Hebei, which we have already written about. We state that as a result of the joint actions of the Japanese military command and the Hebei-Chahar Political Council, student unrest slowed down, but in those regions that were under the control of Nanjing, they not only did not bring the desired result, but also pushed the country's authorities to form an anti-Japanese bloc.

As for the status of North China and the Japanese presence in the region, let's dwell on this issue in more detail, bearing in mind that the Japanese were quite radical. This was the idea proposed by the Japanese Ministry of Foreign Affairs to revise the Nine Power Treaty, at least with regard to the status of North China, and was denounced in the catchphrase: "The world is moving forward, but the treaty is

⁹²⁹ North China accepts half Japanese demands separate money policy...

⁹³⁰ Chinese resistance to Japanese. Tada threatens action...

⁹³¹ Japanese demand // The Straits Times. Feb. 1936. 25. P. 8.

⁹³² Expulsion threat to Peiping student agitators // Ibid. Mar. 8.P.5.

⁹³³ New Japanese demand...

standing still⁹³⁴. " To change the situation, a conference of the Japanese military command in the region was organized on December 14, 1935, at which the following strategic positions were announced: first, the need to increase the size of the Japanese garrison to meet the new conditions; secondly, to continue negotiations not with the Central Government of China in Nanjing, but with the Hebei-Chahar Political Council; thirdly, to make an attempt to achieve Sino-Japanese cooperation on the issue of confronting the communists⁹³⁵. Based on the content of the agenda, it became obvious that the Japanese were constructing an alternative to the Nanjing government in the region and trying on the administration of the Hebei-Chahar autonomy for this role.

Japanese troops continued to fully control the railway lines from Shanhaiguan on the border with Manchukuo towards Tianjin and Beijing. At the meeting mentioned above on December 24, 1935, General Doihara obtained from Song Zheyuan the right to deploy Japanese troops anywhere in Hebei and Chahar⁹³⁶. Further, negotiations were organized with representatives of the Japanese military command, which ended on January 2, 1936 with a zero result "due to insincerity on the part of the Japanese military," according to Song Zheyuan, who returned to Beijing on the same day, and also because that some of the latest demands were totally unacceptable⁹³⁷. General Song called on the Central Government to adopt a "new policy" towards the Japanese. Meanwhile, Hebei provincial troops concentrated on the Beijing–Tianjin railway to await the conclusion of negotiations⁹³⁸.

On January 8, 1936, Japanese Consul General Kawago submitted a list of six demands to Song Zheyuan, which included a formal apology for recent incidents; the arrest of 50 soldiers who allegedly ransacked a Japanese shop in Dagu on January 3, 1936, dropping the Japanese flag; the dismissal of the commander of the Chinese

⁹³⁴ Comedy in North China // The Times. 1935. Dec. 18.

⁹³⁵ Japan in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 14. P. 19.

⁹³⁶ Japanese warships threaten to fire on students...

⁹³⁷ Gen. Sung orders his troops to prepare // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 3. P. 1.

⁹³⁸ Sino-Japanese talks break down...

troops in Dagu, as well as the head of the Public Security Bureau and other officials; payment of compensation to the store owner; the immediate cessation of the anti-Japanese activities of the troops of General Song Zheyuan; to prevent such incidents. On the same day, a shootout broke out between Japanese and Chinese soldiers near one of the Beijing gates, and a protest was filed against the head of the Council, in addition to which a note followed⁹³⁹. At the same time, Chinese experts feared that as a result of the exchange of fire between Chinese and Japanese soldiers, the number of demands could increase⁹⁴⁰.

The next round of activation of the Japanese side on the autonomy of Northern China fell in mid-January. On January 15, 1936, the negotiation process on concrete steps and powers of the Political Council between Doihara and Song Zheyuan entered an open phase. The Japanese side denied rumors of an intention to annex the provinces to Manchukuo, but when information appeared in the Chinese press about the formalization of cooperation between North China, Japan and Manchukuo, Deputy Foreign Minister of Manchukuo Ohashi repeatedly drew attention to the need for goodwill⁹⁴¹, calling on Chinese leaders in Beijing, Tianjin, Taiyuan and Jinan to cooperate. In addition, the Japanese side confirmed that the Tanggu truce is not planned to be replaced by another agreement between the Japanese side and the Hebei-Chahar Political Council, but confirmed the start of cargo transit through the territory controlled by the Council⁹⁴². During the talks, the Japanese side was apologized for a number of incidents, Song Zheyuan, the commander of the 29th Army, promised to restrain actions in matters of anti-Japanese speeches, and issues of customs inspection, salt supplies and railway communication were also discussed. The Japanese side confirmed the status of its representatives in the region as consultants, the importance of maintaining the demilitarized zone in Hebei was indicated, while the issues of autonomization of the region were not discussed.

⁹³⁹ Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 9. P. 12.

⁹⁴⁰ Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China...

⁹⁴¹ Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // The Times. 1936. Jan. fourteen.

⁹⁴² Future of North China. Japanese statement. "Education insincerity" // The Times. 1936. Jan. 16.

When General Doihara arrived in Tianjin from Manchuria in mid-January 1936, and at the same time the deputy chief of staff of the Kwantung Army, Major General Itagaki, arrived in Qingdao, there were suggestions that the real purpose of the Japanese visits was to put pressure on the governor of Shandong Han Fuchu and the governor Shanxi General Yan Xishan in order to involve them in the activities of the Hebei-Chahar Political Council⁹⁴³. Japanese officers in North China were instructed to influence the Chinese leadership to increase the powers of the Hebei-Chahar Political Council to make it more independent of Nanjing⁹⁴⁴. This would make it possible to return to the solution of the issue of autonomization of the five northern provinces.

On January 21, 1936, the Japanese side formulated and announced in an ultimatum form a new list of demands. Firstly, General Song Zheyuan had to not only agree to all the Japanese conditions announced earlier within two weeks, but also to appoint the head of the government of Eastern Hebei, Yin Zhugeng, as the mayor of Tianjin. A senior Japanese embassy official stated that if General Song does not have the authority from Nanjing to appoint Yin Zhugeng as mayor, then it is necessary to declare the full independence of the territories controlled by the Hebei-Chahar political povet to achieve this goal⁹⁴⁵, supported by rumors of joining Manchukuo⁹⁴⁶. Secondly, it was about the complete rupture of financial relations between North China and Nanjing. The main purpose of these requirements was to redirect financial flows from customs revenues, taxes on salt, fees for postal, telegraph and telephone communications, as well as from rail transport in occupied areas. In order to interest the northern leaders, the Japanese were even ready to abolish the autonomy of Eastern Hebei⁹⁴⁷, as discussed above. According to propaganda media from both the Chinese and Japanese sides, at least half of the Japanese demands were verbally accepted by Song Zheyuan as a condition for

⁹⁴³ Japanese designs in North China...

⁹⁴⁴ Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy"...

⁹⁴⁵ North China gets Tokyo ultimatum to push "reforms" // The New York Times. 1936. Jan. 22. P. 1.

⁹⁴⁶ *Ginsbourg M.J.* North China "autonomy"...

⁹⁴⁷ Fresh Japanese demand...

further attacks. negotiations in Beijing⁹⁴⁸. Last included the establishment of its own currency for the region and the establishment of an independent structure to manage the economy of Northern China⁹⁴⁹, however, were rather intimidating in nature and played the role of a bargaining chip in the event that bargaining for conditions began.

At the end of February 1936, the Japanese troops began to expand their garrison through the air transfer of their forces⁹⁵⁰. Song Zheyuan told the media that the increase in the Japanese garrison in North China should not cause alarm among the local population. The Japanese government repeatedly assured him that there was no intention of aggression⁹⁵¹.

Fearing the loss of even the appearance of control over the territories of the two provinces, Chinese Foreign Minister General Chang Chong asked Song Zheyuan to provide information about the intention to expand the powers of the Commission on Diplomatic Affairs of the Hebei-Chahar Political Council in terms of the possibility of his speaking on behalf of the northern territories. According to the minister, this issue should have been discussed and approved by the Central Government⁹⁵². But the Japanese side sought to prevent this, so on March 2, Doihara announced that from now on he would only negotiate with the Hebei-Chahar Political Council and not consider Nanjing as a counterparty⁹⁵³. This meant the virtual removal of the Central Government from the process of governing North China.

In exchange for granting full autonomy for Hebei and Chahar with the possibility of transferring power powers in the field of civil, financial, diplomatic and communications issues to the Council, the Japanese side, in turn, has repeatedly emphasized its readiness to abolish the Autonomous Government of Eastern Hebei, but insisted that Yin Zhugeng was appointed to a high post in the demilitarized zone⁹⁵⁴. Such a turn was quite expected, since even during the discussion of the conditions for the creation of the Council, the lands of the Eastern Hebei autonomy

⁹⁴⁸ North China accepts half Japanese demands separate money policy...

⁹⁴⁹ Gen. Sung accepts more demands? // *The Straits Times*. Feb. 1936. 10. P. 11.

⁹⁵⁰ Danger Has Not Yet Passed // *Ibid.* Feb. 22. P. 11.

⁹⁵¹ Sino-Japanese Complications // *Morning Tribune*. 1936. Jun 2. P. 2.

⁹⁵² New Japanese demand...

⁹⁵³ Tokyo revolt and China // *Malaya Tribune*. 1936. Mar. 2. P. 11.

⁹⁵⁴ Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // *The Straits Times*. 1936. Mar. 2. P. 11.

were supposed to be included in the territories controlled by the Council⁹⁵⁵. But the Japanese side was going to do this on mutually beneficial terms, including the right to deploy its troops on the borders of Hebei and Chahar and at certain railway junctions in order to resist the communists in the northwest⁹⁵⁶. At the same time, a reservation was made that the Japanese were ready to meet halfway regarding the situation in Eastern Hebei and withdraw some of their demands in exchange for the greater pliability of General Song, who immediately took advantage of this.

On March 3, 1936, a meeting of the head of the Council with General Hayao Tada was held, approved by Chiang Kai-shek⁹⁵⁷. The agenda included a discussion of the terms of mutual cooperation: the Chinese side proposed to reorganize the administrative structures of Northern China by analogy with Inner Mongolia: the Hebei-Chahar Political Council was to be called the Autonomous Political Council of Hebei and Chahar, which would involve several Japanese military, advisers and generals for assistance in administrative matters, and the Council to have full authority to decide on the suppression of the communist movement in North China.

The next day, March 4, 1936, it became known that during his visit to Tokyo to report on the situation in North China, General Doihara was appointed plenipotentiary of the Japanese side to resolve all issues affecting Japan's interests in North China, and to participate at the upcoming conference in Tokyo on behalf of the Government of Japan. China was to be represented by Xu Shiyong⁹⁵⁸. Consequently, the pressure on the leadership of the Hebei-Chahar Political Council continued and had as its goal the final break in relations with Nanjing.

For this, military, administrative and public forces were connected. The Japanese side still insisted on launching a joint anti-communist campaign with the forces of the armies of Hebei, Chahar, Suiyuan and Shanxi, involving the Japanese military, and on maintaining the high status of Yin Zhugeng. At the same time, agreement was voiced to return Chinese jurisdiction over the six districts in East

⁹⁵⁵ Japan grips North China...

⁹⁵⁶ East Hopel autonomous area // *The Manchester Guardian*. 1936. Apr. 30. P. 7.

⁹⁵⁷ Chinese resistance to Japanese. Tada threatens action...

⁹⁵⁸ North China settlement much nearer // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Mar. 4.

Chahar and the jurisdiction of the Inner Mongolia Political Council over the Manchu-Mongolian forces under the command of Generals Li Shouxin and Zuo Shihai⁹⁵⁹. Thus, the significance of the negotiations lay in the emerging readiness of both sides to listen to each other's arguments: General Tada accepted most of the Chinese proposals. Already on March 5, Chinese Ambassador to Japan Xu Shiyong reported this to Chiang Kai-shek, who approved the result⁹⁶⁰ on expanding the functions of the Hebei-Chahar Political Council in foreign policy, financial, educational, civil and construction issues in the region, on involving the Japanese military in the management of the region, in the end, five Japanese representatives recommended by Major General Tada were still included in the Council⁹⁶¹. However, the issues of Eastern Hebei and Eastern Chahar were not finally resolved, which gave rise to the implementation by both the Japanese and the Central Government of China of independent measures to ensure their own interests.

Nanjing accepted the proposals in principle, but insisted on retaining the right to reject any questions that might in any way endanger China's territorial sovereignty⁹⁶². The negotiations ended on March 7⁹⁶³: from now on, by the decision of the Hebei-Chahar Political Council, all military and administrative structures of the two provinces were to be staffed with the participation of Japanese military and political advisers. The council asked Generals Thade and Doihara to send 20 military and administrative advisers to serve in North China⁹⁶⁴.

On April 28, 1936, a meeting of Japanese military attaches was held in Tianjin, as a result of which it was decided to increase the number of Japanese advisers in various structures of the Hebei-Chahar Political Council⁹⁶⁵. Song Zheyuan accepted Japan's demand to expand the composition of the Council to include a number of advisers from among the representatives of the autonomous regime in Eastern Hebei, which was supposed to be abolished as soon as General Song fulfilled Japanese

⁹⁵⁹ N. China terms revealed // *The Straits Times*. 1936. Mar. 5. P. 11.

⁹⁶⁰ British mines closed // *Malaya Tribune*. 1936. Mar. 7. P. 12.

⁹⁶¹ More Japanese advisers for N. China // *The Straits Times*. 1936. Apr. 27. P. 19.

⁹⁶² North China settlement much nearer...

⁹⁶³ Tokyo revolt and China...

⁹⁶⁴ Japan tightening her grip on Hopei & Charhar...

⁹⁶⁵ Japanese troops for Hopei borders // *The Straits Times*. 1936. Apr. 29. P. 12.

conditions, which was interpreted by a number of experts as the end of Nanjing's control over North China⁹⁶⁶, since before As a result, military, financial and administrative matters were already concentrated in Song Zheyuan's hands.

Thus, by May 1936, the Japanese side was in a state of complete readiness to get Song Zheyuan to declare independence from Nanjing. All important stations were occupied by the Japanese. The section of the line between Tianjin and Tanggu damaged by the explosion has been repaired. The Japanese claimed this was done by Chinese agents who hoped to prevent the movement of Japanese troops. Student demonstrations in Tianjin and Beijing were finally suppressed, and reinforcements were sent to the embassy quarter of Beijing to guard the Japanese embassy.

After a conversation between Chinese officials and Major General Matsumiro, who had replaced Major General Doihara as the Japanese army's chief political agent in North China, the Japanese military authorities gave Song Zheyuan until midnight on June 5 to determine his attitude towards North China's independence, however the process was delayed. Anticipating a similar development a month earlier, on May 7, Chiang Kai-shek convened a conference to discuss the situation and develop measures to prevent the impending declaration of independence of Northern China, including the possible appointment of a high-ranking official as a representative of the Nanjing government in the north of the country⁹⁶⁷.

At the end of June 1936, following the results of a joint conference between the command of the Kwantung Army and the headquarters of the command of the garrison army of North China under the leadership of General Tashiro, the military attache of the Japanese mission in Beijing sent a new request to General Song Zheyuan about the readiness to declare the independence of the provinces on the northern coast of the Yellow River. In exchange for this, it was promised that the autonomous regime in Eastern Hebei would be abolished⁹⁶⁸. A few days later, Song Zheyuan, who visited Changchun the day before, informed the Japanese press about

⁹⁶⁶ Japanese take up positions along Great Wall ...

⁹⁶⁷ Confused State in North // The Straits Times. 1936. May 8. P. 11.

⁹⁶⁸ China Appeals to Britain...

the completion of agreements with the government of Manchukuo on the establishment of diplomatic relations and the establishment of diplomatic missions in Beijing and Changchun⁹⁶⁹, but he did not mention a word about independence.

Attempts to put pressure on the general were also made by his compatriots. So, he received a telegram from one of his colleagues in the Hebei-Chahar political district⁹⁷⁰. Li Tingyu, leader of the People's Association for Autonomy in the Republic of China, cabled a demand for the immediate declaration of North China's autonomy. It argued that the Central Government in Nanjing had long ago given up interest in Northern China and that the time had come to carry out the plan for autonomy, which had been dragging on too long.

British official sources believed that the telegram was the first open initiative to declare independence for northern Chinese provinces of more than 10 million people, and that it foreshadowed the establishment of a Japanese military-dominated regime in the north⁹⁷¹. But the effect turned out to be the opposite. On June 3, 1936, information appeared about a secret meeting organized by Song Zheyuan with the participation of the closest circle of his advisers, including generals Feng Jian and Liu Yuming, as well as other military leaders, who insisted on taking decisive action against the Japanese. As a result, it was decided, firstly, to reject the demands of Japan made over the past three months, namely: the reorganization of the commissions of the Hebei-Chahar Political Council and their subordination to the Japanese Peace Preservation Bureau; dismissal of all anti-Japanese officials; creation of a separate currency in Northern China, which would be converted in Tianjin, Qinhuangdao and Kalgan; suppression of all anti-Japanese movements. Secondly, it was decided to begin preparations for armed resistance and turn to Nanjing for support. Thus, the Japanese and their supporters made a serious mistake and provoked a political crisis in the Hebei-Chahar autonomy and the Japanese side.

⁹⁶⁹ Recognition for Manchukuo? // The Straits Times. 1936. Jun 26. P. 9.

⁹⁷⁰ Independent North China is demanded of Nanking // The Washington Post. 1936. Jun 1. XI.

⁹⁷¹ China split plea made // The Los Angeles Times. 1936. Jun 1. P. 1.

Start third stage development of the Hebei-Chahar buffer autonomy, characterized by maintaining a delicate balance between by the Chinese and Japanese side in the face of the threat of full-scale military action, was caused by a leak of information about the measures that Song Zheyuan and his supporters have taken regarding the new Japanese demands, which caused serious consequences on the part of Japanese circles. On June 16, 1936, Song Zheyuan, returning from a trip to Jinan, arrived in Tianjin, where he held a secret conference with the governor of Shandong, General Han Fuchu, who advocated decisive measures regarding the situation in North China and proposed a unified plan of action with the participation of the authorities Hebei, Chahara, Suiyuan, Shangxi and Shandong⁹⁷². On June 19, it was reported that General Song Zheyuan had resigned as Chairman of the Political Council⁹⁷³. From this period, personnel reshuffling began in the composition of the Council, when the Japanese and Chinese sides tried to get rid of personnel pleasing to the enemy, which significantly aggravated bilateral relations.

Song Zheyuan was to be replaced by Shi Yuxiang, who had been in Japan for some time. He was supposed to take office along with Cao Yuling and Tang Erhe, but he was in no hurry to accept the position due to receiving threatening letters. The Chinese authorities released a statement saying that the appointment of General Shi was temporary and was due to the need to ensure the reset of Sino-Japanese relations⁹⁷⁴. In this regard, the personality of Shi Yuxiang requires some clarification. Having held various government posts prior to the Japanese invasion, this man gained notoriety when widespread indignation throughout Hebei caused his appointment as commander of the Peace Guard Corps in Beijing in January 1936. The reason for this was his radical pro-Japanese sentiment, in connection with which public agencies urged General Song to cancel this appointment. The Japanese, however, demanded that he also be approved as the commander of the special police at the port of Tianjin⁹⁷⁵. On February 8, 1936, Song Zheyuan agreed to the

⁹⁷² China appeals to Britain...

⁹⁷³ Untitled...

⁹⁷⁴ East Hopei regime to end // The Straits Times. 1936. Jul 24. P. 9.

⁹⁷⁵ Shantung to become autonomous state?...

appointment of Shi Yuxiang, who was known for his anti-government speeches, as the commander of the Peacekeeping Corps in Beijing (an analogue of the Beijing police). This was due to the fact that in the new status, Shi Yuxiang was able to cause less harm than as a commander of bandit groups, which, having received legal status, entered the demilitarized zone in anticipation of being included in the army of Eastern Hebei⁹⁷⁶. Public outrage continued after the announcement of Shi's appointment as head of the Political Council, in connection with which the change of the head of the autonomy did not take place.

Against the background of unconfirmed information about the upcoming personnel changes in the composition of the Council and the renewal of the leadership of Beijing and Tianjin, General Shi Yuxia was pardoned for treason and appointed a member of the Political Council, which was perceived by many as *carte blanche* for the post of mayor of Tianjin⁹⁷⁷. A similar situation has developed with regard to two other high-ranking officials: Cheng Chunafu and Wang Kemin. Cheng Chong - a -fu, who headed the Foreign Affairs Commission of the Political Council, resigned in early June and was predicted to be replaced by Guo Chong-wu⁹⁷⁸. But the resignation did not take place due to the fact that the figure of the new head of the Commission was extremely controversial. On July 23, 1936, Chen Chongfu was reappointed to his position, including in the conditions of a possible unification with Eastern Hebei⁹⁷⁹. Wang Kemin was supposed to be chairman of the Financial Commission in September 1936, but refused to take office due to repeated attacks on him by the Japanese press. Japanese journalists noted that Wang Kemin raised large sums of money to support various Chinese banks in North China, and his actions tended to intensify anti-Japanese movements against those who offered economic cooperation between Japan, Manchukuo and North China. Wang Kemin negotiated with the Japanese regarding a proposal for a Sino-Japanese economic agreement to share the resources of North China. On September 11, 1936, 30

⁹⁷⁶ Bandit as head of peiping police // *The Straits Times*. Feb. 1936 11. P. 18.

⁹⁷⁷ Japanese demands in North China // *Ibid.* Sep. 1. P. 8.

⁹⁷⁸ Japanese demands rejected...

⁹⁷⁹ East Hopei regime to end...

agitators who were distributing literature against Wang Kemin were arrested in Tianjin⁹⁸⁰. And finally, in November, the resignation of the head of the financial department of the Council, Li Shihu, who, according to experts, revealed the Japanese plans for economic domination in North China and condemned them⁹⁸¹. On July 12, 1936, the Hebei-Chahar Political Council sent a telegram to Nanjing calling for certain measures to be taken to resolve the situation in Northern China, otherwise the situation in Hebei might become irreversible⁹⁸², and itself made an attempt to stabilize the situation by retaining Song Zheyuan as its own leader, which was successfully done.

Meanwhile, on July 16, 1936, representatives of the Japanese command in North China put forward a demand that the Hebei-Chahar Political Council, headed by General Song Zheyuan, should join the independent regimes in Eastern Hebei and Eastern Chahar⁹⁸³. At the end of September 1936, the Japanese ambassador to China, Kawago, submitted to the Chinese government a series of far-reaching demands resulting from recent Sino-Japanese incidents. Among them were the granting of autonomy to the five northern provinces, including financial and tax autonomy; creation of a single economic space of the region with Japanese-controlled territories; the right to deploy Japanese troops at various points along the river the Yangtze to protect Japanese citizens and their property; the right to control school curricula and textbooks, as well as schools to eradicate anti-Japanese rhetoric. The Chinese government has said that these demands are unacceptable⁹⁸⁴. Such pressure continued, which caused nervousness in the Chinese camp, as a result, the Japanese "went too far." Chiang Kai-shek initiated a conference with representatives of the five northern provinces, which were of particular interest to Japan⁹⁸⁵. In fact, this meant the beginning of the formation of an anti-Japanese movement among the Nanjing leaders.

⁹⁸⁰ Japanese offers turned down by shantung governor...

⁹⁸¹ Disclosed Japanese Plans To Chiang? // *The Straits Times*. 1936. Nov. 12. P. 17.

⁹⁸² Armed resistance against Japan // *Ibid.* Jul 12. P. 5.

⁹⁸³ Japanese demand // *Ibid.* Jul 17. P. 9.

⁹⁸⁴ New demands to China // *The Manchester Guardian*. 1936. Sep. 28. P. 9.

⁹⁸⁵ Japanese army Discontented // *Ibid.* Oct. 17. P. 17.

On October 3, 1936, the director of the Bureau of East Asian Affairs of the Japanese Ministry of Foreign Affairs, Kawajima, in an interview for the *Asahi Shimbun*, tried to soften the situation by stating that Japan was not making demands to China, but proposals that allowed for mutual concessions. He emphasized that the peace and economic development of the region will depend on the attitude towards Manchukuo and Northern China, but noted the need to get rid of anti-Japanese rhetoric, which would serve as proof of good intentions and compliance with the Sino-Japanese agreements⁹⁸⁶. A change in the status of North China would give more freedom to Japanese economic policy in the development of railways, the expansion of cotton plantations, mining and trade in the region, and would also give Japan the right to station its troops at various points on the river. Yangtze and supervise educational institutions.

On November 11, 1936, after returning to Beijing from another conference in Tianjin, Song Zheyuan confirmed his determination to resist further Japanese aggression. On the same day, he resigned from the post of governor of Hebei. His place as acting officer was taken by General Feng Shian, division commander of the 29th Army⁹⁸⁷. More than 160,000 Chinese volunteers trained by Song Zheyuan were ready to follow him, and several thousand had already gone to the front in northern Suiyuan⁹⁸⁸. In early December 1936, Japan's new demands on China were announced: Japan's freedom of action in North China, presented as a struggle against communism and Soviet penetration, and the creation of a united buffer front against the communist movement in an alliance between China and Japan. In turn, China put forward its own conditions: the withdrawal of the 8,000-strong Japanese army from North China and the cessation of the advance of Japanese armed forces deep into Chinese territory. At the same time, the Central Government in Nanjing issued a statement according to which China is determined to fight in Inner Mongolia and intends to resist any attempts to violate its territorial integrity⁹⁸⁹. The situation was

⁹⁸⁶ Japan's terms to China // *The Observer*. 1936. Oct. 4. P. 21.

⁹⁸⁷ Foreigners told to evacuate Inner Mongolia // *The Straits Times*. 1936. Nov. 12. P. 9.

⁹⁸⁸ Hostilities intensified in Suiyuan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Nov. 12. P. 1.

⁹⁸⁹ Reported Japanese demands // *The Manchester Guardian*. 1936. Dec. 5. P. 17.

managed to be kept at a level close to a conflict, but frequent incidents regularly threatened the fragile peace, but by the beginning of the spring of 1937 it became obvious that a military crisis was unlikely to be avoided.

In semi-official statements leaked to the press at the beginning of January 1937, it became known that the completed 3-month-long negotiations between the Chinese Ministry of Foreign Affairs and the Japanese Ambassador Kawago led to the main conditions for achieving peace: the establishment of direct air communication between China and Japan, the establishment positions of Japanese advisers in some structures and on the suppression of anti-Japanese actions, the revision of China's import customs tariff, the control of the Chinese government over the illegal actions of the Koreans.

China's response was contained in the following positions. Regarding air traffic, the Japanese side proposed to establish a civil connection between Shanghai and Fukuoka in continuation of the one proposed in 1936. The Ministry of Transport of Japan drafts a similar agreement on the principles of equality and reciprocity. However, Japanese planes continued to fly freely over the territory of Northern China, without obtaining the consent of the Chinese government. Such illegal flights violated China's sovereignty and hindered the discussion of plans to establish civil traffic between the two countries. The revision of the import tariff was declared an internal affair of China itself and could be adjusted at any time if national financial or commercial interests required it, but first of all they should be aimed at curbing smuggling. With regard to the illegal actions of the Koreans, it was pointed out that such measures apply to any subjects from any country, but, in turn, the Japanese government should suppress the illegal actions committed while protecting it in China by Koreans, Taiwanese and Japanese citizens. When asked about the participation of Japanese advisers, the Chinese side stated that the involvement of foreign advisers by the Chinese government depends on the requirements put forward for the candidacy and the qualifications of those who apply for this or that position, and the issue of citizenship does not matter. With regard to the latter condition, the Chinese side adhered to the position of the need to maintain friendly

relations with foreign nationals, suppressing illegal actions in accordance with local legislation⁹⁹⁰. Thus, the negotiations again reached an impasse.

The fragile peace began to crumble in the spring of 1937 with a series of incidents that led to war. On the night of March 22, 1937, 2 Koreans were found in the Chinese garrison, who resisted the arrest, and in the ensuing struggle, the Chinese troops opened fire, wounding both intruders⁹⁹¹. As a result, the incident through negotiations, it would seem, was settled. But the Japanese side put forward a number of demands, according to which, on March 31, 1937, the Hebei-Chahar Political Council announced that the Chinese troops, which were stationed in some areas south of Tongzhou, were soon supposed to be withdrawn. This caused outrage among the local Chinese population, but there were no further armed actions. Therefore, emboldened, the Japanese side put forward a new demand to the Hebei government to transfer the Nanyuan region in the southern part of Beijing to them for use by the Japanese air force⁹⁹². This was strongly denied.

On May 25, 1937, a special correspondent of the *Asahi Shimbun* in Beijing announced General Song Zheyuan's intention to arrive in Jinan, where a meeting would be organized with the Governor of Shandong Han Fuchu and Vice Chairman of the Central Military Council of China Feng Yuxiang, at which the parties should discuss the problems of Northern China. Among them were identified, firstly, Sino-Japanese economic cooperation in North China; secondly, relations with the East Hebei Autonomous Government; third, the reorganization of Zhang Xueliang's troops; fourthly, the question of the occupation of some Japanese facilities near Qingdao, which were guarded by camouflaged regular troops⁹⁹³. Shortly before this, information was received that some of the Japanese advisers in the structure of the Political Council were dismissed by Song Zheyuan after his meeting with the governor of Shandong Han Fuchu⁹⁹⁴. Seeing this as a threat from the head of the Soviet, on June 11, 1937, the Japanese demanded the resignation of Song Zheyuan,

⁹⁹⁰ Difficulties of Sino-Japanese negotiations // *The Manchester Guardian*. 1937. Jan. 2. P. 16.

⁹⁹¹ Fresh pressure in N. China // *The Straits Times*. 1937. Apr. 1. P. 10.

⁹⁹² North China to be dominated by armed force...

⁹⁹³ Gen. Feng Yu-Hsiang for shantung // *The Straits Times*. 1937. May 27. P. 19.

⁹⁹⁴ Japanese advisers may resign // *The Straits Times*. 1937. May 14. P. 11.

who was on vacation in Northern Shandong. Upon receiving news of this demand, General Song informed the Japanese that Sino-Japanese economic cooperation was not possible unless existing political problems were resolved to do so⁹⁹⁵, and refused to resign. This gave the Japanese side grounds for their fears about the similarity of views and positions on the development of the situation between the leader of the autonomy and the official Nanjing.

On June 13, 1937, Guo Tingyuan, Secretary General of the Hebei Chahar Council, arrived in Nanjing⁹⁹⁶ to discuss the current situation in northern China with representatives of the Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of War⁹⁹⁷, but the situation turned out to be so complicated, and the parties were so intent on radical measures that the efforts of members The advice to prevent the crisis proved to be in vain. Then followed the incident on the Marco Polo bridge.

On July 9, 1937, the suspension of the military presence of the two countries in the disputed regions of Northern China was announced: despite the complexity of the situation, both Japanese and Chinese troops were withdrawn from the areas around Beijing. Agreement for the suspension of hostilities and the withdrawal of troops on both banks of the river. Yongdinghe followed a 2-hour meeting held in Beijing between the special commissioner of the Japanese military mission, Colonel Takuo Matsui, and the representative of the Hebei-Chahar Political Council, Chang Yingyun. The Japanese cabinet held the idea of ending the tension and spoke out in favor of changing Sino-Japanese relations⁹⁹⁸. Following this, on July 13, 1937, the Japanese side put forward four conditions, the fulfillment of which was supposed to help resolve tensions in the zone of subordination to the Hebei-Chahar political council: the complete withdrawal of Chinese troops from the western bank of the river. Yongdinghe and the evacuation of the population from the vicinity of Lugouqiao; severe punishment for all officials found guilty of clashes with the

⁹⁹⁵ Japanese pressure in north China // *Ibid.* Jun 11. P. 11.

⁹⁹⁶ Martial Law Proclaimed In North Charhar // *Singapore Free Press and Mercantile Advertiser* (1884–1942). 1937. Jun 14. P. 9.

⁹⁹⁷ Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar...

⁹⁹⁸ "Peace" again in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 10. P. 13.

Japanese; absolute suppression of all anti-Japanese movements; cooperation in the fight against communism.

As a sign of good intentions, the main Japanese forces from the area near the Marco Polo Bridge withdrew to Fengtai, and the situation quickly stabilized⁹⁹⁹. In turn, General Song Zheyuan stated that there was no way to return to normal life in Northern China as long as the Japanese troops remained south of the Great Wall¹⁰⁰⁰, and in order for them to be withdrawn, some concessions had to be made. Based on this, the Hebei-Chahar political povet agreed to apologize for the persons responsible for the incident and punish them. It was also agreed to develop measures to carefully control the blueshirts, communists and representatives of other anti-Japanese organizations.

Alas, despite the fact that the Political Council sought by any means to localize the incident, the "military party" prevailed in the Nanjing government¹⁰⁰¹. Nanjing rejected the terms offered, and also issued an official statement that neither the Hebei-Chahar Political Council nor the Chinese 29th Army had the authority to resolve any issues with Japan¹⁰⁰². This decision will play a fatal role in the future, since it will not allow Song Zheyuan to apologize to the Japanese side without being officially and publicly authorized to take this step, which will put Nanjing in a stalemate, from which the Chinese leadership will prefer to get out by military means. Japan's patience also proved to be not limitless, and assuming that only the Political Council was capable of controlling the region, the commander of the garrison army in China, General Kiyoshi Katsuki, visited Song Zheyuan and discussed Japanese conditions with him. The demands included the transformation of the Hebei-Chahra Political Council, obliged to boycott the forthcoming National Congress elections planned to be held in October 1937 to ratify the new Chinese Constitution¹⁰⁰³. This step would mean the actual independence of the Hebei-Chahar autonomy, to which the Chinese leadership stated: if the Japanese insist on the

⁹⁹⁹ Troops sent from Japan // The Times. 1937. Jul 16.

¹⁰⁰⁰ Hopei chief's aid sees no basic peace // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 13.

¹⁰⁰¹ Nanking group favorites war // The Straits Times. 1937. Jul 12. P. 11.

¹⁰⁰² Japanese present demands on China // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 14.

¹⁰⁰³ Japanese still warlike // The Manchester Guardian. 1937. Jul 16. P. 8.

withdrawal of territories controlled by the Hebei-Chahar Political Council from China, the Nanjing government will be forced to intervene, resulting in war¹⁰⁰⁴.

On the evening of July 14, 1937, the Japanese Ministry of War officially announced that, due to the seriousness of the situation in North China, it had been decided to send Japanese troops there. The nerves of the Chinese side were the first to waver, and on July 17, 1937, the troops of the Central Chinese government entered Hebei. Separate units were sent to Baoding, 100 miles southwest of Tianjin, which was a violation of the 1933 Tanggu truce. In turn, the Japanese army corps was withdrawn from Korea, whose arrival was expected in Tongshan (modern Suizhou).

Against the background of the escalating situation, the discussion of the creation of a new independent state in Northern China, which was on the list of Japanese demands, entered a new phase. The idea of unifying Northern Hebei and all of Chahar with Eastern Hebei as an independent state was voiced, with Tianjin as the capital and Tanggu, the Japanese naval base. Beijing was supposed to station Japanese troops to protect their subjects and the surrounding territory with the status of a demilitarized zone¹⁰⁰⁵.

On July 19, 1937, Chiang Kai-shek declared that China's sovereign rights could not be sacrificed even at the expense of war and announced four conditions for reaching a peace agreement with Japan: maintaining the country's territorial integrity and its sovereign rights; the status of the Hebei-Chahar Political Council should be regulated by the Central Government; external pressure was not allowed on the process of appointing local officials appointed by the Central Government; restrictions on the deployment of Chinese troops of the 29th Army in the disputed territories should not be allowed¹⁰⁰⁶. Nanjing's counteroffers included establishing a temporary truce, during which the opposing sides would return to their original position, and all decisions of the North Chinese regime should be made with the approval of Nanjing. After the return of General Song to Beijing, a meeting of the

¹⁰⁰⁴ Japan and China // Ibid. Jul 17. P. 12.

¹⁰⁰⁵ Still waiting in China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 17. P. 13.

¹⁰⁰⁶ North China not to become a second Manchuria // Ibid. Jul 20. P. 6.

Political Council was held, as a result of which it was reported that the prospects for resolving the conflict were quite clear. However, the Japanese military representative in Tianjin said that a date for the withdrawal of Japanese troops would not be set until the Japanese side was satisfied with the prospects¹⁰⁰⁷. As a result, a relative settlement of the issue was achieved.

A mutual agreement was worked out between the Political Council and the Japanese side, the contents of which were not subject to publication so as not to provoke public condemnation. From Japanese sources, it became known that almost all of Japan's demands put forward at the height of the crisis were met, some of which were just voiced in Chiang Kai-shek's speech.

Despite the virtual ban on speaking on behalf of the Chinese authorities, the Political Council submitted a note to the Japanese side, confirming its readiness to remove from the decision-making field those persons who impede Sino-Japanese relations, suppress the communist movement, control the activities of anti-Japanese organizations and suppress anti-Japanese education¹⁰⁰⁸. Song Zheyuan promised to withdraw the 37th Division, which had been involved in recent skirmishes with the Japanese, away from Beijing and replace it with the military of the 29th Army¹⁰⁰⁹. A telegram was sent to Nanjing to receive information about the further fate of the agreement¹⁰¹⁰. Also, the official report of the Hebei-Chahar Political Council stated that the Japanese did not put forward demands for a reshuffle in the Council. Passenger traffic on the Beijing-Hankou railway was also resumed¹⁰¹¹. To this, the official representatives of the Chinese Central Government in Nanjing reported that they resolutely denied the information about the acceptance of Japanese conditions for resolving the crisis in North China, which were accepted by the military authorities in Beijing, but did not receive approval from the country's leadership¹⁰¹². In response to this, the Japanese War Ministry's communiqué demanded that the

¹⁰⁰⁷ Chinese report of easing tension // *The Straits Times*. 1937. Jul 20. P. 11

¹⁰⁰⁸ Hopei-Chahar Note // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. Jul 24. P. 2.

¹⁰⁰⁹ New hitch in N. China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 22. P. 11.

¹⁰¹⁰ Terms of agreement held. "Almost All" Japan's demands met // *The Times*. 1937. Jul 23.

¹⁰¹¹ New ominous moves by Japan...

¹⁰¹² Japan threatens to insist Chinese quit South Hopei // *The New York Times*. 1937. Jul 24. P. 1.

stipulated measures be approved by the central government, as Nanking insisted, without which the agreement would be considered null and void¹⁰¹³. As a result, the Central Government found itself in a legal trap. Meanwhile, Qing Dechong left the post of mayor of Beijing.

By the end of July, all hopes of averting a war in North China had vanished and were only left to end it quickly. Within a few days, the Japanese army surrounded Beijing. The Japanese authorities insisted on the position of the Hebei-Chahar Political Council without the intervention of Nanjing, but the Central Government made a statement that it did not recognize the agreements concluded on behalf of the Council, which it did not accept, and warned Japan that it would not approve agreements providing for any territorial concessions in the Northern China, since the Japanese authorities would then have won another diplomatic victory.

The Japanese leadership, represented by Prime Minister Kanoe and Foreign Minister Hirota, made a number of statements about the absence of territorial claims against China, about the desire for the cultural development of East Asia and about the unwillingness of war.

Nanjing confirmed that, in order to avoid further problems, General Song Zheyuan was entrusted with the command of government troops that had recently entered Hebei and were concentrated in the vicinity of Baodingfu. He was made responsible for solving this problem, since he was the one who controlled a large and well-equipped and disciplined army¹⁰¹⁴. The Japanese stated that Song Zheyuan was obliged to withdraw the troops of the 29th Army from the territory adjacent to Beijing. However, the army personnel refused to leave the area, so the Japanese began to force out the Chinese troops, they were resisted, and as a result, the war began.

On July 28, 1937, reports from the north reported that 800 soldiers of the 29th Army stationed near the walls of Tongzhou were destroyed in aerial bombardment after refusing to surrender their weapons to the Japanese. Another report said that

¹⁰¹³ Settlement in N. China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 24. P. 14.

¹⁰¹⁴ More fighting. 800 Chinese killed by air bombs // *The Times*. 1937. Jul 28.

the fighting broke out in the afternoon near Nanyuan, a town just south of Beijing, where one brigade of the 37th Division and other troops were stationed. Chiang Kai-shek ordered General Song Zheyuan to retreat from Beijing and Tianjin to avoid civilian casualties in those cities, although this was seen by many as a tactical move. This step meant that he set about organizing military forces for a counterattack¹⁰¹⁵, and, as a result, the start of hostilities.

The world and Chinese public continued to perceive Japan along with its imperial ambitions, backed up by the Tanaka memorandum, the Twenty-One Demands, the Amo declaration, the Tada manifesto, and some other acts that clearly indicated Japan's offensive policy. Besides, if Prince Konoe was so interested in developing oriental culture, he could find better ways to do so than by bombing Chinese cities. The Chinese said: "World history has not known a situation in which one country invaded another for the sake of friendship and cooperation with it. The Japanese presence will not end so easily: the Mongols remained in China for a hundred years, and the Manchus for three centuries¹⁰¹⁶. And although Beijing was no longer the capital of China, it was still perceived as the site of the Jade Scepter and the Dragon Throne, so the bombardment of the red and yellow roofs of the Forbidden City was bound to provoke a backlash in Chinese society sooner or later.

The futility of further efforts by the Hebei-Chahar Political Council in persuading, first of all, its leadership in Nanjing to maintain peace, became more and more obvious to everyone. On August 19, the Domei Agency published an announcement by the Japanese side that the Political Council would be abolished and that this structure would be replaced by a new one, which would include representatives from Hebei and Chahar. Its first meeting is to take place in the near future. Thus, the last administrative connection of the multimillion-strong region with Nanjing was severed, and control over it passed into the hands of the Japanese

¹⁰¹⁵ A look around // Malaya Tribune. 1937. Jul 31. P. 10.

¹⁰¹⁶ The war in China //The Manchester Guardian. 1937. Jul 29. P. 8.

military¹⁰¹⁷, where the 11th division of the Manchukuo army immediately advanced¹⁰¹⁸.

The new body was supposed to adopt a resolution stating an objection to the introduction of troops from the "southern" territories of China into the territory of these two provinces, expressing determination to protect the population of the provinces from the horrors of war and confirming the readiness to establish friendly relations with "neighboring countries"¹⁰¹⁹. In this regard, the situation had two outcomes. The first was that Song Zheyuan would remain loyal to Nanjing to the end and, even having a real opportunity to prevent hostilities, would fulfill all the instructions of Chiang Kai-shek, even if they led to disaster (which eventually happened). The second option boiled down to the fact that the general would go over to the side of the Japanese and build the situation in the region by creating another "Go" - a state controlled by Japan, uniting the territories still controlled by him under the name Hebei-Go.

At that time, Japan had about 1,200 combat aircraft, China - about 400, other equipment for a land war was much more perfect than China, which hardly had combat-ready tanks, although in terms of artillery, the forces of China and Japan were equal. Japan had 2.8 million fully armed and well-trained soldiers, with nearly 7 million Japanese civilians receiving mandatory military training, while China had no trained civilian reserve and its so-called 2 million soldiers came from villages or the hastily recruited and ill-armed poor.

According to non-Chinese military experts, the Chinese military machine was not only far from full, but even combat readiness: there were no rebuilt relations within the army, German gun carriages did not fit Czechoslovak guns, French cartridges were useless with English rifles, Italian aviation instructors did not know American aircraft, Russian instructors did not understand the tactics or strategy that should have been used in this war, and there was no unity of spirit within the

¹⁰¹⁷ Hopei-Chahar council suspended // The Times. 1937. Aug. twenty.

¹⁰¹⁸ Japan's grip on N. China // The Manchester Guardian. 1937. Aug. 20. P. 9.

¹⁰¹⁹ New government in Hopei-Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Aug. 20.

command staff, and rare high-ranking military commanders could think in terms and categories of coordinated work. The Japanese Prime Minister was well aware of these figures and was also well aware that Chiang Kai-shek was also soberly assessing the situation. But in the end, both leaders realized that, on the whole, China's human resources and natural resources¹⁰²⁰ that could be used in war were practically endless¹⁰²¹. As a result, the measures to prevent a military conflict proposed by Song Zheyuan did not receive approval from official Nanjing, which led to a full-scale war, which in the first 6 months led to the capture of 400 thousand miles² of Northern China, where 75 million people live, as well as 65 thousand miles² in Central China with a population of 40 million people¹⁰²².

Summing up, we note that in the light of the implementation of the autonomization plan adjusted by Doihara, the Hebei-Chahar autonomy, along with the autonomy of Eastern Hebei, should have served the Japanese side as a certain compensation for the efforts of its representatives and a demonstration that the plan to separate North China and withdraw it from under the influence of Nanjing, although it has changed, it has retained its fundamental significance. And if Eastern Hebei served as a kind of irritating factor for the official Nanjing, the subject of bargaining and mutual concessions, then the autonomy of Hebei and Chahar should have acted as a demonstration of the possibility of coordinating positions and the ability to find a compromise.

The considered models showed their similarity both in terms of their design and development, and in terms of domestic policy, based on effective financial, economic, logistical and ideological instruments. Both models had an integral political organization, clearly defined boundaries, a set of common features characteristic of polities of this kind, a certain independence in resolving certain issues, and a similar status that did not allow them to claim independence.

¹⁰²⁰ *Dudin P., Husainov Z.* Quasi-States and Autonomies of Northeast China as the Instrument of Ensuring Economic Stability of Japan (Based on the Materials of the American Mass Media the 1930s) // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. 8S. P. 102–106.

¹⁰²¹ Japan–China: Another Kuo? // *time*. 1937. Jul 26.

¹⁰²² Suiyuan reports Mongolians' raids // *The New York Times*. 1938. Jan. 24.

Both models at the initial stage of their existence showed the ability to ensure order on their territory, which, on the one hand, was a common thing for the actually disintegrated by the mid-1930s China with its local generals and independent provincial governments, on the other hand, served as a demonstration of the weakness of the power center in the person of Nanjing and required the regional elites to reorient themselves to another power center - Japan and its satellite Manchukuo, and for themselves - to build more effective institutions by analogy with Manchu and Mongolian. We see two aspects as extremely important here: the first is the desire of the Japanese side not only for dialogue, but also for the establishment of order through various kinds of agreements that fix norms acceptable to three parties: their own, Nanjing and local. The second aspect is reliance on local elites, who (and not the Japanese military, for example) stand at the head of new polities. They were assigned a special role and importance in the issue of stabilizing the situation in the region: in Eastern Hebei - to the well-known functionary General Yin Zhugeng, and in the Hebei-Chahar autonomy - to the no less authoritative and effective manager, General Song Zheyuan. The only difference between them was that if the first goes down in modern history as a collaborator who was tried and deserved severe and just punishment after the end of the war, then the second will remain underestimated neither by his contemporaries nor by his descendants. At the same time, both generals were hardly guided by any selfish or mercantile motives, in connection with which their key decisions were dictated by the desire to see their region successful, prosperous and strong, which the policy of the Kuomintang could not provide. And, obviously, it is impossible to deny the fact that without their participation the war would have started earlier, and with their slightly greater powers and a slightly more trusting relationship with the Chinese leadership, it would not have started at all or much later, cannot be denied.

Both models reproduce hard ideological content in the form of anti-communist doctrine and practice, as well as a renewed perception of Japan's place and role in the region. This content is not only included in various agreements and pacts, but also becomes a leitmotif in work with the media, with the teaching staff of

educational institutions, professors and students, authors of educational publications, etc. In less than two years, it will acquire a global scale and will turn into the ideology of the Asian Federation, in the construction of which more than a dozen states of East Asia will be involved, and the restructuring of the state and legal mechanism of these countries themselves will be based on the Manchurian monarchical and Mongolian republican models already mentioned and partly studied by us, which have proven their reliability and effectiveness.

Finally, one of the properties of the regional political order in East Asia that we have deduced is the dynamism of the processes in which political organization develops. In this regard, we state that the dynamism of the processes we studied in constructing both the first and second models of autonomy led the region to the next stage of its development - the formation of full-fledged state institutions with all the attributes inherent in the state. From the perspective of our study, we will make a reservation that, of course, most of the features and properties of statehood mentioned in paragraph 1.3, the studied autonomies did not possess, nor did they seek political isolation either within the Republic of China or with the advent of the Japanese: even Eastern Hebei formed political opposition to Yin Zhugeng, when his rhetoric began to push autonomy towards independence. In the case of the Hebei-Chahar autonomy, independence was imposed only on part of the Japanese military command and was not supported by Tokyo, therefore it did not and could not lead to the formation of an independent state, the next Guo (by analogy with Manchukuo and Mongolian Guo).

However, this was not required. In the period 1935–1937 a support base was needed, which Japan built, successfully using local resources and not resorting to military measures. The faith of the military command of the Kwantung Army in its destiny, the good done, the fight against evil, including for the Chinese people, delivering them from enemies and bandits in the person of the incompetent leadership of the Kuomintang is the most important element in building a buffer state in northern China at all stages of its short, but an iconic story.

It should be noted that the north, its population and administration have always felt their own peculiarity in relation to other territories and provinces of China, dictated by the feeling of capitalism due to the proximity of Beijing, and the ability to control key state resources for a long time in the imperial and Beiyang periods. Thus, there was a potential request for the statehood of the north, which could be implemented either as one of the scenarios mentioned in paragraph 2.3, or in a different format, but not used by the Japanese side for objective reasons.

To this was added the obvious selfishness and incompetence of the representatives of the Nanjing administration, which often did much more and acted much more effectively than any, even the most professional Japanese agitators, to transfer Chinese citizens to the enemy camp. Slowness and half-heartedness in decision-making did their job, as well as the factor that often governors, and the highest command staff of the region, and the inhabitants of the provinces themselves were left alone with their problems, which official Nanjing could not or did not want to solve. As a result, the buffer autonomies were supposed to act as a stage in the formation of a full-fledged statehood of the region, and they coped with this task.

CHAPTER 4. BUFFER STATEHOOD AND THE REGIONAL POLITICAL ORDER OF NORTHERN AND EASTERN CHINA IN 1937-1945

4.1. The Provisional Government of the Republic of China and the buffer statehood of Northern China

The attempts of the Japanese to build a national state in northern China were doomed to failure, and this was well understood, first of all, by the Japanese themselves. Therefore, their initial plans were to create a network of buffer autonomies, cutting off the Nanking leadership from the economic provinces of North and Northeast China. By the spring of 1937, this task was completed: the provinces of Hebei, Shandong, Shanxi, Henan and Jiangsu, which are an arena for future political maneuvers, are under more or less stable control of the Japanese. However, further events that put Japan and China in the conditions of inevitable hostilities forced the command of the Kwantung army to reconsider the strategy of its presence in the region and impose its new vision on official Tokyo.

On the agenda is the task of securing economic control over the richest part of the vast Chinese coastal territories, in which Western powers have also had significant interest for more than a century. But by the summer of 1937, the necessary conditions were ripe for a change in this disposition as well: a crisis was growing in Europe, Soviet Russia was going through a period of internal struggle and repression, and the forces of the Red Army, unable to intervene in Northern China, were tested by the incident on the Amur.

But there is a danger inside China: if Japan takes a wait-and-see attitude, then all preparations could be destroyed by a wave of emerging nationalism¹⁰²³.

¹⁰²³ North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 13. P. 10.

China is gradually gaining strength and in 5 years it may turn out to be insurmountable, besides, there has always been a danger of an alliance with the communists and the creation of a united front.

Therefore, the Japanese military is starting to discuss the creation of a single regime capable of not only occupying a dominant position inside China by force, but also legitimizing itself in the eyes of the international community: the experience of Manchukuo taught the Japanese leadership a lot. Let us focus on the main stages of the implementation of this plan and its key areas.

First stage begins in the spring-summer of 1936, when the Hebei-Chahar autonomy proved its effectiveness, so Yin Zhugeng, Shi Yuxiang, Pei Chongwu, Gao Lingwei, Wang Yitan, Li Shibo, Liu Chongyu and some other representatives of the main backbone of the Hebei-Chahar Political Council. It was decided that Shi Yuxiang would send his so-called anti-communist autonomous army to create unrest in the demilitarized zone, and the territory occupied by the Japanese would be placed under the control of the new government.

Following this, Pei Chongwu was sent to Changchun to consult with General Ueda on the formation of a unified army. The day before, on June 17, 1936, a threat of military unrest was voiced in Tianjin with the participation of General Chang Chichun, who assumed the duties of mayor and warned the city's population about preparations for evacuation, after which many residents with their families, fearing trouble before the Festival dragon boats, took refuge in the territory of British and French concessions¹⁰²⁴: as we remember from the above, foreign concessions served as an effective means of hiding anti-Japanese Chinese elements.

With the outbreak of full-scale hostilities in July 1937, Japan had sufficient resources and basically pursued a policy of fighting the forces of Chiang Kai-shek by military means - concentrating superior reserves and thereby destroying the main forces of the Kuomintang army in order to force Nanking to surrender after Beijing. The balance of power in North China was 180,000 Japanese troops and at least

¹⁰²⁴ Puppet State in North China? // Malaya Tribune. 1936. Jun 18. P. 11.

400,000 troops from China. The Japanese pushed vigorously south and west along the three directions of the railroad from Beijing, eventually fighting 35 miles south of Tianjin by September 10, 1937¹⁰²⁵. Realizing the imminent victory, at the end of July 1937, a conference was organized in Beijing on security issues in the capital area, headed by Jiang Chaozong, and in early August, a similar conference headed by Gao Lingwei was held in Tianjin.

In order to permanently break China's political unity and weaken its military power, the Japanese relied mainly on naval blockade and aerial bombardment: while the fleet patrolled the coast and blocked the mouths of large rivers, the air force ruthlessly bombed the big cities in the war zone. In these raids, military objectives were less important than government communications centers and other such installations, and the vulnerability of the civilian population, so raids and destruction rather than conquest were chosen as methods, and the Japanese army played little role. Since the Japanese intended to use this territory in further steps to advance deep into the continent¹⁰²⁶, they tried to cause no more damage to the infrastructure of the region than was necessary. As early as October 22, 1937, the Japanese established external control of post offices in the region, 12 Japanese advisers were assigned to the post offices of Beijing and Tianjin, and direct air mail was organized between Tianjin and Japan through Dairen¹⁰²⁷. Thus, the management of this part of China was both economic and military, and the time has come to complete its political component.

Since the main result of the spring-autumn military campaign was to be the formation of a single buffer territory, the Japanese side seriously took up the discussion of the plan to create the Provisional Government of China and the formation under its auspices of its own, alternative to the Nanjing government, political institutions, the symbolic climax of which were to be legitimization ceremonies in the Forbidden City in Beijing. The fact is that back in the spring of

¹⁰²⁵ Japanese advance in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Sep. 11. P. 16.

¹⁰²⁶ The dual war // *The Manchester Guardian*. 1937. Oct. 1. P. 10.

¹⁰²⁷ Japanese plans for North China // *The Times*. 1937. Oct. 23.

1933, the Japanese almost took the former capital of China: by mid-May, they came close to the Great Wall, and only the truce reached saved both states from the threat of capturing the city. On the one hand, the defeated Chinese military concentrated in the city, their departure by train from the combat zone was hastily organized, and there was no one to defend the city. On the other hand, the Japanese military was not eager to take the city and take on the solution of the problems of 1 million residents of Beijing. Thus, the truce saved the Japanese from an uncomfortable success and the Chinese from a complete disaster¹⁰²⁸. Now the situation has changed. The Japanese were ready to occupy the city and create new political formations in the controlled territories.

The Provisional Government was to consist mainly of elderly statesmen and military leaders of the former (pre-Kuomintang) Republic of China, and Major General Seiichi Kita became the "chief architect" of the new polity, who on September 4, 1937 was appointed head of the secret service of the commander of the armed forces in Northern China. This service was called upon to control the emerging political mechanism of Northern China, and Seyit Kita until March 1940 remained the real ruler of the north¹⁰²⁹ and the last, after Kenji Doihara, a candidate for the proud title of Asian Lawrence.

The forerunner of the proclamation of the Provisional Government was the creation of the People's Association of the Republic of China, initiated by the Japanese side, the purpose of which was to maintain the new political regime in the eyes of the broad masses of the population of the provinces of Shanxi, Hebei, Henan, Shandong and the cities of Beijing and Tianjin, develop industry, promote oriental morality and culture and participation in the anti-communist alliance. The headquarters was based in Beijing, at the same time various professional and regional branches appeared, public organizations and clubs were involved in activities. Wang Kemin and Yang Bin were placed at the head of the organization.

¹⁰²⁸ At the gates of Peking // Ibid. 1933. May 26.

¹⁰²⁹ Nanking again bombed // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 22. P. 16.

According to experts, the new administration had the potential to have the greatest impact on all of Northern China and the Yangtze Valley¹⁰³⁰. The creation of the Provisional Government of the Republic of China was intended to replace the government in Nanjing, as stated by Tang Erhe in an official proclamation, which, among other things, stated that the new administration aimed to abolish the one-party system, take all measures to combat communism, establish friendly relations with neighboring countries to strengthen the East Asian moral principles and the development of leading industries. Beijing was declared the capital of a new government, to which was added the Autonomous Government of Eastern Hebei and was expected to be joined by the authorities of the provinces of Shanxi, Henan and the northern territories of Shandong.

In December 1937, Prime Minister Prince Fumimaro Konoe undertook to provide support from the top leadership of Japan, making a long statement about the fall of the Chinese capital. In the course of his speech, he proposed that concrete measures be taken for the existence and prosperity of China under the new and proper administration that might emerge after the collapse of the regime in Nanjing. After analyzing the course of events since the outbreak of hostilities and paying tribute to the Japanese armed forces, he stated: "The government of Nanjing was reduced to a local military administration, which showed no signs of reconsidering its erroneous policies and refused to accept responsibility for the consequences of its anti-Japanese position. Japan should reconsider its Chinese policy and not reduce the punishment for the anti-Japanese administration and armies. The world is now in a period of change. In the light of this world trend, China's nation-building will be successful only on the basis of friendly cooperation with Japan. Such a new China would serve to protect foreign interests in the Far East. The fall of Nanjing is only a prelude to the solution of the Chinese question and marks the beginning of real and protracted hostilities. Foreign powers will certainly understand Japan's position as a

¹⁰³⁰ New Republic of China // Malaya Tribune. 1937. Dec. 15. P. 11.

stabilizing force in East Asia¹⁰³¹. " Several high-ranking military, naval and political figures also made statements in a similar tone, the general background of which was that the military actions in North China clearly demonstrated Japan's mission to stabilize conditions in East Asia, so it should resolutely seek to help North China install a new government completely different from the composition of the Kuomintang regime, and is intended to eventually become the central government of the country, while the Japanese authorities are determined to implement their program in North China, and the huge sacrifices made by Japan in the current military operations will be useless if this is not done.

As a result, on December 24, 1937, at a meeting of the Cabinet of Ministers of Japan, a document was adopted entitled "Fundamental Foundations of the Policy to Combat Military Resistance in China", in which the idea was voiced of ignoring the opinion of the government of Chiang Kai-shek as illegitimate if it did not agree to world. To overcome the confrontation from Nanjing, it was proposed to create a new central government of a possible separate state in northern China¹⁰³² and already with him to sign an agreement on the establishment of diplomatic relations between the two countries. In January 1938, the Japanese government publicly announced that the country would not spend its main forces on fighting the former national government of Chiang Kai-shek, thus focusing on strengthening the regimes it created in the occupied territories and their unification based on Manchukuo¹⁰³³. It was proposed to rely on local forces and resources, including political ones, therefore, in most cases, local famous personalities became the leaders of the regimes, who often did not differ in exemplary behavior and good reputation in the previous era, and sometimes they were ordinary bandits and looters who used weakness The central government and the centrifugal tendencies of the provincial authorities in their own interests.

¹⁰³¹ Japan Now Expects A Long War // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Dec. 25. P. 9.

¹⁰³² Great battle for shanghai continues // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 26. P. 14.

¹⁰³³ Eventful year in Japan // The Observer. 1938. Jan. 2. P. 10.

Thus, by the winter of 1937-1938 all the necessary external conditions have ripened for the institutionalization of a new political structure and giving it an international legal status, which marks the beginning of second stage development of this buffer statehood.

The provisional government of the Republic of China in Beijing was perceived by many as exactly the correct administration that Konoe spoke of, but Tokyo has so far refrained from recognizing this government *de jure*. Disappointment among the collaborators was also felt due to the fact that the Japanese side has not yet been able to secure the support of many Chinese leaders who are eager to go over to Japan's side. Therefore, first it was necessary to solve organizational and personnel issues.

Three Yuan were created in the structure of the Provisional Government: administrative, political and judicial. The administrative head was Wang Kemin. The personality of this politician is of genuine interest for a number of reasons, but above all - as a major state functionary who has gone over to the side of the enemy. The reasons for this, in our opinion, lie, in part, in the fact that in his youth, like most of his colleagues in the collaborationist camp, he went to Japan, where he studied and served in various positions, absorbing the culture and values of this country. Returning home, he continued his diplomatic career at the Ministry of Foreign Affairs, and in 1908 he headed the Department of Foreign Affairs of Zhili Province (Hebei). In 1913 he went to France and returned to China as director of the Sino-French Industrial Bank, and in 1917 he became president of the Bank of China and briefly minister of finance in the Provisional Cabinet of Wang Shizhen (until February 1918), then continuing his career in the banking sector. In 1923, he again briefly assumed the post of Minister of Finance in the Cabinet of Gao Lingwei, having worked in it for about a week, but returned to the post in 1924 by the decision of President Cao Kun, again for a very short time. During Zhang Zuolin's presidency, he was a member of the Customs Committee. After the Kuomintang came to power, he retired to the north, working in financial positions, and in June 1935 he was appointed mayor of Tianjin. With the establishment of the Provisional Government,

Wang Kemin was approved as the chairman of the Administrative Yuan and the administrative department within this Yuan, as well as a permanent member of the Political Yuan, becoming the de facto head of government and supreme leader of the new polity. The following year, he began negotiations with Liang Hongzhi, who founded China's Reform Government to merge the two regimes. On September 22, 1938, he headed the Joint Committee of the Governments of the Republic of China, and in June 1939 he began negotiations with Wang Jingwei on the consolidation of all anti-Kuomintang forces and achieved success in this. With the formation of the National Government of the Republic of China in 1940, he headed the Administrative Committee of North China, and also held a number of other government positions. On December 6, 1945, Wang Kemin was arrested, imprisoned for traitors, and died either due to illness or suicide.

Tang Erhe, who graduated from the Japanese Imperial University in Tokyo, became the chairman of the Political Yuan and head of the Department of Education, as was the head of the Judicial Yuan, Dong Kang. At that time, Tang Erhe had already crossed the 60-year mark and had a rich track record and well-deserved authority. After living in Japan for a long time, after his return to his homeland, Dr. Tang was appointed president of the National Medical College in Beijing. Later, he alternately served as the Minister of Education, the Interior, and Finance, as well as the Director General of the Office of Salt Works in the Government of the Republic of China, served as editor of the Independent Critic, a well-known weekly published in Beijing under the general editorship of Dr. Hu Shi, the author of several scientific papers on medical science in Chinese.

The Administrative Yuan consisted of four departments - Administrative, which, as already mentioned, was headed by Wang Kemin; the Department of Security, which was headed by Qi Qiyuan, who was also the commander-in-chief of the army of North China; the Legal Department headed by a graduate of the Faculty of Law of the Tokyo Imperial University, former Minister of Justice and Internal Affairs of the Beiyang Government Zhu Sheng; and the Department of Finance, headed by Van Yitan, who also headed the later created Department of the Interior.

After some time, the Department of Industry was formed, headed by Wang Yingtai. Former 2-week prime minister in June 1917, Jiang Chaozong became mayor of Beijing, and former Chinese President Gao Lingwei became mayor of Tianjin while acting as prime minister. The Japanese government has delegated three senior advisers: on administrative, legal and military issues, as well as 15 assistants to ministries and departments. Immediately after being approved in the current composition, the entire composition of the Provisional Government went by train to Tianjin to thank the commander-in-chief of the North China Front, General Hisaichi Terauti, for his help in creating a new regime - a kind of kneeling ceremony.

Meanwhile, the Japanese civil authorities were looking for a way to stop the hostilities or minimize their damage, because they were clearly aware of the catastrophic consequences of the war for Japan's weak economy. In addition, at this stage, the new buffer polity faced the problem that the Japanese side tried by all means to avoid - the international community, represented by a number of Western powers that have the greatest economic interest in the region, finally showed the activity that was not observed during the creation of autonomy Eastern Hebei and Hebei-Chahar.

As already mentioned, the civil authorities of Japan, with the beginning of the aggravation of the situation in the northeast, were concerned about the world reaction to the further conquest of China. Its interests affected not only the Chinese side, but also other participants in economic relations in the region. Thus, the British had certain commercial interests, who owned mining mines, whose fate was in limbo and on which the leadership of Eastern Hebei expressed its claims.

Emperor Hirohito's advisers seriously feared a possible international economic boycott of Japan, but the situation was assumed to be similar to that of events between Italy and the League of Nations regarding Ethiopia. Recall that the French side in settling the Italo-Ethiopian war, mistakenly fueling the belief of the Emperor of Abyssinia that the League of Nations would support him if he showed firmness in refusing the proposals of the Italian leadership to cede certain territories, etc., took measures or made proposals that do not take into account real events. What this led

to is a well-known story. As a result, the Italians launched a fleeting campaign, which the League of Nations could not stop, and by the time of the events described in this paragraph already controlled the Ethiopian territories in the north, east and south. Local residents hoped for oil sanctions that could be imposed on Italy at the beginning of 1936, but even then it was clear that France did not agree with this idea, just as Great Britain was not interested in deepening the conflict¹⁰³⁴, so Italy's Abyssinia was actually forgiven. The situation in China unfolded according to a similar scenario. Of the Western powers with interests in the region, the positions of three of them were decisive: Great Britain, the United States and Germany. Let's consider them.

UK position. Like the French in Ethiopia, Great Britain recommended to Chiang Kai-shek to stand firm and prevent the division of the provinces of Northern China, giving hope for its protection and motivating the position that any new regime in this region would be controlled by Japan¹⁰³⁵ and, accordingly, pose a threat to Nanjing. The complete capture of this area by the Japanese would have negative consequences for the British around the world¹⁰³⁶, so as soon as the topic of secession came up, Great Britain spoke out strongly against the establishment of such a status and managed to assure the Chinese side that it had no intention of seeing Japan penetrate the Pacific economic zone¹⁰³⁷. Later, British Foreign Secretary Samuel Hoare said that Japan's influence on the movement for the independence of the region could only harm the prestige of this country¹⁰³⁸, which was very cold in the environment of Japanese diplomacy and, in turn, irritated Downing Street officials and forced them to prepare public opinions against Japan¹⁰³⁹. However, the foreign policy of Great Britain did not go beyond these statements, for which observers reproached it, predicting in the future a situation similar to that in Europe in 1938-1939. At the same time, on November 19, 1935, British Ambassador Ronald Lindsay

¹⁰³⁴ A look around // Malaya Tribune. 1935. Dec. 14. P. 12.

¹⁰³⁵ Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1-2.

¹⁰³⁶ Double-dealing with China // The Washington Post. 1935. Nov. 30. P. 8.

¹⁰³⁷ British foil China coup // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 22. P. 3.

¹⁰³⁸ World warned that US frowns on move for autonomy // The Washington Post. 1935. Dec. 6. P. 1-2.

¹⁰³⁹ Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // The Times. 1937. Aug. 26.

met with Undersecretary of State William Phillips and voiced the provisions discussed in the press: both countries had large investments and business interests that could be affected by Japanese influence on economic and budgetary affairs in Northern China.

But this European country at that time did not plan to actively participate or intervene, with the exception of taking measures to protect the lives and property of its citizens. In a letter to the editor of *The Manchester Guardian*, data was given that the number of British troops in North China as of July 1937 was 1,007, including 252 guards from the British Legation. The number of French troops stationed in Hebei ranged from 1700 to 1900 people, most of which were located in Tianjin, in addition to this, 1600 privates and 60 officers were dispersed between the cities of Shanghaiishuan, Qinghuangdao, Tanggu and Beijing, which included 120 employees protection of the French embassy. Japan, like all the powers that signed the Boxer Agreement of 1900 and its Protocol of 1901, was entitled to station its troops at certain points in North China. Beijing and Tianjin were among such points. The treaties did not stipulate a limit on the number of troops allowed to be deployed by each of the individual powers, but provided for a general maximum of 8,200, which was repeatedly exceeded during moments of crisis, of which there have been many in China lately. The author of the letter pointed out that at the beginning of July 1937 the number of Japanese troops in North China was approximately 7 thousand people¹⁰⁴⁰. Thus, the Japanese military contingent in North China, together with the troops of other powers, according to the agreement and protocol following the results of the Boxer Rebellion of 1900–1901, exceeded the agreed conditions.

The treaties also took into account the right to conduct field exercises and use rifles in their arsenal, but naturally, they did not provide for the right to carry out large-scale maneuvers in the region. Together, these factors, occasional provocations by Chinese residents, and a number of secret agreements signed by the authorities in North China since 1932 with the commanders of the Japanese army

¹⁰⁴⁰ Letters to the editor // *The Manchester Guardian*. 1937. Oct. 16. P. 7.

also significantly accelerated the approach of war. The official texts of these documents were not published at that time, but it was known that they allowed significant privileges for the Japanese side in Northern China. On this basis, the Japanese government could claim certain benefits, which, of course, fit into the framework of the Nine Power Treaty, but remained illegal in the eyes of the rest of the world.

US position. In 1935, a convention of the US National Foreign Trade Council was held in Houston, at which the Governor General of the Philippines and the American ambassador to Japan, William Cameron Forbes, spoke, who had recently returned from China after a long trip and told the convention delegates that in the interests of the United States, more energetic trade policy in the Far East¹⁰⁴¹. As a result, the Roosevelt administration warned the Japanese government that it considered Japan's expansionist policy on the Asian mainland to be contrary to the Nine Power Treaty¹⁰⁴². But this is where American activity fades away. The US government was somewhat wary of the autonomy movement in North China, which was generally seen as a policy of expanding the Japanese sphere of influence south of the Great Wall. Beijing, home to the American embassy, and Tianjin, an important port in northern China, where American interests have always been present, were not involved in this process for the time being. The United States had troops in Tianjin and their status under the new Japanese-controlled regime remained unclear. Two battalions of the US 15th Infantry Division were stationed in the main northern Chinese port city, where the last major Japanese troop movements occurred at the same time as the autonomist campaign in the region. The presence of the military on Chinese soil, as well as other foreign detachments, was allowed in accordance with the protocol signed in 1901 by China and the USA, Japan, Great Britain, France, Belgium, Italy, the Netherlands and Portugal after the need arose to come to the rescue to its citizens during the Boxer Rebellion, and later to guard the railway from Beijing to the sea. The battalions of the 15th Infantry Division included 48 officers,

¹⁰⁴¹ American watch on events. British ambassador's call // The Times. 1935. Nov. 20.

¹⁰⁴² US Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. Nov 25, 1935. Pp. 1–2.

2 ensigns and 700 lower ranks under the command of Colonel George A. Lynch, a native of Iowa. In addition to these forces, a detachment of 500 to 600 Marines was stationed in Beijing as an embassy guard under the command of Colonel Presley M. Rixie, Jr. from Virginia, while more than 1,000 Marines formed the American part of the international settlements in Shanghai under the command of Colonel John S. Beaumont of Washington. The Asian fleet under the command of Rear Admiral Orin S. Martin was stationed in Manila, to which were added 6 more patrol gunboats on the river. Yangtze. The impression prevailing among the US military was that no matter what complications might arise between the opposing Chinese political factions, the Japanese army, which supported the autonomists, would not stand in the way of preventing any incident. Therefore, representatives of the US War Department stated that they would maintain the *status quo* under any scenario. But there were no incidents that could involve American soldiers in the conflict, so they participated, together with the military units of other foreign states, in guarding the communication line between Beijing and the sea.

Meanwhile, the Beijing-Tianjin railway came under the complete control of the Japanese army, which already took part with the troops of other countries in its protection, so there was no reason for the continued presence of other foreign troops in this area¹⁰⁴³. However, if at the beginning of December 1935 Japan and the rest of the world were informed by Secretary of State Hull that the United States government was monitoring the movement of autonomy in North China¹⁰⁴⁴, then after 6 months the American rhetoric changed and the events in North China, the US representatives almost open was called the process of creating a new Manchukuo by Japan¹⁰⁴⁵. In an official statement that followed a sharper warning from Japan in the British House of Commons, the secretary of state called on all nations to respect existing treaties. The Nine-Power Treaty became the main instrument that guided American policy in the Far East. Although Japan was not mentioned in the

¹⁰⁴³ Future status of US troops in North China is uncertain // The Washington Post. 1935. Nov. 29. P. 9.

¹⁰⁴⁴ America warns Japan on China autonomy moves // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 6. P. 1–2.

¹⁰⁴⁵ A new Manchukuo // Ibid. 1936. Jun 2. P. A4.

secretary's statement, "Japanese activities" were noted in the preface, emphasizing that the statement was made in response to a request from correspondents¹⁰⁴⁶. Such sensitive issues have made diplomats in Tokyo very wary. It is obvious that they would like to establish de facto control over these rich Chinese provinces without arousing hostility and without openly violating the Nine-Power Treaty in general and American interests in particular.

The position of Germany. The inauguration of the Provisional Government allowed the Japanese Ambassador Kovago to make a statement that henceforth the Japanese Government would not recognize the administration of Chiang Kai-shek due to the fact that it could not represent the entire Chinese nation as a whole. Officially, the Japanese authorities announced their readiness to consider the new regime in North China as the birth of a new government in China, representing the will of the people and correcting the Kuomintang's erroneous course. In this regard, the position of Germany as one of the participants in the future coalition of countries called the "axis" is curious. Germany, which should have found a common language with the new regime much faster than other Western powers, but at first took a position in which, against the background of the adoption of the new Constitution by the Kuomintang regime, it remained the only legitimate one. "The constitution of the new government of the Republic of China", the German official communiqué said, "does not change Germany's relationship with General Chiang Kai-shek, whose government is still considered the only legitimate one in China. Germany will continue to be represented before the government of General Chiang Kai-shek by Dr. Oskar Trutmann, German Ambassador to China¹⁰⁴⁷. But already at the end of February 1938, official Berlin announced that it was ready to recognize Manchukuo and soon fulfilled its intention. Shortly before this, Japanese Foreign Minister Hirota made a statement that "all doubts about the reliability of Germany as an ally of Japan under the Anti-Comintern Pact must be dispelled. The German government has

¹⁰⁴⁶ World warned that US frowns on move for autonomy...

¹⁰⁴⁷ Notes & Comments. The "Provisional Government"// Malaya Tribune. 1938. Jan. 18. P. 10.

already banned the direct export of goods to China and has decided to recognize Manchukuo in the near future¹⁰⁴⁸.

A year later, the authorities of Manchukuo already placed an office in Beijing with three officials: a special commissar for combating the Comintern and two assistants, which was the result of agreements between the government of Manchukuo and the Provisional Government of the Republic of China¹⁰⁴⁹. Japanese news agencies on this wave, moving into the mode of information confrontation, reported that Italy and Germany intended to fully recognize the Beijing Provisional Government as the only legitimate one, since both countries had already recognized Manchukuo. Other sources expressed their conviction that the United States, Great Britain and France would continue to recognize the Nanjing regime (by then having moved to Chongqing) as the legitimate government of all of China, saving face but supporting *de facto* contact with the Beijing regime through their embassies. The international community was faced with the false task of a peaceful settlement or complete cessation of the Sino-Japanese war.

China's position. The Chinese government, on the other hand, tried to use the situation in its own interests, if possible, quarreling Japan with the European powers. Thus, one of the leaders of the Kuomintang, Hu Hanming, at the end of April 1934, already stated that Japan was preparing to press the interests of Great Britain, the United States and Russia in China, in addition, warming up the ideas of the independence of India and Siam and planning"... to make the Philippines a second Formosa"¹⁰⁵⁰. At the same time, the Chinese side understood that hopes for the League of Nations were unlikely, given that in the west of China, Soviet Russia pursued a similar policy, increasing its influence in East Turkestan, although with less publicity, but with great success and effectiveness. Under these conditions, all that this country could do to improve the situation was to put forward a condition for the seceding provinces to recognize their share of China's external debt, repaying

¹⁰⁴⁸ Reconitiation of Manchukuo // Malaya Tribune. Feb. 1938. 21. P. 10.

¹⁰⁴⁹ Anti-Red agent for Peiping // The Straits Times. 1939. Apr. 15. P. 4.

¹⁰⁵⁰ Warning to powers // The Straits Times. 1934. Apr. 28. P. 11.

it at the expense of customs revenues, although Manchukuo had already abandoned these obligations and all efforts from now on should have been directed to preventing the repetition of this act. The second requirement could be equality of opportunity in northern China: the open door policy in Manchukuo has so far been stalling¹⁰⁵¹, and this has caused serious damage to foreign trade.

The Japanese army presented a series of harsh and practically impossible retaliatory demands on the Chiang Kai-shek administration. Peace terms were handed over to Chiang Kai-shek's representatives through the German ambassador Oskar Trautman with the participation of the Italians and included the following demands: firstly, the conclusion of a Sino-Japanese economic agreement providing Japan's participation in China's communications, transport communications, customs relations and the development of natural resources; secondly, China's adherence to the anti-Comintern agreements; thirdly, the deployment of permanent Japanese garrisons in strategically important regions of China; fourthly, the establishment of demilitarized zones in areas designated by Japan; fifth, the formation of an independent government in Inner Mongolia; sixth, reimbursement of military expenses incurred by Japan. The calculation was made that if the Kuomintang rejected these demands, the new regime in Peking would proclaim itself the national government of all China and would sign these conditions. A definite guarantee of the continuation of resistance to Japanese aggression and the execution of Chiang Kai-shek's orders was a statement made on September 29, 1937 by the governor of Shandong, General Han Fuchu¹⁰⁵², who denied rumors that he was going to save his province from invasion by joining the Japanese plans to create a federation of northern provinces. Moreover, the locals saw the general as their ardent defender: a number of public organizations turned to Han Fuch with a request to protect the province from Japanese terror¹⁰⁵³. However, already on October 15, 1937, a message appeared that each of the five northern provinces, which were the object

¹⁰⁵¹ "Autonomy" in North China...

¹⁰⁵² Big battle in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Sep. 30. P. 14.

¹⁰⁵³ Threat to provincial capitals // *Ibid.* Oct. 14. P. 6.

of Japanese aggression, was occupied by Japanese troops. Shandong north of the Yellow River was also in Japanese hands, but the southern part was given a breather as the Japanese hoped to secure at least neutrality from Han Fuchu¹⁰⁵⁴. Feeling the weak authority of the Japanese among the northern governors, the Chinese leadership in Chongqing resolutely rejected the Japanese demands, which in practice meant the transformation of China into a Japanese sphere of influence.

And now, the new state formation, headed by the Provisional Government of China and its leaders, has a super-task - to demonstrate its usefulness and necessity in this matter. With the exception of the latter, all Japanese conditions were promised to them for speedy fulfillment. Even with this favorable position, however, the Japanese continued to have difficulty persuading important political figures from previous regimes to either join or retire, and the appeals of General Commander of the North China Front, Hasaichi Terauchi, to Chinese citizens to obey the orders of the Japanese army were inevitable. deprived the new government of Wang Kemin of popular confidence, so he still had to rely on outside military power, which turned out to be not so effective.

As in the case of the buffer autonomies studied above, the creation of effective military institutions that do not cause serious damage to the weak economy of Japan and while maintaining the international balance of power in the region became a priority for the Japanese side, but this was only achieved by June 1939, when The provisional government decided to organize its own regular army. In the meantime, in establishing the regime in Beijing, the army adhered to an opportunistic policy, choosing among the influential politicians of the north the most loyal to Japan. Its military formations were supposed to be deployed at all points along the Beijing-Hankou and Tianjin-Pukou railways. They consisted of 20,000 former Kuomintang soldiers¹⁰⁵⁵ who swore allegiance to the new Peking regime. They were also joined by formations operating in various regions of North China against the communists.

¹⁰⁵⁴ The Chinese retreat // Ibid. Oct. 15. P. 10.

¹⁰⁵⁵ Puppet Regime's Own Army // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 16. P. 2.

According to foreign military observers, since October 1937, 75,000 Japanese troops were transferred from North China for use elsewhere, up to 200,000 people - to Hebei, Shanxi and Northern Shandong, and the Japanese advance to Central China by rail Beijing–Hankou proved impossible without major reinforcements and security in southern Shanxi. However, from a military point of view, Japan's achievements in creating a new regime were less convincing than in Shanghai and Nanjing, where it was still on the rise. In Western Hebei and Shanxi, the Japanese army was on the defensive, having recently lost some territory to the intensification of Chinese guerrilla warfare, against which it was difficult to build a long defense. The Tianjin-Pukou railway to the Yellow River was in Japanese hands, but control of the Beijing-Hankou railway was unstable. The invaders moved south, finally securing a presence in the north of Henan, but in fact control was limited only to a strip of space along the railway from 1 to 10 miles wide. Their garrisons moved forward to be attacked by the guerrillas, and although there were few casualties, the attacks were regular. In some cases, the garrison preferred to withdraw from the railway to the walled cities, since many free-roaming guerrilla groups were created east of the railway, and west of the railway to Wutaishan, the entire territory from the railway was in the hands of the Chinese communist troops, who in the area The Wutaishan established a government, a post office, and even began to issue their own stamps.

Chinese troops unsuccessfully tried to defend the section of the Beijing-Hankou and Shanxi railway. In Shanxi itself, the Japanese position was far from comfortable, and the entire south and west of the province were in Chinese hands. Despite the fact that the campaign against Datong and the capture of Northeast Shanxi was successfully carried out, which provided the Japanese rear and the possibility of moving south¹⁰⁵⁶, Taiyuan was almost completely destroyed by bombing, as a result of which, at the beginning of 1938, only 400 out of 80 thousand people lived there.

¹⁰⁵⁶Biggest battle since The Great War // The Observer. 1937. Sep. 19. P. 17.

human. The new autonomous government of Shanxi at that time controlled these 400 residents.

A Japanese military spokesman confirmed that too few Japanese troops were stationed in Shanxi to control large areas and that their front lines had been placed on active defense. By mid-December 1938, the Japanese captured first Fuping, where the Shanxi government moved, and then Wutaishan, but due to the deployment of a large-scale guerrilla war, these measures did not work, because the government simply moved from this settlement to another place. The Japanese turned out to be hostages of the situation: if they leave, leaving a small garrison, then it will be destroyed, if they leave a large garrison, they will have to build barracks, organize the delivery of food, weapons and uniforms, which entailed serious costs. From the Chinese point of view, this war was also economic. It will be difficult for the Chinese side to win a final victory until economic tension weakens the Japanese war machine so much that waging war becomes impossible. Thus, the guerrillas set themselves the task of preventing the Japanese from receiving any economic profit from the north, and for this it was necessary to destroy Japanese communications¹⁰⁵⁷. Thus, the financial and economic side of the new regime was even much more important than the military, so we will dwell on this aspect of the activities of the Provisional Government in more detail.

There is some symbolism in the fact that the outward appearance of the new regime and new polity in Beijing began with the adoption of the old republican five-color flag, which people were forced to hold during the inauguration ceremony of the Provisional Government¹⁰⁵⁸. On December 16, 1937, the new flag was installed on all state institutions, including the customs chamber, to which the Japanese side announced that they expected a sharp revival of trade in North China, since the special trade rules for the Japanese would now be eliminated. In one of his first speeches as a new leader, Wang Kemin said that he took the customs situation under

¹⁰⁵⁷ North China // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 14. P. 11.

¹⁰⁵⁸ Japan sets up new China government // The Straits Times. 1937. Dec. 15. P. 11.

his personal control¹⁰⁵⁹. While commending the new regime, the Tianjin Customs Commissioner, Mr. Myers, unconditionally secured the peaceful handover of local customs affairs to the Chinese Provisional Government, which he said would benefit the UK by protecting the rights of the British in the region. The Japanese side expressed the opinion that the established customs system of East Hebei should be eliminated simultaneously with the reduction of high tariffs on Japanese goods, in connection with which the Domei Agency in Beijing predicted the adoption of tariff rates of the 1931 model. The Domei Agency in Shanghai announced that The closest attention will be paid to the negotiations between the Shanghai customs and the Japanese authorities, who initiated the revision of all customs tariffs in the region. Consequently, the economic side of institutionalization and its customs component were also among the priorities of the Japanese. However, the matter was not limited to customs instruments.

Back in 1936, the Japanese side planned to organize the purchase of all bonds owned by foreigners and convert them into their own loans¹⁰⁶⁰. In turn, the China Manufacturers Association of Shanghai announced the beginning of a general boycott of the Japanese currency and Japanese financial fraud, which the enemy used as a countermeasure against the currency reform carried out by the Chinese government. Japanese policy on this issue was supported by the Japanese Chamber of Commerce in Shanghai, which began to increase the volume of the Japanese currency in the region¹⁰⁶¹. With the establishment of the Provisional Government, the conditions of paramount importance for stabilizing the economy of a new political entity and strengthening Japan's position on the continent could be, first of all, the unification of currency circulation and the stabilization of finances in the controlled territories¹⁰⁶². In this regard, certain legal and structural measures were required to reorganize the financial system in North China. Under these

¹⁰⁵⁹ N. China puppet state takes customs // *Ibid.* Dec. 17. P. 11.

¹⁰⁶⁰ North China accepts half Japanese demands separate money policy // *Malaya Tribune.* Feb. 1936. 10. P. 11.

¹⁰⁶¹ Japan Subsidies East Hopei Rebel Regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser.* 1936. Jan. 17. P. 1.

¹⁰⁶² Japanese start new bank in China // *Ibid.* 1938. Jan. 5. P. 2.

circumstances, the first step was the creation of the Federal Reserve Bank of China on March 10, 1938, followed by the publication of the monetary and financial policy program of the new government. The creation of the bank was announced on January 4, 1938¹⁰⁶³ and was entrusted with the function of unifying the currency and financial control in the region¹⁰⁶⁴.

The Japanese invasion of China and Japan's regular attempts to undermine the value of China's currency had not brought the desired effect up to this point: China's monetary system remained relatively stable, which was ensured by the participation of the United States and other Western powers. Experts said that Japan's recently announced grandiose plan to replace the Chinese currency with banknotes issued by the Provisional Government in Beijing was likely to fail.

Japan intended to create a bloc of states within whose borders the yen would have free circulation: Japan, Manchukuo and Inner Mongolia. Against this background, the creation of the Federal Reserve Bank of China would close the entire chain of circulation of the continental currency and would make it possible to control the money market in the territory under the jurisdiction of the Provisional Government of the Republic of China, including when expanding the zone of influence to Central and South China. The bank was capitalized at 50 million yuan, half of which was to be invested by the new regime and half by existing Chinese banks. It was assumed that all banks in Beijing and Tianjin with all reserves would be closed to the new bank as a holding reserve, but the question of the parity of the yuan with the yen remained, which, although proclaimed at this stage, was actually not feasible, and the currency exchange was banned everywhere except Japan itself¹⁰⁶⁵. In this regard, the yen was already under a severe cap and did not match the Chinese yuan, which in turn could not be backed by anything other than Chinese silver, and even then not owned by banks. In other words, the new currency had no

¹⁰⁶³ Stop Press // Morning Tribune. 1938. Jan. 5. P. 21.

¹⁰⁶⁴ Central Bank // Morning Tribune. 1938. Jan. 5. P. 12.

¹⁰⁶⁵ China's Monetary System // Malaya Tribune. 1938. Mar. 5. P. 16.

backing either in China or Japan, it could not be used to buy Japanese goods, and as a result, no one was willing to accept such a currency.

To overcome this situation, the second step of the new authorities was the adoption of the Laws on the Federal Reserve Bank of China (hereinafter referred to as the Bank Law) and the Old Currency Circulation Law (hereinafter referred to as the Circulation Law). Notes to these regulatory legal acts (hereinafter referred to as Notes to the Law) were published, which regulated the use of the new national currency (hereinafter referred to as the new yuan) as the only legal tender. In contrast, the old banknotes issued by banks in the past (hereinafter referred to as the old yuan) were subsequently prohibited from circulation, except as provided for in the legislation on currency circulation.

The third step was the marking of old banknotes by stamping with a red seal depicting hieroglyphs and the corresponding numbering. Articles 2 and 3 of the Law on Circulation at the initial stage of the financial reform allowed the use of the old yuan on a par with the new one, but the period of its circulation was limited by the period prescribed by law. Thus, Article 2 stated that banknotes issued both by the Bank of China itself and by regional banks (the Bank of Communications, which served Tianjin, Qingdao and Shandong, and the Provincial Bank of Hebei, and later the Bank of East Hebei), could be in circulation for 1 year from the date of entry into force of this law. Article 3, in turn, stated that banknotes that were in circulation in other provinces (for example , Henan) continued to circulate in the north of the country for 3 months¹⁰⁶⁶. The ratio of the first and second denominations was determined 1:1. Thus, in the first case, after March 10, 1939, and in the second, after June 10, 1938, the old yuan was banned by the Provisional Government.

In order to ensure an acceptable turnover, devaluation was carried out in two stages: at the first in the amount of 10%, made on August 8, 1938, at the second - 30%, made on February 20, 1939, which in total amounted to a decrease in the value of the new yuan by 40%. So, on January 3, 1939, a decree of the Provisional

¹⁰⁶⁶ *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China // *Economic Review. Memoirs of the Department of Economics at the Imperial University of Kyoto.* 1940 Vol. XV. P. 72.

Government was promulgated, which provided a 50-day period for the transition to a new regime, now tied to the lunar calendar¹⁰⁶⁷. However, in the actual turnover with foreign counterparties, the old and new yuan correlated as 1:4¹⁰⁶⁸, and this primarily concerned foreign concessions, which required further measures to support the new yuan.

Other provinces in the region were subject to special currency rules. Thus, the status of banknotes (*biao*) issued earlier by the People's Bank of Shandong, the Shanxi Provincial Bank, the Bank of Shanxi and Suiyuan Local Railways, the Sui-Xi Agricultural Bank and the Jinbei Salt Bank (collaborationist regime in Northern Shanxi in 1937–1939), was regulated by Article 4 of the Law on Circulation, which stated that those banknotes that were not mentioned in Articles 2 and 3 were in circulation for 3 months in accordance with the provisions set forth in Article 3, however, there were exceptions for the above territories, set out in the Notes to the Law, due to the lack of civil law norms and rules for their circulation in the absence of norms for issuing banks.

The need to supplement the Notes to the Law with respect to Shanxi, Suiyuan and Shandong was due to the fact that the resources of the banks of these provinces were scarce and due to the long actual downtime, there was no prospect of their reopening and being in demand in the foreseeable future. In accordance with the articles of the Law on Commerce mentioned above, their exchange rate corresponded to the face value, i.e. 1:1. However, it was clearly inflated to the real value of these banknotes, which threatened with serious problems for the economy of the region¹⁰⁶⁹, in connection with which it was established that they should be exchanged for a new yuan at a separate rate. To this end, on January 31, 1939, the Decree of the Provisional Government “On the Adjustment of Exchange Rates” (hereinafter referred to as the Decree on Adjustment) was issued for the direct application of Article 4 of the Law on Turnover. It was established that the Shandong

¹⁰⁶⁷ Paul Einzig // World Finance. 1938–1939 P. 151–152.

¹⁰⁶⁸ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 73.

¹⁰⁶⁹ Ibid. P. 80.

and Shanxi piao should be exchanged on an equal footing in the amount of 90% of the original value - until February 19, 1939, and after this date - in the amount of 60% until the complete ban on the circulation of the old yuan on March 10, 1939. Taking into account the fact that the total amount of piao put into circulation in Shanxi for the study period reached about 25 million yuan, and in Shandong - 8 million yuan, and that the period leading up to the implementation of the Adjustment Decree was extremely short, the Provisional Government extended the grace period of 90% until March 10, 1939.

On March 10, 1939, the first anniversary of the establishment of the Federal Reserve Bank of China, the old Chinese currency expired in North China. Considering the fact that the Bank of Eastern Hebei was dealing with the Federal Reserve and that its banknotes were given a status similar to the new currency, it was decided that the currency of Eastern Hebei could remain in circulation within its territory until June 15, 1939, in relation to new and old yuan 1:1:1. Later this period was extended twice. The right to issue bonds, carried out by the above two banks, was transferred to the Provisional Government in the form of a purchase, and the securities were secured by loans from the Federal Reserve Bank equal to the amount paid by the latter within 2 months after the decision was made. The total currency issuance of Hebei Provincial Bank and Hebei East Bank was about 65 million yuan and 8.5 million yuan, respectively¹⁰⁷⁰.

As a separate block of tasks, there was a need to streamline banknotes in small denominations and coins, the volume of which at that time, according to experts, ranged from 30 to 40 million yuan. Thus, the fourth step was aimed at solving this problem. Article 5 of the Law on Circulation stipulates that the regulation of the circulation of banknotes of less than 1 yuan and coins should be carried out through a separate regulatory legal act, in connection with which, on May 31, 1938, the Law on Banknotes with a Small Denomination and Coins was adopted (hereinafter - Law on Coins), which allowed the circulation of these banknotes within 3 years from the

¹⁰⁷⁰ Ibid. P. 79.

date the law came into force, i.e. until May 31, 1941, however, banknotes that could be issued after the entry into force of the law, except for those issued by the Federal Reserve bank were banned.

The denominations of the coins issued by the Federal Reserve Bank included 10, 20 and 50 fen¹⁰⁷¹ with the structure: 1 yuan = 10 jiao = 100 fen. At the same time, unlike banknotes that were at that time in circulation in Eastern Hebei, copper and cupro-nickel coins with a face value of 5 li (0.5 fen), 1 and 5 feng and 1 and 2 jiaop under the effect of Article 5 of the Circulation Law and about coins did not fall. The first and second waves of devaluation affected the banknotes of the northern provinces, with the exception of Hebei coins, the volume of which in the domestic foreign exchange market was negligible, as a result, they were exchanged at the face value of the Federal Reserve Bank.

Since the Law on Circulation did not provide for any exemptions for the small currency issued by the banks of Shanxi and Shandong, the main regulatory legal act for them was the Adjustment Decree, which also provided the opportunity for their exchange for new money until May 31, 1941.

The nominal value of all small banknotes and coins until February 19, 1939 was 90% of the value of the new currency, and with a later exchange - 60%¹⁰⁷². As a result, by 1940, 5, 10 and 20 feng coins, small Hebei, Japanese and Manchu coins and 5 feng coins of the Bank of Mengjiang remained in circulation.

To this end, as a fifth step, the Provisional Government on February 10, 1939, adopted a number of regulatory legal acts at the level of law, government decree and instructions from the Ministry of Finance, which prohibited the conclusion of new agreements to provide old yuan, obliged to make loans and payments under deposit agreements and agreements subject to payment exclusively in the new currency, and established that from February 20, 1939, all the amounts of the old contracts, not adjusted in accordance with the new legislation, were provided by the Federal

¹⁰⁷¹ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 81.

¹⁰⁷² Ibid. P. 82.

Reserve Bank in the amount of 60% of the original amount¹⁰⁷³. Thus, by March 10, 1939, the measures to unify the currency in North China were completed.

The sixth step was to adjust government policy to abandon the old currency in those parts of the new polity that were not or were not fully subject to the new authorities¹⁰⁷⁴. In this regard, 2 days before the total ban on the circulation of the old yuan, on March 8, 1939, some changes were made to the Law on Circulation. Northern China was divided into two areas: the areas that had switched to the new currency, where the regulatory requirements were fully or largely implemented, and the areas covered by banditry. Control over the execution of these instructions fell on the commanders of the garrison troops in each locality, who were authorized to issue orders regulating the procedure for switching to a new currency, depending on the characteristics of the locality, with a 2-month warning period and in the amount of 60% of the initial cost¹⁰⁷⁵.

And, finally, the seventh step was the establishment of sanctions for violation of accepted legal regulations. To this end, on March 11, 1939, the Law “On Financial Disorders” was adopted, in the development of which the rules of police control over the forbidden old currency were approved, which imposed appropriate legal restrictions and sanctions on citizens and organizations, as well as on foreign citizens, significant difficulties. with which they arose in concessions. The main source of problems were foreign (primarily British and French) settlements in Tianjin, which from the end of 1938 began to gradually pay taxes and fees in the new currency, but here it was more about conciliation than active support for the reform¹⁰⁷⁶.

Thus, the plan to unify the currency in North China by issuing a new yuan by the time the territories controlled by Japan were unified in early 1940 was implemented, and the government structures faced the following task of controlling securities, foreign exchange circulation and related operations.

¹⁰⁷³ Ibid. P. 74.

¹⁰⁷⁴ Ibid. P. 76.

¹⁰⁷⁵ Ibid. P. 77.

¹⁰⁷⁶ Ibid. P. 78.

By that time, there was still little positive in the economy. Although there was a large influx of Japanese investment, new ventures were limited to restaurants, dance halls, and areas that only attracted the Japanese, which prevented a reliable performance of Japanese trade in North China and produced less results than before the war¹⁰⁷⁷.

In order to somehow stabilize the economy, on May 26, 1938, the Provisional Government of the Republic of China legalized drug trafficking by imposing a general income tax of 20 cents per ounce of raw opium sold in Beijing drug shops. This was followed by an order for the release of drug traffickers imprisoned by the decision of the Hebei-Chahar Political Council, and the announcement on May 11, 1938 of the possibility of opening 300 opium dens in Beijing, provided that the minimum capital of each den was at least 1 thousand dollars, and 100 shops will be allowed to sell raw opium, given that each will have a minimum capital of at least 10 thousand dollars¹⁰⁷⁸, while the dens could be converted into shops and, vice versa, in the event of a change in their authorized capital.

Another important measure needed to ensure the consolidation of the new yuan and control over the region's economy was the concentration of foreign currency in the hands of the Federal Reserve Bank and the monopolization of its conversion into foreign currency. To this end, on October 5, 1938, the bank created a foreign exchange fund from a part of its foreign exchange reserves. At the same time, he is taking more stringent currency control measures¹⁰⁷⁹, the essence of which was outlined in a speech by the head of the bank, Wang Shijing, on the eve of these events. He stated that the state adheres to the policy of maintaining the national currency on a par with the Japanese, and with regard to other states, efforts will be made to increase foreign exchange reserves, some of which will be directed to support foreign trade. The legal basis for these tasks was the decree of the Provisional Government of March 11, 1939, regulating the export of certain goods,

¹⁰⁷⁷ Japan in North China // *Malaya Tribune*. 1938. Jan. 22. P. 3.

¹⁰⁷⁸ Opium traffic in North China legalized by Japan // *The Times*. 1938. May 27.

¹⁰⁷⁹ *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China... P. 84.

designed to play on the increase in the external value of the new yuan. For this purpose, on March 2, 1939, a notice was issued on the passage of goods through customs with a notification of this to the structures authorized by the Federal Reserve Bank. The Federal Reserve Bank has set up a foreign exchange office at its main office in Beijing with branches in Tianjin, Qingdao, Yantai, Weihaiwei and some smaller locations. The exporter was required to present a Federal Reserve Bank-approved certificate of sale or an export permit issued by a maritime customs authority.

All export proceeds were to be used to pay for imports to North China. The commodities that were placed under this tight control included 12 items, each of which had foreign companies as monopolists in China: eggs and egg products, walnuts (including in shell), peanut butter, peanuts, apricots, cottonseed, leaf tobacco, vermicelli and pasta, charcoal, wool carpets (including wool and cotton fabrics and carpets), straw braids and salt¹⁰⁸⁰.

It should be noted that in addition to the listed goods, there were certain groups (iron, raw cotton and wool), which, being free for export, were under the control of a special government body. When they were exported or moved to Central or South China for export or to any other destination other than Japan and Manchukuo, they had to have permission from the Maritime Customs Supervision Authority. If such a document was not available, then the value of the goods was calculated as a coefficient of 2. In the case of export of goods to Japan or Manchukuo, in terms of Japanese or Manchurian currency, the value of the goods was determined by a coefficient of 1¹⁰⁸¹.

When selling foreign currency to foreigners, the bank had to send an exchange request to the Federal Reserve Bank, if possible, to limit the volume of foreign currency provided to other banks within the limits of its reserves. These measures were due to the fact that they made it possible to ensure the supply of necessary

¹⁰⁸⁰ *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China... P. 85.

¹⁰⁸¹ *Ibid.* P. 86.

imported materials through foreign currency, which did not save the new government from foreign criticism, and in some cases even a boycott.

Following these measures, both currency and commodity speculators entered the business, which led to an increase in prices, primarily for cotton products and fabrics, flour and other basic consumer products. Thus, prices in Tianjin rose by 40% compared to Shanghai. This situation, along with the cessation of the sale of tobacco by the British and American Tobacco Trusts, posed a serious threat to the people of Northern China.

By July 10, 1939, the next economic measure was to determine a revised list of goods subject to currency control and containing about 300 items, of which 50 were the main exports from North China, accounting for 70% of the total exports¹⁰⁸².

While free export trade required low domestic prices, the decline in imports led to their growth, primarily for raw materials, which was contrary to the interests of foreign investors, and holders of the new yuan were forced to bear losses. In the face of such shortcomings, foreign banks and entrepreneurs refused to cooperate with the Federal Reserve Bank. In an effort to achieve the stated goal of managing the economy, the retrocession of foreign settlements or the blockade of the port of Tianjin seemed perfectly adequate, as will be discussed below.

Given these problems, the Federal Reserve Bank on July 17, 1939, went further to relax control measures and support small entrepreneurs, establishing rules according to which all the above formalities after customs examination were excluded from exports that did not fall into 12 categories of goods worth less than 1 yuan; transit freight and household items; delivery of supplies such as fuel, provisions, tools, etc.; perishable goods (vegetables, fruits, fish, etc.); books; paintings and examples of calligraphy, with the exception of antiques; newspapers and periodicals; and commonly used packaging materials¹⁰⁸³. In addition, exports to Mengjiang were carried out without restrictions. However, there remained an

¹⁰⁸² Exchange control on N. China Exports // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jul 1. P. 2.

¹⁰⁸³ *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China... P. 93.

important external economic factor in the form of foreign settlements that had existed in China since the 1840s and not falling under its national jurisdiction.

The new authorities and their Japanese patrons intended to deal with this issue in the first place, which marked the beginning of the third stage. development of the buffer statehood we are studying and was a Japanese-British economic war. By the end of 1937 - beginning of 1938, Japan had established complete control over the entire Northeast of China, and the regimes it created were already openly ousting foreign capital from the region, as was the case in Eastern Hebei. Moreover, the Minister of Internal Affairs of Japan, Admiral Nobumasa Suetsugu, before his appointment to a high post, stated in an interview about the need to expel representatives of the white race from Asia and about his foresight of a conflict between England and Japan. As a result, the representative of the Ministry of Foreign Affairs of Japan even had to make excuses, stating that this is a private opinion and does not reflect the views of the Japanese government. Meanwhile, the admiral advised that white dominance over other races needed to be transformed to ensure real peace among the peoples of the world, and his references to the assistance provided to China by Britain and the Soviet Union should not be interpreted as creating problems in relations with Japan, since he wanted to only to emphasize the importance of stopping the supply of weapons to China and did not say that he wanted to fight the UK. Admiral Suetsugu's opinion attracted attention because it appeared in one of the popular magazines shortly after his appointment as Minister of the Interior, while the statement itself was made by him long before the appointment¹⁰⁸⁴. Adding to the severity of the problem was the fact that he was considered for the post of prime minister, and this figure could not express frank nationalist views. At the same time, experts stated that the high-ranking Japanese official was merely voicing what had been hovering among the establishment for a long time and was already acquiring the form of some kind of national doctrine.

¹⁰⁸⁴ White races in Asia // The Times. 1938. Jan. 8.

Meanwhile, Britain 's decision to boycott high tariffs and take personal control of their implementation was not dictated by any resentment towards the Japanese official. Although Japan had no intention of violating the rights and interests of other powers, as officially announced by her representatives, she believed that control in this matter should remain with her, since she received power over the "big" Shanghai¹⁰⁸⁵ and all concessions in its territory, in including the British, which caused significant complications for the British side.

This was followed by a series of incidents that further aggravated the situation and showed the international community the impossibility of resolving the situation through diplomacy. To begin with, on October 5, 1937, an American priest, Father Gerard Donovan , was kidnapped near Fushun with a Chinese altar boy, who were released on October 22 for a ransom of 50,000 US dollars, or 2,950 pounds sterling¹⁰⁸⁶. Then in July 1939, on suspicion of working for a third state, George Soderbom, a life-long Swedish resident in Inner Mongolia, was arrested, who was kept at the Japanese military headquarters in Kalgan and was released on October 19, 1939, while he was immediately offered to head the Japanese expedition to Inner Mongolia in search of evidence of the presence of the Nestorians, about whom he knew especially well¹⁰⁸⁷. British citizen Alan Benson was arrested in Kalgan on August 27, and David Davy was arrested a week later in Zezhou (modern Shanxi county) and were held by the Japanese until the end of October¹⁰⁸⁸. Finally, the British military attache C. R. Speer was detained by Japanese military intelligence, transferred from Kalgan to Beijing on September 7, 1939¹⁰⁸⁹, but was also later released.

On February 8, 1939, a letter was published signed by 482 prominent Chinese residents of Tianjin and handed over to the British Ambassador to China, Archibald Clark Kerr, visiting Tianjin and Beijing. It said that the so-called peaceful movement to establish a new power in North China had absolutely no public support and was a

¹⁰⁸⁵ More trade in North China // *Malaya Tribune*. 1937. Dec. 17. P. 12.

¹⁰⁸⁶ Japanese plans for North China...

¹⁰⁸⁷ Japanese arrest man, and give him a job // *The Straits Times*. 1939. Oct. 21. P. 13.

¹⁰⁸⁸ Missionaries still held by Japanese // *Ibid*. 1940. Oct. 26. P. 12.

¹⁰⁸⁹ Col. Spear moved // *Ibid*. 1939. Sep. 8. P. 14.

play staged by puppets led by the Japanese. The letter expressed the attitude of local residents towards the puppet regime in North China and confirmed the loyalty of North China to the Chinese government and Generalissimo Chiang Kai-shek: "... the people of North China consistently supported the government of Chiang Kai-shek, stubbornly refused to surrender to the Japanese or recognize the puppet regimes, and decided to undergo any difficulties, to support China's holy war of resistance. Despite all the manpower, money and weapons the Japanese have spent in North China, they only control a number of cities and towns along the railroads, most of the countryside is still in Chinese hands. Meanwhile, the Chinese army and the armed Chinese masses are gradually expanding their military influence. Banknotes of the "Federal Bank of China" issued by the Japanese in the North of China become worthless paper currency as soon as you step back five kilometers from the railway¹⁰⁹⁰".

The letter, illustrating the patriotism of the northern Chinese population, said: "... last month alone, 120 large money transfers were made to Chongqing for the Chinese Air Force. Money came both from rich merchants and from poor workers, students, and women. Japanese control over North China is weak... well-equipped Chinese troops are located near Beijing, along the Rehe-Chahar border and in the area of the Beijing-Hankou and Tianjin-Pukou railway lines in Hebei. No county is under absolute Japanese control in eastern and southern Hebei or northern and western Shandong, and well-organized Chinese troops are active in Shanxi and Henan provinces¹⁰⁹¹.

The letter ended with the words: "...Now that you have entered Tianjin, you are able to observe on the spot the Japanese barbaric attitude and atrocities, their desire to oust European and American trade from the moment the incident on the Marco Polo Bridge began... If you make a brief check of the British concession, then see the seriousness of the situation in which several hundred thousand British concessionaires and 1,000 British troops find themselves... "and called for further

¹⁰⁹⁰ N. China's loyalty to Chiang // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. Feb. 1939. 9. P. 6.

¹⁰⁹¹ People of North China loyal to Chungking // The Straits Times. Feb. 1939. 9. P. 17.

British assistance." China is confident that it can defeat Japan alone, but before it succeeds in pursuing the Japanese, British interests, may have already been destroyed by the Japanese¹⁰⁹².

Regretting the failure of the Chinese to give an official welcome to the British envoy on his first visit to Tianjin, the signatories promised Sir Archibald that if he returned to Tianjin in 2-3 years, he would receive an impressive reception from the Chinese government and also see blue everywhere. the sky and the white flags of the sun are the official flags of the legitimate Chinese government¹⁰⁹³.

As a result, British Deputy Foreign Secretary R. A. Butler in March 1939 was forced to speak in the House of Commons with a statement on Japanese policy against the British concession in Tientsin and a complaint about the regular incidents that had occurred since September 1938.

On March 4, 1939, the British Ambassador to Japan, Sir Robert Craigie, made a statement to the Japanese government regarding the announcement by the Provisional Government of the Republic of China that, from March 11, the export of 12 certain types of goods, which together constitute a significant proportion of the export trade of North China, will not be allowed if foreign exchange settlements do not match the accounts of the Federal Reserve Bank of China. And finally, the British Consul General in Tianjin, D. Jameson, appealed to the Japanese authorities with a protest against the recent erection of barbed wire around the British Concession¹⁰⁹⁴. March 13, 1939 The British Consulate General in Tianjin received a written response from the local Japanese authorities to the protests they made in connection with the construction of these barriers¹⁰⁹⁵, which repeated their position regarding the presence on the continent, voiced earlier, as well as the demand to refuse assistance to the government of Chiang Kai-shek. In turn, the Chinese foreign minister said the day before that Japan's real goal is to see how far it can go in implementing its generally accepted policy of seizing all foreign concessions¹⁰⁹⁶.

¹⁰⁹² Ibid.

¹⁰⁹³ Chinese in North China appeal to British Ambassador // *MorningTribune*. Feb. 1939. 13. P. 11.

¹⁰⁹⁴ Japanese Reply Being Considered // Ibid. Mar. 15. P. 11.

¹⁰⁹⁵ Ibid.

¹⁰⁹⁶ Chinese view of Tientsin // *The Manchester Guardian*. 1939. Jun 15. P. 11.

On May 10, 1939, R. W. Sorensen asked the British House of Commons whether the Prime Minister would take immediate steps to suggest that the Japanese government stop its aggressive actions in China, withdraw its troops and immediately hold a Far East conference between all those involved in this process by states in connection with the recent decision of the Japanese government not to ally with Italy and Germany for military and other purposes? The purpose of the conference, according to Sorensen, was to be the conclusion of an agreement on non-aggression and fair economic cooperation. Deputy Foreign Secretary R. A. Butler replied that British Foreign Secretary Edward Frederick Lindley Wood, Lord Halifax had only seen newspaper reports of such a decision. The views of His Majesty's Government were fully expressed in a note to the Government of Japan on January 14, 1939, in which the protest against Japanese policy in China was formulated in a harsher tone than any tone used by the British Government since the beginning of the Sino-Japanese conflict¹⁰⁹⁷. The note was supported by the United States and France, who agreed that the British Government could not approve any unilateral change in the terms of the Nine Power Treaty, which guaranteed China's national independence and territorial integrity. Britain was not prepared to accept or acknowledge any change in China brought about by the use of force. Particular attention was paid to the Japanese plan to separate Inner Mongolia from China as a special anti-communist region.

Great Britain threatened to organize an economic blockade of Japan, however, according to experts, it would have to do it alone, since neither the United States nor France would join it. At the same time, Japan itself would suffer no more from it than Great Britain itself, and the latter had a real threat of losing all its rights and interests not only in China, but also in the Far East as a whole. The Japanese side announced the conditions for lifting the isolation of the British concession in Tianjin: first, joint measures against anti-Japanese speeches and joint Anglo-Japanese control over new incidents in the future; secondly, persons with anti-Japanese sentiments in

¹⁰⁹⁷ Great Britain stands by her pledge to China // *The Straits Times*. 1939. May 11. P. 9.

the British concession must be properly controlled; thirdly, all attempts to disrupt the economic operations carried out by the Provisional Government of the Republic of China in Northern China had to be stopped; fourthly, the silver, which, according to experts, is estimated at 50 million yuan, held by Chinese banks in the British concession, was to be transferred to the Provisional Government of the Republic of China. In support of this position, at the meeting of the Cabinet of Ministers in Tokyo on June 17, 1939, it was decided not only to defend the announced measures, but also to continue the firm policy of the government regarding this problem, which was confirmed by the Minister of War of Japan, Lieutenant General Seishiro Itagaki. The official representative of the press service of the Ministry of Foreign Affairs said that Japan is helping China build a new order in East Asia and therefore is ready to assist it in restoring the rights previously transferred to foreign powers, but this issue concerns only the Chinese government¹⁰⁹⁸.

On June 19, 1939, the Japanese military authorities confirmed that the isolation of the British concession in Tianjin led to an attempt to induce the United States to intervene in the process and declared their readiness to seek understanding with the American authorities regarding the measures taken by the Japanese side. According to the statement, the Japanese did their best to minimize the inconvenience to the American side, adding that Japan and the UK could successfully cooperate with each other in China. The Japanese representative categorically denied rumors of a disparity of opinion between the military authorities in Tianjin and the government in Tokyo. At the same time, experts said that any economic pressure that the UK might try to exert on Japan would work against the UK itself and only to a small extent against Japan, especially if Washington was not ready to support them. In the event of joint economic pressure from Great Britain and the British dominions on Japan, India and Australia will be forced to refuse to supply cotton and wool to Japan, which showed a sufficient number of arguments “against” from the

¹⁰⁹⁸ Defiance now voiced through Tokyo Press // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 17. P. 1.

dominions¹⁰⁹⁹. Next came the turn of the French concession in Tianjin¹¹⁰⁰, but this was more a step towards demonstrating adequate measures than a real desire to isolate this foreign settlement.

The minimum acceptable terms for settling the issue around the British concession put forward by Japan were the revision of the British policy in North China in general and in relation to Chiang Kai-shek in particular. Representatives of the Japanese military command believed that in view of the special role and importance of North China for Japan, Great Britain should have changed its attitude towards the situation and refrained from taking measures designed to counter Japan in relation to this region in the political, economic and military fields. At the same time, the Japanese government spoke of its readiness to discuss bilateral relations.

In turn, Lord Halifax did not confirm the message that flashed in the Japanese press that the national flag was lowered in the British concession, and also denied the statements of the Japanese authorities in Tianjin that the concession would be completely closed from the upcoming Saturday, i.e. July 6th¹¹⁰¹. These events took place against the backdrop of the appointment of the diplomat Sotomatsu Kato to the post of Japanese ambassador to China, in connection with which it was assumed that he, together with the consul in Tianjin Hikoza Tanka, would take part in the Anglo-Japanese negotiations¹¹⁰².

As a result, negotiations began in Tokyo between Foreign Minister Hachiro Arita and British Ambassador Sir Robert Craigie without the participation of representatives of the Provisional Government of the Republic of China¹¹⁰³. From the very beginning, there were attempts to destabilize them both by the Japanese army in North China and by some Japanese extremist organizations. In Japan itself, despite the typical statements of ministers in the House of Commons of the Japanese Parliament that they had no information, there was credible evidence of tightening

¹⁰⁹⁹ Japan says action only against Britain // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 20. P. 1.

¹¹⁰⁰ Tientsin // The Times. 1939 Jun 19

¹¹⁰¹ Anglo-Japanese Negotiations // The Straits Times. 1939. Jul 1. P. 9.

¹¹⁰² Tokio talks confined to heads // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.

¹¹⁰³ Settlement in hands of craigie and aria. Japanese Attitude // Ibid. Jul 1. P. 2.

restrictions on the blockade of the British concession against the backdrop of anti-British demonstrations held in both North China and Japan. To the conditions put forward earlier for resolving the crisis, the Japanese side added the issue of recognizing the status of the regimes it created on the continent, which was necessary in connection with the formally unilateral cancellation of treaties and the transfer of foreign territories to the Reformed government. In turn, it was obvious to the experts that the Japanese would not be satisfied with anything other than complete control over the entire territory they occupied, in which the British had traded on Chinese terms for generations.

For Great Britain, the situation with the concession was fraught with the fact that its concession to the Japanese on this issue would lead to Japan's demand to return Hong Kong to China in the person of the Reform or Provisional Government, which the Japanese military leaders in Canton had already spoken openly about. The only factor that made such demands possible was the lack of sufficient force to support a British presence in the Far East. Many analysts believed that if the British government was not ready to send its navy to Singapore or establish a fleet on this island, then it should initiate the withdrawal of its people from the region, which would look much more dignified than military defeat and surrender. But to do this, it had to agree with the USSR on certain security issues in Europe, which would allow it to free up some military resources to ensure adequate protection of its interests in the Far East, and at home would convince its citizens that control over the situation is still not lost yet¹¹⁰⁴.

On July 24, 1939, Neville Chamberlain made a statement in the House of Commons that was supposed to put an end to speculation about the outcome of the Anglo-Japanese negotiations in Tokyo. This announcement was eagerly awaited by both the Chinese and British subjects living in the east. Before the announcement, experts agreed that it was unthinkable to expect the British government to agree to the extremely stringent requirements mentioned in the Japanese press, although they

¹¹⁰⁴To-day's News Review // Malaya Tribune. 1939. Jul 5. P. 12.

noted in passing that there was no evidence that newspaper publicists accurately reflected the wishes of the Japanese government. For Great Britain, there could be no question of recognizing the new order in East Asia, with all the ensuing consequences. To do so would be not so much a betrayal of China, but primarily a heavy blow to British and other foreign rights and interests in the region.

The official position of the British government was to maintain neutrality, however, regardless of the outcome of the negotiations, it still intended to provide assistance to China. The road from Burma remained open to the transfer of ammunition to the Chinese army, and the British concessions in China, while remaining under British jurisdiction, served as safe havens for political refugees. Great Britain did not recognize the puppet regimes in Northern China and the Japanese claims to establish a blockade of the Chinese coast. The most she could do was to officially admit that China was at war and promise that British concessions would not be used as a basis for anti-Japanese activities.

It remained unclear whether the UK had decided to stop supporting the Chinese currency, as evidenced by its recent fall in exchange value, but which was still based on the balance of imports and exports from Kuomintang China.

Britain had a vested interest in a Chinese victory, and this could best be achieved by helping it to continue its long-term policy of resistance, thereby driving the Japanese to exhaustion, but it would be too much to ask the British government to constantly fund China's losses from economic sanctions.

The UK recognized that China was fighting for democracy in the Far East¹¹⁰⁵, but it also understood that the future of the East was determined not only by the Sino-Japanese War: Germany, which controlled Europe, pondered its future policy, since it was denied a military alliance with Japan.

On August 2, 1939, a representative of the Ministry of Foreign Affairs of Japan stated that at the Anglo-Japanese conference an understanding had been reached on most issues relating to the situation in Tianjin, and the issue of police activity had

¹¹⁰⁵ Tokio Talks // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 24. P. 6.

been positively resolved. The British delegation, however, opposed the Japanese proposals to ban the circulation of Chongqing currency in the territory of their concession¹¹⁰⁶, since it would mean British recognition of the Provisional Government in Beijing. The Japanese side demanded the transfer of the Chinese silver reserves to the Provisional Government in Beijing. The reason for this was the fact that China nationalized the circulation of silver in 1935 after the implementation of the currency reform plan, but the silver reserves from Northern China were not redirected to Nanjing¹¹⁰⁷. Instead, they were detained by the Hebei-Chahar Political Council, and when it was dissolved, power passed to the Provisional Government of the Republic of China.

At the close of the almost month-long Anglo-Japanese Conference, a spokesman for the Japanese Ministry of Foreign Affairs stated that an understanding had been reached on almost all issues relating to the British concession in Tianjin. The British delegation opposed the Japanese proposals to ban the conversion of the Chongqing dollar in the British concession in Tientsin and the transfer of Chinese silver reserves to the Provisional Government. Having failed to achieve what they wanted, Japan henceforth built anti-British rhetoric in such a way that Great Britain was blamed for all failures¹¹⁰⁸.

Summing up the characteristics of the new polity and the buffer statehood, which from now on was headed by the Provisional Government of the Republic of China in Beijing, it should be emphasized that the start of full-scale hostilities made significant adjustments to the design of the regional political order being built by Japan. First, conventions and the need to disguise one's intentions behind a readiness, albeit formal, for dialogue with the Kuomintang leaders, have disappeared. From now on, they are declared illegitimate authorities, any interaction with which has neither meaning nor prospects. Secondly, the scale of tasks is changing. If earlier it was about supporting provincial regimes loyal to the Japanese, now it is about a new

¹¹⁰⁶ British objections to silver proposals // *Ibid.* Aug. 3. P. 2.

¹¹⁰⁷ Progress made in Tokyo talks ... P. 6.

¹¹⁰⁸ Colonel spear set free // *The Manchester Guardian*. 1939. Sep. 9. P. 9.

alternative national government. Thirdly, from now on, the military situation determines the outcome of any event and influences the adoption of any decision not only among the command of the Kwantung Army, but also among the civilian part of the Japanese government. This was facilitated by political circumstances within Japan itself. Finally, fourthly, the economic side of the issue affects the quality of political decisions, since any war is a very costly business.

Under these conditions, the political order being built in the region at this stage differs significantly from what took place during the period of its autonomy. New territories of nearby provinces are added to the already existing loyal regimes, and the controlled space acquires even more tangible features. The Japanese do not change their previously chosen strategy and continue to put more or less authoritative representatives of local elites in key positions, but their status is much higher than that of the leaders of the autonomies we studied: these are national leaders and functionaries, former ministers, heads of government and even presidents this country. The creation of the Provisional Government actually (though not legally) replaced the Hebei-Chahar Political Council, but, despite the “change of signage”, not only the traditions and external attributes of the Council itself, but in many respects the Beiyang government, were institutionally preserved. And here, in the north, the approach gives its effect precisely because these functionaries are from the representatives of the so-called "Beiyang" era, when the capital and all the levers of government were in Beijing. This is partly why they can claim a modicum of political continuity and, albeit conditional, legitimacy. This is partly why the position in the international arena causes a little less irritation than obscure autonomist regimes on the part of the Western powers, who are primarily interested in their trade and geopolitical interests. Moreover, the main diplomatic corps maintains its presence in the diplomatic quarter of Beijing, and neither the Japanese nor the new provisional supreme power of China threaten it. The new government had a serious justification for its existence. As M. Ginzburg rightly noted, regardless of what can be said about the racial and cultural kinship of these two countries, Japan could not govern the 100 million inhabitants of Northern China except through

Chinese representatives¹¹⁰⁹. Any new regime could be absolutely subservient to the Japanese military, but it could not hope for any success if its roots were not nurtured in Chinese soil. A similar situation developed in Inner Mongolia, where the obstinate princes were not so complaisant in their desire to realize Japanese goals. Consequently, the local political elite was much more necessary for the Japanese than natural resources, wool and food, since they could be taken from the local population or brought in by land or air transport, while without the loyalty of the local population it would be impossible to manage this territory for a long time. Therefore, on the whole, it is possible for the Japanese and local elites to build a single political organization.

As for the political power itself as the second component of the regional political order, here, too, there are significant differences from previous experience. The discrediting of the leadership of the Kuomintang, the loss of Nanjing as its capital, the inability, with a clear numerical superiority, to provide a worthy military rebuff, and other circumstances finally exclude China from the number of power centers in the region. At the same time, although the Western powers are forcing the Japanese leadership to look back at their opinion, they have not managed to form their own power center, the so-called "collective West", because the British, Americans and French, who are not ready to give up their own interests even for the sake of a common goal. Therefore, in this perspective, the Provisional Government, by its nature, acted as a well-organized administrative and managerial system of the same buffer state that the Japanese tried to build first on the basis of the Five Provinces Region, and then through the autonomy of Hebei and Chahar. Northern China, under the rule of the Provisional Government, turned out to be a political unit similar to the autonomies of the region, the main difference of which was that from now on it did not recognize the supreme power and state sovereignty of the Nanjing government, but, on the contrary, sought to replace it. As time will show and our research, it was not possible to do this, since the Reformist government and the

¹¹⁰⁹ *Ginsbourg M.J.* North China today // *The Washington Post*. 1938. Feb. 3. P. XII.

territory of Eastern China acted as the basis for the consolidation of collaborationist regimes, but Northern China retained its special status and independence. However, this is where the successes end: the legitimacy of the political system is seriously criticized by both the local population and the international community, and the ability to maintain order without military intervention is limited by military access.

And if the ideological canvas is characterized by the succession of absorbed autonomist regimes and continues to put the fight against communism at the forefront, then the effectiveness of political institutions is also in doubt. The economic component and the creation of effective financial and economic institutions are becoming a priority, since it is obvious that the Japanese economy is not able to cope alone with the load and civilian administration in the controlled territories, and the solution of military tasks. Northern China represented a panacea for Japan's "economic ills" - a source of raw materials for its textile and iron and steel mills, a rich market for its goods. However, the zone of control over the occupied territories was no wider than the strip adjacent to the railway, while the military needed more serious resource replenishment, and the civil authorities counted on a more impressive result of their policy on the continent. Therefore, the result was appropriate. After all, if it was a relatively simple task to build financial and economic relations within the small buffer spaces of autonomies, then with the expansion of geographical space it becomes much more difficult. Hence the established norms - they are not for public benefit and development, they are for control and manageability, which also does not add loyalty on the part of the local population. Consequently, new reserves are needed, which can be obtained by expanding its sphere of influence and including in it the much richer provinces of East China, which is happening at the next stage in the development of buffer statehood.

4.2. The formation of buffer statehood and the regional political order of East China

Eastern and Central China in the 1930s were the main economic policy of the Kuomintang, since these territories were rich in resources, had a large population, convenient transportation network, developed industry and trade, and played an important role in politics, economy and the military sphere. For Japan, this region is not only an important area for providing its labor reserves and material resources, but also for the implementation of the “war feeds the war” policy, in which it would be possible to establish control over all of China in a relatively short time. Therefore, when Japan in 1926 formulated a comprehensive operational plan for establishing joint control over China with the participation of Russia and the United States, it was proposed to send military forces not only to the north, but also to the area of Shanghai and Hankou. And the events after the incident of September 18, 1931 confirmed this intention.

However, due to the special position that the region occupied in the domestic politics of the country, the situation here was more complicated than in other areas. Therefore, in the initial period of the invasion of the region, the Japanese army was in no hurry to create a single political regime similar to Northern China. Instead, the idea arose to create a local provisional government to preserve the current situation and ensure that it could be strengthened.

Before moving on to consolidation, Japan in the east of the country is preparing the ground, using four tools to establish its presence in the region. Firstly, the Japanese army, led by Matsui, created an organization through which they bribed old field commanders and lured politicians, including former ministers, who were disappointed in the previous regime. A scheme similar to the plan for managing the north described above was worked out by the Japanese side in East China, when, after the occupation of Nanjing, supporters of the regime were found in the person of local political and public figures. Second, the Japanese navy focused on the military occupation of Shanghai, which had taken a special place in China's economy

since the late 1920s and early 1930s. Here, in the summer of 1927, its own municipality was formed with institutions traditional for Western models of local self-government and a parity division of power between local and provincial governments¹¹¹⁰, and also since the 1840s foreign settlements have survived in the form of concessions and an international settlement. Based on the role that the city played in the life of the country, as well as its favorable geographical position, the tasks of the Japanese were focused on ensuring control over it, which automatically gave access to control over the economy of the entire region. Thirdly, mindful of active student demonstrations in 1935-1936. in Beijing and Tianjin, the fascist group of the army organized the Shanghai Democratic Association to recruit young people into its ranks. Fourthly and finally, the so-called diplomatic group advocated the expansion of the powers of the municipal government of the Pudong area on the basis of an anti-communist agreement. Let us dwell on the inclusion of Shanghai in the orbit of Japanese interests and the formation of a special polity here in more detail.

At the height of the military crisis, hundreds of wealthy citizens from North China fled to Shanghai, where the 10th anniversary celebrations of the creation of a special municipality of "greater" Shanghai were canceled due to the threat of a military invasion¹¹¹¹. A few days later, the Japanese army began to advance and after 3 months the city passed into the hands of the Japanese. The chance of internal unrest was kept to a minimum by the recruitment of volunteers, but universities and schools were severely damaged during the raids¹¹¹². The bombing of Shanghai meant the loss of that city for both China and Britain¹¹¹³, as Shanghai was the cornerstone of the British trading structure in that country. But the city was also of great strategic importance: the Japanese troops, after flying across the sea, had to land safely. In the north, they could do this without encountering resistance either in Korea, or in

¹¹¹⁰ *Munkueva S. A., Dudin P. N.* Interaction of state authorities in Russia and foreign countries // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. № 11. P. 2513–2517.

¹¹¹¹ "Peace" again in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 10. P. 13.

¹¹¹² Japanese transports driven from Shanghai // *Ibid.* 1937. Sep. 4. P. 11.

¹¹¹³ Japan's drive into North China // *The Observer*. 1937. Aug. 22. P. 13.

Manchukuo, or in the coastal regions of Hebei and Shandong, now the same task was facing the hostile coast of East China.

By that time, the Japanese had no air bases on the ground in the region, and their bombers had to take off either from ships or from the remote island of Formosa, which was confirmed in his speech by the Japanese Minister of War, Marshal Sugiyama, telling the foreign press that Japan intended to deliver a crushing blow on enemy strategic targets and predicted a further expansion of operations in this direction¹¹¹⁴. Consequently, Shanghai became one of the main directions of the Japanese offensive, and the likelihood that the Japanese army would have to capture this one of the largest ports in China, and then move on Nanjing, increased dramatically.

By early October 1937, the Japanese had advanced significantly north while Shanghai continued to experience heavy artillery bombardment¹¹¹⁵. On October 4, 1937, the Japanese army, consisting of 50 thousand people with tanks, machine guns, artillery, captured the northern railway station of Shanghai, dozens of Japanese bomber planes attacked Chinese fortifications¹¹¹⁶. The Chinese built defenses on the borders of the French concession, and the Japanese troops approached the area guarded by the British troops, but did not dare to attack either one or the other foreign formations. Foreign settlement leaders had previously been asked to evacuate areas where there was a risk of fighting¹¹¹⁷. In early November 1937, the city fell. Negotiations have begun to establish a temporary no man's land in the historic Nandao area, traditionally inhabited by the Chinese and bordering the French Concession. In case of success, it was supposed to evacuate the remnants of Chinese troops to its territory, and the French were to undertake the protection of the zone¹¹¹⁸. The fate of thousands of Chinese refugees and residents of the region depended on the results of the negotiations, but above all, the safety of French troops in the French concession and the loyalty of this country.

¹¹¹⁴ Japanese strategy // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 14. P. 8.

¹¹¹⁵ The Japanese advances in The North // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 1. P. 15.

¹¹¹⁶ Nippon Army Repulsed At Shanghai // Syracuse Journal. 1937. Oct. 4. P. 1.

¹¹¹⁷ Japanese warning // The Times. 1937 Oct. 30.

¹¹¹⁸ Japanese to capture fourth provincial capital? // The Manchester Guardian. 1937. Nov. 4. P. 13.

Following the occupation of the city, the need arose for its effective management, which was to be ensured by the Japanese side. Therefore, on December 5, 1937, the Organic Law "On the Establishment of the Provisional Autonomous Government of Shanghai" was promulgated, headed by the mayor, whose position was taken by Sui Xingwei, who ensured recognition on March 28, 1938 of the supreme jurisdiction of the Reformed Government of the Republic of China. On the same day, the Autonomous Government of Shanghai was renamed the General Administration of Shanghai Municipality. In the structure of the government, the Secretariat, Committees for Social Affairs, Police, Finance, Education, Health, Land and Transport were created, in which departments were formed. The city government extended its authority to the Pudong, Zhabei, Baoshan, Fengxian, Jiading, and Chongming districts, the former Nancheng, Huxi, Wusong, Beiqiao, Zhuangsha, and Nanhui districts, and the city center. On October 15, 1938, in connection with the special status of Shanghai in the emerging buffer state of East China, the General Administration of the Shanghai Municipality was transferred to a new building in a new urban area and reorganized into the government of the city with a special status of Shanghai. The next day, October 16, 1938, Fu Wei took over as mayor, acting in office until the assassination on October 11, 1940, when Sui Xiwen was briefly returned to power.

On May 3, 1938, a new flag was adopted with the simultaneous prohibition of the Kuomintang flag of the Republic of China and other attributes of statehood, including the symbols of the Kuomintang party itself. The events of May 6, 1939, when a small demonstration held on the territory of the International Settlement and the French concession, used Kuomintang flags, which was perceived by the Japanese side as an endorsement of anti-Japanese sentiments, can serve as a clear illustration of the prohibitive attributive policy. The events of the demonstrators were connected with the anniversary date of Sun Yat-sen's accession to the post of provisional President of the Republic of China in Canton in 1912. The Japanese Consul General Yoshiaki Miura the next day demanded a total ban on displaying Chinese flags in these two settlements. The protest was submitted to French Consul General M.

Boudez and Chairman of the Shanghai Municipal Council S. S. Franklin. Miura informed M. Bowdez and S. S. Franklin that it was unacceptable for Japan to use the flags of the Kuomintang government on Chinese national holidays by the Settlement and the Concession¹¹¹⁹. This incident forced the Japanese to pay closer attention to foreign settlements, which have been the cause of a series of incidents since February of this year. Thus, on February 24, 1939, the reformist government sent the Chinese police to establish final control over Shanghai, as a result of which the main part of the international settlement was occupied by collaborators. They tried to explain this step by the need to ensure security against further outbreaks of terrorist attacks. As a result of the event, an emergency conference was held with the participation of representatives of the city government, at which it was proposed to discuss further measures related to this problem¹¹²⁰. However, the dialogue did not work out: by the beginning of the spring of 1939, Shanghai resembled an armed camp, when Japanese troops and Chinese soldiers under their command surrounded the city, while the troops of the powers, volunteers and international police took measures to convince the Japanese not to do this. The reformist government in Nanjing, in turn, declared that the British and French sides, as well as international forces, would be considered enemies of the regime if Britain and France did not reconsider and change their attitude towards helping the Chiang Kai-shek regime.

The crisis in Shanghai was provoked by reformist military formations in the area of the French concession, which the Japanese took advantage of to finally establish control over the Yangtze valley and block the Chinese coast in relation to trade with other powers. According to experts' forecasts, the Japanese next step was to demand the abolition of extraterritoriality in favor of the Nanjing Reform Government and the Shanghai City Government, involving the transfer of power from the Shanghai Municipal Council of the International Settlement. It became obvious that the Far Eastern crisis, which was soon to result in a blockade and a

¹¹¹⁹ Japan demands Shanghai Ban on China flags // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. May 8. P. 2.

¹¹²⁰ Puppet police for Shanghai // The Straits Times. Feb. 1939 25. P. 14.

possible seizure of French and British concessions in Tianqing. Against this background, in Europe, the Germans occupy the Czech Republic, and Hungary joins the anti-communist pact, which was continuously reported in the news from Poland, Hungary, Romania and Spain¹¹²¹. The firmness shown by Great Britain, France and America prevented the Japanese from putting this plan into action by force, although no one ruled out radical measures on the part of Japan that could lead not only to discord, but possibly to war. Tokyo needed to clearly understand that the three powers were ready to unite in order to maintain their interests in the Far East at any cost.

By the summer of 1939, terrorism, mainly in the form of the killing of collaborators, was becoming commonplace in Shanghai, but it primarily affected the Chinese population and government officials who had defected to the Japanese, while the British and all other foreigners avoided this fate. Terrorism in Shanghai was directed much more against the Chinese who served under Japanese leadership than against the Japanese themselves. The provisional governments set up in Nanjing, Peking and elsewhere, according to the official Japanese position, were spontaneous movements on the part of the Chinese themselves, and Japan had nothing to do with their appearance, but even so, their very existence depended on the protection of Japanese weapons. And it was precisely the officials of these political formations, from the highest ranks to the employees of the municipal police, who were the special targets of terrorists who were still loyal to the regime of Chiang Kai-shek. In the first case, this or that official or his patron was subjected to shooting from firearms or undermined by a bomb, in the second, the head of a policeman turned out to be lying without a body in the middle of the bridge, in the third, a sudden fire broke out in the house of some Chinese who went over to the side of the new regime, and such cases occurred, if not daily, at least weekly, and the fact that some of them took place in the international settlement was due to the fact that these officials sought refuge in its territory under the protection of a foreign flag. The

¹¹²¹ Today's news Review // Malaya Tribune. Feb. 1939. 28. P. 13.

Shanghai Municipal Police made efforts to stop the wave of violence, but the prevailing conditions made this task almost hopeless.

The Japanese accused the authorities of the International Settlement of insincerity, believing that they condoned these killings or that their police force was too ineffective to eradicate them, even though the Japanese were among the inhabitants of the Settlement and formed part of the municipal police. At the same time, in that part of Shanghai, which was guarded exclusively by Japanese soldiers and sailors, no less atrocities took place: for example, the Japanese Consulate General was burned to the ground, and a well-known Japanese businessman was killed a week later in the same area.

In turn, the Japanese representatives sent protests to the authorities of the international settlement, who did everything possible to eradicate political killings, which, of course, did not succeed in full. The Japanese side threatened that if the international authorities did not stop these killings, then the Japanese themselves would have to take the appropriate steps, whatever that meant. The Japanese opposed the granting of asylum to some politicians from the Chinese side, although the right to asylum for such persons has long been recognized both by international law and by Japan itself, whose representatives, sending requests to the leadership of the international settlement to extradite certain persons to the Japanese army or Japanese civilians the authorities apparently forgot that Japan itself had given such asylum in the past to the late Dr. Sun Yat-sen and other Chinese political refugees, and, at the time we are describing, to East Indians fleeing the British regime¹¹²².

The situation remained unstable even after the unification of the collaborationist regimes in 1940. It is noteworthy that it was Chen Gunbo, who replaced Wang Jingwei in 1944 at the highest state post of the collaborationist Republic of China, on November 20, 1940, took office as the mayor of this city, thereby emphasizing that the significance that Shanghai had for the Japanese. From January 1 to May 31, 1941, the city administration was called the Shanghai City

¹¹²² *Hedges F.H.* Japanese & "Puppets" Fear Shanghai Terror // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 17. P. 6.

Government. In July 1943, by agreement between Japan and Wang Jingwei, the Shanghai government changed the status of the International Shanghai Settlement to the First District Government, and the status of the French Concession to the Eighth District Government. Meanwhile, after the sudden death of Wang Jingwei, Chen Gongbo on November 12, 1944, resigned as mayor, which Wu Songgao would briefly take over. On January 15, 1945, the former Vice Chairman of the Executive Yuan, Minister of Finance and head of the Central Reserve Bank, Zhou Fohai, became mayor of the city, who attempted to carry out some administrative changes on July 1, 1945 to maintain stability in the collapsing collaborationist "Republic of China", but they are already of particular importance. did not have: Japan was losing the war, which was obvious to everyone, and the city and its pro-Japanese functionaries were waiting for harsh post-war times.

Meanwhile, as we have already noted, almost immediately after the creation of the Provisional Autonomous Government of Shanghai, this polity was included in the structure of a new buffer state entity on the east coast of China, which was ruled for a short time by the so-called "Government for the Restoration of the Republic", which went down in history as the Reformed Government Republic of China, which we will try to characterize.

As in the case of Northern China, the most suitable leaders were initially chosen here, represented by a younger generation of local residents who were not alien to the ideas of the Pan-Asian community and at least some Japanese authority. However, despite the weak authority of the Kuomintang, anti-Japanese sentiments covered the disappointment with the old regime, and therefore it turned out to be difficult to work with such a contingent. Because of this, the Japanese side transferred the vector of efforts to the old generation of the military and politicians, with which Liang Hongzhi helped her. In organizing the new administration, he directed efforts to work with veterans and old warlords and politicians. As a result, the participants in the movement were mostly old people, disappointed with the work of the new and young command and management staff. Some of them had not been

politically active for many years, but most had a brief experience in the Kuomintang government.

Many of the organizers of the new regime were born in the 1870s and 1880s. Liang Hongzhi originally wanted to create a situation in which the old Anfu faction would provide a base for the new authorities, but this caused great displeasure of many figures and gave rise to certain contradictions. Added to this was the wariness of the newly created Provisional Government of China in Beijing, headed by Wang Kemin, which opposed the formation of a regime equal to it in status, in connection with which it was proposed to create a "super-provincial government" in the central regions, which would unite the powers of several who had come under the Japanese rule. control of administrative-territorial units with the preservation of the existing administrative system in them and with simultaneous supreme subordination of it to the Provisional Government of the Republic of China.

The military opposed such a dual subordination to the north: the command of the Japanese forces considered this model inappropriate, since the strategic importance of the river basin. The Yangtze exceeded the importance of Northern China, and the new Central Government of the Republic of China, according to a number of Japanese military and politicians, should have been located precisely in Eastern China with its capital in Nanjing, and not Beijing.

Unable to object and put pressure on the Japanese side, Wang Kemin defiantly resigned. The situation forced the Japanese side to hold a meeting of representatives of the diplomatic corps, army and navy on March 7, 1938, at which it was decided to change the name of the new regime to the Reform Government of the Republic of China. This move allowed Wang Kemin to save face and remain at the head of the northern regime. On March 24, 1938, the Japanese decided that the regime would temporarily be a regional government over the provinces of Jiangsu, Zhejiang and Anhui and two cities with special status - Nanjing and Shanghai, and that it was necessary to allow time to create conditions under which the two regimes could be further merge.

On March 28, 1938, the establishment of the Reform Government of the Republic of China was officially announced, and Nanjing, recently occupied by the Japanese, was chosen as the administrative center. The inauguration was held at the former headquarters of Chiang Kai-shek's former Central Government, with the five-color "Beiyang" flag ceremonially unfurled, followed by the playing of the national anthem¹¹²³. The ceremony was attended by a large number of officers of the Japanese army and navy, but none of the foreign representatives of other countries participated in the event, as well as the local residents remained in their homes. To create at least some atmosphere of solemnity, parades were organized in Shanghai and Nanjing, during which Japanese planes flew over the central streets with flags attached. No one decorated the streets of the new capital on this occasion, almost only Japanese officials were present at the ceremony.

Liang Hongzhi made a statement that treaties concluded after today between foreign powers and individuals and the government in Hankou (the Kuomintang government, which moved from Nanjing to Chongqing, and from there to Hankou) or its provincial authorities will not be recognized.

The position was confirmed that the Reform Government would play the role of a regional government, recognizing the central position of the Provisional Government in Beijing and solving local issues and tasks, while maintaining supremacy in matters of lawmaking, administration and judicial jurisdiction with the establishment of appropriate state bodies, as well as in the Provisional Government. In order to alleviate the contradiction with the Provisional Government in the north, a statement was made that the Reform Government was created in accordance with the real needs of the inhabitants of the provinces of Jiangsu, Zhejiang and Anhui. Like the Provisional Government of North China, the Reformed Government promotes peace in East Asia rather than opposing the Chinese central authorities, and on matters of national interest, it is ready to cooperate and merge.

¹¹²³ New Nanking Government Established // MorningTribune. 1938. Mar. 29. P. 1.

The administrative Yuan was headed by Liang Hongzhi, who became the de facto head of the new polity. Like other supporters of the Japanese authorities and many of the members of the Provisional Government, he lived in Japan for some time in his youth, worked in the State Council after the proclamation of the republic, and was also the editor of the Asian Journal founded by Yuan Shikai, after whose death he became part of the administration Duan Qirui as General Secretary. Liang Hongzhi returned to big politics only with the outbreak of hostilities.

In contrast to the composition of the Provisional Government, almost all ministers and officials of the Reformed Government had experience in leading the relevant ministries of the previous compositions of the Chinese government. Wen Zongqi, the last minister of the Qing government for Tibet affairs and the minister of several provincial governments, became the head of the bicameral Legislative Yuan; Minister of the Interior, Chen Qun, former secretary of President Sun Yat-sen's office in Guangzhou, Vice Minister of the Interior and head of the Nanjing Police Department in the Kuomintang government; Minister of Foreign Affairs - former about. foreign minister of the Beiyang government, ambassador to France, China's representative to the League of Nations, and briefly foreign minister of the Kuomintang government of Chen Yu, who in February 1939 was killed by representatives of one of the radical youth organizations, after which this post from April to August 1939 was occupied by the former chairman of the Supreme Court of the provinces of Zhejiang, Zhili (Hebei) and Henan Lin Yu, who later became Minister industry, and after him - the former editor of a number of Beijing newspapers and diplomat Xia Qifeng; Minister of Finance - the first Minister of Finance of the Republic of China and one of the last Ministers of Finance of the Beiyang government, as well as for a short time the Minister of Finance and about. Chen Jintao, Minister of Foreign Affairs in Duan Qirui's government, who died in June 1939, when he was succeeded in his last post by the former Finance Minister of Guangdong and Jiangsu, Yang Jianchi; the Minister of Industry, Wangzi Hui, a former journalist and editor of the Beijing Daily, who retired in June 1939 when he was replaced by Foreign Minister Lin Yu; the minister of transport was first

appointed Liang Hongzhi, who in July 1938 handed over this post to the former ambassador of the Kuomintang government in Japan, Jiang Hongji; Minister of Education in March-April 1938 - the former chairman of the Shanghai Chamber of Commerce and the Committee of Local Self-Government of Suzhou Chen Zemin, who then became the governor of Jiangsu Province, and his duties from April to July 1938 were performed by the Minister of the Interior Chen Qun, then - the well-known mathematician, former director of the Beijing College of Arts and Sciences and dean of the Department of Mathematics at Northeastern University Gu Cheng (until April 1939 in the status of acting minister); the minister of pacification is a career military man, chairman of the Foreign Affairs Committee of the Hebei-Chahar Political Council Zhen Yuantao, who was appointed minister of justice in July of the same year; before that, Xu Xiongzhi, the former chairman of the Supreme Court of Zhejiang Province, the chairman of the Committee for the Supervision and Management of Chinese Trading Companies, the chairman of the Central Committee for the Management of Antiquities and the deputy minister of the interior of the Kuomintang government, Xu Xiongzhi, was asked to head this department, which he refused; The first chairman of the Supreme Court, established in May 1939, was the former director of the Department of General Affairs of the Ministry of Foreign Affairs, the Secretary General of the Ministry of Justice, etc. about. Minister of Justice of the Kuomintang government Zhu Luhe, who since August 1938 acted as head of the judicial department and who was replaced in January-March 1940 by Cheng Yuzheng. The head of the Judicial Yuan was never identified and appointed.

A staff of 20 special Japanese advisers was formed, headed by Yuki Harada, who took control of all government agencies. Every Friday, meetings of the Administrative Yuan were held, and the day before, the head of the corps of advisers of Harad met for a preliminary discussion of all issues with Liang Hongzhi.

Houyui Chengjun was appointed governor of Jiangsu, who was replaced in April 1938 by the first minister of education Chen Zemin, Wang Lu became governor of Zhejiang, and Ni Daojun became governor of Anhui Province. The former deputy commander of the 10th National Revolutionary Army and the

commander of the Xuzhou garrison, Gao Guanwu, became the mayor of Nanjing, and the mayor of Shanghai since October 1938 was the first chairman of the Shanghai Chamber of Commerce Fu Wei (Fu Xiaoyang), who replaced the head of the government of the Great Way in his new post Shanghai Sui Xiwen.

In the field of culture and education, the Modern Policy Propaganda Bureau was established, which, in cooperation with the Japanese intelligence agencies in order to control public opinion and cultural institutions under its jurisdiction, strongly advocated a common cultural space between China and Japan and the development of East Asia. Ideological guidelines were promulgated, according to which primary and secondary school students were required to study Japanese and other similar measures.

The reformist government made attempts to stabilize the economy and tax policy. Since the salt tax has always been a significant part of the revenues of local authorities, the General Administration for the Control of the Circulation of Salt and Chemicals was organized, which monopolized the management of the industry. The Shanghai Reconstruction Bureau was established to transform the city into a major economic center for the region. On October 30, 1938, Huazhong Zhenxing Co., Ltd. was founded in Shanghai. to control transportation, electricity, communications, minerals, water resources and gas production, of which the well-known Japanese businessman Yu Quan was appointed president.

In cooperation with the Japanese side, a number of documents were signed on the construction of new railway lines, the creation of large mining and ore mining enterprises, on the basis of which it was supposed to ensure control over industry and transport infrastructure in the eastern part of China and advance inland.

On December 15, 1938, the reformist government adopted a regulatory legal act, which aimed at stabilizing the financial situation. The act came into force retroactively from November 1 of the same year and included a moratorium on all financial transformations in Shanghai until improvements occurred¹¹²⁴, so that the

¹¹²⁴ *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China... P. 75.

holders of the remaining old foreign currency deposits did not provoke financial unrest in the region. However, it did not bring the desired effect. In this regard, February 16 In 1939, the press officer of the Ministry of Finance of Japan at a press conference announced the need to establish a joint Sino-Japanese bank in East China.

After the Japanese attempted to undermine China's financial system by establishing a Federal Reserve Bank in North China, it was decided to make similar efforts to establish a joint Sino-Japanese bank in the east of the country, with the prospect of creating a single Central Bank of China in the occupied territories. However, according to experts, this scheme was initially doomed to failure, just like the first one. It was obvious that the new financial scheme was part of a plan to establish control over the financial centers in Shanghai, in whose stability foreign interests were embedded, and if such control could be achieved, it would be a serious blow to foreign interests in the region. On the other hand, the proposed scheme clearly demonstrated Japan's growing financial difficulties: the country was in dire need of money to finance its military operations and regimes. The Japanese were looking for all sorts of means to obtain resources in the occupied regions of China. The Federal Reserve Bank was called upon to solve this problem. Then, when the Japanese military moved beyond North China, even more resources were needed, which is why the idea arose of obtaining them from the funds of East China itself.

The doom of the proposed scheme was that the projected Hua Xing Bank would be by its nature a commercial bank with joint capital, half of which was to be provided by Japanese banks (including the Industrial Bank of Japan, the Bank of Taiwan, the Joseon Bank (Bank of Korea), Mitsubishi Bank, Sumitomo Bank, Mitsui Bank), and half by the emerging regime. Given the experience of poor use of banknotes issued by the regime in Northern China, it could be predicted that no scheme that would involve the voluntary use of the new currency in Eastern China without pressure, threats and violence would work, and the people knew this well.

Moreover, the British had an internal document, approved in November 1935, which ordered citizens, businesses and government agencies to use only the former

Chinese national currency, recognized as the only legal currency in China. Other foreigners were expected to take appropriate measures to protect themselves and their interests while their governments protested against Japanese policies and new Japanese financial manoeuvres¹¹²⁵.

The bank was officially established on May 1, 1939 with an authorized capital of 50 million yuan and, by analogy with the "northern neighbor", issued Notes to the current legislation for East China. The provisions of this document did not compete with northern regulations, nor did the new banknotes compete with the old yuan, since it was supposed to take advantage of the positions of the old currency before switching to a new one. Therefore, East China, in which the new yuan was to function as the main currency in foreign trade, while maintaining the position of the old yuan in domestic matters, had to be clearly separated from the financial system of North China, where the currency was unified¹¹²⁶. Consequently, there was no link between these two currencies, which was officially fixed on June 10, 1938, when the circulation of the old yuan between the two regions was prohibited in North China.

But since the steps described above, applied in Northern China, were only intended to unify the currency, and not to isolate the region from Eastern China, the financial separation required some measures to restore financial and trade relations between the regions. As a result, it was decided to regulate the flow of goods between them through the Agreement between the Federal Reserve Bank and Hua Xing and the plan to link the two currencies, which was heard at the VI joint conference of the two governments at the end of September 1939 and approved by the VII joint conference¹¹²⁷.

The Ministry of Finance of Kuomintang China, commenting on the creation of a Sino-Japanese Bank in East China, stated: "... After Japan's unsuccessful attempt to undermine China's monetary system by creating a puppet Federal Reserve Bank

¹¹²⁵ China's warning to "Traitors" // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. Feb. 1939. 17. P. 2.

¹¹²⁶ Tokunaga K. Monetary and financial reorganization in North China... P. 99.

¹¹²⁷ Ibid. P. 100.

in the northern part of the country, Japanese financial strategists shifted their efforts to the central part, creating a similar structure, but it is doomed to fail just like the first... The Federal Reserve Bank in North China was created to impose a worthless and inconvertible currency on the public. Now, when such a policy has exhausted itself and is approaching its limits in Northern China, and even more money is needed, the Japanese are turning their attention to Eastern China. And despite the outwardly commercial trappings, the new scheme will fail because the public knows too well the true situation. While the Chinese government will have to take countermeasures, foreign banks will simply not accept the new banknotes and generally have different dealings with the new bank¹¹²⁸. ”

At the same time, all commercial banks in East China were merged into a single financial organization, and the issue of their own currency, vouchers and bonds was organized. On August 30, 1939, the Reform Government of the Republic of China issued a proclamation according to which all import and export duties payable at the customs offices of Shanghai, from September 1, 1939, must be carried out in the currency of the Federal Reserve Bank of China, while the Chongqing currency is subject to turnover only at rates to be announced daily by Shanghai Customs¹¹²⁹. In January 1941, after the establishment of the Central Reserve Bank of China, Hua Xing was transferred to the status of an ordinary commercial bank.

In the field of economy, the situation was still concentrated around the UK. March 24, 1939 and. about. Minister of Foreign Affairs in the Reform Government of the Republic of China Chen Yu said that if the British government recognizes the new government in Nanjing, then it will be able to continue to provide its market in East Asia¹¹³⁰. Chen Yu noted that since the establishment of the new government, the UK has continued to expand its assistance to the Chiang Kai-shek regime in the hope of maintaining its rights and interests in China, and recalled that this country recently provided the Nanjing authorities with a large loan for the purchase of

¹¹²⁸ Hua Hsing Bank Scheme Will Fail // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 12. P. 8.

¹¹²⁹ Customs payments in new currency // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Aug. 31. P. 2.

¹¹³⁰ China puppet appeals for or British recognition // Ibid. Mar. 25. P. 1.

weapons¹¹³¹. He urged Britain to recognize the fact that the restoration of peace and order in East Asia is a necessary condition for the return of business to normal, and continued assistance to the Chiang Kai-shek regime is due to the lack of a correct assessment of the actual situation in East Asia¹¹³².

Shortly before this, the Reform government announced that it was ready to declare war on Great Britain and France if they did not reconsider and change their attitude towards the Chiang Kai-shek regime¹¹³³.

On June 19, 1939, Chen Yu, Minister of Foreign Affairs of the Reform Government of the Republic of China, issued a statement regarding the situation in Tianjin. The bottom line was that in those regions where General Chiang Kai-shek lost control levers, the representatives of the powers should maintain rational ties with the new regimes. He expressed regret that the British authorities in Shanghai and Tientsin had shown a hostile attitude towards the Reform and Provisional Governments, but the new authorities remained hopeful that misunderstandings would be resolved amicably, that the Powers would be able to change their Far East policy regarding concessions and withhold aid to the Chiang Kai-shek regime¹¹³⁴. In general, the economy was in dire need of resources, some of which were drug trafficking organized by the Japanese.

In early January 1940, a report was published by the American missionary teacher Dr. M. S. Bates of the University of Nanjing, based on the stories of British missionaries about the policy pursued by Japanese and Chinese officials under their control in the semi-legal trafficking of drugs sold after the capture of Nanjing in city and provinces of Jiangsu, Anhui and Zhejiang almost freely. The main traffic was established from Manchukuo, and the income from the circulation of opium was one of the main sources of replenishing the budget of the Reformed Government and a necessary condition for supporting other regimes. In 1939, based on the data, his

¹¹³¹ Ibid.

¹¹³² Puppet regime's plea to Britain // *The Straits Times*. 1939. Mar. 25. P. 9.

¹¹³³ Stanley Jones CH Showdown in Far East Is Very Near // *Sunday Tribune (Singapore)*. 1939. Mar. 5. P. 12.

¹¹³⁴ Japan Says Action Only Against Britain...

report already contained information about drug trafficking in Central China¹¹³⁵. As can be seen from the reports, this sector of the economy has become one of the most profitable for the new pro-Japanese authorities.

On the first anniversary of its founding, the Reformed Government of the Republic of China published a Manifesto, in which it pledged to create a "new China"¹¹³⁶, but the news, obviously, did not impress everyone, since guerrilla units immediately activated, and a plan was developed to eliminate and lead Chinese collaborators, and the highest commanders of the Japanese army in the region. As a result, on June 12, 1939, an unsuccessful attempt was made to poison key members of the Reformed Government and high-ranking Japanese military and diplomatic officials with wine during a reception at the Consulate General of Japan. The guests of the event were the chairmen of the Executive and Legislative Yuan, ministers (public security, education and justice), as well as the mayor of Nanjing. Reuters reported the arrest of one Chinese suspect¹¹³⁷. Zhang Changlin, a Chinese official from the Japanese Consulate, and 2 Japanese clerks died from poisoning, but most of the guests were not seriously injured because medical assistance arrived in time. Already on June 13, having recovered from the consequences of the poisoning, Japanese Deputy Foreign Minister Tomusaburo Shimizu left Nanjing for Fukuoka¹¹³⁸, and Liang Hongzhi was discharged from the hospital and returned to his duties¹¹³⁹, the approximate completion date of which had already been determined by that time: it was obvious that either at the end of this year or at the beginning of the next, the consolidation of regimes is inevitable. Japan firmly established itself in the region, and the structure of the Reform Government of the Republic of China and its staffing corresponded to the developed unification model.

Thus, we state that in the formation of a renewed regional political order, Japan has taken another confident step towards ensuring control over the region. The new

¹¹³⁵ The opium evil in occupied China // *Malaya Tribune*. 1940. Jan. 9. P. 14.

¹¹³⁶ Puppet Government Issues Manifesto // *The Straits Times*. 1939. Mar. 29. P. 10.

¹¹³⁷ "Puppet" Officials Given Poisoned Wine At Banquet // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 13. P. 2.

¹¹³⁸ Puppet President Leaves Hospital // *The Straits Times*. 1939. Jun 15. P. 9.

¹¹³⁹ Japanese Consul's Guests Recovering // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 15. P. 1.

polities represented by the Autonomous Government of Shanghai and the Reformed Government of the Three Eastern Provinces, despite their formally subordinate position in relation to Northern China and the Provisional Government in Beijing, in the period from 1938 to 1940 acted as a kind of model of autonomy with broader powers and tasks. Possessing organizational unity, recognized as the only power center at that time, maintaining, as long as possible, a balance with other geopolitical actors represented by the Western powers, whose interests were present in the region and were formalized in the form of the rights of foreign settlements, these polities performed the functions of a shock absorber, trying to to pay off the claims of the participants in the Nine Power Treaty directly to the Japanese side, which they successfully coped with - neither a military conflict nor any significant consequences were provoked by Japanese policy in the region.

Playing the role of a buffer not only between the Japanese side and the Central Government of China (former Nanjing, now Chongqing), but also between the northern regions, Central and South China, especially in monetary policy, Eastern China under the rule of Liang Hongzhi turned out to be a more convenient base in geographical terms. , both economically and politically, since it turned out to be easier for the Japanese to negotiate with this part of the Chinese political elite than with the northerners, which proved the effectiveness of the chosen model. In other aspects, the situation was similar to Northern China. As a result, it was the Liang Hongzhi team that formed the backbone of the top management personnel of the new Republic of China, headed by Wang Jingwei, and the territory of East China became the center of alternative Chinese statehood with its capital in Nanjing.

4.3. Creation of the Republic of China under Wang Jingwei as an alternative model of Chinese statehood

The incident on the Marco Polo Bridge in July 1937 near Beijing led to a deep crisis between Japan and China and became a pretext for the start of large-scale

hostilities, but the real reason for the contradictions lay in the economic situation in which Japan found itself at the turn of the 20s and 30s gg. 20th century Military operations on the continent and the difficult international situation in which this country was increasingly bogged down at the end of the first year of the Second Japanese-Chinese War (summer 1938) forced part of the political elite to look for ways to end the conflict with China, however, also among civilian officials, and to a much greater extent, in the number of military personnel, the preponderance was on the side of those who called on the country to continue implementing the outlined plans on the continent¹¹⁴⁰.

Meanwhile, in all the territories occupied by the Japanese armed forces and where they created regional governments at the level of provinces and regions, patriotic rhetoric against the Kuomintang did not work, and in most cases only the worst elements of local societies were ready to take public office. After the occupation of Chinese cities by Japanese troops, an information blockade of these objects was established. There was no news from the radio and the press, posters were placed everywhere showing the handshake of Chinese and Japanese citizens, Chinese farmers and the evil of Chinese militarists. The plans of the Japanese, who sought to gain access to the supply of raw cotton from Northern China, and the instructions given by the collaborationist authorities to the farmers at the beginning of spring ended in complete failure, because the partisans staged sabotage throughout the sowing season.

Therefore, as a possible alternative to ending the Sino-Japanese war without serious image and internal political complications, a plan was proposed to divide China into at least five semi-independent units, the development of which began immediately after the establishment of the Provisional Government in Beijing. Spheres of influence were offered to the European powers, presenting a scheme similar to the plans of the imperialists 40 years ago, when, after the end of the First Sino-Japanese War, the collapse of China seemed inevitable. According to the

¹¹⁴⁰ Peiping drafting China peace plan // The New York Times. 1938. Jul 2.

current plan, the country could be divided as follows: 1) Northern China, with Beijing as its capital, under the rule of the Provisional Government; 2) Inner Mongolia with its capital in Hohhot under the control of De Wang, who at that time headed the Mongolian Federation; 3) Eastern China with its capital in Nanjing, led by the Reform government; 4) Central China with its capital in Chongqing under the current Kuomintang government; 5) Southern China, with its capital in Canton, ruled by a coalition of provincial leaders of Guangdong and Guangxi.

Thus, the draft plan provided the corresponding spheres of influence: Japan - in Northern China and Inner Mongolia; Germany - in Shandong, where she had an economic position before the First World War; Great Britain - in the valley of the lower reaches of the Yangtze, including Shanghai; France - in the south of China¹¹⁴¹. Japan was ready to recognize Chiang Kai-shek as the head of the regime in Chongqing if he accepted the partition plan, while the command of the Kwantung Army was well aware that this would not happen, and therefore, in an ultimatum form, provided the leader of the Kuomintang 5 days for his approval, which, of course it didn't happen.

The political alignment regarding Japan's foreign policy on the continent within Japan itself has identified three groups. They differed on the political fate of China, the presence of Japan in the region, and the direction of the continuation of the war. The so-called South China group did not allow the idea of peace until all of China was under the control of Japan, which meant a challenge to Great Britain and the United States, whose subjects the group demanded to leave the country, at the same time continue the offensive policy, capture Singapore and possibly the Dutch East Indies in order to ensure a safe regular supply of oil, rubber and ammunition from Italy and Germany. The conditional composition of the North China group included Major General Doihara, Minister of War Itagaki, Commander of the Forces in Shanghai General Matsui, Minister of Education General Araki, Head of the General Department of the East Asia Development Committee and future Minister of Justice

¹¹⁴¹ Tokio even willing to give Chiang piece of his own country // New York Post. 1938. Jul 2. P. 2.

Lieutenant General Yanagawa, Minister of Marine Admiral Yonai and some other policies. This group of people stood for the position of peace with China, leaving Central and South China and concentrating exclusively in the north, Inner Mongolia and Manchukuo. The third, the Anti-Soviet group, whose position to a certain extent corresponds to the position of the North China, insisted on the termination of all agreements with Soviet Russia, preparation and lightning invasion, which would solve all the country's problems¹¹⁴². As a result, the South China grouping won, which ensured both a military advance deep into the continent, and Japan's involvement in World War II, and its defeat.

To implement the plan of the Southern Group, on September 22, 1938, the Joint Committee of the Governments of the Republic of China was formed in Beijing, the purpose of which was to create the necessary conditions for unification. The Provisional Government delegated to the Committee Wang Kemin, who became its chairman, as well as Wang Yitang and Zhu Sheng. The reformist government sent Liang Hongzhi, Wen Zongxi and Chen Qun. The committee held conferences at specified intervals, at which all key political decisions were made that required mutual agreement.

On January 4, 1939, the formation of a single political structure was announced, which was to take the place Central government and represent China both domestically and internationally. The new government, according to the plans, was to be built into the motley political system of several local regimes created as a result of the Japanese invasion. Although the exact model for a unified administration was not announced, it was assumed that it would be a federal system of regional governments, linked to the central main governing bodies. The new government was supposed to take a position of cooperation in relation to Japan and hostility - in relation to the communists, for which it had to be recognized by Japan as the legitimate successor to the government of Chiang Kai-shek and the Kuomintang. Let us pay attention to the main directions of the implementation of this plan.

¹¹⁴² Japanese sharply divided on policy in China // The Manchester Guardian. Feb. 1939. 22. P. 6.

Among the key ones, the question arose about the presence of a strong and influential person capable of heading a new government structure. The first thing that came to mind for both experts and laymen was Marshal Wu Peifu, whose hypothetical right to the presidency was supported by many statesmen and politicians. By the period we studied, he was 61 years old, of which he had been retired for more than 10 years. At one time, this was one of the most powerful military rulers in China, but in 1928, as a result of the Northern Expedition, Chiang Kai-shek ended his reign. Since then, living quietly in Beijing, until recently he was indifferent to Japanese movements in his direction, but shortly before the events described, the Japanese press reported that Marshal Wu sent circular telegrams to some Chinese politicians, which described the Japanese campaign as a "holy war" and there were words like this: "I am convinced that the plan to create a new order in China will save China and save people from suffering. There was an opportunity to unite the nation and ensure peace. Don't miss it!" Was it really so? Whether this telegram was an original or another tool of Japanese propaganda is of no fundamental importance to us, since Marshal Wu never showed an effective desire to cooperate with the Japanese, which resulted in a new search for a candidate, which, as you know, settled on the figure of Wang Jingwei, being h a man on whom Japan counted on the formation of a new central government capable of concluding a peace treaty on its terms, and to whom the objections and appeals of foreign powers would be forwarded, while China would formally retain all its territories. On his personality and the reasons that prompted him to betray, it is worth dwelling in more detail.

Gradually recognized by the heads of governments that Japan had established some time ago in Peking, Nanjing and other parts of China, he was entrusted with the solution of all problems and, supported by the Japanese army, he seemed able to find a compromise with his "flexible" compatriots. Wang Jingwei himself was ready to invite Chiang Kai-shek to take one of the posts in the new polity. Confidence in this was reinforced by the mood of certain sections of society: for example, businessmen and even some officials increasingly wondered about the leakage of a

huge amount of forces and resources to the war with Japan, about the growing economic difficulties and the infinity of this process.

Wang Zhaoming was born in 1883. His great-grandfather was the governor of Hunan at the turn of the 18th - 19th centuries. Like many of his associates, young Wang studied in Japan, joined the revolutionary movement upon his return, made a brilliant career in the Southern government in Guangzhou, taking the pseudonym Jingwei, and then in the new government after the Northern Expedition.

Wang Jingwei announced his resignation as prime minister and minister of foreign affairs due to ill health¹¹⁴³, although this move was largely influenced by the declaration of his peaceful position towards Japan and the subsequent assassination attempt by a group of Chinese patriots, which killed him deputy. At the III plenary session of the Central Executive Committee of the Kuomintang in Nanjing on February 15, 1937, he was considered as chairman of the permanent Central Executive Committee¹¹⁴⁴, but his loyalty to the Japanese side complicated an already difficult situation.

On February 24, 1937, in an interview with the French press, Wang Jingwei stated that the Central Government would henceforth concentrate its efforts on the restoration of lost territories, and first of all, attention would be focused on the Eastern Hebei Autonomous Government. Japan, in his opinion, should realize that this step is supported by the entire population of the country. A year after that, solving the problem of the south of the country, he made a statement about the need to convene a National Reconciliation Conference with the participation of the top leadership of Guangxi, the political center of the South China region, which gave the central authorities a lot of trouble. In turn, the Chinese communist leaders, in alliance with the command of the army of Guangxi and Sichuan, demanded that he hold a joint National Salvation Conference with the participation of all interested parties to combat Japanese aggression, which was rejected¹¹⁴⁵. Instead, Wang

¹¹⁴³ Chinese war minister // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 2. P. 14.

¹¹⁴⁴ Malaya and China Parley // Sunday Tribune (Singapore). Feb. 1937. 14. P. 5.

¹¹⁴⁵ Recovery Of East Hopei Our Immediate Aim // The Straits Times. Feb. 1937. 25. P. 5.

Jingwei returned to the issue of regaining the lost territories in Manchuria and Rehe¹¹⁴⁶. August and September 1938 in Hong Kong, Wang Jingwei's assistant Zhou Fohai had a series of meetings with a representative of the Japanese Prime Minister Matsumoto, at which the Japanese side proposed to abandon their territorial claims, compensation and withdrawal of the main part of its troops within 2 years with the support of a peaceful movement led by Wang Jingwei, however, at this stage, the transition of one of the Kuomintang leaders to the camp of the enemy does not occur.

The direct reason for the discussion within the top leadership of China on further relations with Japan, which led to the rupture of relations between Chiang Kai-shek and Wang Jingwei, can be considered the speech on December 22, 1938, by the Japanese Prime Minister with his third, summarizing statement on China, in which he outlined in good will and friendship between the two countries as a basis for further relations, Japan's renunciation of territorial claims to China and compensation for war expenses incurred during the war, the return of foreign concessions and the abolition of extraterritorial jurisdiction, offering joint protection against communism and economic cooperation.

The reaction of the international community was faster than the Chinese government. So, and the English ambassador in Tokyo voiced a communiqué that said: "His Majesty's Government was at a loss and cannot understand how the position voiced by Prince Konoe that Japan has no territorial claims and respects the sovereignty of China can be correlated with the stated intention of the Japanese government to force the Chinese citizens, by force of arms, to accept conditions entailing the renunciation of their political, economic and cultural freedom placed under Japanese control. Uncertainty about the timing of the presence of significant Japanese military forces in China and the virtual separation of Inner Mongolia lead Britain to insist that Japan adhere to the principles of the Nine Power Treaty. The UK cannot accept Japan's position that the Agreement is obsolete or that parts of its terms are no longer respected by anyone other than Japan. The UK does not claim

¹¹⁴⁶ China Wants Manchuria Returned // Morning Tribune. Feb. 1937. 26. P. 3.

that the agreements are eternal, so if Japan has constructive proposals for changes regarding China, the UK is ready to discuss them¹¹⁴⁷. Regarding Japan's announcement of readiness to consider abolishing extraterritoriality in China, the British position was that if Japan succeeded in its plans for control of the country, giving up extraterritoriality would not be part of significant concessions. The UK will be ready to resume discussions on this issue with a fully independent Chinese government once peace has been restored. Thus, the West once again pushed China to a hard rejection of the stated proposals.

A week later, on December 29, 1938, Wang Jingwei also delivered a response speech on relations and peace with Japan, addressing Chiang Kai-shek and the Kuomintang with an appeal published¹¹⁴⁸ by the Hong Kong press. Because of this speech, he was relieved of all posts and removed from all posts, including the post of Vice President of the Kuomintang. Subsequently, military and civilian leaders and social organizations strongly condemned his actions as a betrayal. The Straits Times of January 12, 1939, under the portrait of Wang Jingwei, gives the main theses of this address. The Manifesto of the Emergency Congress of the Kuomintang contains a section concerning the causes of war and resistance: “The reason why, after the conclusion of the Tanggu Agreement in 1934, we continued, despite all the humiliations, to negotiate with Japan is that we wanted to avoid hostilities and solve peacefully means of a double task: first, to ensure the security of the northern provinces, and then, to make a reasonable decision on the issue of the four northeastern provinces. Politically, our minimum terms include the inviolability of our sovereign rights and the maintenance of our jurisdictional independence and integrity, while economically our guiding principle is reciprocity and equality”.

With the occurrence of the Lugouqiao (Marco Polo) Bridge Incident in July 1937, China saw that the aforementioned hope for a peaceful settlement could not be realized and was forced to resort to armed resistance.

¹¹⁴⁷ Japan's peace terms // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 27. P. 14.

¹¹⁴⁸ “Peace offer” to China // Ibid. 1940. Jan. 17. P. 9.

In a statement on December 22, however, the Japanese government laid out its fundamental policy of restoring Sino-Japanese relations...

First of all, the principle of good neighborliness and courtesy was emphasized. Japan solemnly declared that it does not demand any territory or reimbursement from China, and that Japan not only respects the sovereignty of China, but in order to ensure its full independence, it will also follow the principles of the Meiji reform, namely, in exchange freedom to give the Japanese people the opportunity to live and do business in China, Japan, on terms of mutual benefit, will return the concessions to China and agree to the abolition of extraterritoriality.

Since the Japanese government solemnly issued such a declaration, it has become possible to peacefully not only secure the northern provinces, but also recover the territories lost in the current war and preserve China's national sovereignty and its jurisdictional independence and integrity. Therefore, we must make a decision and decide on measures in accordance with the manifesto in order to make a reasonable decision on the issue of the four northeastern provinces.

The second point is anti-Comintern cooperation. This issue has been repeatedly raised by the Japanese government over the past few years, but we suspected that such cooperation would lead to interference in our political and military affairs. This suspicion can be removed given the unequivocal statement that the proposed Anti-Comintern Pact between China and Japan will be concluded in the same spirit as similar pacts now linking Japan, Germany and Italy.

The purpose of the Anti-Comintern Pact is to contain the pernicious international conspiracy of the communists, and for this reason the pact should not include the participation of Soviet Russia.

In addition, since the Chinese Communist Party has already assumed responsibility for implementing the "Three People's Principles", it should completely abandon its party organization and propaganda work, abolish the advanced government as well as its special military structures, and fully obey the legal institutions of the Republic of China.

It should be noted that the "Three People's Principles" are the fundamental principles of the Chinese nation, and therefore, in fulfilling our responsibility to protect the country, we must automatically and immediately stop all organizations and propaganda that contradict them.

The third point is economic cooperation. It has been repeatedly proposed by the Japanese government over the past few years, but as long as political confusion persists in the country, this is out of the question.

The Government of Japan has now solemnly declared that it will respect the sovereignty and jurisdictional independence and integrity of China, and that its economic objectives are not aimed at exercising China's monopoly control, it will not require China to limit the interests of third powers, but will adhere to the principle of equality in order to realize economic cooperation between China and Japan. In this case, we must agree with the principle and formulate specific proposals on this basis...

After careful consideration, I have come to the conclusion that the National Government should immediately exchange views on the basis of these three points with the Government of Japan in order to restore peace. It may well be recalled here that the Government of Japan, in its declaration of November 3, has already changed its attitude, as indicated in the Declaration of January 16, and if the national government accepts the above three points as the basis for peace, the way to negotiations is open.

The object of China's armed resistance is to ensure its national existence and independence. During this war, which has been going on for more than a year, great suffering has been inflicted on the country. If we are able to establish peace in accordance with justice, then the existence and independence of the nation can be preserved and the purpose of armed resistance justified.

These three points constitute the principles of the world. As for the terms of the peace, we carefully examine them to make sure they are in accordance.

Of particular importance is the withdrawal of the Japanese army from China, which must be swift and universal in all directions.

In addition, the so-called special territories where Japanese troops could be stationed for some time under the conditions stipulated in the proposed Anti-Comintern Pact should be limited to Inner Mongolia only. This affects China's sovereignty and its jurisdictional independence and integrity, and only by virtue of this limitation will China be able to carry out the work of post-war reconstruction and reconstruction in the spirit of a modern state.

In view of our proximity, good neighborliness and friendly relations between China and Japan are natural and necessary. The present, deviating from what should be, state requires careful re-examination, and each of the parties must try to realize their responsibility.

In order to establish a basis for lasting peace between the two countries, not only should China make its enlightenment policy in line with the principles of good neighborliness, it is also more necessary for Japan that its people abandon their traditional snubs of invading China and instead pursue a pro-Chinese educational policy.

This is what we must strive for the welfare of East Asia. At the same time, in order to ensure peace and security in the Pacific and the world at large, we must also cooperate internationally to realize mutual interests.

I take this opportunity to make the above proposals and sincerely hope they will be accepted¹¹⁴⁹”.

The leadership of the Kuomintang publicly expressed their indignation over this, and the most authoritative leaders even expressed regret over the time they spent working together with Wang Jingwei.

Analysis of the situation revealed that his imminent departure from Chongqing after the speech was secretly and carefully planned: before leaving for Hanoi, the family, staff and luggage were taken out in advance, which indicates Wang Jingwei's determination never to return. The Chinese press unanimously welcomed his expulsion, and the Chinese government issued an official mandate ordering the

¹¹⁴⁹ Mr. Wang Ching-wei States His Case For Opening Of Peace Talks // The Straits Times. 1939. Jan. 12. P. 5.

arrest and punishment of all those involved in the activities of the Japanese-created regimes.

The hopes for peace that arose after Wang Jingwei's departure from Chongqing finally dissipated after his expulsion from the government. Thus, before China, the year 1939 appeared without any clear prospects for cessation of hostilities. Zhou Enlai, one of the leaders of the Chinese Communist Party, stated that Wang's defection would not affect China's internal solidarity, war or resistance. He pointed out that in the 20 years of his acquaintance with Wang Jingwei, he has always been a coward who, in the course of his political career, often changed his opinions and judgments, always betrayed his colleagues as soon as a difficulty arose, and, being an opportunist, always adhered to the line of least resistance¹¹⁵⁰.

Wang Jingwei himself was sure that the relationship between him and Japan would be like that between Britain and France. At the same time, Japan and Inner Mongolia, and in the four provinces of North China, remained a garrison with a "special status", troops throughout the country were supposed to be withdrawn as part of the concluded peace and kept in certain regions to maintain order, and in parallel it was planned to create a joint institution for economic cooperation with Japan. Another issue that could easily be resolved was the anti-Comintern pact involving the "new" China, since Wang Jingwei himself was an ardent anti-communist. Thus, both Inner Mongolia and Northern China would receive the status of an anti-communist belt and territory that the Japanese garrison must protect from communist attacks.

But Wang Jingwei either did not understand, or did not want to understand, that the hopes of the Japanese were reduced to the continuation of the struggle within Chinese society, which then could be called a civil war, although in fact it would be in fact the same war between China and Japan, which the latter waged. , but already "by someone else's hands". In addition, even within the collaborators, his position was not so unambiguous and without alternative almost until the middle of 1939.

¹¹⁵⁰Wang Flees From China // Malaya Tribune. 1939. Jan. 3. P. 11.

Thus, in In April 1939, the head of the Peking government, Wang Kemin, upon returning from a meeting of the Joint Committee held in Nanjing, denied the existence of any connection between his government and Wang Jingwei. Wang Kemin said that the possibility of creating a new central government in Nanjing was not discussed, and the question of inviting Wu Peifu to head the unified government was not even honored with an answer¹¹⁵¹.

The strengthening of the positions of the future leader of the collaborators begins after the failure of the attempts of the pro-Japanese National Salvation Association in Beijing to achieve an end to the war by peaceful means. Therefore, the Japanese decide to organize a World Peace Movement led by Wang Jingwei with headquarters in Shanghai and offices in Beijing and Tianjin. The aim of the movement was to develop measures for the speedy end of the war and the development of Shanghai-Japanese friendship. A similar organization was supposed to be created in Japan, which assumed the costs of maintaining the Chinese understudy, the opening of which was scheduled for early June ¹¹⁵². To discuss these issues with representatives of the Japanese government in mid-May 1939, Wang Jingwei went to Fukuoka, where he enlisted their support. Following this, its representatives at the end of May 1939 in Beijing, with the participation of the Japanese side, discussed the possibility of merging the regimes, but the result of the discussion remained unknown. It was only known that the negotiations concerned foreign investment, the autonomy of Inner Mongolia, the special economic rights that Japan was to enjoy in China after the establishment of a unified government, including the issue of stationing Japanese troops on Chinese territory¹¹⁵³.

Only on August 20, 1939, agreements on the establishment of a central government in Nanjing were completed. Liang Hongzhi and Chen Chong advocated October 10 as the tentative date for unification, but the move was not supported by officials in Beijing¹¹⁵⁴. Following this, in response to an attempt to establish a pro-

¹¹⁵¹ Puppet government and Wang Ching-Wei // *The Straits Times*. 1939. Apr. 13. P. 9.

¹¹⁵² Wang Ching-Wei May head new peace movement // *Ibid.* May 27. P. 14.

¹¹⁵³ Wang's peace movement // *Ibid.* May 30. P. 11.

¹¹⁵⁴ China puppet regimes to merge soon? // *Ibid.* Aug. 21. P. 9.

Japanese regime in Canton, a group of military men sent a telegram to Chinese President Lin Sen and Generalissimo Chiang Kai-shek about the need to make maximum efforts in anti-Japanese resistance under the leadership of Generalissimo Chiang Kai-shek. The signatories were Acting Commander-in-Chief of Guangdong General Zhang Fakui, Commander of the 4th Army Corps in Guangdong General Yu Hanmou, Governor of Guangdong General Li Liangjun, Governor of Guangxi Huang Xiuchu, Guangxi military commander Xia Wei and General Cai Tingkai and former commander of the 19th Land Army Chan Kwannai¹¹⁵⁵.

On September 13, 1939, the ruling circles in Beijing announced that in October of this year it was planned to proclaim a united Republic of China headed by Wang Jingwei¹¹⁵⁶. Meanwhile, Wang Kemin, in order to discuss this issue, planned a trip to Shanghai for September 17, 1939, during which the option of including five ministers of the Provisional Government and three ministers of the Reformed Government in the new government was discussed. Wang Kemin would remain in Beijing as head of the semi-independent Political Council, which was supposed to govern the territories north of the river. Huang He by analogy with the Hebei-Chahar Council¹¹⁵⁷.

As a result, on September 22, 1939, an agreement was reached between Wang Jingweem, who recently headed the pro-Japanese Central Executive Committee of the Kuomintang, Wang Kemin and Liang Hongzhi regarding the creation of a new central government in China and the conclusion of peace with Japan. The leaders of the two regimes approved the peace proposals of Wang Jingwei and the Japanese side and promised to expand their support for the establishment of a Central Political Committee, which would be the core of the new central government.

All regimes established by Japan in the occupied territories, including the Wuhan Special Municipal Region, Amoi, and Hainan Island, joined the new Central Government in China¹¹⁵⁸. Respect for foreign interests in China, inviting foreign

¹¹⁵⁵ Southerners Denounce Wang's Secession Plan // *Malaya Tribune*. 1939. Aug. 23. P. 18.

¹¹⁵⁶ New Chinese government // *The Straits Times*. 1939. Sep. 14. P. 10.

¹¹⁵⁷ Troop movements in Manchukuo. Reported Russian break through // *The Times*. 1939. Sep. fourteen.

¹¹⁵⁸ China puppet regimes to merge? // *The Straits Times*. 1939. Sep. 23. P. 7.

capital and attracting technology to stabilize and develop the economy were to be the main points of national policy to be approved by the new Central Government¹¹⁵⁹. The corresponding statement was simultaneously published by the Reformed Government in Nanjing and the Provisional Government in Beijing¹¹⁶⁰.

The reaction of official China was not long in coming. On October 2, 1939, Chiang Kai-shek issued a statement that the Chinese government does not recognize any institution that would claim to be the central structure in the Kuomintang Party, or the so-called new Central Government, and as for Wang Jingwei, the only one favorable for The Generalissimo called his outcome his suicide¹¹⁶¹. He added that now the entire Chinese nation, regardless of party and political affiliation, is focused on one single goal - "to regroup and not give up!"¹¹⁶² The Generalissimo argued that only the Chinese central government had the legal basis to decide on the issue of war or peace, and it was unlikely to take seriously decisions that come from traitors, since it is too obvious that such decisions and the regimes that make them are financed by the Japanese. In conclusion, he gave as an example the problem of Manchukuo, which, despite all efforts, threats and promises, remained unresolved¹¹⁶³.

According to well-informed Chinese political circles, already on October 6, 1939, it became clear among the collaborators that the likelihood of a new central government by October 10, 1939, the anniversary of the founding of the Republic of China, was reduced to zero. Added to this was the "half-sabotage" of the Provisional Government, which insisted on maintaining its full power north of the Yellow River even after unification¹¹⁶⁴. There was also no consensus on the composition and nature of the administration to be created¹¹⁶⁵. These difficulties, together with other factors, did not allow the implementation of the plan as scheduled.

¹¹⁵⁹ Puppets Regimes to Merge? // *Ibid.* P.7.

¹¹⁶⁰ Statements by China puppet regimes // *Ibid.* Sep. 25. P. 7.

¹¹⁶¹ Chiang Denounces Wang Ching Wei // *Morning Tribune.* 1939. Oct. 4.P.5.

¹¹⁶² " Wang Had Better Commit Suicide" - Chiang Kai Shek // *Ibid.* Oct. 3. P. 3.

¹¹⁶³ China will not surrender // *The Straits Times.* 1939. Oct. 3. P. 9.

¹¹⁶⁴ Puppet move fails again in N. China // *Malaya Tribune.* 1939. Oct. 6. P. 11.

¹¹⁶⁵ Hitch in puppet regime plans. Japanese Concerned Over Lack of Unity // *The Straits Times.* 1939. Oct. 6.

In this regard, on October 30, 1939, under the chairmanship of the Minister of Foreign Affairs, Admiral Kitasaburo Nomura, the official representatives of the Japanese Ministry of Foreign Affairs, the Japanese Ambassador Kato and the press secretary of the Japanese Ministry of Foreign Affairs, Suma, attended a conference at which issues related to the establishment of a central government were discussed in China. Suma later announced that a new government would be set up in a month. He stressed that negotiations between Chinese leaders regarding the establishment of a new government are ongoing, and the final meeting between Wang Kemin, Liang Hongzhi and Wang Jingwei will be held in Qingdao from November 8 to November 10 this year¹¹⁶⁶.

On November 1, 1939, Japanese Cabinet Secretary Ryusaku Endo announced that a conference of the Chinese Affairs Council was held at the end of October, at which the issue of establishing a central government and the further course of the war, taking into account the interests of third powers in China, was discussed in more detail¹¹⁶⁷. The meeting was attended by the Prime Minister himself, who was its chairman, Foreign Minister Admiral Nomura, Army Minister General Shuroku Hata, Navy Minister Vice Admiral Zengo Yoshida, Finance Minister Kazuo Aoki, the future Minister of East Asian Affairs and the only one of them who did not combine this position with the position of Minister of Foreign Affairs. In his statement, he said that the movement to establish a new central government in China is proceeding according to plan. Following this, Prime Minister General Nobuyuki Abe reported to the emperor on the decisions reached at the Council meeting on Japan's position on the establishment of a new government in China before approval of the approved plan by the Cabinet.

The next day, November 2, 1939, in Nanking, Wang Jingwei officially visited Vice Admiral Koshiro Oikawa, Commander-in-Chief of the Japanese Fleet in Chinese waters, and General Toshizo Nishio, Commander-in-Chief of the Japanese Expeditionary Force Group in China, and confirmed his firm determination to

¹¹⁶⁶ Puppet regimes in China to merge // *Ibid.* Oct. 31. P. 9.

¹¹⁶⁷ Tokyo discussions to end The China War // *Ibid.* Nov. 2. P. 14.

organize a new central government in China¹¹⁶⁸. But observers believed that the regimes created by the Japanese would not be able to survive the departure of the Japanese forces in the event of a retreat, and Wang Jingwei did not have the personal qualities and abilities that would allow him to justify the hopes of his patrons¹¹⁶⁹. The people laughed, saying about him that the Japanese, even if they caught their "fish", had not yet caught it. The conditions put forward by Wang, his demands for a role in the political situation, the degree of authority and independence that he demanded from the Japanese, who were not ready to provide, could mean that Wang Jingwei regretted his first impulse to succumb to "the bait" and is now ready to will do everything possible to avoid the final "catch in the net"¹¹⁷⁰.

At the end of November 1939, Wang Jingwei himself, in an interview with a German journalist published in a newspaper in Shanghai, openly stated that the establishment of a new Chinese central government by merging all regimes in the territories occupied by Japan was facing significant difficulties. Meanwhile, he briefly outlined his vision for the creation of a predictable government. He stated that the date of the inauguration could not yet be determined, since the discussion of acceptable and specific peace terms that would satisfy both China and Japan would take some time even if the current negotiations proceeded smoothly, and believed that China could not bring its conflict to the bitter end by military means, but Japan will never be the undisputed winner in the war with China. Therefore, both countries must make sacrifices for the sake of mutual understanding and peace.

One of the main points of controversy is Wang Jingwei's insistence on the complete withdrawal of Japanese troops from China. A corresponding article about this position in one of the Chinese magazines provoked a response from a representative of the Japanese embassy in Shanghai, according to which the complete withdrawal of Japanese troops from China could only be discussed when peace was concluded and Wang Jingwei himself announced this in August. The

¹¹⁶⁸ Tokio talks on new China puppet regime // The Straits Times. 1939. Nov. 3. P. 14.

¹¹⁶⁹ The Drama of the Far East // MorningTribune. 1939. Nov. 27. P. 4.

¹¹⁷⁰ Wang Ching Wei regrets first rush at The Bait ...

Japanese representative further emphasized that since the emerging central government under Mr. Wang would not be able to withstand the forces of Chongqing, Japanese troops would be needed to maintain peace and order in the territories over which the emerging regime would claim jurisdiction. However, a gradual withdrawal of Japanese troops will become possible when the new government receives sufficient troops, since the Japanese government does not intend to maintain Japanese garrisons in all parts of China¹¹⁷¹.

Political observers in Tokyo believed that the guiding principle of Japan's policy towards a new central government in China would be Japan's declared respect for China's independence and freedom, although it would be willing to extend possible assistance to the new regime in police, financial, industrial, cultural, and other matters without requisition territorial concessions or reimbursement of expenses incurred by it¹¹⁷². At the same time, it will be necessary to turn to the new Chinese regime, join the process of creating a new order in East Asia and help it manage the territories under its control. And this task seemed the least achievable, since the result of a 2-year campaign was that the citizens were more and more consolidated against the invader. Another disappointment was the Soviet-German agreement, since it effectively excluded Germany from the anti-communist pact.

Japan had an extensive record of victories, but its army never managed to completely eliminate the armed forces of China. The largest of the cities of China and its main communications were occupied, but she effectively controlled only those territories where her troops were stationed¹¹⁷³. As a result, the victories of the army led to the exodus of millions of citizens from their homes and unrest in all occupied areas. In contrast to this, Chiang Kai-shek and Mao Zedong still managed to agree, which would have been impossible without the Japanese invasion. Until recently, Japan did not lose hope for the collapse of the government of Chiang Kai-shek, the cessation of foreign aid from Britain and France due to their own problems.

¹¹⁷¹ Wang Ching-Wei Regime Plan Hitch // The Straits Times. 1939. Nov. 26. P. 3.

¹¹⁷² Tokio talks on new China puppet regime...

¹¹⁷³ The war in China // The Manchester Guardian. 1939. Dec. 30. P. 6.

But the opening of the Burmese road by Great Britain, the failed option of cutting off supplies from Soviet Russia, and the inability to weaken the United States in the face of the threat of the Berlin Treaty, forced Wang Jingwei to pay closer attention.

Wang Jingwei was supposed to play the role of the ruler of "independent" China, whose task was to finally terminate the unequal treaties and remove Western foreigners from China, and the Japanese, in turn, were ready to help in this task, but were going to deny that this politics had something to do with them. The move of the head of the new government to Nanking took place, but this did not mean the establishment of control over all of China or any of its parts. One of the American journalists was given the opportunity to have an "independent and unlimited" interview with Wang Jingwei. The *China Weekly Review* published it under the title "The Nanjing Prisoner", where the new political figure was presented as a helpless and naive person. The Japanese were outraged by this image and their representative announced that Wang Jingwei was as free as the emperor of Manchukuo, to which the publication immediately reacted with a smirk: "Poor Henry Pu-Yi, the "Emperor" of Manchukuo, a melancholy dependent on Japanese content! Poor Wang Jingwei, who is as free as Henry Pu-Yi!"¹¹⁷⁴

It was this image that stuck with the two statesmen who wanted to see their country free and prosperous, but chose the wrong methods to achieve this goal.

By early 1940, Japan no longer expected to defeat China through battle or confiscation of its territories: the idea was that China would fall as a result of depleted resources and lack of unity. However, Japan was also not doing very well. First, at the end of January 1940, the Trade Agreement between the United States and Japan ended, which forced some political circles to talk about discussing a new agreement or completely abandoning the obligations of the Nine-Power Treaty. Second, an estimate of human casualties showed that any large-scale offensive cost Japan 25,000 men per month, or 300,000 per year. Thirdly, there has been an increase in taxation. The shortage of rice in Japan and Korea forced it to be imported

¹¹⁷⁴ The prisoner of Nanking // *The Manchester Guardian*. 1940. Dec. 2. P. 4.

from abroad, which entailed the need for foreign exchange. This, in turn, undermined the level of soybean production and consumption that Japan had traditionally relied on to export and earn foreign exchange for the commodity¹¹⁷⁵. All this together did not mean that Japan wavered in her decision to somehow get her way in China, but the Japanese government became more prudent and cautious, which forced it to force a situation in which it really needed to get a central government through which it hopes to finally , end the tedious war. In this case, she would relieve herself of any responsibility for the subsequent situation in China, although she intended to control a significant part of it.

On January 23, 1940, a conference was opened in Qingdao to set up a new Chinese central government. The agenda of the event included determining the status of the new regime, its capital, relations with existing authorities, building a system of interaction between the central government and local governments, as well as Wang Jingwei's meeting with a representative of the Federal Autonomous Government of Inner Mongolia¹¹⁷⁶.

It was supposed that the flag of the Kuomintang (white sun on a blue background) should become the official flag, but Japan opposed this, since this flag was a symbol of opposition to its forces on the continent. As a result, the flag was adopted: a red field with a blue field in the upper left corner, in the center of which is a white sun, and above the flag is a yellow-black pennant. On February 5, 1943, the pennant was abolished and the official anthem of the Kuomintang Party became the national anthem.

As the capital of the new regime, it was proposed to determine Canton, which was the most successful both in terms of intra-city organization and in terms of geographical location¹¹⁷⁷. However, on March 7, the final decision of the conference on the creation of a new central government of China was published in Hong Kong, within the framework of which Nanjing was determined as the capital; the new

¹¹⁷⁵ Tug-of-War in the Far East // *Ibid.* Feb. 15. P. 6.

¹¹⁷⁶ Puppet leaders meet to-day // *The Straits Times.* 1940. Jan. 23. P. 9.

¹¹⁷⁷ New Regime in Canton? // *Malaya Tribune.* 1940. Feb. 24. P. 11.

government recognized the independence of Manchukuo, and Northern China became an area with a wide degree of autonomy while maintaining jurisdiction, foreign exchange and foreign affairs under the control of the new government; Inner Mongolia also became a special region with the circulation of the single Chinese currency on its territory and granting Japan the right to station 100,000 soldiers there for a period of no more than 10 years; the Japanese received the right to deploy 5,000 troops in Shanghai and 2,000 in Hankou, while with the stabilization of the situation in the country, Japanese troops will be withdrawn from all other territories; the new government in Nanjing agreed to the use by the Japanese fleet of naval bases in China and their waters to protect the common interests of China and Japan¹¹⁷⁸; Japan renounced its extraterritorial rights and returned the territory of its concession to China; Japan provided the new government with advisers to form and work in government bodies that were required to follow Chinese law; all commercial and industrial enterprises in which the Japanese were present received the right to create joint Sino-Japanese concerns with a 51% Chinese participation, with the exception of vital sectors of the economy and industry in Northern China, where only Japanese participation was supposed; foreign companies were obliged to ensure cooperation with the Chinese side on the basis of 51% dominance of the latter, otherwise they were deprived of the right to conduct business in the country; the Sino-Japanese Cooperative Society was created, consisting of Japanese officers and civilians, designed to make recommendations on economic policy in the lower reaches of the Yangtze; foreign loans granted before December 1938 were not called for, but were assigned to the government of Chiang Kai-shek, with whom it was forbidden to maintain any relations¹¹⁷⁹. It is under these conditions that the final formalization of the new polity and its transformation into an alternative to the Kuomintang regime of the Republic of China takes place.

The second pressing issue was the stabilization of the economy and the region, and the new polity, and Japan. The latter was not financially able to bear the entire

¹¹⁷⁸ Nanking Puppets // The Times. 1940. Feb. 2.

¹¹⁷⁹ Terms of Wang's reported pact with the Japanese // The Straits Times. 1940. Mar. 7. P. 14.

burden of managing the occupied regions alone. In this regard, it was obvious that the new China was not ready to immediately embark on a program to oust foreign interests from its territory: the issues of extraterritoriality and foreign concessions, the solution of which had been expected for several years, slowed down their movement and henceforth had to be considered slowly and cautiously¹¹⁸⁰, the final format of the proposed new central government was to be determined by the Joint Committee of the Governments of the Republic of China.

Already in March 1939, at a joint meeting of the Joint Committee, he was questioned about expanding the sphere of influence of the Federal Reserve Bank to other areas of China¹¹⁸¹ and connecting the railway network of the north with the roads of the northeast. By the beginning of July 1939, the Japanese armed forces had gained complete control over all essential means of communication in North China, which were operated by the South Manchurian Railway. In some places, new roads were built with forced labor, but much of the effort was devoted to rebuilding roads damaged by Chinese guerrillas. Telephone and telegraph communications were also maintained by significant efforts by the Japanese. Along the railroads, each station was a miniature fortress. According to experts, at that time about 30 divisions numbering 500 thousand people were concentrated in Northern China, of which 18 were guarding communication lines and occupied settlements¹¹⁸². However, it was impossible to improve the economy with the military method, and everyone, including the Japanese side, clearly understood this. It required diplomatic tools, goodwill and the participation of big business in the face of Western companies, which, without appropriate guarantees from the official authorities, would never and did not inject their capital into the region.

- mentioned Trade Agreement between the United States and Japan, the main trade and navigation treaty concluded in 1911, which regulated all trade relations between countries , expired. Notice of its expiration was sent by the United States 6

¹¹⁸⁰ Plan for new central government in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jan. 5. P. 2.

¹¹⁸¹ Puppet regime envoys to meet // Ibid. Mar. 31. P. 7.

¹¹⁸² North China // The Manchester Guardian. 1939. Jul 7. P. 11.

months earlier, on July 26, 1939, and knowingly or not, this was done at a time when Japan was trying to put pressure on Britain over the Tientsin Incident. On November 22, 1939, the Japanese Prime Minister expressed the hope that the non-treaty situation could be avoided and that a new treaty was highly likely, but nothing came of it.

The US government has officially expressed concern about this, followed by an informal appeal to manufacturers not to export to Japan the aircraft, parts or machinery needed to produce special liquid fuel for aircraft. Thus, the so-called "moral embargo" was established, but the issue remained behind the official embargo. The moral argument was reinforced by an address to the American people on January 11, 1940, by Henry Stimson, who had held the post of Secretary of State before Cordell Hull. Not only was he convinced that the government should have discouraged exporters of iron ore and other important minerals, but he also supported the idea of a general embargo on war materials and weapons¹¹⁸³.

Of course, trade transactions were not stopped, and actual trade between Japan and the United States continued, but there was a situation of uncertainty about the future, as the United States government had a free hand that could complicate (through tariff self-regulation) or stop (through embargo) trade with Japan. The American government and the public have never hidden their views on Japan's war with China. They always insisted on respecting the terms of the Nine Power Treaty, which were negotiated and agreed to ensure the independence and territorial integrity of China and guarantee equal opportunities for all countries, but in the end Japan received most of the desired resources.

The third and most important question concerned the institutionalization of the new polity. In Nanjing itself, on the day of the inauguration, the necessary precautions were taken against protests and speeches, but no public events took

¹¹⁸³ Questions in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Jan. 26. P. 6.

place¹¹⁸⁴. The next day, its first meeting took place¹¹⁸⁵. The week before, on March 24, 1940, the composition and structure of the new government was announced.

The Central Political Committee, in accordance with the provisions of the Organic Law and the Law "On the Central Political Committee", was the highest governing body of the renewed state apparatus. Unlike Chongqing China and the Political Committee of the Central Committee of the Kuomintang, the state system of the Wang Jingwei regime was not closed to the party organization. The structure of the Committee included full members (*ex officio*), representing the "inner circle", members with the right to consultative vote, appointed, invited members, and also introduced the position of the general secretary and three of his deputies (except for the 5th convocation, which included 1, and 6th, in which there were 2 deputies). The first took place on March 24, 1940 and included 40 members in the Committee, 2nd (April 5, 1941), 3rd (March 26, 1942), 4th (April 1, 1943), 5th th (March 29, 1944) and 6th (April 5, 1945) convocations no longer assumed full members, the number of members was 39 people. Like Chiang Kai-shek, Wang Jingwei was the chairman of the Central Political Council, Zhou Fohai was the general secretary until December 23, 1944, then Ding Mosun, and from June 7, 1945, Seng Deguang.

In January 1943, the Chinese People's Political Consultative Conference decided to establish the Supreme National Defense Council, which became the highest organ of state power between the meetings of the Central Political Committee.

The next link in the state system was the National Government Committee. In accordance with the Organic Law and the Law on the Organization of the National Government of the Republic of China, this body consisted of the President of the country and members of the National Government Committee, who were elected by the Central Political Committee. In accordance with the above law, the president did not participate in the actual administration of the state, did not bear political responsibility for his actions, and could not hold other official positions.

¹¹⁸⁴ China's puppet regime inaugurated // The Straits Times. 1940. Mar. 31. P. 2.

¹¹⁸⁵ Meeting of Chinese puppets // Ibid. Apr. 2. P. 11.

As in the Republic of China under Chiang Kai-shek, Lin Sen was proclaimed president and, as in the previous case, he had no real political power. In this regard, on November 28, 1940, a meeting of the Central Political Committee was held to amend the Law on the Organization of the National Government of the Republic of China, which eliminated the restrictive provisions, after which the Committee elected Wang Jingwei as president.

Wang Jingwei's death was not only sudden, but even less glorious than his career. At the end of 1943, after participating in the World Conference on East Asia led by Japan, his health deteriorated and on March 22, 1944 he left for Tokyo, after which the Central Political Committee held a special meeting, at which his proposal was made to elect Chen Gongbo as president, which was done in the late autumn of this year. On November 10, 1944, Wang Jingwei entered Nagoya Imperial University Hospital and died on November 12. Among the possible causes of death, he was killed with a small lead bullet by a member of the Iron and Blood Corps patriotic organization, but Zhang Xueliang's investigation showed that the bullets used at that time were steel, not lead. Other versions include the guilt of Wang Jingwei's wife in improper treatment or the murder by the Japanese themselves, for whom he became a burden, which his daughters rejected during several investigations and conversations with them. In Nanjing, the Central Political Committee held an emergency meeting and decided to assign the duties of the head of state to Chen Gongbo, who officially took office on November 20, 1944, while Zhou Fohai became the mayor of Shanghai, as discussed above. On November 23, 1944, in accordance with his last wish, he was buried on the southern slope of Zijinshan Mountain near the resting place of Sun Yat-sen. On January 21, 1946, after the victory over Japan, the commander-in-chief of the National Revolutionary Army, He Yingqing, was ordered to blow up the tomb of Wang Tsunizwei. When the coffin was opened, those present saw that the body, dressed in civilian clothes and covered with the national flag, had not decomposed due to the use of chemicals. An order was given to send him to the Qingliangshan crematorium for burning, and the ashes were thrown into the river. Yangtze. In 1994, a statue of Wang Jingwei was

installed at the site of the tomb, which was damaged by tourists and removed in 1997, and the assessment of Wang Jingcei's activities as a leader of collaborators both in China itself and in the international scientific community remains generally negative with slight flaws as an explanation for certain actions, statements or decisions.

In addition to the National Government Committee, the state system included 5 Yuan (Chambers), the leading role was for the Executive, headed by the same Wang Jingwei. He had two deputies, and the structure of this authority assumed the presence of the following ministries: foreign affairs, finance, internal affairs, education, justice, industry and trade, communications, social policy, construction, military and naval ministries, as well as committees on the rights of the ministries: propaganda, emergency situations, emigrants, irrigation and the border committee.

The Legislative Yuan was headed by Chen Gunbo.

The Judicial Yuan (Supreme Court) was headed by the former Minister for Tibet of the Qing government and Chairman of the Legislative Yuan of the Reform government, Wen Zongyao. The General Jurisdiction Chamber was headed by Zhang Tao, the Administrative Chamber (Administrative Court) was headed by Lin Biao, and the Civil Service Discipline Committee was headed by the Chairman of the Judicial Yuan (Supreme Court) of the Reform Government Zhu Liuhe in the status of Deputy Chairman of the Yuan.

The head of the Examination Yuan was Wang Yitang, who was replaced in March 1942 by the founder of the Socialist Party of China, a prominent scientist, Ph.D. Jiang Kanghu, who had previously been the vice chairman of the Yuan; he was in turn replaced in November 1944 by Chen Qun, Minister of the Interior and Education of the Reformed Government, and former Minister of the Interior and Governor of Jiangzu of the current government. The Civil Service Committee was headed by Jiang Kanghu, the Committee for the Selection of Candidates until 1942 was headed by Jiao Ying.

Liang Hongzhi became the head of the Control Yuan, and Xia Qifeng, Deputy Minister of Foreign Affairs of the Reform Government, became the head of the Inspection Committee.

The military bloc was formed as part of the General Staff, the Supreme Military Advisory Council, the Directorate of Political Training and the Directorate for Investigation and Statistics (Internal Intelligence Service).

The government apparatus reported directly to Wang Jingwei and consisted of the Military Council, the Committees for Constitutional Control, Emergency Assistance, Planning, Accounting for Material Resources, Compiling Official History, and the National Economic Committee.

A special place in the apparatus belonged to the Committee for the Maintenance of Law and Order in Rural Areas. Its creation on May 22, 1941 was caused by the activation of the anti-Japanese resistance movement in the central provinces. The chairman of the committee was Wang Jingwei, and the deputies were Chen Gongbo and Zhou Fohai. In accordance with the regulations on the Committee, he was the highest authority in the controlled territories and had the right to give orders to restore order. The Committee consisted of four departments: the first dealt with the organizational issues of case management, document management and recruitment, the second was in charge of administrative issues, the third managed the security teams and the police, and the fourth - social issues. Due to the fact that the powers of the Committee overlapped with other authorities, institutions and local structures, this led to contradictions within the structure, as a result, in May 1943, the Supreme Council of National Defense decided to abolish it.

The inauguration of Wang Qingwei's government in Nanjing passed almost unnoticed. Unlike the inauguration of the Provisional Government in Beijing, this time there were no public celebrations and posters, only a few public buildings placed the officially approved flag of the Kuomintang with a yellow pennant at the top, while Japanese public and private buildings still retained on their facades old five-color flag. Wang Jingwei delivered an inaugural address announcing that the two countries would maintain peace and uphold the constitutional order. He also

called on officials in Chongqing to recognize the Nanjing government. The ceremony lasted 20 minutes, security was provided by armed guards. Later, there was a mass gathering, a parade in honor of the new flag and free theatrical performances, planes dropped 100,000 leaflets, and a procession of lanterns was organized at night.

Experts were skeptical about the composition of the government, calling it unimpressive and made up of Wang Jingwei's old henchmen and other unknowns. Only Chen Gunbo, who took the post of chairman of the Legislative Yuan, had sufficient weight and authority, which allowed him to take the post of head of state in the future.

The territorial organization of the "new" Republic of China relied on the former administrative-territorial division of the Republic of China, only partially transforming it to suit urgent tasks and changing the status of certain territories or objects. Despite the claim to govern all of China, both Inner and Outer, in fact the state was divided into three zones: 1) the zone of subordination to the Central Government of Wang Jingwei; 2) the zone of subordination of the Political Council of North China; and 3) Mengjiang. Therefore, below we will reflect the situation in relation to those territories that were under the control of the Japanese.

On March 2, 1939, Nanjing received a special status and a municipal government, and on March 20, 1940, at a meeting of the Central Political Committee, it was decided to make Nanjing the capital and form a city government. Shanghai as part of 7 districts received the status of a city of central subordination in 1940. The third city of central subordination became Amoy (modern Xiamen) as part of the Central District and 4 districts.

From March 30 to October 5, 1940 and January 2, 1943 to August 1945, the governors were at the head of the provinces, and from October 5, 1940 to January 2, 1943, the provincial government. As for the organization of provincial government, each of the administrative-territorial entities has experienced its own short history of political transformation. Thus, the first attempt to organize an autonomous political structure under the control of the Japanese in the province of Guangdong was made

as early as February 1936. Then a group of agitators from among the Japanese military tried to induce representatives of local authorities to do this¹¹⁸⁶, but success was achieved only on December 28, 1938. In this day at a rally in the amount of 5 to 30 thousand people, led by Admiral Pang Tongyuan, in the past - a special commissioner on the Beijing-Mukden railway, and the creation of a provisional government was proclaimed. General Lu Chun, formerly commander of the 4th Army, was appointed as his deputy¹¹⁸⁷. After Wang Jingwei came to power On April 24, 1940, at a meeting of the Executive Yuan, a decision was made to create a provincial government of Guangdong with its capital in Guangzhou, consisting of 4, and from September 8, 1944 - 5 counties.

On the same day, at a meeting of the Central Political Committee, the status of Jiangsu Province as part of 61 counties and Anhui Province as part of 7 counties was approved.

Zhejiang received the status of a province with its capital in Hangzhou and consisting of 16 counties, which in 1944 were transformed into 33 counties, 2 administrative regions and 1 city of provincial subordination. To gain access to the extraction of salt and cotton, on June 4, 1942, a special county, Zhedong, was created in the east of the province, under the direct control of the Central Government, consisting of 7 districts, which was included in the province on July 30, 1943.

On October 3, 1940, the provincial status of Hubei was approved, which included the special city of Hankou on October 19, 1943; September 1941 - Northern Jiangsu Special Military Region, returned back on May 27, 1943.

In January 1942, a decision was made to separate from Jiangsu Province and create the Suhuai Special Administrative Region, which on July 25, 1943 became the eighth county of Anhui Province.

On May 6, 1943, Jiangxi province is separated from Hubei.

On November 23, 1943, the first administrative region of central subordination was created on the territory of Northern China.

¹¹⁸⁶ Japan in North China // The Observer. Feb. 1936. 2. P. 21.

¹¹⁸⁷ Reported offer of terms to China // The Times. 1938. Dec. 28.

On January 3, 1944, on the basis of the former special administrative region of Suhuai, a new province of Huaihai was formed with the capital Suizhou as part of 6 counties.

Separately, we should consider the institutionalization of a number of political entities within the alternative Republic of China under the leadership of Wang Jingwei. One such political entity with a special status was the autonomous Mongolian state¹¹⁸⁸. Further, the National Government in Nanjing restored part of the Japanese concessions in Suzhou, Hangzhou, Tianjin and eight other cities, as well as the French concession and the international settlement in Shanghai. Finally, Northern China received a special status under the general control of the Political Council, of which Wang Kemin became chairman. The proclamation issued by Wang Kemin declared that "the political, economic and monetary policies of the Provisional Government will be continued by the North China Political Council, which today replaced the Provisional Government¹¹⁸⁹. " This confirmed his *de facto* independent policy, and the creation of the Wang Jingwei government did not actually affect the status of the region, which will continue to enjoy full autonomy.

The Law "On the Political Council of North China" was adopted, on the basis of which the powers of the Council included the maintenance of law and order, the implementation of economic policy, as well as the control of provincial and municipal authorities in the territory of Hebei, Shandong, Shanxi and three cities: Beijing, Tianjin and Qingdao. The actual powers of the Political Council extended to the province of Henan and the territory of the Suhuai Special Administrative Region until January 1942, when it became directly subordinate to the administration of Wang Jingwei. Formally, Mengjiang also fell under the jurisdiction of the Political Council, although in fact it was controlled by its own

¹¹⁸⁸ Dudin P. N. Politicheskaya istoriya Me`nczzyana / nauch. red. K.B-M. Mitupov. – Ulan-Ude`: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2014. S. 85-86.

¹¹⁸⁹ America takes the lead in denouncing wang regime // The Straits Times. 1940. Apr. 1. P. 7.

administration¹¹⁹⁰ and initially implemented its own economic policy¹¹⁹¹, which was of particular interest to the Japanese presence.

The five-color flag of the Republic of China from the period of the Beiyang government was used as the official flag until February 9, 1943, when the flag used by the Wang Jingwei administration was approved.

At the head of the Political Council were Wang Kemin (from March 30 to June 5, 1940 and from July 2, 1943 to February 8, 1945), Wang Yitang (from June 5, 1940 to February 8, 1943), Zhu Sheng (from February 8 to July 2, 1943) and Wang Yingtai (February 8 to August 1945). In total, the composition included from 17 to 21 people, of which 8 (1941-1942), 9 (1943), 7 (1944) or 11 (1945) were full members, two of which (Wang Shiren and Wang Yingtai) were such from the inception until the defeat of Japan and the liquidation of the structure, and the rest of the members varied.

After the establishment of the Political Council of North China, by November 1943, a stable structure was formed, which included 6 committees (internal affairs, finance, public order, education, construction and production and industry committee), the Administration of Affairs, the Secretariat and a number of related structures, as well as North China Branch of the Supreme Court. The committee was headed by a chairman, who, as a rule, had one deputy in the status of the head of the main department.

The North China Branch of the Supreme Court, which was actually an independent institution, consisted of the Civil and Criminal Chambers, as well as the Prosecutor's Office.

On November 10, 1943, the Political Council decided to carry out structural changes and personnel changes, which were approved the next day by the decision of the Central Political Committee. The Internal Affairs Committee and the Secretariat were abolished, while other departments underwent structural or

¹¹⁹⁰ *Dudin P.* The new political elite of Inner Mongolia and its role in Mengjiang state creation // *Brukenthal. Acta Musei.* 2017. Vol. 12. Is. No. 1. P. 151–160.

¹¹⁹¹ *Dudin P. N.* Gosudarstvennaya e'konomicheskaya politika Me'nczzyana i ee pravovoe zakreplenie / P. N. Dudin // *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 11. S. 44–55.

personnel changes. Of those who retained their status and staff, only the North-Eastern Branch of the Supreme Court remained.

The Finance Committee has not lost its powers, the Public Order Committee has not undergone structural changes, the Economic Committee has become a new structure. The Education Committee, in addition to the existing three departments, general issues, education and culture, has grown into a health department. The Production and Industry Committee was reorganized into the Land Committee, and the Construction Committee was transformed into the Committee for the Organization of Work and Construction. The administration of affairs was now in charge of matters of foreign relations, statistics and information. The newly created Department of Internal Affairs began to exercise powers in the field of civil justice and law enforcement, and its leaders were the heads of the Department of Affairs. Thus, a full-fledged government system was formed, which controlled the territory under its control and could exercise the powers assigned to it in full.

Under the control of the Political Council of North China were 3 cities of central subordination - Beijing, Tianjin and Qingdao. The provinces were Hebei consisting of 9 counties, the capital was first in Tianjin, and from May 29, 1940 - Qingyuan (now - Baoding); Henan consists of two counties with the capital in Kaifeng; Shandong - 10 counties with the capital in Jinan; Shanxi - 4 counties with the capital in Taiyuan; as well as Zhongyuan Province, which was created on March 25, 1945 in the border zone of Henan, Shanxi and Hubei with central subordination to the government of Wang Jingwei. In July 1944, a special region was created on the territory of the former Eastern Hebei, and in October 1944, a special region in northern Jiangsu.

Thus, the territorial organization of the new polity was fully formed.

Finally, the fourth question concerned the international recognition of the new regime. First, by December 1939, the Ponians themselves finally "recognized" Wang Jingwei as the ruler of China, which happened after patiently waiting for the final decision on voluntary surrender by Chiang Kai-shek. The process of organizing the political and state platform of Wang Jingwei was long and included the signing of

an agreement at the end of December 1939, the establishment of government institutions in Nanjing at the end of March 1940 and the finalization of the final terms of new relations between the National Government of China, Japan and Manchukuo.

Italy has already expressed a similar willingness to legally recognize it in the person of Foreign Minister Galeazzo Ciano, emphasizing the importance for this country of the anti-communist alliance and friendship with Japan. In turn, Wang Jingwei heartily thanked Count Ciano and said that he wanted the beginning of the anti-Comintern rule in China to come as soon as possible and expressed his readiness to assist in building a new order in East Asia. Then he flew to Qingdao, where Wang Kemin and Liang Hongzhi had already arrived to participate from January 23 to 30, 1940 in a conference that was supposed to decide on the creation of a unified central government. Wang Jingwei noted that due to the difficult European situation, Japanese diplomacy was faced with the delicate task of maintaining even relations not only with the Soviet Union, but also with Great Britain, the United States and France. He stated that situations may arise that may cause dissatisfaction among the Japanese, while the Chinese people may be dissatisfied with other events, but the solution of Sino-Japanese issues will be possible if the people of both countries think about an alliance with Japan and treat it kindly.. At the same time, confidence was expressed that peace with Chongqing would not be achieved as long as Chongqing adhered to its anti-Japanese policy. In closing, Wang Jingwei said, "We are not going to Qingdao to discuss peace terms. We are going there to unite the nation" and reaffirmed his intention to establish a constitutional regime based on Sun Yat-sen's positions on the "Three People's Principles", any doctrines, with the exception of the communist one, would merit his attention¹¹⁹². As already mentioned, this leitmotif will become the main ideological pillar of the new polity, which claims the continuity of the institutions and ideas of Sun Yat-sen.

¹¹⁹² Italy and new regime in occupied China // The Straits Times. 1940. Jan. 21. P. 2.

Thus, by the beginning of January 1940, it becomes obvious that Japan's allies, such as Germany and Italy, can ensure international recognition of the new regime, which could not be said about other powers, such as the USA, Great Britain, France, and some others. The Soviet government also announced that it would not recognize Wang Jingwei's government¹¹⁹³. Therefore, Japan, having gained rich experience in the creation of Manchukuo, having drawn the necessary conclusions, observed maximum caution and was in no hurry to put pressure on the international community. The difficulty also lay in the fact that the investments of third countries were concentrated precisely in the territories proposed for reorganization, while in Manchuria they were not.

The Chongqing government was also not going to give up: on January 10, 1940, the Chinese Foreign Minister Wang Chonghui, through the Chinese Consulate General in Singapore, issued a communiqué to the diplomatic missions of other countries on the methods that the Japanese side intends to resort to recognize the new regime of the Central Government. Wang Chonghui emphasized the fact that the Japanese, unable to achieve what they wanted by force, are forced to resort to political instruments. The minister reinforced his confidence in the final victory by asserting that the Chinese nation was opposed to Wang Jingwei and other traitors, and concluded by saying that the Central Government of China is the only legitimate government of this country, and its integrity and sovereignty do not allow dispute of this fact or the intervention of third forces¹¹⁹⁴. The communiqué was a reaction to a statement by Wang Jingwei's representatives that the decision to unite the Beijing and Nanjing governments into a single centralized structure with the proposed capital in Canton was finally taken under the leadership of Wang Jingwei¹¹⁹⁵.

Wang Jingwei himself, addressing the resistance and the government in Chongqing, expressed regret that it was this government that was responsible for the loss of several million soldiers in the fighting, in addition, it deprived China of 13

¹¹⁹³ New China puppet regime // *Ibid.* Jan. 28. P. 2.

¹¹⁹⁴ Recognition of puppets an unfriendly act // *Malaya Tribune.* 1940. Jan. 11. P. 2.

¹¹⁹⁵ Three Puppet Governments // *Ibid.* Jan. 12. P. 1.

provinces, including Suiyuan, Chahar, Hebei, Shandong, Henan, Jiangsu, Xikang, Anhui, Hunan, Hubei, Guangdong, Guangxi and Jiangxi, along with the most important cities like Beijing, Nanjing, Tianjin, Shanghai and Qingdao. It was stated that there was still hope that the Chongqing government would soon see the real situation and abandon its policy of resisting Japan, achieve peace in China in cooperation with the new Central Government. At the end of the speech, Wang Jingwei stated that peace between Japan and China would serve the goal of peace in East Asia and the foundation of world peace, and the destruction or restoration of China depended on the position of the Chongqing authorities¹¹⁹⁶. It was obvious that the two leaders would no longer be able to agree, so the tools of the information war came into play.

Thus, on January 22, 1940 in Hong Kong, the text of the so-called Shanghai Pact concluded on December 30, 1939 between Wang Jingwei and the Japanese side was published by the former director of the Chinese Bureau of Asian Affairs Gao Congwu and member of the Central Political Council Tai Xisheng. Both sources said that the exorbitant greed of the Japanese in their demands pushed them to this step, as a result they managed to get printed copies of the pact, one of which was sent to the National Government in Chongqing, and the other was published. The pact included securing Chinese recognition of Manchukuo; cooperation between Japan, China and Manchukuo, economic cooperation was separately stipulated; joint struggle against communism; giving Northern China and Inner Mongolia the status of a special zone for defense and economic protection; economic preferences for Japan in the lower reaches of the Yangtze and a priority position on the islands along the coast of southern China, including Xiamen and Hainan; Japan's right to deploy its troops at strategic points in North China, Inner Mongolia and the Yangtze Valley, as well as on the islands of South China; control of railways, air traffic, postal and telegraph communications, as well as important ports and waterways in the most favored areas where the number of Chinese troops needed to be reduced; the

¹¹⁹⁶ Wang Ching-wei's Statement // The Straits Times. 1940. Mar. 14. P. 14.

obligation of the new Central Government to compensate for all the losses suffered by the Japanese nation in the struggle against China since the beginning of the war¹¹⁹⁷.

Against the backdrop of such conditions, representatives of Western and pro-Western media in many respects compared China with Finland, which at that time, in their opinion, was in similar conditions: both countries fought against the control of the aggressor, China against Japan, Finland against the Soviet Union. Russia. Being weaker than their opponents, they were largely dependent on external factors, and their ability to resist was determined by the sympathy and assistance of friendly and supporting international forces. The invading states used similar political pressure on their victims: their military attacks and political propaganda amounted to the creation of puppet regimes. For example, as soon as Russia set foot on Finnish soil, it created a pro-Soviet regime in the occupied territories as a direct challenge to the central government. The USSR put forward a list of demands to the government of Finland and provided a period during which it was necessary to make a decision on it, which meant the loss of territorial integrity, and the deviation meant further sacrifices and great difficulties for the defense of the country¹¹⁹⁸. A similar situation was observed with regard to the Sino-Japanese conflict and related processes.

On March 20, 1940, at a press conference in Shanghai, the Japanese representative stated that after the formation of a new central government, military matters should remain in the hands of Tokyo. Meanwhile, Wang Jingwei met with former Prime Minister General Nobuyuki Abe, who is authorized to negotiate the future of the new government. It was decided to dissolve the Provisional Government in Beijing and the Reformed Government in Nanjing on March 28, 1940, and to open the Central Government on April 1, 1940, the inauguration ceremony of which was entrusted to Abe. Former foreign minister Kenchiki Yoshizawa was appointed to the post of Japanese ambassador to a rejuvenated China. Precautions were taken by the new authorities to protect the lives of Japanese

¹¹⁹⁷ Japan's aims revealed // *Ibid.* Jan. 22. P. 9.

¹¹⁹⁸ Will China Follow Finland's Example? // *Malaya Tribune.* 1940. Mar. 13. P. 8.

politicians arriving in Shanghai who were there for a meeting¹¹⁹⁹. Thus, all preliminary measures, both within the occupied territories and in the international arena, were carried out, and the parties were ready to create a new political structure and further resolve the issue of international recognition.

However, Great Britain, strictly following the provisions of the Treaty of Nine Powers, continued to consider the Chongqing government as the only legitimate one, adhered to the position that the new government was nothing more than a puppet organization created and controlled by the Japanese militarists, only a tool for acquiring the sovereign rights of China and destroying its independence, territorial and administrative integrity. At the same time, the British did their best to hide from the general public their efforts to form an alliance with the United States and develop a common position with them. Thus, the intention of Robert Craigie to hold consultations with Franklin Roosevelt and Cordell Hull on the Anglo-American attitude towards the government of Wang Jingwei was categorically denied in the official circles of London, it was argued that R. Craigie was going to America exclusively on a private matter.

The US position was similar to the British one, as Cordell Hull voiced it during another briefing in Washington: "The United States will continue to recognize the Chinese national government in Chongqing, not the Japanese regime in Nanjing. In light of what has happened in various parts of China since 1931, the creation of a new regime in Nanjing was another step in the demonstration of military force imposing its will on a neighboring country and blocking it from most of the world in political and economic matters. Recent developments have followed the pattern of creating similar regimes and systems that have been created before in China and which prefer to operate in the interests of this external power, denying the citizens of the United States and other countries the use of long-established rights to equal and fair treatment, which legally belongs to them.

¹¹⁹⁹ Powers must deal with new regime // *Ibid.* Mar. 21. P. 12.

Statements by high-ranking officials of this foreign power were that their country intended to respect the political independence and freedom of another country, and that with the establishment of peace in East Asia, this intention would be demonstrated. But the circumstances, both military and diplomatic, that took place in the creation of a new regime in Nanjing do not seem to be consistent with such an intention. The attitude of the United States towards the use of armed force as an instrument of national policy is well known, and the position on various aspects of the situation in the Far East has been repeatedly explained. This attitude and position remain unchanged....

Twelve years ago, the United States government recognized, like other governments, the National Government of the Republic of China. The Government of the United States has good reason to believe that this Chongqing-based government had and still has the support of the majority of the Chinese people. The United States Government, of course, continues to recognize this government as the government of all China¹²⁰⁰. "

Germany, despite all the assurances and public statements of its diplomats, was also in no hurry to recognize the new regime, as reported by a representative of the German news agency in Chongqing: "Relations between Japan and Germany are definitely cooling down, as the Germans understand that Japan has its own interests in China and cannot help Germany in a European war." He added that Germany does not recognize Wang Jingwei's regime, and the German press was not created to support the "Nanjing puppet"¹²⁰¹. "

Against the backdrop of this highly controversial situation, on August 31, 1940, the Empire of Japan and the National Government of Nanjing signed an agreement on basic relations between the two countries, on the basis of which, on December 10, 1940, Wang Qingwei sent special envoy Xu Liang to Manchukuo to exchange credentials and Surprisingly, the ice broke: on July 1, 1941, Germany established diplomatic relations with the Wang Jingwei regime, followed by the Axis countries:

¹²⁰⁰ America takes the lead in denouncing wang regime...

¹²⁰¹ German view of Japan // The Straits Times. 1940. May 2. P. 10.

Italy, Romania, Bulgaria, Slovakia and Croatia, and in early August - Spain and Denmark. By the end of 1941, Thailand, India, Myanmar and the Philippines joined them.

On November 30, 1940, in the building of the National Government, "in the shadow of the Purple Mountain, where the body of Sun Yat-sen rested, the new government of Wang Jingwei and the Japanese ambassador, General Nobuyuki Abe, signed with a brush and pen respectively"¹²⁰² a peace treaty ending the war with China and proclaiming the beginning of an era military and economic cooperation. Thus, Japan achieved its goal. The main provisions of the peace treaty included 10 articles and a protocol, which essentially boiled down to the following: mutual respect for the sovereignty of the two states was proclaimed; political, economic and cultural cooperation was announced; announced the formation of a joint defense bloc against communism and for the elimination and deployment of the necessary armed forces for this purpose in certain areas of Mengjiang and North China for the required period; China gave special permission to Japan to deploy naval forces in Chinese waters; Japan was given all the necessary resources to develop the economy in the region and promote trade with Japan, and Japan pledged to provide financial assistance in the restoration of the Chinese economy; Japan renounced further territorial claims in China, and China granted Japanese subjects the freedom to enter the country and reside.

The protocol stipulated the obligation of Japan to withdraw its troops from China within 2 years after the end of hostilities, with the exception of troops stationed in specified places. The Chinese government undertook to compensate Japan for the damage caused, the amount and procedure for compensation of which will be discussed later. Manchukuo was recognized by the government of Wang Jingwei as a state - a full-fledged subject of international relations¹²⁰³. At the same time, the train wreck that occurred on the same day turned out to be very symbolic,

¹²⁰² Wang Signs Peace Pact with Japan // Rome Daily Sentinel. 1940. Nov. 30. P. 1.

¹²⁰³ Jap Guns And Planes Guard Signing Of Pact With Nanking Government // The Evening Leader Corning. 1940. Nov. 30. P. 1.

in which there were officials invited to the celebrations on the signing of the treaty from among the representatives of local elites¹²⁰⁴, of which 73 people died and 110 were injured¹²⁰⁵. Nevertheless, the tragedy did not prevent the celebration: a salute was given in Nanjing, and huge balloons were released into the sky, a caravan of five Japanese aircraft flew over the heads of the audience, and the Japanese flagship on the river. The Yangtze fired 21 cannon salvos. At the same time, analysts said that Japan would continue military operations until a complete victory over Chiang Kai-shek and his supporters was achieved¹²⁰⁶. In turn, Cordell Hull said that the United States continues to recognize the only legitimate government in Chongqing and is ready to allocate \$ 2 million to strengthen the Chinese currency¹²⁰⁷.

Despite the seemingly achieved goal, announced by the Japanese side back in 1937, the treaty demonstrated the difficult situation in which the Japanese found themselves on the continent. It seemed to emphasize the degree of Japan's failure in the Chinese campaign, since it was an incomparably small reward for the sacrifices that Japan made in the fight against China, calculated only in human losses in the amount of 400 thousand dead Japanese, while the Chinese leadership and Chiang Kai-shek himself are still were a formidable force. Their morale was boosted by a recent \$100 million loan. The treaty placed less emphasis than expected on the fight against communism, although the overall anti-communist tone was maintained¹²⁰⁸. However, it was better than nothing, since Chiang Kai-shek, despite the complexity of his political, economic and military situation, was not going to give up.

More concrete steps and achievements of Japan in the territorial issue were taken at the end of September 1942, when Baron Kiichiro Hiranuma and Wang Jingwei signed an agreement under which Hainan Island was transferred to Japan on a long-term lease¹²⁰⁹. A Japanese naval base was planned to be built on the south

¹²⁰⁴ 73 Lose Lives in Train Dynamiting // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.

¹²⁰⁵ Chiang Flouts New Peace Treaty Signed by Chinese Puppet Ruler // The Leader-Republican, Saturday. 1940. Nov. 30.

¹²⁰⁶ Pledge Compensation // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.

¹²⁰⁷ Japan and Nanking Faction Sign Treaty Ending Long War // The Poughkeepsie Eagle-News. 1940. Nov. 30. P. 8.

¹²⁰⁸ Japan's Weaknesses // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. Dec. 1940 2. P. 4.

¹²⁰⁹ Nanking puppet's secret treaty // The Times. 1942. Oct. 9.

coast of the island¹²¹⁰. Other provisions of the document provided for the recognition by the government of Wang Jingwei of the autonomy of North China and Inner Mongolia, the deployment of Chinese armed forces and other resources in the territories of other states occupied by the Japanese. So, it was reported that part of the troops had already been sent to Indochina¹²¹¹. Thus, the final touches were added to Japan's well-planned plan to create an alternative to the former Nanjing, and now Chongqing government, capable of signing a peace treaty and acting as a base for consolidating forces in China, ready to move closer to Japan.

We would like to complete the analysis of the creation of an “alternative Republic of China”, and with it the formation of a political order in the zone of Japanese influence in North and East China, based on a note published at the end of August 1940 by the famous American writer and journalist Agnes Smedley. In her note, she very accurately described certain aspects of the situation in Northern China. The article began by saying that “Germany's blitzkrieg against small neutral countries and France stimulated a new Japanese engine in China...” But China is not France, it remained a vast agrarian decentralized country with large mountain ranges in which mechanized enemy installations could not function effectively; a land where weeks of torrential rain turned even the few roads that existed into swamps, rendering tanks and trucks useless. And even with their success in occupying the cities, the Chinese still controlled the countryside even within a mile or two of enemy garrison posts. The countryside was also convenient in that it always provided the Chinese side with food, clothing and other needs, including ammunition.

Smedley writes that Japan tried to emulate the Nazi blitzkrieg with its political attitude, attempts to break the united front between the Communists and the Kuomintang, provocations within the political elites, propaganda politics through rallies, newspapers, and threats of prolonged terror against the civilian population. At the same time, there was a renewal of proposals for a truce on moderate terms.

¹²¹⁰ Japan leases island from puppet China // The Morning Herald. 1942. Oct. 9. P. 10.

¹²¹¹ Nanking Puppet's secret treaty. Hainan “ceded” to Japan // The Times. 1942. Oct. 9.

Noting the dominant interest in the economic cooperation of Japan and the new regime, which is one of the peaceful conditions, Smedley called this technique a trap, or "offering a carrot before the donkey of Chinese capitalism", since up to 49% of the shares in enterprises in various industries in Central and South China belonged to the Japanese.

Smedley saw the main goal of the Japanese military and political offensive at the moment being described as negotiating with China, forcing it to surrender on Japanese terms so that Japan could enter the world war on the side of Germany and Italy and occupy European colonies in Asia. Japanese interests were centered on the Dutch East Indies, which could supply the Japanese war machine with oil and other resources. The Japanese used French surrender and British preoccupation with military matters in Europe to negotiate an agreement with French Indochina giving the Japanese Army some control over the Haifeng-Yunnan railway, one of China's main lines of communication with the outside world, and an agreement with local British authorities to obtain similar rights to the Burmese road to China. They have threatened Hong Kong and the foreign concessions in Shanghai, and already have effective control over the foreign concessions in Tianjin. Nothing prevented the Japanese from occupying foreign colonies, except for the United States fleet, but the Japanese fleet was in excellent condition, and this removed the threat of defeat to a certain extent, but the situation was complicated by the American embargo on war materials and great economic and financial difficulties in Japan itself.

In turn, in his recent speech, Chiang Kai-shek said that China would not discuss peace terms until the Japanese left the country, thus, as if declaring that the circumstances in the Far East are not only an important factor in the European war, but also act in the vanguard of the entire movement for liberation from the Japanese threat to all countries in the region. However, the Chinese government had a "fifth column" working for surrender, lamenting China's inability to receive weapons and ammunition, medicines, satisfy other needs from abroad or export products in the near future if Japan took the southwestern routes of communication with the outside the world. Smedley says that many of these people are high-ranking among the

elites, and Japanese spies keep their government up to date on almost every step of the Chinese leadership (sneering that they even knew the place and time of the state funeral for the late General Zhang Zizhong, who died in battle in May 1940 in Central China, so a small village was bombed for 3 days, where the funeral was to take place).

In conclusion, Smedley writes that even within the Chinese government there was a fascist tendency and there were a large number of people who preferred their existence as "Japanese slaves - well-paid slaves" than cooperation with the Soviet Union. On the other hand, there were a large number of those who were ready to oppose any peace with the Japanese, and if such a peace were declared, they would refuse to accept it and, in cooperation with the communist army, would continue the fight until complete victory¹²¹². Many of the above theses seem controversial to us, but the general tone conveyed the political and economic atmosphere that prevailed at that time in the region.

The terms of the armistice declared by Prince Konoe assumed friendly relations fixed in the November 1940 treaty and developed in the September 1942 treaty, which indicated the acceptance of Japanese conditions: economic cooperation meant China's trade and financial dependence on Japan, and joint actions against communism were an indispensable condition the Japanese military command, for the sake of achieving which they even agreed to a truce with Russia, but at the same time the Comintern still remained an adversary. Accepting the terms also meant that Japan kept the necessary troop contingent in China in key provinces for indirect control, but left Northern China and Inner Mongolia under direct control.

US President F. Roosevelt announced that the government of Chongqing would receive a new American loan in the amount of 25 million pounds, and the Japanese press divided foreign powers into two classes: the first included the Axis countries and those who recognized Wang Jingwei, the second - those who supported Chiang Kai-shek.

¹²¹² *Smedley A. Resistance or surrender in China?* // The Manchester Guardian. 1940. Aug. 22. P. 4.

Japan sought to exploit the war in Europe as it saw it as a chance to secure its position in the Pacific. In order to free her hands, she had, firstly, to make sure that there was no threat from the USSR, and, secondly, to end the war in China. By signing the Berlin Treaty, Soviet Russia saved itself from the danger of waging a war on two fronts, getting the opportunity to continue to provide assistance to China, a kind of moral duty, since Japan's agreement with Wang Jingwei included a clause providing for a pooling of efforts in the fight against communism. The Japanese government stated to Russia that this item had nothing to do with it, but only concerned China's internal issues. But the Soviet leadership was well aware that this was not the case, and the presence in Northern China and Inner Mongolia was part of precisely the anti-Soviet policy¹²¹³. In response, the Soviet government told Japan that the USSR's policy towards China remained unchanged. This was a serious problem: although Japan had a treaty with Germany, a non-aggression pact with Germany was signed with the USSR, the United States and the Soviets remained in this position, the US provided a large loan to China and the USSR continued to provide assistance to him.

Cordell Hull announced on January 15, 1941, that Japan was setting in motion a massive and ambitious plan to establish its dominant position throughout the Western Pacific. Its leaders openly announced their intention to achieve this goal and consolidate it, although the limits of interests were not indicated, in their statements the Japanese leadership considered both French Indochina and the Dutch East Indies as part of their sphere of influence, which gave rise to talk of creating a coalition of the countries of the South East Asia, seeking to get out from under European influence with a population of about 500 million people and with prospects for Thailand, Burma, India and the Philippines. And although the Japanese insisted on the peaceful course of these processes, they did not object to the possibility of using force if necessary. Thus, the Minister of Foreign Affairs of Japan, Y. Matsuoka, regarding the Dutch East Indies, admitted the possibility of refusing to

¹²¹³ Russia, Japan, and China // The Manchester Guardian. Dec. 1940. 7. P. 6.

recognize the leadership of Japan and in this regard was not ready to say unequivocally whether armed force would be used or the issue would be resolved peacefully, but insisted on the need to take such measures, which Japan deems appropriate for this. To reassure the public, Admiral Nomura, the new Japanese ambassador to Washington, even had to declare Japan's readiness to make every effort to avoid the use of force.

Japan's treaty with Soviet Russia, concluded the day before, largely alleviated Japanese concerns about the military involvement of the Soviets in the Far East, although the issue of continuing support for Chiang Kai-shek in the fight against Japan was never resolved in favor of the latter. This significantly hindered the southward advance of the Japanese army, numerous and expensive, which was held hostage by the situation in China, since the Soviet treaty did not limit the USSR in its policy in North China¹²¹⁴. At the same time, there were interests of the United States, which were not yet ready for any treaty relations with Japan. Yes, and within this country there was an influential group of people who considered the protracted war in China and the danger that the Pacific campaign brought with it burdensome, in connection with which it was proposed to first resolve all issues with Northern China and Inner Mongolia, and only then build a "great Eastern Asia".

On November 27, 1941, US President Franklin Roosevelt and Secretary of State Cordell Hull met with the Japanese Ambassador, Admiral Nomura, and Representative-at-Large Kuruzu. While the outcome of the talks remained unknown and the negotiators spoke of their success, the United States Embassy in Beijing sent out a notice advising American citizens in North China, Xinjiang, and Inner Mongolia to leave the area. The US Consul General in Hong Kong made a similar recommendation¹²¹⁵, and 10,000 Japanese soldiers advanced towards Hankow, thus opening a new stage in the development of hostilities, this time in Central China¹²¹⁶. This was followed by well-known military events, which we see no reason to

¹²¹⁴ Japan's dilemma // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 30. P. 4.

¹²¹⁵ Negotiations over? // The Manchester Guardian. 1941. Nov. 28. P. 5.

¹²¹⁶ Japanese in China // Ibid. 1942. May 9. P. 7.

reproduce, because they in no way affected the nature of the buffer statehood of the alternative Republic of China under the rule of Wang Jingwei, as well as the successes and defeats of Japan during this war.

As for Wang Jingwei and his regime, in world history, primarily in Chinese history, he was entrenched as a "puppet" or "pseudo-national" government. However, it should be recognized that, firstly, the definition of "puppet" is not scientific, but reproduces only a political position, and therefore its use in scientific circulation seems to us inappropriate. Secondly, it is required to apply a complex categorical apparatus, not limited only, for example, to international legal or political science terminology. Thirdly, the definitions and categories in modern science are significantly different from those that were in use in the early - mid-twentieth century, so the definition of the viability of states and the characteristics of their "international usefulness" should be used taking into account their usual understanding¹²¹⁷.

On August 15, 1945, Japan announced its unconditional surrender. On the same day at 16:16, a meeting of the Central Political Committee was held, which announced the abolition of the National Government and all its institutions, the creation of the Provisional Government Committee and the Public Security Committee headed by Chen Gunbo. The buffer statehood, created by the Japanese in the spring-autumn of 1935, fulfilled its task in full and, with the defeat of the empire in World War II, was not viable.

Summing up the process of modeling and practical implementation by Japan of its plans in the form of buffer states in the north and east of China, the crown of which was the alternative Republic of China under the rule of Wang Jingwei, as well as the general characteristics of the formation of a regional political order in East Asia, it is important to pay attention to the fact that that they were created not in random territories, but in the so-called "frontier zones", where religious views, culture, customs of many peoples were intertwined and their own set of rules and

¹²¹⁷ Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man`chzhou-Go: istoricheskie ocherki / P. N. Dudin, V. V. Dosoviczkaya, L. V. Kuras i dr.; nauch. red. B. V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2016. S. 10.

models, including state ones, developed. Perhaps that is why Northern China, where the tradition of statehood was no less rich than in other regions of Eurasia, having experienced its nomadic and static form, having tested the Han, Manchu, Mongolian traditions of political organization, feeling its own specialness and peculiarity, became a place for approbation of models of buffer autonomy and buffer statehood in modern times.

The very same built buffer in the face of different status, but controlled territories did not allow the Japanese army to directly collide with communist military formations, be it partisan detachments or a potential Soviet army that decided to go on the offensive through Outer Mongolia. The task of repelling aggression was assigned to the occupied Chinese territories with their resources and their victims, the local elites had to ensure loyalty for the Japanese and legitimacy for themselves. As a result of actions that were not very coordinated at the initial stage, the Japanese side managed to build a system of buffer territories that ensured a confident presence on the continent, controllability of the region and supplying the army with everything necessary. The effectiveness of the polities being built was not in doubt, so the steps of the Kwantung Army and its generals were quick and tough.

Since coal, iron, cotton, wool and salt were the main natural resources of Northern China, and all five northern provinces eventually fell under Japanese control, Japanese economists predicted that their investments would quickly cover the costs. The increase in the production of cotton grown in Hebei, Shandong and Shanxi was aimed at freeing Japan from dependence on British India and the United States. In the same way, Inner Mongolia was no longer dependent on wool from Australia and New Zealand, Shanxi on coal, Chahar on iron, and much of the coastal area was free of salt.

But there were a number of obstacles in the implementation of these plans. Thus, northern Chinese cotton was coarse and unsuitable for any production, Mongolian wool was tangled and bulky, which was of little commercial value, and besides, it was not clear whether the nomads could raise more productive breeds of sheep and do it in the long term. Added to this was the fact that although the Japanese

troops occupied the major cities and main lines of communication in all five provinces of the north and coastal facilities in the east, their control of the countryside was very weak, and banditry and guerrilla warfare also did not contribute to large-scale economic growth.

The political situation in the region also caused enormous difficulties for the Japanese side. At the initial stage, neither the Japanese military command nor the collaborators showed any desire to create a formally independent statehood, since, firstly, they fought not for independence, but for the change of ineffective power; secondly, they recognized the state sovereignty of the Republic of China with the corresponding, albeit significantly curtailed, powers of the state structures of China, the army and justice, national legislation, the circulation of funds, etc. This recognition in the case of Eastern Hebei was provided precisely by the Japanese side, although autonomy itself and strove for independence. At the same time, the eastern buffers played a supporting role rather than being of paramount importance. For Japan, the possibility of war with Soviet Russia remained, so her first task was to drive a wedge between Russia and China and secure protection from the mountainous islands of the Chinese northwest. Past experience has shown that the north offers Japan much more opportunity and convenience than the south.

The international situation was also not conducive to optimism - Japan actually found itself in international isolation. Such an outcome was obvious and predictable: the aggressor always loses sooner or later, good triumphs over evil, and injustice is compensated by revenge. However, in the course of the study, we could observe some circumstances that allow us to turn to the reasons for such a Japanese policy, because back in 1935, the Japanese leadership, mindful of the difficult international situation around Manchukuo, did everything possible not to aggravate relations with its Western (at that time still) partners. And these circumstances indicate that it was the Western partners and Japan, primarily China, who were more interested than others in unleashing a large-scale war, which, on the one hand, would weaken or eliminate their main competitor in the Pacific Ocean, and on the other - not to allow

such a competitor to emerge on the basis of a collapsed, but showing strong signs of China's unification, while maintaining its almost endless markets.

And by the middle of 1937, the Japanese military command had lost hope for a peaceful outcome of events due to the inability to stop at the results achieved. Added to this was the threat of "losing face" in front of the world community and potential economic collapse in the event of a retreat. In many respects, therefore, military operations turned out to be a forced measure, in which neither the Japanese side nor China were interested.

The reason for such a fabrication for us was some notes, so to speak, in the first person, which we will cite in the appendices to this work without significant exceptions and unnecessary comments. Already at the height of hostilities, the British analyst C. Stanley Jones, following the "optimism" of his prime minister, predicted the imminent end of the war in the Far East (Appendix 1). Thus, the author brought economic motives to the fore and said that the main task of Japan was to squeeze the Europeans out of the region. And then, behind the authorship of the same person, there is an attempt to convince the reader that a truce with Japan is necessary if only to prevent a war in Europe. Arguing that the peace process has already been launched, even despite the crisis around the British concession in Tianqing, and in order to achieve the goal, it is necessary to act in a coordinated and joint manner, following the example of US President F. D. Roosevelt, who denounced trade agreements with Japan (Appendix 2). Thus, within European society, there were supporters not only of recognizing Japan for all its conquests, but also of persuading Chiang Kai-shek to make concessions and form statehood under his control only in the southwestern territories of China. And this despite the fact that it was the British who convinced him of their help and support, the Americans gave loans for the purchase of weapons, and all together made every possible effort to prevent the conclusion of an economic agreement with Japan, when all of China was still under the rule of the Kuomintang.

Given this factor, it becomes clear why the Chinese leadership was not able to enter into peace negotiations, largely due to the constantly felt “support from the Western powers”, both moral and financial (Appendix 3).

Former French Foreign Minister Yvon Delbos, describing the actions of the Japanese side, said that such methods are common for totalitarian states (Appendix 4). Thus, the Western powers openly admitted that the problem was not in maintaining peace, not in protecting the civilian population of China, but in the fact that the economic and financial interests of the great powers in the region that they acquired in approximately the same way time ago. In this regard, it will be very informative to study the Japanese position, which was announced on April 28, 1934 in the person of Yosuke Matsuoka (Appendix 5), in which he extensively and convincingly states that Japan is following the same course that the European powers have been administering the regions over the past 300 years, adjusted for the fact that the Europeans in East Asia were only "guests", while the Japanese were "at home".

And finally, attention should be paid to one letter written on December 13, 1937 by E. M. Gullom to the editor-in-chief of The Times newspaper, in which he outlined some considerations regarding Japan's policy in northern China. Between the lines, there were also British interests that could be resolved through skillful manipulation. One of the main theses was that Manchukuo was created not at all because of Japan's fear of the growing power of China in Manchuria, but quite the opposite - because of its weakness in this region. The main danger, both for Japan and Britain, has been a resurgent Russia, whose advance along the Pacific coastline has been taking place for a quarter of a century. The USSR, although not moving further south, below Vladivostok, may soon reach Dairen again and the only way to stop this is to organize 30 million people into a strong buffer state with a new leadership at the head. At the same time, the buffer had to be created fraudulently, placing it in the position of a puppet, but a puppet, ready to revolt against the Japanese authorities

when a convenient opportunity arose¹²¹⁸. Only this model was able to become a truly effective barrier against Russia, and it was she who, in the event of Japan's loss in the war in the Far East, should also stop the strengthening of Soviet Russia in the region. Until then, the monster had to sleep.

If we admit the truth of this statement, then a sensational conclusion arises: in the process of constructing a regional political order in East Asia, there was another, hidden, power center - Great Britain (or a concentrated alliance of Western powers, the so-called "collective West"), and in the ideological confrontation - the fourth "competitor" is the liberal concept of developing the region on the basis of purely market relations with a free market and free access to it for Western powers and the United States. In this case, the international community's attempt to hold Japan accountable for the 1931 situation in Manchuria seems like a brilliant multi-move game in which the Japanese side was not the aggressor, but the victim.

Analyzing the texts given in the appendices and comparing their content with the current situation in which the coalition troops of the Western powers were and are operating in Central America, the Middle East, North Africa, and also at the present time in Eastern Europe, one involuntarily comes to the conclusion that the methods used by them did not arise from nowhere, they were used before, however, in relation to other powers and have already led to sad consequences and numerous victims. China has drawn the appropriate conclusions from Matsuoka's words - today it is the level of education, and the standard of living, and communications that have stepped forward significantly. But Russia did not draw such conclusions and in many ways resembles its southern neighbor from the 1920s–1930s

As for the international model of behavior of the Western powers in the period under study, again, there was a process similar to many modern ones, when a "sanitary belt" was built in relation to a particular power, to which an alternative was opposed. Therefore, we can confidently talk about the so-called "anti-communist belt", which was built by Japan in the territories occupied or controlled by it, and the

¹²¹⁸ *Gull E.M.* Japanese action in China. The Doctrine of force // *The Times*. 1937 Dec. 15.

"communist" one, built by the Soviet Union and its supporters, both in the West and in the East, being "links in one chain ". In general, as today, there was a struggle for resources and markets, in which Japan lost.

CONCLUSION

Looking at East Asia through the prism of confrontation between powers that failed to place the region in direct colonial dependence, but at the same time managed to impose favorable rules of the game on continental states, it should be noted that the regional political order was formed here at the beginning of the 20th century and underwent the most significant transformation between the two world wars. It was at that time that the composition of key players was formed, including Japan, Russia and China, and only the first two powers managed to establish themselves as power centers constructing buffer zones, the effectiveness of which ensured a balance of power and pushed back a military clash until August 1945.

A surprising feature is the fact that neither in Japan nor in our country these processes have found their theoretical understanding now or then. Certain aspects of the research have always concerned either the security of state borders, the struggle for Manchuria and the Chinese Eastern Railway, military provocations and clashes on the eve of World War II, intelligence, or the post-war organization of the region from the standpoint of the confrontation around the four islands of the South Kuril ridge with a retrospective of the legal side of the differences that had arisen. Considerable attention was paid to the problem of regional order by scientists from the United States, but here, too, this concerned primarily the post-war period.

Taking into account all mentioned above, regional political order, that is distributing political resources that ensures the stability of relations in the region, comes to the forefront. This concept assumes the asymmetry of distribution in such a way that it guarantees the recognition of the justice of a similar order by other geopolitical actors. At the same time, the recognition of the injustice of the distribution of political resources creates the potential for the collapse of order and the formation of a situation of disorder. Under significant political resources, we mean the totality of all key types of power: hard, soft and smart, which ensures the

distribution of the status of a regional power with a resource for leadership in the region.

The interest of the region we have chosen and the development of the political order within it is caused by the fact that this requires at least two power centers, since the order presupposes an agreement that is impossible under the dominance of one subject. In this regard, buffer zones become of decisive importance, acting both as a tool for deterring a counterparty and as a mechanism for gaining a foothold in the region. In our opinion, continuing further research in this direction would confirm or refute the idea of their dichotomy, which manifests itself not only in deterrence/consolidation, but also in the alternation of military/non-military tools for achieving goals, which was clearly demonstrated, for example, by Japan, which, despite outnumbering armed forces, in the period from 1933 to 1937, established control over a territory of almost 1.5 million km² with a population of about 100 million people, not resorting to force, but then actively using it when moving to Southeast Asia.

Another factor that deserves attention and requires further study is ideologization, which within each of the buffer zones took on a multi-vector character. This is explained by the diversity of territories: a multinational and polyconfessional population, but concentrated within the boundaries of certain polities; differences in the historical past and its interpretations (as we would say now, a game with historical memory); different perceptions of power centers and the format of relations with them, etc. And this did not prevent regional empires in previous historical periods from using this diversity as a resource and for their own benefit (for example, the Qing Empire effectively ruled the Mongolian lands for such a long time not without the help of the game on contradictions within clans).

However, at the turn of the XIX -XX centuries, nationalism comes to the fore, capable of not only setting the dominant ideological framework, but also creating a number of nation-states. In turn, the buffer zones did not prevent this, but, on the contrary, contributed to the intensification of national-state building, which gave the region the Tannu-Tuva and Mongolian People's Republics, Manchukuo and

Mengjiang. And even the autonomy of the provinces of North and East China, and then their secession and the formation of an alternative Republic of China under the rule of Wang Jingwei, were also national in nature, based on the doctrine of Sun Yat-sen (whose legal successor as head of government in Guangzhou in 1925 was Wang Jingwei). As a result, a number of buffer states were created, consolidated into buffer zones - the anti-communist belt dominated by Japan and the "red" - the Soviets, - whose effectiveness outside the events of World War II, without taking into account military victories and defeats, was equivalent.

At the same time, despite the efforts of both the Soviet and Japanese sides, there was no limitrification of the territories, its complete and final isolation and inaccessibility both for the enemy's military formations and for the population of the border territories. For both sides, the construction of a limitroph was both costly and inefficient: vast expanses were subject to very conditional control and the kindred feelings of the peoples inhabiting a given territory threatened to provoke a lightning-fast transition to the side of the enemy. In addition, it was difficult for Japan to build a limitrophe, since the fight against China was carried out not only in the combat zone, but primarily in the occupied spaces, where significant military forces were present: the guerrilla movement and the passive resistance of the local population did their job. Thus, the buffer organization in the frontier nature of the relationship was the only possible and most effective way out.

Another important feature of the regional political order is the effectiveness of those models, methods and techniques that Japan introduces to ensure its presence on the continent. The category of efficiency we mentioned, according to S. Huntington, as the ability to create such institutions that are able to manage, must be supplemented by the statement of F. Fukuyama that an "effective state is a strong state"¹²¹⁹. Well, how could an ethnic Japanese with American citizenship think differently?

¹²¹⁹ *Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke / F. Fukuyama. M.: ACT; ACT MOSKVA; XCRANITEL', 2006. 220 s.*

And the approaches used by Japan to design buffers are a clear confirmation of this. Thus, the significance of the buffer autonomies (the autonomy of Hebei and Chahar and the autonomy of Eastern Hebei) as a buffer stemmed from their successful activities to prevent war and the fact that each of the warring parties considered these autonomies at the initial stage as an unsuccessful project, and at the final stage as an important resource worth fighting for. And in general, the process of autonomization of the region was not only a struggle for material resources in the form of minerals, access to ports and markets, etc., but, first of all, a struggle "for minds". That is why Japan and its representatives each time paid attention to cultural identity, common interests and opportunities, building an ideal society with their own, and not imposed, value system. In many ways, this position has not lost its relevance today, when the so-called "Western" values do not fit well into the worldview of residents, for example, the Middle East.

The significance of the buffer states, the process of construction of which ended with the creation in 1940 of a united polity - the Republic of China, - also resulted in a number of fundamental moments. Firstly, the loyalty of not only a few weak and random politicians was demonstrated, but also major statesmen who were attracted to this project - from provincial governors and parliamentarians, including senior military personnel, to retired ministers, prime ministers and presidents of China. Secondly, a counter movement to Chinese demands was demonstrated, expressed in a moderate personnel, financial and economic policy. It was important for the Japanese to show that with an adequate attitude, it was possible to negotiate with them. Thirdly, that is why military methods were inferior to diplomatic ones, although there was also an economic background: war was an extremely costly and not always effective means.

The fact that it broke out in the summer of 1937 did not mean that the Japanese preferred to solve their problems in the region in this way - it was a forced measure, since the stubbornness (or even stubbornness) of the Nanjing authorities left no other way. At a certain stage, when it turned out to be impossible to agree, a move was made to reject not so much the territories nominally under the control of the Central

Government, but to attract to their side a part of the political elite, which was supported by many members of Chinese society. That is why the Japanese side declared its intention from a certain period to negotiate only with representatives of collaborators, bypassing the official government in Nanjing (later - in Hankou, Chongqing). In our opinion, there could be the following explanation for this: the Japanese thereby tried to show the regional character and local (perhaps even small-town) significance of the Central Government itself under the rule of Chiang Kai-shek, which by that time actually controlled only a small part of Central and Eastern China. At the same time, it could also be a long-term attempt to transfer an autonomous political structure to a new status - the official status of the government of another (or another, yet another) "Guo" - a middle state (中国, Zhongguo), by analogy with Manchukuo (Manchurian state) or Mongol-Go (Mongolian state).

The obstacle in form of war, forced and catastrophic for Japan and its geopolitical plans, hindered the implementation of this effective plan with such a successful development of the situation during 1931-1940. In this sense, the militaristic government of Japan showed its lack of professionalism by making three strategic mistakes: Lake Hasan in 1938, Khalkhin Gol River in 1939 and Pearl Harbor in 1941. After that, having received such powerful opponents, it was impossible to count on the success of even effective politics without appropriate military support. As a result, resources were exhausted before they had time to recover, it turned out to be infeasible to wage war on several fronts, and buffer zones and states that were not designed for direct military clashes between power centers, unable to resist, were eliminated. However, their effectiveness was determined primarily by the fact that the buffer created by Japan in the form of the so-called "anti-communist belt" allowed to prevent the penetration of hostile ideology and agents into the controlled territory, which, in turn, made it possible to maintain both the state border and the border of the Japanese sphere of influence, expanding and strengthening it at the expense of other annexed territories, and having experienced the war of 1905-1906, not to enter in direct military conflict with Soviet Russia, which would last until August 1945.

LIST OF USED LITERATURE

A) SOURCES:

A.1) Dissertations and abstracts:

1. *Vartanyan A. A.* Mezhdunarodny`j politicheskij poryadok: Teoretiko-metodologich. aspekty`: avtoref. dis. ...kand. polit. nauk / A. A. Vartanyan; Mosk. ped. un-t. M., 1996. 22 s.
2. *Damdinov A. V.* Agvan Dorzhiev: politicheskij, obshhestvenny`j i religiozny`j deyatel`: dis. ... kand. ist. nauk / A. V. Damdinov. Irkutsk, 1996. 144 s.
3. *Dudin P. N.* Stanovlenie gosudarstvennosti Mongolii: pervaya polovina XX v.: dis. ... kand. polit. nauk / P. N. Dudin; Buryat. gos. un-t. Ulan-Ude`, 2012. 170 s.
4. *Znamenshhikov R. V.* Principy` federalizma v Rossii i Germanii: Sravnitel`noe konstitucionno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jur. nauk / R. V. Znamenshhikov. Tyumen`, 2003. 230 s.
5. *Panov P. V.* Politicheskij poryadok: problema konceptualizacii i institucionalizacii: dis. ... d-ra polit. nauk / P. V. Panov; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. M., 2011. 308 s.

A.2) Sources of personal origin and memoirs:

6. *Lenin V. I.* Beseda s delegaciej Mongol`skoj Narodnoj Respubliki, 5 noyabrya 1921 goda / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T. 44. S. 232–233.
7. *Lenin V. I.* Probuzhdenie Azii / V. I. Lenin // Poln. sobr. soch. T. 23. M.: Izd-vo politicheskoy literatury`, 1973. 595 s.
8. *Rerix N.* Vrata v budushhee / N. Rerix. Riga: Uguns, 1936. 326 s.
9. *Rerix N.* Listy` dnevnika. T. 1 / N. Rerix; sost. N. G. Mixajlova. M.: MCZR; Bisan-Oazis, 1995. 672 s.
10. *Rerix N.* Dnevnik Man`chzhurskoj e`kspedicii (1934–1935) / N. K. Rerix; sost., vstup. st., komment. O. A. Lavrenovoj. M.: Mezhdunarodny`j centr Rerixov, 2015. 518, [1] s.

A.3) Collections of documents and reference books and materials:

A.3.1) In Russian:

11. Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuza i mezhdunarodny`e otnosheniya: sb. dokumentov. 1976 god. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1977. 224 s.
12. Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. I: 1917–1920 gg. // Vy`sshaya partijnaya shkola pri CzK VKP(b). Kabinet social`no-e`konomicheskix

nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social`no-e`konomicheskix nauk VPSH pri CzK VKP(b) A. S. Tisminecz. M., 1944. 571 s.

13. Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. II: 1921–1924 gg. // Vy`sshaya partijnaya shkola pri CzK VKP(b). Kabinet social`no-e`konomicheskix nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social`no-e`konomicheskix nauk VPSH pri CzK VKP(b) A.S. Tisminecz. M., 1944. 978 s.

14. Vneshnyaya politika SSSR: sb. dokumentov. T. III: 1925–1934 gg. // Vy`sshaya partijnaya shkola pri CzK VKP(b). Kabinet social`no-e`konomicheskix nauk; sost. nauch. sotrudnik Kabineta social`no-e`konomicheskix nauk VPSH pri CzK VKP(b) A. S. Tisminecz. M., 1945. 800 s.

15. Voeno-e`konomicheskie resursy` Yaponii. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Inform.-stat. upravlenie RKKA, 1934. 87 s.

16. Ge`n`yosya [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (data obrashheniya: 01.03.2020).

17. *Grimm E. D.* Sbornik dogovorov i drugix dokumentov po istorii mezhdunarodny`x otnoshenij na Dal`nem Vostoke (1842–1925) / E. D. Grimm. M.: Izdanie Instituta vostokovedeniya im. N. N. Narimanova, 1927. 219, III s.

18. Diplomaticeskij slovar`. T. II: L–Ya / glav. red. akad. A. Ya. Vy`shinskij. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry`, 1950. XXXIV s., 996 stb.

19. Dokumenty` vneshnej politiki SSSR. T. 4. M.: Gospolitizdat, 1960. 836 s.

20. Kratkij politicheskij slovar`. Izd. 6-e, dop. / V. P. Abarenkov, T. E. Abova, A. G. Averkin i dr.; obshh. red. L. A. Onikova, N. V. Shishlina. M.: Politizdat, 1989. 367 s.

21. Nyurnbergskij process: protokoly` doprosov glavny`x voenny`x prestupnikov [E`lektronny`j resurs] / sost. i per. s angl. S. Miroshnichenko. Novocherkassk, 2017. 4035 s. Rezhim dostupa: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55822/45726> (data obrashheniya: 01.03.2020)

22. Politleksikon: ponyatiya, fakty`, vzaimosvyazi. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya, 2013. 783 s.

23. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x SSSR s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. XVI: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhd 1 yanvarya i 31 dekabrya 1954 goda / Ministerstvo inostranny`x del SSSR. M.: Gospolitizdat, 1957. 608 s.

24. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. I: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1924 goda // SSSR. Narodny`j komissariat po inostranny`m delam; sobran i sredaktirovan: A. V. Sabanin, M. M. Voskresenskij. M., 1924. 371 s.

25. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. I–II: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1925 goda /

SSSR. Narodny`j komissariat po inostranny`m delam; pod red.: A. V. Sabanin, V. O. Broun. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izd-e NKID, 1935. 484 s.

26. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. IV: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 maya 1926 goda i 1 fevralya 1928 goda // SSSR. Narodny`j komissariat po inostranny`m delam; sobr. i red.: A. V. Sabanin, V. T. Krupskij. M.: Izdanie litizdata NKID, 1928. 252 s.

27. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. IV: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu mezhdru 1 maya 1926 g. i 1 fevralya 1928 g. // SSSR. Narodny`j komissariat po inostranny`m delam; pod red. A. V. Sabanina, P. A. Xrisanfova. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1936. 119 s.

28. Sbornik dejstvuyushhix dogovorov, soglashenij i konvencij, zaklyuchenny`x s inostranny`mi gosudarstvami. Vy`p. IX: Dejstvuyushhie dogovory`, soglasheniya i konvencii, vstupivshie v silu do 1 yanvarya 1937 g. // SSSR. Narodny`j Komissariat po inostranny`m delam. M.: Izd. NKID, 1938. 507 s.

29. Sbornik zakonov i rasporyazhenij Man`chzhu-Di-Go na ruskom yazy`ke. Vy`p. 4 / per. s kit. M. Ogusi; red. E. S. Pavlikovskij. Xarbin, 1937. 129 s.

30. Sovetsko-mongol`skie otnosheniya 1921–1974: dokumenty` i materialy`. V 2-x t. T. 1: 1921–1940 / Glavnoe arxivnoe upravlenie pri Sovete Ministrov SSSR; Institut marksizma-leninizma pri CzK KPSS; Institut vostokovedeniya AN SSSR; Ministerstvo inostranny`x del SSSR i dr. M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya; Ulaanbaatar: Ulsy`n xe`vle`lijn gazar, 1975. XVIII, 589 s.

31. Social`no-e`konomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy`: slovar`-spravochnik / otv. red. A. P. Gorkin. Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 s.

A.3.2) In English:

32. Algeria, a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1994. xxxvii, 342 p.

33. Finland: A Country Study / ed. by Eric Solsten and Sandra W. Meditz. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. xxxiii, 446 p.

34. Jordan: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 4 th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1991. xxxi, 330 p.

35. Nepal and Bhutan: a country studies/ ed. by Andrea Matles Savada. 3 rd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1993. 424 p.

36. Paraguay: a country study / ed. by Dennis M. Hanratty and Sandra W. Meditz. 2th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1990. xxxi, 288 p.

37. The Cambridge History of China. Vol. 12. P. 1. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. XX, 1120 p.

38. The Cambridge History of China. Vol. 13. P. 2. Republican China 1912–1949 / ed. by John K. Fairbank and Kwang-Ching Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1983. XX, 1108 p.

39. Turkey: a country study / ed. by Helen Chapin Metz. 5 th ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1996. xxxix, 458 p.

40. Uruguay: a country study / ed. by Rex A. Hudson and Sandra W. Meditz. 2nd ed. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress: For sale by the Supt. of Docs., U. S. G. P. O., 1992. xxxv, 302 p.

A.4) Mass media:

A.4.1) In Japanese:

41. Asaxi Simbun // Tokio. 1938. 7 fevralya.

42. Asaxi Simbun // Tokio. 1938. 9 aprelya.

A.4.2) In Chinese:

43. Zhe`n`min` Zhibao. 1951. № 5. 23 maya.

A.4.3) In Mongolian:

44. Sovremennaya Mongoliya. 1934. № 1.

A.4.4) In English:

45. *Abend H.* Chinese beat back allies of Japanese // The New York Times. 1936. Nov. 12. P. 1.

46. *Abend H.* Japanese seeking North China pact // The New York Times. 1936. May 7. P. 14.

47. *Abend H.* Smuggling of silver from China halted // The Los Angeles Times. 1936. Jan. 12. P. 4.

48. A Check in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 8.

49. A Compromise in North China? // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 4. P. 14.

50. Agreement at Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1936. May 3. P. 1.

51. Agreement at Tientsin // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 16. P. 9.

52. Agreement in N. China // The Times. 1935. Dec. 9.

53. A look around // Malaya Tribune. 1935. Dec. 14. P. 12.

54. A look around // Malaya Tribune. 1937. Jul 31. P. 10.

55. Anglo-Japanese Negotiations // The Straits Times. 1939. Jul 1. P. 9.
56. Another bite of China? // The Los Angeles Times. 1932. Dec. 22. P. 4.
57. Anti-Manchukuo Uprisings in North Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 14. P. 9.
58. Anti-Red agent for Peiping // The Straits Times. 1939. Apr. 15. P. 4.
59. Anti-Red Pact in N. China? // The Straits Times. 1937. Jan. 13. P. 19.
60. Anti-Red pact terms // The Straits Times. 1936. May 1. P. 11.
61. Anti-Red Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 2. P. 9.
62. America takes the lead in denouncing wang regime // The Straits Times. 1940. Apr. 1. P. 7.
63. America warns Japan on China autonomy moves // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 6. P. 1–2.
64. American watch on events. British ambassador`s call // The Times. 1935. Nov. 20.
65. An “autonomy” goverment set up in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 26. P. 9.
66. A new Manchukuo // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 4.
67. A new Manchukuo // The Los Angeles Times. 1936. Jun 2. A4.
68. An Eye-witness in Mongolia II. Priests and politics // The Times. 1935. Mar. 26.
69. A “Paradise” for North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 6. P. 22.
70. A race for Tientsin // The Times. 1935. Dec. 23.
71. Armed resistance against Japan // The Straits Times. 1936. Jul 12. P. 5.
72. A sudden change in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 21. P. 9.
73. As You were // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 12.
74. At the gates of Peking // The Times. 1933. May 26.
75. “Autonomy” in N. China. Japanese terms. Acceptance or invasion? Anti-communist pretexts // The Times. 1935. Nov. 22.
76. “Autonomy” in N. China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 17. P. 14.
77. Autonomy in N. China // The Times. 1935. Nov. 25.
78. “Autonomy” in North China. The dominions and foreign affairs. Air Routes of the Empire // The Times. 1935. Nov. 22.
79. “Autonomy” in North China // The Times. 1935. Dec. 10.
80. Autonomy move in N. China revived? // The Straits Times. 1937. Jan. 6. P. 9.
81. Autonomy regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 17. P. 19.
82. Autonomy regimes to be merged? // The Straits Times. 1936. Feb. 11. P. 11.

83. Bandit as head of Peiping police // *The Straits Times*. 1936. Feb. 11. P. 18.
84. Ban on Chinese books // *The Straits Times*. 1936. Jan. 29. P. 19.
85. Big battle in North China // *The Manchester Guardian*. 1937. Sep. 30. P. 14.
86. Biggest battle since The Great War // *The Observer*. 1937. Sep. 19. P. 17.
87. British foil China coup // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 22. P. 3.
88. British mines closed down // *The Straits Times*. 1936. Mar. 6. P. 5.
89. British mines closed // *Malaya Tribune*. 1936. Mar. 7. P. 12.
90. British mines reopen // *The Straits Times*. 1936. Mar. 10. P. 9.
91. British objections to silver proposals // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Aug. 3. P. 2.
92. Carrying out tanaka plan // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1933. Oct. 10. P. 2.
93. Central Bank // *Morning Tribune*. 1938. Jan. 5. P. 12.
94. Chiang Denounces Wang Ching Wei // *Morning Tribune*. 1939. Oct. 4. P. 5.
95. Chiang Flouts New Peace Treaty Signed by Chinese Puppet Ruler // *The Leader-Republican*, Saturday. 1940. Nov. 30.
96. China and Japan // *Malaya Tribune*. 1937. May 15. P. 11.
97. China appeals to Britain // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Jun. 23. P. 9.
98. China bows to demands // *The Los Angeles Times*. 1935. Dec. 3. P. 7.
99. China gives Japan reply // *The Los Angeles Times*. 1935. Dec. 12. P. 2.
100. China tariff war // *Morning Tribune*. 1936. May 21. P. 8.
101. China hitch vexes Japan // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 21. P. 3.
102. China: Homeless Smuggler // *Time*. 1936. May 11.
103. China meeting demands // *The Manchester Guardian*. 1935. Jun 19. P. 11.
104. China puppet appeals for British recognition // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Mar. 25. P. 1.
105. China puppet regimes to merge soon? // *The Straits Times*. 1939. Aug. 21. P. 9.
106. China puppet regimes to merge? // *The Straits Times*. 1939. Sep. 23. P. 7.
107. China split plea made // *The Los Angeles Times*. 1936. Jun 1. P. 1.
108. China's customs barriers // *The Manchester Guardian*. 1936. Sep. 1. P. 12.
109. China's Monetary System // *Malaya Tribune*. 1938. Mar. 5. P. 16.
110. China's new charter // *Malaya Tribune*. 1937. Feb. 24. P. 13.
111. China's puppet regime inaugurated // *The Straits Times*. 1940. Mar. 31. P. 2.

112. China's satisfactory finances // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. May 12. P. 9.
113. China's warning to "Traitors" // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Feb. 17. P. 2.
114. China Wants Manchuria Returned // Morning Tribune. 1937. Feb. 26. P. 3.
115. China will not surrender // The Straits Times. 1939. Oct. 3. P. 9.
116. China-Japan: Preparations for Force // Time. 1935. Nov. 25.
117. Chinese act in protest // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 19. P. 3.
118. Chinese anxiety // The Times. 1935. Dec. 6.
119. Chinese apology to Japan. Tientsin conference // The Times. 1936. Jan. 17.
120. Chinese government unqedided // The Manchester Guardian. 1935. Jun 14. P. 13.
121. Chinese in North China appeal to British Ambassador // Morning Tribune. 1939. Feb. 13. P. 11.
122. Chinese protest to Japan // The Times. 1935. Nov. 30.
123. Chinese protest to Japan // The Straits Times. 1937. Apr. 27. P. 9.
124. Chinese Puzzle // The Manchester Guardian. 1936. July 15. P. 10.
125. Chinese report of easing tension // The Straits Times. 1937. Jul 20. P. 11.
126. Chinese Resistance to Japanese. Tada Threatens Action // Malaya Tribune. 1936. Feb. 6. P. 12.
127. Chinese resisting Japanese // Malaya Tribune. 1935. Dec. 13. P. 14.
128. Chinese still hesitate to sign Japanese agreement // The Manchester Guardian. 1935. Jun 17. P. 12.
129. Chinese view of Tientsin // The Manchester Guardian. 1939. Jun 15. P. 11.
130. Chinese War minister // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 2. P. 14.
131. Clamour for war in North China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 10. P. 10.
132. Colonel spear set free // The Manchester Guardian. 1939. Sep. 9. P. 9.
133. Col. Spear moved // The Straits Times. 1939. Sep. 8. P. 14.
134. Comedy in North China // The Times. 1935. Dec. 18.
135. Confederation of states in North China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 8. P. 15.
136. Conflict between mongolian princes likely // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 21. P. 9.
137. Confused State in North // The Straits Times. 1936. May 8. P. 11.
138. Crisis in the Far East // The Observer. 1935. Jun 16. P. 17.
139. Cyprus aerodrome // The Straits Times. 1936. Jan. 17. P. 11.
140. Cyprus aerodrome // The Straits Times. 1936. May 2. P. 9.
141. Customs payments in new currency // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Aug. 31. P. 2.

142. Danger Has Not Yet Passed // *The Straits Times*. 1936. Feb. 22. P. 11.
143. Deadlock in Chahar // *The Observer*. 1935. Jun 23. P. 18.
144. Death penalty for opium smokers // *The Straits Times*. 1936. Dec. 30. P. 11.
145. Defiance now voiced through Tokyo Press // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Jun 17. P. 1.
146. *Delbos Y.* Japan's seizure of Hainan & its lesson to the powers / Y. Delbos // *The Straits Times*. 1939. Mar. 9. P. 17.
147. Difficulties of Sino-Japanese negotiations // *The Manchester Guardian*. 1937. Jan. 2. P. 16.
148. Demand for military action against the North China rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 2. P. 1.
149. Demonstrations in Peking // *The Times*. 1935. Dec. 17.
150. Diplomatic Dinner Party Parleys // *The Straits Times*. 1936. Oct. 13. P. 11.
151. Diplomacy in N. China // *The Times*. 1935. Dec. 3.
152. Disclosed Japanese Plans To Chiang? // *The Straits Times*. 1936. Nov. 12. P. 17.
153. Doihara returns to Manchukuo // *The Straits Times*. 1935. Dec. 26. P. 11.
154. Domination of North China // *Morning Tribune*. 1936. Apr. 20. P. 2.
155. Double-dealing with China // *The Washington Post*. 1935. Nov. 30. P. 8.
156. Double tax on oil threatens in Hopei // *The New York Times*. 1935. Dec. 4. P. 15.
157. East Hopei autonomous area // *The Manchester Guardian*. 1936. Apr. 30. P. 7.
158. East Hopei and Manchukuo // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Apr. 21. P. 9.
159. East Hopei area of Northern China secedes in coup // *The Los Angeles Times*. 1935. Nov. 25. P. 1–2.
160. East Hopei // *Morning Tribune*. 1937. Jun 28. P. 24.
161. East Hopei mutiny: Japanese captives // *The Straits Times*. 1936. Nov. 23. P. 11.
162. East Hopei rebels and the customs // *The Straits Times*. 1936. Mar. 5. P. 16.
163. East Hopei rebels march on Tientsin. Japan aids Prince Teh // *The Straits Times*. 1935. Dec. 29. P. 1.
164. East Hopei rebels // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Feb. 8. P. 1.
165. East Hopei regime has own newspaper // *The Straits Times*. 1936. Mar. 17. P. 19.
166. East Hopei regime // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Feb. 13. P. 2.

167. East Hopei regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 7. P. 7.
168. East Hopei regime opens office in Peiping // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 9.
169. East Hopei regime seizes control of courts // The Straits Times. 1936. Apr. 1. P. 11.
170. East Hopei regime's future // The Straits Times. 1937. Mar. 18. P. 16.
171. East Hopei regime to end // The Straits Times. 1936. Jul 24. P. 9.
172. East Hopei seeks to upset Nanking // The New York Times. 1937. Mar. 25. P. 6.
173. East Hopei // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 4. P. 9.
174. Economic plans in North China // The Straits Times. 1936. Oct. 16. P. 12.
175. E. Hopei defences // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.
176. E. Hopei demand to British mine // The Straits Times. 1937. May 24. P. 18.
177. E. Hopei regime to be Abolished? // The Straits Times. 1937. Jun 1. P. 9.
178. Eparate customs in North China // The Times. 1936. Sep. 2.
179. Eventful year in Japan // The Observer. 1938. Jan. 2. P. 10.
180. Exchange control on N. China Exports // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
181. Expulsion threat to Peiping student agitators // The Straits Times. 1936. Mar. 8. P. 5.
182. Fighting in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 16. P. 13.
183. Final Japanese demands. Full autonomy for N. China // The Straits Times. 1936. Mar. 2. P. 11.
184. Financial autonomy of North China. Hopel Bank`s new status // The Times. 1936. May 26.
185. Foreigners told to evacuate inner Mongolia // The Straits Times. 1936. Nov. 12. P. 9.
186. For ten years China has defied Japan // The Observer. 1943. Mar. 28. P. 1.
187. Four men wanted by police // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 5. P. 10.
188. Fresh Japanese demands. Fiscal severance of N. China. Salt tax detained // The Times. 1936. Jan. 31.
189. Fresh pressure in N. China // The Straits Times. 1937. Apr. 1. P. 10.
190. Future of North China. Japanese statement. "Education insincerity" // The Times. 1936. Jan. 16.
191. Future of North China // The Times. 1935. Nov. 27.
192. Future of Tibet // The Manchester Guardian. 1933. Dec. 22. P. 9.

193. Future status of U.S. troops in North China is uncertain // The Washington Post. 1935. Nov. 29. P. 9.
194. Gen. Feng Yu-Hsiang for shantung // The Straits Times. 1937. May 27. P. 19.
195. Gen. Sung accepts more demands? // The Straits Times. 1936. Feb. 10. P. 11.
196. Gen. Sung gives way // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 18. P. 10.
197. Gen. Sung orders his troops to prepare // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 3. P. 1.
198. German trade mission in Peiping // The Straits Times. 1936. Feb. 17. P. 11.
199. German view of Japan // The Straits Times. 1940. May 2. P. 10.
200. Ginger-Headed // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 16. P. 6.
201. *Ginsbourg M. J.* North China "autonomy" / M. J. Ginsbourg // The Washington Post. 1936. Feb. 28. P. 9.
202. *Ginsbourg M. J.* North China today / M. J. Ginsbourg // The Washington Post. 1938. Feb. 3. P. XII.
203. Great battle for shanghai continues // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 26. P. 14.
204. Great Britain stands by her pledge to China // The Straits Times. 1939. May 11. P. 9.
205. *Gull E. M.* Japanese action in China. The Doctrine of force / E. Gull // The Times. 1937. Dec. 15.
206. Heavy Japanese losses. The Yangtze landing // The Times. 1937. Aug. 26.
207. *Hedges F. H.* Japanese & "Puppets" Fear Shanghai Terror / F. H. Hedges // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 17. P. 6.
208. Hitch in puppet regime plans. Japanese Concerned Over Lack Of Unity // The Straits Times. 1939. Oct. 6. P. 9.
209. Hope and anxiety in China. A waiting the next move. General Doihara`s position // The Times. 1935. Nov. 22.
210. Hopei & Charhar To Merge With Independent Regimes // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jul 17. P. 9.
211. Hopei-Chahar council suspended // The Times. 1937. Aug. 20.
212. Hopei-Chahar Note // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 24. P. 2.
213. Hopei-Chahar regime installed // The New York Times. 1935. Dec. 18. P. 1.
214. Hopei and Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. July 31. P. 9.
215. Hopei chief's aide sees no basic peace // The New York Times. 1937. Jul 13. P. 13.

216. Hopei "legalizes" smuggling // The New York Times. 1936. Sep. 1. P. 17.
217. Hopei to pay share on loans to China // The New York Times. 1936. May 17. P. 36.
218. Hostilities intensified in Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Nov. 12. P. 1.
219. *Huang E. T. Powers Checked Red Influence in China / E. T. Huang // Malaya Tribune. 1939. Mar. 21. P. 10.*
220. Hua Hsing Bank Scheme Will Fail // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 12. P. 8.
221. Income-Tax for Hopei and Chahar // The Straits Times. 1937. Jun 16. P. 19.
222. Independent North China is demanded of Nanking // The Washington Post. 1936. Jun 1. XI.
223. Inner Mongolia wavers // The New York Times. 1936. May 1. P. 13.
224. Inner Mongols will not joint Japan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1938. July 6. P. 8.
225. Italy and new regime in occupied China // The Straits Times. 1940. Jan. 21. P. 2.
226. Jap Guns And Planes Guard Signing Of Pact With Nanking Government // The Evening Leader Corning. 1940. Nov. 30. P. 1.
227. Japan and China // The Manchester Guardian. 1936. May 20. P. 10.
228. Japan and China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 17. P. 12.
229. Japan & E. Hopei Abolition // The Straits Times. 1937. Apr. 13. P. 9.
230. Japan and Nanking Faction Sign Treaty Ending Long War // The Poughkeepsie Eagle-News. 1940. Nov. 30. P. 8.
231. Japan and Norht China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 8.
232. Japan and North China // The Observer. 1935. Jun. 30. P. 25.
233. Japan demands Shanghai Ban on China flags // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. May 8. P. 2.
234. Japan forces rule on China today // The Washington Post. 1935. Nov. 20. P. 1-2.
235. Japan grips North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 9. P. 3.
236. Japan hurls war threat // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 18 P. 3.
237. Japan in North China // Malaya Tribune. 1938. Jan. 22. P. 3.
238. Japan in North China // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 14. P. 19.
239. Japan in North China // The Observer. 1936. Feb. 2. P. 21.
240. Japan Insists // The Manchester Guardian. 1935. Jun 13. P. 8.
241. Japan leases island from puppet China // The Morning Herald. 1942. Oct. 9. P. 10.
242. Japan moves again // The Manchester Guardian. 1935. Jun 11. P. 8.

243. Japan Now Expects A Long War // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Dec. 25. P. 9.
244. Japan says action only against Britain // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 20. P. 1.
245. Japan sets up new China government // The Straits Times. 1937. Dec. 15. P. 11.
246. Japan Subsidising East Hopei Rebel Regime // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 17. P. 1.
247. Japan threatens to insist Chinese quit South Hopei // The New York Times. 1937. Jul 24. P. 1.
248. Japan tightening her grip on Hopei & Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 11. P. 9.
249. Japan – China: Another Kuo? // Time. 1937. Jul 26.
250. Japan to invade China tomorrow if new state is not set up in North // The Washington Post. 1935. Nov. 19. P. 1–2.
251. Japan, wavering, halts plan to divide China, curbs military chiefs // The Washington Post. 1935. Nov. 21. P. 1–2.
252. Japan's peace terms // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 27. P. 14.
253. Japan's reply to Demands // The Straits Times. 1936. Oct. 2. P. 11.
254. Japanese "Adviser" to N. China council // The Times. 1936. Feb. 5.
255. Japanese advance in North China // The Manchester Guardian. 1937. Sep. 11. P. 16.
256. Japanese advance in Shantung. A daring pilot // The Times. 1937. Oct. 5.
257. Japanese advisers in N. China // The Times. 1936. Feb. 10.
258. Japanese advisers may resign // The Straits Times. 1937. May 14. P. 11.
259. Japanese army Discontented // The Manchester Guardian. 1936. Oct. 17. P. 17.
260. Japanese army prepared for invasion of North China // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 19. P. 1.
261. Japanese arrest man, and give him a job // The Straits Times. 1939. Oct. 21. P. 13.
262. Japanese attitude "Evasive" // The Straits Times. 1936. Mar. 17. P. 8.
263. Japanese Consul's Guests Recovering // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 15. P. 1.
264. Japanese demand // The Straits Times. 1936. Feb. 25. P. 8.
265. Japanese demand // The Straits Times. 1936. Jul 17. P. 9.
266. Japanese Demand A Military Base Near Amoy // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 17. P. 10.
267. Japanese demands in North China // The Straits Times. 1936. Sep. 1. P. 8.
268. Japanese demands rejected // Malaya Tribune. 1936. Jun 3. P. 11.
269. Japanese designs in North China. Fears for Shantung and Shansi // The Times. 1936. Jan. 14.

270. Japanese domination in N. China // *The Straits Times*. 1936. Feb. 18. P. 20.
271. Japanese engaged by E. Hopei regime // *The Straits Times*. 1936. Apr. 16. P. 19.
272. Japanese hopes dwindling // *The Observer*. 1935. Nov. 24. P. 22.
273. Japanese in China // *The Manchester Guardian*. 1942. May 9. P. 7.
274. Japanese in North China // *The Manchester Guardian*. 1936. Jan. 9. P. 12.
275. Japanese Increase Forces Inside Great Wall // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1935. Dec. 21. P. 10.
276. Japanese offers turned down by Shantung governor // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Sep. 12. P. 9.
277. Japanese plans for North China // *The Times*. 1937. Oct. 23.
278. Japanese present demands on China // *The New York Times*. 1937. Jul 13. P. 14.
279. Japanese pressure in N. China. Further move towards "autonomy" // *The Times*. 1936. Jan. 15.
280. Japanese pressure in North China // *The Straits Times*. 1936. May 11. P. 5.
281. Japanese pressure in north China // *The Straits Times*. 1937. Jun 11. P. 11.
282. Japanese Reply Being Considered // *Morning Tribune*. 1939. Mar. 15. P. 11.
283. Japanese seize Chinese railway junctions // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 28. P. 12.
284. Japanese sharply divided on policy in China // *The Manchester Guardian*. 1939. Feb. 22. P. 6.
285. Japanese start new bank in China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1938. Jan. 5. P. 2.
286. Japanese still warlike // *The Manchester Guardian*. 1937. Jul 16. P. 8.
287. Japanese strategy // *The Manchester Guardian*. 1937. Sep. 14. P. 8.
288. Japanese tactics in N. China // *The Manchester Guardian*. 1935. Dec. 18. P. 14.
289. Japanese tactics in N. China // *The Manchester Guardian*. 1935. Nov. 16. P. 10.
290. Japanese take up positions along great wall // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. May 18. P. 9.
291. Japanese to capture fourth provincial capital? // *The Manchester Guardian*. 1937. Nov. 4. P. 13.
292. Japanese transports driven from Shanghai // *The Manchester Guardian*. 1937. Sep. 4. P. 11.
293. Japanese troops for Hopei borders // *The Straits Times*. 1936. Apr. 29. P. 12.

294. Japanese ultimatum to China expires to-day // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 9.
295. Japanese ultimatum to China expires to-day // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 20. P. 9.
296. Japanese warning // The Times. 1937. Oct. 30.
297. Japanese Warships threaten to fire on students // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 24. P. 10.
298. Japan's aims revealed // The Straits Times. 1940. Jan. 22. P. 9.
299. Japan's ambitions in China // The Manchester Guardian. 1935. Oct. 18. P. 12.
300. Japans conquest of China // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 28. P. 5.
301. Japan's dilemma // The Manchester Guardian. 1941. Apr. 30. P. 4.
302. Japan's drive into North China // The Observer. 1937. Aug. 22. P. 13.
303. Japan's grip on N. China // The Manchester Guardian. 1937. Aug. 20. P. 9.
304. Japan's hold on North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 8. P. 14.
305. Japan's military politicians // The Manchester Guardian. 1936. Jan. 22. P. 5.
306. Japan's move // Malaya Tribune. 1935. Nov. 20. P. 11.
307. Japan's policy in North China splits cabinet // The Washington Post. 1935. Nov. 23. P. 1–2.
308. Japan's role in China // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.
309. Japan's terms to China // The Observer. 1936. Oct. 4. P. 21.
310. Japan's Weaknesses // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1940. Dec. 2. P. 4.
311. Kwantung army discover two more “incidents” // The Manchester Guardian. 1935. Jun 18. P. 6.
312. Letters to the editor // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 16. P. 7.
313. Lull in North China. “Stormy Petrel” to leave. Future of customs // The Times. 1936. Mar. 3.
314. Lull in North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 23. P. 17.
315. Malaya and China Parley // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 14. P. 5.
316. Manchu-E. Hopei pacts // The Straits Times. 1936. May 27. P. 8.
317. Manchukuo from North China // The New York Times. 1935. Dec. 13.
318. Martial Law Proclaimed In North Charhar // Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jun 14. P. 9.
319. Matsuoka Says Japan Opposes White Peril // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1934. Jun 16. P. 4.
320. Meeting of Chinese puppets // The Straits Times. 1940. Apr. 2. P. 11.
321. Miscellaneous Column 1 // The Straits Times. 1935. Dec. 21. P. 18.

322. Missionaries still held by Japanese // *The Straits Times*. 1940. Oct. 26. P. 12.
323. Monarchy again in China // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1936. Oct. 19. P. 9.
324. Mongolian Manoeuvres // *The Manchester Guardian*. 1936. Jan 14. P. 8.
325. More fighting. 800 Chinese killed by air bombs // *The Times*. 1937. Jul 28.
326. More Japanese advisers for N. China// *The Straits Times*. 1936. Apr. 27. P. 19.
327. More Japanese inroads // *The Times*. 1935. Nov. 28.
328. More Japanese troops for Tientsin // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1937. May 26. P. 9.
329. More trade in North China // *Malaya Tribune*. 1937. Dec. 17. P. 12.
330. Mr. Wang Ching-wei States His Case For Opening Of Peace Talks // *The Straits Times*. 1939. Jan. 12. P. 5.
331. Mr. Yen Yu Keng Head of the East Hopei autonomous regime, which the Central Government decided to suppress at the Third Plenary Session of the C. E. C. // *Malaya Tribune*. 1937. Feb. 26. P. 13.
332. N. China customs authorities a Japanese denial // *The Times*. 1936. Jun 4.
333. N. China puppet state takes customs // *The Straits Times*. 1937. Dec. 17. P. 11.
334. N. China terms revealed // *The Straits Times*. 1936. Mar. 5. P. 11.
335. N. China's loyalty to Chiang // *The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser*. 1939. Feb. 9. P. 6.
336. Nanking acts boldly // *The Straits Times*. 1935. Nov. 27. P. 11.
337. Nanking again bombed // *The Manchester Guardian*. 1937. Oct. 22. P. 16.
338. Nanking anxious about Japanese thrust // *The Times*. 1936. Jan. 18.
339. Nanking group favours war // *The Straits Times*. 1937. Jul 12. P. 11.
340. Nanking offers near autonomy to North China // *The Washington Post*. 1935. Dec. 3. P. 3.
341. Nanking Puppet's secret treaty. Hainan "ceded" to Japan // *The Times*. 1942. Oct. 9.
342. Nanking puppet's secret treaty // *The Times*. 1942. Oct. 9.
343. Nanking Puppets // *The Times*. 1940. Feb. 2.
344. Nanking's attitude. Attempts to find a formula // *The Times*. 1935. Nov. 22.
345. Nanking-Mongol clash feared // *The Straits Times*. 1933. Nov. 2. P. 11.
346. Negotiations aid Mongol autonomy // *The New York Times*. 1933. Nov. 6. P. 13.
347. Negotiations over? // *The Manchester Guardian*. 1941. Nov. 28. P. 5.

348. Negotiations still deadlocked // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Nov. 12. P. 9.
349. Neutral zone // The Straits Times. 1933. Jul 24. P. 11.
350. New Attack To Be Launched On East Suiyuan // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jan. 6. P. 1.
351. New China puppet regime // The Straits Times. 1940. Jan. 28. P. 2.
352. New China state seen // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 13. P. 3.
353. New China-Japan parleys // The Straits Times. 1937. Mar. 16. P. 4.
354. New Chinese Empire seen // The Los Angeles Times. 1935. Jun 17. P. 3.
355. New Chinese government // The Straits Times. 1939. Sep. 14. P. 10.
356. New demands to China // The Manchester Guardian. 1936. Sep. 28. P. 9.
357. New government in Hopei-Chahar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Aug. 20. P. 7
358. New hitch in N. China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 22. P. 11.
359. New Japanese demand // Malaya Tribune. 1936. Feb. 21. P. 11.
360. New Japanese warning to North China // The Times. 1935. Dec. 19.
361. New Nanking Government Established // Morning Tribune. 1938. Mar. 29. P. 1.
362. New ominous moves by Japan // The Straits Times. 1937. Jul 24. P. 11.
363. New plan North China cooperation with Japanese // The Times. 1936. Aug. 14.
364. New Puppet state in North China? // The Straits Times. 1937. Jun 9. P. 19.
365. New Regime in Canton? // Malaya Tribune. 1940. Feb. 24. P. 11.
366. New regime in N. China. Retaining revenues. Japanese plans for wider autonomy // The Times. 1936. Jan. 18.
367. New regime in North China? // Sunday Tribune (Singapore). 1937. Feb. 7. P. 18.
368. New Republic of China // Malaya Tribune. 1937. Dec. 15. P. 11.
369. New tension in China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 25. P. 12.
370. New turn in China // The Times. 1935. Nov. 21.
371. Nippon Army Repulsed At Shanghai // Syracuse Journal. 1937. Oct. 4. P. 1.
372. No flag raising // The Straits Times. 1935. Nov. 26. P. 12.
373. No responsibility for East Hopei // The Straits Times. 1937. May 5. P. 8.
374. North Charhar // Morning Tribune. 1937. Jul 2. P. 19.
375. North China // Morning Tribune. 1936. Apr. 17. P. 23.
376. North China // The Manchester Guardian. 1935. Nov. 26. P. 8.
377. North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 13. P. 10.
378. North China // The Manchester Guardian. 1938. Dec. 14. P. 11.

379. North China // The Manchester Guardian. 1939. Jul 7. P. 11.
380. North China // The Times. 1935. Dec. 13.
381. North China // The Times. 1935. Dec. 7.
382. North China accepts half Japanese demands separate money policy // Malaya Tribune. 1936. Feb. 10. P. 11.
383. North China area tied to Manchukuo // The New York Times. 1936. Apr. 13. P. 1.
384. North China as protectorate // The Manchester Guardian. 1935. Jun 22. P. 17.
385. North China asks Japan army's help // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 26. P. 1.
386. North China autonomy // The Times. 1935. Dec. 23.
387. North China autonomy // The Times. 1936. Feb. 18.
388. North China gets Tokyo ultimatum to push "reforms" // The New York Times. 1936. Jan. 22. P. 1.
389. North China lull // The Straits Times. 1935. Dec. 5. P. 11.
390. North China not to become a second Manchuria // The Manchester Guardian. 1937. Jul 20. P. 6.
391. North China peace parley suspended // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Aug. 11. P. 9.
392. North China rebels to seize customs // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 12. P. 10.
393. North China rift banned // The Los Angeles Times. 1935. Nov. 17. P. 2.
394. North China settlement much nearer // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Mar. 4. P. 9.
395. North China to be dominated by armed force // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 20. P. 9.
396. North Hopei regime // Malaya Tribune. 1937. Apr. 22. P. 11.
397. Notes & Comments. Peace Or War? // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 10.
398. Notes & Comments. The "Provisional Government" // Malaya Tribune. 1938. Jan. 18. P. 10.
399. Opium in North China // The Straits Times. 1932. May 9. P. 11.
400. Opium traffic in North China legalized by Japan // The Times. 1938. May 27.
401. Order for armed resistance // The Straits Times. 1936. Jan. 13. P. 11.
402. Panic in North China // Malaya Tribune. 1935. Nov. 27. P. 13.
403. Parley in North China // Malaya Tribune. 1936. Feb. 25. P. 14.
404. Partem M. G. The Buffer System in International Relations // The Journal of Conflict Resolution. 1983. Vol. 27. No. 1. P. 3–26.
405. Paul Einzig // World Finance. 1938–1939. P. 151–152.
406. "Peace" again in North China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 10. P. 13.

407. "Peace offer" to China // The Manchester Guardian. 1940. Jan. 17. P. 9.
408. Peace overtures // The Straits Times. 1933. Feb. 22. P. 17.
409. Peaceful Settlement in N. China // Malaya Tribune. 1935. Dec. 9. P. 11.
410. Peiping drafting China peace plan // The New York Times. 1938. Jul 2.
411. Peitaiho threatened by huge bandit army // The Straits Times. 1933. Sep. 23. P. 11.
412. People of North China loyal to Chungking // The Straits Times. 1939. Feb. 9. P. 17.
413. Plan for new central government in China // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jan. 5. P. 2.
414. Pledge Compensation // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.
415. Plot to overthrow E. Hopei leader // The Straits Times. 1936. Mar. 6. P. 5.
416. *Powell J.* Mongolians Declare Independence. Inner Mongolia Declares Itself free from China / J. Powell // Chicago Daily Tribune. 1933. Oct. 14. P. 13.
417. *Powell J.* New state born in North China / J. Powell // Chicago Daily Tribune. 1935. Dec. 8. P. 5.
418. *Powell J.* New state born in North China; Japs in Control / J. Powell // Chicago Daily Tribune. 1935. Dec. 8. P. 5.
419. Powers must deal with new regime // Malaya Tribune. 1940. Mar. 21. P. 12.
420. Progress made in Tokio talks // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Aug. 3. P. 2.
421. Provincial bank clearings // The Times. 1936. Sep. 2.
422. Puppet government and Wang Ching-Wei // The Straits Times. 1939. Apr. 13. P. 9.
423. Puppet Government Issues Manifesto // The Straits Times. 1939. Mar. 29. P. 10.
424. Puppet leaders meet to-day // The Straits Times. 1940. Jan. 23. P. 9.
425. Puppet move fails again in N. China // Malaya Tribune. 1939. Oct. 6. P. 11.
426. "Puppet" Officials Given Poisoned Wine At Banquet // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 13. P. 2.
427. Puppet police for Shanghai // The Straits Times. 1939. Feb. 25. P. 14.
428. Puppet President Leaves Hospital // The Straits Times. 1939. Jun 15. P. 9.
429. Puppet regime envoys to meet // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Mar. 31. P. 7.
430. Puppet Regime's Own Army // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jun 16. P. 2.
431. Puppet regimes in China to merge // The Straits Times. 1939. Oct. 31. P. 9.

432. Puppet regime's plea to Britain // The Straits Times. 1939. Mar. 25. P. 9.
433. Puppet Regimes To Merge? // The Straits Times. 1939. Sept. 23. P. 7.
434. Puppet region cuts another Chinese tie // The New York Times. 1937. Mar. 21. P. 36.
435. Puppet State in North China? // Malaya Tribune. 1936. Jun 18. P. 11.
436. Questions in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Jan. 26. P. 6.
437. Ready to invest in N. China // The Straits Times. 1936. Mar. 12. P. 11.
438. Rebel regime in East Hopei // The Straits Times. 1935. Dec. 10. P. 19.
439. Rebels advance on Tientsin // Sunday Tribune (Singapore). 1935. Dec. 29. P. 1.
440. Recognition of Manchukuo // Malaya Tribune. 1938. Feb. 21. P. 10.
441. Recognition for Manchukuo? // The Straits Times. 1936. Jun 26. P. 9.
442. Recognition of puppets an unfriendly act // Malaya Tribune. 1940. Jan. 11. P. 2.
443. Recovery of East Hopei our immediate aim // The Straits Times. 1937. Feb. 25. P. 5.
444. Reds in Shensi // Morning Tribune. 1937. Feb. 2. P. 28.
445. Reported Japanese demands // The Manchester Guardian. 1936. Dec. 5. P. 17.
446. Reported offer of terms to China // The Times. 1938. Dec. 28.
447. Revenues withheld in North China // The Times. 1936. Feb. 1.
448. Russia, Japan, and China // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 7. P. 6.
449. Russia's denial // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1932. Feb.15. P. 9.
450. Settlement in hands of craigie and aria. Japanese Attitude // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
451. Settlement in N. China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 24. P. 14.
452. Shanghai students seize a train // The Times. 1934. Dec. 24.
453. Shantung to become autonomous state? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Jan. 16. P. 1.
454. *Sheba K.* Japs plan to set up a new puppet state in N. China / *K. Sheba* // Chicago Daily Tribune. 1937. Oct. 7. P. 3.
455. Sino-Japanese clash at the gates of Peiping new crisis in China // Malaya Tribune. 1936. Jan. 9. P. 11.
456. Sino-Japanese Complications // Morning Tribune. 1936. Jun 2. P. 2.
457. Sino-Japanese co-operation // The Straits Times. 1937. Mar. 11. P. 5.
458. Sino-Japanese talks break down // The Straits Times. 1936. Jan. 2. P. 5.
459. Sino-Japanese talks to be resumed // The Straits Times. 1936. Aug. 27. P. 5.

460. Situation Worsens In East Charhar // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 13. P. 10.
461. *Smadley A.* Resistance or surrender in China? / A. Smadley // The Manchester Guardian. 1940. Aug. 22. P. 4.
462. Smuggling in China // The Manchester Guardian. 1936. Aug. 15. P. 12.
463. Smuggling in China // The Straits Times. 1936. Jun 25. P. 10.
464. Smuggling into N. China // The Manchester Guardian. 1936. Jun 16. P. 14.
465. Smuggling problem in North China // The Straits Times. 1937. May 24. P. 19.
466. Southerners Denounce Wang's Secession Plan // Malaya Tribune. 1939. Aug. 23. P. 18.
467. Soviet Advises China not to conclude agreements with Japan or Manchukuo // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1935. Dec. 30. P. 10.
468. "Special zone" in the luantung sought // The Straits Times. 1936. Apr. 22. P. 18.
469. State control in Shansi // Sunday Tribune (Singapore). 1937. May 16. P. 1.
470. Statement by Mr. H. Arita // Malaya Tribune. 1936. Feb. 28. P. 14.
471. Statements by China puppet regimes // The Straits Times. 1939. Sep. 25. P. 7.
472. *Stanley Jones C. H.* Appeasement is not yet completed / C. H. Stanley Jones // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Jul 30. P. 12.
473. *Stanley Jones C. H.* Showdown in Far East Is Very Near / C. H. Stanley Jones // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Mar. 5. P. 12.
474. Still waiting in China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 17. P. 13.
475. Stop Press // Morning Tribune. 1938. Jan. 5. P. 21.
476. Student groups banned // The New York Times. 1936. Nov. 10. P. 16.
477. Students` meeting with general Chiang // The Times. 1935. Jan. 14.
478. Suiyuan reports conflict // The New York Times. 1936. Nov. 22. P. 36.
479. Suiyuan reports Mongolians' raids // The New York Times. 1938. Jan. 24.
480. Suspense in China // The Manchester Guardian. 1935. Jun. 14. P. 9.
481. Swift developments are expected in China // Malaya Tribune. 1935. Nov. 26. P. 11.
482. Tension in North China // The Times. 1935. Dec. 2.
483. Terms of agreement withheld. "Almost All" Japan`s demands met // The Times. 1937. Jul 23.
484. Terms of Wang's reported pact with the Japanese // The Straits Times. 1940. Mar. 7. P. 14.
485. The Adriatic Question // Present. by mr. Hitchcock, February 27.1920 / Ordered to be printed. Washington Government Printing Office, 1920.
486. The attack on Suiyuen // Malaya Tribune. 1936. Feb. 11. P. 13.

487. The Chinese retreat // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 15. P. 10.
488. The Communists in China // The Manchester Guardian. 1935. Apr. 5. P. 10.
489. The Drama of The Far East // Morning Tribune. 1939. Nov. 27. P. 4.
490. The dual war // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 1. P. 10.
491. The Japanese advances in The North // The Manchester Guardian. 1937/ Oct. 1. P. 15.
492. The Japanese in North China // The Manchester Guardian. 1936. Feb. 10. P. 13.
493. The Japanese programme // The Observer. 1935. Jun 16. P. 24.
494. The Kailan mines // Malaya Tribune. 1936. Mar. 10. P. 23.
495. The misfire in N. China // The Times. 1935. Nov. 23.
496. The Mongols proceed to Nanking shortly // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser (1884–1942). 1933. Nov. 20. P. 1.
497. The North China compromise // The Manchester Guardian. 1935. Dec. 9. P. 22.
498. The North China settlement // Malaya Tribune. 1935. Dec. 16. P. 16
499. The opium evil in occupied China // Malaya Tribune. 1940. Jan. 9. P. 14.
500. The Panchan Lama // The Straits Times. 1934. Aug. 13. P. 11.
501. The prisoner of Nanking // The Manchester Guardian. 1940. Dec. 2. P. 4.
502. The Soviet-Mongol Pact // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Apr. 9. P. 8.
503. The war in China // The Manchester Guardian. 1939. Dec. 30. P. 6.
504. The war in China // The Manchester Guardian. 1937. Jul 29. P. 8.
505. Threat to provincial capitals // The Manchester Guardian. 1937. Oct. 14. P. 6.
506. Three Puppet Governments // Malaya Tribune. 1940. Jan. 12. P. 1.
507. Tientsin // The Times. 1939. Jun 19.
508. Tientsin fight flares after sector in Hopei is decreed free state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.
509. To-day's news Review // Malaya Tribune. 1939. Feb. 28. P. 13.
510. To-day's News Review // Malaya Tribune. 1939. Jul 5. P. 12.
511. Tokio discussions to end The China War // The Straits Times. 1939. Nov. 2. P. 14.
512. Tokio even willing to give Chiang piece of his own country // New York Post. 1938. Jul 2. P. 2.
513. Tokio talks // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 24. P. 6.
514. Tokio talks confined to heads // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1939. Jul 1. P. 2.
515. Tokio talks on new China puppet regime // The Straits Times. 1939. Nov. 3. P. 14.

516. Tokyo revolt and China // Malaya Tribune. 1936. Mar. 2. P. 11.
517. Tokyo ultimatum reported in China // The New York Times. 1936. Jan. 8. P. 9.
518. Troop movements in Manchukuo. Reported Russian break through // The Times. 1939. Sep. 14.
519. Troops sent from Japan // The Times. 1937. Jul 16.
520. Tug-of-War in The Far East // The Manchester Guardian. 1940. Feb. 15. P. 6.
521. Two theories in Japan Pan-Asia and beyond. Chinese resistance // The Times. 1936. Jun 12.
522. U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov. 25. P. 1–2.
523. U. S. Apprehensive at split reported in North China state // The Washington Post. 1935. Nov 25. P. 1–2.
524. Unrest in Shanghai // The Times. 1935. Dec. 27.
525. Untitled // Morning Tribune. 1936. Nov. 23. P. 6.
526. Untitled // The Straits Times. 1937. Apr. 19. P. 11.
527. Uprising in East Hopei // The Straits Times. 1936. Apr. 7. P. 11.
528. Wang Ching Wei regrets first rush at The Bait // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Nov. 26. P. 1.
529. Wang Ching-Wei May head new peace movement // The Straits Times. 1939. May 27. P. 14.
530. Wang Ching-Wei Regime Plan Hitch // The Straits Times. 1939. Nov. 26. P. 3.
531. Wang Ching-wei's Statement // The Straits Times. 1940. Mar. 14. P. 14.
532. "Wang Had Better Commit Suicide" – Chiang Kai Shek // Morning Tribune. 1939. Oct. 3. P. 3.
533. Wang Flees From China // Malaya Tribune. 1939. Jan. 3. P. 11.
534. Wang Signs Peace Pact with Japan // Rome Daily Sentinel. 1940. Nov. 30. P. 1.
535. Wang's peace movement // The Straits Times. 1939. May 30. P. 11.
536. War clouds over orient // The New York Sun. 1936. Aug. 13. P. 4.
537. War-lord's deposits held // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. May 15. P. 11.
538. Warning to powers // The Straits Times. Apr. 28. 1934. P. 11.
539. What Japan does want the situation in North China // The Times. 1937. Jan. 5.
540. White races in Asia // The Times. 1938. Jan. 8.
541. Will China Follow Finland's Example? // Malaya Tribune. 1940. Mar. 13. P. 8.
542. World warned that U.S. frowns on move for autonomy // The Washington Post. 1935. Dec. 6. P. 1–2.
543. Wu chosen to head new regime for North China // The Los Angeles Times. 1935. Dec. 22. P. 2.

544. Yin Yu Keng to take over Peiping and Tientsin? // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1937. Jul 9. P. 9.
545. 73 Lose Lives in Train Dynamiting // The Niagara Falls Gazette. 1940. Nov. 30. P. 2.
546. 1,000 Manchus invade Chahar // The Washington Post. 1935. Dec. 10. P. 6.
547. 15,000 Manchukuo troops arrive at frontier // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1936. Feb. 25. P. 9.
548. 2 teachers executed in East Hopei // The Straits Times. 1936. Mar. 5. P. 16.
549. 5 teachers executed in East Hopei // The Straits Times. 1936. Mar. 8. P. 8.

B) SCIENTIFIC LITERATURE:

B.1) In Russian:

550. *Avarin V.* Nezavisimaya Manchzhuriya. 2-e dop. izd. L.: Partizdat, 1934. 152 s.
551. *Aliev N.* Nagorno-Karabaxskij konflikt: Pravovy`e aspekty` uregulirovaniya: monogr. [E`lektronny`j resurs] / N. Aliev. Tbilisi: Universal, 2009. S. 027–035. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18777151> (data obrashheniya: 01.03.2020).
552. *Andreev A. I.* Tibet v politike czarskoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii / A. I. Andreev. SPb.: Nartang, 2005. 463, [1] s.
553. *Axmetova B. Z.* Napryazhenie vokrug problemy` Yuzhno-Kitajskogo morya kak faktor geopoliticheskogo protivoborstva i transformacii sovremennogo mirovogo poryadka / B. Z. Axmetova, I. S. Karabulatova, P. N. Dudin, Zh. B. Dorzhiev // Central`naya Aziya i Kavkaz. 2016. T. 19, vy`p. 4. S. 55–63.
554. *Barkatunov V. F.* E`konomika teokraticeskogo kvazigosudarstva IGIL, krizis mezhdunarodnogo prava i nacional`ny`e vozmozhnosti po protivodejstviyu terrorizmu / V. F. Barkatunov // Del`ta nauki. 2016. № 1. S. 106–113.
555. *Berdegulova L. A.* Osobennosti suvereniteta kvazigosudarstvenny`x obrazovanij // Nepriznanny`e gosudarstva: metodologicheskie, politicheskie i pravovy`e aspekty`: sb. mat-lov Vseros. nauchn. konf. (Samara, 28 oktyabrya 2016 g.) / L. A. Berdegulova; otv. red. A. N. Skvoznikov. Samara: Samar. gumanit. akad., 2016. S. 13–18.
556. *Berdegulova L. A.* Prava cheloveka v kvazigosudarstvennom obrazovanii / L. A. Berdegulova // Simvol nauki. 2016. № 9. S. 187–189.
557. *Bzhezinskij Z.* Velikaya shaxmatnaya doska / Z. Bzhezinskij; per. s angl. O. Ural`skoj. M.: Izd-vo AST, 2018. 384 s.

558. *Birn F. D.* Koroli i verxovny`e praviteli Irlandii / F. D. Birn. SPb.: Evraziya, 2006. 368 s.
559. *Bisson T. A.* Voennaya e`konomika Yaponii / T. A. Bisson; per. s angl. G. V. Konyushkova; pod red. prof. K. M. Popova. M.: Izd-vo inostrannoj literatury`, 1949. 308 s.
560. *Blagov Yu. V.* Mestnoe samoupravlenie v RF v usloviyax municipal`no-pravovoj reformy`: monogr. / Yu. V. Blagov; Omsk. gos. un-t im. F. M. Dostoevskogo. Omsk: Prospekt, 2017. 171, [1] s.
561. *Bogaturov A. D.* Mezhdunarodny`j poryadok v nastupivshem veke / A. D. Bogaturov // Mezhdunarodny`e processy`. 2004. № 3. S. 6–23.
562. *Bogoslovskij V. A.* Nacional`ny`j vopros v Kitae (1911–1949) / V. A. Bogoslovskij, A. A. Moskalev. M.: Nauka, 1984. 264 s.
563. *Burbank Dzh.* Traektorii imperii / Dzh. Burbank, F. Kuper // Mify` i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M.: Novoe izd-vo; Ab Imperio, 2010. S. 325–361.
564. *Burlingas I. Ya.* Kitaj i Yaponiya / I. Ya. Burlingas // Kitaj i sosedi v novoe i novejshee vremya / otv. red. S. L. Tixvinskij. M.: Nauka, 1982. S. 396–452.
565. *Busy`gina I. M.* Politicheskaya geografiya. Formirovanie politicheskoy karty` mira / I. M. Busy`gina. M.: Prospekt, 2011. 384 s.
566. *Vengerov A. B.* Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / A. B. Vengerov. M.: Novy`j yurist, 1998. 621 s.
567. *Vilenskij-Sibirjakov V. D.* Sovremenny`j Kitaj / V. D. Vilenskij-Sibirjakov. M., 1925. 22 s.
568. *Violis A.* Yaponiya i ee imperiya / A. Violis. M.: OGIZ-SOCzE`KGIZ, 1934. 133 s.
569. *Voskresenskij A. D.* Konceptii regionalizacii, regional`ny`x podsystem, regional`ny`x kompleksov i regional`ny`x transformacij v sovremenny`x mezhdunarodny`x otnosheniyax / A. D. Voskresenskij // Sravnitel`naya politika. 2012. № 2 (8). S. 30–58.
570. *Vostochnaya Aziya: mezhdunarodny`j regionalizm i globalizm* / otv. red. chl.-kor. RAN G. I. Chufrin. M.: Nauka, 2004. 282 s.
571. *Vostrikov S. V.* Istoricheskie osobennosti formirovaniya identichnostej v areale rossijsko-belorusskogo limitrofa / S. V. Vostrikov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2–1. S. 52–57.
572. *Vsegov E.* Vashington i Londonskaya morskaya konferenciya / E. Vsegov // Mezhdunarodnaya zhizn`. 1930. № 3. S. 23–24.
573. *Ve`j Czzy`-chu.* Kapitalovlozheniya imperialistov v Kitae (1902–1945) / *Ve`j Czzy`-chu.* M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 51 s.
574. *Gajkin V. A.* Yaponskie i korejskie kolonisty` v Man`chzhou-Go (1931–1945 gg.) / V. A. Gajkin // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2010. № 5. S. 123–131.
575. *Gal`perin A. L.* Anglo-yaponskij soyuz: 1902–1921 gody` / A. L. Gal`perin. M.: Gospolitizdat, 1947. 448 s.

576. Gosudarstvennaya i kvazigosudarstvennaya priroda Man`chzhou-Go: istoricheskie ocherki / P. N. Dudin, V. V. Dosoviczkaya, L. V. Kuras i dr.; nauch. red. B. V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2016. 254 s.
577. *Granberg A. G.* Regional'naya e`konomika i regional'naya nauka v Rossii: desyat` let spustya / A. G. Granberg // Region: e`konomika i sociologiya. 2004. № 1. S. 57–81.
578. *Dacyshen V. G.* Bokserskaya vojna. Voennaya kampaniya russkoj armii i flota v Kitae v 1900–1901 gg. / V. G. Dacyshen. Krasnoyarsk, 2001. 336 s.
579. *Dacyshen V. G.* «Vojna na MNR». Xalxin-Gol v nashej povsednevnosti / V. G. Dacyshen // Rodina. 2009. № 8. S. 17–19.
580. *Dacyshen V. G.* Konflikt na KVZhD 1929 goda. Materialy` sibirskix regional`ny`x arxivov o situacii v voinskix chastyax i vzaimodejstvii s mestny`m naseleniem / V. G. Dacyshen // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2009. № 12. S. 22–28.
581. *Dacyshen V. G.* Kitajcy v Rossii i sovetsko-kitajskij konflikt 1929 g. na KVZhD / V. G. Dacyshen // Rossijskaya istoriya. 2011. № 5. S. 51–62.
582. *Dacyshen V. G.* «Missiya Komaczubary`». Iz istorii sovetsko-yaponsko-kitajskix otnoshenij v nachale 1930-x godov / V. G. Dacyshen // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2012. № 3. S. 126–133.
583. *Dacyshen V. G.* Konsul`stva Man`chzhou-Go v Rossii. Iz istorii sovetsko-yaponsko-kitajskix otnoshenij v 1931–1945 gg. / V. G. Dacyshen // Problemy` Dal`nego Vostoka. 2013. № 5. S. 135–143.
584. *Dacyshen V. G.* Yaponiya i grazhdanskaya vojna v Tuve / V. G. Dacyshen // Novy`e issledovaniya Tuvy`. 2013. № 2. S. 44–54.
585. *Dacyshen V. G.* Russko-yaponskie otnosheniya na Severnom Saxaline v period yaponskoj okkupacii (1920–1925 gg.) / V. G. Dacyshen // Ezhegodnik Yaponiya. 2014. № 43. S. 192–209.
586. *Dacyshen V. G.* Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 g. (k probleme istoricheskoy literatury` i istochnikov) / V. G. Dacyshen // Vtoraya mirovaya vojna: predy`storiya, soby`tiya, uroki: mat-ly` Mezhdunarod. nauch. konf., posvyashh. 70-letiyu Velikoj Pobedy` nad nemeczkim fashizmom i yaponskim militarizmom. V 2 ch., ch. 1 / pod red. E. V. Drobotushenko. Chita, 2015. S. 81–90.
587. *Dacyshen V. G.* SSSR i Man`chzhou-Go: problemy` sovetskogo priznaniya kvazigosudarstva / V. G. Dacyshen // Eurasia: Statum et Legem. 2018. № 10. S. 38–52.
588. *Dosoviczkaya V. V.* Ustanovlenie vlasti Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae v pervoj polovine XX v. / V. V. Dosoviczkaya // Vlast` i nasilie v nezapadny`x obshhestvax. Problemy` teoreticheskogo osmy`sleniya i opy`t prakticheskogo izucheniya. M., 2016. S. 300–309.
589. *Dudin P. N.* Avtonomnoe gosudarstvo kak politicheskaya kategoriya i instrument strategicheskogo prisutstviya / P. N. Dudin // Polite`ks. 2020. T. 16. № 1. S. 40–57.

590. *Dudin P. N.* Buddizm i regional'nyj politicheskij poryadok. Obshhij kontekst dlya Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2019. № 6. S. 64–76.

591. *Dudin P. N.* Buddizm Maxayany` i regional'nyj politicheskij poryadok Severo-Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2020. № 2. S. 61–79.

592. *Dudin P. N.* Buddizm Txeravady` i regional'nyj politicheskij poryadok Yugo-Vostochnoj Azii [E`lektronnyj resurs] / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2020. № 1. Rezhim dostupa: <https://www.evestnik-mgou.ru> (data obrashheniya: 01.03.2020).

593. *Dudin P. N.* Buferny`e gosudarstva kak instrument obespecheniya strategicheskogo prisutstviya v regione Vostochnoj Azii: sovetskij i yaponskij opyt / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2018. № 6. S. 50–65.

594. *Dudin P. N.* Buferny`e gosudarstva Severo-Vostochnoj Azii. Severnyj i Vostochnyj Kitaj / P. N. Dudin. Penza: Sociosfera, 2018. 474, XXXIII s.

595. *Dudin P. N.* Buferny`e zony` i ix sootnoshenie so sxozhimi kategoriyami territorij s osoby`m rezhimom skvoz` prizmu rossijskogo/sovetskogo i yaponskogo strategicheskogo prisutstviya v regione Vostochnoj Azii / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki. 2019. № 4. S. 44–62.

596. *Dudin P. N.* Gosudarstvennaya e`konomicheskaya politika Me`nczzyana i ee pravovoe zakreplenie / P. N. Dudin // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 11. S. 44–55.

597. *Dudin P. N.* Politicheskaya istoriya Me`nczzyana / nauch. red. K.B-M. Mitupov. – Ulan-Ude`: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2014. 300 s.

598. *Dudin P. N.* Politicheskij opyt gosudarstvennogo stroitel'stva i formirovanie ponyatiya «buddijskoe pravo» v stranax Azii v period XX v. / P. N. Dudin, A. V. Shemelin // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2(117). S. 96–102.

599. *Dudin P. N.* Preddogovorny`e osnovy` «e`ksporta revolyucii» v Vostochnoj Azii i regional'nyj politicheskij poryadok v zone sovetskogo vliyanija: pozitivnyj opyt i socialisticheskaya ideologiya v Mongolii. God 1921. Ch. 1 / P. N. Dudin, Z. F. Xusainov // Oriental Studies. 2021. T. 14(1). No 1. S. 8–23.

600. *Dudin P. N.* Preddogovorny`e osnovy` «e`ksporta revolyucii» v Vostochnoj Azii i regional'nyj politicheskij poryadok v zone sovetskogo vliyanija: pozitivnyj opyt i socialisticheskaya ideologiya v Mongolii. God 1921. Ch. 2 / P. N. Dudin, Z. F. Xusainov // Oriental Studies. 2021. T. 14(2). S. 226–237.

601. *Dudin P. N.* Regional'nyj politicheskij poryadok v zone sovetskix interesov v Vostochnoj Azii (Ch. 1: Kitaj) / P. N. Dudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika. 2021. № 2. S. 49–61.

602. *Dudin P. N.* Regional'nyj politicheskij poryadok v zone sovetskix interesov v Vostochnoj Azii (Ch. 2: «Be`jyanskoe nasledstvo») / P. N. Dudin //

Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika. 2021. № 3. S. 67–78.

603. *Dyao*. Polozhenie inostrancev v Kitae (Chto gotovit Kitaj k mirnoj konferencii narodov) / *Dyao* // Vestnik Azii. 1918. № 46. S. 1–138.

604. *Zhabiczkiy A. K.* Razvedka Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae i Mongolii v 1905–1914 gg. / *A. K. Zhabiczkiy* // Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii. 2010. № 4(53). S. 197–202.

605. *Zaxarova N. V.* O tak nazy`vaemoj teorii «ravnovesiya sil» / *N. V. Zaxarova* // Sovetskij ezhegodnik «Mezhdunarodnogo prava». 1959 (Soviet year-book of international law. 1959). M.: Izd-vo ANSSSR, 1960. S. 272–282.

606. *Zlatkin I. Ya.* Ocherki novoj i novejshej istorii Mongolii / *I. Ya. Zlatkin*. M.: Nauka, 1957. 300 s.

607. *Ignatenko G. V.* Mezhdunarodnoe pravo i obshhestvenny`j progress: monogr. / *G. V. Ignatenko*. Ural`skij gos. jur. un-t. Ekaterinburg: Sokrat, 2011. 151 s.

608. *Il`in M. V.* Al`ternativny`e formy` suverennoj gosudarstvennosti [E`lektronny`j resurs] / *M. V. Il`in* // Sravnitel`naya politika. 2011. № 3. S. 11–19. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=33823050> (data obrashheniya: 01.03.2020).

609. *Kejdun I. B.* Obshhaya xarakteristika sistemy` vy`sshix gosudarstvenny`x organov Man`chzhou-Go / *I. B. Kejdun, Ya. A. Eliseeva* // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarny`e nauki. 2010. № 48. S. 31–36.

610. *Kerzon G.* Indiya mezhdum dvumya ognymi / *G. Kerzon* // Sbornik geograficheskix, topograficheskix i statisticheskix materialov po Azii. Vy`p. IV. SPb., 1893. S. 178–190.

611. *Kerzon G.* Polozhenie, zanimaemoe Indiej v Britanskoj imperii / *G. Kerzon*. Tashkent, 1911. 44 s.

612. *Kireev A. A.* K voprosu o tipologii aziatskix granicz Rossii (I ch.) / *A. A. Kireev* // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: nauchno-teoreticheskij zhurnal. 2012. № 4. S. 37–46.

613. *Kissindzher G.* Mirovoj poryadok / *G. Kissindzher*; per. s angl. *V. Zhelninova, A. Milyukova*. M.: Izd-vo AST, 2019. 544 s.

614. *Klimenko B. M.* Tranzit cherez inostrannuyu territoriyu [E`lektronny`j resurs] / *B. M. Klimenko* // Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1966–1967 (Soviet year-book of international law. 1966–1967). 1968. S. 149–163. Rezhim dostupa: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/55705/55329> (data obrashheniya: 01.03.2020).

615. *Klyuchnikov Yu. V.* Mezhdunarodnaya politika novejshego vremeni v dogovorax, notax i deklaracijax. Ch. 1. Ot Francuzskoj revolyucii do imperialisticheskoy vojny` / *Yu. V. Klyuchnikov, A. V. Sabanin*. M.: Litizdat NKID, 1925. 367 s.

616. *Komleva N. A.* Limitrof v sovremennom geopoliticheskom processe / *N. A. Komleva* // Prostranstvo i vremya. 2015. № 1–2. S. 32–42.

617. *Kosach G. G.* Palestinskoe kvazigosudarstvo i blizhnevostochnaya politika [Elektronnyj resurs] / G. G. Kosach // Vestnik MGIMO. Politologiya. Blizhnij i Srednij Vostok. 2012. № 1. S. 136–142. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17329047> (data obrashheniya: 01.03.2020).
618. *Kosov Yu. V.* Politicheskaya regionalistika / Yu. V. Kosov, V. V. Fokina. SPb.: Piter Press, 2009. 67 s.
619. *Krotova M. V.* K voprosu o prodazhe KVZhD SSSR Man`chzhou-Go v 1935 g. / M. V. Krotova // Social`ny`e i gumanitarny`e nauki na Dal`nem Vostoke. 2014. № 1(41). S. 105–111.
620. *Kuzneczov I. I.* Politicheskaya pragmatika imperii. Recz. na knigu Gerfrida Myunklera «Imperii: Logika gospodstva nad mirom – ot Drevnego Rima i do SShA» / I. I. Kuzneczov // Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2015. № 4. S. 454–60.
621. *Kuz`min S. L.* Konceptiya velikoxanskoj vlasti i teokraticeskaya gosudarstvennost` Mongolii v XX veke / S. L. Kuz`min // Nauchnyj dialog. 2016. № 9(57). S. 136–148.
622. *Kuz`min Yu. V.* Istoriya Man`chzhurii i gosudarstva Man`chzhou-Go: marionetochnoe gosudarstvo ili kvazigosudarstvo? / Yu. V. Kuz`min // Vestnik Buryatskogo nauchnogo centra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2017. № 2(26). S. 179–186.
623. *Kuras L. V.* Yaponskaya voennaya missiya v Man`chzhou-Go: podgotovka k agressii (k 75-letiyu soby`tij na Xalxin-Gole) / L. V. Kuras // Vlast`. 2014. № 9. S. 143–147.
624. *Ky`chanov E. I.* Istoriya Tibeta s drevnejshix vremen do nashix dnejj / E. I. Ky`chanov, B. N. Mel`nichenko. M.: Vost. lit., 2005. 351 s.
625. *Lal Dipak.* Poxvala imperii. Globalizaciya i poryadok / Lal Dipak. M.: Novoe izdatel`stvo, 2010. 361 s.
626. *Levandovskij V.* Ukraina v geopoliticheskix koncepciyax pervoj treti XX stoletiya / V. Levandovskij // Politicheskaya my`sl`. 1994. № 3. S. 59–69.
627. *Liven D.* Imperiya, istoriya i sovremennyj mirovoj poryadok / D. Liven // Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i nacionalizma. M.: Novoe izd-vo; Ab Imperio, 2010. S. 283–324.
628. *Liven D.* Rossijskaya imperiya i ee vragi s XVI veka do nashix dnejj / D. Liven. M.: Evropa, 2007. 688 s.
629. *Lukichev P. N.* Kvazigosudarstvennost` / P. N. Lukichev, A. P. Skorik // POLIS. 2001. № 2. S. 139–142.
630. *Lukovkin E.* Gosudarstvenny`e obrazovaniya: sravnitel`no-pravovoj analiz / E. Lukovkin // Obshhie i kompleksny`e problemy` estestvenny`x i tochny`x nauk. 2014. № 4–1. S. 37–42.
631. *Luk`yanov F. A.* Rossiya v global`noj politike. Novy`e pravila igry` bez pravil / F. A. Luk`yanov. M., 2015. 381 s.
632. *Makoshev A. P.* Politicheskaya geografiya i geopolitika / A. P. Makoshev. Gorno-Altajsk, 2007. 61 s.

633. *Maksimovich M. N.* Vneshnepoliticheskie aspekty` obrazovaniya gosudarstva Man`chzhou-Go / M. N. Maksimovich // *Chteniya pamyati Evgeniya Petrovicha Sy`chevskogo*. 2017. № 17. S. 143–146.
634. *Malova K. V.* Konceptii panaziatizma v Yaponii (30-e gg. XX veka) / K. V. Malova // *Izvestiya Vostochnogo instituta. DVGU*. 1996. № 3. S. 109–120.
635. *Margiev V. I.* Ponyatie mezhdunarodnoj pravosub`ektivnosti / V. I. Margiev // *Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2005. № 1. S. 134–137.
636. *Markedonov S.* SNG-2: nepriznanny`e gosudarstva na postsovetskom prostranstve (k opredeleniyu prirody` fenomena) // *Gumanitarnaya my`sl` Yuga Rossii*. 2005. № 1. S. 118–126.
637. *Mixalev A. V.* «Novaya Bol`shaya igra» v Central`noj Azii: faktor Mongolii / A. V. Mixalev // *Nacional`ny`e interesy`: priority` i bezopasnost`*. T. 9. 2013. № 2(191). S. 35.
638. *Mixalev A. V.* Politicheskoe prisutstvie – genealogiya koncepta / A. V. Mixalev // *Mirovaya politika*. 2019. № 2. S. 33–42.
639. *Moty`l` A.* Puti imperij: upadok, krax i vozrozhdenie imperskix gosudarstv / A. Moty`l`. M.: Moskovskaya shkola polit. issled., 2004. 242 s.
640. *Myunkler G.* Imperii. Logika gospodstva nad mirom: ot Drevnego Rima do SShA / G. Myunkler; per. s nem. L. V. Lannika; pod red. T. A. Grablevskoj; komment. i vst. st. L. V. Lannika. M.: Kuchkovo pole, 2015. 398 s.
641. *Nazemceva E. N.* Yaponskie okkupacionny`e vlasti i rossijskaya e`migraciya v Man`chzhou-Go v 30-e gody` XX veka / E. N. Nazemceva // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2012. № 4. S. 163–170.
642. *Niala Fergyson.* Imperiya: chem sovremenny`j mir obyazan Britanii / Niala Fergyson. M.: AST: CORPUS, 2013. 560 s.
643. *Nikolaev D. G.* Nepriznanny`e gosudarstva: vozmozhnosti i vy`zovy` XXI veka / D. G. Nikolaev // *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya*. 2006. № 12. S. 64–81.
644. *Novejschaya istoriya Kitaya. 1928–1949* / pod red. M. I. Sladkovskogo. M.: Nauka, 1984. 440 s.
645. *Oppengejm L.* Mezhdunarodnoe pravo. T. I: Mir, polutom 1 / L. Oppengejm; per. s 6-go angl. izd., dop. G. Lauterpaxtom; pod red. i s predisl. prof. S. B. Kry`lova. M.: Gosudarstvennoe izd-vo inostrannoj literatury`, 1948. 408 s.
646. *Ordynskaya Yu. V.* Territorial`noe osvoenie Severo-Vostochnogo Kitaya v period obrazovaniya gosudarstva Man`chzhou-Go [E`lektronny`j resurs] / Yu. V. Ordynskaya // *Novy`e idei novogo veka: mat-ly` Mezhdunarod. nauchn. konf. FAD TOGU*. 2016. T. 1. S. 258–262. Rezhim dostupa: https://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/fad/science/nionc/nionc-2016/ (data obrashheniya: 01.03.2020).
647. *Panin E. M.* Islamskaya os` velikogo limitrofa / E. M. Panin // *Yuzhno-rossijskij forum: e`konomika, sociologiya, politologiya, social`no-e`konomicheskaya geografiya*. 2012. № 2. S. 15–30.

648. *Pas`kov V. A.* Severo-Vostochny`j Kitaj v ramkax politicheskoj koncepcii kabineta Tanaka / V. A. Pas`kov // *Filo Ariadne*. 2016. № 1. S. 108–118.
649. *Pikulin A. Yu.* Limitrofy` kak mezhsivilizacionny`e prostranstva / A. Yu. Pikulin // *Regional`ny`e issledovaniya*. 2008. № 2. S. 3–7.
650. *Poberezhnikov I. V.* Aziatskaya Rossiya: frontir, modernizaciya / I. V. Poberezhnikov // *Izvestiya UrGU. Ser. 2. Gumanitar. nauki*. 2011. № 4. S. 191–203.
651. *Pozdneev A. M.* Urginskie xutuxty`. Istoricheskij ocherk ix proshlogo i sovremennogo by`ta / A. M. Pozdneev. SPb., 1880. 84 s.
652. *Ponomareva E. G.* Aktual`ny`j diskurs o tipax i tendenciyax razvitiya nacional`nogo gosudarstva / E. G. Ponomareva // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. № 4. S. 195–204.
653. *Popov F. A.* Geografiya secessionizma v sovremennom mire / F. A. Popov. M.: Novy`j xronograf, 2012. 671 s.
654. *Popov F. A.* Ot «bezgosudarstvennoj territorii» k «gosudarstvu de-fakto» [E`lektronny`j resurs] / F. A. Popov // *Mezhdunarodny`e processy`*. T. 9. № 2 (26). S. 16–28. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17006286> (data obrashheniya: 01.03.2020).
655. Prigranichny`e i transgranichny`e territorii Aziatskoj Rossii i sopredel`ny`x stran: problemy` i predposy`lki ustojchivogo razvitiya / otv. red. P. Ya. Baklanov, A. K. Tuloxonov. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010. 598, [10] s.
656. *Romanova G. N.* Usilenie e`konomicheskix pozicij Yaponii v Severo-Vostochnom Kitae v period okkupacii (30-e gody` XX v.) / G. N. Romanova // *Tamozhennaya politika Rossii na Dal`nem Vostoke*. 2015. № 3(72). S. 104–112.
657. *Romanova G. N.* E`konomika Severo-Vostochnogo Kitaya nakanune i v period ego okkupacii Yaponiej [E`lektronny`j resurs] / G. N. Romanova / otv. red. A. P. Zabiako // *Rossiya i Kitaj na dal`nevostochny`x rubezhax*. 2003. S. 244–249. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32454494> (data obrashheniya: 01.03.2020).
658. *Rusin A. O.* Bufernaya Ukraina – 2016 [E`lektronny`j resurs] / A. O. Rusin / Rezhim dostupa: <http://www.proza.ru/2014/10/08/426> (data obrashheniya: 24.12.2017).
659. *Ryabcev V. N.* Geopoliticheskie i geocivilizacionny`e osobennosti Chernomorsko-Kaspijskogo regiona v svete koncepcii velikogo limitrofa (sovremenny`j kontekst voprosa) [E`lektronny`j resurs] / V. N. Ryabcev // *Inzhenerny`j vestnik Dona*. 2013. № 4 (27). Rezhim dostupa: <http://ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1980>.
660. *Ryabcev V. N.* Peregovorny`j process po Nagornomu Karabaxu v sovremenny`x usloviyax: adekvaten li ego format [E`lektronny`j resurs] / V. N. Ryabcev // *Filosofiya prava*. 2008. № 4/8. Rezhim dostupa: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12919256> (data obrashheniya: 01.03.2020).
661. *Sal`nikov V. I.* Doneczkaya i Luganskaya narodny`e respubliki kak kvazgosudarstva / V. I. Sal`nikov // *Vestnik VGU*. 2017. № 1. S. 105–107.
662. *Satou E`.* Rukovodstvo po diplomatičeskoj praktike / E`. Satou; per. s angl. pod red. i so vstup. st. A. A. Troyanovskogo. M.: Gospolitizdat, 1947. 516 s.

663. *Sevast'yanov S. V.* «Novy`j regionalizm» Vostochnoj Azii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty` / S. V. Sevast'yanov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2009. № 4. S. 111–122.
664. *Sovremennaya istoriya mezhdunarodny`x otnoshenij. V 4 t. 1918–1991. T. 1. Soby`tiya 1918–1945* / pod red. A. D. Bogaturova. M.: Moskovskij rabochij, 2000. 520 s.
665. *Titov A. S.* Bor`ba za ediny`j nacional`ny`j front v Kitae 1935–1937 gg. / A. S. Titov. M.: Nauka, 1981. 216 s.
666. *Tomioka Sadatosi.* Politicheskaya strategiya Yaponii do nachala vojny`: monogr. / Tomioka Sadatosi. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2016. 416 s.
667. *Filippov A. F.* Smy`sl imperii: k sociologii politicheskogo prostranstva [E`lektronny`j resurs] / A. F. Filippov // Soobshhestvo professional`ny`x sociologov. Principial`ny`e publikacii. Rezhim dostupa: <http://www.sociolog.net/filippov.html> (data obrashheniya: 01.03.2020).
668. *Fukuyama F.* Sil`noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke / F. Fukuyama. M.: ACT; ACT MOSKVA; XCRANITEL`, 2006. 220 s.
669. *Xantington S.* Politicheskij poryadok v menyayushhixsya obshhestvax / S. Xantingtonper; s angl. V. R. Rokityanskogo. M.: Progress-Tradiciya, 2004. 480 s.
670. *Xardt M.* Imperiya / M. Xardt, A. Negri; per. s angl., pod red. G. V. Kamenskoj, M. S. Fetisova. M.: Praksis, 2004. 440 s.
671. *Xarina O. A.* Konflikt interesov Indii i Kitaya v Nepale / O. A. Xarina // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2016. № 1. S. 127–134.
672. *Xatuncev S. V.* Limitrofy` – mezhcivilizacionny`e prostranstva Starogo i Novogo sveta / S. V. Xatuncev // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2011. № 2. S. 86–98.
673. *Xozeeva A. V.* Nekotory`e teoreticheskie aspekty`, svyazanny`e s provozglasheniem nezavisimosti gosudarstv / A. V. Xozeeva // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2012. № 2. S. 64–66.
674. *Cymburskij V. L.* Ostrov Rossiya. Perspektivy` rossijskoj geopolitiki / V. L. Cymburskij // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1993. № 5. S. 6–53.
675. *Cyrempilov N. V.* Konstitucionnaya buddijskaya teokratiya Lubsan-Samdan Cydenova (1918–1922): osnovnoj zakon i struktura gosudarstva / N. V. Cyrempilov // Eurasia: Statum et Legem (Evraziya: gosudarstvo i pravo). 2015. № 1(4). 61–70 s.
676. *Chirkin V. V.* Osnovny`e napravleniya voenno-texnicheskogo sotrudnichestva Rossijskoj Federacii i Respubliki Tadzhiqistan / V. V. Chirkin // Vestnik Omskogo universiteta. 2012. № 1. S. 346–348.
677. *Chixarev I. A.* Mirovaya politicheskaya dinamika: konceptual`ny`e osnovaniya i dvizhushhie sily` / I. A. Chixarev // Politicheskaya nauka. 2012. № 4. C. 9–30.

678. *Sharapova E. V.* Konservaciya nepriznanny`x kvazigosudarstvenny`x obrazovaniy kak ugroza nacional`noj bezopasnosti / E. V. Sharapova // Yuzhnorossijskoe obozrenie. 2003. Vy`p. 14. S. 49–51.

679. *E`ngel`fel`d V. V.* Yuridicheskoe polozhenie inostranny`x koncessij v Kitae [E`lektronny`j resurs] / V. V. E`ngel`fel`d // (Juridical Status of Foreign Concessions in China). Xarbin: Zarya, 1927. 33 s. Rezhim dostupa: <https://www.naukaprava.ru/catalog/435/840/3516/23539> (data obrashheniya: 01.08.2022).

680. *Yagodkin A.* Istoriya Urugvaya. Nachalo. Kak vzniklo Urugvajskoe nezavisimoe gosudarstvo [E`lektronny`j resurs] / A. Yagodkin. Rezhim dostupa: <http://gumanitarmedia.ru/istoriauruguay/> (data obrashheniya: 01.08.2022).

B.2) In English and French:

681. *Ahmadia S.* Geopolitics of Buffer Spaces: Characteristics of Iran's Buffer Situation Between Great Powers in the Nineteenth Century and Twentieth Century [Electronic resource] / S. Ahmadia, M. R. Hafeznia, B. Hourcad; Science International. Lahore, 2013. P. 1019–1030. Access mode: <http://www.sci-int.com/pdf/8889713591019-1030-%20Syrus%20AhmadiGeopolitics%20of%20Buffer%20Spaces%20-%20IRAN%2025-3-13.pdf> (date of the application: 01.08.2022).

682. *Atwood Chr.* Inner Mongolian Nationalism in the 1920s: A Survey of Documentary Information [Electronic resource] / Chr. Atwood // Twentieth-Century China. 2000. No. 25(2). P. 75–113. Access mode: <https://muse.jhu.edu/issue/44349> (date of the application: 01.08.2022).

683. *Barkmann U. B.* Geschichteder Mongolei / U. Barkmann. Bonn: Bouvier, 1999. 380 p.

684. *Batsaihan Oohnoin.* The Last Emperor of Mongolia Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu. The Life and Legend / Oohnoin Batsaihan. Ulaanbaatar: Admon, 2011. XX+707 p.

685. *Bauman Z.* Globalization: Human Consequences / Z. Bauman. Liquid Modernity, Cambridge: Polity Press, 2000. 786 p.

686. *Beasley W. G.* Japanese imperialism 1894–1945 / W. G. Beasley. Oxford: Oxford University Press, 1987. 304 p.

687. *Boulding K. E.* Conflict and defense: a general theory / K. E. Boulding. N. Y.: Harper & Brothers, 1962. 349 p.

688. Boundaries, Territory and Postmodernity / ed. by David Newman, Frank Cass Publ. London, 1999. 206 p.

689. *Boyd J.* Japanese-Mongolian Relations, 1873–1945: Faith, Race and Strategy / J. Boyd. BA (Hons) Adelaid, 2008.

690. *Brook T.* Opium Regimes. China, Britain and Japan, 1839–1952 / T. Brook, B. T. Wakabayashi. London: University of California Press, 2000. 264 p.

691. Buddhism and Abortion / ed. by D. Keown. Palgrave Macmillan Publ., UK, 1998. xi, 222 p.
692. Buddhism in the Modern World / ed. by D. L. McMahan. Routledge: London; N. Y., 2012. XIV, 329 p.
693. Buffer states in world politics [Electronic resource] / ed. by John Chay and Thomas E. Ross. Boulder: Westview Press, 1986. Access mode: <https://archive.org/details/bufferstatesinwo0000unse/page/n7/mode/2up> (date of the application: 01.08.2022).
694. Buffer states: power policies, foreign policies and concepts / ed. by Tornike Turmanidze. Hauppauge, N. Y.: Nova Science Publishers, 2009. XI, 147 p.
695. *Burkman Th. W.* Japan and the League of Nations: Empire and World Order, 1914–1938 / Th. W. Burkman. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008. XV + 289 p.
696. *Bull H.* The Expansion of International Society / H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 430 p.
697. *Coble P. M.* Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931–1937 / P. M. Coble. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991. 512 p.
698. *Cohen S. B.* Geopolitics of the World System / S. B. Cohen. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. N. Y., 2003. 435 p.
699. Compellence and the strategic culture of imperial Japan: implications for coercive diplomacy in the twenty-first century / ed. by Forrest E. Morgan. Westport, Conn.: Praeger, 2003. XII, 294 s.
700. *Croner D.* Zanabazar's First Trip to Tibet / D. Croner // The Life of Zanabazar: The First Bogd Geegen of Mongolia. Polar Star Books Publ., 2022. 79 p.
701. *Curzon G. N.* Frontiers by the Right Honourable Lord Curzon of Kedleston... Delivered in the Sheldonian Theatre / G. N. Curzon. Oxford, 1907. November 2 / 2d ed. Oxford Clarendon Press, 1908. 58 p. [Electronic resource]. Access mode: https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers/Front_and_end_matter (date of the application: 01.08.2022).
702. *Davidann J. Th.* Cultural Diplomacy in U. S.-Japanese Relations, 1919–1941 / J. Th. Davidann N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 262 p.
703. *Day T.* Fluid Iron: State Formation in Southeast Asia / T. Day. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002. 339 p.
704. Disability and world religions: an introduction / ed. by D. Y. Schumm, M. Stoltzfus. Waco, Texas: Baylor University Press, 2016. XVII, 258 p.
705. *Dong Zhao.* Buddhism, Nationalism and War: A Comparative Evaluation of Chinese and Japanese Buddhists' Reactions to the Second Sino-Japanese War (1937–1945) / Dong Zhao // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. 276 p.
706. *Dorji Lham.* The Wangchuck Dynasty: 100 Years of Enlightened Monarchy / Dorji Lham. Thimphu: The Centre for Bhutan Studies, 2008. vii, 160 p.

707. *Dudin P. N.* The Policy of Japan Concerning Natural Resources of Mengjiang: Legal Aspects / P. N. Dudin // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing, Rome, Italy. 2015. Vol. 6. No 3. P. 131–137.

708. *Dudin P.* The world of the past century and modern China (on the basis of scientific materials Russian Faculty of Law in Harbin) / P. N. Dudin // *Social Science*. 2016. Vol. 11. Is. 21. P. 5116– 5122.

709. *Dudin P.* The new political elite of Inner Mongolia and its role in Mengjiang state creation / P. N. Dudin // *Brukenthal. Acta Musei*. 2017. Vol. 12. Is. No. 1. P. 151–160.

710. *Dudin P. N. K.* Formation of the nationhood of the Mongolian-speaking peoples of Innermost Asia / P. N. Dudin, A. V. Shemelin, A. K. Pavlov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. MCSER Publishing. 2015. Vol. 6. № 6. P. 46–50.

711. *Dudin P.* Quasi-States and Autonomies of Northeast China as the Instrument of Ensuring Economic Stability of Japan (Based on the Materials of the American Mass Media the 1930s) / P. Dudin, Z. Husainov // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. № 8S. P. 102–106.

712. *Dulaney A. G.* The case concerning Tibet: Tibet's sovereignty and the Tibetan people's right to self-determination / A. G. Dulaney, D. M. Cusack, van Walt van M. Praag New Delhi: Tibetan Parliamentary & Policy Research Centre, 1998. 107 p.

713. *Elliott M. C.* The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies / M. C. Elliott // *The Journal of Asian Studies*. 2000. Vol. 59. No. 3.

714. *Eri Hotta.* Pan-Asianism and Japan's War 1931–1945 / Eri Hotta. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. XII, 387 p.

715. *Fazal T. M.* State Death in the International System / T. M. Fazal // *International Organization*. 2004. Vol. 58. No. 2. P. 311–344.

716. *Fazal T. M.* State Death: The Politics and Geography of Conquest, Occupation, and Annexation [Electronic resource] / T. M. Fazal. Princeton: Princeton University Press, 2007. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt7t119> (date of the application: 01.08.2022).

717. *Fenby J.* Modern China: The Fall and Rise of a Great Power, 1850 to the Present / J. Fenby. London: Ecco, an Imprint of Harper Collins Publishers, 2008. XLVII, 762 p.

718. *Ferrero M.* The Rise and Demise of Theocracy: Theory and Some Evidence [Electronic resource] / M. Ferrero // *Public Choice*. 2013. Vol. 156. Is. 3–4. P. 723–750. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/42003181> (date of the application: 01.08.2022).

719. *Frontier Assemblages: The Emergent Politics of Resource Frontiers in Asia* / ed. by Jason Cons, Michael Eilenberg. Publisher John Wiley and Sons Ltd. Hoboken, 2019. 256 p.

720. *Fukuyama F.* Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy / F. Fukuyama. N. Y.: Farrar, StrausandGirouz, 2014. 652 p.

721. *Gassner F.* The comparative study between Buddhism and Christianity on peace and war / F. Gassner. Dissertação final. Universidade Católica Portuguesa, Faculdade De Teologia, Lisboa, 2015. 75 p.
722. *Givel M.* Early Happiness Policy as a Government Mission of Bhutan: A Survey of the Bhutanese Unwritten Constitution from 1619 to 1729 / M. Givel, L. Figueroa // *Journal of Bhutan Studies*. 2014. Vol. 31. P. 1–21.
723. *Gokhale B. G.* Early Buddhism and the Urban Revolution / B. G. Gokhale // *The Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 7–22.
724. *Grabowsky V.* Buddhism, Power and Political Order in pre-twentieth Century Laos [Electronic resource] / V. Grabowsky // *Buddhism, Power and Political Order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 121–142. Access mode: http://www.ahandfulofleaves.org/documents/Buddhism%20Power%20and%20Political%20Order_Harris.pdf (date of the application: 01.08. 2022).
725. *Gunawardana R. A. L. H.* Robe and Plough: Monasticism and Economic Interest in Early Medieval Sri Lanka (Monographs of the Association for Asian Studies, No. 35) / R. A. Gunawardana. Tucson: University of Arizona Press, 1979. P. XII, 377.
726. *Gyallay-Pap P.* Reconstructing the Cambodian Polity. Buddhism, Kingship and the Quest for Legitimacy / P. Gyallay-Pap // *Buddhism, Power and Political Order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 71–103.
727. *Hafeznia M. R.* Explanation of the Structural and Functional Characteristics of Geographical Buffer Spaces / M. R. Hafeznia, S. Ahmadi, B. Hourcad // *Geopolitics Quarterly*. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 1–40.
728. *Harris I.* Introduction – Buddhism, Power and Politics in Theravada Buddhist lands / I. Harris // *Buddhism, power and political order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 1–9.
729. *Hattori Mina.* National and Colonial Language Discourses in Japan and its Colonies, 1868–1945 [Electronic resource] / Hattori Mina // Bachelor of Music. McGill University, 2008. P. 40. Access mode: <https://open.library.ubc.ca/media/stream/pdf/24/1.0072364/1> (date of the application: 01.08.2022).
730. *Haynes J.* ‘Review of Robert Jackson Quasi-States: Sovereignty, International Relations and the Third World’ / J. Haynes // *Journal of Commonwealth and Comparative Politics*. 1994. No. 32(1). P.144–145.
731. *Hoving J.* Finland, the Buffer-State of Europe / J. Hoving; authorized transl. by F. C. DeWalsh, Ph. D.; Published and distributed by the German-American Literary Defense Committee. N. Y., 1915. 16 p.
732. *Hsiao-ting Lin.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West / Hsiao-ting Lin. Abingdon, Oxon; N. Y.: Routledge, 2011. 223 p.
733. *Jackson R. H.* Quasi-states, dual regimes and neoclassical theory / R. H. Jackson // *International Organization*. 1987. Vol. 41. No. 4. P. 519–549.

734. *Jackson R. H.* Quasi-states: Sovereignty, international relations and the third world / R. H. Jackson. Cambridge [England]; N. Y.: Cambridge University Press, 1990. 225 p.
735. *Jackson R. H.* Why Africa's Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood / R. H. Jackson, C. G. Rosberg // *World Politics*. 1982. Vol. 35. No. 1. P. 1–24.
736. Japan, China, and the Growth of the Asian International Economy, 1850–1949 / Kaoru Sugihara. N. Y.: Oxford University Press, 2005. XV+295 p.
737. Japan's Asianism 1868–1945. Dilemmas of Japanese modernization / ed. Yukie Yoshikawa. Washington, 2009. 152 p.
738. *Jowett Ph.* Chinese Civil War Armies 1911–49 / Ph. Jowett, St. Andrew Osprey Marketing Publishing, Oxford, 1997. 48 p.
739. *Katz E.* Between Here and There: Buffer Zones in International Law / E. Katz // *University of Chicago Law Review*. 2017. Vol. 84. Is. 3. Article 7. P. 1379–1423.
740. *Kellam A.* Foreign devils: law's imperial discourse and the status of Tibet / A. Kellam. Ph Dthesis. SOAS, University of London, 2013. 335 p.
741. *Keyes Ch. F.* Buddhists Confront the State / Buddhism, modernity, and the state in Asia: forms of engagement / Ch. F. Keyes; ed. by J. Whalen-Bridge, P. Kitiarsa. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 17–41.
742. *Kingsberg M. L.* The poppy and the acacia: opium and imperialism in Japanese Dairen and the Kwantung leased territory, 1905–1945 / M. L. Kingsberg; PhD diss. University of California, Berkeley, Spring, 2009. 409 p.
743. *Kitamura Minoru.* The reluctant combatant: Japan and the Second Sino-Japanese war / Kitamura Minoru, Lin Siyun // Connie Prener Publisher. Lanham; Maryland: University Press of America, 2014. 140 p.
744. *Kolarz W.* The peoples of the Soviet Far East / W. Kolarz. London; N. Y., 1954. P. 128.
745. *Kolstø P.* The sustainability and future of unrecognized quasi-states / P. Kolstø // *Journal of peace research*. 2006. Vol. 43. No. 6. P. 723–740.
746. *Kourilsky G.* From Muang Lao to Laos: Creation of a Nation, Nationalization of a Religion / G. Kourilsky // A paper presented at the seminar “Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia”. Singapore, 2008. P. 8–19.
747. *Krishan Kumar.* Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World / Krishan Kumar. Princeton: Princeton University Press, 2017. 598 p.
748. *Lattimore O.* Historical Setting of Inner Mongolian Nationalism / O. Lattimore // *Pacific Affairs*. 1936. No. 3. P. 73–87.
749. *Lattimore O.* Nationalism and Revolution in Mongolia / O. Lattimore. N. Y.: Oxford University Press, 1955. 186 p.
750. *Lemke D.* Regions of War and Peace / D. Lemke. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2002. 235 p.

751. *Liu Xiaoyuan*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945 / Liu Xiaoyuan. Cambridge University Press, 2002. xiii, 343 p.
752. *Lyons J. G.* Afghanistan: The Buffer State: Great Britain and Russia in Central Asia: A Comprehensive Treatise on the Entire Central Asian Question / J. G. Lyons. Madras: Higginbotham & Co.; London: Luzac & Co., 1910. 232, x p.
753. *Macdonald A. W.* World Conqueror and World Renouncer / A. W. Macdonald; by S. J. Tambiah // The Journal of the International Association of Buddhist Studies. 1979. Vol. 2. No. 1. P. 99–101.
754. *MacGregor J.* Through the Buffer state: a record of recent travels through Borneo, Siam and Cambodia / J. MacGregor. London: F. V. White, 1896. XV, 290 p.
755. *Manandhar T.* Buddhist Perception of Monarchy and its Relevance in Nepal's Politics / T. Manandhar // A paper presented at the seminar "Buddhism and the Crises of Nation-States in Asia". Singapore, 2008. 168 p.
756. *Mathou T.* Bhutan: political reform in a Buddhist Monarchy / T. Mathou // Journal of Bhutan Studies. 1999. No. 1(1). P. 114–145.
757. *McCargo D.* The Politics of Buddhism in Southeast Asia / D. McCargo // The Politics of Buddhism in Southeast Asia / Haynes J. (eds.) Religion, Globalization and Political Culture in the Third World. Palgrave Macmillan, London, 2009. 298 p.
758. *McCargo D.* The Politics of Buddhist identity in Thailand's deep south: The Demise of civil religion? / D. McCargo // Journal of Southeast Asian Studies. 2009. No. 40(1). P. 11–32.
759. *Mearsheimer J. J.* Why the Ukraine crisis is the West's fault: the liberal delusions that provoked Putin [Electronic resource] / J. J. Mearsheimer // Foreign Affairs. 2014. P. 77–89. Access mode: https://acamedia.info/politics/ukraine/Mearsheimer_2014.pdf (date of the application: 01.03.2020).
760. *Menon R.* Buffer zones: Anachronism, power vacuum, or confidence builder? / R. Menon, J. Snyder // Review of International Studies. 2017. No. 43. P. 1–25.
761. Methodology and Concept Papers. Re-conceptualizing Orders in the MENA Region [Electronic resource] / ed. by E. Soler i Lecha (coordinator), S. Colombo, L. Kamel, J. Quero // The Analytical Framework of the MENARA Project. 2016. No. 1. 114 p. Access mode: https://www.iai.it/sites/default/files/menara_cp_1.pdf (date of the application: 01.03.2020).
762. *Moise E.* Modern China: A History / E. Moise. London; N. Y.: Longman, 1986. xvi, 256 p.
763. *Morse H. B.* The trade and administration of the Chinese empire / H. B. Morse. Shanghai: Kelly and Walsh, 1908. 451 p.
764. *Motyl A. J.* Imperial Ends: The Decay, Collapse, and Revival of Empires / A. J. Motyl. N. Y.: Columbia University Press, 2001. 128 p.
765. *Muller J. Z.* Us and Them: The Enduring Power of Ethnic Nationalism / J. Z. Muller // Foreign Affairs. 2008. March-April. P. 18–35.

766. *Munkueva S. A.* Interaction of state authorities in Russia and foreign countries / S. A. Munkueva, P. N. Dudin // *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2018. Vol. 9. № 11. P. 2513–2517.

767. *Narangoa L.* Imperial Japan and National Identities in Asia, 1895–1945 / L. Narangoa, R. B. Cribb // *Nordic Institute of Asian Studies Monograph Series*. Routledge, 2003. XI, 371 p.

768. *Natali Denise.* The Kurdish Quasi-State: Development and Dependency in Post-Gulf War Iraq [Electronic resource] / Natali Denise. Syracuse, N. Y.: Syracuse University Press, 2010. 158 p. Access mode: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25325719> (date of the application: 01.03.2020).

769. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia* / ed. by A. Acharya, B. Buzan. N. Y.: Routledge, 2010. 242 p.

770. *Okakura Tenshin And The Ideal Of Pan-Asianism. Shadow of the Past* / ed. by Brij Tankha. London: Global Oriental, 2008. 236 p.

771. *Paine S. C. M.* The Wars for Asia, 1911–1949 / S. C. M. Paine. Cambridge University Press, 2012. xvi, 487 p.

772. *Pan-Asianism in Modern Japanese History: Colonialism, Regionalism, and Borders* / ed. Sven Saaler and J. Victor Koschmann. N. Y.: Routledge, 2006. 288 p.

773. *Pettibone Ch. D.* The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Vol. VII: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States / Ch. D. Pettibone. Trafford Publishing, 2012. 504 p.

774. *Philip Jowett.* Chinese Civil War Armies 1911–49 / Philip Jowett, Stephen Andrew. Chinese Warlord. Osprey Publishing, 1997. 48 p.

775. *Regional powers and Regional orders* / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. London: Routledge, 2011. 272 p.

776. *Reilly David.* Shatterbelts and Conflict Behavior: The Effect of Globalization on High Risk States // *Geopolitics*. 2000. Vol. 5. Is. 3. P. 48–77.

777. *Rupen R.* How Mongolia is really ruled: a political history of the Mongolian Peoples Republic, 1900–1978 / R. Rupen. Hoover Institution Press. Stanford University, 1979. 279 p.

778. *Schonthal B.* Formations of Buddhist constitutionalism in South and Southeast Asia / B. Schonthal // *International Journal of Constitutional Law*. 2017. Vol. 15. Is. 3. P. 705–733.

779. *Skilling P.* King, Sangha and Brahmins: Ideology, ritual and power in pre-modern Siam / P. Skilling // *Buddhism, power and political order* / ed. by Ian Harris. London: Routledge, 2007. P. 182–214.

780. *Sompong Sucharitkul.* Thai Law and Buddhist Law / Sompong Sucharitkul // *The American Journal of Comparative Law*. 1998. Vol. 46. Is. 1 P. 69–86.

781. *Soulié de Morant G.* Exterritorialité et Intérêts Étrangers en Chine / G. Soulié de Morant Paris: Paul Geuthner, 1925. xvi, 508 p.

782. *Spang Chr. W.* Japanese-German Relations, 1895–1945: War, Diplomacy and Public Opinion / Chr. W. Spang, R.-H. Wippich // Routledge Studies in the Modern History of Asia. N. Y.: Routledge, 2006. 240 p.
783. *Spiro M. E.* The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: Reply to Professor Tambiah / M. E. Spiro // The Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 809–812.
784. *Tambiah S. J.* The Buddhist Conception of Kingship and Its Historical Manifestations: A Reply to Spiro / S. J. Tambiah // The Journal of Asian Studies. 1978. Vol. 37. No. 4. P. 801–809.
785. *Tambiah S. J.* World conqueror and world renouncer: a study of Buddhism and polity in Thailand against a historical background / S. J. Tambiah. Cambridge: University Press, 1976 (2007). VIII, 557 p.
786. The Modernization of Inner Asia / C. E. Black, L. Dupree, E. E. West, E. Naby. N. Y.: M. E. Sharpe, 1991. xviii, 405 p.
787. The Question of Tibet and the Rule of Law. Commission Internationale. De Juristes. Geneve. Suisse. International Commission of Jurists. Geneva, 1959. 209 p.
788. *Tighe J.* Constructing Suiyuan: The Politics of Northwestern Territory and Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library) [Electronic resource] / J. Tighe. Leiden: Brill Academic Pub.; 1st ed., 2005. Access mode: <https://minerva-access.unimelb.edu.au/items/b77bcd18-0c7f-5ae7-804b-d75e058d9b34> (date of the application: 01.03.2020).
789. *Tipton E. K.* Modern Japan: a social and political history / E. K. Tipton. London; N. Y.: Routledge, 2008. XVII, 297 p.
790. *Tokunaga K.* Monetary and financial reorganization in North China / K. Tokunaga // Economic Review. Memoirs of the Department of Economics in the Imperial University of Kyoto. 1940. Vol. XV. P. 71–100.
791. Transnational Frontiers of Asia and Latin America since 1800 / ed. by Jaime Moreno Tejada, Bradley Tatar. Routledge Publ. London, 2016. 290 p.
792. *Turmanidze T.* Buffer States: Power Policies, Foreign Policies and Concepts / T. Turmanidze. Nova Science Publishers, Inc., 2012. xiv, 79 p.
793. *Uranchimeg Boijigin Ujeed.* Indigenous Efforts and Dimensions of Mongolian Buddhism. Exemplified by the Mergen Traditio [Electronic resource] / Uranchimeg Boijigin Ujeed. Department of the Study of Religions, SOAS, University of London, 2009. P. 55 Access mode: <https://eprints.soas.ac.uk/28766/1/10672934.pdf> (date of the application: 01.03.2020).
794. *Van Valkenburg S.* Elements of Political Geography / S. Van Valkenburg, C. L. Stotz Englewood Cliffs: Prentice-Hall, Inc., 1955. vii, 223 p.
795. *Walton M. J.* Buddhism, Politics and Political Thought In Myanmar / M. J. Walton Cambridge: Cambridge University Press, 2016. XV, 226 p.
796. *Wilson S.* The Manchurian Crisis and Japanese Society, 1931–33 / Wilson S. Routledge. London, 2002. P. 66–67.

797. *Xiaoyuan Liu*. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941–1945 / Xiaoyuan Liu. N. Y.: Cambridge University Press, 1996. xiii, 343 p.

798. *Yagami Kazuo*. Konoe Fumimaro and the failure of peace in Japan, 1937–1941: a critical appraisal of the three-time prime minister / Yagami Kazuo. Jefferson, N. C.: McFarland&Co., 2006. VII, 190 p.

799. *Yoshitake Oka*. Konoe Fumimaro: A Political Biography / Yoshitake Oka; trans. by Shumpei Okamoto and Patricia Murray. Tokyo: University of Tokyo Press, 1983. VIII, 214 p.

B.3) In Japanese:

800. *Cin` Yuyan`*. Osnovopolagayushhie dokumenty` o konfliktax s uchastiem yaponskix suxoputny`x i voenno-morskix sil. 2-e izd. / Cin` Yuyan`. Tokio: Izd. ob`edinenie vy`sshix uchebny`x zavedenij, 2005. 214 s.

APPENDICES**Appendix 1**

C. Stanley Jones¹²²⁰

The logical outcome of Japan's policy of blockading the Chinese coast to hinder its trade with Western countries was the events in Shanghai and Tianjin , as well as in other key trading points of the country. The abolition of the principle of extraterritoriality, the seizure of settlements in Shanghai and concessions and Tianjin seemed inevitable, as well as the establishment of control over the foreign region of Canton, which at that time was actually liquidated. The main slogan was that these territories were occupied by foreigners outside the law and should be returned to China, which meant regimes controlled by the Japanese, created in Greater Shanghai, as well as in the North of the country and in the South, in Canton.

The Japanese landing weeks earlier on the island of Hainan , which had no military necessity, the attack on Chongqing from the southwest a week later, and the "accidental" bombardment of areas bordering British territory in Hong Kong were aimed at demonstrating to the British and French that Hong Kong , Saigon and French concessions on the mainland in the vicinity of Hainan Island are in the hands of Japanese troops.

These steps of Japan pursue three goals: firstly, the expression of a position on the policy of financial assistance to Chiang Kai-shek from the powers; secondly, the establishment of control over shipping on the Yangtze and Pearl Rivers , thereby completing the final blockade of the coast of China and ending its trade with the powers; thirdly, ensuring the Japanese military, naval and air presence, and hence economic dominance in South Asia and the Western Pacific. The philosophical idea of cultural unity, which was fed by ordinary citizens and the military, declared political and cultural dominance over the entire East Asian region, and in the future - world domination, although in fact it implied and assumed economic motives. Trade, control by force and the threat of its use of Asian markets and the complete removal of the Western presence were the real goals. The instruments for their achievement were trade concessions in China and other areas in favor of anti-Comintern partners, who helped the Japanese in obtaining the desired result by creating crises in other countries and providing Japan with moral and material support, although such steps were temporary and effective until then. until the Japanese side gets what they want.

¹²²⁰ *Stanley Jones C.H. Showdown in Far East is very near // Sunday Tribune (Singapore). 1939 Mar. 5. P. 12.*

This will be followed by the displacement of the Germans and Italians according to the scheme, according to which the British, French and Americans were forced out in this period of time.

One of the obstacles to the Japanese achieving their goal was Russia's tough stance on important fishing rights in the Bering Sea, which Japan intended to influence through its supporters from the fascist camp, who would organize acts of sabotage on the European borders of the USSR.

The second obstacle was Singapore, a far-sighted British decision, the strengthening of which slowed down the establishment of Japanese dominance in South Asia. That is why Japan protested so loudly when Singapore, under the terms of the Washington Treaty, was excluded from the list of Far Eastern ports that were forbidden to have fortifications and that is why both the capture of Manchuria and the military campaign in China were accelerated, even though the British did not have a fleet. in Singapore.

Further, evidence of German-Japanese negotiations was leaked to the press, as a result of which a secret agreement was reached not only on an attack on the Dutch East Indies, but also on the partition of Malaya.

C. Stanley Jones¹²²¹

Japan's position was that "... the 'Chinese Incident' is indeed a civil war in which the Japanese intervened to restore order and protect foreign interests... and Britain was asked not to interfere in this process... However, Japan, by any possible means that could to save face, would like to end this war... even though she had every opportunity to move on. From a strategic and economic point of view, she got everything she hoped for: control of the coast, large areas for exploitation and migration, etc. ...

At present, in the minds of Japanese statesmen and under pressure from the British government, the most practical solution is to divide China into two or more states. Japanese military advances in the interior of China indicate the possible strengthening and fortification of certain borders between the occupied regions and those areas that are now inconvenient to conquer. Britain is expected to help in this precious plan... Unofficially, if the official format is not suitable for this, China will be advised to accept "for now" the loss of the coast and other provinces. The hint will be given that British financial and economic assistance will be renewed and even greatly expanded if hostilities are stopped and such assistance applied to the establishment of an independent and peaceful state in the South West. Thus, Chamberlain will be able to claim that he has not changed his policy towards China. Areas conquered by Japan will not be stylized in the Chinese manner. And the Japanese will still have hope for the collapse of the Chiang Kai-shek regime and the general resistance to its offensive ...

Chamberlain and his defenders in or out of Malaya can argue until they're blue in the face that British policy is not changing. But every Chinese in this country, every Japanese and ... practically every Briton knows that it is changing, that the preliminary agreement already announced in Tokyo is tantamount to a de facto recognition of the Japanese conquest and an obligation to help the Japanese overcome their difficulties in the occupied territories.

Moreover, there is a general suspicion ... that the Federation of British Industry, at the suggestion of Chamberlain, behind the smoke screen of the Tokyo negotiations, is conducting business deals with the Japanese imperialists ... "

¹²²¹ *Stanley Jones C.H.* Appeasement is not yet completed // Sunday Tribune (Singapore). 1939. Jul 30. P. 12.

E. T. Huang¹²²²

... Wang Jingwei 's sincerity in his desire to organize peace negotiations was not in doubt, but the position of the Chinese leadership and its people made the acceptance of these proposals impossible. Wang's peace proposals did not fit into Chinese psychology, but, paradoxically, this did not prove that he had become a traitor. Neither the central government nor the recent Fifth Plenary Session of the Kuomintang Executive Committee took any further action against him other than public condemnation from individual politicians, including Chiang Kai-shek. The situation itself is seen as a \$200,000 Japanese bribe, accompanied by an official passport that allowed him to travel abroad under diplomatic protection. However, a number of experts pointed out that prior to the incident, there was no sign of Wang Jingwei's desire to leave the country, and despite being approached many times by Japanese agents in Hanoi, he definitely refused to join any of the Japanese-created regimes in Canton, Nanjing, or Beijing. . There were even rumors that in the near future he intended to return to active political life in Chongqing .

As far as Marshal Chiang Kai-shek is concerned, it was his avowed policy that the people should be consulted before taking any vital steps. After the incident on the Marco Polo Bridge, all positions of public opinion were presented at the Lushan conference , and it was this consolidated position that pushed him to start hostilities and declare war. Therefore, it was obvious that no matter how benevolent Chiang Kai-shek was in his soul towards Wang Jingwei 's peace proposals , he could not accept them in view of the position expressed by the Chinese people.

As for the Soviet intervention, analysts doubted the possibility of an invasion of China by the Soviets, but admitted the possibility of declaring war on Japan. This was possible if the communist movement took on a more extensive character, as was the case in Italy, which openly supported the Franco regime in Spain, without being involved in the conflict itself. And that assistance provided by the Soviet government to China was caused more by a desire to interfere with Japan, which the USSR considered an eternal enemy since the Russo-Japanese War, than by a desire to help the administration of Chiang Kai-shek. In other words, China and Russia at that time were united only by hatred for a common enemy. Under such a situation, if China wanted to receive more help from Soviet Russia, it would have to change its national policy and promote closer relations with the communists. Thus, the conclusion of a non-aggression pact with the USSR, the unification of the Chinese Communist Party and the Kuomintang into an anti-Japanese

¹²²² *Huang E.T.* Powers Checked Red Influence in China // *Malaya Tribune*. 1939 Mar. 21. P. 10.

bloc, and the inclusion of Chinese red leaders in the government turned out to be very timely. According to experts, all this indicated that China was throwing itself into the arms of Soviet Russia.

The loans provided by Great Britain and the United States, which could serve as a pretext for weakening the influence of the communists, also turned out to be timely. This was confirmed by an article that appeared the day before in the *Frankfurter Allgemeine Zeitung* " by the Swiss journalist Lili Abegg , who at that time was in Chongqing . She wrote that the influence of the Communist Party in China has been declining since the granting of loans to China by Britain and the United States. All foreign observers agreed that the incited negative attitude towards the Chinese Communist Party was the result of the economic assistance provided by the Western powers at that time to the government of Chiang Kai-shek, although this position was not so unambiguous.

Yvon Delbos¹²²³

Such methods are common for totalitarian states, "...when they succeed, it encourages them to continue their policy. The appetite for conquest is first masked by some idealistic motive, such as an anti-communist campaign or racial arguments that justify the vital needs of the people, and then by the belief that they get the right to take what they want. After that, they attack such countries in the hope of defeating them, dismembering them, or reducing them to a state of vassalage. The interests of other nations are not taken into account here ... Thus, Austria, Czechoslovakia, Spain and China were chosen as victims ... Italy offered to remain indefinitely in Spain or at least in Mallorca, while Japan, by no means cleanly Coincidentally, occupied Hainan ... "

At the same time, he called the capture of Hainan Island by the Japanese "... a manifestation of violence, definitely directed against France, Great Britain and the United States, creating a serious threat to their possessions and interests in the Far East. Located one way 185 mill from Haifeng and one 250 mill from Hanoi, the island of Hainan secures control of the Gulf of Tonkin in such a way that if it is still occupied by the Japanese, it will be very difficult for the Powers to defend Indochina. Japan will find a means either to occupy this colony or to put constant political pressure on France. Likewise, due to its position between Hong Kong and Singapore, Hainan could cut off British ties to the Far East. This is true of both France and the United States, whose Pacific possessions are also under threat. Thus, the three great democracies were simultaneously threatened and challenged in a place that constitutes the intersection of their interests in this part of the world. If they do not jointly respond to this common threat, they will demonstrate a weakness that can have serious consequences.

France can refer to the Franco-Chinese agreements of 1897, the Franco-Japanese agreements of 1907 and all three states to the Nine Power Treaty guaranteeing the integrity of China.... Immediately after the occupation, Japan took care to inform the world that Germany and Italy, who had said nothing on the subject, had been notified of the occupation, while the states directly concerned had received no notification...

The failure of the Brussels Conference held in October 1937 on the subject of the Nine-Power Treaty is the lack of sufficient solidarity among the three great democracies. This conference failed due to Italian filibuster and lack of cohesion. The great powers could and should

¹²²³ *Delbos Y. Japan's seizure of Hainan & its lesson to the powers // The Straits Times. 1939 Mar. 9. P. 17.*

at least agree to joint action. This was necessary for the French government and other participants in the process. Efforts in this direction failed, and Japan, without facing any major obstacle, was thus motivated in its perseverance in achieving its goals. Without concerted action, the success of which was beyond doubt, the only thing left for the powers concerned was to take piecemeal measures with a much less chance of success to protect their own interests. The main point for France was to secure a friendly agreement forbidding Japan from occupying Hainan . She succeeded in this for some time. However, in challenging France, Japan reminds us that she has certain means of pressure at her disposal and that if nothing is done for her, she will do nothing for us.

The French government was the first to demand clarification from Tokyo, followed by similar demands from the British and American governments. But these attempts did not give much effect. Japan will remain in Hainan and declares that this occupation is of a military and temporary nature... The disinterested attitude of the Japanese towards Hainan is almost the same as that of the Italians towards Mallorca. Both sides contradict each other. They say what the parties want to hear in order to achieve temporary appeasement... Such tactics have been successful so far, because the aggressors are much more united than their victims. They knew what they were doing, fighting and mocking the concept of a single world order. They advocated a system of local agreements and conflicts, that is, localized for their opponents, and not for themselves in the matter of achieving the goal of dominating the world. By signing the anti-communist pact and referring to the general need for vital expansion, they usurped the right to interfere everywhere. And they have monopolized the right to do so under the pretext of local conflicts. In their opinion, the aggression against China did not concern anyone else and in this it resembled the aggression against Austria, Czechoslovakia and the Spanish Republic. When Italy claims Djibouti and Tunisia, this does not apply to Great Britain; when she dreams of expelling the British from Gibraltar, this does not apply to France. But, on the other hand, it is quite logical that Germany, Italy and Japan should help each other in their conquests, and their aggression should be coupled in time and space in order to paralyze any resistance.

Nothing is more significant in this respect than the parallel occupation of Mallorca and Hainan . If this tactic were to develop unhindered, the world would turn into a vast hunting ground reserved for totalitarian states. From now on, it is absolutely clear for the Far East that the aggressors intend to divide among themselves spheres of interest, if not territories, and thus eliminate France, Great Britain, the USA and Holland from the region. The results of the Hainan Act will show whether this can be done or not. But we are not only interested in Hainan and the Far East; what is at stake is the security and peace of the world, the protection of which is entrusted to the great democratic powers. Totalitarian states are accustomed to challenging them and

mocking their efforts. If the democratic states do not react, if they passively put up with these encroachments and outrages, this will be interpreted as evidence not of balance, but of cowardice. No one can doubt the desire for peace. But they must also mobilize their resistance and consolidation capabilities. The great powers are stronger due to their financial and economic superiority and vast raw material resources; morally, their ideal is that of the majority of mankind, whose disgust at the methods of the aggressors awaits organized resistance. Democracies are making great efforts to arm themselves against the aggressors. But none of them could stand alone against the Rome-Berlin-Tokyo axis. Therefore, they must unite for the purposes of their common defense and for the defense of civilization.

Fortunately, the Powers seem to be becoming more and more aware of this fact. A very clear expression of this need was the declaration of full solidarity made by the Governments of France and Great Britain. The Italian Government, which seems to have questioned this cohesion and acted accordingly while Mr. Chamberlain remained silent, can no longer be ignorant of the matter. The far-sighted and courageous attitude shown by Roosevelt is also a timely warning of the situation. This is a warning, his rearmament measures, the precautionary measures taken in the Pacific area, the supply of weapons to Great Britain and France are guarantees of the need to preserve peace. But this does not mean that something resembling a totalitarian axis has been created between Paris, London and New York. Nevertheless, this solidarity of the three democracies can and must direct its forces where necessary. This is how things stand in the Far East, since the aggression against China and the occupation of Hainan constitute a threat to the common interests of the Powers and Holland, which still have to be reckoned with. Therefore, there is every reason to hope that this solidarity will come into force, especially since the risks of the initiative are certainly less than those inherent in a passive attitude or in non-conflict actions. There has never been a concerted action more necessary and more clearly defined. But at what point will the powers agree to unite if they cannot succeed when their joint obligations and interests diverge?

Yoosuke Matsuoka¹²²⁴

Japan announced to the world that "...deplores the actions that Western countries are taking towards China, because they interfere with the development of friendship between China and Japan and the maintenance of law and order in the Far East. Of particular concern are the actions of the League of Nations, which is trying to provide financial assistance to China in order to reunite it. Japan has major interests in China and is more interested in its reconstruction than any other country. Any internal problems in China affect the situation in Japan, so the drop in sales and military preparations in China led to an immediate Japanese reaction. Western countries, considering the problems of China's recovery, ignore the interests of Japan. China is the closest and most important neighbor. However, this is not taken into account, moreover, the representative of the League, Ludwik Reichsman, instead of his direct duties as an expert, took the side of China, providing him with advice.

Just like some Americans, including top US officials, encouraged Chinese resistance and the formation of a clear Chinese prejudice on this issue. The sale of US military aircraft, the training of Chinese aviators by US military officers is one of the latest actions taken by the Americans to help China along the way. Americans may not realize how much activity comes from the US authorities to encourage the Chinese in this position. This list includes US diplomatic representatives, shipbuilders, armaments businessmen, and missionaries. So the late Paul Samuel Rensch, as US Secretary of State for China, urged the Chinese government to mobilize the army against Japan as early as 1915. The president of an American shipbuilding company proposed the construction of a naval base for China in Fujian province to manufacture warships, apparently designed against Japan. American businessmen saw the expansion of trade with China as an opportunity to counter the Japanese presence. A mass of missionaries participated in organizing anti-Japanese rallies in Chinese cities, after which they sent relevant reports to their government.

Recognition by Western countries of the Japanese position, interests, rights and responsibilities in the Far East, friendly cooperation with Japan in relation to China would be welcomed in Japan positively, but even after Japan established itself in the status of a world power and was recognized as such, Western countries continued to ignore this fact, while supporting China and indulging its requests ...

¹²²⁴ Matsuoka Says Japan Opposes White Peril // The Singapore Free Press and Mercantile Advertiser. 1934. Jun 16. P. 4.

If Japan is seen as an opponent of Western interests in China, it is only because it has to prove its own interests in China, which the country has long tried to get recognized by standard diplomatic means. And regardless of whether the Japanese position is recognized or not, it exists and is dictated by the fact of the country's geographical position in the region, which has been repeatedly stated. Japan is aware of its sole responsibility for the peace and well-being of its people. The basis of this peace and the well-being of peoples is the harmony and friendship between the two great nations in this part of the world, between China and Japan. This agreement and friendship must be developed further, despite the actions of the West, including the Americans, who are trying to prevent this.

If Europeans and Americans would view the case in reverse, those who are fair and open to the world would begin to understand Japan's position. If, for example, Japan ignored the interests of the European states and cooperated with Soviet Russia, made efforts to become big and formidable, the European states would object and would have every right to do so. If the League of Nations, ignoring the US, pursued its policy in Mexico, the Americans would object, although Mexico is a comparatively small country near the US, while China is seven times the population of Japan.

At present, China, despite its gigantic military forces, is not a threat to Japan, but it has been a threat in the past and may be in the future, and the Japanese cannot forget the past or ignore the future as easily as states far removed from Japan. China or Asia, located overseas. The accusation that Japan wants to take control of China is false, but the West has propagated this idea for so long and stubbornly that, finally, they themselves believed in it. If Japan really wanted this, it would have found many opportunities in the last 23 years of the Chinese civil war. Over the years, there have been many provocations in which Western countries have tried to take advantage of the situation. If Japan wanted to seize Manchuria, she would have easily done it 2 years ago and would not have created an independent state there. But such statements seem meaningless, as Western countries dismiss the obvious facts in the Far East. That is why Japan is compelled from time to time to ignore their position as well. The problems of East Asia are of Western origin. The report submitted to the League of Nations is too long and very unfortunate, especially unfortunate for China.

It was not Japan that provoked the aggression against China. For many decades, Japan tried to stop the aggression, including waging a life-and-death struggle against Russia, where the tsar attempted to conquer Chinese territory, and then Soviet Russia did the same. Outer Mongolia, bordering on Inner Mongolia and Manchuria, was included in the zone of influence of the Soviet Union and in 1925, in agreement with Sun Yat-sen, the Moscow government sent money, weapons, military teachers to train propagandists in China to prepare the country for revolution.

Russia has been the most advanced and most stable European country in the conquest of Asia in the last hundred years, it has expanded its territories far to the East. Under the king, conquests were carried out by intrigue and force of arms. Now this country uses more intrigue and propaganda, while using fewer weapons, due to the difficult financial situation of the Soviet government. The Russian government has expanded its area of influence into Asian territory, which is larger in area than all of North America. The Russians never directly controlled the Asian territories, where only their people remained. And from the point of view of Japan, it is very strange that in America and the League of Nations they did not pay attention to the annexation, did not protest against the bloody attempt to bring all of China under the influence of the Soviets seven years ago. The West vigorously protested against Japanese actions in Manchuria, ignoring the nature of Japan's vital interests, both economic and strategic.

The actions of the League of Nations and the American government are not of a friendly diplomatic nature, and Japan will deal with them only on the condition of such courtesy, and the aims were declared to be peaceful. Such is the nature of intimidation, which is accompanied by the rumble of sabers. The people of the League of Nations are suggesting the use of economic and financial pressure on Japan as a means of struggle, while concentrating the American navy in Hawaii. Therefore, the Japanese government and people cannot continue normal relations under such circumstances.

The Western countries' methods of dealing with China in recent years have had a partisan character. Without protest, Germany had the right to take Chinese territory, establish its naval base in Qingdao, and arrange a concession in Shandong (as it did in 1898), but when Japan ousted the Germans from this province during the World War, the American government accused Japan of violation of German law.

France had the right to seize a large territory in Indochina and expand its sphere of influence into Yunnan province in China itself, without being subjected to any criticism from Europe or America. But when Japan objected to French claims to two sparsely populated islands off the Chinese coast, American and European newspapers accused Japan of planning to establish an air base on those islands, stating that this was evidence of Japanese aggressive intentions.

England had the right to Hong Kong and concessions in the Yangtze valley, but when Japan builds a railway and acquires other concessions of lesser importance, she is accused of dangerous projects.

The US has been given rights for Christian missionaries to own land in any province of China, but if Japan asks for similar rights for Buddhists, then what should be expected of Christians?

America has the right to acquire the Philippine Islands, an Asian territory located 6,000 miles from its shores. But when Japan takes control of Korea, a country smaller than the Philippines and only 100 miles from its coast, that action is frowned upon.

In line with Western views, it seems that Europe and America act in Asia in accordance with natural duty and the vision of human progress, while Japan, in turn, is subject to the nature of selfish interests. But in fact, the Japanese, being Asians, are much more capable of contacting other Asians to achieve common interests than Americans and Europeans. For example, in bringing order to the chaos in Korea, the Japanese killed far fewer people than the Americans did while suppressing protest movements in the Philippines, even though “independence” was the key word for America's creation.

Americans are now interested in keeping the peace. But they are only interested in international peace and fail to understand that a civil war could be more destructive, as in the case of Russia and China. How many were killed during the Russian and Chinese revolutions? In the world war, 12 million people died, and in Russia, during the revolution and the subsequent massacre and famine, 20 million people died. In China, where the civil war had just begun, approximately 40 million people also died from massacre and starvation. Americans do not seem thrilled by these terrible casualties, but the several thousand bandit Chinese military units that Japan destroyed in Manchuria, where bandits massacred industrious peasants, are causing active protest among the Americans.

Manchuria now has a government that is far more efficient than any other part of the rest of China. None of the military dictatorships of China listens to the people as much as the government of Manchukuo under the leadership of the legitimate ruler - Emperor Kang-Te. There can be no comparison between the order in Manchukuo and the terror that reigns even in those areas of China where the so-called national government rules.

The capital of Mantzhou-Guo is a prosperous city, while the Chinese capital is in disarray, where a Chinese banker or an important seller is simply not protected by any rights if he is not connected with the government: for example, independent Chinese bankers, sellers, correspondents, at the first unrest, tried to break into protected areas of French and international settlements in Shanghai, where American, British, French and Japanese warships are permanently stationed.

The fact that in the 34 years that Western forces are on the rise, including the US, which keeps troops on China's border and warships on China's rivers, speaks of serious disturbances occurring in China. The country's national government troops attacked consuls, missionaries, and businessmen in the capital in 1927, forcing American and British warships to bombard part of the city to allow the American consul, his family, and other foreigners to escape, in order to avoid any

other similar attack on the Americans. . European and Japanese warships are no longer stationed in China's capital today, while foreign troops still occupy the city of Beijing , the country's former capital.

Japan is often called a militaristic country by foreigners. The United States would be in the same position if it were a comparatively small country that borders two of the largest countries in the world: Russia and China. America spends more money than any other country on naval defense, even though it is invulnerable.

In Western society, there is an opinion that the Chinese are pacifists, but today there are more armed people in China than in all of Europe, with the possible exception of Russia. Their troops under the leadership of various ringleaders and bandit leaders are estimated at 3-5 million people. Even allowing for a lower figure, they outnumber the Japanese army by ten to one.

It is fortunate that these forces are not united, organized and equipped to fight foreign troops. They are used, except in rare cases, to fight between communist factions and many Chinese provincial governments. China as a whole is not as concerned about unity and progress as foreigners: the situation is determined by the vested interests of local rulers.

As a result of the civil war in China, a republic was proclaimed in 1911, but a significant number of people are in a hopeless situation. Tens of millions of people are forced to either starve or survive under the leadership of one of the military leaders. And the revolt of citizens against these leaders is simply impossible. Unarmed, hungry men cannot stand against real troops, as they did during the French Revolution; machine guns protect dictators, who will be safe as long as the army is ready to support them.

This explains why today, as before the independence of Manchuria, Chinese peasants flock to this country, often with the proceeds from selling their daughters into slavery or prostitution, and then send their sons to the cold North behind the Great Wall, where the Japanese troops that provide a quieter and more secure life under the government of Manchukuo.

Chinese who have received foreign education are representatives of their country abroad. It was they who , speaking in English, awakened American sympathy for China and suspicion of Japan. They are the product of American missionaries and philanthropic benefaction, cooperating with their American teachers and misleading them about Chinese progress and Japan's projects. They are ashamed of the truth about their country and seek to cover it up by pretending that the backwardness of their people can be explained by Japanese interference. It's a lie.

We, the Japanese, strive to help China, and even if only in our own selfish interests, perhaps we have achieved more for the Chinese people, then our efforts are not antithetical to those of the West. China can be peaceful and properly organized today, and if our efforts were not opposed, not only the Chinese people, but also Western countries would benefit.

Manchuria serves as an example, it was Japan that kept troops and warships here in the last 15 years. Foreigners are always protected by Japanese troops when the need arises. Western trade in Manchukuo is conducted in an organized way and is constantly increasing. Since Zhang 's exile Xueliang and his army reduced the traffic of American and European traders in Manchuria.

In 1933, Manchukuo bought four times more goods from the US than America bought from Manchukuo, despite warnings often voiced by Chinese officials that Japan might close the border to American goods in the region.

The young Chinese who were educated in American colleges by American missionaries probably represent modern China in a different way, but they do not make up even 0.1% of all China. They have taken this position because they have the ability to use this mean English, which is an important factor in international affairs, but they have very little influence on the provincial governments and military commanders. And illiterate soldiers often start their careers as criminals.

There are three conditions prevailing in China which would destroy the unity and order of the United American States if they existed there. The first is illiteracy: if 90% of the American people could not read and write, then it would be very difficult to govern the country. The second is poverty: if most Americans were constantly living on the brink of starvation, unrest and dictatorships would probably be widespread. Third, the lack of communications: the United States has 250,000 miles of railroads and good roads for motor vehicles, while China, although its population is three times that of the US, has only 1/15 of the volume of American communications.

There is no famine in Japan, and the number of illiterates is less than in the United States. Japan and China are at different stages of development. These are two completely different peoples, one of which is capable of self-organization, while the other, as time shows, is not. One is patriotic: in the Western sense of the word, the other is absolutely not inclined to make a sacrifice for his country. If American, European and Japanese foreign troops were not present there, would it be possible for the Chinese to hold on to power? Is there a need for them to stay there? The Japanese are united, and the Chinese make up many nationalities, almost as many peoples live in Europe and speak different languages, as many Chinese dialects and nationalities are united in China.

If the Chinese had the same characteristics and characteristics as the Japanese, they would have changed their country just as the Japanese changed theirs when aggression came from the West. The Japanese population was less than a tenth of China when Commander Perry stood at our door and demanded it be opened. But after 80 years, by making sacrifices and constantly working, we made our country a modern state, at the same time that China was deteriorating and disintegrating.

China needs help, the League of Nations is not ready to admit it. But as reported to the Assembly of the League a year ago, the methods the League has chosen will not work. These methods are effective in civilized Europe, but not in economically backward Asia. In the case of China, they are likely to serve the interests of one military ruler or the other of the rival factions.

The attempt to create a republic in China had disastrous consequences. Corruption and incompetence is what the old Manchu dynasty was, but it was understood by the Chinese people, while the Republic remained misunderstood.

The Americans have spent hundreds of millions of dollars supporting China, but the terms of that support are even worse than they were decades ago.

The Americans, referring to two dubious theses, argue that the Japanese are going to take control of China. They claim that the Japanese are going to close the door on American trade, which will transform Chinese power into a threatening military bloc - the yellow peril. But this is not the case, since the main task of Japan is to prevent the return of the white danger to the East.

To be precise, Japan is against any military reorganization in China. That is why the Japanese are concerned about Soviet activities, the actions of former American military officers and American air companies in China. The development of aeronautics in China is just beginning, but Japan would not like to see the huge scale of China's air power.

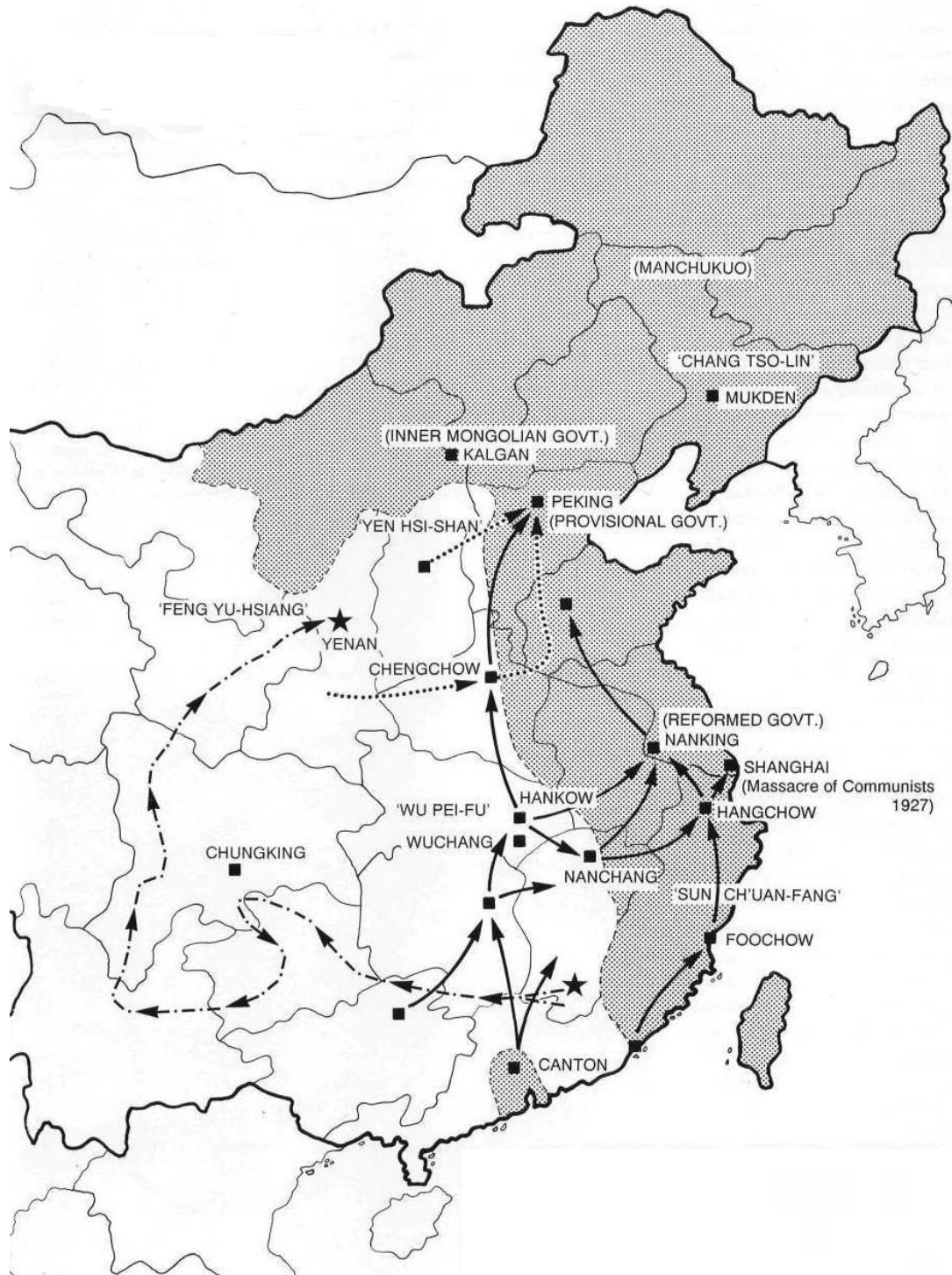
Regarding the "open door" policy, the question must be asked: is this door closed to American products? Japan is the largest consumer of American goods in the Pacific, ranking second in consumption of American goods, second only to the British Empire. Nevertheless, America constantly focuses on China's purchasing power. But if all factors are taken into account, including the cost of protecting American merchants in China with naval and military power, then America would not have made a single dollar from trade with China since 1900. Some American businessmen and private companies have received income from trade, but they went into the pockets of the rich and have nothing to do with American citizens.

The USA and Japan are progressive countries, respectively, their ability to buy from each other is comparable. We compete on some products, but mutual trade far outweighs any competitive differences. There is an opinion that eventually the industrial countries will go to war with each other and the reason will be international trade, then one can ask the question: for what minimum volume of trade will the US and Britain go to war between themselves? The same question can be asked about the US and Japan.

Japan is not trying to make a toy out of Manchuria. Japan has declared war on lawlessness and disorder, law and order must be maintained in the Far East. According to this statement, Japan intends to act only within the limits of the law, but to use appropriate means to achieve lawful goals.

The US has taken a position towards China that it would not take towards European countries, although Europe is much closer than China. The American government did not submit to the Senate and ratify an agreement that would ensure the maintenance of the independence and integrity of any European country, but that is exactly what was done in relation to China. We also signed the agreement, because we have more significant interests in the East Asian wealth world, we believe that we, at a minimum, have an equal right to this.

We have never allowed ourselves to get involved in political or military matters in Europe and America. But the Western countries do not refrain from intervening in matters concerning the Far East. China took advantage of this interest. But we have taken a clear position, the correctness of which we are sure.

Map of Japanese-controlled territories, 1938¹²²⁵.

¹²²⁵ Philip Jowett, Stephen Andrew. *Chinese Civil War Armies 1911–49 / Chinese Warlord*. Osprey Publishing, 1997. P. 9.